

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

ОКТАБРЬ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Императрица Александра Феодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ.	5—60	снано. Гл. XV. Пер. В. В. Тихошукъ.	209—225
II. Императоръ Николай I въ 1830—1831 гг. (Изъ зап. графа А. X. Бенкендорфа). Сообщ. Н. К. Шильдеръ	65—96	XII. Изъ бумагъ В. Г. Теплякова А. Ф. Шидловскаго.	227—236
III. Аленскій Петровичъ Ермоловъ (Материалы для біографіи, его рассказы и переписка).	97—120	XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Всеподданнѣйшее письмо князя Н. Репнина о сложеніи педонмокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ (стр. 61).—По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 году. Сообщ. Д. И. Студеникинъ. (130) — Письмо С. С. Уварова — М. М. Сперанскому. Сообщ. акад. А. Ф. Вычковъ. (158). — Страницка изъ академической жизни 1750 г. Сообщ. академ. К. С. Веселовскій (170) — Театральныя впечатлѣнія В. И. Аскоченскаго, самимъ имъ описанныя (192).— Указъ Сенату о послѣдованіи имущества послѣ О. П. Козодавлева. (208) — Императоръ Николай на Кавказѣ въ 1837 г. (226).	
IV. Нерчинскій заговоръ о побѣгѣ на Амуръ и на острова Восточнаго Океана. Н. Оглоблина.	121—129	XIV. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи	237—240
V. Павелъ Александровичъ Гвоздевъ и его стихотворенія.	131—134	XV. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).	
VI. Д. П. Руничъ и поэтъ Байронъ.	135—138		
VII. Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Оконч.	139—157		
VIII. Лазарь Карно въ Варшавѣ въ 1816 г. Г. А. Воробьева.	159—169		
IX. Я. И. Гротъ и П. А. Плетневъ. (Изъ переписка) В. Дачинова.	171—191		
X. Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна. 1794—1796 гг. Оконч. Барона Н. В. Дризена.	193—207		
XI. Записки Михаила Чайков-			

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Императрицы Александры Феодоровны на 39 году жизни.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

*Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Нодьячская, 39.

1896.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1896 г.

Библиографическій листокъ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Томъ девяносто пятый, С.-Петербургъ, 1895 г. Изданы подъ редакцію Г. Ѳ. Карнова и Г. Ѳ. Штендмана.

Разсматриваемый нами томъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ служитъ продолженіемъ изданія „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ державами иностранныхъ“. Въ общемъ онъ содержитъ въ себѣ дипломатическія сношенія древней Россіи съ Нагайскою и Крымскою ордами и съ Турціею за время правленія великаго князя Василія III и обнимаетъ собою время съ 13-го апрѣля 1508 по 2-е августа 1521 года.

Что касается цѣли сношеній съ ордами, то главная цѣль со стороны Василія Іоанновича состояла въ томъ, чтобы добиться заключенія союза противъ литовскаго великаго князя¹⁾, а со стороны крымскаго царя — чтобы освободить изъ московскаго плѣна крымскаго царевича Абдыль-Легипфа²⁾ и получить помощь противъ Астраханскаго царства.

Великій князь Василій III въ 1508 году апрѣля 13-го посылаетъ посольство съ княземъ Темиремъ къ нагайскимъ мурзамъ о возобновленіи вѣчныхъ сношеній и союза противъ общаго непріятеля, литовскаго великаго князя: „послалъ князь великій въ Нагаи князя Темира Якшенина къ Асану князю и къ инымъ княземъ и мурзамъ зъ грамотами для литовскаго дѣла; а грамоты съ нимъ посланы отворчатые зъ большими печатми. А что къ нимъ князь великій въ грамотахъ своихъ писалъ, то къ нимъ съ Темиремъ и словомъ приказывалъ. А писаны грамоты по-татарски“.

Грамоты къ князьямъ и мурзамъ нагайскимъ почти всѣ одного содержанія³⁾, съ нѣкоторыми лишь вариациями. Въ грамотѣ князю Асану, между прочимъ, читаемъ: „И Божья воля съ сталася, отца нашего великаго князя Ивана въ животъ не стало; а на коихъ государствѣхъ былъ отецъ нашъ государемъ, а Божьею волею на тѣхъ государствѣхъ нынѣ мы государемъ“⁴⁾. И далѣе: „Литовской (т. е. великій князь Сигизмундъ I) зятя вашего Шигъ-Ахмета царя поималъ, а хочеть его убити; а намъ Литовской недругомъ са учинилъ; ино Литовской какъ нынѣ вамъ недругъ, такъ и мнѣ недругъ, и вы бы со мною были на своего и на моего

недруга на Литовского и на всякого моего недруга заодно; а нынѣ бы есте пошли на своего и на моего недруга на Литовскую землю и недругу бы есте ему свою чинили, какъ вамъ Богъ пособитъ“.

Въ наказѣ князю Темирю Василій Іоанновичъ даетъ слѣдующую инструкцію: „и Темирю отъ великаго князя Асану князю и мурзамъ поклонъ правити, а молити: Князь великій Василій Іоанновичъ всеа Русіи велѣлъ тебѣ поклонигися. Да грамоту подати, да и поминокъ подати“... „И Темирю молити: только вы учините государю нашему передо мною правду на томъ, что вамъ со государемъ съ нашимъ съ великимъ княземъ быти въ правдѣ и въ дружбѣ, и на своего и на его недруга Литовского быти вамъ съ нимъ заодно; и лъ вамъ дамъ правду на томъ, что государь нашъ вамъ даетъ правду на томъ, что съ вами въ правдѣ и въ дружбѣ будетъ, а на вашего и на своего недруга на Литовского съ вами будетъ заодно“.

Нагайскіе князья и мурзы, съ своей стороны, подъ различными предлогами, посылаютъ своихъ посланцевъ къ великому князю: съ предложеніемъ услугъ, союза противъ короля и крымскаго юрта и съ разными просьбами. Такъ, 9-го мая, пріѣхалъ Иванъ-ча Москвитинъ, а съ нимъ „пріѣхалъ къ великому князю изъ Нагай отъ Янъ-Магмета мурзы человекъ его Исень-Бахтъ зъ грамотою“⁵⁾. Вотъ эта грамота: „Изъ даліе земли ближнею мыслью отъ Янъ-Магмета мурзы Василію князю много поклонъ. Послѣ поклона вѣдомо бы было: напередъ того съ отцомъ и зъ дядею да такъ и взимокъ бывалъ, и мы потомужъ Исень-Бахтъя паробка своего послали есмь, какъ гораздо посмотрятъ сами вѣдають, они бы тамо поздорову были, а мы бы здѣ поздорову были, а добра бы много было, дай Боже такъ“.

Объ окончаніи этого посольства сказано: „А отпустилъ князь великій того Янъ-Магметева человекъ Исень-Бахтъя вмѣстѣ съ асторванскими посла, а толмача съ ними послалъ одного до Новгорода до Нижнего, кормъ имъ давати, Дениска Максимова: а пропуская грамота по городомъ и въ Казань ко царю писаны во ординскихъ тетрахъ“.

Для ознакомленія читателей съ крымскими дѣлами, мы остановимся на посольствѣ отъ царя Менгли-Гирея къ великому князю Василію Іоанновичу съ княземъ Магмедшею съ товарищами. Говоря текстуально, — встрѣчали ихъ (Магмедшу съ товарищами) отъ великаго князя околничей Костянтинъ Григорьевъ Заболотчикъ да съ нимъ дѣакъ Лука Семеновъ у благовѣщенскіе паперти на лѣвтиницѣ на нижней, что сходять на площадь“⁶⁾. Послѣ приѣма пословъ и полученія грамоты, великій князь „Магмедшу князя и всѣхъ пословъ звалъ къ себѣ, да руку на нихъ клалъ, да и о здоровіи ихъ самихъ спросилъ и ѣсти ихъ звалъ. И того дни и ѣли у великаго князя“.

¹⁾ Сигизмундъ (Жигимондъ) I Казиміровичъ, король польскій и великій князь литовскій, недругъ московскаго великаго князя; въ большинствѣ случаевъ называется просто „литовскій“ или „литовской“.

²⁾ Пасынокъ крымскаго царя Менгли-Гирея, сынъ царицы Нуръ-салтанъ.

³⁾ „А къ Агиму мурзѣ, Емгурчеву сыну, послана съ Темиремъ такова жъ грамота, слово въ слово, какъ и къ Алатъ-мирзѣ“.

Императрица Александра Федоровна

на 39-мъ году жизни.

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1896.

ОКТАВРЬ.—НОЯВРЬ.—ДЕКАВРЬ.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

DK

1

,R 89

v. 55

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1896.

558

2 12 16

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1897 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный историческій журналъ **«РУССКАЯ СТАРИНА»**, вступая въ 1897 году въ двадцать восьмой годъ своего существованія, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русскіе историческіе матеріалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли. Независимо отъ строгой разработки чисто историческаго матеріала, на страницахъ **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** читатели найдутъ, личные записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ и современной имъ эпохи.—Для того же, чтобы читатели **«РУССКОЙ СТАРИНЫ»** имѣли возможность слѣдить за вновь выходящими историческими сочиненіями и статьями помѣщаемыми въ періодическихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ особый библиографическій указатель.

Программа изданія остается прежняя и будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Семейныя хроники; 3) Записки и воспоминанія; 4) Очерки и рассказы; 5) Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 6) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 7) Переписка замѣчательныхъ лицъ, автобіографіи, замѣтки и дневники; 8) Историческіе рассказы и преданія; 9) Челобитныя и разные документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 10) Мемуары и рассказы иностранцы, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 11) Народная словесность; 12) Архивные документы; 14) Родословія.

Редакція не считаетъ нужнымъ перечислять статьи находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благоклонномъ участіи которыхъ успѣхъ нашего изданія можно считать вполне обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Н. Дубровинъ.

*

Лица, не бывшія подписчиками въ 1895 и 1896 гг., если пожелаютъ получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которыя были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «РУССКУЮ СТАРИНУ» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1897 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

БАРОНЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРФЪ

ВЪ ПИСЬМАХЪ КЪ НЕМУ РАЗНЫХЪ ЛИЦЪ.

М. Л. Песковскаго.

Цѣна 1 рубль безъ пересылки.

Подписчики на «Русскую Старину» за пересылку ничего не платятъ.

== Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ. ==

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ТЕОДОРОВНА ВЪ СВОИХЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ.

Императрица Александра Теодоровна родилась 1-го іюля 1798 г. и скончалась 19 октября 1860 г., на 62-мъ году отъ роду. Вскорѣ послѣ ея кончины и именно въ 1861 году была издана брошюра подъ заглавіемъ „A la mémoire de l'impératrice Alexandra Féodorovna“, посвященная памяти въ Богѣ почившей государыни. Деньги, вырученныя отъ продажи этой книги, предназначались на содержаніе православной церкви въ Ниццѣ, сооруженной на пожертвованіе русскихъ, проживавшихъ въ этомъ городѣ, причемъ весь иконостасъ былъ пожертвованъ императрицею Александрою Теодоровною, проведшею въ Ниццѣ всю зиму 1857 года. Считаемо умістнымъ привести выдержки изъ вышеназванной брошюры, мало извѣстной русскимъ читателямъ, и затѣмъ помѣстить на страницахъ журнала воспоминавія императрицы, къ сожалѣнію оканчивающіяся 1820-мъ годомъ. Р е д.

Нія императрицы Александры Теодоровны тѣсно связано съ именемъ ея августѣйшаго супруга, императора Николая I, съ которымъ ее соединяла до конца жизни самая искренняя, самая горячая привязанность, которому она была утѣшеніемъ и поддержкою во всѣхъ трудныхъ минутахъ его жизни.

Юная принцесса Шарлотта прусская, будущая императрица Россіи, съ раннихъ лѣтъ выказывала замѣчательную отзывчивость къ горю и страданіямъ близкихъ, свидѣтельствовавшую о добротѣ и нѣжности ея любящаго сердца. Глубокое впечатлѣніе произвела на нее въ молодости скорбь ея матери, королевы прусской Луизы,

одной изъ самыхъ достопамятныхъ женщинъ, скорбь, вызванная политическими событіями 1805—1809 годовъ, разбившими сердце королевы и сведшими ее преждевременно въ могилу. Въ эту эпоху, королева Луиза, читая однажды письмо своей дочери Шарлотты, писанное къ отцу въ Кенигсбергъ, была глубоко тронута чувствами, выраженными принцессой.

— Дорогое и благородное дитя! воскликнула она съ умиленіемъ, какъ нѣжно она любить насъ, какъ трогательно и съ какою искренностію она умѣетъ выразить свои чувства! Между тѣмъ она кажется иногда холодной и равнодушной, точно такъ какъ ея отецъ, который не можетъ изливать своихъ чувствъ словами, но у котораго въ груди бьется горячее сердце. Она на видъ равнодушна, но въ то же время полна любви и сочувствія! Это придаетъ ей видъ величія и сообщаетъ всей ея фигурѣ что-то внушающее. Ежели Господь сохранилъ ее, я предчувствую для нея блестящую будущность ¹⁾.

Эти слова оказались пророческими.

15-го декабря 1809 года королева Луиза совершила свой вѣздъ въ Берлинъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія; рядомъ съ нею, въ коляскѣ, сидѣла принцесса Шарлотта. Заслышавъ радостные клики народа, привѣтствовавшаго ея супруга, королева была потрясена ими до глубины души.

— Боже мой, какая божественная музыка! воскликнула она, обращаясь къ дочери;—для меня она такъ же полна гармоніи, какъ священные звуки органа: весь городъ кажется мнѣ сегодня обширнымъ храмомъ. Дорогая Шарлотта, слушай эти радостные крики и звонъ колоколовъ съ благоговѣніемъ; нѣтъ ничего священнѣе, нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и пріятнѣе для монарха, какъ радостные возгласы его народа, спѣващаго ему навстрѣчу. Тотъ, кто хочетъ заслужить это, долженъ отвѣчать любовью на любовь своего народа, долженъ имѣть сердце, способное раздѣлять его страданія и радости, главное—онъ долженъ быть съ людьми человѣкомъ; запомни это, дочь моя, и если тебѣ когда нибудь суждено носить корону, вспомни этотъ торжественный часъ ²⁾.

¹⁾ M u h l b a c h, Napoleon und Königin Louise, т. III, стр. 160.

²⁾ Тамъ же, т. IX, стр. 215—220.

Безъ сомнѣнiя, событiя этой памятной для Пруссiи эпохи оставили глубокий слѣдъ въ душѣ молодой принцессы, которая, вступивъ на русскiй престолъ, исполнила завѣтъ матери и относилась къ императорской семьѣ и къ русскому народу съ той же любовью, какую доблестная ея мать питала къ своей странѣ и къ своему народу. Трудно передать словами, чѣмъ была императрица Александра Феодоровна для своей царственной семьи, раздѣляя въ теченiе двадцати девяти лѣтъ радости и горе могущественнаго монарха, которому въ теченiе жизни довелось испытать не мало тревоженiй, пришлось быть на вершинѣ могущества и силы, испытать въ свое время и превратности судьбы. — Когда смерть сразила его во цвѣтѣ лѣтъ, императрица, горячо любившая своего супруга, готова была послѣдовать за нимъ въ могилу, но онъ завѣщалъ ей на смертномъ одрѣ «жить, чтобы служить утѣшенiемъ» для семьи.

Утѣшать и облегчать страданiя близкихъ—такое было дѣйствительно всю жизнь назначенiе императрицы Александры Феодоровны.

Россия и вся Европа знаютъ, съ какимъ обожанiемъ относился императоръ Николай Павловичъ къ своей августѣйшей супругѣ. Онъ любилъ праздновать день ея ангела. Однажды, въ день тезоименитства государыни, въ Петергофѣ, по выходѣ изъ церкви, императоръ сталъ во главѣ кавалергардскаго полка, шефомъ котораго была государыня. Какъ простой генераль онъ командовалъ полкомъ во время парада, отдавъ воинскiя почести своему шефу, — императрицѣ, — смотрѣвшей на войска съ одной изъ дворцовыхъ террасъ. Небо, въ началѣ дня безоблачное, покрылось между тѣмъ тучами; по окончанiи смотра, императоръ подошелъ къ террасѣ и подобно рыцарю, съ глубокимъ почтенiемъ, склонилъ голову предъ императрицею, развелъ руки и, поднявъ глаза къ небу, какъ бы желалъ этимъ сказать: «я сдѣлалъ все, что могъ, и не моя вина въ томъ, что ненастная погода омрачила праздникъ, начатый столь блистательно».

Императрица Александра Феодоровна, чуждая всякаго личнаго честолюбiя, далекая отъ желанiя властвовать, стремившаяся только дѣлать добро и пользоваться своимъ влiянiемъ для того, чтобы помогать ближнимъ, чтобы облегчать ихъ страданiя, поставила себѣ

задачею жизни благотворительность во всѣхъ ея видахъ, которая практиковалась ею съ утонченною деликатностью, служившею какъ бы отголоскомъ прекрасныхъ качествъ ея души.

Эти чувства отражались въ ея спокойномъ, ясномъ взглядѣ, который омрачался только при воспоминаніи объ огорченіяхъ, испытанныхъ ея матерью, и о томъ страхѣ и тревогѣ, которыя ей самой довелось испытать въ день восшествія на престолъ императора Николая Павловича.

Кротость и доброта, свойственныя императрицѣ, не исключали въ ея характерѣ твердости, которою она была одарена отъ природы. Она никогда не спѣшила отвѣтить на вопросъ, предложенный ей о какомъ нибудь важномъ предметѣ, памятуя всегда о томъ значеніи какое имѣютъ слова, сказанныя монархами; въ такихъ случаяхъ она сосредоточивалась на мгновение, чтобы обдумать вопросъ, и то, что могло казаться нерѣшительностью, было въ ней признакомъ рѣдкаго качества. Люди, не знавшіе императрицы близко, не имѣли понятія о твердости, которая скрывалась подъ этой кажущеюся нерѣшительностью; принявъ же извѣстное рѣшеніе, государыня болѣе не измѣняла его и дѣлала распоряженіе съ видомъ твердой рѣшимости, придававшимъ чертамъ ея лица и походкѣ характеръ величія и твердости. Она не любила повелѣвать, и не разъ говорила, что слова Befehl (приказаніе) и befehlen (приказывать) понятны ей только въ устахъ императора.

Неизмѣнная въ своихъ привязанностяхъ, императрица никогда не мѣнялась по отношенію къ людямъ, почему либо заслужившимъ ея благоволеніе, и, встрѣчаясь съ ними, находила всегда одно изъ тѣхъ удачныхъ, простыхъ словъ, шедшихъ прямо отъ сердца, которыя оставались надолго памяты, вызывая подчасъ у нихъ слезы умиленія.

Въ одинъ изъ своихъ послѣднихъ выѣздовъ изъ дворца, императрица отправилась взглянуть на памятникъ, поставленный императору Николаю I, въ виду Исаакіевскаго собора; оттуда она проѣхала къ графу Владиміру Феодоровичу Адлербергу, который пользовался въ свое время полнымъ довѣріемъ покойнаго императора. Бесѣда съ императрицей произвела на семидесятилѣтняго старца такое глубокое впечатлѣніе, что онъ говорилъ

впослѣдствіи одному изъ своихъ друзей, что «изъ всѣхъ наградъ, полученныхъ имъ за службу покойному императору, самой драгоценной для него наградой было посѣщеніе императрицы».

Какъ часто пользовалась государыня своимъ вліяніемъ, чтобы испросить у императора помилованія или облегченія участи тѣмъ молодымъ людямъ, которые были увлечены своими страстями на ложный путь и должны были платиться долгими годами заключенія за минуту увлеченія!

Врожденная доброта побуждала императрицу оказывать благодѣянія съ удивительною деликатностью и заботливостью о нравственномъ чувствѣ просящаго. Ничто не можетъ лучше характеризовать эту деликатную заботливость, какъ слова, сказанныя ею молодому чиновнику, на обязанности котораго лежало принимать прошенія бѣдныхъ, поступавшія въ ея канцелярію, и навѣщать ихъ.

Освѣдомившись о нравственныхъ качествахъ этого молодого человѣка, императрица призвала его къ себѣ, желая лично переговорить съ нимъ, съ участіемъ разспросила его о личныхъ его дѣлахъ и прибавила:

— На васъ возлагается трудная, подчасъ неблагодарная обязанность; не забывайте однако никогда, что вы имѣете дѣло съ несчастными, выслушивайте ихъ просьбы, памятуя объ ихъ нуждахъ. Я знаю, что эта задача будетъ иной разъ не легкая, но не забывайте, что вы дѣлаете при этомъ доброе дѣло и исполняете долгъ, достойный похвалы.

Узнавъ о пожарѣ, уничтожившемъ нѣсколько домовъ на Черной рѣчкѣ¹⁾, императрица послала немедленно довѣренное лицо для раздачи погорѣльцамъ щедрого пособія, приказавъ разузнать объ убыткахъ, понесенныхъ каждой семьей, и раздать имъ пособіе лично «не говоря—отъ кого оно прислано».

Во время пребыванія императрицы въ Ниццѣ, тамъ находился одинъ молодой русскій офицеръ Г..., котораго доктора послали для поправленія здоровья на югъ; онъ страдалъ болѣзнію легкихъ. Узнавъ о стѣсненныхъ его обстоятельствахъ, государыня поручила одному изъ своихъ приближенныхъ навѣстить его и вручить ему нѣкоторое

¹⁾ Пожаръ этотъ былъ, кажется, въ 1855 году. Р е д.

пособіе; нѣсколько дней спустя, она направилась, во время прогулки въ экипажѣ, къ виллѣ Ф., въ которой молодой офицеръ занималъ скромную комнату, и съ участіемъ разспрашивала его о ходѣ болѣзни, весною же доставила ему возможность отправиться въ Соденъ, гдѣ врачи совѣтывали ему провести лѣто. Прибывъ между тѣмъ въ Вильдбадь, императрица поручила одному изъ своихъ приближенныхъ побывать въ Соденѣ и освѣдомиться о здоровьи этого офицера. Получивъ отвѣтъ, что на его выздоровленіе нѣтъ никакой надежды, и желая доставить больному утѣшеніе свидѣться передъ смертью съ матерью, государыня не только уплатила за обратный проѣздъ его въ Россію, но распорядилась еще написать отъ ея имени русскому консулу въ Штеттинѣ, прося его оказать свое содѣйствіе молодому Г..., возвращавшемуся въ Петербургъ. Такимъ образомъ больной имѣлъ утѣшеніе умереть на рукахъ матери; это было осенью 1857 года.

Въ то же время, въ Ниццѣ жила одна молодая женщина, разбитая параличемъ, которую врачи послали туда изъ Тифлиса. Императрица оказала ей не только матеріальную помощь, но до мельчайшихъ подробностей разузнала о ея положеніи, о мебелировкѣ ея комнаты, гдѣ, «ей необходимо имѣть, — говорила она, — кушетку, на которой ей было бы удобно сидѣть при ея параличномъ состояніи», и послала ей такую кушетку, сказавъ: «теперь она можетъ удобнѣе отдохнуть». Когда молодая женщина стала собираться обратно въ Тифлисъ, то государыня написала намѣстнику Кавказа, прося его оказать во всемъ свое содѣйствіе больной.

Сознавая, что для страждущихъ нужна не одна матеріальная помощь, что для нихъ дорого и неоцѣнимо вниманіе и участіе къ ихъ положенію, императрица, живя въ Ниццѣ, часто посылала освѣдомляться отъ своего имени о здоровьи тѣхъ больныхъ, которые въ ея матеріальной помощи не нуждались, посылала имъ цвѣты и оказывала разные другіе знаки вниманія, оставивъ о себѣ неизгладимое воспоминаніе.

Память о ней въ этомъ прелестномъ побережьи Средиземнаго моря увѣковѣчена также сооруженіемъ превосходной православной церкви, которая своимъ бѣлымъ куполомъ, свербающимъ на этомъ далекомъ отъ Россіи берегу, навсегда будетъ напоминать импера-

трицу Александру Теодоровну, пожертвовавшую въ нее весь иконостась.

Оказывая много благодѣній, государыня всегда тщательно старалась скрыть, что эти благодѣнія дѣлаются ею; истина открывалась иногда только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ, на примѣръ, по смерти одного изъ ея секретарей, когда разсматривались его бумаги и счета, была обнаружена цѣлая переписка по поводу одной молодой гувернантки, на леченіе которой была употреблена государыней весьма значительная сумма денегъ. Чтобы дать понятіе о размѣрахъ ея благотворительности, достаточно будетъ сказать, что по смерти государыни, по бумагамъ ея оказалось, что ею тратилось ежегодно двѣ трети ея личныхъ суммъ на пенсіи, раздаваемые немущимъ и больнымъ, на содержаніе богадѣльни, учрежденной ею на Васильевскомъ островѣ, на случайныя пособія, оказанныя ею по случаю пожаровъ или иныхъ бѣдствій, и на разныя другія пособія и милостыни.

Мы уже говорили о томъ, что императрица никогда не забывала людей, пользовавшихся ея довѣріемъ и уваженіемъ. Возвращаясь изъ Ниццы въ Россію, въ іюль 1860 г., она осѣдомилась въ Берлинѣ о своихъ бывшихъ учителяхъ и профессорахъ. Всѣ они уже умерли, кромѣ одного, по фамиліи Гарнишъ, который былъ въ то время ректоромъ въ одномъ маленькомъ прусскомъ городкѣ. Ему было въ то время уже 80 лѣтъ; императрица пригласила его къ себѣ и долго бесѣдовала съ нимъ. Часъ спустя, она говорила одной изъ своихъ фрейлинъ:

— Я до сихъ поръ глубоко растрогана; я только что видѣлась съ однимъ изъ моихъ бывшихъ учителей. Онъ былъ тронутъ не мѣнѣе меня. Мы вспоминали то время, когда были оба молоды, и когда оба мечтали о свободѣ Германіи. Поруцаю вамъ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, напомнить мнѣ о моемъ старикѣ Гарнишѣ.

Императрица послала ему изъ Петербурга въ подарокъ прекрасный вызолоченный кубокъ, работы Сазикова, на которомъ было изображено два вида Кремля, при рескриптѣ, въ коемъ говорилось, что въ память радости, испытанной ею при свиданіи съ нимъ, она посылаетъ ему вещь, на которой изображены «два вида зданій той страны, которая сдѣлалась моимъ вторымъ отечествомъ». Отпуская

чиновника, которому было поручено передать этот рескриптъ по назначенію, государыня сказала ему: «Поспѣшите отправить его, ибо Гарнишъ такъ старъ, что можетъ умереть до его полученія». Однако старый Гарнишъ пережилъ свою бывшую ученицу.

Живя за границею для поправленія здоровья, императрица постоянно выражала сожалѣніе по поводу того, что многіе русскіе бывають вынуждены жить въ чужихъ странахъ для своего здоровья, и находила, что жить вдали отъ родины—большая жертва, которая ложится тяжелымъ бременемъ на страну. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, она отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ на просьбу своего августѣйшаго сына, который умолялъ ее подчиниться совѣтамъ врачей и поѣхать вторично за границу въ 1860 г.

Она объявила, что хочетъ ожидать въ кругу своихъ рѣшенія своей участи и провести послѣдніе дни жизни въ томъ дворцѣ, который напоминалъ ей столько лѣтъ счастья, откуда ей была видна «красивая Нева и золотой шпигъ Петропавловскаго собора, гдѣ покоились останки того, кого она любила и который далъ ей такъ много счастья». Императрица желала, чтобы память о ней сохранилась во дворцѣ какъ залогъ счастья для другихъ.

— Я желаю, писала она собственноручно за нѣсколько дней до своей кончины, чтобы мои комнаты въ Зимнемъ не стояли долгое время пустыя и чтобы черезъ годъ послѣ моей смерти онѣ были предназначены для кого либо изъ новобрачныхъ въ царской фамиліи, которые, поселившись въ нихъ, будутъ пользоваться, надѣюсь, тѣмъ же семейнымъ счастьемъ, какимъ пользовалась въ нихъ я.

Эти слова, начертанныя императрицей Александрой Феодоровной собственноручно, свидѣтельствуютъ какъ нельзя лучше о томъ, какою добротою, деликатностью и любовью было преисполнено ея сердце.

Перев. съ франц. В. В. Тимошукъ.

Воспоминанія императрицы Александры Теодоровны съ 1817 по 1820 г.

1817 годъ.

По приѣздѣ моемъ въ Россію, я была встрѣчена на границѣ свитою, состоявшею изъ престарѣлой княгини Волконской и дѣвицы Варвары Ушаковой, оберъ-мундшенка графа Захара Чернышева, гофмейстера г. Альбедилла, камергера князя Василя Долгорукова и камеръ-юнкера г. Соллогуба. Я не говорю о моихъ впечатлѣніяхъ, о грусти, испытанной мною, когда я покинула предѣлы моего перваго отечества, это входитъ въ область моего частнаго дневника, а настоящее должно представить собою нѣчто въ родѣ мемуаровъ. (Замѣтка: я выѣхала изъ Берлина 1 (13) іюня, а прибыла въ Павловскъ 19-го іюня).

Мой женихъ, великій князь Николай Павловичъ, встрѣтилъ меня у пограничнаго шлагбаума, съ обнаженной шпагой, во главѣ войска. Мое путешествіе совершалось медленно по невозможнымъ дорогамъ и при невыносимой жарѣ. Въ Чудлейгѣ (на Чудовской станціи) 17-го іюня, я много плакала при мысли, что мнѣ придется встрѣтиться съ вдовствующей государыней, рассказы о которой меня напугали. 18-го іюня, вечеромъ, въ Касковѣ, я очутилась въ объятіяхъ моей будущей

A mon arrivée en Russie, je fus reçue à la frontière, par une cour, composée: de la vieille princesse Wolkhonsky, de deux demoiselles d'honneur, la comtesse Catherine Schouwalow et M-elle Barbe Ouschakow, du comte Zakhar Czernyschew, grand échanton, de M-r Albeyll, mattre de la Cour, du prince Basile Dolgorouky, chambellan, et de M-r Sollohub, gentilhomme de la Chambre.—Je ne parle pas de mes impressions, de ma douleur de quitter la frontière de ma première patrie. Cela appartient à mon journal intime, et ceci doit représenter une espèce de Mémoires.

Mon promis, le Grand Duc Nicolas me reçut au Schlagbaum de la frontière, l'épée tirée, à la tête de soldats.

Mon voyage se fit lentement, par des chemins et des chaleurs insoutenables!—A Tschouldleigh, le 17 Juin, je pleurai beaucoup de l'idée de devoir faire la connaissance, le lendemain, de l'Impératrice Mère, dont on m'avait fait peur. Ce fut le 18 Juin, à Kaskowo, au soir, que je me trouvai pressée dans les bras de ma future belle-mère, qui me

свекрови, которая отнеслась ко мнѣ такъ нѣжно и ласково, что сразу завоевала мое сердце. Императоръ Александръ и Михайлъ (Павловичъ) также выѣхали мнѣ на встрѣчу. Императоръ привѣтствовалъ меня съ тѣмъ изяществомъ и въ тѣхъ сердечныхъ и изысканныхъ выраженіяхъ, которыя ему одному были свойственны. Я нашла вдовствующую государыню гораздо моложе, стройнѣе и лучше сохранившеюся, нежели привыкла видѣть женщинъ лѣтъ подлѣ 60. (Ей было въ то время 58 лѣтъ). На слѣдующій день я продолжала, съ невыразимымъ чувствомъ, путешествіе, и проѣхала черезъ Гатчину и вдоль ограды Царско-Сельскаго парка; меня сопровождалъ отрядъ лейбъ-казаковъ, что, прибавляю въ скобкахъ, доставляло мнѣ истинно дѣтское удовольствіе. Мы подѣхали къ Павловску, который на первыхъ же порахъ произвелъ на меня самое благоприятное впечатлѣніе, благодаря прекраснѣйшей погодѣ. Мой экипажъ остановился у собственнаго садика ея величества вдовствующей государыни, которая прижала меня къ своему сердцу. Императоръ Александръ поцѣловалъ меня; я узнала тетюшку Антуанету Виртембергскую и ея дочь Марію; тутъ вдругъ ласковый голосъ произнесъ, обращаясь ко мнѣ: «А для меня вы не имѣете и взгляда!» и вотъ я бросилась въ объятія къ императрицѣ Елисаветѣ, которая тронула меня своимъ радушиемъ и привѣтствіемъ, безъ всякихъ

reçut avec une tendresse si caressante, qu'elle gagna, dès les premiers instants, mon coeur. L'Empereur Aléxandre et Michel étaient venus, de même, à ma rencontre. L'Empereur me reçut avec cette grâce et ces paroles cordiales et choisies, qui n'appartiennent qu'à lui.

Je trouvai l'Impératrice Mère beaucoup plus jeune, plus svelte et mieux conservée, que je n'étais habituée de voir des femmes de près de 60 ans. (Elle avait alors 58 ans.)

Le lendemain, avec un sentiment inexprimable, je continuai mon voyage, en passant par Gatschina, en longeant le jardin de Zarskoé Selo, escortée par des Cosaques de la garde, ce qui par paranthèse me faisait un plaisir d'enfant.

Nous nous approchâmes de Pawlowsky, qui dès le premier abord, me fit une impression dès plus favorables, par le plus beau temps du monde. Ma voiture s'arrêta au coin du petit jardin privé de l'Impératrice Mère, qui me serra contre son coeur. L'Empereur Alexandre m'embrassa; je reconnus la tante Antoinette de Würtemberg (et) sa fille Marie, lorsqu'une douce voix me dit: «N'avez-Vous donc point un regard pour moi?» — et je me jettai au cou de l'Impératrice Elisabeth, qui me toucha par sa bienveillante réception, sans exagérations, sans ostentation de grands sentiments. Toute la cour était placée, je crois, dans ce petit jardin, mais

преувеличеній, безъ всякихъ показныхъ излишнихъ чувствъ. Весь Дворъ былъ, кажется, собранъ въ садикъ, но я ничего не различала; помню только прекрасные розы въ полномъ цвѣтѣ, а особенно бѣлыя, которые тѣшили мой взоръ и какъ бы привѣтствовали меня. Мнѣ представили нѣкоторыхъ, но я оказалась въ состояніи обдумывать и отдать себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ только когда наконецъ очутилась одна въ прелестномъ помѣщеніи мнѣ отведенномъ. Только что я усѣлась предъ зеркаломъ, чтобы заняться туалетомъ, какъ вошла ко мнѣ безъ церемоній какая-то пожилая женщина и промолвила по нѣмецки:—«Вы очень загорѣли, я пришлю вамъ огуречной воды умыться вечеромъ».

Эта дама была пожилая, почтенная княгиня Ливенъ, которую я впоследствии искренно полюбила, но признаюсь, эта первая фамиллярная сцена показалась мнѣ весьма страшною. Такъ какъ фургоны съ моею кладью еще не прибыли, то мнѣ пришлось явиться на большой обѣдъ въ закрытомъ платьѣ, весьма впрочемъ изящномъ, изъ бѣлаго гроденая, отдѣланномъ блондами, и въ хорошенькой маленькой шляпкѣ изъ бѣлаго крепа съ султаномъ изъ перьевъ марабу. То была самая новѣйшая парижская мода. Въ длинной галлерей, ведущей въ церковь и наполненной нарядною публикою, я увидѣла въ амбразурѣ окна Цецилію, и, ни у кого не спрашиваясь, бросилась къ ней;

je ne voyais rien; je me rappelle seulement, que les belles roses en fleurs, les blanches surtout, réjouirent mes yeux, comme si elles me souhaitaient la bienvenue.

On me présenta quelques personnes, mais ce ne fut, que lorsque je me trouvai seule, dans mon charmant appartement, que j'eus la faculté de penser, et de me sentir!—A peine établie devant mon miroir, pour faire ma toilette, qu'une vieille femme entra sans façons, et me dit en allemand: «Vous êtes bien hâlée, je Vous enverrai de l'eau de concombres, pour Vous laver ce soir». — Cette dame était la vieille respectable princesse Lieven, que j'aimai sincèrement depuis,—mais j'avoue, que cette première scène familière me parut fort extraordinaire. Comme mes fourgons n'étaient point arrivés, je fus forcée de paraître au grand diner, en robe montante, bien élégante cependant, en gros-de-Naples blanc, garnie de blondes, et un joli petit chapeau en crêpe blanc et touffes de marabouts (tout ce qu'il y avait de plus nouveau en fait de modes de Paris).

Ce fut dans la longue galerie, qui conduit à l'Eglise, remplie de monde paré, que je découvris Cécile, dans l'embrasement d'une fenêtre, et moi, sans demander la permission, je me jettai sur elle, toutes deux fon-

мы объ расплакались, не выдавшись цѣлыхъ три года! Говорять, что это проявленіе нѣжности не только не возбудило неудовольствія, но даже тронуло большинство присутствовавшихъ. Сколько разъ впослѣдствіи мнѣ говорили о моемъ первомъ появленіи въ этой галлерей; юную принцесу осматривали съ головы до ногъ и нашли, повидимому, не столь красивой, какъ предполагали; но всѣ любовались моею ножкой, моею легкостью походки, благодаря чему меня даже прозвали «птичкой».

Императоръ Александръ представилъ мнѣ кавалеровъ, въ числѣ которыхъ я нашла не мало знакомыхъ мнѣ еще со времени войны 1813 и 1814 гг. Дамы, представленныя мнѣ вслѣдъ затѣмъ вдовствующею государынею, были для меня все новыя лица: m-lle Нелидова Екатерина Ивановна, какъ образецъ воспитанницъ Смольнаго, поразила меня своею некрасивою наружностью, отсутствіемъ изящества. Графиня Орлова Анна Алексѣевна произвела на меня пріятное впечатлѣніе предупредительностью своего обращенія, и мнѣ показалось, что ей было жаль меня,—юной принцессы, бывшей вновѣ и столь чуждой всей величественной обстановки! Мы обѣдали въ большой четырехугольной залѣ. Я помню, что императоръ указалъ мнѣ на княгиню Варвару Долгорукую и на княгиню Софію Трубецкую какъ на двухъ молодыхъ женщинъ, самыхъ красивыхъ при Дворѣ и

dant en larmes: nous ne nous étions pas vues depuis trois ans!—On dit, que loin de déplaire, cette marque de sensibilité toucha la plupart du monde.—Combien de fois depuis, on me parla de ma première apparition dans cette galerie, on examina de pied en cape cette nouvelle jeune Princesse; je crois, qu'on ne me trouva pas si jolie, qu'on l'avait cru, mais on admira mon pied, ma démarche légère, qui fit, que plusieurs personnes me nommerent «птичка».

L'Empereur Aléxandre me présenta les cavaliers, parmi lesquels je trouvai beaucoup de connaissances du temps de la guerre de 13 à 14. Mais les dames, présentées par l'Impératrice Mère, furent toutes de nouvelles figures pour moi. M-elle Nélidow, Catherine Iwanowna, comme échantillon des demoiselles de la Communauté, me parut étonnante de laideur, de disgrâce, et de mauvaise odeur. La comtesse Orlow, Анна Алексѣевна, me fit une impression agréable, par ses manières obligeantes, et il me semblait, qu'elle avait pitié de moi,—de cette jeune Princesse, si neuve, si étrangère sur ce sol imposant.

On dina dans la grande salle carrée. Je me rappelle, que l'Empereur me montra deux jeunes femmes, comme les plus jolies, et les plus recherchées: la princesse Barbe Dolgorouky, et la princesse Sophie Troubetskoy.

наиболѣе пользующихся успѣхомъ. Вечеръ проведенъ былъ въ семейномъ кругу; моему старшему брату Вильгельму, сопровождавшему меня, едва минуло 20 лѣтъ и онъ только что пересталъ расти. Меня сопровождали изъ Пруссіи графиня Трухзесъ, въ качествѣ оберъ-гофмейстерины, графиня Гаакъ, рожденная Таунценъ, и моя добрая Вальдерметъ, бывшая моей гувернанткой съ 1805 г.

19-го іюня 1817 г. совершился мой торжественный въездъ въ Петербургъ; мы позавтракали въ деревнѣ Татариновой, близъ заставы, и тамъ обѣ императрицы сѣли вмѣстѣ со мною и обѣими принцессами Вюртембергскими въ золоченое но открытое ландо; меня посадили по ту сторону, на которой были разставлены войска, т. е. по лѣвую сторону отъ обѣихъ императрицъ. Я чрезвычайно обрадовалась, когда увидѣла опять войска гвардіи, а особенно полки Семеновскій, Измайловскій и Преображенскій, знакомые мнѣ еще по смотру, произведенному въ Силезіи, близъ Петерсвальдена во время перемирія въ 1813 г.

Увидѣвъ кавалергардовъ, стоявшихъ возлѣ Адмиралтейства, я вскрикнула отъ радости, такъ они мнѣ напомнили дорогихъ моихъ берлинскихъ тѣлохранителей. Я не думала тогда, что буду современемъ шефомъ этого полка. Поднявшись по большой парадной лѣстницѣ Зимняго дворца, мы направились въ церковь, гдѣ я впервые приложила сѣ ко кресту. Затѣмъ съ балкона мы смотрѣли на про-

La soirée se passa en famille. Mon frère Guillaume, qui m'accompagnait comme frère aîné, n'avait que 20 ans, et a à peine achevé sa croissance. Mes dames Prussiennes étaient: la comtesse Truchsess, comme grande maîtresse, et comtesse Haak, née Tauentziehen, et ma bonne Wildermeth, qui avait été ma gouvernante depuis l'année 1805.

Le 19 Juin se fit mon entrée solennelle à Pétersbourg.

On déjeuna dans une campagne Tatarinow, près de la barrière, et c'est là que les deux Impératrices se placèrent avec moi et les deux Princesses de Wurtemberg dans un landau doré, mais ouvert; on me mit du côté des troupes, à la gauche des deux Impératrices. J'eus grande joie à revoir les régiments Sémenowsky, Izmaylowsky, et Préobrajensky, que je connaissais d'une revue en Silésie, près de Peterswaldau, pendant l'armistice de 1813.

En voyant les Chevaliers-gardes, placés près de l'Amirauté, je jettai un petit cri de plaisir, parcequ'ils me rappelaient mes chers Gardes du corps de Berlin. Je ne pensais point alors, que je deviendrais un jour le Chef de ce régiment. On monta le grand escalier de parade du Palais d'hiver; on se rendit à l'église, où je baisai pour la première fois la

хождение войскъ, что совершилось не особенно удачно, какъ я узнала впоследствии. Съ этого же балкона показывали меня народу—балконъ этотъ болѣе не существуетъ; онъ былъ деревянный. Я познакомилась съ нѣсколькими статсъ-дамами. Графиня Литта показала мнѣ еще красавицей,—она была блѣолицая, пухленькая, съ дѣтскою улыбкою. Престарѣлая графиня Пушкина была набѣдена и наругана, съ разрисованными жилами, и все это дѣлало ея старое лицо еще болѣе некрасивымъ.

Я полюбовалась новымъ моимъ помѣщеніемъ, меблированнымъ и драпированнымъ совершенно заново великолѣпными тканями. Съ этого дня вплоть до 24-го іюня я, когда оставалась одна, не переставала плакать—ужь очень для меня была тягостна перемѣна религіи—она сжимала мое сердце! На слѣдующій день былъ большой обѣдъ у вдовствующей государыни, а затѣмъ мы заключились въ уединеніе. Священникъ Муссовскій, знакомившій меня съ догматами греческой церкви, долженъ былъ подготовить меня къ принятію св. тайнъ; онъ былъ прекрасный человекъ, но далеко не краснорѣчивъ на нѣмецкомъ языкѣ. Не такой человекъ былъ нуженъ, чтобы пролить миръ въ мою душу и успокоить ея смятеніе въ подобную минуту; въ молитвѣ однако-же я нашла то, что одно можетъ дать спокойствіе, читала прекрас-

сгоix;—puis on regarda défilér les troupes, ce qui ne réussit pas très bien, à ce que j'appris par la suite. Du haut de ce même balcon, on me montra au peuple: ce balcon n'existe plus—il était construit en bois.

Je fis la connaissance de plusieurs dames d'honneur: la comtesse Litta, que je trouvai belle encore, blanche, potelette, avec un sourire d'enfant;—la vieille comtesse Pouschkine, peinte en blanc, rose et lilas, ce qui rendrait sa vieille face encore plus laide.

J'admirai mon bel appartement, meublé et drapé tout à neuf, avec de magnifiques étoffes.

Depuis ce jour, jusqu'au 24 Juin, je ne fis que pleurer, dès que je me trouvais seule; le changement de religion me coutait tant, et m'oppressait le coeur; on resta en retraite depuis le lendemain, où il y eut encore un grand diner chez l'Impératrice Mère.

Le prêtre Mouzowsky, qui m'enseignait les dogmes de l'Eglise Grécque, et qui devait me préparer à ma première Communion, était un brave homme, mais bien peu éloquent en allemand. Ce n'était pas l'homme qu'il me fallait, pour donner la paix à l'âme, pour tranquilliser mon coeur, dans un moment pareil. Mais je trouvais dans la prière, ce qui seul peut donner la paix; je fis de bonnes lectures pieuses; je ne pensai plus aux choses terrestres et, seulement occupée du bonheur de rece-

ныя назидательныя книги, не думала о земномъ и была преисполнена счастьемъ приобщаться въ первый разъ святыхъ тайнъ! 24-го іюня я отправилась въ церковь; ввелъ меня туда императоръ. Съ грѣхомъ пополамъ прочла я символъ вѣры по-русски; рядомъ со мною стояла игуменья въ черномъ, тогда какъ я была одѣта вся въ бѣломъ, съ маленькимъ крестомъ на шеѣ; я имѣла видъ жертвы; такое впечатлѣніе произвела я на всю нашу прусскую свиту, которая съ состраданіемъ и со слезами на глазахъ взирала на участіе бѣдной принцессы Шарлотты въ церковномъ обрядѣ, естественно странномъ въ глазахъ протестантовъ. (Конфирмація моей невѣстки, цесаревны, совершалась совершенно при иныхъ условіяхъ: она нашла здѣсь прекраснаго священника, который объяснилъ ей слово за словомъ всѣ догматы и обряды нашей церкви, къ которымъ она къ тому же имѣла время привыкнуть въ двухъ-мѣсячное пребываніе въ Россіи. Со мною же все это производилось быстро, все совершилось и окончилось въ какихъ-нибудь шесть дней).

Съ той минуты, какъ я приобщилась св. тайнъ, я почувствовала себя примиренною съ самою собою и не проливала болѣе слезъ. На слѣдующій день, 25-го іюня, совершилось наше обрученіе. Я впервые на дѣла розовый сарафанъ, брильянты и немного поддруманилась, что ока-

voir, pour la première fois de ma vie, la sainte Communion, je me rendis à l'église, le 24 Juin, conduite par l'Empereur. Je dis tant bien que mal, ma protestation de foi, en russe. A côté de moi était placée une abbesse, toute en noir, tandis que moi, vêtue de blanc, avec la petite croix au cou, j'avais l'air d'une victime—impression, que je produisis sur toute notre suite prussienne, qui, les larmes dans les yeux, voyait avec un sentiment de compassion, leur pauvre Princesse Charlotte, paraître dans cette cérémonie, si mystique et étrange aux yeux des protestants. (La Confirmation de ma belle fille, la Césarine, fut bien autre chose; elle avait trouvé ici un excellent prêtre, qui lui expliqua, mot à mot, la protestation de foi et les cérémonies de notre Eglise, aux quelles elle avait du reste déjà eu le temps de s'habituer, pendant quatre mois de séjour. Mais pour moi, tout cela vint si vite, et se succéda et se pressa dans l'espace de six jours).

Depuis le moment, que je reçus le saint Sacrement, je me sentis en paix avec moi-même, et je ne pensai plus aux larmes.

Le lendemain, 25 Juin, se firent mes fiançailles, où je mis, pour la première fois de ma vie la robe russe, en rose, des diamants, et un peu de rouge sur les joues, ce qui m'alla très bien. La femme de chambre de l'Impératrice Mère, Яковлева, m'habilla; son coiffeur me coiffa.—Cette cérémonie fut suivie d'un grand diner, et d'un bal de polonaises.

*

залось мнѣ очень къ лицу; горничная императрицы, Яковлева одѣла меня, а ея парикмахеръ причесалъ меня; эта церемонія сопровождалась обѣдомъ и баломъ съ полонезами. Меня возили по улицамъ Петербурга каждый вечеръ; свѣтлыя ночи показались мнѣ необычайными, но пріятными. Городъ не произвелъ на меня величественнаго впечатлѣнія, за исключеніемъ вида на Неву изъ комнатъ императрицы Елисаветы. Мы обѣдали ежедневно въ саду Эрмитажа или въ прилегающихъ къ нимъ галлерейхъ. Признаюсь, все было для меня ново и я чувствовала себя настолько вновь въ этихъ новыхъ мѣстахъ, что мысль моя была этимъ болѣе поглощена, нежели глаза; все было для меня смутно. Помнится мнѣ, что когда великій князь Константинъ (Павловичъ) пріѣхалъ изъ Варшавы, я нашла его весьма некрасивымъ, хотя я, будучи ребенкомъ, видѣла его въ Берлинѣ въ 1805 году.

Приближалось воскресенье, 1 (13) іюля,—день нашей свадьбы. Мой женихъ становился все нѣжнѣе и съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, когда назоветъ меня своей женой и поселится въ Аничковскомъ дворцѣ. Наканунѣ 1-го іюля, который былъ въ то же время и днемъ моего рожденія, я получила прелестные подарки, жемчугъ, брильянты; меня все это занимало, такъ какъ я не носила ни одного брильянта въ Берлинѣ, гдѣ отецъ воспиталъ насъ съ рѣдкой простотой.

On me faisait promener par les rues de Pétersbourg, chaque soir. Les nuits claires me parurent fort extraordinaires, mais agréables. La ville ne me fit pas une impression grandiose, excepté le coup d'oeil sur la Néva, des chambres de l'Impératrice Elisabeth.

On dinait tous les jours au jardin de l'Hermitage, ou dans les galeries atténuantes. J'avoue, que tout était si neuf pour moi, et que moi même, je me sentais si neuve dans ces nouveaux lieux,—mon âme était beaucoup plus occupée que mes yeux,—tout était un peu confus pour moi. Je me rapelle que le Grand duc Constantin arriva alors de Varsovie; je le trouvai bien laid, quoique je l'eusse vu déjà, comme enfant, à Berlin, l'année 1805.

Le Dimanche approchait, le 1 (13) Juillet, où devaient être célébrées nos noces! Mon promis fut de plus en plus tendre, et impatient de me nommer sa femme, et d'habiter Anitschkow; la veille du 1-er, qui était aussi mon jour de naissance, on me donna de charmants cadeaux, des perles, des diamants; je m'amusais de tout cela, car je n'avais pas porté un seul diamant à Berlin, où mon père nous éleva dans une simplicité rare.

Съ какимъ чувствомъ проснулась я поутру 1-го юля! Мои прислужницы—прусачки убрали мою кровать цвѣтами, а добрая Вильдерметъ поднесла мнѣ букетъ изъ роскошнѣйшихъ бѣлыхъ розъ. Я не хочу здѣсь распространяться о своихъ личныхъ впечатлѣнiяхъ, но въ этотъ день невозможно пройти ихъ молчанiемъ. Меня одѣли на половину въ моей комнатѣ, а остальная часть туалета совершилась въ Брильянтовой залѣ, прилегавшей въ то время къ спальнѣ вдовствующей императрицы. Мнѣ надѣли на голову корону и кромѣ того безчисленное множество крупныхъ коронныхъ украшенiй, подъ тяжестью которыхъ я была едва жива. Посреди всѣхъ этихъ уборовъ, я приколола къ поясу одну бѣлую розу. Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконецъ соединились; съ полнымъ довѣрiемъ отдавала я свою жизнь въ руки моего Николая, и онъ никогда не обманулъ этой надежды! Остальную часть дня поглотилъ обычный церемонiаль, этикетъ и обѣдъ. Во время бала, происходившаго въ Георгіевскомъ залѣ, я получила письма изъ Берлина, отъ отца и отъ родныхъ.

Мы спустились по парадной лѣстницѣ, сѣли въ золотую карету со вдовствующей государыней; конвой кавалергардовъ сопровождалъ насъ до Аничковскаго дворца. Я въ первый разъ увидѣла этотъ прекрасный

Avec quel sentiment je me réveillai le matin du 1-er de Juillet! Mes femmes prussiennes avaient entouré mon lit de fleurs; ma bonne Wildermeth me donna un bouquet des plus belles roses blanches. Je ne veux pas parler trop ici de mes propres émotions, mais ce jour là, c'est impossible de les passer sous silence. On me para à demi dans ma chambre, mais le reste de la toilette et la coiffure se firent dans la chambre des diamants de la couronne, alors attenante à la chambre à coucher de l'Impératrice Mère. On mit la couronne sur ma tête, et outre cela, une quantité innombrable de grandes pierres de la couronne, sous le poids desquelles je me sentais mourir. Au milieu de tout cet étalage, je fixai une seule rose blanche naturelle, à ma ceinture. Je me sentis bien heureuse, lorsque nos mains se joignirent; je remettais ma vie, avec tant de confiance, entre les mains de mon Nicolas,—et lui, ne trompa jamais cet espoir!

Le reste de la journée se passa avec les cérémonies, étiquette, et repas d'usage. Au bal même de la salle de St. Georges, je reçus des lettres de Berlin, de mon père, des miens.

On nous fit descendre l'escalier de parade; on nous fit monter en carrosse doré, avec l'Impératrice Mère, une escorte de Chevaliers-Gardes nous suivait jusqu'au Palais Anitschkow.

дворецъ.— На верху у лѣстницы, императоръ Александръ и императрица Елисавета встрѣтили насъ съ хлѣбомъ-солью. Статскыя дамы присутствовали при моемъ раздѣваньи; мнѣ надѣли утреннее платье изъ брюссельскихъ кружевъ на розовомъ чашѣ; ужинали мы въ семейномъ кругу съ нѣкоторыми изъ старѣйшихъ приближенныхъ: графомъ Ламсдорфомъ, княгиней Ливенъ и нашими прусскими дамами.

На слѣдующій день, вдовствующая государыня пріѣхала къ намъ первая, императоръ привезъ великолѣпные подарки. Мы радовались, словно дѣти, удовольствію выѣхать впервые послѣ свадьбы въ коляскѣ вмѣстѣ, и сдѣлали визиты императрицамъ, великому князю Константину (Павловичу) и тетускѣ принцессѣ Виртембергской. Свадебныя празднества, различные балы, *baise-mains*,—все это прошло для меня словно сонъ, отъ котораго я пробудилась лишь въ Павловскѣ, безконечно счастливая тѣмъ, что очутилась наконецъ въ деревнѣ!

Образъ жизни въ Павловскѣ показался мнѣ особенно приятнымъ; такъ какъ я привыкла съ дѣтства сообразоваться съ привычками другихъ, то мнѣ и въ голову не приходило жаловаться на то, что я должна обѣдать, гулять и ужинать при Дворѣ, болѣе или менѣе заботясь о своемъ туалетѣ. Впослѣдствіи, я часто слышала, что другія жаловались

Je vis donc pour la première fois ce bon palais!

Au haut de l'escalier, l'Empereur Alexandre et l'Impératrice Elisabeth nous reçurent avec le pain et le sel. Les dames à portraits assistèrent à mon déshabillé. On m'endossa un négligé en dentelles de Bruxelles sur rose.

On soupa en famille, avec quelques vieux attachés, comme: Lammsdorf, la comtesse Lieven, et mes dames prussiennes.

Le lendemain, l'Impératrice Mère arriva la première;—l'Empereur Alexandre—avec des cadeaux magnifiques. Nous eûmes un plaisir d'enfants, de sortir ensemble, en calèche, pour la première fois comme mariés, pour faire nos visites: aux Impératrices, au Grand duc Constantin, à la tante de Wurtemberg.

Des fêtes de noces, diners, bals, *baise-mains*, etc., tout cela se passa comme dans un rêve pour moi, dont je ne me réveillai qu'à Pawlowsky, toute heureuse de me trouver à la campagne.

J'y trouvai le genre de vie fort agréable, parce-que j'étais habituée, dès mon enfance, à me gêner d'après les habitudes des autres; il ne me vint pas en tête de me plaindre, de ce que je devais diner, promener et souper avec la cour, plus ou moins toujours en toilette. Plus tard, j'entendis souvent les autres s'en plaindre, et quelquefois nous nous sentions des velléités d'indépendance, c'est à dire d'un chez soi.

по этому поводу, впрочемъ иногда и мы сами чувствовали нѣкоторое желаніе быть независимыми, т. е. имѣть свой собственный уголь. Но въ то время, какъ я уже замѣтила, подобная мысль меня не беспокоила. Напротивъ, а чувствовала даже признательность къ свекрови за ея нѣжныя ласки. Мнѣ ее описывали за особу весьма требовательную по отношенію къ дочерямъ, которыя почти и пошевелились въ ея присутствіи будто бы не смѣли, но ко мнѣ императрица Марія Ѳеодоровна относилась иначе, повидимому, мой характеръ понравился ей. Я держала себя вполне естественно, была весела, откровенна, жива и рѣзва, какъ подобаешь молодой дѣвушкѣ, тогда какъ великія княжны держали себя чопорно въ ея присутствіи и даже въ обществѣ; все въ нихъ было строго соразмѣрено, ихъ манера держать себя въ обществѣ, разговаривать, кланяться, и это, я полагаю, было гораздо совершеннѣе моихъ тогдашнихъ манеръ. Я думаю и даже знаю навѣрное, что задѣвала при Дворѣ нѣкоторыхъ лицъ недостаткомъ вниманія къ нимъ, а оно вѣдь, по ихъ мнѣнію, обязательно должно было сводиться къ известному количеству фразъ, повторяемыхъ ежедневно. Что касается меня, то я проходила иногда слишкомъ скоро мимо этихъ лицъ, ибо они наговяли на меня скуку, и, наоборотъ, останавливалась слишкомъ долго передъ молодежью, передъ юными фрейлинами, которыя внушали мнѣ гораздо менѣе страхъ. Но мало-по-малу всѣ привыкли къ моимъ манерамъ, видя мое неизмѣнное ко всѣмъ благоволеніе, проистекавшее отъ добраго сердца, и мнѣ простили маленькія отступленія отъ эти-

Mais alors, comme je l'ai dit, cette idée ne me vint pas. Bien au contraire, je me sentais reconnaissante des bontés tendres, des caresses de ma belle mère. On me l'avait dépeinte, comme très exigeante envers ses filles, qui osaient à peine remuer devant elle, mais pour moi, elle fut toute autre. Je crois, que mon naturel lui plut: je me donnais telle que j'étais: gaie, franche, vive, enjouée comme une jeune fille,—tandis que les grandes duchesses étaient roides devant elle, et même devant le monde, toutes dressées d'après une forme, dans la manière de faire cercle, de causer, de faire des révérences, ce qui était assurément bien supérieur à ma tournure d'alors; je crois, je le sais même, que je blessai plusieurs personnes, par mes manières, pas assez prévenantes ou polies, qui selon elles consistaient dans une certaine quantité de phrases, répétées chaque jour. Pour moi, je glissais quelquefois trop vite devant ces figures, qui m'ennuyaient, et je faisais trop longue halte devant la jeunesse, les jeunes demoiselles d'honneur, qui m'en imposaient beaucoup moins. Mais peu à peu on se fit à mes manières, en voyant ma bienveillance générale, qui venait d'un bon cœur, et on me pardonna

кета ради врожденныхъ мнѣ изящества и живости. Маман очень забавлялась, глядя, какъ я похищаю вишни, чего не простила бы прежде своимъ дочерямъ, но меня она баловала снисходительностью. Старушка Ливень даже замѣтила мнѣ какъ-то: «Вы—любимица вдовствующей государыни!»

Вообще замѣчали, что императрица никогда прежде не была столь ласкова и снисходительна къ своимъ дочерямъ какъ теперь ко мнѣ. Однако не слѣдуетъ думать, чтобы она мнѣ отъ времени до времени не дѣлала выговоровъ, а иногда не давала мнѣ совѣтовъ, которые для меня оказывались чрезвычайно полезны. Единственный случай, когда она насъ однажды побранила, былъ, помнится мнѣ, когда она встрѣтила насъ въ паркѣ въ кабриолетѣ и спросила,—гдѣ мы катались? Мы отвѣчали, что ѣдемъ изъ Царскаго, отъ императрицы Елисаветы. Тогда она сдѣлала намъ замѣчаніе, что намъ слѣдовало предварительно спросить позволеніе сдѣлать этотъ визитъ; признаюсь это мнѣ показалось даже страннымъ! Но со-временемъ она позабыла объ этомъ выговорѣ, и мы могли ѣздить въ Царское, не спрашивая ни у кого позволенія.

По воскресеньямъ въ Павловскѣ танцовали; въ прочіе дни играли въ *petits jeux* или ужинали въ томъ или другомъ шале или па-

les petits manques contre l'étiquette, en faveur de la grâce de mes mouvements, et la gentillesse de ma vivacité. Maman s'amusait beaucoup à me voir voler des cerises, ce qu'elle n'aurait pas pardonné autre fois, à ses enfants; elle me gâtait par son indulgence,—la vieille Lieven me dit: «Oh! Sie sind das Herzblatt der Kaiserinn Mutter!»—On faisait généralement la remarque, qu'avec aucune de ses filles, elle n'avait été aussi caressante, et aussi indulgente. Cependant, il ne faut pas croire, que de temps en temps, elle ne me donna des reprimandes, ou bien des conseils. Son assistance et ses conseils me furent d'une grande utilité.—Le seul point, sur lequel nous fûmes grondés une fois, je me rapelle, c'est lorsqu'elle nous rencontra au jardin, en carrick; elle demanda: «Où avez Vous promené?»—Nous répondîmes, que nous revenions de Zarskoe Selo, de chez l'Impératrice Elisabeth. Alors elle nous fit la singulière remarque, que nous aurions dû lui demander auparavant sa permission, pour faire cette visite. J'avoue, que ceci me parut assez singulier; aussi, avec le temps oubliat-elle cette semonce, et nous pûmes aller et venir à Zarskoe, sans demander l'avis de personne. On dansa tous les dimanches à Pawlowsky; on jouait aux petits jeux les autres jours, ou bien on allait souper dans tel ou tel chalet ou pavillon du jardin, ce qui me plaisait fort; l'étés fut heureusement fort beau.

Вильонѣ, что мнѣ очень нравилось. Къ несчастію, брата моего, Вильгельма, который очень веселился, укусила собака, принадлежавшая къ сворѣ великаго князя Михаила, который тутъ-же, на мѣстѣ, приказалъ ее застрѣлить, но тѣмъ не менѣе докторъ Вилліе, изъ предосторожности, прижегъ и вырѣзалъ брату ранку на ногѣ. Это было весьма не-пріятное происшествіе. Когда брату стало лучше, его выносили въ садъ и даже въ гостиную, а потомъ раны его и совсѣмъ зажили.

Маман находила Вильгельма чрезвычайно любезнымъ въ обществѣ; онъ танцевалъ, игралъ и веселился, какъ подобало молодому человѣку; и вотъ императрица журила своихъ сыновей—Николая и Михаила за то, что они усаживались въ углу съ вытянутыми, скучающими физиономіями, точно медвѣди или марабу (?). Правда, у моего Николая лицо было слишкомъ серьезно для 21 года, особенно когда онъ посѣщалъ общество или балы. Онъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ, впрочемъ какъ и я, когда мы оставались наединѣ въ своихъ комнатахъ; онъ бывалъ тогда со мною необычайно ласковъ и нѣженъ.

Я уже называла дамъ, состоявшихъ при мнѣ; кромѣ нихъ нашъ Дворъ составляли: маршалъ Кярилъ Нарышкинъ, шталмейстеръ генералъ Ушаковъ, два адъютанта: Фредерикъ (женатый на Цециліи, моей подругѣ дѣтства), и В. Адлербергъ, который женился двѣ недѣли послѣ

Mon frère Guillaume, qui s'amusait fort bien aussi, fut malheureusement mordu par un chien, qui appartenait aux écuries de Michel. Celui-ci fit tuer le chien sur place, mais cela n'empêcha pas, que par précaution, le docteur Wyllie ne lui brûla et coupa les plaies à la jambe; ce fut là un fâcheux contretemps. Quand il fut mieux, on le portait au jardin, et même au salon, et enfin les blessures guérirent tout à fait.

Maman trouvait Guillaume aimable dans le monde, dansant, jasant, s'amusant, comme un jeune homme doit le faire; et alors elle attaquait ses fils Nicolas et Michel, de «ce qu'eux se mettaient dans un coin, avec des physionomies ennuyées et longues, comme des ours ou des marabouts». C'est vrai, que mon Nicolas prenait un visage bien philosophe pour ses 21 ans, dès qu'il se trouvait dans un cercle, et surtout au bal. Lui, comme moi, nous n'étions véritablement heureux et contents, que lorsque nous nous trouvions seuls dans nos chambres, et lui, bien bien amoureux et tendre.

J'ai nommé les dames, que j'avais auprès de moi. Excepté celles-ci notre cour était composée: d'un maréchal, M-r Cyrille Naryschkine, d'un écuyer, le général Ouschakow, de deux aides de camp.: le colonel Free-derichs, marié à Cécile, mon amie d'enfance, et le comte Adlerberg, qui se maria, quinze jours après nous, à m-elle Marie Nélidow. Tout ce monde demeurait à Pawlowsky, par la grâce de l'Impératrice Mère.

насъ на дѣвицѣ Маріи Нелидовой. Всѣ они по милости вдовствующей императрицы жили въ Павловскѣ. Приблизительно въ это время пріѣхалъ изъ Берлина князь Антонъ Радзивиллъ и не мало способствовалъ пріятному препровожденію вечеровъ своею веселостію; онъ умѣлъ придумывать разныя забавы, шарady въ лицахъ, музыкальные вечера, домашніе спектакли. Дворъ переѣхалъ въ Петергофъ; короткое пребываніе передъ тѣмъ въ Царскомъ Селѣ сблизило меня съ императоромъ Александромъ; это было для меня истиннымъ счастьемъ! Я привыкла съ самаго ранняго дѣтства любить его, преклоняться передъ нимъ, и эти чувства, походившія до нѣкоторой степени на обожаніе, съ годами превратились въ глубокую и искреннюю дружбу.

Мимолетныя тучки только укрѣпляли еще болѣе эту дружбу; но я расскажу объ этомъ послѣ, теперь это было бы преждевременно.

И такъ Дворъ отбылъ въ Петергофъ. Николай повезъ меня отъ Стрѣльбы по нижней дорогѣ; я поминутно вскрикивала отъ радости при видѣ моря, старыхъ деревьевъ, растущихъ по берегу, и фонтановъ въ паркѣ! Однимъ словомъ, я была въ восторгѣ, и это мѣсто произвело на меня съ перваго взгляда гораздо большее впечатлѣніе, нежели Павловскъ и Царское. Празднества удались, какъ нельзя лучше, иллюминація 22-го іюля мнѣ чрезвычайно понравилась. День ангела вдовствующей государыни былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ рожденія моего

Le prince Antoine Radziwill arriva de Berlin dans ce temps à peu près; il contribua à l'agrément des soirées, par son aimable gaieté, qui trouvait le moyen de mettre tout en train: charades en action, musique, spectacles de société, etc., etc.

On partit pour Péterhof; mais avant cela, un court séjour à Zarskoe Selo me rapprocha de l'Empereur Alexandre, ce qui fut un vrai bonheur pour moi; j'étais habituée à l'aimer, à l'admirer, depuis ma tendre enfance, et ces sentiments, qui tenaient un peu de l'adoration, se changèrent avec les années, en amitié profonde et véritable! Des nuages passagers ne firent qu'augmenter et raffermir cette amitié,—mais j'en parlerai plus tard; c'est encore trop tôt.

On partit donc pour Péterhof. Nicolas me fit prendre le chemin d'enbas, depuis Strélna; je ne cessais de pousser de petits cris de joie, en découvrant la mer, les vieux arbres si près du rivage, les fontaines au jardin. Enfin, je fus ravie, et cet endroit me fit tout d'abord, bien plus d'effet, que Pawlowsky et Zarskoe Selo.

Les fêtes réussirent très bien; l'illumination au 22 Juillet (3 Août) me plut infiniment. Ce jour de nom de l'Impératrice Mère était en mē-

отца; поэтому сердце мое въ этотъ день превсполнилось воспомина- ніями о родительскомъ домѣ. Нѣсколько дней спустя Дворъ отправился въ Ораніенбаумъ, гдѣ былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Мы занимали въ Петергофѣ правый деревянный флигель почти цѣликомъ— его отдѣляли заново для насъ, новобрачныхъ; все было изяшно и свѣжо и обито шелковыми обоями. Одна только спальня, задрапированная темно-зеленымъ бархатомъ, произвела на меня мрачное и тяжелое впечатлѣніе. Въ этой самой комнатѣ, три года спустя, я захворала и такъ тяжело, что никогда послѣ того духа у меня не хватало снова поселиться въ этой комнатѣ. Мы совершали прогулки, поѣздки, экскур- сии моремъ въ Кронштадтъ, гдѣ императоръ производилъ смотръ флоту. Многочисленное общество, въ которомъ дамы отличались болѣе наря- дами, нежели красотою, а кавалеры были скорѣе натянуты, чѣмъ лю- безны, было однако веселое: присутствіе императора Александра, оча- рованіе, которое онъ умѣлъ придать всему, что ни предпринималъ, на- электризовывали весь Дворъ. Нѣсколько лѣтъ спустя все это измѣ- нилось совершенно въ обратную сторону, о чемъ я вспоминаю съ грустью; тѣмъ не менѣе это правда, и я расскажу объ этомъ въ свое время.

Я помню, что однажды императоръ взялъ самъ ружье, далъ по ружью

me temps le jour de naissance de mon père; aussi mon cœur fut tout rempli ce jour là par les souvenirs de la maison paternelle. Quelques jours après, la cour se rendit à Oranienbaum, pour y voir brûler un magnifique feu d'artifice. Nous occupions à Péterhof l'alle en bois, presqu'en entier: on l'avait arrangé à neuf pour nous autres, jeunes mariés, et tout cela était élégant et frais, en tentures de soie. Une seule chambre nous fit, dès l'entrée, une mauvaise et triste impression: c'était la chambre à coucher, drapée en velours vert foncé, ce qui faisait un effet lugubre et sombre.

Dans cette même chambre, trois ans plus tard, je tombai malade, et si dangereusement malade, que jamais depuis je n'eus le courage d'ha- biter le même appartement.

On fit des promenades, des excursions par eau, à Kronstadt, où la flotte fut inspectée par l'Empereur. La société, nombreuse en fait de dames—plus élégantes, que jolies, en fait d'hommes—plus serrés à quatre épingles, qu'aimables, fut cependant gaie. La présence de l'Empereur Alexandre, le charme qu'il savait donner à tout se qu'il entreprenait, ne manquaient pas d'électriser la cour. Quelques années plus tard, ce fut tout autre chose, et presque le contraire, ce qui est plus fâcheux à dire, mais pas moins une vérité. J'en parlerai, quand le moment sera venu.

каждому изъ братьевъ и приказалъ командовать имъ ружейные приемы, что весьма позабавило присутствующихъ. По вечерамъ мы съ Николаемъ катались неоднократно верхомъ. Однажды мы пили чай на «собственной дачѣ», куда отправились верхомъ; по дорогѣ мы повстрѣчали Кавалергардскій полкъ, шедшій на маневры, и шапан сдѣлала намъ потомъ замѣчаніе, что насъ долженъ бы былъ сопровождать генералъ Ушаковъ, такъ какъ мы слишкомъ юны, чтобы ѣздить верхомъ только вдвоемъ.

За празднествами послѣдовали маневры; они происходили между Петергофомъ и Ораниенбаумомъ. На нихъ присутствовали иногда императрицы, и обѣ принцессы Виртембергскія и я, пріѣзжая впятеромъ въ ландо; но такъ какъ мнѣ приходилось сидѣть между двумя величествами, то я не испытывала никакого удовольствія отъ зрѣлища, которое при иныхъ условіяхъ было бы для меня большимъ удовольствіемъ. Я помню маленькую сцену, происшедшую какъ-то между обѣими императрицами, первую изъ тѣхъ, какія мнѣ довелось видѣть въ этомъ родѣ. Князь Меншиковъ, исполнявшій обязанности сопровождавателя и императорскаго ваген-мейстера, повезъ насъ какъ-то по довольно плохой дорогѣ; лошади запутались и коляска неожиданно покатила назадъ, довольно утрашающимъ образомъ. Маманъ закричала, чтобы открыли

Je me rappelle, qu'un jour, il prit un fusil, en donna à ses trois frères, et ordonna à de leur commander l'exercice du fusil, ce qui divertit tous les assistants.

Nicolas et moi, nous montâmes à cheval plusieurs fois, le soir; on prit un jour le thé à собственная дача, et nous deux, nous nous y rendimes à cheval; nous rencontrâmes le régiment des Chevaliers-Gardes, qui se rendait aux manoeuvres, et Maman nous fit, après cela, la remarque, que nous aurions dû être accompagnés du général Ouschakow, et que nous étions trop jeunes, pour monter à nous deux, seuls, à cheval.

Les manoeuvres suivirent les fêtes; elles eurent lieu entre Péterhof et Oranienbaum. Les Impératrices, les deux Princesses de Würtemberg, et moi, à cinq dans un landau, nous y assistions quelquefois; mais comme j'étais assise, moi, entre les deux Majestés, je ne trouvais aucun plaisir, à ce qui, sans cela, en aurait été un si grand pour moi. Je me souviens d'une petite scène entre les deux Impératrices, la première que je vis dans ce genre. Le prince Menschikow, qui faisait les fonctions d'accompagner, et de directeur de l'équipage impérial, nous mena par une route un peu mauvaise, sur une hauteur; les chevaux s'embarrassèrent, et le carrosse recula, d'une manière inattendue et un peu effrayante. Maman cria d'ouvrir la portière et sortit d'une manière précipitée; l'Impératrice

дверцы и торопливо выскочила; императрица Елисавета послѣдовала за нею; то же сдѣлали и мы. Едва ступивъ на землю, маман подошла къ императрицѣ Елисаветѣ, взяла ее за руку и голосомъ, повидимому исполненнымъ самаго горячаго участія, промолвила:—«Вы испугались, милое дитя мое? какъ вы себя чувствуете?», а (царствующая) императрица ей отвѣчала,—что она «ничуть не испугалась, а напротивъ того, вы испугались». Маман повторила опять свое, а императрица принялась снова защищаться. Я не знала какъ себя тутъ и держать! Когда мы снова усьлились въ экипажъ, я замѣтила, что императрицѣ Елисаветѣ было неловко, что я присутствовала при этой сценѣ, и, какъ бы себѣ въ извиненіе, она сказала мнѣ, когда мы остались однѣ, будто вдовствующая императрица къ несчастію нерѣдко сваливаетъ на нее то, что въ дѣйствительности пугаетъ ее самоѣ, а она этого терпѣть не можетъ. Я ничего на это не отвѣчала, но обсудивъ мысленно это происшествіе, нашла, что если за маман и водилась подобная слабость, то все же вина въ недоразумѣніяхъ ложится на императрицу Елисавету: своимъ ѣдкимъ и обидчивымъ тономъ она только затыгивала сцену, которая могла-бы пройти незамѣченною, прояви императрица Елисавета большую ласковость. Какъ-бы то ни было, это послужило мнѣ урокомъ.

По возвращеніи въ Павловскъ, мы вернулись къ прежнему образу

Elisabeth la suivit, et nous autres fimes de même. Voilà, à peine à terre, que Maman s'approcha de l'Impératrice Elisabeth, lui prit le main, et d'une voix, qui devait prouver le plus grand intérêt, lui dit: «Ma chère enfant, Vous avez eu peur; comment Vous sentez Vous? Vous avez eu si peur!» Et l'Impératrice—de lui répondre, qu'elle n'était pas le moins du monde effrayée, que bien au contraire «C'est Vous qui avez été effrayée»,—et cela d'un ton aigre,—et Maman à recommencer ses phrases, et l'autre à se défendre. Je ne sus, quelle mine faire! Lorsqu'on fut en place, je remarquai, que l'Impératrice (régnante) était embarrassée, de ce que moi j'eus été présente à une scène pareille, et comme pour s'excuser, elle me dit, lorsque nous fimes seules, que malheureusement l'Impératrice Mère faisait souvent de la sorte, de l'accuser de ce qui, au fond, l'avait effrayé elle même, et qu'elle ne pouvait pas supporter ce genre. Je ne répondis rien, mais je ne manquai pas de faire mes réflexions, et je trouvais, que si chez Maman c'était une petite faiblesse, le tort pourtant me semblait du côté de l'Impératrice (régnante), qui par son ton aigre et piqué, faisait durer cette scène, qui au contraire, aurait passée vite et inaperçue, si elle y avait mis un peu de douceur. Tant il y a, que cela me servit de leçon.

Revenus à Pawlowsky, le train de vie continua de même. Bientôt je dus

жизни. Вскорѣ я должна была прекратить верховныя поѣздки, такъ какъ однажды за обѣдней, когда я старалась выстоять всю службу не присаживаясь, я упала тутъ - же на мѣстѣ безъ чувствъ. Николай унесъ меня на рукахъ; я этого и не почувствовала вовсе и вскрикнула, только когда мнѣ дали понюхать летучей соли, и я пришла въ чувство. Этотъ случай, въ первую минуту напугавшій присутствующихъ, былъ какъ бы предвѣстникомъ моей беременности, которой я сама едва вѣрила; это извѣстiе обрадовало всѣхъ! Говорять, будто на томъ мѣстѣ, гдѣ я упала, нашли обсыпавшіеся лепестки розъ, вѣроятно изъ моего букета, и это нашимъ дамамъ показалось очень поэтичнымъ.

Начались приготовления къ поѣздкѣ въ Москву, гдѣ Дворъ долженъ былъ поселиться на зиму. Дѣлалось это съ цѣлью поднять духъ древней столицы, истребленной въ 1812 г. отъ пожара. Передъ отъѣздомъ, мы возвратились въ Аничковскій дворецъ, въ которомъ почти не жили еще вовсе. Мы устроили тамъ маскированный вечеръ для нашего всегдашняго Павловскаго общества; всѣ были замаскированы съ головы до ногъ. Маман — волшебницею, императрица Елисавета Алексѣевна — летучею мышью, я — индѣйскимъ принцемъ, съ чалмой изъ шали, въ длинномъ ниспадающемъ верхнемъ платьѣ и широкихъ шароварахъ изъ восточной ткани. Когда я сняла маску, мнѣ наговорили массу комплиментовъ. Талья у меня тогда оставалась еще довольно тонкая, хотя я пополевѣла и особенно похорошѣла въ началѣ беременности.

cesser de monter à cheval, car à une messe où je m'efforçais de rester debout, je tombai évanouie comme roide morte. Nicolas m'emporta dans ses bras; je ne savais de rien; je jettai un cri, lorsqu'on me donna des sels à sentir et je repris mes sens. Cet accident, qui effraya les assistants au premier instant fut, comme l'annonce de ma grossesse, à laquelle moi-même je croyais à peine, et cette nouvelle réjouit tout le monde. On dit, qu'à la place où j'étais tombée, après m'avoir emportée, on trouva des feuilles de roses effeuillées, de mon bouquet apparemment, ce qui parut très poétique aux dames.

On commença à faire des préparatifs pour le voyage de Moscou, où la cour devait se fixer pour tout l'hiver. C'était pour relever l'esprit des habitants de cette vieille capitale, qui l'année 1812 avait péri par les flammes.

Avant de partir, nous retournâmes à Anitchkow, que nous avions à peine habité; nous y donnâmes une soirée masquée, rien que pour la société de Pawlowsky. Tout le monde était masqué jusqu'aux dents: Maman, en magicienne; l'Impératrice Elisabeth en chauve-souris; moi en prince Indien, en turban de shawls, long habit flottant, et large pantalon d'étoffe orientale. Quand j'eus ôté le masque, on me fit force compliments. J'avais

Мы покинули Петербургъ 18-го сентября. По предписанію докторовъ, пробыли мы въ дорогѣ изъ-за меня 12 дней. Порядочно таки долго! Впослѣдствіи я слышала, будто императрица Екатерина, будучи великой княгиней, на этотъ путь и по той же причинѣ употребила шесть недѣль. Я страдала тошнотами и испытывала отвращеніе къ нѣкоторымъ блюдамъ и запахамъ, но вообще чувствовала себя какъ нельзя лучше, а длинное это путешествіе совершила весьма пріятно, такъ какъ ѣхала съ мужемъ, и мы не мало ребячились; къ тому-же мой братъ Вильгельмъ былъ еще съ нами. Въ Клинѣ мы дождались прибытія вдовствующей государыни и (императора) Александра. Ихъ императорскія величества не совершали торжественнаго въѣзда въ Москву; всякій изъ насъ добрался туда самъ по себѣ ночью, а на слѣдующій день ихъ величества и прочіе члены царской фамиліи показались народу и съ большой церемоніей, въ полномъ парадѣ, направились въ соборы. Добрый народъ встрѣтилъ своего государя съ безмѣрнымъ восторгомъ. Жители Москвы, много выстрадавъ во время войны и при занятіи города французами и доказавъ единодушно свой патріотизмъ, не взирая на постигавшія ихъ бѣдствія, вполне заслуживали то отеческое

la taille encore très fine, et cependant je prenais plus de quarrure, et j'avais particulièrement bonne mine au commencement de cette grossesse.

Nous quittâmes Pétersbourg le 18 Septembre.

Par ordonnance des médecins, on resta en chemin, à cause de moi, 12 jours. Ce fut long, par exemple! depuis j'ai entendu dire, que l'Impératrice Catherine II, comme Grande Duchesse, avait employé six semaines à faire cette même route, et à cause de la même raison. Je souffrais de nausées, qui me donnaient des dégouts pour telle odeur, ou tel plat; du reste je me portais à merveille, et je m'amusai durant cette longue expédition, parceque je voyageais avec mon mari, et que nous faisons mille enfantillages; et puis mon frère Guillaume était encore des notres. A Klin nous attendimes l'arrivée de l'Impératrice Mère et de l'Empereur. Leurs Majestés Impériales ne firent aucune entrée publique; chacun arriva de son côté et la nuit à Moscou. Ce fut le lendemain que les Majestés, et les autres membres de la famille Impériale, se montrèrent au peuple, en allant, en grande cérémonie, et en grande tenue, aux Cathédrales. Le bon peuple de Moscou reçut son Souverain avec un enthousiasme immense. Après avoir tant souffert pendant la guerre et durant l'occupation des français, après avoir prouvé un patriotisme si unanime, malgré tous les désastres, qui étaient tombés sur eux, les habitants de Moscou méritaient une attention aussi paternelle, que celle, que l'Empereur Alé-

вниманіе, которое выказалъ къ нимъ императоръ Александръ, поселиаясь среди нихъ; правда и народъ, и вельможи съумѣли вполне оцѣнить это вниманіе.

Проснувшись поутру, я подошла къ окну и, когда увидѣла великолѣпное зрѣлище, открывающееся на Москву, которая разстилалась, словно панорама у моихъ ногъ, то сердце мое забилось: я поняла Россію и стала гордиться тѣмъ, что принадлежу ей! Къ несчастью, шаташ получила за день до пріѣзда въ Москву извѣстіе о смерти одного изъ своихъ братьевъ. По случаю этого траура, Дворъ и городъ не давали никакого празднества вплоть до 12-го декабря, дня рожденія императора. Мнѣ пришлось пролежать въ постели, а затѣмъ на кушеткѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней; настолько утомили колѣнопреклоненія мои ноги, я даже съ трудомъ могла двигать ими.

Въ то-же время я принялась серьезно за уроки русскаго языка; въ учителя мнѣ былъ данъ Василій Андреевичъ Жуковскій, въ то время уже извѣстный поэтъ, но человекъ онъ былъ слишкомъ поэтичный, чтобы оказаться хорошимъ учителемъ. Вмѣсто того, чтобы корпѣть надъ изученіемъ грамматики, какое-нибудь отдѣльное слово рождало идею, идея заставляла искать поѣму, а поѣма служила предметомъ для бесѣды; такимъ образомъ проходили уроки. Поэтому русскій языкъ я постигала плохо, и, несмотря на мое страстное желаніе изучить его, онъ

xandre leur montrait, en venant s'établir au milieu d'eux; mais aussi, le peuple comme les grands, savait apprécier cette attention.

En me réveillant le matin, en m'approchant des fenêtres, en découvrant la magnifique vue sur toute la ville de Moscou, qui se déployait comme un panorama à mes pieds, j'eus un véritable saisissement au coeur; je compris la Russie—je me sentis fière de lui appartenir.

Malheureusement, Maman reçut la nouvelle de la mort d'un de ses frères, l'avant-veille de l'arrivée à Moscou. A cause de ce deuil, la cour et la ville ne donnèrent aucune fête, jusqu'au 12 Décembre, jour de la naissance de l'Empereur.

Je dus garder le lit, et puis la couchette, durant quelques jours, tellement les gènes flexions fatiguèrent mes jambes, que je pouvais à peine me remuer.

Je commençai à m'occuper sérieusement des leçons de la langue russe; on m'avait donné comme maître Василій Андреевичъ Жуковскій, poète déjà fameux,—trop poète pour être bon maître. Au lieu de rester à étudier la grammaire, un mot donnait une idée; l'idée faisait chercher un poème; le poème donnait le sujet d'une conversation, et ce fut ainsi que se passaient presque toutes les leçons; aussi j'appris très mal le Russe,

оказывался на столько труднымъ, что я въ продолженіе многихъ лѣтъ не имѣла духу произносить на немъ цѣльныхъ фразъ.

Братъ мой все еще гостилъ у насъ; по вечерамъ, нашъ маленькій Дворъ собирался въ моемъ кабинетѣ; мы читали или играли.

Я познакомилась съ двумя дамами, которыя часто бывали на этихъ вечерахъ, Кутузовою — женою того, который сопровождалъ моего жениха въ Англію, въ качествѣ ментора; другою-же была княгиня Трубетцкая, молодая женщина моихъ лѣтъ, красавица собою, умница и очень осторожная, хотя и бывшая замужемъ за некрасивымъ старикомъ, обожавшимъ ее впрочемъ.

Графиня Орлова (Анна Алексѣевна), съ перваго-же дня моего приѣзда въ Петербургъ, выказала мнѣ столько дружескаго состраданія и жалости (такъ какъ молодая принцесса, оторванная отъ семьи, въ новой для нея странѣ и среди новаго міра, казалась ей вполне достойной сочувствія), что это сразу приобрѣло ей мое расположеніе. Я часто видалась съ нею въ Москвѣ; ей былъ пожалованъ императорскій портретъ для ношенія 12-го декабря 1817 г., и хотя она была еще очень молода и притомъ чуть-ли не самая богатая изъ русскихъ аристократокъ, но не пожелала выйти замужъ.

Я бывала часто у императрицы Елисаветы, которая относилась ко мнѣ въ то время весьма дружественно.

qui malgré mon désir extrême, me paraissait tellement difficile, que le courage d'articuler des phrases entières me manqua durant bien des années.

Mon frère était encore des notres. Le soir notre petite cour se réunissait dans mon cabinet: on faisait la lecture, ou bien l'on jasiait. Je fis connaissance de deux dames, qui furent souvent de ces soirées: madame Koutouzow, femme de celui, qui avait accompagné mon promis en Angleterre, comme Mentor; l'autre était la princesse Troubetzkoy, jeune femme de mon âge à peu près, jolie comme un coeur, sage et prudente dans sa conduite, quoique mariée à un homme laid et vieux, mais qui l'adorait.

La Comtesse Orlow (Анна Алексѣевна) me montra dès les premiers jour de mon arrivée à Pétersbourg, tant de pitié amicale, tant de commisération, parce que cette jeune Princesse, loin de sa famille, dans un pays et un monde tous nouveaux, lui paraissait si intéressante, — que cela lui gagna mon coeur dès le premier instant. Je la vis souvent à Moscou; elle reçut le portrait le 12 Decembre 1817. Quoique jeune encore et la plus riche grande dame du pays, elle ne voulut jamais se marier. J'allais souvent chez l'Impératrice Élisabeth, qui me montrait beaucoup d'amitié alors.

Моя кузина Марія Виртембергская также часто посѣщала насъ. Мы обѣдали или проводили вечера у маман; по воскресеньямъ бывалъ обѣдъ, на который приходилось являться въ платьяхъ со шлейфами, и такой-же парадный вечеръ, на которомъ можно было умереть съ тоски.

Подъ рождество, при нашемъ маленькомъ Дворѣ случилось событіе, о которомъ я должна упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ: нашъ маршалъ К. А. Нарышкинъ дѣлалъ ежеминутно неприятности моему мужу: за малѣйшую шутку онъ сердился до того, что то зеленѣлъ, то желтѣлъ отъ злости. Кромѣ того, онъ пытался не разъ дѣлать великому князю неумѣстныя замѣчанія даже на мой счетъ. Человѣкъ въ высшей степени желчный, онъ иногда впадалъ въ змѣиную злость; всѣ ненавидѣли его и удалялись при его приближеніи... Однимъ словомъ, я чувствовала, что не могу быть покойной, пока этотъ человѣкъ будетъ при нашемъ Дворѣ. Имѣть въ такомъ маленькомъ кружкѣ постоянно возлѣ себя человѣка, который кляузничаетъ, говорить съ злымъ умысломъ колкости—было невыносимо, и хотя многіе принимали въ немъ участіе, но у меня хватило характера поставить на своемъ и добиться того, чтобы онъ оставилъ это мѣсто. Я думаю, меня за это осуждали и находили характеръ мой не достаточно покладистымъ, но я сознавала, что это

Ma cousine, Marie de Wurtemberg, venait aussi beaucoup chez nous.

Nous allions ou diner, ou passer la soirée chez Maman; le Dimanche, il y avait ordinairement grand diner en robes à queues, et soirée de même, où l'on avait envie d'avaler sa langue par ennui.

Vers Noël, se passa un événement à notre petite cour, que je dois mentionner en peu de mots.

M-r Cyrille Aléxandrowitsch Naryschkine, notre Maréchal, faisait à chaque instant des scènes à mon mari; pour la moindre des plaisanteries il se fâchait, au point de devenir vert et jaune de fureur. Outre cela, il avait essayé plusieurs fois de faire des remarques déplacées au grand Duc, même à mon sujet. Son caractère éminemment bilieux, se rendait parfois méchant comme une vipère; les gens le détestaient, on fuyait son approche... enfin, je sentais qu'aussi longtemps que cet homme resterait à notre cour, je ne pourrais avoir l'âme en paix. Dans un si petit cercle, avoir un homme tous les jours près de soi, qui tripotait, qui lançait des méchancetés, avec des intentions malicieuses... Non! ce n'était pas tenable; et quoique bien des personnes s'intéressèrent en sa faveur; j'eus la force de caractère d'y résister, et de désirer qu'il quitte cette place. Je crois, qu'on me blâma, et qu'on pensa, que cette jeune Princesse devait avoir le caractère peu accommodant;—mais je sentais que la

вопросъ слишкомъ важный; тутъ дѣло шло о мирѣ, о спокойствіи въ нашемъ домѣ: я исполнила свой долгъ и никогда въ этомъ не раскаивалась. Послѣдствія доказали, что характеръ у меня былъ довольно покладистый. Жена Нарышкина, Марія Яковлевна, столь же красивая сколько кроткая и добрая... Нарышкинъ покинулъ нашъ Дворъ и на его мѣсто былъ назначенъ гр. Моденъ...

Въ это время Аркачеевъ былъ самымъ главнымъ совѣтникомъ при императорѣ. Онъ былъ необходимъ ему и работалъ съ нимъ ежедневно. Черезъ его руки проходили почти всѣ дѣла. Этого человѣка боялись, его никто не любилъ и я никогда не могла понять, какимъ способомъ онъ сумѣлъ удерживаться въ милости императора Александра до самой его кончины.

Другою личностью, пользовавшеюся особою милостью и дружбою императора, былъ кн. Александръ Николаевичъ Голицынъ. — Проведя молодость бурно, онъ отличался въ послѣдствіи особою набожностью. Таково же было и настроеніе императора. Великія событія 1812, 1813 и 1814 гг. глубоко потрясли его умъ; до той поры онъ былъ суетенъ и легкомысленъ въ дѣлѣ религіи. Ханжа г-жа Крюднеръ повліяла на него въ томъ же смыслѣ, почва была хорошо подготовлена и принесла плоды. Кромѣ того, съ кн. Голицынымъ императора связывала, съ мо-

chose était par trop importante: il y allait de la paix, de la tranquillité de notre ménage; je fis mon devoir, et je ne m'en repentis jamais. La suite prouva, que j'étais assez accommodante par caractère.

Sa femme, Марія Яковлевна, aussi jolie que douce et bonne... M-r Naryschkine quitta notre cour, et on nomma le comte Modène à sa place...

A cette époque Araktschéew était le factotum principal de l'Empereur; il lui était indispensable; il travaillait tous les jours avec lui; c'est par lui que passaient presque toutes les affaires. On craignait cet homme; il n'était aimé de personne, et je n'ai jamais pu comprendre, pourquoi il sut soutenir sa faveur jusqu'à la fin des jours de l'Empereur Alexandre.

Un autre individu, très fort dans les bonnes grâces et dans l'amitié de l'Empereur Alexandre, était le prince Alexandre Golitzyne. Celui-ci, après avoir mené joyeuse vie dans sa jeunesse, commençait à donner dans la dévotion, depuis peu d'années. Telle était aussi la disposition d'âme de l'Empereur. Les grands événements des années 12, 13, et 14 avaient fait profonde impression sur son esprit, qui jusque là avait été frivole et léger en matière de religion. La sainte madame Krüdener avait aussi travaillé dans ce sens; le terrain était préparé,—et porta ses fruits. Outre cela,

*

лодых лѣтъ, давнишняя дружба; князь состоялъ камергеромъ при его Дворѣ, когда Александръ былъ еще только великимъ княземъ, и первый питалъ ко второму вполне искреннюю и непреходящую привязанность. Я чувствовала себя пріятнѣе въ обществѣ Голицына, нежели Аракчеева, который говорилъ только по-русски и внушалъ мнѣ какой-то инстинктивный страхъ. Въ то время много говорили о военныхъ поселеніяхъ, основанныхъ всего какой нибудь годъ назадъ по мысли самого государя; осуществленіе этой затѣи было возложено на Аракчеева и производилось далеко не съ кротостью, а напротивъ того—грубымъ и жестокимъ образомъ, что вызывало неудовольствіе въ бѣдныхъ крестьянахъ. По пути намъ попадались тамъ и сямъ жители нѣкоторыхъ деревень, колѣнопреклоненные и умолявшіе о томъ, чтобы не измѣняли ихъ положенія (т. е. не обращали бы въ военныхъ поселенцевъ).

Въ концѣ декабря братъ покинулъ меня. Я проводила его съ грустью и почувствовала новый приливъ тоски по поводу разлуки съ отцомъ, братьями и сестрами—то была ужасная минута! Но переживъ ее, я еще болѣе сблизилась съ моимъ Николаемъ, почувствовала, что въ немъ одномъ имѣю поддержку и опору въ новой моей родинѣ, а нѣжность его вполне вознаградила меня за все мною утраченное. Мы читали

une longue amitié le liait depuis sa jeunesse au prince Golitzyne, qui avait été chambellan à sa cour de Grand'Duc, et lui portait un attachement réel et inaltérable. Je me sentais plus à l'aise avec le prince Golitzyne, qu'avec Araktschéew, qui ne parlait que russe, et m'inspirait une certaine frayeur instinctive.

On parlait alors beaucoup des colonies militaires, instituées depuis un an à peine, dont l'idée venait de l'Empereur, mais l'exécution, étant confiée à Arakcheev, ne se faisait pas avec douceur, mais au contraire avec des moyens durs et cruels, et mécontentait les pauvres paysans. En chemin nous avons trouvé par ci par là, des habitants de quelques villages, à genoux, pour implorer, qu'on ne changeât pas leur sort.

A la fin de Décembre mon frère me quitta. Je le vis partir avec une douleur si forte, qu'elle réveilla toute ma mélancolie, d'avoir quitté père, frères et soeurs. Ce fut un moment affreux. Mais une fois passé, je me rapprochai encore d'avantage de mon Nicolas;—je sentis n'avoir que lui pour appui, pour soutien dans ma nouvelle patrie, et sa tendresse me dédommagea amplement de tout ce que j'avais perdu.

Nous fîmes des lectures ensemble: Corinne et Malek Adel,

вмѣстѣ: «Коринну» и «Малекъ Адея» и я съ наслажденіемъ вспоминаю объ этой мирной жизни въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ моимъ родамъ!

1818 годъ.

Мы выѣзжали очень мало; при Дворѣ не было ни одного вечерняго собранія, но часто давались обѣды. По воскресеньямъ обѣдали обыкновенно у шатап въ платьяхъ со шлейфами и на вечеръ появлялись опять въ томъ же костюмѣ; вечеръ проводили у нея въ бесѣдѣ и въ игрѣ въ макао. Признаюсь, вечера эти ужасно мнѣ наскучали по сравненію съ воскреснымъ препровожденіемъ времени въ Берлинѣ, гдѣ мы рѣзвились, болтали и оживленно веселились, и я теперь съ трудомъ могла скрывать свою скуку. Общество на этихъ собраніяхъ бывало ужасно древнее, въ стилѣ рококо: старыя, полуслѣпые сенаторы, вельможи времени императрицы Екатерины, находившіеся въ отставкѣ лѣтъ по двадцати или тридцати!

Въ мартѣ мѣсяцѣ императоръ уѣхалъ въ Варшаву, гдѣ долженъ былъ произойти первый сеймъ со времени учрежденія новаго Царства Польскаго и съ тѣхъ поръ какъ ему была дарована конституція. Рѣчь, произнесенная императоромъ при открытіи сейма, надѣлала не мало шума;

et je me souviens avec bonheur de ces paisibles mois, qui précédèrent mes couches.

1818 г.

On alla très peu dans le monde. La cour ne donna pas une fête le soir, mais beaucoup de diners. Le Dimanche ordinairement on dînait en robes à queues, chez Maman, et le soir, dans le même costume, on revenait pour faire cercle, et pour jouer au macao. Ceci, je l'avoue, m'ennuyait tellement, en comparaison des dimanches à Berlin, où l'on fôlâtrait, et jasait, et s'amusait tout particulièrement, — que j'avais de la peine à cacher mon ennui. La société de ces réunions était aussi terriblement vieille et rococo: de vieux sénateurs, à moitié aveugles, de grands seigneurs du temps de l'Impératrice Cathérine, retirés du service depuis 20 ou 30 ans.

L'Empereur Aléxandre partit au mois de Mars, pour Varsovie, où devait se tenir la première Diète, depuis l'organisation du nouveau royaume de Pologne, et depuis qu'on lui avait accordé une constitution.

упомяну я о ней лишь затѣмъ, чтобы напомнить, какъ нѣкоторые слова этой рѣчи громко отозвались въ русскихъ сердцахъ, возбудивъ ложныя надежды. Отголосокъ этотъ былъ настолько силенъ, что давалъ себя чувствовать и много еще лѣтъ спустя, а отчасти оказался причиною даже мятежа, сопровождавшаго восшествіе на престолъ моего Николая. Эти политическіе вопросы занимали меня тогда весьма мало: надежда сдѣлаться матерью всецѣло переполняла мое сердце. Эта минута, наконецъ, наступила!

На святой недѣлѣ, когда колокола своимъ перезвономъ славословили праздникъ Воскресенія, въ среду, 17-го апрѣля 1818 г., въ чудный весенній день, я почувствовала первые приступы родовъ въ 2 часа ночи. Призвала акушерку, затѣмъ вдовствующую государыню: настоящія боли начались лишь въ 9 часовъ, а въ 11 часовъ я услышала крикъ моего перваго ребенка!

Никсъ (в. к. Николай Павловичъ) цѣловалъ меня и плакалъ, и мы поблагодарили Бога вмѣстѣ, не зная даже еще послалъ-ли Онъ намъ сына или дочь, но тутъ подошла къ намъ маман и сказала «это сынъ». Мы почувствовали себя еще болѣе счастливыми при этомъ извѣстии, но помнится мнѣ, что я ощутила нѣчто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоитъ нѣкогда сдѣлаться императоромъ!

Le discours, tenu par l'Empereur à l'ouverture de cette première Diète, fit tant de bruit, que je n'en parlerai, que pour rappeler, que plusieurs paroles de ce discours retentirent avec fracas dans bien des coeurs russes, en donnant de fausses espérances. Et l'écho en fut si violent, qu'il se fit ressentir encore bien des années après, et qu'il fût en partie la cause des désordres révolutionnaires à l'avènement de mon Nicolas.

Ces sortes de questions politiques m'occupaient bien peu dans ce temps là, où les espérances de devenir mère remplissaient seules mon âme. Ce moment arriva enfin! Dans la semaine de Pâques, tandis que les cloches sonnaient encore pour cette grande fête de la Résurrection le Mercredi, 17 Avril 1818, par la plus belle journée de printemps, je sentis les premiers indices à 2 heures dans la nuit; on fit appeler la sage femme, puis l'Impératrice Mère; les véritables douleurs commencèrent à 9 heures seulement, et à 11 heures j'entendis le premier cri de mon premier enfant. Niks m'embrassait et fondait en larmes, et nous remercions Dieu ensemble, sans savoir encore s'il nous avait donné un fils ou une fille, lorsque Maman s'approcha de nous, en nous disant. «C'est un fils». Le bonheur en redoubla, et pourtant je me rappelle, que je sentis quelque chose de grave et de mélancolique, en pensant, que ce petit être serait un jour Empereur.

Шесть недѣль послѣ родовъ прошли для меня самымъ пріятнымъ, спокойнымъ и однообразнымъ образомъ; и выдалась въ это время съ весьма немногими. Княжна (Софія) Трубецкая приходила иногда вечеромъ почитать вслухъ часъ или два. На нашихъ маленькихъ вечерахъ, до моихъ родовъ, бывала также г-жа Кутузова. Вечеромъ наканунѣ великаго событія, у меня еще были гости до 10 часовъ, а въ 2 часа ночи почувствовала я первые признаки приближавшихся родовъ.

Во время крестинъ, (совершившихся 29-го апрѣля въ Чудовомъ монастырѣ), нашему малюткѣ было дано имя Александръ; то былъ прелестный ребеночекъ, бѣленькій, пухленькій, съ большими темно-синими глазами; онъ улыбался уже черезъ шесть недѣль. Я пережила чудную минуту, когда понесла новорожденнаго на рукахъ въ Чудовскую церковь, къ гробницѣ св. Алексѣя.

Вскорѣ Москва сдѣлалась сіяющею и оживленною. Императоръ возвратился изъ Польши и изъ побѣды въ Одессу и Крымъ и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ принцъ Филиппъ Гессенъ-Гомбургскій, посланный отъ имени австрійскаго императора въ Варшаву. Онъ настолько понравился государю и такъ сошелся съ нимъ, что императоръ пригласилъ принца сопровождать его въ путешествіи.

Mes six semaines de couches relevailles passèrent de la manière la plus agréable, et la plus calme et uniforme. Les personnes, que je voyais durant mes couches étaient peu nombreuses. La princesse Troubetzkoy venait quelquefois le soir, me faire la lecture, pendant une heure ou deux; madame Koutouzow appartenait aussi à nos petites soirées, mais avant mes couches. La veille du grand événement j'avais encore du monde chez moi, jusqu'à 10 heures. Et la nuit, à 2 heures, les premiers indices d'accouchement se firent sentir.

Au baptême ¹⁾, le 29 Avril, notre petit reçut le nom d'Alexandre. C'était le plus délicieux petit enfant qu'on put voir, blanc, potelé, grands yeux d'un bleu foncé, souriant déjà à 6 semaines.

Ce fut encore un beau moment pour moi, lorsque je portai mon nouveau né, sur mes bras, à l'Église de Чудовъ, et au tombeau de St. Alexis.

Bientôt Moscou devint brillant et animé. L'Empereur revint de Pologne, et d'un voyage à Odessa et en Crimée; à sa suite le Prince Philippe de Hesse-Hombourg, envoyé par l'Autriche à Varsovie, et qui plaisait et convenait si bien à l'Empereur, qu'il l'invita à l'accompagner durant son voyage. Bientôt après j'eus le bonheur d'aller à la rencontre de mon

¹⁾ Le baptême se fit à l'église de Чудовъ.

Вскорѣ я имѣла счастье выѣхать на встрѣчу моему отцу въ маленькое помѣстье Нарышкиныхъ, въ Кунцово. На слѣдующій день я раздѣловалась съ братомъ Фрицемъ. Въѣздъ отца въ Москву совершился верхомъ. Изъ оконъ покоевъ шатап я любовалась на блестящій поѣздъ, проѣзжавшій вдоль древнихъ зубчатыхъ стѣнъ Кремля. Я впала въ какой-то блаженный экстазъ! Сердце мое трепетало отъ радости, и я не знала какъ достаточно благодарить Бога! Пребываніе короля въ Москвѣ продолжалось не болѣе 10—12 дней; были они весьма утомительны, ибо прогулки по городу, обѣды, балы и иллюминаціи быстро чередовались, и мы едва успѣвали переодѣваться. Затѣмъ мало-по-малу вся пріятная компанія направилась въ Петербургъ.

Ихъ императорскія и королевскія величества и высочества съѣхались снова въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Царскомъ Селѣ. Тамъ устраивались катанья въ двадцати дрожкахъ, которыя слѣдовали другъ за другомъ, съ императоромъ Александромъ во главѣ; ужины происходили въ различныхъ павильонахъ сада — было вечернее собраніе въ эрмитажѣ, другое собраніе на островѣ, посреди пруда, и еще въ Павловскѣ у вдовствующей государыни. Потомъ состоялся торжественный въѣздъ короля прусскаго въ Петербургъ съ выстроенымъ войскомъ и множествомъ парадныхъ экипажей. Все это настолько походило на мой прошло-

père, au petit château de Kuntzow, des Naryschkines. Le lendemain j'embrassai mon frère Fritz. L'entrée de mon père se fit à cheval. Du haut des fenêtres de Maman, au Kremlin, je vis tout ce cortège brillant, qui longeait ses antiques mur crennelés. J'étais dans une espèce d'extase de félicité. Mon coeur bondissait de joie! je ne pouvais assez remercier le bon Dieu!

Le séjour du Roi à Moscou ne dura guère que 10 à 12 jours, qui furent bien fatiguants, puisque les courses en ville, les diners, les bals et illuminations se succédaient si rapidement, qu'on avait à peine assez de temps pour faire ses toilettes. Puis, toute cette bande joyeuse se transporta à Pétersbourg, a u f u r e t à m e s u r e. Les Majestés et les Altesses Impériales et Royales se rencontrèrent à Zarskoe Selo, au mois de Juin. On y fit des promenades, dans une vingtaine de drojkis, qui se suivaient, conduits par l'Empereur Aléxandre. On soupait après cela dans différents pavillons du jardin: un soir à l'Hermitage, un autre sur l'île, au milieu du lac, puis une autre fois à Pawlowsky, chez l'Impératrice Mère.

Puis, l'entrée solennelle du Roi de Prusse à Pétersbourg eut lieu, avec grand appareil de troupes et d'équipages. Tout cela ressemblait tellement à mon entrée de l'année passée, à la même époque, que je croyais rêver. Seulement, en passant devant Anitschkow, en voyant notre petit

годній взъздъ, что я словно сонъ переживала. Только проѣзжая мимо Аничкова дворца и увидѣвъ въ одномъ изъ оконъ, на рукахъ у няни, маленькаго Сашу, настоящее оказалось самымъ пріятнымъ образомъ, и глаза мои наполнились слезами. При выходѣ изъ экипажа у Казанскаго собора, императоръ подавъ мнѣ руку и, замѣтивъ мое смущеніе, сказалъ мнѣ на ухо:

«Этихъ душевныхъ волненій не слѣдуетъ стыдиться, они пріятны Господу!»

Мой отецъ занялъ заново для него отдѣланныя комнаты въ Зимнемъ дворцѣ, которыя составляли прежде покои императора Павла. Мы ужинали въ семейномъ кругу у него, въ фонарѣ, обращенномъ къ большой площади. На этихъ ужинахъ однѣ только дамы сидѣли за столомъ, а мужчины ужинали стоя. Я была внѣ себя отъ радости, что находилась близъ отца и брата Фрица. Дядя мой, принцъ Карлъ Виртембергскій, также пріѣхалъ въ свитѣ короля. Затѣмъ начались празднества: смотры, парады, пріемы, балы, катанья по островамъ, посѣщенія институтовъ. Послѣднія занимали особенно много времени, такъ какъ императрица доставляла удовольствіе показывать ихъ медленно и обстоятельно, останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы объяснить королю что и почему. Она обыкновенно шествовала подъ руку съ моимъ отцомъ, императрица Елисавета съ королевскимъ принцемъ, а моя рука доставля-

Sascha à une fenêtre, sur les bras de sa bonne, je fus rappelée d'une manière bien douce au présent, et mes yeux se remplirent de larmes. En descendant de voiture à l'église de Kazan, l'Empereur m'offrit son bras; il remarqua mon émotion, et me dit à l'oreille: «Ce sont de ces mouvements de l'âme, dont on ne doit pas rougir, car ils doivent être agréables à notre Seigneur».

Mon père occupa des chambres tout nouvellement arrangées pour lui, au Palais d'hiver, qui autrefois avaient été l'appartement de l'Empereur Paul. Nous soupâmes en famille, chez lui, dans la lanterne du côté de la grande place. Je me sentais folle de plaisir, d'être ainsi auprès de Papa, et de mon frère Fritz. Mon Oncle, le Duc Charles de Mecklembourg était aussi venu à la suite du Roi.

Les fêtes recommencèrent. Revues, parades, réceptions, bals, promenades aux îles, visites aux Instituts. Ces dernières prenaient beaucoup de temps, parce que l'Impératrice Mère se plaisait à les montrer lentement, et en détail, en s'arrêtant à chaque instant, pour expliquer longuement au Roi, le comment et le pourquoi. Elle donnait le bras à mon père, l'Impératrice Elisabeth marchait avec le Prince Royal, et moi, je tombai ordinairement en partage à l'Empereur, qui en paraissait en-

лась на долю императору, который казался въ восторгѣ отъ этого и по этому поводу высказывалъ тысячу пріятныхъ, любезныхъ и лестныхъ вещей, приводившихъ меня въ самое прекрасное настроеніе. Вдругъ, во время этихъ празднествъ и удовольствій, однажды мой Николай послѣ парада заболѣлъ—онъ возвратился домой, дрожа отъ лихорадки, блѣдный, весь позеленѣвшій, чуть не падая въ обморокъ. Я испугалась; его уложили въ кровать, а на слѣдующій день обнаружилась корь. Болѣзнь была довольно легкая и шла обычнымъ чередомъ. Я ухаживала за мужемъ, но отъ времени до времени появлялась и на празднествахъ.

Петергофскій праздникъ, справляемый всегда 22-го іюля, былъ на сей разъ отпразднованъ 1-го іюля, по случаю пребыванія короля моего отца. Поутру была отслужена обѣдня у насъ, въ Аничковомъ дворцѣ, затѣмъ мы отправились въ Петергофъ; день былъ великолѣпный. Фонтаны, зелень, море и небо, все вмѣстѣ увеличивало красоту этого мѣста, которое съ перваго раза понравилось и королю и всѣмъ прочимъ путешественникамъ. На слѣдующій день, вдовствующая государыня возила насъ на «собственную дачу», которая меня особенно привлекала своею густою листвою и своей маленькой уединенной часовней, располагая душу къ молитвѣ.

Всю жизнь жила во мнѣ склонность къ меланхоліи и мечтательности. Послѣ развлеченій свѣтской жизни, я любила углубляться въ самое

chanté, et me disait à ce propos mille choses obligeantes, aimables et flatteuses, qui me mettaient de la plus belle humeur.

Mais voilà, au milieu de ces fêtes et de ces plaisirs, qu'un beau jour mon Nicolas tombe malade; après une parade il rentre à la maison, frissonnant de fièvre, pâle et livide,—presque défaillant; je m'effraye, on le couche dans son lit, et le lendemain la rougeole se déclare. La maladie fut assez légère et eut son cours ordinaire.

Je le soignais, mais cependant, de temps en temps je paraissais aux fêtes.— Celle de Peterhof, qui avait toujours lieu le 22 Juillet, fut célébrée cette année-là, le 1 Juillet, à cause du séjour du Roi mon père. Le matin il y eut messe chez nous, à Anitschkow, puis on partit pour Péterhof, par une belle journée. Les fontaines, la verdure, la mer et le ciel se réunirent pour relever la beauté de l'endroit, qui plut aussi tout d'abord à mon frère, et à tous les autres voyageurs.

Le lendemain, l'Impératrice Mère nous mena à Собственная дача, qui par ses ombrages touffus, avec sa petite chapelle solitaire, me charmait tout particulièrement, en invitant l'âme à se recueillir, et à rêver. Toute ma vie j'eus ce penchant un peu mélancolique et rêveur: après les dissipations du monde, je me plaisais à rentrer en moi-même, et la belle

себя и въ такія минуты природа оказывалась для меня столь-же необходимою, какъ хорошая проповѣдь, и болѣе всѣхъ проповѣдей въ мірѣ вѣщала мнѣ о Богѣ и о чудныхъ благодѣяніяхъ, оказываемыхъ Имъ своимъ созданіямъ!

Прошло еще нѣсколько дней, и мой отецъ покинулъ насъ; мы провожали его до Гатчины. Тамъ я простилась съ дорогимъ и добрымъ отцомъ съ грустью, но съ общаніемъ и надеждою увидѣться съ нимъ на слѣдующій годъ. Едва возвратившись въ Аничковъ дворецъ, я захворала,—у меня тоже оказалась корь; на пятый день я почувствовала себя особенно дурно, у меня разболѣлась грудь, но нѣсколько пѣвоекъ, вбѣремя поставленныхъ, облегчили мои страданія, и выздоровленіе пошло быстро. Нашего маленькаго Сашу удалили; онъ жилъ въ Таврическомъ дворцѣ подъ покровительствомъ вдовствующей государыни. Мой братъ и принцъ Гессенъ-Гомбургскій облегчили и значительно оживили періодъ моего выздоровленія своимъ присутвіемъ и своею любезностію.

Принцъ Филиппъ по истинѣ былъ очень малъ; человекъ свѣтскій и въ то же время храбрый и опытный воинъ, онъ обладалъ искусствомъ смѣшнить, никогда не забываясь и не позволяя себѣ никакихъ вольностей. Судьба не разъ еще сталкивала насъ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, и онъ всегда былъ для насъ тѣмъ же преданнымъ другомъ и любезнымъ собесѣдникомъ. Онъ пріѣзжалъ вторично въ Рос-

nature m'était alors nécessaire, comme un bon sermon,—et bien plus que tous les sermons du monde, elle me parlait de Dieu, et de ses miraculeux bienfaits envers ses créatures.

Quelques jours encore, et mon père nous quitta; on l'accompagna à Gatschina; c'est là que je dis adieu à ce cher et bon Papa, non sans attendrissement, mais avec la promesse et l'espoir de le revoir l'année prochaine.

À peine revenue à Anitschkow, je tombai malade, et la rougeole se déclara le cinquième jour; je me sentais très souffrante, ma poitrine me faisait mal, mais quelques sangsues, appliquées à temps, soulagèrent le mal, et la guérison alla vite. On avait éloigné notre petit; il logeait au Palais de la Tauride, sous la protection de l'Impératrice Mère. Mon frère, et le Prince Philippe de Hesse-Hombourg allégèrent et égayèrent beaucoup ma convalescence par leur présence et leur amabilité. Le Prince Philippe fut vraiment charmant; homme du monde, et militaire brave et expérimenté, il possédait l'art de faire rire, sans jamais s'oublier, sans dire des choses trop lestes. Le sort nous réunit encore bien des fois, dans des circonstances bien différentes, et toujours il fut le même pour nous—ami dévoué et homme aimable.

сію ко дню нашей коронаціи въ 1826 г. Въ третій разъ императоръ австрійскій присылалъ его во время турецкой войны въ главную квартиру, и я видѣла его тогда въ Одессѣ въ 1828 г. Четвертый разъ онъ былъ въ Варшавѣ, во время нашей коронаціи польскою царскою короною въ 1829 г.

Братъ мой и принцъ Филиппъ покинули насъ, наконецъ, и разумѣется гораздо скорѣе, нежели я того желала; мы отправились проводить остальную часть лѣта въ Павловскѣ, но не надолго, такъ какъ императоръ и обѣ императрицы собирались вскорѣ уѣхать за границу. Маман радовалась этому путешествію, имѣвшему цѣлью посѣтить трехъ ея дочерей въ ихъ резиденціяхъ; первую по списку предполагалось посѣтить великую княжну Екатерину Павловну, королеву Виртембергскую; Анна Павловна, принцесса Оранская, проживала въ Брюсселѣ, а Марію Павловну, супругу наслѣднаго герцога Веймарскаго, предстояло посѣтить послѣднюю. Императоръ долженъ былъ отправиться въ Ахенъ на политическій конгрессъ, на которомъ обѣщалъ присутствовать и отецъ мой. Михаилъ (Павловичъ) находился уже въ Германіи, собираясь посѣтить Англію и Италію; поѣздка эта имѣла воспитательную цѣль и должна была завершить его образованіе. Константинъ (Павловичъ) за-

Il revint la seconde fois en Russie, pour notre couronnement, en 1826. Puis la troisième fois, ce fut pour la guerre de Turquie, que l'Empereur d'Autriche l'envoya au quartier général, et je le vis alors à Odessa, en 1828;—la quatrième fois, à Varsovie, pour notre couronnement, en 1829.

Mon frère et lui nous quittèrent enfin, certes beaucoup trop tôt, selon mes vœux.

Nous allâmes passer le reste de l'été à Pawlowsky, mais pas pour longtemps, car l'Empereur et les deux Impératrices se trouvaient à la veille de leur départ pour l'étranger. Maman se faisait une fête de ce voyage, dont le but était de visiter ses trois filles, dans leurs différentes résidences. La Grande Duchesse Catherine, devenue Reine de Wurtemberg, était la première sur la liste; Anne, Princesse d'Orange, se trouvait à Bruxelles,—et Marie, Grande Duchesse héréditaire de Weimar, faisait la clôture. L'Empereur devait se rendre à Aix-la-Chapelle, pour un congrès politique, auquel mon père, de son côté, promettait d'assister.

Michel se trouvait déjà en Allemagne, pour faire en Angleterre et en Italie un voyage instructif, qui devait achever son éducation. Constantin occupait à Varsovie la place, qu'il garda jusqu'à la malheureuse catastrophe de l'année 1830.

нималъ въ Варшавѣ тотъ постъ, который сохранилъ вплоть до несчастной катастрофы 1830 г. Итакъ, мы съ Николаемъ оказывались единственными членами императорской фамилии, пребывавшими въ Петербургѣ. Намъ были даны инструкціи касательно того, что слѣдовало дѣлать въ высокаторжественные дни.

Первый случай, когда мы принесли себя въ жертву отечеству, былъ день св. Александра Невскаго; въ тотъ день мы присутствовали въ полномъ парадѣ на архіерейской службѣ и на завтракѣ у митрополита. То было чистымъ испытаніемъ для меня, бѣдной женщины, всю жизнь не имѣвшей достаточно силъ, разъ приходилось выстаивать длинныя церковныя церемоніи. Помню, что я испугалась собственнаго лица, по возвращеніи съ этой утомительнѣйшей церемоніи. Завитые мои волосы совсѣмъ распустились, я была мертвенно блѣдна и вовсе не интересна въ розовомъ глазетовомъ сарафанѣ съ токомъ, шитымъ серебромъ, на головѣ.

Маша разрѣшила своему сыну провести нѣсколько дней въ Гатчинѣ для охоты. Мы съ радостью приготовились воспользоваться этимъ позволеніемъ и провели въ Гатчинѣ время весьма пріятно въ тѣсномъ кружкѣ, который составляли оберъ-церемоніймейстеръ князь Яковъ Лобановъ, сынъ его, флигель-адъютантъ князь Александръ Лобановъ, графъ Рибошьеръ и нашъ маленькій Аничковскій Дворъ. Мнѣ чрезвычайно понравилась эта жизнь въ загородномъ замкѣ и охота; всѣ

Nicolas et moi, nous nous trouvions donc être les seuls membres de la famille Impériale, présents à Pétersbourg. On nous avait donné des instructions pour ce que nous devions faire les jours de fêtes. La première occasion, où nous nous exécutâmes pour la patrie, fut la Saint Aléxandre, où nous assistâmes en grande tenue, à la messe d'Archevêque, et au déjeuner chez le Métropolitain. Ce fut une véritable exécution pour moi, pauvre femme, qui manquait toute ma vie de forces, dès qu'il fallait se tenir debout à des cérémonies d'église; je me rappelle, que je fus effrayée de ma mine, au retour de cette terrible fatigue, — les cheveux, qui avaient été bouclés, tous défrisés, pâle comme un spectre, et nullement à mon avantage, — dans une robe à queue, en glacé d'argent rose, et avec une toque brodée d'argent sur la tête.

Maman avait permis à son fils de passer quelque jours à Gatschina, pour y chasser. Nous ne demandions pas mieux que d'en profiter, et ce fut un temps fort agréable que nous y passâmes, avec une petite société, composée du prince Jacques Lobanow, grand maître de la Cour, son fils Prince Aléxandre, aide de camp de l'Empereur, m-r de Ribeaupierre, et notre cour d'Anitschkow. Je m'amusai à merveille de cette vie de

были веселы, любезны, каждый по своему, разговорчивы и всё разстались довольные другъ другомъ.

Ко времени этого пребыванія въ Гатчинѣ относится мое знакомство съ графомъ Рибоьеромъ, который, несмотря на частыя отлучки, всегда былъ для меня другомъ, а впоследствии любезнымъ чтецомъ. Мы были какъ нельзя болѣе довольны графомъ Моденомъ, заступившимъ мѣсто Кирилла Нарышкина; онъ отличался изысканными манерами стариннаго версальскаго Двора, былъ до-нельзя вѣжливъ даже въ шуткахъ, услуживъ безъ низкопоклонства и умѣлъ устраивать все, какъ нельзя лучше. Его можно было упрекнуть развѣ въ излишней обидчивости. Мнѣ, женщинѣ наименѣе взыскательной и честолюбивой, судьба судила всю жизнь быть окруженной людьми подозрительными и обидчивыми. Я, неизмѣнно желавшая всѣмъ лишь добра и думавшая какъ бы сдѣлать приятное другимъ, напротивъ того нерѣдко имѣла несчастье оскорблять и дѣлать неприятное людямъ, на которыхъ считала возможнымъ вполне полагаться; мнѣ пришлось не мало прожить, прежде чѣмъ я приобрѣла знаніе людей,—науку весьма полезную, но составляющую плодъ многихъ неудачъ и разбитыхъ заблужденій!

Въ городѣ сезонъ баловъ начался рано и открылся баломъ въ Аничковскомъ дворцѣ 3-го (15-го) октября, въ день рожденія моего брата, наслед-

château et de chasses; on fut gai, on fut causant, on fut aimable, chacun à sa manière, et on se quitta, contents les uns des autres. Ce fut de ces jours, que data ma connaissance et ma relation amicale avec m-r de Ribeaupierre, qui quoique souvent absent, fut cependant pour moi, en toute occasion, un aimable ami, et un complaisant lecteur dans la suite.

Nous étions on ne peut plus content du comte Modène, depuis qu'il avait remplacé Cyrille Naryschkine; tournure distinguée de la vieille cour de Versailles; bon ton, même en plaisantant; complaisant, sans être bas, arrangeant tout à merveille, on ne pouvait lui reprocher qu'un peu de susceptibilité. M o i, la personne la moins prétentieuse et ambitieuse, que ait jamais existée, j'ai eu le sort d'être presque toute ma vie entourée de personnes soupçonneuses ou susceptibles; m o i, qui ne voulais que du bien, ne désirais que d'obliger les autres, j'eus bien souvent le malheur de choquer et désobliger, au contraire, des personnes, dont j'avais cru être sûre; il m'a fallu vivre longtemps, pour acquérir la connaissance des hommes—science si utile, et pourtant ordinairement le fruit de bien de mécomptes, de bien d'illusions évanouies.

En ville la saison des bals commença de bonne heure, et fut ouverte par un bal à Anitschkow—notre premier bal, le 3 (15) Octobre, jour de naissance de mon frère, le Prince Royal. Ce fut un événement

наго принца. Это было событіемъ для нашего Аничковскаго дворца, такъ какъ то былъ нашъ первый приѣмъ въ Петербургѣ, и меня впервые тогда увидѣли исполняющею обязанности хозяйки дома! Ко мнѣ были снисходительны, очень хвалили нашъ балъ, нашъ ужинъ, нашу любезность; это явилось какъ бы поощреніемъ, которое дало намъ охоту принимать и веселить людей у себя. Когда человекъ молодъ и красивъ, когда самъ любишь танцовать, не трудно угодить всѣмъ безъ особенныхъ напряженій.

Тутъ кстати упомянуть о семействѣ Кочубей. Оно находилось въ отсутствіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и только въ 1818 году графъ и графиня Кочубей и красивая ихъ дочь Nathalie были мнѣ представлены въ Павловскѣ, причѣмъ шатап и императоръ отозвались объ этой семьѣ самымъ лестнымъ образомъ. Вскорѣ я сама почувствовала къ нимъ расположеніе; ихъ я посѣщала всего охотнѣе и мы приглашали ихъ чаще другихъ. Графъ обладалъ въ высшей степени изысканными манерами и свѣтскостью въ обращеніи, отличавшей людей прошлаго вѣка, жившихъ при Екатеринѣ II и при ея Дворѣ и бывавшихъ въ ея интимномъ кругу. Графъ имѣлъ счастье, будучи еще весьма молодымъ человекомъ, сопровождать императрицу въ качествѣ камеръ-юнкера въ ея путешествіи въ Крымъ (въ 1787 году); ему было тогда всего 18—19 лѣтъ. Въ то время, какъ я познакомилась съ нимъ, онъ состоялъ, ка-

pour notre palais Anitschkow, car ce fut la première fois, que nous devions recevoir la société de Pétersbourg, — le première fois, qu'on me vit faire les honneurs de chez moi! — On fut indulgent. On loua beaucoup notre bal, notre souper, notre politesse, et ce fut très encourageant, pour nous donner l'envie de recevoir et d'amuser le monde chez nous! Quand on est jeune et jolie, quand on aime soi-même à danser, on contente facilement, sans beaucoup de frais.

C'est ici le moment de parler de la famille Kotschoubey. Elle avait été absente durant quelques années, et ce fut en 1818 seulement, que le comte, la comtesse, et leur jolie fille, Nathalie, me furent présentés à Pawlowsky. Très recommandés par Maman et par l'Empereur, je me sentis bientôt portée vers eux par moi-même, et ce fut chez eux, que j'allais le plus volontiers, et ce furent eux, que nous invitations le plus souvent.

Le comte possédait au plus haut degrés la distinction des manières, et le parfait bon ton, qui distinguent les personnes du siècle passé, celles qui ont vécu du temps de Catherine II, et à sa cour, et dans son cercle particulier. Lui, par exemple, comme tout jeune homme, avait eu le bonheur d'accompagner l'Impératrice Catherine, à son voyage en Crimée (1787) comme gentilhomme de la chambre, âgé de 18 ou 19 ans, tout

жется, министромъ внутреннихъ дѣлъ; у нихъ было нѣсколько танцевальныхъ вечеровъ, но вскорѣ я должна была перестать танцовать, такъ какъ почувствовала себя беременной и даже съ приступами тошноты встрѣтила мою свекровь на лѣстницѣ при ея возвращеніи изъ Германіи. Какъ интересны были ея рассказы о ея путешествіи, удовлетворившемъ ее во всѣхъ отношеніяхъ!

Императоръ Александръ, возвратившійся незадолго до пріѣзда матери, которую видѣлъ за время путешествія въ Ахенъ и Брюссель, проявлялъ братскую доброту къ Николаю и ко мнѣ; онъ заходилъ къ намъ довольно часто по утрамъ, и его политическіе разговоры были въ высшей степени интересны. Возвратясь наканунѣ новаго года, маман 1-го января 1819 года уже присутствовала на выходѣ и въ церкви. Она сознавалась, что нѣсколько утомлена, но ей никогда не дѣлалось дурно, какъ намъ, бѣднымъ, слабымъ женщинамъ.

1819 г.

Точно также, она оказалась въ состояніи присутствовать 6-го января на всѣхъ церемоніяхъ водоосвященія и шествовать пѣшкомъ за про-

au plus. Je crois, qu'il était ministre de l'Intérieur au moment, où je fis sa connaissance.

Ce fut donc chez moi, que se donnèrent plusieurs soirées dansantes, mais bientôt je n'osai plus danser, car je crus être grosse, et ce fut avec des nausées, que je reçus ma belle Mère, au bas de son escalier, au moment de son retour d'Allemagne. Combien intéressantes furent les relations de son voyage, qui l'avait contenté sous tous les rapports.

L'Empereur Alexandre, revenu peu de temps avant sa mère, qu'il avait vue, durant son voyage, à Aix la Chapelle et à Bruxelles, fut bien fraternellement bon pour Nicolas et pour moi; il venait assez souvent me voir le matin, et ses conversations politiques étaient du plus haut intérêt.

Arrivée la veille du nouvel an, Maman parut cependant à la sortie et à l'église, le 1 Janvier 1819. Elle avoua être un peu fatiguée, mais jamais elle ne se trouvait mal, comme nous autres, pauvres faibles femmes.

1819 г.

De même elle fut en état d'assister, le 6 Janvier, à toute la cérémonie de la bénédiction des eaux et de suivre la procession à

цессіей. Я имѣла честь вести ее подъ руку и приходила въ восторгъ отъ прекрасной погоды,—такъ какъ былъ только градусъ мороза—отъ солдатъ, словомъ отъ всего, потому что все это было мнѣ въ диковинку; вѣдь мнѣ всего было только 20 лѣтъ.

Уже тогда дѣлались предположенія насчетъ зимнихъ празднествъ, но вдругъ извѣстіе о кончинѣ королевы Виртембергской Екатерины Павловны повергло все семейство въ горе и трауръ. Никогда я не забуду той ужасной минуты, когда императору Александру пришлось объявить объ этой жестокой потерѣ матери, возвращавшейся съ прогулки, ничего не подозрѣвавшей и не мало удивленной появленіемъ у себя императора въ неурочное время. Мы были въ сосѣдней комнатѣ и могли слышать печальный разговоръ; императрица и не хотѣла и не могла понять, что Екатерина Павловна умерла, и только восклицала хриплымъ голосомъ:—«Като не умерла, нѣтъ, нѣтъ, она не умерла!»

Понятно, что императрицѣ трудно было освоиться съ мыслию, что красивой и блестящей Екатерины Павловны, съ которой она недавно еще рассталась въ Германіи, уже не было на свѣтѣ! Мы окружали маманъ нашими попеченіями, нашими ласками; императоръ сталъ относиться къ ней съ удвоенною нѣжностью и предупредительностью и благодаря этому она имѣла силы перенести свое горе и возвратиться къ обычнымъ занятіямъ, отнимавшимъ у нея большую часть дня.

piéd; j'eus l'honneur de lui donner le bras, enchantée de ce spectacle, du beau temps (il n'y avait qu'un degré de froid), des soldats, de tout enfin, parceque c'était nouveau pour moi et (parce) que j'avais 20 ans.

On faisait des projets de fêtes pour l'hiver, lorsque, comme un coup de foudre, la nouvelle de la mort de la Reine Cathérine de Würtemberg vint jeter la famille dans la douleur et le deuil. Ce fut un moment affreux, que je n'oublierai de ma vie, lorsque l'Empereur Alexandre dut annoncer cette cruelle perte à sa mère, qui, revenant à la maison et ne se doutant de rien, fût étonnée de trouver chez elle l'Empereur, à une heure inaccoutumée; nous nous trouvions dans la pièce voisine, et pouvions entendre cette triste conversation, et comme elle ne voulait, ne pouvait comprendre, que Cathérine fut morte. Elle s'écriait avec une voix rauque: «Cato n'est pas morte, non! non! elle n'est pas morte». Je crois bien, qu'elle ne pouvait saisir, que cette belle et brillante Cathérine, qu'elle venait de quitter en Allemagne, ne fut plus de ce monde.

Nous entourâmes Maman de nos soins, de nos caresses; l'Empereur redoubla de tendresse et d'attentions, et ce fut grâce à cela, qu'elle eut la force de vaincre sa douleur peu à peu, et de revenir à ses occupations, qui lui prenaient la plus grande partie de la journée.

Странные слухи ходили по поводу причинъ, вызвавшихъ смерть королевы Екатерины Павловны; имя принца Павла Виртембергскаго произносилось шопотомъ, рассказывали о балѣ, который онъ задалъ въ Парижѣ въ тотъ день, когда пришло туда извѣстiе о ея кончинѣ. На самомъ дѣлѣ она скончалась отъ рожи на головѣ, проболѣвъ всего сутки.

Зима прошла скучно и тяжело для меня; когда я не ѣздила къ татап, то оставалась дома одна съ преданною моею подругою Цецилией, въ то время, какъ мужъ мой игралъ у себя въ à la guerre съ нѣсколькими офицерами или ѣздилъ верхомъ съ Михаиломъ (Павловичемъ) въ манежѣ. По утрамъ я брала уроки у Жуковского, или урокъ музыки и пѣнія и писала письма въ Берлинъ, имѣя обширную корреспонденцію, и съ особымъ нетерпѣнiемъ ожидала весны, чтобы возвратиться въ деревню.

Наконецъ эта желанная минута настала, я могла вновь пользоваться прогулками, часто присаживалась съ Цецилией въ саду, гдѣ мы читали вмѣстѣ. Будучи обѣ беременны, мы тяжело выступали по хорошенькимъ дорожкамъ Павловскаго парка и обѣ посмѣивались надъ своими фигурами. Этой же весною, если не ошибаюсь, прiѣзжалъ сюда молодой графъ Вильгельмъ Гохбергъ, близкiй родственникъ великаго герцога Баденскаго. Онъ ѣздилъ отъ одного Двора къ другому, чтобы устроить

On débita d'étranges bruits sur les causes de la mort de la Reine Cathérine; le nom du Prince Paul de Würtemberg fut prononcé à voix basse; on parlait d'un bal, qu'il donna à Paris le jour, où la nouvelle du décès lui parvint Le fait est, qu'elle mourut d'une hérézypèle à la tête, qui l'emporta en moins de 24 heures.

L'hiver passa lentement et lourdement pour moi; quand je n'allais pas chez Maman, je restais seule à la maison avec Cécile, ma fidèle compagne, tandis que mon mari jouait chez lui, au jeu de guerre, avec quelques militaires, ou qu'il montait à cheval, avec Michel, au manège. Le matin je prenais des leçons chez Жуковский, ou bien j'avais un maître de piano, de chant,—ou j'écrivais des lettres à Berlin, ayant une énorme correspondance à soigner.

J'attendais le printemps avec grande impatience, pour retourner à la campagne; il arriva enfin, ce moment désiré, je pus jouir des promenades; je m'établissais avec Cécile souvent pour lire ensemble; grosses toutes deux, nous cheminions lourdement les jolis sentiers de Pawlowsky, riant de nos deux figures.

Ce même printemps, si je ne me trompe, arriva ici, le jeune comte Guillaume de Hochberg, proche parent du Grand Duc de Bade. Il voya-

передачу по наслѣдству баденскихъ владѣній въ пользу семейства Гохбергъ, такъ какъ у царствовавшаго великаго герцога не было мужскаго потомства и страна должна бы была достаться, кажется, во владѣніе Баваріи. Эта вѣтвь семейства Гохбергъ, впрочемъ законная, не пользовалась титуломъ принцевъ по причинѣ неравнаго брака, заключеннаго отцомъ графа. Хлопоты графа увѣнчались успѣхомъ, и по смерти великаго герцога баденскаго, брата императрицы Елисаветы, маркизь Леопольдъ Гохбергъ сдѣлался великимъ герцогомъ баденскимъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, бригада моего мужа, состоявшая изъ полковъ Измайловскаго и Егерскаго, выступила въ лагерь, въ Красное Село, я послѣдовала туда за моимъ великимъ княземъ. Маман, которой принадлежала прелестная красносельская дача, помѣстила меня въ маленькомъ домикѣ, который сама нѣкогда занимала, при жизни императора Павла, во время военныхъ маневровъ. Этотъ маленькій домикъ понравился мнѣ, я поселилась въ немъ на три недѣли, которыя пролетѣли для меня слишкомъ скоро,—такъ нравилась мнѣ эта военная жизнь.

Я проводила утро у себя или въ прогулкахъ, остальную часть дня просиживала въ палаткѣ моего мужа; близость хорошенькой Дудергофской горы съ ея дикою долиной не мало способствовала нашимъ удовольствіямъ, въ сущности довольно невиннымъ.

geait d'une cour à l'autre, pour y négocier la succession de Bade en faveur de la famille Hochberg. Le Grand Duc n'ayant pas de successeur mâle, le pays serait tombé en partie à la Bavière, je crois. Cette branche de Hochberg, légitime d'ailleurs, ne portait pas le titre de princes, à cause d'une mésalliance du père. La négociation réussit, et à la mort du Grand Duc (frère de l'Impératrice Elisabeth), le Marcgrave Léopold de Hochberg devint Grand Duc de Bade.

Au mois de Juin la brigade de mon mari (composée du régiment d'Izmailowsky et des Chasseurs) entra au camp, près du village de Krasnoyé Sélo. J'y suivis mon Grand Duc. Maman, à qui appartenait la belle possession de Красное Село, me logea dans une fort petite maison, qu'elle avait occupée une fois en sa vie, du temps de l'Empereur Paul, pour le temps de manoeuvres militaires. Cette petite maison me plut, et je m'y installai pour trois semaines, et ces trois semaines passèrent trop vite pour moi, tellement me plaisait cette vie militaire. Je passais les matinées chez moi, ou bien à promener; le reste de la journée je m'installai dans la tente de mon mari. Le voisinage de la jolie montagne de Duderhof, avec son vallon sauvage, augmentait mes plaisirs bien innocents à la vérité.

Il m'a toujours fallu peu de chose pour me contenter; si je me trou-

*

Мнѣ немного требовалось, чтобы быть довольной, — разъ я могла быть съ моимъ мужемъ, мнѣ не нужно было ни празднествъ, ни развлеченія; я любила жизнь тихую и однообразную, даже уединенную; по моимъ вкусамъ я любила простоту и была домохозяйкою. Но когда нужно было выѣзжать въ свѣтъ, то я предпочитала ужъ скорѣе веселиться, нежели скучать, и находила балъ веселѣе вечерняго собранія съ придворными людьми, натянутыми и церемонными. Зато многіе любезно отзывались обо мнѣ, будто вся моя жизнь прошла въ танцахъ, хотя я предпочитала хорошій лѣтній вечеръ всѣмъ баламъ въ мѣрѣ, а задушевную бесѣду осенью, у камелька, — всѣмъ зимнимъ нарядамъ.

Я была въ послѣднемъ періодѣ беременности; поэтому всякая другая прогулка въ окрестностяхъ была тягостна для меня, но все обошлось безъ малѣйшаго приключенія, безъ малѣйшаго испуга. Мы наслаждались нашей независимостью, такъ какъ въ Павловскѣ надобно было жить и при Дворѣ, и какъ ни была добра къ нимъ шатап, но придворная жизнь и близость Двора были неизбежны съ нею, а мы оба не знали то, что называется Дворомъ.

Тогда же (въ бытность мою въ Красномъ, лѣтомъ 1819 г.), императоръ Александръ, отобѣдавъ однажды у насъ, сѣлъ между нами обоими и, бесѣдуя дружески, перемѣнилъ вдругъ тонъ и, сдѣлавшись весьма

vais seulement près de mon mari, je ne demandais ni fêtes, ni distractions; la vie paisible et uniforme, même solitaire, me convenait; mes goûts étaient simples et casaniers. Mais quand la vie du grand monde était nécessaire, — alors j'aimais plutôt à m'amuser qu'à m'en nuire, et je trouvais un bal plus gai, qu'une soirée de gens de cour, roides et cérémonieux. Pour cela on a eu la bonté de prétendre, que toute ma vie s'était passée à danser, — tandis que je préférais une belle soirée d'été à tous les bals du monde; — une douce causerie en automne au coin de la cheminée, à toutes les toilettes d'hiver.

J'étais grosse à pleine ceinture; donc, toute promenade dans les environs était une entreprise pour moi; mais tout se passa sans le moindre accident, sans la moindre frayeur. Nous jouissions de notre indépendance, car à Pawlowsky il fallait vivre à la cour et, toute bonne que Maman fut pour nous, la vie de la cour, l'entourage d'une cour, étaient chose inévitable avec elle, et tous deux, nous avions en nous l'horreur de tout ce qui était la cour.

Ce fut alors (à Krasnoyé Sélo, l'été 1819) qu'un jour l'Empereur Alexandre, ayant dîné chez nous, s'assit entre nous deux, et causant familièrement, changea tout d'un coup de sujet, et devenant sérieux commença en termes suivans à peu près à nous dire: «qu'il avait été satis-

серьезнымъ, сталъ въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ говорить намъ, что онъ «остался доволенъ поутру командованіемъ надъ войсками Николая и вдвойнѣ радуется, что Николай хорошо исполняетъ свои обязанности, ибо на него со-временемъ ляжетъ большое бремя, такъ какъ императоръ смотритъ на него, какъ на своего наследника, и это произойдетъ гораздо скорѣе, нежели можно ожидать, такъ какъ Николай заступитъ его мѣсто еще при жизни».

Мы сидѣли словно окаменѣлые, широко раскрывъ глаза, и не были въ состояніи произнести ни слова. Императоръ продолжалъ:

— Кажется, вы удивлены, такъ знайте же, что братъ Константинъ, который никогда не хлопоталъ о престолѣ, порѣшилъ нынѣ, тверже чѣмъ когда либо, формально отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомкамъ. Что же касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ государяхъ молодыхъ, вполне обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время. Я думаю то же самое сдѣлаетъ и король прусскій, передавъ свою власть Фрицу.

Видя, что мы готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, и въ успокоеніе сказалъ намъ, что это случится не тотчасъ, и пожалуй

fait ce matin, de la manière dont son frère s'acquittait de son commandement militaire, qu'il se jouissait doublement de voir Nicolas remplir bien ses devoirs, puisque sur lui réposerait un jour un grand poids, qu'il le regardait comme son remplaçant, et cela beaucoup plus tôt, qu'on ne pouvait présumer, puisque cela arriverait encore de son vivant».

Nous étions assis comme deux statues, les yeux ouverts, la bouche muette.

L'Empereur continua: «Vous semblez étonnés, mais sachez, que mon frère Constantin, qui ne s'est jamais soucié du trône, est plus que jamais décidé à y renoncer formellement en faisant passer ses droits à la succession sur son frère Nicolas et sur ses descendants. Pour moi même, je suis décidé à me défaire de mes fonctions, et à me retirer du monde. L'Europe a plus que jamais besoin de souverains jeunes et dans toute l'énergie de leurs forces; pour moi, je ne suis plus ce que j'ai été, et je crois que c'est de mon devoir, de me retirer à temps; je crois que le Roi de Prusse fera de même, et mettra Fritz à sa place».

Nous voyant prêts à sangloter, il tâcha de nous consoler, de nous rassurer, en disant, que cela n'arriverait pas incessamment, que des années passeraient, avant qu'il ne mette son projet à exécution, et il nous laissa

пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ прежде, нежели будетъ приведенъ въ исполненіе этотъ планъ; затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себя представить, въ какомъ мы были состояніи. Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову, даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее показалось намъ мрачнымъ и недоступнымъ для счастья. Это была минута памятная въ нашей жизни!

Послѣдній мѣсяцъ моей беременности я провела возлѣ свекрови, но такъ какъ не могла ходить вслѣдствіе опухоли и боли въ ногахъ, то меня усаживали днемъ въ бесѣдкѣ у Розоваго павильона, гдѣ, растянувшись на кушеткѣ, я могла дышать воздухомъ, не двигаясь съ мѣста.

Послѣ долгаго ожиданія, 5-го августа, я почувствовала, наконецъ, нѣкоторыя боли, но рѣшила объ этомъ не говорить и каталась даже два раза въ линейкѣ; вечеромъ, когда я ужинала вдвоемъ съ m-me Вильдерметъ, вдовствующая императрица прислала мнѣ камеръ-пажа сказать, что она разложила большой пасьянсъ и что такъ онъ сошелся, то я должна разрѣшиться въ ту же ночь. Я приказала отвѣтить, что чувствую себя превосходно. Дѣйствительно, я легла и немного задремала; но вскорѣ наступили серьезныя боли. Императрица, предупрежденная объ этомъ, явилась чрезвычайно скоро, и 6-го августа 1819 года, въ

seuls, on peut s'imaginer dans quel état. Jamais l'ombre d'une idée pareille ne nous était venue en tête, pas même en rêvant.

Nous nous sentions comme touchés par la foudre; l'avenir nous paraissait sombre et comme fermé au bonheur! Ce fut un moment mémorable dans notre vie.

Le dernier mois de ma grossesse fut donc passé par moi auprès de ma belle-mère; mais ne pouvant plus marcher, par suite d'enflures et de douleurs aux pieds, elle m'installa durant le jour, dans un pavillon, près du pavillon des roses, où, étendue sur une couchette, je pouvais respirer l'air pur, sans bouger de ma place. Après une longue attente enfin, le 5 Août, je crus ressentir des espèces de douleurs, mais je me gardai bien d'en parler; je fis même deux promenades en ligne; le soir, pendant mon souper, en tête à tête avec M-elle de Wildermeth, l'Impératrice Mère m'envoya un Page de la Chambre, pour me dire, qu'elle venait de faire la grande patience, et que d'après le résultat je devais accoucher le même soir; je fis répondre, que je me portais à merveille; en effet, je me couchai et sommeillai un peu,—mais bientôt, les douleurs devenant sérieuses, on avertit l'Impératrice, qui arriva étonnamment vite, et le 6 Août 1819, entre 2 et 3 heures de la nuit, je fus délivrée heureusement d'une fille. Cette petite Mary ne fut pas très

третьемъ часу ночи, я родила благополучно дочь. Рожденіе маленькой Мари было встрѣчено ея отцомъ не съ особенной радостью; онъ ожидалъ сына; впоследствии онъ часто упрекалъ себя за это и, конечно, горячо полюбилъ дочь. Едва успѣла я оправиться отъ родовъ, какъ Дворъ тамап переѣхалъ въ Гатчино, куда мы послѣдовали за нею съ обоими дѣтьми. Мой мужъ и Михаилъ (Павловичъ) ненавидѣли Гатчинскій дворецъ, вспоминая проведенныя въ немъ скучныя зимы 1810, 1811 и 1812 г.г., посвященныя исключительно воспитанію. Вдовствующая императрица рѣшилась покинуть Петербургъ даже на зимнее время и избрала Гатчино, какъ мѣсто, гдѣ для молодыхъ людей не могло представляться никакихъ развлеченій, почему эта мѣстность и представлялась особенно удобной для завершения образованія младшихъ сыновей.

Я нашла Гатчинскій дворецъ дѣйствительно скучнымъ, но собранія въ такъ называемомъ арсеналѣ показались мнѣ весьма пріятными по своей простотѣ въ сравненіи съ другими мѣстами. Всевозможныя игры, размѣщенныя въ равныхъ отдѣленіяхъ арсенала, — нѣкогда это былъ просто сарай, — доставляли намъ развлеченія. Я попробовала тутъ впервые скатиться съ деревянной горы стоя. Наша добрая тамап радовалась, видя меня въ своемъ домѣ такой веселой и юной. Наше всегдашнее общество было немногочисленно; по воскреснымъ днямъ оно увеличивалось пріѣзжими изъ города.

bien reçue par son père, qui attendait un fils; il s'est souvent reproché ce sentiment, et certes il n'en a pas moins aimé tendrement cette fille par la suite.

A peine remise de mes couches, la cour de Maman se transporta à Gatschina; nous l'y suivimes, avec nos deux enfants. Mon mari et Michel avaient ce château de Gatschina en horreur, à cause des hivers ennuyeux de 10, 11 et 12, uniquement consacrés à leur éducation. L'Impératrice Mère, s'était décidée à quitter Pétersbourg, même en hiver, et avait choisi Gatschina, comme endroit, propre à n'offrir aucune distraction à de jeunes imaginations, et par là apte à achever et consolider l'éducation de ses fils cadets.

Je trouvai le château triste en effet, mais les réunions à l'Arsenal me parurent fort agréables, vu le peu de roideur qui y existait, en comparaison des autres localités. Différents jeux, placés dans différents compartiments de cet arsenal soit-disant, qui autrefois avait été une remise, donnaient de l'animation; j'essayai, pour la première fois, de glisser debout d'une montagne en bois. Notre bonne Maman se réjouissait de me voir aussi gaie et jeune, chez elle.

La société habituelle n'était pas considérable; pour les dimanches il y avait plus de monde, qui venait de la ville. Le 14 Octobre, jour de

14-е октября, день рожденія императрицы, былъ день торжественный и утомительный. Наканунъ были танцы, и я познакомилась съ Александромъ Бенкендорфомъ, котораго видѣла мелькомъ въ Москвѣ. Я много слышала о немъ во время войны еще въ Берлинѣ и Добберантѣ; всѣ превозносили его храбрость и сожалѣли о его безалаберной жизни, въ то же время посмѣивались надъ нею. Меня поразила его степенная наружность, вовсе не соответствовавшая установившейся за нимъ репутаціи повѣсы. Я могла бесѣдовать съ нимъ по-нѣмецки, что для меня было вдвойнѣ удобно, такъ какъ я все еще чувствовала стѣсненіе и нѣсколько затруднялась говорить по-французски въ Россіи, гдѣ почти всѣ изъяснялись на этомъ салонномъ языкѣ изящно и изысканно. Въ то время мало еще говорили по-русски, тогда какъ въ настоящее царствованіе на нашемъ національномъ языкѣ говорятъ и чаще и болѣе правильно, а это очень хорошо, ибо вопль естественно.

Маман часто приглашала графа и графиню Литта; трудно было встрѣтить болѣе красивую и бѣлолицую старушку, нежели графиня Литта; она блистала въ юности при Дворѣ Екатерины II своей красотой и въ качествѣ племянницы князя Потемкина. Рожденная Энгельгардтъ, по первому мужу графиня Скавронская, она вышла впоследствии замужъ, по любви, за графа Литта, итальянца по происхожденію, который

naissance de l'Impératrice Mère, fut un jour de gala et de fatigue. La veille on dansa, et je fis connaissance avec Aléxandre Benkendorf, que je n'avais fait qu'entrevoir à Moscou. J'avais beaucoup entendu parler de lui, durant les guerres, à Berlin, à Doberan. On vantait sa bravoure, et on déplorait sa folle vie, tout en riant. Son extérieur posé me frappa, par ce qu'il ne répondait nullement à sa réputation de mauvais sujet.

Je pouvais causer en Allemand avec lui, ce qui m'était doublement commode, car j'avais toujours encore un peu de difficulté et d'embarras, en parlant français, ici, où presque tout le monde s'énonçait avec élégance et recherche dans cette langue des salons; dans ce temps là on entendait peu de conversations russes, tandis que sous le règne actuel, on jase plus généralement, plus correctement notre langue nationale, ce qui est bien, car c'est naturel.

Le comte et la comtesse Litta étaient souvent invités par Maman; on ne pouvait voir une plus jolie et blanche vieille femme, que cette comtesse Litta, qui avait brillé dans sa jeunesse, à la cour de Cathérine II, par sa beauté, et par son titre de nièce du prince Potemkine. Née Engelhardt, mariée au comte Skawronsky en premières noces, elle épousa plus tard Litta, par amour; lui, Italien de naissance, entra au service de Russie, et de sa femme en même temps, car il était

поступилъ одновременно на службу къ Россіи и къ своей женѣ, такъ какъ онъ оказывался ея покорнѣйшимъ слугою и первымъ повѣреннымъ по ея дѣламъ, и дѣйствительно умѣлъ ихъ вести.

Въ концѣ октября мы переѣхали изъ Гатчины, и обычный зимній образъ жизни вступилъ въ свои права.

Эта зима была довольно весела, но неособенно блестяща. Признаки новой беременности испортили мнѣ все, хотя я и не была въ ней вполне увѣрена. Я очень мало интересовалась политикой; императоръ, напротивъ того, съ неослабнымъ интересомъ слѣдилъ за европейскими дѣлами. Священный союзъ, мысль прекрасная и идеальная, былъ результатомъ его сокровеннѣйшихъ убѣжденій въ дѣлѣ христіанской вѣры. Люди набожные и мистически настроенные утвердили его въ этихъ мысляхъ, доказавъ ему, на основаніи священнаго писанія, будто онъ предназначенъ судьбою сдѣлаться и пребыть умиротворителемъ Европы и бойцомъ за правое дѣло противъ революціоннаго принципа. Этими лицами были: вначалѣ г-жа Крюднеръ, а впоследствии Кошелевъ и добрый князь Александръ Голицынъ.

1820 г.

Весною мужъ мой покидалъ меня почти всегда въ одно и то же время, для осмотра, въ качествѣ генераль-инспектора по инженерной

son très humble serviteur et premier homme d'affaires, et qui s'entendait véritablement en affaires.

À la fin d'Octobre Gatschina fut abandonnée, et le train d'hiver commença. Ce fut un hiver assez gai, mais pas très brillant. Des frayeurs d'une nouvelle grossesse me gâtèrent tout, sans en être sûre pourtant.

Je me souciais fort peu de la politique. L'Empereur Alexandre, par contre, s'occupait avec un intérêt constant des affaires de l'Europe. La Sainte Alliance, idée belle et idéale, était le resultat de sa conviction la plus intime et basée sur sa foi chrétienne. Des personnes dévotes et mystiquement religieuses, le fortifiaient dans ces idées, en lui prouvant par l'Écriture Sainte, qu'il était prédestiné par la Providence à devenir et à rester le pacificateur de l'Europe, et le champion de la bonne cause contre le principe révolutionnaire.

Ces personnes étaient: Madame de Krüdener au commencement, plus tard: M-r de Koschelow, et le bon prince Alexandre Nicolayewitch Golitzyne.

1820 г.

Au printemps, mon mari me quittait presque toujours à la même époque, pour faire un voyage d'inspection, comme Chef du Génie, des forteresses de Dünabourg et de Bobrouisk, ou Réval, Riga, etc. etc.

части, крѣпостей — Динабургской и Бобруйской или Рижской, Ревельской и т. п. Это бывало въ маѣ, во время переѣзда на дачу; я (теперь) пребыла короткое время въ Гатчинѣ и Царскомъ Селѣ, а затѣмъ поселилась въ Павловскѣ у маман. Весна была ужасная, холодная и скучная; зелень появилась только въ юнѣ. Императоръ Александръ, столь добрый ко мнѣ, былъ, однако, для меня причиною большого огорченія. Оставаясь всегда самой собою, т. е. дѣйствуя безъ расчета и показывая себя такою, какова я была на самомъ дѣлѣ, въ надеждѣ быть понятой, я не уразумѣла подозрительнаго характера императора — недостатка, вообще присущаго людямъ глухимъ. Не будучи положительно глухимъ, императоръ съ трудомъ могъ разслушать своего визави за столомъ, и охотивѣ разговаривалъ съ глазу на глазъ съ сосѣдомъ. Ему казались такія вещи, о которыхъ никто и не думалъ, будто надъ нимъ смѣются, будто его слушаютъ затѣмъ только, чтобы посмѣяться надъ нимъ и будто мы дѣлаемъ другъ другу знаки украдкою отъ него. Эта подозрительность доходила до того, что становилось прискорбно видѣть подобныя слабости въ человѣкѣ съ прекраснымъ сердцемъ и умомъ. Я расплакалась, когда онъ сдѣлалъ мнѣ подобныя замѣчанія и выговоры, и чуть не задохнулась отъ слезъ, но затѣмъ между нами не пробѣгало

C'était en Mai, temps de déménagement à la campagne, petit séjour à Gatschina et Zarskoé, puis établissement à Pawlowsky, chez Maman. Ce fut un horrible printemps, froid, triste, la verdure parut en Juin.

L'Empereur Alexandre, si bon pour moi, fut pourtant la cause d'un grand chagrin. Moi, toujours trop moi, c'est à dire agissant sans calcul et me donnant telle, que j'étais, dans l'idée d'être comprise, je n'avais pas compris la caractère soupçonneux de l'Empereur, qualité inhérente aux sourds.

Sans être précisément sourd, il avait de la difficulté à entendre son vis-à-vis à table, et causait plus volontiers à deux. Il s'imaginait voir des choses, aux quelles personne n'avait pensé: qu'on se moquait de lui, qu'on l'imitait pour rire, qu'on se faisait des signes, que lui ne devait pas remarquer. Enfin, de telles niaiseries, que cela faisait peine de trouver des petites choses pareilles chez un homme aussi distingué par le coeur et l'esprit. Je pleurai tellement lorsqu'il me fit ses remarques et reproches, que j'en suffoquai presque. Mais depuis, jamais il n'y eut plus un nuage entre nous; il crut à ma bonne foi, à mon amitié pour lui, qui

уже ни малѣйшаго облача; онъ повѣрилъ моему чистосердечію и моеѣ дружбѣ къ нему, граничившей скорѣе съ восторженнымъ обоженіемъ, чѣмъ съ насмѣшкою. Мы называли его въ нашихъ интимныхъ письмахъ просто ангелъ, а не императоръ, и, разумѣется, онъ не могъ бы найти людей болѣе преданныхъ ему, чѣмъ Николай и я.

Волненіе, причиненное мнѣ этими маленькими сценами, было, однако, настолько сильно, что оно подѣйствовало на мое здоровье; и мнѣ пришлось пустить кровь гораздо ранѣе, нежели за время прежнихъ беременностей. Дурная погода во время пребыванія въ Красносельскомъ лагерѣ также дурно повліяла на меня; я пріѣхала въ Петергофъ къ 25-му іюня съ опухшими ногами и съ страшною мигренью, которая продолжалась три дня и сопровождалась приливами къ головѣ, вслѣдствіе чего я не могла появляться ни на обѣдахъ, ни на маленькихъ балахъ. Императоръ однажды вечеромъ навѣстилъ меня и поцѣловалъ мою ногу, когда я лежала въ кровати, и это весьма меня размѣшило. Двѣ ночи спустя, я была при смерти; судороги, случившіяся со мною 27-го іюня, въ то время, какъ я впала въ безчувствіе, были, повидимому, причиною смерти ребенка, который родился въ Павловскѣ 10-го іюля. Я провела обычныхъ шесть недѣль въ деревянномъ Константиновскомъ дворцѣ довольно тоскливо, но пользуясь самымъ заботливымъ уходомъ со стороны мужа

tenait de l'adoration. et allait jusqu'à l'exaltation, — et certes pas à de la moquerie.

Nous le nommions dans nos lettres: *Angé*, tout court, au lieu de dire l'Empereur, et il ne pouvait certes trouver deux êtres plus dévoués que Nicolas et moi. L'émotion, causée par ces petites scènes, fut cependant si vive, que ma santé s'en ressentit; je dus être saignée beaucoup plus tôt, que dans mes autres grossesses. Le mauvais temps, au camp de *Krasnoe Selo*, me fit du mal aussi; j'arrivai à Peterhof pour le 25 Juin, avec des pieds enflés; une migraine affreuse, qui dura trois jours, avec des coups à la tête, me rendit incapable de paraitre aux diners et petits bals. L'Empereur vint me voir un soir, et baisa mon pied au lit, ce qui me fit rire. Deux nuits après (le 27 Juin), je fus à la mort; des convulsions, tandis que j'étais sans connaissance, furent apparemment cause de la mort de mon enfant, dont j'accouchai à *Pawlowsky*, le 10 Juillet 1820.

Ce fut à la maison Constantin, palais en bois, que je passai les six semaines tristement, mais si bien soignée par mon mari, et par l'Impératrice Mère. C'était alors les romans de *Walter-Scott*, qui faisaient fureur, et Nicolas m'en fit lecture. Je fus très faible, très pâle, et fort

и вдовствующей императрицы. Въ то время производили фуроръ романы Вальтеръ Скотта, и Никсъ читалъ мнѣ ихъ. Я была очень слаба, очень блѣдна и интересна (какъ рассказывали), когда я появилась вновь при Дворѣ. Со стороны нѣкоторыхъ, а именно Орлова и Бенкендорфа, я была встрѣчена косыми взглядами и минами. Чтобы утѣшить меня въ горѣ, что я произвела на свѣтъ мертваго ребенка, мнѣ пообѣщали зимой поѣздку въ Берлинъ. Дѣйствительно, три года прошло уже со времени моего замужества, и было вполне естественно сдѣлать маленькій визитъ отцу и предпринять, если возможно, лѣтомъ 1821 г. лѣченіе для возстановленія моего здоровья. Я за два года родила троихъ дѣтей.

intéressante (on prétend), quand je reparus à la cour. Quelques figures et regards m'accueillirent (entre autres ceux d'Orlow et de Benkendorf).

Pour me consoler dans mon chagrin, d'avoir mis au monde un enfant mort, on me promit Berlin pour l'hiver. En effet, trois ans s'étaient passés depuis mon mariage, et il était naturel de faire une visite à mon père, et une cure pour ma santé, si possible, pour l'été 1821. J'avais eu trois enfants dans deux ans.

Всеподданнѣйшее письмо князя Николая Репнина о сложеніи недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ.

31-го іюля 1831 г. Черниговъ.

Всемилюбивѣйшій Государь! При тягостныхъ событіяхъ отечества нашего, обращающихъ на себя всепопечительное вниманіе Вашего Императорскаго Величества, не дерзнулъ бы я обременять Васъ симъ новымъ представленіемъ моимъ, если бы не вынужденъ къ тому былъ крайнимъ положеніемъ малороссійскихъ губерній и не побужденъ къ сему священной волею Вашего Императорскаго Величества, чтобы правда невозбранно достигала до подножія престола Вашего.

Я ручался Вамъ, Всемилюбивѣйшій Государь, въ первыхъ дняхъ сего года, что никакіе происки людей злонамѣренныхъ не могутъ нарушить законнаго порядка въ Малороссіи, и что вѣднѣе дворянство, гордясь принадлежать Вамъ, какъ Государю твердому, справедливому и дѣятельному, уповаеъ на милосердіе Ваше и въ Васъ единомъ находить залогъ благоденствія и спокойствія отечества. Я утверждалъ тоже, что малороссійскіе казаки, племя народа воинственнаго, съ восторгомъ вооружатся на защиту отечества,—и къ счастью моему, событія истекшаго полугодія оправдали ручательство мое. Но въ тоже время, Всемилюбивѣйшій государь, исполнилъ я долгъ правды и чести, обращая отеческое вниманіе Вашего Императорскаго Величества на тягостное положеніе малороссійскихъ поселянъ, а чрезъ то и дворянства, и въ отношеніи моемъ генералу Бенкендорфу отъ 19-го января не льстилъ яко царедворецъ, но смѣло говорилъ, что побужденіе мѣстнаго начальства къ платежу податей, не соразмѣрныхъ съ силами поселянина, а тѣмъ болѣе недоимокъ за годы не урожайные и общихъ несчастій—возрождаютъ ропотъ на правительство, и наконецъ что нищета и скорбь,

производить часто въ простолюдинахъ тѣ же преступныя дѣйствія, которыя возникаютъ отъ пагубныхъ заблужденій людей ложно образованныхъ.

Ваше Императорское Величество услышали мольбу подданнаго, истинно Вамъ приверженнаго, казакамъ простили миллионы и уменьшили ихъ подати на будущее время. Отеческое желаніе Ваше исполнилось: полъ-милліона подданныхъ Вашихъ счастливы и съ радостнымъ восторгомъ благословляютъ священное Имя Ваше; казеннымъ крестьянамъ предстоитъ тоже надежда милосердія чрезъ предоставленіе господина министра финансовъ. Въ сложеніи же недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ Комитетъ г.г. Министровъ положилъ рѣшительно отказать, но взысканіе сіе производить съ нѣкоторою умѣренностію и снисхожденіемъ, не опредѣливъ однакожь мѣру сего снисхожденія, слѣдственно дѣлая сіе невозможнымъ для мѣстнаго начальства, обвиняемаго тѣмъ же положеніемъ Комитета г.г. Министровъ въ упущеніи и послабленіи.

Трудно мнѣ, Всемилостивѣйшій Государь, оправдывать себя и подчиненныхъ мнѣ, ибо на сіе положеніе Комитета г.г. Министровъ послѣдовало уже высочайшее Вашего Императорскаго Величества утвержденіе и сверхъ того г. министру финансовъ угодно было сдѣлать изъ ходатайства моего о нуждахъ общихъ дѣло частное, но я измѣнилъ бы Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, и отечеству, если бы умолялъ, предвидя стоить шести сотъ тысячъ Вашихъ подданныхъ и разрывъ той связи народа, на коей обезпечено доселѣ спокойствіе Имперіи.

Основываясь на свѣдѣніяхъ положительныхъ и на коренныхъ государственныхъ законахъ, осмѣливаюсь я изложить оправданіе наше въ прилагаемой у сего запискѣ ¹⁾, но здѣсь Всемилостивѣйшій Государь представляю на благоуваженіе Вашего Императорскаго Величества важнѣйшую причину испрашиваемаго мною милосердія.

Прежніе малороссійскіе земледѣльцы (посполитые) мало чѣмъ различествовали отъ казаковъ, и коль скоро пріобрѣтали собственность, поступали въ сіе сословіе, покуда пользовались правомъ вольнаго перехода до 1783 года; но въ сіе время поработены они происками тогдашнихъ царедворцевъ, клеветовъ ихъ и нѣкоторыхъ малороссійскихъ старшинъ, пожертвовавшихъ счастіемъ родины для собственной корысти. Каждый шестидесяти-лѣтній поселянинъ пользовался всѣми выгодами свободы, и память разсказовъ объ оной есть главнѣйшая причина ропоту крестьянъ на ихъ помѣщиковъ и зависти казакамъ. Но сіи вредныя для общаго спокойствія чувства не усугубятся ли въ помѣщичьихъ крестьянахъ, когда увидятъ они милосердіе Вашего Императорскаго Величества, оказанное казакамъ, и попеченіе правительства о собратіяхъ

¹⁾ Записки этой, къ сожалѣнію, въ редакціи не имѣется.

ихъ, казніи принадлежащихъ! Они почувствуютъ всю строгость тягостнаго взысканія податей и недоимокъ. Не покажется ли имъ рабство ихъ еще несноснѣе прежняго? не станутъ ли они проклинать своихъ владѣльцевъ, служащихъ для нихъ какъ будто преградою отеческому милосердію Вашего Императорскаго Величества ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Вашимъ? Наконецъ отобраніемъ дворянскихъ имѣній въ опекунское управленіе, и, въ слѣдствіе закона, не только удаленіемъ помѣщиковъ изъ ихъ владѣній на многіе годы, но и запрещеніемъ слушаться ихъ распоряженій, не разрушаетъ ли само правительство слабую связь здѣшнихъ владѣльцевъ съ ихъ крестьянами?

Министръ внутреннихъ дѣлъ, уповаю, донесетъ Вашему Императорскому Величеству, что распоряженіе о взысканіи недоимокъ по обѣимъ малороссійскимъ губерніямъ сдѣлано мною еще 18 числа истекшаго мѣсяца, слѣдственно я не умедлил исполнить высочайше утвержденное положеніе Комитета г.г. Министровъ, но признаюсь Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что я долго колебался обременять Ваше Императорское Величество съ симъ предстательствомъ моимъ, боясь чтобы оно по заключенію г. министра финансовъ не почлось искательствомъ собственныхъ выгодъ. Но совѣсть моя не укоряетъ меня въ сей подлости ни передъ Богомъ, ни передъ Вами, ни передъ честію. Я рѣшаюсь исполнить долгъ вѣрности ходатайствуя въ послѣдній разъ у милосердія Вашего Императорскаго Величества о помощи порученнымъ управленію моему, съ тою откровенностію правды, которую я всегда держалъ имѣть въ донесеніяхъ моихъ Вашему Императорскому Величеству.

Можетъ быть иные осудятъ меня за сію дерзость, но могу ли я страшиться послѣдствій, предавъ судьбу и честь мою въ непосредственную защиту Вашего Императорскаго Величества! Справедливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, взвѣситъ сорокалѣтнюю службу мою, непоколебимую во время оной вѣрность Отцу, Брату и Вамъ. Терпѣніе, съ которымъ она побуждала меня переносить многія оскорбленія; правда, съ которою осмѣливался всегда излагать донесенія мои; безкорыстіе въ мѣстахъ, въ коихъ зависѣли отъ распоряженій моихъ многіе миліоны; отчужденіе себя отъ всякихъ происковъ и связей, неразлучныхъ съ высшими званіями въ государствѣ, наконецъ единое упованіе на справедливость и защиту Вашу—Вы взвѣсите все сіе, Всемилостивѣйшій Государь, съ обвиненіемъ меня и, уповаю, Ваше Императорское Величество удостовѣритесь, что я никогда не ограждалъ отъ дѣйствій и силы закона, напротивъ былъ всегда ревностнымъ блюстителемъ общаго порядка.

Та же справедливость и прозорливость Ваша, Всемилостивѣйшій Государь, оправдаетъ жену мою, о коей я съ гордостію скажу, что жизнь ея бесполезна отечеству, и Ваше Императорское Величество легко

удостоверитесь, что если расчесть недоимку крестьянами ея невыплаченную по числу душъ, то они ничѣмъ болѣе другихъ невиновны и что г. министръ финансовъ ошибается, почитая помѣщицею владѣтельница 13 тысячъ душъ крестьянъ, но изъ коихъ 5000 совершенно нищихъ, недающихъ ей ни одной копѣйки дохода, 3000 едва усмиранныхъ мятежниковъ Нижегородской губерніи и 5000 скудныхъ, и которые получила она отъ родителей своихъ въ наслѣдство съ двумя милліонами во семью стами тысячъ долгу.

Тяжко мнѣ обременять Ваше Императорское Величество частнымъ дѣломъ въ то время, когда благотворное сердце Ваше скорбитъ объ испытаніяхъ, судьбами Всевышняго на отечество наше посылаемыхъ. Но я вынужденъ къ тому Всемилостивѣйшій Государь, ибо оправдавъ себя, могу только вновь пріобрѣсти довѣріе Вашего Императорскаго Величества, лишившись коего, бесполезнымъ уже буду для службы и части государства, порученной надвору моему, —напротивъ совершенно вреднымъ.

Не могу помыслить, чтобы сіе несчастье было для меня невозвратно, и если польза государства побудитъ Ваше Императорское Величество смѣнить меня въ мѣстѣ, нынѣ мною пятнадцать лѣтъ занимаемомъ, то милосердіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, навѣрно не откажетъ мольбы моей употребить меня на защиту отечества въ степени хотя гораздо низшей той, на которую возвысила меня благодать Вашего Императорскаго Величества. Истинно русскіе должны нынѣ окружить престолъ Вашъ и съ вѣрностію и съ восторгомъ принести въ жертву отечеству жизнь, достоиніе и честолюбіе, —смѣло скажу, что таковымъ я былъ и до конца дней моихъ пребуду.

Императоръ Николай I въ 1830—1831 г.г.

(Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа).

1830 годъ.

Пріѣздъ Галиль-паши.—Новые кадетскіе корпуса.—Поѣздка государя въ Новгородскія военныя поселенія и Москву.—Варшавскій сеймъ и рѣчь императора Николая.—Приглашеніе государя княгинею Чарторыжскою въ ея имѣніе Пулавы.—Путешествіе въ южныя военныя поселенія.—Возвращеніе въ Варшаву.—Окончаніе засѣданій Варшавскаго сейма.—Возмущеніе въ Севастополѣ.—Холера въ Оренбургѣ.—Июльская революція.—Путешествіе въ Финляндію.—Прерваніе сношеній съ Франціею.—Признаніе Луи-Филиппа королемъ французскимъ.—Поѣздка въ военныя поселенія.—Холера въ Москвѣ.—Болѣзь государя.—Карантинъ въ Твери.—Бельгійская революція.—Начало польской революціи.—Рѣчь государя на разводѣ.—Временное правительство въ Варшавѣ.—Посылка манифеста въ Варшаву и письма къ генералу Хлопицкому.

В

ъ исходѣ января 1830 года пріѣхалъ въ Петербургъ, чрезвычайнымъ посломъ Оттоманской Порты, Галиль-паша, одинъ изъ любимцевъ султана. Цѣлю его миссіи было дать наглядное доказательство добраго согласія, восстановленнаго между обѣими державами, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъяснить всю признательность его повелителя за великодушіе и умѣренность, явленныя нашимъ государемъ при заключеніи мира, котораго надежность упрочивалась его условіями, устранявшими всякій поводъ къ разрыву.

Галиль-паша, высадившійся въ Одессѣ, встрѣченъ былъ тамъ, а въ послѣдствіи и въ Петербургѣ, со всѣми почестями, подобавшими его сану. Въ столицѣ, его и всю его свиту помѣстили въ прекрасномъ домѣ, на полномъ казенномъ содержаніи. Государь принялъ его въ публичной аудіенціи, съ обычнымъ блескомъ нашего Двора, въ Георгіевской

залѣ. Простой и благородный въ своемъ обращеніи, посоль всѣмъ очень понравился. Были только неприяно поражены его костюмомъ, въ которомъ капризъ султана замѣнилъ живописное національное одѣяніе турокъ длинною безобразною мантиею, а азіатскую чалму—пунцовою фескою съ кисточкою. Галиль-пашѣ самому, казалось, было неловко и какъ-то совѣстно въ этомъ нарядѣ, не мало способствовавшемъ къ отдаленію турокъ отъ султана, который, вмѣсто того, чтобы въ эту критическую минуту искать сближенія съ фанатическимъ своимъ народомъ, какъ-бы нарочно оказывалъ презрѣніе къ народнымъ обычаямъ и даже одеждѣ.

Галиль-паша, подобно Хозреву-мирзѣ, объѣздилъ всѣ общественныя заведенія въ столицѣ, присутствовалъ ежедневно при разводѣ, являлся также въ театрахъ и въ домахъ частныхъ лицъ и вообще остался очень доволенъ сдѣланнымъ ему приѣмомъ; но въ особенности былъ тронуть милостями государя, который, вручивъ ему богатые дары для султана, осыпалъ и его самого, вмѣстѣ съ чиновниками его свиты, щедрыми подарками.

До этой эпохи кадетскіе корпуса находились только въ обѣихъ столицахъ. Государь, въ виду увеличивающейся охоты къ просвѣщенію и потребности въ немъ, опредѣлилъ умножить число этихъ заведеній и учредить корпуса еще въ Новгородѣ, Полоцкѣ и пр. Въ Полоцкѣ онъ предназначилъ для сей цѣли зданія, принадлежащія, въ прежнее время, иезуитамъ и ихъ школѣ, а въ Новгородѣ ¹⁾ одну изъ штабъ-квартиръ военныхъ поселеній. Въ прочихъ городахъ, гдѣ предполагалось учредить кадетскіе корпуса, немедленно было приступлено къ возведенію для нихъ новыхъ зданій. Этотъ знакъ монаршей попечительности произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе во внутреннихъ губерніяхъ, обрадовавъ родителей возможностью воспитывать своихъ дѣтей вблизи себя.

1-го марта государь отправился со мною въ военныя поселенія гренадерскаго корпуса. Осмотрѣвъ тамъ нѣсколько полковъ, также госпитали и нѣкоторыя возводимыя сооруженія и отблагодаривъ, по возвращеніи въ Новгородъ, генераловъ, онъ вдругъ, вмѣсто того чтобы ѣхать по улицѣ, ведущей къ Петербургу, велѣлъ своимъ санямъ повернуть на Московскій трактъ. Я чрезвычайно удивился такой внезапной перемѣнѣ, а онъ, позабавившись моимъ смущеніемъ, разсказалъ, что еще изъ Петербурга выѣхалъ съ этимъ намѣреніемъ, но сообщилъ о немъ одной лишь императрицѣ, чтобы сохранить свой маршрутъ въ совершенной тайнѣ и тѣмъ болѣе удивить Москву. Мы употребили

¹⁾ Не въ самомъ Новгородѣ, а въ 20-ти верстахъ оттуда. Н. III.

на переѣздъ туда мѣнѣ 34-хъ часовъ и остановились у Кремлевскаго дворца въ 2 часа ночи. И тамъ, и въ цѣломъ городѣ, всё, разумѣется, спали, и появленіе наше представилось разбуженной придворной прислугѣ настоящимъ сновидѣніемъ. Съ трудомъ можно было допроситься свѣчи, чтобы освѣтить государеву комнату. Онъ тотчасъ пошелъ безъ огня въ придворную церковь—помолиться Богу и по возвращеніи оттуда, отдавъ мнѣ приказанія для слѣдующаго дня, прилегъ на диванъ. Я послалъ за оберъ-полицеймейстеромъ, который прискакалъ перепуганный моимъ неожиданнымъ приѣздомъ и совершенно ослѣбѣлъ, когда услышалъ, что надъ моей комнатой почиваетъ государь. Комендантъ, гофмейстеръ, шталмейстеръ, полицейскіе чиновники стали появляться одинъ за другимъ, съ лицами крайне меня смѣшившими, и не дали мнѣ заснуть цѣлую ночь. Братъ императрицы, принцъ Альбертъ, сопровождавшій государя въ военныя поселенія и приѣхавшій въ древнюю столицу за сутки до насъ, удивился еще болѣе другихъ, когда проснувшись узналъ, что въ Москвѣ находится государь.

Въ 8 часовъ утра я велѣлъ поднять на дворцѣ императорскій флагъ, и вслѣдъ за тѣмъ кремлевскіе колокола возвѣстили москвичамъ прибытіе къ нимъ царя. Еще гулъ колоколовъ не замолкъ, а уже народъ и экипажи со всѣхъ сторонъ устремились ко дворцу; началась толкотня, давка; всѣ другъ друга поздравляли съ нечаянною радостью; всѣ были въ восторгѣ и удивленіи. На дворцовой площади происходило такое волненіе, что можно было-бы принять его за бунтъ, если-бъ на всѣхъ лицахъ не изображалось благоговѣнія и радости, свидѣтельствовавшихъ, напротивъ, о народномъ счастіи. Въ 11-ть часовъ государь вышелъ изъ дворца пѣшкомъ, въ Успенскій соборъ; всѣ головы обнажились, загремѣло многотысячное ура, и толпа до того ступилась, что военный генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ и я насилу могли слѣдовать за государемъ, да и самъ онъ, при всѣхъ усиліяхъ народа раздаваться передъ нимъ, едва могъ подвигаться впередъ. Только на какой нибудь аршинъ очищалось вокругъ него мѣста; онъ безпрестанно оставался и, чтобы пройти двѣсти шаговъ, раздвѣляющихъ дворецъ отъ собора, употребилъ, конечно, десять минутъ. На паперти ожидали его митрополитъ и духовенство съ крестами; при видѣ ихъ, народные клики тотчасъ смолкли. Выслушавъ краткое молебствіе и приложившись къ ракамъ св. угодниковъ и образамъ, государь вышелъ въ двери противоположныя тѣмъ, которыми вошелъ, и направился къ старому дворцу. И здѣсь встрѣтили его такое-же стеченіе народа и такія-же трудности добраться до Краснаго крыльца, ступени котораго были заняты сплошными рядами дамъ. Дойдя до верху, государь обернулся и благосклонно поклонился толпѣ, отвѣтившей на сію царскую милость

*

новыми, долго не умолкаемыми криками. Потомъ онъ поѣхалъ въ Экзерпиргаузъ, окружаемый вездѣ такими-же толпами.

Время пребыванія въ Москвѣ государь провелъ съ обычною своею дѣятельностью. Цѣлыя утра онъ проводилъ въ посѣщеніи общественныхъ заведеній, училищъ, госпиталей, въ приемѣ купцовъ и фабрикантовъ и въ осмотрѣ произведеній мануфактурной промышленности, все болѣе и болѣе развивавшейся въ Москвѣ. Къ обѣденному столу были приглашаемы высшіе сановники и старые слуги царскіе, доживавшіе свой вѣкъ въ отставкѣ. Вечеромъ онъ являлся въ театрѣ и на балахъ въ Дворянскомъ собраніи и у военнаго генераль-губернатора. Такъ мы провели шесть дней, которые были для Москвы постояннымъ праздникомъ, а для сердца государя—истинною наградою за лежавшее на немъ бремя и за чистую его любовь къ своему народу.

13-го марта, въ полночь, мы снова сѣли въ сани и 15-го, въ 2 часа по полудни, государь былъ въ Зимнемъ дворцѣ, промчавшись 700 верстъ въ 38 часовъ.

Уже нѣсколько лѣтъ не былъ собираемъ въ Царствѣ Польскомъ народный сеймъ. Государь, какъ строгій исполнитель даннаго слова, не захотѣлъ долѣе отлагать созваніе этого сейма, установленнаго данною императоромъ Александромъ конституціею. Велѣвъ, вслѣдствіе того нунціямъ явиться въ Варшаву къ половинѣ мая, онъ и самъ сталъ готовиться къ поѣздкѣ туда. Мы выѣхали изъ Петербурга 2-го мая, опять по тракту на Динабургъ (Двинскъ), куда государя постоянно влекло сочувствіе къ работамъ, производившимся столько лѣтъ подъ личнымъ его надзоромъ въ бытность его генераль-инспекторомъ по инженерной части. Употребивъ два дня на осмотръ этихъ работъ, нѣсколькихъ полковъ 1-го корпуса и резервныхъ батальоновъ, онъ продолжалъ свой путь на Ковно и Остроленку и прибылъ въ Варшаву 9-го числа по утру. Коляска наша остановилась у дверей цесаревича въ ту минуту, когда онъ готовился выйти къ разводу.

На слѣдующій день мы опять поскакали назадъ въ Пултускъ, на встрѣчу императрицы, которую упредили тамъ нѣсколькими минутами. Отобѣдавъ въ Пултускѣ, всѣ вмѣстѣ поѣхали въ Варшаву. Здѣсь повторился весь образъ жизни прошедшаго года. Вообще въ Царствѣ ничего не измѣнилось, кромѣ развѣ того, что были еще недовольнѣе самовластіемъ цесаревича. Всякая надежда поляковъ на перемѣну къ лучшему исчезла, даже многіе изъ русскихъ, окружавшихъ цесаревича, приходили доврѣять мнѣ свои жалобы и общій ропотъ. Я держался на сторожѣ противъ этихъ откровеній; но они были такъ единодушны и такъ искренни, что невольно пробудили во мнѣ чувство состраданія къ полякамъ, а еще болѣе къ трудному и жестокому поло-

женію государя. Цесаревичъ въ личномъ обращеніи своемъ съ нимъ всегда представлялся почтительнымъ и покорнымъ подданнымъ; но въ сношеніяхъ съ министрами и даже въ разговорахъ съ своими приближенными онъ нисколько не таилъ постоянной оппозиціи. Малѣйшее противорѣчіе его досадовало, даже похвалы государя кому-либо изъ мѣстныхъ чиновниковъ, военныхъ или гражданскихъ, тотчасъ возбуждали горькіе пересуды, нерѣдко и неудовольствіе его брата, противъ этихъ самыхъ чиновниковъ, награжденныхъ по собственному его представленію. Можно было тогда-же предугадать близость реакціи и бунта, если-бы жалобы скрывались въ тайнѣ; но онѣ высказывались совершенно явно.—На государя всѣ смотрѣли какъ на надежду лучшей будущности, и возрастающее благосостояніе края служило важнымъ перевѣсомъ тѣмъ неприяностямъ и униженіямъ, отъ которыхъ терпѣли отдѣльныя личности, а не нація. Въ этомъ отношеніи, даже самые раздраженные изъ числа недовольныхъ, отдавали справедливость правительству. Прибытіе государя, императрицы, множества иностранцевъ и нунціевъ утишили ропоть, по крайней мѣрѣ по внѣшности, и Варшава приняла блестящій и очень оживленный видъ. Балы и праздники слѣдовали одинъ за другимъ, со всею роскошью и со всѣмъ веселіемъ богатой столицы. Черезъ недѣлю послѣ своего прибытія государь велѣлъ открыть сеймъ съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ формъ, опредѣленныхъ конституціею. Цесаревичъ, засѣдая въ камерѣ нунціевъ, въ качествѣ депутата отъ Прагскаго предмѣстія, привезъ съ собой туда и меня посмотрѣть на эту «нелѣпную шутку», какъ онъ громко называлъ сеймъ, къ крайнему неудовольствію поляковъ. Князь Адамъ Чарторыжскій, депутатъ отъ сената, произнесъ довольно длинную рѣчь, которая въ сущности была похвальнымъ словомъ императору Александру, какъ возстановителю Польши и виновнику ея благоденствія. Себя самого онъ называлъ лестнымъ именемъ «друга» покойнаго монарха, о которомъ въ слѣдующемъ году не устыдился сказать, передъ тѣмъ-же собраніемъ, что обманывалъ его всю свою жизнь. Потомъ камера нунціевъ избрала депутацію (въ составъ ея былъ выбранъ и цесаревичъ), чтобы вмѣстѣ съ депутаціею отъ сената представиться царю и довести до его свѣдѣнія, что оба государственныхныя сословія готовы его принять.

Государь съ императрицею пришли въ тронную залу, за ними слѣдовали Дворъ и вся военная свита, а галлерей были наполнены почетнѣйшими дамами. По занятіи всѣми своихъ мѣстъ, государь открылъ собраніе рѣчью, заслужившею общее одобреніе. Всѣ любовались величественною его осанкою и звонкимъ голосомъ и казались исполненными самой ревностной къ нему привязанности. Однимъ изъ первыхъ предметовъ, къ обсужденію которыхъ камера нунціевъ приступила въ тотъ-

же день, было предложеніе, единогласно принятое, воздвигнуть народный памятникъ императору Александру. Маршалъ сейма далъ большой обѣдъ всѣмъ почетнѣйшимъ сановникамъ, находившимся въ Варшавѣ, и всѣмъ нунціямъ. На немъ присутствовалъ и государь. Здоровье его было провозглашено при единодушныхъ кликахъ, и это пиршество совершилось со всевозможнымъ приличіемъ и всѣми признаками сердечной преданности. Прекрасные балы нѣсколько разъ соединяли все высшее варшавское общество въ Лазенкахъ, а императорская фамилія удостоилась также своимъ присутвіемъ балъ, данный графомъ Замойскимъ, предсѣдателемъ государственнаго совѣта Царства. Все по виду казалось спокойнымъ, а между тѣмъ въ камерѣ нунціевъ уже зарождалась оппозиція. Толковали о протестѣ передъ царемъ противъ самоуправныхъ дѣйствій и противъ преувеличенныхъ издержекъ на войско. Стали образовываться партіи, но ни въ чемъ еще не обнаружилось никакого непріязненнаго чувства противъ особы монарха.

Государь призналъ за благо явить новое доказательство своей добросовѣстности, отстранивъ даже и тѣнь какого нибудь вліянія съ его стороны на работы сейма. Вслѣдствіе того, онъ оставилъ на все время ихъ продолженія Варшаву и самыя предѣлы Царства. Императрица уѣхала въ Фишбахъ въ Силезіи, гдѣ ожидалъ ее прусскій королевскій домъ, а государь отправился въ Брестъ-Литовскій.

За станцію до Пулавъ, мѣстопробыванія старой княгини Чарторыжской и обыкновеннаго средоточія всѣхъ недовольныхъ и всѣхъ польскихъ интригъ, какой-то человекъ во фракѣ явился передъ государя, съ приглашеніемъ, именемъ княгини, остановиться у нея. Такой странный образъ приглашенія побудилъ государя къ отказу, выраженному впрочемъ въ вѣжливыхъ формахъ. Противъ самыхъ Пулавъ надо было переѣзжать черезъ Вислу на паромѣ. Мы увидѣли, что на противоположномъ берегу стоитъ много людей, и когда переѣхали, то княгиня сама подошла повторить государю свое приглашеніе. Государь, стоя, несмотря на палящее солнце, безъ фуражки, извинялся тѣмъ, что не можетъ медлить въ пути, такъ какъ цесаревичъ ожидаетъ его на ночлегѣ. Старуха, которая выглядѣла настоящею сказочною вѣдьмою, продолжала настаивать и на повторенный отказъ громко сказала: «Ахъ! вы меня жестоко огорчили, и я не прошу вамъ этого во вѣкъ». Государь поклонился и уѣхалъ. Какъ не малозначительна, сама по себѣ, была эта сцена, она обратилась, однако-же, въ одну изъ причинъ, ускорившихъ безразсудную польскую революцію. Постоянная ненависть княгини къ Россіи еще болѣе усилилась и ея раздраженіе не осталось безъ вліянія на слабую польскія головы.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Седлецъ, гдѣ цесаревичъ на слѣдующее утро представилъ государю уланскую дивизію польской арміи. Далѣе

въ Луцкѣ, государь сдѣлалъ смотръ одной дивизіи литовскаго корпуса и продолжалъ свой путь, черезъ Старый Константиновъ, въ Елисаветградъ, гдѣ были собраны кирасирская и уланская дивизіи поселенныхъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ графа Витта. Здѣсь-же Галиль-паша, возвращавшійся въ Константинополь по исполненіи своей миссіи, ожидалъ государя и присутствовалъ при ученіи этой конницы, одинаково превосходной какъ по исправкѣ всадниковъ, такъ и по красотѣ лошадей. Оттуда государь поѣхалъ въ Александрію близъ Бѣлой Церкви, гдѣтнее пребываніе старушки графини Браницкой, которая сдѣлала августѣйшему своему гостю пріемъ, вполне соответствовавшій ея несмѣтнымъ богатствамъ. Государь жилъ въ отдѣльномъ большомъ домѣ, убранномъ какъ дворецъ. Меня помѣстили въ щегольскомъ павильонѣ, а обѣдъ подавали въ великолѣпной залѣ посреди сада, наполненной драгоценнѣйшими статуями и бронзами. Сады, паркъ и все остальное отличалось тою-же роскошью. Въ окрестностяхъ Александріи было собрано и осмотрѣно до 30-ти резервныхъ эскадроновъ и дивизій, участвовавшихъ въ турецкой войнѣ. Потомъ мы поѣхали въ Козелецъ, для осмотра 2-й драгунской дивизіи. Полки ея оказались въ отличномъ состояніи; государь маневрировалъ съ драгунами и въ пѣшемъ и въ конномъ строю, что составляетъ истинное ихъ назначеніе. Этотъ родъ войска былъ пересозданъ императоромъ Николаемъ, постоянно старавшимся возвратить ему прежнюю его важность. Изъ Козельца мы перенеслись въ Кіевъ, гдѣ массы народа ждали государя у воротъ Печерской лавры и провожали до Соборной церкви. Утромъ онъ осмотрѣлъ нѣсколько резервныхъ батальоновъ, а вечеромъ удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный ему кіевскимъ дворянствомъ, въ обширномъ помѣщеніи на Подолѣ. Отсюда мы поѣхали въ Ходню, гдѣ государь остановился въ домѣ одного богатаго помѣщика и провелъ три дня въ подробнѣйшемъ осмотрѣ 2-го корпуса, только что возвратившагося изъ-за Дуная. Этотъ корпусъ болѣе всѣхъ пострадалъ отъ войны, моровой язвы и вредоноснаго климата; государю хотѣлось видѣть его въ томъ именно положеніи, въ какомъ онъ находился послѣ двухъ тяжелыхъ кампаній; почему и укомплектованіе его, уже вполне подготовленное, было отложено до окончанія смотра. Мы не могли довольно удивиться воинственному и опрятному виду этихъ войскъ, испытанныхъ въ бояхъ; артиллерія была даже въ блестящемъ состояніи, 2-я гусарская дивизія—въ очень порядочномъ, наконецъ пѣхота могла назваться образцовой; но всего этого оставалось менѣе шестой части: кавалерійскіе полки имѣли въ своемъ составѣ только до 200 человекъ, нѣкоторые изъ пѣхотныхъ—еще менѣе. Государь поблагодарилъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ за ихъ усердную и храбрую службу, пожаловалъ имъ денежные и другія награды, разго-

варивалъ со многими изъ солдатъ, навѣстилъ больныхъ и оставилъ всѣхъ въ восторгѣ отъ монаршихъ милостей и щедротъ.

На обратномъ отсюда пути нашемъ въ Варшаву, цесаревичъ ожидалъ государя въ Брестъ-Литовскомъ и представилъ ему на смотръ 2-ю дивизію литовскаго корпуса, съ принадлежавшею къ нему гренадерскою бригадою. Выправка этихъ войскъ не оставляла ничего желать; но въ моральномъ отношеніи они менѣе другихъ внушали къ себѣ довѣрія, бывъ, какъ я уже сказалъ, составлены исключительно изъ уроженцевъ возвращенныхъ отъ Польши губерній и имѣя во главѣ своей нѣскольکو генераловъ и множество штабъ и оберъ-офицеровъ изъ поляковъ.

Во время отсутствія нашего изъ Петербурга, возвратилась въ Кронштадтъ эскадра адмирала Гейдена, участвовавшая въ Наваринской битвѣ и блокировавшая потомъ Дарданеллы. Она привела съ собою, въ видѣ трофеевъ, два корвета: турецкій и египетскій, и заслужила общее одобреніе англійскихъ и французскихъ моряковъ, которые осыпали похвалами состояніе нашего флота и, въ особенности, искусное крейсерство контръ-адмирала Рикорда, въ опасное зимнее время, у Дарданеллъ. Такимъ образомъ, государь уже пожиналъ нѣкоторые плоды отъ стараній своихъ объ улучшеніи нашего флота. Въ Средиземномъ морѣ осталась небольшая эскадра изъ трехъ фрегатовъ и нѣсколькихъ легкихъ судовъ.

Мы прибыли въ Варшаву 7-го іюня и на другой день государь отправился въ Ловичъ, на встрѣчу императрицѣ. Я имѣлъ честь сопровождать его, и мы ѣхали одни, безъ свиты, по краю, который нѣскольکو мѣсяцевъ позже, отвергъ этого самаго монарха, вѣрившагося теперь такъ смѣло преданности своихъ подданныхъ и радовавшагося ихъ благосостоянію, плоду трудовъ его предшественника и его собственныхъ!

Въ Варшавѣ я нашелъ мою сестру, княгиню Ливенъ, съ ея мужемъ, отлучившимся временно съ посольскаго своего поста въ Лондонѣ для принесенія государю своихъ почтительныхъ чувствъ. Сестра моя, умомъ своимъ и любезностію, успѣла при этомъ случаѣ еще болѣе возвыситься и при Дворѣ, и въ публикѣ свою давнишнюю репутацію.

Черезъ недѣлю послѣ нашего возвращенія въ Варшаву, государь закрылъ сеймъ, кончившій всѣ свои занятія. Въ средѣ его образовалась довольно сильная оппозиція, которая даже отвергла проектъ закона, очень интересовавшій государя, объ ограниченіи удобства къ брачнымъ разводамъ; впрочемъ, все это было прикрыто внѣшними изъясненіями преданности и довѣрія къ монарху, удалявшими всякое подозрѣніе о разладѣ между трономъ и народнымъ представительствомъ. Все окончилось, по виду, миролюбиво, хотя въ сущности довольно холодно.

За нѣскольکو дней до нашего выѣзда изъ Варшавы, пришло туда

извѣстіе, что населеніе одного изъ севастопольскихъ предмѣстій, состоявшее болѣею частію изъ матросовъ съ ихъ семействами, взбунтовалось по случаю мѣръ начальства отъ чумы, открывшейся въ тамошнемъ портѣ и проникнувшей до Одессы, отважилось на самыя преступныя дѣйствія и даже убило коменданта Столыпина. Генераль-губернаторъ графъ Воронцовъ, лично посѣдивъ на мѣсто, умѣлъ съ обыкновенною своею храбростію и распорядительностію, возстановить порядокъ и обратить бунтовщиковъ снова къ должной покорности. Главныя зачинщики были подвергнуты строгимъ наказаніямъ, и указанныя государемъ мѣры положили предѣлъ возобновленію на будущее время подобныхъ безпорядковъ. Часть черноморскихъ экипажей, участвовавшихъ въ возмущеніи, была переведена въ Архангельскъ и Кронштадтъ и замѣнена командами изъ балтійскаго флота. Чума-же, благодаря энергіи и неутомимой попечительности графа Воронцова, не перешла границы Новороссійскаго края и вскорѣ совсѣмъ прекратилась.

Императрица, съ братомъ своимъ принцемъ Карломъ, уѣхали въ Петербургъ тремя днями прежде государя, который оставилъ Варшаву 21-го іюня, въ полночь. Не совсѣмъ довольный собою и еще менѣе довольный своимъ старшимъ братомъ, онъ чувствовалъ неловкость положенія русскаго монарха въ Царствѣ Польскомъ; чувствовалъ все зло либеральной и преждевременной организаціи этого края, которую охранять присягнулъ самъ; понимая всю тяжесть характера цесаревича, считалъ однако-же присутствіе его въ Польшѣ необходимымъ, въ видѣ перевѣса притязаніямъ польской аристократіи; наконецъ, всю свою надежду полагалъ единственно на будущее и какъ бы страшился дать себѣ полный отчетъ въ настоящемъ положеніи этой важной части его огромной державы. Впрочемъ ничто не указывало на вѣроятность близкаго взрыва, и, напротивъ, видимое матеріальное благосостояніе казалось надежнѣйшимъ оплотомъ общественнаго спокойствія. Время могло устранить все непріятное въ личномъ положеніи государя и, говоря вообще, онъ остался не совсѣмъ недоволенъ своею поѣздкою и подвластною ему націею, всѣмъ обязанною русскимъ царямъ.

Едва мы возвратились опять спокойно въ Петербургъ, какъ вдругъ новое событіе, новая забота дали почувствовать государю, что онъ не избавился отъ напастей, преслѣдовавшихъ его со дня вступленія на престолъ. На предѣлахъ имперіи, въ Оренбургской губерніи, незадолго передъ тѣмъ показалась холера. Эта страшная болѣзнь, извѣстная у насъ дотогѣ только по имени и по описаніямъ производимыхъ ею опустошеній, тѣмъ болѣе должна была навести ужасъ, что никто не зналъ и не могъ указать противъ нея ни медицинскихъ средствъ, ни полицейскихъ мѣръ. Общее мнѣніе было, однако-же, на сторонѣ каранти-

новъ и оцѣпленій, какъ-бы противъ чумы, и въ этомъ смыслѣ правительство тотчасъ приняло всѣ нужныя мѣры, съ тою дѣятельностію, которую твердая воля государя умѣла влагать во всѣ его распоряженія. На всѣ указанные пункты были направлены войска и изъ нихъ, равно какъ и изъ мѣстныхъ жителей, образованы чумныя кордоны, для предохраненія отъ этого бича внутреннихъ губерній и обѣихъ столицъ.

Государь еще не имѣлъ дотоле времени посѣтить Финляндію и, желая долѣе отлагать этого давнишняго своего намѣренія, приказалъ мнѣ изготовиться въ путь. 30-го іюля вечеромъ, я явился на Благанъ островъ, въ дорожномъ нарядѣ и не мало удивился, встрѣтивъ во дворцѣ г. Бургоена (Bourgoen), французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, выходящаго изъ государева кабинета, въ сильномъ волненіи и въ слезахъ. «Что съ вами» — спросилъ я, и едва онъ успѣлъ отвѣтить, что въ Парижѣ вспыхнула революція, какъ меня позвали въ кабинетъ. Государь только что получилъ извѣстіе о знаменитыхъ іюльскихъ дняхъ, о слабости, оказанной Карломъ X и его сыномъ, наконецъ объ отличномъ поведеніи королевской гвардіи. Бурбоны въ третій разъ падали съ престола, не покусившись удержать его за собою, хотя-бы малѣйшимъ дѣйствіемъ личнаго мужества. Воспользовавшись ихъ малодушіемъ, Людовикъ-Филиппъ похитилъ тотъ тронъ, къ низверженію котораго его отецъ нѣкогда такъ ревностно способствовалъ. Государь жестоко негодовалъ на слабость и оплошность законной линіи и на коварство и вѣроломство Людовика-Филиппа. За отсутствіемъ графа Нессельрода, временно уволеннаго для поправленія здоровья къ Карлсбадскимъ водамъ, нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ эту эпоху временно управлялъ зять мой, князь Ливень, на котораго легло все бремя первыхъ распоряженій.

Между тѣмъ эти событія не остановили нашей поѣздки въ Финляндію. Мы отправились въ дрожкахъ, — экипажѣ, въ которомъ императоръ Николай всегда ѣзжалъ по Финляндіи. Сидя вдвоемъ въ этой ломкой повозкѣ, мы, разумѣется, говорили только о Парижскихъ происшествіяхъ и о послѣдствіяхъ, которыя они могутъ имѣть для остальной Европы. Помню какъ, разсуждая о причинахъ этой революціи, я сказалъ, что, съ самой смерти Людовика XIV, французская нація, болѣе испорченная чѣмъ образованная, опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабые Бурбоны шли въ главѣ народа, а что самъ онъ влачилъ ихъ за собою, и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ, со временъ Петра Великаго, всегда впереди націй стояли ея монархи; но, что по этому самому не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ, по кругу своихъ понятій,

въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти.

За нѣсколько станцій до Выборга, дрожки сломались, и мы вынуждены были пересѣсть въ запасныя, менѣ покойныя и еще менѣ прочныя, чѣмъ первыя.

Въ Выборгѣ мы остановились у православнаго собора, на паперти котораго ожидали государя губернаторъ и всѣ власти. По осмотрѣ имъ укрѣпленій, госпиталей и не многихъ казенныхъ зданій, украшающихъ этотъ городокъ, мы, переночевавъ въ немъ, на слѣдующій день пустились далѣе и вскорѣ очутились въ новой Финляндіи, т. е. въ той ея части, которая была завоевана императоромъ Александромъ. Здѣсь, ѣзда на маленькихъ почтовыхъ лошадакахъ, поставляемыхъ крестьянами въ натурѣ, по заведенной между ними очереди, часто почти совсѣмъ безъ упряжи, далеко не безопасна. Надо имѣть своего кучера, свои возжи и сбрую; кромѣ того, эти лошади приучены спускаться съ горъ во всю прыть, что грозитъ безпрестанною опасностію удариться о камни и сломать себѣ шею. Впереди насъ ѣхалъ, въ маленькой одноколкѣ, мѣстный исправникъ, который при каждомъ спускѣ поднималъ надъ головою шляпу, въ знакъ того, чтобы государевъ кучеръ сдерживалъ лошадей. Потомъ его одноколка улетала съ ужасающею быстротою и мы точно такъ-же стремительно уносились за нею, вопреки всѣмъ усиліямъ нашего Артамона, дивившагося, что ему не удастся совладать съ такими кляченками. На одной изъ станцій, государь пересѣлъ въ простую крестьянскую телѣжку, а я поѣхалъ въ слѣдъ за нимъ, въ такой-же. Въ нѣсколькихъ верстахъ въ сторону отъ большой дороги находятся тѣ приморскія гранитныя скалы, изъ которыхъ добыли колонны, украшающія Казанскій и Исаакіевскій соборы и изъ которыхъ въ это время вылащивали огромный монолитъ для памятника императору Александру. Тропинка, которою мы туда слѣдовали, вела, казалось, прямо ко входу въ адъ. По окраинамъ ея находились: густой лѣсъ изъ старыхъ, обросшихъ мхомъ елей, перегнившіе стволы, опрокинутыя или вывороченныя съ корнями деревья, мѣстами скалы, частію уже истлѣвшія отъ времени. Глухой шумъ, казавшійся сначала завываніемъ бури, все возрасталъ по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ эту пустынную мѣстность; потомъ мы слышали стукъ желѣза о камень, а наконецъ, еще болѣе приблизясь, были оглушены невыразимымъ трескомъ отъ одновременныхъ ударовъ въ приставленные къ скалѣ ломы нѣсколькихъ огромныхъ молотовъ, которыми рабочіе отдѣляли монолитъ отъ гранитной массы. Весь этотъ народъ, пришедшій сюда изнутри Россіи, остановился на минуту, чтобы прокричать государю ура! и потомъ снова принялся за свое дѣло. Подъ вечеръ мы прибыли въ Гельсингфорсъ, гдѣ государь, бывъ встрѣченъ у русской церкви генералъ-губернаторомъ графомъ

Закревскимъ со всѣми властями, русскими и финляндскими, помѣстился въ приготовленномъ для него генераль-губернаторомъ домѣ.

Гельсингфорсъ, созданный императоромъ Александромъ, увеличенный послѣ Абовскаго пожара перенесеніемъ туда университета, наконецъ обращенный въ столицу великаго княжества и въ мѣстопробываніе всѣхъ высшихъ начальственныхъ лицъ и мѣсть, въ нѣсколько лѣтъ, благодаря сверхъ того выгодному своему положенію у глубокаго залива и превосходной якорной стоянкѣ, уже успѣлъ сдѣлаться значительнымъ городомъ и украситься многими прекрасными зданіями. Государь осматрѣлъ ихъ всѣ въ подробности.

Во время развода Финскаго стрѣлковаго батальона, составленнаго изъ мѣстныхъ уроженцевъ, но обученнаго на русскій ладъ, площадь и всѣ окна на нее были полны народа.

На другой день мы поѣхали на катерѣ въ Свеаборгъ. Шведскіе короли истощили свою казну на эту крѣпость, видя въ ней надежнѣйшій оплотъ противъ завоевательнаго духа Москвитянъ: они работали лишь въ нашу пользу! Теперь Свеаборгъ есть убѣжище для нашего флота, арсеналь для нашей арміи и неодолимая твердыня, которая даже и въ несчастныхъ обстоятельствахъ всегда будетъ для насъ ключемъ Финляндіи.

Государь осматрѣлъ сперва этотъ второй Гибралтаръ во всѣхъ его частяхъ, потомъ нѣсколько батальоновъ расположенной въ Финляндіи пѣхотной дивизіи, которыми остался, однако же не слишкомъ доволенъ. Обѣдали мы на линейномъ кораблѣ, привезшемъ князя Меншикова и остановившемся вблизи Гельсингфорской набережной. Видъ съ этого корабля, обнимавшій весь новый городъ, Свеаборскую крѣпость, близъ лежащія шхеры и все пространство гавани,—былъ очарователенъ.

Сердечный пріемъ, сдѣланный государю всѣми классами населенія, быстрое возростаніе столицы, наконецъ общій видъ довольства не оставляли сомнѣнія въ выгодахъ благаго и отеческаго устройства, даннаго этому краю. Прежніе навыки, преданія и семейные союзы не могли не поддерживать еще до нѣкоторой степени симпатической связи его со Швеціею; но матеріальные интересы и управленіе, столько-же либеральное, сколько и національное, уже производили свое дѣйствіе, и все обѣщало Россіи въ финляндцахъ самыхъ вѣрныхъ и усердныхъ подданныхъ.

Государь вернулся въ Петербургъ очень довольный своимъ путешествіемъ и остановился на Елагинѣ, гдѣ ожидала его императрица.

Продолжая негодовать на революцію, низведшую Карла X-го съ престола его предковъ, видя притомъ, что во Франціи власть перешла совершенно въ руки демократів и что самъ Людовикъ-Филиппъ является лишь игролищемъ въ рукахъ Лафаетовъ, Лафитовъ и ихъ единомышлен-

никовъ, государь призналъ за благо прервать прежнія ближайшія связи съ Франціей. Онъ запретилъ поднимать на французскихъ судахъ въ русскихъ портахъ трехцвѣтное знамя; велѣлъ нашимъ подданнымъ немедленно выѣхать изъ Парижа и изъ Франціи и постановилъ впускать французскихъ подданныхъ въ Россію не иначе какъ съ строжайшимъ разборомъ, а за находящимися уже въ Россіи имѣть самый бдительный надзоръ. Только велѣно было торговля сношенія оставить на прежнемъ основаніи и еще не отзываться изъ Франціи нашего посла и нашихъ консуловъ.

Дѣла не могли, однако-же, долго продолжаться на такомъ основаніи и ясно было, что придется или совсѣмъ расторгнуть всѣ связи съ Франціей, или-же признать новаго ея монарха. Къ послѣднему сердце государя вовсе не лежало. Между тѣмъ Англія, Австрія и Пруссія, равно какъ и всѣ прочіе европейскіе кабинеты успѣли признать Людовика-Филиппа: онъ былъ королемъ французовъ на самомъ дѣлѣ и одно лишь поддержаніе его власти могло противопоставить законную преграду якобинскимъ замысламъ той партіи, которая возвела его на престолъ и теперь громко требовала войны. Отдѣлиться отъ своихъ союзниковъ и отъ всей Европы черезъ непризнание Людовика-Филиппа—значило оскорбить всѣ кабинеты и возбудить противъ себя личную вражду новаго короля. Кромѣ того, Карлъ X-й и слабый его сынъ торжественно отреклись отъ своихъ правъ на французскую корону и предоставили ее младенцу-герцогу бордоскому. Поддерживать права послѣдняго, при всей ихъ законности, значило поддерживать какой-то призракъ. Франція не хотѣла этого младенца, а самъ онъ, по своимъ лѣтамъ и по всѣмъ обстоятельствамъ, находился внѣ возможности чего-либо домогаться. Разрывъ съ Франціей долженъ былъ нанести вредъ нашей торговлѣ, нарушить общій миръ, расторгнуть нашъ союзъ съ первостепенными державами, и, не бывъ вынуждаемъ народною честью, противорѣча интересамъ имперіи, возбудить сильное неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что у насъ всѣ порицали злополучные декреты Карла X-го, сдѣлавшіеся причиною парижской революціи, а малодушное поведеніе падшаго короля лишало его того сочувствія, которое обыкновенно сопутствуетъ несчастію.

Итакъ, послѣ долгой внутренней борьбы и гласно заявленнаго отвращенія къ новому монарху Франціи, нашему государю не оставалось ничего инаго, какъ покориться силѣ обстоятельствъ и принести личные чувства въ жертву сохраненія мира и, отчасти, общественному мнѣнію. Императоръ Николай впервые принудилъ себя дѣйствовать вопреки своему убѣжденію и не безъ глубокаго сокрушенія и досады призналъ Людовика-Филиппа королемъ французовъ.

Мы жили въ то время въ Царскомъ Селѣ. Государю, недовольному самимъ собою, нужно было развлечься, и мы отправились въ военныя

поселенія. Весь гренадерскій корпусъ былъ собранъ лагеремъ у Княжева Двора. Государь, расположившись въ палаткѣ насупротивъ лагеря, сдѣлалъ большой парадъ, а на другой день ученье и маневры. Потомъ мы поѣхали по полковымъ штабамъ и наконецъ въ Старую Руссу. Французскій повѣренный въ дѣлахъ Бургоенъ сопровождалъ государя въ этой поѣздкѣ; онъ не могъ довольно надивиться всему что онъ видѣлъ, въ особенности-же общему довольству, замѣченному имъ въ Старой Руссѣ и въ нѣсколькихъ многолюдныхъ селеніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали.

На возвратномъ пути, мнѣ позволено было заѣхать въ мою эстляндскую мызу Фаль, гдѣ проводила лѣтнее время моя семья. Но едва я пробылъ тамъ три дня, какъ прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что государь уѣхалъ въ Москву, гдѣ открылась холера, и велить мнѣ тотчасъ за нимъ слѣдовать. Я былъ въ восхищеніи отъ героической рѣшимости моего царя и спустя два часа послѣ полученія извѣстія уже летѣлъ по почтовой дорогѣ. Прибывъ въ Петербургъ, я заѣхалъ въ Царское Село за приказаніями императрицы и поспѣшилъ въ Москву. А тамъ, приѣхавъ вечеромъ, немедленно явился къ государю съ выраженіемъ благодарности моей за память ко мнѣ въ минуту столь тяжкую для отеческаго его сердца. Онъ былъ, какъ всегда, спокоенъ и благодушенъ. Его приѣздъ оживилъ, но не удивилъ добрыхъ москвичей, которые, среди ужаса таинственной заразы, предчувствовали, что ихъ не покинетъ царь. Когда онъ появился передъ народомъ, презрѣвъ опасность, чтобы пособить ему—общій энтузіазмъ достигъ крайнихъ предѣловъ и всѣмъ казалось, что сама болѣзнь должна уступить его всемогуществу. Было рѣшено оцѣпить Москву для охраненія отъ заразы прочихъ губерній и Петербурга; все исполнилось безъ затрудненій, и покорность народа, одушевленнаго благодарностію, не знала границъ. Холера, однако-жъ, съ каждымъ днемъ усиливалась, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивалось и число ея жертвъ. Лакей, находившійся при собственной комнатѣ государя, умеръ въ нѣсколько часовъ; женщина, проживавшая во дворцѣ, также умерла, несмотря на немедленно поданную ей помощь. Государь ежедневно объѣзжалъ публичныя заведенія, презирая опасность, потому что тогда никто не сомнѣвался въ прилипчивости холеры. Вдругъ, за обѣдомъ во дворцѣ, на который было приглашено нѣсколько особъ, онъ почувствовалъ себя нехорошо и принужденъ былъ выйти изъ-за стола. Вслѣдъ за нимъ поспѣшилъ докторъ, столько-же испуганный какъ и мы всѣ, и хотя черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся къ намъ съ приказаніемъ отъ имени государя не останавливать обѣда, однако никто, въ смертельной нашей тревогѣ, уже болѣе не прикасался къ кушанью. Вскорѣ за тѣмъ показался въ дверяхъ самъ государь, чтобы насъ успокоить; но между тѣмъ его тошнило, трясла лихорадка и откры-

лись всё первые симптомы болѣзни. Къ снатию, сильная испарина и данныя во-время лекарства скоро ему пособили и не далѣе какъ на другой день все наше безпокойство миновалось.

Десять дней проведены были въ неутомимой, непрерывной дѣятельности. Государь самъ наблюдалъ, какъ по его приказаніямъ устраивались больницы въ разныхъ частяхъ города, отдавалъ повелѣнія о снабженіи Москвы жизненными потребностями, о денежныхъ вспомошествованіяхъ немущимъ, объ учрежденіи прикутовъ для дѣтей, у которыхъ болѣзнь похитила родителей; безпрестанно показывался на улицахъ; посѣщалъ холерныя палаты въ госпиталяхъ и только, устроивъ и обезпечивъ все, что могла человѣческая предусмотрительность, 7-го сентября выѣхалъ изъ своей столицы. Вечеромъ мы пріѣхали въ Тверь и остановились во дворцѣ, который нѣкогда былъ занимаемъ великою княгинею Екатериною Павловною, съ супругомъ ея, принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, во время бытности его тамошнимъ генераль-губернаторомъ. Здѣсь врачъ принялъ насъ въ особо приготовленной комнатѣ и окуривъ, согласно съ существовавшими тогда правилами, хлоромъ; послѣ чего дворецъ и маленькій его садъ оцѣпили часовыми, для совершеннаго отдѣленія его отъ города; а насъ, во исполненіе собственной воли государя, желавшаго дать примѣръ покорности законамъ, засадили въ карантинъ и разъединили отъ всего міра. Свиту государеву составляли, кромѣ меня, графъ П. А. Толстой, бывшій нѣкогда моимъ начальникомъ въ парижскомъ посольствѣ, генераль-адъютанты—Храповицкій и Адлербергъ, флигель-адъютанты—Кокоскинъ и Апраксинъ и докторъ—Арендтъ и Енохинъ. Всѣхъ насъ размѣстили въ томъ-же дворцѣ. Утромъ занимались бумагами, которыя ежедневно присылались изъ Петербурга и Москвы, а потомъ прогуливались по саду, впрочемъ очень худо содержимому. Государь стрѣлялъ воронъ, я подметалъ дорожки. За этими забавами слѣдовалъ прекрасный обѣдъ для всего общества вмѣстѣ, послѣ котораго расходились по своимъ комнатамъ до вечера, соединявшаго опять всѣхъ на государевой половинѣ, гдѣ играли въ карты. Такъ мы, до возвращенія въ Царское Село, провели 11 дней въ этой тюрьмѣ, хотя очень спокойной и удобной, но тѣмъ не менѣе жестоко намъ надѣвшею.

Между тѣмъ пришло извѣстіе о бельгійской революціи, изгнавшей изъ Брюсселя принца Оранскаго; братъ его, принцъ Фридрихъ, пытался было снова овладѣть Брюсселемъ, но продержавшись тамъ лишь нѣсколько дней, покинулъ городъ и весь край на жертву революціи, представлявшей, собственно, одно постыдное и смѣшное подражаніе парижской.

Примѣръ былъ опасенъ. Въ Брюсселѣ, какъ и въ Парижѣ, побѣда осталась на сторонѣ революціи; тамъ, какъ и тутъ, законность должна

была преклониться передъ безпорядкомъ, и монархія передъ демократическими идеями. Умы разгорячались, и легкость успѣха въ этихъ двухъ странахъ не могли не ободрить и не внушить новой отваги людямъ злонамѣреннымъ. Варшава была переполнена такими. Обезьянство французскимъ доктринамъ, увлекшее слабыя польскія головы въ первую революцію и приведшее Польшу къ первому ея раздѣлу, возобновилось и теперь въ томъ-же духѣ и послужило сигналомъ къ возстанію.

Уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ замѣчались разныя проявленія революціонныхъ замысловъ въ варшавской школѣ подпрапорщиковъ. Цесаревичъ, бывъ неоднократно о томъ предваренъ, сначала не давалъ вѣры этимъ извѣтамъ, а впоследствии хотя и учредилъ слѣдственную комиссію, но сія послѣдняя дѣйствовала чрезвычайно слабо. Несмотря на подозрительный свой характеръ, цесаревичъ не хотѣлъ предполагать, чтобы нашлись преступники въ числѣ тѣхъ, которыхъ называлъ своимъ, а подпрапорщики помѣщенные на жительство возлѣ сада его Бельведера, имъ сформированные, обученные и, такъ сказать, воспитанные, были для него такими въ полномъ смыслѣ.

25-го ноября, вечеромъ, пришло къ государю извѣстіе, что 17-го числа, вечеромъ-же, Варшава сдѣбалась театромъ кровавыхъ сценъ. Описывалось, какъ нѣсколько подпрапорщиковъ, ворвались въ Бельведерскій дворецъ, изранили президента полиціи Любовицкаго и убили генерала Жандра, прискакавшаго предварить цесаревича о грозящей ему опасности; какъ цесаревичъ самъ едва успѣлъ отъ нихъ скрыться заднимъ ходомъ и сѣсть на лошадь. Только когда русская гвардейская кавалерія успѣшила на помощь ему, убійцы бѣжали изъ Бельведера; какъ между тѣмъ, весь городъ пришелъ въ волненіе и народъ, бросившись въ арсеналъ и выломавъ всѣ двери въ немъ, захватилъ всѣ находившіяся тамъ склады оружія. Далѣе, что 4-й линейный полкъ, саперный батальонъ и гвардейская конно-артиллерійская батарея, уже заранѣе подготовленные бунтовщиками, тотчасъ стали на ихъ сторону, а успѣвшіе къ волновавшимся сборищамъ, для восстановленія порядка, военный министръ графъ Гауке, начальникъ пѣхоты графъ Станиславъ Потоцкій, генералы—Цементовскій, Трембицкій, Брюмеръ и Новицкій, пали жертвами ярости своихъ соотчичей; что русскіе полки Литовскій и Волынскій и съ ними часть польскихъ гвардейскихъ гренадеръ, въ польской походной амуниціи, ждутъ на площади приказаній цесаревича; что Конно-Егерскій полкъ польской гвардіи съ нѣсколькими ротами армейскихъ гренадеръ сохранили вѣрность и въ ночь присоединились къ тремъ русскимъ кавалерійскимъ полкамъ, находившимся при цесаревичѣ, наконецъ, что весь городъ открыто бунтуетъ и никакихъ мѣръ не принято для его усмиренія.

Государь тотчасъ прислалъ за мною и, когда я явился, далъ мнѣ

прочестъ рапортъ цесаревича. Между тѣмъ, не теряя ни минуты, онъ уже успѣлъ отдать всѣ нужныя приказанія. 1-й корпусъ, подъ командою П. П. Палена, получилъ приказаніе двинуться къ границамъ Царства, а барону Розену, начальнику Литовскаго корпуса, велѣно взять то направленіе, какое укажетъ цесаревичъ.

На другое утро, государь, по обыкновенію, присутствовалъ при разводѣ и съ окончаніемъ его, ставъ въ середину эзерциргауза, вызвалъ къ себѣ генераловъ и офицеровъ. Всѣ и изъ покорности, и изъ любопытства поспѣшили столпиться вокругъ лошади, на которой онъ сидѣлъ. Тутъ государь громко и внятно передалъ подробности печальныхъ Варшавскихъ событій и, сообщивъ объ опасности, которой подвергался его братъ и о принятыхъ уже мѣрахъ, заключилъ слѣдующими словами: «Въ случаѣ нужды, вы, моя гвардія, пойдете наказать измѣнниковъ и возстановить порядокъ и оскорбленную честь Россіи. Знаю, что я во всѣхъ обстоятельствахъ могу полагаться на васъ!» Въ продолженіе рѣчи государя, вниманіе слушателей все болѣе и болѣе напрягалось, и кружокъ ихъ вокругъ него все становился тѣснѣе; но при послѣднихъ словахъ всѣ, такъ сказать, налегли на него; каждый хотѣлъ лично выразить ему свою любовь и преданность; всѣ были въ слезахъ, и единодушное «ура!» стоявшихъ въ ружьѣ солдатъ сопровождало государя до выхода его изъ эзерциргауза. Эта сцена произвела неописуемое впечатлѣніе: старые и молодые, генералы и офицеры и даже солдаты, всѣ были глубоко тронуты, и государь при этомъ случаѣ легко могъ удостовѣриться въ питаемомъ къ нему восторженномъ чувствѣ.

На слѣдующій день пришло второе донесеніе цесаревича, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что къ нему присоединилась вся русская гвардейская артиллерія, расположенная въ окрестностяхъ Варшавы; что пребывшія вѣрными войска стоятъ биваками близъ Бельведера; что впрочемъ, городъ въ полномъ возстаніи и учреждено временное правительство, главные дѣятели котораго: князь Чарторыжскій и профессоръ Виленскаго университета Лелевель, въ качествѣ депутатовъ отъ народа, нагло явились къ нему, цесаревичу; наконецъ, что онъ ихъ принялъ и, вслѣдствіе объясненій съ ними, разрѣшилъ остававшимся при немъ частямъ польской арміи возвратиться въ Варшаву. Это снисхожденіе поддержало и скрѣпило бунтъ, давъ возможность принять въ немъ участіе всей польской арміи, большая часть которой еще выжидала, по крайней мѣрѣ по виду, дальнѣйшихъ указаній цесаревича. Въ замѣнъ того, депутаты обѣщали ему, со всѣми русскими войсками, свободный проходъ до границъ Царства. Такимъ образомъ завершилось начальствованіе цесаревича въ Польшѣ и окончательно утвердилась безразсудная и столь бѣдственная для самаго края, революція. Генералъ Хлопицкій былъ назначенъ диктаторомъ.

Вслѣдствіе нашей слѣпой вѣры въ духъ поляковъ и въ ихъ мнимую благонамѣренность и благодарность за благодѣянія императора Александра—артиллерійскіе парки въ Царствѣ были переполнены запасами, полки имѣли двойной комплектъ обмундирования и вооруженія; крѣпость Замость была богато снабжена орудіями; въ польскомъ банкѣ лежали значительныя суммы. Не трудно, слѣдственно, было полякамъ тотчасъ удвоить свою армію, снабдивъ ее всѣмъ нужнымъ для войны, а намъ, такимъ образомъ, приходилось сражаться противъ собственнаго нашего оружія, вложеннаго великодушіемъ и благороднымъ довѣріемъ въ руки лютейшихъ нашихъ враговъ.

Принявъ всѣ мѣры къ сосредоточенію достаточныхъ силъ для подавленія мятежа, государь рѣшился, однако-же, истощить всѣ средства къ образумленію своихъ заблудшихъ подданныхъ безъ кровопролитія. Онъ отправилъ состоящаго при немъ польскаго флигель-адъютанта Гауке въ Варшаву, съ манифестомъ, открывавшимъ націи возможность испросить себѣ прощеніе, съ письмомъ къ Хлопицкому, которому давалъ разныя повелѣнія касательно участи вдовъ измѣннически убитыхъ генераловъ съ приказомъ польской арміи собраться въ полномъ составѣ у Плоцка.

Хлопицкій и нѣкоторые другіе лица, сохранявшіе еще разсудокъ, страшась предстоящей борьбы, совѣтовали вступить въ переговоры, но партія якобинцевъ, предводительствуемая Лелевелемъ, честолюбіе Черторыжскаго, мечтавшаго быть избраннымъ на тронъ Польши, и толпа безумцевъ, увлекаемыхъ только личными своими страстями, одержали верхъ. Повелѣнія и предложенія государя были отвергнуты. Единственная уступка, которой могъ добиться Хлопицкій, состояла въ согласіи послать депутацію въ Петербургъ, но не для изъявленія покорности и раскаянія, а для настоянія объ удовлетвореніи всѣхъ домогательствъ Польши и о присоединеніи къ ней нашихъ Литовскихъ губерній. Польскій министръ финансовъ князь Любецкій, человекъ очень умный, видя въ этой миссіи единственное средство къ спасенію своей жизни, такъ искусно умѣлъ повести дѣло, что выборъ быть представителемъ этой депутаціи палъ на него. Онъ взялъ себѣ въ товарищи сеймоваго депутата Езерскаго.

Когда эти господа явились въ Петербургъ, то монархъ, чтобы отстранить всякую мысль, что имъ была допущена какая-либо депутація отъ мятежниковъ, не соизволилъ принять ихъ вмѣстѣ. Призвавъ къ себѣ одного Любецкаго, въ качествѣ своего министра, но и то въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича и еще нѣсколькихъ другихъ свидѣтелей, онъ много и очень строго говорилъ о варшавскихъ мерзостяхъ и не допустилъ Любецкаго произнести ни одного слова касательно его миссіи. Мнѣ поручено было переговорить въ томъ-же духѣ съ Езер-

скимъ, котораго государь принялъ нѣсколько дней позже, не официально и при мнѣ. Любецкому онъ велѣлъ остаться въ Петербургѣ, а Езерскому позволилъ возвратиться въ Варшаву, уполномочивъ его передать тамъ все имъ слышанное, по письменному мною составленному изложенію. Это было послѣднимъ средствомъ, которое государь, въ великодушіи своемъ, хотѣлъ еще испытать, для избавленія мятежныхъ своихъ подданныхъ отъ ужасовъ войны и отъ наказанія за дальнѣйшее неповиновеніе. Бумага оканчивалась слѣдующими словами: «Первый пушечный выстрѣлъ, слѣванный поляками, убьетъ Польшу.»

Напрасно Езерскій, по прибытіи въ Варшаву, усиливался изобразить народному собранію все безуміе сопротивляться вооруженною рукою могуществу Россіи. Корифеи революціи заглушили его благоразумный голосъ. Рѣшена была война. Вскорѣ Польша присоединила къ сему объявленіе, что ея царь низложенъ съ престола. Такимъ образомъ сами Поляки развязали руки государю. Онъ могъ поступать съ ними не какъ съ подданными, а какъ съ врагами.—Хлопяцкій, потерявъ надежду образумить своихъ соотечественниковъ, сложилъ съ себя диктаторство, которое было передано князю Радзивилу, человѣку бездарному и неопытному въ военномъ дѣлѣ. Поляковъ ободряли въ ихъ возстаніи общія демагоговыя и надежды на помощь Франціи. Либеральные журналы нѣмецкіе и англійскіе поощряли и разжигали ихъ своими напыщенными возгласами о свободѣ и національной самостоятельности. Галиція и Познань рукоплескали Варшавскому движенію, какъ-бы предвидя въ немъ и собственное свое возрожденіе, а европейскіе кабинеты улыбались этой новой помѣхѣ Россіи на пути возрастающаго ея могущества. Сосѣди-же наши, какъ Австрія, такъ и Пруссія, еще не видя въ событіяхъ Царства Польскаго близкой опасности для самихъ себя, не принимали мѣръ, чтобы воспрепятствовать своимъ польскимъ подданнымъ оказывать содѣйствіе, и людьми и деньгами, общей ихъ ойчизнѣ.

Цесаревичъ, съ оставшимся при немъ отрядомъ русской гвардіи, возвратился въ предѣлы Россіи и съ глубокимъ сокрушеніемъ ожидалъ, куда государь заблагоразсудитъ его употребить.

Назначенный главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, графъ Дибичъ, дѣятельно занимался приготовлениями къ предстоящей кампаніи, несмотря на время года столь для нея невыгодное. Ожидавшія нашу армію, въ самомъ началѣ кампаніи, затрудненія отъ снѣговъ и переправъ не могли не благоприятствовать неприятелю. Гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича, также выступилъ въ походъ. Фельдмаршалъ оставилъ Петербургъ въ половинѣ декабря. Армія наша перешла границы имперіи и вступила въ предѣлы Царства, 25-го января 1831 г.

1831 годъ.

Походъ въ Польшу.—Графъ Дибичъ.—Его дѣйствія подъ пражскими укрѣпленіями.—Его кончина —Холера въ Петербургѣ.—Кончина цесаревича Константина Павловича.—Безпокойства въ Петербургѣ.—Появленіе государя на Сѣвной площади.—Холера и бунтъ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ.—Императоръ Николай въ военныхъ поселеніяхъ.—Взятіе Варшавы.—Верховный судъ въ Польшѣ.—Привезеніе тѣла цесаревича Константина Павловича въ Петербургъ.—Поѣздка государя въ Москву.—Преобразование въ Польшѣ.—Польскія знамена и конституціонная хартія въ Оружейной палатѣ.—Поѣздка въ Тронцко-Сергіевскую лавру и Ярославль.—Ковчига княгини Ловичъ.

Было полное основаніе опасаться, что распущенное въ Царствѣ знамя польской независимости, потрясетъ вѣрность литовскаго корпуса, котораго болѣе половины офицеровъ и солдатъ были уроженцы Западныхъ губерній. И дѣйствительно, одинъ капитанъ покусился было совратить свою роту, но не успѣвъ увлечь ее къ переходу за границу для присоединенія къ бунтовщикамъ, бросился туда одинъ: пуля унтеръ-офицера той-же роты положила его на мѣстѣ. Нѣсколько другихъ офицеровъ и одинъ подпрапорщикъ успѣли дезертировать къ непріятелю; но масса войскъ явно выказывала свое негодованіе противъ такой измѣны и старалась усиленнымъ рвеніемъ омыть падавшее на нихъ подозрѣніе. Несмотря на то, государь призналъ нужнымъ перевести нѣкоторыхъ офицеровъ, въ особенности же высшихъ чиновъ, въ другіе корпуса и замѣнить ихъ выбранными изъ всѣхъ полковъ гвардіи.

Еще болѣе поводовъ къ опасеніямъ давали губерніи, возвращенныя Россіи при двухъ послѣднихъ раздѣлахъ Польши.

Первыя достигшія туда извѣстія о Варшавскомъ бунтѣ удивили и испугали даже самыхъ ревностныхъ патриотовъ. Первымъ движеніемъ дворянства было заявить о его вѣрности и преданности русскому престолу. Адресы о томъ приходили въ Петербургъ одинъ за другимъ, но не казались правительству достаточнымъ ручательствомъ для ослабленія принятыхъ имъ мѣръ предосторожности.

Прежде всего обращено было вниманіе на губерніи Витебскую и Могилевскую, и именной высочайшій указъ ввелъ въ нихъ русскіе законы и весь административный порядокъ великороссійскихъ губерній. Главною цѣлью такой мѣры было доказать полякамъ, что эти старинныя наши завоеванія навсегда и нераздѣльно присоединены къ составу имперіи и что отторгнуть ихъ Польшѣ можно-бы было лишь по сокрушеніи нашей власти.

Въ февралѣ войска наши, въ побѣдномъ своемъ шествіи, уже нахо-

дѣлились передъ Прагою. 13-го числа послѣдовалъ рѣшительный бой, заставившій польскую армію отступить подъ защиту пражскихъ орудій. Въ Варшавѣ распространился общій ужасъ. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; безпорядокъ сдѣлался общимъ; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія побѣдителю ключей и испрошенія помилованія. Еще одно усиліе, чтобы овладѣть Прагскими укрѣпленіями, Варшава была-бы наша и революція окончена. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго Царства Польскаго, развязалъ продолжительную и кровавую войну. Съ этого времени, убѣдившись самъ, но уже поздно, въ неизвинительной своей ошибкѣ и тщетно искавъ ее поправить, Дибичъ потерялъ всю энергію и то, можетъ быть преувеличенное, довѣріе, которое питалъ къ своимъ дарованіямъ. Въ упомянутую выше минуту, когда онъ велъ свои колонны на Прагскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ приостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ; но на смертномъ одрѣ сказалъ графу Орлову: «Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовалъ ему, я провинился передъ государемъ и Россією. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за все свои дѣйствія.» Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и таланты. Думають, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавою, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились все его привычки, видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и униженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ сбереженной имъ Варшавы.

Холера, свирѣпствовавшая въ войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Царствѣ Польскомъ, одною изъ послѣднихъ почти жертвъ своихъ избрала фельдмаршала Дибича. подготовленнаго, такъ сказать, къ этой болѣзни терзавшимъ его раскаяніемъ и неудачами нашихъ военныхъ операцій.

Онъ страдалъ всего лишь нѣсколько часовъ и испустилъ духъ въ присутствіи графа А. Ѳ. Орлова, только что прибывшаго въ армію, съ порученіемъ государя ободрить фельдмаршала и, вмѣстѣ, указать погрѣшности, которыя были замѣчены въ его дѣйствіяхъ и которыя самъ онъ слишкомъ хорошо чувствовалъ. Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, послѣ блестящаго поприща, омраченнаго единственно этой кампаніей. Армія и Россія почти обрадовались его смерти, приписывая ему одному срамъ столь продолжительной борьбы противъ польской революціи. Государь и всѣ ближе знавшіе Дибича оплакали въ немъ человѣка прямодушнаго, ревностнаго слугу царскаго и доблестнаго, преданнаго гражданина. Онъ былъ замѣненъ вызваннымъ съ Кавказа фельдмаршаломъ Паскевичемъ.

Въ то время какъ смерть Дибича остановила наши военныя дѣйствія, какъ мятежъ болѣе и болѣе распространялся въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и какъ въ Литвѣ онъ былъ усиленъ и поддерживаеъ вторгнувшимся туда корпусомъ Гельгуда, въ С.-Петербургѣ вдругъ впервые появилась холера.

Государь изъ Петергофа, гдѣ имѣла пребываніе императорская фамилія, тотчасъ поспѣшилъ въ столицу, для принятія первыхъ мѣръ противъ этого грознаго бича. Онъ велѣлъ устроить больницы во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ города; назначилъ окружныхъ начальниковъ для надзора за ними и для подаванія пособія немущамъ и въ особенности осиротѣлымъ отъ болѣзни; наконецъ, приказалъ немедленно вывести кадетскіе корпуса въ Петергофъ. Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, государь самъ возвратился въ Петергофъ и приказалъ мнѣ явиться къ нему на другой день.

Вечеромъ этого дня, на пути уже моемъ въ Петергофъ, встрѣтилъ меня фельдъегерь, который, остановивъ коляску, подалъ мнѣ записку отъ князя Волконскаго, требовавшаго, именемъ государя, неотложнаго моего прибытія. Нѣсколько удивленный симъ, такъ какъ пріѣзда моего въ Петергофъ уже и безъ того ожидали, я, однакоже, велѣлъ погонять лошадей и вскорѣ домчался до маленькаго домика, занимаемаго государемъ. Первыя попавшіяся мнѣ лица, были два доктора императрицы. Ихъ озабоченный видъ крайне меня испугалъ. Едва я успѣлъ, на вопросъ мой, услышать, что императрицѣ сейчасъ пускали кровь, какъ вышелъ государь, весь въ слезахъ, и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ свой кабинетъ. Здѣсь, въ такомъ волненіи какъ мнѣ никогда не случалось его видѣть, онъ передалъ мнѣ полученное имъ извѣстіе, что рать его, Константинъ Павловичъ—скончался отъ холеры.

Послѣ упомянутаго выше сраженія подъ Прагою, Константинъ Павловичъ сталъ дуться на Дибича и, въ одномъ изъ припадковъ своего неудовольствія, оставилъ армію и уѣхалъ въ Бѣлостокъ, который,

впрочемъ, долженъ былъ скорѣе также оставить, по случаю вторженія Хлопицкаго. Тогда онъ съ супругою своею сперва укрылся въ Минскѣ, а потомъ, при дальнѣйшемъ распространеніи мятежа, переѣхалъ, въ сопровожденіи какихъ нибудь двадцати жандармовъ и части государева черкесскаго конвоя, въ Витебскъ. Здѣсь, въ раздумьи о томъ, что ему дѣлать, не рѣшаясь отправиться по зову брата въ Петербургъ, чувствуя всю неловкость своего положенія, онъ чувствовалъ себя самымъ несчастнымъ человѣкомъ. Бывъ, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль русскимъ императоромъ, онъ не видѣлъ теперь, во всемъ обширномъ Русскомъ царствѣ, ни одного угла, гдѣ-бы могъ преклонить голову! Душевное уныніе сообщило его тѣлу воспримчивость къ холерѣ. Прострадавъ лишь нѣсколько часовъ, онъ скончался 15-го іюня. Когда я прочелъ печальныя подробности этой внезапной кончины, государь сказалъ мнѣ, что, желая дать очевидное доказательство живаго участія, пріемлемаго имъ въ положеніи несчастной вдовы цесаревича, онъ сейчасъ отправляетъ меня къ княгинѣ Ловичъ, съ изъявленія ей своего соболѣзнованія и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ, при тѣлѣ ея мужа, котораго она не рѣшалась оставить. Чувствуя себя, при выѣздѣ изъ города, совершенно здоровымъ, я вышелъ изъ государева кабинета, больнымъ. Относя это единственно къ печальнымъ ощущеніямъ отъ неожиданной вѣсти о кончинѣ цесаревича, я пошелъ въ свои комнаты, чтобы распорядиться приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ; но едва успѣлъ, кончивъ ихъ, прилечь, какъ во мнѣ открылись всѣ признаки холеры. Прибывшій въ эту минуту изъ Петербурга врачъ государевъ Арентъ, пріѣжавъ ко мнѣ, испугался при видѣ перемѣны въ моемъ лицѣ. Послѣ данныхъ имъ лекарствъ и горячей ванны, откуда меня вынули безъ чувствъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько легче. Тотчасъ взяты были всевозможныя предосторожности для охраненія царскаго жилища отъ привезенной мною заразы, а въ Витебскъ послали, разумѣется, другаго. Но государь, въ ту же еще ночь навѣстилъ меня и потомъ, въ теченіе слишкомъ трехъ недѣль, каждый день удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ и продолжительною бесѣдою, предметы которой представляли, впрочемъ, обыкновенно мало отраднаго. Графъ Толстой, командовавшій резервною арміею, все еще не могъ сладить съ Гелгудомъ и другими шайками, наводнявшими Литовскія губерніи; армія наша въ Царствѣ Польскомъ, измученная холерою, безпрестанными передвиженіями и страшными жарами того лѣта, упала духомъ. Наконецъ холера въ Петербургѣ, возрастая до ужасающихъ размѣровъ, напугала всѣ классы населенія и въ особенности простонародіе, которое всѣ мѣры для охраненія его здоровья, усиленный полицейскій надзоръ, оцѣпленіе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ, начало считать преднамѣрен-

нымъ отравленіемъ. Стали собираться въ скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. На послѣдокъ, возбудивъ сама себя этими толками и подозрѣніями, чернь столпилась на Сѣнной площади и, посреди многихъ другихъ безчинствъ, бросилась съ яростію разсвирѣпѣвшаго звѣря на домъ, въ которомъ была устроена временная больница. Всѣ этажи въ одну минуту наполнились этими бѣшеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили нѣсколькихъ врачей. Полицейскіе чины, со всѣхъ сторонъ тѣснясь, прятались или ходили между толпами переодѣтыми, не смѣя употребить своей власти. Наконецъ военный генераль-губернаторъ графъ Эссенъ, показавшійся среди сборища, равнодѣльно не успѣлъ возстановить порядка и также долженъ былъ укрыться отъ изступленной толпы. Въ недоумѣніи, что предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибылъ и командовавшій въ Петербургѣ гвардейскими войсками, графъ Васильчиковъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія, послѣдній привелъ на Сѣнную батальонъ Семеновскаго полка, съ барабаннымъ боемъ. Это хотя и заставило народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. На ночь волненіе нѣсколько стихло, но все еще городъ былъ далекъ отъ обыкновеннаго порядка.

Государь, по донесенію о всемъ происшедшемъ въ Петербургѣ, велѣвъ, чтобы къ утру всѣ наличныя войска были готовы выступить подъ ружье, а военныя власти собрались бы у Елагинскаго моста, прибылъ самъ изъ Петергофа на пароходѣ «Ижора» въ сопровожденіи князя Меншикова. Бывъ пораженъ видомъ унылыхъ лицъ всѣхъ начальниковъ, онъ, по выслушаніи подробныхъ ихъ разсказовъ, приказалъ прежде всего приготовить себѣ верховую лошадь, которая не пугалась бы выстрѣловъ, и потомъ, взявъ съ собою Меншикова, поѣхалъ въ коляскѣ на Сѣнную, гдѣ лежали еще тѣла падшихъ наканунѣ и которая была покрыта сплошною массою народа, продолжавшаго волноваться и шумѣть. Государь остановилъ свою коляску въ серединѣ скопища, всталъ въ ней, окинулъ взглядомъ тѣснившихся около него и громовымъ голосомъ закричалъ «на колѣни!» Вся эта многотысячная толпа, снявъ шапки, тотчасъ припала къ землѣ. Тогда, обратясь къ церкви Спаса, онъ сказалъ: «Я пришелъ просить милосердія Божія за ваши грѣхи; молитесь Ему о прощеніи; вы Его жестоко оскорбили. Русскіе-ли вы? Вы подражаете французамъ и полякамъ; вы забыли вашъ долгъ покорности мнѣ; я съумѣю привести васъ къ порядку и наказать виновныхъ. За ваше поведеніе въ отвѣтъ передъ Богомъ — Я.

Отворить церкви: молитесь въ ней за упокой душъ невинно убитыхъ вами». Эти мощныя слова, произнесенныя такъ громко и внятно, что ихъ можно было слышать съ одного конца площади до другого, произвели волшебное дѣйствіе. Вся эта сплошная масса, за мигъ передъ тѣмъ столь буйная, вдругъ умолкла, опустила глаза передъ грознымъ повелителемъ и въ слезахъ стала креститься. Государь, также перекрестившись, прибавилъ: «Приказываю вамъ сейчасъ разойтись, идти по домамъ и слушаться всего, что я велѣлъ дѣлать для собственнаго вашего блага».—Толпа благоговѣнно поклонилась своему царю и поспѣшила повиноваться его волѣ.

Порядокъ былъ восстановленъ, и всѣ благословляли твердость и мужественную радѣтельность государя. Въ тотъ же день онъ объѣхалъ всѣ части города и всѣ войска, которыя, изъ предосторожности отъ холеры, были выведены изъ казармъ и стояли въ палаткахъ по разнымъ площадямъ. Вездѣ онъ останавливался и обращалъ по нѣсколько словъ начальникамъ и солдатамъ: вездѣ его принимали съ радостными кликами и появленіе его водворяло повсюду тишину и спокойствіе. Въ тотъ же день онъ назначилъ своихъ генералъ-адъютантовъ князя Трубецкаго и графа Орлова въ помощь графу Эссену, распредѣлилъ между ними многочислѣннѣйшія части города и велѣлъ составить особую коммисію подъ своимъ предсѣдательствомъ, для слѣдствія и суда надъ зачинщиками народнаго буйства и главными въ немъ участниками. Состояніе моего здоровья, впрочемъ, лишь черезъ нѣсколько недѣль позволило мнѣ пріѣхать въ городъ, а до тѣхъ поръ работа была подготавливаема генераломъ Перовскимъ и директоромъ моей канцеляріи—Фокомъ.

Къ вечеру государь возвратился въ Петергофъ, гдѣ изъ предосторожности приготовлены были въ Монплеzirъ, для него и сопровождавшихъ его лицъ, ванны и другое платье. Съ тѣхъ поръ онъ, во все продолженіе болѣзни, бывалъ въ Петербургѣ отъ двухъ до трехъ разъ въ недѣлю и каждый разъ объѣзжалъ тамъ улицы и лагери.

Но холера не уменьшалась; весь городъ былъ въ страхѣ; несмотря на значительное число вновь устроенныхъ больницъ, ихъ становилось мало, священники едва успѣвали отпѣвать трупы, умирало до 600 человекъ въ день. Эпидемія похитила у государства и у службы много людей отличныхъ. Инженеръ-генералъ Опперманъ умеръ въ нѣсколько часовъ, въ твердой увѣренности, что его отравили стаканомъ воды, до того симптомы болѣзни походили на дѣйствіе яда. Графъ Станиславъ Потоцкій страдалъ нѣсколько болѣе. На каждомъ шагу встрѣчались траурныя одежды и слышались рыданія. Духота въ воздухѣ стояла нестерпимая. Небо было накалено какъ-бы на далекомъ югѣ, и ни одно облачко не застидало его синевы, трава поблекла отъ страшной засухи—вездѣ горѣли лѣса и трескалась земля. Дворъ переѣхалъ изъ Петер-

гофа въ Царское Село, куда переведены были и кадетскіе корпуса. Не за исключеніемъ Царскаго Села, холера распространилась и по всѣмъ окрестностямъ столицы. Народъ страдалъ отъ препонъ, которыя полагались торговлѣ и промышленности. Правительство должно было работать за всѣхъ, подавая руку помощи нуждавшимся, предупреждая безпорядки и заботясь о народномъ продовольствіи.

Наконецъ зараза проникла и въ Новгородскія военныя поселенія. Несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя въ нихъ императоромъ Николаемъ, сѣмя общаго неудовольствія, возвращенное между поселянами коренными основами первоначальнаго ихъ образованія и стѣснительнымъ управленіемъ Аракчеева, еще продолжало въ нихъ корениться. Пржеініе обыватели этихъ мѣсть, оторванныя отъ покоя и независимости сельскаго состоянія и подчиненныя строгой дисциплинѣ и трудамъ военнымъ, покорялись и той и другимъ лишь противъ воли. Введенныя въ ихъ составъ солдаты, скучая однообразіемъ безпрестанной работы и мелочными требованіями, были столь-же недовольны своимъ положеніемъ какъ и пржеініе крестьяне. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло общее пламя безпокойства. Холера и слухи объ отравѣ послужили къ тому лишь предлогомъ. Военныя поселяне, возбуждая другъ друга, дали волю давнишней своей ненависти къ начальству и бросились съ яростію на офицеровъ и врачей. Всѣ округи огласились общемъ воплемъ, требовавшимъ смерти офицеровъ и отравителей; всякій, кто не могъ спастись отъ нихъ скорымъ бѣгствомъ, былъ безпощадно убиваемъ, и одно только поселеніе 1-го Карabinернаго полка не приняло никакого участія въ этихъ звѣрскихъ кровопролитіяхъ. Резервные батальоны тѣхъ полковъ, которые такъ мужественно дрались въ Польшѣ, равнодушно смотрѣли на совершавшіяся въ ихъ глазахъ неистовства, и хотя не уклонялись прямо отъ повиновенія, но очень вяло исполняли приказанія своихъ начальниковъ. Уже люди злонамѣренныя начинали являться для направленія этого гнуснаго возстанія, уже эмиссары старались возбудить окрестныхъ помѣщичьихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Въ Старой Руссѣ народъ бросился на помѣщеніе полиціи, умертвилъ городничаго, нанесъ жестокіе побои прочимъ полицейскимъ чиновникамъ, разбилъ питейные дома и въ торжествѣ бѣгалъ по опустѣлымъ улицамъ. Генералы собрали батальоны, но не отваживались идти на бунтовщиковъ, въ опасеніи, что приказанія ихъ останутся неисполненными. Все, что еще оставалось на сторонѣ законной власти, было погружено въ уныніе и бездѣйствовало.

Но, среди произведенныхъ безчинствъ, поселяне сами испугались всего ими совершеннаго и рѣшились послать деуцатацію къ государю. Нѣкоторые изъ числа ихъ повѣренныхъ были остановлены за станцію до Царскаго Села, другіе прошли прямо въ Петербургъ. Государь по-

желалъ видѣть этихъ людей и приказалъ графу Орлову привести ихъ въ Ижору, куда взялъ и меня съ собою. Когда они предстали передъ его величествомъ, то онъ велѣлъ всѣмъ стать на колѣни, строго изобразилъ имъ всю гнусность ихъ поступковъ и всю тягость заслуженнаго ими наказанія.—«Ступайте домой—заключилъ онъ—и скажите вашимъ, что я пришлю моего генераль-адъютанта Орлова, чтобы произвести строжайшее разысканіе и принять надъ вами начальство. Смотрите-же слушаться его».

Орловъ вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поселенія. Его твердость, присутствіе духа и значеніе, которое давала ему присылка отъ высочайшаго имени, ободрили начальниковъ и утвердили повинновеніе въ колебавшихся солдатахъ.

Но государь хотѣлъ самъ все лично видѣть и потушить въ его началѣ бунтъ, угрожавшій самыми опасными послѣдствіями. Онъ отправился въ поселенія совершенно одинъ, оставя императрицу въ послѣднемъ періодѣ ея беременности и въ смертельномъ безпокойствѣ, по случаю этой отважной поѣздки. Постоянный рабъ своихъ царственныхъ обязанностей, государь исполнялъ то, что считалъ своимъ долгомъ, ничто, лично до него относившееся, не въ силахъ было остановить его.

Онъ пріѣхалъ прямо въ округъ военныхъ поселеній и предсталъ передъ собранными батальонами, запятнавшими себя кровью своихъ офицеровъ. Лицъ ему не было видно; всѣ преступники лежали распростертыми на землѣ, ожидая безмолвно и трепетно монаршаго суда. Повторивъ сказанное ихъ депутатамъ, государь приказалъ вывести изъ рядовъ главныхъ виновныхъ и предать ихъ немедленно военному суду. Все было исполнено съ слѣпою покорностію. Одному батальону, еще болѣе другихъ осквернившему себя злодѣяніями и также лежавшему лицомъ къ землѣ, государь тутъ же велѣлъ выйти изъ экзерциргауза и идти немедленно, въ полномъ его составѣ, въ Петербургъ, гдѣ людей размѣстятъ по крѣпостямъ, подвергнуть суду и выключать изъ списковъ. Весь батальонъ поднялся, повернулся направо и пошелъ, въ величайшемъ порядкѣ, къ мѣсту своего назначенія. Ни одинъ солдатъ не отважился даже попросить позволенія проститься съ семьєю или взять что-нибудь изъ своего имущества.

Потомъ государь обратился къ начальникамъ, отдалъ имъ приказанія о составѣ военно-судныхъ комиссій и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ для восстановленія порядка. Старорусскіе жители также хотѣли просить себѣ помилованія, но государь, наиболѣе противъ нихъ раздраженный, отозвался, что его ногѣ не будутъ въ ихъ преступномъ городѣ и что ихъ разберетъ также военный судъ.

Между тѣмъ обнаружившіяся на дѣлѣ пагубныя послѣдствія суще-

ствования военныхъ поселеній, почти у воротъ столицы, и глубоко укоренившася въ поселеніяхъ неудовольствія къ своему положенію, не могли не обратить на себя особеннаго вниманія. Явилась необходимость измѣнить начала устройства поселеній и уничтожить этотъ духъ братства и совокупныхъ интересовъ, который изъ двѣнадцати гренадерскихъ полковъ составлялъ какъ бы отдѣльную и притомъ вооруженную общину, разьединенную и отъ арміи, и отъ народа. Но какъ послѣ случившагося надлежало избѣгать малѣйшей уступки, то ко всѣмъ перемѣнамъ было приступлено уже позже и при томъ болѣе въ видѣ наказанія. Одинъ 1-й Карабинерный полкъ, въ награду за свое поведеніе, остался на прежнемъ своемъ положеніи; во всѣхъ прочихъ вѣлно дѣтей поселянъ, причислявшихся прежде къ своимъ полкамъ, распредѣлять безъ разбора по полкамъ армейскимъ; убыль въ гренадерскихъ полкахъ пополнить рекрутами изъ всѣхъ губерній; отдѣлять солдатъ отъ поселянъ, оставляя первыхъ только на жительство у послѣднихъ, какъ вообще въ деревняхъ, и обложить поселянъ денежными сборами. Впослѣдствіи помѣщенія двухъ гренадерскихъ полковъ были заняты двумя гвардейскими кавалерійскими полками, квартировавшими прежде въ Варшавѣ, а помѣщеніе третьяго отведено подъ кадетскій корпусъ.

Изъ этой поѣздки, составлявшей столь блестящую страницу въ царствованіи императора Николая, — онъ успѣлъ возвратиться ко времени разрѣшенія августѣйшей своей супруги. Богъ обрадовалъ его рожденіемъ сына, Николая. Послѣ всѣхъ испытанныхъ напастей, это радостное событіе было первымъ свѣтлымъ проблескомъ и какъ бы началомъ новой, лучшей эпохи въ его жизни. Въ прошедшемъ все было омрачено печальми и бѣдствиями, надъ будущимъ висѣла, казалось, такая же черная туча. Война въ Польшѣ, бунтъ въ Западныхъ губерніяхъ, страшная смертность въ столицахъ, мятежъ на Сѣнной и въ военныхъ поселеніяхъ, — все это мало обѣщало хорошаго. И вдругъ все измѣнилось: съ каждымъ курьеромъ стали приходять, одна за другою, лишь добрыя вѣсти.

Донесеніе о блестящемъ и кровопролитномъ занятіи Варшавы фельдмаршаломъ Паскевичемъ было прислано съ флигель-адъютантомъ княземъ Суворовымъ, который засталъ государя въ Царскомъ Селѣ. За два дня до того получены были отъ фельдмаршала его приказъ и диспозиція для штурма Варшавы, и легко представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидались дальнѣйшія извѣстія, въ какомъ безпокойствѣ провели эти двое сутокъ тѣ, которымъ было извѣстно настоящее. Окружавшая Царское Село цѣпь, остановила Суворова. Государь самъ къ нему выѣхалъ и привезъ его въ торжествѣ во дворецъ. Какъ всегда, первымъ движеніемъ великаго нашего монарха было возблагодарить Бога. Въ нѣсколько минутъ дворецъ наполнился людьми, и всѣ были виѣ себя отъ радости.

Когда съ паденіемъ Модлина и Замосья, все Царство было покорено и вездѣ возстановилось спокойствіе, государь пожаловалъ фельдмаршалу титулъ князя Варшавскаго и осыпалъ щедрыми наградами всѣхъ героевъ минувшей войны. Въ Царствѣ было учреждено, подъ начальствомъ князя Паскевича, временное правительство, съ приобщеніемъ къ его составу тѣхъ немногихъ поляковъ, которые, бывъ менѣе другихъ замѣшаны въ подавленномъ бунтѣ, могли и захотѣли вступить въ новое управленіе. Польская армія была расформирована, какъ недостойная служить царю послѣ измѣны своей; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уничтоженъ польскій военный мундиръ, а небольшому числу сохранившихъ долгъ вѣрности данъ русскій.

Гвардейскій корпусъ, столь мужественно подвизавшійся въ эту войну, получилъ повелѣніе немедленно возвратиться въ Петербургъ. Гренадерскій корпусъ отправился къ мѣстамъ своего расположенія, а всѣ прочія войска, за изъятіемъ 2-го и 3-го корпусовъ, возвратились въ наши предѣлы. Австрія и Пруссія, не мало затрудненныя многочисленными шайками поляковъ, которыя, избѣгая нашего преслѣдованія, перешли въ ихъ владѣнія, принуждены были прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, по случаю мятежнаго духа этихъ выходцевъ. Много польскихъ генераловъ и офицеровъ разсѣялось по разнымъ странамъ и понесли свою ненависть и вопль противъ Россіи въ Парижъ, Лондонъ, Бельгію и даже въ Америку. Изъ солдатъ послѣдовало за ними очень небольшое число, масса же ихъ осталась въ Галиціи и Познанской области, гдѣ занялась земледѣліемъ и ремеслами. Изъявившимъ желаніе возвратиться въ Царство, это было позволено, въ силу общей амнистіи, дарованной государемъ всѣмъ, не принадлежавшимъ къ числу главныхъ дѣятелей мятежа. Срокъ для сего возвращенія былъ дважды продолженъ; но почти всѣ офицеры предпочли скитаться по лицу Европы, гдѣ они были всюду встрѣчаемы безразсудною симпатіей. Франція, въ особенности, снабжала этихъ эмигрантовъ деньгами и средствами къ переѣздамъ, а Германія привѣтствовала ихъ съ распростертыми объятіями. Но вскорѣ, безпутное ихъ поведеніе, склонность къ возбужденію смуть и особливо безумное мотовство, ослабивъ то участіе, которое они успѣли внушить на первыхъ порахъ, заставили смотрѣть на нихъ, какъ на гостей безпокойныхъ и опасныхъ и забыть ихъ дѣло или даже осуждать его.

Въ Царствѣ былъ учрежденъ верховный судъ надъ главными виновниками мятежа. Разряды ихъ были опредѣлены со всею снисходительностью, для возможнаго уменьшенія числа осужденныхъ. Всѣ остальные, не подошедшіе подъ разряды, были прощены и каждому было разрѣшено пользоваться прежними его правами гражданства и собственности.

Пока все это происходило въ Польшѣ—въ Петербургъ привезли тѣло цесаревича Константина Павловича, которое было погребено въ Петропавловскомъ соборѣ, со всѣми подобавшими высокому его сану почестями. Княгиня Ловичъ, сопровождавшая бранные останки своего супруга до Петербурга, была принята государемъ и императрицею съ самымъ искреннимъ радушіемъ и помѣщена въ Елагинскомъ дворцѣ, а послѣ въ Царскомъ Селѣ. Болѣзненная, печальная, убитая судьбою, неумолчно оплакивавшая того, который возвелъ ее на степень невѣстки царской и не переставалъ до конца своихъ дней питать къ ней самую нѣжную привязанность и дружбу, она не хотѣла никого видѣть и заключилась въ своей скорби. Только для меня сдѣлано было исключеніе, такъ какъ въ послѣднее время я состоялъ въ постоянной перепискѣ съ цесаревичемъ и притомъ жилъ въ одномъ изъ флигелей того дворца, который она занимала. Я нашелъ, что умъ и сердце ея сохранили всю прежнюю теплоту и живость; но постигшій ее ударъ и несчастіе горячо любимой ею отчизны сильно подѣйствовали на ея нервы и разстроили воображеніе. Она съ жаромъ заступалась за образъ дѣйствія своего покойнаго супруга и старалась, если не оправдать, то по крайней мѣрѣ ослабить безразсудство и неблагодарность своихъ соотечественниковъ. Вся ея бесѣда свидѣтельствовала о сильномъ волненіи, въ коонецъ разрушавшемъ остатки жизненныхъ силъ, уже истощенныхъ слабымъ сложеніемъ.—Вскорѣ княгиня пала жертвой нервическаго недуга. Подобно императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, она не могла пережить своего супруга.

Бѣдствія, цѣлый годъ тяготѣвшія надъ Россіею, окончились. Не было больше ни войны, ни бунтовъ, ни холеры. Государь, послѣдившій прежде раздѣлить съ Москвою угрожавшую ей опасность, пожелалъ теперь снова видѣть древнюю столицу въ ту минуту, когда, съ возстановленіемъ міра и спокойствія, исчезли всѣ опасенія.

11-го октября, мы прибыли въ Кремль, а черезъ три дня пріѣхала туда императрица съ наслѣдникомъ, къ общему восторгу жителей. Площадь передъ дворцомъ съ утра до ночи кипѣла народомъ, надѣявшимся увидѣть кого-нибудь изъ членовъ императорской фамиліи хоть въ окошко. При ихъ выѣздахъ, толпа бѣжала имъ на встрѣчу и сопровождала радостными криками ихъ экипажи. Государь, посѣщая съ обычною своею дѣятельностью общественныя заведенія, работалъ между тѣмъ неуспѣшно надъ преобразованиемъ управленія Царства Польскаго и надъ слияніемъ западныхъ нашихъ губерній, въ отношеніи къ ихъ законамъ и обычаямъ, съ великороссійскими. Дано было новое направленіе Виленскому университету и другимъ мѣстнымъ училищамъ, введеніемъ въ нихъ преподаванія русскаго языка, какъ основы всего ученія. Бездомное и вѣчно безпокойное сословіе шляхты было отдѣлено, въ правахъ

и привилегіяхъ своихъ, отъ истиннаго дворянства и обращено въ нѣчто среднее между помѣщикомъ и землевладѣльцемъ. Наконецъ, присутственныя мѣста и должностныя лица, вмѣсто прежнихъ польскихъ своихъ названій, получили тѣ же, какъ и въ Россіи.

Въ это пребываніе Двора въ Москвѣ, привезли туда всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ Оружейную палату, въ числѣ трофеевъ, скопленныхъ тутъ вѣками. Тамъ же, на полу, у подножья императора Александра, была положена и хартія, нѣкогда имъ пожалованная Царству Польскому и самимъ же имъ въ послѣдній годъ царствованія оплаканная, какъ актъ великодушія, столь же предосудительный для политической будущности Царства, сколько оскорбительный для самолюбія Русской имперіи.

Государь оставилъ императрицу на нѣсколько дней, чтобы съѣздить въ Ярославль. На пути туда, мы ночью посѣтили знаменитую Троицко-Сергіевскую Лавру. Архимандритъ съ братіею встрѣтили насъ у Святыхъ воротъ съ зажженными свѣчами. Несмотря на 12° мороза, государь пошелъ съ непокрытою головою черезъ дворъ и корридоры, въ ту древнюю и великолѣпно-украшенную церковь, гдѣ нѣкогда, въ польскую осаду, иноки, ослабленные трудами защиты, голодомъ и ранами, собрались въ ожиданіи конечнаго штурма и неминуемой смерти, для причащенія въ послѣдній разъ св. тайнъ,—а вмѣсто того послѣдовало неожиданное отступленіе непріятеля. Воспоминанія этой сцены, древность зданія, посвященнаго молатвѣ, окружавшій насъ мракъ, разсѣваемый лишь свѣтомъ свѣчей, едва достаточнымъ, чтобы видѣть золото и драгоценныя камни на иконахъ,—все это вмѣстѣ произвело во мнѣ глубокое и благоговѣнное умиленіе. Монахи проводили государя обратно до его саней, и, поѣхавъ далѣе, мы около обѣда прибыли въ Ростовъ, гдѣ все народонаселеніе высыпало передъ соборомъ. Помолвившись въ немъ, государь остановился въ отведенномъ для него домѣ одного изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ, отъ котораго, послѣ разспросовъ о торговлѣ этого города, принялъ и обѣдъ, поданный съ привычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Ярославль, коего улицы были усыяны народомъ и дома ярко освѣщены. Общій восторгъ выразился здѣсь еще явственнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Государь уже давно находился въ своихъ комнатахъ, а крики все не умолкали, возобновляясь иногда съ большею еще силою. Пришлось наконецъ выслать сказать, что государь усталъ отъ дороги и хочетъ спать: только тогда толпа разошлась, но съ ранняго утра она снова уже стояла подъ его окнами—Государь посѣтилъ соборъ и общественныя заведенія, въ томъ числѣ и Демидовскій лицей, этотъ благородный памятникъ щедрости русскаго вельможи. Украшеніе города, нивелировка Волжской набережной, фабрики шелковыхъ и льняныхъ издѣлій и прекрасный Спас-

скій монастырь— обратили на себя его особенное вниманіе. Дворянство дало для него балъ въ своемъ общественномъ домѣ, въ которомъ помѣщается Приказъ общественного призрѣнія и училище для неимущихъ дѣтей обоюго пола. Осмотрѣвъ все и отдавъ соотвѣтственныя нуждамъ и потребностямъ приказанія, государь возвратился въ Москву, гдѣ пробылъ до 25-го ноября. Большіе концерты въ Дворянскомъ собраніи и вечера у императрицы и у военнаго генераль-губернатора дали высшей публикѣ возможность насладиться высочайшимъ лицедрѣніемъ, и ихъ величества восхитили всѣхъ своимъ благодушіемъ и свойственною имъ привѣтливостью, передъ которой исчезали принужденность этикета и различія сана.

Государь отправился изъ Москвы, вмѣстѣ съ императрицею и проводилъ ее до ночлега въ Твери. Оттуда я сѣлъ съ нимъ въ открытыя, какъ всегда въ его поѣздкахъ, сани, и мы проѣхали, нигдѣ не останавливаясь, до Царскаго Села. Вблизи Новгорода холодный проливной дождь пробилъ насъ до костей и остался нашимъ спутникомъ на всю ночь. Нужно было имѣть крѣпкое здоровье, чтобы остаться здоровымъ послѣ этой поливки. Но государь спѣшилъ въ Царское Село для отданія послѣдней чести скончавшейся княгини Ловичъ. Весь Дворъ былъ тамъ собранъ, и тѣло ея предали землѣ въ тамошней римско-католической церкви, избранной ею самою для послѣдняго своего обителища.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ.

(Матеріалы для біографіи, его рассказы и переписка).

I.

Въ ополченіи.

Въ февраль 1855 года, по обнародованіи манифеста о сборѣ государственнаго ополченія А. П. Ермоловъ былъ въ одно время избранъ начальникомъ ополченій въ четырехъ губерніяхъ: С.-Петербургской, Московской, Смоленской и Калужской. Этого мало, русскіе во всей имперіи, помышляя о спасеніи отечества, вспоминали забытаго героя.

Ермоловъ, давній житель Москвы, не могъ отвѣчать дворянамъ петербургскимъ, смоленскимъ и калужскимъ ничѣмъ болѣе, какъ только искреннѣйшею благодарностію за честь ему сдѣланную.

Въ Москвѣ же были для него минуты восхитительной радости и повторились прежнія печали.

Тамъ, какъ только полученъ былъ манифестъ, общій голосъ нарекъ Ермолова начальникомъ московскаго ополченія. Еще по этому говору, московскій военный генералъ губернаторъ, графъ А. А. Закревскій, предупредилъ его, что это избраніе едва-ли будетъ пріятно государю ¹⁾.

Ермоловъ 14-го февраля отвѣчалъ Закревскому.

«Благодарю васъ покорнѣйше за сообщеніе мнѣнія вашего по предмету настоящихъ выборовъ, и со всею искренностію отвѣчаю вамъ.

¹⁾ Въ молодости они были большими друзьями, что свидѣтельствуетъ ихъ переписка, напечатанная въ 73-мъ и 78-мъ томахъ „Сборника Императорскаго русскаго историческаго общества“.

Р е д.

«Не знаю, можно-ли избрать меня по носимому мною званію; но если я буду удостоенъ избранія московскаго дворянства, я не долженъ уклоняться отъ службы наравнѣ съ каждымъ дворяниномъ, не имѣя передъ лицомъ закона никакихъ особенныхъ правъ и не давая мѣста сужденію, еще менѣе негодованію, если-бъ даже не утвержденъ былъ въ званіи начальника губернскаго ополченія, въ каковое я могу быть избираемъ. Легче всего могутъ найтись люди способнѣйшіе и находящіеся въ бездѣйствіи. Двадцать четыре года вышедши изъ службы по приказанію, я не былъ употребленъ на службу дѣятельную, а теперь ни мало не удивлюсь и не приму къ сердцу, если, какъ и прежде, не признаю буду за годнаго. Впрочемъ, благодарю Бога, я доволенъ совершенно моимъ положеніемъ, ничего не желаю и, конечно, искать не буду.

«Вотъ моя исповѣдь почтеннѣйшему графу, и никому другому не скажу иначе».

15-го февраля, въ собраніи московскаго дворянства, Ермоловъ былъ единогласно избранъ въ начальники московскаго ополченія. Это произвело взрывъ общаго восторга: зала оглушилась криками: «ура!» дамы, находившіяся на хорахъ, кричали, хлопали, махали платками. Нѣкоторые изъ бывшихъ въ собраніи тотчасъ поскакали къ Ермолову, съ извѣстіемъ объ избраніи и съ поздравленіями.

Тогда же М. П. Погодинымъ было составлено письмо для поднесенія Ермолову отъ московскаго дворянства. Вотъ это письмо.

Генераль!

«Московское дворянство, призываемое священнымъ голосомъ Царя, ополчается на защиту православной вѣры, на помощь притѣсненнымъ братьямъ, на охраненіе предѣловъ отечества. Оно проситъ васъ принять главное начальство надъ его вѣрными дружинами и смѣетъ надѣяться, что вы уважете его торжественное избраніе. Самъ Богъ сберегалъ васъ, кажется, для этой тягостной години общаго испытанія. Идите-жъ, генераль, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало и находило себѣ спасеніе; идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ нашихъ армій. Пусть развернется предъ ними наше старое, наше славное знамя 1812 года! Всѣ русскіе воины обрадуются увидѣть опять въ своихъ рядахъ вашу бѣлую голову и услышать ваше любимое имя, неразлучное въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, отъ котораго вы получили первый георгіевскій крестъ, и съ именемъ Кутузова, которому служили правою рукою въ незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи. Непріатели вспомнятъ Кульмъ, Лейпцигъ и Парижъ, а съ магометанскихъ ихъ союзниковъ довольно и Кавказа, гдѣ до сихъ поръ еще не умолкнулъ въ ущеліяхъ отголосокъ вашихъ побѣдъ. Да благословитъ васъ Богъ и поможетъ вамъ, вмѣстѣ съ достойными сподвижниками, доказать скорѣе ослѣпленной Европѣ, что святая Русь останется неизмѣнно

святою Русью, и что русскіе, несмотря ни на какія опасности, несмотря ни на чьи угрозы, не позволяютъ никогда никому прикасаться безъ назанія къ ихъ заветнымъ святынямъ: церкви, престолу и отечеству».

Это письмо было читано въ дворянскомъ собраніи, но не было поднесено Ермолову.

Въ тотъ же день, 15-го февраля, графиня Ростопчина прислала къ нему стихи:

Народный голосъ—голосъ Бога,
Онъ громко нынѣ вопіеть:
Вставай Ермоловъ: Русь зоветъ!
Тебѣ знакома вѣдь дорога...
Съ единодушнымъ увлеченьемъ
Тебя назначила молва,
И надъ московскимъ ополченьемъ
Вождемъ поставила Москва!
Возьми рукой неослабѣвшей
Твой старый мечъ, Европы страхъ:
Герой, въ покоѣ посѣдѣвший,
Помолодѣешь ты въ бояхъ!
Вставай!... Когда по всей Россіи
Извѣстенъ будетъ выборъ нашъ,
Шатры восплещутъ боевые
Хвалою откликнется шалашъ!...
Вставай! честь русскаго народа
Его врагамъ припомяни,
И пусть двѣнадцатаго года
Великіе вернутся дни! *)

На это Ермоловъ отвѣчалъ также стихами:

Не неизвѣстнаго поэта
Читалъ я добрыя слова;
По звукамъ лестнаго привѣта
Васъ прямо назоветъ молва..
Вы помянули годъ возстанья,
Дни нашей славы, дивный вѣкъ,
Когда, услыша гласъ призванья,
Явился русскій человекъ.
Вы правы, можетъ тамъ забыли...
Но нашъ не позабылъ народъ,
Когда Москву мы хоронили,
Двѣнадцатый свершился годъ!
И нынѣ чтутъ мои сѣдины,
Въ воспоминанье старины,
И люди памятной години,
И ихъ достойные сыны.

*) Стихотворенія графини Ростопчиной, изд. 2-е, 1857 г. т. 2 стр. 337 и 433.

Но горделивыми мечтами,
 Повѣрьте я не увлеченъ...
 Давно я удрученъ годами,
 Отъ дѣла битвы отлученъ!
 Давно заржавѣлъ мечъ мой бранный,
 Ослабла дряхлая рука,
 И пирь кровавый, пирь желанный
 Едва-ль по силамъ старика!

15-го же февраля написаны были еще другіе стихи въ честь Ермолова.

Когда на Русь, въ года печали,
 Восталъ кичливый злой полякъ,
 Тогда Пожарскаго избрали,
 И побѣжденъ былъ злобный врагъ.
 Когда великій вождь французовъ
 Коварно вдругъ на Русь напалъ,
 Тогда избранникъ нашъ Кутузовъ
 Его со срамомъ вспять погналъ.
 И нынѣ въ тяжкую минуту,
 Какъ Западъ весь на насъ восталъ,
 Вести народную дружину
 Всеобщій гласъ тебя избралъ.
 Встань! ударь, герой маститый,
 Враговъ Россіи поражай,
 И мечъ свой, лаврами обвитый,
 Достойнымъ внукамъ передай.

Не долго Ермоловъ былъ въ ополченіи. По положенію объ этомъ въ войскѣ, при начальникѣ губернскаго ополченія назначенъ былъ только одинъ адъютантъ. Бывшему главнокомандующему это казалось не достаточнымъ: онъ просилъ опредѣлить къ нему еще хоть одного адъютанта. Военный министръ не умѣлъ доложить такъ, чтобы ничтожное желаніе стараго героя было исполнено; и потомъ въ официальномъ отвѣтѣ своемъ не ловко и круто выразился, что просьба его признана излишнею. Старикъ обидѣлся и поступилъ такъ-же круто и неловко, какъ съ нимъ поступили. («Точно,—писалъ онъ,—самъ я, размысливъ о дѣлѣ, вижу, что просилъ излишняго; а это показываетъ, что я уже старъ, сдѣлался неразуменъ: прошу—чего не должно, поступаю—какъ не слѣдуетъ»). Письмо свое онъ заключилъ просьбой уволить его, какъ неспособнаго, отъ начальствованія надъ ополченіемъ. Таковъ и всегда былъ Ермоловъ. Къ капризу его, какъ и прежде случалось, не свизошли, и онъ тотчасъ былъ уволенъ отъ командованія.

Оставляя должность начальника, онъ объявилъ, 29-го мая 1855 года, приказъ по московскому ополченію:

«По всеподданнѣйшему докладу о тяжелой и не безопасной моей

болѣзни, его императорское величество всемилостивѣйше соизволилъ уволить меня отъ исправленія должности начальника московскаго ополченія. Удостоенный благоволенія и довѣренности дворянства нѣсколькихъ губерній, съ горестію принимаю я невозможность исполненія обязанности дворянина, и не менѣе прискорбно мнѣ, что я не могу имѣть честь быть сотрудникомъ гг. начальниковъ дружинъ и гг. офицеровъ государственнаго подвижнаго ополченія Московской губерніи. О чемъ и сообщаю къ ихъ свѣдѣнію».

Послѣ того опять все замолкло о Ермоловѣ...

Сообщилъ **Мих. Макс. Поповъ**.

II.

Разсказы Алексѣя Петровича Ермолова ¹⁾.

Императоръ Александръ былъ увѣренъ, что Алексѣй Петровичъ Ермоловъ принадлежалъ къ тайнымъ мистическимъ обществамъ. Меллеръ-Закомельскій, былъ пріятелемъ Алексѣя Петровича и называлъ его: «братъ Алексѣй» и такъ называлъ его императоръ Александръ, говоря съ нимъ объ Алексѣѣ Петровичѣ. Разъ за обѣдомъ въ Царскомъ Селѣ государь (какъ и часто прежде дѣлалъ) сталъ спрашивать Меллера о «братѣ Алексѣѣ» ²⁾ и потомъ сталъ дѣлать знаки, проводя по тѣлу обѣими руками отъ плечъ внизъ. Меллеръ-Закомельскій не понималъ, что это означало. Послѣ обѣда императоръ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Ты давеча не хотѣлъ понять моихъ знаковъ.

— Я рѣшительно ихъ не понимаю, ваше величество.

— Не притворяйся; ты очень хорошо знаешь, что братъ Алексѣй стоитъ въ мантии, а ты и Закревскій на колѣняхъ передъ нимъ и цѣлуете край его одежды.

¹⁾ Разрѣшеніемъ напечатать предлагаемые вниманію читателей интересныя разсказы Алексѣя Петровича и его переписку редакція обязана просвѣщенному вниманію нынѣшнихъ владѣтелей его архива: племянницѣ камеръ-фрейлинѣ Ихъ Величествъ Екатериѣ Петровнѣ Ермоловой и ея брату генералъ-лейтенанту Григорію Петровичу Ермолову. Редакція считаетъ долгомъ выразить имъ глубокую благодарность отъ имени всѣхъ, кому дорого прошлое нашего отечества и дѣятельность такого человека каковымъ былъ Алексѣй Петровичъ, полной біографіи котораго, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не имѣется.

Р е д.

²⁾ Который тогда былъ въ Грузіи.

Кутузовъ очень любилъ Алексѣя Петровича, такъ что всѣ называли его: *L'enfant gâté du général*. Въ 1812 г., императоръ Александръ, зная военныя способности Ермолова, приказалъ писать ему обо всемъ, что найдетъ достойнымъ замѣчанія, не рапортами, а простыми письмами. Когда Кутузовъ отправлялся принять главное начальство надъ войсками, императоръ далъ ему письма Алексѣя Петровича въ оригиналѣ, говоря: «*lisez ceci pour Vous orienter*». Съ тѣхъ поръ Кутузовъ былъ съ Ермоловымъ учтивѣе, нежели когда либо, но подъ этой учтивостью чувствовалась холодность.

Во время Бородинской битвы Барклай-де-Толли находился во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ была опасность. На другой день онъ говорилъ А. П. Ермолову: «я вчера искалъ смерти».

Въ 1812 г., во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, былъ у насъ двойной шпионъ, капитанъ-исправникъ изъ Дорогобужа, потому что онъ доставлялъ также извѣстія Наполеону о нашей арміи. Свѣдѣнія на запросы Наполеона составляли Беннигсенъ и А. П. Ермоловъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ пока Коновницынъ (храбрый, но недальновидный человекъ) имѣлъ неосторожность похвастаться, что мы все знаемъ, что дѣлается въ Москвѣ. Тогда шпионъ отказался туда возвратиться, такъ какъ кромѣ его были въ нашей арміи и другіе, которые могли на него указать.

Коленкуръ, бывшій посланникомъ при нашемъ Дворѣ, вѣроятно увѣрилъ Наполеона, что покореніе Россіи не представитъ большихъ затрудненій. Это можно заключить изъ того, что при отказѣ мира въ Москвѣ и вообще при всякой неудачѣ въ 1812 г., Наполеонъ всегда къ нему обращался со словами: «*et bien m-r le gouverneur de St-Petersbourg?*»

Во время осады Измаила Суворовъ приказывалъ казакамъ ловить орловъ и пускать ихъ подъ полу палатки, во время обѣда. Орелъ взлеталъ и, ударясь о невысокій верхъ палатки, разумѣется падалъ на столъ. «Это, господа, значитъ, говаривалъ при этомъ Суворовъ присутствующимъ, что я Измаилъ падеть».

Въ 1812 г. Платовъ очень сильно кутилъ; Барклай за это на него сердился, а Ермоловъ безуспѣшно старался его останавливать. Князь Багратионъ, который его болѣе зналъ, нежели Алексѣй Петровичъ, взялся его унять.

— Вы съ нимъ не умѣете сладить,—говорилъ онъ,—посмотрите я ему намеку на возможность графскаго титула, и онъ уймется.

Такъ и случилось. Послѣ разговора съ Багратиономъ, Платовъ пересталъ пить, но по пріѣздѣ каждаго курьера изъ Петербурга онъ приходилъ къ Ал. П. Ермолову, тогда начальнику главнаго штаба, съ вопросомъ: что новенькаго? Выслушавъ всѣ новости, онъ всякій разъ спрашивалъ: «а еще ничего?» Такъ продолжалось довольно долго; но такъ какъ о графскомъ титулѣ не было и помину, то онъ опять запилъ. Тогда Барклай-де-Толли отправилъ его изъ арміи и назначилъ на его мѣсто барона Розена. Платовъ уѣхалъ въ Москву и, найдя тамъ знакомыхъ, жилъ весело; но не разъ случалось, что народъ, видя его праздность—упрекалъ за то, что онъ не въ арміи.

Когда Кутузовъ ѣхалъ въ армію, то взялъ съ собою Платова и сдѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что могъ поступить вопреки распоряженія Барклая. Кутузовъ возвратилъ и барона Толя, также удаленнаго Барклаемъ. Свѣтлѣйшій часто говорилъ, что когда былъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ, онъ умѣлъ отличить способности Толя, когда тотъ былъ ребенкомъ и теперь, когда былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми арміями, Кутузовъ, для поддержанія собственныхъ словъ, всячески возвышалъ Толя, человѣка впрочемъ умнаго.

Платовъ не понималъ карты, если она не была обращена къ нему съверомъ—т. е. если онъ не глядѣлъ на нее со стороны Петербурга. Это не мѣшало ему быть замѣчательнымъ военнымъ человѣкомъ и начальникомъ казаковъ.

Багратионъ былъ также человѣкъ мало образованный, но гениальная вѣрность его взгляда и врожденныя военныя способности дѣлали недостатокъ образованія нечувствительнымъ.

А. П. Ермоловъ говорилъ, что во всю свою жизнь онъ зналъ у насъ только одного истиннаго главнокомандующаго—Беннигсена. Недостатокъ его состоялъ въ томъ, что онъ не могъ обойтись безъ хорошаго дежурнаго генерала, ибо не умѣлъ заботиться ни о продовольствіи, ни о прочихъ матеріальныхъ нуждахъ арміи. Но какъ военачальникъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) онъ былъ человѣкъ истинно гениальный.

Много рассказывали о злодѣйскихъ поступкахъ Фигнера съ плѣнными французами. Поводомъ къ этому поведенію было слѣдующее: Фигнеръ съ своимъ партизанскимъ отрядомъ приступомъ взялъ церковь, занятую французами. Когда послѣ дѣла онъ въ нее взшелъ, то увидѣлъ, что въ алтарѣ жилъ французскій офицеръ. Изъ образовъ была

сдѣлана кровать, на которой онъ спалъ съ своей любовницей, крестьянской дѣвушкой имъ взятой. Въ алтарѣ лежало нѣсколько тѣлъ крестьянскихъ дѣвочекъ лѣтъ 11—12-ти изнасилованныхъ французами до смерти. Фигнеръ и безъ того религиозно-эксальтированный, при видѣ этихъ злодѣйствъ, подошелъ къ престолу и, положивъ на него руку, поклялся не щадить жизни ни одного непріятели.

Когда Карамзинъ жилъ въ Царскомъ Селѣ, императрица Елисавета Алексѣевна говаривала: «Мой мужъ, всякій день, въ 7 часовъ по утру слушаетъ лекціи русской исторіи».

Въ 1809 г. въ Молдавіи командовалъ арміей фельдмаршалъ князь Прозоровскій, нѣкогда храбрый кавалерійскій офицеръ, человѣкъ ограниченный и воображавшій много о своихъ военныхъ способностяхъ, которыхъ онъ впрочемъ не имѣлъ. Критикуя, напр., кампанію въ Пруссіи Бенингсена противъ Наполеона онъ говаривалъ: «если бы я тамъ командовалъ, мои передовые казачьи разъѣзды были бы на Рейнѣ». Онъ любилъ въ лагерѣ давать обѣды, отъ которыхъ умѣлъ отдѣлываться только Кутузовъ, за нѣсколько дней до обѣда сказывавшійся больнымъ. За обѣдомъ князь Прозоровскій рассказывалъ свои подвиги.

Въ 1812 г., вскорѣ по назначеніи Ермолова начальникомъ главнаго штаба, государь прислалъ къ нему флигель-адъютанта съ з а п р о с о м ъ о томъ, гдѣ назначена главная квартира. Алексѣй Петровичъ отвѣчалъ, что онъ въ собственныя руки Государя доставитъ запечатанный конвертъ. До тѣхъ поръ это дѣлалось небрежно; мѣсто для главной квартиры назначалась за 5 дней впередъ и могло сдѣлаться извѣстнымъ непріятели.

Въ 1815 году императоръ Александръ за обѣдомъ у себя, гдѣ было много иностранцевъ, перевозносилъ англійскую кавалерію, бывшую въ то время въ Парижѣ. Алексѣю Петровичу показалось это обиднымъ. «Англійская кавалерія,—сказалъ онъ,—на корабляхъ въ нѣсколько часовъ переѣхала проливъ, на берегу нашла заготовленный въ обилии провіантъ; оттуда до Брюсселя сдѣлала два небольшие перехода (Ватерлоо близко отъ Брюсселя) и потомъ пришла сюда. Въ нашей же кавалеріи, въ дивизіи генерала Винцингероде, которая здѣсь на лицо, есть лошади и люди, и ихъ не мало, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ провожали посла графа Головкина въ Китай, были въ прошломъ году здѣсь, отсюда отправились въ Гамбургъ, оттуда въ Малороссію, гдѣ, простоявъ только три недѣли на квартирахъ, пришли обратно сюда».

Во время Лайбахскаго конгресса, Каподистрія говорилъ Ермолову, что его долго интриговало, для чего австрійскій императоръ часто записался съ императоромъ Александромъ—такъ какъ онъ замѣчалъ, что эти разговоры имѣли неблагопріятное вліяніе на Александра I. Однажды, войдя скоро послѣ выхода австрійскаго императора въ комнату, гдѣ они говорили, Каподистрія увидалъ разбросанные пакеты, которыхъ форма ему показалась подозрительною. Онъ узналъ потомъ, что это были поддѣльные письма, нарочно нѣсколько замаранные и съ поддѣльными штемпелями: Меттернихъ высылалъ ихъ, чтобы ложными доносами пугать императора Александра, показывая ему силу тайныхъ обществъ—въ особенности карбонаріевъ.

Однажды въ разговорѣ съ А. П. Ермоловымъ императоръ Александръ рассказалъ ему всю исторію тайныхъ обществъ,—переходы ихъ изъ одного въ другое, тайную между собою связь и проч. Онъ говорилъ очень долго и подробно о масонахъ, иллюминатахъ и проч. и объяснялъ какъ окончательно образовались карбонары. Вліяніе страха на умъ императора было очень замѣтно. Такъ онъ говорилъ съ увѣренностью, что карбонары сдѣлали французскую революцію, послали Наполеона въ Египетъ и потомъ оттуда его вызвали.

III

Письма П. X. Граббе.—А. П. Ермолову ¹⁾.

1.

12-го декабря 1829 г. г. Яссы.

Милостивый государь, Алексѣй Петровичъ. Возвратясь послѣ оконченной войны, благодаря Бога, цѣлъ и здоровъ, первый мой долгъ воз-

¹⁾ Павелъ Христофоровичъ Граббе, получивъ воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, поступилъ на службу въ 1805 году въ артиллерію и участвовалъ въ кампаніяхъ 1805, 1806 и 1807 годовъ. Въ 1808 году, молодой Граббе, уже замѣченный начальствомъ какъ отличный офицеръ, былъ назначенъ военнымъ агентомъ въ Мюнхенъ, а съ открытіемъ отечественной войны 1812 года, состоялъ при тогдашнемъ военномъ министрѣ Боркавѣ-де-Толли. За отличную храбрость и распорядительность, выказанныя П. X. Граббе въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ и Смоленскомъ, онъ былъ удостоенъ ордена св. Георгія 4-го класса, и вслѣдъ затѣмъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Тарутинымъ, Малоярославцемъ, Вязмою и Краснымъ.

Возвратившись въ 1815 году изъ Франціи и пропавденный черезъ годъ въ полковники, П. X. Граббе былъ назначенъ командиромъ сначала Лубен-

дать дань глубокаго почтенія и возобновить изъясненіе неизмѣнной признательности къ незабвенному моему начальнику, котораго отеческая заботливость и нестойкое снисхожденіе украсили столько лучшихъ лѣтъ прошедшей моей молодости. Примите же и теперь, достойнѣйшій Алексѣй Петровичъ, снисходительно эти строки, какъ изліяніе сердца, вамъ постоянно преданнаго, отъ человѣка, котораго одна изъ повелительнѣйшихъ потребностей, одно изъ благодѣяній, котораго наиболѣе просить у Провидѣнія—есть увидѣть васъ, хотя на короткое время, услышать этотъ голосъ, эти слова, душу уловляющія, которыми я нѣкогда имѣлъ счастье услаждаться.

Ни слова не скажу здѣсь о минувшей войнѣ, одной изъ многотруднѣйшихъ, дабы неслишкомъ обременить письмо. Самъ лично, въ тѣсномъ моемъ значеніи, я былъ довольно счастливъ, не въ отношеніи отличій, которыми меня не балуютъ, но по употребленію, которое изъ меня иногда дѣлала.

Въ Яссы пріѣхалъ я по случаю назначенія моего начальникомъ штаба войскъ, въ Молдавіи расположенныхъ, назначеніе хотя пріятное по отношенію моему съ корпуснымъ командиромъ г-мъ Ридигеромъ,

скаго гусарскаго полка, потомъ Сѣверскаго конно-егерскаго полка. Съ открытіемъ турецкой кампаніи, полковникъ Граббе находился въ составѣ войскъ, расположенныхъ въ Малой Валахіи; здѣсь, исправляя должность начальника штаба и, въ то же время, команду авангардомъ и кавалеріею отряда, онъ участвовалъ во многихъ блистательныхъ дѣлахъ противъ турокъ, за что и награжденъ чиномъ генералъ-маіора, орденомъ св. Владиміра 3-й ст. и золотую саблю съ надписью „за храбрость“.

Съ открытіемъ войны противъ польскихъ мятежниковъ, назначенный исправляющимъ должность начальника штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-маіоръ Граббе съ отличіемъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Минскомъ и Калушинымъ, гдѣ контуженъ въ бедро, а также въ штурмѣ Варшавы; за сраженіе же подъ Остроленкою удостоенъ ордена св. Георгія 3-го класса.

Въ 1838 году Павелъ Христофоровичъ перенесъ свою боевую дѣятельность на Кавказъ, гдѣ, въ званіи командующаго войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, снискалъ почетную извѣстность въ рядахъ славной кавказской арміи. Удостоенный званія генералъ-адъютанта, П. X. Граббе оставилъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, Кавказъ, но потомъ снова былъ вызванъ къ боевой дѣятельности и участвовалъ въ Венгерской кампаніи.

Въ 1862 году, Павелъ Христофоровичъ былъ призванъ на высокой военно-административный постъ: онъ былъ назначенъ наказнымъ атаманомъ Войска Донскаго, въ 1866 году возведенъ въ графское достоинство, и затѣмъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ скончался 17-го іюля 1875 г.

Доблестная семидесятилѣтняя служба графа Павла Христофоровича, участіе его почти во всѣхъ войнахъ, веденныхъ Россіею въ царствованіе трехъ императоровъ, въ соединеніи съ рыцарскимъ характеромъ и горячимъ отношеніемъ къ дѣлу службы, снискали ему въ рядахъ нашей арміи громкое имя и почетную извѣстность.

Р е д.

но которое основаніе имѣю почитать временнымъ и ожидать болѣе прочнаго.

Удостоите же нѣкотораго воспоминанія чловѣка, который съ чувствами глубочайшаго почтенія и преданности остается навсегда вашего высокопревосходительства, милостиваго государя, или лучше—моего благодѣтеля Алексѣя Петровича покорнѣйшій слуга Павелъ Граббе.

2.

15-го февраля 1840 г. Ставрополь.

Это письмо, глубокоуважаемый Алексѣй Петровичъ, вручить вамъ гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Милютинъ ¹⁾ одинъ изъ самыхъ отличныхъ офицеровъ арміи. Съ умомъ, украшеннымъ положительными свѣдѣніями, онъ соединяетъ практической взглядъ и не на одни военные предметы. Къ тому же примѣрной храбрости, благороднѣйшихъ чувствъ, онъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ мнѣ полезенъ и пріятель. Приласкайте его и расспрашивайте о чемъ хотите. Онъ столько знакомъ со всѣмъ, что здѣсь происходитъ, что передастъ вамъ изустно хорошо и подробнѣе, нежели позволило бы то письменное изложеніе. Онъ расскажетъ вамъ также о семейномъ моемъ бытѣ, гдѣ онъ былъ принятъ по достоинству.—Онъ скромнѣе и даже нѣсколько застѣнчивъ: вамъ нужно будетъ его ободрить. За этимъ у васъ дѣло не станетъ.

Пробываніе г-на Головина ²⁾ въ Петербургѣ не только не приноситъ пользы, по крайней мѣрѣ линіи, но запутываетъ только и затрудняетъ дѣла. Съ того времени я въ непрерывной полемикѣ съ Петербургомъ по самымъ важнымъ вопросамъ военнымъ и гражданскимъ (*des questions vitales*). Ему почти во всемъ отказываютъ и недостаточное вниманіе къ нему отражается на дѣла и лица. Нѣсколько уже недѣль я провожу въ тяжелой и непріятной работѣ, отъ которой равнодушіе къ пользамъ службы, столь обыкновенное, могло бы меня избавить, но преданность и любовь къ государю и Россіи не позволяютъ мнѣ уклоняться отъ моего долга, хотя бы это возбудило уснувшія непріязни и повлекло за собой для меня непріятности.

Съ г. Головинымъ я продолжаю быть въ самомъ пріязненномъ отношеніи и не хочу вѣрить по крайней мѣрѣ умышленному противодѣйствію мнѣ. (*Mais sans aller pourtant jusqu'à la duperie*). Что ка-

¹⁾ Нынѣ графъ Дмитрій Алексѣевичъ, членъ государственнаго совѣта.

²⁾ Евгенія Александровича, главнокомандующаго на Кавказѣ.

сается до Раевского, я вынужденъ этого военнаго вывести на чистую воду, иначе надобно было бы допустить много важнаго и не-исправимаго вреда. Говоря языкомъ картежныхъ игроковъ, онъ играетъ на свои и вовсе не думаетъ ни о чемъ другомъ. Юношу вашего ожидаю ¹⁾. Душой преданной П. Граббе.

3.

28-го февраля 1841 г. с. Блотноца.

Довольно, кажется, далъ я вамъ отдохнуть отъ однообразныхъ писемъ деревенскаго жителя. Теперь начинаю бояться, чтобы скромный уголокъ, мною въ вашей всеобъемлющей памяти занимаемый, не достался другому лицу или предмету во владѣніе—въ такомъ случаѣ эти строки должны служить мнѣ вмѣсто протеста. Эти приказныя выраженія дадутъ вамъ, быть можетъ, поводъ подозрѣвать, что я отъ скуки въ деревнѣ занялся тяжбами. Нѣтъ, кромѣ этой одной, вашему рѣшенію подлежащей, я вовсе ихъ не имѣлъ и не имѣю, что, говорятъ, довольно рѣдко въ этомъ краѣ. Вамъ забавно должно показаться, что я даже ни во что не вхожу по управленію, въ намѣреніи при себѣ еще жену мою, мать такого большаго семейства, приучить и приохотить безъ меня заниматься дѣлами. Служба или то, что еще и службы непреклоннѣе, она (смерть), неотвратимая, могутъ каждую минуту отозвать меня и тогда я, безъ опасенія за будущность моего семейства, могу оставить все (отъ этого в сего голова не закружится) въ рукахъ если еще не искусныхъ, то по крайней мѣрѣ привычныхъ. Жена двадцатью годами меня моложе.

Не вы одни, я самъ смѣюсь этому странному вступленію письма, которымъ такъ, безъ доклада и безъ спроса, ввожу васъ въ среду моего семейства и даже въ порядокъ хозяйства. Теперь уже дѣлать нечего, останемся въ немъ. И о чемъ иномъ можетъ писать къ вамъ житель хутора, въ цѣлую зиму никогда и ни къ кому не выѣзжавшій и почти ни когда кромѣ своихъ никого не видѣвшій? и то и другое безъ малѣйшаго сожалѣнія, ибо выбора мало, чтобы не сказать, что его вовсе нѣтъ. Зато послѣ ничѣмъ незамѣнимыхъ, всегда живыхъ, часовъ семейнаго шума, что въ молчаніи кабинета перечитано, пересмотрѣно, перечувствовано, повѣрено, умирено, замѣчено, то стѣдить, конечно, впечатлѣній даже блестящихъ, но гораздо чаще пустыхъ дней, въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ проводимыхъ. Эти ощущенія принадлежать не

¹⁾ Сына Алексѣя Петровича.

легкому письменному, но болѣе строгому перу и не прозрачной почтовой бумагѣ. Изъ нихъ составила бы порядочная, если не по содержанию, то по толщинѣ — книга.

Но скоро наступитъ и для меня время оставить все это, чтобы везти старшаго сына, оканчивающаго свой пятнадцатый годъ, въ неизбѣжный Петербургъ, для открытія юношѣ удобнѣйшей точки, съ которой бы выпустить его на опасной бѣгъ, *course au clocher*, жизни. Мнѣ предстоитъ разыгрывать роль отца, снискивающаго для своего дѣтища благосклонныхъ взглядовъ чуждыхъ судей, цѣнителей его познаній и способностей.

Это напоминаетъ мнѣ любезнаго Льва Васильевича Давыдова въ этой роли, въ послѣднюю мою бытность въ Петербургѣ. И я соберусь съ силами и рѣшимостью быть такимъ же несноснымъ и неотступнымъ, какимъ видѣлъ его. Это мой идеалъ. Никому не было спасенія ни проходу, и прекрасный, добрый государь наследникъ не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться и, кажется, уступилъ его настоятельнымъ преслѣдованіямъ. Великій князь Михайлъ Павловичъ отсутствію обязанъ былъ спасеніемъ отъ его гоненій. Обнимите за меня, Алексѣй Петровичъ, этого яраго, неутомимаго отца; пусть онъ пріѣдетъ посмѣяться въ свою очередь надо мною.

Ваше письмо отъ 16-го декабря дошло до меня вечеромъ въ послѣдній день протекшаго года. Оно было для меня утѣшительнымъ заключеніемъ одного изъ лучшихъ годовъ моей жизни. Въ спутники остальныхъ лѣтъ я избираю самыя возвышенныя впечатлѣнія и привязанности. Судите поэтому какъ дороги для меня выраженія вашего во мнѣ участія и пріязни. П. Граббе.

4

7-го апрѣля 1841 г. Ставрополь.

Два дня тому, достойнѣйшій Алексѣй Петровичъ, получилъ я ваше письмо отъ 24-го марта и 400 руб. асс. для молодаго Горскаго. Онъ уже обмуадированъ и отправленъ къ генералу Зассу на Лабу. Всѣ ваши приказанія на его счетъ съ точностію исполнены.

Не смѣйтесь, благодѣтель моихъ лучшихъ лѣтъ, надъ дѣйствіями моими въ здѣшнемъ краѣ. Кому лучше васъ извѣстно, по какимъ причинамъ цѣлый рядъ пораженій этого непріятели можетъ еще не вести къ окончательному покоренію. Что вмѣстѣ съ тѣмъ нужны работы по обширному плану, исполненіе которыхъ требуетъ времени и терпѣнія.

Добрую волю имѣю и это вѣковое дѣло надѣюсь и на мою долю нѣсколько подвинуть, если здоровье не измѣнитъ и неприятности не выгонять.

Въ эту минуту положеніе мое тягостно. Жена послѣ родовъ вотъ уже три недѣли почти въ отчаянномъ положеніи. Между тѣмъ я долженъ отправиться въ экспедицію, оставить жену въ этомъ положеніи, восемь человѣкъ дѣтей и весь домъ безъ всякаго родственнаго надзора. Богу извѣстно чѣмъ это кончится!

Сохраните мнѣ вашу необходимую для меня пріязнь и вѣрте постоянной преданности вашего П. Граббе.

5.

16-го декабря 1845 г. хуторъ Тимчиха.

Трудно и неловко послѣ многолѣтняго молчанія приняться за первое письмо. Но не могу и не хочу долѣе молчать, чтобы за неудовольствіемъ не послѣдовало и совершенное забвеніе, что быть можетъ уже и случилось. Но въ нашемъ взаимномъ отношеніи, вашемъ—благодѣтель, начальника рѣдкаго, потомъ могу-ли сказать, почти друга; въ моемъ—вами въ нѣжной молодости взысканнаго благодареніями, одобреніемъ, примѣромъ столь высокаго образца, самымъ лестнымъ сближеніемъ, тогда отеческимъ, потомъ дружескимъ—для васъ это молчаніе не замѣтно и, если вами замѣчено, то это новое доказательство вашего снисхожденія; для меня же—оно тяготитъ меня какъ упрекъ, тяжело выговорить, почти какъ упрекъ въ неблагодарности и неразумѣніи, ибо кто можетъ не дорожить перепиской съ Ермоловымъ? Если сердитесь, то вы сами строже этого ничего не выдумаете, но вы уже не сердитесь—я знаю въ вашей душѣ уголокъ, мало кому извѣстный, вами тщательно отъ свѣта скрываемый, въ которомъ таится сокровище, всегда полное доброты и нѣжнаго снисхожденія для немногихъ, между которыми я занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ свое время.—Такъ-ли Алексѣй Петровичъ?—А это просто была лѣнь, общая знакомая.

Но о чемъ можетъ писать къ вамъ добровольный отшельникъ, зарывшійся въ деревнѣ, въ Малороссіи, занятый почти исключительно обязанностями отца большаго семейства, важными и утѣшительными для него, но безъ занимательности для всякаго другаго. Впрочемъ, счастье ваше, что я пишу къ вамъ зимой, иначе не миновать бы вамъ идиллическаго описанія красиваго мѣстоположенія, пріятнаго моего

пріюта, теплаго неба Малороссіи, полного счастья, которое я почти догонялъ на этотъ разъ верхомъ, въ ежедневныхъ скачкахъ съ моими старшими мальчиками черезъ поля и доли. Все это продолжалось до самаго декабря и прекратилось внезапнымъ нашествіемъ зимы со всѣмъ ея причетомъ.

Мы остаемся и зиму въ деревнѣ, да и вообще не располагаемъ, я могъ бы сказать, и не можемъ ее оставить безъ новыхъ какихъ либо обстоятельствъ. Призывъ на дѣйствительную службу нашелъ бы меня совершенно здоровымъ и столько же готовымъ, но чѣмъ я долѣ здѣсь остаюсь, тѣмъ менѣе онъ становится вѣроятнымъ, ибо продолжительное отсутствіе мое, безъ сомнѣнія, толкуютъ не въ мою пользу, если вообще не вовсе меня забыли. Но я не имѣю средствъ для поѣздокъ въ Петербургъ, чтобы освѣжать себя въ памяти, тѣмъ менѣе могу прожить тамъ, даже въ какомъ-бы то ни было городѣ. Спѣшу прибавить, что въ этомъ не могу обвинять никого кромѣ себя, ибо содержанія, мною получаемого при собственныхъ, хотя небольшихъ, средствахъ, было-бы достаточно вездѣ, если-бы я не былъ окруженъ большимъ семействомъ,—восемь человѣкъ дѣтей, съ учителями и съ гувернанткой. Но во время болѣзни моей жены, пятеро уже были опредѣлены въ казенныя заведенія самымъ милостивымъ образомъ и сходно съ моимъ желаніемъ. Остальныхъ также готова была взять на свое попеченіе великодушная императрица, а жену для излеченія отправить съ докторомъ за границу.—Но по ея выздоровленіи, для сохраненія дѣтямъ матери, вовсе не постигающей возможности разлуки съ ними, я собралъ ихъ опять всѣхъ около себя.—Оттого только мнѣ иногда трудно, но зато сколько утѣшенія и отрады!—Привычка къ занятіямъ пріятно наполняетъ все остальное отъ семейства время.

Вотъ вамъ, Алексѣй Петровичъ, кажется довольно полный отчетъ въ моемъ положеніи, котораго выгодныя и слабыя стороны вы проникните однимъ взглядомъ. Покуда небо хранить здоровье въ моей дѣтской колоніи какъ доселѣ, будьте увѣрены, что мнѣ хорошо.

Отзовитесь хоть однимъ словомъ на это первое посланіе всегда и всей душой преданнаго и признательнаго вамъ Павла Граббе.

6.

31-го марта 1846 г. хуторъ Тямчиха.

Недавно получилъ я ваше письмо отъ 8-го прошедшаго мѣсяца, напомнившее мнѣ пріятнѣйшимъ образомъ всѣ прежнія, лучшихъ лѣтъ

моей жизни ваши письма, которыя по постояннымъ къ вамъ чувствамъ моимъ никогда не должны были измѣниться.

Въ положеніи моемъ ничто не перемѣнилось. Все та же тихая, занятая жизнь, ни для кого кромѣ собственнаго семейства и то мало полезная, но столько, однако, сколько отъ меня зависитъ. Относительно жизни служебной, вы пишете точно какъ будто отъ меня зависитъ выборъ новаго поля служенія. Нѣтъ, любезный Алексѣй Петровичъ, я кажется сбить съ большой дороги, побочныхъ же никогда не зналъ и не знаю. Честолюбіе мое видно никогда не было велико или было особеннаго рода, потому что ничтожество переношу съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ и терпѣніемъ. Не сержусь даже, а смѣюсь въ случаяхъ, гдѣ немногое, отъ временъ моей дѣятельности мнѣ принадлежащее, другому присвоивается. Напримѣръ, — вы недавно могли прочесть въ журналахъ обнародованное, будто новое, учрежденіе, о назначеніи капитала для вознагражденія линейныхъ казаковъ за убитыхъ, раненыхъ и загнанныхъ при преслѣдованіи горцевъ лошадей. Это все существуетъ съ 1840 года. Я захватилъ тогда у возмущившихся черкеевцевъ 50 тысячъ барановъ и вырученныя за нихъ деньги обратилъ на этотъ предметъ, получивъ на то одобреніе начальства. Капиталъ и положеніе, мною составленное, безъ самоалѣйшаго измѣненія теперь выданы за новые. Но тогда о Кавказѣ не печатали. Многое то же можно сказать о реляціяхъ, въ которыхъ описаны новыми и недоступными разными пути и мѣста, будто прежде неизвѣстные и непройденные. Въ Анди и Мехельгѣ по взятіи Ахульго и покореніи Черкея были наши пристава; впоследствии они возмутились.

Возвращаясь изъ Ахульго въ 1839 году чрезъ Гимры и осмотрѣвъ мѣсто сраженія подъ начальствомъ Алексѣя Александровича Вельяминова; съ его собственнымъ описаніемъ въ рукахъ, я въ оффиціальномъ донесеніи упомянулъ, какъ знаменитъ этотъ подвигъ и въ заключеніе прибавилъ, что съ этой стороны имъ початы горы.

Сердиться было бы смѣшно, но смѣяться можно всѣмъ неловкимъ и съ успѣхомъ, къ сожалѣнію, незнакомымъ продѣлкамъ запоздавшаго честолюбія. Впрочемъ никто не сотретъ медали за 1839 годъ, развѣ истребленіемъ носящихъ ее, въ кровавыхъ неудачахъ.

Мой девизъ былъ:

Да возведичится Россія
И сгянуть наши имена.

Этотъ девизъ остается и теперь моимъ и останется, если-бы случилось еще быть допущеннымъ къ общественной дѣятельности. Страхъ люблю въ другихъ, когда дарованіе честолюбиво; оно непрерывнѣе и долѣе тогда полезно государю и отечеству. Но съ дарованіемъ или безъ него, честолюбіе есть самый тревожный спутникъ жизни и врагъ

душевнаго спокойствія. Отъ него надобно лечиться какъ отъ тяжкаго недуга.

Прочитавъ этотъ безсвязный отрывокъ исповѣди отшельника, вы вѣрно вывели заключеніе, что онъ выжилъ изъ ума, выдохся и ни на что болѣе негоденъ, развѣ нявчить дѣтей, что я и дѣлаю, да устраиваю парники, сажаю деревья, хлопочу о разведеніи огромнаго огорода, плодоваго сада, увеличеніи и безъ того большаго парка, постройкѣ мостиковъ на искусственномъ ручьѣ, удачно созданномъ изъ болота, расположеніи цвѣтниковъ, удобреніи табачныхъ плантацій и пр. А тихіе и занятые досуги кабинета! а домашній каминъ! Приведется ли мнѣ еще посидѣть съ вами передъ вашимъ каминомъ, если вы, при всегдашнемъ пренебреженіи къ удобствамъ жизни, не забыли устроить его въ вашемъ домѣ.

У насъ уже весна и мои ежедневныя скачки верхомъ съ двумя старшими сыновьями начались опять съ прежнимъ удовольствіемъ и съ чувствомъ несломленной еще силы и полнаго здоровья. Порадуйте меня тѣмъ же и о себѣ.

Что опять затѣяли неугомонные поляки! Изъ исторіи Польши можно извлечь всѣ отрицательныя правила, какъ не должны себя вести правительства и народы, ни въ періоды могущества, ни въ несчастіи.

Позвольте обнять себя преданному вамъ Павлу Граббе.

7.

17-го ноября 1849 г. С.-Петербургъ.

Опять огромной промежутокъ въ перепискѣ, въ которой Алексѣй Петровичъ не потребуеъ отъ меня оправданія; опять и затрудненіе съ чего начать, что описать, о чемъ умолчать; и того и другаго, особенно послѣдняго, въ восемь мѣсяцевъ непрерывной, иногда не безуспѣшной дѣятельности, набралось много. Начну съ того, что ближе къ сердцу, съ изъявленія моей глубокой признательности за отеческія ласки сыну моему, въ бытность его въ Москвѣ, вами оказанныя. Этотъ эпизодъ останется навсегда въ его благодарной памяти и послужитъ къ его умственному и душевному образованію, несмотря на его краткость.

Посольство въ Константинополь было чрезвычайно пріятно и столько же счастливо. Въ пятнадцать дней борьбы противъ вліянія Англіи, представителемъ которой я нашелъ тамъ одного изъ упорнѣйшихъ противниковъ Россіи, Стратфорда Каннинга, все было одолено, над-

менность встрѣчена была достоинствомъ и гордостью,—слава Богу, есть за кого, за Россію, которой имѣлъ я честь быть тамъ представителемъ. Дипломатическимъ тонкостямъ и мелочамъ противопоставлены были важность тогдашняго положенія Европы, истинныя пользы самой Англии, ненадежность ея расчетовъ въ случаѣ войны Россіи съ Турціей, опытомъ прошедшаго и нынѣшнимъ взаимнымъ положеніемъ обѣихъ имперій до очевидности выставленная; даже личное уничтоженіе къ скорому возраженію неискускаго, хотя весьма опытнаго и умнаго противника моего, все вмѣстѣ послужило къ вразумленію турковъ, до того уступавшихъ увлеченію и далеко зашедшихъ. Устрашенные, они тѣмъ послѣднѣе дали согласіе на все, и даже болѣе чѣмъ здѣсь отъ меня требовано было. Личная благодарность въ Варшавѣ за то изъявленная была полная и лестная.

Скоро потомъ я отправленъ былъ въ Венгрію. Русскій Богъ великъ! война кончилась скоро и во-время. Я послѣдній оставилъ Венгрію. Переговоры съ Коморномъ, по желанію императора австрійскаго, княземъ Шварценбергомъ мнѣ переданнаго, тайно шли черезъ меня и, доведенные до желаемыхъ условий, переданы для заключенія австрійцамъ. Самолюбіе ихъ удовлетворено, и потому капитуляція нарушена не была, какъ это непростительно сдѣлано ими было съ прежними.

Въ Вѣнѣ сдѣланъ былъ мнѣ лестный пріемъ. Тамъ собрались къ тому времени главные дѣятели въ послѣднихъ происшествіяхъ: славный старикъ Радецкій, молодецъ Іеллашичъ, Гайнау, заклятый врагъ нашъ, благородный Гессъ. Со всѣми я сблизился различно, съ Іеллашичемъ до пріязни, Радецкій вездѣ и на обѣдахъ, даже у императора, не соглашался итти передо мною, и мы входили всегда рука въ руку. Безъ сомнѣнія, желали этимъ пріемомъ загладить неловкости и недоразумѣнія, въ продолженіе войны въ разныхъ случаяхъ возникшія и невыгодныя впечатлѣнія. На третій день по сдачѣ Коморна императоръ, чрезъ флигель-адъютанта графа Солтыка, прислалъ мнѣ при обязательномъ рескриптѣ свой орденъ Леопольда 1-й степени.

Самъ вижу, что записался. На долго-ли останусь здѣсь—не знаю. Теперь у меня здѣсь два сына, которые удерживаютъ, но шестеро дѣтей съ матерью притягиваютъ въ Малороссійскую деревню. Полагаю зиму посвятить первымъ, остальное время другимъ, если не опредѣленно свыше иначе. Душею вашъ Павелъ Граббе.

8.

23-го апрѣля 1853 г. ночью. С.-Петербургъ.

Что могу въ короткомъ письмѣ высказать вамъ изъ всего, что тѣснится и рвется изъ сердца и изъ головы, послѣ непонятныхъ проис-

шествѣй, въ послѣднее время меня постигшихъ и отчасти конечно вамъ извѣстныхъ? Ясно для меня только одно, что мнѣ, лишенному почти всѣхъ матеріальныхъ вознагражденій за цѣлую жизнь, не всегда безъ успѣха службѣ посвященную, должно стараться скрыть остальные дни, мнѣ еще предоставленные, гдѣ нибудь въ удаленіи отъ какаго-то страннаго преслѣдованія, ничѣмъ неотвратимаго. Я располагаю на дняхъ съѣздить въ маіоратъ недалеко отъ Ковно, гдѣ, съ привычною мнѣ въ такихъ дѣлахъ неловкостію, устроить какъ съумѣю болѣе исправную чѣмъ доселѣ уплату очень скромнаго дохода; потомъ, возвратясь въ Петербургъ, поднять мое семейство, четырехъ дочерей и малолѣтнаго сына, и уѣхать съ ними въ Полтавскую деревню, откуда въ установленное время просить увольненія отъ службы. Думаю, что поѣдемъ на Москву и тогда удастся отвести душу предъ тѣмъ, кто украсилъ и ободрилъ мою молодость, и съ участіемъ выслушаетъ на сказку похожую былъ первыхъ лѣтъ моей старости. До тѣхъ счастливыхъ минутъ, въ которыхъ Провидѣніе, надѣюсь, мнѣ не откажетъ, обвиняю васъ покуда заочно. Глубоко вамъ преданный П. Граббе. Письма ваши я получилъ.

9.

2-го января 1856 г. Ревель.

Маленькое созданіе, homunculus, стоящее передъ вами и, пока вы читаете эти строки, пожирающее васъ глазами, есть то, что братъ вашъ Александръ Михайловичъ Каховскій называлъ во время оно *animal domestique*,—адъютантъ мой. Но это не все, онъ замѣчательный портретистъ акварелью и получилъ званіе художника. Я согласился дать ему отпускъ съ тѣмъ, чтобы онъ привезъ мнѣ вашъ портретъ и имъ написанный. Принесите мнѣ эту жертву, позволивъ ему часа два посидѣть у васъ во время вашихъ занятій. Онъ мастеръ своего дѣла.

Наканунѣ Рождества мнѣ удалось вырваться изъ Петербурга. Откланиваясь у императрицы, я сошелся съ Назимовымъ, онъ порадовалъ меня доброю вѣстію о вашемъ здоровьѣ. При этомъ важномъ условіи я готовъ васъ поздравить съ новымъ годомъ. — Какое-то онъ будетъ для Россіи! Приготовленія непріятеля для Балтики огромны, но болѣе страшны, только не для него, нашъ предводитель въ Финляндіи. Здѣсь, въ Ревелѣ, я на его слѣдахъ и потому могу себѣ позволить судить о немъ. Непостижима слѣпота петербургскихъ его защитниковъ. Они принадлежатъ наиболѣе министерству иностранныхъ дѣлъ. Тамъ болтовня часто принимается за способность. Но въ этотъ важный пери-

*

одъ судьбы Россіи такая ошибка страшна, едва не сказалъ, преступна! Она принадлежитъ длинному ряду тѣхъ ошибокъ, которыя довели насъ до настоящаго роковаго положенія и угрожаютъ еще усилить его.

Въ Ревельскомъ портѣ собралось теперь, по уходѣ флотовъ, столько иностранныхъ судовъ, сколько въ мирное время никогда вмѣстѣ не бывало, между ими прекрасный американскій купеческій пароходо-фрегатъ. Они снабдили насъ главною потребностію этого края, солью, болѣе чѣмъ на годъ.

Что вамъ скажу о себѣ? Береговая оборона Ревеля непріателемъ была лучше оцѣнена, чѣмъ своими. Въ нынѣшнемъ году еще усилю ее. Болѣе трехсотъ орудій съ усиленнымъ полетомъ снарядовъ сосредоточатся на пространствѣ рейда, гдѣ можетъ построиться флотъ непріятельскій. Займусь также на случай десанта сухопутной обороной по системѣ отдѣльныхъ фортовъ, съ промежуточными, между каждыхъ двухъ, ложе-ментами для резервовъ, во второй линіи,—все въ отдаленіи отъ крѣпости.—Тотлебенъ, съ которымъ я сошелся дружбою, не только одобрилъ это, но жалѣлъ, что, по недостатку въ началѣ средствъ, не могъ такъ-же поступить въ Севастополѣ, и не довольно далеко началъ сооружать наружныя укрѣпленія, уступивъ непріятелю выгодную мѣстность, которую слѣдовало самимъ занять.

Сію минуту читаю въ приказѣ, что Лидерсъ назначенъ главнокомандующимъ на югѣ. Дай Богъ счастья!

Обнимаю васъ отъ всей души П. Граббе.

10.

9-го апрѣля 1856 г. Ревель.

Съ глубокою грустью прочелъ я ваше письмо, Алексѣй Петровичъ не вашей рукою написанное и безъ вашей подписи. Стараюсь сохранить надежду, что ослабленіе зрѣнія только временное и уступить леченію, для котораго въ Москвѣ должно быть столько средствъ. Портретъ мой по вашему желанію отправленъ, единственный какой былъ. Онъ принадлежитъ еще первому періоду живописи Никитина.

Возможность въ нынѣшнемъ году обнять васъ занимаетъ первое мѣсто въ небольшомъ числѣ пріятныхъ ожиданій, предоставленныхъ мнѣ при настоящей внезапной перемѣнѣ обстоятельствъ. Это можетъ случиться, если вспомнать обо мнѣ при предстоящей коронаціи. Тогда готовьтесь отстаивать противъ меня всѣ углы вашего дома отъ наступательныхъ предиріятій, послѣ исключительно оборонительныхъ, на которые родъ минувшей войны осуждалъ меня.

Вы пишете мнѣ о Давыдовѣ, но съ первой минуты когда Ахиллъ явился ко мнѣ, онъ меня уже не оставлялъ въ качествѣ ординарца и любезнаго мнѣ по памяти Дениса, по образованію и благороднымъ свойствамъ человѣка. Какъ Никитинъ адъютантъ-живописецъ, такъ Ахиллъ какъ ординарецъ-піанистъ оживлялъ мой военный дворъ. Мы не придумаемъ покуда, что съ нимъ дѣлать, а заниматься имъ, всегда однимъ изъ самыхъ любезныхъ мнѣ людей, я никогда не перестану. — Вы говорите о вашихъ сыновьяхъ—они мнѣ родные по душѣ и въ семействѣ моемъ не одинъ Николай раздѣляетъ эти чувства.

Каждый день я ожидаю упраздненія моего штаба, отчасти уже начатаго. Что со мною будетъ—не знаю. Теперь готовъ даже, не красѣя, на совершенный покой, если признанъ буду лишнимъ. Съ глубокимъ умиленіемъ обнимаю васъ.

11.

18-го февраля 1860 г. с. Блотноца.

Вчера за вечернимъ чаемъ, въ полномъ присутствіи наличнаго семейства: двухъ сыновей, двухъ дочерей и двухъ племянницъ, обрадовало меня, Алексѣй Петровичъ, письмо ваше отъ 21-го до 30-го января. Всегда многозначительныя, письма ваши для меня въ особенности, а въ настоящемъ удаленіи отъ свѣта еще того болѣе, становятся радостнымъ происшествіемъ.

Заслуженный выговоръ сыновьямъ за проѣздъ черезъ Москву, не явившись къ вамъ, засталъ здѣсь одного немирнаго. Николай, мѣсяць тому, уѣхалъ на Кавказъ, а немирный оставляетъ меня сегодня, на двѣхъ туда же и кабардинецъ, подавшій переводъ въ Сѣверскій драгунскій полкъ для сослуженія съ братомъ; останусь одинъ съ женскою частію семейства. Конечно, мои драгуны, какъ и весь этотъ полкъ не малъ плакстскіе драгуны, dragons pour boige, но если это радуеть отца, то вмѣстѣ возбуждаетъ за нихъ, бѣдовыхъ, и опасенія. Надо видѣть ихъ даже дома; Михаилъ недавно одинъ, безъ собакъ, убилъ матеряго волка, добивъ его прикладомъ, немирной сѣумѣлъ подь Петербургомъ, близъ Охты, наткнуться на разбойника, спасти проѣзжаго и связаннаго доставить въ полицію! На какихъ лошадяхъ они у меня ѣздятъ, и съ какихъ кручь они скачуть, на нихъ страшно смотрѣть! Хотя и самъ я былъ не совсѣмъ осторожный ѣздокъ.

Сыновья слѣзгать къ предстоящей экспедиціи, кажется, для покоренія абадзеховъ.

Странно мнѣ при первомъ извѣстїи показалось, чтобы это сильное племя, такъ себѣ, *roug le roi de Prusse*, изъ платонической нѣжности къ г-ну Филипсону, стало его умолять принять ихъ въ свои объятїя, не прибѣгая къ привычному для нихъ пороху. А сколько изъ этого было шума, и не одного шума!

Что вамъ сказать о себѣ? отрѣшенный, безъ сожалѣнїя о томъ, отъ служебной дѣятельности на всѣхъ ея путяхъ, я отказался отъ всякой другой и совершенно уединился въ свой домашнїй бытъ. Сосѣди, нѣкоторые изъ нихъ прїятные, навѣщаютъ меня, или вѣрнѣе сказать, мое семейство, и прощаютъ, быть можетъ, не безъ осужденїя, что самъ я не отдаю никому визита. Вы конечно угадываете, что сельское хозяйство занимаетъ меня не настойчиво, а преимущественно въ отношенїи крестьянъ, сколько это возможно, гораздо прежде преднамѣренныхъ и ожидаемыхъ преобразованїй. Но мысль не всегда обращается въ такой тѣсной рамѣ; она уносится иногда на просторъ, въ даль прошедшаго, скользить по загадочному настоящему и смиряется предъ непроницаемостью всѣмъ общаго будущаго.

21-го февраля. Первые два тома исторїи 1812 года г. Богдановича хотя выражаютъ личныя свойства автора, его добросовѣстность, умѣренность и правдивость, не отнимутъ, кажется, у будущаго историка этой эпохи возможность, пользуясь его-же матеріалами и новыми, которые вѣроятно отыщутся и явятся, написать новую исторїю, болѣе откровенную, строгую и полную. Ожидая третью часть, едва-ли не труднѣйшую, какъ еще болѣе обильную ошибками, личностями и промахами. — Два дѣла подъ Тарутинымъ описаны въ первыхъ двухъ особенно неудовлетворительно: первое, 22-го сентября, важно какъ положившее предѣлъ наступательнымъ дѣйствїямъ непрїятеля и порядкомъ, съ которымъ были встрѣчены и отражены обходныя движенїя Себастьяни на правый нашъ флангъ. Вы обѣдали у Милорадовича, когда калужскїе депутаты пришли благодарить его, и не безъ удивленїя слышали не только приличный, но и связанный его отвѣтъ, чѣмъ рѣчь его обыкновенно не отличалась. Второе, *la déroute du matin*, какъ называли дѣло 8-го октября французы, остается очень темно и невразумительно. Описавъ неясно ошибочное направленїе разныхъ частей войскъ нашего праваго фланга и послѣдствїя отъ того, авторъ вовсе умалчиваетъ о происшедшемъ на лѣвомъ флангѣ, назначенїе котораго наступленїемъ съ фронта удерживать Мюрата, чтобы дать время обойти и отрѣзать съ его лѣваго, было остановлено непостижимымъ отозванїемъ Милорадовича въ самомъ началѣ дѣла, въ главную квартиру, отъ чего войска остались безъ начальника. Между тѣмъ пѣхотная колонна поляковъ, выступившая изъ д. Гремячево, первымъ движенїемъ авангарда была отрѣзана и спѣшила, далеко сзади нашей кавалерїи, по большой

дорогѣ, присоединиться къ своимъ. Замѣтивъ это, я подскочилъ къ Ил. Вас. Васильчикову, тогда начальнику кавалеріи авангарда, и донесъ ему объ этомъ. вмѣсто распоряженія онъ пренебрежительно отвѣтилъ мнѣ, что здѣсь кажется всѣ командуютъ, на что я возразилъ ему: «нѣтъ генералъ, здѣсь кажется никто не командуетъ» и поскакалъ къ отступающей колоннѣ. Никто ее не преслѣдовалъ, пока явилась донская батарея, смѣло подъѣхавшая безъ прикрытія къ самой дорогѣ и осыпавшая поляковъ картечью, безъ большого однако вреда, по причинѣ самой близости и глубины дороги; достигши дѣска, поляки врасыпную бросились туда и снались въ глазахъ нашей неподвижной кавалеріи. Я видѣлъ отчаяніе г. Бенигсена отъ хода всего дѣла, и когда онъ подъѣхавъ спросилъ, гдѣ Милорадовичъ, на котораго онъ особенно надѣялся, отвѣчалъ ему, что онъ отозванъ, отъ чего и наступленіе остановилось. А этотъ день могъ быть далеко рѣшительнѣе и честнѣе. Выраженіе странное, но полагаю, справедливое. Многое для меня и теперь осталось непонятнымъ. Въ заключеніе скажу однако, что трудъ г. Богдановича нахожу очень заслуживающимъ уваженія.

Грустно мнѣ будетъ, когда и послѣдній мой сынъ Михаилъ на дняхъ меня оставитъ, привыкши въ продолженіе прошедшихъ двухъ лѣтъ видѣть около себя, то всѣхъ вмѣстѣ и Мосоловыхъ, то одного или двоихъ изъ нихъ.

Оканчивая это длинное письмо, мимоходомъ замѣчу, что печать на вашемъ конвертѣ вовсе не была похожа на вашу обыкновенную, всегда опрятную и щеголеватую. Это вѣроятно будетъ и съ моею, хотя употреблю отличный сургучъ и стараніе чисто запечатать. Видно, долго еще, несмотря на благонамѣренность свыше, мы не выберемся изъ глубокой и грязной колѣи, въ которую издавна завязли.

Еще одно: если вы замѣтили, что я пишу ваше имя безъ предшествующаго эпитета, то это потому, что нашъ языкъ хотя молодъ и еще на наковальѣ, но по ложному и неразборчивому расточенію лучшихъ словъ, назначенныхъ для выраженія глубокихъ и истинныхъ чувствъ, они такъ уже избиты и опошлены, что предпочитаю называть просто ваше имя и отчество, до того впрочемъ знакомое всѣмъ и значительное, что безъ прибавленія даже вашей фамилии, всякій понимаетъ о комъ говорятъ и что подразумѣваютъ. Этого никто ни дать, ни отнять не можетъ. Не знаю у насъ никого изъ живыхъ, кто раздѣлялъ-бы съ вами это преимущество. Всей душой вашъ П. Граббе.

IV.

Два письма М. И. Богдановича А. П. Ермолову.

1.

« » ноября 1858 г.

Пользуясь отъездомъ въ Москву Д. Д. Давыдова, принявшаго на себя трудъ доставить вашему высокопревосходительству мое письмо, осмѣливаюсь просить васъ удостоить меня присылкою свѣдѣній, относящихся къ дѣламъ при Вязьмѣ, Красномъ и Березинѣ. Всякая строка, отъ васъ полученная, будетъ служить для меня достовѣрнымъ историческимъ памятникомъ. Имѣя въ виду изобразить истину—и только одну истину—обращаюсь къ вамъ, представителю славной эпохи 1812 года.

2.

10-го февраля 1859 г. С.-Петербургъ.

Не могу выразить вамъ, глубокоуважаемый Алексѣй Петровичъ, какъ обрадовало меня письмо ваше, доставленное мнѣ вашимъ сыномъ Николаемъ Алексѣевичемъ. Свѣдѣнія, полученныя отъ вашего высокопревосходительства, будутъ основаніемъ всего того, что скажу о нашей народной эпопее: называю такъ войну 1812 года потому, что хотя не прошло и полувѣка со времени борьбы Россіи съ Наполеономъ, однакоже сія борьба справедливо приняла въ понятіяхъ всѣхъ и каждого характеръ событія чудеснаго. Скажу вамъ, удостоивающему вниманія нынѣшнія мои занятія, что, со всѣмъ желаніемъ представить въ настоящемъ видѣ событія, столь близкія каждому русскому, нерѣдко сомнѣваюсь въ успѣхѣ; въ такія минуты перечитываю ваши благосклонныя строки и осмѣливаюсь помышлять, что достаточно тѣхъ драгоценныхъ свѣдѣній, сообщеніемъ которыхъ вы удостоили меня, для приданія моей книгѣ великаго достоинства въ глазахъ всякаго изъ русскихъ. Не лишите меня и впредь вашего вниманія и будьте увѣрены, что я лучше умѣю чувствовать, нежели выразить мою къ вамъ признательность.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕРЧИНСКІЙ ЗАГОВОРЪ О ПОБѢГѢ НА АМУРЬ И НА ОСТРОВА ВОСТОЧНАГО ОКЕАНА.

(Очеркъ изъ жизни XVII в.).

I.

Въ XVII вѣкѣ Россія владѣла Амуромъ около 40 лѣтъ, (съ 1650-хъ до 1689-хъ годовъ) и за это время понесла ради этого края массу жертвъ, не приобрѣта почти никакихъ выгодъ. Немалые доходы съ Амура, шедшіе въ государеву казну, всё ушли на громадныя расходы по владѣнію краемъ. Большихъ суммъ стоила уже одна сложная организація и медленное передвиженіе цѣлаго корпуса — «Даурскаго полка», подъ начальствомъ воеводы окольного Федора Алексѣевича Головина. Полкъ прибылъ въ Нерчинскъ въ 1689 г., т. е. наканунѣ заключенія съ Китаемъ мирнаго договора объ уступкѣ Амура, и такимъ образомъ оказался бесполезнымъ для своей прямой задачи...

Едва ли не единственнымъ результатомъ сорокалѣтняго обладанія Амуромъ слѣдуетъ признать значительный подъемъ матеріальнаго благосостоянія въ населеніи Восточной Сибири. Массы промышленныхъ, служилыхъ и гулящихъ людей, побывавшихъ на Амурѣ и по своей волѣ, и по наряду отъ правительства, возвращались оттуда съ большими богатствами, добытыми и чистыми промыслами надъ звѣремъ и проч., и нечистыми вымогательствами, и прямымъ грабежемъ амурскихъ инородцевъ. Самъ «даурскій передовщикъ» Ерофѣй Хабаровъ вернулся въ Сибирь съ колоссальнымъ для того времени богатствомъ, сильно однако

порастаявшимъ послѣ вынужденной поѣздки въ Москву и другихъ мытарствъ этого предприимчиваго человѣка... Другіе же «амурщики» были счастливѣе Хабарова и успѣвали сохранно вывезти съ Амура свою добычу и на родинѣ пустить ее въ оборотъ. Именно къ этому времени относится возникновеніе многихъ промышленныхъ и торговыхъ фамилій Восточной Сибири, просуществовавшихъ очень долго.

Понятно, какъ заразительно дѣйствовали примѣры этихъ счастливецъ и какую массу подражателей они вызывали. Какъ стихійно было это движеніе на Амурь—достаточно ясно изъ моего очерка «Бунтъ и побѣгъ на Амурь воровскаго полка М. Сорокина» ¹⁾. Этотъ случай относится къ 1655—56 г.г., т. е. къ самому началу знакомства русскихъ съ Амуромъ. Но такіе случаи, только въ меньшихъ размѣрахъ, бывали много разъ и позже. И не только въ періодъ русскаго владѣнія Амуромъ, но и послѣ Нерчинскаго договора 1689 года Амурь продолжалъ неудержимо привлекать къ себѣ русскихъ людей, уходившихъ туда болѣе или менѣе значительными партіями. Китайскія власти всегда косо смотрѣли на этихъ незнакомыхъ пришельцевъ, но ничего подѣлать не могли съ своими слабыми военными силами и ограничивались жалобами русскому правительству.

Въ силу договора, русская пограничная администрація добросовѣстно и зорко слѣдила за нарушителями добрыхъ сосѣдскихъ отношеній и старалась по мѣрѣ возможности пресѣкать попытки русскихъ людей пробраться на Амурь. Очень часто по чьему-нибудь наговору возникали тогда совершенно пустыя «и з м ѣ н н ы я д ѣ л а» о чьей-нибудь попыткѣ якобы бѣжать на Амурь, какъ, напримѣръ, любопытное дѣло о мнимой «измѣнѣ» прапорщика Даурскаго полка Петра Разички, производившееся въ 1687 г. ²⁾. Хотя оно происходило еще до Нерчинскаго договора, но смыслъ его отъ того не измѣняется.

Дѣло возникло во время пребыванія Даурскаго полка въ Иркутскѣ. Воеводѣ Ѳ. А. Головину сдѣлалъ доносъ прапорщикъ полка полковника Антона Фансмалимберха Василій Кучюмовъ на прапорщика того же полка Петра Разичку, будто послѣдній во время пребыванія полка въ Тобольскѣ, въ 1686 году, говорилъ какъ-то на площади, «что онъ хочетъ великимъ государямъ и з м ѣ н и т ь—о т ѣ х а т ь въ Китайское государство...» Въ другой разъ Разичка будто говорилъ, «что онъ останетца въ Даурахъ: тамъ-де жить привольнѣе!..» Тотъ же В. Кучюмовъ обвинялъ еще Разичку «въ продажѣ государева пороху».

По приказу окольного Головина произведенъ былъ большой «сыскъ» о Разичкѣ по доносу Кучюмова. Сыщики допрашивали товарищей ихъ

¹⁾ См. въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., № 1-ый.

²⁾ „Сибирскаго приказа“ столбецъ № 984.

по полку Франмалымберха и начальныхъ людей и рядовыхъ другихъ полковъ изъ Даурскаго корпуса. Никто не подтвердилъ доноса Кучюмова, и Разичка былъ оправданъ съ большимъ торжествомъ для него. Въ грамотѣ Головину отъ 13-го октября 1687 г. читаемъ: «а по розыску измѣны на П. Разичку и пороховой продажи не явилось. И мы, великіе государи, указали, а бояря наши приговорили: извѣтчику В. Кучюмову за ложной извѣтъ въ измѣнномъ дѣлѣ и въ продажѣ пороху учинить жестокое наказанье—бить кнутомъ на козлѣ нещадно, а П. Разичку прислать къ намъ, великимъ государямъ, къ Москвѣ». Зачѣмъ именно вызывали его въ Москву—не сказано, но очевидно, что для Разички эта командировка была наградою за перенесенныя сграданія во время розыска по ложному извѣту товарища.

II.

Но самое существованіе ложныхъ извѣтовъ объ «амурщикахъ» достаточно свидѣтельствуемъ, что тутъ не было дыму безъ огня, что дѣйствительно въ то время нерѣдко возникали попытки сибирскихъ служилыхъ и гулецкихъ людей бѣжать на Амуръ и тамъ поселиться окончательно. Съ фактомъ такой попытки встрѣчаемся, на примѣръ, въ «сыскѣ» о Нерчинскомъ заговорѣ 1699 г. ¹⁾

Изъ сыска, произведеннаго въ 1700 г. нерчинскимъ воеводою стольникомъ Иваномъ Самойловичемъ Николаевымъ, обнаружались очень серьезныя размѣры заговора, преслѣдовавшаго государственную измѣну. Въ «скопѣ» участвовало до 300 нерчинскихъ казаковъ, промышленныхъ и гулящихъ людей, а по нѣкоторымъ даннымъ болѣе 400 человекъ. Но этого мало: кромѣ нерчинцевъ, въ «скопѣ» съ ними и «въ воровской думѣ» было до 300 человекъ изъ сосѣдняго Удинскаго острога—казаковъ и гулящихъ людей, дѣятельно сносившихся «воровскими грамотками» съ нерчинскими «амурщиками...»

Заговорщики замыслили полное отдѣленіе отъ «государевыхъ воеводъ»: они хотѣли сначала «на Амуръ гулять», а затѣмъ идти на море «острова искать» и «сами хотѣли тутъ жить...» Словомъ, «воровскія думы» были широкія и не могли не встревожить воеводу Николаева, когда онъ 2-го апрѣля 1700 г. неожиданно выслушалъ «извѣтъ» промышленнаго человека Гордѣя Попова, который равьше и самъ былъ «въ злой думѣ» съ заговорщиками—«про ту ихъ всю думу зналъ

¹⁾ „Сибирскаго приказа“ столбецъ № 1. 346.

и самъ итти съ ними хотѣлъ», но потомъ счелъ за благо выдать товарищей головою воеводѣ...

Гордый Поповъ разсказалъ воеводѣ, что 1-го апрѣля, въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, онъ подходилъ ко двору боярскаго сына Никиты Мары и слышалъ, какъ на дворѣ Мара поносилъ Николаева «матерною бранью» и грозился по его адресу такъ: «кликину-де молодежь—а муршиковъ и велю-де разорвать столыника и воеводу Ивана Самойловича Николаева по клоку до смерти!..»

Поповъ вошелъ въ избу на дворѣ Мары, гдѣ проживалъ должникъ извѣтчика — гулящій человѣкъ Иванъ Запеска (онъ же Южаковъ). Вскорѣ туда же пришли Мара и сосѣдъ его по двору казачій пятидесятникъ Агапиль Плотниковъ, которому Мара повторилъ ту же угрозу по адресу Николаева. На это Запеска замѣтилъ Марѣ: «зачинаю щихъ-де васъ много, а совершающихъ мало!..» Другихъ подобныхъ рѣчей Поповъ не слышалъ, такъ какъ «при немъ больши говорить они опасались».

Выслушавъ этотъ словесный извѣтъ Попова и записавши его, воевода Николаевъ тотчасъ же разослалъ гонцовъ по всѣмъ «зайкамъ», гдѣ проживали не участвовавшіе въ заговорѣ боярскіе дѣти, казаки и другіе служилые люди, съ требованіемъ, чтобы всѣ они «на-сѣоро» ѣхали въ городъ. Въ тотъ же день онъ арестовалъ оговоренныхъ Поповыми людей и посадилъ ихъ въ тюрьму.

Къ 15-му апрѣля всѣ вызванные воеводою служилые люди собрались въ городѣ, и только 17-го апрѣля Николаевъ смѣло взялся за свой страшный розыскъ съ пытками—«при всѣхъ гражданѣхъ», очевидно «въ поученіе» имъ: «дабы впредь инымъ не повадно было такъ воровать...»

Воевода Николаевъ пыталъ заговорщиковъ жестоко, напримѣръ Агапиль Плотниковъ «пытанъ и клещами жженъ, а на пыткѣ ему было 80 ударовъ да 3 стряски...» Когда и послѣ этого страшнаго истязанія воевода не добился отъ страдальца новыхъ показаній, онъ хотѣлъ приступить къ новой пыткѣ, но самъ же долженъ былъ засвидѣтельствовать въ «сыскѣ» (всѣ приговоры въ этомъ «сыскѣ» писаны рукою самого воеводы), что новой пытки не могли дать Плотникову, такъ какъ-де «за пыточною болѣзнью распрашивать невозможно...»

Первымъ былъ допрошенъ боярскій сынъ Никита Мара и, какъ человѣкъ привлеченнаго сословія, сначала безъ пытки. Мара отвергалъ весь извѣтъ Гордѣя Попова: Николаеву онъ-де ничѣмъ не грозилъ и убивать его не собирался. никакихъ «амурщиковъ» не знаетъ и ни о какихъ заговорахъ ихъ не слышалъ... Но послѣ первой пытки (10 ударовъ) Мара сознался, что дѣйствительно говорилъ тѣ рѣчи противъ

Николаева, которая передает извѣтчикъ, но больше ни въ чемъ не сознавался. Но вторая пытка (20 ударовъ) заставила Мару высказать больше: подъ «амурщиками» онъ разумѣлъ коннаго казака Василья Пѣшкова съ товарищами, которые собирались убить воеводу и ограбить казну государеву—оружіе, порохъ и проч. Неудовольствіе противъ воеводы началось съ тѣхъ поръ, какъ въ августѣ 1699 г. онъ «сажалъ въ тюрьму» Агапита Плотникова (за что—не объяснено): съ этого-то времени у нихъ и «зачался умысль бунтовской...»

Агапиту Плотниковъ еще до пытки сознавался, что Мара говорилъ вышеуказанныя «воровскія рѣчи», но объяснялъ, что Мара въ тотъ вечеръ «былъ в росхмѣлю», да и про себя Агапиту показалъ, что приходилъ къ Марѣ «о Христѣ радоваться—пьяной», да у Мары выпилъ еще пива «2 чашки коптогайнныя» (?). Но послѣ Плотниковъ сознавался, что къ Марѣ «приходилъ въ разумѣ—недобре пьянъ», а Поповъ настаивалъ, что Плотниковъ совсѣмъ не былъ пьянъ. Во всякомъ случаѣ отъ Плотникова могли добиться только того, что раньше онъ не слыхалъ отъ Мары такихъ «воровскихъ рѣчей» и теперь не придавалъ имъ никакого значенія и не донесъ о нихъ потому, что и Мара, и онъ самъ были пьяны... И послѣ страшной пытки Агапиту говорилъ тѣ же рѣчи.

Третье, оговоренное Поповымъ лице—гулящій человекъ Заплеска (Южакъ) послѣ пытокъ (18 ударовъ и т. д.) сознался, что слышалъ отъ Мары тѣ «воровскія рѣчи» и отвѣчалъ ему такъ, какъ передаетъ Поповъ, но что будто бы никакихъ замысловъ о бунтѣ не слыхалъ и никакихъ «амурщиковъ» не знаетъ.

Однако, Мара уже проговорился объ амурщикѣ Васильѣ Пѣшковѣ и этого было достаточно для воеводы, чтобы открыть и остальныхъ главныхъ «заводчиковъ» и всѣ ихъ замыслы.

III.

Конный казакъ Василій Пѣшковъ и былъ главою заговора. Одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, промышленный человекъ Ѳедотъ Лебединой прямо показывалъ: «а зачалась-де та амурская злая дума отъ Васьки Пѣшкова...» И большинство другихъ заговорщиковъ называли Пѣшкова своимъ «атаманомъ». Эта «дума» зародилась въ немъ болѣе 3-хъ лѣтъ назадъ: все это время онъ вербовалъ единомышленниковъ и къ моменту открытія заговора насчитывалъ ихъ въ Нерчинскѣ и уѣздѣ до 400 человекъ... Понятно, самъ Пѣшковъ на допросахъ

упорно отказывался отъ приписываемой ему товарищами роли атамана и послѣ пытокъ сознался лишь въ томъ, что былъ въ числѣ «заводчиковъ бунта...»

Были и другіе кандидаты на атаманство — казакъ Яковъ Пономаревъ и «полковой отставной стрѣлецъ» Алексѣй Дубровинъ. Однако, роль Пономарева мало выяснена сыскомъ, за то о Дубровинѣ собрано немало свѣдѣній, ясно показывающихъ, что это былъ одинъ изъ крупныхъ дѣятелей заговора и серьезный соперникъ Пѣшкова по видамъ на атаманство. Многіе заговорщики увѣряли, что «атаманомъ у нихъ быть хотѣлъ Алешка Дубровинъ», въ чемъ однако самъ Дубровинъ на допросѣ не признавался.

Но главное, въ чемъ обвинялся товарищами Дубровинъ, это поѣздка его въ Удинскій острогъ «для совѣщанія» съ тамошними заговорщиками-казаками о времени и обстоятельствахъ побѣга на Амурь. Дубровинъ сознался, что былъ въ Удинскѣ якобы по своимъ дѣламъ, но увѣрялъ, что никого тамъ подзывать къ побѣгу «не смѣлъ, потому что, будучи онъ тамъ, ни у какихъ людей охоты къ тому побѣгу не слышалъ...» Однако, другіе участники заговора рѣшительно говорятъ не только о большой склонности удинцевъ къ побѣгу, но и о существованіи прямыхъ переговоровъ о побѣгѣ между ними и нерчинцами, и именно черезъ посредство Дубровина. Нерчинцы особенно потому имѣли «большую надежду» на удинскихъ казаковъ, что тѣ «за прежнія свои бунтовства ¹⁾ опасаютца жестокаго наказанія..»

Недаромъ и воевода Николаевъ не повѣрилъ словамъ Дубровина и въ собственноручной помѣтѣ на допросѣ его пишетъ: «вора Алешку Дубровина про удинскихъ (казаковъ) допросить, чтобъ довѣдатца сущей правды: не подзывалъ ли онъ кого, будучи въ Удинску, къ побѣгу?...» Дубровина пытали («на пыткѣ дано ему 55 ударовъ да 4 стряски»), но онъ мужественно выдержалъ муку и болѣе «ни въ чемъ не винулся...»

Другіе участники заговора рассказали начало подробностей о замыслахъ удинскихъ казаковъ. Нерчинцы совѣтовали удинцамъ пробираться въ Нерчинскъ небольшими партіями и «тайно—въ наймѣхъ (наймпахъ) у торговыхъ людей». Но удинцы предпочитали дѣйствовать открыто и рѣшительно. Они собирались дождаться прохода богатаго каравана купчины Григорья Бокова съ товарищи, нагнать караванъ въ Читинскомъ острогѣ и ограбить его. Затѣмъ на ограбленныхъ купеческихъ судахъ плыть въ Нерчинскъ и, соединившись здѣсь съ нерчинскими заговорщиками, «сильно» взять государеву казну—пушки, ружья, порохъ

¹⁾ См. мое „Обозрѣвіе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа“, ч. I, ст. 187, 188, 195, 367.

и проч., ограбить воеводу Николаева, боярскихъ дѣтей и другихъ «пожиточныхъ» служилыхъ и промышленныхъ людей, не участвующихъ въ заговорѣ. Изъ Нерчинска предполагали тронуться на Амуръ по рѣкѣ Ш и л ѣ ѣ, разоряя дорогою русскія заимки, беря здѣсь хлѣбныя и другіе припасы, скоть и проч.

IV.

Кромѣ Удинска, нерчинскіе заговорщики сносились еще съ казаками Аргунскаго острога, приглашая ихъ примкнуть къ амурскому движенію. Нерчинцы совѣтовали аргунцамъ ограбить возвращающійся изъ Китая богатый караванъ торговыхъ людей Михаила Остафьева съ товарищи и на добытыя средства идти на соединеніе съ нерчинцами. Но переговоры съ аргунцами еще не были закончены, когда нерчинскій заговоръ сталъ извѣстенъ правительству.

У нерчинцевъ было рѣшено поднять знамя бунта весной, дождавшись удинскихъ казаковъ. Но если бы послѣдніе замедлили, или что-нибудь помѣшало имъ во-время тронуться въ путь, нерчинцы рѣшили и одни двинуться на Амуръ, безъ удинцевъ.

Въ Нерчинскѣ заговорщики собирались «на думу» въ избѣ казака Ивана Чмутина—одного изъ главныхъ дѣателей заговора. Всѣ главные заговорщики до указа государя были «перекованы и посажены въ тюрьму». Одинъ изъ нихъ Иванъ Нечаевской изъ-подъ караула бѣжалъ. Воевода послалъ въ погоню за нимъ казаковъ коннаго Михаила Гантимурова (изъ извѣстной фамиліи «статскихъ князцовъ») и пѣшаго Семена Тумана. Но имъ не удалось поймать бѣглеца, и куда онъ скрылся—осталось неизвѣстнымъ.

Всѣхъ заподозрѣнныхъ въ заговорѣ воевода допрашивалъ съ пытками, и многіе сначала запирались, но потомъ во всемъ сознавались болѣе или менѣе и выдавали своихъ товарищей. Одно только изъ заподозрѣнныхъ воеводою лицъ осталось пока не допрошеннымъ во время сыска и именно вслѣдствіе его высокаго положенія. Это былъ воеводскій товарищъ Николаева—нерчинскій «подъячій съ приписью» Лука Кочмаревъ... Его имя ни разу не встрѣчалось въ «сыскныхъ и пыточныхъ рѣчахъ» нерчинскихъ заговорщиковъ: никто изъ нихъ не только не указывалъ на воеводскаго товарища какъ на своего единомышленника, но даже вообще ни разу не упомянулъ имени Луки Кочмарева. Но у воеводы, очевидно, были какія-то свои подозрѣнія противъ Кочмарева, съ которымъ онъ несомнѣнно не ладилъ...

Въ дѣйствительности же, кромѣ боярскаго сына Никиты Мары, въ заговорѣ никто больше не участвовалъ изъ служилой аристократіи Нерчинска. По составу заговорщиковъ это было чисто народное движеніе, вызванное къ жизни вполнѣ естественными причинами, а не вздутое какъ либо искусственно, напримѣръ враждою Кочмарева къ Николаеву и т. п.

V.

Какіе же планы были у нерчинскихъ «амурщиковъ»?— Часть ихъ— незначительное и рядовое меньшинство— мечтало только о побѣгѣ на Амуръ и дальше не простирало своихъ плановъ. Здѣсь, на Амурѣ, они собирались устроиться на постоянное и самостоятельное житье. Нѣкоторые говорили, что они «хотѣли въ Албазинѣ городъ строить», т. е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стоялъ русскій городъ Албазинъ, уничтоженный по Нерчинскому договору 1689 г.

Но большинство амурщиковъ, и въ томъ числѣ Василій Пѣшковъ и всѣ главные «заводчики бунта», смотрѣли на Амуръ какъ на временную станцію и какъ на путь, который необходимо пройти, чтобы достигнуть моря и лежащихъ на немъ острововъ. Именно здѣсь, на одномъ «богатомъ островѣ» Восточнаго океана В. Пѣшковъ съ товарищи мечтали зажить самостоятельною жизнью свободной общины...

В. Пѣшковъ говорилъ на сыскѣ, что онъ собирался «приплывши до моря, сыскавъ островъ богатой, и на томъ островѣ людей побить и самъ тутъ съ своими прибранными людьми хотѣлъ жить».

Онъ говорилъ, что про «богатой островъ» на морѣ «слыхалъ у прежнихъ амурскихъ старыхъ казаковъ...» Среди заговорщиковъ нашлось даже одно лицо, побывавшее уже раньше на тѣхъ островахъ, куда стремились нерчинцы. Это былъ вышеупомянутый Ѳедотъ Лебединой: «въ прежніе годы онъ тамъ, на островахъ, бывалъ съ амурскими вольными казаками». Именно Ѳ. Лебединой «вожемъ у нихъ хотѣлъ быть до острова на морѣ...»

По всей вѣроятности, промышленному человѣку Ѳедоту Лебединому пришлось побывать «съ амурскими вольными казаками» именно на о. Сахалинѣ и на ближайшихъ Курильскихъ и Японскихъ островахъ. Такимъ образомъ, открытіе русскими о. Сахалина слѣдуетъ отнести еще къ 3-й четверти XVII вѣка.

Заговорщики понимали, что ихъ задачѣ— пробраться на морскіе острова—могутъ серьезно помѣшать китайцы, владѣвшіе съ 1689 г.

всѣмъ теченіемъ Амура. Но нерчинцевъ это препятствіе не останавливало, и они собирались обмануть китайцевъ именемъ «великаго государя». Нѣкоторые говорили на сыскѣ: «а мимо китайскихъ береговыхъ по Амуру городовъ хотѣли они проплыть къ морю обманомъ, такъ что назватца будто отъ великаго государя послы за море они посланы, и тому бы-де китайцы повѣря, ихъ пропустили безъ задержанія». Изъ этихъ словъ видно, что амурщики собирались только воспользоваться для своихъ цѣлей именемъ «великаго государя», но о дѣйствительной службѣ ему и не помышляли...

Пройдя китайскіе города на Амурѣ, они собирались, «приплывши на устьѣ Амура, у моря зимовать, и такожъ какъ и прежне (т. е. вольные амурскіе) казаки жить, и на иноземцовъ въ походы ходить, и разорять (ихъ). А какъ бы-де зима прошла и имъ бы на другое лѣто итти по морю на островъ, и островъ сыскавъ, и на томъ островѣ иноземцевъ побить и сами хотѣли тутъ жить...» Планъ истребленія «иноземцовъ» на островѣ еще разъ говоритъ, что амурщики готовили тотъ островъ для себя, а никакъ не для «великаго государя»: интересы послѣдняго требовали не полного истребленія инородцевъ, а напротивъ полного сохраненія ихъ для неукоснительнаго обложенія ихъ «ясакомъ» на пользу «государевой казны»... Амурщики же собирались «сами жить» на островѣ и надѣялись прожить безъ помощи ясака, а потому и не дорожили сохраненіемъ инородцевъ...

Но всѣмъ этимъ широкимъ планамъ нерчинскихъ амурщиковъ не суждено было сбыться, благодаря измѣнѣ товарищескому дѣлу торговаго человека Гордюшки Попова... Какой приговоръ вынесла Москва нерчинскимъ заговорщикамъ и какому наказанію были подвергнуты главные «заводчики»—изъ «сыска» воеводы И. С. Николаева не видно, а другіе документы по этому дѣлу мнѣ неизвѣстны, если только они существуютъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что общее амурское движеніе среди нерчинцевъ затихло послѣ воеводскаго розыска и погрома, и можетъ быть только отдѣльныя лица или маленькія партіи изъ бывшихъ «амурщиковъ» пробовали впослѣдствіи попытать счастья на Амурѣ и морскихъ островахъ и, конечно, только гибли тамъ безслѣдно и безрезультатно для себя и своихъ единомышленниковъ.

Н. Оглоблинъ.

По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 году.

I.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго губернаторамъ отъ 4 мая 1830 года.

До свѣдѣнія его императорскаго величества дошло, что съ нѣкотораго времени люди неблагонамѣренные или развратные начали, подобно прочимъ прежнимъ примѣрамъ, разсѣвать слухи о намѣреніи правительства дать крестьянамъ свободу.

Хотя ваше превосходительство въ высочайшемъ манифестѣ, 12 мая 1826 года изданномъ и 13 того же мѣсяца отъ Правительствующаго Сената распубликованномъ, имѣете уже полное руководство къ дѣйствіямъ вашимъ по предмету сему, — однако-жъ его величеству угодно было высочайше повелѣть мнѣ, поставить вамъ снова въ непремѣнную обязанность преслѣдовать строжайшимъ образомъ всѣхъ тѣхъ, кои подобныя ложныя слухи распространять будутъ, принимая вмѣстѣ и самыя дѣятельнѣйшія мѣры къ прекращенію и малѣйшихъ признаковъ неповиновенія крестьянъ помѣщикамъ ихъ. Его величество, пребывая въ непреложныхъ правилахъ о сохраненіи тѣхъ отношеній, въ коихъ крестьяне находятся къ помѣщикамъ ихъ, поставляетъ въ особенную обязанность вашего превосходительства опровергать всѣ толки, сему не сообразныя.

II.

Секретный циркуляръ управляющаю министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Федора Энгеля губернаторамъ по тому же предмету 22 декабря 1830 года.

Г. генераль-адъютантъ Бенкендорфъ сообщилъ мнѣ, что до свѣдѣнія государя императора неоднократно доходили нелѣпыя толки, распространяемые въ губерніяхъ неблагонамѣренными, или вѣроятно, глупыми людьми о переходѣ крестьянъ изъ владѣнія помѣщиковъ въ казну и тому подобныя; что таковыя толки тѣмъ болѣе требуютъ вниманія, что, распространяясь въ мѣстахъ, подверженныхъ холерѣ, они еще болѣе возмущаютъ легковѣрныхъ и тревожатъ малодушныхъ, и что его императорское величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ обратить особенное вниманіе на сіе обстоятельство и предписать циркулярно гг. предводителямъ дворянства, чтобы они старались благоумными и скромными мѣрами открывать источники таковыхъ толковъ, и по долгу своего званія сколь можно содѣйствовать къ прекращенію ихъ въ самомъ началѣ.

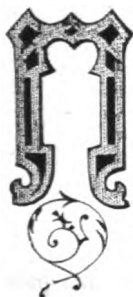
Сообщилъ Г. И. Студенкинъ.

Павелъ Александровичъ Гвоздевъ

и

ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

омѣшая три стихотворенія П. А. Гвоздева, редакція, къ сожалѣнію, имѣеть о немъ очень мало біографическихъ свѣдѣній. Извѣстно, что онъ воспитывался въ юнкерской школѣ, имѣлъ отличныя способности и былъ любимцемъ великаго князя Михаила Павловича за находчивость, смѣлость, остроуміе и умѣнье отпарировать его шутки. При каждомъ посѣщеніи школы, первыми словами великаго князя было: «позвать ко мнѣ маленькаго Гвоздева».

Еще будучи въ школѣ, онъ написалъ слѣдующій отвѣтъ М. Ю. Лермонтову на его стихи «На смерть Пушкина»:

Зачѣмъ порывъ свой благородный
Ты имъ излилъ, молодой поэтъ?
Взгляни какъ этотъ міръ холодный
Корю лдяною одѣтъ!
Напрасно звукъ души печальной
Какъ эхо порванной струны
Раздался въ пѣснѣ погребальной...
О нѣтъ! Поэтъ! твоей страны
Сердца покрыты зимней вьюгой,
Ихъ чувства холодны какъ ледъ,
Ихъ души мертвыя въ кольчугѣ,
Имъ недоступенъ твой полетъ!..
Напрасно лирою печальной
Ты имъ воспѣлъ удѣлъ Творца
Слезы не кануло прощальной
На гробъ убитаго лѣвца—

*

Пѣвца Кавказа, русской славы...
 Имъ пѣснь твоя, какъ судъ кровавый,
 Для нихъ она, какъ грозный мечъ;
 Не могъ ты въ ихъ душѣ прерѣнной
 Свободной истинной зажечь
 Огонь высокій и священный.

Не понялъ ихъ бездушный свѣтъ
 Порыва благородной мести:
 Ихъ души алчныя, поэтъ.
 Горять въ п, низкой лести;
 Твой стихъ свободаго пера
 Обидѣлъ гордое тщеславіе,
 И стая врань у ногъ Царя
 Какъ милость ждуть твое безславіе...
 Но ты гордись, молодой пѣвецъ,
 Предъ кознями ихъ адской злобы:
 Не расплести имъ твой вѣнецъ ..
 Пускай отвернутся хоть гробы,

Не ты ль сказалъ: «есть грозный судъ!»
 И этотъ судъ—есть судъ потомства,
 Сей судъ прочтеть ихъ приговоръ
 И на листѣ, какъ вѣроломство,
 Онъ впишетъ имя ихъ въ позоръ.

Спб. 22 февраля 1837 г.

Однажды, въ не классное время Павелъ Александровичъ читалъ развѣся книгу. На замѣчаніе воспитателя, онъ отвѣтилъ, что теперь не классное время и сидѣть свободно можно. Воспитатель сказалъ ему еще что-то, а Гвоздевъ ему велѣдъ въ полголоса: «подлецъ». Это слово было тотчасъ же доведено до свѣдѣнія директора, но П. А. отперся, и всѣ товарищи его поддержали. Когда же директоръ призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и сталъ его убѣждать признаться не какъ директору, а какъ отцу родному, и далъ честное слово сохранить его признаніе въ тайнѣ—Гвоздевъ чистосердечно признался. Начальникъ не исполнилъ даннаго слова и донесъ куда слѣдуетъ. Павла Александровича разжаловали въ солдаты и отправили на Кавказъ.

Къ этому времени относится слѣдующее его стихотвореніе:

Я жертвой палъ людей ничтожныхъ,
 Ихъ сердце грустно разгадалъ,
 Коварство чувствъ и ласкъ подложныхъ
 Въ душѣ ихъ горько прочиталъ!
 Не вѣрю въ ихъ руки пожатье,
 Не вѣрю и словамъ людей;

Въ ихъ ласкахъ ядъ, въ устахъ проклятыя
 Въ нихъ жало смертносныхъ змѣй...
 Кто врѣзалъ съ злобой самовластыя
 Бразды печали надъ челомъ?
 Кто наложилъ печать несчастья
 И радость затанулъ узломъ?
 Кто душу съ пылкими страстями
 Въ сосудъ холодный обратилъ,
 И живнѣ кровавыми слезами
 Съ улыбкой черствой отравилъ?..
 Вы, дѣти жалкаго разврата,
 Позоръ для имени Творца!
 Готовые за шелехъ злата
 Продать и брата, и отца!
 Вы, люди рабской клеветы
 Расторгли святость близкихъ узъ,
 Попрали счастье пятою,
 Мигъ живни обратили въ грузъ...
 Но не страшусь грозы несчастья;
 Нѣтъ! Участь алая не сразить;
 Въ душѣ осталась твердость власти,
 Пусть грянетъ громъ, и какъ гранить
 Перенесу ударъ я рока,
 И не поникну я главой
 Передъ губительной судьбой,
 И не унижусь до порока.
 Да, я возстану противъ зла
 Всѣхъ бѣдствій жизни лютой...
 Ужель безсмертная душа
 Падеть предъ смертною минутой?!..

Спб. 20-го марта 1837 г.

Черезъ годъ Гвоздевъ былъ произведенъ въ офицеры, вышелъ въ отставку и поступилъ на службу въ канцелярію къ брату Александру Александровичу Гвоздеву, который тогда служилъ у князя А. С. Меншикова по морскому вѣдомству и былъ его любимцемъ ¹⁾. Впрочемъ, Гвоздевъ—поэтъ былъ плохимъ чиновникомъ, но увлекался поэзіею и писалъ стихи, надъ чѣмъ часто подшучивалъ и князь Меншиковъ. Изъ такихъ стихотвореній въ редакцію доставлено только одно помѣщаемое ниже:

Изъ Байрона.

Есть въ живни нить: непостижимо
 Она свилась еще съ другою,—

¹⁾ Впослѣдствіи А. А. Гвоздевъ былъ директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

И мечъ судьбы неотразимой
Не разлучить ихъ межъ собой.

Есть призракъ: эти очи
Свой взоръ покоили на немъ;
Имъ въ сновидѣньяхъ темной ночи
Онъ отражался свѣтлымъ днемъ.

Есть голосъ: въ немъ какъ звуки рая
Дрожить аккордомъ пѣснь любви,
И херувимовъ пѣснь святая
Слаба предъ звуками любви.

Есть образъ: нѣжный его глянecъ
Въ ланитахъ скромностью горить;
Но юный пурпура румянецъ
Безъ словъ, но много говорить.

Есть и уста: я ихъ лобзанья
Въ свои уста переливалъ
И шепотъ робкаго признанья
Я съ поцѣлуями впивалъ.

Есть грудь: когда къ ней съ нѣгой страстной
Склонился судоржно главой,
Съ улыбкой взоръ, какъ день прекрасный—
Блестѣлъ алмазною слезой.

Есть сердце—сердцу услажденье;
Имъ вѣетъ радостью печаль,
И ихъ взаимное бѣнье
Не раздѣлитъ ни смерть, ни даль.

Есть двѣ души: но души эти,
Какъ два спаянныя звена,
И разлучатся въ этомъ свѣтѣ
Иль обѣ вдругъ, иль ни одна!..

П. А. Гвоздевъ скончался въ 1851 году отъ разлитія желчи.

Д. П. Руничъ и поэтъ Байронъ.

Письмо Д. П. Рунича къ издателямъ „Русскаго Инвалида“

23-го апрѣля 1820 г. С.-Петербургъ.

Учитая всегда съ сердечнымъ удовольствіемъ издаваемые вами милостивые государи листы, и по цѣли и содержанію истинно-полезные и любопытные, не могу удержаться чтобъ не наложить въ письмѣ семъ чувствъ, возбужденныхъ во мнѣ статью о англійскомъ стихотворцѣ лордѣ Байронѣ, переведенною изъ парижскаго журнала «*Conserveateur*», и помѣщенной въ 92 № почтеннаго и заслуженнаго «Русскаго Инвалида».

Признаюсь, мнѣ и грустно и досадно стало встрѣтить статью сію въ «Рускомъ Инвалидѣ»:—она въ немъ такъ не умѣстна, какъ белена между розами! Рускій добродушный, правдивый Инвалидъ, не французскій журналъ *Des Dames & des Modes*, не англійская *Morning-Chronicle*, и не нѣмецкая *Немезясь*. Вѣра и отечество, храбрость и великодушіе, вотъ предметы достойные рускаго воина! Что къ нимъ относится, то только ему и мило и любезно, ибо ему извѣстно по наслѣдству отъ прадедовъ и дѣдовъ, что благосостояніе его родины, на сихъ только, выдержавшихъ всѣ бушеванія житейскаго моря, твердыхъ и основано. Что ему нужды до ядовитыхъ, заразительныхъ мечтаній французскихъ, англійскихъ и германскихъ поетовъ, филологовъ и философовъ! Онъ знаетъ, что жизнь его, дѣятельность и всѣ способности, принадлежать Богу, государю и отечеству; держится сего стариннаго правила и во время мира—вкушаетъ плоды мира, въ семейственной и гражданской жизни, а во время брани—сражается и побѣждаетъ.

Листы ваши всегда отличались извѣстіями о вѣрѣ русскихъ, объ ихъ подвигахъ человѣколюбія, объ ихъ мужествѣ, преданности къ престолу и военныхъ и гражданскихъ доблестяхъ. Итакъ, могутъ ли съ толико назидательными для возрастающихъ сыновъ благословенной Россіи приѣздами и образцами стать наравнѣ критическія сужденія французскаго журналиста-философа объ англійскомъ безбожникѣ стихотворцѣ, имѣющемъ по мнѣнію самого французскаго критика: мрачную и свирѣпую душу и изуродованный самолюбіемъ разумъ, воспламененные и освѣщенные адскимъ огнемъ!

Сверхъ того позвольте, милостивые государи, спросить, какая можетъ заключаться польза для русскихъ и вообще для человѣчества въ томъ извѣдѣніи или увѣдомленіи, что въ Англии, или Америкѣ, или Австраліи есть чудовища, въ ожесточенномъ невѣрїи сплетающія нелѣпныя системы и поэмы, цѣлю коихъ есть то, чтобъ представить преступленіе страстію и необходимою потребностію великихъ душъ. Что тутъ великаго, изящнаго, полезнаго? Не философія ли это ада? Къ чему же служить повѣстка о такой новой философіи, въ такое время, когда бѣдное человѣчество и безъ того довольно уже отравлено подобными поэзіями и философіями. Что подумать, когда ядовитыя мечты распространителя вельзевуловой логики, хотя и признаются пагубными, со всеѣмъ тѣмъ уважаются какъ изящное произведеніе, а творецъ ихъ называется истиннымъ поэтомъ.

О чемъ кто не слышитъ, того и знать не желаетъ; любопытство прокладываетъ дорогу въ сердце самому ужаснѣйшему богоотступству и злодѣяніямъ. Изъ тысячи человѣкъ, влюбившихся по слуху въ Вольтера, конечно десять не читали бы его, когда-бъ труба не такъ громко трубила и газеты и журналы не такъ много говорили о семъ патриархѣ невѣрїя. Кого не увлекало любопытство?

«Инвалида» нашего читаютъ многія тысячи всякаго возраста и состоянія людей. Изъ статьи о Байронѣ всякій узнаетъ мнѣніе сего стихотворца, узнаетъ какими онъ одушевлялся понятіями. Увидить,—я это очень важно—что въ ученомъ свѣтѣ онъ почитается и славнымъ, и гениемъ и повтомъ, несмотря на то, что гений его уподобляется блеску зловреднаго метеора; что талантъ его обольщаетъ душу, не успокоивая и не убѣждая ее, и что въ твореніяхъ его находятся одни только блуждающіе огни, мерцающіе надъ глубокою пропастью!

Кто заразится бреднями Байрона, — такой погибъ на вѣки; подобныя впечатлѣнія, особенно въ юныхъ сердцахъ, съ трудомъ изглажи-

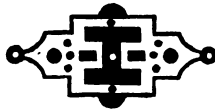
ваются. Поэзіи Байроновъ и приписываемое имъ достоинство геніевъ и истинныхъ поэтовъ родятъ Зондовъ и Лувелей! Горе человѣку тому, говоритъ Спаситель, имъ же соблазнъ приходитъ. Горе тому, кто соблазнитъ единого изъ сихъ меньшихъ. Кого публично похвалами превозносятся, тому и подражать хочется, кто слыветъ геніемъ,—на того и походить всякъ желаетъ.

Вы скажете можетъ быть на это, что хвалится только геній и поэзія Байрона, а философія его осуждается и представляется такою какою есть. Но что значитъ хвалить способности убійцы потому, что онъ съ особливимъ искусствомъ, проворствомъ и снаровкой людей рѣжетъ и убиваетъ;—тогда когда о убійствѣ и убійцѣ развѣ только съ содраганіемъ и отвращеніемъ говорить должно! Убійца, каковъ бы онъ ни былъ, есть извергъ. Итакъ, какую пользу для человѣчества, просвѣщенія и благосостоянія обществъ принесетъ извѣстіе о смертоубійцѣ, который, какъ сказано выше, съ особливимъ искусствомъ людей рѣжетъ и убиваетъ. Не то-ли же самое сказать слѣдуетъ о геніи Байрона? Стихотворческій духъ его показываетъ, говорятъ, истиннаго поэта—высокое достоинство, не спорно, но стихотворенія его исполнены смертоноснаго яда, такой философіи, которую изрыгаетъ одинъ только адъ. Итакъ, прославлять поэзію лорда Байрона есть то же что выхвалять и превозносить убійственное орудіе, изощренное на погибель человѣчества.

Простите меня, милостивые государи, что я такъ жарко вооружился противъ генія и поэзіи англійскаго лорда-стихотворца, у котораго вѣроятно довольство, праздность и желаніе чѣмъ нибудь прославиться вскружили голову, и который, талантъ, отъ Бога ему данный, обратилъ въ ножъ противу себѣ подобныхъ. Такое употребленіе таланта не заслуживаетъ чести, приписываемой генію, и достоинства имѣть не можетъ, особенно между христіанами. Всякій изъ нихъ, безъ сомнѣнія, пожалѣетъ о поэтѣ, воспламененномъ адскимъ огнемъ, и прибѣгнетъ, конечно, къ источнику любви и милосердія, отъ котораго единственно происходитъ свѣтъ, дабы онъ просвѣтилъ мракъ всякой обольщенной адомъ души безбожника или атеиста; но на произведенія такого духа смотрѣть будетъ съ ужасомъ и отвращеніемъ!

Я не могъ остаться равнодушнымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о вредѣ, который что либо соотечественникамъ моимъ причинять можетъ, какъ бы онъ отдаленнымъ ни казался. Думая впрочемъ, что ревность къ благу отечества должна одушевлять насъ во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ, какъ бы они маловажными ни казались, по сему и сообщаю вамъ мои замѣчанія. «Рускому Инвалиду» свойственно возвѣщать согражданамъ своимъ, храбрымъ воинамъ и мирнымъ гражданамъ торжество вѣры надъ невѣріемъ, великодушія надъ злобою, безкорыстія надъ

мълчностію, добродѣтели надъ порокомъ. Вотъ предметы, достойные вниманія русскихъ! Что имъ нужды до романической чувствительности и нѣжности французскихъ трубадуровъ, мрачной поэзіи англичанъ и человѣконенавистной философіи нѣмцевъ! Мы имѣемъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка. Будемъ держаться сего свѣта, не обращая и вниманія нашего на чадныя факелы лжеименнаго разума, какой бы онъ ни былъ, англійскій, французскій, греческій или санскритскій.

Императоръ Александръ I и графъ Армфельдъ.

(1811—1812 г.г.)¹⁾.

IX.

Событія 1813 и 1814 гг. Ненависть Армфельда къ Наполеону и опасенія за будущую судьбу Европы. Отношенія Армфельда къ императору Александру и заботы о будущей судьбѣ Польши.

ай вамъ Господь всего хорошаго для наступающаго года, а главное увѣренность въ томъ, что дикій звѣрь будетъ побѣжденъ!» Такъ поздравлялъ Армфельдъ письмомъ своего стараго друга Ерѣнстрема съ новымъ 1813-мъ годомъ. «Для насъ начался счастливо этотъ годъ, — писалъ онъ нѣсколько дней спустя, — ибо есть большая надежда на окончательное сверженіе Наполеона. Дай Богъ, чтобы въ продолженіе наступающаго года этотъ шарлатанъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе показывалъ себя въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, и дай Богъ, чтобы освобожденная Европа поняла наконецъ, до какой степени всѣ умы были помѣшаны и воображеніе всѣхъ отуманено!»

Горячее желаніе Армфельда исполнилось; раньше даже окончанія этого года, въ самый канунъ 1814 года Блюхеръ направился по Рейну и вступилъ во Францію; послѣдніе дни кровавой власти Наполеона приходили къ концу. Однимъ изъ искреннихъ желаній Армфельда было ознаменовать чѣмънибудь изгнаніе французовъ изъ Россіи. Поэтому, когда въ 1814 году онъ приказалъ построить для себя и своихъ склепъ въ церкви Халико, находящейся въ его Оминской вотчинѣ, то согласно

¹⁾ См. „Русскую Старину“ сентябрь 1896 года.

его желанію была сдѣлана надъ входомъ усыпальницы слѣдующая надпись: «Этотъ склепъ начатъ и оконченъ въ тотъ самый достопримѣчательный годъ, когда императоръ Александръ I, Богомъ избранный и благословенный, освободивъ Европу отъ безчестія и гнета, вернулъ ей законный порядокъ и тишину».

Между тѣмъ и для него настала, наконецъ, одновременно съ мало-по-малу водворяющимся спокойствіемъ на всемъ свѣтѣ, также миръ послѣ бурно проведенной жизни. Подъ гнетомъ тяжелыхъ физическихъ страданій, онъ сталъ давно понимать, что и его поприще приходитъ къ концу. Однако же наружное спокойствіе характеризовало послѣдній годъ жизни барона, по крайней мѣрѣ сравнительно съ предыдущими годами. Вдали отъ главнаго мѣстодѣйствія, гдѣ происходили крупныя событія того времени, ему представлялось менѣе случаевъ принимать въ нихъ личное участіе, какъ дѣлалъ онъ въ самомъ началѣ всемірной войны.

Разстояніе, которое отдавало Армфельда отъ Александра I способствовало тому, что роль ближайшаго совѣтника императора отчасти прекратилась, а долгое отсутствіе государя было причиной того, что управленіе дѣлами Финляндіи не имѣло болѣе прежняго реформаторскаго характера какъ до начала войны.

Въ февралѣ 1813 года Армфельдъ писалъ Ерѣнстрему: «Я одновременно хочу и не хочу ѣхать въ армію—время года, траты, здоровье, все говоритъ мнѣ не ѣхать, но зато мои принципы всегда берутъ верхъ надъ остальными соображеніями и остаются побѣдителями—когда требуется, чтобы я умеръ на своемъ посту». 1-го марта онъ былъ уже готовъ къ путешествію; однако его стало беспокоить его здоровье, онъ чувствовалъ, что постарѣлъ и ослабѣлъ. Къ тому же онъ сталъ сильно сомнѣваться, будутъ ли довольны его прїѣздомъ въ главную квартиру. «Я отложилъ свою поѣздку по многимъ причинамъ,—писалъ онъ въ апрѣлѣ,—и на этомъ основаніи рѣшился во избѣжаніе непріятностей спросить у государя, какого рода будутъ его приказанія. Въ главной квартирѣ всѣ такъ озлоблены на каждого, кто туда прїѣзжаетъ, что простое приглашеніе туда прїѣхать зрителемъ меня пугаетъ». Однако никакія приказанія не приходили изъ главной квартиры. Государь находилъ присутствіе Армфельда болѣе необходимымъ въ Петербургѣ, чѣмъ въ Вильнѣ.

По окончаніи похода, императоръ, встрѣтившись съ Армфельдомъ лично объяснилъ ему тѣ причины, которыя заставляли его не вызывать барона въ главную квартиру ¹⁾. Армфельдъ былъ принужденъ къ вели-

¹⁾ Армфельдъ пишетъ Ерѣнстрему 3-го августа 1814 г.: «Онъ удостоилъ дать мнѣ отчетъ, почему я не былъ вызванъ въ главную квартиру; причины,

кому своему сожалѣннѣю, покинуть мечты объ участіи въ предстоящемъ походѣ; хотя въ общемъ воспоминанія о главной квартирѣ въ Вильнѣ, Дриссѣ и Смоленскѣ въ 1812 году, не должны были заставить его сожалѣть о томъ, что онъ игралъ лишь тамъ роль пассивнаго зрителя. «Зачѣмъ мнѣ рыскать повсюду какъ вѣчный жидъ?—писалъ онъ дочери въ маѣ 1813 года, — когда все идетъ превосходно безъ моей помощи; я не хочу въ мои годы заискивать!» ¹⁾).

Такимъ образомъ ему пришлось остаться въ Петербургѣ. Лѣтніе мѣсяцы онъ проводилъ на дачѣ, купленной имъ въ Царскомъ Селѣ. Въ іюлѣ, октябрѣ и ноябрѣ онъ сдѣлалъ непродолжительное путешествіе по Финляндіи. Въ ноябрѣ ему было суждено въ послѣдній разъ видѣть свое дорогое Оминне ²⁾). Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Петербургъ онъ заболѣлъ той мучительной болѣзнью, которая послѣ девяти мѣсяцевъ завершила его существованіе. Въ теченіе 1813 года графиня Армфельдъ жила въ Швеціи, и прибыла въ Петербургъ тогда, когда у мужа ея показались первые припадки тяжелаго недуга. Послѣдній годъ жизни Армфельда не прошелъ бездѣятельно, даже физическія страданія не могли уменьшить въ немъ жажды къ работѣ или умѣрять жизненныя силы его необыкновеннаго ума ³⁾). Онъ работалъ постоянно, сидя у своего письменнаго стола, пользуясь тѣми минутами, когда болѣзнь не приковывала его къ постели. Дѣловыя бумаги, политическія статьи составлялись Армфельдомъ въ такомъ же количествѣ какъ прежде. Жена его съ безпокойствомъ смотрѣла на его неутомимую дѣятельность даже въ минуты самыхъ тяжелыхъ страданій. Частныя

заставившія его дѣйствовать такъ, не подлежатъ никакому обсужденію». Обстоятельство это послужило поводомъ къ слуху, будто Армфельдъ въ немилости у Александра I.

¹⁾ Ерѣнстрему онъ писалъ, 22-го апрѣля 1813 года. «Если бы намъ было суждено приблизиться къ Франціи, и если бы началась настоящая война—тогда я хотѣлъ бы принять въ ней участіе, т. е. быть на театрѣ войны; въ такомъ случаѣ я непремѣнно бы пригласилъ моего стараго товарища, въ Верелѣ, ѣхать со мной, и, быть можетъ, намъ еще удалось бы обоимъ сдѣлать что нибудь хорошее».

²⁾ Тогда стояли тяжелыя времена для Финляндіи. Армфельдъ выказалъ большую щедрость своему народу въ Оминне, понизивъ цѣны на хлѣбъ въ своемъ имѣніи и приказавъ вернуть крестьянамъ обратно тотъ излишекъ денегъ, который былъ заплаченъ ими раньше за муку.

³⁾ Въ письмѣ къ своей дочери Армфельдъ говоритъ о своей жаднѣ къ дѣятельности, которая съ ранняго дѣтства не покидала его. «Я никогда не могъ обойтись безъ этой дѣятельности, и въ головѣ моей постоянно рождались новыя мысли и новые проекты, надъ исполненіемъ которыхъ я съ жаромъ работалъ». И дѣйствительно оно было такъ: вся жизнь его свидѣтельствуетъ объ этомъ и вполне оправдываетъ его собственную о себѣ характеристику.

бумаги, оставшіяся послѣ его смерти и написанныя имъ во время его болѣзни, не лишены также нѣкотораго интереса. Онъ слѣдилъ съ одинаковымъ вниманіемъ какъ и прежде за политическими и военными событіями, которыя совершались послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи. Онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что «всемірный тиранъ» оканчиваетъ свое поприще, и дѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы скорѣй пришелъ этотъ желанный всѣми конецъ. Сначала Армфельдъ боялся, что Александръ I не воспользуется всѣми выгодами, которыя были на его сторонѣ, и въ концѣ 1812 года онъ писалъ Ерѣнстрему: «Да хранитъ Господь нашего императора и да поможетъ Онъ ему до конца исполнить свою задачу! Я не страшусь за то, что онъ заключитъ миръ съ Бонапартомъ, но я боюсь одного, что ежели въ виду совокупности счастливыхъ обстоятельствъ на долю его выпадетъ роль распорядителя судьбы Европы, то онъ, благодаря своей скромности и своей привычкѣ къ лишеніямъ, не совершитъ того высокаго полета, который слѣдовало бы въ этомъ случаѣ предпринять. Это моя единственная забота въ данную минуту, и единственное за что я опасася»¹⁾. Въ двухъ слѣдующихъ письмахъ къ тому же самому Ерѣнстрему Армфельдъ изложилъ еще въ концѣ 1812 года ту политическую программу, которой ему хотѣлось, чтобы слѣдовалъ императоръ; въ послѣдствіи онъ всячески старался и устно и письменно вселить въ государя свой образъ мыслей.

Эти письма имѣютъ нѣкоторый историческій интерес и приводятся здѣсь въ выпискахъ.

Армфельдъ писалъ 29-го ноября 1812 года: «Я хочу, во-первыхъ, чтобы Александръ I далъ полякамъ ихъ политическое существованіе (*existence politique*) и объявилъ бы себя и своихъ преемниковъ королями Польши. (Кутузовъ издалъ *ordre du jour*, какъ собственно должны держать себя въ Польшѣ, и этотъ самый *ordre du jour* великолѣпнѣе). Во-вторыхъ, я хотѣлъ бы, чтобы устроилось временное правленіе въ Германіи, для того чтобы дать форму этому государству и истребить всѣ воспоминанія о «*Confederation du Rhin*», создавъ вмѣсто этого «*Confederation d'Allemagne*» какъ болѣе самостоятельную естественную и менѣе опасную. Въ третьихъ, я желаю, чтобы Швеція была вознаграждена за Финляндію, и сдѣлалась бы морской силой, дабы въ будущемъ она не могла давать Россіи какихъ либо заботъ. Въ четвертыхъ я не желалъ бы, чтобы стали прямо вмѣшиваться въ дѣла Франціи, но помогли

¹⁾ Несмотря на это, Армфельдъ находилъ что «*les preliminaires*» во всѣхъ трактатахъ равнялись «*geure à mort*» для Наполеона и что это были вовсе не однѣ только фразы, такъ какъ въ сердцѣ и въ головѣ императора этотъ принципъ глубоко вкоренился. Въ этомъ случаѣ государь похожъ на всѣхъ кроткихъ людей, когда ихъ въ концѣ концовъ выводятъ изъ терпѣнія (Армфельдъ Ерѣнстрему 16-го декабря 1812 года).

бы Бурбонамъ деньгами, дабы они могли снова вступить на престолъ своихъ предковъ. Въ пятыхъ, желательно бы было водвореніе папы въ Италію и законнаго короля въ Неаполѣ, одинаково какъ восстановленіе мальтійскаго ордена; все это должно бы представить собой предварительныя операциі. Дальнѣйшее развитіе подобныхъ мыслей слѣдуетъ оставить до другаго раза; впрочемъ я говорилъ уже съ его королевскимъ высочествомъ объ этомъ, и по всей вѣроятности мы только одни съ нимъ придерживаемся этихъ воззрѣній».

14-го декабря 1812 года. «Я совершенно откровенно высказалъ мое мнѣніе насчетъ Наполеона и нахожу, что истребленіе того акта, который призналъ Наполеона и его родъ царскимъ, вопреки справедливости и закону,—совершенно необходимо. Въ душѣ своей Александръ I убѣжденъ, что я правъ, но къ несчастію изъ находящихся здѣсь, я одинъ придерживаюсь подобнаго мнѣнія. Наслѣдный принцъ шведскій также служить для этого помѣхой; онъ хочетъ истребить Наполеона, но не родъ его. Вѣнскій дворъ того же мнѣнія, не желая быть въ родствѣ съ эрцгерцогиней, любовницей корсиканскаго искателя приключеній. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, я не теряю надежды побѣдить. Забылъ отдать должную справедливость барону Штейну, который придерживается моихъ воззрѣній. Мы не далеки отъ той минуты, когда должно настать возрожденіе Польши; когда наша армія вступить въ Варшаву, тогда можетъ быть и коронація, и т. д. Нахожу, что однимъ штрихомъ пера невозможно рѣшить судьбу Германіи. Уничтожить Рейнскій союзъ, измѣнить распоряженія, сдѣланныя французами, все это возможно тотчасъ же сдѣлать, но съ такимъ огромнымъ количествомъ принциповъ дать странѣ форму и порядокъ,—это вещь невысказанная. Германія должна сама посредствомъ конфедераціи, покровительствуемой государемъ, получить право обсудить свое положеніе, утвердить его и окончательно рѣшиться на что нибудь. Эта идея вовсе не гигантскихъ размѣровъ, мой другъ; она основана на глубокомъ знаніи того современнаго духа, который царитъ въ этой странѣ, и тѣхъ немногихъ разумныхъ головъ, которыя разработали этотъ планъ въ теченіе современныхъ европейскихъ событій. Если же Германія не будетъ самостоятельной націей, то никогда нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что Франція не злоупотребитъ своимъ вліяніемъ на материкѣ. Пруссію и Данію слѣдовало бы вычеркнуть изъ числа европейскихъ государствъ; послѣднее обстоятельство было бы вполне справедливо, ибо Европа обязана этимъ двумъ государствамъ двумъ третямъ своихъ несчастій¹⁾. Я самъ однако придерживаюсь того мнѣнія, что намъ не

¹⁾ Еще въ другомъ письмѣ Армфельдъ говоритъ, что названныя государства, находящіяся въ союзѣ съ Наполеономъ, должны бы исчезнуть. „Если Наполеонъ падетъ, тогда политика всего міра получитъ должную форму“.

слѣдуетъ заниматься дѣлами Франціи; пускай она дѣлаетъ какъ ей заблагоразсудится, хотя кончится все несомнѣнно тѣмъ, что Бурбоны снова вступятъ на окровавленный престолъ, который тиранія и пороки еще болѣе запятнали».

23-го декабря 1812 года. «Мнѣ не удалось еще получить отъ государя необходимую декларацію, въ которой было бы заявлено о потерѣ Наполеономъ своего сана; однако я все-таки не покидаю этой надежды, хотя мало кто меня въ ней поддерживаетъ. Если можно было бы имѣть политическій трактатъ, служащій основаніемъ этому проекту, и если бы онъ былъ еще подкрѣпленъ обстоятельствами, могущими въ дипломатическомъ отношеніи склонить на его сторону, тогда это обстоятельство помогло бы навѣрное уничтожить извѣстнаго дипломата, такъ какъ мы вообще чрезвычайно систематичны. Скажите, хватило бы у васъ, мой другъ, духа на подобную диссертацію?»

Ерѣнстремъ, который относительно Наполеона и всего того, что касалось общаго разрушенія, произведеннаго деспотизмомъ тирана, былъ одного мнѣнія съ Армфельдомъ, — не заставлялъ повторять себѣ одного и того же два раза. Армфельду приходилось уже неоднократно прибѣгать къ перу Ерѣнстрема для разработки своихъ политическихъ и газетныхъ статей. Благодаря политическимъ статьямъ и частнымъ письмамъ къ Армфельду, государь былъ уже знакомъ со способностями Ерѣнстрема ¹⁾. Послѣдній, руководясь идеями Армфельда, составилъ политическую меморію, съ цѣлью представить ее императору. Армфельдъ получилъ эту работу въ январѣ 1813 года и, найдя ее «превосходной», показалъ ее даже сѣру Давернуа. Между прочимъ Армфельдъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Штейнъ, который, съ минуты отъѣзда государя изъ Петербурга, сдѣлался главнымъ политическимъ совѣтникомъ Александра I, согласится со всѣми пунктами этой статьи, кромѣ конечно возстановленія Польши.

Государь находился въ это время уже въ арміи. Въ апрѣлѣ 1813 года Армфельдъ послалъ ему статью—быть можетъ ту самую, которую составилъ Ерѣнстремъ, хотя всего вѣроятноѣе, что она прошла черезъ редакцію барона, такъ какъ въ ней проявляются съ большой живостью уже извѣстныя всѣмъ идеи Армфельда. Въ этой меморіи живыми красками описывается, какъ власть Наполеона нарушила счастье и спокойствіе всего человѣчества; какъ сильно Европа ненавидѣла современнаго Атиллу, власть котораго имѣла источникомъ французскую революцію; его нельзя было признать равнымъ съ другими коронованными лицами въ Европѣ, сравненіе было немислимо даже съ тѣми изъ владычельныхъ лицъ, которыя были принуждены пожертвовать своихъ

¹⁾ Смогри Ерѣнстремъ. Записки II, 652.

дочерей минотаврамъ, подобно современнымъ Ифигеніямъ. Слѣдовало объявить «la restauration complète du corps politique de l'Europe». Швеція же взаѣмнѣ потерянной Финляндіи и ради тѣхъ услугъ, которыя она оказала, дать Норвегію; Давію наградить какимъ нибудь владѣніемъ въ Германіи и одновременно вернуть ей отнятыя у нея англичанами колоніи и флотъ. По возвращеніи Бурбоновъ во Францію, можно было бы считать порядокъ возстановленнымъ и революцію завершенной; очень важнымъ обстоятельствомъ представлялось бы также дать на обсужденіе французамъ выборъ ихъ будущаго управленія, послѣ того какъ они покончатъ расправу съ бывшимъ своимъ тираномъ».

Побѣды Наполеона при Люценѣ и Бауценѣ въ 1813 году доказывали, что силы его не были еще надломлены, и что время «реставраціи» еще очень далеко. Въ началѣ іюля 1813 года былъ заключенъ миръ, и Австрія дѣлала видъ, что играетъ роль посредника. Все это сильно озабочивало Армфельда; онъ видѣлъ, что надежды его относительно судьбы Европы стали рушиться. «Мое настроеніе мрачное, мысли мои черныя, надеждъ на будущее никакихъ»—писалъ онъ въ іюлѣ 1813 года. Гнѣвъ его былъ обращенъ главнымъ образомъ на Австрію и на ея нерѣшительныя дѣйствія. «Макіавелли—нравственное и благородное существо въ сравненіи съ Метернихомъ.— говорил Армфельдъ,—и съ тѣми бандитами, которые орудуютъ имъ, а среди нихъ и Гентцъ». Больше всего Армфельдъ боялся хитрости Наполеона при переговорахъ.— «Дратся съ Бонапартомъ не опасно,— писалъ баронъ,—но вести съ нимъ переговоры—это смерть, онъ именно во время такихъ переговоровъ и перемирія развиваетъ свои адскія средства и употребляетъ при этомъ всю безнравственность, изъ которой онъ самъ и общая испорченность сдѣлали государственную силу. Я съ грустью смотрю на участь нашего добраго монарха, но благодарю Бога, что не пришлось мнѣ присутствовать при этомъ несчастіи, такъ какъ не въ моихъ силахъ было бы предупредить его—причемъ вѣроятно бы я сломалъ себѣ шею и повредилъ бы Финляндіи. Болѣе чѣмъ когда либо, я ищю для себя лично спокойствія; для меня оно необходимо. Заниматься общественными дѣлами я болѣе не намѣренъ, если на Петербургскомъ горизонтѣ покажется французскій посолъ».

Однако гордость Наполеона способствовала окончанію мирныхъ переговоровъ въ Прагѣ. Австрія открыто присоединилась къ коалиціи. Наслѣдный принцъ шведскій прибылъ еще въ началѣ лѣта въ Германію и принялъ команду сѣверной арміей. Въ августѣ 1813 года началась снова кровавая война, окончившаяся въ пользу союзниковъ, сраженіемъ при Лейпцигѣ 16—19-го октября. Трудно описать тѣ разнородныя мысли, которыя одна за другой не переставали волновать Армфельда, въ теченіе крупныхъ европейскихъ событій. Непреодолимая

горячая ненависть его къ корсиканцу увеличивалась съ каждымъ днемъ, распространяясь на все бонапартовское отродіе и на жену его, не симпатичную Марію-Луизу, и на сына его, мѣшавшаго восстановленію законной династіи ¹⁾. Политика Вѣнскаго кабинета также сильно злила Армфельда, въ особенности, когда она коснулась его благодѣтельница королевы Каролины. «Законная неаполитанская королева— писалъ онъ,—не имѣетъ права пріѣхать въ Вѣну, и на границѣ Австріи ей былъ указанъ путь въ Венгрію. Вниманіе къ поваренку Мюрату зашло слишкомъ далеко, когда такъ поступаютъ со своей belle mère и теткой, единственной дочерью Маріи, Терезіи, оставшейся въ живыхъ ²⁾».

Наконецъ униженный, поруганный народомъ, за-одно съ которымъ онъ купилъ свою военную славу, Наполеонъ былъ принужденъ въ апрѣлѣ 1814 года отправиться на Эльбу. Современники горько шутили надъ содержаніемъ, которое было назначено ему послѣ отреченія его отъ престола.

«Окончилось наконецъ трагическое зрѣлище, и какимъ страннымъ образомъ все случилось! — писалъ Армфельдъ своей дочери въ маѣ 1814 года; — узнаемъ здѣсь руку Провидѣнія. Тотъ, который игралъ когда-то такую роль, какъ низко упалъ онъ сразу! Какое удовлетвореніе моему самолюбію, что я ни разу въ жизни не находилъ въ этомъ человѣкѣ ни одного таланта и ни одного качества!»

Даже побѣда надъ человѣкомъ, который въ глазахъ Армфельда былъ тираномъ всего человѣчества, не уменьшила ни ненависть, ни горечь противъ него. Среди всѣхъ политическихъ событій въ Европѣ, для Армфельда паденіе Наполеона было несомнѣнно самымъ важнымъ изъ всѣхъ событій; однако, рядомъ съ этимъ, были еще два вопроса, близкіе его сердцу: во-первыхъ, судьба и будущность Польши, а во-вторыхъ, по-

¹⁾ Армфельдъ находилъ неестественнымъ, что у Наполеона родился сынъ «On dit que les monstres n'engendrent pas» — говорилъ онъ. Однажды въ виду того, что послѣ паденія Наполеона, обращено было слишкомъ много вниманія на его сына, Армфельдъ воскликнулъ съ досадой: „Нахожу, что для спокойствія всей Европы слѣдовало бы не жалѣть нѣсколькихъ порошковъ мышькы и дать этому мальчишкѣ».

²⁾ Въ письмѣ къ Ерѣнстрему, Армфельдъ шутитъ по поводу путешествія королевы Каролины, которая была изгнана изъ Сициліи слѣдующимъ образомъ: «Къ несообразностямъ этого вѣка можно причислить пріѣздъ доброй королевы изъ Неаполя въ Константинополь. Grand Seigneur привялъ ее очень любезно, и она продолжала свой путь черезъ Черное море, чтобы ѣхать въ Россію.... Я не удивлюсь, если увижу въ одинъ прекрасный день китайскаго императора въ Або; и если онъ тамъ сталъ бы искать Конфуція, т. е. человѣка съ талантами и умомъ послѣдняго, то не нашелъ бы подобнаго ему; однако, если бы онъ нуждался въ обыденныхъ конфуціяхъ, то три-четверти академіи могли бы предложить ему свои услуги».

кореніе Норвегіи для Швеціи, и положеніе, которое Карлъ-Іоаннъ приобрѣлъ во время всемірной войны.

1-го мая 1814 года Армфельдъ писалъ Ерѣнстрему: «Льшу себя надеждой, что 1-го іюня польская корона возложена будетъ на голову того, который болѣе всѣхъ достоинъ носить ее. Какое счастье для поляковъ и для остальныхъ народовъ, которымъ суждено имѣть конституціонное правленіе и одновременно быть подвластнымъ русскому государству!»

Армфельдъ рассказываетъ, что Александръ I, встрѣтивъ въ Парижѣ польскаго патриота Костюшку и услышавъ отъ него, что онъ не желаетъ возвратиться въ свое отечество, «пока оно вновь не сдѣлается Польшей», отвѣтилъ будто бы ему слѣдующее: «въ такомъ случаѣ вы можете возвратиться на вашу родину теперь». Поляки приняли съ неописаннымъ восторгомъ это извѣстіе и съ чувствомъ любви смотрѣли на Александра I.

Армфельдъ сознавалъ однако-же, что Польшей и Финляндіей нельзя было бы управлять одинаковымъ образомъ, и потому боялся организаціи будущаго королевства на финляндскій образецъ ¹⁾.

«Мѣстное управленіе въ Варшавѣ, по примѣру Финляндіи, было бы величайшей безсмыслицей»,—говорилъ Армфельдъ. Будущность Польши была вопросомъ, который главнымъ образомъ обсуждался въ послѣдніе дни жизни Армфельда, между нимъ и только-что возвратившимся императоромъ. Несмотря, однако, на то, что вопросъ былъ въ ту пору отложенъ, Армфельдъ продолжалъ надѣяться на хорошіе результаты. «Судьба Польши рѣшится только тогда, когда государь прибудетъ въ Вѣну въ сентябрѣ мѣсяцѣ,—писалъ баронъ 3-го августа 1814 г.—Мнѣ кажется, что монархъ рѣшилъ въ душѣ своей, хотя какъ-то неявно и неопредѣленно выражается, но разъ планъ у него въ головѣ, можно поручиться за его осуществленіе. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать болѣе твердой воли и рѣшимости, когда вопросъ касается важныхъ дѣлъ». Вѣнскій конгрессъ, состоявшійся въ апрѣлѣ 1815 года, какъ извѣстно, рѣшилъ судьбу Польши. Она стала королевствомъ, и Александръ I далъ ей въ тотъ же годъ собственный для нея уставъ, и короновалъ себя королемъ Польши. Армфельду не суждено было дожить до этого событія, подготовленія къ которому такъ сильно поглощали его мысли.

¹⁾ 10-го августа 1814 г. онъ писалъ Ерѣнстрему. «Что меня болѣе всего огорчаетъ, это организація Польши по столь плохому административному образу. Такъ какъ мнѣ поручено сообщить Огинскому всѣ необходимыя свѣдѣнія (что, конечно, между нами), то я постараюсь дать ему понять всѣ недостатки организаціи, какъ мѣстнаго управленія Финляндіи, такъ и нашего комитета».

X.

Послѣдніе дни жизни Армфельда. — Отношенія его къ императору Александру. — Дѣятельность по дѣламъ Финляндіи. — Кончина.

Несмотря на всѣ ужасы войны, продолжавшіеся еще въ Германіи и во Франціи, дѣла Финляндіи шли своимъ порядкомъ, хотя подчасъ и не такъ мирно, но безъ крупныхъ или замѣтныхъ измѣненій. О Финляндіи и главныхъ правителяхъ ея, Армфельдъ судилъ одинаково въ послѣдній годъ своей жизни, какъ онъ дѣлалъ это и раньше. Болѣзнь и подчасъ вынужденная бездѣятельность не способствовали тому, чтобы онъ сталъ снисходительнѣе смотрѣть на государственный совѣтъ въ Або, или на тѣхъ, которые противились перенесенію столицы Финляндіи изъ Або въ Гельсингфорсъ ¹⁾. Несогласіе, царствовавшее между финскими патріотами, сильно озабочивало Армфельда, и въ письмѣ его, написанномъ во время послѣдняго пребыванія его въ Финляндіи, онъ выражаетъ слѣдующую замѣчательную мысль, примѣнимую ко всѣмъ временамъ равно, какъ я къ нашему. «Мелкія государства, — говоритъ онъ, — достигаютъ прочности и самостоятельности лишь съ помощью единства, въ томъ случаѣ конечно, если они не страдаютъ отъ революціоннаго духа, въ такомъ видѣ они разрываютъ другъ друга на части, и достаточно бываетъ дуновенія самаго слабого вѣтерка, чтобы отнять у нихъ всякое подобіе на государство. Но, — прибавляетъ онъ, — какимъ образомъ заставить бѣшеныхъ собакъ кусаться съ разборомъ?»

Армафельдъ могъ съ гордостью сказать: «Если каждый финляндецъ ²⁾

¹⁾ Армфельдъ писалъ Ерѣнстрему, 18-го сентября 1813 г. „Каверзы въ Або продолжаютъ. Я знаю, что многіе, между прочимъ и Труиль, работаютъ усиленно надъ ними, и что Аминовъ защитникъ этой идеи, но пока генералъ-губернаторъ стоитъ твердо на своемъ мѣстѣ, они ничего не могутъ сдѣлать“.

²⁾ Онъ объявилъ весной 1813 г., что въ Петербургѣ образовался „comité secret“ состоящій изъ проживающихъ въ столицѣ финляндцевъ, которые будто бы собирались просить государя объ измѣненіи финляндскаго управленія и сблизиться съ „la mère patrie“, а главнымъ образомъ удалить тѣхъ лицъ, которые въ данную минуту имѣютъ вліяніе въ Финляндіи. «Ладау, Сиренгпортенъ и Егерторнъ состоятъ членами этого комитета, и есть еще одинъ, котораго мнѣ, впрочемъ, противно назвать, но который все-таки написалъ государю, жалуясь на то, что все идетъ скверно; онъ далъ переводчику перевести свое письмо, а этотъ послѣдній не изъ молчаливыхъ. Господи, какъ это все противно и мерзко, и какое это даетъ страшное понятіе нашему монарху о нашей національности! Но въ общемъ, всѣ эти обстоятельства не представляютъ большой опасности, такъ какъ они сами сдѣлаются жертвами своей низкой интриги и имъ же самимъ станетъ стыдно“ Оказалось, впоследствии, что названный тайный комитетъ не имѣлъ никакого вліянія, и повидимому, Армфельдъ преувеличивалъ его значеніе. Въ слѣдующихъ письмахъ Армфельдъ говоритъ, что „le comité secret“ остался съ носомъ (Ерѣнстрему).

сдѣлалъ бы столько для своего отечества, сколько я сдѣлалъ для моего, то онъ могъ бы сказать, что онъ сдѣлалъ много; можетъ быть они встрѣчали болѣе препятствій для совершенія добра, чѣмъ приходилось встрѣчать мнѣ на этомъ свѣтѣ».

Въ минуты скорби и печали—а моменты эти повторялись все чаще и чаще, чѣмъ ближе подходилъ его жизненный конецъ,—Армфельдъ говорилъ въ другомъ тонѣ. Въ февралѣ 1814 года, онъ писалъ: «Что касается до моего доброжелательства и неустаннаго труда, то, надѣюсь, никто не отниметъ у меня этихъ заслугъ, но несмотря на это, что удалось мнѣ до сей минуты совершить? и что могу я сдѣлать въ будущемъ? Все становится препятствіемъ для постояннаго и прочнаго счастья Финляндіи... Какимъ способомъ побѣдять ненависть и зависть русскихъ и излечить моихъ соотечественниковъ отъ ихъ неловкости и ихъ сонливости?»¹⁾ Какъ было сказано раньше, политическіе вопросы и законо-проекты были отложены въ сторону; однако Армфельдъ ожидалъ многого отъ возвращенія императора въ столицу. Онъ счастливъ былъ тѣмъ, что государь, вернувшись въ Петербургъ, относился милостиво и благосклонно какъ и прежде къ Финляндіи. Одновременно съ текущими вопросами, Армфельдъ обращалъ большое вниманіе на вопросы, касающіеся улучшенія матеріальнаго положенія Финляндіи. Нѣсколько писемъ, сохранившихся среди его бумагъ и адресованныхъ къ секретарю хозяйственнаго департамента Бёскеру, показываютъ до какой степени Армфельдъ интересовался подобными вопросами. Затѣмъ, переписка съ лучшимъ его другомъ губернаторомъ Шернвалемъ также свидѣтельствуетъ о томъ, что баронъ съ интересомъ вращался въ этой области. Въ этихъ письмахъ встрѣчается изложеніе проекта о соединеніи Саймы съ Финскимъ заливомъ посредствомъ канала; осуществленіе подобнаго проекта способствовало бы несомнѣнно улучшенію быта Выборгской губерніи, которая прежде была «первой» и самой промышленной губерніей во всей Финляндіи. Проектъ этотъ осуществился позже, хотя о немъ еще въ 1800 годахъ проектировалъ Делагарди²⁾. Армфельду хотѣлось также улучшить бытъ пустынныхъ мѣстностей на сѣверѣ Финляндіи. «Я убѣжденъ въ томъ,—говорилъ онъ,—что не существуетъ мѣста на земномъ шарѣ, ни даже пустоши, гдѣ бы человѣкъ, если бы онъ пожелалъ трудиться, не нашелъ бы средствъ, данныхъ ему Богомъ, для того чтобы извлечь пользу для своей страны³⁾. Баронъ хотѣлъ, чтобы въ сѣ-

1) Шернвалю 20-го декабря 1812 г.

2) Смори Кнорингъ. „Старая Финляндія“ стр. 18.

3) 18-го мая 1815 г. онъ продолжаетъ: „Въ Норвежской Лапландіи, ваприхтъръ, есть растеніе вродѣ мха, которое вывозится въ Англію и служитъ составомъ для краски. Вѣроятно и между нашимъ мхомъ найдется полезный и съ одинаковыми качествами, но кому до этого дѣло?“

верной Финляндіи занялись бы льнянымъ, коноплянымъ промысломъ и прядильными фабриками, «можно добиться хорошихъ результатовъ въ сѣверной Финляндіи, — говорилъ онъ, — а въ южной Финляндіи заняться скотоводствомъ. Все это вмѣстѣ взятое могло бы пополнить тѣ пробѣлы, которые существуютъ у насъ въ другихъ отрасляхъ. Обсудите этотъ вопросъ и посмотрите, не найдется ли какой-нибудь способъ, чтобы разбудить нашъ вѣчно спящій хозяйственный комитетъ!»

Въ качествѣ канцлера университета въ Або, Армфельду были поручены одновременно заботы объ умственномъ просвѣщеніи Финляндіи. Онъ нѣхота принялъ на себя эту обязанность, несмотря на единогласный выборъ всего университета. Судя по его письмамъ, онъ не нашелъ удовольствія въ своихъ стремленіяхъ въ этой средѣ, находя, что самоуправство царствовало между ученой братіей. Бывали минуты, когда Армфельду хотѣлось, какъ онъ самъ выражался, «дѣйствовать противъ того, чтобы хорошо вознагражденные лѣнивцы развивали негодныхъ гражданъ». Подканцлеръ университета епископъ Тенгстрѣмъ не пользовался довѣріемъ Армфельда; онъ находилъ, между прочимъ, что помѣщеніе государственнаго совѣта въ одномъ и томъ же зданіи съ университетомъ вредило послѣдному ¹⁾. Устройство экономической части университета встрѣтило, благодаря щедрости Александра I, гораздо менѣе препятствій, нежели въ борьбѣ со шведскою бѣдностью. Въ это время распределены занятія консисторіи, сооружены новыя постройки, сдѣланы коллекціи въ помощь естественнымъ наукамъ и увеличены ботаническіе сады. По инициативѣ Армфельда былъ предложенъ проектъ изданія университетомъ періодическаго журнала на латинскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Acta Academica Aboensis». Кромѣ этого предлагалось еще издавать журналъ на шведскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Чтеніе для Финляндіи». По поводу этого, въ рукописяхъ, изъ коихъ мы почерпнули свѣдѣнія, касающіяся Абооскаго университета во времена Армфельда ²⁾, говорится слѣдующее: «ожидается лишь разрѣшеніе императора Александра I». Однако изъ этихъ плановъ ни одинъ не осуществился. Не суждено было также финляндскому университету усовершенствоваться, какъ хотѣлъ Армфельдъ. Вопросы эти встрѣтили массу препятствій, и о нихъ, послѣ смерти барона, перестали даже говорить. Впослѣдствіи

¹⁾ Ерѣнстрему 25-го іюля 1812 г. 15-го мая 1813 г.

²⁾ Это собственноручная статья (не подписанная) секретаря фонъ-Гармана, находящаяся среди бумагъ Армфельда; въ ней излагаются разные проекты, относящіеся къ улучшенію университета, какъ на примѣръ, расширеніе практическаго курса юридическихъ наукъ, организованіе клиники и родильнаго дома при университетѣ, устройство стипендій для научныхъ путешествій молодыхъ студентовъ и пр.

былъ изданъ журналъ подъ заглавіемъ: «Чтеніе для финновъ», но журналъ этотъ былъ издаваемъ частнымъ лицомъ ¹⁾.

Среди заботъ и занятій самаго разнообразнаго характера, поглощавшихъ живой умъ Армфельда, замѣтно приближался конецъ его бурной и богатой событіями жизни. Грустныя мысли, тяжелыя картины и откровенныя признанія все чаще и чаще всплывали наружу: «Моя веселость исчезаетъ—пишетъ Армфельдъ весной 1813 года—и мысль быть въ тягость себѣ и другимъ крайне унизительна». Все сильнѣе и сильнѣе проглядываетъ у него желаніе покинуть общественную жизнь. «Съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что нельзя строить и полагаться на человѣческіе расчеты; нѣтъ ничего вѣрнаго на свѣтѣ, кромѣ смерти и превращенія въ прахъ, а это случается раньше даже, чѣмъ чловѣкъ умираетъ». Когда Армфельда въ ноябрѣ 1813 г. постигъ первый припадокъ той болѣзни, которая въ продолженіе 9-ти мѣсяцевъ мучила его и, наконецъ, уложила въ гробъ, онъ писалъ своей дочери: «Иду быстро къ концу, и слава Богу! Отчего Господь не пожелалъ, чтобы я раньше покончилъ свое земное поприще! Развѣ я еще не выпилъ всю чашу до дна?» ²⁾ Жена Армфельда пріѣхала въ Петербургъ тотчасъ послѣ первыхъ припадковъ его болѣзни и съ большимъ усердіемъ ухаживала за больнымъ. Она нашла своего мужа сильно измѣнившимся, постарѣвшимъ и раздражительно нервнымъ. Въ концѣ іюня доктора нашли положеніе барона безнадежнымъ ³⁾ и перевезли его на дачу въ Царское Село, гдѣ сначала перемѣна воздуха какъ будто благотворно повліяла на него. «Твоя мать сильно надѣется на мое выздоровленіе,—писалъ онъ дочери,—но опытъ запрещаетъ мнѣ смотрѣть на что-либо въ розовомъ цвѣтѣ. Къ тому же Провидѣніе, рѣшающее нашу судьбу, постановило надо мной свой приговоръ. Да будетъ же Его святая воля!.. Дорогая моя, наши планы рухнули, вѣроятно свиданіе на этомъ свѣтѣ уже не

¹⁾ Извѣстнымъ Готландомъ (1864). Въ его журналѣ упомянуто о всѣхъ проектахъ, касающихся университета во времена Армфельда.

²⁾ Долго нельзя было поставить діагноза болѣзни Армфельда: онъ страдалъ постояннымъ кровоточеніемъ и получилъ, наконецъ, водяную. Однако, онъ рѣдко лежалъ въ постели и, несмотря на большія страданія, выѣзжалъ изъ дому подышать воздухомъ, когда опухоль ногъ и всего тѣла позволяла ему дѣлать эти прогулки.

³⁾ Ребиндеръ Ерѣнстрему, 20-го іюня 1814 г. (библіотека въ Упсалѣ). Письмо это не лишено интереса. Ребиндеръ пишетъ: «Смерть его, быть можетъ, будетъ несчастіемъ для Финляндіи, особенно, если она случится до возвращенія императора въ столицу. Какое обширное поле откроется тогда для нашихъ мелкихъ интригановъ, готовыхъ всегда схватиться за первый попавшійся случай, чтобы показать себя и служить своимъ мелкимъ интересамъ въ ущербъ крупной, общественной пользѣ».

будетъ намъ дано!» Армфельдъ не видался со своей дочерью со дня переселенія своего изъ Швеціи въ 1811 году; къ ней онъ до послѣдней минуты своей жизни сохранялъ какое-то обожаніе; ей онъ повѣрялъ всѣ вопросы религіознаго характера. Въ этой жизни, полной самыхъ разнообразныхъ событій, въ сердце Армфельда не могли глубоко вкорениться религіозныя идеи. Однако, отъ своей набожной матери онъ научился христіанскому ученію, которое не покидало его во все время его жизни. Взглядъ его на жизнь, никогда не лишенный идеализма, способствовалъ тому, что онъ никогда не могъ быть воспримчивъ къ анализу и вообще ко всему матеріальному, какъ многіе изъ его современниковъ и какъ, впрочемъ, все то столѣтіе, въ которомъ онъ жилъ. «Я не святой, не ханжа, не лицемеръ, — писалъ онъ, но среди массы моихъ недостатковъ, страстей и неудачъ, я все-таки сознаю, что единственная наша надежда и единственное утѣшеніе—это Богъ, и все, что не касается Его святаго ученія и правды, все—только ложь и пустота».

Какъ ребенокъ радовался Армфельдъ яркому солнцу и свѣжей зелени, окружавшей его дачу, и спокойной почти деревенской жизни, которую онъ велъ послѣднія недѣли своей жизни. Въ эти послѣдніе дни, Армфельду было суждено еще разъ испытать великую радость,—возвращенія императора Александра I въ столицу и то участіе и милость, которую государь оказывалъ своему умирающему другу. Мысль о томъ, чтобы приготовить Александру I достойную встрѣчу и показать ему признаки благодарности Финляндіи, занимала Армфельда еще задолго до возвращенія императора въ Петербургъ. Сначала былъ возбужденъ вопросъ о томъ, отпавить-ли изъ Финляндіи депутацію въ Петербургъ для поздравленія и увѣренія въ признательности государю; говорили будто-бы генералъ-губернаторъ Штейнгель имѣлъ намѣреніе предложить генерала Спренгпортена въ главные депутаты ¹⁾.

Къ великой радости Армфельда, этотъ проектъ остался безъ послѣдствія въ виду императорскаго указа, отклонявшаго всякія встрѣчи. Въмѣсто того, Армфельдъ предложилъ построить въ Або православную церковь на средства Финляндіи и тѣмъ доказать доброму монарху

¹⁾ Этотъ проектъ сильно возмутилъ Армфельда: „Какъ можно—писалъ онъ—благодаря своей безтактности и легкомыслію желать осрамить цѣлую націю! Что до меня касается, то я сильно обиженъ и не намѣренъ скрыть этого отъ графа Штейнгеля“. (Ерѣнстрему 23-го іюля).

Говорилось также, что депутація эта хотѣла воспользоваться случаемъ, и просить у государя разрѣшенія не переносить столицу изъ Або въ Гельсингфорсъ. Епископъ Тенгстрѣмъ, собирався представить по этому поводу императору меморію. Эти планы сердили Армфельда, несмотря на то, что онъ былъ убѣжденъ въ ихъ неосуществимости.

свою благодарность ¹⁾). Ревностно предался Армфельдъ этой идѣе, сущность которой не была совсѣмъ обдуманна и по всей вѣроятности не нашла бы сочувствія въ Финляндіи. Впослѣдствіи онъ долженъ былъ самъ покинуть эту мысль.

Въ концѣ іюля 1814 года, послѣ полутора годового отсутствія, императоръ возвратился наконецъ въ столицу. Не будучи въ состояніи лично явиться къ государю, Армфельдъ привѣтствовалъ его письмомъ. Онъ горько жаловался на свою болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть монарха.

«Если ваше императорское величество удостоите вспомнить то чувство уваженія и безграничной преданности, которыя я питаю къ вашему императорскому величеству, и увлеченіе, съ которымъ я предсказывалъ безсмертную славу, которой Провидѣніе украситъ Васъ,—писалъ Армфельдъ,—тогда Вы поймете мои страданія, и какъ тяжело мнѣ нести мое бремя». Въ этомъ письмѣ онъ просилъ у государя позволенія лично представить ему отчетъ, касающійся финляндскихъ дѣлъ и управленія этой страны ²⁾). Онъ увѣрялъ государя, что лучшая и болѣе большая часть финляндскаго народа была болѣе предана русскому монарху, нежели кому-нибудь изъ шведскихъ королей. Затѣмъ, онъ писалъ: «Опасность, которой подвергались ваше император-

¹⁾ Слѣдующее письмо къ Шернвалю рисуетъ мысли Армфельда. «Долго обдумывая этотъ вопросъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что вамъ, финнамъ, слѣдовало бы хоть чѣмъ и будь ознаменовать на вѣки столь славную эпоху, выказывая одновременно благодарность нашему доброму монарху. О медаляхъ, памятникахъ, празднествахъ и т. д., онъ и слышать не хочетъ, и теперь, болѣе чѣмъ когда-либо. Александръ I приписываетъ благополучный исходъ войны исключительно одному Богу, и принимаетъ лишь тогда приношенія и изъявленія радости, когда послѣднія носятъ религіозный характеръ. Поэтому, мнѣ кажется, что намъ слѣдуетъ предложить постройку православнаго храма въ Або, который будетъ напоминать не только о великихъ событіяхъ, но и о великомъ подвигѣ императора, одержанномъ съ помощію Божіей. На камнѣ у этой церкви слѣдуетъ сдѣлать надпись, которая могла бы передать потомству всю правду безъ прикрасъ. Я думаю, что проеять этотъ встрѣтитъ несомнѣнно сочувствіе государя, ибо, когда вдовствующая императрица узнала о немъ, то сказала: «Идея прекрасная, узнаю въ ней Армфельда». Постарайтесь, мой другъ, растолковать это нашимъ соотечественникамъ! Если вамъ это удастся, то является еще одно препятствіе, а именно, средства для постройки этого памятника. Крестьянъ слѣдуетъ избавить отъ сбора на такое предпріятіе, ибо, кромѣ расхода, ихъ будетъ возмущать обстоятельство, что они жертвуютъ на чужую религію. Слѣдовательно, сборъ долженъ распространяться на дворянъ, духовенство (!) и мѣщанъ; всѣхъ слѣдуетъ таксировать по ихъ состоянію, положенію и мѣрѣ патриотизма».

²⁾ Такой отчетъ былъ у него уже готовъ и онъ назвалъ его «своимъ политическимъ духовнымъ завѣщаніемъ».

ское величество во время войны, вызвала столько же слезъ, сколько горячихъ молитвъ и искреннихъ пожеланій». Письмо свое онъ кончаетъ намекомъ на сильное его желаніе покинуть административную дѣятельность. «Отъ милости и правосудія» онъ ждалъ позволенія удалиться, и считалъ, что жизнь его зависитъ отъ царскаго слова. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ столицу, императоръ приказалъ узнать о здоровьѣ Армфельда. Генералъ-адъютантъ Чернышевъ былъ посланъ за точными свѣдѣніями къ барону. Когда государь дня два спустя принималъ супругу Армфельда за царскимъ столомъ, онъ сказалъ ей, что при первомъ случаѣ навѣстить ея больного мужа. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени императоръ поѣхалъ къ Армфельду и часто потомъ повторялъ свои посѣщенія. Въ первый разъ, когда Александръ I удостоилъ его своимъ визитомъ, онъ до мельчайшихъ подробностей рассказывалъ ему весь ходъ войны и переговоровъ, и объяснилъ Армфельду причину, почему не вызывалъ его впоследствии въ армию; далѣе государь говорилъ о дѣлахъ Финляндіи, прося барона повременить со своей отставкой, и назначилъ время для обсужденія финляндскихъ дѣлъ. Наконецъ императоръ объявилъ Армфельду, что намѣренъ пріѣзжать раза два въ недѣлю въ Царское Село на дачу барона и совместно съ нимъ заниматься дѣлами, касающимися Финляндіи. Послѣ перваго раза совместной ихъ работы, Армфельдъ писалъ своимъ близкимъ и находилъ, что часы, проведенные съ государемъ, были самыми счастливыми моментами въ его угасающей жизни. «Третьяго дня—писалъ онъ—его императорское величество началъ работу со мной и съ Ребиндеромъ, и вообразите себѣ, она происходила здѣсь, у меня на дому, и въ моей собственной гостиной; это не только милостиво и благосклонно съ его стороны, но въ одно и то же время чрезвычайно удобно для меня. «Масса уголовныхъ дѣлъ рѣшены, ибо съ нихъ мы и начали. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что нашъ обожаемый монархъ хочетъ сдѣлать все возможное для блага нашего отечества. Если не ошибаюсь, онъ желаетъ, чтобы мы и въ будущемъ сохранили наши преимущества. Впрочемъ, все это выяснится тогда, когда государь вернется съ конгресса». Еще 17-го августа, т. е. за два дня до смерти Армфельда, государь провелъ у него цѣлыхъ два часа.

19-го августа, въ тотъ самый день, когда Густавъ III, 42 года тому назадъ, былъ покрытъ славой ¹⁾, скончался его вѣрный другъ. Смерть его, хотя всѣми ожидаемая, пришла тѣмъ не менѣе неожиданно. Еще въ самый день своей кончины, онъ могъ безъ посторонней помощи дви-

¹⁾ Въ этотъ достопамятный день Густавъ III совершилъ переворотъ въ государственномъ управленіи.

гаться и сидѣть на своемъ балконѣ. Но въ сумерки, совершенно негаданно, подкрался нежеланный гость, и смерть подкосила замѣчательнаго государственнаго дѣятеля. Графиня, которая въ эту минуту, по просьбѣ своего мужа, писала Ерѣнстрему, вбѣжала въ комнату мужа, гдѣ послѣ тяжелой агоніи, продолжавшейся всего десять минутъ, онъ испустилъ послѣдній вздохъ. Онъ умеръ 57 лѣтъ, 4-хъ мѣсяцевъ и 19-ти дней.

Выносъ тѣла барона въ церковь и погребеніе его было обставлено большими почестями. Императоръ приказалъ своему генераль-адъютанту и статсъ-секретарю Финляндіи позаботиться о приготовленіяхъ къ погребенію, дабы достойно почтить память покойнаго его друга. 23-го августа 1814 года, въ финской церкви, находящейся въ Петербургѣ, собрались для отпѣванія тѣла Армфельда всѣ его родственники, находящіеся въ столицѣ соотечественники, а также русскіе сановники, и представители иностранныхъ державъ. Вся церковь была обставлена необыкновенной роскошью. Войска занимали шпалерами тѣ улицы, по которымъ должна была пробѣжать печальная колесница съ тѣломъ покойнаго. Пасторъ финской церкви Манделинъ произнесъ прекрасную проповѣдь и надгробное слово (по-нѣмецки), вполнѣдствіи напечатанныя. Изъ Петербурга тѣло было отправлено въ Финляндію. Здѣсь оно должно было покоиться въ только что законченномъ фамильномъ склепѣ церкви Халико. Тѣло Армфельда было перевезено въ его отечество на русскомъ военномъ суднѣ, прибывшемъ въ Або 4-го сентября; здѣсь совершенно было погребеніе, не виданное въ городѣ Або, чуть-ли не со дня похоронъ въ Свеаборгѣ фельдмаршала Еренсверда. Когда гробъ, въ которомъ покоились останки государственнаго дѣятеля, вынесли съ корабля, данъ былъ салютъ и вторили ему церковные колокола. Войска стояли шпалерами; члены государственнаго совѣта, весь университетъ и представители всѣхъ сословій провожали колесницу до городскихъ воротъ. Войска парадировали у воротъ города, сдѣлавъ нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ.

Финляндія горько оплакивала смерть своего главнаго вождя. Александръ I съ грустью вспоминалъ о потерѣ преданнаго вѣрнаго друга.

По этому поводу статсъ-секретарь Ребиндеръ писалъ: «Потеря, постигшая насъ всѣхъ, не можетъ быть ничѣмъ замѣнима... Мнѣ лучше, чѣмъ кому-либѣ другому, извѣстны качества и недостатки покойнаго Аримфельда, и я спокойно могу сказать, что первыя имѣли громадный перевѣсъ надъ послѣдними. Его уже нѣтъ среди насъ, и достоинства его только теперь могутъ быть оцѣнены, такъ какъ справедливость отдають лишь тѣмъ, которые болѣе не существуютъ».

Жизнь Армфельда началась во время Семилѣтней войны Фридриха Великаго и окончилась съ паденіемъ Наполеона. Эти два великихъ человѣка, глубоко впечатлѣлись въ памяти Армфельда. Еще юношей,

онъ съ уваженіемъ стоялъ передъ лицомъ Фридриха II в тщетно ловилъ взглядъ изъ «Бранденбургскихъ очей».

Совершеннолѣтнимъ, онъ стоялъ лицомъ къ лицу къ первому консулу Французской республики и съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на него; когда же послѣдній сдѣлался императоромъ французовъ, то паденіе его стало главной цѣлью жизни Армфельда. При дворѣ Густава, въ Версалѣ, въ Вѣнѣ, при итальянскомъ дворѣ, Армфельдъ имѣлъ случай видѣть «l'ancien régime» въ его настоящемъ блескѣ. Онъ самъ, по его мнѣнію, сдѣлался жертвой французской революціи. Въ изгнаніи ему удалось свидѣться со многими лицами, принадлежавшими къ блестящему двору Людовика XVI и Маріи Антуанеты. Послѣ же того, какъ онъ за-одно съ ними бѣжалъ отъ республики, ему довелось ѣсть тяжелый хлѣбъ эмигранта, и, бродя по Европѣ какъ бездомный, онъ успѣлъ присвоить себѣ всѣ возрѣнія французскихъ переселенцевъ. Въ молодости своей, онъ въ Петербургѣ и въ Фридрихсгамѣ встрѣтился съ повелительницей Россіи, съ Великой Екатериной. Храбро сражался онъ впоследствии противъ ея войска, защищая собственное отечество. Съ ужасомъ стоялъ онъ передъ тѣломъ Павла I, а потомъ съ благодарностью принималъ отъ лица своихъ соотечественниковъ нескончаемыя милости побѣдителя Финляндіи—императора Александра I.

Армфельдъ сохранилъ въ своей памяти всѣ ужасы шведской революціи 1772 года, которые упрочили тронъ Густава III; во всѣхъ превратностяхъ судьбы, онъ слѣдовалъ за обожаемымъ монархомъ, до той минуты, пока ему не пришлось стоять у кровью облитаго смертнаго одра его повелителя. Онъ долженъ былъ быть впоследствии свидѣтелемъ изгнанія сына Густава и всего рода его изъ Швеціи. Онъ видѣлъ, какъ сынъ той же самой революціи, которую онъ такъ сильно ненавидѣлъ, намѣревался вступить на тронъ, принадлежащій роду Вазовъ. Швеція смотрѣла на Армфельда то какъ на друга Густава III, то клеймила его названіемъ измѣнника, обозначая это имя на позорномъ столбѣ; то наконецъ снова давала ему его прежнее мѣсто въ обществѣ, покрывая его почестями, званіемъ и всякими доблестями! И вдругъ мы видимъ его опять въ изгнаніи, на чужой землѣ, гдѣ онъ получаетъ болѣе обширное поле для своей дѣятельности, чѣмъ въ своемъ отечествѣ. Въ Финляндіи, Помераніи и въ Норвегіи Армфельдъ храбро сражался за свою родину и былъ свидѣтелемъ расторженія союза трехъ государей при Аустерлицѣ. Въ Россіи онъ нѣкоторое время сопровождалъ армію во время войны 1812 года.—Въ сраженіяхъ, въ изгнаніи, при дворахъ императоровъ и королей, въ общественныхъ и тайныхъ совѣтахъ, касающихся современныхъ вопросовъ, въ будуарахъ красавицъ—ездѣ Армфельдъ чувствовалъ себя какъ дома. Мѣнялось лишь мѣсто дѣйствія: изъ Стокгольма въ Неаполь, изъ Саволакса въ Вѣну,

изъ Парижа въ Калугу, изъ Лабихау въ Петербургъ. Современныя событія и разныя случайности играли, конечно, роль въ этихъ рѣзкихъ перемѣнахъ; но они, главнымъ образомъ, зависѣли отъ тѣхъ странностей, которыми обладалъ Армфельдъ. Онъ меньше чѣмъ кто-либо другой принадлежалъ къ «тихимъ и спокойнымъ жителямъ страны». Онъ въ сущности не искалъ приключеній, но съ жаромъ бросался, благодаря какому-нибудь страстному вдохновенію, въ разныя предпріятія, часто не думая даже о послѣдствіи. Въ его плодовитомъ мозгу рождались для великихъ предпріятій вѣчно новыя идеи, которыя перегоняли одна другую. Возбужденное постоянно воображеніе представляло ему всегда неудачу немислимой. Мнѣніе свое онъ высказывалъ съ необыкновенной откровенностью, не щадя лицъ; о своемъ противникѣ онъ часто отзывался слишкомъ строго и несправедливо. Его языкъ и перо были настоящимъ оружіемъ, но съ которымъ онъ подчасъ обращался такъ неосторожно, что они становились опаснѣе для него самого, нежели для другихъ. Богатство и разнообразіе его проектовъ приводили его часто на арену политическихъ интригъ. Источникомъ удачъ и неудачъ всей жизни Армфельда были, главнымъ образомъ, его необузданная поспѣшность и поступки подъ впечатлѣніемъ минуты. Для его противниковъ представлялся всегда случай вредить его неосторожности. Жизнь Армфельда доказываетъ, что многіе изъ его необдуманныхъ поступковъ не остались безнаказанными; можно даже сказать, что жестокія сужденія послѣ его смерти представляютъ собой что-то роковое. Многое было сказано о немъ несправедливаго и имѣющаго характеръ личныя неприязней, но зато онъ самъ, благодаря вспыльчивости своего нрава, также не стѣснялся въ выраженіяхъ, направленныхъ противъ его враговъ. Есть люди, которые никогда не старятся, или вѣрнѣе сказать, умъ которыхъ никогда не созрѣваетъ, и ни счастье, ни несчастье не могутъ исправить ихъ—къ ихъ числу принадлежалъ и Армфельдъ—такъ отзывается о немъ его родственникъ и современникъ графъ Яковъ Делагарди ¹⁾. «Мнѣ 50 лѣтъ — писалъ Армфельдъ въ 1812 году, своему другу Ерѣнстрему—но сердце и голова моя, какъ у 15-ти-лѣтняго юноши».

¹⁾ De la Gardie. Arch. XIX: 256.

Собственноручное письмо С. С. Уварова—М. М. Сперанскому.

1 декабря 1819 г. С.-Петербургъ.

Съ душевнымъ удовольствіемъ получилъ я прекрасное письмо вашего превосходительства изъ Иркутска отъ 18 сентября и пріятнымъ долгомъ поставлю воспользоваться отправленіемъ Пекинской Миссіи для доставленія вамъ нѣсколько книгъ. Вы найдете между ними первые два тома новаго собранія Академическихъ путешествій. Къ описанію Камчатки будетъ принадлежать дополнительный томъ, содержащій любопытныя извѣстія, частію препровожденныя ко мнѣ отъ достойнаго Рикорда. Первая часть путешествія Лепехина выходитъ изъ печати. Сверхъ того вы найдете еще нѣсколько новостей какъ то—записки (здѣсь запрещенныя) Аббата Жоржеля... о Россіи. Вообще литература бѣднѣетъ каждый день. Политика все поглощаетъ, всѣ умы устремлены къ предметамъ, входящимъ въ ея кругъ. Какъ радостно для русскаго, любящаго свое отечество, чувство общей признательности къ вашимъ трудамъ и къ вашему усердію! Письмо ваше ко мнѣ содержитъ наилучшій объѣтъ всѣхъ благомыслящихъ. Дай вамъ Богъ довольно твердости духа и силъ тѣлесныхъ, чтобъ окончить великое дѣло вами начатое!—впрочемъ *in magnis et tentasse sat est*... Сія мысль утѣшаетъ и меня въ скромномъ, но многотрудномъ кругу моихъ обязанностей. Бороться со всѣмъ окружающимъ и даже съ самимъ собою есть девизъ челоѣка на поприщѣ жизни гражданской и даже моральной. Конечно, борьба не всегда удачная, но для совѣсти своей всегда необходимая—даже и отдыхать слаще послѣ бурной службы гражданской—отдыхать съ друзьями всѣхъ столѣтій, живыми и мертвыми, съ вами, съ Цицерономъ и съ Монтанемъ. Позвольте мнѣ издалика сказать: *Moete animo sic itur ad astra!*—Говоря недавно о Сибири, случилось мнѣ сказать, что исторія Сибири дѣлится на двѣ только эпохи: 1-я отъ Ермака до Пестеля—2-я отъ Сперанскаго до XX...—Это моя мысль и мое убѣжденіе. Я смѣю ласкаться надеждою, что я, нѣкоторымъ образомъ, содѣйствую вамъ въ великомъ предпріятіи вашемъ! Основаніе и распространеніе восточныхъ языковъ должно произвести и распространеніе здравыхъ понятій объ Азіи въ ея отношеніяхъ къ Россіи. Вотъ поприще огромное. еще не озаренное лучами разума—новое поле славы неприкосновенной—источникъ новой національной политики, долженствующей спасти насъ отъ дряхлости преждевременной и отъ Европейской заразы. — Карамзинъ пишетъ, но не печатаетъ еще IX томъ «Исторіи».—Примите увѣреніе душевной моей преданности и непоколебимаго почтенія.

Сообщилъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

Лазарь Карно въ Варшавѣ въ 1816 году¹⁾.

I.

Со времени консульства Бонапарта Лазарь Карно, нѣкогда, при директоріи, военный министр, держался вдали отъ власти, не будучи въ состояніи согласовать своихъ республиканскихъ убѣжденій съ новымъ положеніемъ вещей и деспотичными наклонностями Наполеона. Удалившись отъ тревоги политической жизни, онъ хотя отдался, въ качествѣ члена академіи наукъ, математическимъ работамъ, но какъ истинный патріотъ въ душѣ сочувствовалъ новому герою въ его побѣдоносныхъ походахъ по Европѣ. Когда не-

¹⁾ На страницахъ краковскаго двухнедѣльника «Swiat», (Краковъ, 1895) сообщено г. Алкаромъ (псевдонимъ известнаго польскаго историка) нѣсколько новыхъ, весьма любопытныхъ, данныхъ о Лазарѣ Карно, великомъ организаторѣ побѣдъ, ввукъ котораго былъ такъ недавно президентомъ французской республики. Съ любезнаго разрѣшенія автора мы считаемъ полезнымъ познакомить съ ними русскихъ читателей, такъ какъ данныя эти касаются пребыванія Карно въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества.

Исслѣдованія причинъ появленія Карно въ бывшей столицѣ Польскаго королевства и пребыванія его въ этомъ городѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подтвердили тотъ фактъ, что, подобно французскимъ патріотамъ, великій организаторъ побѣдъ первой французской революціи,—благодаря талантамъ, предусмотрительности, энергіи и мужеству котораго Франція одержала въ продолженіе девятнадцати-мѣсячной кампаніи двадцать семь генеральныхъ побѣдъ, выиграла сто двадцать важнѣйшихъ сраженій, получила девяносто одну тысячу плѣнныхъ, приобрѣла сто шестнадцать крѣпостей и укрѣпленныхъ городовъ, двѣсти тридцать редутовъ, три тысячи восемьсотъ орудій, семьдесятъ тысячъ ружей, тысячу девятьсотъ вилограммъ пороку и девяносто знаменъ, — сдѣлался жертвою приговора, наложеннаго въ декретѣ Людовика XVIII, отъ 24-го іюля 1815 года. Послѣ продолжитель-

счастливыя обстоятельства въ 1814 году побороли непобѣдимого до тѣхъ поръ полководца и когда Франція очутилась на краю пропасти, Карно забылъ о личныхъ обидахъ и послѣшилъ на приглашеніе Наполеона, встать во главѣ защитниковъ, находившагося въ опасности, Антверпена.

По возвращеніи съ острова Эльбы Наполеонъ снова обратился къ патриотизму Карно и, сдѣлавши его пэромъ Франціи, поручилъ ему портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ сраженія при Ватерлоо Карно былъ призванъ въ члены временнаго правительства—ему было поручено Наполеономъ заняться приготовленіемъ защиты Парижа. Вторичное вступленіе союзныхъ войскъ въ Парижъ и возвращеніе Людовика XVIII рѣшили участь Карно и повлекли за собою его изгнаніе.

На другой день по изданіи суроваго королевскаго декрета, отъ 24-го іюля 1815 года, одинъ изъ братьевъ Карно отпраздновалъ къ лорду Веллингтону ноту, напоминавшую ему содержаніе статьи парижской конвенціи, касавшейся вступленія союзныхъ войскъ въ столицу Франціи. Ею обезпечивалась не только личная и имущественная неприкосновенность, но даже рекомендовалось воздержаніе отъ всякой политической реакціи.

Командующій англійскими войсками, полагая, что къ нему обращается самъ генераль Карно, отвѣтилъ на это письмо холодно: что ему прискорбно слышать о приказаніи, касающемся генерала, но что онъ ничѣмъ не можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ. Сравнительно большаго добился братъ Карно отъ графа Каподистріи, уполномоченнаго императоромъ Александромъ дать просителю отвѣтъ.

Русскій министръ сообщилъ, что его монархъ былъ неприятно удивленъ, прочитавши въ изгнанныческомъ листѣ фамилію Карно, но что въ виду объявленнаго уже приказанія трудно было бы добиться его отпѣны. Однако же замѣтилъ, что генераль Карно не подлежитъ ни суду, ни изгнанію изъ отечества и что на случай отъѣзда императора изъ Парижа будутъ приняты мѣры къ обезпеченію личной неприкосновенности назначеннаго въ ссылку.

наго скитанія по Европѣ, этотъ необыкновенный человѣкъ, наконецъ, нашелъ въ Варшавѣ сердечное гостепримство и пріютъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Карно не сохранилось подробностей.

Только въ 1863 году сынъ великаго Карно, Лазарь-Ипполитъ, бывший въ 1848 году министромъ народнаго просвѣщенія, отецъ убитаго въ 1894 году президента республики, Садн Карно, издалъ обширное сочиненіе: «Memoires sur Carnot», составленное по рукописнымъ замѣткамъ и письмамъ своего отца, при чемъ самъ, какъ товарищъ его по изгнанію и свидѣтель его занятій и сношеній въ Варшавѣ, описалъ подробно бѣгство Карно изъ Франціи, временное его пребываніе въ Брюсселѣ, путешествіе по Европѣ и причины, которыя побудили изгнанника остановить свой выборъ на столицѣ Царства Польскаго.

Надежды эти не оправдались. Бурбонская реакція воцарилась на всемъ пространствѣ Франціи. При крикахъ «vive le roi!» скатывались сотнями головы республиканцевъ на эшафотахъ. Мщеніе было направлено главнымъ образомъ противъ тѣхъ, коихъ считали убійцами несчастнаго Людовика XVI.

Такимъ образомъ, при всеобщемъ волненіи и возбужденіи политическаго фанатизма Лазарь Карно не могъ ожидать улучшенія своей участи. Графъ Каподистрія, отъ имени императора Александра, предлагалъ ему гостеприимство въ Россіи, прибавляя, что государь съ удовольствіемъ предложилъ бы ему соотвѣтственное положеніе въ рядахъ русской арміи.

Каподистрія принялъ горячее участіе въ выдачѣ Карно русскаго паспорта на выѣздъ изъ Франціи. Такой же паспортъ обѣщанъ ему и отъ прусскихъ властей; изъ нихъ содѣйствовалъ этому извѣстный Юстусъ Грюнеръ, начальникъ прусской военной полиціи.

Во время приготовленій къ отъѣзду, Карно внезапно получилъ приказаніе явиться безотлагательно въ подпрефектуру d'Estampes, гдѣ ему выдали новый паспортъ, съ допискою: «Compris dans l'ordonnance royale du 24 Juillet» и съ отміткою: «выданъ по приказанію его сиятельства министра полиціи отъ 6-го сентября, съ тѣмъ, чтобы Карно удалился въ Блуа и тамъ оставался подъ надзоромъ до рѣшенія его участи палатами».

Друзья Карно узнали, что въ Блуа господствовало такое возбужденіе въ народѣ, что можно было ожидать кровопролитныхъ сценъ, подобныхъ тѣмъ, которыя только-что происходили на югѣ Франціи, гдѣ народъ, поднятый реакціонерами, «далъ знать себя» республиканцамъ. J. Карно не оставалось ничего болѣе какъ покинуть Францію. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, со двора деревенскаго Plesles двинулись два экипажа. Одинъ, направлявшійся въ сторону Блуа, долженъ былъ увозить генерала Карно, другой же, двигавшійся къ Парижу—его братьевъ. Все это дѣлалось для того только, чтобы обмануть вниманіе полиціи.

Вмѣсто того, чтобы своротить въ сторону Парижа, генералъ выбралъ дорогу на Мелюнъ. Ему сопутствовалъ несовершеннолѣтній его сынъ Лазарь-Ипполитъ, который съ тѣхъ поръ долженъ былъ раздѣлять въ изгнаніи участь своего родителя, вмѣстѣ съ вѣрною служанкою Жозефиною. Русскій паспортъ защищалъ генерала отъ возможныхъ преслѣдованій со стороны городскихъ властей. Однако же, въ видахъ предосторожности, Карно былъ снабженъ еще третьимъ паспортомъ, выданымъ на имя мюнскаго купца Розанда, и этотъ только предъявлялъ въ пути.

Путники прибыли въ Ватиньи (Wattignies), пограничную француз-

скую мѣстность, прославленную мужествомъ Карно, когда онъ, сражаясь противъ коалиціи, отразилъ непріятельское нападеніе и спасъ республику. Возмущенный людскою несправедливостію отецъ показалъ сыну мѣсто, съ котораго нѣкогда такъ дѣятельно управлялъ обороною Франціи.

20-го октября путешественники пріѣхали въ Брюссель, который въ то время былъ сборнымъ пунктомъ для республиканцевъ и наполеонистовъ, ухидившихъ отъ преслѣдованія Бурбоновъ. Французскія власти, обезпокоенныя такимъ собраніемъ въ сосѣднемъ государствѣ недовольныхъ новымъ порядкомъ вещей, потребовали удаленія ихъ изъ Бельгіи.

Не ожидая исполненія этого требованія, Карно съ сыномъ и служанкою добровольно оставили Брюссель и направились въ Вѣну, куда и пріѣхали 19-го декабря 1815 года.

Пробываніе изгнанниковъ въ придунайской столицѣ продолжалось едва одни сутки. Не взирая на строжайшее инкогнито путниковъ, можно было ожидать розысковъ со стороны энергичной и подозрительной австрійской полиціи. Тогда путники направились въ Краковъ, который въ то время, въ силу постановленія вѣнскаго конгресса, оставаясь послѣднимъ кусочкомъ «свободной, независимой и нейтральной Рѣча Посполитой», находился подъ покровительствомъ трехъ, подѣлившихъ между собою страну, державъ, окруженный тройнымъ кордономъ войскъ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ, по требованію которыхъ, каждый, въѣзжающій въ городъ, обязанъ былъ показывать свой паспортъ и представлять свои вещи для тщательнаго осмотра.

Послѣ того какъ были пройдены эти три кольца, таможенныя власти республики обдирали путешественника, требуя оплаты каждаго предмета, подлежащаго таможенной пошлинѣ.

Во время такого осмотра одинъ изъ стражниковъ сталъ внимательно всматриваться въ Карно и, вдругъ приблизившись къ нему, сказалъ чистымъ французскимъ языкомъ:

— Vous ne pouvez pas me reconnaitre, mais je vous reconnais bien, moi! Vous m'avez donné un sabre d'honneur, que j'ai conservé».

Это былъ старый польскій солдатъ, который нѣкогда служилъ подъ французскими знаменами.

Въ послѣдній день 1815 года путешественники оставили Краковъ и направились въ столицу Царства Польскаго.

II.

1816 годъ не обѣщаль счастья. Чувствительный холодъ началъ изрядно давать чувствовать себя изгнанникамъ, не особенно обезпеченнымъ теплою одеждою. Плохо подкованныя лошади падали на скольз-

комъ, покрытомъ выбоинами трактѣ. Населеніе, по случаю праздника новаго года, отказывалось отъ всякой помощи въ необходимыхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, дорожная повозка завязала въ снѣгу. Изгнанники были принуждены искать пріюта въ бѣдной деревенской хатѣ и среди темной ночи углубляться дальше въ глухіе сосновые лѣса, пробираясь сквозь вѣтви деревьевъ, нагибающіяся подъ тяжестью снѣга. Коегдѣ высились голыя стѣны домовъ и торчали трубы,—картина разрушенія, послѣдній слѣдъ сожженныхъ во время непріятельскаго похода деревенекъ на безграничномъ пространствѣ, покрытомъ снѣжною пеленою. За развалинами, нѣкогда оштукатуренныхъ, домиковъ тянулись непрерывно, уничтоженные огнемъ и грабежемъ, деревенскія хаты.

«По обѣимъ сторонамъ тракта, — пишетъ Карно, — которымъ мы здѣсь проѣзжали, тянулся рядъ однѣхъ лишь сосенъ. Невозможно было ѣхать ночью изъ-за волковъ, которые въ эту пору года могли бы быть для насъ небезопасными, да, наконецъ, и лошади нашего кучера не перенесли бы такого труднаго путешествія. Вслѣдствіе сего мы въ сумерки останавливались въ первой лучшей хатѣ... Но что это была за страшная берлога! Бѣднѣйшая, грязная изба служила помѣщеніемъ содержателя заѣзжаго дома, жида, съ длинною бородою, въ халатѣ съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ, крайне несимпатичнымъ для мѣстнаго поселяннина—жертвы отравы, какою ему подаетъ этотъ шинкаръ подъ видомъ водки.

«Послѣднія войны и частыя передвиженія войскъ повсюду оставили свои слѣды. Постой русскихъ солдатъ, новыхъ владѣтелей этой части края, истребилъ остатки запасовъ бѣдныхъ поселянъ. Мы часто достигали мѣсть подобныхъ стоянокъ и тогда намъ трудно было пробраться къ своей повозкѣ, особенно ночью, въ то время когда наши лошади имѣли минутный отдыхъ. Намъ дѣйствительно предупреждали, что мы будемъ терпѣть недостатокъ, но дѣйствительность превзошла всякія ожиданія! Таковы были вообще всѣ польскія деревеньки».

6-го января 1816 года наши изгнанники достигли, наконецъ, Варшавы. Какое поражающее противорѣчіе ослѣпило ихъ глаза! Послѣ безлюдныхъ окрестностей они очутились вдругъ среди великолѣпнаго города, съ широкими улицами, украшенными длиннымъ рядомъ дворцовъ, среди толпившагося на Краковскомъ предмѣстьи люда и летавшихъ стрѣлою по гладкой поверхности утоптаннаго снѣга санокъ.

Направились въ гостиницу француза Шово (Chovot), на Медовой улицѣ. Карно, оставивъ инкогнито, объявилъ хозяину гостиницы и полиціи свою настоящую фамилію. Возница, по имени Николай, изумленный такою переменою купца Розанда въ извѣстнаго генерала Карно, сбѣдлся предметомъ общаго любопытства. Его окружали повсюду, выпытывая о подробностяхъ путешествія.

*

Прибытіе Карно въ Варшаву занимало всѣхъ жителей. Спѣшили видѣться съ нимъ даже такіе, которые, по своимъ убѣжденіямъ, менѣе всего принадлежали къ сторонникамъ демократическаго строя французской республики. Особенно громко выражали свое почтеніе гостю состарѣвшіеся польскіе патриоты, которые нѣкогда принимали дѣятельное участіе въ республиканской эпопее, и младшіе товарищи ихъ, участники войнъ испровергнутаго героя Франціи.

Въ числѣ сихъ послѣднихъ находился генералъ Викентій Красинскій ¹⁾.

— На которомъ году своей жизни вы начали общественную дѣятельность?—спросилъ разъ Красинскій Карно.

— На сороковомъ безъ малаго—отвѣтилъ спрошенный.

— Мнѣ въ настоящее время тридцать шесть лѣтъ, но я могъ бы пойти по вашимъ слѣдамъ.

«Красинскій—пишетъ Карно—былъ настоящимъ французомъ благодаря своей живости, сердечности и горячимъ чувствамъ. Жена его, урожденная княжна Радзивилль ²⁾, отличалась высокими качествами сердца и выдающимся воспитаніемъ. Преждевременная ея смерть подѣйствовала удручающимъ образомъ на моего отца. Сынъ ихъ—Сигизмундъ, въ то время прекрасный ребенокъ, позднѣе сталъ великимъ народнымъ поэтомъ» ³⁾).

На первыхъ порахъ своего пребыванія въ Варшавѣ Карно былъ одинаковъ со всѣми, но со временемъ онъ сгруппировалъ около себя кружокъ заслуживающихъ довѣрія лицъ, съ которыми исключительно дѣлился своими симпатіями и при посредствѣ которыхъ продолжалъ свои ученныя занятія.

По временамъ собирались у него старые патриоты: Домбровскій, вождь польскихъ легионовъ, военный министръ Віельгорскій, сынъ друга Жанъ-Жака Руссо и Мабли, ветеранъ Соколицкой, солдатъ республиканской арміи, военный писатель и археологъ; почтенный предсѣдатель сената Островскій, князь Гедройць съ семьєю, чистосердечно любящею Францію, наравнѣ со своею родиною; умный Любецкій, впоследствии министръ финансовъ, Круковецкій, личность нѣсколько загадочная, каштелянша Полавецкая, почтенная дама и очень красивая, несмотря

¹⁾ Графъ Викентій Красинскій, генералъ-отъ-кавалеріи, генералъ-адеютантъ, членъ совѣта управленія въ Царствѣ Польскомъ и членъ русскаго Государственнаго Совѣта, человекъ высокообразованный, авторъ нѣсколькихъ сочиненій, родился въ 1783 г., † въ 1858 году. Г. В.

²⁾ Скончалась въ 1822 году. Въ костелѣ имѣнія Красинскихъ Оппногура (Цѣхановскаго уѣзда, Плоцкой губерніи) воздвигнуть въ память ея великолѣпный мраморный монументъ. Г. В.

³⁾ Родился въ 1811 году, въ Парижѣ, умеръ тамъ же въ 1859 году.

на бѣлыя волосы, покрывавшіе ея чело. Генераль Карно часто бывалъ въ ея салонахъ, гдѣ происходили остроумные разговоры, чуждые всякой партійности. Во главѣ стоялъ Станиславъ Потоцкій, прозванный за своей ораторскій талантъ княземъ краснорѣчія. Въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія онъ посвятилъ себя дѣламъ народнаго образованія. Кромѣ того онъ былъ покровителемъ наукъ и искусствъ и счастливымъ переводчикомъ Винкельмана. Товарищескія чувства, коими онъ отличался, дѣлали его любимцемъ лучшаго общества.

«Я оскорбилъ бы чувство благодарности, — пишетъ Карно, — если бы не вспомнилъ о генералѣ Станиславѣ Малаховскомъ и его семьѣ, сильно пострадавшей отъ преслѣдованія судьбы... Угасла она преждевременно. Самый младшій изъ трехъ сыновей, Юліанъ погибъ смертію богатыря во главѣ отряда косниѣровъ, во время войнъ за независимость, старшій Густавъ, будучи дѣятельнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и доказавши, что онъ имѣетъ способности полководца, дипломата и оратора, умеръ въ изгнаніи. Старшая изъ дочерей Каролина, предметъ поклоненія всѣхъ, которые были въ состояніи цѣнить ея умъ и сердце, завяла какъ подрѣзанный цвѣтокъ въ Южной Франціи, гдѣ искала спасенія отъ грудной болѣзни.

«Желая удовлетворить національное чувство поляковъ, императоръ Александръ довѣрилъ намѣстничество въ край одному изъ ихъ соотечественниковъ, генералу Заіончеку, товарищу по оружію Косцюшко, рыпарю кампаніи 1812 года. Но конституціонная хартія низводила до очень малыхъ размѣровъ вліяніе этой личности на судьбу края, когда братъ императора, великій князь Константинъ, главнокомандующій польскихъ войскъ, взялъ почти совершенно въ свои руки управленіе.

«Мой отецъ сдѣлалъ ему визитъ и былъ принятъ съ большимъ радушіемъ. Разговоръ ихъ вращался около военнаго искусства, наукъ, а также и политики. Константинъ выказалъ при этомъ большія познанія.

«Онъ не былъ лишенъ отгѣнка добродушія, но былъ пасмуренъ, фантастиченъ, временами положительно страненъ, не уважалъ конституціи, данной странѣ императоромъ.

— *Constitution c'est confusion* — говаривалъ онъ неоднократно. — Что касается меня, я знаю только одну военную дисциплину. Если бы императоръ, мой братъ и повелитель, прислалъ мнѣ приказаніе разстрѣлять здѣсь двадцать человекъ: я не разстрѣлялъ бы ни 19, ни 21, а только 20.

III.

Новая конституціонная хартія, дарованная Царству Польскому, обезпечивала ему свободу печати, свободу личности, равно какъ всегдаш-

нее народное представительство. Она допускала до права выбора каждаго владѣльца земской собственности дворянина, или не дворянина; допускала къ выборамъ фабрикантовъ и крупнѣйшихъ купцовъ; словомъ, всѣхъ тѣхъ, которые на парламентскомъ языкѣ именуются интеллигенціею, не говоря уже о духовенствѣ, профессорахъ, учителяхъ и артистахъ выдающагося таланта.

Если бы эта хартія, по мнѣнію Карно, выполнялась съ строгою послѣдовательностію въ теченіе болѣе продолжительнаго времени, то демократизмъ могъ бы развиваться съ пользою для страны, вмѣсто того, чтобы заниматься волненіемъ умовъ. Но всѣ вольности, признанныя за страпою, понемногу ослабѣвали и послѣдовательно уступали мѣсто иному порядку. Да, наконецъ, и аристократія, которая представляла въ то время всю Польшу менѣе заботилась о либеральной идеѣ, чѣмъ о возстановленіи польской народности. Все, что только клонилось къ этой цѣли, имѣло въ ней усердныхъ защитниковъ. Рассказывали о письмѣ императора Александра къ Огинскому, касающемся возстановленія Польши въ прежнихъ ея границахъ, съ возвращеніемъ къ ней присоединенныхъ провинцій. Передавали о его визитѣ къ Косцюшко. «Чего хочешь?» спросилъ Александръ народнаго героя, и когда тотъ указалъ ему на картѣ рѣку Днѣпръ—императоръ сказалъ: «будете его имѣть».

Вмѣстѣ съ тѣмъ говорили, съ нѣкоторымъ опасеніемъ, о словахъ монарха, сказанныхъ одной дамѣ полькѣ.

— Правда ли, ваше величество,—спросила она,—что вы соедините Литву съ новымъ Царствомъ Польскимъ?

На это императоръ, съ ироническою улыбкою, отвѣтилъ:

— Не только Литву, но и всю Россію.

Этотъ двусмысленный отвѣтъ былъ принятъ за выраженіе дѣйствительныхъ намѣреній императора.

«Какъ бы то ни было—говорить Карно,—но современная Польша была оживлена ожиданіемъ лучшаго и напрягала всѣ силы къ своему возрожденію. Мой отецъ, желая чѣмъ-нибудь отблагодарить за сердечный пріемъ, какой находилъ въ ней повсюду, пригласилъ въ Варшаву много способныхъ рабочихъ, съ цѣлю введенія новыхъ отраслей труда въ краѣ, и составилъ проектъ основанія школы искусствъ и ремеселъ на манеръ существующей въ Шалонѣ, во Франціи; но эти проекты, встрѣтивши разныя препятствія, не вышли изъ предѣловъ бумажной программы.

«Литература жила по большей части воспоминаніемъ о прошломъ. Трагедія Фелинского «Barbara Radziwiłłówna» достигла необыкновеннаго успѣха. Юліанъ Урсинъ Нѣмцевичъ, товарищъ по оружію, неволь

и изгнанію Косцюшко, готовяля «*Spiewy historyczne*», къ которымъ варшавскія дамы подбирали иллюстраціи и музыку.

«Въ эту же эпоху появился первый польскій романъ «*Malwina*», принадлежащій перу княгини Виртембергской, сестры князя Адама Чарто-рыйскаго. Национальный характеръ тамъ обрисованъ рыцарскими чертами, а поэтический вымыселъ далъ возможность автору перечислить имена, пріятнѣйшія для народнаго честолюбія. Сочиненіе это, какъ и слѣдовало ожидать, надѣлало необыкновеннаго шума въ салонахъ мѣстной аристократіи.

«Зима 1816 года прошла въ Варшавѣ очень весело. Съ пробужденіемъ надежды на лучшее будущее молодежь закружилась въ водоворотѣ забавъ. Балы слѣдовали за балами, давая возможность показываться на нихъ въ пышности народныхъ нарядовъ. Втянули въ этотъ водоворотъ забавъ и моего отца. Въ частныхъ кружкахъ окружали его и слушали съ большимъ вниманіемъ его рассказы о нашей славіи и нашихъ несчастяхъ. Временами раздавался національный польскій гимнь одновременно съ республиканскою французскою пѣснью.

«Симпатія поляковъ къ моему отцу не ограничивалась только словами». Дѣлали ему, разумѣется, деликатнымъ образомъ великодушныя предложенія, о которыхъ генераль Карно такъ писалъ своему брату:

«Ты спрашиваешь меня о подробностяхъ денежныхъ предложеній, сдѣланныхъ мнѣ въ Варшавѣ. Дѣло было такъ. Одна изъ ложъ вольныхъ каменщиковъ записала въ мою пользу субсидію, которая сразу принесла значительную сумму, (цифры я не знаю). Я не хотѣлъ ее принять, хотя не имѣлъ возможности подтвердить письменно мой отказъ... Другое значительное вспомошествованіе мнѣ было предложено генераломъ Красинскимъ, маршаломъ сейма. Онъ просилъ меня принять на время моего изгнанія часть его земельной собственности, съ годичнымъ доходомъ—8.000 франковъ. Это—маіоратъ, данный ему Наполеономъ и закрѣпленный управленіемъ Царства.

— Это будетъ—говорилъ графъ Красинскій—возвратъ моего долга Франціи, въ которой я составилъ свою военную карьеру.

«Очень благодарилъ его, но жертвы этой не принялъ.

«Графъ Паць, одинъ изъ богатѣйшихъ здѣшнихъ магнатовъ, тоже готовъ былъ жертвовать мнѣ доходы со своихъ значительныхъ имѣній, но я и ему отказалъ.

«Трудно выразить гостепримство, которымъ я пользовался во время своего пребыванія въ Польшѣ.

«Хотя и въ другихъ мѣстахъ я былъ предметомъ всеобщаго вниманія, но его ни въ чемъ нельзя сравнить съ тою сердечною и огромною симпатією, какая была моимъ удѣломъ въ Польшѣ, гдѣ почитали меня какъ бы другомъ и товарищемъ по несчастію.

«Еще какой-то французъ, проживающій въ Варшавѣ, узнавъ о моихъ ничтожныхъ средствахъ, обратился ко мнѣ съ просьбою—взять чашечку его сбереженій».

Во время своего пребыванія въ Варшавѣ Карно узналъ, что положеніе его во Франціи значительно ухудшилось. Палата депутатовъ согласилась на безсрочное изгнаніе всѣхъ конвенціонистовъ, заслуживающихъ по ея мнѣнію наказанія. Это было только начало придировокъ къ изгнанникамъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ де-Вобланъ (de Vaublanc) поспѣшилъ дать королю къ подписи указъ, исключавшій изъ числа членовъ французскаго института многихъ ученыхъ, въ числѣ ихъ даже и главнѣйшихъ его основателей: Лаганаля, Монжа, Грегуара, такъ-что имя генерала Карно очутилось не въ дурной компании...

IV.

Разказы интересовавшихся судьбою Карно о тѣхъ оваціяхъ, предметомъ которыхъ онъ былъ въ Варшавѣ, страшно дразнили его противниковъ. Они не ограничивались порицаніемъ его заслугъ. Какой-то генеральный прокуроръ изъ Ліона, прославившійся впоследствии въ качествѣ члена министерства, подготовившаго паденіе династіи Бурбоновъ, распустилъ молву, что попалъ на слѣды обширнаго заговора, во главѣ котораго будто бы предполагали стать Таллейранъ, Карно и Фуше, съ цѣлью низложенія царствующей династіи.

Братъ генерала Карно Фѣлень (Fœulins) былъ арестованъ. Его держали подъ замкомъ двѣ недѣли, перерыли всю корреспонденцію, но, не найдя предполагаемыхъ слѣдовъ заговора, — выпустили на волю.

Одинъ англійскій дневникъ, даже не сочувствующій республиканцамъ, рассказавши всю эту исторію, прибавилъ. «Когда спросила генерала Карно-Фѣлень: получаетъ ли письма отъ брата? онъ отвѣтилъ, что вопросъ этотъ излишенъ, ибо письма, которыя приходили по почтѣ, были, по всей вѣроятности, открыты въ черномъ кабинетѣ...»

Сопоставленіе извѣстія о заговорѣ, будто бы открытомъ во Франціи, со словами Карно, сказаннымъ генералу Красинскому—«*qu'il préférerait avoir pour maître un grand Turc, qu'un Bourbon*»¹⁾, заставляетъ думать, что въ головахъ противниковъ Бурбоновъ существовали тогда замыслы произвести во Франціи политическій переворотъ.

¹⁾ Слова эти сохранены на обложкѣ рукописной книжечки со стихами Карно, подаренной имъ женою Викентія Красинскаго. На обложкѣ той же книжки находится многозначительная отмѣтка Викентія Красинскаго, что пребываніе Лазаря Карно въ Варшавѣ связывалось съ политическою цѣлью—предложеніемъ французской короны великому князю Константину Павловичу.

Очень можетъ быть, что и Карно, изъ чувства величайшей благодарности къ императору Александру, единственному великодушному побѣдителя Франціи, не видѣлъ невозможности въ пожертвованіи ея короны брату императора, великому князю Константину, по крайней мѣрѣ, въ первыя минуты по своемъ пріѣздѣ въ Варшаву... Изъ дальнѣйшихъ замѣтокъ самого Карно видно, что понятіе, какое онъ себѣ составилъ о характерѣ великаго князя по ближайшемъ ознакомленіи съ послѣднимъ, было далеко не въ пользу русскаго главнокомандующаго польскими войсками. Отсюда—трудно допустить, чтобы подобный замыселъ могъ осуществиться.

Живой умъ Карно искалъ разнообразнѣйшихъ занятій. Занимаясь политикою и посѣщая дружескія собранія онъ находилъ еще достаточно времени для поэтическихъ вдохновеній.

Карно слагалъ въ Варшавѣ безпретенціозныя стихки въ стилѣ и духѣ, свойственномъ до-романтической эпохѣ.

Свѣтлый и поэтическій взглядъ на міръ въ душѣ человѣка, который пережилъ одинъ изъ самыхъ кровавыхъ эпизодовъ въ исторіи человѣчества и самъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей этого эпизода, тѣмъ болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе и заслуживаетъ сочувствія, что недостатки тайно терзали честолюбиваго республиканца и, наконецъ, принудили его оставить городъ, въ которомъ, возвращаясь съ великолѣпныхъ собраний, блистающихъ пышностію и избыткомъ, онъ находилъ скромную, часто нетопленную комнатку въ гостиницѣ и болѣе чѣмъ скромное пропитаніе для себя, для своего сына и вѣрной служанки Жозефины.

Суровость и измѣнчивость климата тоже заставляли думать о другомъ, болѣе скромномъ мѣстѣ пребыванія, хотя бы въ сосѣднемъ прусскомъ государствѣ. Возникали равнымъ образомъ и опасенія вслѣдствіе сразу происшедшаго осложненія въ пріятельскихъ дотолѣ отношеніяхъ съ великимъ княземъ Константиномъ. Тогда были начаты переговоры съ представителемъ прусскаго правительства въ Варшавѣ. Канцлеръ Гарденбергъ увѣрилъ Карно, что онъ найдетъ въ Пруссіи гостепримство и пріютъ вездѣ, гдѣ только будетъ имѣть намѣреніе поселиться.

Въ августѣ 1816 года изгнанники оставили Варшаву и удалились въ Силезію.

Лазарь Карно поселился сначала въ Берлинѣ, но такъ какъ это было непріятно французскому правительству, то затѣмъ переѣхалъ въ Магдебургъ, гдѣ и умеръ на рукахъ сына 2-го августа 1823 года. Тѣло его было погребено въ Магдебургѣ и только въ наше время, по ходатайству внука его, президента французской республики Сади Карно, императоръ Вильгельмъ II возвратилъ его Франціи, и нынѣ прахъ Лазаря Карно покоится въ Пантеонѣ.

Г. А. Воробьевъ.

Страничка изъ академической жизни 1750 года.

Извѣстно какую дѣятельную роль въ успѣхахъ науки въ прошломъ столѣтіи исполняла частная переписка между учеными разныхъ странъ, и какихъ она достигла размѣровъ въ Западной Европѣ, восполняя собою то, чего ей не доставляла еще такъ мало развитая въ ту пору періодическая печать. Кто-бы могъ въ то же время представить себѣ тѣ тѣсныя предѣлы, въ которыхъ была заключена такая переписка для русскихъ ученыхъ. А вотъ фактъ изъ архива Академіи Наукъ.

Профессоръ Степанъ Крашенинниковъ, авторъ знаменитаго «Описанія Камчатки», подалъ 16 ноября 1750 г. въ канцелярію Академіи Наукъ рапортъ слѣдующаго содержанія:

«Сего Ноября 13 дня получилъ я письмо изъ Упсалы отъ Шведскаго Архіатера и Ботаника Господина Линнея, которымъ онъ проситъ, чтобы имѣть съ нимъ переписку объ ученыхъ дѣлахъ, касающихся до ботаники. Того ради отъ Канцеляріи Академіи Наукъ почтѣннѣе прошу указу, имѣть ли мнѣ съ реченнымъ господиномъ Линнеемъ желаемую имъ переписку или нѣтъ; а съ письма, которое ко мнѣ прислано и которое прочтено будетъ въ нынѣшнемъ собраніи, при семъ прилагаю копію».

По выслушаніи этого рапорта канцелярія журнальнымъ опредѣленіемъ 16-го ноября постановила:

«Оному господину профессору Крашенинникову корреспонденцію съ помянутымъ господиномъ Архіатеромъ Линнеемъ имѣть дозволить и какіе ему будутъ потребны изъ ботаническаго сада травы и семена, которыхъ здѣсь достаточно, то пересылать съ требованіемъ, напротивъ того и отъ него какія будутъ для онаго ботаническаго сада потребны травы и семена, а помянутое присланное отъ него, Линнея, оригинальное письмо ему, г-ну профессору Крашенинникову, отдать въ Конференцъ-Архиву профессору Виясгейму, оставя у себя съ онаго письма копію».

Сообщилъ академикъ К. С. Веселовскій.

Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ.

(Ихъ взаимныя отношенія и переписка) ¹⁾.

Нѣзданные въ прошломъ и нынѣшнемъ году матеріалы для біографіи Я. К. Грота даютъ много новыхъ свѣдѣній не только объ этомъ замѣчательно ученномъ дѣятелѣ, но и объ извѣстномъ его другѣ П. А. Плетневѣ, и о многихъ другихъ выдающихся лицахъ сороковыхъ годовъ. Первые два тома дружеской переписки заканчиваются 1846 г.; они составляютъ лишь начало полнаго собранія сочиненій Я. К. Грота, издающагося на особую сумму, назначенную въ Востѣ почившимъ императоромъ Александромъ III, августѣйшимъ ученикомъ покойнаго академика.

Яковъ Карловичъ Гротъ родился въ 1812 г. въ С.-Петербургѣ. Четырехъ лѣтъ онъ лишился отца и остался на попеченіи матери, нѣмки по происхожденію, но любившей все русское. Вотъ что пишетъ онъ Плетневу о первыхъ годахъ своей жизни: «Маменька рассказывала мнѣ о моемъ дѣтствѣ. Вотъ нѣкоторыя черты. Я любилъ ее нѣжнѣе всѣхъ другихъ дѣтей. Когда отецъ бралъ меня на руки, я начиналъ бить ногами и кричалъ: «я хочу къ маменькѣ». Когда она уходила со двора, я былъ неутѣшенъ отъ боли и тоски, рыдалъ, прислонялся головой къ подушкѣ стула и засыпалъ; въ такомъ положеніи она заставляла меня по возвращеніи. Когда она днемъ закрывала глаза, чтобъ подремать, я

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. № 1, стр. 215—250 были напечатаны краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ академикѣ Я. К. Гротѣ по поводу пятидесятилѣтія его служебной дѣятельности. Нынѣ, пользуясь выходомъ его біографіи и двухъ томовъ переписки съ П. А. Плетневымъ, считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ о почтенномъ ученномъ и о бывшемъ вице-президентѣ Академіи Наукъ.

Ред.

умолялъ ее: откройте глаза, боясь, что она умретъ, и стараясь удалить даже всякую мысль о возможности этого: воображеніе мое было тогда сильно поражено смертію старшаго брата Александра, котораго я видѣлъ покойникомъ. Итакъ, чувствительность и плаксивость были двѣ главныя черты моего характера въ дѣтствѣ. Я былъ нелюдимъ: когда кто-нибудь приходилъ къ намъ, я со слезами кричалъ: гости пришли, объясняя горе свое тѣмъ, что маменька со мной не будетъ играть, и иногда уползая подъ стулъ. И послѣ, любя занятія, рисуя, клея, выдумывая разные надписи и т. п., я часто просилъ не ходить въ гости, потому что дома веселѣе. Я былъ большой лакомка, даже жаденъ; однакожь, когда намъ дарили деньги, я не покупалъ себѣ сластей, а только просилъ у Розы и Кости ¹⁾ удѣлить часть того, что они себѣ купили; самъ же говорилъ, что «это слишкомъ дорого; стану я на это тратить деньги». Когда меня звали къ ужину, я спрашивалъ: есть-ли пироги или каша? и когда говорили, что нѣтъ, то продолжалъ свою работу, отказываясь отъ ужина. Двухъ лѣтъ я совершенно свободно говорилъ по-русски; когда у насъ гостила тетка (по отцу), то мы слышали нѣмецкій языкъ и непримѣтно выучились ему. По-французски маменька при насъ часто разговаривала съ своей старшей сестрой; мы любили ихъ передразнивать, произнося въ носъ выдуманные звуки. Разъ маменька и тетка, готовя сестрѣ сюрпризъ къ именинамъ, говорили при мнѣ по-французски, чтобъ я ихъ не понималъ. Онѣ чрезвычайно удивились, когда я на другой день объявилъ имъ, что знаю, о чемъ онѣ говорили—хотятъ подарить сестрѣ ножницы и наперстокъ. Шести лѣтъ маменька начала меня учить читать, но я не показывалъ большой охоты сидѣть за уроками; оттого для маменьки былъ сюрпризъ, когда я поднялъ съ полу бумажку и началъ разбирать ее; повторивъ нѣсколько разъ тотъ же опытъ, я скоро превзошелъ ея ожиданія. Лѣтъ трехъ я получилъ подругу въ играхъ, маленькую Феклу, дочь купленной въ домъ крѣпостной женщины Василисы. Скоро я такъ подружился съ этой дѣвочкой, что когда она долго уходила, я и по ней плакалъ, какъ по маменькѣ... Надобно въ дополненіе сказать и о нѣкоторыхъ дурныхъ качествахъ, напримѣръ, жадности, отъ которой я не разъ бывалъ боленъ, и вспыльчивости, которая, при малѣйшемъ противорѣчій, заставляла меня поднимать руку и не щадить моихъ собесѣдниковъ. Но послѣ всякаго такого выраженія гнѣва слѣдовало самое умильное раскаяніе, заставлявшее меня часто бросаться къ ногамъ и со слезами просить прошенія у того, кого я обидѣлъ. Вообще я былъ нетерпѣливо страстенъ въ желаніяхъ; захотѣвъ чего-нибудь, не давалъ покоя домашнимъ, пока не буду удовлетворенъ,

¹⁾ Сестра и братъ Якова Карловича.

и показывалъ особенную живость въ принятіи впечатлѣній: когда обманывался наши дѣтскія надежды несостоявшеюся прогулкою или другимъ чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, другіе слегка жалѣли, а плакалъ неутѣшно. Животныхъ любилъ необыкновенно. Когда мы переѣзжали съ Крестовскаго, гдѣ одинъ годъ провели лѣто, я умолялъ, чтобъ взяли съ собою въ городъ двухъ привязавшихся ко мнѣ собакъ. Мы сѣли въ лодку, онѣ стояли на берегу; мои просьбы остались тщетными; я рыдалъ какъ будто о потерѣ человѣка» ¹⁾).

Вотъ какъ объяснялъ Яковъ Карловичъ такія привязанности: «между невинными наслажденіями дѣтства одно изъ живѣйшихъ есть общеніе съ животными. И я испыталъ это удовольствіе во всей полнотѣ. Когда душа еще не пришла въ ясное сознаніе, еще остается какъ бы слятою съ природою и еще дремлютъ высшія силы человѣка, рѣзко отличающія его отъ животныхъ, въ этомъ возрастѣ я въ каждой твари видѣлъ брата, я живо, нѣжно сочувствовалъ всякой ея радости и всякому страданію, и воспоминаніе объ этой дѣтской симпатіи до сихъ поръ еще отзывается въ моей душѣ любовью къ животнымъ» ²⁾).

«Все, что я тогда читалъ,—говоритъ Я. К. Гротъ, продолжая свою автобіографію,—всѣ книжные герои, которые тогда волновали ребяческую душу, во всей своей прелести живутъ въ моемъ воспоминаніи. Даже нѣкоторыя картинки неизгладимо остаются въ немъ. Всего прочнѣе тѣ образы, которые трогали сердце. Я часто дивлюсь, какъ живо дѣтское воображеніе: всѣ происшествія и лица, которые я тогда узнавалъ, рисовались въ душѣ, какъ будто дѣйствительно виданныя. Оттого я и чувствовалъ такую страсть къ рисованію, что самоучкою выучился довольно порядочно срисовывать и раздѣчивать красками предметы съ натуры» ³⁾).

Десяти лѣтъ Яковъ Карловичъ былъ отданъ сначала въ Лицейскій пансіонъ, а затѣмъ и въ Царскосельскій лицей. Благодаря пріобрѣтенному уже знанію языковъ и филологическимъ способностямъ, онъ блестяще окончилъ курсъ, хотя сознается, что много надѣялся на удачу, и «она меня спасала, когда я лѣнился. Математикѣ я преданъ былъ страстно, пока не дошелъ до высшихъ частей ея; тутъ, благодаря безтолковому преподаванію, охота къ ней прошла» ⁴⁾).

Однимъ изъ отраднѣйшихъ лицейскихъ воспоминаній было для Якова Карловича посѣщеніе А. С. Пушкина. «Въ то время, какъ я былъ еще въ младшемъ курсѣ,—сообщаетъ онъ въ своей автобіографіи,—весною 28-го или 29-го года, онъ однажды навѣстилъ насъ. Мы

¹⁾ Переписка Грота съ Плетневымъ, II, 506 и сл., 513 и сл.

²⁾ Тамъ же, II, 330

³⁾ Тамъ же, I, 492 и сл.

⁴⁾ Тамъ же, II, 540.

слѣдовали за нимъ тѣсною толпой, ловя каждое слово его. Пушкинъ былъ въ черномъ сюртукѣ и бѣлыхъ лѣтнихъ панталонахъ. На лѣстницѣ оборвалась у него штрипка; онъ остановился, отстегнулъ ее и бросилъ на полъ; я съ намѣреніемъ отсталъ и завладѣлъ этою драгоценностью, которая послѣ долго хранилась у меня. Изъ разговоровъ Пушкина я ничего не помню, да почти и не слышалъ. Я такъ былъ пораженъ самымъ его явленіемъ, что не умѣлъ даже и слушать его, да притомъ, по всегдашней своей застѣнчивости, шелъ позади другихъ».

Въ свободное время Яковъ Карловичъ занимался въ Лицеѣ итальянскимъ языкомъ, участвовалъ въ журналахъ лицействовъ и написалъ траги-комедію «Мидасъ», которую и разыгралъ вмѣстѣ съ товарищами. Преподаватели Кошанскій и Тилло поощряли литературныя попытки Грота. Также благосклонно относился къ нему и профессоръ Шульгинъ, преподававшій исторію, но онъ оказалъ Якову Карловичу плохую услугу, рекомендовавъ его, не спросясь, предсѣдателю комитета министровъ князю Кочубею. Благодаря этому, Якову Карловичу шесть лѣтъ пришлось прослужить въ различныхъ канцеляріяхъ, пока онъ убѣдился, до какой степени чужда ему чиновничья дѣятельность. «Дни уходятъ, — заноситъ онъ въ свой дневникъ, — не оставляя ни въ умѣ, ни въ сердцѣ прочныхъ слѣдовъ, зато они оставляютъ по себѣ толстыя кипы исписанной веленовой бумаги; будетъ мнѣ чѣмъ похвастать, показывая внуку или сыну шкафы государственной канцеляріи; съ какою гордостью скажу: сочинялъ не сочинялъ, а писывалъ».

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для Якова Карловича была въ это время дружба съ однимъ изъ сослуживцевъ Д. С. Протопоповымъ. «Мы вступили въ комитетъ министровъ, — рассказываетъ Яковъ Карловичъ, — почти въ одно время — я только что изъ Лицея, онъ изъ Московскаго университета. Противоположность нашихъ вѣншихъ качествъ, при одинаковости внутренняго основанія, скоро сблизила насъ тѣсно. Онъ не имѣлъ никакого свѣтскаго образованія, не зналъ языковъ, былъ безъ всякихъ знакомствъ въ такъ называемомъ порядкомъ обществѣ, застѣнчивъ и неловокъ, къ тому же серьезенъ и разсудителенъ. Я, какъ лицейскій, имѣлъ нѣкоторый лоскъ свѣтской образованности, былъ живъ и довольно неоснователенъ; но мы оба равно стремились къ истинѣ, къ знаніямъ, дорожили духовнымъ усовершенствованіемъ и любили заниматься. Мы стали часто видѣться, спорили, бранились и переписывались, хотя жили въ томъ же городѣ и ежедневно сходились въ канцеляріи. Онъ меня полюбилъ со всею нѣжностію брата. Я, какъ гордая красавица, принималъ иногда довольно холодно его изъявленія, но онъ продолжалъ любить меня по-прежнему и не сердился на меня, когда я иногда съ дѣтскимъ упрямствомъ противорѣчилъ его зрѣлымъ сужденіямъ. Я училъ его по-французски и при этомъ показывалъ часто непроспитель-

ную строгость и нетерпѣніе; но онъ все сносилъ съ кротостію, даже съ неограниченнымъ повиновеніемъ. Впослѣдствіи, когда я жилъ на дачѣ у Корфа, мы оба писали свой дневникъ и отчетъ въ знаніяхъ, какія пріобрѣтали. Все это, и мои, и его бумаги, хранятся у меня, какъ дорогой для меня памятникъ нашего знакомства и первыхъ лѣтъ моей жизни на свѣтѣ» ¹⁾).

Занимаясь въ это же время шведской гимнастикой, для укрѣпленія слабого здоровья, подъ руководствомъ шведа Паули, Яковъ Карловичъ увлекся его рассказами о Швеціи, выучилъ шведскій языкъ и взялъ отъ Паули поэмѣ Тегнера «Сага о Фритіофѣ», которую вскорѣ и началъ переводить на русскій языкъ. Съ этихъ поръ Яковъ Карловичъ чувствуетъ влеченіе къ Сѣверу. Пользуясь вакаціями 1837 г., онъ со своимъ товарищемъ А. Д. Комовскимъ ѣдетъ на Иматру и въ Гельсингфорсъ, подвергаясь при этомъ серьезной опасности на морѣ. Въ 1838 и 1839 г.г., онъ, для поправленія здоровья, снова отправляется на воды въ Гельсингфорсъ, хотя и предполагалъ раньше ѣхать на югъ.

Между тѣмъ страсть къ филологіи развивалась своимъ путемъ. Яковъ Карловичъ изучаетъ и англійскій языкъ. Переведя въ 1837 г. поэмѣ Байрона «Мазепа», онъ черезъ бывшего лицеиста М. Д. Деларю, хотѣлъ помѣстить переводъ въ «Современникъ», издававшемся, по смерти Пушкина, профессоромъ и ректоромъ С.-Петербургскаго университета П. А. Плетневымъ. Отсюда возникаетъ знакомство и очень быстрое сближеніе Якова Карловича съ Плетневымъ, который недавно лишился своего лучшаго друга въ лицѣ великаго поэта, а черезъ два года лишился и жены. Яковъ Карловичъ, съ своей стороны, пыталъ симпатію къ Плетневу даже еще ранѣе личнаго знакомства: «Твою статью о Шекспирѣ въ литературной газетѣ... я очень помню»,—пишетъ онъ Плетневу,—«потому что читалъ ее съ большимъ наслажденіемъ... кажется мы еще не были знакомы, и я опять почувствовалъ сильную симпатію къ тебѣ, какъ всегда, когда читалъ что-нибудь твое или видѣлъ тебя. Это впечатлѣніе въ подобныхъ случаяхъ всегда повторялось съ той самой поры, когда я, бывъ еще въ лицѣѣ, увидѣлъ тебя впервые у рѣшетки тамошней ограды, когда ты изъ патріотическаго института, проводившаго лѣто въ Царскомъ Селѣ, пришелъ однажды навѣстить Вистингаузена» ²⁾).

Эта дружба длилась до самой смерти Плетнева и выражалась въ аккуратнѣйшей перепискѣ при всякой разлукѣ, которая и наступила въ 1840 г. Рѣшивъ отдаться учено-педагогической дѣятельности, Яковъ Карловичъ, благодаря отчасти стараніямъ Плетнева, былъ сначала

¹⁾ Переписка, II, 640.

²⁾ Тамъ же, II, 572.

причисленъ къ финляндскому статсъ-секретариату, а затѣмъ опредѣленъ профессоромъ русскаго языка и исторіи въ Александровскомъ Гельсингфорскомъ университетѣ.

Въ теченіе переписки Яковъ Карловичъ, строго слѣдившій за своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ, непрестанно читавшій Евангеліе, «*De perfectionnement de soi-même*» de Gerando, «Подраженіе Христу» Оомы Кемпійскаго и пр., приобрѣтаетъ нравственный авторитетъ въ глазахъ Плетнева, несмотря на то, что моложе послѣдняго на 20 лѣтъ. «Я не вполне сосредоточиваюсь,—пишетъ Плетневъ,—отъ безпрерывнаго прилива мелкихъ хлопотъ, еще болѣе отъ разочарованія и, наконецъ, отъ физической усталости, неминуемо овладѣвающей тѣломъ послѣ дѣятельности столькихъ лѣтъ. Должности не хочу я бросить потому, чтобы, пока не кончится воспитаніе Оли (дочери), быть здѣсь привязаннымъ по необходимости. Разочарованіе мое относится вообще ко всему, что нѣкогда я любилъ пламенно и что не удовлетворило моимъ юношескимъ ожиданіямъ; разумѣю—всѣ помыслы, всѣ чувства филантропическія. Это, однако же, не значитъ, что я пересталъ для нихъ жить: бываютъ часто минуты, въ которыя я возвращаюсь ко всему этому. И вотъ почему я благодарю тебя и навсегда прошу не переставать благотворно дѣйствовать на ослабѣвающія мои умственныя и физическія силы. Теперь, чѣмъ далѣе поступаю я въ жизнь, тѣмъ нужнѣе мнѣ такая подпора, какъ ты»¹⁾.

Третьимъ лицомъ въ союзѣ Якова Карловича съ Плетневымъ была извѣстная въ педагогическомъ мірѣ А. О. Ишимова, воспитательница дочери Плетнева, и Яковъ Карловичъ на предложеніе расширить ихъ дружескій кругъ, выразился такъ: «Довольно и того, что нашлось какъ-то три человѣка, которые совершенно понимаютъ другъ друга; искать еще четвертаго есть мысль дерзкая и несбыточная»²⁾.

Назначеніе Якова Карловича въ Гельсингфорскій университетъ состоялось 3-го апрѣля 1841 г. по высочайшему повелѣнію, на основаніи рекомендацій и печатавшихся въ «Современникѣ» статей Грота о Финляндіи. Однако, финляндскіе профессора, хотя ни одинъ изъ нихъ не могъ бы проэкзаменовать Якова Карловича по предметамъ назначенной ему кафедры, были оскорблены нарушеніемъ университетскихъ традицій и весьма недовѣрчиво встрѣтили вступленіе Якова Карловича въ ихъ среду. Насколько это было тяжело для него—можно судить по слѣдующимъ его словамъ: «Вчера, во вторникъ, я много плакалъ. Поутру встрѣтилъ я одного изъ профессоровъ, моего пріятеля и брата»³⁾ Лилле, очень хорошаго человѣка. Онъ повторилъ мнѣ, что

¹⁾ Тамъ же, I, 544.

²⁾ Тамъ же, I, 561.

³⁾ По брудершафту.

я нахожусь въ весьма затруднительномъ положеніи по обязанности за-сѣдать въ консисторіи и факультетѣ, что это—необыкновенное и оскорбительное нарушеніе ихъ формъ, и что наконецъ на меня смотрятъ съ неудовольствіемъ и даже съ подозрѣніемъ. Онъ прибавилъ, что мнѣ, по незнанію дѣлпроизводства и законовъ, чрезвычайно трудно будетъ участвовать въ разсужденіяхъ консисторіи. Я пошелъ къ Цигнеусу и тутъ, несмотря на присутствіе его брата, не могъ совладать съ собой и далъ волю слезамъ, едва удержаннымъ на улицѣ. Добрый Цигнеусъ утѣшалъ меня, какъ могъ; но слово подозрѣніе жгло мою внутренность. Отъ него я пошелъ, чтобы посоветоваться къ Тенгстрему—не засталъ его; потомъ къ Рейну ¹⁾; тутъ опять плакалъ долго; онъ подтвердилъ слова Лилле, но самъ отдавалъ мнѣ справедливость и совѣтовалъ требовать въ консисторіи назначенія комитета для сочиненія инструкции. Я успокоился. Послѣ обѣда въ 4 часа пошелъ къ Тенгстрему; и онъ изъявилъ мнѣ много довѣренности ²⁾.

Старательно выполняя затѣмъ свои профессорскія обязанности, Яковъ Карловичъ вооружилъ противъ себя и студентовъ, вражда которыхъ къ Россіи еще не остыла, такъ какъ они были всего лишь первымъ поколѣніемъ, выросшимъ на почвѣ завоеванной Финляндіи. Не разъ возникали враждебныя демонстраціи противъ Якова Карловича, но онъ всегда выходилъ изъ затрудненій со свойственной ему твердостью и тактомъ. Одинъ изъ этихъ случаевъ онъ описываетъ такъ: «На лекціи напелъ я у себя необыкновенное множество студентовъ, между которыми не было почти ни одного изъ обыкновенныхъ слушателей. Я догадался, что они хотѣли заупрямиться, если-бъ я хотѣлъ заставить ихъ читать. Однако-жъ я подошелъ къ передней скамьѣ и спросилъ, что значить это множество. Сидѣвшій съ краю сказалъ: «Мы пришли слушать вашу лекцію». Тогда я тотчасъ взомелъ на кафедру и сказалъ: «По поводу того, что вижу, долженъ я объяснить, что введенныя мною разговорныя лекціи основывались на взаимномъ согласіи, при чемъ было объявлено, что если пожелаютъ опять прежняго порядка, то я буду читать и съ кафедры, но этого желанія никто не изъявлялъ. Теперь, вида передъ собою столько человѣкъ, не участвовавшихъ въ томъ согласеніи, я, разумѣется, буду читать съ кафедры». Вслѣдъ за этимъ выбралъ я для чтенія «Олеговъ цѣтъ». Какъ это вступленіе, такъ и потомъ разборъ этихъ стиховъ, историческій и филологическій, произнесены были мною съ такою твердостью и непринужденностью, которыхъ, конечно, не ожидали мои слушатели, думавшіе озадачить меня.

¹⁾ Всѣ лица, упоминаемые здѣсь, были профессорами Александровскаго университета.

²⁾ Череписка, I, 320.

Между тѣмъ во время лекціи пришло еще нѣсколько студентовъ, чего обыкновенно не бываетъ. Отъ «Олегова щита» перешелъ я къ «Цыганамъ»... Я увидѣлъ, какъ необходимость и противофѣйствіе могутъ вдохновлять: я говорилъ такъ, какъ-будто особенно готовился къ этой лекціи. Кончивъ ее, не счелъ нужнымъ вступать въ дальнѣйшія объясненія и ушелъ. Но завтра думаю сказать нѣсколько серьезныхъ словъ о причинахъ введенія новой методы» ¹⁾).

Кромѣ того Яковъ Карловичъ заноситъ еще въ свой дневникъ 4-го декабря: «вчерашній день, послѣдній въ этомъ терминѣ, былъ буренъ. Послѣ кандидатскаго экзамена я пошелъ (къ Барановскому) на русскій и скоро замѣтилъ, что экзаменовавшіеся сговорились не отвѣчать мнѣ. Тогда я рѣшился привести дѣло въ полную ясность, и просто началъ экзаменовать. Вдругъ одинъ изъ прежнихъ упрямцевъ, Гунерусъ, выступилъ и сказалъ:—Позвольте мнѣ для себя и товарищей моихъ взять смѣлость напомнить, что мы не признаемъ ни за кѣмъ инымъ права экзаменовать, какъ за профессоромъ Барановскимъ... Въ ту же минуту, ничего не отвѣчая, я всталъ и сказалъ:—Экзаменъ конченъ. Какъ ваша фамилія?—Потомъ вышелъ вмѣстѣ съ Барановскимъ. Было нѣсколько слушателей. Въ факультетской комнатѣ, куда я пошелъ и гдѣ еще продолжался кандидатскій экзаменъ, всѣ профессора приняли очень къ сердцу это происшествіе и всѣ согласно съ годовованіемъ осуждали Гунеруса.

«Вошелъ ректоръ и началъ было оспаривать мое право экзаменовывать. Я сказалъ, что это дѣло особое, а теперь рѣчь можетъ быть только о поступкѣ студента. Хотѣли нарядить комиссію дисциплины и посадить студента въ карцеръ. Наконецъ, послѣ многихъ толковъ, я согласился кончить дѣло тѣмъ, чтобы экзаменовавшіеся, послѣ обѣда въ 5 часовъ опять явились на прежнее мѣсто и чтобы тамъ виновный при всѣхъ попросилъ у меня извиненія.

«Въ исходѣ 5-го часа заѣхалъ я къ Теслеву (губернатору) и рассказалъ ему случившееся, чтобъ предупредить слухи, но просилъ считать дѣло конченнымъ. Оттуда въ университетъ. Ректоръ и Лилле ждали меня въ канцеляріи. Когда они все приготовили, мы пошли въ аудиторію. Стоя у стола, по другую сторону котораго сталъ я, ректоръ со слезами говорилъ о непріятномъ и опасномъ поведеніи студентовъ въ этомъ терминѣ. Потомъ объявилъ онъ, что Гунерусъ будетъ здѣсь просить у меня извиненія и тѣмъ кончится дѣло, которое иначе могло бы имѣть самыя дурныя послѣдствія. Но тутъ всѣ присутствовавшіе студенты, кромѣ экзаменовавшихся и человѣкъ двухъ другихъ, вдругъ вышли. Я усомнился, могу ли принять прошеніе извиненія въ такомъ случаѣ.

¹⁾ Тамъ же, 626 и сл.

Ректоръ испугался, сталъ увѣрять, что онъ не могъ предупредить этого, и я согласился выслушать слова Гунеруса, на которыя отвѣчалъ обыкновенными терминами. Послѣ того сказалъ я ректору, что лучше бы было, если-бъ онъ воротилъ вышедшихъ, потому что я собирался сказать имъ нѣсколько словъ. Онъ выбѣжалъ, закричалъ имъ и они пришли.

«Я сказалъ приготовленное объясненіе, и мы всѣ вышли. Я оставилъ Барановскаго одного докончить экзаменъ, прерванный поутру»¹⁾.

Въ концѣ концовъ однако Яковъ Карловичъ приобрѣлъ всеобщія симпатіи въ Гельсингфорсѣ, хотя и мало посѣщалъ общество, занятый кромѣ лекцій и чисто журнальныхъ статей, спеціальными трудами по разработкѣ системы спряженія русскихъ глаголовъ и біографіей Державина. Когда въ томъ 1842 года въ Гельсингфорсѣ пріѣхала поэтесса графиня Растопчина, стихи которой давно нравились Якову Карловичу, то вотъ что онъ пишетъ: «Наконецъ познакомился я съ Растопчиной. Она мнѣ очень понравилась. Ея живое болтовство, въ которомъ такъ много видно начитанности, такъ много неосновательности, очень мило; игра фizioноміи и жесты, особливо маленькаго пальчика, придають ей еще болѣе прелести. Фанфаронства ни мало»²⁾.

Что же касается финскихъ литературныхъ дѣятелей, то послѣ Рунберга Яковъ Карловичъ съ наибольшей любовью отзывался о Ленротѣ. «Онъ,—пишетъ Яковъ Карловичъ въ 1840 г.,—живетъ въ хорошей части города, но въ бѣдномъ красномъ домишкѣ на дворѣ. Ласково встрѣченный имъ, я увидѣлъ въ немъ человека среднихъ лѣтъ съ огненными глазами, съ добродушной улыбкой, съ лицомъ почти багровымъ отъ загара, съ приемами неловкими и вовсе не свѣтскими, онъ одѣтъ былъ грубо, въ длинномъ сюртукѣ изъ темно-синяго толстаго сукна, но его обращеніе и рѣчь такъ безъискусственны и просты, что я тотчасъ полюбилъ его отъ сердца. Онъ самъ, кажется, и не подозреваетъ въ себѣ никакого достоинства, и всякаго считаетъ выше себя.

«При нашемъ приходѣ сидѣлъ онъ у стола, заваленнаго тетрадами, мелко исписанными; въ одну изъ нихъ переписывалъ онъ на-бѣло собранныя имъ въ народѣ лирическія пѣсни, изъ которыхъ онъ уже напечаталъ часть, составившую порядочную книгу. Вотъ главное занятіе его жизни, когда онъ свободенъ отъ дѣлъ по званію врача. Прежде онъ странствовалъ неутомимо и собиралъ пѣсни: теперь онъ съ тѣмъ же непреклоннымъ усердіемъ просиживаетъ цѣлые дни въ своей убогой комнаткѣ и собранное приводитъ въ порядокъ, переписываетъ, печатаетъ. Я дѣлалъ вопросы ему о разныхъ лицахъ и предметахъ, упоми-

¹⁾ Тамъ же, II, 926 и сл.

²⁾ Тамъ же, I, 554.

наемыхъ въ его путевыхъ замѣткахъ, и онъ на все отвѣчалъ съ большимъ участіемъ. Вдругъ я замѣтилъ на стѣнѣ небольшую арфу или, называя ее по-фински—кантелу, изъ простаго некрашеного дерева. Когда я о ней заговорилъ, Ленротъ тотчасъ же взялъ ее и, положивъ на колѣни, по обычаю финновъ, началъ играть на ея мѣдныхъ и желѣзныхъ струнахъ разныя чухонскія аріи. Потомъ онъ сталъ выносить изъ другой комнатки цѣлыя тюки тетрадей съ народными пѣснями, изъ которыхъ многія остаются еще черныя, какъ онъ писалъ ихъ съ голоса крестьянъ, другія же перебѣлены имъ; третьи написаны рукою самихъ пѣвцовъ, изъ коихъ не малое число умѣетъ писать прямо, четко и часто даже красиво; это искусство приобрѣтаютъ они самоучкой, доставая, гдѣ только можно, прописи. Ленротъ, во время своихъ странствованій, самъ часто изготовлялъ для нихъ такія прописи: у него хорошій почеркъ. Теперь всѣ финны не только внутренней Финляндіи, но и Архангельской губерніи, уже знаютъ его и нерѣдко получаетъ онъ отъ тамошнихъ поселенъ письма и пѣсни, иногда съ просьбою напечатать ихъ, если онѣ годятся. Онъ издаетъ на финскомъ языкѣ листокъ «Пчела» (Mehiläinen). Оттуда и изъ рукописныхъ тетрадей прочелъ онъ мнѣ, съ буквальнымъ шведскимъ переводомъ, разныя чрезвычайно любопытныя пѣсни, которыя обѣщаль достать и на письмѣ. Между разговоромъ и этими чтеніями, ему вдругъ вздумалось (въ 12 часовъ дня) поить насъ чаемъ. Онъ взялъ съ своего комода маленькій самоварчикъ и вынесъ его куда-то; потомъ самъ же принесъ его, но уже съ кипяткомъ на старое мѣсто и налилъ три стакана чаю, отъ котораго я, однако же, по обыкновенію, отказался. Мы ему замѣтили, что довольно странно пить оболо обѣденнаго времени чай; онъ отвѣчалъ, улыбаясь, что ѣсть и пить, когда случится, зачастую вовсе не обѣдаетъ и довольствуется ужиномъ, а днемъ, сидя за работой, пить чай. Тутъ онъ сѣлъ возлѣ своего самоварчика, выдвинулъ изъ комода верхній ящикъ, въ которомъ показались обломки и крохи разнаго хлѣба и, вынувъ кусокъ выборгскаго кренделя, принялся убирать его съ чаемъ. Онъ видимо обрадовался, когда я сказалъ ему, что всеподданнѣйшая просьба Війляйнена напечатана по-русски и что вскорѣ я это пришлю ему, вмѣстѣ съ переводомъ мѣсть изъ Калевалы (онъ скоро ѣдетъ въ свою сѣверную Финляндію). Меня же особенно обрадовало то, что онъ знаетъ и читаетъ по-русски, ошибаясь только въ удареніяхъ. Когда мы собрались идти, онъ подаль мнѣ недавно отпечатанный первый томъ финскихъ лирическихъ пѣсень, прося принять въ знакъ памяти, но черезъ минуту взялъ назадъ и сдѣлалъ надпись: «Herra Gröttille (это дательный падежъ по-фински) pöyrimmästi kokoojalta» ¹⁾). Послѣднія два слова остаются пока тайной для меня.

¹⁾ Отъ всепокорнѣйшаго собирателя

Тогда я вынулъ изъ кармана двѣ-три изъ своихъ статей и вручилъ ему въ оплату. «Такъ вотъ вашъ Ленротъ»—сказалъ я Цигнеусу, сходя съ нимъ по лѣстницѣ.—«Въ полномъ смыслѣ финнъ,—отвѣчалъ онъ,—и тѣломъ и душой. То-то и пріятно видѣть, что онъ весь безраздѣльно отдался своему любимому занятію и ни въ чемъ не измѣняетъ себя». Въ самомъ дѣлѣ онъ даже тѣлодвиженіями и приемами настоящей чухна: когда онъ говоритъ, то часто киваетъ головой и поводитъ рукой, какъ эти добрые финны, которыхъ вамъ, можетъ быть, случалось встрѣчать на станціяхъ въ Выборгской губерніи. Вотъ какіе есть люди въ Финляндіи: они еще не оторваны отъ лона матери природы и, живя въ бѣдности, не зная ни въ чемъ роскоши, богаты только внутреннимъ достоинствомъ, и ничего, кромѣ этого, не ищутъ»¹⁾.

Получивъ отъ Якова Карловича изданный имъ юбилейный альманахъ Александровскаго университета, Ленротъ написалъ любопытное русское письмо Якову Карловичу, объясняясь въ такомъ родѣ: «Въ первыхъ я одолжительноѣйше благодарю тебя за «Альманахъ», который я давно уже получилъ и прочиталъ, такъ русскій, какъ и шведскій экземпляръ его. Мнѣ казались подлинно русскія стихи любопытнѣе, нежели переведенные, хотя «Сѣверная Пчела» и нѣкоторые другіе рецензенты утверждаютъ что-то противное. Но имъ не можно разсуждать безпристрастно, особенно о такой статьѣ, кака графа Сологуба, которая нисколько не жалѣетъ о нихъ. Собака, которую бьютъ, вскрикаетъ,—сказываютъ по пословицѣ и проч.»²⁾.

Возвращаясь къ автобіографическимъ чертамъ переписывавшихся, мы должны сказать, что въ письмахъ Плетнева ихъ весьма мало. «Первая лѣта моей жизни, — пишетъ онъ, — такъ безцвѣтны, что я самъ ихъ не помню. Выросъ я между чужими. Всегда мнѣ чужды были забавы и удовольствія моихъ товарищей. Единственная потребность, господствовавшая въ душѣ моей, была любовь: ребенкомъ я любилъ тѣхъ изъ дѣтей, которыя были хорошенькія. Это странное врожденное стремленіе къ красотѣ до сихъ поръ меня преслѣдуетъ. Я хотѣлъ первоначально поступить въ Медицинскую академію. Но одинъ родственникъ отговорилъ меня. Когда я рѣшился идти въ Педагогическій институтъ, то всѣ нашли это очень выгоднымъ. Хотя между товарищами почитали меня отлично хорошимъ ученикомъ, но я былъ всегда лѣнивъ, не любилъ ничего учить особенно наизусть; всякое дѣло откладывалъ и надѣялся на удачу, которая къ удивленію не измѣняла мнѣ. Даже въ институтѣ я ничего основательно не узналъ. На экзаменахъ попадалось мнѣ все что-то легкое. Одной математикѣ учился я нѣсколько

¹⁾ Переписка, I, 4—6.

²⁾ Тамъ же, II, 873.

времени со страстью, особенно стереометріи. Только опредѣлившись учителемъ исторіи и ариѳметики въ Екатерининскій институтъ, почувствовалъ я необходимость заниматься внимательно. Въ короткое время я такъ постигнулъ способъ преподавать успѣшно и занимательно исторію, что Шторхъ, послѣ присутствія на моемъ урокѣ написалъ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ: «Madame, j'ai trouvé un trésor dans notre Institut—c'est m-r Pletneff» ¹⁾.

Затѣмъ по множеству лицъ, съ которыми Плетневъ входилъ въ сношенія, какъ педагогъ и журналистъ, переписка его пестритъ свѣдѣніями о многихъ замѣчательныхъ современникахъ. Онъ собирался когда нибудь издать записки своей жизни. «Послѣднее, — пишетъ онъ, мнѣ завѣщаль Пушкинъ у Обухова моста во время прогулки за нѣсколько дней до своей смерти. У него тогда было какое-то высоко-религіозное настроеніе. Онъ говорилъ со мною о судьбахъ Промысла, выше всего ставилъ въ человѣкѣ качество благоволенія ко всѣмъ, видѣлъ это качество во мнѣ, завидовалъ моей жизни и вытребовалъ обѣщаніе, что я напишу свои мемуары»... «Ты мой Гротъ, — пишетъ Плетневъ въ другой разъ о томъ-же, — точно основатель для меня мирнаго общежитія, которому начало положилъ Пушкинъ въ послѣдній годъ своей жизни. Любимый со мною разговоръ его, за нѣсколько недѣль до его смерти, все обращенъ былъ на слова: «Слава въ Вышнихъ Богу, и на землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе». По его мнѣнію я много хранилъ въ душѣ моей благоволенія къ людямъ; оттого и самыя литературныя ссоры мои не носятъ характера озлобленія. А я, слушая его и чувствуя, что еще далеко мнѣ до титла чело в ѣ к а благоволенія, бралъ намѣреніе дойти до того. Тутъ смѣнилъ ты Пушкина—и уже сильнѣе подѣйствовалъ на мое преобразование» ²⁾.

Въ данный періодъ П. А. Плетневъ былъ приближенъ уже, какъ педагогъ, ко Двору, и занимался чтеніями по русской литературѣ съ великой княжной Ольгой Николаевной. Насколько живо интересовало великую княжну чтеніе лучшихъ литературныхъ произведеній, показываетъ описываемый Петромъ Александровичемъ слѣдующій случай: «Погода была ужасная, — пишетъ онъ, — но я все-таки отправился въ Царское Село. Великая княжна Ольга Николаевна едва вѣрила глазамъ, что я прибылъ въ такое время. Мы отправились въ кабинетъ ея маменьки, которую нашли разсматривающею продажныя для женскаго туалета вещи. Ея величество мнѣ сказала, не хочу ли я чего купить? Я отвѣчалъ, что уже не для кого теперь. Мы начали «Руслана и Людмилу», что повнадобилось по предстоящей оперѣ сего самаго сюжета. Очень нра-

¹⁾ Тамъ-же, II, 530.

²⁾ Тамъ-же, I, 495 и сл. II, 731.

вится. Начали входить, начиная съ вашего канцлера ¹⁾, всѣ сыновья одинъ за другимъ и тѣмъ прерывали наше чтеніе, такъ что великая княжна Ольга Николаевна въ нетерпѣніи воскликнула при послѣднемъ: «Что это, паша, сколько у васъ сыновей!» Они всѣ меня слушали съ видимымъ любопытствомъ». Въ слѣдующій разъ: «У государыни дочиталъ «Руслана и Людмиду». Опять всѣ дѣти къ ней собрались, а тутъ и государь пожаловалъ. Онъ шутилъ со мною, что чтеніе отъ нихъ перерывается; но (прибавилъ стариковскимъ голосомъ и принявъ такую же мину) старуху мнѣ надо старику навѣщать: вотъ маленькому-то сынку сегодня ужъ десять годковъ (день рожденія великаго князя Михаила Николаевича)» ²⁾.

Послѣ бракосочетанія въ 1846 г. великой княжны Ольги Николаевны Петръ Александровичъ пишетъ: «Третьяго дня великая княгиня Ольга Николаевна прислала мнѣ третій подарокъ ³⁾, самый дорогой для меня, хотя и ничего незначущій для постороннихъ. Это стоечка бронзовая, на которой ея часы обыкновенно висѣли на письменномъ столѣ ея. Вещь эту она такъ любила, что одну въ 18 лѣтъ ни разу не замѣнила другою. Ей извѣстно было, что и я находилъ эту вещь самую милую, какъ свидѣтельница нашихъ занятій столько лѣтъ. Теперь, оставляя Петербургъ, она прислала ее мнѣ, какъ бы желая заставить меня безпрестанно думать и вспоминать о времени, проведенномъ нами вмѣстѣ» ⁴⁾.

Въ университетѣ Петръ Александровичъ читалъ лекціи, обыкновенно обдумавъ лишь предметъ чтенія, но не построеніе фразъ; онъ пишетъ по этому поводу Гроту: «Мнѣ радостно слышать, что ты чувствовалъ превосходство преподаванія изустнаго передъ книжнымъ. Я всегда находилъ, что одно первое только и законно въ профессорскомъ званіи. Изустное преподаваніе, или профессорская импровизація, часто приводитъ импровизатора къ открытіямъ, подобнымъ вдохновенію. Кипѣніе мыслей выбиваетъ часто изъ души столь новыя идеи, что никогда не добрался бы до нихъ самъ творецъ въ тиши кабинета. Со мною подобное случилось въ послѣдній разъ. Сосредоточивая вниманіе слушателей на трехъ эпохахъ развитія мысли, т. е. на открытіи языка, письменъ и книгопечатанія, вдругъ почувствовалъ я, что въ наше время совершилось для мысли нѣчто равносильно-важное предыдущимъ случаямъ: это періодическія изданія. Франція и Англія уже почувствовали всю необъятность силы, все благо и всю гибель этого новаго властелина, подаявшагося надъ всѣми видоизмѣненіями могущества.

¹⁾ Наслѣдникъ цесаревичъ, впоследствии императоръ Александръ II.

²⁾ Переписка, I, 598 и сл., 617.

³⁾ Первый былъ брильянтовый перстень, а второй—мраморная ваза.

⁴⁾ Переписка, II, 807.

Нѣтъ доктрины, которой бы, наконецъ, нельзя было навязать человечеству помощію періодическаго изданія, вѣдомаго равномерно, но неослабно» ¹⁾).

Плетнева, какъ ректора, очень цѣнилъ министръ графъ Уваровъ за его умѣнье успокаивать студентскія волненія. «Въ этотъ день,—пишетъ Петръ Александровичъ 11-го сентября 1846 г.,—пришлось мнѣ ораторствовать передъ вновь принятыми студентами, которые выгнали изъ аудиторіи инспекторскаго помощника Вакара за то, что онъ, по приказанію попечителя, вошелъ къ нимъ отиѣчать, кого нѣтъ на лекціи. Я имъ изъяснилъ, что все, производимое ими въ стѣнахъ аудиторій, я беру на мой счетъ, какъ ректоръ; а что, по короткому времени, ни мнѣ, ни имъ, нельзя быть недовольными другъ другомъ,—и потому они должны пока держаться перваго моего имъ совѣта—сохранять въ поступкахъ то достоинство, которое на нихъ возлагаетъ званіе студентовъ. Говорятъ, будто они изумлены были столь неожиданнымъ тономъ искренности и спокойствія моего» ²⁾).

Въ предотвращеніе недоразумѣній, онъ иногда заходилъ на лекціи профессоровъ, причемъ замѣчаетъ: «Устрялова преподаваніе совершенно мужицкое. Ни слогу, ни одушевленія!» ³⁾. И вообще Петръ Александровичъ не жалуется профессоровъ. «Я не говорю, что чиновникъ лучше профессора,—разъясняетъ онъ Гроту,—только послѣдній (въ которомъ бы должно быть все хорошо по его ремеслу) чаще бываетъ несносенъ—отъ избытка знаній и отъ недостатка умственнаго пищеваренія» ⁴⁾. Петръ Александровичъ относится скептически даже къ популярнѣйшему профессору Московскаго университета Грановскому и, называя заикой, не признавалъ за нимъ и дара краснорѣчія. Высказывается онъ такъ, сообщивъ Гроту о его диспутѣ: «Прибавляю о Москвѣ слѣдующую новость изъ письма Коптева. Была промоція Грановскаго (вѣроятно въ доктора). Тема диссертациі: «Существованіе города Винеты». Зала полна студентами. При вступленіи на кафедру дефендента (Грановскаго) оглушительныя раздались рукоплесканія. Шевыревъ, какъ факультетскій оппонентъ, сталъ возражать и—уничтожать его. Зашикали: у него навернулись слезы. Бодяноскій, другой оппонентъ, срѣзалъ Грановскаго. Опять зашикали. Разбѣшенный Бодяноскій сталъ говорить грубости и дерзости. Шумъ умножился. Деканъ вставъ объявилъ, что дефендентъ довольно выказалъ свои знанія, и кончился диспутъ». Гротъ отвѣчаетъ на это: «Промоція Грановскаго была въ м а г и с т р ы (по московскому выговору Герца). Мнѣ жаль Шевырева; къ нему неспра-

¹⁾ Тамъ-же, II, 563.

²⁾ Тамъ-же, II, 821 и сл.

³⁾ Тамъ-же, I, 494.

⁴⁾ Тамъ-же, I, 130.

ведливъ: онъ очень добросовѣстенъ и усерденъ; бѣда только въ натянутости его рѣчи и вообще въ аффектаціи. Бодянской возражалъ прежде Шевырева и къ увеличенію досады слушателей вынулъ изъ кармана цѣлую кипу бумажекъ, на которыхъ написаны были возраженія. Когда зашумѣли, онъ обратился къ присутствовавшимъ и грубо спросилъ: чѣмъ я не угодилъ? (или кому?) Онъ (по словамъ Герца) одноглазый, кривоногий, въ обращеніи мужикъ и деспотъ»¹⁾

Однако Плетневъ очень сочувственно отнесся къ будущему знаменитому профессору, тогда еще юному учителю 2-й московской гимназіи, Каатану Андреевичу Коссовичу. Онъ былъ письменно рекомендованъ Плетневу, съ цѣлью сотрудничанья въ «Современникъ», директоромъ тверской гимназіи Коншинымъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «у меня есть юноша-другъ Коссовичъ, явленіе чудное, изучающій языки, какъ ѣдятъ калачи. Онъ мнѣ читалъ нѣсколько уже прелюбопытныхъ драмъ и отрывковъ съ санскритскаго: я хочу вамъ ихъ доставлять иногда, буде желаете (?). Онъ былъ моимъ домашнимъ другомъ, когда былъ учителемъ греческаго языка въ моей гимназіи; теперь онъ переташенъ во 2-ю московскую гимназію на тотъ же предметъ. Онъ удивляетъ Москву своимъ языковѣдѣніемъ; онъ изучилъ, кромѣ новыхъ, греческій, латинскій, еврейскій, арабскій и наконецъ санскритскій; человѣкъ, какихъ мало родитъ скупая нынѣшняя почва человѣчества; онъ вовсе не педантъ, вовсе не пахнетъ ученостью, но сидитъ и пожираетъ все, откапываемое повсюду. Живостью онъ очень похожъ на нашего Пушкина. Строгановъ и Московскій университетъ загораживаютъ ему ученую дорогу, хотя всѣ его уважаютъ невольно; главный его недостатокъ въ томъ, что онъ чуждъ ученаго педантизма, шутитъ и смѣется языкомъ либерала надъ пѣдотомъ и кровью педантовъ-профессоровъ, учитъ, какъ бы играя, и изумляетъ наблюдателей успѣхами своихъ учениковъ. Къ стыду ученаго русскаго міра этотъ человѣкъ—учитель гимназіи, тогда какъ нѣтъ въ Москвѣ просвѣщеннаго и любознательнаго дома, гдѣ бы имя его не отзывалось чудно, и когда съ университетскихъ кафедръ съ уваженіемъ говорятъ объ ученыхъ трудахъ его».

Плетневъ заинтересовался и Коншинъ присылаетъ ему болѣе подробныя свѣдѣнія: «спѣшу вамъ отвѣчать о Коссовичѣ по вопросамъ вашимъ: онъ сынъ униатскаго священника, уроженца Вильны; учился первоначально у ксендзовъ въ коллегіи, въ Витебскѣ; поступилъ потомъ въ тамошнюю гимназію; по окончаніи курса, почти пѣшкомъ и даже почти босикомъ прибылъ въ Москву и втерся на казенное содержаніе въ университетъ; кончилъ курсъ кандидатомъ; но странно, что его здѣсь не поняли и не оцѣнили: голоса и противъ него, и за него были такъ не-

¹⁾ Тамъ-же, II, 458, 415, 420.

умѣренно громки, что почти равносильны. Онъ вынесъ въ университетѣ только уваженіе Шевырева, опредѣленное, окончательное, ибо обстоятельства ихъ сблизили домашнимъ образомъ; о прочихъ профессорахъ можно сказать, что они смотрѣли на него разиня ротъ, какъ на явленіе странное, и скорѣе сумасшедшимъ, нежели гениальнымъ считали его. Все прекрасное его: и богатство памяти, и любовь страстная къ языкознанію, и громкая проповѣдь его о томъ, что учить не умѣютъ, и живые примѣры неимоверныхъ успѣховъ его собственныхъ учениковъ,—наконецъ рѣчь его, отрывистая, рѣзкая, и безпечность, съ какой нерѣдко забывалъ, какой сегодня день, или есть ли у него на шеѣ галстухъ,—все это слилось въ хаосъ понятій объ этомъ человѣкѣ.

«Вышедъ изъ университета, сблизясь со многими родителями хорошихъ фамилій, будучи осыпанъ ласками и доходами за private уроки, онъ естественно пожелалъ получить мѣсто въ Москвѣ; но графъ (С. Г. Строгановъ) былъ уже предупрежденъ и отказалъ въ этомъ; онъ около двухъ лѣтъ оставался безъ мѣста, ибо въ губернію ѣхать не хотѣлъ, а между тѣмъ внести сумму за воспитаніе было ему не изъ чего; деньги у людей подобныхъ ему не держатся; часто онъ занималъ 200 р. за огромные проценты, а первые 300, которые найдутся въ карманѣ, отдавалъ бѣдному студенту. Вотъ очеркъ его старой московской жизни.

«Наконецъ графъ предложилъ ему ѣхать въ Тверь, на греческій языкъ, или внести немедленно сумму за воспитаніе: онъ пріѣхалъ въ Тверь.

«Графъ мнѣ сказалъ, опредѣляя его: я вамъ даю Коссовича, знающаго дѣло, какъ профессоръ, но примите мѣры: онъ у васъ и двухъ мѣсяцевъ, думаю, не останется; это польская голова, предприимчивая, странная и проч.

«Онъ пріѣхалъ, и я скоро полюбилъ его; онъ былъ ласковъ, какъ ребенокъ, и преданъ какъ сынъ; я взялъ его къ себѣ въ домъ, безъ всякихъ видовъ для моихъ дѣтей, ибо они еще были малы, а просто любя его. Онъ пробылъ у меня не два мѣсяца, а около 4 лѣтъ, и графъ уже насильно перевезъ его въ Москву. Онъ двинулъ у меня въ гимназіи не только греческій языкъ, но все языкознаніе; у меня онъ изучилъ и еврейскій, и арабскій языки, и почти наполовину санскритскій, которыми теперь предпочтительно занятъ. Въ Москвѣ полюбили его всѣ любящіе истинное достоинство людѣ; профессора же университета съ уваженіемъ ему кланяются и тянутъ руку, но всячески загораживаютъ ему дорогу къ университету; предубѣждаютъ противу него графа, льстятъ ему и вредятъ ему, чѣмъ только могутъ. Кажется, кончится тѣмъ, что онъ оставитъ ученую службу и посвятитъ себя чистому ученому служенію, если дозволить только средства, ибо

енъ уроковъ частныхъ не любить изъ видовъ, а кабинетъ его набить вольными слушателями—даромъ; но вѣдь этимъ не проживешь» ¹⁾).

Плетневъ былъ всегда покровителемъ молодыхъ талантовъ, но особливо симпатією его были молодые поэты. Онъ поощрялъ первые шаги студентовъ Плещеева, А. Н. Майкова и др. Самъ онъ уже давно оставилъ стихи, но побуждаетъ къ нимъ Грота. «Конечно,—возражаетъ послѣдній,—твой благоприятный отзывъ можетъ побудить меня къ тому, чтобы я чаще прежняго выражалъ свои мысли стихами; но вотъ бѣда: сочиненіе стиховъ прерываетъ правильный и спокойный ходъ практической жизни, увлекая насъ къ усиліямъ, которыя заставляютъ забывать все прочее. Такъ и эти двѣ дорожныя пьесы ²⁾ стояли мнѣ перочиннаго ножика, забытаго въ Выборгѣ, и одной калоши, которая неприятно свалилась съ ноги верстъ за 70 передъ Выборгомъ» ³⁾).

Но въ началѣ литературной дѣятельности Гротъ больше писалъ стихами, чѣмъ прозой, и по поводу его замѣчательнаго перевода «Саги о Фритіофѣ» Плетневъ вступилъ въ длинный споръ съ нимъ относительно усовершенствованія русскаго гекзаметра болѣе частымъ введеніемъ спондеевъ и діерезы. «Жуковский,—сообщаетъ при этомъ Плетневъ,—писалъ и пишетъ размѣромъ древнихъ по чутью, не учась. Оттого легко и найдешь ты у него разваливающіеся на двое стихи, какіе приводишь ты въ письмѣ. Но повторяю: это не особая система ученія, а отсутствіе его. Несмотря на эту неправильность, чтеніе стиховъ его, въ которыхъ теорія подмѣчаетъ явныя ошибки, поэтическому уху и эстетическому вкусу гораздо болѣе нравятся, нежели Мерзлякова и прочихъ ученыхъ, знавшихъ всю подноготную о древнемъ метрѣ. Разореніе Трои, Ценксъ и Гальціона, Аббадона, при всей огромности своей и ошибкахъ переводчика противъ законовъ древняго гекзаметра, могутъ быть прочитаны однимъ духомъ съ начала до конца. Правильные же стихи иного ученаго никакъ не вынесешь и на полстраницѣ. У Гнѣдича другое дѣло. Онъ былъ человекъ безъ музыкальнаго чутья и совсѣмъ неумѣвшій ладить со словами въ стихѣ. Мудрено ли, что все вычитавъ о правильности и разнообразіи древняго гекзаметра, онъ не умѣлъ въ свой гекзаметръ внести ни того ни другаго, борясь со словами и смысломъ и радуясь, если удавалось ему помирить ихъ какъ-нибудь... Баратынскій съ роду не учился ни хореймъ, ни ямбами,—а посмотри, кто нѣжище его формируетъ ихъ. Востоковъ въ изученіи метровъ собаку съѣлъ—настоящій нѣмецъ, а чтó у него за безвкусные стихи по самымъ метрамъ» ⁴⁾).

¹⁾ Тамъ же, II, 946—948.

²⁾ Шестнадцатилѣтнему стихотворцу и г-ну С. Н. (обращены къ поэту Николаевскому).

³⁾ Тамъ же, II, 847, 848.

⁴⁾ Тамъ же, I, 299.

Упомянутый здѣсь В. А. Жуковскій вступилъ въ это время въ новую жизнь: въ 1840 г. онъ женился 56 лѣтъ на девятнадцатилѣтней дочери художника Рейтерна. «Невѣста,—пишетъ Плетневъ,—какъ узнали по ея письму къ кому-то, не только влюблена въ Жуковского, но считаетъ себя недостойной этого счастья, которое послалъ ей Богъ. За два года передъ симъ у Жуковского мелькнула мысль, когда онъ смотрѣлъ на нее, что только одна она могла бы составить его счастье, какъ жена. Послѣ никогда онъ объ этомъ не думалъ. Въ нынѣшнее пребываніе его въ Дюссельдорфѣ, отецъ и мать ея впервые замѣтили, что онъ что-то думаетъ про ихъ дочь. Наконецъ, онъ имъ рѣшился сказать. Они не противились, но опредѣлили, чтобы онъ самъ переговорилъ съ нею. Два мѣсяца не было у него духу приступить къ этому. Однажды, гуляя съ нею въ саду, онъ вынулъ маленькіе часы и, показывая ей, сказалъ: видите вы эти часы? Они измѣряютъ время, слѣдовательно и жизнь. Хотите ли вы ихъ привять отъ меня, а съ ними и время, и жизнь мою?—Вмѣсто отвѣта она повисла на его шею и уже цѣловала его... Разъ, шутя, онъ, бывъ только съ ея матерью и съ нею, сказалъ, что для прочихъ будетъ первую выдавать за жену свою, а вторую за дочь. — невѣста такъ разсердилась, что онъ насилу выпросилъ у нея прощенія. Если она ведетъ себя умно, онъ зоветъ ее Эльзой; когда она шалитъ, онъ уже называетъ ее Бетси,—а когда она задурчится, онъ кричитъ только: *Bête*» ¹⁾. Въ 1846 г. Жуковскій пишетъ Плетневу о своемъ счастьи: «Я думаю и очень думаю (и какъ же не думать) о будущемъ моего семейства—но хлопотливость объ этомъ болѣе и болѣе утихаетъ въ моемъ сердцѣ. Мѣсто ея тревогъ заступаетъ болѣе и болѣе надежда на помощь свыше, не философическая, отвлеченная надежда, а живая надежда, которая руками хватается за крестъ, а глазами видитъ Того, Кто на крестѣ» ²⁾.

О поэзіи Лермонтова Плетневъ не высказывается въ письмахъ, а въ «Героѣ нашего времени» хвалитъ лишь Бѣлу, другіе эпизоды романа шокируютъ его моральныя воззрѣнія ³⁾. По поводу смерти поэта онъ высказываетъ слѣдующій приговоръ: «Видно, что этотъ человѣкъ не дорожилъ жизнью и не нашелъ въ ней источника высшей дѣятельности. Богъ знаетъ, молодость ли тому причиной или неясность идеи высокаго назначенія человѣка?» ⁴⁾.

Собственная литературная дѣятельность Плетнева въ сороковыхъ годахъ вся ограничивается неблагодарной и спѣшной работой для «Со-

¹⁾ Тамъ же, I, 127.

²⁾ Тамъ же, II, 772.

³⁾ Тамъ же, I, 189, 212

⁴⁾ Тамъ же, I, 376.

временника», который все-таки пришлось передать въ 1846 г. въ другія руки. Яковъ Карловичъ не разъ пеняетъ Плетневу, что онъ не беретса ни за какой солидный трудъ при тѣхъ счастливыхъ условіяхъ, въ какихъ находится по личнымъ своимъ отношеніямъ; Гротъ даже обзываетъ своего друга литературнымъ канцеляристомъ. «Ты... освобождаешься отъ «Современника», выиграешь особенно въ томъ отношеніи,—пишетъ онъ,—что не будешь рабомъ срочныхъ занятій. Обремененный ими, ты, откровенно говоря, сдѣлался въ литературѣ канцеляристомъ... Канцелярская очистка составляетъ для тебя нынѣ (и давно уже) главную заботу въ твоей дѣятельности, и эта забота мѣшаетъ тебѣ наслаждаться тѣмъ, что составляетъ сущность литературной жизни. Литературнымъ канцеляристомъ,—разъясняетъ Гротъ,—называю я тебя не за разборы твои (вспомни, какъ я былъ доволенъ ими, особливо составляя указатель «Современника»), а вообще за характеръ твоей литературной дѣятельности, какъ она до сихъ поръ была. При изданіи журнала что было твоею главною заботою? Печатаііе, чтеніе корректуры (самъ ты составлялъ только, по большей части, тощенькую библіографію),—слѣдовательно все больше канцелярская работа. Получивъ какую-нибудь новую статью, рѣдко ты чувствовалъ любопытство тотчасъ же ознакомиться съ нею, обыкновенно съ равнодушіемъ отлагалъ до чтенія корректуры, и такимъ образомъ она оставалась тебѣ неизвѣстною иногда на цѣлый годъ и болѣе. Положимъ, что это происходило по причинамъ естественнымъ и извинительнымъ, но все-же это было, и я искалъ слова для охарактеризованія такого неправильнаго положенія дѣлъ»¹⁾.

Въ заключеніе Яковъ Карловичъ дѣлаетъ справедливый выводъ, что Плетневъ неспособенъ къ ученой дѣятельности: «Недостатокъ энергіи, въ которомъ ты обвиняешь себя,—пишетъ онъ,—не то ли означаетъ, что ты, собственно, не рожденъ для ученыхъ трудовъ? Ты добрый и практически благоразумный человекъ, судишь чрезвычайно здраво, одаренъ рѣдкою способностью чувствовать и оцѣнивать изящное, сердцемъ въ высшей степени мягкимъ и склоннымъ къ самой нѣжной привязанности; но дала ли тебѣ природа средства къ напряженной ученой дѣятельности—вотъ въ чемъ я сомнѣваюсь. Отсюда и недостатокъ истиннаго участія—при всей доброй волѣ—въ чужихъ трудахъ, даже людей самыхъ близкихъ къ тебѣ; отсюда и возможность бросать время на такія бесплодныя дѣла, какъ напримѣръ, переписка, часто лишняя разумной цѣли и оправдывающаго ее содержанія. Кто глубоко проникнутъ убѣжденіемъ о предлагаемыхъ ему трудахъ, тотъ не станетъ расточать и мгновеній—не только часовъ и дней. Могло бы показаться, что я не долженъ такъ откровенно говорить съ тобою о самомъ тебѣ, но я считаю источникомъ пол-

¹⁾ Тамъ же, II, 831, 862 и сл.

нѣйшаго для человѣка счастья — истину во всѣхъ видахъ и примѣненіяхъ, а слѣдовательно и самопознаніе. Отъ болѣе или менѣе вѣрнаго понятія о самомъ себѣ зависитъ и болѣе или менѣе правильное употребленіе силъ нашихъ, слѣдовательно, степень нашего наслажденія жизнью. Если я ошибаюсь, тѣмъ лучше: ты почувствуешь мою ошибку и тѣмъ все-таки ступишь шагъ впередъ въ самоизученіи, а я охотно откажусь отъ своего мнѣнія, какъ скоро увижу, что оно ошибочно» ¹⁾). Плетневъ необыкновенно кротно отвѣчалъ на это: «Ты совершенно правъ, что я не рожденъ для ученыхъ трудовъ. Да и вообще мнѣ тягостенъ всякій усиленный трудъ. Не получивъ хорошаго воспитанія, не будучи причтенъ къ систематической дѣятельности, я всегда оставался игрушкою мгновенія. То, что не важнаго и удалось мнѣ сдѣлать, было слѣдствіемъ счастливыхъ знакомствъ, которыми, впрочемъ, скажу къ чести своей, я всегда дорожилъ и постоянно искалъ. Но и это не могло далеко подвинуть меня, потому что я не носилъ никакого запаса къ исполненію предпріятій. Не зная хорошо ни одного иностраннаго языка, не терпя усидчивости за дѣломъ, я все исполнялъ кое-какъ. Со времени знакомства моего съ тобою, я долженъ бы былъ уже переродиться. Но и тутъ весь внутренній переворотъ мой ограничился только болѣзненнымъ сознаніемъ, что я ничтожнѣйшее существо, а прямой активной перемѣны во мнѣ не послѣдовало. Я мыслю, понимаю и соображаю правильно, но все тѣмъ и оканчивается. Итакъ, я ни въ какомъ отношеніи не могу обидѣться твоею характеристикю, потому что глубоко и давно сознаю справедливость ея. Это, конечно, не оправданіе для будущаго: могъ бы еще я перерботать многое въ себѣ — но думаю, что безъ особой Божіей помощи ничего не удастся. Конечно, и приводя это чаще себѣ на мысль, я уже сдѣлаю что-нибудь: только это не будетъ то полное преобразование, въ которомъ настоятъ такая надобность. Ты же долженъ обходиться со мною, какъ съ мягкимъ ребенкомъ, котораго исправить вѣрнѣе мягкостію и любовію, нежели строгостію и гнѣвомъ. Всегда мнѣ гораздо стыднѣе тѣхъ, которые ставятъ меня въ положеніе неблагодарнаго, нежели тѣхъ, кототорые излишествомъ своего катонизма сами показываются передо мною не вовсе правыми» ²⁾).

Быть можетъ, такое смиреніе было навѣяно на Плетнева поразившей его Гоголевской «Перепиской съ друзьями». Гоголя вообще онъ не любилъ, какъ человѣка, отзываясь, что «онъ упрямъ, какъ малороссійскій быкъ и самолюбивъ, яко сатана»; а въ другомъ письмѣ: «Талантъ Гоголя удивителенъ, но его заносчивость, самонадѣянность и такъ сказать самопоклоненіе бросаютъ непріятную тѣнь на его характеръ» ³⁾).

¹⁾ Тамъ же, II, 859.

²⁾ Тамъ же, II, 865 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, I, 174, 563.

Однако «Переписка», эта «высочайшая книга нравственности», по выражению Плетнева, заставила его безусловно преклониться передъ Гоголемъ. «Начнемъ-ка, помолясь Богу,—пишетъ онъ Гроту,—мы съ тобой литературу новую, живую, насущно-необходимую, истинную, по образу и подобию той, что я усматриваю въ письмахъ Гоголя. Это не искусство, а ощущение. Помнишь того шведа, что любилъ сочинять письма? То былъ умный сочинитель, а Гоголь—трепетный жилецъ, вопіющій не о законахъ изящества, а о томъ, что благо, душеспасительно и неизбежно, да вопіющій не ораторомъ, а какъ велѣлъ Христосъ поучать земнородныхъ. Да, я чувствую, что съ этой книги въ Европѣ станутъ вести лѣтосчисленіе появленія въ мірѣ русской литературы. До сихъ поръ мы бродили около жизни, а онъ въ нее врѣзался» ¹⁾).

В. Лачиновъ.

¹⁾ Тамъ же, II, 860, 866.

Театральныя впечатлѣнія В. И. Аскоченскаго, самимъ имъ описанныя.

(Шутка).

Въ лѣто 7370 (1863 г.) Декабря въ пятый на десять день, вечеру сушу, егда благочестивіи христіане стекахуся во храмы, всенощнаго ради бденія, всекозненный присноборющій мя бѣсъ Зефеусъ воздвиже на мя препинаніе и веліе искушеніе сотвори ми, соблазнивъ мя грѣшнаго и окаяннаго, азъ-же худый пріявъ во ушию свою наущеніе бѣсовское, оставихъ домъ свой и текохъ въ позорницу и внидохъ и сѣдохъ на мѣстѣ, еже купихъ цѣною трехъ сребрениць, и видахъ множество многое юношей, старцевъ, женъ и дѣвъ позора ради. И възграша всякая согласія муссикійская и свирели, и посвистели, и бубны, и домры, и скрипицы, и цѣвницы и всякое струнное гуденіе и тимпаномъ бысть веліе удареніе, яко мноу храминѣ поколебатися. Изыдоша-жъ блудницы нечестивыя, плясавицы мерзкія, дщери Иродовы, невѣсты сатаны и начаша ногами своима скакати, и главами помавати и бедрами потрясати. Ногамъ-же ихъ бысть подъятіе веліе, искушенія ради очесъ чловѣческихъ. Людіе-же неразумніи, видяще таковая, въ веселіи руками плескаху. Посемъ-же нечестивіи врази нѣкую игру мерзопакостную творяхъ, божицу латинскую воображающе и нѣкоего глаголемаго пророка, въ ризахъ бѣлыхъ одѣянна, каменіемъ многочестнымъ украшенна, въ измечтанныхъ сапозехъ обувенна, на царство венчающе, тимпаномъ гудящимъ и кимпаномъ звенящимъ и пѣнію многу и козлосованію и кличу неподобну бываему. Изыде-же нѣкая жена, мати того пророка творящеса, поуще и вызывающе скорбными гласы и лицедраіе и рукъ ломаніе творяще и мещущеса ово во едину, ово во ину страну. Людіе-же неразумніи, видяще таковая, горше первыхъ руками своими плескаху. По мноземъ-же нѣкій, сѣдшу пророку тому на мѣстѣ своемъ, блудницамъ-же окрестъ его скачущимъ и служащимъ ему, и возьмъ чашу вина исполнену, воспѣ пѣсню бѣсовскую. И се внезапно.—Оле, чуда неслыханнаго! Изыде изъ земли огонь и куреніе дыма и сотворися громъ и трясъ неописанный и потрясеса храмина и распадеса даже до основанія своего и погребѣ пророка того и любодейцы его, и клеветы его и вся чтущія его и вся кланяющіяся ему и отъидоша ко отцу своему сатанѣ во огонь вѣчный, во тьму кромешную, въ сѣру кипучую, въ муку неизглаголанную. Людіе-же неразумніи, видяще таковая, бываемая аки бѣсы рукоплещуще, извеся языки своя неистовымъ кличемъ вопіяхъ: «Тамберликъ, Тамберликъ!» Тамберлика нѣкоего скомороха и пѣвца бѣсовскаго величающе и честь ему воздающе. Азъ-же многогрѣшный, познавъ сугету прелести таковыя и видѣвъ яко поруганъ бѣхъ, отъ бѣса бѣжахъ изъ позорницы дому своему плакатиися о содѣянныхъ грѣсехъ своихъ.

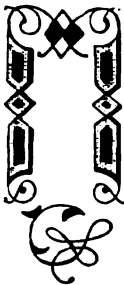
ГУСТАВЪ IV

и

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА,

1794—1796 г.г.

VIII ¹⁾.

Первая остановка короля была въ Выборгѣ. Здѣсь, въ присутствіи короля, герцога-регента и трехъ государственныхъ чиновъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ брачныхъ переговорахъ, былъ свѣренъ и подписанъ слѣдующій протоколъ, составленный еще 30-го сентября 1796 года, въ Петербургѣ:

«Его величество король, во время пребыванія своего въ столицѣ Россіи, бывъ принять у ея императорскаго величества, имѣлъ случай ежедневно встрѣчаться съ великой княжной Александрой и, серьезно привязавшись къ ней, почелъ за счастье получить руку ея. По полученіи согласія на то императрицы и августѣйшихъ родителей ея, императрица возбудила вопросъ, дозволено ли будетъ будущей королевѣ шведской исповѣдывать свою религію, обрядамъ которой она будетъ всегда предаваться въ тишинѣ и уединеніи. По этому поводу возникли переговоры, и сватовство едва не приостановилось. Его величество пожелалъ вновь лично переговорить съ императрицей, съ невѣстой и съ августѣйшими родителями ея. Исходъ послѣднихъ переговоровъ былъ настолько благоприятный, что оставалось лишь назначить день обрученія и приготовить все къ отъѣзду королевы въ Швецію, который самой императрицей

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1896 г. сентябрь.

былъ рѣшенъ по осени, на что его величество и его королевское высочество изволили согласиться. День обрученія былъ назначенъ въ четвергъ 11 (22) сентября. Архіепископъ былъ призванъ, чтобы по обрядамъ православной церкви дать благословеніе великой княжнѣ. Кольца готовы и гравированы. Церемоніаль и списокъ лицъ, долженствующихъ присутствовать при ономъ, составлены.

«Въ 6 часовъ вечера была назначена церемонія и въ тотъ самый моментъ, когда всѣ уже должны были съѣзжаться во дворецъ, отъ императрицы былъ присланъ министръ, графъ Марковъ, къ королю съ требованіемъ отъ него письменнаго обѣщанія на свободное вѣроисповѣданіе великой княжны, съ совершеніемъ всѣхъ обрядовъ по законамъ православной церкви.

«Графъ Марковъ получилъ въ отвѣтъ, что его величество уже неоднократно давалъ честное слово и обѣщаніе императрицѣ, высоконарѣченной невѣстѣ и ея родителямъ, что онъ никогда не пожелаетъ стѣснять свободу вѣроисповѣданія своей будущей супруги. Его величество добавилъ, что не ожидалъ, чтобы у императрицы могло родиться сомнѣніе, и обѣщаль сдѣлать все по желанію ея императорскаго величества. Черезъ нѣсколько времени, графъ Марковъ вернулся снова, настаивая на томъ, чтобы его величество письменно передалъ императрицѣ данное имъ обѣщаніе; ея императорское величество была бы вполне удовлетворена слѣдующими словами: *Libre exercice de sa religion*. По этому поводу послѣдовало совѣщаніе между его величествомъ и его королевскимъ высочествомъ герцогомъ, послѣ чего его величество собственноручно начерталъ слѣдующія строки:

«Ayant déjà donné ma parole d'honneur à Sa Majesté Imperiale que Madame la Grande Duchesse ne serait jamais gênée dans Sa conscience en se qui regarde sa religion et Sa Majesté m'en ayant paru contente, je suis assuré qu'Elle ne doute nullement, que je connais assez les lois Sacrées que cet engagement m'impose pour que tout outre écrit ne soit entièrement superflu. Le 11 (22) Septembre 1796. Signé: Gustaf-Adolph.

«Графъ Марковъ былъ посланъ съ подобною запискою во дворецъ. Императрица не удовольствовалась этимъ и, несмотря на то, что означенные переговоры длились около 3-хъ часовъ, въ продолженіе которыхъ невѣста и вся царская фамилія, бывшіе тутъ, ждали ее, прислала сказать, что она не здорова и не въ состояніи въ этотъ вечеръ принять короля. На другой день императрица приняла у себя его величество и герцога, но разговоръ, происходившій при этомъ, не измѣнилъ то непріятное и фальшивое положеніе, въ которое были поставлены дѣла по случаю происшедшей наканунѣ катастрофы. Переговоры между его величествомъ и родителями высоконарѣченной невѣсты происходили въ

присутствіи его королевскаго высочества герцога въ теченіе того же дня, но окончились по-прежнему безъ всякаго результата. При совѣщаніи, назначенномъ съ русскимъ посломъ въ этотъ же самый день у князя Зубова, императрица приказала графу Остерману объявить, что пока не разъяснится всѣ происшедшія наканунѣ недоразумѣнія, дальнѣйшіе переговоры, касающіеся трактата, прекращаются.

«Дѣйствительно, въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней никакихъ переговоровъ не было. Король въ продолженіе этого времени не встрѣчался съ императрицею. Между министрами замѣчалось стараніе возобновить прежнія отношенія. Со стороны русскихъ предлагалось королю снова обратиться письменно къ ея величеству, но шведы не согласились на это. Затѣмъ было предложено, чтобы король въ письмѣ къ своему опекуну, его высочеству герцогу, поручилъ ему поправить дѣла по собственному его усмотрѣнію, но и этотъ проектъ былъ отклоненъ. Наконецъ, императрица рѣшила совершенно порвать отношенія и запретила своимъ министрамъ вести какіе-либо переговоры. Послѣднее распространилось на всѣхъ пословъ, причастныхъ къ этому дѣлу. Однако, сильно обострившіяся отношенія между обѣими націями, вражда, которая съ каждымъ днемъ возрастала, наконецъ, забота объ обратномъ путешествіи короля позднимъ осеннимъ временемъ, — все это, вмѣстѣ взятое, породило великія опасенія, которыя надлежало серьезно обсудить. Его королевское высочество и министры стали указывать королю на опасное положеніе, въ которомъ находились его величество и Швеція въ случаѣ объявленія войны, и тотъ ужасъ, который овладѣвалъ всѣми при мысли, что день совершеннolѣтія монарха могъ бы быть ознаменованъ кровопролитіемъ.

«Герцогъ и министры совѣтовали королю не останавливаться передъ такимъ второстепеннымъ вопросомъ и прибавить требуемыя слова къ данному уже имъ обѣщанію, дабы не обострить тѣмъ отношенія, настолько тяжелыя, что продолжительность подобнаго состоянія поведетъ къ оскорбленію одной изъ сторонъ. Его высочество и министры имѣли основаніе надѣяться, что въ болѣе интимныхъ разговорахъ короля съ великой княжной, между ними уже существовало то довѣріе, которое необходимо между лицами, вступающими въ бракъ. Когда же дѣло зашло такъ далеко, что, получивъ согласіе августѣйшихъ родителей, молодая чета въ ихъ присутствіи нѣсколько разъ обняла другъ друга, рѣшеніе это не могло болѣе измѣниться; иначе, вызванное тѣмъ оскорбленіе повело бы къ удовлетворенію. Всѣ эти соображенія, рядомъ съ политическимъ положеніемъ Швеціи, когда она совершенно одна, безъ всякаго союзника, находилась въ обостренныхъ отношеніяхъ къ Франціи, вмѣсто того, чтобы имѣть въ ней защиту противъ могущественнаго сосѣда и милліонъ пятьдесятъ тысячъ рублей субсидіи (уже обѣщанной) и возоб-

*

новить почти что подписанный трактатъ на 8 лѣтъ съ Россіей,—все это рушилось теперь и грозило войной. Однако, представленныя королю доводы и опасенія склонили его величество, ради блага отечества, еще разъ обратиться къ императрицѣ и упросить ее вновь начать переговоры. Аудіенція была назначена королю, и императрица согласилась начать совѣщанія.

«Самыя краснорѣчивыя слова и доказательства были употреблены министрами, чтобы спасти короля и отечество изъ того тяжелаго положенія, въ которое они были поставлены тѣмъ, что его величество отказался прибавить слова, требуемыя императрицей, и безъ которыхъ она не согласилась на бракъ. Наконецъ, было рѣшено поступить слѣдующимъ образомъ:

«Его высочество герцогъ, по праву опекуна, приказалъ своимъ посламъ принять и подписать тайный договоръ, представленный русскими послами и въ которомъ великой княжнѣ разрѣшалось свободное вѣроисповѣданіе и совершеніе обрядовъ. Этотъ договоръ вмѣстѣ съ трактатомъ должны были быть подтверждены его королевскимъ высочествомъ герцогомъ. Подтверженіе же документа самимъ королемъ могло лишь совершиться въ день его совершеннолѣтія, для чего былъ предложенъ двухмѣсячный срокъ. Его величество заявилъ въ свою очередь, что по полученіи отвѣта отъ стокгольмской консисторіи и отъ г. архіепископа, которые, онъ надѣялся, дадутъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ тотчасъ же поспѣшитъ дать собственное подтверженіе. Если же, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, консисторія откажетъ великой княжнѣ въ свободномъ вѣроисповѣданіи, и она не пожелаетъ вступить въ бракъ, то его величество согласится уничтожить трактатъ. Его королевское высочество, вмѣстѣ съ министрами, отличаясь качествами, присущими всей шведской націи, забывающей себя ради блага отечества, утѣшаютъ себя тѣмъ, что сдѣлали все возможное, дабы вывести своего монарха и свою страну изъ самаго ложнаго и затруднительнаго положенія. Тайный договоръ и трактатъ были, вслѣдствіе того, тотчасъ подписаны. Подтверженіе же его королевскаго высочества появилось 24 часа спустя послѣ подтверженія ея императорскаго величества» ¹⁾).

Между тѣмъ, Стедингъ вернулся въ Петербургъ ²⁾ и въ двухъ послѣднихъ своихъ донесеніяхъ (барону Рейтергольму) рассказывалъ, что дѣлалось съ тѣхъ поръ при русскомъ дворѣ ³⁾.

¹⁾ Свѣрено, Выборгъ, 2-го октября 1796 г. Подписали: Карлъ, Рейтергольмъ, Куртъ Стедингъ, фонъ-Эссенъ (Стокг. кор. арх.).

²⁾ Онъ провожалъ короля до границы.

³⁾ Этими донесеніями опровергается предположеніе Екатерины II, что Стедингъ въ силу обстоятельствъ измѣнилъ Рейтергольму и перешелъ на сторону Флеминга (см. „Сб. Ист. Об.“. IX, 320).

«Я вернулся сюда съ воскресенья, опечаленный разлукой съ вами, испытывая усталость человека, который лихорадочно работалъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Я знаю, что и тебѣ не легче моего, и увѣряю, что я думаю о тебѣ такъ же, какъ о себѣ самомъ. Впрочемъ, мое путешествіе было вполнѣ благополучно, мы ѣхали съ г. Кутузовымъ почти все время въ одной каретѣ, и если я провелъ время не особенно пріятно, то я обязанъ этимъ своему настроенію. Во время пути мнѣ выказывали всевозможную вѣжливость, но это не могло утѣшить меня въ потеряхъ, которыя меня постигли во всѣхъ отношеніяхъ. Г. Кутузовъ видѣлъ императрицу въ день своего пріѣзда и отдалъ ея величеству письмо короля и его королевскаго высочества. Последнимъ были очень довольны, отъ другого же ожидали болѣе сердечности. Слишкомъ большая сдержанность, даже въ королѣ, когда она проявляется въ возрастѣ столь наклонномъ къ чувствительности и нѣжности, часто принимается за сухость сердца и холодность. Вѣрно только одно, что обстоятельства никогда не сложатся такъ благопріятно, какъ это было до несчастнаго четверга, доставившаго намъ столько мученій. Я скажу, что въ этомъ дѣлѣ дорога каждая минута. Каждое потерянное мгновеніе для сближенія при настоящемъ положеніи дѣлъ только увеличитъ неудовольствіе и поведетъ къ еще большому отчужденію. Ты также, конечно, чувствуешь справедливость этой мысли и постарайся, чтобы ее поняли.

«Засвидѣтельствуй, королю и его королевскому высочеству моему преданность. Я еще не исполнилъ приказаній принца, которыя онъ мнѣ далъ, отдавая письма для его высочества великаго князя и великой княгини. Графъ Остерманъ уѣхалъ въ свое финляндское имѣніе. Я тщетно разыскивалъ на другой день по пріѣздѣ графа Безбородко. Когда я, наконецъ, вчера утромъ увидѣлъ его, то онъ обѣщалъ извѣстить меня относительно того, пожелаетъ ли великій князь принять меня въ Гатчинѣ или прикажетъ, чтобы я прислалъ ему тѣ письма, которыя мнѣ поручено передать. Я искалъ также князя Зубова, но не нашелъ его. Графъ Марковъ принялъ меня очень любезно. Я увѣренъ, что онъ питаетъ самыя благія намѣренія по отношенію къ нашимъ дѣламъ, и было бы очень несправедливо сомнѣваться въ этомъ. То же самое я думаю и о баронѣ Будбергѣ, который передастъ тебѣ это письмо. Онъ возвращается въ Стокгольмъ въ качествѣ путешественника, вѣроятно съ отвѣтомъ императрицы на письмо короля. Онъ расскажетъ тебѣ лучше, чѣмъ я могъ бы это сдѣлать въ письмѣ, обо всемъ, что здѣсь происходитъ, и о чемъ интересно узнать. Я слышалъ, что здѣсь очень мало говорятъ о насъ. Мнѣ кажется, что это происходитъ оттого, что публикѣ мало извѣстно, въ какомъ положеніи находятся дѣла обоихъ дворовъ. Эта неизвѣстность продолжится недолго, и я надѣюсь, что все устроится такъ, какъ мы этого желаемъ.

«Прежде чѣмъ это письмо придетъ къ тебѣ, ты уже увидишь барона Будберга, и онъ расскажетъ тебѣ обо всемъ, что было послѣ отъѣзда короля. Самъ же я, послѣ моего возвращенія, не видѣлъ никого изъ императорской фамиліи и вообще никого, кромѣ министровъ. Марковъ принялъ меня очень любезно, и мы разговаривали съ нимъ, повидимому, съ полной откровенностью и дружелюбіемъ. Но мнѣ не трудно было замѣтить, что онъ недоволенъ и нѣсколько упалъ духомъ. На него нападаютъ со всѣхъ сторонъ. Въ публикѣ его бранятъ и приписываютъ ему неблагоприятный оборотъ, какой приняли дѣла. Графы Остерманъ и Безбородко, которые раньше не любили его и были очень задѣты тѣмъ, что переговоры велись помимо нихъ, теперь порицаютъ его дѣйствія. Онъ долженъ былъ пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ съ императрицей и княземъ Зубовымъ, хотя онъ далеко не одобрялъ всѣхъ поступковъ послѣдняго, не имѣя, впрочемъ, мужества возражать ему, въ виду его вліянія. Въ довершеніе всего, король также высказалъ ему недовольство въ тотъ день, когда онъ откланивался его величеству. Онъ замѣтилъ, что не пользуется его расположеніемъ, и не скрылъ отъ меня этого наблюденія. Онъ сказалъ также, что все, что дѣлалъ или писалъ, все это было сдѣлано и написано по приказанію или подъ диктовку самой императрицы. Я вполнѣ вѣрю его словамъ, такъ какъ онъ слишкомъ уменъ, чтобы не почувствовать неумѣстности нѣкоторыхъ выходокъ императрицы, которыя поставили насъ въ затруднительное положеніе, продолжающееся и до сихъ поръ. Марковъ въ послѣднюю зиму говорилъ иногда, что думаетъ отправиться путешествовать для поправленія здоровья, теперь онъ говорилъ объ этомъ больше и даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Онъ прибавилъ, что императрица и князь Зубовъ часто принимаютъ его, такъ какъ они почти не въ состояніи обходиться безъ него. Императрица считаетъ даже нужнымъ говорить о немъ въ обществѣ, и въ день коронаванія, во время игры съ г.г. Кобенцелемъ и Уитвортомъ, она спросила перваго, не видѣлъ ли онъ г. Маркова. Тотъ отвѣчалъ, что г. Марковъ, по причинѣ нездоровья, принужденъ оставаться дома. Императрица замѣтила, что она вдвойнѣ огорчена этимъ, потому что, быть можетъ, его отсутствіе при дворѣ и въ такой день общество приметъ, какъ политическую болѣзнь. Она совершенно не понимаетъ, почему возникли подобные слухи, тѣмъ болѣе, что она никогда не была болѣе довольна г. Марковымъ, чѣмъ въ настоящее время, и что все, сдѣланное имъ, было совершено по ея точному приказанію. Изъ всего этого я заключаю, мой добрый другъ, что намъ теперь невыгодно быть нелюбезными съ г. Марковымъ и порывать съ нимъ совсѣмъ, такъ какъ, видя, что отъ насъ ему нѣтъ никакой выгоды, онъ перейдетъ на противоположную сторону и тогда, конечно, можетъ очень повредить намъ. Графъ Безбородко всегда

принадлежалъ къ числу индифферентныхъ. Я долго говорилъ съ нимъ; онъ надѣется, что все пойдетъ хорошо. Онъ полагаетъ, что произошло лишь недоразумѣнiе, а если дѣло и проиграно, то онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что не принималъ въ немъ никакого участiя, и отвѣтственность за это должна пасть на князя Зубова и на г. Маркова. Графъ Остерманъ полагаетъ, что все испорчено, такъ какъ не спросили его совѣта. Впрочемъ, онъ очень расположенъ къ намъ, а вниманiе, которое ему выказали, и приемъ, которымъ удостоилъ его король, заставили его забыть обиду, причиненную тѣмъ, что послѣ его рожденiя ему не сдѣлали визита. Князь Зубовъ чрезвычайно вѣжливъ со мною. Онъ полагаетъ, желаетъ и надѣется, что все устроится къ лучшему. Какой бы оборотъ ни приняли дѣла, онъ все равно будетъ въ выигрышѣ. Если бракъ устроится, ему достанутся и выгоды, и слава. Если же, наоборотъ, дѣла пойдутъ дурно, онъ получитъ командованiе во время войны и все, что съ этимъ соединено. Но если дѣла пойдутъ хорошо, то и всѣмъ намъ будетъ хорошо, если же, наоборотъ, они пойдутъ дурно, то дѣлать нечего, и намъ должно быть совершенно безразлично, что думаютъ о насъ. Великая княжна Александра постоянно грустна. Ее заставили выйти и танцовать въ день рожденiя императрицы, но лица, видѣвшiя ее, рассказывали мнѣ, что она была очень печальна и едва удерживалась отъ слезъ. Когда госпожа Ливенъ пытается ее утѣшить, она говоритъ, что это она причина ея несчастiя, потому что расхваливала ей достоинства короля и говорила о его любви къ ней. Во время посѣщенiя короля въ ея комнату помѣстили прекрасную люстру, и, говорятъ, она проводитъ цѣлыя часы, глядя на нее. Когда однажды эту люстру хотѣли унести, чтобы исправить въ ней что-то, она воспротивилась этому и сказала, что не должны лишать ее этого послѣдняго утѣшенiя. Впрочемъ, общество настроено хорошо и вполне въ нашу пользу. Оно очаровано чрезвычайной учтивостью короля, его благороднымъ и скромнымъ поведенiемъ и въ восторгѣ отъ добродушия, привѣтливости и доброты его королевскаго высочества. Наконецъ, если Богъ намъ поможетъ и если король сдастся на желанiя своихъ подданныхъ и лицъ, которыя дѣйствительно озабочены его счастиемъ, то мы отступимъ лишь для того, чтобы затѣмъ скорѣе достигнуть цѣли, и спокойствiе Швеции будетъ надолго обезпечено съ этой стороны».

Между тѣмъ, по прибытiи короля въ Швецию ему былъ представленъ, 10-го октября 1796 г., протоколъ Стокгольмской духовной консисторiи, слѣдующаго содержанiя:

«На вопросъ вашего величества, можетъ-ли ея императорское высочество, великая княжна Александра Павловна, которую ваше величество изволили избрать себѣ въ невѣсты и получили на то согласiе императрицы, совершать въ спокойствiи и уединенiи моленiе по обра-

дамъ православной церкви, въ собственныхъ своихъ апартаментяхъ, не причиняя этимъ никакого вреда и, одновременно, не принимая участія въ обрядахъ лютеранской церкви, и чрезъ это получить полное спокойствіе духа, безъ отреченія отъ своей вѣры, согласно закону о вѣротерпимости, изданному королемъ Густавомъ III-мъ и утвержденному всѣми сословіями,—осмѣлюсь я, архіепископъ, и стокгольмская консисторія, дать слѣдующій отвѣтъ.

«Законъ, изданный 24-го января 1731 года покойнымъ отцомъ вашего величества и утвержденный сословіями, гласитъ такъ: свободное исповѣданіе вѣры дозволяется во всемъ государствѣ. Оно даетъ право всякому шведу вступать въ законный бракъ съ женщиной, исповѣдующей другую христіанскую религію, съ условіемъ, что дѣти, рождающіяся отъ такого брака, будутъ принадлежать и воспитываться въ духѣ лютеранской церкви. Законъ этотъ также указываетъ на то, чтобы всякіе обряды иностранныхъ вѣроисповѣданій совершались у себя въ уединеніи. Этотъ законъ совершенно ясенъ, права эти не могутъ опровергаться, ибо ни одно изъ нихъ не вредитъ законамъ церкви или государству.

«Если вѣротерпимость не переходитъ границъ, то нельзя ожидать, опасности для лютеранской религіи. Предоставляя примѣненіе подобнаго закона высокому разуму вашего величества, мы считаемъ всѣ, что совершили нашъ долгъ и исполнили нашу обязанность.

«Вся шведская нація чувствуетъ себя спокойной, подъ властью монарха, столь набожнаго, мудраго и добраго, разумное рѣшеніе котораго поступитъ на благо и счастье отечеству.

«Вотъ все, что мы можемъ отвѣтить, прося ваше величество быть увѣреннымъ въ великой преданности нашей, которая до послѣдней минуты нашей жизни будетъ пребывать въ насъ».

Но обратная сторона медали была иная. Дѣло въ томъ, что архіепископъ упсальскій г. фонъ-Троиль, подписавшій вмѣстѣ съ другими только что приведенный протоколъ, по существу окончательно расходился съ его заключеніемъ. Два дня спустя послѣ рѣшенія консисторіи и именно 4 (15) октября, г. фонъ-Троиль писалъ герцогу-регенту.

«Такъ какъ ваше королевское высочество не могли дожидаться въ Петербургѣ отвѣта, даннаго мною и стокгольмскою консисторіею, на вопросъ, сдѣланный королемъ: можетъ-ли ея высочество великая княжна Александра, которую король избралъ своей невѣстой и получилъ на то согласіе ея величества императрицы всероссійской, на основаніи закона о свободномъ отправленіи вѣры, изданномъ 24-го января 1731 года, исповѣдывать эту религію по законамъ православной церкви, то вопросъ этотъ не можетъ быть окончательно рѣшенъ, вслѣдствіе того, что утвержденіе короля зависитъ отъ отвѣта, даннаго мною и конси-

сторію на вопросъ о свободномъ вѣроисповѣданіи. Осмѣлюсь представить вашему королевскому высочеству тѣ серьезныя опасенія, которыя смущали насъ во время обсужденія вышеозначеннаго вопроса. Я нашелъ, что вопросъ этотъ такого рода, что положительный отвѣтъ на него не могъ быть данъ мною и консисторію. Свободное вѣроисповѣданіе касалось лишь шведскихъ подданныхъ, но не шведской королевы. Приложение этого закона къ королевѣ можетъ привести къ большимъ затрудненіямъ. Эти затрудненія, на ряду со многими другими, поставили насъ въ невозможность дать свое согласіе. На милое письмо вашего высочества ко мнѣ послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, въ виду самыхъ ужасныхъ послѣдствій для страны. Всякій шведъ содрогнулся бы при мысли, что чрезъ это могла возникнуть вражда между обоими государствами: возгорѣлась-бы война, проливалась-бы кровь и перестала течь только тогда, когда слабѣйшая изъ сторонъ пала подъ тяжестью невзгодъ. Не осмѣлюсь скрыть отъ васъ опасенія, высказаннаго консисторію по поводу продолжительнаго пребыванія короля и вашего высочества въ Петербургѣ, въ надеждѣ на получение удовлетворительнаго отвѣта.

«Что оставалось дѣлать при такихъ условіяхъ? Послѣ долгихъ и утомительныхъ обсужденій, въ теченіе которыхъ каждый выказалъ усердіе и преданность королю и своему отечеству, было рѣшено: ни совѣтовать, ни отсовѣтовать, а предоставить примѣненіе законоположенія о вѣротерпимости высокой мудрости его величества.

«Всемиловѣйшій герцогъ! въ наше время было бы непростительно выказывать нетерпимость къ иновѣрію. Любовь къ ближнему, даже къ тому, кто исповѣдуетъ различную съ нами религію, есть главное основаніе христіанскаго ученія. Но здѣсь является вопросъ скорѣй политическій, нежели теологическій.

«Мнѣ и консисторіи было приказано дать отвѣтъ; мы не нашли возможнымъ рѣшить вопросъ столь щекотливый, къ которому законы не примѣнимы, и потому представили его на усмотрѣніе великой мудрости короля.

«Я согрѣшилъ бы противъ короля и отечества, противъ присяги и собственной совѣсти, если не поспѣшилъ бы изложить тѣ причины, которыя не позволяютъ намъ дать согласіе на свободное вѣроисповѣданіе нашей будущей королевы, надѣясь черезъ это не заслужить немилости короля, такъ какъ, высказывая мои мысли, я руководствуюсь только преданностью монарху, любовью къ отечеству, боязнью за послѣдствія и наконецъ личными убѣжденіями.

«Чтобы узнать отношеніе этого вопроса къ основнымъ законамъ государства, необходимо разобрать законъ, изданный въ Норкѣпингѣ въ

1604 году; послѣдній есть основной законъ, уважаемый каждымъ шведомъ и заслуживающій вниманія короля. Я не стану разсматривать этотъ вопросъ подробно, такъ какъ онъ не принадлежитъ къ моей компетенціи, позволю себѣ однако коснуться лишь того, что можетъ повліять на образъ мыслей народа въ вопросѣ о религіи. Подданные (?) короля интеллигентны, но большинство не интелегентно.—У первыхъ возникаетъ забота, у послѣднихъ—безпокойство, а у тѣхъ, которые относятся болѣе ревностно къ религіи—злоба.

«Шведъ рождается съ мыслию: одинъ Богъ, одинъ король; уваженіе къ Богу и преданность къ королю у него нераздѣльны. Первое основано на второмъ и укрѣплено убѣжденіемъ, что король вѣритъ въ того Бога, въ котораго и онъ вѣритъ и поклоняется ему одинаково. На этомъ зиждется преданность къ королю и довѣріе къ нему; если же у короля будетъ супруга не лютеранскаго вѣроисповѣданія, то тотчасъ же возникнетъ вопросъ: въ кого же вѣритъ она. Такъ какъ православная церковь отвергаетъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Сына, то непросвѣщенная масса тутъ же скажетъ: если православная церковь не признаетъ Духа Святаго Богомъ, то значить королева не поклоняется тому самому Богу, какъ король и его подданные. Православная религія требуетъ поклоненія святымъ. Я знаю, какъ на это смотрятъ болѣе интеллигентные, даже изъ принадлежащихъ къ православной церкви. Но какимъ способомъ объяснить это народу? Онъ съ ужасомъ относится къ поклоненію святымъ, называетъ это идолопоклонствомъ; что же онъ подумаетъ и что скажетъ, когда узнаетъ, что королева поклоняется имъ? Большинство народа желаетъ своему отечеству добро, стремится къ тишинѣ и спокойствію, но между ними найдутся такіе, которые думаютъ иначе, иные изъ легкомыслія, другіе изъ неудовольствія, неизбежно встрѣчающагося даже при самомъ мудромъ правленіи; другіе опять, съ цѣлью возбудить безпокойство въ отечествѣ, низвергнуть короля, власть и основные законы конституціи. Всякій знаетъ, что образъ жизни при дворѣ занимаетъ умы во всѣхъ слояхъ общества, слухи о немъ доходятъ и до народа, разумѣется съ преувеличеніями и видоизмѣненіями и лжетолкованіями. Кто же изъ насъ не будетъ страшиться за послѣдствія?

«Наступитъ скоро то время, когда король приметъ на себя бразды правленія. Молва объ его набожности, нравственности и любви къ своей религіи распространилась по всей землѣ и утвердила въ сердцахъ народа преданность и любовь къ молодому монарху. Я часто былъ свидѣтелемъ тѣхъ слезъ умиленія, которыя проливалъ народъ, призывая благословеніе Господа Бога на короля своего. Да сохранитъ Господь отъ того, чтобы слезы умиленія у его вѣрныхъ подданныхъ не превратились бы въ слезы горести. Клянусь передъ Богомъ, который од-

нажды будетъ судить меня, что я увѣренъ въ томъ, что народъ шведскій съ неудовольствіемъ приметъ извѣстіе, что королева его не исповѣдуетъ ученіе Лютера. Неудовольствіе это вызоветъ недовѣріе къ королю и сомнѣніе въ его собственной вѣрѣ; затѣмъ послѣдуетъ охлажденіе къ особѣ короля, и какая ужасная мысль для каждого вѣрнопопданнаго, что день, всѣми ожидаемый, какъ день великой радости, сдѣлается днемъ скорби и печали.

«Надѣюсь, что найдется еще возможность предупредить это несчастіе. Да поможетъ Господь, въ рукахъ котораго сердце короля, вашего королевскаго высочества и императрицы всероссійской,—отклонить рѣшеніе, могущее быть пагубнымъ для короля и для отечества. Я нахожу совершенно естественнымъ, что ея величество императрица всероссійская, изъ уваженія къ своей націи, не позволитъ, чтобы будущая супруга короля у себя же на родинѣ приняла лютеранскую вѣру. Столь просвѣщенная и мудрая царица, связанная узами дружбы съ королемъ, не станетъ настаивать на томъ, чтобы король и его будущая супруга подверглись охлажденію своихъ подданныхъ, на преданности которыхъ основано ихъ счастье. Она приняла сама, изъ уваженія къ своему народу, православное вѣроисповѣданіе. Двѣ великія княжны сдѣлали тоже самое ¹⁾. Развѣ измѣнитъ она теперь своему великодушію и не согласится съ тѣми доводами, которые говорятъ, что внучка ея, великая княжна Александра, вѣзжая въ Швецію, должна принять ту вѣру, которую исповѣдуетъ ея супругъ, нашъ король, вмѣстѣ съ своими поданными. Августѣйшіе родители ея, великій князь и великая княгиня, по всѣмъ вѣроятіямъ, дадутъ на то свое согласіе. Еще менѣе сомнѣваемся мы въ томъ, что великая княжна Александра откажется принять нашу вѣру, въ виду той сильной привязанности, которую она, несомнѣнно, питаетъ къ своему будущему супругу, и не пожелаетъ причинить ему горе и подвергнуть его опасности. Все вышесказанное настолько естественно, что оно иначе не можетъ быть принято лицами столь великодушными какъ ея величество императрица всероссійская, великимъ княземъ, великой княгиней и великой княжной Александрой.

«Позвольте и мнѣ, всемилостивѣйшій герцогъ, сказать вамъ, что то же уваженіе, которое выказываетъ русская нація и русская императрица своей религіи, ожидаетъ и шведская нація отъ короля и отъ вашего королевскаго высочества.

«Во имя Господа Бога, Царя всѣхъ царей, передъ престоломъ котораго и земные властители будутъ нѣкогда стоять, прошу ваше коро-

¹⁾ Вѣроятно великая княгиня Марія Теодоровна, супруга цесаревича Павла Петровича, и великая княгиня Елисавета Алексѣевна, супруга великаго князя Александра Павловича.

левское высочество, ради блага короля, отечества и вашего собственного спокойствія, принять въ соображеніе все мною вышесказанное и довести до свѣдѣнія дорогой для насъ особы короля, котораго вопросъ этотъ такъ близко касается. Дай Богъ, чтобы рѣшеніе ваше принесло благосостояніе его величеству, счастье королевѣ и спокойствіе нашему отечеству.

«Я буду горячо молиться Господу, отъ котораго исходить всякое благословеніе. Онъ поможетъ намъ, приведетъ насъ къ благополучному концу и избавитъ отъ войны, самаго ужаснаго несчастія для нашего отечества. Моя обязанность говорить правду. На требованіе короля высказать мое мнѣніе по данному вопросу, я выразилъ правдиво и добросовѣстно свои мысли, въ надеждѣ, что ваше королевское высочество, отецъ нашъ, примете во вниманіе все мною вышележащее».

Между тѣмъ 1-го ноября (старого стиля) должно было праздноваться совершеннолѣтіе Густава-Адольфа. Этому событію предшествовали различныя перемѣны во внутреннемъ управленіи Швеціи, которыя могли существенно измѣнить отношенія этой страны къ Россіи. Прежде всего не знали, какому богу молиться: въ то время, какъ старыя кумиры пали, новые только нарождались и едва были видимы на горизонтѣ. Король, еще въ Петербургѣ обнаружившій необыкновенную твердость характера и самостоятельное сужденіе, по возвращеніи въ Стокгольмъ не скрывалъ своей неприязни къ дядѣ-опекуну и совѣтнику его Рейтергольму. Можно было предугадать, чѣмъ кончится это нерасположеніе и предупредить развязку: регентъ и его помощникъ благоразумно подали въ отставку. Послѣдняя королею была однако принята различно. Рейтергольму онъ не отказалъ, причѣмъ «даже не оставилъ за нимъ жалованья, какъ его о томъ просили». Что-же касается герцога Зюдерманландскаго, то на просьбу его удалиться, молоддой король отвѣчалъ уклончиво и умно. «Я не могу вамъ этого дозволить,—сказалъ онъ,—вы слишкомъ сильны, чтобы удалить васъ отъ себя. Я не люблю дѣлать власть съ кѣмъ-либо, и вамъ слѣдуетъ остаться, чтобы видѣть какъ я буду царствовать одинъ». Минута эта, какъ слѣдуетъ быть, наступила 1-го ноября. Описывая торжества по этому поводу, Будбергъ замѣчалъ, что «жесткость и принужденность короля исчезли, и онъ замѣтно доволенъ, что не чувствуетъ болѣе надъ собой опеки». Одновременно улучшились и отношенія новаго правительства къ Россіи. Шведы сначала немного беспокоились насчетъ того, какъ относится петербургскій кабинетъ къ паденію прежнихъ любимцевъ, и пытали по этому поводу генерала Будберга и барона Эссена. Но русскій посольскій отвѣчалъ, что «хотя не имѣетъ относительно этого положительныхъ приказаній, но слишкомъ хорошо знаетъ принципы ея императорскаго величества и смѣло можетъ увѣрить, что она не предполагаетъ вмѣшиваться во внутреннее

управленіе страны и никогда не захочетъ имѣть вліяніе на тѣ измѣненія, которыя король признаетъ необходимымъ сдѣлать, но что, безъ сомнѣнія, она не можетъ смотрѣть равнодушно на опасность, грозящую личности тѣхъ, которые заботились о сближеніи Швеціи съ Россіей». Эссенъ, котораго также выпрашивали, приметъ-ли онъ дѣятельное участіе въ судьбѣ своего друга ¹⁾, «благоразумно отвѣчалъ, что онъ болѣе преданъ общественному дѣлу, чѣмъ личностямъ». вмѣстѣ съ тѣмъ Будбергъ узналъ изъ вѣрнаго источника, что предводитель дворянства Вахтмейстеръ ²⁾, который, казалось, не одобрялъ союза съ Россією, «убѣдился въ настоящее время въ необходимости заключить таковой», а съ другой стороны, «король разговаривалъ съ герцогинею Зюдерманландскою, барономъ Вреде и др. о красотѣ великой княжны Александры и о своемъ къ ней расположеніи».

вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оказать особое вниманіе Россіи, король избралъ генераль-лейтенанта Клингспора для извѣщенія императрицы о своемъ вступленіи на престолъ. Посольство Клингспора было встрѣчено живѣйшимъ участіемъ какъ съ русской такъ и съ шведской стороны. «Со времени назначенія этого генерала, — сообщалъ Будбергъ графу Маркову, — повидимому не сомнѣваются болѣе въ успѣхѣ порученнаго ему дѣла, и онъ самъ говорилъ мнѣ, что король, слѣдуя совѣту, который я далъ его величеству, обращается къ императрицѣ какъ нѣжный сынъ къ матери въ отправляемомъ съ нимъ письмѣ». Одновременно удвоилось и вниманіе шведскаго общества къ русскому представителю въ Стокгольмѣ. «Расположеніе умовъ и вообще все, что здѣсь дѣлается, — писалъ Будбергъ, — доказываетъ, мнѣ кажется, что король сердечно желаетъ союза съ Россією. Ко мнѣ относятся съ почтеніемъ и съ 11-го числа этого мѣсяца меня даже приглашаютъ къ ужинамъ, которые даются при дворѣ. Я тѣмъ болѣе долженъ цѣнить этотъ знакъ расположенія, что имъ не пользовался ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ, за исключеніемъ графа Штакельберга». Но по странному совпаденію, въ тотъ день, когда Клингспоръ покинулъ Стокгольмъ (³/₁₆ ноября) императрица Екатерина II была поражена апоплексическимъ ударомъ, отъ котораго на слѣдующія сутки умерла. Клингспоръ получилъ извѣстіе о смерти ея въ дорогѣ, и письмо, съ которымъ былъ посланъ, передалъ императору Павлу I. Новый императоръ принялъ его самымъ лучшимъ образомъ «и самъ-ли онъ преувеличилъ выраженія любезности къ нему, или-же шведскій посланникъ придалъ этимъ выраженіямъ слишкомъ широкое толкованіе, только онъ заключилъ, что не будетъ особенно затруднительно отъло-

¹⁾ Тайнаго совѣтника Рейтергольма.

²⁾ Его прочли въ министры внутреннихъ дѣлъ на мѣсто барона Рейтергольма.

нить русскій дворъ отъ рѣшенія, которое Екатерина II объявила столь категорически».

Эти иллюзиі ояъ сообщилъ Густаву IV и его министрамъ и такимъ образомъ укрѣплялъ короля въ системѣ непомѣрныхъ и неопредѣленныхъ требованій. Само собою разумѣется, что подобное недоразумѣніе должно было окончиться разочарованіемъ, и оно ихъ ждало дѣйствительно на порогѣ новыхъ событій. Начать съ того, что Павелъ I отправилъ въ Стокгольмъ возвѣститъ о восшествіи своемъ на престолъ камергера графа Головкина ¹⁾. При отъѣздѣ его изъ Петербурга, императрица Марія Ѳеодоровна, до сихъ поръ еще лелѣвавшая «мечты, какъ относительно намѣреній короля, такъ и относительно его характера и общаго положенія дѣла», поручила послу передать королю о ея къ нему расположеніи и въ то же время, «уполномочила его кланяться Густаву - Адольфу отъ великой княжны Александры». Между тѣмъ графъ Головкинъ мало подходилъ къ серьезности возложеннаго на него порученія. Это былъ весьма любезный, общительный и образованный человекъ, но «настолько же свѣтскій, насколько неопытный въ дѣлахъ». Къ этому слѣдуетъ прибавить «свойственную ему въ значительной степени—вѣтрость и чрезвычайное стремленіе придать дѣламъ видъ нѣкотораго успѣха, чтобъ тѣмъ возвыситься передъ государемъ». Тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ дѣла его шли отлично. Россія была одушевлена дѣйствительнымъ желаніемъ породниться со шведскимъ королевскимъ домомъ и придти къ нему на помощь въ случаѣ войны съ Даніей. Что-же касается Швеціи, то она могла только радоваться своимъ дипломатическимъ успѣхамъ при новомъ русскомъ императорѣ. Во-первыхъ, Клингспоръ увѣрилъ свое правительство, что религиозныя сомнѣнія короля разсѣются вполне передъ единодушнымъ стремленіемъ русскаго двора идти на встрѣчу шведскимъ интересамъ и забыть предубѣжденія покойной императрицы. Во-вторыхъ, Павелъ обѣщалъ Клингспору, буде состоится бракъ великой княжны, доставить Швеціи, въ видѣ приданнаго, Норвегію. При этомъ будто-бы обѣщано было вознаградить Данію шведскими землями въ Германіи съ добавкой значительной суммы денегъ. Осуществленіе этого плана было подкрѣплено обѣщаніемъ императора, въ случаѣ надобности, отправить противъ Даніи пятьдесятъ тысячъ войска. Обѣ стороны были совершенно согласны, «пока

¹⁾ Г. Чумиковъ (Рус. Арх. 1887, I), относитъ посольство Головкина къ послѣднимъ днямъ царствованія Екатерины II. Это не вѣрно. Самая дѣла посольства—возвѣститъ шведскому правительству о восшествіи на престолъ новаго русскаго императора, — должна была указать историку на дѣйствительное время поѣздки Головкина въ Швецію.

держались на почвѣ общихъ выражений и разсужденій, нѣкоторымъ образомъ научныхъ. Густавъ-Адольфъ выражалъ желаніе свое вступить въ бракъ съ великою княжною; правда, что онъ прибавлялъ при этомъ условіе не уклоняться отъ исполненія законовъ королевства — въ томъ смыслѣ какъ онъ жадеетъ ихъ толковать. Графъ Головкинъ, который добивался успѣха во что бы то ни стало, принялъ обѣщаніе короля и, не обращая вниманія на условія, ограничивающія смыслъ этого обѣщанія, пришелъ къ заключенію, что слѣдовало только его уполномочить вести это дѣло, чтобы окончить его благополучно». На этомъ онъ возвратился въ Петербургъ и въ самыхъ плѣнительныхъ краскахъ описывалъ императору расположеніе шведскаго двора. «Недоразумѣніе могло отъ этого только расти, а переговоры—приближаться къ печальной развязкѣ». Между тѣмъ императрица Марія, увлеченная кажущимся успѣхомъ, настаивала на томъ, чтобы Головкинъ былъ вновь посланъ въ Стокгольмъ продолжать переговоры. Но, замѣчаетъ хроникеръ, — Павелъ I не раздѣлялъ безусловно иллюзій своей супруги. «Онъ не могъ не видѣть, что дѣло все-таки не подвигается и что ни въ Петербургѣ, ни въ Стокгольмѣ не расположены къ уступкамъ. Не было возможности избрать средину: надо было получить отъ Густава-Адольфа категорическое «да» или «нѣтъ». Впрочемъ, когда Головкинъ коснулся спорнаго, щекотливаго пункта переговоровъ, король показалъ ему письмо архіепископа Трояля къ его дядѣ герцогу, стало доказывать и невозможность и опасность брака, если королева не будетъ принадлежать къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Заявленіе короля было тотчасъ-же передано Головкинымъ своему двору, и русскій посланникъ вскорѣ послѣ того отозванъ. Съ своей стороны Павелъ, потерявъ всякую надежду на благополучный исходъ брачныхъ переговоровъ, далъ понять Клингспорю, что считаетъ бесполезнымъ его дальнѣйшее пребываніе при русскомъ дворѣ. Клингспоръ возвратился въ Швецію въ апрѣлѣ 1797 г. ¹⁾. Такимъ образомъ вторая дѣятельная попытка русскаго и шведскаго дворовъ сблизиться другъ съ другомъ окончилась неудачей.

Баронъ Н. В. Дризентъ.

¹⁾ Рус. Арх. 1887, I. 91.

Указъ Правительствующему Сенату о порядкѣ наследованія имущества послѣ скончавшагося министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева.

5 сентября 1819 г.

Въ воздаяніе усердной службы покойнаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Козодавлева и оказанныхъ имъ Государству заслугъ, при долговременномъ прехожденіи возложенныхъ должностей, желая исполнить послѣднюю его ко Миѣ просьбу, предъ кончиною его принесенную, касательно устройства участи оставшейся послѣ него супруги, повелѣлъ Я Министру Финансовъ состоящій по Опекунскому Совѣту здѣшняго воспитательнаго дома долгъ, на недвижимомъ родовомъ имѣніи покойнаго, принять на счетъ Государственнаго Казначейства, а имѣніе то, освободивъ отъ онаго долга, снять съ него запрещеніе.

Очистивъ такимъ образомъ родовое имѣніе отъ лежащаго на немъ долга, и обеспечивъ тѣмъ наследниковъ его съ сей стороны, Я признаю справедливымъ, во уваженіе заслугъ его и принесенной Миѣ просьбы, оставить все то недвижимое родовое имѣніе въ пожизненномъ владѣніи вдовствующей его супруги, съ тѣмъ чтобъ она не могла ни продать онаго, ни заложить, а послѣ нея обращено было-бы оное по законному порядку въ родъ покойнаго. При томъ на слѣдующую, по законамъ седьмую часть, супругъ его выдѣлить нынѣ же въ полное ея владѣніе, Тихвинскую его деревню, которая есть отдѣльная отъ прочаго имѣнія, въ Рязанской губерніи состоящаго, и по числу душъ, равно какъ по доходу съ оной не превышаетъ седьмой доли изъ всего недвижимаго имѣнія.

Все здѣсь изъясненное поручаю Правительствующему Сенату привести въ должное исполненіе.

Записки Михаила Чайковского ¹⁾.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

XV.

Переходъ на лѣвый берегъ Вислы.—Холера въ Завихвостѣ.—На квартирахъ въ Солецѣ.—Экспедиція въ Камень.—Генералъ Хржановскій.—Оборона Вислы.—Генералъ Шелтицкій.—Засада и встрѣча съ неприятелемъ въ Павловской Волѣ.—Пани Вевдорфъ и ея спутницы.—Опатовъ.—Генералъ Ружидкій.—Ночное нападеніе.

Мы выступили въ новую экспедицію въ слѣдующемъ порядкѣ: Ружидкій съ первымъ эскадрономъ пошелъ къ старому Замостью той дорогой, по которой шелъ съ корпусомъ Хржановскій; второй и третій эскадроны съ огромнымъ обозомъ свернули влѣво, въ лѣса, къ Янову. Мы вышли изъ мѣстечка въ полночь и, миновавъ гласисъ и форпосты, раздѣлились такимъ образомъ, что шпіоны, коихъ было не мало, могли только донести, что весь полкъ съ обозомъ выступилъ изъ крѣпости. Мы шли медленно и только на слѣдующій день къ вечеру прибыли къ старому Замостью. Второй и третій эскадроны и обозъ были подъ командою Михаила Грудзинскаго, а Антонъ Выговскій былъ посланъ въ Завихвостъ впередъ, чтобы приготовить лодки для переправы. Грудзинскому было приказано, дойдя до берега Вислы, тотчасъ начать переправу.

Мы простояли въ старомъ Замостьи до ночи, не бывъ никѣмъ потревожены.

На разсвѣтѣ мы оставили нашъ бивуакъ и вышли проселками на дорогу, шедшую въ Яново, куда мы прибыли благополучно и гдѣ намъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г. сентябрь.

«РУССКАЯ СТАРИНА» 1896 г., т. LXXXVIII. октябрь.

сообщили о счастливой переправѣ нашего обоза черезъ Вислу. На пятый день показались наносные пески, свидѣтельствовавшіе о близости Вислы, какъ вдругъ мы замѣтили позади насъ съ сотню донцовъ; половина нашего эскадрона рассыпалась по сторонамъ дороги съ цѣлью наблюдать за ними, а Ружицкій послалъ разузнать, что дѣлается на берегу рѣки. Оказалось, что наши повстанцы достали только двѣ лодки, но Грузинскій былъ такъ распорядителемъ, что весь обозъ и два эскадрона были уже переправлены въ Завихвостъ, и лодки ожидали насъ; мало того, заботясь о нашей безопасности, онъ былъ такъ предусмотрителемъ, что приказалъ разставить вѣхи въ тѣхъ мѣстахъ рѣки, гдѣ были отмели.

На каждую лодку тотчасъ было посажено по взводу, остальному же полу-эскадрону велѣно было спрятаться и ожидать гдѣ либо на берегу рѣки. Отъ донцовъ не трудно было уйти, но въ это время, на разстояніи не болѣе тысячи шаговъ отъ насъ, показалось еще нѣсколько эскадроновъ русской кавалеріи съ орудіями. Тогда Ружицкій бросился съ нашими двумя эскадронами вплавъ въ томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ были разставлены вѣхи; это произвело въ Вислѣ такое волненіе, что на ней появились даже бѣлые барашки. Русская артиллерія открыла огонь, дѣлалась въ насъ; казалось, что насталъ нашъ послѣдній часъ: лошади какъ челны носились по гребнямъ волнъ, то взлетая съ ними кверху, то ныряя въ воду, вокругъ насъ свистѣли пули, падая градомъ въ рѣку, гремѣли орудія, въ мѣстечкѣ раздавались крики и весь берегъ былъ усѣянъ людьми; на валъ крѣпостцы вышелъ гарнизонъ, состоявшій изъ одной пѣхотной роты и одного орудія. Наступившія послѣ заката солнца сумерки еще болѣе увеличили ужасъ и безъ того страшнаго зрѣлища. Наконецъ мы достигли берега, не потерявъ ни одного человека; только у одной лошади, подъ казакомъ моего взвода, были прострѣлены уши, но раны оказались неопасныя.

Въ Завихвостѣ свирѣпствовала холера; не знаю кто помѣстилъ насъ въ огромномъ домѣ, гдѣ были устроены конюшни, или мы сами заняли его, но размѣстившись тутъ мы узнали что этотъ домъ служилъ покойницей для холерныхъ больныхъ и что въ сосѣднихъ избахъ былъ холерный лазаретъ. Услыхавъ объ этомъ, мы поспѣшили оставить этотъ домъ и выйти изъ мѣстечка. Возлѣ почты стоялъ нашъ обозъ и эскадроны, а въ почтовомъ домѣ три хорошенькія дочери почтмейстера угощали Ружицкаго и офицеровъ чаемъ и сухарями. Позабывъ о томъ, что намъ слѣдовало обсушиться, мы подѣли къ столу и привялисы нить чай, забывъ даже о холерѣ. Однако Ружицкій не захотѣлъ долге оставаться въ Завихвостѣ; какъ только начало свѣтать, мы двинулись далѣе, по дорогѣ въ Сольцъ.

Въ Сольцѣ насъ встрѣтилъ адъютантъ генерала Хржановскаго и

передалъ приказаніе, чтобы мы расположились на квартирахъ въ этомъ мѣстечкѣ. Адьютанту велѣно было взять нашъ обозъ и отвезти его въ Гнѣворово, гдѣ находилась главная квартира генерала Хржановскаго. Ружицкій послалъ съ своей стороны къ генералу съ рапортомъ Яна Омединскаго, которому это доставило случай повидаться съ его дя-дюшкой, генераломъ Длусскимъ, командовавшимъ кавалеріей въ корпусѣ Хржановскаго.

Омединскій нашелъ Хржановскаго еще болѣе язвительнымъ, нежели онъ былъ въ Замосты; между ними произошелъ, въ присутствіи генерала Длускаго, слѣдующій разговоръ.

— Г. майоръ, по вашимъ словамъ, вы маневрировали цѣлыхъ три дня и побѣждали непріятеля, — сказалъ генералъ; чертовское — счастье! Но неужели вы полагаете, господа, что съ однимъ слѣпымъ счастьемъ можно побѣдить русскихъ? Хотя бы такихъ полковъ какъ вашъ было и триста, съ русскими ничего не подѣлаешь, ихъ не побѣдишь. Собирайтесь, панъ, поѣзжайте обратно въ полкъ.

И Омединскому было приказано немедленно выѣхать изъ Гнѣворова.

Ежели бы дурное расположеніе духа генерала Хржановскаго вытекало изъ сознанія, что начатая война не политична, противна логикѣ вещей и несвоевременна, это могло бы служить ему оправданіемъ и можно было бы признать справедливость его словъ, въ особенности теперь, когда у поляковъ, съ Божьей помощью, начинается развиваться политическій смыслъ; но Хржановскій этимъ смысломъ не былъ одаренъ, и хотя онъ состоялъ во время послѣдней турецкой кампаніи при штабѣ графа Дибича, но совершенно не зналъ славянъ, такъ какъ по польскому обыкновенію не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія; онъ былъ къ нимъ пристрастенъ и, не будучи ярымъ католикомъ, все-таки видѣлъ за Дунаемъ однихъ схизматиковъ, а не католиковъ, смѣялся надъ сближеніемъ съ ними русскихъ. Онъ не понималъ славянскихъ стремленій Россіи, хотя былъ ея сторонникомъ; по моему это былъ просто ремесленникъ военнаго дѣла, болѣе ничего. Быть можетъ онъ не имѣлъ никакого понятія о славянахъ, о которыхъ поляки впервые получили болѣе правильныя свѣдѣнія отъ эмигрантовъ и въ особенности отъ агентовъ князя Адама Чарторыйскаго. Къ Хржановскому можно было примѣнить пословицу: *ex libro doctus, ex capito stultus* ¹⁾. Онъ имѣлъ знанія, но не умѣлъ ими воспользоваться, выказать ихъ, примѣнить къ дѣлу; у него выходило все неудачно, и это еще болѣе озлобляло безъ того злобнаго генерала. — Онъ относился ко

¹⁾ То есть человѣкъ, черпающій всю свою мудрость изъ книгъ, но самъ по себѣ глупый.

всѣмъ недоброжелательно и несочувственно и не могъ удержаться, чтобы не сказать какой нибудь колкости и неприятности всякому, кому улыбалась удача; этимъ объясняется его непріязненное отношеніе къ Ружицкому и ко всему нашему полку.

Три недѣли простояли мы въ Сольцѣ, занимаясь ученьями и приводя себя въ порядокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы успѣвали и повеселиться и потанцовать. Какъ только окрестные жители Солецъ убѣдились, что Бердичевскіе казаки не дикари, что они лепечутъ по-французски, танцуютъ не только мазурку, но и французскую кадрили и не прочь полюбезничать съ дѣвками и поухаживать за барынями, какъ они стали сбѣзжаться въ Солецъ какъ бы на воды—точно Висла имѣла въ этой мѣстности цѣлебную силу морскихъ купаній. Краковянки, матери, жены, сестры и дочери мѣстныхъ жителей, устремились теперь въ Солецъ для свиданія съ родными; такимъ образомъ желанія дѣвицъ и любопытство женщинъ были удовлетворены, а мы въ одно и тоже время служили и веселились.

По ту сторону Вислы лежало село Камень, принадлежавшее помѣщику Бржезовскому, бывшему правительственнымъ комиссаромъ въ Люблинѣ, у котораго была жена, дочь и красавица падчерица. Подъ Камнемъ расположился лагерь дивизионъ драгунъ Кинбурнскаго полка, подъ командою маіора барона Толя. Въ одного изъ его офицеровъ влюбилась падчерица Бржезовскаго и назначила ему свиданіе. Бржезовскій пріѣхалъ повѣрить свою бѣду Ружицкому, своему давнишнему знакомому и пріятелю. Ружицкій былъ того мнѣнія, что единственное средство помочь горю—взять драгунъ въ плѣнъ, съ этой цѣлью въ ту же ночь выступило полтора эскадрона нашихъ казаковъ и рота пѣшихъ егерей.

Посреди Вислы былъ островокъ; кавалерія переправилась на него вплавъ, а егеря переѣхали туда на лодкахъ; такъ какъ до противоположнаго берега отъ острова было недалеко, и Висла была въ этомъ мѣстѣ такъ мелка, что ее можно было перейти вбродъ, то кавалеристы посадили позади себя каждый по егерю, и мы переправились такимъ образомъ черезъ рѣку. Наше предпріятіе увѣчалось успѣхомъ; драгуны, почти всѣ до одного, вмѣстѣ съ лошадьми были взяты въ плѣнъ.

Ружицкій не участвовалъ въ этомъ нападеніи. Часовъ около десяти въ Солецъ неожиданно пріѣхалъ генералъ Хржановскій; онъ былъ чрезвычайно утомленъ, напился чаю и легъ спать, объявивъ, что на слѣдующій день произведетъ смотръ полку.

Полкъ маневрировалъ, производилъ кавалерійское ученіе по-эскадронно и по-взводно, по всѣмъ правиламъ польскаго воинскаго устава, и выполнялъ труднѣйшія построенія рысью и въ галопъ. Хржанов-

скій утверждалъ, что наши казаки—старые солдаты, служившіе въ русской кавалеріи, и что мы называемъ ихъ повстанцами только желая придать себѣ больше значенія; онъ видимо былъ доволенъ, улыбаясь и заявивъ, что надобно не менѣе трехъ лѣтъ, чтобы вымуштровывать кавалерію такъ, какъ вымуштрованы наши казаки, и то имѣя дѣло съ понятливыми солдатами и офицерами, прошедшими школу и знающими свое дѣло.

Генераль объявилъ, что мы назначены въ составъ обсервационнаго корпуса генерала Шептицкаго, который долженъ быть уже въ Тарловѣ съ прочими отрядами, назначенными въ этотъ корпусъ. Мы выступили на слѣдующій день въ Тарлово, гдѣ и застали генерала Шептицкаго съ двумя батальонами пѣхоты Литовско-Волынскаго полка, подъ командою полковника Квятковскаго, изъ Познани, съ батальономъ 12-го линейнаго, полка подъ начальствомъ маіора Нидецкаго, и однимъ взводомъ Надвислянской кавалеріи, подъ командою поручика Шумлянскаго.

Въ числѣ офицеровъ Литовско-Волынскаго полка былъ Ипполитъ Блотницкій, преданный другъ семейства князей Чарторыйскихъ, человекъ въ высшей степени образованный и доблестный; онъ былъ съ дѣтства моимъ закадычнымъ другомъ. Въ то время онъ исполнялъ должность адъютанта полковника Квасницкаго.

Нашъ новый начальникъ—Шептицкій былъ человекъ весьма почтенный и добродушный; онъ прославился какъ храбрый офицеръ во время наполеоновскихъ войнъ, но—былъ конь да уходился; онъ былъ уже старъ и, желая угодить всѣмъ и каждому, предоставлялъ подчиненнымъ дѣйствовать по ихъ собственному усмотрѣнію; спрашивалъ всякаго, какъ онъ намѣренъ поступить, и говорилъ: «дѣлайте какъ хотите, лишь бы было хорошо».

Наши резервные лошади и вещи были немедленно отправлены въ Новое Место, а резервъ зашелъ въ Килечки, имѣнье князя Михаила Радзивилла, временнаго начальника польскаго войска. Въ Тарловѣ мы простояли нѣсколько дней, расположившись подлѣ риги. Тутъ мы увидѣли въ полномъ составѣ корпусъ, оставленный генераломъ Хржановскимъ для того, чтобы охранять переправу черезъ Вислу. Онъ состоялъ всего на всего изъ 4 батальоновъ пѣхоты по 600 человекъ въ каждомъ, изъ нашего полка, въ которомъ было 300 человекъ и 30 кавалеристовъ; при томъ надобно замѣтить, что у насъ не было ни одной пушки, а генераль, командовавшій этимъ корпусомъ, хотя и былъ, какъ я уже сказалъ, человекъ почтенный и преданный патріотъ, но не былъ въ состояніи проявить никакой распорядительности.

Корпусъ генерала Ридигера былъ уже въ Юзефовѣ, на правомъ берегу Вислы; корпусъ этотъ состоялъ, какъ намъ доподлинно было извѣстно, изъ 20 батальоновъ пѣхоты, 8 полковъ кавалеріи,

4 полковъ драгунъ, 4 полковъ конныхъ егерей, 4 полковъ донцовъ и 10 батарей артиллеріи по 6 орудій въ каждой ¹⁾. Между тѣмъ полковникъ Ржевускій перешелъ Вислу съ однимъ полкомъ драгунъ, полкомъ казакъ, батальономъ пѣхоты и батареей артиллеріи и окопался на лѣвомъ берегу у Павловской Воли; мостъ былъ наведенъ у Юзефова. Тогда только Хржановскій спохватился и сформировалъ обсерваціонный корпусъ, который долженъ былъ не допускать переправы черезъ рѣку перешедшаго уже на ту сторону отряда, который былъ гораздо сильнѣе и многочисленнѣе самого обсерваціоннаго корпуса. Приказъ, отданный Хржановскимъ, кончался слѣдующей громкой фразой: «въ случаѣ ежели бы генералъ Ридигеръ перешелъ со своимъ корпусомъ или хотя бы съ частью его на лѣвый берегъ Вислы,—отбросить его обратно на правый берегъ!»

Такъ забавлялся Хржановскій, составляя планы военныхъ дѣйствій, а поляки кричали про него, что хотя онъ строгъ и грубъ, но зато уменъ, и что только онъ одинъ и годенъ въ военные министры. Отдавъ этотъ приказъ, онъ испугался при мысли, что генералъ Ридигеръ вздумаетъ, пожалуй, перейти Вислу подъ Яновымъ и напасть на его корпусъ. Поэтому онъ направился поспѣшно къ Варшавѣ, оставивъ рѣку безъ всякой обороны; если бы его спросили, какимъ образомъ онъ обезпечилъ оборону береговъ Вислы, то онъ навѣрно отвѣтилъ бы на это:—«Я оставилъ тамъ 300 казаковъ Бердичевского повстанья, пусть ихъ охраняютъ переправу!»

Впослѣдствіи мы узнали отъ генерала Длускаго о новой причинѣ недоброжелательства къ намъ генерала Хржановскаго. Въ то время когда мы еще стояли въ Сольцѣ, насъ посѣщали офицеры кракусы; проѣзжали Карль Сенкевичъ и Адольфъ Добровольскій, наши старинные знакомые и земляки, которыхъ мы приняли очень гостепріимно и радушно. Нашъ полкъ, начиная отъ Ружицкаго и кончая послѣднимъ солдатомъ, былъ чрезвычайно монархиченъ, былъ такъ сказать преданъ династіи Ягеллоновъ и желалъ видѣть на польскомъ престолѣ князя Адама I (Чарторижскаго).

Во время пирушки въ честь гостей шла оживленная бесѣда, которая сопровождалась тостами. Станиславъ Дунинъ, несмотря на свои 80 лѣтъ, человекъ весьма пылкій и увлекающійся, какъ и подобало впрочемъ бывшему гусару, закричалъ:—«пустили бы насъ въ Варшаву, такъ мы разнесли бы всѣхъ этихъ яновельможныхъ на пикахъ и провозгласили бы нашего Адама королемъ такъ, какъ наши предки провозгласили королемъ Михаила Вишневецкаго; мы не набрались ума отъ своихъ королей, но теперь поступимъ благоразумно и спасемъ Польшу».

¹⁾ Авторъ приводитъ неточныя цифры, полученныя имъ по слухамъ. Р е д.

Всѣ рукоплескали старику Дунину и обнимали его, даже самъ Карлъ Сенкевичъ, единственный полякъ, бывшій въ нашемъ лагерѣ, находилъ что въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго и что было бы хорошо, если бы дѣло этимъ кончилось.

Наши гости отправились въ Варшаву, а кракусы въ Гнѣворово, гдѣ съ самыми хорошими намѣреніями рассказали все это генералу Хржановскому. Выслушавъ ихъ, онъ нахмурился и пробормоталъ: «они были бы не прочь сдѣлать это, но должны сначала позаботиться объ оборонѣ Вислы, потому уже могутъ идти въ Варшаву». Генераль Длусскій слышалъ все это и передалъ намъ слова Хржановскаго впослѣдствіи, когда мы уже эмигрировали изъ Россіи.

Генераль Хржановскій не былъ приверженцемъ аристократіи, но не былъ также и монархистомъ и въ особенности не былъ сторонникомъ Ягеллоновъ. Несмотря на всю его ученость, этотъ вопросъ былъ для него недоступенъ, онъ былъ для него тарабарскою грамотою. Это былъ человѣкъ такого страннаго склада ума и характера, что относился ко всему недоброжелательно, съ ненавистью, поэтому онъ не игралъ и не могъ играть никакой политической роли, несмотря на то, что графъ Владиславъ Замоискій, который чрезвычайно его цѣнилъ, постоянно давалъ ему видныя назначенія, впрочемъ будучи увѣренъ, что онъ далеко не пойдетъ и не займетъ ничье мѣсто.

Въ Сандомирскомъ и Краковскомъ округахъ стоялъ въ то время резервный отрядъ кавалеріи, въ коемъ было: 9 эскадроновъ старыхъ полковъ, 4 эскадрона вновь сформированныхъ полковъ, 2 эскадрона кракусовъ, около 2-хъ эскадроновъ, составленныхъ изъ какихъ то студентовъ, молодежи и т. п., 7 эскадроновъ старой кавалеріи, отдѣлившейся отъ корпуса Дверницкаго, одинъ эскадронъ Литовско-Русскій, одинъ Надвисянскій, два Подольскихъ. Въ одномъ эскадронѣ не доставало сѣделъ, въ другомъ стремянъ, въ нѣкоторыхъ не было полнаго комплекта людей, и по этой причинѣ генераль Вейсенгофъ держалъ ихъ на мѣстѣ согласно приказанію, полученному имъ изъ Варшавы въ то время, когда генераль Скржинецкій уже болѣе не командовалъ войсками. У насъ было еще два полка пѣшихъ егерей-кракусовъ (пятый и шестой полкъ), которые все время стояли въ Кельцахъ. Что за умные люди были въ Варшавѣ, когда тамъ не стало Скржинецкаго, можно себѣ представить, судя по двумъ приказамъ, нами отсюда полученнымъ.

Первымъ приказомъ, подписаннымъ генераломъ Крюковскимъ, намъ воспрещалось принимать въ полкъ охотниковъ, кромѣ какъ изъ Кіевскаго воеводства. Второй приказъ того же Крюковскаго былъ отвѣтомъ Ружицкому и Людовику Стецкому. У Стецкаго въ отрядѣ было 70 человѣкъ казаковъ 2-го казацкаго полка, а во всемъ полку было не болѣе 30 лошадей; мы же имѣли нѣсколько десятковъ лошадей лишнихъ въ

резервѣ. Стецкій просилъ отдать его солдатъ Ружицкому, а Ружицкій просилъ разрѣшенія отдать лишнихъ лошадей Стецкому; имъ отвѣтили: «когда у Стецкаго будутъ деньги, и онъ купитъ лошадей, тогда и посадить на нихъ своихъ казаковъ, а до тѣхъ поръ пусть они ходятъ пѣшкомъ. А когда Ружицкій достанетъ охотниковъ-кiевлянъ, тогда и посадятъ ихъ на своихъ лошадей, а до тѣхъ поръ пусть лошади его падутся въ ожиданіи всадниковъ». Я вполне увѣренъ, что редакція этого отвѣта принадлежитъ генералу Хржановскому. Я тогда удивлялся и до сихъ поръ не могу понять, почему Ружицкій и Стецкій, зная варшавскія власти и генераловъ, не помѣнялись людьми и лошадьми сами, а спрашивали разрѣшенія этихъ господъ. Если бы имъ удалось, безо всякаго позволенія, разбить непріятеля и вытѣснить его изъ края, навѣрно они не получили бы за это благодарности и похвалы, ихъ подвигъ признали бы только совершившимся фактомъ. Къ сожалѣнію таковы обычаи поляковъ.

Въ Тарловѣ собрался совѣтъ для обсужденія дальнѣйшаго образа дѣйствій; на немъ присутствовалъ и комиссаръ Бржезовскій. Бѣдный генералъ Шептинскій не зналъ что дѣлать? Рѣшить этотъ вопросъ дѣйствительно было не легко. Полковникъ Квятковскій молчалъ, заявивъ, что готовъ исполнять приказаніе начальства; начальникъ штаба полковникъ Жадера высказался за переправу черезъ рѣку, Гротусъ предлагалъ уйти въ лѣсъ; генералъ Шептинскій предложилъ, но не приказалъ отступить къ Свенто-Кржижскимъ горамъ. — «Тамъ въ Новомъ Мясѣ живетъ генеральша, она дастъ намъ хорошій совѣтъ, — сказалъ онъ, и выведетъ насъ изъ затруднительнаго положенія». Только Ружицкій и князь Гедройцъ, литовскій партизанъ, прикомандированный къ штабу Гротуса, были того мнѣнія, что надобно искать встрѣчи съ непріятелемъ. Генералъ подумалъ и сказалъ:

— Такъ идите, господа, ищите съ нимъ встрѣчи, а я подожду тутъ.

Этимъ приказаніемъ онъ и ограничился; комиссаръ Бржезовскій сѣлъ въ бричку и удралъ въ Варшаву, намѣреваясь вывести тамъ отечество изъ бѣды точно такъ, какъ онъ разстроилъ въ Сольцѣ любовную интригу своей падчерицы. Ружицкій съ Гедройцемъ стали совѣтоваться, какъ бы встрѣтиться и сразиться съ Ржевускимъ, а въ ригѣ случилось въ это время маленькое приключеніе, имѣвшее свои послѣдствія.

Въ ригѣ спалъ богатырскимъ сномъ Викентій Будзинскій, а Шашкевичъ загналъ туда стадо гусей и направилъ ихъ прямо на Будзинскаго, — новый способъ будить людей. Разбуженный гусями, которые гоготали и махали крыльями, Будзинскій выхватилъ саблю изъ ноженъ и зарѣзалъ ихъ болѣе десяти штукъ. Въ этомъ не было ничего особеннаго, но Шашкевичъ приукрасилъ это приключеніе и рассказывалъ,

что когда гуси напали на Будзинскаго, то онъ въ первый моментъ испугался и запросилъ пощады; когда же осмотрѣлся и увидѣлъ, что это были не русскіе, а гуси, то безъ всякой жалости сталъ рубить ихъ саблей. Мы много смѣялись по этому поводу.

Въ это время забила тревогу и дали намъ знать, что у опушки лѣса показались донцы; мы вскочили на лошадей и помчались на встрѣчу неприятелю, но не нашли его, а увидѣли генерала Шептицкаго, сидѣвшаго уже въ экипажѣ, повернувшись къ Свенто-Кржижскимъ горахъ, куда онъ хотѣлъ скрыться, въ случаѣ если бы донцы дѣйствительно появились возлѣ нашего лагеря. Но благодаря Бога этого не случилось, поэтому онъ остался въ Тарловѣ, а наши три эскадрона и двѣ роты пѣшихъ егерей Сандомірскаго полка отправились, подъ команду Гедройца, въ ночную экспедицію противъ Ржевускаго, нашего стараго пріятеля и чуть не земляка.

Дѣло предполагалось серьезное. Сабли, стремена и лошадиныя копыта были обвязаны пучками сѣна, велѣно было идти, соблюдая величайшую тишину; но Будзинскій, пробѣгая лѣсомъ, по которому онъ и раньше ѣхалъ, увѣрялъ, что онъ то и дѣло слышитъ, какъ кто то тихо проситъ пощады; это страшно раздражало его.

Конечнымъ пунктомъ нашей экспедиціи была назначена Павловская Воля; мы узнали отъ мѣстныхъ жителей, что въ тотъ день, въ этой деревнѣ рано утромъ былъ Ржевускій со своимъ стрядомъ, старался разузнать, что дѣлается въ окрестностяхъ, пилъ кофе, закусывалъ и любовался прелестными очами жены эконома.

Павловская Воля была расположена на небольшой возвышенности, на берегу рѣчки и была отдѣлена отъ окоповъ, за которыми стояло войско Ржевускаго, прудомъ и болотистымъ пространствомъ, которое тянулось на три версты. Дорога отъ Павловской Воли до русскаго лагеря пролегала по длинной греблѣ, на которой былъ мостъ, длиною по меньшей мѣрѣ въ 150 шаговъ; за мостомъ было болото, а за нимъ огородъ, засѣянный картофлемъ, фасолью и хмѣлемъ; за огородами была пажить, перерѣзанная небольшими полосками пахотной земли, которая тянулась до самой рѣчки; между прудомъ и окопами русскаго войска, ближе къ пруду, находилась довольно большая сушильня для льна и конопли. Берега Вислы были покрыты кустарникомъ и осокой; въ деревнѣ, влѣво отъ гребли стоялъ хорошенькій домикъ съ огородомъ, а направо, на пригоркѣ, огромная рига съ четырьмя воротами.

Мы пришли въ деревню ночью; на всѣхъ дорогахъ были разставлены караулы, чтобы никто не могъ выйти изъ села; въ ригу вступило десять эскадроновъ (?) нашей кавалеріи, которые стали передъ каждымъ воротами по два взвода, фронтомъ къ воротамъ; два взвода подъ команду Грузинскаго и прочіе офицеры вошли въ сушильню. Пѣшіе

егеря засѣли въ фасолѣ и хмѣлѣ; имъ было приказано пропустить отрядъ Ржевускаго на мостъ и тогда только выйти изъ засады, стрѣлять и разрушить мостъ; полкъ-эскадрона Грудзинскаго долженъ былъ придти на помощь и взять въ плѣнъ тѣхъ, кому удалось бы прорвать цѣпь стрѣлковъ; десять эскадроновъ, стоявшіе на коняхъ въ ригѣ и готовые ежеминутно выступить, должны были броситься на непріателя изъ четырехъ воротъ, прогнать его и взять въ плѣнъ; два казака прикрывшись снопами, забрались на крышу, чтобы обозрѣвать мѣстность и доложить, что будетъ видно.

Къ наступленію дня все было готово. Едва взошло солнце, какъ казаки, сидѣвшіе на крышѣ, закричали: «идутъ!»

Впереди шелъ авангардъ донцовъ, за нимъ взводъ донцовъ съ офицеромъ, далѣе еще одинъ взводъ, также подъ командою офицера; позади его два донца рядомъ, за ними, шагахъ въ пятнадцать, Ржевускій со своимъ штабомъ, наконецъ, три взвода драгунъ и взводъ донцовъ, составлявшихъ арьергардъ.

У егерей навѣрно была водка въ манеркахъ: они подпили, заснули и пропустили авангардъ отряда, но кто-то изъ этихъ несчастныхъ проснулся въ тотъ самый моментъ, когда два донца, ѣхавшіе предъ Ржевускимъ, доѣхали до моста и поровнялись съ зарослью фасоли; эти два донца были убѣленные сѣдинами старцы, по всей вѣроятности еще остатки кавалеріи Платова или Денисова; они такъ приглянулись проснувшемуся егерю, что онъ выстрѣлилъ въ нихъ; одинъ изъ донцовъ свалился съ лошади, а егеря въ безпорядкѣ бросились на мостъ. Ржевускій отступилъ; наши взводы выскочили изъ риги, убили нѣсколькихъ донцовъ и драгунъ, въ томъ числѣ одного драгунскаго офицера, и взяли въ плѣнъ 18 чловѣкъ донцовъ съ офицеромъ. Грудзинскій выскочилъ изъ сушильни, напалъ на отрядъ Ржевускаго съ фланга, и погналъ къ лагерю; три раза ударялъ онъ самого Ржевускаго по плечу саблею, но не могъ выбить его изъ сѣдла, а только разорвалъ ему мундиръ. Одинъ донецъ вонзилъ Грудзинскому саблю между реберъ съ такою силою, что у нея отлетѣла рукоятка. Мы устремились на греблю на помощь Грудзинскому, но егеря уже успѣли разобрать мостъ, а по ту сторону его завязалась кровавая битва; изъ лагеря подоспѣлъ свѣжій отрядъ донцовъ, и отрядъ Грудзинскаго былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; Викентій Рудзинскій, сражаясь съ донцами, упалъ съ лошади, донцы схватили его и унесли въ лагерь. Между тѣмъ третьему эскадрону было приказано переправиться чрезъ рѣку въ томъ мѣстѣ, гдѣ она впадала въ Вислу, что онъ и исполнилъ моментально, а прочіе два эскадрона настилали мостъ досками и переходили черезъ него. Унтеръ-офицеръ третьяго эскадрона, Визовскій, подъ которымъ была превосходная лошадь, вооруженный двустволкою, найденною имъ въ кустахъ, подскакалъ къ отряду, коимъ коман-

доваль Будзинскій, и выстрѣлилъ изъ двустволки; солдаты закричали: «стрѣляють дробью» и обратились въ бѣгство, бросивъ Будзинскаго, котораго Визовскій посадилъ передъ собою на лошадь и привезъ къ намъ; между тѣмъ наши эскадроны бросились въ атаку и выручили отрядъ Грудзинскаго, потерявшаго всего пять лошадей; мы преслѣдовали неприятеля до самыхъ окоповъ и отбѣжали отъ нихъ только тогда, какъ по насъ открыли огонь изъ орудій.

У насъ было нѣсколько человѣкъ раненыхъ, впрочемъ неопасно, и убито пять лошадей. Будзинскій былъ еще живъ, но истекалъ кровью отъ ранъ; онъ получилъ тридцать(?) ударовъ пикою, двѣ пули и два удара саблей; мы не думали, что онъ доживетъ до вечера; докторъ Терлецкій, осмотрѣвъ его раны, отправилъ его въ Тарлово.

Грузинскому вынули изъ раны остріе сабли, засѣвшее между ребрами въ глубину по крайней мѣрѣ на три дюйма, но этотъ человѣкъ, обладавшій желѣзной волей, велѣлъ сдѣлать перевязку и, не сходя съ коня, продолжалъ нести служебныя обязанности.

Послѣ этой стычки егеря заняли Павловскую Волю, а мы стали бивакомъ за деревней, на пригоркѣ, на дорогѣ, ведущей въ Солецъ.

Ржевускій цѣлыхъ четыре дня не показывался изъ окоповъ и не высылалъ ни одного отряда, а когда наши разъѣзды приближались къ окопамъ, то въ нихъ стрѣляли изъ орудій. На противоположномъ берегу, въ русскомъ лагерѣ каждый вечеръ играла музыка. На пятый день намъ донесли, что Ридигеръ оставилъ первоначальное намѣреніе перейти Вислу у Юзефова и идетъ вдоль берега, намѣреваясь перейти рѣку по всей вѣроятности у Янова, гдѣ онъ не ожидалъ встрѣтить никакого препятствія и не предполагалъ присутствія войска, охраняющаго переправу.

Ружицкій тотчасъ послалъ объ этомъ донесеніе Шептицкому, но офицеръ, на котораго было возложено это порученіе, вернулся съ извѣстіемъ, что генералъ отступилъ со своимъ войскомъ къ Свято-Кржижскимъ горамъ, испугавшись выстрѣловъ изъ орудій, коихъ раскаты доносились до Тарлова, и полученнаго имъ извѣстія, что весь корпусъ генерала Ридигера перешелъ на лѣвый берегъ Вислы, занялъ Солецъ и двинулся къ Тарлову. Въ то время какъ мы узнали все это отъ офицера, къ намъ явились два перебѣжчика изъ русскихъ драгунъ, оба кievлянина, а одинъ изъ нихъ казакъ изъ отряда Яна Тарновскаго, котораго узналъ Омецинскій; они сообщили намъ, что Ржевускій въ ту же ночь собирается на разсвѣтѣ напасть на нашъ обозъ, но съ противоположной стороны, отъ Солецъ, что они были посланы на развѣдки и имъ приказано ожидать отрядъ въ селѣ Гнойницѣ; что объ ихъ побѣгѣ не могутъ такъ скоро узнать, а слѣдовательно не могутъ измѣнить и

плана нападенія. Они говорили такъ толково, что нельзя было имъ не вѣрить.

Вечеромъ, поужинавъ и накормивъ лошадей, мы зажгли бивачные огни. Ружицкій поручилъ маіору Гедройцу пройти лѣсомъ въ Опатово, а наша кавалерія направилась къ деревнѣ, указанной перебѣжчиками, и стала передъ ней развернутымъ фронтомъ.

Мы прождали часа два; люди засыпали сидя на коняхъ, несмотря на то, что мы постоянно развѣзжали передъ фронтомъ и позади него и будили ихъ. Наконецъ, въ деревнѣ залаяли собаки; было такъ темно, что нельзя было различить даже бѣлаго коня Барановскаго, но до нашего слуха доносился топотъ лошадей, двигавшихся въ самомъ стройномъ порядкѣ; мы слышали, что они проходили передъ фронтомъ нашего отряда и скорѣе представляли себѣ въ воображеніи нежели видѣли въ дѣйствительности, что мимо насъ мелькали какія-то тѣни. Ружицкій сталъ на лѣвомъ флангѣ и, лишь только топотъ коней нѣсколько стихъ, онъ крикнулъ: «Слава Богу»; весь фронтъ повторилъ за нимъ «Слава Богу!» и понесся съ мѣста въ карьеръ. Проскакавъ нѣкоторое расстояние, мы почувствовали, что наши пики вонзились въ тѣло людей и лошадей. Впослѣдствіи оказалось, что мы атаковали колонну, шедшую по шесть человекъ въ рядъ, и хотя наше нападеніе было произведено энергично, но намъ было приказано не преслѣдовать непріятеля, что впрочемъ было и немислимо при совершенной темнотѣ. Мы остановились и наши казаки, по мѣрѣ возможности, построились во фронтъ; чтобы различать другъ друга, они повязали себѣ на правую руку бѣлые платки. Мы имѣли дѣло съ русскимъ эскадрономъ драгунъ и двумя сотнями донцовъ. Впослѣдствіи мы узнали, что Ржевускій остался съ двумя полками донцовъ и четырьмя эскадронами драгунъ въ Тарловскихъ лѣсахъ, а пѣхота и орудія были переправлены на правый берегъ и подъ командою Ридигера пошли къ Янову. Мостъ въ Юзефовѣ не былъ наведенъ, а весь матеріалъ, заготовленный для этого моста, который былъ уже на половину сооруженъ, былъ спущенъ по рѣкѣ къ Янову. Генераль Хржановскій могъ похвастать, что онъ своими распоряженіями не допустилъ переправы войска въ Юзефовѣ и отбросилъ на правый берегъ русское войско, бывшее уже на лѣвомъ берегу. Флоріанъ Ржевускій ушелъ въ Тарловскіе лѣса, гдѣ между нимъ и генераломъ Гедройцемъ, бывшимъ въ этихъ лѣсахъ съ двумя ротами егерей Сандомірскаго полка, началась партизанская война съ постоянными маршами и контрмаршами. Это напоминало игру въ шахматы; отрядъ Ржевускаго былъ сильнѣе, но состоялъ изъ одной кавалеріи. У Гедройца была пѣхота, славные егеря; онъ былъ въ родномъ краѣ и зналъ мѣстность какъ свои пять пальцевъ. У обоихъ были свѣжія силы, оба они были умны, хитры и въ военномъ дѣлѣ травленные зайцы.

Гедройць имѣлъ за собою болѣе нежели шестидесятилѣтнюю боевую опытность, сражался подъ знаменами Костюшки и Наполеона, позднѣе, однимъ изъ первыхъ вступилъ въ ряды повстанцевъ, сражавшихся въ лѣсныхъ чащахъ Литвы, и уже покрылъ себя славою въ стычкахъ подъ Замостьемъ, подъ Богомольцемъ и въ набѣгахъ, совершенныхъ съ храбрымъ маіоромъ Бабскимъ. Старикъ привыкъ дремать стоя и даже на ходу, что замѣняло ему сонъ. Хладнокровіе, осторожность, привычка не довѣрять на слово мѣстнымъ жителямъ и необычайная, неусыпная дѣятельность создали ему славу прекраснѣйшаго предводителя партизанскихъ партій. Флоріанъ Ржевускій, украинецъ, сынъ степей, съ молодости служившій въ гусарахъ, завзятый кутила и гуляка, всегда готовый на самый смѣлый подвигъ, былъ во цвѣтъ лѣтъ; тридцати лѣтъ съ небольшимъ онъ уже имѣлъ чинъ полковника и былъ такимъ же отважнымъ партизаномъ какъ и Гедройць; подъ его командой были донцы, люди рожденные для партизанской войны.

Ружицкій, не зная и не вѣдая, гдѣ находился генералъ Шептицкій, а равно и Хржановскій, и не получая отъ нихъ никакихъ приказаній, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, въ первый моментъ рѣшилъ идти прямо въ Варшаву. Наша колонна уже вытянулась въ этомъ направленіи. Надобно было послѣдовать первому рѣшенію, такъ какъ оно всегда бываетъ наилучшее, и пойти въ Варшаву; какъ знать, можетъ быть все кончилось бы тогда иначе, и на польскій престолъ возсѣлъ бы Адамъ I. Но видно, поляки не хотѣли добра Польшѣ, и Господь не былъ за нихъ; зато нечистая сила не дремала, а извѣстно, что гдѣ дьяволъ самъ не сможетъ, тамъ онъ бабу пошлетъ.

Мы уже направились въ Варшаву, когда намъ попалась на встрѣчу цѣлая вереница экипажей, бричекъ и телѣгъ, нагруженныхъ прекраснымъ поломъ. Это была пани Вендорфъ, супруга маіора конныхъ егерей, жившая близъ Солецъ, въ прелестной мѣстности, на самомъ берегу Вислы. Ей шелъ уже четвертый десятокъ, она была чрезвычайно высока ростомъ и полна, истый геркулесъ въ юбкѣ; она добровольно взяла на себя обязанность покровительствовать вдовамъ и сиротамъ воиновъ, павшихъ на полѣ брани, а также женамъ, сестрамъ, дочерямъ и даже матерямъ тѣхъ, кто шелъ защищать отечество и искалъ славы въ бояхъ. Не одинъ вечеръ провели мы у пани Вендорфъ во время нашей стоянки въ Сольцѣ, любезничая и ухаживая за дѣвцами, танцуя вальсы и мазурки съ бѣдными сиротками, которыхъ мы отъ всего сердца старались утѣшить и развлечь. Пани Вендорфъ была нетрусливаго десятка и не испугалась бы русскихъ войскъ, если бы это были гусары, уланы или хотя бы драгуны, но донцы—это, по ея словамъ, ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга,—варвары, которые знаютъ только свою магайку и не понимаютъ вѣжливаго обхожденія. Узнавъ, что это за люди, она рѣшила

искать убѣжища въ Свенто-Кржижскихъ горахъ и отправилась туда одновременно съ корпусомъ, шедшимъ для подкрѣпленія генерала Шептицкаго; поэтому ей было извѣстно то, чего мы не знали, а именно, что Шептицкій находился уже въ Опатовѣ, по пути въ Новый Шлюпъ.

Она сумѣла убѣдить Ружицкаго, что долгъ военнаго обязывалъ его разыскать корпусъ, къ которому онъ принадлежалъ, и что какъ полякъ онъ не могъ оставить другого поляка безъ помощи, въ жертву неприятелю.

Мы свернули на дорогу къ Опатову, оставивъ намѣреніе идти въ Варшаву; надобно сознаться, что глядя на спутницъ пани Вендорфъ, никто изъ насъ не пожалѣлъ о рѣшеніи начальника; мы позабыли о королѣ, котораго намъ слѣдовало охранять, и любовались на прекрасныхъ полякъ, которыя могутъ дать отечеству такъ много прекрасныхъ защитниковъ. Въ послѣдующіе два дня нашъ дальнѣйшій походъ напоминалъ собою настоящую майовку¹⁾; закуски и обѣды на мягкой муравѣ, подъ тѣнью деревьевъ, на берегу ручейковъ, въ тѣнистыхъ рошицахъ, ночлеги подъ открытымъ небомъ, лѣсни, музыка, даже танцы; а сколько при этомъ было томныхъ взглядовъ и нѣжныхъ словъ, проникавшихъ въ душу. И теперь еще, на старости лѣтъ, вспоминая объ этомъ переходѣ, я оживляюсь, чувствую себя помолодѣвшимъ и забываю всѣ свои невзгоды.

Только на третій день, подъ вечеръ, дошли мы до Опатова, гдѣ застали генерала Шептицкаго. Онъ выѣхалъ намъ на встрѣчу, но на лицѣ этого почтеннаго человека было замѣтно величайшее смущеніе и тревога. Онъ признался Ружицкому, что наканунѣ послалъ своего начальника штаба, полковника Жадера съ донесеніемъ въ Варшаву о томъ, что нашъ полкъ, будучи окруженъ въ Павловской Волѣ превосходными силами русскихъ войскъ, погибъ до послѣдняго человека, такъ что не осталось никого въ живыхъ, кто бы могъ сообщать подробности этого пораженія. Ему донесли объ этомъ очевидцы, вполнѣ достойные вѣры. Почтвенный старецъ плакалъ отъ радости, видя, что мы живы и здоровы, но его беспокоила мысль, что скажутъ объ его рапортѣ въ Варшавѣ; онъ увѣрялъ, что насъ сравнятъ со спартанцами, защищавшими Оермопилы, а Ружицкаго— съ Леонидомъ. Несмотря на всю свою доброту, онъ можетъ быть въ душѣ не разъ пожалѣлъ о томъ, что мы не погибли, такъ какъ это спасло бы его отъ шекотливаго положенія.

Происшедшая при этомъ сцена была весьма комична: съ одной стороны, воскресшій изъ мертвыхъ полкъ, а съ другой—почтвенный, добрый генералъ, который радовался тому, что видѣлъ насъ въ живыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ бы не прочь видѣть всѣхъ насъ, до единаго,

¹⁾ Майская прогулка за городомъ.

мертвыми ради спасенія своей генеральской чести и чувствовал себя не особенно пріятно отъ посѣщенія прекраснаго поля и отъ страха, какъ бы донцы не напали на Опатово. Находясь въ столь затруднительномъ положеніи, генераль былъ окончательно убитъ извѣстіемъ, привезеннымъ однимъ офицеромъ Сандомірскаго полка, о пораженіи маіора Гедройца, который со своими двумя ротами былъ взятъ въ плѣнъ. Прибывшій офицеръ съ 25 солдатами также едва не попалъ въ плѣнъ, но имъ удалось бѣжать.

Дѣло было такъ. Послѣ семидневныхъ стычекъ между отдѣльными отрядами, Ржевускій прибѣгнулъ къ слѣдующей хитрости: онъ приказалъ нагрузить нѣсколько возовъ овсомъ, водкой и другими припасами и отправить ихъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ дощцовъ лѣсами, въ сторону Солецъ, по самымъ непроходимымъ дорогамъ, дѣлая видъ, что отправку этого обоза хотятъ скрыть и что благополучной его доставкѣ придають большое значеніе; между тѣмъ конвойнымъ было приказано нарочно просыпать по пути слѣдованія обоза овесъ, чтобы было замѣтно по какой дорогѣ онъ прошелъ. Мѣстные жители и шпіоны увѣдомили маіора Гедройца объ отправкѣ обоза, и онъ пошелъ со всей своей командой за нимъ слѣдомъ съ цѣлью имъ овладѣть; цѣлыхъ два дня выслѣживали они обозъ, и только на третій день подъ вечеръ нагнали его и увидѣли, что обозъ, свернувъ съ дороги, вступилъ въ густую заросль, гдѣ и сдѣлалъ приваль; волы были выпряжены и спокойно паслись тутъ же. Гедройць приказалъ осмотрѣть заросль и, такъ какъ въ ней не оказалось войска, то онъ напалъ на обозъ; нѣсколько дощцовъ изъ конвойныхъ разбѣжались, а остальные сдались въ плѣнъ; когда ихъ стали допрашивать, то они показали, что, отставъ отъ главнаго отряда, они заблудились въ лѣсу и, видя, что въ немъ развѣзжаютъ конные егеря, боялись останавливаться въ селахъ, чтобы не возбудить одительности непріятеля; блуждая, такимъ образомъ, они попали въ эту чащу и сами не знаютъ, гдѣ они находятся. Они говорили все это такъ правдоподобно, что ихъ словамъ нельзя было не повѣрить. Егеря были голодны, истомились отъ жажды и, добравшись до водки и до състныхъ припасовъ, изрядно угостялись и тѣмъ и другимъ, а послѣ закуски ихъ стало клонить ко сну, что было весьма естественно послѣ столькихъ бессонныхъ ночей, проведенныхъ въ постоянныхъ маршахъ и контр-маршахъ. Даже часовые дремали, въ то время Ржевускій совершенно неожиданно напалъ со всѣхъ сторонъ на лагерь съ цѣлымъ полкомъ донцовъ; нападающіе были храбры, энергичны, а наши казаки полусонные и полупьяные; Гедройць съ его двумя ротами былъ взятъ въ плѣнъ, только 26 человекъ успѣли спастись бѣгствомъ. Ржевускій обошелся съ Гедройцемъ очень вѣжливо; за столомъ и въ экипажѣ ему было представлено первое мѣсто. Храбрый литвинъ никогда еще не пользовался

такимъ почетомъ. Его тотчасъ перевезли на другой берегъ Вислы и отправили въ Кіевъ къ фельдмаршалу Сакену. Егеря говорили: «старый воробей далъ поймать себя руками».

Послѣ того какъ былъ взятъ въ плѣнъ Гедройць, отъ генерала Шептицкаго нельзя было ожидать ничего инаго, кромѣ того, что онъ станетъ выжидать и прятаться въ Свенто-Кржижскихъ горахъ.

Намъ было приказано стать бивакомъ за мѣстечкомъ, по дорогѣ въ Новый Шлюпъ, пустить лошадей на пастбу, но быть постоянно готовымъ къ выступленію.

Мы скучали въ лагерѣ, оставивъ поле битвы Богъ вѣсть для какихъ то горъ, и спокойно разгуливали по мѣстечку, не надѣясь болѣе увидѣть непріятеля; чуть не половина нашего отряда стояла на часахъ, такъ какъ генераль былъ чрезвычайно остороженъ. Однажды вдругъ показался вдали открытый экипажъ, запряженный четверкою лошадей, которыя неслись по мѣстечку во весь опоръ. Нѣсколько человекъ офицеровъ стояло около Ружицкаго, въ то время какъ съ нимъ поровнялся этотъ экипажъ; кто-то крикнулъ: «стой!» и изъ экипажа высочилъ комиссаръ Бржозовскій, а за нимъ маленькій, худенькій, но веселенькій старичекъ въ генеральскомъ мундирѣ. Бржозовскій обнялъ Ружицкаго и каждаго изъ насъ отдѣльно.

— Такъ вы живы! такъ васъ не перебили, вотъ чудеса!

Потомъ, спохватившись, онъ обернулся, прибавивъ: «вотъ, привезъ вамъ генерала».

Это былъ Самуиль Ружицкій, который, будучи полковникомъ, сражался въ войскахъ Наполеона и недавно, по возвращеніи изъ Литвы, былъ назначенъ бригаднымъ генераломъ. Онъ былъ уроженецъ Кракова, кальвинистъ и только однофамилецъ Карла Ружицкаго. У нихъ гербы были различныя. вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ его адъютантъ, Евстафій Янушкевичъ, человекъ необыкновенно даровитый, обладавшій военными и административными способностями; онъ одинъ исполнялъ все обязанности по штабу генерала и не оставлялъ желать ничего лучшаго.

Генераль Шептицкій, увѣдомленный уже о пріѣздѣ своего замѣстителя, встрѣтилъ его съ неподдѣльной радостью; это избавляло его отъ большихъ хлопотъ и онъ могъ теперь совершенно спокойно отправиться въ свои любезныя Свенто-Кржижскія горы и въ Новое Место, гдѣ проживала сама пани генералова. Намъ было приказано свернуть съ дороги, которая вела къ этимъ горамъ, перейти на дорогу, шедшую къ берегу Вислы, и ожидать тамъ дальнѣйшихъ приказаній. Карлъ Ружицкій отправился на совѣтъ, созванный въ квартирѣ нашего новаго командира, а капитану Дунину приказалъ вывести эскадроны на дорогу къ Ильжѣ, но не выходить за линію аванпостовъ. Дунина не повелъ свой полкъ на пригорокъ, а предпочелъ остановиться при выѣздѣ изъ

деревни такъ, что даже передовые солдаты стояли въ самомъ концѣ улицы, между заборами. Грузинскій не одобрялъ остановки въ этомъ мѣстѣ, но Дунинъ утверждалъ, что такъ какъ по близости находятся форпосты, то солдаты лучше отдохнуть здѣсь и даже могутъ подремать, такъ какъ лошади ихъ не разбѣгутся; самъ Дунинъ съ нѣсколькими офицерами улегся передъ фронтомъ на краю дороги. Грузинскій что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ, отвелъ меня въ сторону и сказалъ: «не будемъ спать, чортъ не дремлетъ и казакамъ не слѣдуетъ спать».

Онъ послалъ въ трактиръ и приказалъ принести намъ кофе со сливками. Едва успѣли мы выпить его, какъ послышались выстрѣлы и громкіе крики: «ура»! На выѣздъ изъ мѣстечка произошла страшная суматоха и давка; я поспѣшилъ вскочить на своего коня, котораго держалъ за поводья; не знаю какимъ чудомъ мнѣ удалось сдѣлать это такъ быстро, и я поскакалъ съ половиною моего взвода обратно въ мѣстечко, откуда уже возвращалась русская кавалерія, неожиданно напавшая на него.

Первый разъ случился такой позоръ, что непріятель, напавъ на насъ, засталъ насъ спящими. Дунинъ получилъ двѣ раны саблею по головѣ, что было имъ вполне заслужено; нѣсколько офицеровъ и болѣе десяти солдатъ были ранены, нѣкоторые довольно тяжело, но убитыхъ не было ни одного. Взятые нами плѣнные сообщили, что ихъ было всего 40 человекъ охотниковъ изъ донцовъ и драгунъ подъ командою поручика Красовскаго, что они принадлежатъ къ дивизіи генерала Квицинскаго, который, переправившись черезъ Вислу подъ Яновымъ съ четырьмя батальонами пѣхоты, полкомъ драгунъ и полкомъ донскихъ казаковъ съ восемью орудіями, подошелъ къ Сольду и, получивъ извѣстіе, что польскія войска отступили къ Свенто-Кржижскимъ горамъ, выслалъ развѣдчиковъ по направленію къ Опатову.

Перев. В. В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Императоръ Николай на Кавказъ въ 1837 году.

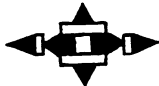
Письмо кн. Василія Осиповича Вебутова—Осипу Петровичу Дубецкому.

13 ноября 1837 года кр. Эривань.

Государь императоръ осчастливилъ Закавказскій край высокимъ своимъ посѣщеніемъ. Его величество изволилъ выдти на берегъ въ Редуть-Кале, ночевалъ въ Зугдидѣ, Кутансѣ, въ Сурамѣ, Ахалцыхъ Ахалкалакахъ, Гумри, и 4-го числа октября я имѣлъ счастье встрѣтить государя въ д. Мастарѣ и поднести всеподданнѣйшій рапортъ. Государь очень милостиво принялъ меня, взялъ за руку и благодарилъ; въ тотъ день ночлегъ имѣлъ въ Сардаръбадѣ. 5-го числа его величество встрѣтилъ недалеко отъ Эчмиадзинскаго монастыря патріархъ всѣхъ армянъ Іоаннесъ, а у ограды—все Эчмиадзинское духовенство въ облаченіи. Церемонія была великолѣпная, и его величество все время до вступленія во храмъ изволилъ идти пѣшкомъ съ обнаженною главою. По окропленіи патріархомъ государя святою водою и вступленія въ храмъ, патріархъ произнесъ слово, а потомъ, по осененіи его величества животворящимъ крестомъ, государь изволилъ приложиться къ св. копыю и осматривать ризницу.

По выходѣ изъ церкви изволилъ осматривать трапезную, типографію, семинарію, жилище монаховъ, присутствіе армяно-грегоріанскаго синода, и потомъ, вступивъ въ патріаршія палаты, удостоилъ своею аудіенціею патріарха, котораго пожаловалъ орденомъ св. Александра Невскаго, алмазами украшеннымъ. Сего числа въ 12 часовъ полуночи, изволилъ прибыть въ Эривань, здѣсь осматривать изволилъ крѣпостныя верки, арсеналь, госпиталь, и все въ крѣпости находящееся, неисключая и областнаго правленія; и кажется былъ доволенъ.

На другой день, т. е. 6-го октября, по утру имѣли счастье представляться его величеству посольство персидскаго шаха, который нарочно прислалъ сына своего, наследника престола, поздравить его величество съ прибытіемъ въ Закавказскій край. Потомъ я (имѣлъ) счастье, въ зеркальной залѣ, великолѣпно отдѣланной, представлять гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, мусульманское духовенство, хановъ, бековъ, меликовъ и проч. и проч. и проч. Въ 11 часовъ государь изволилъ отправиться въ соборъ, помолвившись, изволилъ выдти изъ церкви; потребовалъ бурку, которую я имѣлъ счастье воздѣть на монарха, опять удостоилъ взять меня за руку, поцѣловать меня въ лице, изъявилъ свое благоволеніе, и такъ какъ я еще до прибытія его величества въ область страдалъ желчною лихорадкою, со здѣшнимъ пагубнымъ климатомъ сопряженною, и былъ очень слабъ, то государь императоръ, замѣтивъ совершенное мое изнуреніе, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ далѣе не сопровождать его величество по берегу свое здоровье. Я поцѣловалъ руку вѣнценосца и, проводивъ верхомъ чрезъ городъ до Канонирской равнины, возвратился, и по сіе время нахожусь въ болѣзненномъ состояніи, а жена моя въ это же время была при смерти больна; она и теперь еще не поправилась.

Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова.

В. Г. Тепляковъ—кн. А. Н. Голицыну ¹⁾.

1.

23 декабря (3 января) 1836—1837 года. Бухъ-Дере ²⁾.

Удостойте приписать мое замедленіе выразить вашему сіятельству признательность моей души, проникнутой вашими высокими благодѣяніями, лишь полному однообразію жизни, очень мало достойной нашего благосклоннаго вниманія. Всѣ сообщенія прерваны по случаю распространенія заразы, сила которой здѣсь, послѣ чумы 1812 г. ³⁾, положительно безпримѣрна, и я долженъ былъ, какъ и всѣ, подчиниться предохранительнымъ мѣрамъ, строгость которыхъ приводитъ всѣ мысли въ состояніе, среднее между жизнью и смертью. Можно подумать, что Богъ излилъ здѣсь на землю весь свой гнѣвъ.

Однако, не могу не исполнить моего долга и не выразить вашему сіятельству моихъ искреннихъ пожеланій съ наступающимъ новымъ

¹⁾ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ—извѣстный государственный дѣятель царствованія Александра I. См. о немъ: «Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ», собранныя кн. Н. Н. Голицынымъ. Киевъ, 1880, стр. 142 и 143. Кромѣ того о немъ: «Fürst A. N. Golitzin und seine Zeit». Aus den Erlebnissen des Geheimraths P. von Götze. Leipzig. 1882. «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи», И. А. Чистовичъ. С. 1894, на стр. 153—172. «Кн. А. Н. Голицынъ и его время» (1773—1844), Е. П. Карповичъ. «Историч. Вѣстн.» 1882 г., т. 8 (выдержки изъ книги Гетца).

²⁾ Письма В. Теплякова къ князю А. Н. Голицыну приводятся въ переводѣ съ французскихъ черновыхъ подлинниковъ.

³⁾ Эта чума въ первой половинѣ 1813 г. была занесена въ Мальту.

годомъ, отъ глубины благодарнаго сердца пожелавъ вамъ долгаго и постояннаго счастья. Да воздастъ вамъ Господь за все то, что вы сдѣлали для меня, единственною опорю котораго въ этомъ мѣрѣ былъ Отецъ нашъ Небесный и вы, чья душа, какъ самое чистое зеркало, отражаетъ на землѣ Его безпредѣльную благодать.

Единственнымъ извѣстїемъ, заслуживающимъ здѣсь вниманія вашего сїятельства, можетъ служить недавнее путешествіе султана ¹⁾ въ древній городъ, Никомедію, чтобы присутствовать при спускѣ 98-ми пушечнаго корабля, подъ названіемъ «Февзіе», въ честь новаго турецкаго генералъ-адмирала. Съ 1831 г. только во второй разъ оттоманскій государь покидаетъ свою столицу. Въ продолженіе длинныхъ царствованій, глава государства не проникался мыслью, что полезно такимъ образомъ быть въ средѣ своихъ подданныхъ. Если вѣрить устнымъ разсказамъ, султанъ настолько желаетъ быть популярнымъ, что однажды, встрѣтивъ на дорогѣ бѣднаго старика-мусульманина, ѣлъ и пилъ съ нимъ, долго бесѣдуя о прошломъ. Прибавляютъ, что онъ былъ пораженъ грустнымъ видомъ окрестностей города, гдѣ жилъ императоръ Діоклетіанъ до своего отреченія и гдѣ умеръ Константинъ Великій. Въ своемъ отчетѣ австрійскому интернунцію отъ 6-го декабря (25-го ноября), капитанъ парохода, который везъ обратно въ Константинополь султана, двухъ его сыновей и свиту, восхищается ихъ любезнымъ обхожденіемъ. Русскій чай, роскошно сервированный на серебрѣ русскимъ лакеемъ, котораго кромѣ того величали чахи-баши, монархъ, сидящій у руля, а имъ правилъ новый генералъ-адмиралъ, смѣнившій капитана, которому онъ предложилъ въ это время свою трубку; этотъ послѣдній между тѣмъ занимался китайскимъ нектаромъ; капитану предлагали разные пирожки и конфеты; наконецъ, явленіе шута, которому султанъ приказалъ, какъ онъ самъ выражался, посмѣшить капитана своими затѣями; и наивное сознаніе послѣдняго въ удовольствіи, которое испытывалъ султанъ при видѣ, какъ его англійская флегма преобразалась въ неподдѣльную веселость—однимъ словомъ, ничего не было забыто, чтобы очертить передъ нами настоящую фізіономію султана Махмуда. Капитанъ прибавляетъ, что султанъ видимо очень любитъ своихъ дѣтей; наслѣдному принцу ²⁾ по его взгляду лѣтъ 14-ть и онъ находитъ большое сходство

¹⁾ Султанъ Махмудъ II (1808—1839) преобразователь Турецкой имперіи, уничтожившій многіе обычай сложнаго восточнаго этикета, подъ конецъ своего царствованія въ 1836—1737 г.г. впадалъ въ болѣзненную меланхолію, лишавшую его возможности заниматься дѣлами правленія; врачи посоветовали ему предпринять путешествіе. (См. «Исторія Турціи отъ побѣды реформы въ 1826 г. до парижскаго трактата въ 1856 г.», Д. Г. Розена. 2 ч. Пер. съ нѣмецкаго. Спб. 1872 г., ч. 1, стр. 277—278).

²⁾ Впослѣдствіи султанъ Абдуль-Меджидъ (1839—1861).

между нимъ и отцомъ. По мнѣнію капитана, выраженіе лица молодого принца—доброе и умное. Онъ просилъ капитана объяснить многіе предметы, которые особенно его интересовали. Приѣхавъ во дворецъ Бешикташъ, султанъ попросилъ капитана слѣдовать за нимъ и пожаловалъ ему великолѣпную табакерку, украшенную брилліантами въ турецкомъ стилѣ и много золота. Другія табакерки и денежные награды были посланы корабельному инженеру, офицерамъ и экипажу. Всѣ расходы этого путешествія ¹⁾, говорятъ, были цѣликомъ взяты на себя въ суммѣ 800.000 піастровъ (около 200.000 руб. на наши деньги) новымъ капитанъ-пашою; но, если вѣрить слухамъ о послѣдствіяхъ этой прогулки, самымъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ было то, что вмѣстѣ съ табакерками и деньгами на пароходѣ оставили и чуму.

Мы праздновали день рожденія его величества государя императора съ окнами, открытыми на Босфоръ; Реомюръ показывалъ выше 14°. Великолѣпное солнце озаряло своими лучами гористые берега пролива. Но эта прелестная погода, составляющая единственную отраду этой несчастной страны, въ свою очередь перестаетъ веселить сердце, когда знаешь, что она только увеличиваетъ силу заразы. Въ ожиданіи благодѣтельныхъ морозовъ, еженедѣльные отчеты продолжаютъ показывать нѣсколько тысячъ жертвъ.

Если всѣ подробности этого письма покажутся вашему сіятельству слишкомъ мало интересными, осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему снисхожденію, въ виду моей полнѣйшей невозможности сообщить въ эту минуту что-либо достойное вашего вниманія. Снова выражая вамъ мою неизяснимую благодарность и поручая себя вашей безцѣнной благосклонности, имѣю честь быть съ величайшимъ уваженіемъ и безпредѣльною преданностію.

2.

3 апрѣля 1840. С.-Петербургъ.

Великодушное участіе, которое ваше сіятельство соблагволили выказать мнѣ въ продолженіе болѣе 4 лѣтъ, даетъ мнѣ смѣлость еще разъ прибѣгнуть къ вамъ, умоляя васъ повергнуть къ стопамъ его император-

¹⁾ Этимъ путешествіемъ особенно были довольны христіанскіе подданные султана, такъ какъ въ первый разъ султанъ поставилъ всѣмъ, сопровождавшимъ его, въ обязанность обходиться съ христіанами, не дѣлая преимуществъ магометанамъ.

скаго величества мои записки и наблюденія о Востокахъ, которыя я имѣю честь приложить къ этому письму.

Ваше сіятельство знаетъ, было ли мнѣ возможно оставаться въ министерствѣ народнаго просвѣщенія безъ всякаго назначенія и содержанія, какъ г-нъ Уваровъ ¹⁾ сообщилъ г-ну вице-канцлеру (графу Нессельроде). Вы сами, князь, удостоили одобрить мое рѣшеніе, которое я долженъ былъ принять, — удалиться на нѣкоторое время отъ служебныхъ обязанностей.

Не менѣе справедливо то, что ваше сіятельство позволили мнѣ въ то же время надѣяться на ваше великодушное ходатайство передъ его величествомъ, когда по окончаніи моихъ трудовъ представится самъ собой благопріятный случай.

Какъ бы то ни было, князь, я не позволилъ себѣ ни малѣйшаго шага безъ вѣдома и одобренія вашего сіятельства. Развѣ не справедливо, что, лишенный теперь всякой возможности быть услышаннымъ, я осмѣливаюсь представить черезъ посредство моего благодѣтеля плоды моихъ долгихъ путешествій, плоды, которые достались мнѣ съ такимъ трудомъ и которые, очевидно, ни въ какомъ случаѣ не должны быть преданными забвенію.

Никакая личность рѣшительно не можетъ быть замѣшана въ этомъ дѣлѣ и успѣхъ его зависѣлъ бы только отъ той безпредѣльной благоклонности, которую ваше сіятельство уже столько разъ и такъ великодушно мнѣ оказывали.

Чувствуя необходимость заняться моимъ здоровьемъ, разстроеннымъ моею послѣднею поѣздкою въ Сирію и Египеть, я желалъ бы употребить съ пользою періоды улучшенія моей болѣзни, чтобы испросить назначеніе на Западъ, подробности котораго изложены въ прилагаемой запискѣ.

Не говоря уже о моей почтительной симпатіи къ особѣ вашего сіятельства, разнообразіе изслѣдованій, поименованныхъ въ этой запискѣ, заставляеть меня желать получить это назначеніе исключительно подъ вашимъ покровительствомъ.

Во всякомъ случаѣ, дозвольте мнѣ еще увѣрить васъ, князь, что ваши благодѣанія не упадутъ на неблагодарную почву. Удостойте при-

¹⁾ Дѣйств. тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, министр народнаго просвѣщенія Сергѣй Семеновичъ Уваровъ. В. Г. Тепляковъ былъ перемѣщенъ подъ начальство Уварова по возвращеніи изъ Константинополя въ концѣ 1839 г.; испрашивая командировки на Западъ съ цѣлью ученыхъ изслѣдованій и желая поправить тамъ здоровье, Тепляковъ не добился успѣха и вышелъ въ отставку, и въ маѣ 1840 г. отправился на свои средства въ Западную Европу.

нять чувства самаго глубокаго уваженія и безпредѣльной преданности, съ которою имѣю честь оставаться вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою.

Записка В. Г. Теплякова, приложенная къ письму ево къ князю А. Н. Голицыну отъ 3 апрѣля 1840 г.

Окончивъ порученіе, возложенное на меня относительно Востока, имѣю честь представить прилагаемые при семъ результаты:

1) Записка о Сералѣ, излагающая вліяніе реформъ и нововведеній султана Махамуда на Турцію вообще, равно какъ и на Оттоманскій дворъ въ особенности. Сравненіе этого послѣдняго съ его прототипомъ дворомъ Византійскимъ. Послѣдовательное измѣненіе двора султана до нашихъ дней. Разныя памятники, какъ византійскіе, такъ и оттоманскіе. Библіотеки, топографія, этнографія и описаніе современнаго Серала.

2) Подробности о реставраціи античныхъ памятниковъ въ Лемнахъ, въ концѣ 1836 г. и въ началѣ 1837 г.

3) Бѣглый взглядъ на правительство и на современную столицу Греціи.

4) Записка о Сиріи и Палестинѣ 1-я и 2-я часть.

Конечно, не мнѣ указывать на важность всѣхъ этихъ наблюденій, сдѣланныхъ на мѣстѣ и затрогивающихъ въ большинствѣ случаевъ современные политическіе интересы.

Окончивъ задачу мою на Востокѣ, въ зависимости отъ средствъ, находившихся въ моемъ распоряженіи и съ здоровьемъ, совершенно разстроеннымъ послѣдними моими путешествіями по Сиріи и Египту, я видѣлъ себя вынужденнымъ вернуться въ Россію. Уже раньше, испытавъ безрезультатно и воды Кавказа, и пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, вижу необходимымъ послѣдовать совѣту докторовъ, хватаясь, какъ за послѣдній якорь спасенія, для возстановленія моего здоровья—вліяніемъ лучшаго климата за границей.

Надѣясь, однако, воспользоваться минутами перерывовъ въ теченіе моей болѣзни, я желалъ бы ихъ посвятить службѣ государю и отечеству. Если бы дополнить къ моему званію Востока изученіе Запада, которое служило бы необходимымъ разрѣшеніемъ и дополненіемъ перваго, то это помогло бы мнѣ исполнить мою задачу. Съ этой цѣлью позволяю себѣ представить нѣкоторыя подробности о характерѣ новаго порученія, которое я желалъ, чтобы было на меня возложено.

1) Извѣстно вліяніе, которымъ пользовалась торговля Венеціи и Генуи на судьбы Востока отъ XII-го столѣтія до паденія Византійской имперіи. Остатки множества крѣпостей, назначенныхъ для охраны учреждений этихъ двухъ республикъ по побережью Чернаго и Азовскаго морей, до сихъ поръ указываютъ на сильное развитіе ихъ сношеній съ варварами, которые населяли берега этихъ морей. Монополія торговли, которая происходила въ былое время между Востокомъ и Западомъ находилась такимъ образомъ въ рукахъ Венеціи и Генуи. Извѣстно также, что послѣдняя изъ этихъ республикъ была въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Хивой, Бухарой, Тибетомъ, Грузіей, Персіей и даже съ Восточною Индіей. Лѣтописи Генуи повѣствуютъ, между прочимъ, что по принятіи власти дожа Ламбрускини, агентъ банка св. Георгія поднесъ

ему матерію кашемира, которую герцогъ продѣлъ сквозь свой перстень, служащій печатью республики. Вся эта торговля провозводилась исключительно по Черному морю, но слѣды ея прежняго пути потеряны. Слѣдовательно, было бы чрезвычайно интересно для Россіи, вслѣдницѣ венеціанскихъ и генуэзскихъ владѣній по побережью обонхъ морей, получить на этотъ счетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, чтобы узнать какой системы тогда держались и возобновить, если возможно, прежнія отношенія венеціанцевъ и генуэзцевъ съ названными странами центральной Азіи. Эти свѣдѣнія не повели бы можетъ ни къ чему, равнѣ только къ подрыву монополіи британской торговли въ Азіи и даже въ Восточной Индіи. Во всякомъ случаѣ было бы очень интересно познакомиться съ организаціей банка св. Георгія, который управлялъ всѣми коммерческими учрежденіями Генуи, и говорить, что его архивы могли бы представить на этотъ счетъ данные самой большой важности.

2) Въ нашихъ южныхъ губерніяхъ производство зерноваго хлѣба и всѣхъ продуктовъ его обработки такъ велико, что нужно во что бы то ни стало искать новые рынки для этихъ предметовъ. Мы, конечно, вывозимъ достаточное количество зерноваго хлѣба въ Италію, равно какъ и во Францію, но Алжиръ, страна, такъ сказать, вновь созданная, оставалась по сіе время почти не имѣющей значенія для нашей торговли. Итакъ было бы въ высшей степени важно для насъ открыть и устроить систему непосредственныхъ сношеній съ этой европейской колоніей въ Африкѣ, имѣя особенно въ виду продовольствіе экспедиціонной французской арміи. Не стану вовсе настаивать здѣсь на выгодахъ, которыя приобрѣла бы тутъ наша торговля потому, что кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы Франція такъ быстро пожертвовала бы своими побѣдами въ Африкѣ. Ея военныя дѣйствія въ этой странѣ осложняются съ каждымъ днемъ все болѣе.

Изложивъ такимъ образомъ эти предметы положительно необходимыя, я былъ бы одинаково заинтересованъ дополнить мои изученія Востока, сравнивая его памятники съ тѣми, которые меня ждутъ на Западѣ. Въ виду этого я желалъ бы:

1) Посѣтить памятники Рима, равно какъ и египетскія коллекціи Розетны во Флоренціи и такія же Шамполіона въ Парижѣ.

2) Отыскать въ архивахъ Ватикана и другихъ библіотекахъ Италіи свѣдѣнія о сношеніяхъ Востока съ Западомъ и особенно тѣхъ, которыя въ этомъ отношеніи могутъ имѣть связь съ исторіей Россіи. Такимъ образомъ архивы Венеціи были бы для нея въ высшей степени интересны своими данными о возникновеніи различныхъ славянскихъ народностей вдоль береговъ Адриатики. Босняки, черногорцы, далматы и пр., болѣею частью православные и схожіе съ нами своимъ языкомъ, обычаями и нравами, и намъ было бы очень важно знать ихъ разностороннія отношенія къ руссо-славянамъ, равно какъ и то значеніе, которое они первоначально имѣли въ своихъ сношеніяхъ съ Венеціей, Византійской имперіей и позже съ Турціей. Разнообразіе всѣхъ этихъ предметовъ ничуть не уменьшило бы моего рвенія посвятить имъ остатки моихъ силъ, съ цѣлью служить моему государю и быть, по мѣрѣ моихъ способностей, полевымъ моей странѣ. Во всякомъ случаѣ мнѣ было бы болѣе чѣмъ тяжело отказаться отъ этого въ мои годы и не имѣть возможности оправдать въ глазахъ самого себя цѣль личнаго существованія.

Мои собственныя средства болѣе, чѣмъ ограниченныя, были бы, однако, достаточны для тѣхъ занятій, которыя я желалъ бы, чтобы мнѣ поручили, если ихъ можно было бы присоединить къ получаемому мною содержанію въ

качествѣ состоящаго въ императорской миссіи при Портѣ Оттоманской. Это содержаніе ограничивалось лишь тысячею рублями въ видѣ личнаго вознагражденія сверхъ бюджета министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ виду пользы новыхъ изысканій, подробности которыхъ я только-что изложилъ, и умѣренности пособія, мною испрашиваемаго, чтобы имѣть возможность предаться имъ, продолженіе этой помощи не встрѣтитъ, можетъ быть, затрудненія, если бы его сіятельству угодно было ходатайствовать объ этомъ у его величества государя императора. Повергнутыя къ его стопамъ мои замѣтки о Востокѣ могутъ служить доказательствомъ моего дальнѣйшаго усердія и способствовать можетъ быть къ увѣнчанію этой попытки успѣхомъ.

В. Г. Тепляковъ—А. П. Бутеневу ¹⁾.

1.

1 (13) апрѣля 1837. Пирейскій рейдъ ²⁾.

Считаю своею обязанностію извѣстить ваше высокопревосходительство, что, прибывъ 21-го марта (6 апрѣля) въ Смирну, я остановился тамъ только для передачи депешъ. Нашъ бригъ «Өемистокль» уже снимался съ якоря, и я въ то же утро долженъ былъ отплыть въ Аѳины. Этотъ переѣздъ не представляетъ рѣшительно ничего интереснаго, кромѣ развѣ тысячи разъ повторенныхъ историческихъ наблюденій, освященныхъ безсмертными и славными воспоминаніями. Мнѣ, однако, невозможно совершенно вполнѣ отказаться отъ впечатлѣній, вторично почерпнутыхъ мною въ предметахъ, съ которыми связываетъ меня симпатія къ несчастію болѣе, чѣмъ я это ожидалъ. Говорю къ несчастію, потому что всѣ эксцентрическіе истинныя не только ни къ чему не ведутъ, но даже портятъ наши дѣла въ этомъ мірѣ. Какъ бы то ни было, однако, тысячу разъ благодарю васъ, господинъ посланникъ, что по вашему содѣйствію въ моей душѣ воскресли впечатлѣнія, которыя я считалъ уже умершими.

Мы прибыли въ этотъ рейдъ именно въ ту минуту, чтобы принять участіе въ залпахъ въ честь короля Оттона, который проѣзжалъ на ка-

¹⁾ Аполинарій Петровичъ Бутеневъ (р. 1787 г., † 1866 г.)—дипломатъ, членъ Государственнаго Совѣта, состоялъ одно время въ дипломатической канцеляріи князя Багратіона до Бородинской битвы. Въ 1830 г. назначенъ посломъ и полномочнымъ министромъ при Портѣ Оттоманской, оставаясь на этомъ посту до 1842 г.; былъ потомъ посланникомъ въ Римѣ, а послѣ Крымской войны снова былъ назначенъ въ Константинополь; въ 1868 г. вернулся въ Россію; по случаю разстроеннаго здоровья жилъ за-границей, гдѣ и скончался. Бутеневъ былъ женатъ на Маріи Ириневиѣ, рожденной графинѣ Хрептовичъ.

²⁾ Письма В. Г. Теплякова къ А. П. Бутеневу приводятся въ переводѣ съ французскихъ черновыхъ подлинниковъ.

терѣ съ королевою и почти всей своей свитой, направляясь къ французскому кораблю, здѣсь стоящему. Французскій капитанъ имѣлъ честь угощать своихъ высокихъ гостей, и говорятъ, что за обѣдомъ хозяйкою была г-жа Лайроне. Сегодня кончается мой карантинъ на «Оемистоклѣ». Переѣхавъ въ городъ, надѣюсь обогатить мои письма большими подробностями относительно новыхъ наблюдений надъ этой страной. Но вѣрно то, что преобладающимъ моимъ желаніемъ будетъ—вернуться подъ покровительство вашего высокопревосходительства. Средства для того, чтобы сдѣлать на Востокѣ мое пребываніе полезнымъ—путешествіе въ Египетъ, которое должно его дополнить и потомъ—возвращеніе въ отечество; все зависитъ лишь отъ великодушія и расположенія вашего; каждый изъ вашихъ подчиненныхъ пользовался ими, почему же и я не осмѣлюсь взывать къ нимъ.

Могу ли я просить васъ, г-нъ посланникъ, представить мое уваженіе г-жѣ Бутеновой и пожелать милой маленькой Маріи не то, чтобы она сдѣлалась еще предестнѣе, но, чтобы до моего пріѣзда ея очаровательная болтовня развилась бы еще болѣе.

2.

3 (15) мая 1837. Аѳины.

Пользуюсь отъѣздомъ нашего курьера, чтобы выразить вашему высокопревосходительству, на сколько меня огорчаетъ невозможность возвратиться подъ ваше начальство такъ скоро, какъ бы я желалъ. Все, что въ этомъ городѣ заслуживаетъ вниманіе путешественника, было мною тщательно изслѣдовано; древности, конечно, могутъ представлять предметъ интереса для всей образованной Европы. Раскопки храма Побѣды по лѣвой сторонѣ Пропилей, такъ же, какъ реставрація всего этого зданія, придаютъ ему совершенно иной видъ, чѣмъ оно имѣло въ 1834 г. Теперь заняты раскопкою и реставраціей Эректеума, и самымъ замѣчательнымъ результатомъ этихъ послѣднихъ работъ является, безъ сомнѣнія, открытіе одной изъ Каріатидъ¹⁾, существованіе которой до сихъ поръ предполагалось въ Римѣ, основываясь на копии, которую тамъ выдавали за оригиналъ. Опираясь на Павзанія, эти чудныя статуи, какъ и все остальное, будутъ водворены на свои мѣста. Громадное количество барельефовъ, статуй, мраморовъ съ надписями, сакрофаговъ было открыто послѣ послѣдняго моего путешествія въ Грецію: несомнѣнно, что археологія пріобрѣтеть богатства, которыя не будутъ лишними даже для современныхъ искусствъ и знаній. Жаль только, что средства пра-

¹⁾ Каріатида—фигура женщины, а иногда мужнины безъ рукъ, которая служила для поддержки сводовъ, карнизовъ, иногда прямо крыши зданія, вмѣсто столбовъ или пилястровъ.

вительства не соответствующъ усердію изслѣдователей. По возвращеніи моемъ въ Константинополь я, конечно, сочту своимъ особеннымъ долгомъ представить вашему высокопревосходительству результатъ моихъ открытій въ этой прекрасной области прошлаго.

Разсказать ли вамъ, господинъ посланникъ, о современныхъ Аѣнахъ и о томъ разладѣ, который продолжаетъ препятствовать тамъ общественному прогрессу? Но въ этомъ отношеніи фязіономія Греціи, повидимому, нисколько не утратила своего прежняго выраженія ненависти противъ милліонъ и баварскихъ чиновниковъ; имъ единогласно приписываютъ безпорядки, на которые всѣ жалуются. Организациа государственной машины, повидимому, не соответствуетъ потребностямъ страны; расходы и приходы государства сходятся менѣе, чѣмъ когда-нибудь, между тѣмъ налоги на народную промышленность и пошлины на ввозную торговлю, видимо, возвышаются по мѣрѣ уменьшенія звонкой монеты. Нѣсколько домовъ, воздвигнутыхъ въ городѣ и въ Пиреѣ, нѣсколько дорогъ, проведенныхъ въ окрестностяхъ столицы, нѣсколько магазиновъ, устроенныхъ въ чертѣ послѣдней—все это, кажется, не даетъ столь прочнаго довѣрія къ общественному строю и благопріятствуетъ имиграціи, которая представляетъ одну и единственную надежду для счастья этой странѣ, столь мало населенной, какъ плодородной и богатой по природѣ. Г-нъ Рутгаръ ¹⁾, которому я былъ представленъ по приѣздѣ въ Грецію и котораго съ тѣхъ поръ я видѣлъ еще нѣсколько разъ, повидимому имѣетъ самыя лучшія намѣренія относительно Греціи. Однако, не взирая на это, даже враги покойнаго президента такъ его сожалеютъ, что служатъ по немъ заупокойныя обѣдни, и во время послѣдняго землетрясенія въ Идрѣ жители не переставали повторять, что это есть именно Каподистрія, который вліялъ на Мавромихали. Что говорить послѣ этого о негодяяхъ, которыхъ вы называете людьми; многіе изъ нихъ развѣ достойны этого имени.

Я только что былъ представленъ ихъ величествамъ, королю и королевѣ эллиновъ; король—давнишній мой знакомый; что касается королевы, Боже мой!.. все, что я ни сказалъ бы вамъ объ ея очаровательной наружности, было бы слабо и неизмѣримо ниже дѣйствительности. Цѣлуя руку ея величества, я невольно вспомнилъ слова того челоуѣка, который, какъ вы знаете, причинилъ когда-то мнѣ столько вреда. «Ахъ!»—воскликаетъ онъ въ подобномъ же случаѣ, — «такія ручки продолжаютъ цѣловать съ любовью и желательно было бы изъ одного поцѣлуя сдѣлать два». Разговоръ былъ слишкомъ ничтоженъ, чтобы приводить его здѣсь; можетъ быть другой разъ онъ будетъ интереснѣе, и я общаю вамъ не уѣзжать изъ Аѣнъ, не увидавъ еще разъ предестной королевы.

¹⁾ Министръ двора и иностранныхъ дѣлъ.

Переходя съ вершины Акрополиса ко дворцу короля, изъ прелестной деревни Кифисіи (убѣжище правителей Аттики, моя новая симпатія) на дипломатическіе обѣды, я попалъ сегодня на открытіе Аѳинскаго университета. Послѣ обычнаго молебна, пять ораторовъ обратились къ королю, который на эстрадѣ былъ виденъ надъ публикой, съ рѣчью выспреннею, кажется, единственно своею необыкновенною длиннотою. Великія имена Мараѳона, Саламина, Фермопилъ и пр. слышались ежеминутно въ соединеніи съ терминами гораздо болѣе микроскопическими—логикой, риторикой и всѣмъ схоластическимъ хламомъ. Король отвѣчалъ по-гречески.

Здѣшнее общество, кажется, незначительно, а наступающія жары сдѣлаютъ его еще болѣе рѣдкимъ. Домъ г-на Катакази служитъ почти единственнымъ убѣжищемъ, и я глубоко тронуть тѣмъ вниманіемъ, которое онъ не перестаетъ выказывать мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я въ Аѳинахъ.

Не знаю, буду ли я имѣть время предпринять какія-либо поѣздки въ окрестности, которыя, впрочемъ, кажется я знаю достаточно хорошо, и не слишкомъ ропщу на нѣсколько случаевъ чумы, занесенной въ Паросъ кораблемъ, прибывшимъ изъ Сиріи. Однако, видимо это бѣдствие усилило только карантинныя на всѣхъ островахъ и берегахъ Греціи.

Что касается стиховъ въ память великаго поэта ¹⁾, я, конечно, чувствую полную ихъ своевременность; но отвлеченный всѣми мелочами, противоположными поэзіи, могу ли я въ этотъ моментъ думать о нихъ. Богъ ли не хочетъ больше моихъ пѣсней, или я сталъ львомъ басни въ борьбѣ съ комаромъ, признаться вамъ я чувствую себя скорѣе глупымъ мужикомъ, нежели поэтомъ, съ тѣхъ поръ, какъ я окунулся въ эту сферу этикета, окруженную грязью и чумою. Очевидно, что заключенный въ Византіи, гдѣ меня ждали бы оставить въ качествѣ откормленной свинки, или отравить, если я вздумаю чѣмъ-либо заняться (чему служить доказательствомъ мое удаление изъ этой столицы, именно когда пребываніе въ ней возможно); очевидно, повторяю, мнѣ волею или неволею придется на что-нибудь рѣшиться, и я давно бы это сдѣлалъ, если бы вы не приказывали мнѣ выжидать. Я кромѣ того такъ измучился, такъ измучился всѣмъ, такъ мое тѣло и умъ нуждаются въ отдыхѣ, что «щей горшокъ, да самъ большой», начинаютъ казаться мнѣ гораздо привлекательнѣе всего этого дыма, который затмеваетъ жизнь честолюбца. Когда-нибудь съ вашего разрѣшенія я вернусь къ этой дилеммѣ и буду продолжать въ моемъ собственномъ сердцѣ изучать сердца другихъ, такъ какъ созерцаніе развѣ не есть главная цѣль нашей жизни, по крайней мѣрѣ для мудрецовъ. Сообщилъ А. Ф. Шидловскій.

¹⁾ Т. е. Пушкина.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ
въ 1896 году.

О несостоявшемся маністерствѣ
ценауры. Письма барона М. А. Кор-
фа къ А. Г. Тройницкому. «Русск.
Архивъ», 1896, № 6.

Прошение князя П. А. Вяземскаго
въ Главное Училищъ Правленіе.—
«Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Любовательность императора Ни-
колая Павловича.—«Русск. Архивъ»,
1896, № 6.

Изъ разсказовъ графа Строгонова.—
«Русск. Архивъ», 1896, № 6 и № 7.

Морсаковъ, А. Н. Дѣтство и отроче-
ство императора Николая Павло-
вича. «Русск. Архивъ», 1896, № 6.

Львовъ, А. Н. Историческая справ-
ка о перенесеніи праха князя и гра-
фовъ Орловыхъ изъ Отрады въ Юрь-
евъ монастырь.—«Русск. Архивъ»,
1896, № 6.

Воспоминанія Ѡ. А. Осипа. «Русск.
Архивъ», 1896, № 6 и № 7.

Изъ переписки графа Н. П. Ше-
реметева (въ царствованіе Екате-
рины Великой).—«Русск. Архивъ»,
1896, № 6.

Письмо Екатерины Великой къ
Шведскому королю.—«Русск. Ар-
хивъ», 1896, № 6.

Три письма Екатерины Великой къ
Е. А. Щербину.—«Русск. Архивъ»,
1896, № 6.

Юдичъ, П. А. Къ исторіи Пугачов-
щины.—«Русск. Архивъ». 1896,
№ 6.

Всеподданнѣйшее прошеніе филосо-
фа Канта императрицѣ Елисаветѣ
Петровнѣ (1758).—Юрій Бартошевъ.—
«Русск. Архивъ» 1896, № 7.

Еще о перенесеніи праха князя и
графовъ Орловыхъ. Замятка графа
А. В. Орлова-Давыдова.—«Русск. Ар-
хивъ», 1896, № 7.

Записка А. Г. Тройницкаго объ уча-
стіи періодической литературы въ
обсужденіи и разрѣшеніи крестьян-
скаго вопроса (1869).—«Русск. Ар-
хивъ» 1896, № 7.

Графъ Е. Е. Комаровскій.—«Русск.
Архивъ», 1896, № 7.

Свѣдѣнія объ А. Д. Бестужевѣ-Рю-
минѣ. (Изъ «Чтевіи» 1859 г. кн. 2-я
записаны Н. С. Налетовымъ).—«Русск.
Архивъ», 1896, № 7.

Письма А. Д. Бестужева-Рюмина къ
Д. Ѡ. Шумилову, великому князю
Константину Павловичу и импера-
тору Александру Павловичу. «Русск.
Архивъ», 1896, № 7.

Донесеніе А. Д. Бестужева-Рюмина

министру юстиціи И. И. Дмитріеву.—
«Русск. Архивъ» 1896, № 7.

Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о
Москвѣ 1812 года.—«Русск. Архивъ»
1896, № 7.

Изъ бумагъ и переписки графа Н.
П. Шереметова (въ царствованіе Павла
Петровича).—«Русск. Архивъ» 1896,
№ 7.

Льбедкій Архивъ.—«Кіев. Стари-
на», приложение. 1896, май,

Дневникъ генеральнаго подскарбія
Якова Марковича. Часть третья.—
«Кіев. Старина» приложение. 1896,
май и июль.

С. А. Бершадскій (Некрологъ).—
«Кіев. Старина». 1896, май.

М., Н. Лѣвобережная Украина въ
XV—XVII ст.—«Кіев. Стар.» 1896, май
Храновичъ, Конст. Скитальческая
судьба Воицкой семинаріи.—«Кіев.
Старина». 1896, май.

Изъ недавняго прошлаго Слобод-
ской Украины.—«Кіев. Старина». 1896,
май.

Письма прот. Арсенія Лебедничева,
бывшаго благочиннаго церковей юж-
наго берега Крыма, къ преосвящ. Ин-
нокентію, архіепископу херсонскому
и таврическому, съ донесеніями о хо-
дѣ военныхъ дѣйствій и состояніи
церквей и духовенства во время 11—
мѣс. осады Севастополя.—«Кіев. Ста-
рина». 1896, май и июль.

Лалинъ, В. Харьковское общество
благотворенія въ 1812—1817 гг. Истор.
очеркъ.—«Кіев. Старина». 1896, май
и июль.

Миронъ. Южнорусская пасхальная
драма.—«Кіев. Старина». 1896, июль.

М., Н. Лѣвобережная Украина въ
XV—XVII ст. (Оконч.)—«Кіев. Ста-
рина». 1896, июль.

Лазаревскій, А. Частная переписка
Ивана Романовича Мартоса (1817—
1830 г.).—«Кіев. Старина». 1896, июль.

З., И. Гаврилы, епископъ Имеретин
(Некрологъ).—«Историч. Вѣстн.»
1896, май.

Я., Р. Д. Аскалонъ Николаевичъ
Труворовъ (Некрологъ).—«Историч.
Вѣстн.» 1896, май.

Рудаловъ, В. Е. Пятидесятилѣтіе
археологическаго общества.—«Истор.
Вѣстн.» 1896, май.

Тимирязевъ, В. А. Піонеры просвѣ-
щенія въ Западной Сибири.—«Истор.
Вѣстн.» 1896, май.

С., М. Н. На Чудскомъ озерѣ.—
«Историч. Вѣстн.» 1896, май.

Поляковъ, В. П. Прошлое и настоящее города Верхотурья. — «Истор. Вѣстн.» 1896, май.

Сѣтшиновъ, Н. И. Воспоминанія пропащаго челоуѣка (прод.) — «Истор. Вѣстн.» 1896, май.

Шильдеръ Н. К. Къ биографіи Шервуда-Вѣрнаго. — «Историч. Вѣстн.» 1896, май.

Баронъ Зеделлеръ, Л. Д. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ (Отрывокъ изъ дневника). — «Историч. Вѣстн.» 1896, май.

Прозоровскій, Алекс. Сильвестръ Медвѣдевъ. Опытъ церковно-историч. изслѣдованія. (Продолж.) — «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1896, кн. III.

Русское сказаніе о Лоретской Богоматери. Съ предисловіемъ А. И. Мирличникова. — «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс.» 1896, кн. III.

Сарайская и Крутицкая епархіи. Документы, извлеченныя изъ Архива Моск. духовной Консисторіи свящ. Н. А. Соловьевымъ. — Вып. 2-й. — «Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1896, кн. III.

Проф. Пѣтуковъ, Е. В. Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. — Къ исторіи русско-чешскихъ ученыхъ и литер. сношеній въ первой половинѣ XIX в. — «Учен. Зап. Имп. Юрьевского Унив.» 1896, № 1.

Проф. Кассо, Л. Обзоръ остзейскаго гражданскаго права. — «Учен. Зап. Имп. Юрьевского Унив.» 1896, № 1.

Даниловичъ, В. Е. Очеркъ исторіи Полоцкой земли до конца XIV ст. — «Унив. Извѣстія.» 1896, № 5.

Пономаревъ, С. И. П. А. Плетневъ и Н. С. Соханская (Бохановская). Ея автобіографія, посмертныя бумаги и письма. — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Автобіографія. Тетрадь І. Н. С. Соханской (Бохановской). — «Русск. Обзор.» 1896, июнь и июль.

Владиміровъ, А. П. Исторія расплаченія западно-русскаго костела. Гл. X—XIII. — «Русск. Обзор.» 1896, июнь и июль.

Еленевъ, Ѡ. П. Какъ проведенъ былъ финляндцами уставъ о воинской повинности 1878 года? — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Дашневичъ, Л. В. Выселеніе крестьянъ Кирсановскаго уѣзда въ связи съ общемъ переселенческой политикой. — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Р., В. Очерки Привислинья. Гл. VII—VIII. — «Русск. Обзор.» 1896, июнь и июль.

Свящ. Фудель, І. И. Основной во-

просъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Письма къ Беркгольцу (X—XII). Баронессы Эдиты Радонъ. (Перев. съ нѣмец. Е. Н. Б.) — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Свящ. Изѣтмовъ, Н. Н. Высокопреосвященный Алексій, архіепископъ литовскій и виленскій. — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Православный. Два неизвѣстныхъ памятника древне-русской иконографіи. — «Русск. Обзор.» 1896, июнь.

Материалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Изъ бумагъ А. Н. Муравьева. 2) Письмо къ С. О. Желтухину В. И. Аскоченскаго. 3) Изъ воспоминаній объ А. Н. Островскомъ И. И. — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Материалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей: 1) Служебная и учено-литературная дѣятельность барона Ѡ. А. Болера. Д. Д. Языкова. 2) Черты охотничьей жизни. И. С. Тургенева. И. Ф. Рымды. — «Русск. Обзор.» 1896, июль.

Анучинъ, Д. Н. А. П. Богдановъ (некрологъ). — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июнь.

Пятидесятилѣтіе Имп. Русск. Геогр. Общества. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июнь.

Шмурло, Е. Ф. Замѣтка по вопросу о началѣ русскаго флота при Петрѣ Великомъ. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июнь.

Миллеръ, В. Ѡ. Отголоски галицко-волынскихъ сказаній въ современныхъ былинахъ. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июнь.

Кобене, Д. Ѡ. Разрѣшительныя грамоты іерусалимскихъ патриарховъ. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июнь.

Анучинъ, Д. Н. Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ и объ ихъ прирученіи въ Россіи. — «Журн. М. Н. Пр.» 1896, июнь.

Васильевъ, А. Вѣротерпимость въ законодательствѣ и жизни въ царствованіе императора Александра I-го (прод.). — «Наблюдатель», 1896 июль и августъ.

Дружининъ, Н. П. Личность крестьянина. — «Наблюдатель», 1896, августъ.

Слобожанинъ, М. Коренной вопросъ мѣстнаго управленія. — «Новое Слово», 1896, № 10, июль.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина. (Ихъ переписка). — «Новое Слово», 1896, № 9 июнь и № 10, июль.

Обинискій, П. Н. Калужское губернское по крестьянским дѣламъ присутствіе при В. А. Арцимовичѣ.— (Оконч.).— „Русск. Мысль“, 1896, июнь.

Бринкьеръ, А. Шведская война 1788—1790 г. г. (По новымъ даннымъ изъ французскихъ архивовъ).— (Оконч.).— „Русск. Мысль“, 1896, июнь.

Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. (Съ предисловіемъ И. Д. Гальперина-Каминскаго).— „Русск. Мысль“, 1896, июнь и июль.

Вѣтринскій, Ч. Т. Н. Грановскій. (Западники и славянофилы въ 1844—1845 г. г.).— „Русск. Мысль“, 1896, июнь и июль.

Филипповъ, А. Н. Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ. (По поводу „Легенды объ олигархическихъ тенденціяхъ верховнаго тайнаго совѣта въ царствованіе Екатерина I“) проф. А. С. Алексѣева. (Оконч.).— „Русск. Мысль“, 1896, июль.

Миллеръ, Всев. Ассирійскія заглаванія и русскіе народныя заговоры.— „Русск. Мысль“, 1896, июль.

Казанскій, Н. Ф. Народное образованіе въ Саратовской губерніи.— „Русск. Мысль“, 1896, июль.

Щербина, Ф. А. Семейные раздѣлы у крестьянъ Воронежской губерніи.— „Русск. Богатство“, 1896, № 6 и № 7.

Протопоповъ, М. А. Назаръ русской поэзіи.— „Русск. Богатство“, 1896, № 6 и № 7.

Мякотинъ, В. Проф. 40-хъ годовъ. (Т. Н. Грановскій).— „Русск. Богатство“, 1896, № 6 и № 7.

Короленко, Вл. Н. Водозовъ. Некрологъ.— „Русск. Богатство“, 1896, № 7.

Нарышевъ, Н. А. Народно-хозяйственные наброски. Къ изученію нашихъ отхожихъ промысловъ.— „Русск. Богатство“, 1896, № 7.

Проф. П. Н. Миллюновъ. Очеркъ по исторіи русской культуры (прод.).— „Мірѣ Божій“, 1896, июль.

Ивановъ, И. Писемскій.— „Мірѣ Божій“, 1896, июль.

Льдовъ, К. Польскій публицистско-художникъ.— (Окончаніе).— „Сѣвери. Вѣстн.“, 1896, июнь.

Дѣдловъ, В. Л. Соборъ св. Владимира въ Кіевѣ и его дѣятелн.— „Книжки Недѣли“, 1896, июль.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія о моей сестрѣ. XII—XIII.— „Книжки Недѣли“, 1896, июль.

Комевииковъ, Г. Анатолій Петровичъ Богдановъ. Некрологъ.— „Естествознаніе и Географія“, 1896, № 4.

Избрапная мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отца Амвросія.— „Душеполез. Чт.“, 1896, май.

Письма преосвященнаго Феофана-Завторника.— „Душеполез. Чт.“, 1896, май.

Письма и резолюціи Филарета митрополита московскаго. Сообщилъ архимандр. Григорій.— „Душеполез. Чт.“, 1896, май.

Святц. Фаворскій, Д. Г. Святый Стефанъ, просвѣтитель Перми.— „Православ. Благовѣстникъ“, 1896, № 7.— (Оконч.—см. № 6).

Изъ дневника Вонна Андреевича Римскаго - Корсакова.— „Морской Сборн“, 1896, июнь.

Смирновъ, Я. И. Изъ поѣздки по Малой Азіи. У Некрасовцевъ на островѣ Мада, на Бешейрскомъ озерѣ.— „Живая Старина“, 1896, вып. I.

Янинскій, Е. П. Изъ архивныхъ дѣлъ Уральскаго горнаго правленія и Перскаго контрольной палаты.— „Дѣятель“, 1896, № 6.

Щепкина, Е. Памяти двухъ женщинъ врачей.— „Образованіе“, 1896, № 5—6.

Мерзловъ, П. Литературныя дебюты. А. Н. Островскаго. (По поводу десятилѣтія со дня его смерти).— „Образованіе“, 1896, № 5—6.

Савенко, Григорій. Отчетъ о Воронежскомъ 2-хъ классномъ сельскомъ училищѣ съ 1871—1896 г. Немировъ 1896.

Шпановскій, Л. П. Священное коронованіе и помазаніе русскихъ государей на царство.— Одесса. 1886.

Шалалонъ, А. Историческій очеркъ Одесской Мариинской женской гимназіи.— Одесса. 1896.

Теминловъ, И. Ф. Историческое и археологическое описаніе Московскаго Ставропигіальнаго первокласснаго монастыря. Вып. II. Изданіе исправл. и дополн.— Москва. 1896.

Вольскій, І. Мѣстечко Янишки. Опытъ историко-статист. описанія.— Ковна. 1896.

Вѣнчаніе русскихъ государей на царство. Изданіе Виленскаго Свято-Духовскаго Братства.— Вильна. 1896.

О всероссійскихъ патріархахъ и патріаршей ризницѣ.— Изданіе 2-е.— Москва. 1896.

В—цевъ, А. Къ учащимъ и учащимся въ народныхъ училищахъ, по поводу предстоящихъ торжествъ Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.— Гродна. 1896.

Всемилоствѣннѣйшій манифестъ 14 мая 1896 года. Изданіе Л. П. Антонова. — Казань. 1896.

Т—въ, А. О священномъ коронованіи и помазаніи на царство русскихъ Царей и Императоровъ. — Москва. 1896.

Пятидесятилѣтіе священства Виленскаго кафедральнаго протоіерея П. Я. Левницкаго. — (Изъ „Лит. Еп. Вѣд.“ № 12. 14. 15). — Вильна. 1896.

Церковь Благовѣщенія Божіей Матери, что на Житномъ Дворѣ въ Московскомъ Кремлѣ. — Москва. 1896.

Сярогисъ, И. Я. Народный судъ литвиновъ надъ колдунами 1615 г. — Витебскъ. 1896.

Поруч. Ломанъ, Д. Ко дню священнаго коронованія и миропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. — «Чтеніе для народа». — Спб. 1896.

Новаловскій, В. Разказы о Петрѣ Великомъ. Пятое изданіе. — Спб. 1896.

Кривенко, С. Н. М. Е. Салтыковъ. — (Жизнь замѣчательныхъ людей). — Спб. 1896.

Ратьковъ-Рожновъ, В. Вятскій Губернскій Статистическій Комитетъ. Историческій очеркъ. — Вятка. 1896.

Вирсовъ, Н. Н. Два коронованія отца императора Петра Великаго и Его Дочери. Историч. этюдъ. — Казань. — 1896.

Остроградскій, А. На память о днѣ 14 мая 1896. Спб. 1896.

Игуменъ Петръ. Марія-пещерокопательница. — Павловскъ на Дону, 1896.

Свящ. Марновъ, П. Жизнеописаніе св. Стефана епископа Пермскаго. — Москва. 1896.

Свящ. Бобровъ, А. Крестыяннѣ Іовъ Ивановичъ Шумовъ. — Біографическій очеркъ. Изд 2-е. — Москва. 1896.

Къ исторіи русско-китайской торговли (оконч.) — «Прав. Вѣстн.» № 175 и № 176.

Первый русскій кругосвѣтнѣй мореплавателъ. — «Правит. Вѣстн.» 11 авг. 1896. № 176.

Святитель Θεодосій Углицкій,

архіепископъ Черниговскій. — «Правит. Вѣстн.» 30 іюля 1896, № 166.

Тоже. Окончаніе. № 167.

Изъ исторіи коневодства въ Россіи. — «Правит. Вѣстн.» 26 іюля 1896. № 163.

— Тоже. — № 164.

Храмъ святаго равноапостольнаго князя Владимира въ Кіевѣ. — «Правит. Вѣстн.» 16 іюля 1896. № 155.

— Тоже. Оконч. № 156.

Быльни объ Иванѣ Гостинномъ сынѣ. — «Правит. Вѣстн.» 14 іюля 1896. № 154.

Трехсотлѣтіе со дня рожденія царя Михаила Θεодоровича. — «Правит. Вѣстн.» 12 іюля 1896. № 152.

— Тоже. Оконч. № 153.

Основаніе русскаго флота. Историчес. очеркъ. — «Правит. Вѣстн.» 10 іюля 1896. № 150 и № 151.

Уголовное уложеніе. (Проектъ редакціонной комиссіи) — «Правит. Вѣстн.» 6 іюля 1896. № 147.

— Тоже. Окончаніе. № 148.

Русскій богатырскій эпосъ въ этнографическомъ отношеніи. «Правит. Вѣстн.» 6 іюля 1896. № 147.

— Тоже. Окончаніе. № 148.

Резановъ, В. Надъ В. Стасова и основаніе «Высшихъ Женскихъ Курсовъ» въ Петербургѣ. — «Нов. Время», 9 авг. 1896. № 7345.

Изъ дневника епископа Порфирія. — Приложеніе къ газетѣ «Новое Время», 3 авг. 1896. № 7339.

П., М. И. Къ исторіи петербургскихъ уресселительныхъ садовъ. — «Новое Время», 1 авг. 1896. № 7337 и № 7341.

П., С. Русскій «Красный Крестъ». — Приложеніе къ газетѣ «Новое Время», 20 іюля 1896. № 7325.

Двухсотлѣтіе вятія Азова. — Приложеніе къ газетѣ «Новое Время», 20 іюля 1896. № 7325.

Дѣтство, отрочество и юность императора Николая Павловича. — Приложеніе къ газетѣ «Новое Время», 13 іюля 1896. № 7318.

Быковъ, П. Н. А. Потѣхнѣй. Некрологъ. — «Новое Время», 11 іюля 1896. № 7316.

Менгли-Гирей посылает великому князю шестнадцать грамот, в которых подтверждает шертю договор о союзе, какой был с отцом великого князя; общается с везни же воевать против Золотоордынских царей и короля Сигизмунда; просит Василия III, чтобы он отпустил, на время, в Крым царя Абдыль-Летифа для свиданія съ нимъ (царемъ Менгли-Гиреемъ) и матерью (царицею Нурь-салтанъ); чтобы отдалъ деньги, заплаченныя царемъ валажскому воеводѣ Стефану за долги пословъ великого князя, Ларева и Карачарова; чтобы не брали въ Москвѣ съ товаровъ царя и его слугъ никакихъ пошлинъ; просить о присылкѣ поминковъ и о другихъ дѣлахъ.

Царица Нурь-салтанъ въ своей грамотѣ великому князю московскому просить отпустить въ Крымъ для свиданія съ нею царя Абдыль-Летифа: „Какъ язь сыну своему Абдыль-Летифу добра хочу, такъ язь и тебѣ брату своему добра хочу; каково государя моего царя ярамкѣ просити его писать, и ты бы инаково не учинилъ, съ Магмедшоу бы еси Абды-Летифа прислалъ; доколѣ еси жива, и язь бы дотолѣ его еще шдѣла. А послѣ того брата моего, у меня братья я лучше естѣ тебѣ?“

Крымскіе царевичи, царевны и вельможи присылаютъ также и свои грамоты: съ изъявленіемъ дружбы, предложеніемъ услугъ или съ просьбою поминковъ.

Василій Іоанновичъ, вмѣстѣ съ боярами, рѣшаетъ ¹⁾ дѣло о царѣ Абдыль-Летифѣ (излагается исторія всего этого дѣла); онъ беретъ съ Абдыль-Летифа и крымскихъ пословъ шертъ ²⁾ о томъ, что впредь царь будетъ вѣрно служить великому князю, который назначаетъ ему для проживанія городъ Юрьевъ, между тѣмъ какъ крымскіе послы, при переговорахъ, просили городъ Каширу ³⁾

„И цѣловаль крестъ князь великій на шертной грамотѣ царю Минли-Гирею генваря 14, въ пятницу, передъ его послы, передъ Магмедшоу съ товарищи“ — такъ оканчивается интересный документъ о посольствѣ отъ Менгли-Гирея.

Чтобы познакомить читателей съ т у р е ц к и м и дѣлами, остановимся на посольствѣ 1512—1513 г. отъ великаго князя Василия Іоанновича къ Султану Селиму I ⁴⁾ съ дво-

ринномъ Михаиломъ Ивановичемъ Алексѣевымъ. „Лѣта 7021, декабря 15, приговорилъ князь великій Василій Іоанновичъ всеа Русіи съ своимъ братіемъ и съ бояры, что пригожъ послати къ турецкому салтану съ грамотою въ Царьгородъ къ Салимъ-шагъ-хандикерю своего человѣка“.

Въ „памяти“ М. И. Алексѣеву великій князь даетъ такую инструкцію: „Говорить ему отъ великаго князя турскому салтану Салимъ-шагъ-бегу-хандикерю: Василей, Божьею милостью единый правый государь всеа Русіи и инымъ многимъ восточнымъ и сѣвернымъ государь и великій князь, тебѣ Салимъ-шагъ-хандикерю великоименитому въ бесерменскихъ государехъ ведѣлъ поклонитися. А поклонитися Михайлу, руки пригнувъ къ себѣ выше пояса, по ихъ обычаю. А на колѣняхъ ему не ставится, ни въ землю челомъ не ударити“.

Въ грамотѣ къ султану Василій Іоанновичъ поздравляетъ его со вступленіемъ на престолъ и извѣщаетъ о своемъ вступленіи, предлагаетъ ему быть въ такихъ же дружескихъ отношеніяхъ, въ какихъ были ихъ родители.

Дворянинъ М. И. Алексѣевъ и крымскіе послы, возвратившіеся вмѣстѣ съ нимъ въ Крымъ, посылаютъ изъ Путивля къ великому князю грамоты о томъ, что они подверглись во владѣніяхъ князя Василия Іоанновича Шемячича разнымъ оскорбленіямъ и насиліямъ; послали и ихъ лошадямъ корма не давали, по приказу князя ихъ изъ городовъ выбивали.

Вотъ заключительныя слова грамоты Алексѣева: „Да бью челомъ тебѣ государю моему холопъ твой Михаль: семеро лошадовъ, государь, было на чемъ ѣхати, ино, государь, одну Кудояру ¹⁾ неволею далъ, а не далъ бы, государь, и онъ бы лучши того взялъ; а другую въ проѣсть лошадкамъ и собѣ продалъ, зашьже, государь, кормити ихъ нечимъ, три коня ваялъ. А нынѣ, государь, смилуйся, на проѣсть да на лашадку пожалуй, какъ тебѣ государю Богъ на сердце положить. А язь тебѣ моему государю холопъ твой много челомъ бью. А сверхва того, государь, спрашивай своего пристава Волка подячего“.

Въ библиографической замѣткѣ невозможно подробно передать содержаніе разсматриваемаго нами тома, но и приведенныхъ выписокъ, полагаемъ, достаточно, чтобы судить, насколько интересны помѣщенные въ „Сборникъ“ документы.

Книга издана на хорошей бумагѣ, напечатана четкимъ шрифтомъ и снабжена прекрасно составленнымъ указателемъ личныхъ именъ.

Н. И-ш-ь.

¹⁾ „А декабря 21, въ четг., на Петрову память чюдотворцеву, приговорилъ князь великій зъ бояры о царевѣ о Абды-Летифовѣ дѣлѣ“ и т. д.

²⁾ „А се запись, на которой царь Абдыль-Летифъ шертъ далъ. Язь Абдыль-Летифъ царь, Ибреимовъ царевъ сынь. Что еси передъ великимъ княземъ Васильемъ Ивановичемъ всеа Русіи проступилъ и былъ еси у него за свою проступку въ нятствѣ“.

³⁾ „И князь великій ему о Коширѣ (въ подлинныхъ грамотахъ Кошира, не Кашира) отговорилъ“.

⁴⁾ Въ подлинной рукописи вездѣ онъ называется неправильно Салимъ-шахъ.

¹⁾ Гонимъ въ Москву отъ крымскаго царя Менгли-Гирея; былъ отпущенъ въ Крымъ вмѣстѣ съ посломъ въ Турцію М. И. Алексѣевымъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ:

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового
союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по
существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ ма-
газинѣ А. О. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп.,
д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ:
Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова
(Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный
дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова
(Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ,
въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы въ
біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
зымы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и пре-
данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина»	1876 г.,	второе изд. (35 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1877 г.,	12 книгъ (24 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1878 г.,	12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1879 г.,	второе изд. (1 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина»	1881 г.,	12 кн., изд. второе (13 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина»	1884 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1885 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1888 г.,	12 книгъ (45 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1889 г.,	12 книгъ (206 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1890 г.,	12 книгъ (144 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1891 г.,	12 книгъ (25 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина»	1892 — 1895 гг.,	12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

Н О Я Б Р Ъ .

1896 годъ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е :

I. Памяти императрицы Екатерины II 1796—6 ноября—1896 г. Проф. В. А. Вильбасова.....	241—280
II. Сто лѣтъ тому назадъ. (Изъ записокъ Д. П. Ручича).....	281—319
III. Товарищи и пленцы Н. И. Новинова. (Изъ взаимная переписка).....	321—365
IV. Двѣ характеристики. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	367—379
V. Письма И. И. Бецкаго къ императрицѣ Екатеринѣ Второй. П. М. Майкова.	381—420
VI. Походы Екатерины II по Волгѣ и Днѣпру. (1767—1787 гг.). Проф. В. А. Вильбасова.....	423—445
VII. Къ исторіи царствованія императрицы Екатерины II (Письма, замѣтки и пр.).	447—462
VIII. Последніе „Голштинцы“. Проф. В. А. Вильбасова.....	463—466
IX. Письма архіепа. могилевскаго Георгія Конисскаго къ В. Г. Рубану. Сообщ. В. Модзалевскій..	467—471
X. Клячина Екатерины II и воцареніе Павла I. Сообщ. Н. К. Шильдеръ...	472—480
XI. Записная книжка „Русской Старины“: Рескриптъ Екатерины псковскому губернатору Пиллю отъ 3 августа 1787 г. (стр. 320)—Самозванецъ графъ Шидловскій (Высочайшій указъ псковскому губернатору отъ 11 сентября 1787 г.). (366).—Высоч. указъ псковск. губерніи Пиллю отъ 26 апр. 1788 г. О сборѣ податей всякою монетою и банковыми ассигнаціями. (380)—Замѣтка о семействѣ Шкуринныхъ П. Майкова. (421)—Высочайшій указъ псковскому губернатору Пиллю отъ 20 іюля 1788 г. по поводу патриотическаго предложенія псковскаго дворянства поставить рекрутъ внѣ очереди (446).	
XII. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Императрицы Екатерины II. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1896 г.

Можно получать журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайше утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Вольная Подъяческая, 39.

1896.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1896 г.

Библиографическій листокъ.

„Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Томъ девяносто седьмой. С.-Петербургъ. 1896 года. XXI+543.

Передъ нами 97-й томъ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, заключающій въ себѣ политическую переписку императрицы Екатерины II, — именно шестую часть, обнимающую собою періодъ времени съ 7-го сентября 1769 г. до 16-го декабря 1771 г.

Несмотря на такой, сравнительно, небольшой періодъ времени, книга содержитъ въ себѣ такъ много въ высшей степени интереснаго историческаго матеріала, что трудно познакомить читателя вполне съ ея содержаниемъ. Поэтому мы останавливаемся преимущественно на документахъ, собою вѣнчано ручно написанныхъ великою императрицею, со смерти которой, 6-го ноября 1796 года, прошло цѣлое столѣтіе.

Во многихъ изъ этихъ документовъ обрисовывается личность Екатерины II съ различныхъ сторонъ. На прошеніе князя Владимира Сергѣевича Долгорукова, бывшаго посланникомъ въ Берлинъ, она пишетъ: „Monsieur le comte Panin. Dites lui de ma part que comme je ne demande point que mes ministres dépensent au delà de ce que je leur donne, je ne prétend point non plus payer leurs dettes“¹⁾.

Въ письмѣ отъ 18-го января 1770 г. императрица спрашиваетъ графа П. А. Румянцева о положеніи дѣлъ подъ Ибраиломъ: „надѣйтесь ли вы получить еще въ своихъ рукахъ Ибраилъ и находите ли за нуженъ сей постъ для будущаго пребыванія лѣтомъ арміи въ Молдавіи?“. Черезъ три дня послѣ этого письма, препровождая графу Румянцеву „зрительную трубу, какова лучше и способнѣе къ переноскѣ а еще не видывала“, — она сообщаетъ ему о полученныхъ изъ Царяграда извѣстіяхъ: „... тамошній народъ подлой французскаго посла поколотилъ такъ, какъ прошедшаго лѣта цесарскаго... Султанъ публиковалъ указъ, чтобъ его войска перекололи всѣхъ молдавцовъ и волохъ выше семи лѣтъ, а ниже, также и женъ, чтобъ въ полонъ брали. Сей безумной указъ, чаю, принудитъ и тѣхъ, кои бы не хотѣли за насъ бороться“.

¹⁾ Г. графъ Панинъ. Скажите ему (Долгорукову) отъ моего имени, что такъ какъ я не требую, чтобы мои министры расходовали болѣе, чѣмъ сколько я имъ даю, то я не нахожу нужнымъ и уплачивать ихъ долги.

Въ секретномъ письмѣ къ тому же Румянцеву отъ 25-го февраля 1770 года, по поводу желанія принца Вилгельма брауншвейгскаго поступить волонтеромъ въ русскую армію, Екатерина увѣдомляетъ графа о своемъ согласіи и дѣлаетъ слѣдующую характеристику принца: „онъ уменъ, но, сказываютъ, безпокоенъ, коварнаго и интригантнаго нрава, людей ссоривать лучшая забава, притомъ же весьма амбиціозенъ... весьма вѣтренъ, ибо уже въ Берлинѣ хвастался, что онъ конечно учинится княземъ волохскимъ и молдавскимъ“.

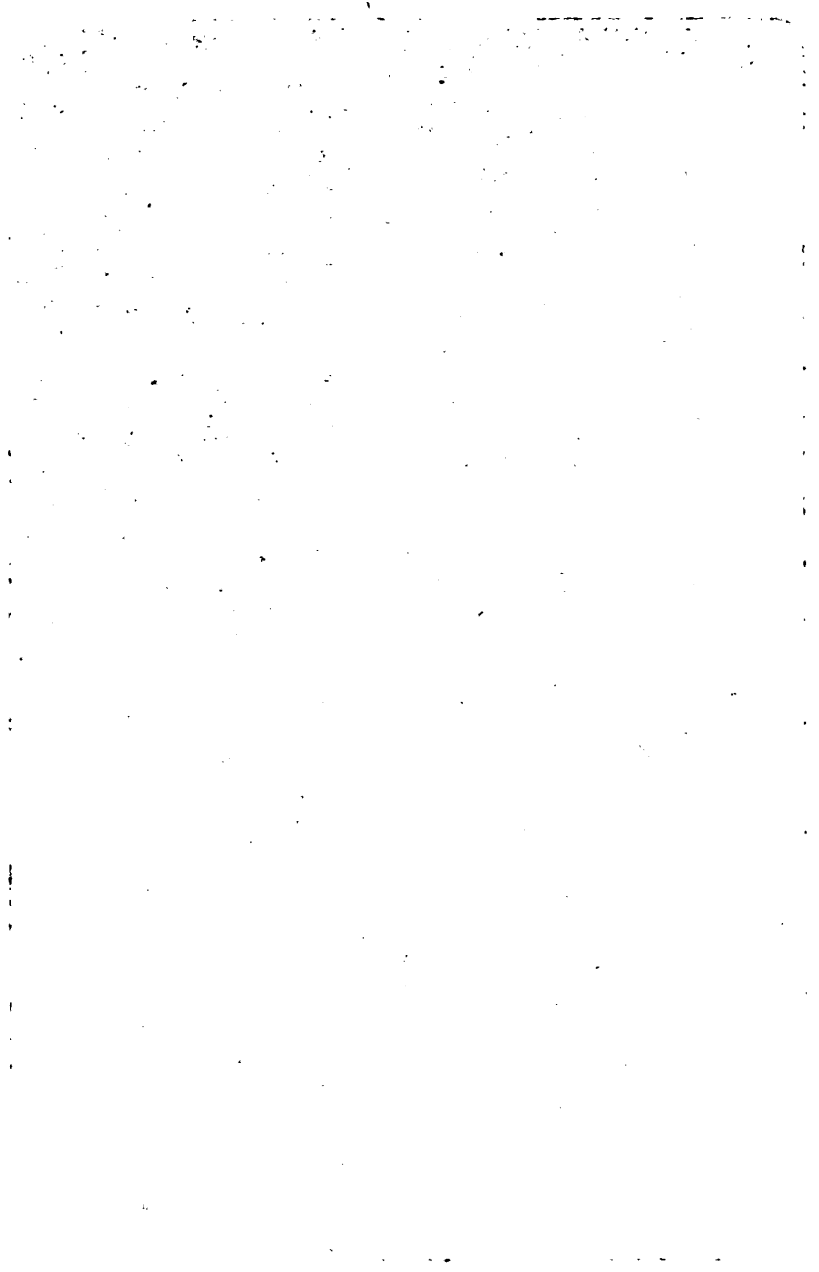
За день передъ этимъ (24-го февраля) она спрашивала графа Румянцева, нельзя ли употребить на военные расходы часть доходовъ¹⁾ съ Молдавіи и Валахіи, а чрезъ три дня высказываетъ ему свои заботы объ устройствѣ провантскихъ магазиновъ въ этихъ государствахъ: „Бога для употребите всѣ возможные способы, чтобъ вамъ ни въ чемъ недостатка не было. Кажется, въ Валахіи нѣсколько хлѣба еще быть можетъ“.

Письмомъ изъ Берлина къ вице-канцлеру кн. Ал. Мих. Голицыну отъ 20-го февраля кн. Дм. Ал. Голицынъ сообщалъ, что принцъ Генрихъ (пруссійскій) сказалъ ему, что король отправляетъ его лѣтомъ въ Стокгольмъ для внушенія миролюбивыхъ чувствъ королевѣ, ихъ сестрѣ, и чтобы она не отклонялась отъ приверженцевъ императрицы Екатерины. Принцъ сказалъ, что онъ доволенъ этимъ порученіемъ, но былъ бы еще болѣе доволенъ, если бы ему удалось по этому случаю побывать и въ Петербургѣ, единственно для засвидѣтельствованія своего почтенія императрицѣ. Но это было возможно только при условіи, если бы Екатерина, по прибытіи принца въ Стокгольмъ, попросила объ этомъ короля. Принцъ закончилъ просьбою, чтобы князь Голицынъ донесъ императрицѣ объ этомъ его желаніи, единственная дѣла котораго — познакомиться съ великою монархинею, и во всякомъ случаѣ хранить эту просьбу въ строжайшей тайнѣ, дабы не компрометировать его передъ королемою, который рѣшительно ничего объ этомъ не знаетъ. На эту просьбу въ письмѣ на имя князя Дм. Ал. Голицына Екатерина отвѣтила такъ: „Dites à la Personne en question que tout sera expédié à la lettre selon ses desirs, que je sens beaucoup de plaisir et de satisfaction de son idée et que je me flatte d'en avoir encore plus dans quelque tems“.

¹⁾ „Сказываютъ, что болѣе трехъ милліоновъ туркамъ было дохода съ сихъ князей“.

Елизавета

ПАМЯТИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

(1796—6 ноября—1896).

Въ четвергъ, 6-го ноября, вечеромъ, Екатерина умерла. Смерть не исполнила ея желанія: «Когда пробьетъ мой часъ—писала она—я удалю отъ своего смертнаго одра всѣхъ слабонервныхъ—пусть только закаленные сердца и улыбающіяся лица присутствуютъ при моемъ послѣднемъ вздохѣ». Между тѣмъ, крѣпкое сложеніе и здоровое тѣло боролось болѣе сутокъ и лишь спустя 35 часовъ послѣ поразившаго ее удара отлетѣлъ этотъ послѣдній вздохъ. Современники, родные по крови и близкіе по сердцу, противные по чувству и чуждые по уму, всѣ, безъ различія, съ одинаковымъ ужасомъ, рыдая, смотрѣли на бездыханный трупъ императрицы. Мы, потомки тѣхъ неложныхъ свидѣтелей и дѣятельныхъ участниковъ ея царствованія, мы и спустя сто лѣтъ съ сокрушеніемъ поминаемъ тотъ печальный день, когда перестало биться сердце, горячо любившее Россію.

Екатерина всѣмъ обязана Россіи—почетомъ, могуществомъ, славою, рѣшительно всѣмъ, даже своимъ именемъ. Могла-ли она не любить Россію? Кто зналъ, кто интересовался нѣмецкой принцессой Софіей-Фредерикой изъ захудалаго ангальтъ-цербтскаго рода? Кто не зналъ, кто не преклонялся предъ всероссійской императрицей Екатериной Второй? Германскій императоръ Іосифъ II самъ испыталъ и собственноручно засвидѣтельствовалъ значеніе этого превращенія: въ интимной запискѣ къ своей матери, Маріи-Терези, онъ называетъ Екатерину «ангальтинкой»; въ служебномъ письмѣ къ Кауницу—la princesse de

Zerbst Catherinisée, и въ предсмертномъ посланіи къ Екатеринѣ II, тотъ же Іосифъ называетъ себя *le plus loyal de ses amis et le plus juste de ses admirateurs* и молить русскую императрицу помочь его преемнику и поддержать его монархію.

«Ангальтинка» вполне сознавала, чѣмъ она обязана Россіи, и всецѣло посвятила себя своему новому отечеству. Она безповоротно отказалась отъ своего родоваго гнѣзда, искренно отрелась отъ лютеранства и всѣмъ сердцемъ прильпилась къ православной Россіи. Не фальшивою нотой, не пустою фразою звучитъ ея всенародное исповѣданіе въ одномъ изъ первыхъ ея манифестовъ по воцареніи: «Не снисканіе высокаго имени обладательницы Россійской; не приобрѣтеніе сокровищъ, которыми паче всѣхъ земныхъ намъ можно обогатиться; не властолюбіе и не иная какая корысть, но истинная любовь къ отечеству понудила насъ принять сіе бремя правительства. Почему мы не токмо все, что имѣемъ или имѣть можемъ, но и самую нашу жизнь на отечество любезное опредѣлили, не полагая ничего себѣ въ собственное, ниже служа себѣ самимъ, но всѣ труды и попеченія подъяемъ для славы и обогащенія народа нашего». Екатерина сдержала свое слово, и Россія, дѣйствительно, многимъ ей обязана.

Заслуги Екатерины относительно Россіи лучше всего опредѣляются сравненіемъ ея дѣятельности съ трудами Петра Великаго. Въ этомъ случаѣ сравненію подлежатъ однородныя величины, но поставленныя въ разныя условія. Они «пахали одну борозду», и результатъ ихъ дѣятельности ясенъ и можетъ быть точно опредѣленъ.

Та Русь, которую принялъ первый императоръ, и та Россія, которую оставила по себѣ послѣдняя императрица—двѣ величины совершенно разныя. Географическое положеніе Московіи въ концѣ XVII столѣтія имѣло довольно жалкій видъ: по Ладожскому озеру и по Невѣ плавали шведскія галеры; западная граница тянулась по восточнымъ окраинамъ Балтійскихъ провинцій, принадлежавшихъ Швеціи; Псковская и Смоленская губерніи граничили съ владѣніями Польши; далѣе порубежная линія направлялась по Деснѣ къ югу, близъ Кіева, по Днѣпру, и отъ Переволочны шла къ сѣверу «украинская» линія до Донца, а къ югу была уже турецкая граница, за которой кочевали ногайскіе татары. На востокъ рядъ засѣкъ и сторожевыхъ постовъ не вполне защищалъ отъ набѣговъ киргизъ, и рѣдкому каравану удавалось пройти въ Уфимское укрѣпленіе безъ стычекъ съ башкирами. Открытый выходъ къ морю былъ только на сѣверѣ, у Архангелогородскаго порта, свободнаго отъ льда не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Въ концѣ же XVIII столѣтія географическій видъ Европейской Россіи былъ, въ главныхъ чертахъ, тотъ же, что и въ настоящее время: доступы къ Балтійскому и Черному морямъ открыты, нѣтъ и помину ни

о шведах на Лалогѣ, ни о татарахъ-данникахъ Порты; нѣтъ вовсе ни Литовскаго княжества, ни Польскаго королевства, и западная граница прымыкаетъ къ Пруссіи и Австріи.

Трудами Петра и Екатерины измѣнился до неузнаваемости и внутренней бытъ. Въ этомъ отношеніи ихъ труды, однако, и по характеру, и по задачамъ отличаются другъ отъ друга, хотя оба они преслѣдовали одну и ту же цѣль.

Тонкая и обширная наблюдательность Екатерины II, вмѣстѣ съ ея крѣпкой и дѣятельной волей, выразившейся въ рѣшительной энергіи и самоувѣренномъ мужествѣ, рисуютъ предъ нами практическаго дѣятеля, значительно возвышающагося надъ окружающей средой и способнаго поработить робкихъ, привязать смѣлыхъ, увлечь всѣхъ. Въ этомъ отношеніи Екатерина напоминаетъ Петра; разница только во времени и мѣстѣ дѣйствія—дѣйствующія лица по способностямъ равны, но арена дѣйствія значительно измѣнилась.

Съ тѣхъ поръ какъ славный Ордынъ-Нащокинъ совѣтовалъ подражать Западной Европѣ, а патріархъ Никонъ «испроказилъ» древнее благочестіе новшествами, прошло цѣлое столѣтіе, полное коренныхъ преобразованій и повернувшее русскую жизнь съ Востока на Западъ. При появленіи Петра, къ «новому» только стремились; при появленіи Екатерины—съ нимъ уже сжились, къ нему привыкли. Разложеніе общественныхъ нравовъ, столь естественно проявившееся въ переходную эпоху Петра и столь ярко обрисованное въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго, въ твореніяхъ Теофана Прокоповича, въ трудахъ Дмитрія Ростовскаго, если и не улеглось еще, не прекратилось вполне въ эпоху Екатерины, то значительно видоизмѣнилось, приняло другую окраску, ту, которая отмѣчена въ укоризнахъ князя Щербатова, въ запискахъ князя Шаховскаго, въ письмахъ Андрея Болотова. Этотъ переворотъ произошелъ не вдругъ, совершался медленно, для современниковъ былъ во многомъ почти незамѣтенъ; но при сравненіи петровскихъ проповѣдниковъ съ екатерининскими мемуаристами, происшедшая въ обществѣ перемѣна бросается въ глаза.

Этотъ происшедшій уже перемѣною обусловливалась также разница въ задачахъ и въ самой формѣ дѣятельности, проявленной Петромъ I и Екатериною II. Петръ, явившійся въ началѣ преобразовательнаго движенія, долженъ былъ браться за все, торопиться, не имѣя возможности не только обдумать общій планъ, но даже согласовать подробности. Онъ учреждаетъ Сенатъ и забываетъ дать ему наказъ; назначаетъ сенаторовъ, «вмѣсто его императорскаго величества персоны», и вводитъ въ ихъ число лицъ совершенно безграмотныхъ. Какимъ-то случайнымъ характеромъ отмѣчены важнѣйшія его реформы: по слову философа Лейбница уничтожены приказы и созданы коллегіи; по письму

митрополита Стефана—патріаршество замѣнено Синодомъ. Законодательныя работы Петра еще рѣзче указываютъ характеръ его преобразовательной дѣятельности: здѣсь уже вовсе не видно никакой системы, все временно, все случайно—издаются не общія юридическія положенія, для всѣхъ обязательныя, а административныя распоряженія по даннымъ частнымъ случаямъ. Дѣла было такъ много и дѣло было такое разнообразное, что некогда было думать о системѣ, о строѣ, о планѣ. Екатерина, явившаяся на русскую историческую сцену въ то уже время, когда жизнь значительно улеглась въ новыхъ формахъ, когда новый кафтанъ уже нѣсколько обносился, къ нему уже попривыкли, могла оглядѣться, одуматься прежде, чѣмъ начать дѣйствовать. Во всей ея преобразовательной дѣятельности видна выработанная система, обдуманый планъ, заранѣе намѣченная задача. Она не бросается изъ стороны въ сторону, не торопится: она подробно изучаетъ вопросъ, всесторонне обсуждаетъ его, и если создаетъ новыя учрежденія, то для всей имперіи, если издаетъ законы, то обязательныя для всего населенія.

«Безпримѣрная во владыкахъ земныхъ Екатерина II», какъ отзывался о ней просвѣщенный современникъ, сообщая подробности о ея кончинѣ, Екатерина, всею своею дѣятельностію, всѣмъ своимъ царствованіемъ, не только съ успѣхомъ продолжала начатое Петромъ Великимъ преобразование Россіи, но и указала своимъ преемникамъ единственно неложный путь, слѣдуя по которому достигается благоденствіе русскихъ людей и слава русскихъ государей.

Говорили при жизни Екатерины, говорили по ея кончинѣ и продолжаютъ повторять донинѣ, будто своими блестящими успѣхами во внѣшнихъ дѣлахъ и славными преуспѣянiami во внутреннихъ Екатерина обязана исключительно своему счастью. Еще Суворовъ говорилъ: «Богъ мой, не все же счастье, надобно и умѣнье»; сама же Екатерина признавала, что «лучшими ея учителями были несчастье и уединеніе». Факты, всѣмъ въ настоящее время извѣстные и никѣмъ не оспариваемые, свидѣтельствуютъ, что именно въ первые 18 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи, съ 1744 по 1762 годъ, «несчастливая» Екатерина, всѣми оставленная, въ уединеніи, имѣла время не только присмотрѣться къ новой для нея обстановкѣ, изучить русскую жизнь и познать русскихъ людей, но и серьезно подготовиться къ всевозможнымъ случайностямъ и къ неожиданно выпавшей на ея долю дѣятельности.

Менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ принцесса цербстская была перевезена изъ Цербста въ Москву. Это не былъ переездъ изъ одного города въ другой—это было переселеніе въ совершенно иной міръ, съ иными понятіями, нравами и обычаями, гдѣ люди чувствовали и мыслили иначе, иначе оцѣвались, иначе ѣли. Фантастическія путешествія Жюль Верна

не производят на насъ такого сильнаго впечатлѣнія, какое должно было произвести русское общество половины прошлаго вѣка на 14-ти-лѣтнюю принцессу, хотя «*toute faite*», какъ писалъ о ней Фридрихъ II. Золото и парча, нѣга и роскошь ослѣпляли и плѣняли глазъ прежде, чѣмъ удавалось разсмотрѣть, что это не золото, а позолота, не нѣга, а развратъ. Это былъ омутъ, въ которомъ не легко было осмотрѣться, съ которымъ трудно было освоиться, еще труднѣе было сжиться; омутъ моральный еще болѣе, чѣмъ политическій и экономическій. Интриги и козни, пересуды и сплетни составляли основу людскихъ отношеній; поступки и дѣла оцѣнивались по степени успѣха; нравственное чувство замѣнялось вѣшнимъ приличіемъ, служеніе дѣлу — угодливостью лицамъ, религіозность — ханжествомъ. О любви, о сердечной привязанности не могло быть и рѣчи тамъ, гдѣ мать наталкивала дочь на любовника, лишь бы имѣть внука. Невѣжество царить во всѣхъ слояхъ общества и высоко поднимаетъ голову даже у ступеней трона; архіерей официально сознается синоду, что онъ «главою весьма немощенъ». Нигдѣ никакой дисциплины: полковникъ оскорбляетъ генерала; архіерей бьетъ по щекамъ воеводу; воеводскій товарищъ замучиваетъ до смерти священника; члены коллегій и канцелярій небрегутъ службою, отчего происходитъ великая волокита въ дѣлахъ; на «реприманды» сената никто не обращаетъ вниманія. По годамъ не производятся счеты и сборы подушныхъ денегъ; армія обкрадывается военачальниками; корабли гниютъ въ гаваняхъ; земледѣіе отягощается неустановленными поборами; полиція въ постоянной стачкѣ съ ворами и мошенниками; солдаты, не получая ни раціоновъ, ни пайка, грабятъ, бунтуютъ и разбойничаютъ; промышленность страдаетъ отъ недостатка рукъ, которыя всѣ обратились къ хищенію и легкой наживѣ. Нигдѣ и ни въ комъ ни чувства долга, ни сознанія своего достоинства.

Такова среда, въ которой предстояло жить юной нѣмецкой принцессѣ. Ближайшая придворная обстановка не была лучше. Нареченный женихъ Софіи-Фредерики, потомъ мужъ Екатерины, Петръ Ѳедоровичъ проводилъ цѣлые дни съ лакеями, играя въ куклы, или съ голштинскими солдатами, не выпуская изо рта трубки. Рядомъ съ спальнею онъ устроилъ псарню, а въ самой спальнѣ безобразничалъ съ разными лакеями и горничными. Онъ, не краснѣя, рассказывалъ невѣстѣ о своихъ любовныхъ похожденияхъ и не скрывалъ передъ женою своихъ отношеній къ придворнымъ дамамъ.

Нелюбимая мужемъ, покинутая императрицей, забытая придворными провела Екатерина первые 18 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи. Одна, въ своихъ покояхъ, она ко всему прислушивается, все обдумываетъ, о всемъ размышляетъ и читаетъ, читаетъ все, что попадетъ подъ руку, читаетъ безъ конца, и, между прочимъ, Тацита, Монтескье, Вольтера —

лучшихъ учителей, способныхъ установить взглядъ и формировать сужденіе. Читеніе прерывается по временамъ записью того, что особенно поразило ее въ жизни или въ книгѣ. Это любопытныя записи, разоблачающія всю Екатерину того времени: тутъ государственно-политическія сужденія и хозяйственно-экономическія замѣтки, тутъ критика правительственныхъ распоряженій, философская тенденція, выписка изъ книги.

«Богъ мнѣ свидѣтель, что желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Ея слава есть и моя. Таковъ мой принципъ. Хочу общей цѣли—сдѣлать всѣхъ счастливыми.

«Свобода—душа всего; безъ нея все мертво. Политическая свобода все воодушевляетъ.

«Противно христіанской религіи и справедливости дѣлать людей рабами—люди всѣ рождаются свободными. Рабство есть прямая потеря—оно убиваетъ промышленность, искусства, науки.

«Власть, не пользующаяся довѣріемъ народа, ничего не значить для государя, желающаго быть любимымъ и царствовать со славою. Этого легко достигнуть, имѣя въ виду благо народа и справедливость.

«Миръ необходимъ для такой обширной имперіи, какъ Россія. Мы нуждаемся въ увеличеніи населенія, а не въ уменьшеніи его. Это по внутренней политикѣ; а извнѣ миръ придастъ намъ большее значеніе, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной.

«Соединить Каспійское море съ Чернымъ, оба—съ Балтійскимъ и Сѣвернымъ, и направить сюда транзитомъ торговлю Китая и Восточной Индіи—значило бы возвысить Россію на степень могущества высшую, чѣмъ прочіе государства Европы и Азіи.

«Что можетъ противостать безпредѣльной власти неограниченнаго государя, который управляетъ воинственнымъ народомъ!»

Вотъ плоды 18-ти лѣтъ «несчастія и уединенія». Софія-Фредерика не могла бы написать ничего подобнаго. Ея уже нѣтъ—предъ нами Екатерина, которая измѣнитъ свои первоначальныя тенденціи подъ давленіемъ новыхъ обстоятельствъ, но всегда сообразно нуждамъ и пользамъ Россіи, твердо памятуя, что «ея слава есть и моя». Эти несчастные годы были для Екатерины годами самообразования и развитія, когда очищалось сужденіе, крѣпла мысль, закалялась воля, вырабатывался характеръ. Въ эти несчастные годы были положены основы для будущихъ счастливыхъ годовъ.

Счастливые годы начались для Екатерины большимъ несчастіемъ. «Не имѣли мы никогда ни намѣренія, ни желанія—объявляла она въ манифестѣ къ народу—такимъ образомъ воцариться, каковымъ Богъ по невѣдомымъ Его судьбамъ, промысломъ Своимъ намъ опредѣлилъ престолъ отечества Россійскаго воспріять». Тщетно было бы противиться

указаніямъ Промысла, и Екатерина торжественно объявляла народу: «Мы можемъ, не похвалившись, передъ Богомъ цѣлому свѣту сказать, что отъ руки Божіей пріяли всероссійскій престолъ не на свое собственное удовольствіе, но на расширеніе славы его и на учрежденіе добраго порядка и утвержденіе правосудія въ любезномъ нашемъ отечествѣ».

34-хъ-лѣтнее царствованіе Екатерины свидѣтельствуешь, что она сдержала съ лихвою свое царское слово, какъ относительно «расширенія славы», такъ и еще болѣе по «учрежденію добраго порядка и утвержденію правосудія», по вопросамъ внутреннимъ болѣе, чѣмъ по вѣшнимъ. По обстоятельствамъ, отъ Екатерины ни мало не зависѣвшимъ, на ея вѣшную политику обращается всегда преимущественное, если не исключительное вниманіе; о ея внутреннихъ преобразованіяхъ по большей части говорятъ лишь вскользь, мимоходомъ. Это объясняется не столько громомъ и блескомъ военныхъ подвиговъ, всегда весьма шумныхъ, сколько національностью исторіографовъ: до послѣдняго времени о Екатеринѣ писали только иностранцы, незнакомые съ внутреннею жизнью Россіи и ею неинтересовавшіеся. Въ этомъ случаѣ мы, русскіе, въ долгу предъ Екатериною: на насъ лежитъ обязанность возстановить ея значеніе въ полной мѣрѣ и показать, что ея внутреннія реформы значительно важнѣе и плодотворнѣе вѣшнихъ успѣховъ. Въ этомъ легко убѣдиться хотя бы изъ одного цифроваго итога государственной дѣятельности Екатерины, сдѣланнаго И. И. Бецкимъ въ 1781 году:

«Въ теченіе послѣднихъ 19-ти лѣтъ:

«Губерній образовано по новому положенію	29
«Городовъ учреждено и обстроено	144
«Конвенцій и договоровъ заключено	30
«Побѣдъ одержано	78
«Законовъ и учрежденій издано	88
«Распоряженій по облегченію народа	123

Итого . . . 492».

По свидѣтельству Екатерины, здѣсь упомянуты «только дѣла государственныя и ни одно частное не внесено въ этотъ списокъ». Изъ общей же цифры 492 дѣлъ, внутреннимъ вопросамъ посвящено 384 и вѣшнымъ только 108. Сообщая этотъ списокъ и указывая на внутреннія именно дѣла, Екатерина прибавила: «Nu, mein Herr, wie sind Sie mit uns zufrieden? Sind wir nicht faul gewesen?» Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина ставила дѣла внутреннія выше вѣшнихъ, сознательно гордилась этимъ, и такъ скромно оцѣнивала эти труды свои: «Россія велика, а я, что ни дѣлаю, подобно каплѣ, падающей въ море».

Это и понятно. При воцареніи Екатерины имперія находилась въ

«невѣроятной разстройкѣ». Неотложная необходимость внутреннихъ преобразованій сознавалось Екатериною вполне:

«Въ 1762 году, при вступленіи моемъ на престолъ, я нашла сухопутную армію, за двѣ трети жалованія не получившую. Въ статскі-конторѣ именныя указы на выдачу семнадцати милліоновъ рублей невыполненные. Почти всѣ отрасли торговли были отданы частнымъ людямъ въ монополію. Таможни всей имперіи сенатомъ даны были на откупъ за два милліона. Елисавета Петровна искала занять два милліона рублей въ Голландіи, но охотниковъ на тотъ заемъ не явилось, слѣдовательно кредита или довѣрія къ Россіи не существовало. Сенатъ хотя и посылалъ указы и повелѣнія въ губерніи, но тамъ такъ худо исполняли указы сената, что въ пословицу почти вошло говорить: ждутъ третьяго указа, понеже по первому и по второму не исполняли. Воеводы въ городахъ и воеводскіе канцеляріи жалованья не получали и дозволено имъ было кормиться съ дѣлъ, хотя взятки строго воспрещены были. Монастырскіе и заводскіа крестьяне въ полномъ непослушаніи, такъ что ни единожды принуждены были употребить противу нихъ оружіе и даже до пушекъ. Признаки были великаго роптанія на образъ правленія послѣднихъ годовъ. Умы, какъ всегда случается послѣ переворота, столь великаго, находились въ сильномъ волненіи».

Интересы промышленности и торговли, положеніе всѣхъ сословій, преимущественно же крестьянскаго, дѣла военныя, церковныя и гражданскія, все въ «невѣроятной разстройкѣ», все требуетъ упорядоченія. Изъ сенатскихъ докладовъ, изъ коллегіальныхъ экстрактовъ, изъ донесеній должностныхъ лицъ, даже изъ «многихъ разговоровъ» оказывалось, что всему виною «не единообразныя объ единой вещи установленныя правила и противорѣчущіе законы по временамъ сдѣланные въ соотвѣтствіе тогдашнихъ умовъ расположенія» и что, прежде всего, необходимо, «дабы законодательство было приведено въ лучшій порядокъ». Такъ, по словамъ самой Екатерины, явилась мысль о знаменитой законодательной комиссіи, установившей славу всего ея царствованія.

Собраніе представителей Русской земли, во-первыхъ, «для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста» и, вторыхъ, «для заготовленія проекта новаго уложенія» — великій актъ, призывавшій русскій народъ, въ лицѣ его выборныхъ, къ участію въ законодательствѣ. Въ той формѣ, въ какой эта мысль была выражена, она явилась, дѣйствительно, «опытомъ великой довѣренности къ народу», и день открытія комиссіи есть день, «долженствующій навсегда остаться священнымъ для Россіи».

Въ этотъ день 545 депутатовъ привезли въ Москву и представили на всенародное обсужденіе длинный перечень «нуждъ и недостатковъ» изъ 1.264 мѣстностей, изъ которыхъ прежде доносились лишь «напра-

сныя жалобы и подавленный ропотъ». Никто не радѣлъ о нуждахъ русскаго человѣка, никто не заботился о недостаткахъ той или другой мѣстности, когда «съ высоты престола» раздался образный голосъ Екатерины: «Выскажите свои жалобы. Сапогъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага—оно вмѣстѣ съ тѣмъ и мое собственное. Работайте, собирайте матеріалы, издавайте проекты — узнайте чего вы хотите». И русскіе люди толково и дѣльно высказали свои жалобы: по сознанию самой Екатерины, они «подали мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно». Въ продолженіе своего 34-лѣтняго царствованія Екатерина нерѣдко пользовалась этими свѣдѣніями, сообщенными ей депутатами. Такъ, въ 1778 году, въ указѣ особой комиссіи для преобразованія тульского оружейнаго завода, императрица указала на требованія, заявленныя въ 1767 году въ наказѣ депутату отъ завода.

Такимъ образомъ, первая часть задачи, возложенной на выборныхъ русскіхъ людей, была выполнена довольно удачно, и Екатерина вполне достигла своей цѣли—изъ депутатскихъ наказовъ она узнала Россію гораздо полнѣе, всестороннѣе и, конечно, вѣрнѣе, чѣмъ изъ чиновничьихъ докладовъ и канцелярскихъ донесеній. Не по винѣ императрицы, тѣмъ менѣе депутатовъ, не была достигнута вторая задача—оставленіе проекта новаго Уложенія.

Надъ этимъ проектомъ болѣе всего потрудилась, безспорно, сама Екатерина. Первоначально императрица вовсе не имѣла въ виду составить новое Уложеніе—она излагала не законодательныя опредѣленія, а теоретическія идеи относительно общихъ понятій о государствѣ и правѣ, о правленіи, судѣ, законахъ и т. п. Первая тетрадь ея труда, приготовленная еще въ 1765 году, состояла всего изъ 64 страницъ ея довольно крупнаго письма. Лишь мало-по-малу, увлекаясь начатымъ занятіемъ и все болѣе знакомясь съ трудами не только общими, какъ Монтеスキе, но такими спеціальными, какъ Беккариа, императрица перешла отъ общихъ началъ къ вопросамъ болѣе частнаго характера и написала большой томъ въ 655 параграфовъ. Первоначально она назвала свой трудъ просто «инструкціею», наставленіемъ, и находила, что «въ ней я высказалась вполне и не скажу болѣе ни слова въ продолженіе всей жизни». Она хранила свой трудъ отъ всѣхъ, не желала помощниковъ, «опасаясь, что каждый изъ нихъ сталъ бы выражаться въ разлчномъ направленіи, а здѣсь слѣдуетъ провести одну только нить и крѣпко за нее держаться», и прочла его только двумъ-тремъ наиболѣе приближеннымъ къ ней лицамъ. Графъ Г. Г. Орловъ нашелъ, что эта инструкция есть «*non plus ultra* совершенства»; Н. И. Панинъ сказалъ: «*ce sont des axiomes à renverser des murailles*». Въ настоящее время

мы можем лишь догадываться, что первоначально Екатерина имѣла въ виду составить нѣчто въ родѣ нынѣшней Instruction civique, но теоретическій, не касающійся положительнаго права. Она сама, однако, недоумѣвала, насколько подобный сборникъ теоретическихъ истинъ можетъ быть практически полезенъ. Она желала знать мнѣніе по этому поводу Даламбера и, между прочимъ, какъ женщина практически умная и обладавшая большимъ здравымъ смысломъ, она писала ему: «Отъ накопленія хорошихъ правилъ, примѣненныхъ на практикѣ, можетъ произойти и дурной результатъ, если не будутъ приняты во вниманіе тѣ измѣненія, которымъ иногда, и довольно часто, должны подвергаться эти правила при примѣненіи ихъ на практикѣ и которыя зависятъ отъ мѣста, времени, лицъ, народнаго характера, наконецъ, отъ тысячи различныхъ причинъ, которыя законодателя и государи должны знать и принимать въ соображеніе». Это недоумѣніе росло по мѣрѣ обращенія инструкціи по общегосударственнымъ вопросамъ въ Наказъ комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія. Кто же, кромѣ представителей самого народа, кромѣ его выборныхъ, знаетъ особня условія каждой округи, практически знакомъ съ народнымъ характеромъ, съ бытовою стороною мѣстной жизни, съ обычными правами отдѣльныхъ народностей, съ историческимъ наслоеніемъ этихъ бытовыхъ и обычныхъ условій гражданской жизни? И Екатерина созываетъ «депутатовъ» отъ всѣхъ уѣздовъ, причѣмъ каждому уѣзду и каждому городу предоставляетъ дать избранному имъ депутату особое полномочіе, наказъ, съ изложеніемъ своихъ нуждъ и съ выраженіемъ своихъ желаній.

Въ отличіе отъ этихъ депутатскихъ наказовъ, заготовленный Екатериною наказъ былъ названъ современниками Большимъ Наказомъ, и императрица, прежде всего, выслушала мнѣніе депутатовъ о своемъ трудѣ. Она назначила изъ депутатовъ «разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ» и поручила процензуровать Большой Наказъ, предоставивъ имъ полную свободу при обсужденіи ея труда. Съ полнымъ уваженіемъ отвеслась Екатерина къ цензурѣ представителей народа: «Тутъ при каждой статьѣ начались пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали, и оставили Наказъ Уложенія, яко оный напечатанъ».

Работы законодательной комиссіи начались чтеніемъ Большаго Наказа. Дивились депутаты, слушая «исповѣдь здраваго смысла» императрицы. Никогда, ни прежде, ни послѣ, власть не говорила съ народомъ такимъ гуманнымъ языкомъ и не высказывала такихъ «вольнлюбивыхъ израженій». Депутаты не вѣрили ушамъ своимъ—ихъ называютъ гражданами, имъ говорятъ о равенствѣ и свободѣ, у нихъ есть права, у власти есть обязанности:

«Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

«Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ, и никого бы кромѣ ихъ не боялись.

«Вольность состоитъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть, и не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.

«Слова не вмѣняются никогда во преступленіе. Слова не составляютъ вещи, подлежащей наказанію. Иногда молчаніе выражаетъ больше, нежели всѣ разговоры.

«Всякое наказаніе, которое не по необходимости налагается, есть тиранское. Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить.

«Запрещеніе или недозволеніе различныхъ вѣръ есть порокъ весьма вредный для спокойства и безопасности гражданъ.

«Запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень азвительныя; это запрещеніе представляетъ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе: а сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, опровергнетъ дарованія разума человѣческаго и охоту писать отниметь.

«Великое несчастіе въ государствѣ не смѣть свободно говорить своего мнѣнія».

Депутаты пролили слезы, прослушавъ заключительныя слова Наказа: «Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ они быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какій народъ больше справедливѣе, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было-бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!»

Наказъ писанъ 130 лѣтъ назадъ, и во всѣхъ его 655 статьяхъ ни одной мысли, напоминающей жестокіе нравы московской Руси, ни одного взгляда, повторяющаго суровыя тенденціи петровскаго законодательства—онъ весь продиктованъ просвѣтительною гуманностью XVIII вѣка, съ ея стремленіемъ къ общему благу, съ ея признаніемъ правъ личности. Въ немъ впервые «вѣрноподанные рабы» объявлены равноправными гражданами и за ними признаны права не только вѣровать и мыслить, но говорить и дѣйствовать, не опасаясь никого, кромѣ законовъ. Современники называли Наказъ «золотою буллою» Россіи; потомки видятъ въ немъ актъ нашего дѣйствительнаго вступленія въ европейскую

жизнь, нашего внутренняго приобщенія къ западно-европейской цивилизаціи.

Такое высокое значеніе «Большаго Наказа» ни мало, однако, не соответствовало второй задачѣ законодательной комиссіи—составленію проекта новаго Уложенія. Въ этомъ отношеніи депутатскіе указы были практически полезны: они указывали недостатки дѣйствующаго права, предлагали средства исправить ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что «свѣтъ и свѣдѣнія», принесенные народными представителями, значительно помогли бы комиссіи выполнить и эту вторую задачу. Для разрѣшенія ея требовалось, однако, время, и довольно продолжительное. Между тѣмъ, года полтора спустя по открытіи комиссіи, въ концѣ 1768 года, раздавшійся по всей Россіи крикъ: «отечество въ опасности» отвлекъ вниманіе въ другую сторону, и «депутаты изъ военныхъ», составлявшіе почти третью часть комиссіи, поспѣшили на югъ, въ дѣйствующую армію, на войну съ турками.

Законодательная комиссіа была «распушена» на время. Ея подкомиссіи продолжали работу, которую воспользовалась императрица какъ при изданіи «Учрежденій для управленія губерній» и «Грамоты городамъ Россійской имперіи», такъ и при составленіи уставовъ о соли, о купеческомъ водоходствѣ, даже устава благочинія и другихъ законодательныхъ актовъ, имѣвшихъ въ виду улучшеніе и преобразование Россіи, какъ, напримѣръ, устройство дорогъ, почтъ и т. д.

Призывомъ народныхъ представителей на совѣтъ по законодательнымъ вопросамъ Екатерина положила прочное основаніе тому «счастью», которымъ многіе склонны объяснять успѣхъ ея начинаній. Этимъ публичнымъ актомъ довѣрія къ народу она привлекла къ себѣ сердца не одного какого-либо сословія или класса, но всей массы народной, опираясь на которую легко не только царствовать, но и управлять страной. Ограничиваясь придворною атмосферою и дворцовой обстановкою, ея предшественники, до ея тетки, императрицы Елисаветы Петровны включительно, могли только царствовать; никто изъ нихъ, по смерти Петра Великаго, не управлялъ Россіею, и еще въ 1765 году престарѣлый графъ Минихъ говорилъ: «Русское государство имѣетъ предъ другими то преимущество, что оно управляется непосредственно самимъ Богомъ—иначе невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ оно можетъ существовать».

Графъ Минихъ отмѣтилъ только фактъ, имъ самимъ пережитый, но не указалъ причинъ его, заключавшихся, главнымъ образомъ, въ двухъ взаимодействующихъ и другъ отъ друга зависѣвшихъ факторахъ—въ самодурствѣ сверху и крѣпостничествѣ снизу.

Твердая, жесткая рука Петра Великаго могла, конечно, направить самодурство согласно его волѣ, но не только не унячтожила, а напро-

тивъ содѣйствовала дальнѣйшему его развитію. Онъ, какъ самодержецъ нарушилъ установленный порядокъ престолонаслѣдія, чѣмъ внесъ смуту въ ту область государственнаго права, гдѣ до него господствовали точныя и всѣмъ доступныя повятія. Отвѣтомъ на этотъ произволъ было усиленіе самодурства при его преемникахъ, до того, что по кончинѣ Петра II нѣсколько членовъ Верховнаго тайнаго совѣта располагали русскимъ престоломъ, предоставляя его лицу по ихъ выбору. Это же самодурство возвело на плаху и кабинетъ-министра Артемія Волинскаго, который былъ, по отзыву Екатерины II, «добрый и усердный патриотъ и ревнительъ къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества». Именно въ вопросѣ о престолонаслѣдіи Екатерина II оказалась значительно выше Петра I: несмотря ни на что, она передала престолъ сыну, а не возлюбленному внуку, какъ многіе ожидали. Она сдерживала свой произволъ и тѣмъ обуздывала самодурство, не будучи, конечно, въ состояніи искоренить его. Екатерина хорошо понимала источникъ русскаго самодурства.

Въ своемъ знаменитомъ «Наказѣ» императрица категорически, но съ объясненіемъ мотивовъ, устанавливаетъ свойство верховной власти въ Россіи: «Государь есть самодержавный; пбо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно со пространствомъ толь великаго государства. Пространное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ править. Надлежитъ, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, изъ дальнихъ странъ присылаемыхъ, награждала медленіе, отдаленностію мѣстъ причиняемое. Всякое другое правленіе не только было-бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно». Тѣмъ не менѣе, Екатерина признала необходимымъ точнѣе опредѣлить «предлогъ, намѣреніе и конецъ» самодержавія, т. е. установить предметъ, задачу и цѣль этой формы правленія.

«Какой предлогъ самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго отъ всѣхъ добра. Итакъ правленіе, къ сему концу достигающее, лучше прочихъ, и при томъ естественную вольность меньше другихъ ограничивающее, есть то, которое наилучше сходствуетъ съ намѣреніями, въ разумныхъ тваряхъ предполагаемыми, и соотвѣтствуетъ концу, на который въ учрежденіи гражданскихъ обществъ взвращаютъ неотступно. Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сего славы происходятъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ державахъ сихъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ, и столько споспѣшествовати благополучію подданныхъ, какъ и самая вольность».

Высоко ставя знамя самодержавія, Екатерина возлагала на его

носителей и высокую заботу о благосостоянии страны и довольствѣ ея обитателей. Девизомъ ея, какъ императрицы, было «блаженство каждаго и всѣхъ»—слова, вычеканенныя на медали депутатовъ. «У государя,—писала она,—только одна обязанность и цѣль: благо его подданныхъ». Екатерина признавала, что «государи суть необходимое зло, безъ котораго нельзя обойтись; если-бъ всякій исполнялъ свою обязанность, не было бы надобности ни въ государяхъ, ни въ чиновникахъ». Она наказывала себѣ и завѣщала своимъ преемникамъ, какъ заповѣдь, что самодержавный государь, обладающій полнотою власти, вполне отвѣтственъ за малѣйшее недовольство народа: «Всегда государь виноватъ, если подданные противъ него огорчены. Изволь мѣряться на сей аршинъ. А если кто изъ васъ, мои дражайшіе потомки, сіе наставленіе прочтеть съ недоувѣріемъ, такъ ему болѣе въ свѣтъ, и особливо въ російскомъ, счастья желать, нежели пророчествовать можно».

При такихъ условіяхъ, самодурство значительно было стѣснено, хотя и исключительно только личными взглядами императрицы: Екатеринѣ именно Россія обязана отличіемъ наступившей послѣ нея аракетевщины отъ бывшей до нея бироновщины. При Екатеринѣ какойнибудь Аракчеевъ былъ немислимъ. Не говоря объ Орловыхъ и Зубовыхъ, не имѣвшихъ никакого вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, князь Потемкинъ такъ же отличаетъ время Екатерины, какъ графъ Аракчеевъ эпоху ея внука. Но самая возможность появленія Аракчеева ясно, однако, свидѣтельствуетъ, что въ борьбѣ съ самодурствомъ недостаточно однихъ личныхъ взглядовъ.

Главный, хоть и не единственный, источникъ самодурства заключался въ крѣпостномъ правѣ, которое питало произволь и вносило развратъ въ русское дворянство.

Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостничества, какъ наболѣвшей уже вѣками язвы, давно занималъ Екатерину. Она не скрывала отъ себя, что «осуществленіемъ такой рѣшительной мѣры нельзя заслужить любви землевладѣльцевъ, полныхъ упрямства и предрасудковъ». Будучи великою княгиней, она довольно наивно разрѣшала этотъ вопросъ: ей представлялось возможнымъ «постановить, что впредь при продажѣ имѣнія, съ момента приобрѣтенія его новымъ владѣльцемъ, всѣ крѣпостные объявляются вольными: такъ какъ въ теченіе сотенъ лѣтъ всѣ или большая часть имѣній мѣняють своихъ господъ, то черезъ сто лѣтъ весь народъ будетъ освобожденъ». Ставъ императрицею, Екатерина категорически поставила этотъ вопросъ на очередь, высказавъ въ первоначальной редакціи своего Наказа необходимость «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными». Противъ этого возстали всѣ, кому только императрица давала читать Наказъ, и Екатерина

должна была уступить этому общему протесту—при окончательной редакціи Наказа параграфъ объ освобожденіи крестьянъ былъ исключенъ. Екатерина уступила, однако, не по существу вопроса, а лишь по способу его «осуществленія»:

«Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ нмущества. Весьма же нужно, чтобъ предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ. Необходимо, чтобы законы гражданскіе злоупотребленіе рабства отвращали. Необходимо избѣгати случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю».

Очевидно: освободить должно, только не вдругъ и не чрезъ общее узаконеніе; прежде же всего необходимо ограничить закрѣпощеніе, а закрѣпощенныхъ охранить отъ злоупотребленія и обезпечить за ними собственность. Въ этомъ видѣ вопросъ и былъ затронутъ въ законодательной комиссіи, причемъ столкнулись интересы «земледѣльцевъ—души обществу» и «дворянъ—опоры престолу». Присутствуя при обсужденіи этого вопроса въ комиссіи, императрица должна была убѣдиться, что безъ непосильной для нея ломки всего государственнаго строя не только огульное освобожденіе крестьянъ немислимо, но и частичное сопряжено съ большими затрудненіями. Екатеринѣ, въ долгое ея царствованіе, приходилось въ этомъ случаѣ бороться и съ отдѣльными личностями, до Солтычихи включительно, и съ цѣлыми учрежденіями, какъ сенатъ. И она боролась. Крестьяне убили своего помѣщика; сенатъ опредѣлилъ истребить всю деревню; Екатерина писала по этому поводу генераль-прокурору:

«Пророчествовать можно, что есть-ли за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ закрѣпощенныхъ деревень воспослѣдуетъ. Положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишиной и человеколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть бунта не можно. Генеральнаго освобожденія отъ несноснаго и жестокаго ига не предвидятъ и, не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, всякая малость можетъ привести ихъ въ отчаяніе, коими паче мстительный такой законъ какъ сенатъ вздумалъ нектати и не къ ладу издать. Итакъ прошу быть весьма осторожною въ подобныхъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, есть-ли въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій. Ибо есть-ли мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому роду нестерпимаго положенія, то и противу нашей воли сами оную возьмутъ рано или поздно».

Пророчество Екатерины сбылось въ пугачевскомъ бунтѣ, этомъ кро-

вавомъ протестъ противъ крѣпостничества. Тѣмъ не менѣе, ни Екатерина, ни даже ближайшіе ея преемники не могли приступить къ освобожденію крестьянъ, и оно совершилось лишь сто лѣтъ спустя послѣ высказанной Екатериною необходимости «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными». Но именно Екатерина указала вѣрный путь къ этому освобожденію.

Землевладельцами были исключительно дворяне, составлявшіе «опору престола»; каждый землевладелецъ былъ, относительно говоря, такимъ же самодержцемъ въ своемъ помѣстьи, какъ государь—въ имперіи. Освобожденіе крестьянъ «вдругъ и чрезъ узаконеніе общее» отняло бы у дворянъ основной мотивъ ихъ правъ и привилегій, ради которыхъ они и являлись опорой престола; прежде чѣмъ потерять эту опору, необходимо было создать равный въ этомъ отношеніи эквивалентъ дворянству. Екатерина и положила этому начало созданіемъ «средняго рода людей», къ которому она причисляла всѣхъ тѣхъ, «кои, не бывъ ни дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ» и которые получаютъ высшее образованіе. Нужно было, однако, время, чтобы чловѣкъ «средняго рода» могъ стать столь же надежною опорой престола, какъ и «дворянинъ», но опорой вполне безкорыстною, основанною единственно на патріотическомъ стремленіи ко благу родины. Этой заслуги Екатерины забывать не слѣдуетъ.

Изъ всѣхъ преемниковъ Петра В., одна Екатерина не только царствовала, но и управляла Россіей, вслѣдствіе чего она постоянно и много работала. Не по недовѣрью къ людямъ, ею же избираемымъ, а по любви и участію къ Россіи и русскому народу Екатерина никогда не полагалась на представляемые ей доклады, и всегда, по всѣмъ частямъ управления, сама разсматривала всѣ вопросы и разбираала всѣ дѣла. Кромѣ массы напечатанныхъ уже ея рѣшеній, въ архивахъ хранятся несчетные томы бумагъ, ею прочитанныхъ и отмѣченныхъ поправками ея руки. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ограничивалась она индифферентнымъ «быть по сему»; по большей части доклады исправлялись ею, иногда же, особенно предназначенные для обнародованія, ею же и составлялись: сама напишетъ «сенатскій указъ», сама отдастъ кому-либо исправить ореографію и сама же пошлетъ генераль-прокурору при запискѣ: «Сіе переписано на чисто съ моей безграмотной руки; ваше сіятельство уже велитъ переписать по вашему». Ежедневно, утромъ, она работала одна часа два и съ секретарями и докладчиками—часа три; послѣ обѣда часа два посвящались чтенію реляцій, депешъ, писемъ. Иностранцы, даже нѣмцы, дивились ея усидчивости, ея трудолюбію и выражали ей по этому поводу свои сожалѣнія. «Ума не приложу, отвѣчала императрица, почему вы жалѣете меня? Правда, я работаю болѣе, чѣмъ другіе, но,

вѣдь, иначе и быть не можетъ. Я такъ много могу дѣлать добра, всѣ средства къ этому въ моей власти, и мнѣ остается только находить случай къ дѣланію добра, что вовсе не трудно. Я по природѣ люблю трудиться и чѣмъ болѣе работаю, тѣмъ становлюсь веселѣе». Живая, дѣятельная, здоровая, Екатерина находила время писать письма друзьямъ, сочинять сказки для дѣтей, комедіи для взрослыхъ—затруднится ли она составить инструкцію генераль-губернатору, написать проектъ закона, исправить указъ, дать тему для манифеста? Въ перепискѣ съ гр. Сиверсомъ, намѣстникомъ тверскимъ и новгородскимъ, она входитъ въ мельчайшіе подробности областнаго управленія; въ ея записочкахъ къ генералу-прокурору кн. Вяземскому затронуты вопросы финансовыя, торговые, таможенные; ея секретари, которыхъ у нея пять, иногда до восьми, едва успѣваютъ собирать для нея справки, подыскивать законы, составлять запросы ею продиктованные. Она во все входитъ, все хочетъ знать, все направить; она всѣмъ управляетъ—другіе исполняютъ только ея приказанія; она—самодержица, «а другіе всѣ, по славу евангельскому, наемники есть». И не только отдѣльные лица, даже комиссіи и совѣты работали по ея указаніямъ и подъ ея надзоромъ. «Съ мнѣніемъ моего совѣта я всегда согласна, когда его мнѣніе согласно съ моимъ», любила говорить Екатерина, мѣтко характеризуюя и себя, и совѣтъ.

Въ 34-хъ-лѣтнее царствованіе Екатерины Россія знала только ее, и русскій народъ не страдалъ отъ временщиковъ. У Екатерины II были фавориты, но временщиковъ при ней не было. Императрица не рѣшала ни одного дѣла глазъ-на-глазъ съ докладчикомъ—она всегда провѣряла докладъ, совѣщалась, совѣтовалась, и никогда никому не удавалось «вырвать» у нее высочайшаго повелѣнія, предрѣшающаго вопросъ или узаконивающаго мѣру, предлагаемую докладчикомъ. За эту осторожность славный гр. С. Р. Воронцовъ воздалъ ей должное въ письмѣ къ ея внуку, который нерѣдко клалъ резолюціи по личнымъ указаніямъ министра: «Нѣтъ въ мірѣ ничего болѣе опаснаго, какъ рѣшать дѣла съ глазу на глазъ съ министромъ. Какимъ образомъ ваше величество можете удостовѣриться, что онъ не введетъ васъ въ ошибку, вольную или невольную? Почему вы знаете, что министръ представляетъ вамъ все, что должно быть доведено до вашего свѣдѣнія? Въ природѣ челоуѣка стремиться къ вліанію, къ власти; этимъ создается деспотизмъ министра, и ваше величество создадите деспотизмъ невыносимый, вершая дѣла съ глазу на глазъ съ тѣмъ или другимъ министромъ». Въ этомъ отношеніи Екатерина вполне раздѣляла взгляды одного изъ своихъ «заграничныхъ друзей»: «Нація, т. е. общество и народъ, всегда хорошо сознаютъ свои интересы, между тѣмъ какъ министры вовсе не знаютъ въ чемъ заключается въ данный моментъ общественное благо. Когда

народъ замѣтилъ въ чемъ либо свою ошибку, реформа является не только вполне естественною, но и обязательно необходимою; между тѣмъ какъ министры склонны упрямо поддерживать не только свои ошибки, но даже свои глупости, думая этимъ сохранить престижъ власти».

Временщиковъ при Екатеринѣ не было, но число дѣловыхъ людей значительно увеличилось. Административныя и судебныя преобразованія, введенныя императрицею, требовали людей сравнительно болѣе образованныхъ, чѣмъ прежніе повытчики. И Екатерина такихъ людей находила. Она никогда не жаловалась на недостатокъ людей, вполне сознавая нелѣпность подобной жалобы, свидетельствующей только о собственномъ убожествѣ. «Всякая страна,—писала императрица,—доставляетъ всегда людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на землѣ есть дѣло человеческое, то люди, стало быть, могутъ со всемъ управиться». Она нѣсколько разъ повторяетъ, что «недостатка въ людяхъ быть не можетъ», и ссылается на себя: «Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые служили мнѣ и, по большей части, служили хорошо; все зависитъ отъ умѣнья направить ихъ». И вотъ какъ она направляла ихъ: «Сильно ошибаются, если думаютъ, что меня пугаетъ чье-либо достоинство; напротивъ, я желала бы видѣть вокругъ себя только героевъ, и я все на землѣ употребляла, чтобы сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ видѣла малѣйшее къ тому расположеніе... Богъ мнѣ свидѣтель, что я не имѣю никакой особенной склонности къ дуракамъ». Какъ въ выборѣ людей, такъ и въ оцѣнкѣ ихъ Екатерина, однако, была строга. Вотъ, напр., ея отзывъ о четырехъ извѣстныхъ въ свое время военачальникахъ: кн. Н. В. Репнинъ—«хуже старой бабы»; гр. И. П. Салтыковъ—«глупъ и упрямъ»; гр. Я. А. Брюсъ—«дуракъ, не имѣетъ головы», гр. В. П. Мусиянъ-Пушкинъ—«онъ каналья, *pardonnez le terme, en un mot c'est une bête*».

Екатерина была строга не только къ отдѣльнымъ личностямъ, но и къ цѣлымъ сословіямъ, причѣмъ, если польза дѣла того требовала, императрица не щадила даже высшихъ учреждений, какъ правительствующій сенатъ и святѣйшій синодъ. Убѣдившись, что раздоры и несогласія сенаторовъ вредятъ ходу дѣла, императрица обнародовала указъ, въ которомъ укоряла гг. сенаторовъ, что они занимаются дѣлами, «совсѣмъ не свойственными людямъ благоразумнымъ, почтеннымъ и доброжелательнымъ». Рѣшившись отобрать у духовенства церковныя имѣнія, императрица напомнила членамъ синода, что они «преемники апостоловъ, которымъ Господь повелѣлъ внушать людямъ презрѣніе къ богатствамъ и которые были очень бѣдны», что «жить въ преизбыточествѣ благъ земныхъ совершенно противно званію» служителя алтаря.

Строга Екатерина къ людямъ, строга и къ себѣ. Она вполне созна-

тельно говорить всѣмъ и ни отъ кого не скрываетъ, что все ея значеніе поконится на силѣ и преданности народа, на чести и достоинствахъ имперіи; она лично—ничто. Въ самый разгаръ двухъ войнъ, второй турецкой и шведской, въ заграничныхъ газетахъ появилось извѣстіе о смерти Екатерины; императрица писала по этому поводу: «Безумцы утверждаютъ, будто нѣтъ болѣе Екатерины; но если бы ея и не было, Россійская имперія тѣмъ не менѣе существовала-бы, а ей не суждено быть задавленной ни Густавомъ шведскимъ, ни Вильгельмомъ прусскимъ, даже въ союзъ съ ихъ другомъ Абдуломъ-Гамидомъ турецкимъ». Князь Потемкинъ дивится ея «неустрашимой твердости»; она отвѣчаетъ: «какъ внако быть императрицѣ всероссійской, имѣя пятнадцать тысячъ верстъ за спиною и видя добрую волю и рвеніе народное». Князь де-Линь свидѣтельствуетъ, что «во дворцахъ, гдѣ есть престолы, не встрѣчалъ еще такой простоты и прямоты ни въ одной коронованной особѣ»; Екатерина отвѣчаетъ: «Престолы и возсѣдающіе на нихъ особы представляютъ прекрасное зрѣлище, но лишь издали; не въ ущербъ моимъ многоуважаемымъ собратьямъ, я полагаю, что мы, сколько насъ ни есть, всѣ должны быть пренесносными особами въ обществѣ; я знаю это по опыту: когда я вхожу въ комнату, я произвожу впечатлѣніе Медузиной головы — всѣ столбѣютъ и приростаютъ къ тому мѣсту, на которомъ находились. Мнѣ очень лестно слышать отъ васъ противоположное, но ежедневный опытъ убѣждаетъ меня, что я такая-же, какъ и другіе, и не найдется болѣе десяти или двѣнадцати лицъ, не стѣсняющихся моимъ присутствіемъ». Екатерина трудится постоянно, работаетъ «больше другихъ», и всегда, прежде чѣмъ начать дѣло, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ, всегда справляется со взглядами и мнѣніями Петра Великаго, всегда спрашиваетъ себя, смотря на его портретъ: «что сказали-бы Петръ, что сдѣлалъ-бы онъ, если-бъ былъ здѣсь». Она извиняется всякій разъ, когда замедлитъ отвѣтомъ даже на какое-нибудь ничтожное письмо.

Набрасывая свои «*Réflexions sur le projet d'une histoire de Russie au 18 siècle*», Екатерина категорически заявляла: «я не придаю никакой цѣны моимъ письмамъ»; но эти письма имѣютъ большое значеніе для исторіи самой Екатерины и нерѣдко рѣшающее для ея характеристики.

Императрица Екатерина II писала много, легко и охотно. Далеко не всѣ еще ея письма, указы, резолюціи и записочки изданы, а между тѣмъ число уже обнародованныхъ значительно превышаетъ 12.000 листовъ, ею писанныхъ, исправленныхъ или подписанныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Екатерина хорошо умѣла употреблять перо на служеніе своимъ цѣлямъ. Она видѣла въ немъ довольно вѣрное средство, когда небрежно набрасывала на бумагу довѣрчивыя строчки къ другу и когда писала остроумныя письма къ Вольтеру и энциклопедистамъ, которые

*

должны были расточать ей похвалы по всей Европѣ, когда кропала небольшую пьеску для своего придворнаго театра и когда составляла государственные проекты, которые должны были создать ей славу законодательницы. Екатерина была слишкомъ умна, чтобы быть искреннею въ письмахъ къ Вольтеру, Даламберу и всѣмъ «знаменитостямъ» вѣка, имѣвшимъ большое вліяніе на общественное мнѣніе Европы; она была честолюбива, много перенесла въ жизни, хорошо знала людей и не могла, конечно, не быть осторожною въ своихъ сношеніяхъ съ ними, особенно-же письменныхъ. Она умѣла молчать, когда видѣла, что ее «хотятъ вызвать на разговоръ»; тѣмъ болѣе умѣла она писать, чтобы заставить говорить о себѣ то, что ей было нужно или желательно. Конечно, изъ всѣхъ писаній Екатерины, письма всего болѣе могутъ служить матеріаломъ для обрисовки ея внутренняго существа.

Но письма письмамъ рознь. Письма, наприимѣръ, къ Даламберу съ увѣреніемъ, что въ Россіи «болѣе свободы», чѣмъ во Франціи, или къ Вольтеру съ категорическимъ увѣреніемъ, что «Россія пользуется полною терпимостью», имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ письма къ Потемкину, въ которыхъ она сообщаетъ ему не только свои сокровенныя планы относительно ослабленія Турціи или погубленія Польши, но и свои откровенныя мнѣнія о лицахъ, ею же поставленныхъ во главѣ управленія извѣстною частью. Какъ произведенія Вольтера Екатерина «читала, перечитывала и изучала», такъ и свои письма къ нему она писала, переписывала и обдумывала въ нихъ каждое слово; письма же къ графу Стакельбергу—черновые наброски, безъ предвзятой цѣли, во всякомъ случаѣ, безъ задней мысли. Въ письмахъ Екатерины къ Вольтеру ему предлагается матеріалъ для составленія «Siècle de Catherine II», какъ pendant къ «Siècle de Louis XIV»; въ письмахъ-же къ Гримму выражается потребность высказаться, подѣлиться радостью и выплакать горе, иногда просто поболтать съ умнымъ человѣкомъ, рѣдко, впрочемъ, забывая, что этотъ умный человѣкъ своею «Correspondance Littéraire» нормировалъ взгляды многихъ дворовъ не на одни только произведенія искусства и явленія литературы.

Въ письмахъ императрицы къ Кейзерлингу и Стакельбергу, къ Потемкину, Вяземскому, Сиверсу, особенно-же къ Гримму, въ тѣхъ именно письмахъ, которыя были писаны ею безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, невольно бросается въ глаза и поражаетъ одна характерная черта, рѣзко выдающаяся—здравый смыслъ, прямое сужденіе, прелестный реализмъ. Въ то именно время, когда, вмѣстѣ съ Руссо, началось уже господство фальшивой чувствительности и дѣланой риторики, Екатерина остается простою и положительною, смотритъ на вещи прямо, всегда старается «схватать быка за рога», иногда ошибается, но никогда не принимаетъ слово за дѣло. Ея сужденіе всегда здраво, оцѣнка ясна,

приговоръ рѣзокъ, нерѣдко суровъ, но всегда понятенъ. Она ненавидитъ фразу, пустое многоглаголаніе. Трезвый, свѣтлый умъ императрицы ненавидитъ масоновъ, она презираетъ шарлатановъ всякаго рода, никогда не жалуется на обстоятельства, не переноситъ съ больной головы на здоровую, никогда не обманываетъ себя, никогда не обольщаетъ себя пустыми надеждами, всегда холодно, сухо разсчитываетъ, и расчесть ея рѣдко ошибоченъ.

Каково содержаніе, таковъ и слогъ. Очень оригинальный слогъ: нѣсколько небрежный, часто неправильный, но всегда ясный. Екатерина излагаетъ мысль очень кратко, но вполне понятно; чаще опускаетъ слова, чѣмъ-бы слѣдовало, и тѣмъ придаетъ своему слогу извѣстную терпкость. Ея изложеніе легко, живо, естественно, всегда образно. При выраженіи гнѣва, негодованія, слогъ Екатерины болѣе сжатъ, рѣзокъ, чѣмъ при изложеніи удовольствія, одобренія; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не встрѣчается многословія, тѣмъ болѣе приторнаго. Даже общія обзорнія европейскіхъ дѣлъ въ данную минуту выходить изъ-подъ пера Екатерины кратки и, во всякомъ случаѣ, не многорѣчивы. Особенно удаются ей портреты лицъ, гдѣ она одной, двумя чертами рисуетъ всего человѣка.

Екатерина выразилась въ своихъ письмахъ полнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ въ своихъ дѣяніяхъ. Это и понятно: она писала что хотѣла и дѣлала что могла.

Екатерина была монархиня самодержавная, но была-ли императрица вполне самостоятельна? Вопросъ не праздный: только человѣкъ вольный въ своихъ поступкахъ отвѣтствененъ за свои дѣянія, только самостоятельная личность вмѣняема. Не говоримъ о виѣншей политикѣ, гдѣ «свои» интересы необходимо ограничены «чужими»; но во внутренней политикѣ, гдѣ воля самодержавной монархини вполне неограниченна? Воля, конечно, ничѣмъ не ограничена, но проявленіе ея ограничено, и въ довольно значительной степени, исполнителями. Екатерина одна — исполнителей много; она только приказываетъ—исполняютъ приказаніе другіе. При исполненіи, воля императрицы иногда безсильна; всегда-ли она всесильна при изданіи повелѣній?

Знаменитый Наказъ императрицы былъ, по собственнымъ ея словамъ, «смягчаемъ, исправляемъ, прировняемъ» согласно указаніямъ «людей весьма разномысленныхъ», но настолько вліятельныхъ, настолько сильныхъ, что императрица должна была сообразоваться съ ихъ указаніями. Мало того: Наказъ былъ напечатанъ и публично читанъ въ засѣданіи законодательной комисіи, въ присутствіи 545 лицъ, въ томъ числѣ 346-ти непривилегированныхъ; очевидно, императрица желала сдѣлать свой Наказъ возможно болѣе извѣстнымъ, желала возможно болѣе распространить «приличныя къ узаконенію пункты». Между тѣмъ,

правительствующій сенатъ, указомъ отъ 24-го сентября 1767 года, постановилъ: разослать по всей Россіи всего лишь 57 экземпляровъ, только въ «вышія учрежденія», притомъ «съ подтвержденіемъ, чтобы оныя содержаны были единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ присутствующихъ, и чтобы оныя ни кому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ не только для списыванія, но и ниже для прочтенія даны были».

Парализовалась этимъ воля императрицы или нѣтъ? И это въ Петербургѣ, на глазахъ Екатерины—что же дѣлалось въ провинціяхъ, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, на окраинахъ? Вѣдь исполнителями были исключительно дворяне, выросшіе въ деморализующей школѣ крѣпостнаго права и отличавшіеся самодурствомъ. Въ центрѣ Россіи, въ Рязанской губерніи, въ 1783 году, не кто нибудь, а генераль-губернаторъ, генераль аншефъ М. Ѡ. Каменскій просилъ же смѣнить рязанскаго епископа Симона и прислать ему «свѣтскаго архіерея»!

Между тѣмъ эти именно дворяне признавались единственною опорою престола и съ ними приходилось считаться, такъ какъ «средняго рода людей» почти еще не было. Екатерина сдѣлала для дворянъ очень много. Насколько императрица упрочила самодержавіе, настолько же поддержала она дворянство. «Хотя я—писала Екатерина—лишена предразсудковъ и у меня умъ естественно философскій, я, сознаюсь, чувствую большую склонность чтить старыя фамиліи; я страдаю, видя ихъ обреченными почти до нищенства, и люблю возстановлять ихъ. Возстановлять ихъ значеніе можно предоставленіемъ старшему въ родѣ, если онъ того достоинъ, орденовъ и служебнаго положенія, и раздачею пенсій и даже помѣстій, сообразно нуждѣ и заслугамъ, съ условіемъ, чтобы они переходили къ старшему въ родѣ и были неотчуждаемы». Екатерина раздавала дворянамъ много помѣстій, увѣщивала ихъ орденами, назначала ихъ на «государственныя службы» и должна была убѣдиться, что не этими средствами поддерживаются старыя фамиліи. Сильнѣе чиновъ, отличій и «душъ» оказывалось крѣпостничество, жестоко мстившее за себя деморализаціей дворянства: помѣщикъ, теряя въ отношеніи къ своимъ крѣпостнымъ всякія понятія о правѣ и справедливости, терялъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувства чести и достоинства. Ради «прибытка мерзкаго», князь С. В. Гагаринъ жесвидѣтельствовалъ императрицѣ, такъ что Екатерина въ особомъ письмѣ спрашивала его: «ваше сіятельство, между нами сказать, гдѣ князя Сергѣя Васильевича честь, гдѣ совѣсть?» Съ такимъ же вопросомъ императрица по праву могла обратиться и къ другимъ старымъ фамиліямъ: князь Одоевскій мошенническимъ способомъ выманивалъ деньги, князь Барятинскій выдавалъ безденежныя векселя, князь Хованскій судился за обманъ, Нелединскій былъ сосланъ за сѣченіе своей матери плетью, князь Лобановъ обви-

нялся въ подлогѣ, графы Ефимовскіе преслѣдуютъ мать, князь Кантемиръ прокликаетъ родныхъ, генералъ-поручикъ Ржевскій обкрадываетъ содержателя клуба и т. д. и т. д. Когда, въ 1785 году, императрица, недовольствуясь пожалованіями и награжденіями отдѣльных лицъ, особою грамотою опредѣлила въ 92 пунктахъ «права, вольности и преимущества русскаго дворянства», современный мемуаристъ дополнилъ перечень правъ однимъ, упущеннымъ грамотою, правомъ: «Дворяне почитаютъ невѣжество своимъ правомъ; человекъ со свѣдѣніями не только не уважается, но обѣгается»; другой современникъ отмѣтилъ, что дворянскіе сѣзды отличались «пьянствомъ, буйствомъ, всякими гадостями и безпутствомъ»; въ одной Тамбовской губерніи болѣе сотни дворянъ судилось за «взятки, буйство, грабежи и воровство».

И отъ этихъ-то дворянъ, въ которыхъ Екатерина видѣла не болѣе какъ «наемниковъ», зависѣла императрица—на нихъ она опиралась, они были исполнителями ея предначертаній. Удивляться-ли, что намѣреніе Екатерины «сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными» обратилось въ положеніе «не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ»? Можно-ли винить Екатерину за то, что предписаніе императрицы «отыгнѣть всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ довольствоваться вольными наемными за договорную плату людьми» не имѣло практическаго результата и окончилось усмиреніемъ заводскихъ крестьянъ пушками? И эти дворяне, ищущіе «свѣтскихъ архіереевъ», самодурствующие въ своихъ помѣстьяхъ и пользующіеся даровымъ трудомъ на заводахъ, не только занимали всѣ высшія административныя и судебныя мѣста въ областномъ управленіи, но сидѣли въ центральномъ управленіи—въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и конторахъ, въ совѣтахъ и комиссіяхъ—толпились при дворѣ, стояли у трона, всюду парадировавъ своими правами на невѣжество и вліяя на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Вслѣдствіе этого, императрица Екатерина желала болѣе, чѣмъ могла сдѣлать добра для Россіи. Иностранецъ, бесѣдовавшій и переписывавшійся съ Екатериною, свидѣтельствуетъ, что «весь секретъ царствованія Екатерины заключался въ искорененія самыхъ основъ деспотизма и внушенія народу чувства свободы». Таково, дѣйствительно, было желаніе императрицы, и его можно услѣдять во многихъ ея распоряженіяхъ.

Московскій главнокомандующій графъ Я. А. Брюсъ запретилъ представленіе трагедіи, въ которой встрѣчается слѣдующая тирада:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
 Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
 Лязя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престогахъ,
 Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца?
 Въ монархѣ не всегда находимъ мы отпа.

Императрица была недовольна запрещеніемъ и приказала напечатать трагедію. Екатерина не разъ заявляла, что она въ душѣ республиканка, и въ 1778 году она «со скрежетомъ зубовъ» защищала англійскую конституцію. Но императрица искренно была убѣждена, что «всякое другое правленіе, кромѣ самодержавнаго, было бы Россіи вредно, даже разорительно» и много потрудила въ этомъ направленіи. Она безспорно много содѣйствовала искорененію деспотизма въ томъ смыслѣ, что вела постоянную и упорную борьбу съ грубостью, съ неуваженіемъ человѣческой личности, съ лихоимствомъ, съ насиліемъ всякаго рода, и тѣмъ вкореняла въ русскаго человѣка понятіе о чести, сознаніе своего достоинства, уваженіе къ правамъ и обязанностямъ гражданина, пробуждала общественную мысль, созидала общественность. Не только мы понимаемъ это, но и современники уже чувствовали: «Въ дни безсмертныя Екатерины II—говорить одинъ изъ нихъ — ея дѣянія и ея законы: не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить, безъ суда, мѣщанина и простолюдина—если не истребили, по крайней мѣрѣ, поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ».

Секретъ царствованія Екатерины выраженъ ею практичнѣе и прямѣе въ ея «секретнѣйшемъ наставленіи» генераль-прокурору князю А. А. Вяземскому, при назначеніи его на эту важную должность: «Вамъ должно знать съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ навящшее благополучіе и славу отечества и инаго не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого бы они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому-жъ лишь только стремятся, чтобы какъ извнутри, такъ и внѣ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Я весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Еще къ тому прибавлю, что я ласкательства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечнаго обхожденія и твердости въ дѣлахъ». Благополучіе страны и благоденствіе ея обитателей немислимы при деспотизмѣ, откуда онъ ни исходилъ бы, сверху или снизу; но, кромѣ тишины, удовольствіе и покой предполагаютъ, конечно, чувство свободы.

Иностраннѣйшій писатель и русская императрица сходятся въ указаніи идеала, разнымъ языкомъ рисуя ту же сущность. На сколько же жизнь оправдала эти указанія? Идеаль всегда недостижимъ, иначе онъ перестаетъ быть идеаломъ; въ положеніи же Екатерины, какъ императрицы самодержавной, даже стремленіе къ нему было въ значительной степени ограничено условіями, не ею созданными; въ этомъ отношеніи ей былъ указанъ предѣлъ, «его же не преидеши». Въ предѣлахъ же возможнаго Екатерина сдѣлала болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ го-

сударей прошлаго вѣка, и по праву занимаетъ мѣсто рядомъ съ Петромъ Великимъ.

Ея законодательные акты, инструкціи и распоряженія, ея литературныя произведенія, комедіи и сатиры отмѣчены новыми, гуманными идеями, вносившими западно-европейскій свѣтъ въ русскія потемки. Даже личная жизнь Екатерины, съ роскошнымъ дворомъ и фаворитами, много вліяла на смягченіе нравовъ и облагороживаніе формъ. Придворная роскошь, противъ которой такъ возстають князья Щербатовы прошлаго и нынѣшняго вѣка, не имѣла и не могла имѣть особеннаго значенія: ея дурное вліяніе ограничивалось весьма небольшимъ кругомъ людей, по бѣльшей части ничтожныхъ, недостойныхъ даже сожалѣнія, уже испорченныхъ крѣпостничествомъ. Такъ и относилась къ нимъ Екатерина, презиравшая придворныхъ «подлецовъ и ласкателей» и желавшая привлечь ко двору людей порядочныхъ: «Я слышу—писала она князю А. А. Вяземскому—что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человѣка; я-жъ надѣюсь вамъ опытами показать, что у двора люди съ семи качествами живутъ благополучно». Фаворитизмъ, конечно, зло, но, по сущности своей, зло беспочвенное, не пускающее корней, преходящее, не оставляющее слѣдовъ. Въ настоящее время даже нѣмецкіе историки, особенно строгіе къ Екатеринѣ, справедливо признають, что ея фавориты не имѣли вліянія на государственныя дѣла, и только наши историки-дилетанты усматриваютъ въ фаворитизмѣ прошлаго вѣка «почти государственное учрежденіе въ пользу лицъ, близость которыхъ къ императрицѣ составляла какъ бы должность». Роскошь при дворѣ и развратъ при фаворитахъ или безъ нихъ всегда были и будутъ. Придворная атмосфера никогда не бываетъ насыщена началами нравственности и морали; дворъ Екатерины не былъ въ въ этомъ отношеніи хуже своихъ предшественниковъ. Роскошь и развратъ, конечно, явленія непривлекательныя, но государственныя дѣла судятся по ихъ государственнымъ дѣламъ, не по ихъ частной, закулисной жизни.

Мелочи придворной *chronique scandaleuse* и клички фаворитовъ никого уже не интересуютъ и всѣми позабыты; на мысляхъ же Новикова воспитались цѣлыя поколѣнія лучшихъ людей, безкорыстно содѣйствовавшихъ Царю-Освободителю въ его славныхъ реформахъ и самоотверженно поработавшихъ на просвѣтленіе роднаго народа. Труды Радицева, воспитавшагося на идеяхъ екатерининской эпохи, остаются до настоящаго времени запретнымъ плодомъ для русскаго человѣка. Въ этихъ двухъ именахъ всего полнѣе и вѣрнѣе сказался секретъ славнаго царствованія Екатерины, не выключая и мученичества, перенесеннаго этими пионерами свободной русской мысли. Екатерина ихъ вырастила, Екатерина же ихъ и казнила, искренно убѣжденная, что они «перешли»

указанный предѣлъ. Но сѣмя уже было брошено и дало ростокъ. Титулованный русскій «наемникъ» такъ возмущался ссылкой Радищева: «Десять лѣтъ Сибири—это, вѣдь, хуже смерти. И это за вѣтреность! Къ чему же будутъ приговаривать за преступленія и формальные возмущенія?»

Внѣшняя политика Екатерины дорисовываетъ симпатичный образъ «великой монархини», высоко державшей знамя государственныхъ интересовъ Россіи. Русскій человекъ болѣе чувствовать, чѣмъ сознавалъ эту внѣшнюю политику—чувствовалъ въ рядѣ рекрутскихъ наборовъ, обычныхъ и чрезвычайныхъ, тяжело ложившихся на населеніе, и не всегда понималъ цѣли, преслѣдовавшіяся правительствомъ. Онъ удовлетворялся только успѣхомъ, и успѣхъ оправдывалъ императрицу вполне.

Во внѣшнихъ дѣлахъ Екатерина была еще менѣе свободна, чѣмъ во внутреннихъ. Задача и цѣли внѣшней политики были указаны историческимъ ростомъ Россіи и окончательно опредѣлены громомъ тѣхъ пушекъ, которыми Петръ Великій пробивалъ окно въ Европу. Только средства и способы зависѣли отъ Екатерины, и полный успѣхъ по всѣмъ пограничнымъ линіямъ—турецкой, польской и шведской—ясно свидѣтельствуешь, что императрица употребляла наиболѣе цѣлесообразныя средства для достиженія указанныхъ цѣлей.

Внѣшнія сношенія Екатерины начались не съ дипломатовъ, представителей коронованныхъ особъ, а съ философовъ, руководителей общественнаго мнѣнія Европы. Будучи великой княгиней, Екатерина читала философскія, политическія сочиненія единственно для собственнаго развитія, для просвѣщенія своего ума; ставъ императрицей, она вошла въ непосредственныя сношенія съ философами, имѣя въ виду не только ихъ вліяніе на общественное мнѣніе, но, главнѣйшимъ образомъ, ихъ сужденія и взгляды, ей вполне сочувственные. Чтеніе философовъ вѣка, особенно энциклопедистовъ, обогатило Екатерину такою политической зрѣlostью, которая не достигается ни практикой, ни опытомъ; но именно практическія соображенія и житейскій опытъ измѣнили позже въ значительной степени ея политическіе взгляды и убѣжденія, и, конечно, не въ томъ направленіи, которое могло бы порадовать философовъ, бывшихъ ея учителями.

Можно только удивляться уму и такту, съ которыми Екатерина завязывала и поддерживала свои сношенія съ философами. Въ ея перепискѣ съ Вольтеромъ и Даламберомъ, съ Дидро и Гриммомъ, въ ея отзывѣхъ о Галліани и Эйлерѣ, о Метастазіо и Галлерѣ виденъ свободный мыслитель и гуманистъ, и, въ то же время, человекъ вполне практическій, у котораго личный интересъ возведенъ въ философскій принципъ. Екатерина такъ умно и практично поставила себя относи-

тельно философовъ, что они являлись добровольными ея защитниками рѣшительно во всѣхъ ея предпріятіяхъ. Императрица такъ хорошо знала съ кѣмъ имѣеть дѣло, что всѣ «князи философіи» были за нее даже въ польскомъ вопросѣ. Польскихъ конфедератовъ они называли «сволочью», а въ Екатеринѣ видѣли чуть-ли не апостола вѣротерпимости и пионера цивилизаціи по отношенію къ Польшѣ. Въ то время какъ иностранные философы не только оправдывали вмѣшательство Екатерины въ польскія дѣла, но считали раздѣлъ Польши актомъ политической мудрости, русскій человекъ, графъ С. Р. Воронцовъ писалъ изъ Лондона своему брату графу Александру, президенту коммерцъ-коллегии: «Все, что вы и гг. Безбородко и Марковъ пишете мнѣ, чтобъ оправдать новый раздѣлъ Польши, не убѣждаетъ меня и не заставляетъ меня измѣнить мнѣнія, что это есть сдѣлка ничѣмъ не оправдываемаго вѣроломства. Само по себѣ это дѣло представляется слишкомъ явную несправедливостью; но вѣроломный способъ приведенія въ исполненіе дѣлаетъ его еще болѣе противнымъ. Если ужъ было рѣшено сдѣлать эту несправедливость, то слѣдовало прямо сказать, что грабятъ Польшу, чтобы отомстить ей за то, что она желала заключить наступательный союзъ съ турками противъ насъ; но вмѣсто этого говорятъ о дружбѣ, обнародываютъ манифестъ съ заявленіемъ, что ищутъ только блага Польши, что ей хотятъ обезпечить цѣльность ея владѣній и пользованіе ея старымъ правительствомъ, при которомъ она процвѣтала съ такимъ блескомъ въ теченіе столькихъ вѣковъ! Можно-ли воображать послѣ этого, что какой либо дворъ будетъ имѣть какое либо довѣріе къ намъ?»

Изъ всѣхъ философовъ, одинъ Дидро умѣлъ «истину царямъ съ улыбкой говорить». Прямой, даже рѣзкій Дидро говорилъ съ Екатериною искреннѣе другихъ и въ своихъ письмахъ напоминалъ ей объ обязанностяхъ государей. Поздравляя императрицу съ Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, Дидро пишетъ: «Возношу мольбы, чтобъ ваше величество занялись болѣе упроченіемъ мира, чѣмъ какимъ либо другимъ дѣломъ. Пора вашему величеству окончательно покрыться славой, мотивы которой исходили бы отъ васъ одной и которой вы были-бы обязаны только своему генію. Кровь тысячи враговъ не можетъ возратить вамъ стоимость одной капли русской крови. Частые военные триумфы составляютъ, безъ сомнѣнія, блестящія царствованія; но дѣлаютъ-ли они ихъ счастливыми? Благодаря успѣхамъ разума, инныя добродѣтели, чѣмъ добродѣтели Александровъ и Цезарей, снискиваютъ наше удивленіе. Убѣдились, что гораздо славнѣе и гораздо отраднѣе образовывать людей, чѣмъ убивать ихъ. Ваше величество дозволите-ли предложить ея вниманію, что хорошіе реформаторы, всегда рѣдкіе, особенно рѣдки въ тѣхъ именно странахъ, гдѣ они наиболѣе необходимы, и что люди

способные изменить къ лучшему порядокъ вещей въ государствѣ, являются послѣ большихъ промежутковъ».

Въ перепискѣ съ философами Екатерина является женщиной въ высшей степени умной, проницательной и практической. Она эксплуатируетъ ихъ насколько возможно, беретъ отъ нихъ все, что они дать могутъ, пользуется ихъ знаніями, ихъ вліяніемъ на общественное мнѣніе, но сама не подчиняется ихъ вліянію, дѣйствуетъ самостоятельно, какъ истый философъ. Приобрѣта довѣріе и «заслуживъ» похвалу знаменитыхъ «князей философій», Екатерина задаетъ имъ вопросы, приглашаетъ въ Россію, по ихъ указанію, ученыхъ, артистовъ, техниковъ, ремесленниковъ. Императрица была занята цѣлымъ рядомъ законодательныхъ работъ, заботилась объ учрежденіи образовательныхъ заведеній, поощряла промышленность, создавала новые рынки для торговли, проводила новые пути сообщенія, дѣлала грандіозныя постройки. По поводу всѣхъ этихъ трудовъ она хотѣла слышать мнѣніе философовъ, получить ихъ одобреніе; но ни ихъ политическихъ соображеній, ни ихъ соціальныхъ теорій она не придерживалась. Это и понятно: они высказывали желательное—она творила возможное. Позже Екатерина такъ, напр., отзывалась о своихъ бесѣдахъ съ Дидро: «Я долго и часто бесѣдовала съ Дидро, но болѣе ради любопытства, чѣмъ съ пользою. Если бъ я довѣрилась ему, пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи: законодательство, администрацію, политику, финансы, я должна была бы все уничтожить ради его непрактичныхъ теорій. Я ему откровенно сказала: г. Дидро, я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что внушилъ вамъ вашъ блестящій умъ; но изъ вашихъ общихъ принциповъ, которые я вполне понимаю, можно составить очень хорошія книги и лишь очень дурное управленіе страной. Во всѣхъ вышшихъ преобразовательныхъ планахъ, вы забываете различіе нашихъ положеній: вы трудитесь надъ бумагою, которая все терпитъ—она гладка, покорна и не представляетъ препятствій ни вашему воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, императрица, работаю на человѣческой шкурѣ, которая, напротивъ, очень раздражительна и щекотлива».

Внѣшняя политика Екатерины не представляется ни новою, ни самостоятельною—это продолженіе политики Петра В., выражавшей естественное тяготѣніе Россіи къ морю. При обширности территоріи, береговая линія Россіи была слишкомъ ничтожна, ограничиваясь Сѣвернымъ моремъ, лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году доступнымъ мореплаванію. Заменить неприятое Сѣверное море гостепримнымъ Балтійскимъ и доставить южной Россіи доступъ къ Черному морю—таковъ смыслъ внѣшней политики Петра I. Екатерина II только dokonчила начатое Петромъ I—приобрѣла Крымъ и присоединила Курляндію.

Было время, когда «восточный вопрос» еще не народился, когда турки понимались всеми за турокъ, когда христіанская Европа видѣла въ Россіи свою будущую избавительницу отъ мусульманской Турціи; было время, когда Европа просила Россію взять Константинополь и прогнать турокъ въ Азію. Вскорѣ послѣ разгрома турокъ польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ подъ Вѣною, въ маѣ 1684 года прибыли въ Москву послы императора. Въ присутствіи правительницы Софіи, посолъ баронъ Блумбергъ говорилъ малолѣтнимъ царямъ Ивану и Петру, которому было тогда 12 лѣтъ, что пораженіе подъ Вѣной нанесло такую рану Турціи, отъ которой она не излечится уже никогда, и прибавилъ: «Черное море страстно желаетъ принять васъ въ свои распростертые объятія. Какъ прежде Россіи трудно было стать твердою ногою въ Крыму, такъ въ настоящее время вамъ легко это исполнить. Возьмите Константинополь, въ которомъ долженъ находиться престолъ вашихъ патриарховъ». Спустя сто лѣтъ Екатерина II убѣдилась, что «dire et faire sont deux». Фаворитъ царевны Софіи «великій» Голицынъ два раза ходилъ на крымскихъ татаръ и оба раза безуспѣшно; Петръ В. два раза осаждалъ Азовъ, воевалъ съ Турціею, и лишь навсегда уничтожалъ «поминки» крымскому хану; Екатерина же рѣшилась пробитую Петромъ просьбу къ Черному морю обратить въ торную дорогу. Она вела двѣ войны съ Турціею: первую было подготовлено завладѣніе Крымомъ, вторую было обезпечено обладаніе этимъ полуостровомъ. Извѣщая императора Иосифа II о приобрѣтеніи Крыма, Тамани и Кубанскаго края, Екатерина прибавляла: «Les provinces et les îles qui passent sous la domination de l'Empire de Russie forment ma dot». Не инныя земли, не Бѣлоруссія, не Курляндія, а именно Крымъ составляетъ ея приданое—этимъ ясно указано значеніе этого приобрѣтенія въ глазахъ богатой безурядницы Екатерины.

Турецкія войны, первая и вторая, длились болѣе десяти лѣтъ и потребовали большаго напряженія народныхъ силъ, политической прозорливости и дипломатическаго такта. Несмотря на естественную сосѣдскую зависть и вопреки пресловутаго европейскаго равновѣсія, Россія не осталась изолированной; напротивъ: во время первой турецкой войны, Европа въ лицѣ не только Италіи, но даже Англій, сочувственно относилась къ успѣхамъ русскаго оружія; во время второй — войска римскаго императора содѣйствовали пораженію Турціи. Результатъ соответствовалъ усиліямъ: съ приобрѣтеніемъ Крыма, Черное море стало для русскаго флота Эвксиномъ, и береговая на немъ русская линія получила въ главныхъ чертахъ то протяженіе, которое сохраняетъ и нынѣ. Никто изъ русскихъ государей ранѣе Екатерины и никто позже ея не достигалъ подобныхъ результатовъ въ войнахъ съ Турціею.

Екатерина II осуществила намѣренія Петра I; ея преемникамъ были не подъ силу ея указанія въ этомъ направленіи.

Безкровное, по добровольному желанію мѣстныхъ жителей, присоединеніе Курляндіи увеличило протяженіе русской береговой линіи на Балтійскомъ морѣ болѣе чѣмъ на 300 верстъ. Завѣтная мечта Петра I была осуществлена Екатериной II. Подобно Петру В., она смотрѣла на Курляндію не съ узкой, націоналистической, а съ широкой, государственной точки зрѣнія и, вскорѣ по воцареніи, повелѣла торжественно объявить «рыцарству и земству, что мы ихъ въ особливомъ покровительствѣ, слѣдовательно и при ихъ вѣрѣ, правахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ, на такомъ основаніи, какъ оныя во время подверженія были и отъ королей польскихъ клятвою утверждены, содержать и защищать намѣрены, отнюдь не допуская, чтобъ въ томъ какая либо отиѣна къ ихъ предосужденію учинена была». Это не были пустыя обѣщанія, и Курляндія, даже послѣ своего присоединенія къ Россіи, въ 1795 году, испытала на себѣ, до какой степени Екатерина уважала законныя ея права и привилегіи.

Еще менѣе самостоятельна, менѣе оригинальна была политика Екатерины въ польскомъ вопросѣ. Будучи еще великою княгинею, она категорически заявляла, въ 1758 году, что для Россіи полезна «счастливая анархія, въ которую погружена Польша и которою распоряжаемся мы по своей волѣ—Петръ I, знакомый съ дѣломъ, объявилъ себя въ 1717 г. поручителемъ за свободу Польши и врагомъ того, кто посягнетъ на нее». Спустя болѣе тридцати лѣтъ, императрица тѣмъ-же мотивомъ объявила свою польскую политику: «По польскимъ дѣламъ—писала она въ 1792 г.—не было еще слѣдовано отъ 1717 г. иному проекту, окромѣ одинакому, то-есть чтобъ сохранить республику и вольность ея, колико возможно, въ цѣлости». Только при анархіи «мы распоряжаемся Польшею по своей волѣ», и не Екатерину, конечно, можно обвинять въ разрушеніи этого польскаго нестроенія: русская самодержица возстаетъ противъ стремленія польскихъ королей къ самодержавію; уничтоживъ малороссійское гетманство, она хлопочетъ о восстановленіи въ Польшѣ гетманства, «яко преграды могуществу королевскому»; она поддерживаетъ гибельное для Польши *liberum veto*, она обѣщаетъ «не отступить даже передъ самимъ чортомъ», лишь бы уничтожить конституцію 3-го мая 1791 года. И не только направленіе политики въ польскомъ вопросѣ не принадлежитъ Екатеринѣ, даже форма исполненія, раздѣлы Польши, не ею придуманы: *les principes ont été trouvés et proposés par la cour de Vienne*, писала она Иосифу II.

Польскій вопросъ, въ той или другой формѣ, то какъ угроза, то какъ соблазнъ, служить въ теченіе трехъ вѣковъ однимъ изъ основныхъ мотивовъ международныхъ сношеній Россіи съ государствами западной

Европы, преимущественно съ польскими сосѣдями, Австрією и Пруссією. Этотъ мотивъ сталкивается съ другими, иногда отодвигается ими на задній планъ, переплетается то съ турецкими посягательствами, то со шведскими притязаніями, но всегда его можно услѣдить, всегда онъ играетъ роль болѣе или менѣе видную. Въ 1573 году императоръ Максимилианъ II предложилъ царю Ивану Васильевичу Грозному раздѣлять Польшу: польское королевство присоединить къ Австріи, княжество Литовское—къ Россіи; спустя 200 лѣтъ, въ 1772 году, мысль Максимилиана начала приводиться въ исполненіе, и скоро Польша, какъ самостоятельное государство, исчезла и земли ея были подѣлены между Россіей, Пруссіей и Австріей. Но не одна только Польша, турецкія дѣла на югѣ приводили Россію въ такую же тѣсную связь съ Австрією, какъ шведскія на сѣверѣ—съ Пруссією.

Въ сношеніяхъ съ германскими государствами, съ Австрією и Пруссією, Екатерина дѣйствовала вполне самостоятельно. Польша, Турція и Швеція, какъ главные мотивы, завязавшіе сношенія Россіи съ Австрією и Пруссією, имѣли при Петрѣ I иное значеніе, чѣмъ при Екатеринѣ II. Петръ I установилъ свою «славную систему», въ которой Россія являлась союзницей Австріи. Эта система продолжалась во всю первую половину XVIII столѣтія и привела Россію къ участию въ Семилѣтней войнѣ, вполне чуждой русскимъ интересамъ. Во всю вторую половину прошлаго вѣка дѣйствовала совершенно иная система: Екатерина II не только сама счумѣла жить въ мирѣ съ обоими врагами, съ Австрією и Пруссією, но умѣрляла ихъ взаимную непріязнь, мирила ихъ насколько могла. Съ замѣчательною осторожностью и съ большимъ политическимъ тактомъ пользовалась Екатерина враждою своихъ сосѣдокъ, чтобъ предписывать имъ обѣимъ свою волю и заставить ихъ идти по пути, ею избранному, настолько, что уже въ 1779 году обѣ германскія державы сами просили посредничества русской императрицы въ рѣшеніи чисто германскаго вопроса о баварскомъ наследствѣ. Вліяніе Екатерины на самыя германскія дѣла было неотразимо и надолго оставило по себѣ глубокой слѣдъ. Она дала Даніи ту знаменитую гарантію на владѣніе Шлезвигъ-Гольштейномъ, о которую разбились всѣ стремленія нѣмецкихъ патріотовъ 1848 года; она же подала Австріи первые надежды на обладаніе Венеціей, съ покоренія которой вражда между Австріей и Италіей становится непримиримою.

Еще сильнѣе, еще рѣзче сказалось вліяніе внѣшней политики Екатерины не на Германію только, даже не на одну Европу, но на весь торговый міръ изданными ею правилами вооруженнаго нейтралитета, этого, по словамъ Фридриха II, «морскаго устава, защищающаго торговлю отъ всякаго морскаго разбойничества».

Екатерина не любила «народныхъ волненій» и первое извѣстіе о воз-

станіи англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ приняла за пустой газетный слухъ. Американскіе каперы вскорѣ доказали, что это вовсе не пустой слухъ, а серьезный протестъ противъ метрополи. «Знаете-ли— писала Екатерина II въ 1778 г.—какой вредъ наносятъ мнѣ американскіе каперы? Они захватываютъ торговые суда, выходящіе изъ Архангельска! Они занимались этимъ прекраснымъ ремесломъ въ іюнь и августѣ, но даю вамъ слово, что первый, кто затронетъ архангельскую торговлю въ будущемъ году, жестоко поплатится за это—я, вѣдь, не Георгъ III и меня нельзя безнаказанно водить за носъ». Къ американскимъ каперамъ присоединились вскорѣ и англійскіе корсары. Екатерина сердилась; англійскій посланникъ старался ее успокоить. «Вы притѣсняете мою торговлю,—сказала она Гаррису,—вы задерживаете мои корабли; всему этому я придаю особенное значеніе: торговля—мое дѣтище, и вы не допускаете, чтобъ я сердилась?» Это было сказано осенью 1779 года, а 28-го февраля 1780 г. Екатерина подписала знаменитую «декларацию воюющимъ державамъ», т. е. дворамъ версальскому, мадридскому и лондонскому, въ которой изложила «правила морскаго нейтралитета» для «охраненія свободы морской торговли». Насколько декларация отвѣчала общей потребности, видно изъ того, что всѣ нейтральныя державы присоединились къ ней: Данія и Швеція, Австрія и Пруссія, Португалія, королевство Обѣихъ Сицилій; даже Англія должна была уступить, и тайныя инструкціи, данныя ею своимъ крейсерамъ и каперамъ были согласованы съ декларациею, такъ что «къ концу войны каперы почти совершенно исчезли, и торговля нейтральныхъ процвѣтала въ самомъ разгарѣ войны, какъ бы среди глубочайшаго мира».

Белая, гуманная идея, положенная въ основу вооруженнаго нейтралитета—обеспечить невоюющимъ блага мира—всѣмъ принадлежитъ Екатеринѣ II. Враги великой императрицы, не только чужіе, но и свои, не только прежде, но и теперь, не понимая ея высокаго государственнаго ума, оспаривали и оспариваютъ у нея честь создательницы этого «чуда», по отзыву Фридриха II. Это «чудо» приписывали то графу Панину, то самому-же Фридриху. Екатерина категорически опровергла эти нелѣпыя догадки «Это неправда—вооруженный нейтралитетъ вышелъ изъ головы Екатерины II и ничьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что въ одно прекрасное утро эта мысль была высказана императрицей какъ бы по вдохновенію. Графъ Панинъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, такъ какъ мысль эта не принадлежала ему, и стоило большаго труда уяснить ему самую мысль; это было поручено Бакунину, и затѣмъ уже Панинъ приложилъ свое стараніе».

Въ послѣдніе годы своей жизни Екатерина II проявила по вѣшнимъ именно дѣламъ такую мощь духа, такую «неустранимую твер-

дось», которая обезпечила за Россією первенствующее значеніе въ Европѣ.

Въ 1787 году, праздноу 25-ти-лѣтіе своего царствованія, Екатерина издала милостивый манифестъ народу и предприняла знаменитое таврическое путешествіе, въ которомъ пріяли участіе какъ представители державъ, такъ и коронованныя особы—императоръ австрійскій, союзникъ Россіи, и король польскій, ея ставленникъ. Путешествіе императрицы на югъ Россіи, въ Крымъ, такъ еще недавно подвластный Турціи, путешествіе по Днѣпру, устье котораго во власти еще турокъ, обезпечило Порту Оттоманскую. Для встрѣчи и сопровожденія императрицы, на югъ, къ Днѣпру, были стянуты войска. Въ заграничныхъ газетахъ писали, будто близъ Кіева была собрана 100,000 армія, подъ командою Румянцова, будто въ Херсонѣ расположенъ таковой-же корпусъ, подъ командою князя Потемкина, и будто до 60,000 войскъ были разсыяны небольшими отрядами на всемъ пути слѣдованія императрицы. Стягиваніе такихъ силъ на турецкую границу могло уже само по себѣ встревожить турецкое министерство, но эта тревога усиливалась еще чисто вызывательными манифестаціями, въ родѣ надписи на одной изъ триумфальныхъ арокъ: «Путь въ Константинополь». Екатерина не успѣла возвратиться изъ таврическаго путешествія, какъ началась вторая турецкая война.

Союзъ Россіи съ Австрією измѣнилъ всѣ «политическія конъюнктуры» Европы и вызвалъ такія дипломатическія «посрамленія», которыя угрожали обоимъ императорскимъ союзникамъ несравненно большими опасностями, чѣмъ война съ Портою Оттоманскою, ради которой состоялся австро-русскій союзъ. Вслѣдъ за войной турецкой, Англія и Пруссія подвигли короля шведскаго Густава III начать войну съ Россією, и въ то время, когда Россія должна была воевать на два фронта, съ турками на югѣ и со шведами на сѣверѣ, Пруссія угрожаетъ Австріи второю войною. Пруссія вооружается и поднимаетъ Польшу противъ Россіи и Австріи; Англія платитъ субсидіи Густаву III и готова отправить свой флотъ въ Балтику. Дошло до того, что графъ Кауницъ предлагалъ Іосифу II отказаться отъ земельныхъ приобрѣтеній по первому раздѣлу Польши, а князь Потемкинъ совѣтовалъ Екатерину II возвратитъ туркамъ Крымъ и заключитъ союзъ съ Пруссією и миръ со Швецією. Положеніе было очень серьезное, даже критическое, и только твердость императрицы спасла «честь и цѣлость» имперіи.

«На оставленіе Крыма — писала императрица князю Потемкину— воля твоя, согласиться не могу: объ немъ идетъ война, и естля сіе гнѣздо оставить, всѣ труды и заведенія пропадутъ и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи. Ради Бога, не пушайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно. Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сой-

деть-ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ?» Относительно же союза императрица высказала ему такое мнѣніе: «Я начинаю думать, что намъ всего лучше не имѣть никакихъ союзовъ, нежели переметаться то сюда, то туда, какъ камышь во время бури. Сверхъ того, военное время не есть періодъ для сведенія связи. Я къ отмищенію не склонна, но что чести моей и имперіи и интересамъ ея существеннымъ противно, то ей и вредно; провинцію за провинцію не отдамъ; законы себѣ предписать кто дастъ? Они дойдутъ до посрамленія, ибо никому подобное никогда еще не удавалось. Они позабыли себя и съ кѣмъ дѣло имѣютъ; въ томъ и надежду дураки кладутъ, что мы уступчивы будемъ. Возьма Очаковъ и сдѣлай миръ съ турками, тогда увидишь, что осядутся, какъ снѣгъ на степи постѣ оттепели, да поползутъ какъ вода по отлогимъ мѣстамъ».

Поэтическое сравненіе Екатерины оправдалось: правда, оттепели пришлось ждать три года, но оттепель пришла, и всѣ прусскія и англійскія посрамленія расплозились, какъ весенняя вода по отлогимъ мѣстамъ. 3-го августа 1790 года заключенъ верельскій миръ со Швеціею, палъ Очаковъ, палъ Измаилъ, и 11-го августа 1791 г. подписаны въ Яссахъ прелиминаріи мира съ Турціею. Извѣщая князя Потемкина о мирѣ со Швеціею, Екатерина писала ему: «Одну лапу мы изъ грязи вытащили, какъ вытащишь другую, то пропоемъ аллилуія». Послѣ Ясского мира 1791 г. Екатерина имѣла полное право пропѣть аллилуія.

Въ виду стойкости и неуступчивости Россіи, смолкли прусскія и англійскія угрозы. «Пруссакъ паки заговариваетъ полякамъ, чтобы ему уступили Данцигъ и Торунь, сей разъ на нашъ счетъ, лаская ихъ имъ отдать Бѣлоруссію и Кіевъ. Онъ всесвѣтнѣй распорядитель чужаго», писала Екатерина. Чужимъ распоряжаться оказалось, однако, не легко: Бѣлоруссія и Кіевъ остались за Россіею, ни Данцига, ни Торна Пруссія не получила. Не удался и угрозы Англій, гдѣ англійскій парламентъ защитилъ Россію отъ англійскаго министерства. Когда Питтъ, во время дебатовъ въ палатѣ, открыто заявилъ, что «вооруженный флотъ предназначенъ для дѣйствія противъ Россіи, безмѣрное честолюбіе которой необходимо ограничить, какъ равнымъ образомъ необходимо воспрепятствовать окончательному разрушенію Оттоманской имперіи», со стороны оппозиціи послышались рѣчи, отличавшіяся небывалою смѣлостью, и, наконецъ, громкая рѣчь Фокса, который сильно напалъ на политику Питта, «дабы камора и вся нація знали, въ какую пагубу и безчестіе ее вовлекаютъ». На другой день на улицахъ Лондона расклеены были афиши: «No war against Russia».

Верхомъ дипломатическаго искусства является положеніе, занятое Екатериною относительно большой французской революціи. Какъ императрица, обладавшая высокимъ государственнымъ умомъ, она обвиняла королевскую власть во Франціи въ крайней слабости, не счумѣвшей

своевременными реформами предупредить самую возможность революціоннаго движенія; какъ монархія самодержавная, она не только не признавала этой революціи, она даже не понимала ея смысла. Никто не говорилъ болѣе Екатерины противъ французской революціи и никто менѣе Екатерины не сдѣлалъ для противодѣйствія ей. Она находила, что весь этотъ переворотъ не стоитъ «капля русской крови», и если поддерживала принципъ власти, то лишь мѣрами, не нанесившими Россіи никакого ущерба; но въ то же время Екатерина воспользовалась въ полной мѣрѣ замѣшательствами, вызванными въ Западной Европѣ французскою революціею, для достиженія ближайшихъ реальныхъ выгодъ въ чисто русскихъ интересахъ.

Говорять и повторяють, будто большая французская революція заставила Екатерину отречься отъ своихъ идеаловъ и обратиться противъ французскаго народа, который она такъ долго боготворила, и противъ своихъ же учителей, французскихъ философовъ; увѣряють даже, будто «при первыхъ же раскатахъ революціоннаго грома» Екатерина приказала убрать съ ея глазъ бюстъ Вольтера. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе несправедливое и неосновательное. Какую Екатерина была до революціи, такую же осталась она и послѣ революціи. Кто изъ французскихъ «философовъ» былъ ея учителемъ? Не Руссо, конечно, котораго она не выносила за его проповѣдь превосходства нравственнаго воспитанія предъ развитіемъ умственныхъ способностей, и на борьбу котораго съ культурою смотрѣла, какъ на богомерзкую ересь противъ религіи вѣка. Во французской революціи Екатерина видѣла движеніе, прямо противное духу Вольтера и философовъ. «Что же сдѣлають французы—писала она въ 1790 году—съ своими лучшими писателями, которые всѣ, и даже Вольтеръ, роялисты, всѣ проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе? Сожгутъ ли французы произведенія своихъ философовъ? Если же не сожгутъ, то почерпнутъ изъ этихъ произведеній принципы, противорѣчащіе ихъ системѣ». Черезъ три года, въ 1793 году: «Итакъ, въ концѣ XVIII столѣтія стало, кажется, заслугою убивать людей, и меня хотять увѣрить, будто Вольтеръ проповѣдывалъ убійство — вотъ какъ дерзають клеветать на людей». На заявленіе, что ученіе французскихъ философовъ подготовило революцію, Екатерина возражала: «Французскіе философы впали, быть можетъ, въ одну только ошибку — они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей». Въ чемъ же революція измѣнила взглядъ Екатерины на философовъ?

Не философовъ, короля Людовика XVI обвиняла Екатерина II за революцію, которой совершенно не понимала и, какъ самодержица, не могла понимать. «Какой же Людовикъ XVI король! Онъ всякій вечеръ пьянъ и имъ управляетъ кто хочетъ—Бретейль, принцъ Конде, графъ

*

Артуа, наконецъ, Лафайеттъ». Получивъ извѣстіе о новой французской конституціи, Екатерина писала: «Ну, вотъ, Людовикъ XVI вѣлѣпилъ-таки свою подпись подъ этою нелѣпой конституціей и снѣшить привести присягу, которой, конечно, не сдержитъ. Кто эти безсмысленные люди, заставляющіе его дѣлать подобныя глупости? Это, вѣдь, значить ронять себя, унижаться, дѣлать себя презрѣннымъ:

Renoncer aux dieux, que l'on croit dans son coeur
C'est le crime d'un lâche, et non pas une erreur.

Съ государственною прозорливостью, ее отличавшею, Екатерина еще въ 1789 г. предсказала, что Людовика XVI постигнетъ участь Карла I.

Французская революція ширится и растетъ; ея идеи распространяются съ необыкновенною быстротою, ея задачи усваиваются съ поразительною легкостью. Французская «эпидемія», какъ называла ее Екатерина, заражаетъ всѣхъ. Ея «внутренніе противники», эмигранты, разсѣивались все далѣе и далѣе отъ предѣловъ Франціи. Савойя, Швейцарія, Люксембургъ и Бельгія были первыми этапами эмиграціоннаго движенія; только позже, потерявъ уже надежду на скорое возвращеніе, эмигранты появляются въ Англію, Австрію, въ Польшу и, наконецъ, въ Россію. Екатерина однихъ принимаетъ въ русскую службу, другимъ оказываетъ денежную помощь, всѣмъ сочувствуетъ, громко заявляетъ о необходимости составить коалицію для возстановленія монархической власти во Франціи, пишетъ въ этомъ смыслѣ въ Вѣну, Берлинъ и Стокгольмъ, всѣмъ обѣщаетъ свое «скорое и дѣятельное участіе», но войскъ своихъ противъ «французскихъ мошенниковъ» сама не посылаетъ и другимъ не даетъ. Когда прусскій король просилъ оказать ему союзную помощь, хотя бы только 2.000 казаковъ, Екатерина отказала; подобный же отказъ былъ сообщенъ и въ письмѣ къ англійскому королю. Почему?

Екатерина вполне спокойна относительно Россіи—французская «эпидемія» ее не заразитъ. Императрица думаетъ и заботится, прежде всего, о Россіи; Франція ее ни мало не беспокоитъ и очень мало интересуется. У нея свои дѣла, свои заботы—война съ Турціею, нелады съ Пруссіей и Англіей, счеты съ Польшею, столкновение съ Швеціею. До Франціи ли ей! Но «французскій пожаръ» вспыхнулъ, и было бы большою ошибкою не воспользоваться имъ. Екатерина такой ошибки не сдѣлаетъ: всѣ заинтересуются пожаромъ и не будутъ мѣшать ей. «Je me casse la tête, говоритъ она своему секретарю, чтобъ подвинуть вѣнскій и берлинскій дворы въ дѣла французскія. Пруссскій бы пошелъ, но останавливается вѣнскій. Je veux les engager dans les affaires pour avoir les soudées franches. У меня много предпріятій неоконченыхъ, и надобно, чтобъ они были заняты и мнѣ не мѣшали».

Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ французской революціи, совпадаю-

щихъ съ послѣдними годами жизни Екатерины II, Россія вела двѣ войны, до 1790 г. со Швеціею, до 1791 г. съ Турціею, съ 1791 года по 1795 годъ происходили раздѣлы Польши, въ 1795 году началась война съ Персіею. Вотъ тѣ существенные, реальные интересы Россіи, которые Екатерина ставила на первый планъ и которые въ ея глазахъ были несравненно важнѣе всѣхъ революцій на далекомъ Западѣ.

Всегда и во всемъ, въ дѣлахъ внутреннихъ, какъ и въѣшнихъ, одно стремленіе, одна цѣль—«дѣло строенія земли Русской», реальные интересы Россіи, которой Екатерина посвятила всю свою жизнь. Благодаря ея «долговременной службѣ государству», Россія въ 34-лѣтнее царствованіе Екатерины не только окрѣпла и возмужала, но культивировалась и просвѣтилась. Европа не чуждалась уже Россіи, но искала союза съ нею, и въ русскихъ людяхъ не видѣла уже москвитовъ, *rien du Sarmate et du Goth*. Все это, конечно, лишь относительно, лишь сравнительно, но этимъ мы обязаны всецѣло Екатеринѣ.

И этой то Екатерины II мы до сихъ поръ не знаемъ. Мы лишены возможности нарисовать ея правдивый портретъ. Какъ бы преддугадывая затрудненія за сто лѣтъ впередъ, Екатерина и въ этомъ помогла намъ, набросавъ «приблизительно» свой портретъ въ 1791 году, за пять лѣтъ до своей кончины, когда ей шелъ уже 62-й годъ.

«Я никогда не считала свой умъ творческимъ; я встрѣчала много людей, въ которыхъ находила, безъ зависти и ревности, болѣе ума, чѣмъ въ себѣ. Руководить мною всегда было очень легко—достаточно было представить мнѣ лучшія и болѣе основательныя мысли, чѣмъ мои, и я становилась послушна, какъ овечка. Причина этого кроется въ сильномъ желаніи, которое я всегда имѣла, содѣйствовать благу государства. Мнѣ посчастливилось узнать благіе и истинные принципы, чему я и обязана большими успѣхами. Я имѣла неудачи, происшедшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я лично неповинна и которыя, быть можетъ, случились только потому, что мои распоряженія не были точно исполнены. Несмотря на всю гибкость моей натуры, я умѣла быть упряма или настойчива, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это необходимо. Я никогда не стѣсняла ничего мнѣнія, но при случаѣ держалась своего собственнаго. Я не люблю споровъ, такъ какъ всегда замѣчала, что всякій остается при своемъ убѣжденіи; въ тому же я не могла бы никого перекричать. Никогда не была я злопамятна. Провидѣніе поставило меня такъ высоко, что, взвѣсивъ все по справедливости, я не могла мѣряться съ частными людьми и не находила равной себѣ партіи. Вообще, я люблю справедливость, но держусь того мнѣнія, что безусловная справедливость не есть справедливость, и что лишь условная справедливость совмѣстна съ слабостью человѣческой. Но во всѣхъ случаяхъ я предпочитала человѣколюбіе и снисходительность правиламъ строгости, кото-

рую, какъ мнѣ казалось, часто дурно понимаютъ. Къ этому привело меня мое собственное сердце, которое я считаю нѣжнымъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ суровость, я, заливаясь слезами, признавалась въ своей слабости и видѣла, какъ они, со слезами же на глазахъ, присоединялись къ моему мнѣнію. Я по природѣ своей весела и искренна, но я долго жила на свѣтѣ и знаю, что есть желчныя умы, не любящіе веселости, и что не всѣ способны терпѣть правду и откровенность».

Въ этой автобіографической замѣткѣ много характерныхъ чертъ, но особенно интересна послѣдняя, о правдѣ и откровенности. Эта важная черта для человѣка вообще приобретаетъ особенное значеніе для государя, тѣмъ болѣе самодержавнаго, какъ Екатерина II. Еще ребенкомъ ненавидѣла она ложь и обманъ. «Самою мерзкою изъ всѣхъ ролей мнѣ всегда казалась роль обманутой; бывши еще ребенкомъ я горько плакала, когда меня обманывали», писала Екатерина. Въ своемъ Наказѣ она категорически заявляетъ: «Ложь изъ всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ». Если же ее обманывали, если ея именемъ злоупотребляли, это вредное и злое неудобство должно быть отнесено къ особенностямъ не ея личности, а того принципа, который она представляла. Современникъ Екатерины, ею вполне уважаемый и высоко цѣнимый, свидѣтельствуетъ: «Императрица должна по неволѣ вѣрить, что города, для которыхъ отпущены ею громадныя суммы, уже застроены, между тѣмъ, какъ нерѣдко встрѣчаются города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, дверей и оконъ».

Все это необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки императрицы Екатерины II и еще болѣе, быть можетъ, нужно принимать въ соображеніе, что «не всѣ политическіе пороки суть пороки моральные и не всѣ пороки моральные суть политическіе пороки», какъ императрица сама начертала въ своемъ знаменитомъ Наказѣ.

Современники, свои и чужіе, не только видѣвшіе Екатерину, но и знавшіе ее, сходятся въ своихъ отзывахъ объ императрицѣ. Человѣкъ вспоминая русскій, свободомыслящій и правдивый князь Ѡ. Н. Голицынъ, видѣвшій Екатерину живою и мертвою, такъ записалъ свое о ней сужденіе: «Екатерина II была необыкновенная монархиня. Превосходное ея понятіе, точность и справедливость въ разсужденіяхъ, большая память и даръ объяснять свои мысли самымъ лучшимъ и яснымъ образомъ, съ прочими всѣми пріятностями женскаго пола, а при этомъ, когда ей надлежало, имѣла самый величественный видъ, умѣла себя воздерживать въ первомъ движеніи и властвовала во многомъ собою. Объ ней говоря, можно смѣло сказать, что имѣла всѣ достоинства, составляющія великаго государя». Иностранецъ, послѣдній изъ версальскихъ петиметровъ, князь Де-Линъ нарисовалъ восторженный «портретъ Екатерины II», во многомъ подтверждающій и автобіографическую замѣтку, и сужденіе

князя Голицына. Отзывъ его, какъ иностранца, замѣчательнъ именно тѣмъ, что основанъ на чувствахъ русскаго народа къ своей матушкѣ-государынѣ. Вотъ что, между прочимъ, записалъ князь Де-Линь при первомъ извѣстїи о кончинѣ Екатерины II: «Клевета, вырвавшая цвѣты съ могилы Марїи-Антуанеты, захочетъ, быть можетъ, вырвать и лавры съ могилы Екатерины Великой. Самозванные собрателѣ анекдотовъ, памфлетисты, историкѣ-диллетанты, люди пустые, злонамѣренные или коварные захотятъ, быть можетъ, умалить славу Екатерины—это имъ не удастся, и она восторжествуетъ, благодаря тому, что я самъ видѣлъ, путешествуя съ нею по Россїи: благодаря любви и восторгу ея подданныхъ, ея народа».

Всѣ лица, русскїе и иностранцы, видѣвшїе и говорившіе съ императрицею Екатериною, были въ восторгѣ отъ ея любезнаго приѣма, были обворожены ея простымъ обхожденїемъ. Между тѣмъ, сама Екатерина находила, что много теряетъ при ближайшемъ знакомствѣ съ нею: *je ne suis bonne qu'à être vue de loin*, не разъ писала она. Издалека, на разстоянїи ста лѣтъ, императрица Екатерина II представляется женщиною привлекательною, правительницею мудрою, государынею великою. Нѣмка по рожденїю, она проводитъ въ политикѣ внутренней и вѣншей чисто русскїе интересы; лютеранка по вѣрѣ, она является защитницею православїя; мелкая нѣмецкая принцесса, она широко раздвигаетъ предѣлы Россїйской имперїи и продолжаетъ внутреннюю политику Петра I въ смыслѣ распространенїя европейской образованности среди полуазїатскаго русскаго общества. Она пишетъ законы, создаетъ промыслы, развиваетъ торговлю, организуетъ войско, просвѣщаетъ народъ и, минуя «родную» Германїю, протягиваетъ руки къ французскимъ философамъ, «обкрадывая» Монтескье, переписываясь съ Вольтеромъ и Даламберомъ, призывая въ Петербургъ Фальконета Дидро и другихъ многихъ. Всегда и во всемъ одна задача, одна цѣль: польза Россїи, благо русскаго народа—польза реальная, благо практическое.

Реализмъ, какъ во внутренней, такъ и во вѣншей политикѣ—основная черта государственнаго характера Екатерины. Будучи великою княгинею, она много читала, знакомилась со всевозможными теорїями; ставъ императрицею, она обращаетъ преимущественно вниманїе на практику. Она не противъ теоретическихъ мечтанїй какого-нибудь Дидро или Даламбера, но ей дороже чувствительная шкура русскаго человѣка. Чтобы узнать Россїю, она не только созываетъ выборныхъ со всей имперїи, но сама путешествуетъ и снаряжаетъ экспедицїи въ наименѣе изслѣдованныя окраины государства. Она плаваетъ по Ладожскому каналу, по Волгѣ и по Днѣпру, ѣздитъ въ Прибалтїйскїя провинцїи и въ Финляндїю, въ Бѣлоруссїю и въ Крымъ, все хочетъ сама видѣть, сама узнать; она посылаетъ Палласа и Гмелина, Лепехина и

Крашенинникова, Миллера, Фишера, Лаксмана и др., желая получить свидѣнія о природѣ и людяхъ земель отдаленныхъ, но, подобно ближайшимъ, ожидающихъ отъ нея великія и богатяя милости. Въ борьбѣ съ монополіями, въ заботѣ о цѣнахъ на хлѣбъ, въ преслѣдованіи лихоимства—всегда она избираетъ реальныя средства и преслѣдуетъ практическую цѣль. Ей предлагаютъ учредить университетъ, она основываетъ техническія училища—горное, лекарское, водоходное, и покрываетъ Россію сѣтью народныхъ училищъ. Ея отношенія къ сосѣдямъ, къ Турціи, Польшѣ, Швеціи, отмѣчены тою же чертою: на первый планъ всегда выдвинуты ближайшіе интересы Россіи. Ея политика относительно Польши и Швеціи совершенно тождественна, хотя результаты получились различныя: шведы устояли, поляки нѣтъ. Даже теорія вооруженнаго нейтралитета была основана на принципѣ достиженія чисто практическихъ цѣлей.

У императрицы Екатерины II были недостатки, были даже пороки, но и они свидѣтельствовали о величій ея духа, напоминая подобныя же черты Ивана Грознаго и Петра Великаго. Екатерина чрезвычайно просто и вѣрно опредѣлила общую точку зрѣнія въ этомъ отношеніи: nous sommes hommes avant que d'être sesi ou celà. Безпорочныхъ людей не бываетъ, государи же судятся по ихъ государственныиъ дѣламъ, въ которыхъ все частное, личное отпадаетъ, забывается: остается только общее, всенародное, съ чѣмъ государи и переходятъ въ память народную, въ исторію.

Ни одинъ изъ государей русскихъ, кромѣ Петра I, не удостоился такой высокой похвалы въ нашей народной повѣи, какъ Екатерина II. Смерть ея произвела большое впечатлѣніе на народъ, который любилъ вспоминать свою «матушку - государыню» и возносить къ ней свои взоры въ тяжкія години жизни:

Подымитесь, вѣтры буйные,
Разнесите всѣ желтыя пески,
Распахнися шелковà парча,
Разломися гробовà доска,
Подымися, наша матушка,
Милосердная государыня
Катерина Алексѣевна!
Безъ тебя намъ жить поужьло
Всему царству пожежѣло.

Гласъ народа — гласъ Божій. По смерти Екатерины народу «жить поужьло», хотя и при ней у этого народа, по его-же свидѣтельству, «босоты да наготы изнавѣшаны шесты, а холоду да голоду амбары стоять»; по смерти Екатерины «всему царству пожежѣло», такъ какъ съ нею закончился періодъ государственныхъ реформъ, закончился надолго, вплоть до императора Александра II, продолжавшаго славный трудъ Петра I и Екатерины II. Проф. В. Бильбасовъ.

СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

(Изъ записокъ Д. П. Рунича ¹).

I.

Заслуги Петра I и Екатерины II.—Сравненіе и сближеніе ихъ царствованій.— Характеристика тогдашняго общества.— Народное образованіе.— Домашній бытъ высшаго класса: обѣды, балы и гулянья.

осемнадцатый вѣкъ, есть вѣкъ самый достопамятный въ исторіи государства Россійскаго. Петръ Великій умеръ въ 1725 году, — Екатерина II кончила жизнь 6-го ноября 1796 года, такъ что сіи великіе по дѣламъ государи, одинъ началъ, другая кончила XVIII-й вѣкъ, знаменитый и въ бытописаніяхъ міра и въ бытописаніи царства Русскаго.

1796-й годъ, принадлежа къ послѣднимъ четыремъ годамъ, оканчивающимъ XVIII столѣтіе, собственно для Россіи не имѣлъ бы особой важности, если бы не былъ годомъ кончины императрицы Екате-

¹ Дмитрій Павловичъ Руничъ родился въ 1778 году и восемнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ въ военную службу. Въ январѣ 1797 г. онъ перешелъ въ вѣдомство коллегіи иностранныхъ дѣлъ и до половины 1799 года состоялъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ. Въ 1812 году онъ управлялъ московскимъ почтамтомъ и 2 сентября оставилъ Москву за нѣсколько часовъ до вступленія въ нее непріятеля. Подъ конецъ царствованія императора Александра, въ званіи члена главнаго училищъ правленія, Дмитрій Павловичъ управлялъ С.-Петербургскимъ университетомъ и петербургскимъ учебнымъ округомъ. За неправильное расходованіе суммъ при постройкѣ университетскаго зданія онъ былъ отданъ подъ судъ и провелъ остатокъ дней своихъ въ отставкѣ. Въ теченіе болѣе чѣмъ полулѣтняго служенія, Д. П. Руничъ велъ обширную переписку съ равными лицами и оставилъ послѣ себя записки, ко-

рины II, которой, еще при жизни ея, просвѣщенная Европа не отказала въ наименованіи Великой. Она царствовала 34 года.

XVIII вѣкъ въ Россіи по всей справедливости долженъ быть названъ вѣкомъ Петра I-го и Екатерины II-й и это будетъ гораздо безпристрастіе того, что вѣкомъ Людовика XIV-го назвали тотъ вѣкъ, въ которомъ царствовалъ сей король французскій; ибо какое сравненіе сдѣлать можно царствованія его съ царствованіями русскихъ владыкъ: Петра и Екатерины. Людовикъ наследовалъ государство отчасти образованное и отчасти просвѣщенное Францискомъ и Генрихомъ, Петръ I-й и продолжательница началъ и видовъ его Екатерина II-я преобразовали и въ теченіе 100 лѣтъ поставили страну, обширнѣйшую въ мірѣ, дикую и безграмотную—на степень равную со всѣми европейскими просвѣщенными странами. Нынѣ страна сія преобладаетъ въ Европѣ и Азіи и силою, и могуществомъ, изобилуетъ всѣми возможными дарами природы и всѣми средствами, нужными для самостоятельности. Какъ имена Петра и Екатерины, такъ и царствованія ихъ не могутъ быть отдѣлены одно отъ другаго. Первый полагалъ основаніе къ просвѣщенію и величію своего государства, вторая продолжала развивать и укоренять ихъ, а потому годы царствованія ея во всѣхъ отношеніяхъ исключительно важны и замѣчательны.

Протекшіе по кончинѣ Петра до Екатерины 37 лѣтъ не могли представлять особой характеристики,—и это весьма естественно, ибо послѣ всѣхъ началъ, положенныхъ въ основаніе новой имперіи Петромъ, ближайшимъ преемникамъ его оставалось или продолжать, или разрушать его начала. Главнымъ усиленіемъ Петра было сближеніе Россіи съ Европою, и продолженіе сближенія сего сдѣлалось непреодолимымъ слѣдствіемъ начатаго имъ преобразованія русскаго народа, гордившагося и происхожденіемъ своимъ, и самостоятельностью, и православіемъ, почитавшаго всѣ прочіе народы нехристіанами, смѣшивавшаго Европу съ Азіею, турокъ съ французами и недовѣрившаго даже самимъ грекамъ, отъ которыхъ праотцы ихъ заимствовали вѣру.

Болѣе полувѣка, Петръ и преемники его, до Екатерины, постоянно измѣняли и нравы и обычаи русскіе, начиная съ ближайшихъ ко двору бояръ. Въ народномъ быту обычаи иностранные не только не принимались, напротивъ, возбуждали отвращеніе, которое народъ имѣлъ къ иностранцамъ. Обычаи сіи такъ же мало имѣли вліянія и на прочіе классы

торыя къ сожалѣнію разбиты по частямъ и находятся въ разныхъ рукахъ. Такова у насъ участь многихъ записокъ, какъ, напримѣръ, А. И. Михайловскаго—Данилевскаго и другихъ. Печатавъ начало записокъ Д. П. Рунича, мы должны сказать, что вторая половина ихъ была напечатана въ «Русскомъ Обзорѣніи» 1890 г., т. IV, № 8, стр. 653; т. V, № 9, стр. 186 и № 10, стр. 794. Ред.

жителей столицъ: дворянъ и купечество. Какъ дворяне, въ которыхъ таялся еще духъ бояръ московскихъ, время Пожарскаго, такъ и купцы, гордившіеся Мининымъ, неохотно переходили отъ обычаевъ отцовъ своихъ къ обычаямъ иностранцевъ; а народъ упорно оставался въ томъ же полу-дикомъ невѣжествѣ, при тѣхъ же суевѣріяхъ и грубыхъ обычаяхъ, въ какихъ коснѣла до Петра вся Россія отъ западной своей границы до Авачинской губы. И чрезъ 120 лѣтъ, послѣ смерти преобразователя Россіи, даже въ наше время ¹⁾, можно еще въ пространномъ Русскомъ царствѣ, въ народномъ быту, особенно въ отдаленныхъ губерніяхъ, найти понятія, нравы, обычаи и суевѣрія времени Грознаго.

Вѣра и суевѣріе, чистое и безкорыстное усердіе къ церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое невѣжество не могли искоренить въ русскомъ народѣ коренныхъ свойствъ: чести, мужества и великодушія. Оставляя обычаи предковъ, они не замѣняли вѣры и любви къ отечеству.

Народное просвѣщеніе, до царствованія Екатерины II, заключалось въ изученіи грамоты по церковнымъ книгамъ. Въ букварѣ народъ научался первымъ основаніямъ христіанства, чтеніемъ Псалтиря приучался къ возвышеннымъ понятіямъ о Богѣ, а въ Часословѣ находилъ наставленіе касательно богослуженія. Вообще въ народѣ русскомъ замѣтно изъ давнихъ временъ горячее влеченіе къ христіанству, безъ всякихъ корыстныхъ видовъ, несмотря на отсутствіе всякаго приготовительнаго ученія. Со всѣмъ тѣмъ едва-ли Россія не есть еще единственное государство, въ которомъ мѣнѣе всѣхъ просвѣщенныхъ странъ совершается преступленій, ужасающихъ природу человеческую.

Народное просвѣщеніе въ Россіи при Екатеринѣ только что начало повсемѣстно, хотя медленно, распространяться и до воцаренія императора Александра, народнымъ просвѣщеніемъ едва-ли названо быть можетъ. До девятнадцатаго столѣтія, оно было въ Россіи удѣломъ одного высшаго круга дворянства обѣихъ столицъ, составившагося изъ потомковъ нѣкоторыхъ бояръ и знаменитыхъ иностранцевъ, поселившихся въ Россіи. Въ массѣ народной, все просвѣщеніе состояло въ умѣніи читать по церковнымъ книгамъ, и въ самомъ высшемъ кругу дворянства не всѣ мужчины умѣли писать, а которые и умѣли, то писали какъ выговаривали и какъ нынѣ еще пишетъ простой народъ. Что жъ касается до женскаго пола, то умѣніе читать и писать почиталось вовсе для него ненужнымъ и даже опаснымъ. И дворянскія дѣти учились грамотѣ по церковной печати, по букварю у церковниковъ.

Только при императрицѣ Екатеринѣ II началось правильное обученіе въ ново-учрежденныхъ по городамъ народныхъ училищамъ мужскаго пола. Дѣти мелкихъ чиновниковъ и разночинцевъ, мелочныхъ купцовъ

¹⁾ Писано въ 1846 году.

и мастеровыхъ могли безъ всякой платы посѣщать ихъ. Многіе дворяне посылали въ сіи школы дѣтей крѣпостныхъ своихъ людей, которые, сверхъ природнаго своего языка, въ главномъ народномъ училищѣ въ Москвѣ, могли, если имѣли способности и охоту, научиться начальнымъ основаніямъ языковъ: латинскаго, французскаго и нѣмецкаго; исторіи, географіи, геометріи и ариметикѣ. Московское главное народное училище въ 1790-хъ годахъ имѣло болѣе ста входящихъ учениковъ и было подвѣдомо Московскому университету, находясь подъ непосредственнымъ начальствомъ директора училищъ. Въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, не только въ Москвѣ, но и повсемѣстно, лучшими учителями грамоты русской были приходскіе священники и діаконы, обучавшіеся въ семинаріяхъ и академіяхъ духовныхъ. Очень немногихъ свѣтскихъ, образовавшихся въ Московскомъ университетѣ, къ числу ихъ присоединить можно было. Сверхъ главнаго народнаго училища, въ Москвѣ находились при многихъ городскихъ церквахъ приходскія училища, въ которыхъ первоначальные предметы преподавались духовными. Духовныя академіи и семинаріи сохранили для Россіи древніе классическіе языки. Если университетъ Московскій и славился элленистомъ профессоромъ Маттѣемъ и латинистомъ профессоромъ Шаденомъ, то духовныя академіи и семинаріи несравненно болѣе образовали отличныхъ преподавателей греческаго, латинскаго и даже еврейскаго языковъ. Что касается до наукъ богословскихъ и философскихъ, сими науками великороссійскія духовныя училища обязаны первоначально малороссійскимъ духовнымъ академіямъ и коллегіумамъ.

Въ царствованіе Екатерины II, народное просвѣщеніе шло еще медленными шагами и, какъ я уже сказалъ, едва-ли до воцаренія императора Александра народнымъ просвѣщеніемъ названо быть можетъ; такъ малочисленны были въ Россіи въ концѣ XVIII-го столѣтія народныя учебныя заведенія. Для высшихъ сословій, высшимъ учебнымъ центромъ былъ Московскій университетъ, но въ немъ обучалось очень немного дворянъ, ибо главною его цѣлью было образованіе преподавателей по разнымъ отраслямъ наукъ, особенно врачей и хирурговъ. Уже въ то время медицинскій факультетъ университета славился Гильдебрантомъ, Политковскими и другими медиками. Факультеты наукъ и словесности не имѣли большаго числа слушателей. Извѣстнѣйшее московское и иногородное дворянство исключительно обучалось въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ. Только со смертію императора Павла I-го, въ началѣ уже XIX столѣтія, началось повсемѣстное и правильное распространеніе народнаго просвѣщенія въ Россіи. Первая половина сего столѣтія, въ которой мы живемъ, ожидаетъ бытописателя способнаго, честнаго и краснорѣчиваго, ибо едва-ли какое пятидесяти-

лѣтіе въ мірѣ богато столь быстрыми переворотами, какъ богато ими начавшееся въ 1801 году.

Чтобъ показать Россію и русскихъ, какими они были при кончинѣ императрицы Екатерины II, я постараюсь представить въ очеркахъ только картину тогдашняго ихъ быта.

Всякое общество, и большое и малое, состоитъ обыкновенно изъ четырехъ слоевъ: высшаго, средняго, низшаго и ближайшей къ послѣднему, народной толпы или такъ называемой черни. Разумѣется, что первый кругъ въ обществѣ всегда составляютъ лица по породѣ и богатству, образованности и просвѣщенію, отъ другихъ отличные; а потому о семъ верхнемъ слоѣ общества и о томъ что къ нему относится и хочу я исключительно говорить, чтобъ пересказать современникамъ моимъ, въ концѣ 1846 года, бытъ столицъ Россійской имперіи, въ концѣ 1796 года.

Можетъ быть философія найдетъ въ немъ кое-что для своихъ соображеній; свѣтскіе же въ вѣчномъ движеніи обращающіеся люди, живущіе суточною жизнію, которыхъ все бытіе заключается въ двадцати четырехъ часовомъ существованіи, увидятъ, что и за пятьдесятъ лѣтъ Петербургъ и Москва не уступали первымъ столицамъ Европы въ образованности и просвѣщеніи; а при этомъ вспомнить можетъ быть, что Россія имѣла уже и тогда своихъ Долгоруковыхъ-Крымскихъ, Румянцовыхъ-Задунайскихъ и Потемкиныхъ-Таврическихъ, Воронцовыхъ, Паниныхъ и Безбородко, Ломоносова, Карамзина и Державина, которыхъ по всей справедливости назвать можно родоначальниками нашихъ новѣйшихъ и полководцевъ, и дипломатовъ, и писателей.

Что совершено въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ отъ 1796 года, всему тому положено начало въ предшествовавшіе имъ полъ-вѣка, въ которомъ тридцать четыре года исключительно принадлежать къ царствованію императрицы Екатерины II, постигнувшей огромные виды Великаго Петра и довершившей въ свое царствованіе колоссальное зданіе, основаніе которому положено Петромъ. Цѣлыя столѣтія протекаютъ между царствованіями владыкъ земныхъ, подобныхъ Петру, Екатеринѣ и Александру; они бросаютъ сѣмена, изъ которыхъ вырастаютъ переживающіе вѣка дубы и кедры, которыхъ возникающія по временамъ непогоды и бури уже сломить не въ силахъ!

По вступленіи Екатерины на престолъ Россійской имперіи, общественная жизнь высшаго русскаго дворянства, обычай, нравы и вкусъ приняли рѣшительное склоненіе къ обычаямъ, нравамъ, вкусамъ и общественной жизни французовъ. Давно уже Парижъ былъ для Европы образцомъ общежитія, утонченнаго вкуса и обхожденія. Со временъ Людовика XIV, языкъ французскій дѣлался болѣе и болѣе повсемѣстнымъ и знаніе его почиталось свидѣтельствомъ отличнаго образованія.

Обученіе сему языку дѣтей съ самыхъ молодыхъ лѣтъ въ домахъ знатныхъ было безусловно необходимымъ. Высшее общество говорило по-французски и чисто и правильно. Въ остаткахъ родовыхъ боярскихъ домовъ, и самая прислуга была составлена изъ французовъ, швейцарцевъ и нѣмцевъ. Новорожденнаго отдавали на руки мамкѣ, обыкновенно изъ нѣмокъ; въ очень затѣйливыхъ домахъ—англичанкѣ. Какъ же скоро ребенокъ начиналъ переступать съ ноги на ногу, къ нему приставляли французенку; а по минованіи семи лѣтъ—дядьку француза, бракуя при выборѣ всѣ французскія нарѣчія (разумѣется гдѣ знали хорошо языкъ) кромѣ парижскаго! Вся важность полагалась въ выговорѣ! Само собою разумѣется, что такая прихотливость была исключительною и платилась дороже; гдѣ же ее не было, тамъ не смотрѣли на выговоръ,—особливо въ губерніяхъ, гдѣ, какъ увѣряли, многіе помѣщики, по незнанію иностранныхъ языковъ, вмѣсто французовъ принимали къ дѣтямъ въ гувернеры и учителя смѣлыхъ пройдохъ изъ нѣмцевъ и даже чухонцевъ, произносившихъ изуродованныя, французскія слова. Въ нѣкоторыхъ только извѣстныхъ домахъ въ Петербургѣ и Москвѣ говорили самымъ чистымъ французскимъ языкомъ; между большей же части подражателей знатнымъ говорили, и въ Петербургѣ и Москвѣ, по-французски съ грѣхомъ пополамъ. Впрочемъ и тотъ и другой французскій разговоръ можно еще слышать и въ 1846 году въ Петербургѣ. Въ отборнѣйшихъ только обществахъ высшаго круга, пріѣзжавшіе въ Петербургъ и Москву немногіе французы удивлялись, что въ сихъ обществахъ говорили на ихъ природномъ языкѣ съ особою чистотою выговора и правильностію, что впрочемъ было естественнымъ слѣдствіемъ привычки. Дѣти отъ колыбели слышали всеневно французскій разговоръ, учились французской азбукѣ прежде русской, читали по-французски прежде, нежели по-русски и съ родителями и учителями говорили по-французски, а потому легко и выучивались сему языку. Въ дѣтскихъ комнатахъ и въ рукахъ дѣтей находились однѣ французскія книги, изъ которыхъ они выучивались и разговору на французскомъ языкѣ и священной исторіи.—Шутя знакомились они съ древнею исторіею и затверживали карты четырехъ частей свѣта.

Домашнее ученіе продолжалось до вступленія молодыхъ людей въ службу, около двадцати-лѣтняго возраста, обыкновенно въ военную по гвардіи, начиная съ унтеръ-офицерскаго чина. Я не стану утверждать, что домашнее ученіе тогдашняго времени почитать должно полнымъ и достаточнымъ. Не во всѣхъ знатныхъ и извѣстныхъ семействахъ считали необходимымъ изученіе древнихъ языковъ; но не совсѣмъ же и они забыты были. Въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ и многихъ частныхъ домахъ, до 15-ти-лѣтняго возраста, дѣтей занимали латинскимъ языкомъ.

Не надобно судить по нынѣшнимъ учебнымъ заведеніямъ домашняго образованія время Екатерины. Оно было тогда такъ исключительно и рѣдко, что едва относилось къ цѣлому обществу какъ единица къ тысячѣ. При кончинѣ сей государыни въ Москвѣ съ трудомъ десять человѣкъ можно было насчитать домашнихъ наставниковъ, извѣстныхъ по ихъ учености, которые заслуживали имя учителей; остальные учителя, которые жили по господскимъ домамъ, были люди знавшіе только свой природный разговорный языкъ и начальныя основанія грамматики, географіи и древней исторіи, которыя они и преподавали по лучшимъ извѣстнымъ печатнымъ руководствамъ. Здѣсь было бы не у мѣста говорить о народномъ просвѣщеніи, ибо я коснулся домашняго образованія юношества, какъ предмета, принадлежащаго къ домашней жизни высшаго петербургскаго и московскаго обществъ.—Обращаюсь къ подробностямъ общественной жизни въ обѣихъ столицахъ.

Не одни знатные по чинамъ и высокимъ должностямъ, но и знатные по рожденію строго держались образа жизни и привычекъ бояръ старой Руси. Не всѣ имѣли огромныя каменные палаты, но всѣ содержали многочисленную крѣпостную дворню, множество лошадей, ине и псовыя охоты. Никто изъ лицъ, принадлежавшихъ къ высшему дворянству, не выѣзжалъ со двора иначе, какъ въ каретахъ, запряженныхъ въ четыре и шесть лошадей, въ шорахъ или въ ямской упряжи, имѣя на запяткахъ двухъ лакеевъ.—Знатнѣйшіе сановники въ прибавокъ къ нимъ присоединяли въ залитыхъ въ золотыя галуны, бахрамы и кисти: араповъ, гайдуковъ, гусаровъ и егерей. Экипажи измѣнялись по англійскимъ и французскимъ модамъ; въ то время употреблялись: «берлины», «купе» и «визави», въ числѣ которыхъ находились прямо выписанные изъ Лондона. Въ двухъствѣныхъ каретахъ парами ѣздили по городу одни именитые иностранные купцы, доктора, повивальныя бабки и извѣстные музыканты, а по воскресеньямъ изъ знатныхъ домовъ развозили по киркамъ учителей и учительницъ также въ двухъствѣныхъ каретахъ парами, на наемныхъ лошадяхъ; и всякое воскресенье, у иновѣрческихъ церквей въ Москвѣ, можно было видѣть по десятку такихъ каретъ, обыкновенно фасона, вышедшаго изъ употребленія. Учители и учительницы пользовались каретою цѣлый день; для прислуги имъ давались самыя неуклюжіе проводники, которые развозимыхъ учителей называли: м у с ь е, а женщинъ м а д а м ы. Кареты, колымаги и коляски на пазахъ или ремняхъ начали исчезать въ Москвѣ около восьмидесятыхъ годовъ. Лѣтомъ, на дрожкахъ, а зимою въ саняхъ ѣздили одни мелкіе чиновники, купцы и разночинцы. Знатнѣйшее дворянство употребляло зимою для прогулокъ такъ называемыя вѣнскія сани. Упряжь въ экипажахъ ограничивалась законоположеніемъ, которое до конца XVIII столѣтія довольно строго наблюдалось. Табель о рангахъ

позволяла фельдмаршаламъ и генераль-аншефамъ имѣть упряжку въ шесть лошадей и двухъ вершниковъ; генераламъ до полковника, — упряжку въ шесть лошадей; штабъ-офицерамъ до капитана—въ четыре лошади; оберъ-офицерамъ—въ двѣ.

Древніе потомственные дворянскіе роды имѣли ливреи по цвѣту своихъ гербовъ, обшитые гербовыми басонами. Чины отъ 1-го класса до 6-го опредѣлялись нашивкою сихъ басоновъ на воротникахъ, карманахъ, обшлагахъ, по бортамъ и швамъ. Покрой парадныхъ ливрей не измѣнялся. Треугольныя шляпы обшивались богатымъ серебрянымъ или золотымъ галуномъ. Во всѣхъ знатныхъ домахъ обѣихъ столицъ, привратники, извѣстные подъ именемъ швейцаровъ, съ давнихъ временъ были въ употребленіи. Число дворовыхъ людей для прислуги было во всѣхъ домахъ чрезвычайно велико. Оно разорало недостаточныхъ. Содержаніе многочисленной дворни, при домахъ и деревняхъ, поглощало если не половину, то конечно третью часть годовыхъ доходовъ помѣщиковъ. Многие черезъ нѣкоторое время нечувствительно уничтожались и таяли, какъ свѣгъ на солнцѣ, отъ содержанія огромной дворни, нерасчетливаго хозяйства и неумѣреннаго хлѣбосольтва. Другіе прибавляли къ тому дань французскимъ моднымъ магазинамъ, давнишней язвѣ русскаго хлѣбопашества. Тысячи рукъ исключительно обрабатываютъ десятки тысячъ десятинъ земли, чтобъ заплатить Парижу за выдумки, за французскія вина и другія неисчислимыя бездѣлки.

За дворнею, конюшнею и охотою слѣдовала иностранная прислуга: камердинеры, парикмахеры и повара-французы или швейцарцы. Въ иныхъ домахъ встрѣчались французы или швейцарцы библіотекари, секретари, чтецы и друзья дома.

Доктора и лекаря домовые были по большей части изъ нѣмцевъ, но число ихъ было весьма невелико. Всѣ эти иностранцы безъ исключенія, для крѣпостной дворни изъ деревень набираемой, были настоящіе домовые, отъ которыхъ иногда и жить имъ приходилось плохо. Въ случаѣ же особливаго благоволенія хозяйки къ другу дома съ береговъ Сены или Гароны, эти друзья иногда и самого хозяина, какъ говорится, со свѣту сживали. Впрочемъ какъ бы то ни было, вкусъ русскаго дворянства къ французамъ и ко всему французскому, превратившійся въ симпатію, сблизилъ русскихъ съ европейскою цивилизаціею. Времена Екатерины представляли въ столицахъ Россіи версальскіе обычаи, утонченную роскошь и прихоти принцессы французскихъ.

Какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ кухня и буфетъ составляли важнѣйшій предметъ роскоши. И кушанье и вина исключительно были французскія; но въ старинныхъ знатныхъ домахъ оставались еще отъ старой русской кухни искусные повара, которые умѣли готовить уставныя блюда боярскихъ пировъ: кудебяги, колобовые и

подовые пироги, сборныя щи, лапшу, свинину во всевозможныхъ видахъ и внутренности телятъ и барановъ, какъ-то: желудки, сычуги, сальники, однимъ словомъ, всѣ блюда прямо русскія, между которыми попадались однакожь и англійскій бифтекъ, и французскіе пастеты и итальянскія макароны; всѣ же они заключались разнovidными пирожными, желеями и блян-манже, безусловно принадлежавшими къ большимъ обѣдамъ и пирамъ. На столъ обыкновенно ставилось вино бѣлое и красное; сладкіе вина и наливки обносились; шампанское было необходимою принадлежностью только именинныхъ и свадебныхъ пировъ. Бутылка шампанскаго стоила рубль; французскія столовыя вина обходились, бутылка копѣекъ въ тридцать. Привозное англійское пиво пятнадцать копѣекъ бутылка. Наливки на всѣ плоды и ягоды были въ большомъ употребленіи какъ въ домахъ дворянскихъ, такъ и купеческихъ. Русскихъ мануфактурныхъ произведеній было такъ мало, что высшее дворянство вообще употребляло сукна, полотна, шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани и столовое бѣлье привозное, произведенія — французскихъ, англійскихъ, голландскихъ и нѣмецкихъ фабрикъ. Въ знатныхъ домахъ сукно для прислуги употреблялось также привозное, по большей части шпенское, въ дворянскихъ — домашнее. Отечественнаго сукна не выдѣлывалось даже столько, сколько онаго потребно было на обмундированіе войскъ. Солдатское сукно, свѣтло-зеленое, самое толстое, покупалось у вольныхъ промышленниковъ и заготовлялось на немногихъ казенныхъ фабрикахъ. Одна казенная суконная фабрика находилась въ Москвѣ, извѣстная по первоначально открывшейся въ ней въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія чумѣ. Тонкія русскія сукна начали выдѣлываться въ Москвѣ и Россіи не прежде какъ въ десятыхъ годахъ царствованія императора Александра.

Знатные и дворянство высшаго круга слѣдовали модамъ французскимъ и англійскимъ, которыя хотя и не перемѣнялись такъ часто какъ нынѣ, но зависѣли и тогда отъ выдумокъ модныхъ торговцевъ, которыхъ въ концѣ 1796 года едва-ли пять во всей Москвѣ насчитать можно было. Модныхъ магазиновъ и женскихъ портняхъ, извѣстныхъ въ городѣ по своему искусству выманивать деньги, было вообще очень мало. Предметы роскоши продавались въ двухъ или трехъ лавкахъ, которыя содержали голландцы и нѣмцы, извѣстныхъ подъ именемъ нюренбергскихъ, и французскихъ. Впрочемъ иностранныхъ товаровъ всѣхъ родовъ — и самыхъ дорогихъ, и самыхъ прихотливыхъ особенно французскихъ, въ Москву привозилось всегда очень много, какъ равно дѣйствительно французскихъ столовыхъ припасовъ и винъ, которыми снабжали знатные дома, также два или три извѣстные магазина, содержимые французами. Всѣ прихотливыя и модныя вещи въ Москвѣ можно было достать во всякое время. Въ лавкахъ яблочнаго ряду у

Троицы подъ горою можно было купить и устрицы и французскіе плоды и руанскія превосходныя конфекты, однимъ словомъ, все что составляетъ предметъ самой прихотливой гастрономіи. Но употребленіе сихъ предметовъ было ограничено однимъ только кругомъ высшаго общества, а потому всѣ иностранныя предметы и продавались по очень сходнымъ цѣнамъ. При семъ, не надобно забывать и того, что о лажѣ въ это время и слуху не было: серебряный рубль ходилъ сто мѣдныхъ копѣекъ, за золотой имперіалъ давали десять серебряныхъ рублей, или мѣдью пятаками также десять рублей. Точно также и ассигнаціи размѣнивались по достоинству ихъ на золото, серебро и мѣдь и наоборотъ, безъ всякаго лажа или промѣна.

Высшее дворянство, слѣдуя модамъ французскимъ и англійскимъ, и служащіе и отставные носили фраки. Мундиры надѣвались при однихъ торжественныхъ случаяхъ. Кромѣ гражданскихъ намѣстническихъ мундировъ, въ большомъ употребленіи были и богато вышитые золотомъ, серебромъ и шелками французскіе кафтаны, которые замѣняли мундиры. Военные, служащіе и отставные въ праздники только носили мундиры, но ордена никогда не снимали и нашивали звѣзды на фраки, сюртуки, плащи и шубы; ленту носили по камзолу, въ праздничной формѣ по кафтану. Бѣлый плюмажъ былъ отличіемъ и военнаго и статскаго генеральскаго чина. Въ собраніяхъ, и статскіе и военные всегда являлись въ чулкахъ и башмакахъ; въ военной только формѣ по утрамъ и къ обѣдамъ пріѣзжали въ сапогахъ и шпорахъ.

Въ Новый годъ, Пасху и Рождество, личныя посѣщенія и развозка визитныхъ карточекъ съ ранняго утра почитались обязанностію неизбѣжною. Въ сіи дни, знатныя дома представляли безпрерывный пріѣздъ и отъѣздъ посѣтителей; по всѣмъ улицамъ разъѣздъ экипажей продолжался до глубокой ночи. Обыкновенно къ праздникамъ экипажи возобновлялись или покупались новые, какъ равно шилась и новая ливрея. Множество каретъ, запряженныхъ въ шесть и четыре лошади, являлись въ продолженіе Свѣтлой недѣли, на народномъ гуляньѣ, подъ качелями, подъ Новинскимъ; вечера проводились на балахъ или въ кругу знакомыхъ, въ многочисленномъ собраніи. У всѣхъ извѣстныхъ въ городѣ домовъ стояли десятки экипажей, и вообще городъ представлялъ исключительное движеніе и дѣятельность.

Преимущество Петербурга предъ Москвою состояло въ пребываніи высочайшаго двора, первыхъ государственныхъ сановниковъ и иностранныхъ министровъ, преимущественно всѣхъ европейскихъ столицъ. Сверхъ того, въ Петербургѣ были превосходныя италіанская опера и французскій спектакль. Съѣзды у двора, балы, вечера и театръ не давали петербургской публикѣ повода жаловаться на скуку, но и Москва также имѣла много средствъ къ пріятному препровожденію времени.

Въ зимнее время, до разѣзда высшаго дворянства по деревнямъ, въ балахъ, обѣдахъ и домашнихъ спектакляхъ недостатка не было.

Благородное собраніе, носившее тогда названіе благороднаго клуба, представляло еженедѣльно въ великолѣпномъ зданіи соединеніе иногда болѣе тысячи человекъ лучшаго родовитаго дворянства изъ всѣхъ губерній имперіи. Всѣ пріѣзжавшіе въ Москву иностранцы соглашались, что подобнаго заведенія нѣтъ во всей Европѣ. Самая строгая благопристойность, учтивость и порядокъ наблюдались на балахъ во все продолженіе оныхъ. Директорами и директрисами выбирались лица изъ самаго знатнѣйшаго круга. Часто, истинно веселые и увлекательные балы благороднаго клуба оканчивались на разсвѣтъ другаго дня, хотя впрочемъ на нихъ сѣзжались въ семь часовъ вечера. Самые блестящіе женскіе наряды и множество прелестныхъ лицъ, при великолѣпномъ освѣщеніи, составляли отличительную черту Московскаго благороднаго клуба. За годовой билетъ члены платили, сколько припомню, по 30 руб. мѣдью, дамы половину. Въ клубѣ можно было имѣть хорошій ужинъ, который стоилъ рубль мѣдью, дамы также платили половину. Въ Москвѣ былъ русскій театръ, который содержалъ нѣкто Медоксъ, какъ говорили, англичанинъ. Въ зданіи, въ которомъ помещался театръ, находились также огромныя залы для маскерадовъ и редутовъ. Тотъ же содержатель, въ лѣтнее время, для остающейся въ городѣ публики, открывалъ воксалы въ саду за городомъ, въ которые сѣзжалось и высшее дворянство и всѣ свободныя состоянія. Въ сихъ собраніяхъ танцовали, играли въ карты; въ саду играла музыка и вечеръ оканчивался фейерверкомъ и ужиномъ. Во всѣхъ собраніяхъ безъ исключенія наблюдался строжайшій порядокъ и не было примѣра проишествію, выходящему за предѣлы благопристойности.

Московское общество рѣдко показывалось на улицахъ, собственно для прогулки; впрочемъ и публичныхъ мѣстъ въ городѣ для гулянья не было, кромѣ одного дворцоваго сада, находившагося въ Нѣмецкой слободѣ, при Лефортовскомъ дворцѣ. Собственно въ городѣ гулять негдѣ было, и въ послѣдніе только годы царствованія императрицы Екатерины высшее дворянство стало показываться на стѣпанной набережной Москвы-рѣки у Кремля, отъ Тайницкихъ воротъ до такъ называемаго Живаго (деревяннаго) моста; но на сію прогулку пріѣзжали въ каретахъ какъ и на всѣ народныя гулянья. Кремль въ это время и наружныя стѣны и башни его оставались въ полномъ видѣ своей глубокой старины. Соборы, церкви въ Кремлѣ привлекали ежедневно многочисленное стеченіе народа московскаго и иногороднаго.

Народныя гулянья въ лѣтнее время, на которыя собиралось и высшее дворянство въ экипажахъ, и жители города, находились у монастырей и начинались: первое весеннее у Новодѣвичьяго монастыря

*

на такъ называемомъ Дѣвичьемъ полѣ; а въ теченіе лѣта—подъ монастырями: Донскимъ, Новоспасскимъ и многими другими, вблизи города находящимися.—На эти гулянья съѣзжались преимущественно купцы, и собирались люди средняго состоянія. Лѣтнія гулянья открывались 1-го мая большимъ съѣздомъ нѣсколькихъ сотъ экипажей на находившемся за городомъ урочищѣ «Нѣмецкіе станы», за которымъ слѣдовало гулянье въ «Марьиной рошѣ», въ той-же сторонѣ и въ ближайшемъ къ городу лѣсѣ, Всесвятскомъ. Знатныя семейства московскаго общества переѣзжали на лѣто въ ближайшія къ городу подмосковныя; прочее дворянство разѣзжалось по помѣстьямъ своимъ внутри имперіи. Вскорѣ послѣ Пасхи начинался отъѣздъ послѣднихъ; многіе уѣзжали въ теченіе поста и возвращались въ Москву по зимнему пути, къ празднику Рождества Христова. Девятимѣсячное пребываніе въ деревнѣ и хозяйство доставляли помѣщикамъ возможность обезпечивать временное содержаніе свое въ Москвѣ и доставлять себѣ возможныя удовольствія. Впрочемъ, можно насчитать нѣсколько примѣровъ, что безразсудное подражаніе богатымъ и знатымъ разорило многія семейства.

Я представилъ въ общихъ очеркахъ картину общественной жизни и образованія русскаго дворянства въ концѣ XVIII вѣка. Всѣ подробности общежитія, мною описанныя, если не имѣютъ никакой цѣны въ глазахъ мудраго, то могутъ служить урокомъ для не мудрыхъ, показывая, какъ ничтожны сами по себѣ условія общественной жизни.

II.

Служба дворянъ въ войскахъ.—Преимущество гвардіи передъ арміею.—Расположеніе гвардіи въ столицѣ.—Порядокъ производства.—Значеніе городского положенія и грамоты о преимуществахъ, дарованныхъ дворянству.—Образованіе намѣстничествъ.—Образъ жизни провинціального дворянства.

Со введенія Петромъ I-мъ регулярной военной службы въ Россіи, собственный примѣръ его далъ между дворянствомъ перевѣсъ военной службѣ предъ статскою. Основанные имъ гвардейскіе полки, были разсадниками, въ которыхъ исключительно бояре и дворяне начинали службу рядовыми и постепенно производились въ унтеръ-офицерскіе чины, до производства ихъ въ офицеры. Родной прадѣдъ мой по матери, любимецъ Петра I-го, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, былъ подполковникомъ гвардіи, а сынъ его, отецъ моей матери, въ то же время и въ томъ же полку—солдатомъ. Отправляя дѣйствительную фронтową службу, по-очереди онъ сопровождалъ колодниковъ скованныхъ желѣзами, кото-

рые ходили по городу собирать милостыню. Въ царствованіе императрицы Елисаветы, онъ былъ ближайшимъ къ особѣ ея камергеромъ, имѣлъ орденъ св. Анны первой степени и, при открытіи мощей Дмитрія матрополита Ростовскаго, сопровождалъ туда изъ Москвы (находясь уже въ отставкѣ) государыню императрицу, по высочайшему приглашенію.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, хотя и были еще примѣры поступленія дворянъ въ гвардейскіе полки рядовыми, но примѣры сіи были уже рѣдки. Одни только бѣднѣйшіе однодворцы принимались рядовыми, дворяне же поступали въ гвардейскіе полки капралами и унтеръ-офицерами; дѣти знатныхъ семействъ, въ колыбели еще, записывались сержантами и до явки въ полкъ на дѣйствительную службу, около 18-ти-лѣтняго возраста, отъ командующихъ полками получали домовые отпуска до окончанія наукъ. Виды сія ежегодно возобновлялись, и вмѣстѣ съ совершеннолѣтіемъ наступала обязанность явиться въ полкъ на дѣйствительную службу, до производства въ офицеры, въ армію или по гвардіи. Исключая поступившихъ въ кадетскіе корпуса, все дворянство обучалось на собственной счетъ тѣми средствами, какія къ приобрѣтенію образованности позволяло употреблять состояніе. Одинъ Пажескій корпусъ доставлялъ исключительно право воспитанникамъ своимъ, число коихъ было очень ограничено, поступать прямо въ гвардію поручиками. Кадетскіе корпуса были разсадниками офицеровъ армейскихъ, артиллерійскихъ и инженерныхъ, пѣхотныхъ и кавалерійскихъ.

Гвардія имѣла огромное преимущество предъ арміею. Сержанты гвардіи выпускались въ армію капитанами; капитаны—полковниками или бригадами къ статскимъ дѣламъ. Оберъ-офицеры гвардейскіе переходили въ армію, безъ всякаго исключенія, штабъ-офицерами. Не всѣ капитаны съ чиномъ полковника получали и полки; полки давались по особымъ уваженіямъ и одобреніямъ непосредственныхъ высшихъ военныхъ начальниковъ. Не родовые дворяне въ офицеры гвардіи не производились. Военное устройство арміи того времени довольно извѣстно, и я считаю нужнымъ сказать здѣсь то только, что капитаны гвардіи, производившіеся бригадами къ статскимъ дѣламъ, никогда не получали въ командованіе свое никакихъ отрядовъ, хотя состояли по военному списку. Находившіеся только на дѣйствительной службѣ полковники и командиры полковъ производились за отличіе въ бригадные командиры и получали въ командованіе отряды. Чинъ военного бригадира равнялся гражданскому чину статскаго совѣтника и подобно оному имѣлъ на шляпѣ бѣлый плюмажъ, а на парадномъ мундирѣ—половину цѣлаго генеральскаго шитья. Эполеты имѣли одни штабъ-офицеры, на одномъ плечѣ. Шитье на мундирахъ, шарфы, темляки въ пѣхотѣ, флотѣ и артиллеріи были золотые; въ ка-

валеріи и по инженерной части—серебряные. Военная кокарда была бѣлая изъ шелковой ленты. Со временъ только фельдмаршала князя Потемкина, въ командуемой имъ турецкой арміи, отставлена прическа, косы и пудра, и введены короткіе мундиры, широкіе брюки и разнаго вида каски; офицеры и генералы, до воцаренія императора Александра, носили косы и пудрились, такъ какъ до сего же времени всѣ гвардейскіе полки также имѣли и косы и пукли и употребляли для прически вмѣсто помады—свѣчное сало; вмѣсто пудры—муку. Въ царствованіе Екатерины, гвардейскіе полки расположены были въ Петербургѣ на мѣстахъ, которыя нынѣ носятъ названія сихъ полковъ; казармъ для нихъ еще не существовало. Въ каждомъ полку находились офицерскія улицы, сохранившія по сіе время свое названіе, на которыхъ выстроены были такъ называемыя офицерскія связи, бывшія собственностію офицеровъ; рядовые размѣщались въ особенныхъ улицахъ, называемыхъ солдатскими слободами, въ отдѣльныхъ домикахъ и избахъ деревянныхъ. Внѣ служебнаго времени гвардейскіе солдаты занимались хозяйствомъ и торговлею. Нынѣшняя Бассейная улица, близъ Литейной, сохраняла названіе девятой роты, потому что въ ней дѣйствительно находились жилища рядовыхъ девятой роты Преображенскаго полка, который вокругъ церкви Преображенія расположенъ былъ по прилегающимъ къ ней улицамъ до Лиговскаго канала. Точно такъ-же были расположены въ городѣ и полки Семеновскій, Измаиловскій, Конная гвардія и прочія гвардейскія команды.

Въ каждомъ гвардейскомъ полку кромѣ постоянно отправлявшихъ дѣйствительную службу унтеръ-офицеровъ, состояло по спискамъ: капраловъ, унтеръ-офицеровъ и сержантовъ до 500 человекъ, такъ что въ трехъ пѣхотныхъ полкахъ: Преображенскомъ, Семеновскомъ и Измаиловскомъ и Конной гвардіи считалось записанными на службу не менѣе 2.000 человекъ родовыхъ русскихъ, малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и остъ-зейскихъ дворянъ. Чтобы не приувеличить числа, боюсь утверждать, что число сихъ дворянъ далеко простиралось за мое догадочное на одной памяти основанное предположеніе; впрочемъ въ архивахъ гвардейскихъ полковъ это легко повѣрить. Общее производство по гвардіи унтеръ-офицеровъ въ офицеры и повышеніе офицеровъ производилось одинъ разъ въ годъ, 1-го января, и утверждалось собственноручною подписью императрицы, по примѣру Петра именовавшейся полковникомъ cadaго гвардейскаго полка, въ которыхъ числились подполковниками фельдмаршалы и полные генералы, а командовали полками маіоры гвардіи въ чинахъ генеральскихъ. Ежегодный докладъ о производствѣ, отъ cadaго полка, императрицѣ подносили подполковники, и командующіе полками.

Изъ унтеръ-офицеровъ cadaго гвардейскаго полка производилось

въ офицеры того же полка не болѣе 10-ти или 15-ти человекъ, но выпускалось въ армію изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ отъ подпоручика до капитана болѣе 500 человекъ. Какъ производствомъ, такъ и выпускомъ въ особенности озабочивались полковые секретари, которые выбирались изъ фронтowychъ офицеровъ; лица важныя въ полковомъ управленіи по финансовой части, которымъ, какъ слухъ тогда носился, возможность переставлять по списку низшіе нумера выше высшихъ приносила столько пользы, что они чрезъ нѣкоторое время могли приобретать по нѣскольку сотъ душъ. Имена ихъ были очень громки въ тѣхъ семействахъ, гдѣ отцы и матери почитали за величайшее для себя несчастіе, когда сынки ихъ не были до 20 лѣтъ гвардейскими офицерами. Но такъ какъ число сержантовъ, производимыхъ по гвардейскимъ полкамъ въ офицеры, не было такъ велико и почти невозможно было внести въ докладной списокъ не родового дворянина, то разумѣется, что главную спекуляцію секретарей полковъ составлялъ выпускъ въ армію. Впрочемъ и покровительство, и связи доставляли иногда покровительствуемымъ сильными людьми, но дворянамъ только, возможность быть произведенными безъ очереди офицерами гвардіи, что и дѣлалось черезъ переводы изъ одного полка въ другой—и другіе соображенія. Ежегодная убыль унтеръ-офицеровъ по гвардіи пополнялась новорожденными, часто до рожденія, чему нынѣ не повѣрятъ.

Унтеръ-офицеры гвардіи, на очереди къ производству въ офицеры, назначались къ подполковникамъ полковъ своихъ и командующимъ оными на беязмѣнные ординарцы и, находясь при нихъ, ожидали производства въ офицеры; тѣ изъ нихъ, которые находились при князѣ Потемкинѣ, имѣли къ тому ближайшіе случаи, ибо князь, который бѣольшую часть времени находился при турецкой арміи, которою командовалъ, отправлялъ ихъ курьерами къ императрицѣ; тѣ же изъ сержантовъ, которые находились при полкахъ въ Петербургѣ въ ожиданіи производства въ офицеры, отправлялись отъ иностранной коллегіи курьерами въ европейскія столицы съ делешами къ российскимъ посламъ и министрамъ, при которыхъ и оставались нѣкоторое время, какъ чиновники посольства; а по возвращеніи въ Петербургъ, не въ очередь производились въ офицеры гвардіи, что доставляло имъ право на приглашеніе въ Эрмитажъ и въ высшій кругъ петербургскаго общества.

Въ сей періодъ низшія степени гражданской службы не занимались еще дворянствомъ, которое исключительно посвящало себя военному званію и, прослуживъ нѣкоторое время въ военной службѣ, поступало въ гражданскую, сохраняя обыкновенно военный чинъ и занимая мѣста, сообразныя чинамъ своимъ, по гражданской службѣ и дворянскимъ выборамъ.

Къ важнѣйшимъ изъ государственныхъ постановленій время Екатерины II конечно принадлежатъ: дарованная дворянству грамота и городовое положеніе. Сіи законоположенія присвоили двумъ первымъ состояніямъ въ государствѣ самостоятельность, которой до сего ни одно сословіе въ народѣ не имѣло. Удѣльные князья, бояре и дворяне XV и XVI вѣковъ, составлявшіе въ Россіи высшее сословіе, никогда не имѣли другихъ правъ и преимуществъ, кромѣ сохранившихся по преданію, не основанныхъ на древнихъ хартіяхъ или кодексахъ, а укоренившихся на одной давности и привычѣ. До Екатерины, богатство и спѣсь боярскихъ родовъ составляли всю ихъ силу и достоинство! Законы и суды для нихъ не существовали, они тѣснили низшихъ и маломощныхъ дворянъ какъ рабовъ своихъ. Временщики, которые были ихъ сильнѣе, въ свою очередь не давали имъ возможности оградить себя отъ ихъ нападковъ и притѣсненій. Суды и начальство покровительствовали тѣмъ, кого опасались. Корыстолюбіе было единымъ двигателемъ правосудія, которое продавалось, а не давалось даромъ.

Учрежденіе объ управленіи губерній положило нѣкоторое начало публичному праву и конецъ, хотя несовершенный, насилію и самоуправству. Дворянская грамота и городовое положеніе образовали самостоятельныя сословія, получившія права и преимущества, отдѣлившія ихъ отъ прочихъ состояній, и предоставили имъ исключительное право подсудимости лицамъ изъ среды своей, сословіемъ избранныхъ. Такъ основалось въ Россіи избирательно-представительное право въ сословіяхъ дворянскомъ и купеческомъ, которое и сдѣлалось источникомъ гражданской свободы сихъ двухъ сословій. Если впоследствии времени въ выборы дворянскіе и вкрались злоупотребленія, то первоначальные выборы при ихъ учрежденіи по всѣмъ намѣстничествамъ пали на людей достопочтенныхъ, извѣстныхъ и достаточныхъ помѣщиковъ, пользовавшихся общимъ уваженіемъ и довѣренностію.

Приказы общественнаго призрѣнія, сиротскіе суды, опеки, третейскіе и словесные суды, въ столицахъ управы благочинія, земскіе и уѣздные суды, званія предводителей дворянства, депутатскія собранія,—однимъ словомъ, все систематическое раздѣленіе государственнаго управленія получило начало въ царствованіе императрицы Екатерины II и привлекло на службу многочисленное дворянство русское, которое до того доживало до глубокой старости въ своихъ деревняхъ, не принося ни государству, ни сословію своему никакой пользы.

Учрежденіе намѣстничествъ и намѣстниковъ, послѣдовавшее за двадцать одинъ годъ до кончины Екатерины, было мѣрою обдуманною и удобнѣйшимъ средствомъ сосредоточить на извѣстныхъ пунктахъ обширнѣйшей въ мірѣ имперіи правительственную власть и непосредственный надзоръ главнаго начальника, представителя верховной власти,

облеченнаго полною довѣренностію и силою для немедленнаго прекращенія злоупотребленій на мѣстѣ и для распространенія свѣтской образованности въ странахъ отъ столицъ удаленныхъ, гдѣ просвѣщеніе едва проявляться начинало. Въ намѣстники назначались императрицею савонники военные и гражданскіе, службою и способностями монаршую довѣренность приобрѣтшіе. Они были обезпечены достаточнымъ содержаніемъ, несмотря на собственный ихъ достатокъ, такъ что могли съ достоинствомъ отправлять званіе представителей верховной власти. Сверхъ военныхъ штабовъ, намѣстники имѣли при себѣ почетныхъ молодыхъ дворянъ, въ видѣ пажей и чиновниковъ военныхъ и гражданскихъ, составлявшихъ огромныя ихъ свиты. При каждомъ домѣ намѣстника, великолѣпно убранномъ, находился казенный серебряный сервизъ. При вступленіи императора Павла I-го на престолъ, сервизы сіи употреблены были на кавалергардскіе латы. Съ своей стороны намѣстники къ достаточному казенному содержанію прибавляли собственные свои значительные доходы и содержали дома свои какъ дворцы, въ которыхъ губернское дворянство и чиновники видѣли образчикъ двора и условныхъ приличій высшаго общества, утонченнаго вкуса и обхожденія людей, къ сему кругу принадлежащихъ.—Все это способствовало къ нечувствительному истребленію грубыхъ и невѣжественныхъ привычекъ дворянъ, мало выѣзжавшихъ изъ своихъ деревень и не имѣвшихъ даже понятій о свѣтской образованности.

Намѣстники давали балы, вечера, спектакли и обѣды, которые были уроками для дворянъ, не выѣзжавшихъ изъ своихъ губерній или деревень, и приучали ихъ отвѣкать отъ закоснѣлыхъ привычекъ сельской жизни. Какъ собранія въ домахъ намѣстниковъ, такъ и выборы, вызывая помѣщиковъ съ ихъ семействами въ губернскіе города, служили поводомъ къ сближенію дворянства, которое сохраняло иногда вражду между фамиліями, переходившую отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Обычай петербургскіе и московскіе постепенно распространялись по всѣмъ губернскимъ городамъ, и провинціалы, хотя и не измѣняли домашняго своего быта, со всѣмъ тѣмъ, въ собраніяхъ не показывались уже въ странныхъ платьяхъ, вышедшихъ изъ употребленія, а по большей части носили губернскіе мундарты. Парики носили одни дѣйствительно плѣшивые—а не по модѣ, какъ при Петрѣ Великомъ и до восьмидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Говоря о службѣ въ губерніяхъ, я присовокуплю здѣсь нѣсколько словъ и объ образѣ жизни губернскаго дворянства.

И въ губернскихъ городахъ, и въ имѣніяхъ нѣкоторыхъ дворянъ встрѣчались иностранцы учителя и учительницы, но число ихъ было очень ограничено, и многогородное дворянство вообще держалось образа жизни чисто русскаго. Другой зелени на кухняхъ не употребляли кромѣ

крапивы, капусты и огурцовъ; салатъ, шавель, шпинатъ, спаржа и прочія овощи на русской кухнѣ не употреблялись. Лѣтъ за 10-ть до кончины Екатерины, одинъ московскій житель, помѣщикъ ближайшей губерніи, пріѣхавъ на лѣто въ свое помѣстье, во время пребыванія своего въ немъ былъ посѣщаемъ сосѣдами. Имѣя при себѣ хорошаго повара, онъ пригласилъ одинъ разъ къ обѣду нѣсколькихъ сосѣдей. Между прочимъ за столомъ подавали соусъ изъ шпината съ яйцами, любимое блюдо хозяина, хорошо приготовленное и которымъ онъ исключительно подчивалъ гостей своихъ. Нѣкоторое время спустя, и онъ былъ приглашенъ къ одному изъ обѣдавшихъ у него сосѣдей. Обѣдъ состоялъ изъ русскихъ кушаній. Между ними, по подражанію московскаго гостя, явилась и зелень съ яйцами, которою хозяинъ, подчужа посѣтителя, сказалъ, что приказалъ нарочно приготовить сіе блюдо, замѣта у него за обѣдомъ, что онъ любитъ зелень. Наружный цвѣтъ соуса и самый запахъ предвѣщали что-то непохожее ни на шавель, ни на шпинатъ; но дѣлать было нечего, надобно было уступить добродушному подчиванію, и гость положилъ нѣсколько зелени на свою тарелку, но едва могъ проглотить первый глотокъ. Зелень употребленная для соуса была: калуферъ, заря и Божье дерево съ молокомъ—вѣроятно какъ единственная зелень, которая росла въ огородѣ.

Французскія вина какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ мало употреблялись; ихъ замѣняли наливки и пиво. Десертъ за обѣдомъ не подавали, а приготовляли въ гостиной, гдѣ онъ оставался до разъѣзда гостей. Чай въ употребленіи въ Россіи съ незапамятныхъ временъ; но и кофе давностію вѣроятно можетъ съ нимъ соперничать и вѣроятно введенъ въ Россію вмѣстѣ съ пріѣхавшими въ нее нѣмцами. Восковыя свѣчи употреблялись только въ самыхъ знатныхъ домахъ, даже и желтаго воска, на освѣщеніе употреблялись вездѣ сальныя, какъ въ шандалахъ на столахъ, такъ и на стѣнахъ въ жирандоляхъ и люстрахъ, повсемѣстно хрустальныхъ. Лампы вошли въ употребленіе только въ началѣ нынѣшняго столѣтія. И въ губерніяхъ шампанское употреблялось на свадебныхъ и именинныхъ только пирахъ; но фрукты, конфеты, мороженныя и разныя питія разносились безъ остановки въ большомъ изобиліи на балахъ, званыхъ обѣдахъ и ужинахъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ губерніяхъ.

Въ столицахъ, въ губернскихъ городахъ и даже помѣстьяхъ, домашняя многочисленная прислуга изъ крѣпостной двораи чрезмѣрно была отягощена формою. Сверхъ обыкновенныхъ занятій, офиціанты и лакеи съ ранняго утра должны были быть причесаны, напудрены, въ чулкахъ, башмакахъ и ливреѣ. Въ сюртукахъ, они прибирали только комнаты и выѣзжали въ дурную погоду за каретами. Офиціанты имѣли отъ лакеевъ отличное платье: кафтаны и камзолы, по большей части

красные, обложенные по борту золотымъ галунами — по подражанію придворной ливреѣ. Арапы, въ богатыхъ костюмахъ, съ давнихъ временъ входили въ Россію въ знатныхъ домахъ въ число прислуги.

III.

Просвѣщеніе и литература при Екатеринѣ II.—Заслуги Карамзина какъ преобразователя русскаго языка.—Злоупотребленія въ администраціи.—Особенность московской жизни: театры, музыка и скачки.—Значеніе комедіи Фон-визина „Недоросль“ для характеристики тогдашняго общества.

Просвѣщеніе при вступленіи Екатерины II на престолъ не было еще особою отраслю государственнаго управленія. С.-Петербургская Академія Наукъ, Сухопутный и Инженерный кадетскіе корпуса и Московскій университетъ были единственными учеными и учебными заведеніями въ Россіи. Въ царствованіе ея, основанъ греческій кадетскій, нынѣ морской корпусъ, и въ Москвѣ главное народное училище для всѣхъ состояній безъ исключенія, даже крѣпостнаго. Сверхъ сего благородный своекоштный университетскій пансіонъ, два или три мужскихъ и женскихъ частныхъ пансіона и нѣсколько уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составляли для Россіи единственные свѣтскіе разсадники народнаго просвѣщенія. Университетомъ управляли: кураторъ, директоръ и ректоръ; училищами—особый директоръ. Благородный университетскій пансіонъ имѣлъ собственнаго директора. Кураторомъ университета былъ при кончинѣ Екатерины извѣстный русскій поэтъ и прозаикъ, въ свое время знаменитый М. М. Херасковъ; директоромъ благороднаго университетскаго пансіона—профессоръ Московскаго университета Прокоповичъ-Антонскій. Московскій благородный пансіонъ образовалъ многихъ государственныхъ чиновниковъ. Студентомъ Московскаго университета былъ Карамзинъ. Въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, сверхъ наукъ, принадлежавшихъ къ гимназическому курсу и въ особенности русской словесности, преподавались языки: французскій, нѣмецкій и англійскій, фехтованіе, музыка и танцы. Курсъ продолжали съ опредѣленнаго времени, и каждый учебный годъ заключался переводнымъ и публичнымъ испытаніями. Къ числу лучшихъ учебныхъ заведеній тогдашняго времени надобно также присоединить частный въ Ревелѣ пансіонъ, въ который многіе извѣстные родители посылали изъ Москвы дѣтей своихъ. Въ вышемъ кругу московскаго общества обученіе и образованіе юношества исключительно поручалось иностраннымъ домашнимъ наставникамъ, которыхъ преимущественно выписывали изъ Женевы, Монбельяра и Страсбурга. Въ двухъ извѣстныхъ въ тогдашнее время

московскихъ домахъ были учителями два замѣчательныя лица: одинъ французъ Маря, другой швейцарецъ Сеже, впоследствии секретарь Женевскаго революціоннаго комитета. Первый находился въ домѣ камергера В. П. Солтыкова, послѣдній — въ домѣ П. А. Толстаго. Когда парижскій Маря сдѣлался ужасомъ челоуѣчества, московскій Маря, родной братъ его, просилъ у императрицы дозволенія перемѣнить свою фамилію и называться по мѣсту рожденія своего Дюбурди, на что получилъ соизволеніе и вступилъ въ російскую службу. Хотя между сими учителями и встрѣчались иногда въ столицахъ прямо ученые люди, но въ губерніяхъ и у помѣщиковъ въ деревняхъ въ учителя, вмѣсто французовъ, нанимались нѣмцы, а въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ домахъ попадались и гасконцы. Имѣя хорошихъ домашнихъ наставниковъ, многіе молодые люди брали сверхъ того private уроки у университетскихъ профессоровъ. Изъ числа учебныхъ предметовъ не исключался иногда и латинскій языкъ; но французскій составлялъ исключительную потребность. Нѣмецкій, англійскій и итальянскій во многихъ домахъ къ нему присоединяли, и многіе русскіе обихъ полсвъ на свихъ языкахъ свободно объяснялись.

Говоря о немногихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи при кончинѣ Екатерины II, нельзя забыть Московскій славяно-греко-латинской академіи, основанной въ 1677 г., замѣчательной какъ по классическому ученію, такъ и по преподаванію древнихъ и новѣйшихъ языковъ, особенно же по великому числу ученыхъ мужей и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ, которые въ ней образовались. Академія находилась на Никольской улицѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Она исключительно предназначалась для духовенства; но въ ней образовались и многія свѣтскія лица, занимавшія впоследствии значительныя мѣста въ государственномъ управленіи и по разнымъ частямъ гражданской службы. На содержаніе ея изъ казны ежегодно отпускалось на учителей, бібліотеку, академическія починки и на содержаніе 500 челоуѣкъ учениковъ 4.840 руб. ассигнаціями!!! Золотой вѣкъ! Впрочемъ, столь малое содержаніе сдѣлается понятнымъ, когда будетъ принято въ уваженіе, что большая часть учениковъ находилась на жительство въ самой академіи, да и внутреннее устройство учебныхъ заведеній тогдашняго времени не представляло тѣхъ потребностей, которыя нынѣ безусловно требуются.

При всей ограниченности учебныхъ заведеній тогдашняго времени, не менѣе того Державинъ, творецъ оды «Богъ», писалъ оды: «Счастіе» и «Вельможу»; Дмитріевъ, Нелединскій, Пушкинъ (Василій) сочиняли премиленькіе стишки, а Карамзинъ извлекалъ изъ славяно-русскаго языка письменный и разговорный языкъ, которымъ красуется 50 лѣтъ русская словесность. Ему принадлежитъ имя родоначальника изящной, благородной, чистой и увлекательной русскаго прозы, которую современники его

скоро оцѣнили и которая быстро распространилась и въ духовныхъ сочиненіяхъ, и въ государственныхъ актахъ, въ оффиціальной и частной перепискахъ. «Письма русскаго путешественника» — образецъ эпистолярнаго и повѣствовательнаго слога. Въ то же время, когда Карамзинъ началъ издавать «Московскій журналъ» и отлично хорошіе переводы свои, другой студентъ Московскаго университета, поступившій уже въ государственную службу, Лабзинъ, извѣстный издатель многихъ собственныхъ сочиненій и переводовъ съ англійскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, начиналъ литературное свое поприще печатаніемъ, для скуднаго русскими сочиненіями русскаго театра, переводовъ своихъ, драмы французскаго писателя Мерсье, «Судья» и комедіи Бомарше, «Фигарова женидба». Замѣчательное время! Въ сіи же послѣдніе годы XVIII столѣтія, въ Александро-Невской академіи созрѣлъ гениальный талантъ. Уроженецъ Владимірской губерніи, сынъ сельскаго священника, студентъ сей академіи, предпочтя ожидавшую его митру на одной изъ первыхъ россійскихъ кафедръ, оставлялъ Невскую академію для поступленія на низшія степени гражданской службы. Сей незабвенный гений былъ — графъ Сперанскій, обновитель русскаго канцелярскаго слога, образовавшася по слогу уложенія и до учрежденія министерствъ доступнаго одному поколѣнію подъячихъ.

Вообще, до начала XIX столѣтія, гражданская служба, на высшихъ степеняхъ государственныхъ должностей, за малымъ исключеніемъ, наполнялась военными людьми, прослужившими пол-жизни со шпагою въ рукахъ и отличенными знаками храбрости и заслугъ. Бѣольшая часть изъ нихъ образовалась въ кадетскихъ корпусахъ и служила въ гвардіи и арміи, отъ первыхъ офицерскихъ до штабскихъ и генеральскихъ чиновъ. Бѣольшая часть сохраняла и при переходѣ въ гражданскую службу чины военные. Сіи заслуженные воины засѣдали въ сенатѣ и коллегіяхъ, занимали мѣста губернаторовъ и вице-губернаторовъ, опредѣлялись предсѣдателями и совѣтниками въ палаты. Занимали высшія должности по выборамъ дворянскимъ и пользовались общимъ уваженіемъ и довѣренностью. Одно секретарство и канцелярскія должности переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, въ кастѣ подъячихъ, которымъ присвоено было, почитаемое однознаменательнымъ, названіе — крючковъ. Смѣло и безошибочно сказать можно, что высшіе и средніе сановники, поступая въ гражданскую службу, въ чинахъ военныхъ, на военномъ поприщѣ заслуженныхъ, не получивъ приготовительнаго образованія къ гражданской службѣ; многіе судьи, совѣтники и предсѣдатели бывали иногда невинными жертвами корыстолюбія своихъ секретарей, руководствовавшихся ихъ невѣжествомъ въ дѣлахъ и торговавшихъ ихъ совѣстью, что и было причиною, что дѣла самыя справедливыя искажались пристрастіемъ и подкупомъ. — Члены судовъ въ согласіи съ strap-

чими и прокурорами не боялись ни коллегій, ни сената, ни генераль-прокурора, съ канцеляріями и секретарями которыхъ они состояли въ корыстныхъ связяхъ; и потому все зависѣло, по старинной поговоркѣ: «не отъ суда—а отъ судьбы». Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, подкупъ сдѣлался къ несчастію всеобщимъ; всѣ должности были оцѣнены и, къ стыду времени и нравовъ, продавались дѣлопроизводителями временщиковъ тому, кто платилъ больше.

Здѣсь спросятъ можетъ быть, что способствовало въ сіе время къ искаженію законовъ и взяточничеству? Время и опытъ на сіе отвѣтствуютъ: гдѣ нѣтъ полнаго, яснаго и опредѣлительнаго свода законовъ, извѣстнаго всѣмъ гражданамъ, гдѣ допускаются изыятія, гдѣ рѣшеніе дѣла зависитъ отъ изложенія, дѣлаемаго секретаремъ, гдѣ тяжущіеся или подсудимый при сужденіи защищать правъ своихъ не могутъ, тамъ искаженіе законовъ и взяточничество должны господствовать.

Невѣжество законовъ было во времена Екатерины главнымъ основаніемъ мадонства. Оно питало и алчность и корыстолюбіе подъяческаго племени, для котораго вѣра заключалась въ ношеніи на шеѣ креста, а благородство въ 14-мъ классѣ, доставлявшемъ титулъ «благородіе».

Большая часть подъячихъ всѣхъ степеней и отгѣнковъ не почитала даже преступнымъ торговаться съ тяжущимися до принятія той или другой стороны. Къ прискорбію согласиться должно, что въ достославное царствованіе Екатерины, корыстолюбіе и мадонство по гражданскому вѣдомству такъ были общими и въ особенности въ послѣдніе годы сего царствованія, что подъ щитомъ безстыдства никто не страшился уже ни упрековъ совѣсти, ни общественнаго мнѣнія.

Съ перенесеніемъ на берега Балтійскаго моря, въ новую столицу, правъ первопрестольнаго города, императоръ Петръ I не хотѣлъ переносить въ нее ни обычаевъ, ни нравовъ, ни повѣрій древняго велико-княжества Московскаго. И убѣжденіемъ, и силою, и властію онъ заставлялъ переселенцевъ московскихъ отставать на берегахъ Невы отъ стародавнихъ своихъ привычекъ и забывать московскіе бороды, охобни и ковши. Но не вся Москва перешла на берега Невы. При Кремлѣ, при Грановитой палатѣ, при соборахъ и Иванѣ Великомъ остались старинныя русскія повѣрья и привычки, которыя, чрезъ сто лѣтъ, ослабли и измѣнились такъ, какъ и самыя московскія зданія. Все стирается въ мірѣ вещественномъ. Одна любовь къ отчизнѣ не ветшаетъ и не гаснетъ въ сердцахъ, дышущемъ благосостояніемъ земли родной. Самоѣдъ въ сыромъ подземельѣ ѣстъ невареную рыбу, и на родинѣ своей доволенъ и счастливъ. Большинство старыхъ бояръ московскихъ, почитая преобразование неволею и не желая имъ подвергнуться, осталось при стѣнахъ кремлевскихъ. Петръ и не насилывалъ ихъ. Менѣе зараженные

боярствомъ и старообрядчествомъ оставили и бороды, и Москву и перенбрались за Петромъ въ ново-заложенную имъ столицу Россійской имперіи. Москва оставалась еще Москвою до кончины Екатерины. Въ восьмидесятыхъ только годахъ XVIII-го столѣтія молодое русское дворянство, настроенное французскимъ философизмомъ, подавалось уже на французскія новизны. Такъ дома: графа Шереметьева, сына фельдмаршала, князей Голицыныхъ, потомковъ фельдмаршала и адмирала, фельдмаршала графа Разумовскаго, графовъ Салтыковыхъ, графовъ Орловыхъ, князей Долгоруковыхъ, князей Вяземскихъ, князей Барятинскихъ, князей Щербатовыхъ, графовъ Головиныхъ, графовъ Головкиныхъ и многихъ другихъ, представляли во всемъ блескъ картину наслѣдственной знатности, богатства и гостепрѣимства во всѣхъ видахъ. Огромные въ Москвѣ дома, великолѣпныя подгородныя владѣнія, не уступавшія царскимъ помѣстьямъ и дворцамъ, находившіяся въ окрестностяхъ Москвы, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ соединяли прелестнѣйшія мѣстоположенія и огромныя каменные зданія. Кусково и Останкино, принадлежавшія оберъ-камергеру графу Шереметьеву, Архангельское, принадлежавшее князю Голицыну, Ильинское—графу Остерману и многія другія подмосковныя, въ окрестностяхъ города и въ Московской губерніи находящіяся и принадлежавшія, какъ родовыя достоянія, знаменитому древнему московскому дворянству, остались и понынѣ памятниками великолѣпія и вкуса тогдашняго времени. Впрочемъ, если нынѣ чертоги и сады сихъ помѣстій не оживлены тѣмъ блескомъ, который придавало имъ присутствіе ихъ именитыхъ владѣтелей, со всѣмъ тѣмъ по нимъ судить можно, что, въ концѣ послѣдняго вѣка, русское высшее дворянство не уступало европейскимъ знаменитостямъ ни въ утонченномъ образѣ жизни, ни во вкусѣ, ни въ обладаніи драгоцѣнными произведеніями художествъ, ни въ личномъ образованіи, свѣдѣніяхъ и любезности.

Въ концѣ царствованія императрицы Екатерины спектакли и музыка сдѣлались любимою забавою высшаго московскаго общества. Многіе знатные дома имѣли огромные оркестры для концертовъ и баловъ и собственные театры, актеровъ для комедій и оперъ и танцовщиковъ для балетовъ. Всѣ эти актеры и музыканты набирались изъ крѣпостныхъ людей,—и какъ только могли, наилучшимъ образомъ отправляли свое ремесло; но между ними встрѣчались иногда способные, которые, родясь въ Италіи, сдѣлались бы хорошими артистами и виртуозами.

Театральныя представленія въ Кусковѣ были великолѣпны. Пространство сцены, богатое убранство, докораціи, гардеробъ и число актеровъ и музыкантовъ позволяли постановку всѣхъ родовъ трагедій и оперъ. Богатство и великолѣпіе сего домашняго театра не мѣшало, впрочемъ, и другимъ достаточнымъ владѣльцамъ имѣть также свои театры, орке-

стры, балеты и актеровъ, также изъ своихъ вѣрноподанныхъ людей. До 1796 года извѣстны въ Москвѣ постоянные театры въ домахъ князя П. М. Волконскаго и князя В. Н. Щербатова. Въ первомъ еженедѣльно давались представленія оперъ, драмъ и комедій. Въ 1794 и 1795 годахъ я видѣлъ на семь театрѣ очень хорошо разыгранныя по-русски оперы и въ переводѣ извѣстныя драмы и комедіи французскаго и нѣмецкаго театровъ. Очень хорошіе оркестры находились также въ домахъ: князя Куракина и гг. Еропкина и Приклонскаго.

Собственно для города въ Москвѣ существовалъ одинъ театръ, который содержалъ иностранецъ Медоксъ. Зданіе театра, довольно огромное каменное, находилось на улицѣ, называемой Петровкой, почему и театръ назывался Петровскимъ. Три раза въ недѣлю въ семь театрѣ давались представленія. Три первые яруса ложъ были абонированы на годъ;—вообще театръ могъ помѣщать до 3.000 человекъ. На семь театрѣ давались трагедіи, драмы, комедіи, оперы и балеты.

Если русскій репертуаръ и былъ бѣденъ оригинальными твореніями, то въ переводахъ являлись и французскія, и англійскія, а большею частію драмы и комедіи Коцебу. Такъ, я видѣлъ Шериданову комедію: Школу злословія и драмы Мерсье Уксуэника, Евгенію и многія другія пьесы, съ иностранныхъ языковъ переведенныя и отлично хорошо разыгранныя, можно сказать, первостепенными артистами, какими дѣйствительно были Померанцевъ, Шушеринъ, Плавильщикова и Сандуновъ, актриссы Снявская и Сандунова. Изъ оригинальныхъ русскихъ трагедій играли еще изрѣдка «Самозванца» Сумарокова; изъ комедій: «Модную лавку» Крылова, «Лебедянскую ярманку» Копьева и «Недоросля» Фонвизина, въ которомъ въ роли няни Еремѣевны смѣшил публику райка актеръ Ожогинъ. По большей же части играли пьесы Шиллера, Коцебу и другихъ трагиковъ и комиковъ нѣмецкаго и французскаго репертуаровъ. Въ 1794 году я видѣлъ на московскомъ Петровскомъ театрѣ и «Гваделупскаго жителя», и «Малабарскую вдову». Сверхъ того, на семь театрѣ играли народныя оперетки: «Збитеньщика» соч. Княжнина, «Добрые солдаты»—Хераскова и «Мельника»—Аблесимова. Кто не зналъ тогда наизусть прекрасныхъ куплетовъ «Збитеньщика».

Счастье строить все на свѣтѣ;
Безъ него, куда съ умомъ?
Вѣдять счастье въ каретѣ,
А съ умомъ:—идеть пѣшкомъ!

Московская публика очень любила эти произведенія русскихъ писателей, и ихъ играли довольно часто. На занавѣсѣ московскаго театра, очень простой, изображена была на срединѣ пирамида съ слѣдующею надписью золотыми буквами: Отъ слезъ и смѣха польза.

Въ XVIII-мъ столѣтїи театръ приносилъ болѣе пользы, чѣмъ вреда.

Въ обычаяхъ высшаго круга дворянства того времени принято было безусловнымъ правиломъ включать въ предметы образованія юношества игру на театрѣ, танцованіе, фехтованіе и верховую ѣзду; и русское дворянство въ семъ отношенїи не отставало отъ европейскаго обычая. Вкусъ къ французскому театру и частое обращеніе съ французами много способствовали къ распространенію правильнаго употребленія французскаго языка и отличнаго, по вѣжливости и любезности, обхожденія, какими щеголяло тогда русское дворянство высшаго петербургскаго и московскаго обществъ, въ чемъ всѣ извѣстные путешественники охотно отдавали справедливость.

Въ Москвѣ, въ прекрасно отдѣланныхъ домашнихъ театрахъ: князя Д. Ю. Трубецкаго и И. Н. Зотова (впослѣдствїи графа) очень часто давались исключительно французскіе піесы, въ которыхъ любители театра, изъ высшаго общества, принимали участіе вмѣстѣ съ природными французами. Въ сихъ спектакляхъ и любители музыки играли въ оркестрѣ, которымъ обыкновенно управлялъ князь М. Я. Хилковъ. На своемъ театрѣ, князь Д. Ю. Трубецкой игралъ въ оркестрѣ на виолончели. Я назвалъ эти лица для того только, чтобъ меня не упрекнули въ выдумкѣ. И для того же прибавлю еще нѣкоторыя подробности, по которымъ увѣриться можно будетъ, что я не отдаю преимущества охотникамъ до музыки тогдашняго времени предъ нынѣшними. Музыка игралась въ оркестрахъ самая легкая. Плейелевы и Вангалевы симфонїи; но по такому выбору вовсе нельзя судить о тогдашнемъ музыкальномъ вкусѣ. Крѣпостной музыкантъ М. А. Еропкина, будучи еще ученикомъ, разыгрывалъ въ публичныхъ концертахъ трудную музыку Вютти, Местрино и фуги Кореллиевы. Его воспоминали въ Москвѣ въ восьмисотыхъ годахъ, при игрѣ тѣхъ же концертовъ знаменитыми европейскими скрипачами Роде и Вальо. Въ царствованіе Екатерины, въ Петербургѣ и Москвѣ слушали Маркези, Тоди и Дица. Всѣ европейскіе таланты не по одному только имени въ обѣихъ столицахъ были извѣстны; большая часть изъ нихъ прїѣзжала въ Россїю.

Весьма замѣчательно какъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ размножилось нынѣ въ Россїи изученіе музыки, особенно на клавинофордахъ, извѣстныхъ подъ именемъ піано-рояль. Нѣтъ приблизительнаго даже сравненія, которое въ семъ отношенїи употребить можно бы было. За пятьдесятъ лѣтъ, въ дворянскихъ только, и то немногихъ домахъ, учили музыкѣ, и я не ошибусь, сказавъ, что въ 1796 году едва-ли въ Москвѣ двадцать такихъ домовъ насчитать можно было. Въ сихъ же домахъ, едва-ли въ половинѣ занимались Гайдномъ и другими музыкальными классиками. Молодыхъ баричей преимущественно учили играть на

скрипкѣ, нѣкоторыхъ на віолончели и на фортепьяно; но мало между ними насчитать можно было такихъ, которые заслуживали бы имя музыкантовъ. Музыка въ высшемъ обществѣ почиталась столько же необходимою въ образованіи какъ и танцы; но верхомъ совершенства въ музыкѣ считалось умѣніе разыгрывать Гайдна и Моцарта, а въ танцахъ умѣніе протанцовать минуэтъ французской королевы и французскую кадрили Монако. Кто это умѣлъ, тотъ былъ замѣченъ и почитался очень хорошо воспитаннымъ. Нынѣ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, вѣроятно, въ Петербургѣ и Москвѣ не найдется дома, въ одномъ изъ этажей котораго не было бы фортопьянъ. И въ трактирахъ, и въ кондитерскихъ, и у булочниковъ, и другихъ ремесленниковъ есть флигель, или фортопьяны.

Въ концѣ царствованія Екатерины любимымъ занятіемъ и предметомъ многочисленныхъ съѣздовъ московской публики и стеченія народа сдѣлались лошадиныя скачки, основанныя графомъ А. Г. Орловымъ-Чесменскимъ, которому Россія обязана размноженіемъ породы кровныхъ арабскихъ и англійскихъ лошадей. На сихъ скачкахъ являлись и приводные изъ Англии скакуны и родившіеся на заводахъ графа и другихъ охотниковъ. Я видѣлъ на сихъ скачкахъ знаменитаго тогда скакуна Гривъ-Дейгомеда, котораго цѣнили въ двадцать тысячъ рублей, Эклипса, Тромпетера, Роксолану, родившуюся на заводѣ графа, и много другихъ, именъ которыхъ не припомню.

Образъ жизни московскаго высшаго круга въ сію эпоху представлялъ старинный бытъ русскій, съ которымъ сливались еще воспоминанія Грановитой палаты и Краснаго крыльца. Старый Кремль оставался еще въ той же неприклонности и въ томъ видѣ, въ какихъ былъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и живо напоминалъ еще Москву Грознаго и Москву Годунова. Только сенатъ, арсеналъ и домъ митрополита свидѣтельствовали, что архитектура теремовъ уступала уже мѣсто архитектурѣ европейской. Кремль оставался еще неизмѣннымъ типомъ столицы Московскаго царства. Что касается до прочихъ частей города, то на многихъ улицахъ подлѣ деревянныхъ ветхихъ хижинъ подымались уже большіе каменные дома. Прямая Тверская улица отъ заставы до Кремлевскихъ воротъ, называемыхъ Курятными, представляла огромные дворцы: князя Голицына, который занимала Екатерина въ бытность свою въ Москвѣ, Мамонова, князей: Гагарина и Долгорукова, въ которомъ помѣщался единственный тогда въ Москвѣ кофейный домъ и конфектная лавка, которые содержала старая французженка, живой портретъ парижскихъ рыбныхъ торговцевъ, мадамъ Шню.

Во всемъ городѣ на самыхъ большихъ улицахъ: Покровкѣ, Мясницкой, Стрѣтенкѣ, за Москвою-рѣкою, въ Нѣмецкой слободѣ и на самыхъ отдаленныхъ пунктахъ города встрѣчались уже огромныя зданія, и сна-

ружи и внутри богато по послѣднему вкусу отдѣланныя. Впрочемъ по всему городу такихъ домовъ не болѣе пяти или шести сотъ насчитать можно было. Я здѣсь исключительно говорю о домахъ, знатнымъ владѣльцамъ принадлежавшихъ, отличавшихся внутреннимъ расположеніемъ, не уступающимъ нынѣшнимъ, не присоединяя къ нимъ домовъ каменныхъ и деревянныхъ, принадлежавшихъ достаточнымъ дворянамъ и купцамъ, но простой наружности въ одно и два жилия. Такихъ разсѣянныхъ по городу домовъ было очень много,—и между ними оставались нѣкоторые съ желѣзными наружными ставнями, каменными заборами и тяжелыми всегда запертыми воротами.

Несмотря на большое уменьшеніе приходскихъ церквей, оставшееся ихъ понынѣ число свидѣтельствуетъ, что Москву называли бѣлокаменной не по частнымъ домамъ, но исключительно по Кремлю и церквамъ, изъ коихъ многія построены изъ тесаного бѣлаго камня. Дома графовъ Шереметьева, Разумовскаго, князей Голицыныхъ и вообще всѣхъ знатныхъ потомковъ древнихъ бояръ представляли расположеніе и убранство царскихъ дворцовъ. Въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины, сдѣлались въ Москвѣ извѣстными два огромные дома, принадлежавшіе малочиннымъ дворянамъ: Пашкову и Салтыкову. Первый замѣчательнъ и по архитектурѣ и по саду, расположенному по горѣ довольно высокой, вдоль улицы, называемой Моховою; второй—по большой круглой залѣ съ хорами, въ которой давались концерты и балы. Я полагаю, что подробное описаніе Москвы и планъ города за восемьдесятъ только лѣтъ назадъ изумили бы настоящее поколѣніе: такъ измѣнилась и наружность города и самая его мѣстность. Я родился въ Москвѣ въ 1773 году и, бывъ въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія на моей рѣдинѣ, не видалъ уже той Москвы какъ она была въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія.

Если Фонвизинъ, съ небольшимъ за пятьдесятъ лѣтъ, написалъ Недоросля, то онъ писалъ его не съ тою цѣлію, чтобъ смѣшить только зрителей въ райкѣ. Онъ начертилъ вѣрнѣйшую картину нравовъ, понятій и обычаевъ тогдашняго московскаго и губернскаго дворянства, не принадлежавшаго къ высшимъ разрядамъ общества, обнаружилъ полубоярскую спѣсь мелкихъ дворянъ, пристыдилъ грубое невѣжество людей, называвшихся благородными, и если не заставилъ дворянъ своего времени перевоспитаться, то заставилъ ихъ по крайней мѣрѣ прикрывать свои грубые понятія, свое грязное невѣжество и еще грязнѣйшіе обычаи и привычки. Онъ вовсе не преувеличилъ ни глупости, ни злости дворянъ Простаковыхъ и Скотининыхъ, а показалъ только ихъ на театральномъ помостѣ, каковыми они въ домахъ и кругу семействъ своихъ дѣйствительно были. Онъ представилъ со всею вѣрностію, какимъ настоящимъ безграмотнымъ дворяне ввѣряли образованіе дѣтей своихъ.

*

Если на Вральмана не похожи всѣ учителя французы и нѣмцы послѣдняго двадцатилѣтія XVIII столѣтія, то Цыфиркинъ и Кутейкинъ настоящіе портреты тогдашнихъ русскихъ учителей грамоты и ариметики. Въ Москвѣ, конечно, не болѣе десяти человѣкъ насчитать можно было законоучителей и учителей русскаго языка, достойныхъ сего названія. Всѣ прочіе русскіе преподаватели были дьячки приходскіе и артиллеристы.

Въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ дѣтей мало занимали законоученіемъ и русскою грамотою. Чѣмъ домъ былъ знатнѣе, тѣмъ менѣе въ немъ думали о русскомъ языкѣ, на которомъ дѣтямъ говорить даже между собою запрещали. Княжескіе и боярскіе сынки и дочки потому то и объяснялись по-французски лучше, чѣмъ на своемъ природномъ языкѣ; разумеется они знали языкъ только разговорный, въ гостиныхъ употребляемый, но и на семь языкѣ грамматически рѣдко писать умѣли. Что же касается до русскаго языка, то и родители сихъ полуфранцузовъ едва смогли бы составить по-русски въ нѣсколько строчекъ письмо или записочку. Въ началѣ еще царствованія императора Павла, многіе вельможи писали на своемъ языкѣ, какъ говорили: безъ всякаго правописанія и знаковъ препинанія. Слогъ самыхъ знатныхъ подходилъ къ церковному или наполненъ былъ галлицизмами. Самые ученые, до Карамзина, писали языкомъ церковныхъ книгъ, смѣшаннымъ съ языкомъ разговорнымъ, что встрѣчается въ сочиненіяхъ и Хераскова и Державина, не говоря о слогѣ писателей менѣе извѣстныхъ. Со времени только Сперанскаго, по учрежденіи министерствъ, въ официальныхъ бумагахъ, присутственныя мѣста и лица, подражая слогу министерскихъ предписаній и слогу журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, начали оставлять и подъяческія выраженія и самый почеркъ, похожіи на церковный полу-уставъ, и стали сблизаться съ слогомъ Карамзина и Сперанскаго.

Высочайшіе рескрипты Екатерины II, сенатскіе и коллежскіе акты представляютъ такую разницу съ тѣми, которые замѣнили ихъ въ началѣ 1800 года, что перемѣну сію, по всей справедливости, приписать должно Карамзину, дѣйствительному преобразователю языка, до него тяжелого и необработаннаго; тому служить свидѣтельствомъ всѣ русскіе книги, сочиненія и переводы, отъ Петра Великаго до Карамзина изданные. Съ появленіемъ только «Московскаго журнала», по возвращеніи Карамзина изъ заграничнаго путешествія, богатство, красота и сила русскаго языка начали развиваться и прихочивать русскія образованныя сословія къ чтенію русскихъ сочиненій; чему, безспорно до него, начали пролагать дорогу: Новиковъ, Херасковъ и Державинъ!

Правда, Карамзинъ ввелъ въ русскій языкъ множество иностранныхъ словъ, но симъ то самымъ и обогатилъ его. И что же! зависть и невѣ-

жество разглашали тогда, вопреки очевидной пользѣ, которую принесло сіе введеніе. Говорили, что Карамзинъ портить русскій языкъ—и называли его нѣмецкимъ русакомъ. Скоро послѣдователи его—Дмитріевъ, Пушкинъ (Василій) Крыловъ и, разсадникъ лучшихъ нашихъ литераторовъ, Московскій благородный университетскій пансіонъ безусловно приняли слогъ Карамзина и образцовыя сочиненія его тогдашняго времени: «Бѣдная Лиза», «Наталья боярская дочь», «Письма русскаго путешественника» и «Критика новѣйшихъ русскіхъ сочиненій и переводовъ», основательная безпристрастная и наставительная—заставила наконецъ всѣхъ отдать прозѣ Карамзина преимущество предъ прозою Ломоносова и Хераскова и всѣхъ, кто до него писалъ.

Въ сіе время, когда не всѣ знатныя барыни и писать умѣли, племянница Хераскова А. П. Хвостова, подражая слогу Карамзина, написала премиленькую бездѣлку: Каминъ, который лежалъ на всѣхъ столахъ гостинныхъ и кабинетовъ и который всѣ съ удовольствіемъ читали. Впрочемъ Хвостова была не первая женщина, которая въ царствованіе Екатерины занималась русскою словесностью: г-жа Хруцова, извѣстна въ русской библиографіи гораздо прежде переводомъ Мармонтелеваго сочиненія *Инки*.

Независимо отъ «Московского журнала», въ которомъ большая часть статей въ стихахъ и прозѣ и переводовъ принадлежали перу Николая Михайловича, онъ вмѣстѣ съ журналомъ своимъ издавалъ «Аониды», «Мои бездѣлки» и превосходные переводы, какихъ до сего русскіе не имѣли. Неугомонная его ревность, стараніе и дѣятельность такую принесли русской словесности пользу, что она ни съ какою другою сравнена быть не можетъ. Онъ создалъ языкъ, которымъ образованное общество въ Россіи и говорить и на которомъ писать; сблизилъ русскіхъ съ природнымъ ихъ языкомъ, величественнымъ и сладкозвучнымъ, и, можно сказать, приохотилъ ихъ къ просвѣщенію. Подражая Карамзину, около того же времени и я напечаталъ переводы мои: путешествіе въ Крымъ и Константинополь, сочиненіе англичанки Кривень, и отрывокъ изъ сочиненія Дидерота, подлинникъ котораго, исправленный мѣстами рукою Карамзина, и теперь у меня хранится. Тогда же перевелъ я и «Бѣдную Лизу» на французскій языкъ, чтобъ и французовъ познакомить съ Карамзинымъ. Ничтожные опыты, которые нынѣ, чрезъ 50 лѣтъ, едва ли и у букинистовъ найдутся, тогда же, когда она вышла изъ печати, и объ нихъ говорили.

Рѣшительно сказать должно, что образованность, происходящая отъ нравственнаго и умственнаго просвѣщенія въ тридцати четырехъ лѣтнее царствованіе Екатерины, была удѣломъ весьма немногихъ. Хотя дворянство, къ высшимъ степенямъ общества принадлежавшее, и видѣло и знало, что императрица щеголяла знаніемъ русскаго языка, писала

на немъ охотно и занималась сочиненіями русскими, все-таки предпочитало отечественному языку языкъ французскій.

Отъ Петра I-го до Екатерины II русская словесность изъ свѣтскихъ писателей красуется однимъ Ломоносовымъ, изъ духовныхъ насчитать ихъ можно болѣе, но писанія сихъ послѣднихъ очищали болѣе славянскій, а не русскій языкъ; совсѣмъ тѣмъ, первыми наставниками и преподавателями русской словесности Россія исключительно обязана духовнымъ училищамъ. Всѣ прочіе распространившіеся по Россіи до кончины императрицы Екатерины свѣтскіе учителя рѣшительно принадлежать по образованію своему или Московскому университету, или учрежденнымъ при С.-Петербургской Академіи наукъ и шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ гимназіямъ, которыя современемъ снабдили всѣ по государству училища хорошими преподавателями, а службу — дѣловыми людьми. Словесность русская отъ Ломоносова до Карамзина шла медленно и подъ перомъ Державина только показала, какимъ исполиномъ ей предназначено быть въ числѣ прочихъ словесностей. И Державинъ, истинный поэтъ-философъ, и Херасковъ, лучший прозаикъ въ концѣ XVIII столѣтія, и митрополитъ Платонъ, краснорѣчивѣйшій витія своего времени, и священникъ Десяницкій, впоследствии митрополитъ Михаилъ, неутомимый проповѣдникъ христіанскаго ученія, — сіи знаменитые мужи, какъ равно и преобразователь русскаго разговорнаго и письменнаго языка Карамзинъ, принадлежать къ царствованію императрицы Екатерины II.

IV.

Николай Ивановичъ Новиковъ и его значеніе въ народномъ просвѣщеніи. — Издательская дѣятельность Новикова. — Участіе его въ воспитаніи Н. М. Карамзина. — Заслуги Новикова по собиранію матеріаловъ для исторіи Россіи. — Печальная судьба, его постигшая.

Къ сей эпохѣ принадлежитъ извѣстный Николай Ивановичъ Новиковъ, русскій родовой дворянинъ, безъ котораго русская словесность и отечественная исторія едва дошли бы съ небольшимъ въ полвѣка до такой высоты, на которой стояли уже въ началѣ XIX столѣтія.

Николай Ивановичъ Новиковъ, какъ и всѣ русскіе природные дворяне его современники, началъ службу въ гвардіи, но бывъ съ самой молодости слабого здоровья, скоро ее оставилъ. Имѣя умъ и способности необыкновенныя, пылкій характеръ и дѣятельность неумовѣрную, онъ не могъ ограничить послѣдней образомъ жизни столичныхъ городовъ или посвятить себя въ деревнѣ сельскимъ занятіямъ. Ему надобна была пища

для ума и сердца, и въ Петербургѣ еще онъ занялся отечественною словесностію, которая только что развилась подъ перомъ Ломоносова. Онъ долженъ былъ превозмочь величайшее затрудненіе, которое представляло ему незнаніе ни древнихъ и ни одного изъ новѣйшихъ европейскихъ языковъ; но при рожденіи онъ былъ обреченъ страстно любить науки и отдавалъ имъ преимущество предъ всѣми приманками разсѣянной свѣтской жизни. Ему суждено было быть первымъ въ Россіи распространителемъ народнаго просвѣщенія, посредствомъ изданія переводовъ и вообще книгопечатанія. Оставя службу онъ не оставилъ Петербурга и скоро сдѣлался извѣстенъ знатнымъ особамъ того времени, которые поняли и оцѣнили его, скоро сдѣлался онъ извѣстнымъ и самой императрицѣ, чрезъ изданіе первыхъ періодическихъ листовъ въ Россіи. До него вся журналистика ограничивалась «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и календарями, при Академіи наукъ издаваемыми. Листки, которые издавалъ Новиковъ, какъ новость и первый опытъ, привлекли ему благоволеніе императрицы.

Живописецъ, Утренній свѣтъ, Вечерняя зоря и Московское ежемѣсячное изданіе можно назвать краеугольными камнями русскихъ періодическихъ сочиненій. Я указываю здѣсь на нѣкоторыя, ибо они были дѣдушками русскихъ журналовъ, какъ ботикъ Петра Великаго, по замысловатому сравненію, дѣдушкою русскаго флота. Надобно здѣсь замѣтить, что въ сію эпоху въ Петербургѣ, по подражанію другихъ столицъ, и масонство имѣло свой востокъ—ягрушка, въ которой многія знатныя лица и люди, принадлежащіе къ высшему кругу, принимали участіе, какъ равно и Новиковъ, по связи съ ними, въ ней участвовали, принадлежа къ лучшему обществу въ городѣ. Масонство не почиталось тогда ни опаснымъ, ни предосудительнымъ, хотя во многихъ возбуждало недовѣрчивость. Въ это же время и въ Москвѣ былъ небольшой кругъ людей, принадлежащихъ къ сему сословію. На масонство была мода, а модѣ кто не слѣдуетъ? Масонскія ложи существовали и при многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и во многихъ губернскихъ городахъ.

Новиковъ съ пламенною душою и возвышеннымъ духомъ искалъ только случая и возможности заняться такимъ дѣломъ, которое служило бы къ распространенію народнаго просвѣщенія, любви къ наукамъ и отечественной словесности, чрезъ изданіе и печатаніе извѣстнѣйшихъ сочиненій, коими славятся древніе и новѣйшіе языки. Единственнымъ средствомъ къ тому представлялось откупное содержаніе московской университетской типографіи, единственной тогда въ Москвѣ, которая отдавалась съ торга тому, кто предлагалъ выгоднѣйшую предъ другими плату. Новиковъ, оставивъ Петербургъ и пріѣхавъ въ Москву, взялъ на откупъ университетскую типографію, около 1780 года судя по

находящемуся у меня экземпляру Христіанскаго календаря на 1784 годъ, печатавшему, какъ стоитъ на заглавномъ листѣ: и ж д и в е н і е м ъ Н. Новикова и компаніи. Въ Москвѣ въ Университетской типографіи у Н. Новикова. 1784 года.

Въ Москвѣ Новикова ожидали и громкая молва, и невѣроятныя бѣдствія, и нелицеприятная признательность потомства. Могъ-ли ожидать сего рядовой московскій дворянинъ, въ чинѣ отставнаго поручика, при небольшомъ имѣніи, отъ предковъ до него дошедшемъ, гдѣ онъ и жизнь кончилъ въ глубокой, болѣзненной старости, при крайнихъ недостаткахъ, въ отчинѣ, заложенной въ казну, съ которой онъ не получалъ и столько дохода, котораго бы доставало, чтобы жить дряхлomu съ тремя-большими дѣтьми и выплачивать ежегодныя проценты. Николай Ивановичъ Новиковъ кончилъ жизнь около 1820 года. Если ему было при кончинѣ около 70 лѣтъ, то когда онъ взялъ типографію Московскаго университета на откупъ, онъ могъ быть не старѣе 35 лѣтъ. Предъ кончиною его, я былъ съ нимъ, послѣ двадцати-пяти-лѣтняго знакомства, въ самой тѣсной дружественной связи. Подъ конецъ жизни, несмотря на постоянно болѣзненное состояніе и ежедневныя жестокія страданія, онъ сохранилъ всю живость ума, всю силу духа и всю свѣжесть пламеннаго воображенія, свойственныя возмужалому совершеннолѣтнію. Несмотря на мучительную болѣзнь и на то, что онъ содержался до кончины Екатерины II, около десяти лѣтъ, въ Шлиссельбургской крѣпости въ казематѣ, испытавъ всѣ ужасы преслѣдовавшихъ его злобы, лжи и клеветы, сей необыкновенный человѣкъ мало извѣстенъ своимъ соотечественникамъ потому только, что путь къ славѣ привелъ его къ заточенію, и что посѣянные имъ сѣмена пожаты другими!

У меня сохранилась многолѣтняя переписка съ симъ достойнѣйшимъ человѣкомъ въ собственноручныхъ его письмахъ. Давно сказалъ Вергилій: всегдашнее ко всему равнодушіе современниковъ разбужается обыкновенно или подкупомъ, или лестію.—Безиристрастіе потомства, и чрезъ вѣка протекшіе послѣ смерти, воздастъ достойному достойное. Новиковъ принадлежитъ къ числу немногихъ орудій, подготовленныхъ великимъ преобразователемъ Россіи, которыя и послѣ смерти его продолжали развивать его начала. Петръ въ свое время сдѣлалъ бы Новикова вторымъ Меньшиковымъ.—Екатерина его не разгадала.

По перѣздѣ въ Москву, сдѣлавшись содержателемъ университетской типографіи, онъ немедленно приступилъ къ изданію переводовъ сочиненій богословскихъ, философскихъ, историческихъ и многихъ другихъ, коими славятся древніе и новѣйшіе языки; но онъ не ограничился единственно симъ предметомъ. Невѣроятная дѣятельность и предпріятія обширныя, къ пользѣ общей клонившіяся, и виды, какіе онъ имѣлъ при взятіи на откупъ Московской университетской типографіи, свидѣ-

тельствуютъ о необыкновенныхъ усиляхъ и трудахъ сего вѣчной благодарности русскихъ достойнаго ихъ согражданина. Онъ придвинулъ успѣхи просвѣщенія на цѣлый вѣкъ впередъ, обогативъ училища учебными книгами, а общество многими переводами, которые сдѣлали доступными сочиненія иностранныхъ писателей для соотечественниковъ его, не знавшихъ иностранныхъ языковъ. Университетъ Московскій и Новиковъ первоначально, за нимъ Карамзинъ принесли и просвѣщенію, и словесности русской неоцѣнимыя услуги, возбудивъ вкусъ и охоту къ ученію. Усовершенствовавъ книгопечатаніе они развили книжную торговлю, которая до Новикова едва переходила за предѣлы мелочной промышленности. Я сказалъ выше, что Новиковъ принадлежалъ въ Петербургѣ къ кругу масоновъ, не весьма обширному, и по переѣздѣ въ Москву, съ професоромъ Московскаго университета Н. Г. Шварцомъ завелъ онъ также небольшое масонское общество, къ которому принадлежали извѣстнѣйшія лица московскаго дворянства. Я не распространю здѣсь насчетъ сего общества, довольно извѣстнаго и въ Европѣ и Америкѣ, но говоря и о немъ, какъ о заведеніи, начатомъ Новиковымъ, присовокуплю, что компанія, главою которой онъ былъ, завела въ Москвѣ сверхъ типографіи обширную аптеку и лабораторію, которыми управлялъ выписанный изъ Германіи ученый химикъ Бинтгеймъ. Капиталь компаніи, составившійся изъ суммъ многочисленныхъ вкладчиковъ, въ наличныхъ деньгахъ, въ типографскихъ и аптекарскихъ матеріалахъ заключавшійся, и огромный кредитъ доставляли компаніи всю возможность безпрепятственно расширять кругъ своихъ дѣйствій. Бывшій домъ графа Гендрихова на Яузѣ, огромное каменное зданіе, былъ уже собственностію компаніи, пріобрѣтенною чрезъ покупку. Я не коснусь здѣсь видовъ, приписываемыхъ Новикову, за которые онъ жестоко пострадалъ, присоединивъ ихъ къ типографскимъ своимъ оборотамъ. Они ничего общаго не имѣютъ съ литературными его заслугами. По прошествіи 50 лѣтъ, къ Новикову можно въ переносномъ смыслѣ отнести сказанное Ломоносовымъ о Петрѣ Великомъ, при спускѣ карабля, что русскіе въ лодочкѣ, на лужѣ, чуть бы сидѣли, когда-бъ не имѣли Великаго Петра!—Если-бы русская словесность не имѣла за 70 лѣтъ назадъ Н о в и к о в а, она не была бы на той высотѣ, на которой стоитъ нынѣ; можетъ быть, съ тѣми только словесностями славянскихъ нарѣчій, которыя едва занимаютъ ученую Европу. Нынѣ, словесность русская вдвинута въ рядъ словесностей французской, англійской и нѣмецкой, и уповательно, чрезъ 100 лѣтъ, при правнукахъ нашихъ, и въ Л о н д о нѣ, и въ П а р и жѣ по-русски и говорить и читать будутъ!

До Новикова, каталогъ русскихъ оригинальныхъ сочиненій и переводовъ былъ весьма ограниченъ. Такъ какъ я не пишу исторію Россійской словесности, то и не буду входить въ подробности, до сего любо-

пытнаго предмета относящіяся. Стоитъ только имѣть въ рукахъ, каталоги книгъ московской университетской книжной лавки отъ взятія Новиковымъ на откупъ университетской типографіи до года его заточенія, чтобъ удостовѣриться, какъ ничтожны были въ это время печатаніе и торговля русскими книгами. Впрочемъ не надобно забывать, что съ половины только XVIII столѣтія, въ царствованіе императрицы Екатерины, русскія книги вообще начали размножаться, хотя впрочемъ все еще весьма медленно. Новиковъ, взявъ университетскую типографію на откупъ, быстро принялся за печатаніе русскихъ сочиненій и переводовъ и оставилъ послѣ себя каталогъ, по которому можно уже было составить собраніе книгъ, не въ одну сотню томовъ. Чтобъ оцѣнить труды его, довольно указать на одно изданіе Древней Россійской Вивліюеки многотомной книги, въ которой онъ воскресилъ заплесявшія въ сырыхъ кладовыхъ древнія рукописи, познакомилъ русскихъ съ предками ихъ и подготовилъ Карамзину и русской исторіи основаніе къ повѣркѣ и объясненію русскихъ древностей. Вивліюека по всей справедливости заслуживаетъ названія указателя, по которому любители древностей собрали драгоцѣнныя матеріалы, и самая археографическая коммиссія нашихъ временъ обогатилась драгоцѣнными приобрѣтеніями для отечественной исторіи. Новиковъ первый приступилъ къ разработкѣ обильной почвы русской старины.

Сколько имъ издано самыхъ полезнѣйшихъ книгъ для воспитанія и образованія юношества; сколько такихъ, которыя познакомили съ христіанствомъ и молодыхъ и старыхъ христіанъ. Многіе изъ нихъ, проживъ десятки лѣтъ, все еще думали, что христіанство дозволяетъ вышибать зубъ—за вышибленный зубъ, выкалывать глазъ—за выколотый глазъ, и высыпать врагу изъ жаровни горячія уголья на голову. Самые календари, печатанные въ Москвѣ въ университетской типографіи при Новиковѣ, составлены были въ видѣ руководства къ ознакомленію свѣтскихъ людей съ евангельскимъ ученіемъ и съ христіанскою нравственностію. Сверхъ того Новиковымъ издано много книгъ о предметахъ богословскихъ, переводахъ изъ твореній святыхъ отцовъ восточной церкви и произведеній ученѣйшихъ мужей древняго и новаго міра. Къ сожалѣнію, всѣ сочиненія и переводы, изданные Новиковымъ, принадлежатъ къ такой эпохѣ, въ которую русскій языкъ едва начиналъ очищаться отъ славянщины временъ Петра I-го, а потому въ примѣненіи къ словесности нашего времени, сочиненія сіи большой цѣны и не имѣютъ; со всѣмъ тѣмъ, неотъемлемое достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они были началомъ быстрыхъ успѣховъ въ усовершенствованіи русскаго языка и русской словесности.

По обширнымъ связямъ знакомства, общаго уваженія и довѣренности, которыми пользовался Новиковъ, онъ много содѣйствовалъ къ

развитію способностей въ молодыхъ людяхъ, которые дѣлались ему извѣстными; я укажу здѣсь на одного студента Московскаго университета, небогатаго симбирскаго дворянина покойнаго русскаго историографа Карамзина. Бывъ замѣченъ по отличнымъ способностямъ своимъ нѣкоторыми членами общества, главою котораго былъ Новиковъ, Карамзинъ обязанъ имъ знакомствомъ съ почтеннымъ семействомъ А. А. Плещеева, которое приняло его въ домъ свой какъ сына, не отличало отъ собственныхъ дѣтей своихъ и въ послѣдствіи содѣйствовало возможными способами къ отправленію его за границу. Выѣхавъ изъ дому Плещеевыхъ, онъ во все время путешествія своего находился въ постоянной перепискѣ съ благодѣтельными друзьями своими. Какія же чувства онъ питалъ къ нимъ, видѣть можно изъ «Писемъ русскаго путешественника», писанныхъ во все время отсутствія его къ Настасьѣ Ивановнѣ Плещеевой, урожденной Протасовой, на меньшей сестрѣ которой онъ по возвращеніи въ Россію былъ женатъ въ первый разъ. Карамзинъ и по приѣздѣ изъ чужихъ краевъ въ Москву возвратился въ домъ тѣхъ же постоянно благодѣтельныхъ друзей своихъ Плещеевыхъ; и проводя трудолюбивую молодость въ ученыхъ занятіяхъ и въ кругу друзей своихъ, онъ началъ литературное поприще изданіемъ «Московскаго журнала», въ которомъ помѣщены вышеупомянутыя письма. Это былъ первый приступъ Карамзина къ возрожденію русскаго языка и русской словесности. По связи семейства моего съ семействомъ Плещеевыхъ, несмотря на мои шестнадцать лѣтъ, я пользовался расположеніемъ Карамзина, совѣтами и руководствомъ его въ школьныхъ моихъ занятіяхъ и поправкою моихъ ребяческихъ литературныхъ произведеній. Все это сдѣлало меня горячимъ подражателемъ его слога и начатаго имъ преобразованія русской грамоты. До стѣзда моего за границу и по возвращеніи оттуда, знакомство мое съ симъ незабвеннымъ человѣкомъ продолжалось до самой его смерти. Ему единственно принадлежитъ и честь и слава, какъ истинному преобразователю русскаго языка, какъ творцу и новой русской словесности, и краснорѣчивѣйшему повѣствователю о началѣ, событіяхъ и возрастаніи государства Россійскаго.

Имена Новикова и Карамзина неразлучны съ именемъ Екатерины, незабвенной по мудрому продолженію преобразованій Петра I-го. Тридцати-четыре-лѣтнее царствованіе ея составляетъ блестящую эпоху въ исторіи Россійской. Совершенство не есть принадлежность человѣчества: оно обречено ошибаться. Въ дѣяніяхъ самыхъ величайшихъ геніевъ выказываются ошибки, которыя не уничтожаютъ впрочемъ великаго духа—въ великихъ людяхъ! А потому, говоря о Новиковѣ, трудно безусловно оправдать, трудно и безусловно осудить мѣры, принятыя въ царствованіе императрицы Екатерины II въ отношеніи къ

лицу Новикова и компаніи, которой онъ былъ основателемъ. Государя не всегда сущность вещей проникать могутъ, и опредѣленія ихъ по большей части основываются на представленіяхъ людей, пользующихся ихъ довѣренностію. Не всегда повѣрить можно всякую точку зрѣнія, съ которой смотритъ предубѣжденіе или пристрастіе, а когда же къ нимъ примѣшается личность, злоба и клевета, тогда самую истину затмить и самаго безпристрастнѣйшаго человѣка въ заблужденіе ввести можно.

По заточеніи Новикова въ Шлиссельбургской крѣпости, по подозрѣнію московскаго мѣстнаго начальства, что общество, котораго онъ былъ основателемъ и главою, имѣетъ одни замыслы съ французскими якобинцами, мартинистами и иллюминатами, съ которыми невѣжественная толпа смѣшивала московскихъ масоновъ, общество, основанное Новиковымъ, и всѣ лица, участвовавшія въ немъ, подверглись чрезвычайнымъ потерямъ, по разореніи, какъ тогда говорили, мартинистскаго гнѣзда. Подъ симъ гнѣздомъ разумѣли бывшій домъ графа Гендрикова, принадлежавшій обществу, съ огромными пристройками, въ которыхъ помѣщались обширная типографія, огромная аптека, книгохранилище и пространные магазины съ запасами бумаги, типографскихъ предметовъ и аптекарскихъ матеріаловъ стоившихъ большія деньги. — Все это, конечно, причинило разореніе многимъ вкладчикамъ, особенно богатому, доброму и честному слбирскому заводосодержателю Походяшину, самому Новикову съ семействомъ и многимъ другимъ знатымъ лицамъ, содѣйствовавшимъ развитію общепользныхъ предпріятій Николая Ивановича.

Въ то время, когда около 1788-хъ годовъ подготовлялся французскій переворотъ, Мерсье издалъ «Картину Парижа», и въ послѣдней части включилъ главу подъ названіемъ: Мартинисты. Въ этой главѣ онъ говорилъ о появившемся тогда новомъ сочиненіи Сень-Мартена, «О заблужденіяхъ и истинѣ», которое отвлеченностію своею и содержаніемъ о предметахъ духовныхъ, въ тогдашнее время еще болѣе чуждыхъ чѣмъ въ наше время, надѣлало въ обществѣ много шума. Излагая сужденіе свое о приверженцахъ къ новымъ понятіямъ, Мерсье напугалъ правительства и публику вымышленнымъ имъ страшилищемъ, подъ именемъ мартинистовъ, чего достаточно было, чтобъ заставить злонамѣренныхъ и несмысленныхъ смѣшать мартинистовъ съ иллюминатами, иезуитами, квакерами, розенкрейцерами и масонами; а Сень-Мартена—съ Вейсгауптомъ, Эскбаромъ, Равальякомъ, Лютеромъ, Кальвиномъ—и самимъ Мефистофелемъ. Клевета помрачила бы солнце, если бы мракъ могъ преодолѣть свѣтъ его. Нѣтъ ничего легче распространенія ложнаго мнѣнія между невѣжественнымъ престопадіемъ. Стоитъ только самыя лучшія

намѣренія выдать за средства, ведущія къ достиженію лучшихъ выгодъ, самыя честнѣйшія поступки оглашать преступными, особенно такіе, которые, какъ говорится, колятъ большинству глаза. Человѣческое правосудіе представляютъ съ завязанными глазами. Не на смѣхъ ли миеологія присвоила слѣпому правильное употребленіе вѣсовъ и сѣкиры. Кому неизвѣстна плачевная исторія рыцарей храма, кончившаяся кострами. Весьма любопытно прочесть опредѣленіе парижскаго парламента 6-го августа 1762 года, уничтожающее существованіе іезуитовъ. Парламентъ приписываетъ сему сословію такія злодѣянія, которыя и придумать трудно, да едва ли они въ самомъ дѣлѣ и возможны. И здѣсь, невѣроятность явно свидѣтельствуется, что обвиненіе ложно и пристрастно, и что вымыселъ противорѣчить здравому смыслу.

Московское общество масоновъ, главою котораго былъ Новиковъ представлено императрицѣ Еватеринѣ опаснымъ по мнѣніямъ его связямъ съ французскими якобинцами; и сему, нѣкоторымъ образомъ, нетрудно было придать видъ вѣроподобія, ибо, дѣйствительно, въ тогдашнее время, предъ началомъ французской революціи, многія французскія площадныя ложи служили сборищами, въ которыхъ замышлялся переворотъ. Довольно было распространить по Москвѣ слухъ, что Новиковъ и масоны, по примѣру якобинцевъ, и безбожники, и возмутители общаго спокойствія, чтобы толпа, безусловно повѣривъ тому, присовокупила къ сему обвиненіе въ чародѣйствѣ, и въ алчности къ обогащенію себя на счетъ слабыхъ, и Богъ вѣсть какія еще сказки. Вотъ примѣръ тому: когда въ городѣ распространился слухъ, на сихъ вымыслахъ основанный, домъ общества, бывшій графа Гендрихова, сдѣлался предметомъ всѣхъ разговоровъ. Говорили, что масоны имѣютъ сношеніе съ нечистыми духами, что они вызываютъ мертвыхъ съ того свѣта, обираютъ простаковъ, не ходятъ въ церковь, и множество подобныхъ нелѣпостей, которыя, впрочемъ, и въ наше время распространяють, когда хотять повредить какому-нибудь лицу или обществу. Я не буду защищать здѣсь предъ правнуками того поколѣнія, къ которому принадлежалъ Новиковъ и его общество, не имѣющими и тѣни понятія о происшествіи и лицахъ, обратившихъ тогда на себя столь строгія мѣры правительства. По сіе число происшествіе сіе остается тайною, каковою была нѣкогда Желѣзная Маска. Впрочемъ, вѣроятно, что когда-нибудь и у насъ подлинная причина разоренія общества, главою котораго былъ Новиковъ, и заточенія его объяснятся, ибо мнѣ извѣстно, что всѣ бумаги, взятыя правительствомъ, существовали еще при вступленіи императора Павла на престолъ. Прекращая дальнѣйшее повѣствованіе о взятіи и заточеніи Новикова, я перескажу здѣсь два случая, изъ коихъ первый извѣстенъ мнѣ отъ самого Николая Ивановича, а второй я узналъ здѣсь, случайно, и очень недавно,

отъ одного современника, подобно мнѣ, той эпохи. Вотъ что мнѣ рассказывалъ Николай Ивановичъ:

Общество и всѣ заведенія его пользовались еще совершенною свободою, и всѣ лица, принадлежащія къ первому, не имѣли причины жаловаться на какое-либо, со стороны правительства, стѣсненіе, какъ уже въ различныхъ кругахъ Москвы говорили о Новиковѣ и компаніи его, о мартинистахъ, масонахъ и иллюминатахъ съ самой дурной стороны и распространяли самые оскорбительные слухи насчетъ ихъ. Однажды, Николай Ивановичъ находился у жены друга и товарища своего Н. П. Т., какъ слуга вошелъ въ гостиную доложить о прїѣздѣ знакомой хозяйкѣ дамы, и когда она была принята, по размѣнѣ обыкновенныхъ привѣтствій, хозяйка спросила ее: что хорошенькаго?—обыкновенный вопросъ, который мы дѣлаемъ людямъ, къ которымъ равнодушны.

— Ахъ матушка, ваше превосходительство,—отвѣчала прїѣзжая,—какой я видѣла страхъ: ѣхала изъ-за Москвы-рѣчки по Каменному мосту, насилу проѣхать могла—такое множество народу. Всѣ глядятъ на рѣчку, и я велѣла кучеру остановиться; и что жъ? Проклятый Новиковъ на камнѣ плыветъ вверхъ по Москвѣ-рѣкѣ. Я такъ и обмерла и до сихъ поръ еще отдохнуть не могу.

А Николай Ивановичъ Новиковъ сидѣлъ тутъ же въ гостиной. Вотъ образчикъ рассказовъ, которые невѣжество разсѣваетъ.

Второй случай, который я помѣщаю здѣсь съ рассказа современника, всякаго вѣроятія достойнаго, есть слѣдующій. Нѣкто Веревкинъ, переводчикъ многотомнаго сочиненія аббата Прево, подъ заглавіемъ «Исторія о странствіяхъ вообще», около восьмидесятихъ годовъ XVIII ст., условясь съ начальствомъ типографіи Императорской Академіи наукъ о напечатаніи своего перевода, ожидалъ окончанія изданія. Въ это время въ Петербургѣ была только одна академическая типографія, которая представляла возможность издать многотомное сочиненіе, съ гравированными картинками и картами, чего требовало изданіе книги «Исторія о странствіяхъ». Четыре или пять томовъ въ 8-ю долю листа были уже напечатаны, но такъ какъ изданіе шло очень медленно, и Веревкинъ терялъ довѣріе къ исправности типографіи и надежду видѣть переводъ свой скоро отпечатаннымъ, то и рѣшилъ ѣхать въ Москву и передать печатаніе «Исторіи о странствіяхъ» типографіи Московскаго университета, которую содержалъ Новиковъ. Типографія Академіи наукъ, оскорбленная симъ предпочтеніемъ Веревкина, присоединивъ къ убытку досаду, въ отмщеніе Новикову, возбудила къ нему неблаговоленіе президента Академіи ¹⁾ и, какъ въ сихъ случаяхъ дѣлается, не щадила клеветы, чтобъ достигнуть своей цѣли и повредить быстрому успѣху и вы-

¹⁾ Кн. Е. Р. Дашковой.

годамъ предприимчиваго Новикова. Въ услужливыхъ клеветникахъ никогда недостатка не бываетъ. Какъ лейденская батарея соединяетъ нѣсколько банокъ между собою для усиленія электричества, такъ клевета употребляетъ проводниками своими людей, отъ привратниковъ до ближайшихъ лицъ къ вельможамъ. Главная цѣль была—отмстить Новикову за Веревкина; и потому, чрезъ тайныхъ дѣйствователей близкаго къ императрицѣ лица, президента Академіи, главному московскому начальству внушено подозрѣніе къ видамъ Новикова. Бывшій тогда начальникомъ Москвы, ¹⁾ заслуженный воинъ преклонныхъ лѣтъ, вѣроятно, самъ сдѣлался невольнымъ орудіемъ погибели Новикова и многихъ другихъ извѣстныхъ лицъ потому только, что, не имѣя довольно твердости ума и духа, чтобъ дойти до истины, и увлекаясь слѣпымъ усердіемъ къ службѣ и благу отечества, усердіемъ, которому весьма часто личные виды препятствуютъ видѣть дѣло, какъ оно есть въ самой сущности,—далъ волю неблагонамѣреннымъ громоздить ложь на ложь, и, такимъ образомъ, пристрастіемъ помрачилъ истину. Кто повѣритъ нынѣ, чрезъ 70 лѣтъ, что разоренію Новикова и компаніи его служило основаніемъ не подозрѣніе, простительное всякому правительству въ дѣлѣ, грозящемъ общественному благосостоянію, хотя бы, впрочемъ, подозрѣніе сіе ошибочнымъ и даже пристрастнымъ было, но что разоренію сему служило основаніемъ злонамѣренное покушеніе частнаго лица и въ дѣлѣ частномъ, склонившее людей, занимавшихъ первѣйшія въ государствѣ мѣста, употребить всемогущество свое къ погибели невинныхъ людей, чтобъ дать ходъ злобному вымыслу чрезъ облеченіе его видами правдоподобія. Не менѣе того, клевета и вымыселъ, на ней основанный, ввели мудрую и вовсе не жестокою Екатерину въ ошибку, разгромившую самое полезнѣйшее для общества и государства предпріятіе частныхъ людей, безъ всякаго сомнѣнія имѣвшихъ въ огромномъ коммерческомъ дѣлѣ и денежные выгоды, и несомнѣнную пользу. Вотъ фактъ, извѣстный немногимъ современникамъ Новикова, оставшимся еще въ живыхъ, но нисколько не помрачающій славы многолѣтняго царствованія императрицы Екатерины, увлеченной пристрастными представленіями. Кому неизвѣстно несчастное сходство имени и заключеніе, на томъ основанное, которыя рѣшили величайшаго человѣка своего времени—Наполеона, захватить и осудить на смерть неподлежащаго суду его несчастнаго принца англійскаго. Новиковъ былъ счастливѣе послѣдняго. Онъ перенесъ свое заточеніе и пережилъ своихъ клеветниковъ. Великодушный императоръ, Павелъ I, освободилъ его изъ крѣпости немедля по вступленіи на престолъ.

¹⁾ Князь А. А. Проворовскій.

Указъ генераль-поручику и псковскому губернатору Пилю о дозволеніи поселянамъ вѣдомства директора домоводства переселяться въ Екатеринославское намѣстничество и Таврическую область.

Удостоверившись собственнымъ нашимъ обозрѣніемъ въ плодоносіи пространныхъ земель въ намѣстничествѣ Екатеринославскомъ и области Таврической и въ разныхъ выгодахъ для обитателей тѣхъ странъ, отъ мѣстнаго положенія протекающихъ, и вѣдая, что въ числѣ селеній вѣдомства директора домоводства по разнымъ губерніямъ находятся и такія, кои не изобилуютъ количествомъ земли, съ умноженіемъ же народа и вѣдшую нужду въ томъ имѣть могутъ, признали Мы за благо предписать нашимъ генераламъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность, дабы отъ нихъ объявлено было надлежащимъ порядкомъ поселянамъ вѣдомства директора домоводства разнаго званія, наипаче же такихъ селеній, кои въ земляхъ недостатокъ и нужду ощущаютъ, что они могутъ переселиться на земли плодоносныя, въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ и Таврической области состоящія. Надлежащія распоряженія по случаю таковыхъ переселеній должны быть учинены подъ наблюденіемъ нашихъ генераловъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность въ отсутствіи же ихъ губернаторовъ посредствомъ казенныхъ палатъ и директоровъ экономіи, произведя потребныя сношенія съ нашимъ Екатеринославскимъ, Таврическимъ и Харьковскимъ генераломъ-губернаторомъ заблаговременно. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ
3 августа 1787 г.

Товарищи и птенцы Н. И. Новикова.

(Ихъ взаимная переписка ¹⁾).

1.

Письмо В. Я. Колокольникова и М. И. Невзорова Ивану Владиміровичу Лопухину. ²⁾

20-го ноября 1790 г. Страсбургъ.

Дюбезный другъ и благодѣтель!
Послѣднее письмо изъ Лейдена послали мы къ вамъ по почтѣ 8 ноября и въ тотъ же день изъ Лейдена выѣхали, предпріявъ путь нашъ по вашему совѣту въ Швейцарію. Передъ отъѣздомъ со многими хлопотами и съ нѣсколькимъ убыткомъ размѣняли

¹⁾ Русское масонство прошло вѣка имѣть свою исторію, и мы, желая воскресить въ памяти читателя лишь главнѣйшіе факты, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ.

Въ 1775 году девять братьевъ ложи „Астрей“, отдѣлившись отъ нея, составили свою особую ложу въ Петербургѣ. Въ числѣ этихъ братьевъ были: Николай Ивановичъ Новиковъ, Яковъ Федоровичъ Дубянской, Василій Васильевичъ Чулковъ, Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ, Иванъ Петровичъ Тургеневъ и другіе. Въ 1779 году ложа эта, въ которой Н. И. Новиковъ былъ мастеромъ стула, закрылась и большая часть учредителей ея переселилась въ Москву. Тамъ Новиковъ познакомился съ княземъ Николаемъ Никитичемъ Трубецкимъ, Иваномъ Владиміровичемъ Лопухинымъ и многими другими лицами. Развивая свою дѣятельность все шире и шире московскіе масоны или такъ называемое „Дужское общество“ рѣшило войти въ сношеніе съ подобными же обществами за границею, и прежде всего съ берлинскими розенкрейцерами. Съ этой цѣлю былъ командированъ въ Берлинъ, на счетъ московскихъ масоновъ, Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ, который долженъ былъ получать на мѣстѣ необходимыя наставленія для будущиxъ дѣйствій ордена и вступить мѣсто посредника между Москвою и Берлиномъ. Кутузовъ велъ обширную переписку съ своими московскими друзьями, переписку, съ которой московскій почтъ-директоръ И. Б. Пестель снималъ коніи для московскаго главнокомандующаго князя А. А. Прозоровскаго. Начало этихъ писемъ было помѣщено въ „Русской Старинѣ“ 1874 г. (№ 1—3) подъ заглавіемъ: „Русскіе вольнодумцы въ царствованіе Екваторны II: секретная вскрытая переписка“. Ред.

²⁾ Максимъ Ивановичъ Невзоровъ (род. въ 1752 г.) и Василій Яковлевичъ

вексель, вами присланный на лондонскаго банкира. На половину сего векселя взяли съ собою вексель другой на женевскаго банкира. Доѣхавъ до Страсбурга, французскаго города, нашли здѣсь двухъ студентовъ, изъ С.-Петербурга присланныхъ въ здѣшнюю Страсбургскую академію для науки. Одинъ изъ сихъ студентовъ, по имени Базилевичъ ⁴⁾, прошедшаго лѣта отсюда пѣшкомъ ходилъ въ Швейцарію, въ надеждѣ усовершенствоваться тамъ свою науку, однако чрезъ мѣсяць оттолѣ выѣхать принужденъ былъ, не нашедши ничего служащаго къ усовершенствованію въ медицинѣ. Онъ насъ увѣрилъ, что мы и время и коштъ потеряемъ, если поѣдемъ туда, ибо, кромѣ того, что лекціи почти вовсе нѣтъ, и что въ больницѣ тамошней нашелъ онъ одного только больнаго, кромѣ всего того, Лозанна, Женева и другіе города наполнены теперь удалившимися изъ Франціи знатнѣйшими и богатѣйшими особами, такъ что съ трудностію и за превеликую цѣну можно найти для жилья квартиру. Сіе подтвердили и студенты изъ Швейцаріи, здѣсь находящіеся, которыхъ около 30 человекъ въ здѣшнемъ университетѣ. Мы жалѣемъ теперь, что не остались въ Лейденѣ еще на годъ. Въ Гёттингъ хотѣли мы поѣхать и слушать лекціи на мало-знакомомъ намъ нѣмецкомъ языкѣ, но далеко, и надобно ворочаться назадъ съ потерей кошта. Рѣшились было мы наконецъ здѣсь въ Страсбургѣ остаться, но чрезъ цѣлую зиму надобно жить безъ дѣла до начала весны, ибо зимою теперь читается только анатомія и хирургія на нѣмецкомъ языкѣ для фершаловъ, какъ насъ увѣрилъ студентъ Базилевичъ. Въ сей беззвѣстности и безпокойствіи рѣшились мы отсюда поѣхать въ Парижъ, выпросивъ и вывѣдавъ здѣсь у многихъ, что намъ будетъ тамъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи безопасно. Чужестранцы всѣ, какъ въ здѣшнемъ городѣ, такъ и во всей Франціи, не только никакой, какъ сказываютъ, не имѣютъ опасности, но еще особенно обезопасиваются, и отъ двора нашего повелѣнія нѣтъ выѣзжать изъ Франціи, ибо здѣсь, кромѣ помянутыхъ двухъ студентовъ петербургскихъ, живутъ многіе изъ Россіи дворянскія дѣти, какъ-то: сынъ графа Разумовскаго, г-нъ Новосильцовъ, и проч. Много, равнымъ обра-

Колокольниковъ были отправлены на счетъ И. В. Лопухина въ 1788 году за границу, а въ 1790 г. получили докторскую степень въ Лейденскомъ университетѣ. Оба были масонами и должны были изучать медицину, химию и естественныя науки, чтобы сдѣлаться впоследствии лаборантами для практическихъ розенкрейцеровскихъ работъ. Колокольниковъ умеръ въ 1792 г., а Невзоровъ, бывшій впоследствии директоромъ типографіи Московскаго университета, въ 1827 г.

⁴⁾ Григорій Ивановичъ Базилевичъ, воспитанникъ С.-Петербургскаго medico-хирургическаго училища, получившій въ Страсбургѣ докторскую степень, род. въ 1759 г., умеръ въ 1802.

зомъ, какъ мы теперь слышали, находится русскихъ и въ Парижѣ. Жалко, что мы лишній кругъ сдѣлали, ибо можно бы изъ Лейдена ближайшую имѣть дорогу въ Парижъ и съ меньшимъ коштомъ, но видно надобно тому быть такъ, чтобы мы съ большими безпокойствами и дальнѣйшими путями достигали до медицины, нежели наши аптецессоры. Впрочемъ признаться вамъ надобно, что насъ нѣсколько страшитъ здѣшній воздухъ, шумомъ оружія и барабановъ повсѣчасно движимый. Но что намъ дѣлать? Ближе теперь отъ Страсбурга университета другого хорошаго мы не находимъ. Гораздо лучше сдѣлали бы вы, если бы намъ приказали повелительнымъ образомъ ѣхать въ какой нибудь именно университетъ, хотя не такъ знаменитый, не оставляя на нашу волю избирать его, мы бы были спокойнѣе. А теперь, отправляясь въ Парижъ, при всѣхъ увѣреніяхъ о безопасности, мы не знаемъ, будемъ ли мы безопасны. Ваши покорнѣйшіе слуги В. Колокольниковъ. М. Невзоровъ.

Р. S. Отъ Лейдена до Страсбурга ѣхали десять дней, отсюда до Парижа остается 5 дней; денегъ издержали 25 червонцевъ. Здѣсь въ ложаментѣ Виль-де-Віенъ живемъ пятый день, завтра отправляемся въ дорогу.

Р. P. S. Удивитесь непостоянству нашему. Письмо сіе писано третьяго дня; мы намѣрены были отправиться въ Парижъ, но вчера въ день отъѣзда нашего въ Парижъ, напалъ на насъ обонхъ духъ безпокойства, такъ что мы ни обѣдать, ни ужинать не могли. И такъ рѣшились совсѣмъ оставить Францію и нестѣпно отправиться въ Гёттингъ, хотя и съ убыткомъ и прибавкою нѣсколькихъ дней на проѣзду. Желая лучше остаться съ посредственными по знаніямъ и быть въ покоѣ, нежели питать себя надеждою великихъ познаній и предать безопасность свою неизвѣстности. Черезъ 6 дней будемъ въ Гёттингѣ или быть надѣмся.

2.

Алексій Михайловичъ Кутузовъ Ивану Владиміровичу Лопухину.

24-го ноября (4 декабря) 1790 г. Берлинъ.

Дражайшій другъ, письмо твое отъ 31 октября я получилъ. Благодарю тебя сердечно за оное. Не дивись, милый мой другъ, моему безпокойствію о Катеринѣ Ильинишнѣ ¹⁾. Ты знаешь русскую пословицу:

¹⁾ Супруга М. И. Голенищева-Кутузова, впоследствии свѣтлѣйшаго князя Смоленскаго, рожд. Бибилова, род. въ 1754, ум. въ 1824 г.

пужаная ворона и куста боится. Я долгое время не получалъ отъ нея писемъ, и сіе случилось въ самое то время, какъ происходило не-пріятное происшествіе съ моимъ другомъ Радищевымъ, и въ самое то время, когда я былъ въ недоумѣніи моего милаго Багрянскаго ¹⁾ о участи. Все сіе умножило обыкновенное мое расположеніе къ гипохондріи. На все глядѣлъ я въ черныхъ краскахъ. Прибавъ же къ сему, что мнѣ случилось уже два раза въ жизни моей, что послѣ долговременнаго спокойствія раженъ я былъ ударомъ вскорѣ послѣ другаго. И такъ, что естественнѣе, какъ представить, что и на сей разъ я лишень всѣхъ тѣхъ особъ, которыя мнѣ милы, но благодаря Бога на сей разъ я обмануть. Ты истинно разсуждаешь о моей связи съ несчастнымъ моимъ другомъ, да и не могъ я ожидать отъ тебя инакаго сужденія. Но, мой сердечный другъ, сколь человѣки различны! Сколь мало тѣхъ, которые глядятъ своими глазами и чувствуютъ собственными своими чувствами. Не надобно ходить далеко, чтобы увѣряться въ сей истинѣ. Собственное наше положеніе есть очевидное сему свидѣтельство. Всякій присвоиваетъ себѣ право судить о насъ, но изъ ста человѣкъ, едва ли одинъ имѣетъ хотя малое понятіе о насъ. Сколь многіе устыдились бы своей невоздержности, ежели бы узнали все обстоятельно! Признаюсь, что, разсматривая сихъ людей съ хладнокровіемъ, надлежитъ болѣе жалѣть о нихъ, нежели досадовать; ибо, точная правда, они отрицаются отличительнаго человѣка свойства, разсудка. Вотъ каковъ плодъ привычки говорить слова, не совокупляя съ ними никакихъ мыслей. Увѣренъ равно съ тобою, что наша монархія имѣетъ нѣжное человѣколюбивое сердце. Имѣвъ счастье быть нѣсколько лѣтъ близъ ея особы, я знаю сіе не по разсказамъ. Но, мой другъ, могутъ ли монархи все видѣть своими глазами? Кто же окружаетъ ихъ, кто же окружаетъ и окружающихъ ихъ? Цѣпь безконечная! И такъ, легко случится, какъ и случается то по большей части, что они получаютъ ложныя донесенія и по симъ располагаютъ свои повелѣнія. Слѣдовательно, несправедливо присвоивать ей все то, что мы претерпѣвали и претерпѣваемъ, однакожъ сіе не лишаетъ меня чувствованія тѣхъ болѣзней, котырыми насъ оскорбляютъ. Я смѣло могу скать, что насъ не одинъ разъ гребали, въ истинномъ смыслѣ сего слова, въ самое то время, какъ монархія думала, что она умягчаетъ еще правосудіе, стремящеся къ нашему наказанію. Ахъ, мой другъ, трудно сражаться съ ласкательствомъ и хитростію, трудно видѣть правду, покрытую облаками лжи и

¹⁾ Михаилъ Ивановичъ Багрянскій род. въ 1790 г., былъ отправленъ на счетъ Дружескаго общества въ Лейденскій университетъ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины; ум. въ 1810 г. Онъ былъ домашнимъ врачомъ Новикова и добровольно раздѣлялъ съ нимъ заключеніе въ Шлюссельбургской крѣпости.

подлости. Изъ всего сказаннаго мною заключаю, что лучшее для насъ средство есть молчаніе и терпѣніе, лучший отвѣтъ на всѣ клеветы— добрая дѣла и ревностное исполненіе должностей добраго гражданина. Не будемъ стараться заслуживать благоволеніе судящихъ насъ, но предадимся Всевышнему Судьѣ, предъ котораго престоломъ мы всѣ предстанемъ и, можетъ быть, въ весьма отличныхъ отъ нынѣшнихъ видахъ. Будемъ молиться, да пошлетъ Всевышній истинныхъ и нелицемѣрныхъ совѣтниковъ нашей монархіи, и будемъ покойны, ибо впрочемъ никто изъ смертныхъ не можетъ приключить намъ истиннаго зла, кромѣ насъ самихъ. Постарайся узнать точно о Радищевѣ и увѣдомь меня. Прости мой другъ! Цѣлую и прижимаю къ моему любящему тебя сердцу.

P. S. Не забудьте пересылку денегъ, я начинаю чувствовать нужду.

3.

Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ—Алексію Михайловичу Кутузову ¹⁾.

28-го ноября 1790 г. Москва.

Сегодня, любезнѣйшій другъ, имѣлъ я удовольствіе получить письмо твое отъ 1 (12) ноября. Оно подлинно застало меня давно выздоровѣвшаго отъ той болѣзни, въ которой писалъ я къ тебѣ то письмо, на которое отвѣчаешь симъ послѣднимъ. Излишнее бы было благодарить тебя, сердечный другъ мой, за любовь твою ко мнѣ, или, лучше сказать, влюбленность въ меня, свидѣтельствуемую и въ семъ письмѣ твоемъ.

Вмѣстѣ съ тобою желаю я, чтобъ несчастіе Радищева послужило къ его обращенію, и конечно, была бы причина радоваться, какъ ты говоришь, сему несчастію его, ежели бы, сдѣлавшись средствомъ перемѣны его мыслей и чувствъ, послужило ему въ познаніе истины въ здѣшней жизни и къ блаженству въ вѣчности. Правда, думаю я, что ежели онъ войдетъ въ себя, то увидитъ, что источникъ заблужденія его и терпимаго имъ теперѣ бѣдствія есть точно въ невѣжествѣ о истинѣ христіанской и въ непривязанности къ ней. Его почитали мартинистомъ, и всѣ насчетъ сего полагали въ здѣшнемъ городѣ. Но совсѣмъ напротивъ, онъ именно оттого и сдѣлалъ оное дѣло, что не есть то, что здѣсь разумѣется мартинистомъ. Все это доказываетъ просвѣщеніе здѣшней публики. Чтобъ тебя, мой другъ, подозрѣвали соучастникомъ въ сочиненіи Радищева и чтобъ справлялись о тебѣ изъ полиціи, сего совсѣмъ я не слыхалъ. Напротивъ того, говорятъ, будто найдены у него твои письма, ясно показывающія разность твоихъ правилъ, да

¹⁾ Бывшему въ то время въ Берлинѣ.

я и вѣрнымъ почитаю слухъ сей, ежели онъ хранилъ твои письма. И я думаю, что такого подозрѣнія и быть не можетъ по окончаніи дѣла, которое конечно со всевозможнымъ раченіемъ изслѣдовано. А здѣсь охотники до вреда ближнимъ вообще участниками Радищева почитали всѣхъ насъ, такъ называемыхъ какими-то мартинистами. Предубѣжденіе сіе такъ далеко простирается, что одинъ, впрочемъ весьма разумный и хорошій человекъ, довольно коротко меня знающій и любящій, пришелъ въ превеликое удивленіе, увѣряясь, что я и Радищева въ лицо никогда не видалъ, зная, что онъ есть въ мірѣ только по знакомству моему съ тобою, и не только не зналъ ничего объ изданіи имъ книги, но даже по сіе время не читалъ ея, хотя и желалъ бы впрочемъ прочитать изъ любопытства. Онъ весьма удивлялся, а я, правду сказать, подивился ему и пожалѣлъ о немъ. Какъ сильно можно предубѣдиться? Отъ чего же сіе? Оттого конечно (и я это многожды видалъ на опытахъ), что эти люди не могутъ никакъ себѣ представить, чтобъ могли найтись имѣющія честныя намѣренія, добродѣтели и услуги ближнимъ; и потому-то тѣ книги, которыя мы издавали, помощи учащимся и проч., все кажется имъ затѣями и подозрительными, и они во всемъ томъ, что имъ таковымъ кажется и можетъ быть и любезно имъ, ищутъ въ насъ. Привыкнувъ все дѣлать только имѣя въ виду рубли, чины, ленты или изъ страха, не могутъ повѣрить, чтобы были люди, желающіе безкорыстно удовлетворять должностямъ христіанина, вѣрнаго подданнаго, сына отечества и сочеловѣка.

Справка о тебѣ изъ полиціи, кажется, не могла быть въ Петербургѣ, ибо знаютъ, думаю, что ты за границею; и здѣсь также не было. Я не знаю, кто тебѣ о семъ пишетъ; я думаю, это пустое. Спрашивали въ то время, кто директоры типографической компаніи и кто члены? И тутъ, помнится, показали, что ты въ чужихъ краяхъ. Но это все отъ здѣшнихъ городскихъ. Въ то же время приходили тихонько спрашивать, кто и кто чаще ѣздитъ въ типографической компаніи домъ. и неоднократно въ ономъ видали ночью подсматривающихъ по двору. Все собаки окаянные правду показывали. Но я всѣми сими развѣдываніями, подсматриваніями, подыскиваніями очень доволенъ. Ибо чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ яснѣе будетъ открываться наша невинность, и тѣ, кои неутомимо стараются насъ обвинить, симъ образомъ наилучше насъ оправдываютъ и оправдали уже, я думаю, въ очахъ безпристрастныхъ. Всѣ сіи подвиги противу насъ, думаю, отъ господъ здѣшняго города блюстителей благочинія распоряжаются. Сковали объ насъ что-то въ своемъ воображеніи и нападаютъ на тѣнь того, что только въ ономъ существуетъ. Между тѣмъ же существенные безпорядки ими не уважаются, на примѣръ: и тебѣ давно извѣстно объ отиѣнно развратномъ одномъ родственникѣ нашемъ Иванѣ Петровичѣ Лопухинѣ, у котораго

Картушъ и Ванька Каинъ были любимые авторы и модели отъ самаго ребячества, и самъ онъ, конечно, ежели не превосходилъ ихъ, то ни мало имъ не уступалъ въ нравственномъ расположеніи; да и дѣла-то были щегольскія въ плутовствѣ, разныхъ неистовствахъ, тиранствѣ: рубилъ людей своихъ, питалъ ихъ своимъ каломъ и уриною и самъ тѣмъ питался. Что-жь? Градская и сельская полиціи все сіе терпѣли, не даромъ конечно (ибо одинъ у него купилъ 250 душъ за четыре тысячи, да и тѣ врядъ заплатилъ ли). И онъ все сіе отправлялъ спокойно, пока наконецъ принужденными уже нашлись открытъ, ибо священникъ деревенскій, убоясь отвѣту за видимыя тиранства и неистовства, пришелъ съ доносомъ. Сестра онаго распутнаго, очень добрая и умная дѣвушка, хотя сокрушаемая имъ, но по крови любящая и жалѣющая его, опасаясь, чтобъ онъ не сдѣлалъ смертоубійства или бы его не убили, проводила того священника къ губернатору съ письмомъ своимъ, чтобъ войти правленію. Тутъ должно было уже открыться: представили главнокомандующему, по справкѣ оказалось все доносимое справедливымъ. Что-жь послѣдовало? Назвали его безумнымъ и опредѣлили отдать его подъ опеку. Но кто-жь его возьметъ? И по должности служебной, таковой бы и арестантъ былъ въ наказаніе надзирателю. Приставили къ нему полицейскихъ, которые стоятъ у него съ нѣсколькими при немъ бабами; здѣсь въ столицѣ теперь только двѣ, сказываютъ, осталось у него, а было семь или восемь. Между тѣмъ везать къ нему оброки, и на счетъ его и съ нимъ многіе разныхъ сортовъ люди пьютъ, гуляютъ и карманы набиваютъ. Нѣтъ нужды говорить объ исправности присмотра. Недавно онъ шпагою изкололъ своего повара, одну рану далъ въ полтора вершка глубины. Лекаръ Коризна осмотръ дѣлалъ, которой молодець то, сказываютъ, въ печь бросилъ, и ждутъ, что все сіе дѣло зальетъ оброкъ, котораго на сихъ дняхъ онъ ожидаетъ. Мы не вступаемся, не хотя пустяки городить, да онъ уже и въ рукахъ полиціи.

P.S. Я справлялся у знающихъ о мѣстѣ ссылки Радищева, каково оно? Сказываютъ, что изъ лучшихъ тамо; словомъ, при заслуженномъ имъ наказаніи, сколько можно употреблено милосерднаго снисхожденія.

4.

А. М. Кутузовъ—И. В. Лопухину.

3-го (14) декабря 1790 г. Берлинъ.

Сердечный мой другъ! Не имѣя три почты отъ тебя писемъ, начинаю беспокоиться тѣмъ болѣе, что знаю твою точность. Не могу приписать

того твоей лѣности. Пожалуй, отпиши я успокой меня. Признаться ли тебѣ чистосердечно? На сей разъ желаю, чтобъ сіе происходило не отъ иной причины, какъ токмо отъ твоей лѣности, ибо ипохондрической мой духъ заставляетъ меня мыслить, что твое молчаніе есть почти неложный знакъ твоей болѣзни. Дай Боже, чтобъ я на сей разъ обманулся. Я думаю, что увѣренъ ты о томъ, что сіе желаніе искренно, и что я не имѣю нужды ломать мою голову на увѣреніе тебя. При семъ случаѣ хотя, можетъ быть, ты и понегодуешь на меня, повторяю я мою просьбу о сохраненіи твоего здоровья, о которомъ, позволю сказать, ты мало радѣешь. Не спору, что смѣшно стараться быть, какъ говорятъ, *der Mann nach der Uhr*, но непростительно вести непорядочный образъ жизни. Ты знаешь, что я говорю здѣсь о ночномъ бдѣніи, о пощени и неумѣренномъ яденіи. Иное не говоря, внѣшній безпорядокъ касается и самой внутренности нашей и такъ производитъ онъ себѣ подобенъ, даже и самыя наши мысли бывають въ безпорядкѣ, безпрестанное треніе частицъ производитъ жаръ, чуждый естественному состоянію. По моему мнѣнію, единой тотъ жаръ можетъ быть полезной, который есть дѣйствіе природы. Но мой другъ, ты самъ знаешь сіе я гораздо лучше моего; стоитъ тебѣ только труда взглянуть на себя безпристрастными глазами. И такъ, я умолчу далѣе, прося простить мнѣ и сіе краткое дружеское напоминовеніе. Ежели время дозволить тебѣ, пожалуй увѣдомь обстоятельнѣе о нашихъ обстоятельствахъ и общихъ нашихъ друзьяхъ. Также скажи, гдѣ Багрянскій и Карамзинъ. Сіи путешественники по возвращеніи ихъ совсѣмъ умолкли. Разцѣлуй Петра Владиміровича ¹⁾, прости мой другъ, я слава Богу здоровъ.

7-го (18). Послѣднее письмо мое такъ запоздало на почту, что уже не могло быть принято. Между тѣмъ отъ тебя писемъ нѣтъ, новаго у насъ ничего нѣтъ; поздравляю тебя, любезный мой другъ, со взятіемъ Тульчи, но колико бы пріятнѣе было мнѣ поздравить тебя съ окончаніемъ войны, окончаніемъ посредствомъ твердаго, полезнаго и непоноснаго мира. Но, мой другъ, положимся на волю Всевышняго, да творить, что Ему угодно; намъ ли червякамъ судить о Его судахъ? Увѣрены въ единомъ томъ, что Онъ устроитъ все къ нашему благу, и пребудемъ покойны. Прости, сердечный другъ, цѣлую тебя.

Сейчасъ получилъ я письмо отъ Плещеева ²⁾, съ приложеніемъ Объявленія Карамзина, изъ котораго усматриваю, что онъ не въ той

¹⁾ Лопухина брата Ив. Вл.

²⁾ Алексѣй Александровичъ, женатый на Настасьѣ Ивановнѣ Протасовой, сестрѣ первой жены Н. М. Карамзина. Къ А. А. Плещееву и его женѣ Карамзинъ адресовалъ свои «Письма русскаго путешественника». Упоминаемое объявленіе Карамзина о предпринимаемомъ имъ «Московскомъ Журналѣ» появилось въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1890 г., № 89.

уже съ нами связи, въ которой былъ прежде. Скажи, что сіе значить и что тому причиною?

5.

А. М. Кутузовъ—Екатеринѣ Ильинишнѣ Големищевой-Кутузовой ¹⁾.

6-го (17) декабря 1790 г. Берлинъ.

Вы, думаю, наслышались отъ меня о Радищевѣ, который былъ со мною вмѣстѣ пажемъ въ Лейпцигѣ, и въ сенатѣ съ которымъ былъ я 14 лѣтъ въ одной комнатѣ. Нравы наши и характеры были довольно сходны, такъ что, взявъ все сіе вкупѣ, составило между нами довольно тѣсную дружбу. Послѣ 14 лѣтъ онъ женился. Покойная жена его смотрѣла на меня другими глазами, дружба моя къ ея мужу казалась ей непріятною, а и того менѣе присутствіе мое приносило ей удовольствіе. Немудрено было мнѣ примѣтить сіе, равно какъ и непріятное положеніе моего друга, и для того, для сохраненія ихъ домашняго спокойствія и согласія, рѣшился я разстаться съ ними. Отъѣздъ мой въ армию подалъ мнѣ пристойный къ тому случай. Мы разстались совершенно, и сіе продолжалось до самаго того времени, какъ Недергофъ пріѣхалъ къ намъ въ полкъ. Съ нимъ получилъ я первое письмо послѣ нашей разлуки. Съ сего времени началась между нами переписка, и дружба наша возобновилась тѣснѣе, нежели когда-либо. Не взирая, что во время нашей разлуки образъ нашихъ мыслей сдѣлался весьма различенъ, однакожь мы спорили, но тѣмъ болѣе другъ друга любили, ибо оба видѣли ясно, что разность находилась въ нашихъ головахъ, а не въ сердцахъ. По отъѣздѣ моемъ изъ Россіи переписка наша продолжалась по-прежнему. Доселѣ, вы скажете, все еще хорошо и нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Но выслушайте меня до конца. Вы знаете, что на всякаго человѣка бываютъ въ жизни его періоды, во время которыхъ выступаетъ онъ изъ обыкновеннаго положенія. Сіи періоды можно точно назвать кризисами нашей жизни. Иногда разрѣшаются они съ пользою, но нерѣдко уничтожаются всѣ труды и заботы прошедшихъ нашихъ дней. Мой другъ, несчастный другъ, испыталъ сію истину. Провождая 40 лѣтъ въ тишинѣ и покоѣ, имѣя четырехъ дѣтей, которыхъ чрезвычайно любилъ и которыми по истинѣ могъ заниматься съ пріятностію и пользою, вздумалось ему сдѣлаться авторомъ,—несчастное желаніе! Начало къ сему сдѣлалъ книж-

¹⁾ Е. И. Големищева-Кутузова находилась въ то время въ крѣпости Св. Елисаветы. Письмо вложено въ конвертъ И. В. Лопухина.

кою подъ названіемъ «Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова», съ приобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій ¹⁾, но по несчастію былъ человекъ необыкновенныхъ свойствъ, не могъ писать, не помѣстивъ множество политическихъ и сему подобныхъ примѣчаній, которыя, извѣстно вамъ, не многимъ нравятся. Онъ изъяснялся живо и свободно, со смѣлостію, на которую во многихъ земляхъ смотрять будто бы на странную метеору. Книжку сію приписалъ онъ мнѣ. Признаюсь, что большую часть его положеній касательно религіи и государственнаго правленія нашель я совершенно противоположною моею системѣ. Наипаче не нравилось мнѣ, что коснулся онъ нѣкоторыхъ пунктовъ, которые, по моему мнѣнію, не подлежатъ литературѣ. Все сіе изъяснилъ я ему въ весьма пространномъ письмѣ. Въ другомъ маленькомъ письмѣ говорилъ я ему гораздо яснѣе. Я напоминалъ ему слова Халкида, который, приготовляясь говорить правду, требовалъ Ахиллеса покровительства, присовокупилъ:

For I must speak what Wisdom would conceal,
 And Truths invidious the Great reveal.
 Bold is the task! when Subjects grown too wise
 Instruct a Monarch, where his Error lies,
 For tho'we deem the short liv'd jury past.
 Be sure, the Mighty will revenge at last ²⁾.

Несчастный мой другъ не имѣлъ Ахиллеса, который бы могъ принять его подъ свое покровительство; и такъ сбылось надъ нимъ Халкидово мнѣніе во всемъ пространствѣ онаго. Книга надѣлала много шума. Начали кричать: «какая дерзость, позволительно ли говорить такъ!» и проч. и проч. Но какъ выше молчали, то и внизу все умолкло. Нашлись и безпристрастные люди, отдававшіе справедливость сочинителю. И сихъ-то послѣднихъ похвала была, можетъ быть, неумышленною причиною послѣдовавшаго съ нимъ. Не успѣлъ еще перестать упомнутый шумъ, какъ является уже онъ вновь предъ публику съ новымъ сочиненіемъ, — котораго, однакожъ, я не имѣю: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» ³⁾. Что писано въ немъ, того не знаю; извѣстно однакожъ мнѣ то, что тотчасъ онъ былъ арестованъ, отосланъ подъ судъ въ уголовную палату, осужденъ и приговоренъ къ смертной

¹⁾ Эта книга напечатана въ Петербургѣ въ 1789 г.

²⁾ Переводъ. Я принужденъ говорить то, что благоразуміе желало-бы умолчать, и открытъ ненавистную великимъ людямъ истину. Дерзновенное предпріятіе! Когда слишкомъ просвѣтившіеся подданные научаютъ государя познать его заблужденіе И хотя мы думаемъ, что мгновенный гнѣвъ прошелъ но безъ сомнѣнія, сильный за то современемъ отомститъ. (Перев. А. М. Бутузова).

³⁾ Напечатано въ Петербургѣ въ 1790 г.

казни. Но когда дошло дѣло до монархини, то изъ высочайшаго милосердія лишень чиновъ и дворянства и сосланъ въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безвыходное заточеніе. Сіе получа вдругъ, вообразите, сколько я былъ пораженъ симъ происшествіемъ, и въ состояніи ли я былъ писать что-либо; ваше нѣжное и справедливое сердце послужить мнѣ хотя нѣкоторымъ извиненіемъ. Не успѣлъ еще укротить возмущающуюся мою кровь, какъ слышу отъ проѣзжихъ, что и я, можетъ быть, подобной участи ожидать долженъ. Я забылъ сказать, что и сія книга приписана мнѣ, ибо почитали меня, не знаю почему, участникомъ въ его преступленіи. Но я не хочу входить въ подробности для моего оправданія. Совѣсть моя чиста, и я ничего не страшусь. Вотъ истинная причина долговременному моему молчанію.

6.

А. М. Кутузовъ—И. В. Лопухину.

12 (23) декабря 1790 г. Берлинъ.

Поздравляю тебя со взятіемъ Измаила, а какъ слышно, то и Силистріи угрожаетъ сія же участь. Все сіе хорошо, но твердый, непостыдный и полезный миръ всего лучше; дай Боже, чтобы онъ воспослѣдовалъ сею зимою. Наше любовное отечество имѣетъ нужду отдохнуть нѣсколько, дабы привести себя въ почтенное состояніе, такъ чтобы другія государства не осмѣлились даже и думать командовать нами, государства, подобаящаяся дождевымъ пузырямъ.

Увѣдомленіе о князѣ Енгальчевѣ ¹⁾ весьма меня огорчаетъ; не могу себѣ представить, чтобы онъ умышленно сдѣлалъ какой проступокъ; коими паче, чтобы онъ подумалъ пользоваться. Сіе не мало не сходствуетъ съ его характеромъ. Еще въ мою бытность былъ онъ противъ нѣкоторыхъ особъ, которыя привыкли волю свою поставлять выше законовъ. Честность и правосудіе его, совокупленное съ твердостью, были для нихъ несносны. Горько, мой другъ, видѣть, что въ нашемъ отечествѣ сіе дѣлается. Желалъ бы я, чтобы монархиня узнала всѣ подробности сего, колико-бы перемѣнилось ея мнѣніе! Но какъ сего требовать? Увѣдомь меня пожалуйста о участи князя; ежели онъ терпитъ за покровительство бѣдныхъ и гонимыхъ, то Богъ, безъ сомнѣнія, будетъ его

¹⁾ Князь Петръ Николаевичъ одинъ изъ членовъ московскаго масонскаго кружка, Дружескаго общества и типографической компаніи.

покровителемъ, и скоро или поздно постыдить льстецовъ и лицемъровъ. Жалко, мой другъ, что и большіе люди живутъ чужимъ умомъ. Но что дѣлать?

И у насъ здѣсь погода весьма странная. А прогос, говоря о погодѣ скажу тебѣ, что здѣсь вышла маленькая книжка, въ которой авторъ общаетъ показать неложное средство къ предузнанію всѣхъ таковыхъ переменъ, а въ доказательство возможности сего средства сообщаетъ свои предсказанія на будущій годъ. Я спишу тебѣ сіе мѣсто.

Сочинитель предвѣщаетъ, что въ настоящемъ 1791 годѣ «покажутся чрезвычайныя, рѣдкія и сильныя созвѣздія, которыя, сходственно съ его наблюденіями, произведутъ опять въ разныхъ странахъ на нашемъ земномъ шарѣ страшныя и разорительныя землетрясенія (чего уже предварительный примѣръ имѣется въ испанской крѣпости Оранъ). чрезвычайныя бури, громы и прочія, примѣчанія достойныя, скорыя переменны въ барометръ и термометръ и въ отступленіи магнитной стрѣлки и другія преображенія»—и проситъ любителей физики сообщить ему посредствомъ вѣдомостей все, что усмотрятъ примѣчанія достойнаго какъ въ погодѣ, такъ и въ натурѣ во весь годъ, особливо-жь: января съ 2 по 6, съ 9—13, 18—21, 24—28 и 31. Февраля со 2 по 4 и 6, 9—11, 14, 17—19, 21 и 25. Марта 4—7, 10, 17—21 и 27—30. Апрѣля 3—7, 11—14, 17—19, 22, 27—30. На слѣдующіе мѣсяцы общаетъ сочинитель въ непродолжительномъ времени назначить числа.

Всѣ сія числа суть по новому штилю; пожалуй увѣдомь, ежели въ нашемъ отечествѣ случится что сему подобное.

7.

А. М. Кутузовъ—Н. М. Карамзину.

17 (28) декабря 1790 г. Берлинъ.

Любезный мой другъ! Благодарю тебя за твое приписаніе, показующее, что ты не забылъ еще человѣка, искренно и безъ всякихъ интересовъ тебя любящаго. Признаюсь, что восемь тобою начертанныхъ строкъ суть для меня истинная загадка. Сколько ни ломаю мою голову, не могу добраться до истиннаго смысла. Или ты почти ничего не сказалъ, или сказалъ очень много для моего чувствительнаго сердца. Ты открылъ мнѣ пространное поле для изощренія силы моего воображенія, но къ чему сіе послужитъ? Я буду разсуждать о неизвѣстномъ и слѣдовательно говорить не знаю съ кѣмъ. To say more to a man, than one thinks

with a prospect of interest, is dishonest; and without it—foolish ¹⁾. Такъ говорить одинъ англійскій писатель, и я, соглашаясь съ нимъ, умолкаю. Впрочемъ, опасно связываться съ вашею братіею, авторами; тотчасъ попадешь въ лабеть. Я и самъ знаю многіе мои пороки и недостатки; что же будетъ, если они предложатся публикѣ изображенные искусною кистью? Нѣтъ, нѣтъ не хочу съ тобою ссориться. Оставь шутки, я тебя не понимаю. Говори со мною яснѣе; ты знаешь, что я нѣсколько тупъ. Однакожь, какъ ты о мнѣ ни думаешь, но знай, что я любилъ тебя и люблю тебя искренно и желаю тебѣ истинныхъ благъ. При изданіи твоего журнала щадь и твоего друга; помни изреченіе англійскаго писателя: *There are four good Mothers, of whom are often born four unhappy Daughters; Truth begets hatred, Happiness pride, Security danger, and Familiarity contempt* ²⁾.

8.

А. М. Кутузовъ—Алексію Александровичу Плещееву.

17 (28) декабря 1790 г. Берлинъ.

Удивляюсь переменѣ нашего друга (Карамзина) и признаюсь, что скоропостижное его авторство, равно какъ плачь, такъ и его объявленіе поразили меня горестію, ибо я люблю его сердечно. Вы знаете, я уже давно ожидалъ сего явленія—я говорю объ авторствѣ,—но я ожидалъ сего въ совершенно иномъ видѣ. Я слышался отъ мужей, искушившихся въ наукахъ, да и наглядѣлся во время обращенія моего въ мірѣ, что истинное знаніе бываетъ всегда сопровождается скромностію и недвѣрчивостію къ самому себѣ. Чѣмъ болѣе человекъ знаетъ, тѣмъ совершеннѣе видѣть можетъ свои недостатки, тѣмъ яснѣе видитъ малость своего знанія и самымъ тѣмъ бываетъ воздержаніе въ словахъ своихъ и писаніяхъ, ибо умѣетъ отличить истинную пользу отъ блестящаго и краснорѣчиваго пустословія. Ежели въ нашемъ отечествѣ будутъ издаваться тысяча журналовъ, подобныхъ Берлинскому и Виляндову, то не одинъ россіанинъ не сдѣлается отъ нихъ лучшимъ. На-

¹⁾ Сказать болѣе другому, нежели мы думаемъ, есть безчестное дѣло, буде корыстолюбивые имѣемъ виды, а безъ нихъ безразсудное. (Переводъ А. А. Бутузова).

²⁾ Четыре хорошія матери производятъ на свѣтъ часто четырехъ несчастныхъ дочерей; истина нарождаетъ ненависть, счастье—спѣсъ, безпечность—опасность и вольное обхожденіе—презрѣніе.

противъ того, боюсь, чтобъ тысяча таковыхъ журналовъ не положили миллионъ новыхъ препятствій къ достиженію добродѣтели и къ познанію самихъ себя и Бога. Между нами сказано, страшусь, чтобъ другъ нашъ не сдѣлалъ себя предметомъ смѣха и ругательства или, что и того опаснѣе, чтобъ успѣхъ его трудовъ не исполнилъ его самолюбіемъ и тщеславіемъ—клипа ¹⁾, о которую разбивались довольно великіе мужи. Чѣмъ болѣе сіи страсти получаютъ пищи, тѣмъ болѣе ослѣпляютъ его и сдѣлаютъ своимъ рабомъ. Дай Боже, чтобъ не сбылась моя догадка! Искренно однакожь скажу, что онъ стоитъ теперь на слишкомъ пути, и что присовѣтовавшіе ему сіе дадутъ Богу отвѣтъ, ежели потерпять чрезъ то его сердце, которое у него очень хорошо. Жажду видѣть и читать сей журналъ.

9.

А. М. Кутузовъ—ниязю Николаю Нинитичу Трубецкому.

17. (28) декабря 1790 г. Берлинъ ²⁾.

Скажите, получили-ль вы посланное мною чрезъ Алопеуса? Ежели употребите оное въ дѣло, то не забудьте сказать мнѣ о дѣйствіи. Вы по сіе время ничего не пишете мнѣ о несчастномъ моемъ другѣ (Радищевѣ) кажется мнѣ, вамъ легко освѣдомиться о семъ чрезъ Алексѣя Ивановича или чрезъ Александра Васильевича. Я чрезвычайно интересуюсь симъ, ибо неизвѣстность нестерпимая, тако-же и о самомъ мнѣ жажду знать, въ какомъ я видѣ представленъ. Мнѣ сказывалъ одинъ пріѣзжій, что меня тако-жь подозрѣваютъ. Я въ семъ случаѣ такъ чистъ, что даже и содержаніе книги мнѣ неизвѣстно; однакожь не желаю быть жертвою злословія, не принеся чрезъ то пользу моему отечеству, ниже кому-либо изъ моихъ ближнихъ, и сіе то наипаче возбуждаетъ во мнѣ мое любопытство. Поздравляю со взятіемъ Измаила; сказываютъ, будто и Силестрія уже въ нашихъ рукахъ. Дай Боже, чтобъ сіе ускорило миръ, но миръ выгодный, твердый и надежный.

10.

И. В. Лопухинъ—А. М. Кутузову.

6 января 1791 г. Москва.

Любезнѣйшій другъ мой!

Сердечно благодарю тебя за послѣднее твое письмо отъ 3 (14) де-

¹⁾ Клире, пѣмецкое слово,—скала.

²⁾ Письмо это было вложено въ конвертъ на имя И. В. Лопухина.

кабря. Ты обо мнѣ гораздо лучше думаешь, нежели я есмь въ самомъ дѣлѣ. Не болѣзнь моя была причиною, что я пропустилъ нѣсколько почтъ, ибо я здоровъ былъ. Нынѣ же болитъ у меня отъ простуды глазъ, и сіе мѣшаетъ мнѣ много писать; какъ скоро можно будетъ, напишу больше. Впрочемъ, всѣ твои пріатели живутъ благополучно, хотя есть такіе бездѣльники, которые говорятъ про меня и про другихъ моихъ пріателей, что-де не дѣлаютъ ли они уже фальшивой монеты, что даютъ иногда милостыни рублей по пяти человѣку. Какое безуміе! Какая жалостная черная злоба, какая подлость сентиментовъ въ сихъ несчастныхъ клеветникахъ! Правда, что очень мало этихъ несчастныхъ тварей, ежели еще и не одинъ,—думаю, тотъ, о коемъ я давно къ тебѣ писалъ. Но какая же глупость такъ распускать о людяхъ извѣстныхъ, о дворянахъ, не худшихъ, ежели и не лучшихъ, нежели тѣ, кои клеветуютъ о людяхъ, которые сами или отцы ихъ имѣютъ тысячь до тридцати дохода. Впрочемъ это естественно. Злонамѣренныхъ людей въ мірѣ больше, нежели добронамѣренныхъ; итакъ, послѣдніе должны быть гонимы.

Слава Богу, даровавшему намъ мудрую и милосердную государыню! Ежели таковыя клеветы до нея доходятъ, то я думаю, онѣ терзаютъ ея чувствительное нѣжное сердце и въ пріязнномъ разумѣ ея рождаютъ презрѣніе къ клеветникамъ. Да, слава Богу, подавшему насъ подъ державу Екатерины II! Я увѣренъ, что никогда злоба и глупость успѣха не будутъ имѣть въ ея царствѣ и сокрушатся ея прозорливостью и благоразуміемъ.

Увѣдомъ меня, мой другъ, пожалуйста, есть ли надежда, чтобъ скоро вышелъ тотъ большой оуцгаге, котораго я еще не знаю, какъ назвать, который уже давно, я думаю, начатъ и по сіе время объ немъ продолжается молчаніе. Прости, болѣе писать теперь не могу. И. Л.

Измаилъ взятъ и тридцать тысячь войска турецкаго истреблено. Что можетъ противустоять російскому оружію?

Приписка въ этомъ письмѣ отъ Петра Владиміровича Лопухина къ Алексѣю Михайловичу Кутузову.

Едва ли ты, любезный другъ, не впервые видишь, какъ я пишу. Совѣстно мнѣ, что ты часто ко мнѣ приписываешь, а отъ меня ни строки. Благодарю тебя за памятованіе; будь здоровъ, я здоровъ. Изъ письма брата видишь, какіе нападки, и меня выставляютъ въ числѣ товарищей къ производителямъ будто бы глупостей или плутовства. Вѣстовщиковъ, вѣроятно, не больше одного, да и трудно таковымъ злодѣямъ и бездѣльцамъ быть многимъ, должно быть рѣдкой птицею. Но что дѣлать? Чужой ротъ не хлѣвъ, не запрешь. Правда свѣтлѣ солнца. Со временемъ все обнажится, такъ какъ и глупость клеветы и клевет-

няковъ, съ которыми, можетъ быть, въ свое время и объяснится путемъ тотъ, кто не любитъ торопиться. Твой вѣрный слуга П. Лопухинъ.

Какое ожесточеніе! Какъ жалко, что и пяти или десяти рублевое иногда подаваніе кажется страннымъ или подозрительнымъ! Что за диковинка, еслибъ это и сто разъ въ годъ случилось сдѣлать человѣку, когда въ одинъ часъ проигрываютъ въ карты многія тысячи тѣ, кои должны наблюдать за благочиніемъ. Тутъ уже явная и прямая злоба. Боже просвѣти и помилуй сихъ несчастныхъ!

11.

М. И. Невзоровъ и В. Я. Колокольниковъ—И. В. Лопухину.

1791 г. Гёттингенъ ¹⁾.

Любезный другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

При отъѣздѣ нашемъ изъ Лейдена послали мы къ вамъ письмо, въ которомъ увѣдомили, что мы поѣхали въ Швейцарію, доѣхавъ до Страсбурга остановились и по многократнымъ изслѣдованіямъ узнали, что въ Швейцарію ѣхать не за чѣмъ, потому что хотя тамъ и есть нѣкоторыя академіи, однако онѣ не стоятъ того, чтобы ѣхать для нихъ издалека, и сами швейцарцы большею частію пріѣзжаютъ учиться въ Страсбургъ. Путешественники же посѣщаютъ Швейцарію совсѣмъ не для наукъ, а только для гулянья, которое не есть (нашимъ) предметомъ. Сіе привело насъ въ замѣшательство, и мы, оставаясь въ нерѣшеніи, не знали куда ѣхать; думали было остаться въ Страсбургѣ, но тамъ хирургию и повивальную науку читаютъ на нѣмецкомъ языкѣ страсбургскомъ, то есть испорченномъ. Натуральная же исторія, по пріѣздѣ нашемъ, кончена и начнется весною съ мая, и потому мѣсяца четыре мы должны были бы прожить безъ дѣла. Хотѣли было ѣхать въ Парижъ, но французскіе мятежи и неурядиства воспрепятствовали; наконецъ, по долгому размышленіи рѣшились ѣхать въ Гёттингъ, и мы надѣемся, что лучшую часть избрали, потому что нынѣ Гёттингскій университетъ почитается, особливо въ разсужденіи медицины, первѣйшимъ въ Германіи. Жалѣемъ только, что прямо изъ Лейдена въ Гёттингъ не поѣхали, ибо такимъ образомъ меньше бы денегъ и времени на поѣздку истратили; но мы надѣемся, что вы простите намъ сію ошибку. Больше всего нѣмецкій языкъ, на которомъ въ Гёттингѣ всѣ даются лекціи, насъ удерживаль.

¹⁾ Представлено Ив. Пестелемъ при рапортѣ отъ 20 января 1791 г.

Въ Гёттингъ пріѣхали 4-го декабря и два дня спустя послѣ записались у проректора въ матрикулъ. Курсъ лекцій кончится здѣсь чрезъ полгода, и за каждый курсъ платятся деньги впередъ, за нѣкоторыя по лундору, а за нѣкоторыя по два. Зимній курсъ начался октября 18-го числа, а лѣтній начнется съ мая мѣсяца. Въ книгѣшномъ курсѣ лекціи хотя не такъ понятны кажутся, какъ на латинскомъ языкѣ, однако я надѣюсь мѣсяца чрезъ два съ большимъ успѣхомъ понимать; въ слѣдующій же курсъ надѣюсь понимать совершенно. Василій Яковлевичъ намѣренъ чрезъ нѣсколько дней возвратиться въ Лейденъ и тамъ пробыть до лѣта; лѣтомъ же сюда пріѣдетъ. Покорнѣйше оба просимъ во время сего временнаго раздѣленія писать къ намъ порознь. Къ Василю Яковлевичу можете писать по прежнему въ Лейденскій университетъ, а ко мнѣ по нижеозначенному адресу. Просимъ наконецъ не оставить насъ деньгами, въ которыхъ намъ приходитъ немалая нужда. Есть ли благоволите ко мнѣ прислать деньги, то извольте прислать вексель на какого-нибудь гамбургскаго банкира, а есть ли можно лейденскаго, потому что это ближайшіе къ Гёттингу купеческіе города. Василя же Яковлевича часть по-прежнему можете прислать на Амстердамъ; впрочемъ мы рекомендуемъ себя вашей любви и покровительству. Вашъ покорный слуга и братъ Максимъ Невзоровъ.

Адресъ ко мнѣ въ Гёттингъ слѣдующій: à Monsieur Newsoroff, Docteur en medecine à Goetting. Bei Heinrich David Vogt wohnhaft auf der Johannis Strasse № 134.

P. S. Здѣсь въ Гёттингѣ и въ Лейденѣ теперь вакація. Я намѣренъ возвратиться въ Лейденъ и пробыть тамъ зиму и весну для дослушанія нѣкоторыхъ лекцій. Отсюда Лейденъ отстоитъ не болѣе шести дней. Тамъ я безъ платежа буду ходить на лекціи, тѣмъ нѣсколько вознагражу убытокъ денегъ, которыя я на дорогу издержу. Лекціи на латинскомъ языкѣ съ большею пользою буду слушать. Максимъ же Ивановичъ останется здѣсь къ началу здѣшняго курса лекцій, которыя лѣтомъ начнутся снова. Я сюда пріѣду и, пробывши здѣсь чрезъ полугодичной курсъ (ибо курсъ здѣсь только полгода продолжается) возвратимся вмѣстѣ, есть ли вамъ угодно будетъ, въ Россію. Вашъ покорнѣйшій слуга В. Колокольниковъ.

12.

А. М. Кутузовъ—иняю Н. Н. Трубецкому.

1791 г. Берлинъ *).

Сердечный другъ! Благодарю за ваше письмо; поздравляю васъ съ праздникомъ Рождества Христова; желаю, чтобы вы возмogli торже-

1) Представлено при рапортѣ Ив. Пестеля отъ 20 января 1791 г.

ствовать сей праздникъ во внутренности вашей существенно, а не фигурально; равнымъ образомъ поздравляю и съ наступающимъ новымъ годомъ, желаю вамъ обновленія ветхаго на новое. Я слышу, что любезный мой Карамзинъ произвелъ себя въ авторы и издаетъ журналъ для просвѣщенія нашего отечества. Признаюсь, что его объявленіе поразило мое сердце, но не мало такъ же удивился и тому, что М. Матв. ¹⁾ будетъ участвовать въ томъ. Пожалуйста скажите мнѣ, что все сіе значить, что молодой человекъ, снявъ узду, намѣренъ рыскать на полѣ пустыя славы? Сіе больно мнѣ, но не удивляетъ меня; но ежели мужъ важный и степенный одобряетъ такого юношу, сіе приводитъ меня въ изумленіе. Я написалъ было письмо отъ неизвѣстнаго человека къ журналисту, но боюсь, не ѣдко ли оно, и для того сообщаю вамъ оно. Поступите съ нимъ какъ вамъ угодно. Вотъ оно:

Forgive me this my virtue
 For in the fatness of these pury times
 Virtue itself of vice must pardon beg,
 Yea, curb and woo for leave to do him good.

Shakespeare.

Мнѣ минеть двадцать пять лѣтъ. Въ древнія времена сей возрастъ почитали едва ли не ребячьимъ. Въ самомъ нашемъ отечествѣ въ прошедшія столѣтія около сихъ лѣтъ не заслуживалъ никто законныя довѣренности; всѣ крѣпости, обязательства и записи такового несозрѣлаго юноши—здѣсь принужденъ повторить сіе постылое слово, ибо такъ называли ихъ наши предки,—были недѣйствительны. У нашихъ праотцевъ не было оранжереи ни для физическихъ, ниже для нравственныхъ растений. Тѣсно ограниченное просвѣщеніе представляло имъ совершенною невозможностію, чтобы юноша, не знающій человека вообще, не знающій нравственныхъ свойствъ своихъ согражданъ, не свѣдущій законовъ и политическихъ связей своего отечества, могъ преподавать какое-либо полезное наставленіе. Непрестанно твердили: учись и приобрътай искусство учить, повинуйся и содѣлывайся способнымъ повелѣвать. Странныя варварскія правила! Правда, сіи варвары, надлежитъ отдать справедливость, были здравы и тѣломъ, и душою; всѣ ихъ дѣянія носили на себя клеймо силы и твердости, но вотъ и все то чѣмъ они могли хвалиться,—сколь же сіе маловажно! Всѣ достоинства ихъ происходили изъ единныя природы, ибо не было еще у нихъ произведеній искусства и хитрости. Жалости достойные бѣдняки! Не можно и подумать безъ смѣха; они не стыдились свойства разума уподоблять растениямъ, говоря: плоды, выросшія на парникахъ, хотя и скоро поспѣваютъ, не имѣютъ однакожъ зрѣлости и вкуса тѣхъ, которыя возра-

¹⁾ Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

щаетъ и созрѣваетъ сама природа, суть нездравы и отзываются навозомъ; точно то же бываетъ и съ произведеніями разума, понужденными къ дѣйствию не натурою, но хитростію. Но оставимъ сихъ грубыхъ невѣждъ; нѣчто подобное сему видимъ мы нынѣ токмо между нѣкоторыми крестьянами. О сколь мы счастливы, государь мой, что не живемъ въ семь вѣкѣ, налагавшемъ столь тяжкія оковы на разумы чело-вѣческіе! Въ прошедшія времена желающему заслужить въ мірѣ нѣкоторое имя надлежало имѣть самое существо дарованія, но много ли же сихъ людей въ мірѣ? Сократы, Платоны, Солоны, Ликурги, Титы и Петры не рождаются на подобіе грибовъ въ дождливое лѣто. Въ нашемъ XVIII, въ семь просвѣщенномъ столѣтіи такія пустыя бредни потеряли всю силу; мы пользуемся драгоценною свободою, нужно только умѣть читать и писать—бумаги у насъ довольно; нужно только кажется быть писателемъ, и будемъ, конечно, не изъ послѣднихъ. Извините, государь мой, ежели въ самомъ уже началѣ (уклонился) отъ цѣли моего письма; возможно ли воздержаться, говоря о сей привлекательной матеріи? Итакъ возвращаюсь туды, откуда началъ; миѣ теперь скоро двадцать пять лѣтъ минеть. Замятете сіе прекрасное новомодное рондо.

Хотя вы могли усмотрѣть изъ прошедшаго, (что) мы скачемъ съ чрезвычайною легкостію на воздушномъ полѣ нашихъ нравственныхъ познаній—правда, нерѣдко дѣлаемся и калѣбками—но наше физическое состояніе и теченіе времени не повинуются всеоблегчающей философіи; и такъ, легко можете себѣ представить, что не въ единое мгновеніе достигъ я сего нынѣшняго моего возраста, и что безъ сомнѣнія, я былъ нѣкогда моложе. Ежели усомнитесь въ истинѣ сказаннаго, то прошу принять на себя трудъ справиться съ метрическими книгами нашего прихода. Мое воспитаніе не отличалось ничѣмъ отъ прочаго нашего дворянства воспитанія: научили меня болтать по-французски и нѣмецки, на сихъ двухъ языкахъ имѣлъ я счастье читать множество романовъ. На грубомъ россійскомъ языкѣ сказка имѣетъ весьма обширное значеніе, такъ что изъ тысячи книгъ едва ли найдутся двѣ, котормы бы не подошли подъ сію главу, невзирая на то, что въ заглавіи поставляются: Философическое того и того разсмотрѣніе, Исторія чело-вѣческаго рода, Наука быть счастливымъ, Первоначальное происхожденіе наукъ и художествъ, Исторія такого или такого государства и проч. и проч. Сіе дѣлается единственно изъ любви къ перемѣнѣ, дабы не наскучить всегдашнимъ употребленіемъ одного названія, и для надобности отличать одинъ романъ отъ другаго. Наставники мои были чужестранцы; нѣкоторые изъ нихъ на себѣ носили знаки отличія, но по особенной скромности носили оныя подъ одеждами на тѣлѣ. Сн

знаки суть не маловажны—іероглифы, изображающіе нѣкоторое растеніе, упоминаемое въ Священномъ Писаніи, и которое въ своей красотѣ превосходитъ великолѣпіе Соломона. Отъ сихъ моихъ учителей позналъ я истинное состояніе моего отечества, между прочимъ и то, что моимъ соотчичамъ недостаетъ еще просвѣщенія, что предубѣжденіе ихъ простирается такъ далеко, что нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ слѣпо всему, что сказано въ Священномъ Писаніи. Окончивъ симъ образомъ курсъ моихъ наукъ, вступилъ я на позорище міра, познакомился съ нашими учеными и остроумными журналистами, и отъ сего родилась во мнѣ охота записаться въ ихъ благородный цехъ. И такъ, рѣшившись твердо писать, хотя и самъ еще не зналъ что; отправился я въ чужіе края, зная, что сіе придастъ не малую важность будущимъ моимъ сочиненіямъ. Съ симъ намѣреніемъ проскакалъ я чрезъ нѣкоторую часть Европы, посвящая, подобно вашему другу, мое вниманіе натурѣ и человѣку, преимущественно предъ всѣмъ прочимъ, записывая то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ и мечталъ. Окончивъ курьерскую мою поѣздку, возвратился въ мое отечество весьма уже незадолго предъ разрѣшеніемъ отъ авторской моей бременности. Все уже было готово, какъ вдругъ послали меня на проклятую китайскую границу, гдѣ о печатаніи книгъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Представьте же себѣ, государь мой, мое несносное состояніе бѣтъ принужденну носить несносное бремя и не имѣть надежды разродиться скоро. Признаюсь, я начиналъ уже предаваться отчаянію, не столько въ разсужденіи самого меня, какъ въ разсужденіи моего отечества, лишаемаго симъ образомъ моего просвѣщенія. Но вообразите жъ и несказанную мою радость при полученіи чрезъ одного пріятеля того объявленія, чрезъ которое возвѣщаете вы скорое ваше разрѣшеніе отъ подобнаго моему бремену! Всего болѣе порадовало меня то, что вы приглашаете нашу собратію присылать къ вамъ плоды ихъ неводержанности, обѣщавъ стараться о нихъ какъ о собственныхъ вашихъ дѣтяхъ. Теперь остается у меня одно сомнѣніе: вы, наблюдая правила благоразумныхъ благотворителей, предписываете предѣлы вашимъ благодареніямъ, ограничивая оныя исключеніемъ нѣ котораго рода присылаемыхъ къ вамъ младенцовъ, какъ то: теологическихъ, мистическихъ, слишкомъ ученыхъ, педантическихъ и сухихъ. Я совершенно съ вами согласенъ, и какъ не повиноваться вашимъ мнѣніямъ, ибо видна птица по полету—что таковыя сочиненія не должны быть терпимы въ благоустроенномъ государствѣ; но признаюсь откровенно, я не разумѣю истиннаго значенія сихъ названій, и для того, чтобъ не прогнѣвать васъ, моего государя, присылкою чего-либо противнаго вашимъ намѣреніямъ, прошу дать мнѣ чистое и ясное понятіе о сихъ употребляемыхъ вами заглавіяхъ. Впрочемъ, получа отъ

вась отвѣтъ, не умедлю отправленіемъ моихъ произведеній, которыми, безъ великаго самолюбія сказать, я обилую. Въ ожиданіи же пребуду государя моего усердный сотрудникъ Попугай Обезьянникъ.

Si nous étions des perroquets et des singes, nous serions excusables de parler et d'agir par l'imitation de ce que nous voyons dire et faire aux autres.

13.

А. М. Кутузовъ—И. В. Лолухину.

1791 г. Берлинъ ¹⁾.

Дражайшій другъ! Письмо твое, сердечный мой другъ, получилъ и благодарю тебя за оное. Поздравляю тебя сердечно съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова; дай Боже, мой другъ, чтобы ты возмогъ праздновать сей праздникъ въ самомъ себѣ не фигурально, но существенно. Равнымъ образомъ поздравляю тебя съ новымъ годомъ, желаю тебѣ обновленія внутри и всѣхъ благъ совнѣ, и дабы съ симъ новымъ годомъ наши соотчичи получили новый смыслъ и новыя понятія; дабы они, отворя очи, познали свои заблужденія и перестали гоняться за пустыми мечтами, которыя въ самое то время, когда уже мы думаемъ ухватить ихъ, исчезаютъ въ нашихъ рукахъ. Я увѣренъ, что съ сею переменною переменили бы они и мнѣніе свое о тѣхъ, которыхъ гонять и ругаютъ несправедливо, но да будетъ воля Создавшего вся.—О полицейской справкѣ въ разсужденіи меня знаю я не изъ письма, но отъ одного проѣзжаго. Надлежитъ тебѣ знать, что меня не искали въ Москвѣ, но спрашивали, какъ скоро возвращусь и куда выѣду. Проѣзжій же слышалъ сіе отъ Ивана Крапивина, служащаго нынѣ у Н. Ивановича ²⁾, и который, во время жизни покойной моей тетки, былъ моимъ лакеемъ. Что же изъ моихъ писемъ усмотрѣли несогласіе мнѣній моихъ со мнѣніями несчастнаго моего друга ³⁾, сему я вѣрю; однакожь сіе не мало не успокоиваетъ меня, ибо пословица не потеряла еще своей силы: безъ вины виновать; напротивъ того мы видѣли событіе ея на самихъ насъ. Вчерась былъ я у одного пріятели, онъ далъ мнѣ книгу подъ названіемъ: «De l'origine des usages, des abus, des quantités et des mélanges de la raison de

¹⁾ Представлено при рапортѣ Ив. Пестеля 20 января 1791 г.

²⁾ Новикова.

³⁾ Радищева.

la foi». Книгу сію хвалить онъ очень, я еще не читалъ оныя, да и до-
стать трудно, но постараюсь. Я думаю, что вы въ Москвѣ сыщите
оную. Прости сердечный другъ, цѣлую тебя и всѣхъ.

14.

И. В. Лопухинъ—А. М. Кутузову.

3-го февраля 1791 года. Москва.

Виновать я, мой сердечный другъ, что давно не писалъ къ тебѣ и
не отвѣчалъ еще на два послѣднія любезныя письма твои.

Тутъ помѣшали, и я принужденъ былъ оставить до

6-го февраля.

Глазъ мой зажилъ, и я теперь довольно здоровъ, кромѣ чувствованія
общей теперь почти со всѣми тягости отъ необыкновенной здѣсь по-
годы. Во весь январь не было мороза болѣе двухъ градусовъ и по
большей части оттепель, и теперь съ кровель каплетъ и по улицамъ
грязь.

Всѣ извѣстные мнѣ друзья твои здѣшніе живутъ благополучно и
здорово. Слывшіе изъ нихъ мартинистами въ невинности своей за-
щипаются Всевышнимъ Покровителемъ и мудростію и человѣколю-
біемъ помазанницы Его. Злобная и безумная клевета разносится по
вѣтру, исчезаетъ, и ежели существуетъ, то развѣ ко вреду клеветуща-
го. Ненавистное заключеніе знатнаго клеветника о подаяніи нашемъ,
какъ я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, такъ уже грубо
зла, что всѣ уже, слышавшіе такое разглашеніе, видятъ весь ядъ и
все невѣжество въ такомъ толкованіи. Чему удивляться, что помощь
бѣднымъ и добросердечное съ людьми обхожденіе кажутся подозри-
тельными для того человѣка, который говоритъ, что человѣколюбіе и
состраданіе къ ближнему свойственно только монахамъ и мартинистамъ,
которые здѣсь существуютъ токмо въ бредящей всегда головѣ его?

Богъ и Спаситель мой повелѣваетъ мнѣ помогать ближнимъ моимъ;
законы государственныя, которые должны быть основаны и суть на
божественныхъ, тоже подтверждаютъ, особливо начертанныя Екатери-
нинимъ человѣколюбіемъ. Кто-жъ можетъ сжать мою руку, когда благо-
словляемое Творцемъ моимъ сердечное побужденіе растворяетъ ее на
помощь ближнему моему страждущему? Избави насъ Боже угождать
кому-либо на счетъ добродѣтели. Ты спрашиваешь меня, любезный
другъ, о Карамзинѣ. Еще скажу тебѣ при семъ о ложныхъ заключе-

ніяхъ здѣшняго главнокомандующаго ¹⁾. Онъ говоритъ, что Карамзинъ ученикъ Новикова и на его иждивеніи посланъ былъ въ чужіе края, мартинистъ и проч. Возможно ли такъ все невѣрно знать, при такой охотѣ все развѣдывать и разыскивать, и можно ли такъ думать, читая журналъ Карамзина, который совсѣмъ анти того, что разумѣютъ мартинизмомъ, и котораго никто болѣе не отвращалъ отъ пустаго и ему убыточнаго вояжу, какъ Новиковъ, да и тѣ изъ его знакомыхъ, кои слывуть мартинистами? Карамзину хочется непременно сдѣлаться писателемъ, такъ, какъ князю Прозоровскому истребить мартинистовъ; но думаю, оба равны будутъ имѣть успѣхъ; обоимъ чаю тужить о неудачѣ. Я право не сердить на послѣдняго, а онъ мнѣ очень жалокъ. Недостатокъ въ немъ любви, которой, лучше сказать, и вовсе нѣту въ немъ, причиною всѣхъ его заблужденій и тому, что всѣ его не любятъ, и ни отъ кого не услышишь объ немъ добраго слова. Несчастіе его права, что онъ все ищетъ только обвинять. Напримѣръ, нѣкоторыя его предписанія, читанныя мною, по уголовному судопроизводству не худы (хотя примѣтить можно, что у него былъ секретарь искусный въ сей части), но что-жь? Вездѣ только о томъ идетъ дѣло, какъ бы открыть преступленіе, а ничего о томъ, какъ защитить невинность и оградить отъ напраснаго страданія.

Теперь здѣсь графъ Безбородко, пріѣхавшій сюда на нѣсколько дней отдохнуть отъ дѣлъ. Министръ искусный, весьма, сказываютъ, добродушный и рѣдкое имѣющій достоинство не употреблять во вредъ довѣренность монаршую.

О несчастномъ твоёмъ Радищевѣ ничего я не слыхалъ послѣ того, какъ одинъ пріѣхавшій изъ Сибири сказывалъ мнѣ, что онъ пробѣгая встрѣтилъ его по ту сторону Перми, ѣдущаго въ свое мѣсто. Онъ съ нимъ незнакомъ и не видалъ его, а видѣлъ экипажи. Это было въ концѣ ноября. Весьма справедливо твое, мой другъ, мнѣніе, и я съ нимъ согласенъ, что ежели подданный и сынъ отечества почитаетъ за долгъ представить о чемъ-нибудь истину своему государю, то онъ долженъ сіе сдѣлать лицу его непосредственно и тайно, въ любви и благоговѣніи, и какъ я увѣренъ, приметъ сіе всегда Екатерина, а не разсѣяніемъ книги, могущей возмутить покой общественный. Vale. И. Л.

П р и п и с к а к н. Н. Н. Т р у б е ц к а г о. Радъ я случаю, дающему мнѣ возможность сказать вамъ, любезнѣйшій мой Алексѣй Михайловичъ, что я искренно желаю вамъ добра, что я люблю васъ, помню и почитаю. Радъ я буду, когда вы вспомните и что-нибудь молвите о мнѣ, хотя въ письмѣ къ другу вашему. Я молчалъ долго, не получа отвѣтовъ на мои письма; ни мало не взыскиваю на васъ за молчаніе и неуваже-

¹⁾ Князя А. А. Прозоровскаго.

ніе того, который вамъ сердечно преданъ и есть между прочими данными мнѣ отъ васъ дружескими названіями.

Вашъ покорнѣйшій слуга Стихотворцевъ.

Приписка И. В. Лопухина. Сергѣй вашъ здоровъ, живетъ честно и порядочно. Братецъ твой Федоръ Михайловичъ пеняетъ слышно, что ты къ нему не пишешь. Не безпокойся, мой другъ, когда долго не получишь отъ меня письма, особливо что теперь и князь Николай Никитичъ (Трубецкой) отсюда же къ тебѣ пишетъ. Не переставай же ко мнѣ писать. Прощай, сердечный другъ!

15.

А. М. Кутузовъ—И. В. Лопухину.

1791 г. Берлинъ ¹⁾.

Дражайшій мой другъ! Еще двѣ почты—и ни одной отъ тебя строки. Скажи, что дѣлается или что сдѣлалось съ тобою? Твое молчаніе страшнѣе мнѣ инаго кого, ибо лѣность не есть твой порокъ. Дай Боже однакожь, чтобъ причина сему молчанію была иная, нежели болѣзнь твоя или твоихъ ближнихъ. Можетъ быть, что, засуча рукава, таскаешься по московскимъ улицамъ, вопреки всѣмъ стихіямъ, устремляющимъ на тебя свою свирѣпость. Можетъ быть, что, вошедъ паки въ какую-либо храмину Нѣмецкія слободы, наслаждаешься зрѣлищемъ жителей оныя, собравшихся вкупѣ и восклицающихъ съ великимъ жаромъ: *les barbares! hélas ils l'ont spoutifié!* Можетъ быть... Но сіи «можетъ быть» не кончатся никогда, ежели я захочу привести себя въ память все то, что тебѣ приключилось въ твоихъ походахъ, и такъ умолкну и въ терпѣніи ожидать буду твоего повѣствованія.—

Оставя всѣ шутки, я безпокоюсь твоимъ молчаніемъ и не знаю, чему приписать оное. Безпокоюсь также и пустотою моего кошелька и напоминаніями требующихъ отъ меня денегъ. Все сіе вмѣстѣ покрываетъ горизонтъ мой мрачными облаками; однакожь, не взирая на сіе, вчерашній и сегодняшній день, подобные во всемъ нашимъ хорошимъ днямъ зимнимъ, произвели во мнѣ нѣкую веселость и удовольствіе, разлившееся даже и на сіи мои строки. Сія веселость не нарушается даже и слухами, которые грозятъ нашему отечеству новою войною. Здѣсь ни о чемъ иномъ не слышать, какъ о походѣ новыхъ войскъ къ лифлянд-

¹⁾ Представлено при рапортѣ Ив. Пестеля 17 февраля 1791 г.

скими границамъ, о построении плывущихъ батарей, о пришествіи англійскаго и голландскаго флотовъ; ежели сего мало, то посылають испанскую и датскую соединенную эскадру, и что всего страшнѣе, польскую армію, осаждаютъ Ригу, Ревель и самый Петербургъ, берутъ всё ихъ приступомъ, льютъ ручьями кровь любезныхъ моихъ соотчичей, не щадя и самихъ младенцевъ; однимъ словомъ, все сіе должно кончиться не инымъ чѣмъ, какъ совершеннымъ уничтоженіемъ моего только много любимаго отечества. Не удивляешься ли ты моему равнодушію при семъ ужасномъ позорищѣ? Еще ли ты не назовешь меня великодушнымъ? Безъ ужаса смотрю на все сіе, и еще нахожу во мнѣ довольно силъ для шутокъ. На сихъ дняхъ по высочайшему повелѣнію приказано берлинскому газетчику убить 18,000 росіянъ въ день взятія Измаила. Какое варварство! Они уже нашихъ столько побили, что и счесть не могутъ, и объявляютъ, что вся Росія опустѣла. Какое же мое состояніе! Я оставилъ отечество въ цвѣтущемъ состояніи и буду принужденъ возвратиться въ пустыню. Прости, мой дражайшій другъ! Я болталъ бы съ тобою больше, но долженъ идти со двора. Поцѣлуй Петра Владиміровича и поклонись всѣмъ любящимъ меня.

16.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

Москва, 1791 г. ¹⁾.

На прошедшей почтѣ я просилъ друга моего Лопухина къ тебѣ описать, чтобы ты, мой другъ, не беспокоился, не получая отъ меня писемъ, ибо я былъ въ такомъ положеніи, что не въ состояніи былъ писать. Княгиня Екатерина Петровна была при послѣднихъ часахъ своей жизни, и доктора на консилиумѣ опредѣлили ей только два часа жизни, но Богъ Спаситель нашъ услышалъ грѣшную молитву нашу и возвратилъ ее en dépit de tous les docteurs къ жизни, и теперь вся опасность миновалась, а только слаба. Буди препрославлено имя Господне, Ему же единому буди слава, честь и поклоненіе отъ Его тварей во всё вѣчности вѣчностей! Аминь! Аллилуя!

Письмо твое подъ № 1 я получилъ; радуюсь, что ты здоровъ. Книгу, о которой ты мнѣ писалъ, я досталъ, то есть: *De l'origine des usages, des abus etc.* и первый томъ уже прочелъ. Эта книга, по

¹⁾ Представлено Ив. Пестелемъ при рапортѣ отъ 21 февраля 1791 г.

моему сужденію, точно писана изъ помазанія, но ее рѣдкій изъ тѣхъ разумѣть будетъ, которые не студировали великаго Бѣма, и она такъ, какъ и Бѣмъ, должна показаться сбродомъ для тѣхъ мнимыхъ великановъ, а въ истинномъ смыслѣ карловъ, которые не дерзають возлетѣть духомъ выше чувственности и, пребывая на линіи скотовъ, думаютъ, опираясь на чувства и на происходящее отъ нихъ и отъ ихъ воображенія смыслъ, быть филосогами и, не понимая истины, ее дерзновенно отвергаютъ, и которые, подобно крестьянину, не имѣющему понятія объ электрической силѣ, увидя оную или, лучше сказать, о ней услышавъ, почитаетъ сказанное ему обманомъ или дѣвольщиною и готовъ вѣдующихъ силу электрическую гнать и истреблять, яко обманщиковъ или еретиковъ. Се есть, мой другъ, обыкновенная участь исходящихъ изъ линіи скотской, чтобы пребывающіе на оной линіи ихъ гнали, проклинали и старались истребить, и се есть ихъ опытъ и чистилище на земли, и горе имъ и въ здѣшней и будущей жизни, ежели они обратятся вспять и отъ страха человѣческаго дерзнуть паки возвратиться на линію скотскую. Надъ ними сбудется сказанное во Евангеліи: ежели вы отрелись Меня предъ человекѣ, то Я отречусь васъ предъ Отцемъ Моимъ. Боже милосердый, соблюди человекѣвъ на пути къ тому совершенству, ради котораго они опредѣлены въ Твоемъ божественномъ совѣтѣ, и не допусти тѣхъ изъ нихъ, которые по слову Твоему исходятъ изъ Содома, обратиться вспять, яко Лотова жена, и содѣлаться подобно ей землею или солью, смакъ свой или силу теряющей! Спаси, Господи, весь родъ человѣческій, помилуй и гонителей истины и гонимыхъ, яко обоемъ, какъ гонителямъ истины, такъ и поколебавшимся отъ гоненія, едина участь предстоитъ, и Ты обоимъ отвергнешь отъ лица Твоего. Господи, даждь имъ истинный смыслъ, да единые увидятъ свою неправду и покаются, а другіе, да не убоятся человекѣвъ, могущихъ убить только тѣло, а не душу, и пребудутъ непоколебимо привержены истинѣ ко прославленію Твоего святаго и великолѣпнаго имени.

Вотъ, мой другъ, плодъ той горести, которую я думалъ имѣть, потерявъ для меня дорогую племянницу. Она умягчила мое сердце и извлекла изъ моего сердца тѣ чувства, которыя я уже изобразилъ, да укрѣпятся они въ моемъ сердцѣ и да вѣще и вѣще вижу плоды крестовъ, посылаемыхъ на насъ Спасителевой десницею и таково хорошо изображенныхъ въ великой книгѣ *Mystère de la Croix*, которую, къ горю нашему, столь мало мы читаемъ тогда, когда она и Кемписъ были бы довольно сильны удержать насъ непрестанно на пути истины. Но что я говорю? Когда мы не читаемъ и Святое Писаніе, то что же уже намъ помочь можетъ! Милосердный Боже, помилуй насъ по Твоему милосердію, не входя въ судъ съ нами, и ради крови Твоей святой спаси насъ! Аминь!!

Здѣсь я останавливаюсь и хочу тебя предупредить, чтобы писанное мною не подало тебѣ сомнѣнія, нѣтъ ли какихъ новыхъ исторій, касающихся до насъ. Нѣтъ, мой другъ, будь спокоенъ, кажется, что рожденный въ воображеніи многихъ, а наипаче нынѣшняго начальника Москвы, фантомъ мартинизма начинаетъ исчезать, и теперь уже нѣсколько времени не слыхать, чтобы онъ говорилъ о немъ. А мое разсужденіе есть точно плодъ умягченнаго сердца отъ горестей и радости, которыя я чувствовалъ попеременно отъ болѣзни и чуднаго выздоровленія княгини Екатерины; и такъ все мое письмо прійми въ этомъ, а не въ другомъ смыслѣ.

Я и всѣ наши благодаря Бога здоровы, но Николаю Ивановичу Новикову настоятъ вмѣстѣ съ нами горестъ, которая не совершилась, но совершиться можетъ скоро. Жена его и моя племянница по сужденію докторовъ— въ жестокой чахоткѣ, такъ что они не имѣютъ никакой надежды въ ея выздоровленіи; это его и меня по родству и дружбѣ моей съ ними жестоко оскорбляетъ. Спрося, мой другъ, у твоихъ докторовъ, не можетъ ли въ чахоткахъ помогать Ф.Н., а я не смѣю оной употребить въ этой болѣзни, и пожалуйста на первой почтѣ дай мнѣ на оное отвѣтъ.

Что мнѣ еще тебѣ сказать о несчастномъ твоемъ другѣ (Радищевѣ)? Я уже къ тебѣ писалъ изъ Петербурга и подтверждаю, что его участь по неизреченно милосердному сердцу нашей монархини, за которую мы точно всѣ должны непрестанно молить Бога, толико облегчена, сколько преступникова участь облегчена быть можетъ. А что онъ—преступникъ, то я сіе утверждать могу по нѣкоторымъ фрагментамъ, которые мнѣ пересказывали изъ его книги; и увѣряю тебя, мой другъ, что вездѣ, кромѣ какъ подъ правленіемъ толико милосердной матери нашей, онъ бы за преступленіе свое потерялъ голову на эшафотѣ, даже бы и при самомъ владѣніи Елисаветы онъ отосланъ былъ бы въ тайную, ибо онъ не только разрывалъ въ книгѣ своей всѣ союзы и общества, но и освѣщенную особу царскую не пощадилъ. И за все оное чѣмъ онъ наказанъ? Отняты у него средства быть впредь вреднымъ; да и заключенъ онъ не навсегда, а только на время, дабы могъ опомниться и изъ преступника содѣлаться впредь полезнымъ членомъ общества. Итакъ, мой другъ, будь спокоенъ объ его участи и моли Спасителя нашего, толико жаждущаго покаянія и исправленія грѣшника, чтобы Онъ ему далъ слезы покаянія для омовенія дерзновеннаго его поступка, и тогда онъ же вложитъ въ сердце монархини и матери нашей, всегда прощать готовой, что она возвратитъ его въ свое время, и мы его увидимъ изъ преступника полезнымъ гражданиномъ, который самъ будетъ проклинять тѣ правила, которыя истекли изъ его пера.

Прости, мой другъ, писать больше нечего, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

17.

А. М. Кутузовъ—И. В. и П. В. Лопухинимъ.

Берлинъ, 1791 г. ¹⁾.

Дражайшій мой другъ! Благодарю тебя, любезный мой, за письмо отъ 6-го января и радуюсь, что не болѣзнь была причиною твоего молчанія. Будь, сердечный мой, здоровъ для пользы и удовольствія твоихъ искреннихъ друзей. Что касается до злословящихъ тебя и другихъ, къ сему, кажется, довольно уже надлежало намъ привыкнуть, ибо нѣсколько уже лѣтъ праздные люди изощряютъ свои языки, упражняясь въ сей матеріи. Несчастливо было бы наше состояніе, если бы мы основывали наше спокойствіе на мнѣніи сихъ ни мало не мыслящихъ твореній. Основаніе наше должно быть въ самихъ насъ. Имѣя въ разсужденіи нашего отечества, должностей истиннаго гражданина и вѣрнаго подданнаго чистую совѣсть, не должны насъ трогать бредни безумцевъ, и кто же въ состояніи обуздать языки ихъ? Правда, слабость наша не вмѣщаетъ еще въ насъ требуемаго равнодушія; гордость наша оскорбляется сими хулами. Но, мой другъ, будемъ стараться преодолѣвать сію слабость и мало-по-малу усмирять нашу гордость, и тогда таковыя клеветы обратятся въ нашу пользу, ибо подадутъ новый случай къ исполненію нашей должности. Когда размышляю о сихъ людяхъ съ хлѣднокровіемъ, то признаюсь, вмѣсто негодованія чувствую къ нимъ жалость. Почти всѣ безъ изъятія болтаютъ они и сами не зная что, и нерѣдко себя дурачатъ безо всякой нужды.

Здѣсь великая при дворѣ перемѣна: первый фаворитъ пришелъ въ упадокъ и вчерась выѣхалъ изъ города, что далѣе произойдетъ—не знаю, но теперь все въ движеніи. Къ Трубецкому не пишу, считая его въ дорогѣ. Ты ничего не упоминаешь о пересылкѣ денегъ, а я нахожусь въ чрезвычайной нуждѣ. Пожалуйста поспѣши присылкою; впрочемъ, желаю тебѣ истинныхъ благъ, обнимаю тебя сердечно. Прости, мой другъ.

Сердечный другъ Петръ Владиміровичъ! Можетъ быть будетъ говорить во мнѣ гордость, но скажу искренно, что не получая отъ тебя и строчки, я былъ всегда увѣренъ, что и ты меня любишь, а сіе происходитъ отъ того, что я самъ тебя очень и очень люблю; однакожь, скажу и то, что черты твоего пера меня порадовали. Ты говоришь правду, что чужой ротъ не хлѣвъ—не запрешь; оставимъ ихъ болтать, будемъ стараться дѣлаться паче и паче лучшими, можетъ быть, хотя нѣкоторые

¹⁾ Представлено при рапортѣ Ивана Пестеля, 3 марта 1791 г.

изъ нихъ устыдятся. Прости, сердечный другъ. Всѣмъ любящимъ меня поклонись.

18.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

Москва, 1791 г. ⁴).

Двѣ недѣли, мой другъ любезный, какъ я къ тебѣ не писалъ, да и отъ тебя давно уже нѣтъ писемъ, что отношу, написанное тобою къ Лопухину, то-есть, что ты считаешь меня въ дорогѣ. Я же не писалъ потому, что нездоровъ былъ желудкомъ, да и былъ встревоженъ болѣзнію племянницы Елисаветы, которая, послѣ горячки, что имѣла въ Петербургѣ, оправиться не можетъ; у ней сильный кашель, а на этихъ дняхъ шла кровь горломъ, а хотя кровь перестала, но по всѣмъ примѣтамъ у нея, кажется, начинается чахотка. Пожалуйста отпиши, можно ли при чахоткѣ употреблять Ф.Н. Теперь я и всѣ мои, благодаря Богу, здоровы. Новаго у насъ ничего нѣтъ. Свѣтлѣйшій (кн. Потемкинъ) былъ здѣсь нѣсколько дней проѣздомъ въ Петербургъ и столько былъ со всѣми ласковъ, что его всѣ полюбили, да и не мудрено; ты знаешь, что Москва такова, что ласковымъ приѣмомъ можно всегда найти ея любовь, такъ какъ угрюмымъ видомъ и грубымъ приѣмомъ сдѣлаешься ей ненавистенъ, и сколько бы ни думалъ кто имѣть достоинствъ, но ежели онъ не гостепріименъ и не ласковъ, то не можетъ быть любимъ въ Москвѣ. Что мнѣ еще тебѣ сказать? Толки о такъ называемыхъ мартинистахъ, кажется, совсѣмъ унялись; я же отъ тебя жду извѣстія, какіе это люди, и въ чемъ состоитъ ихъ система, ибо, бывъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ они подлинно, сказываютъ, есть, тебѣ легко провѣдать о касающемся до нихъ. На этихъ дняхъ я получилъ новую эдицію Гюншиныхъ сочиненій ³) и теперь читаю я письма ея, а наипаче переписку ея съ Фенелономъ. Прости мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

19.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

Москва, 1791 г. ²).

Еще прошло, мой другъ любезный, двѣ почты, а отъ тебя нѣтъ писемъ, что меня очень беспокоитъ. Воже дай, чтобы сіе было не отъ бо-

¹) Представлено при рапортѣ Ивана Пестеля, 3 марта 1791 г.

²) То-есть, мистическихъ сочиненій г-жи Гюйонъ.

³) Представлено при рапортѣ Ивана Пестеля, 17 марта 1791 г.

лѣзни, а отъ недосугу. Я пишу къ тебѣ только для того, чтобы молчаніемъ моимъ не сдѣлать тебѣ безпокойства, а то писать нечего. Мы всѣ, какъ родные мои, такъ и друзья, благодаря Бога здоровы, кромѣ Александры Егоровны, которая едва-ли дотянетъ до осени, и княжны Елисаветы, которая все еще кашляетъ, и о которой я боюсь, чтобы докторское предсказаніе не сдѣлалось, то-есть, чтобы не сдѣлалась ей чахотка. Я теперь упражняюсь въ чтеніи сочиненій Гюншинныхъ. Коль велика эта женщина, и хотя многіе не могутъ ея сносить или отъ недостатка понятія, или отъ непривычки читать такія сочиненія, или отъ того наипаче, что только пробѣгаютъ ея писанія, а не студируютъ ихъ, и чрезъ то, нѣкоторыя ея изреченія, судя и не входя во весь смыслъ всѣхъ ея сочиненій, почитаютъ оныя за вздорныя или слишкомъ тонкія или строгія; но я говорю, что, несмотря на оныхъ читателей, я въ ея сочиненіяхъ вижу и истинное сообразованіе съ духомъ Святаго Писанія, а наипаче сообразованіе со словами нашего Спасителя, и потому почитаю ее за великое свѣтило на землѣ. Издатель вновь ея сочиненій видно человѣкъ, много студировавшій ея писанія, и его предисловіе къ пятому тому ея писемъ, то есть переписки ея съ Фенелономъ, и предисловіе къ книгѣ *Justification* достойны вниманія здравомыслящихъ христіанъ, и я бы тебѣ совѣтывалъ оныя прочесть. На этихъ дняхъ видѣлъ я въ «*Mercure de France*» рецензію на новый журналъ, подъ именемъ «*Bouche de fer*». Признаться надобно, что нынѣшній свѣтъ производитъ во всѣхъ отношеніяхъ много страннаго и вздорнаго, и что таковое сочиненіе, какъ этотъ журналъ, не мудроно, что произведетъ подозрѣніе на масоновъ, ибо издатели оного, приписывая себѣ основаніе мерзкой революціи во Франціи и украшая свое сочиненіе мистическимъ стилемъ, выдають себя за масоновъ. Боже, прости имъ, что они дерзають имя института, основаннаго на исправленіи нравственнаго человѣчества и на вспоможеніи ближнимъ, употреблять во зло и дѣлать его подозрительнымъ, да и не только подозрительнымъ, но таковымъ, что едва-ли уже можно здравомыслящему человѣку не стыдиться называться этимъ только по внутреннему своему учрежденію почтеннымъ именемъ, то-есть, на основаніи слова Божія, строителемъ своего моральнаго совершенства, на которыхъ всѣ іероглифы сего почтеннаго ордена указываютъ, но которые нынѣ обращаются злыми человѣками во зло, а глупыми осмѣваются и почитаются за вздоръ. Вотъ, мой другъ, что производятъ такъ нынѣ называемые просвѣтители рода человѣческаго, которыми исполнена теперь Европа и которые хуже стали іезуитовъ, Равальяковъ и имъ подобныхъ, которые всѣ, какъ мнѣ кажется, суть орудія сатаны, и стремятся подъ самыми почтеннѣйшими именами возбудить такъ называемую «турбу» великимъ тефтоническимъ философомъ, и не токмо стремятся оную возбудить подъ почтенными именами, но даже употребляютъ

во зло имя Христова и Его любобильное учение употребляютъ на прикрытие своихъ мерзкихъ намереній. О Господи, Спаситель мой, обличи сихъ изверговъ и не даждь чрезъ нихъ распространяться церкви Твоего врага антихриста! Се есть молитва, исторгнувшаяся изъ глубины моего сердца отъ смотрѣнія на всѣ мерзости, писанныя въ вышеупомянутомъ журналѣ, и на то, что дѣлается во Франціи. О другъ мой, колико тонокъ дьяволъ! Онъ приготовлялъ чрезъ такъ называемыхъ философовъ умы французовъ къ низверженію съ себя религіи, и когда ему сіе удалось, то онъ ослѣпилъ ихъ умъ къ низверженію власти царской, а теперь употребляетъ сущее суевѣріе, подъ краскою и подъ именемъ христіанства, чтобъ утвердить пагубное безначаліе, въ которомъ, понеже нѣтъ ничего иного, кромѣ безпорядка, онъ можетъ утверждать престолъ свой и гнать истинное Христовое учение, которое, ради его царства, пагубно, ибо основано на повиновеніи Богу, царямъ, яко его орудіямъ, по словамъ Христовымъ, что сердце царевъ въ рукѣ Божіей, и правительствамъ, ибо Христосъ есть знакъ порядка, и на исправленіи самого себя, ибо Христосъ духомъ своимъ хочетъ царствовать въ приготовленныхъ и очищенныхъ сердцахъ человѣческихъ отъ всякія скверны, приверженной человѣку отъ его паденія. О Господи, утверди Престолъ Твой въ сердцахъ нашихъ, обличи антихристическую церковь и даждь человѣкамъ увидѣть, что кто не точно христіанинъ, тотъ не можетъ быть ни добрый гражданинъ, ни вѣрный подданный, ни добродѣтельный другъ царя, отечества и человѣковъ; словомъ, что суевѣріе и невѣріе суть два основанія пагубы царствъ и всего человѣческаго рода. Прости, мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

20.

А. М. Кутузовъ—ни. Н. Н. Трубецкому.

1791 г. Берлинъ. ¹⁾

Радуюсь, сердечный мой другъ, что вы наконецъ возвратились въ нѣдра вашихъ родственниковъ и друзей, однимъ словомъ, что вы дома и можете располагать собою и своимъ временемъ по извѣстному порядку. Я съ вами согласенъ, и конечно, въ моихъ глазахъ Петербургъ во многомъ предпочтительнѣе Москвѣ; да и какъ сему быть иначе: тамъ все подъ глазами самаго монарха, и слѣдовательно, господа бояре не имѣютъ столько случаевъ предаваться непомѣрному ихъ властолюбію. Москва

¹⁾ Представлено при рапортѣ Ивана Пестеля 20 марта 1791 г.

изстари была болтлива, и справедливо императрица называет ее старую вралю. Чему же удивиться пустотамъ, тамъ выдумываемымъ, тѣмъ паче ежели самъ градодержатель старается подстрекать оныя. Я не намѣренъ ни мало отнимать чести у вашего главнокомандующаго; онъ имѣетъ свои достоинства, человѣкъ весьма честный, т. е. по общему понятію; известно мнѣ, что онъ былъ отмѣнно хорошій генералъ, но нынѣ находится ли на своемъ мѣстѣ, сего судить не въ состояніи и не смѣю. Знаю однакожь, что и по одному пути идучи, есть для каждаго человѣка черта, по преступленіи которой человѣкъ теряется и находится совершенно въ чуждой ему сферѣ. Присовокупите-жь къ сему, что каждый изъ насъ, по словамъ Стерня, имѣетъ своего конька, на которомъ онъ охотно ѣздитъ. Нынѣ всѣ помѣшаны на отличіи, и ежели нѣтъ существенности, то прибѣгаютъ къ вымысламъ. Сіе удалось мнѣ видѣть во время продолженія моей службы. Часто такъ называемые партизаны, разбѣгая по степямъ, разили и побѣждали непріателей, которыхъ они никогда не видали, и не рѣдко получали за сіе награжденія. Но что говорить о семъ. Сіе мы довольно испытали на самихъ насъ. Не сердитесь на мою откровенность; я не могъ удержаться отъ смѣха, читая продолженіе вашего письма. Вы вопрошаете меня съ весьма важнымъ видомъ, что такое мартинизмъ, откуда происходитъ сіе названіе и какихъ свойствъ суть люди, именуемые симъ названіемъ. Сіе точно такъ-же, какъ ежели-бъ кто спросилъ, какъ назывался и какихъ свойствъ былъ тотъ страшный исполинъ, противъ котораго храбрый витязь Донъ-Кихотъ сражался такъ несчастливо. Вѣрьте мнѣ, что нынѣшній вѣкъ наполненъ множествомъ Донъ-Кихотовъ всякаго рода. Источникъ сего баснословія есть господинъ Mercier; онъ первый составилъ сію секту въ книгѣ своей *Tableau de Paris*; однакожь сей авторъ описалъ ихъ яко добросердечныхъ и миролюбивыхъ сумасбродовъ, ни съ которой стороны не опасныхъ ни правленію, ни частнымъ сочленамъ общества. Но вспомните Сумарокова притчу о снѣжномъ шарѣ и тогда увидите, отчего сіи люди сдѣлались нынѣ страшными и опасными. Основаніемъ сей секты положилъ онъ извѣстную книгу «*Des Erreurs et de la Verité*» и сочинителемъ оныя назначилъ онъ кого-то *Saint-Martin*. Въ бытность мою въ Парижѣ я прилагалъ всѣ возможные труды сыскать сего *Saint-Martin*, но тщетно, никто его не знаетъ. По сіе время неизвѣстенъ еще истинный сочинитель сея книги, трое, или лучше сказать, тремъ приписываютъ оную. Впрочемъ какъ можно положиться на французскія названія. Напримѣръ, нынѣ царствующая партія во французскомъ національномъ собраніи называется *les Engagés*; можно ли изъ сего заключить, что всѣ сіи люди суть бѣшены? Теперь остается сказать два слова о послѣдователяхъ сей книги, кто суть оныя? Истинно не знаю. Читаютъ и читали ее многіе, но многіе ли разумѣли ч и т а н -

ное, сіе не извѣстно; думаю однакожь, что ни одинъ шалунъ не въ состояніи развязать сію претрудную іероглифу. По крайней мѣрѣ я не могу ни хвалить, ни охуждать по совѣсти моей сей книги. Я мало читаю оную, нашелъ однакожь мѣста ясныя, и сіи мѣѣ казались истинны и важны, но вообще не разумѣлъ оныя. Но слѣдуетъ ли изъ сего, что книга сія безумна? Странная логика! Но по несчастію она теперь господствуетъ между господами просвѣтителями. Кратко сказать, каждая земля имѣетъ нынѣ своихъ мартинистовъ, а сіи суть не что иное, какъ люди, старающіеся, уединясь отъ шумныхъ и бесполезныхъ бесѣдъ, приводить въ совершенство свойства, Творцомъ въ нихъ впечатлѣнныя, и, презря мечтательность и суету, приближаются къ цѣли истиннаго человѣка. Всѣ ли такъ именуемые мартинисты суть на истинномъ пути, сіе составляетъ другой вопросъ, о которомъ однакожь шумящіе вѣтреники не хотятъ да и не въ состояніи размышлять. Отрицай Бога, обманывай искусно, пути остроумно, разорай своего ближняго, клеветчи и злословъ, совращай юныхъ безопытныхъ дѣвницъ—и будешь въ глазахъ ихъ добрымъ и безопаснымъ гражданиномъ; но воздерживайся отъ всѣхъ сихъ модныхъ качествъ,—неотмѣнно заслужишь имя мартиниста или преопаснѣйшаго человѣка въ обществѣ.

Здѣсь, въ Берлинѣ, не слыхалъ я ничего о мартинистахъ, но тѣмъ болѣе о іезуитахъ, не согласующихся со здѣшнимъ церберомъ, состоящихъ изъ Николая Бистра и Герика. Сей церберъ отличается отъ баснословнаго тѣмъ, что сей послѣдній воспрещаетъ входъ въ адъ, а оный не выпускаетъ никого изъ онаго. Сказать-ли вамъ истинное мое мнѣніе о всѣхъ сихъ вымыслахъ? Истинный ихъ источникъ есть ненависть къ ученію нашего Спасителя, ибо Онъ у однихъ обуздываетъ ихъ пылкое воображеніе и полагаетъ предѣлы ихъ вымысламъ, у другихъ претитъ ихъ распутству, роскоши и сластолюбію. Ученіе Спасителя повелѣваетъ имъ быть человѣками, а модное мудрованіе старается превратить насъ въ скотовъ. Большая часть нынѣшнихъ остроумцевъ суть проповѣдники богини Цирцеи, и не безъ успѣха. Хлѣвы ея довольно уже наполнены. Но какъ время еще не пришло шествовать открытымъ лицомъ, то не говоря ни слова о Спасителѣ, гонять Его въ людяхъ, которые хотя нѣсколько являютъ желанія послѣдовать Его ученію. Вотъ истинное состояніе нынѣшняго умствованія, вотъ духъ, оживотворяющій гонителей и врадей! Судите жъ сами, возможно ли отвѣтствовать на дѣлаемый вами вопросъ? Оставимъ же сихъ пустослововъ, будемъ стараться содѣлываться христіанами, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, вопреки всѣмъ вымысламъ будемъ добрыми гражданами. Я математически увѣренъ, что истинный христіанинъ не уподобится никогда Мирабо. Будетъ время, ежели уже не настало оно, въ которое монархи откроютъ очи свои и узрятъ, что они пригнетали истин-

ныхъ своихъ друзей, узрять, что наушники суть змѣи, которыхъ они согрѣвали за пазухою. Кадма¹⁾ и прочее получилъ исправно, и благодарю искренно. Я прочиталъ съ великимъ вниманіемъ и былъ чрезвычайно доволенъ. О семъ поговоримъ въ другой разъ, теперь усталъ. Простите, желаю всѣхъ истинныхъ благъ.

21.

Н. М. Карамзинъ—А. М. Нутузову.

1791 г. Москва²⁾.

Худое состояніе головы моей было причиною того, что я такъ долго не писалъ къ вамъ, любезнѣйшій братъ Алексѣй Михайловичъ! И теперь шумить въ окрестностяхъ моего мозга, однакожь на сей разъ это не помѣшаетъ мнѣ сказать вамъ, что никакая головная боль не можетъ уменьшить моей любви къ вамъ.

Что показалось вамъ загадкою въ моихъ осьми строкахъ,—не знаю. Слова: Я васъ люблю и почитаю въ нихъ, конечно, были; сихъ словъ вы не почли-бы загадкою, а прочаго не помню. Въ рѣчахъ моихъ, любезнѣйшій братъ, неумышленная неясность, но что принадлежитъ до чувствъ моихъ, то они ясны. Если вы думаете, что я пересталъ любить прежнихъ друзей своихъ, то вы думаете несправедливо, любезнѣйшій братъ мой! Но хотѣлось бы мнѣ знать, почему вы это и подумать могли. Въ журналѣ, который выдаю съ января мѣсяца, суть мои піесы, есть и чужія, но вообще мало такого, что бы для васъ могло быть интересно. Все бездѣлки, мелочи и проч., проч. По сіе время имѣю 210 пренумерантовъ, изъ которыхъ иные, читая сіе собраніе бездѣлокъ, смѣются или улыбаются, иные (P.S. на нѣкоторыхъ страницахъ) pass the back of their hands across their Eyes, иные зѣваютъ, иные равнодушно говорятъ: что за дрянъ! Иные съ сердцемъ кричатъ: какъ можно такъ писать! Иные... но пусть ихъ говорятъ и дѣлаютъ что хотятъ!

Впрочемъ, любезнѣйшій братъ, не бойтесь, чтобъ я о смѣянѣ былъ; а если бы и вздумалось кому посмѣяться надо мною, то я сказалъ бы: пусть смѣются: естьли за глаза и бить меня стануть, то я ни слова не скажу. Вы, конечно, помните, кто это сказалъ за двѣ тысячи лѣтъ предъ симъ.

¹⁾ Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе. Сочиненіе М. Хераскова. М. 1790 г.

²⁾ Представлено при рапортѣ И. Пестеля 20 марта 1791 г.

Простите, любезнѣйшій милый братъ, любите вашего вѣрнаго Карамзина.

22.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

1791 г. Москва ¹⁾.

Любезный другъ! Два письма твои, рецептъ лекарства отъ чадотки я получилъ; благодарю тебя за оныя. Разсужденіе твое о такъ называемыхъ мартинистахъ мнѣ весьма полюбилось, и теперь я вижу ясно, что сія сказка, о которой я думалъ, что она по крайней мѣрѣ какое-нибудь имѣетъ основаніе, созиждена въ пустой головѣ вѣтренаго французскаго писателя, который, бывъ врагъ исповѣдателей христіанскаго закона, старался подъ симъ названіемъ оныхъ осмѣять. Прости его, Господи! Онъ самъ не вѣдаетъ, что дѣлаетъ. Я увѣренъ, что придетъ время, въ которое бранящіе сихъ мнимыхъ мартинистовъ закрасятъ, увидя, что они тѣнь бранили и противу тѣни сражались, и писателя, сію тѣнь произведшаго, поставятъ въ число тѣхъ такъ называемыхъ энтузіастовъ, конхъ мнимому безумію они смѣются, и безуміе конхъ имъ кажется вреднымъ, ибо онъ подлинно въ настоящемъ смыслѣ есть энтузіастъ, понеже, составляя въ воображеніи своемъ вещи не существующія, выдаетъ ихъ за бытіе. Просвѣти, Господи, человѣковъ и даждь имъ увидѣть, что не христіане, но такъ называемые мірскіе умницы, покрывающіе себя почтеннымъ именованіемъ философіи, конии они никогда не бывали, опасны для общества, но что христіанинъ есть вѣрный подданный и защитникъ престола и законовъ, и что онъ николи не будетъ Мирабо, и никогда не согласится съ нынѣшними просвѣтителями Франціи, но всегда радъ пролить свою кровь за защищеніе государя, коему онъ именованіемъ Бога клялся въ вѣрности, и что словомъ христіанинъ, бывъ и подъ правленіемъ Нерона, не нарушитъ своего обѣта и не дерзнетъ возстать противъ власти, коей онъ клялся быть вѣрнымъ, ибо онъ здѣсь не ожидаетъ спокойствія, но вѣдаетъ, что терпѣніе, повиненіе властямъ и исполненіе должности своей къ Богу и къ государю суть тотъ путь, который препровождаетъ его къ ожидаемому имъ спокойствію, не здѣсь, ибо здѣсь его быть не можетъ, но тамъ, гдѣ онъ спокойствіе получаетъ въ награду за претерпѣнное имъ здѣсь. Но полно

¹⁾ Представлено при рапортѣ И. Пестеля 22 апрѣля 1791.

*

объ этомъ. Я и мои домашніе здоровы, даже и княгиня Елисавета, благодаря Бога, кажется получше! Александра Егоровна ¹⁾ въ деревнѣ, и я, сдѣлавъ порошки по твоему рецепту, оныя къ ней послалъ, но, кажется мнѣ, что поздно, и что она въ такомъ положеніи, что ей ничто не поможетъ. Новаго у насъ ничего нѣтъ; приложенное письмо отдай барону ²⁾. Онъ на меня сердится, что я ему не прислалъ денегъ, и я предъ нимъ оправдываюсь. Жаль мнѣ его, онъ, мнѣ кажется, часъ-отъ-часу болѣе впадаетъ въ свои несчастныя сомнѣнія. Прости, мой другъ! Христось съ тобою. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

Пожалуйста, мой другъ, спроси у тамошнихъ твоихъ знакомыхъ ученыхъ, а наипаче у профессора, коего ты мнѣ такъ выхвалялъ, Сока, его мнѣніе о книгѣ, которая мнѣ очень полюбилась и которой титулъ: «Centrum Naturae oder ein Tractat von dem wiedergeborenen Salze der Natur, auf Arabisch geschrieben von Alipuli und ins hochdeutsche übersetzt aus den portugalsischen von Johann Otto Helbig: gedruckt im Jahre 1682. А другая эдиція не помню въ которомъ году.

Другъ твой Михайлъ Ларионовичъ ³⁾ пожалованъ въ генералъ-поручики, съ чѣмъ тебя поздравляю.

23.

Кн. Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

1791 г. Москва. ⁴⁾

Съ наступившимъ правдникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія поздравляю тебя, мой другъ любезный, и, соединяясь съ тобою духомъ, молю Бога и нашего Спасителя, да дастъ намъ внутрь сердцецъ нашихъ воскреснуть съ Нимъ и возопитъ истиннымъ духовнымъ гласомъ: Христось Воскресе, во-истину Христось Воскресе!

Уже двѣ недѣли, какъ нѣтъ отъ тебя писемъ, что меня начинаетъ тревожить; я жду съ нетерпѣніемъ вынѣшней почты, авось либо она хоть строку отъ тебя привезетъ.

Теперь скажу тебѣ извѣстіе, которое меня до внутренности сердца

¹⁾ Супруга Н. И. Новикова.

²⁾ Баронъ Фридрихъ-Леопольдъ Шредеръ, прусскій офицеръ, масонъ-розенкрейцеръ, жившій въ Москвѣ въ 1780-хъ годахъ, пріятель Новикова, кн. Трубецкаго и др. и посредникъ въ ихъ сношеніяхъ съ берлинскими розенкрейцерами.

³⁾ Кутузовъ, впоследствии фельдмаршалъ.

⁴⁾ Представлено при рапортѣ И. Пестеля 21 апрѣля 1791 г.

огорчило, да увѣренъ, что и тебя огорчить. Нашъ Николай Ивановичъ Новиковъ овдовѣлъ: племянница моя, а его жена, Александра Егоровна, сего апрѣля 12 дня скончалась въ деревнѣ, да и самъ Николай Ивановичъ такъ сталъ слабъ и боленъ, что докторъ боится, чтобъ и онъ не послѣдовалъ скоро за его женою. Моя жена, получивъ объ ономъ извѣстіе, столь сильно огорчилась, что занемогла спазмами, однако я ей далъ два приѣма ФН., и теперь благодаря Бога болѣзнь ея почти со-всѣмъ миновала.

Прости, помолись о успокоеніи души усопшей Алексашки! Писать нѣтъ силъ, да нечего; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

24.

А. М. Кутузовъ—князю Н. Н. Трубецкому.

13 мая 1791 г. Берлинъ.

Дражайшій другъ! Двѣ недѣли уже не имѣю отъ васъ писемъ и начинаю беспокоиться вашимъ молчаніемъ; не имѣю однакожь ни желанія, ни права попрекать васъ онымъ, ибо и самъ я не часто писалъ къ вамъ. Причина жъ рѣдкости моихъ писемъ есть не иное что, какъ совершенный недостатокъ въ новостяхъ: у насъ все старое по старому, вновь ничего. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего отвѣта на то письмо, которое вы получите чрезъ Тургенева ¹⁾, ибо оно, какъ вы сами увидите, для всѣхъ насъ чрезвычайной важности, а наипаче для меня, видя всю важность и самыми тѣлесными моими очами. Еще повторяю здѣсь: милосердіе Божіе не зареченно, не упустимъ же случай принять оное съ благоговѣніемъ и должною благодарностію. Желалъ бы вамъ писать яснѣе, но путь писемъ нашихъ невѣренъ, будучи подвергнуть чтенію поддецовъ, ищущихъ повсюду собственныя своей скверности, живущія въ ихъ сердцахъ ²⁾. Впрочемъ, святость вещи запечатлѣваетъ уста мои; надѣюсь, однакожь, что вы можете дѣлать нѣкоторыя догадки о родѣ, ежели не о самомъ существѣ дѣла. Вы сами знаете, что о семъ дѣлѣ

¹⁾ Иванъ Петровичъ Тургеневъ принадлежалъ къ числу дѣятельныхъ членовъ московскаго масонскаго кружка; род. въ 1752 г., умеръ въ 1807.

²⁾ По поводу этихъ жалобъ Ив. Пестель писалъ князю Прозоровскому 22 мая 1791 года:

«Почтеннѣйшее писаніе, коимъ вашему сіятельству отъ 21 сего мѣсяца, изъ Воскресенскаго почтеть угодно было, удостоился я сего утра получить. Включенныя въ ономъ четыре конверта, адресованныя въ С.-Петербургъ, съ сегодняшнею почтою не преминулъ я по надписи отправить.

не позволяется говорить ясно и съ самымъ лучшимъ своимъ другомъ. Здѣсь продолжаются чрезвычайныя военныя приготовленія, но съ нѣкотораго времени начинаютъ говорить о мирѣ и довольно утвердительно-нымъ образомъ; дай Богъ, чтобъ сіе совершилось для общаго всѣхъ народовъ блага. Товарищъ мой уѣхалъ на нѣкоторое время къ дядѣ, и я остался сиротою. Благодарю васъ за поздравленіе съ милымъ моимъ генераль-поручикомъ ¹⁾. Давно уже не имѣю отъ нихъ писемъ. Послѣднее ваше письмо распечатано было и безстыднымъ образомъ замазано клейстеромъ. Простите, дай Боже вамъ всякаго благополучія.

25.

А. М. Кутузовъ—кн. Н. Н. Трубецкому.

13 (24) мая 1791 г. Берлинъ.

Дражайшій другъ! Послѣднее письмо ваше, извѣщающее меня о смерти Александры Егоровны, весьма меня растрогало тѣмъ болѣе, что вы пишете при томъ и о слабомъ состояніи Николая Ивановича.

«Вчерашняго числа имѣлъ я честь отправить къ вашему сіятельству чрезъ здѣшняго господина губернатора копию съ письма, полученнаго изъ Берлина. На реестрѣ означено 19 число, потому что въ сей день имѣлъ я честь оную отправить въ Коломенское, но по причинѣ отбытія вашего сіятельства получилъ сей конвертъ обратно. Таковую-жъ копию препроводилъ я на прошедшей почтѣ къ его сіятельству графу Александру Андреевичу (Беабородко). Ваше сіятельство изъ письма г. Кутузова усмотрѣвъ изволите, что онъ крайне недоволенъ, что его письма столь неосторожно распечатываются. Сіе подозрѣніе недавно обнаруживается, и по примѣчанію моему, съ тѣхъ только поръ, когда въ Берлинѣ возбуждаются тревоги и дѣлаются военныя приуготовленія. Я начинаю сомнѣваться, не распечатываются ли тамъ сіи письма столь неискуснымъ образомъ, ибо клеимъ поддѣлывать не есть способъ, употребляемый въ Россіи. Хотя и послѣ меня рижскій почтмейстеръ свидѣтельствуеъ письма, но я увѣренъ, что онъ свое искусство знаетъ и не подаетъ сомнѣніе корреспондентамъ. Сверхъ того служилъ доказательствомъ, что не здѣшнія мѣста виною сему, что корреспонденты московскіе г. Кутузова подобнаго неудовольствія не обнаруживаютъ по сіе время.

«Пользуясь сямъ случаемъ возобновить себя милостивой памяти вашего сіятельства, имѣю я честь поручить себя продолженію благосклоннаго расположенія, коимъ вашему сіятельству удостоивать угодно пребывающаго съ глубокимъ высокопочтеніемъ.

Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Иванъ Пестель.

Москва, 22-го мая 1791 г.».

¹⁾ Михаиломъ Ларионовичемъ Кутузовымъ.

Богъ да сохранить его жизнь! Признаюсь, что сія послѣдняя потеря была бы со многихъ сторонъ важнѣе какъ для малолѣтнихъ его дѣтей, такъ и для друзей, ибо, говоря чистосердечно, кажется мнѣ, что покойная мало участвовала въ воспитаніи ихъ, да и не имѣла довольно къ тому способности. Надѣюсь на правила Николая Ивановича, что онъ перенесетъ сей ударъ, какъ надлежитъ мужу христіанину. Нѣтъ нужды мнѣ увѣщевать васъ о неоставленіи его въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ,—ваше сердце и ваша къ нему дружба суть вѣрныя мнѣ поруки. Старайтесь однакожъ о возвращеніи его здоровья, употребите извѣстныя вамъ средства, но паче всего попекитесь о успокоеніи его духа, сіе жъ воздѣйствуется наиболѣе молитвою и преданіемъ себя въ волю Всемогущаго. Облегчите его въ трудахъ и на нѣкоторое время отвлеките отъ надъ мѣру многихъ трудовъ. Духъ нашъ, точно такъ же какъ и тѣло, имѣетъ нужду въ отдохновеніи; безпрестанное напряженіе разстроиваетъ весь составъ и наконецъ всѣ силы онаго дѣлаютъ недействительными. Умѣренность во всѣхъ случаяхъ есть необходима; преступающій ея предѣлы дѣлается врагомъ самого себя и врагомъ природы. Слѣдствія сего довольно вамъ извѣстны. Надѣюсь, что теперь получили уже два мои письма, чрезъ необыкновенный каналъ писанья, и престанете упрекать меня молчаніемъ. Я, слава Богу, здоровъ и теперь слѣшшу къ особѣ, о которой вы велѣли мнѣ навѣдаться чрезъ Велокса. Простите, дай Боже вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

26.

Ки. Н. Н. Трубецкой — А. М. Кутузову.

26-го мая 1791 г. Москва.

Любезный другъ! Я уже къ тебѣ дней съ десять не писалъ, потому что былъ встревоженъ смертію брата князя Петра, да и самъ себя чувствовалъ не очень здоровымъ отъ геморроидовъ, которые, бывъ у меня внутренныя, дѣлаютъ, что кровь ударяетъ въ голову, и что я бываю ни къ чему не способенъ. Теперь же, благодаря Бога, и моей кн. Елисаветѣ, кажется, начинаетъ становиться получше отъ ишачьяго молока, которое она зачинаетъ пить, и отъ деревенской жизни. Два номера твоихъ писемъ 7 и 8 я получилъ. Ты въ обоихъ сихъ нумерахъ упоминаешь о письмѣ, которое я долженъ получить отъ Тургенева, но я сего письма не получалъ, а чрезвычайно желаю оно получить, и безпокоюсь, что онаго не получаю. Всѣхъ полученныхъ ко мнѣ дошли 8 нумеровъ твоихъ писемъ, да сверхъ того два письма безъ №: одно отъ

10 (21) марта, а другое безъ числа, на которыя на оба я тебѣ отвѣчалъ. Итакъ, мой другъ, справься по твоему журналу, сколько именно не дошло твоихъ писемъ ко мнѣ; ибо, не получая вышерѣченнаго отъ тебя письма, я боюсь, чтобы и болѣе писемъ не пропало, а сіе меня чрезвычайно тревожить, не для того, чтобы я боялся чтенія нашей переписки, нѣтъ, чистота оной насъ охраняетъ отъ всякой опасности, но я боюсь, чтобы читающіе, поправъ ногами находящіяся иногда въ нихъ истины, не погрѣшили вновь противъ той истины, которая по законамъ вѣчныя правды наказуетъ поправшихъ ее. А впрочемъ пусть нашу переписку читаютъ. Мы съ тобою, мой другъ, въ политическія дѣла государей и государствъ не входимъ, и вѣруя, что всякая власть есть отъ Бога, мы повинемся оной безъ роптанія, повинуюсь чрезъ то власти нашего Бога и Спасителя, который сіе повиновеніе предписалъ своимъ ученикамъ, и который самъ сказалъ: «отдавайте Боже Богу, а Кесарево Кесарю.»

Итакъ, мой другъ, будемъ спокойны; пусть наша переписка читана будетъ,—препоручимъ ее управляющей всѣмъ десницею Божіей. Онъ сохранить находящееся иногда такое, которое по обязательствамъ скромности должно быть отъ другихъ сокрываемымъ, скрымъ; а ежели есть Его воля, чтобы и оно было открыто, то да исполнится она, — только бы не мы своею волею оно открывали и не предупредили нашу нескромностію и неосторожностію блаженнаго того времени, о которомъ сказано въ Евангеліи, что говоренное на ухо будетъ проповѣдуемо на кровляхъ. Прости, мой другъ! Пиши чаще и вѣрь, что я навсегда твой вѣрный другъ.

27.

В. Я. Колокольниковъ—И. В. Лопухину.

17-го іюня 1791 г. Гёттингенъ.

Любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

Въ началѣ сего іюня простился я съ Лейденомъ и пріѣхалъ въ Гёттингенъ сего же 11 благополучно. Я спѣшилъ сюда пріѣхать сколько можно, тѣмъ болѣе, что получилъ неприятную вѣсть, что Максимъ Ивановичъ ¹⁾ боленъ; по пріѣздѣ же моемъ нашелъ его въ состояніи выздоровленія, однако еще весьма слабаго. Болѣзнь его была сильная лихорадка, такъ что докторъ, лечившій его, принужденъ былъ

¹⁾ Невзоровъ.

неоднократно приходит къ нему въ одинъ и тотъ же день. Продолжалась сія болѣзнь около шести недѣль. Теперь при выздоровленіи его имѣетъ онъ, можно сказать, другую болѣзнь, гипохондричаетъ слишкомъ. Въ первый день моего пріѣзда почти ничего не говорилъ со мною, на другой день вызвалъ я его прогуляться за городъ и узналъ причину его молчанія. Онъ подозрѣваетъ всѣхъ безъ разбора, чтобы кто-нибудь не подслушалъ, и чтобы изъ того чего-нибудь худаго не воспослѣдовало. Таковое расположеніе мыслей послѣ сильныхъ болѣзней почти обыкновенно остается въ Максимѣ Ивановичѣ, оно даже около трехъ недѣль продолжается. Медлительнаго выздоравливанія причиною я считаю то, что онъ боится, чтобы чего-нибудь вреднаго ему и въ кускѣ хлѣба не подали, и такимъ образомъ не довольно можетъ подкрѣплять силы пищею. Я намѣренъ здѣсь пробыть такъ, какъ и Максимъ Ивановичъ, до конца сего полугодичнаго академическаго курса, то-есть, до конца септября сего года, а потомъ возвратиться въ отечество. Упражненіемъ моимъ здѣсь будутъ нѣкоторыя части натуральной исторіи въ профессорскихъ коллегіяхъ, а домашнимъ упражненіемъ будетъ по большей части переповтореніе лейденскихъ упражненій.

28.

А. М. Кутузовъ—князю Н. Н. Трубецкому ¹⁾.

4 (15) іюля 1791 г. Берлинъ.

Дражайшій другъ! Не стану вамъ сей день пенять на ваше молчаніе, ибо самъ столько жъ ежели не болѣе виноватъ, да впрочемъ и моя голова занята другими предметами. Не пустая гипохондрія терзаетъ мое сердце, нѣчто существеннѣе бродитъ въ моемъ мозгу. Сколь ни стараюсь разбивать мои мысли, все тщетно. Онѣ возвращаются съ свѣжею силою и, овладѣвъ моимъ воображеніемъ, покрываютъ все настоящее и будущее чернымъ покрываломъ; вопреки всѣхъ моихъ стараній, глаза мои стремятся въ мрачную печальную, горести и поруганія исполненную перспективу. Непонятно, странно представится вамъ сіе предисловіе, но, мой другъ, необходимость, предосторожность и страхъ исторгнули у меня оное. Счастливъ, кто еще возможетъ пользоваться несчастіями сво-

¹⁾ Имена Горгонусъ, Поректусъ, упоминаемыхъ въ этомъ письмѣ, означаютъ нѣкоторыхъ именныхъ членовъ московскаго масонскаго кружка, но кого именно — сказать трудно; извѣстно только, что Колоніономъ назывался Н. И. Новиковъ, Сацердусомъ — баронъ Шредеръ, Филусомъ — И. В. Лопухинъ, Велоксомъ и Розенкрейдеромъ — А. М. Кутузовъ.

его ближняго, я говорю пользоваться, то-есть: въ происшествіяхъ съ нашими друзьями видѣть самихъ себя и, находясь въ подобныхъ ихъ обстоятельствахъ, ожидать и себѣ подобнаго; но ожидая пріуготовляться къ перенесенію грядущаго, а ежели можно, то стараться оградить себя, поелику то человѣку возможно. Прежде, нежели приступлю къ моему намѣренію, прошу васъ братски, прошу именовъ всего, что есть свято, принимать мои слова въ прямомъ смыслѣ и увѣрить себя, что все сказанное мною истекаетъ изъ чистаго источника истиннаго братскія любви и дружбы; все, что я буду говорить, не есть досада, или пореканіе. Истинно вѣтъ! Сердце мое непричастно симъ чувствованіямъ: оно наполнено почтеніемъ къ вамъ и искреннею любовію. Ежели мы, сердечный мой другъ, будемъ обходиться на чинахъ, ежели между нами будетъ употребляться языкъ придворныхъ, то что же воспослѣдуетъ со всеми нашими обязательствами? То гдѣ же дружба обрѣтается, гдѣ найдеть убѣжище, будучи отсюду изгоняема? Языкъ дружбы, языкъ братскій, языкъ христіанскій есть и языкъ истинный, прямъ, истиненъ, откровененъ, не терпитъ никакія кривизны, или увертки. Изъ сея-то точки смотрите на мое письмо, и съ сими-то чувствованіями изслѣдуйте мои слова.

Сегодня получилъ я письмо отъ моего сопутешественника; въ немъ описалъ онъ подробно свое прошедшее и настоящее положеніе. Многое изъ сказаннаго имъ было мнѣ уже извѣстно, но до сего часа я не останавливался никогда иначе какъ только на нѣкоторыхъ частицахъ, но прочевъ картину, имъ предложенную, въ которой живо изобразилъ онъ собраніе всецѣлаго, сердце мое содрогнулось, глаза мои наполнились слезами, и я противъ моей воли погрузился въ горесть, отъ которой не скоро могу освободиться. Дражайшій мой братъ! Мы обязаны сострадать всякому человѣку, мы поставили себѣ за долгъ помогать ближнему, коими жъ паче требуетъ отъ насъ сего человѣкъ, пожертвовавшій намъ всѣмъ мірскимъ своимъ благосостояніемъ. Таковъ есть мой сопутешественникъ. Многія его обстоятельства знакомѣ вамъ, нежели мнѣ, и для того упомяну о семъ токмо сокращенно. Подобно мнѣ убѣжденъ онъ былъ покойнымъ Горгонусомъ оставить службу и подобно же мнѣ разстался съ оною съ великимъ неудовольствіемъ. Неоднократно представлялъ онъ, что сей шагъ имѣть будетъ весьма важныя и можетъ быть и горестныя для него слѣдствія. Что онъ лишится довѣренности и любви своего дяди, что и воспослѣдовало, а купно съ симъ лишится и своего имѣнія; что въ случаѣ смерти Горгонуса узритъ онъ себя посреди людей ему чуждыхъ безъ всякой подпоры и помощи,—всѣ сіи возраженія остались безуспѣшны, и онъ былъ принужденъ повиноваться, наипаче когда покойный его увѣрялъ, что Поректусъ во всѣхъ случаяхъ заступитъ его мѣсто, что и самъ Поректусъ подтвердилъ не-

однократно. По исполненіи сего и по смерти Горгонуса надлежало ему предпринять извѣстное вамъ путешествіе, во время котораго онъ сдѣлалъ 2.000 долгу и по нѣжному его обхожденію никому не объявилъ сего. Подаренные ему его теткою алмазы продалъ онъ за безцѣнокъ и деньги помѣстилъ по совѣту Поректуса и Коловіона въ извѣстное вамъ мѣсто, въ надеждѣ получить по 12 процентовъ. За симъ послѣдовало второе путешествіе, главный источникъ всего, что ему потомъ случилось. Поректусъ хотя и невиннымъ образомъ такъ, какъ и другіе соучаствовали въ оскорбленіи его чести и въ лишеніи его всего, что любящему честь человѣку здѣсь драгоцѣнно. Наконецъ Поректусъ получаетъ письменное свидѣтельство, что онъ невиненъ, при всемъ томъ однакожъ не пишетъ и не упоминаетъ о семъ моему сопутешественнику. Оскорбленный до глубины своего сердца сямъ поступкомъ Сацердосъ возлагаетъ на себя молчаніе, и всего болѣе огорчается мнѣніемъ, что онъ лишился Поректусовой дружбы, на которую всегда полагался онъ твердо. Понуждаемъ скудостію и нуждою принуждается прервать сіе молчаніе, пишетъ къ Поректусу и проситъ его о помощи, объявляя при томъ, что онъ намѣренъ предпринять м—ую (масонскую) работу, и для сего долженъ удалиться въ уединеніе; не довольно сего, предлагаетъ переводить (дабы не даромъ получать деньги, хотя впрочемъ и требуетъ токмо своего собственнаго) на условіяхъ, сдѣланныхъ нами съ Зенибейлемъ. Поректусъ на все сіе не отвѣтствуетъ прямо, но обязуется присылать ему въ годъ по сту лудировъ (прислалъ однакожъ токмо 372 талера по нынѣшнему курсу). Сацердосъ, положившись на сіе слово, дѣлаетъ распоряженія и предпріемлетъ свои мѣры, и въ сіе то самое время получаетъ отъ Поректуса письмо, въ которомъ (тотъ) уничтожаетъ всѣ его надежды. Вообразите же, дражайшій другъ, состояніе Сацердоса. Онъ поражается симъ, якобы громовою стрѣлою; не менѣе и я почувствовалъ морозъ, лющійся во всемъ моемъ тѣлѣ, узнавъ все сіе обстоятельно, и вотъ истинная причина моей меланхоли. Вы сами знаете, что я нынѣ стою на самой той степени, гдѣ былъ Сацердосъ, и слѣдовательно, подверженъ той же самой участи. Пожалуйте успокойте меня и разрѣшите сію загадку, каковой все сіе представляется мнѣ. Впрочемъ ежели вы имѣете какое-либо сомнѣніе на Сацердоса, то я клянусь вамъ живымъ Богомъ, что онъ преисполненъ чести и богобоязненности, и я истинно не могу равняться ему ни съ которой стороны, ибо въ сравненіи съ нимъ есть мерзокъ и гнусенъ. Самъ мой водитель находитъ его таковымъ, какъ я описываю, и онъ во всѣхъ нашихъ работахъ участвуетъ. Но на сей разъ довольно. Почта отходитъ; скажу только, что на сихъ дняхъ водитель мой имѣлъ нужду въ 200 червонцахъ, которые я досталъ ему у нашего посла, давъ ему ассигнацію на Филуса. Пожалуйста, не уме-

длише заплатю, дабы въ случаѣ необходимости имѣть мнѣ надежное прибѣжище. Простите.

29.

Князь Н. Н. Трубецкой—А. М. Кутузову.

24 іюля 1791 г. Москва.

Любезный друг! Письмо твое подь 11 № мною получено. Благодарю моего Бога, что ты здоровъ. Совѣты твои касательно до преданія себя воли Спасителя нашего святы. Но я человекъ и человекъ слабый, почему и, желая предаться Его волѣ, чувствую, что оная воля бунтуетъ; почему и не обманываю тебя, что болѣзнь кн. Ел. Петр. жестоко мучить мое сердце. Не знаю, что будетъ, ежели я ее потеряю, но вижу только, что болѣзнь ея не уменьшается, и страшусь осени, которая, тебѣ извѣстно, что для чахоточныхъ есть смертоносна. Но о сей матеріи говорить не хочу, а скажу, что я живу въ деревнѣ, гдѣ сынъ и другія мои племянницы забавляютъ насъ на маленькомъ нашемъ театрѣ, и часто играютъ піесы, сочиненныя Михайломъ Матвѣвичемъ ¹⁾. Это меня занимаетъ, и я, мѣшая дѣла съ бездѣльемъ, провожу изрядно мое время.

Новое у насъ, что Репнинъ разбилъ визиря за Дунаемъ; это я знаю, что тебя порадуешь. Прости, другъ мой! Всѣ мои тебѣ кланяются, и я тебя въ мысляхъ обнимаю.

30.

И. В. Лопухинъ—А. М. Кутузову.

31 іюля 1791 г. Москва.

Здравствуй любезный друг!

Удивляюсь, что давно не получалъ отъ тебя ни одной строки. Я послалъ къ тебѣ два векселя, одинъ на тысячу пятьсотъ, а другой на тысячу рублей. Но только о полученіи перваго имѣю отвѣтъ, хотя и послѣдній еще въ маѣ послалъ. Но мнѣ ли кому пенять за неакуратность, мнѣ ли, изъ лѣнивыхъ лѣнивцу?

¹⁾ Херасковымъ.

Пиши однакожь, любезный другъ, иногда для утѣшенія сердца моего. Не получилъ я такъ же отвѣту на гостинецъ мой съ Ф и р и г а б е р о м ъ, еще зимою поѣхавшимъ отсюда. Давно такъ-же общалъ ты отвѣтъ доктора и примѣчанія на картину Филину, представляющую храмъ премудрости. Но послѣ о семъ ни слова. Мы въ такъ дальнемъ разлученіи! Желательно бы обстоятельнѣе другъ о другѣ вѣдать.

Здѣшніе друзья твои, сколько мнѣ извѣстно, всѣ здоровы. Николай Ивановичъ съ іюня мѣсяца прошлаго года по сіе время только на два дня пріѣзжалъ въ Москву, въ болѣзнь покойной жены его, которая потомъ умерла въ деревнѣ съ нимъ. Я его только и видѣлъ, а нынѣшній годъ и писемъ отъ него почти не имѣлъ. Онъ то боленъ, то упражняется въ экономіи.

Возвращаю у сего высланную отъ тебя на меня ассигнацію, съ которою ко мнѣ нечаянно явились, однако мнѣ удалось скоро ее очистить и тѣмъ сдѣлать, конечно, и тебѣ и себѣ удовольствіе. Всегда радъ всѣмъ сердцемъ, когда могу.

Уже я чаю имѣете вы извѣстіе о славной побѣдѣ надъ визиремъ за Дунаемъ, одержанной княземъ Репнинымъ. А недавно пріѣхалъ отъ него, сказываютъ, курьеръ въ С.-Петербургъ съ письмами отъ визиря о мирныхъ предложеніяхъ. Сему князю случилось сдѣлать совсѣмъ вопреки тѣмъ безумцамъ, которые называютъ его мартинистомъ и не способнымъ почитаютъ къ дѣламъ. Князь Потемкинъ выѣхалъ на сихъ дняхъ изъ С.-Петербурга къ арміи, и мы уповаемъ скоро услышать утвержденіе мира. Даруй сіе, Боже!

И на оной баталіи съ визиремъ, между прочими отличился твой Михайлъ Ларіоновичъ Кутузовъ, коему всѣ отдають справедливость. За сію баталію пожалована ему, сказываютъ, шпага съ брильянтами. А за дѣло его при Бабадагѣ 2-го класса Георгія. Adieu.

Самозванецъ графъ Шидловскій.

Указъ Екатерины II псковскому губернатору.

11 сентября 1787 г. С.-Петербургъ.

Господинъ генераль-поручикъ и Псковскій губернаторъ Пиль! Предъ недавнимъ временемъ явился въ границахъ нашихъ нѣкто подъ именемъ графа Шидловскаго, коего поведеніе не соотвѣтствовало подложно принятому имъ на себя званію камергера и кавалера орденовъ польскихъ и который ничто иное какъ бродяга и обманщикъ, каковымъ признанъ и отъ министерства польскаго. Мы тогда же объявили волю нашу о высылкѣ его за границу сколь скоро онъ еще покажется гдѣ-либо въ предѣлахъ здѣшнихъ. Нынѣ дошло до насъ извѣстіе, что сей самый бродяга, называющійся графомъ Шидловскимъ, находится въ оныхъ дѣйствительно, производя разныя мошенничества и развраты. Прилагая при семъ описаніе примѣтъ его, повелѣваемъ вамъ подтвердить въ губерніи вамъ ввѣренной кому слѣдуетъ о прилежномъ присматриваніи помянутаго обманщика, и буде бы онъ гдѣ показался, то его тотчасъ задержать, прислать сюда подъ крѣпкимъ карауломъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Полякъ Шидловскій росту большаго, въ своихъ волосахъ бѣлокуръ, рябъ, отъ роду 22-хъ лѣтъ. Надѣваетъ на себя ленту Станиславскую.

ДВѢ ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(Изъ записокъ графа Ѳ. Г. Головина).

Воспоминанія графа Ѳедора Гавриловича Головкина, правнучка извѣстнаго канцлера, появившіяся въ двухъ мало извѣстныхъ въ Россіи французскихъ журналахъ, прошли какъ-то не замѣченными нашей исторической литературой. Къ сожалѣнію, изъ этихъ воспоминаній, относящихся главнѣйшимъ образомъ ко второй половинѣ прошлаго столѣтія, опубликованы до настоящаго времени только небольшіе отрывки и, притомъ, носящіе нѣсколько анекдотическій характеръ. Но и по этимъ отрывкамъ, написаннымъ живымъ языкомъ, обличающимъ въ ихъ авторѣ тонкій наблюдательный умъ, можно судить о томъ несомнѣнномъ интересѣ и крупномъ значеніи для русской исторической науки, которые эти воспоминанія представляютъ въ ихъ цѣломъ.

Для характеристики ихъ мы приведемъ здѣсь отзывъ о нихъ французскаго историческаго писателя Перей (Perey), имѣвшаго возможность ознакомиться съ ними благодаря одной изъ тѣхъ частыхъ случайностей—встрѣчъ въ вагонѣ съ родственникомъ лица, владѣющаго рукописью—которыя такъ знакомы всѣмъ любителямъ старины и часто наталкиваютъ ихъ на находку разныхъ богатыхъ историческихъ кладовъ.

«Чтеніе рукописи превзошло наши ожиданія,—говоритъ г. Перей,—и заключающіяся въ нихъ любопытныя, часто въ высшей степени новыя подробности о лицахъ и событіяхъ представляли намъ могущими дополнить и освѣтить нѣкоторыя неопредѣленныя или темныя стороны исторіи XVIII столѣтія; въ этомъ отношеніи они драгоцѣнны, хотя, тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ съ крайнею осторожностью строить на нихъ какія бы то ни было заключенія и не давать обаянію нежданнаго ослѣплять

себя. У Головкина, говоря пошлымъ, но прекрасно обрисовывающимъ его выраженіемъ, — самый злой языкъ, какой только можно встрѣтить. Онъ отзывался дурно о всѣхъ друзьяхъ и недругахъ; никто не защищенъ отъ его критики, онъ одинаково ненавидитъ прежній порядокъ вещей и имперію, революцію и реставрацію. Если ему не нравятся всѣ разнообразныя формы правленія, то и политическіе дѣятели и монархи тоже являются предметомъ его обвиненій и, должно сказать правду, его злости. Въ его глазахъ никто не пользуется обаяніемъ. Страницы, касающіяся его пребыванія въ Россіи, написаны съ своеобразнымъ огонькомъ».

Мы считаемъ не безынтереснымъ для читателя провести нѣсколько біографическихъ данныхъ о самомъ авторѣ воспоминаній.

Головкинъ, происходившій изъ старинной русской фамиліи, родился въ Голландіи около 1768 года и очень молодымъ прибылъ къ русскому двору вмѣстѣ со своими братьями; его красивое лицо и живой, пронырливый умъ обратили на него вниманіе императрицы Екатерины II, сдѣлавшей его камергеромъ и приблизившей его къ себѣ. Онъ не замедлилъ создать себѣ массу враговъ; его тщеславіе, самонадѣянность, острый и колкій умъ, страсть критиковать и вмѣшиваться во все вскорѣ сдѣлали его невыносимымъ. Наконецъ, его высокоуміе утомило императрицу, и она вѣжливымъ образомъ отдѣлалась отъ него, отправивъ его въ 1794 г. въ качествѣ посла въ Неаполь. Пріѣхавъ туда, онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ напечатать сатирическіе стихи противъ королевы Каролины; но и этого оказалось недостаточно для него, и онъ совершилъ непростительную для посла ошибку, принявъ участіе въ редактированіи крайне рѣзкаго памфлета, направленного противъ королевы, приказавшей удалить его изъ Неаполя.

Когда онъ пріѣхалъ на русскую границу, онъ былъ арестованъ по повелѣнію императрицы и отправленъ въ изгнаніе въ Перновъ, гдѣ и оставался до самой кончины Екатерины II.

Когда, послѣ кончины императрицы, его опала кончилась, Головкинъ, послѣ нѣкотораго пребыванія при дворѣ Павла Петровича, отправился путешествовать по Европѣ; онъ поселялся поочередно во Франціи, Флоренціи, Вѣнѣ, Берлинѣ, лишь изрѣдка, подобно «быстро меркнущему метеору», появляясь въ Петербургѣ. Принимаемый всюду съ раскрытыми объятіями до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, его злой языкъ не создавалъ вокругъ него пустоты, онъ вращался постоянно въ высшихъ свѣтскихъ и политическихъ сферахъ того времени, повидимому считая себя необычайнымъ государственнымъ и дипломатическимъ умомъ, такъ какъ попеременно онъ упрекаетъ всѣхъ монарховъ и даже Вѣнскій конгрессъ за то, что они не слѣдовали его совѣтамъ. Но это чрезмѣрное и

смѣшно самолюбіе не лишаетъ цѣнности его тонкихъ наблюденій, остроумныхъ характеристикъ и сообщаемыхъ имъ новыхъ фактовъ.

При всемъ томъ Головкинъ былъ не чуждъ и литературной дѣятельности. Не говоря объ имѣвшей для него столь плачевныя послѣдствія его попыткѣ выступить сатирикомъ—памфлетистомъ королевы, при которой онъ былъ аккредитованъ, онъ напечаталъ романъ «Княгиня д'Амальфи»—подражаніе рыцарскимъ романамъ, и сборникъ «писемъ изъ Лозанны». Безспорно лучшее изъ его произведеній, его мемуары, ждуть еще своего появленія на свѣтъ.

Къ концу своей жизни Головкинъ поселился въ Лозаннѣ, въ Швейцаріи, гдѣ и умеръ въ 1823 году.

Обращаясь къ выдержкамъ изъ его воспоминаній, мы считаемъ необходимымъ оговорить, что хотя онѣ и носятъ отчасти анекдотическій характеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны согласиться съ г. Перей, что «при ихъ кажущемся легкомысліи онѣ часто даютъ возможность подмѣтить ту или другую характерную черту, лучше обрисовывающую описываемую личность, чѣмъ болѣе серьезный и, повидимому, глубокій анализъ».

Головкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ такое время, когда царствованіе Екатерины II находилось въ полномъ своемъ блескѣ; но, несмотря на обаяніе, которое она производила на всѣхъ приближавшихся къ ней, воспоминаніе о предшествовавшемъ царствованіи было еще слишкомъ живо, и графъ Ѳеодоръ выслушивалъ изъ устъ современниковъ императрицы Елисаветы любопытныя подробности о ней. Извѣстно, что она придавала громадное значеніе своей красотѣ, по истинѣ замѣчательной; поэтому и ея туалетъ, по словамъ Головкина, игралъ въ ея жизни самую главную роль. Она прилагала одинаковое стараніе какъ для того, чтобы нравиться офицерамъ и ослѣплять простыхъ солдатъ, такъ и для того, чтобы очаровывать князей и вельможъ, русскихъ или иностранныхъ, составлявшихъ ея дворъ. Она оставалась благодарна войскамъ за ихъ поведеніе при восшествіи ея на престолъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовала съ того времени такой ужасъ къ революціямъ и переворотамъ, что помня, что послѣдній изъ нихъ произошелъ ночью, никогда, даже зимою, не ложилась спать раньше разсвѣта.

Головкинъ особенно останавливается на ея привычкахъ къ изящному и на своеобразномъ деспотизмѣ, съ которымъ она подчиняла имъ своихъ первыхъ вельможъ и придворныхъ дамъ.

Описавъ правильныя черты лица, величественный ростъ и изящную осанку, изысканныя и обдуманныя позы государыни, Головкинъ рассказываетъ, что все великолѣпіе и вниманіе Елисаветы Петровны сосредото-

точивались на своей личности, и исторія ея изящества заключаетъ въ себѣ что-то сказочное. Во время ея туалета передъ нею выставляли весь ея гардеробъ, и она переставала примѣрять платья лишь тогда, когда ей казалось, что она осуществляетъ собою идеаль красоты. Графъ Иванъ Чернышевъ рассказывалъ Головкину, что, добившись ея согласія пріѣхать къ нему въ загородный домъ крестить его перваго ребенка, онъ въ утро дня, назначеннаго для крестинъ, получилъ увѣдомленіе, что императрица велѣла пустить себѣ кровь, и что онъ не будетъ имѣть чести видѣть ее у себя. Тѣмъ не менѣе, послѣ полудня верховой пажъ галопомъ прискакалъ сообщить ему, что она сейчасъ пріѣдетъ. Дѣйствительно, нѣсколько мгновеній спустя, Елисавета Петровна появилась въ открытомъ экипажѣ. Она лежала на матрацахъ и подушкахъ изъ чернаго атласа, одѣтая въ газъ и съ рукою на пышной перевязи изъ красно-сѣраго газа. Она не пожелала сойти, оставалась очень долго, не покидая избранной ею живописной позы, и уѣхала лишь исполнѣ увѣренная въ восхищеніи всѣхъ собравшихся.

Подъ вліяніемъ постоянной заботы объ осуществленіи жившаго въ ней идеала красоты, Елисавета Петровна нисколько не заботилась объ удобствахъ другихъ и требовала слѣпаго повиновенія всѣмъ своимъ малѣйшимъ желаніямъ въ особенности, въ области мелкихъ подробностей домашней жизни, такъ какъ въ области политики она охотно поддавалась чужому вліянію и, по словамъ Головкина, больше задумывалась надъ выборомъ туалета, чѣмъ надъ заключеніемъ союза или согласіемъ подписать докладъ министра.

Придворные балы и спектакли по преимуществу давали ей возможность одѣвать ея чудные туалеты, задуманные съ рѣдкимъ искусствомъ; но, когда, случайно, сочетаніе не удавалось такъ, какъ она желала этого, она совсѣмъ не выходила изъ своихъ апартаментовъ.

«Начало придворныхъ баловъ и спектаклей разъ на всегда было назначено на шесть часовъ вечера,—говоритъ Головкинъ;—никто не смѣлъ не прибыть на нихъ, но часто императрица появлялась на нихъ лишь въ одиннадцать, а часто въ одиннадцать гофмаршалъ возвѣщалъ, что она не выйдетъ, и что можно развѣзжаться».

Если вѣрить Головкину, императрица была враждебнымъ врагомъ каждой красивой женщины, и въ особенности красавицы изъ придворныхъ быстро становились предметомъ ея нерасположенія. Въ особенности это испытала на себѣ жена оберъ-егермейстера Нарышкина, урожденная Балкъ. У нея были чудные волосы—и она получила приказаніе обрѣзать ихъ. Она была сложена, точно изваяніе, и придворное платье только отгѣняло совершенство ея бюста—и она получила приказаніе носить это платье безъ фижмъ. Тогда-то ей пришла въ голову мысль заказать въ Англіи фижмы съ пружинами. Она пріѣзжала ко двору точно

божество, затмевая всѣхъ своею тальею, своимъ нарядомъ и видомъ. Въ то же мгновеніе, когда появлялась императрица, пружины падали, и платье и талья теряли свою прелесть; но, какъ только императрица удалялась, пружины снова оказывали свое дѣйствіе.

Понятно, что непрерывное разнообразіе туалетовъ императрицы требовало значительнаго количества всевозможныхъ платьевъ и принадлежностей къ нимъ, но никто не подозрѣвалъ, до какой цифры доходило оно. Головкинъ опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ:

«Императорскій гардеробъ послѣ смерти императрицы Елисаветы, — говорятъ онъ, — достигалъ такихъ необычныхъ размѣровъ, что его хватало вплоть до царствованія Александра I, т. е. въ теченіе полу столѣтія, не только на всѣ придворные карусели, кадрили, балеты и спектакли, но и на убранство цѣлыхъ церквей, облаченія для священниковъ и на украшеніе алтарей, какъ въ городѣ, такъ и во дворцахъ».

Въ смыслѣ пристрастія къ нарядамъ и модамъ Екатерина II представляла полную противоположность Елисаветѣ Петровнѣ. При этомъ она и въ области моды хотѣла оставаться прежде всего русскою.

«Съ самаго своего восшествія на престолъ, — говорятъ Головкинъ, — она пожелала воспользоваться любовью, которую проявляли Орловы къ народнымъ обычаямъ, любовью, которая скорѣе являлась у нихъ слѣдствіемъ незнанія ими иностранныхъ обычаевъ, чѣмъ слѣдствіемъ опредѣленнаго рѣшенія вернуться къ стариннымъ костюмамъ. Они, а также нѣсколько другихъ придворныхъ, появились въ этихъ длинныхъ одѣяніяхъ, такъ хорошо обрисовывающихъ станъ молодыхъ людей и придающихъ столь величественный видъ старикамъ. Рѣдчайшіе мѣха лишь усиливали великолѣпіе чудныхъ матерій, а звѣзды и орденскія ленты казались на нихъ еще болѣе достойными зависти; но Чернышевы, Шуваловы, Строгановы, выдвинутые Елисаветой, обнаружили столь живое огорченіе, такъ кричали о святотатствѣ, что пришлось отказаться отъ этого».

Дамы не добились того же успѣха относительно удовлетворенія ихъ требованій: императрица сама подавала примѣръ простоты и полной независимости отъ капризовъ моды. Она стала носить открытое и широкое платье съ двойными рукавами, сохранившееся подъ названіемъ русскаго. Женщины ея возраста послѣдовали этой созданной ею модѣ, а для молодыхъ, умиравшихъ отъ тоски, что онѣ должны одѣваться не такъ, какъ въ Парижѣ, ее нѣсколько видоизмѣнили. Но такъ какъ быть допущенною на малые балы въ Эрмитажѣ считалось большою милостью, а на нихъ можно было являться лишь въ такихъ платьяхъ, то молодыя женщины были вынуждены хвалить этотъ костюмъ и носить его.

*

Вліяніе Екатерины въ области свѣтской жизни сказалось не на однихъ туалетахъ.

«Едва она вступила на престолъ, какъ въ тонѣ и манерахъ произошла полный переворотъ. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ женщина, перенесенная столь юною изъ прусскаго гарнизоннаго городка въ среду двора, наполовину нѣмецкаго, приобрѣла безукоризненные вкусы, которыми вполне естественно восторгались въ ней и которые обнаруживали скорѣе личность, воспитанную въ лучшемъ парижскомъ обществѣ, чѣмъ самодержицу всея Россіи».

По словамъ Головкина это слѣдуетъ приписать близкому знакомству Екатерины въ ея юности съ графомъ Понатовскимъ, «самымъ безукоризненнымъ человѣкомъ въ Европѣ по своимъ хорошимъ манерамъ и по хорошему тону своей вѣжливости и своихъ рѣчей. Тогда она желала быть только женщиной и достойною его, и любовь въ связи съ гибкостью юнаго возраста совершила чудо». Дѣйствіе подобнаго примѣра на русское общество было волшебное, и, начиная съ 1765 года, въ Петербургѣ можно было наблюдать лишь парижскія и московскія манеры.

«Юность усвоила первыя, старики вернулись ко вторымъ, и карикатуры на русскихъ, скрещенныхъ съ нѣмцами, сразу исчезли».

Но даже такой легкомысленный предметъ для наблюденій, какъ дамскія моды, даетъ возможность Головкину подмѣтить въ Екатеринѣ одну черту, составляющую существенную особенность ея характера—любовь ко всему русскому и высокое мнѣніе обо всемъ русскомъ, благодаря чему она, быть можетъ, и стала столь популярной «матушкой-Екатериной», «матушкой-государыней».

Явная любовь Екатерины къ стариннымъ костюмамъ и обычаямъ вовсе не была простой причудой съ ея стороны; въ ея умѣ, по справедливому наблюденію Головкина, жилъ планъ » снова обнародить народъ» («renationaliser la nation») и поднять русскихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ.

Она увидала, что порядокъ вещей, противоположный тому, который былъ установленъ Петромъ I, являлся единственнымъ лекарствомъ противъ развивавшихся болѣзней, порожденныхъ его преобразованиями.

«Когда послѣ Кайнарджійскаго мира всевозможные успѣхи окутали ее атмосферою славы, когда она увидала, что въ глазахъ ея народа на каждомъ изъ ея начинаній лежитъ печать удачи, она позволила проникнуть въ свою тайну, и тогда всѣ поняли, что она хотѣла царствовать надъ русскими, надъ великимъ народомъ, а не надъ какими-то вырожденками».

Питая отвращеніе къ крайнимъ средствамъ, предпочитая обольще-

ніе приказаніямъ, она, казалось, по отношенію къ себѣ допускала только одно самолюбіе — то, которое ей приписывали ея подданные. Слова «Россія», «русскіе» она произносила съ какимъ то почтительнымъ самоудовольствомъ, и когда случалось, что ее хвалили за что-нибудь, она отвѣчала съ серьезнымъ видомъ: «это исходитъ не отъ меня, а обусловлено великими судьбами Россіи». Всегда и во всемъ она старалась скромно ступеваться передъ этими магическими для русскаго сердца словами, пытаясь вселить во всѣхъ твердое убѣжденіе, что Россію ждетъ блестящее будущее: лѣтя народному самолюбію, она будала въ русскіихъ самосознаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ завоевывала свою популярность.

Сама съ восторгомъ отзываясь о русскіихъ, Екатерина придавала огромное значеніе тому, чтобы и другіе такъ же говорили о нихъ. Поэтому легко себѣ представить замѣшательство интимнаго кружка императрицы, когда однажды оберъ-штальмейстеръ Нарышкинъ, вообще позволявшій себѣ нѣкоторыя вольности языка, вдругъ обратился къ ней со слѣдующимъ замѣчаніемъ, сказаннымъ съ самымъ невиннымъ, почти дѣтскимъ видомъ:

«Государыня, въ теченіе моего дѣтства и юности о русскіихъ говорили, какъ о самомъ послѣднемъ изъ народовъ; ихъ называли медвѣдями и даже свиньями; за послѣднее же время, и совершенно справедливо, ихъ ставятъ выше всѣхъ извѣстныхъ народовъ. И вотъ я желаю бы, чтобы ваше величество соблаговолили сказать мнѣ, когда же, по вашему мнѣнію, мы стояли наравнѣ съ ними?»

Всѣ, слышавшіе это, покраснѣли, а императрица, никогда прежде не испытывавшая замѣшательства, вмѣсто всякаго отвѣта перемѣнила предметъ разговора.

Изъ воспоминаній Головкина объ императрицѣ Екатеринѣ интересенъ эпизодъ, относящійся къ пребыванію ея въ Царскомъ Селѣ, куда онъ часто сопровождалъ государыню, и прекрасно рисующій личность великой самодержицы.

«Это было въ 1792 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ,—пишетъ Головкинъ,—я занимался рисованіемъ подъ колоннадою греческихъ бань въ Царскомъ Селѣ. Туда же пришла императрица, прочитывая толстую пачку депешъ. Мы были одни; она читала, я рисовалъ, и лишь шелестъ листвы нарушалъ безмолвіе этого чуднаго уголка. Вдругъ я взглянулъ на нее, быть можетъ, съ удивленіемъ. Она тотчасъ же встала, подошла ко мнѣ и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, стала громко читать донесеніе объ одномъ изъ генераловъ. Вслѣдствіе своей самонадѣянности, неповиновенія онъ нагромоздилъ ошибку на ошибку, спрашивали ее инструкцій и относительно его и произведенной имъ путаницы въ дѣлахъ.

«Точно побуждаемая потребностью оправдаться въ своихъ собственныхъ глазахъ она съ живостью сказала мнѣ, что никогда не придавала

значенія этому человѣку, но что ему покровительствовалъ князь Потемкинъ и нѣсколько разъ заставлялъ другихъ рассказывать ей чудеса о немъ. Я молчалъ. Она стала ходить взадъ и впередъ; затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, она снова вернулась ко мнѣ и проговорила съ глубокимъ вздохомъ.

«О, если бы небо вмѣсто юбокъ дало мнѣ хорошія ласины, подобныя вещи не случались бы! Я бы поручилась отвѣчать за все. Управляютъ при помощи глазъ, руки, а у женщинъ—одни глаза».

Рассказывая о графѣ Мамоновѣ, заносчивомъ и думавшемъ, что ему все позволено, Головкинъ передаетъ о слѣдующей въ высшей степени неумѣстной шуткѣ, которую тотъ позволилъ себѣ по отношенію къ одной изъ самыхъ приближенныхъ придворныхъ дамъ, очень некрасивой, но за свой важный видъ получившей отъ императрицы прозвище «королевы». Она служила для интимнаго кружка Екатерины мишенью для всевозможныхъ шутокъ, развлекавшихъ государыню, и вотъ Мамоновъ условился съ Сегюромъ заставить ее во время ея туалета. Поставленные ими шпіоны оказались на столько проворными, что, когда Мамоновъ съ Сегюромъ вошли къ ней въ комнату, она мѣняла бѣлье. Вышелъ большой скандалъ, и, хотя Екатерина много смѣялась по этому поводу вмѣстѣ съ Мамоновымъ, но хотѣла сдѣлать видъ, что ничего не знаетъ о происшедшемъ.

Однако, замѣчаетъ Головкинъ, по разсѣянности, или же изъ желанія позабавиться, она вдругъ замѣтила пострадавшей:

— У васъ очень разсерженный видъ. На кого вы сердитесь?..

Не получивъ никакого отвѣта, она воскликнула:

— Какъ? Вы даже не соблаговоляете отвѣчать мнѣ?

— Я удивлена, государыня,—возразила та,—что вы спрашиваете меня объ этомъ. Я думала, что, когда ваше императорское величество оказали мнѣ честь такъ приблизивъ меня къ своей особѣ, вы тѣмъ самымъ предохранили меня отъ возможности какихъ бы то ни было нахальныхъ выходокъ противъ меня.

Слѣдствіемъ этого отвѣта, смутившаго императрицу, было то, что оба виновника неумѣстной шутки получили приказаніе пойти извиниться.

Для характеристики личности Екатерины не лишентъ значенія рассказъ о неудавшейся попыткѣ оберъ-гофмаршала Барятинскаго уничтожить обычай, стоившій громадныхъ денегъ и заключавшійся въ томъ, что къ столу каждого придворнаго подавали къ нему въ комнату до шестидесяти бутылокъ вина. Екатерина терпѣливо выслушала князя, а затѣмъ сказала ему:

— Я попрошу васъ, милостивый государь, никогда не предлагать мнѣ грошовой экономіи. Это было бы прекрасно гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а у меня это было бы неприлично.

Благодаря этому обычаю, одинъ изъ придворныхъ, состоявшій при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, составилъ себѣ въ теченіе тридцати лѣтъ лучшей погребъ въ имперіи.

Но не допуская мысли, чтобы малѣйшее ограниченіе расходовъ Двора отзвучало на другихъ, она охотно принимала реформы, касавшіяся ея лично, и, какъ бы она ни мечтала о приобрѣтеніи какихъ-либо произведеній искусства, когда у нея не было денегъ, она не поддавалась искушенію.

— Исчезни, сатана, или дай мнѣ рублей! — говорила она комическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ огорченнымъ тономъ тому, кто соблазнялъ ее покупкой.

Насколько было сильно обаяніе, которое императрица оказывала на приближенныхъ къ ней лицъ, лучше всего доказываетъ слѣдующій случай съ княземъ де-Линь во время ея крымскаго путешествія, отчасти носящій на себѣ отпечатокъ средневѣковаго романтизма. Она обѣщала ему подарить храмъ Діаны, прославленный нѣкогда жертвоприношеніемъ Ифигеніи, и отъ котораго сохранилась до того времени лишь одна одинокая стоявшая колонна. Когда императорская флотилія приблизилась къ Партенницѣ, Екатерина, стоя на палубѣ возлѣ князя де-Линь, медленно протянула руку и, точно не замѣчая, что галера продолжала двигаться, проговорила:

— Князь де-Линь, я даю вамъ эти земли на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Князь поцѣловалъ руку императрицъ и, бросившись вплавь въ мундирѣ и съ оружіемъ, быстро достигъ берега, вырѣзалъ кинжаломъ имя императрицы на утесѣ Ифигеніи и тѣмъ же образомъ вернулся обратно. По словамъ Головкина, Екатерина была въ восхищеніи отъ этого рыцарскаго поступка, думая, что она является единственной героиней его, и только позднѣе князь сознался ей, что на другой сторонѣ утеса онъ вырѣзалъ имя дамы, занимавшей въ то время всѣ его мысли.

Де-Линь, расположеніе къ которому Екатерины особенно усилилось послѣ крымскаго путешествія, часто позволялъ себѣ противорѣчить императрицѣ, что, впрочемъ, повидимому, нравилось ей.

Однажды разговоръ шелъ о храбрости, и Екатерина замѣтила вдругъ:

— Если бы я была мужчиной, я была бы убита, не достигнувъ капитанскаго чина.

Князь де-Линь съ живостью возразилъ ей:

— Я нисколько не вѣрю этому, государыня, такъ какъ я нахожусь еще въ живыхъ.

Императрица не поняла сразу и на мгновеніе замолкла, а затѣмъ принялась смѣяться надъ урокомъ скромности, преподаннымъ ей княземъ, отказавшимся повѣрить, чтобы она была храбрѣе его. Иногда

Екатерина выбирала его посредникомъ между собою и Мамоновымъ и была въ восхищеніи, когда онъ доказывалъ ей, что она не права.

Де-Линь страстно любилъ сады, и императрица часто совѣтовалась съ нимъ относительно украшенія Царскаго Села. Онъ рѣдко сходилъ съ нею во мнѣніяхъ, такъ какъ, по его словамъ, «она имѣла всѣ вкусы, не имѣя вкуса». Между прочимъ онъ много смѣялся надъ рѣчкой, прорытой по ея приказанію. Однажды въ этой рѣчкѣ утонулъ рабочій, и, какъ только Екатерина увидѣла князя, она тотчасъ же сообщила ему эту новость.

— Какъ, государыня, рабочій утонулъ въ рѣчкѣ вашего величества?

— Да, князь. Что вы скажете на это?

— Какой льстецъ!—воскликнулъ остроумный де-Линь.

Изъ воспоминаній Головкина о крымскомъ путешествіи императрицы Екатерины слѣдуетъ отмѣтить, при какой своеобразной обстановкѣ произошла встрѣча императрицы съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ— это было ихъ первое свиданіе послѣ долготѣней разлуки, послѣдовавшей за ихъ близкимъ знакомствомъ.

Когда императорская флотилія приближалась къ Херсону, въ которомъ Екатерина должна была встрѣтиться съ Іосифомъ, она узнала, что онъ сухимъ путемъ отправился къ ней навстрѣчу. Она тотчасъ же сошла на берегъ и въ свою очередь послѣшила навстрѣчу къ нему.

«Мы бѣжали такъ хорошо, — рассказывала она, — что встрѣтились среди поля, носъ къ носу. Первые слова, сказанныя имъ мнѣ, были слѣдующія: «политики ловко попались: никто не видѣлъ нашей встрѣчи». Онъ былъ со своимъ посломъ Кобенцелемъ, а я съ княземъ де-Линь и графиней Браницкой».

Затѣмъ Екатерина вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ сѣли въ карету и отправились въ Кайдакъ: императоръ, думая, что будетъ обѣдать у императрицы, а она—разсчитывая на обѣдъ Потемкина. Между тѣмъ, Потемкинъ, не ожидавшій ихъ пріѣзда, отправился на сооруженіе какого-то новаго города, не заказавъ себѣ обѣда, и хотя и вернулся какъ-разъ въ-время, чтобы встрѣтить августѣйшихъ гостей, но достаточно поздно, чтобы предложить имъ обѣдъ. Тогда «великолѣпный князь Тавриды» немедленно самъ отправился на кухню вмѣстѣ съ принцемъ Нассаускимъ и графомъ Браницкимъ, и они принялись, кто какъ умѣлъ, готовить кушанья. Обѣдъ, конечно, вышелъ прескверный.

— Но несмотря на это, — говорила Екатерина, — ѣли, смѣялись и были довольны.

Возвращаясь изъ Крыма, императрица, какъ извѣстно, останавливалась въ Москвѣ; однажды она спросила де-Линь, какъ онъ находитъ этотъ городъ.

— Миѣ представляется, — отвѣчалъ князь, — что я вижу четыреста или пятьсотъ домовъ вельможъ, которые они перекатили сюда на колесахъ вмѣстѣ со своими деревнями, чтобы соединиться здѣсь и жить цѣлымъ обществомъ.

Пребываніе Екатерины въ Москвѣ даетъ поводъ Головкину высказать много интереснаго объ архіепископѣ Платонѣ. Платонъ былъ въ полной немилости у императрицы и долженъ былъ опасаться ея пріѣзда; онъ даже зналъ изъ тайныхъ донесеній, что Екатерина рѣшила заключить его въ Троицко-Сергіевскую лавру. Однако, по словамъ Головкина, онъ нисколько не тревожился этимъ, зная, что, если Дворъ не расположенъ къ нему, пока находится въ Петербургѣ, всѣ тучи разсѣиваются, какъ только онъ прибываетъ въ Москву; онъ производилъ на Дворъ то же обаятельное впечатлѣніе, подъ которое подпадали всѣ, приближавшіеся къ нему.

Два дня спустя послѣ пріѣзда Екатерины праздновался его юбилей; приказъ объ отправленіи Платона на покой долженъ былъ быть отданъ тотчасъ послѣ обѣдни, но Екатерина, рѣшивъ такъ, не приняла во вниманіе краснорѣчія Платона и произнесенной имъ потрясающей проповѣди. Растроганная и взволнованная, она приказала сказать незамѣтно священнику, готовившемуся произнести ектенью, назвать въ ней Платона митрополитомъ. Такимъ образомъ, вмѣсто изгнанія, онъ достигъ вершины церковной іерархіи. Князь де-Линъ наравнѣ съ другими поддался чарующему обаянію Платона.

«Еслибы вы узнали его, — писалъ онъ маркизъ де-Куаньи, — вы бы до сумасшествія полюбили его. Вчера, выходя изъ его сада, княгиня Голицына испросила его благословенія; онъ сорвалъ розу, благословилъ ее и съ безукоризненнымъ изяществомъ предложилъ ее княгинѣ».

«Платонъ, — пишетъ Головкинъ, — какъ и большинство русскихъ монаховъ, былъ самаго скромнаго происхожденія; обладая большимъ умомъ, которому сильное честолюбіе не позволяло заржавѣть, онъ былъ назначенъ законоучителемъ Павла I, еще въ бытность его великимъ княземъ; ему же было поручено ознакомить первую жену великаго князя съ языкомъ и религіей страны, и при Дворѣ онъ приобрѣлъ привычку, а, можетъ быть, и склонность къ интригамъ. Онъ былъ привѣтливъ и добръ съ простымъ народомъ, обожавшимъ его, высокомеренъ и суровъ съ вельможами, которыхъ заставлялъ ухаживать за собою, и постоянно болѣе или менѣе неудобенъ для своего государя. Его враги называли его шарлатаномъ алтаря и кальвинистомъ въ глубинѣ души, но онъ никогда не служилъ безъ того, чтобы не растрогать до слезъ, никогда не произносилъ проповѣди, части которой не приводилась бы потомъ, какъ цитаты. Послѣ этого въ тиши своего кабинета онъ

читалъ Вольтера, Гельвеція, Руссо, и говорилъ о нихъ съ полнымъ знаніемъ предмета».

По восшествіи своемъ на престолъ, императоръ Павелъ Петровичъ сталъ раздавать духовенству ордена и послалъ Платону ленту св. Андрея Первозваннаго, но тотъ отказался отъ нея, сославшись на то, что подобныя новшества противны церковнымъ уставамъ.

— Кавалеръ ордена, — сказалъ онъ, — долженъ взяться за мечъ, если его начальникъ прикажетъ ему это, а рука священника, взяшагося за оружіе, — проклата.

Разсерженный этимъ отказомъ, Павелъ Петровичъ объявилъ, что будетъ помазанъ на царство петербургскимъ митрополитомъ, а московскій — Платонъ будетъ только присутствовать при этомъ въ своемъ же кафедральномъ соборѣ. Однако, прѣѣхавъ Москву для коронаціи, онъ забылъ запретить Платону встрѣтить его въ Петровскомъ дворцѣ, а митрополитъ, почти умирающій, велѣлъ свести себя туда.

«Наканунѣ онъ пріобщался, — говоритъ Головкинъ, — и я самъ отправился достать ему стаканъ воды, думая, что приближается его послѣдній часъ. Я помогъ ему подняться на ротонду. Императоръ, войдя, нахмурилъ брови при видѣ его и, если бы только было возможно, запретилъ бы ему привѣтствовать себя. Платонъ началъ свою рѣчь почти угасшимъ голосомъ; онъ имѣлъ видъ мученика первобытной церкви, стоящаго передъ римскимъ префектомъ, но затѣмъ, одушевляясь постепенно, наговорилъ такихъ прекрасныхъ вещей, что для того, чтобы лучше слышать его, кругъ слушателей мало-по-малу сплотился вокругъ него. Императоръ пораженъ, митрополитъ замѣчаетъ это, его голосъ крѣпнеть, краснорѣчіе увлекаетъ его; взволнованный императоръ ловитъ себя на слезѣ, императрица даетъ полную волю своимъ слезамъ, все собраніе растрогано. Тогда-то онъ громовымъ голосомъ призываетъ благословеніе на новаго императора и производитъ такое поразительное впечатлѣніе, что нхъ величества бросаются къ его рукамъ, точно для того, чтобы не упустить его. Никогда я не видѣлъ болѣе трогательной сцены».

Головкинъ передаетъ, что, когда Павелъ Петровичъ, еще въ бытность свою великимъ княземъ, послѣ кончины своей первой жены, обнаруживалъ такое неутѣшное горе, что даже опасались за его рассудокъ и его жизнь, принцъ Генрихъ Прусскій, находившійся тогда въ Петербургѣ, придумалъ, какъ средство спасти цесаревича отъ его печали, обвинить покойную великую княгиню въ недостаточной вѣрности супружескому долгу; для этой цѣли были пущены въ дѣло не только подложныя письма, но и Платонъ, бывшій духовникомъ Натальи Алексѣевны, въ виду благости цѣли — спасти цесаревича отъ его горя, согласился подтвердить распущенную клевету, сказавъ великому князю, что узналъ

объ этомъ изъ собственнаго признанія усопшей, сдѣланнаго ею на предсмертной исповѣди.

Напечатанные отрывки изъ воспоминаній Головкина о Россіи не идутъ по времени далѣе приведеннаго нами эпизода съ митрополитомъ Платономъ во время коронаціи императора Павла Петровича. Изъ его воспоминаній, относящихся къ позднѣйшему времени, г. Перей напечаталъ лишь подробное описаніе фантастическаго по обстановкѣ и роскошнаго праздника, который былъ устроенъ въ честь Головкина въ Эпиней, во Франціи, кружкомъ его великосвѣтскихъ друзей, повидимому, желавшихъ нѣсколько подурочить его, воспользовавшись его чрезмѣрнымъ тщеславіемъ. Въ данномъ случаѣ его тщеславіе могло быть польщено вдвойнѣ, такъ какъ этотъ праздникъ породилъ неудовольствіе въ Парижѣ, и Головкину былъ данъ дружескій совѣтъ, постараться не вызывать подобныхъ торжествъ во время войны. Это обстоятельство встревожило Головкина, онъ былъ готовъ ожидать отъ Савари, отъ котораго исходилъ данный ему совѣтъ, всего худшаго, но, пишетъ онъ, «звѣзда его повелителя поблѣднѣла, и вскорѣ должна была заняться великая заря, обезпечившая честнымъ людямъ возможность взаимно любить другъ друга».

Такимъ образомъ, напечатанные отрывки изъ воспоминаній Головкина почти не касаются царствованія императора Павла и совершенно не затрогиваютъ эпохи Александра I, но, въ интересахъ любителей нашей старины, будемъ надѣяться, что записки эти не замедлятъ явиться на свѣтъ уже не въ выдержкахъ, а полностью.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

О сборѣ податей всякою монетою и банковыми ассигнаціями.

Высочайшій указъ псковскому губернатору Шлю.

26 апрѣля 1788 г. С.-Петербургъ.

Признали мы за нужное предписать всѣмъ нашимъ генераламъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность въ отсутствіи же ихъ губернаторамъ о подтвержденіи казеннымъ палатамъ, губернскимъ, областнымъ и уѣзднымъ казначействамъ, дабы при сборѣ личныхъ податей, съ народа установленныхъ, приемлема была монета всякая, въ имперіи нашей ходячая или банковыя ассигнаціи, ея представляющія, коихъ перевозъ и доставленіе еще вѣще облегчители, не дѣлая въ томъ никому ни малѣйшаго принужденія или притѣсненія подъ страхомъ суда и неизбѣжнаго взысканія за преступленіе противу указовъ нашихъ. Соизволяемъ, чтобы наши генералы-губернаторы, правящіе ту должность, и губернаторы въ непремѣнномъ и точномъ сего исполненіи особое имѣли бдѣніе, и въ случаѣ увѣдомленія ихъ или жалобы о какихъ-либо въ томъ притѣсненіи или принужденіи, виновныхъ отсылали къ суду для законнаго осужденія. Подтверждаемъ при томъ, чтобы въ казначействахъ хранимы и куда слѣдуетъ доставляемы были деньги, разумѣя въ монетѣ и въ банковыхъ ассигнаціяхъ, тою самою монетою, какою они въ казначейство вступили, не дозволяя имъ самимъ инако промѣнивать, какъ буде то отъ начальства для надобности казенной или же для выгоды и облегченія народнаго приказано будетъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

ПИСЬМА И. И. БЕЦКАГО КЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ ВТОРОЙ.

31-го августа минувшаго 1895 года исполнилось сто лѣтъ со дня кончины И. И. Бецкаго, одного изъ сподвижниковъ великой императрицы, съ именемъ котораго неразрывно связаны представленія объ учрежденіи воспитательныхъ домовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, объ основаніи воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ (извѣстнаго, въ обыкновенной разговорной рѣчи, подъ именемъ Смольнаго монастыря), о дальнѣйшемъ развитіи С.-Петербургской Академіи Художествъ, о преобразованіи сухопутнаго шляхетскаго корпуса и т. д. Но помимо этаго Иванъ Ивановичъ Бецкій долгое время пользовался благосклоннымъ расположеніемъ Екатерины II, любившей проводить вечера въ разговорахъ съ нимъ, какъ съ человекомъ, видѣвшимъ много любопытнаго во время продолжительнаго пребыванія своего за границею.

Тѣмъ не менѣе, однако, несмотря на цѣлое столѣтіе, прошедшее съ той минуты, какъ Бецкій, пережившій всѣхъ своихъ сверстниковъ, былъ опущенъ въ могилу, почти забытый всѣми,—до настоящихъ дней, не только не сдѣлано надлежащей и безпристрастной оцѣнки всей дѣятельности этого по истинѣ замѣчательнаго и для своей эпохи совсѣмъ своеобразнаго человѣка, но по какой-то особенной странности до настоящаго времени не имѣется даже обстоятельнаго его жизнеописанія, сколько-нибудь основаннаго на положительныхъ данныхъ. Большинство же статей, посвященныхъ разсказамъ о его жизни, имѣютъ какой-то легендарный характеръ, сообщая о немъ свѣдѣнія противорѣчивыя и весьма сомнительныя. Хотя и признается всѣми, что онъ былъ незакон-

ный сынъ фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго, взятаго шведами въ плѣнъ подъ Нарвою въ 1700 году, и что онъ родился въ Стокгольмѣ, но относительно вопросовъ, когда онъ родился и отъ кого? является разнорѣчье. Высказываютъ, что этотъ незаконный сынъ Трубецкаго, извѣстный впоследствии подъ именемъ Бецкаго, родился въ 1702 году, въ 1703 и даже 1704 году; равнымъ образомъ одни указываютъ, что матерью его была нѣкая баронесса Вреде; другіе—графиня Спарре (обѣ фамиліи весьма извѣстныя въ Швеціи), а третьи утверждаютъ, что простая шведка. Относительно ранней молодости и того, гдѣ этотъ Бецкій получилъ образованіе, существуетъ такое же разногласіе. Говорятъ, что онъ воспитывался въ Копенгагенскомъ военномъ корпусѣ, въ Лейпцигскомъ университетѣ, въ университетѣ въ г. Або, что поступилъ на службу въ датскую кавалерію и т. д. Все это, конечно, говорится голословно, безъ указанія какихъ-либо источниковъ. Болѣе достовѣрными являются рассказы о послѣдующей его служебной дѣятельности въ Россіи, когда онъ является уже камергеромъ при дворѣ великаго князя Петра Феодоровича (будущаго императора Петра III) и его супруги Екатерины Алексѣевны, въ началѣ царствованія которой Бецкій является дѣятельнымъ ея сотрудникомъ преимущественно по устройству воспитательныхъ заведеній въ нашемъ отечествѣ. Достигнувъ глубокой старости онъ умеръ въ 1795 году, не оставивъ прямыхъ наследниковъ, такъ какъ женатъ не былъ. Имущество свое онъ завѣщала отчасти нѣкоторымъ учебнымъ заведеніямъ, отчасти своей воспитанницѣ (по предположенію нѣкоторыхъ—своей незаконной дочери) Настасьѣ Ивановнѣ Соколовой, извѣстной камеръ-юнгферѣ императрицы, вышедшей замужъ за адмирала Рибаса, а отчасти и самому Рибасу, находившемуся въ то время при постройкѣ города Одессы и ея укрѣпленій¹⁾. Это обстоятельство, т. е. отсутствіе прямыхъ наследниковъ, безъ сомнѣнія повліяло на то, что бывшая бібліотека Бецкаго и также всѣ его бумаги и переписка съ множествомъ лицъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ по несомнѣннымъ на то указаніямъ, неизвѣстно куда исчезли, такъ что по настоящее время извѣстны только очень немногія письма какъ самого Бецкаго, такъ и адресованныя къ нему разными лицами, въ томъ числѣ и императрицею Екатериною II. Означенныя письма были напечатаны разновременно въ «Русскомъ Архивѣ», «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества» и въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей».

Отсутствіе подобнаго рода матеріала, чрезвычайно важнаго для выясненія личности Бецкаго и его характера, заставляетъ его біографа

¹⁾ См. письма Рибаса къ графу Алексѣю Разумовскому. Дѣло госуд. архива, XI разр., № 1317.

ограничиваться тѣми о немъ свѣдѣніями, которыя могутъ быть почерпнуты изъ различныхъ дѣлъ, хранящихся въ архивахъ тѣхъ разнообразныхъ учрежденій, которыя находились въ его завѣдываніи. Поэтому матеріаломъ для біографіи Бецкаго, въ особенности для выясненія его личности, характера и отношеній къ другимъ лицамъ, его современникамъ, являются по преимуществу, если не исключительно, различныя отрывочныя и притомъ весьма краткія свѣдѣнія и указанія встрѣчающіяся во многихъ сочиненіяхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, а по преимуществу въ дошедшихъ до насъ письмахъ, запискахъ и воспоминаніяхъ различныхъ лицъ, болѣе или менѣе ему современныхъ.

Такая относительная бѣдность документовъ и свѣдѣній, несомнѣнно достовѣрныхъ относительно личности и характера Бецкаго, заставляетъ придавать тѣмъ болѣшую важность немногимъ, до насъ дошедшимъ письмамъ самого Бецкаго, и въ числѣ ихъ безспорно наиболѣе важными являются письма его къ самой императрицѣ Екатеринѣ II, довѣріемъ и благосклоннымъ расположеніемъ которой Бецкій пользовался нѣкоторые годы своей долговременной жизни. Писемъ этихъ до настоящаго времени было весьма немного, но намъ удалось познакомиться съ доселѣ неизвѣстными письмами Бецкаго къ Екатеринѣ II, хранящимися въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, (дѣло № 930, XI разряда) изъ коихъ нѣкоторыя и предлагаемъ вниманію читателей.

1.

Москва сего 31-го X (декабря) 1762.

Къ сожалѣнію, не имѣю времени, всемилостивѣйшая моя государыня, пространно рассказать вамъ то, что сообщу въ краткихъ словахъ. Ваши безпокойства разсѣялись; г. баронъ остается здѣсь. Онъ не безъ достоинства, онъ желаетъ и умѣетъ нравиться. Не легко расхулить предъ нашею августѣйшею императрицею чьи-либо достоинства. Она всегда судитъ сама собою; ничто не ускользаетъ отъ ея пронизательности. Я сто разъ перечислялъ вамъ у васъ въ комнатѣ всѣ качества, которыя я за вами замѣтилъ, при чемъ вы всегда мнѣ отвѣчали: «ей Богу, мой генералъ, мнѣ кажется вы въ меня влюблены». Будемъ, однако, говорить о другомъ, какъ вы это желаете. Я зналъ заранѣе, какое впечатлѣніе произведутъ сообщенныя мною подробности на такое сердце, какъ ваше; предусматриваю примѣрно тѣ вопросы, какіе вы мнѣ можете предложить, и имѣю готовыми самыя удовлетворительныя на нихъ отвѣты. Никогда задача, столь неожиданная какъ и желанная, не была такъ чудесно осуществлена и такъ прочно устроена! Какое основаніе

можетъ быть прочтѣ общаго единомыслія сердець и умовъ. Я вамъ напишу не письмо, а панегирикъ, если предамся теперь всѣмъ чувствамъ, пробуждаемымъ во мнѣ мыслью, которую вы изволите себѣ составлять о моемъ счастіи, не поддающемся описанію. Всѣ минуты моей жизни посвящены служенію самой обожаемой изъ всѣхъ государынь и, какъ вы изволите угадывать сами, должны быть для меня чрезвычайно пріятны. Какъ жаль, что вы не можете очутиться среди насъ; какъ восхитилъ бы вашъ очаровательный голосъ ту божественную принцессу, которой, какъ вы изволите предполагать, должно не нравиться то, что вы называете «вараксанье». Мнѣ очень непріятно сообщать вамъ о бесполезности вашихъ напоминаній; я имѣю приказаніе ея величества не обращать вниманія на вашу воркотню и продолжать свое дѣло. Я не опасуюсь быть забытымъ въ понедѣльникъ, среду и пятницу и за завтракомъ, пока ваше величество сохраните ваше ко мнѣ расположеніе. Я постоянно говорю объ этомъ съ Настасьей или вашимъ весельчакомъ, значительною теперь особою. Вашъ вкусъ предвѣстилъ ей счастье, достойное дружбы, ожидавшей ее въ Россіи. Ваше величество были бы восхищены простодушіемъ ея мыслей, доставляющихъ удовольствіе этой принцессѣ, и благосклонностью, съ которою она вкушаетъ ихъ остроумную смѣлость. Курьеръ скоро уѣзжаетъ, и я, къ сожалѣнію, принужденъ окончить письмо, увѣривъ васъ, что никто на свѣтѣ не можетъ васъ уважать и васъ любить болѣе меня, хотя я имѣю приказаніе ваше предоставлять вамъ меня бранить сколько угодно, но только не мѣшать дѣлать дѣло.

Имѣю честь быть преисполненнымъ живѣйшей искренности, о которой не могу достаточно часто заявлять вамъ и всему вашему любезному обществу, вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга ¹⁾

Г. Настасья свидѣтельствуетъ вамъ свое уваженіе и благоговѣніе.

П р и п и с к а д р у г о ю р у к о ю. Постороннимъ не дозволяется вмѣ-

¹⁾ Письмо это писано Бецкимъ изъ Москвы, куда онъ отправился, какъ начальникъ канцеляріи строеній и садовъ ея величества, вскорѣ по вступленіи императрицы Екатерины на престолъ, для различныхъ распоряженій по предстоявшему коронаванію. Что касается особы, именуемой Настасья, — то это, конечно, Настасья Ивановна Соколова, жившая въ домѣ Бецкаго и бывшая камеръ-юферой императрицы. Упомянутый въ письмѣ баронъ — весьма вѣроятно баронъ Гольцъ, прусскій повѣренный въ дѣлахъ, имѣвшій не за долго передъ этимъ, 22 ноября, аудіенцію (см. „Камеръ-Фурьерск. Журналъ“ 1762 года, стр. 48) въ Кремлѣ.

Соколова была воспитана въ домѣ Бецкаго и жила у него въ домѣ, даже и по выходѣ замужъ въ 1776 году 27-го мая (см. „Камеръ-Фурьерск. Журналъ“ 1776 г., стр. 237) за извѣстнаго впоследствии основателя и строителя г. Одессы Осипа Михайловича Рибаса, въ то время шляхетнаго корнуса капитана, умершаго въ 1800 году въ чинѣ адмирала.

шиваться въ разговоръ; но непреодолимое желаніе выразить вамъ уваженіе, которое оказываетъ вамъ весь свѣтъ, одерживаетъ верхъ надъ другими соображеніями, а признательность за всѣ ласки, оказанныя вами покойной принцессѣ Ангальтъ, слишкомъ велика, чтобы о ней умолчать; браните меня много, но мое чувство высказалось; я давно уже таила его въ душѣ моей. (Подписи не имѣется).

Приписка вторая, рукою Бецкаго. Барону Кайлю и князю Дмитрію Голицину шлю искренній привѣтъ. Курьеръ слишкомъ спѣшитъ; не могу имъ писать теперь; приберегаю это до слѣдующаго раза.

2.

Москва, мая 9-го дня 1767 года.

Вижу, что у вашего величества Никита великъ человекъ, кланецца ему паеду сегодня, тожъ и другимъ присоветую ¹⁾. Приемлю смѣлость препроводить вашему величеству рукопись о потомствѣ, полученную отъ Фальконета, вмѣстѣ съ письмомъ ко мнѣ; я затрудняюсь только дать отвѣтъ о бюстѣ. Газеты переданы по принадлежности. Прошу васъ изъ милости, государыня, продолжайте сообщать мнѣ какъ счастливыя извѣстія о вашемъ драгоценномъ здравіи, такъ и о довольности, въ которой вы находитесь, и мнѣ не останется ничего болѣе желать на этомъ свѣтѣ. ²⁾.

¹⁾ Первые двѣ строки написаны въ письмѣ на русскомъ языкѣ; мы ихъ привели дословно съ сохраненіемъ правописанія довольно своеобразнаго.

²⁾ Письмо это было уже напечатано равнѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. на стр. 494, при чемъ къ письму слѣдано примѣчаніе, что подъ именемъ Никитки очевидно разумѣется Никита Ивановичъ Панинъ и совершенно неизвѣстно, что разумѣть должно подъ словами рукопись о потомствѣ, полученную отъ Фальконета, такъ какъ такого сочиненія Фальконета не имѣется. Съ правильностью и основательностью обоихъ примѣчаній затрудняемся согласиться. На какомъ основаніи слово Никитка должно означать безусловно Никиту Ивановича Панина и никого другаго? Авторъ примѣчанія ничѣмъ не подкрѣпляетъ своего предположенія и не указываетъ даже того, чтобы Екатерина II, или Бецкій когда либо называли такъ, хотя бы и въ шутовомъ тонѣ, наставника наследника престола, пользовавшагося, какъ извѣстно, уваженіемъ и расположеніемъ Екатерины II. Одно только происхожденіе слова Никитка отъ Никиты (имени Панина) не даетъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что словомъ Никитка означается въ этомъ письмѣ именно Панинъ.

Самымъ сильнымъ доводомъ противъ высказаннаго предположенія является слѣдующее обстоятельство. Въ письмѣ своемъ къ императрицѣ, написанномъ дней чрезъ пять, шесть послѣ письма отъ 9 мая того же 1767 года, Бецкій

3.

Сего 14-го мая.

Всемиловѣйшая государыня! Радость обывателей Ярославла должна была быть безмѣрною, увидавъ второй разъ свою милостивѣйшую монархию. (Во время предпринятаго путешествія по Волгѣ.)

Обществу вашего величества недоставало только перо Дидеро или

опять въ припискѣ къ письму упоминаетъ о Никитѣ и говоритъ положительно Никитка Андреевъ рожденъ марта 28 день 1764 года и т. д. принесенъ ноября 26 того же года. Кто же этотъ Никитка?

Въ журналъ Московскаго Опекунскаго Совѣта за 1767 и 1768 годы (книга № 6) отъ 27 апрѣля на стр. 24 записано что: „Ея императорское величество всемилостивѣйше удостоила своимъ присутствіемъ заведенный изъ ея милосердія воспитательный домъ двадцатаго апрѣля 1767 года и высочайшее свое удовольствіе оказать изволила, при чемъ въ знакъ высочайшаго своего къ симъ питомцамъ приращенія, сверхъ пожалованной въ состоящую въ томъ домѣ замкнутую и запечатанную кружку суммы, особливо въ пожаловала воспитываемому двухлѣтнему мальчику подъ № 530, Никитѣ по крестному отцу Андреевичу сыну, триста червонныхъ, въ коихъ російскихъ имѣть быть 675 рублей, для отдачи въ банкъ и возвращенія ему по возрасту.“

Изъ этого очевидно что Никитка, упоминаемый въ этихъ письмахъ Бецкаго, несомнѣнно никто другой какъ одинъ изъ мальчиковъ московскаго воспитательнаго дома, находившійся въ домѣ при посѣщеніи онаго императрицею. На возникающій вопросъ, чѣмъ онъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины II и заслужилъ ея особенную къ нему милость, казалось бы всего естественнѣе отвѣтить, что ровно ничѣмъ, и что этимъ онъ обязанъ случаю. Императрица, желая оставить среди питомцевъ воспоминаніе о посѣщеніи сего дома, сочла удобнымъ наградить кого либо изъ малютокъ (совершенно безразлично кого именно)—суммою денегъ, которыя могли быть съ равнымъ основаніемъ даны и ребенку подъ № 530, или подъ другимъ номеромъ. Точно также при вторичномъ своемъ посѣщеніи дома въ началѣ 1768 года императрица, какъ объ этомъ записано тоже въ журналѣ Опекунскаго Совѣта 19 января 1768 года на стр. 64 и 65, сочла нужнымъ пожертвовать въ домъ десять тысячъ рублей и сверхъ того воспитанницѣ подъ № 105 Аксиинѣ Васильевой сто червонцевъ, „съ тѣмъ чтобы оныя употребить въ банкъ до выхода ея“. Теперь случай благоприятствовалъ Аксиинѣ какъ прежде Никитѣ, безъ всякихъ конечно съ ея стороны къ тому поводовъ.

Такимъ образомъ согласно журнала Московскаго Опекунскаго Совѣта 1767—1768 годовъ очевидно можно остановиться на томъ, что имя Никитка означаетъ вовсе не Никиту Ивановича Панина, а просто принесеннаго въ Московскій воспитательный домъ двухлѣтняго ребенка Никиту Андреева, записаннаго подъ № 530.

Мы немного долѣе остановились на разъясненіи этого повидному не имѣющаго значенія вопроса, кого разумѣть надо подъ словомъ Никитка, потому что выраженное въ „Русскомъ Архивѣ“ возвращеніе, что подъ этимъ разумѣть должно Никиту Ивановича Панина раздѣляется и нашимъ извѣстнымъ исто-

Фальконета, чтобы составить описаніе, вполне достойное такого прекраснаго путешествія.

Оставшіеся въ городѣ министры будутъ раскаиваться, видя какъ хорошо принимаютъ ихъ сотоварищи. Но никто ничего не теряетъ. Это бѣдныяжки, которые не обладаютъ ни талантомъ, ни способностью хорошо смотрѣть. Признаюсь откровенно, что для меня очень оскорбительно, что не участвую въ этомъ путешествіи.

Ахъ, всемілостивѣйшая государыня, какъ красиво было вчера Дѣвичье Поле! Необходимо представить себѣ дворянъ обоого пола, зады-

рикомъ С. М. Соловьевымъ, который говоритъ, что именно въ этомъ письмѣ выражается сильно неерасположеніе къ Панину, сильное неудовольствіе на его важное значеніе и что вообще стараются удалить Панина изъ дворца (см. т. XXVI стр. 268). А между тѣмъ это письмо именно этого то и не доказываетъ, такъ какъ въ немъ о Никитѣ Панинѣ вовсе не упоминается. Остается только произнести извѣстное: *A c'est ainsi qu'on écrit l'histoire...* и удивиться какъ легко принимаются на вѣру всякаго рода догадки и предположенія даже такими учеными какъ С. М. Соловьевъ, и на основаніи ихъ заявляется о нерасположеніи императрицы къ Панину. Коль скоро падаетъ эта догадка, то должно значительно поколебаться и утверждаемое, на основаніи этой догадки, заявленіе о нерасположеніи Екатерины II къ Панину.

Что же касается выраженія „рукопись о потомствѣ полученную отъ Фальконета“,—выраженія для автора примѣчанія къ сему письму въ „Русскомъ Архивѣ“ непонятнаго и неяснаго,—то благодаря изданной въ 1876 году Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ переписки Фальконета съ императрицею Екатериною II, (т. 17 Сборника сего общества) смыслъ этихъ словъ становится совершенно яснымъ. Между философомъ Дидеротомъ и художникомъ Фальконетомъ, до отъѣзда его изъ Франціи, шелъ споръ о томъ, какое значеніе въ глазахъ художника долженъ имѣть судъ потомства (см. т. 17 Р. И. Общ. стр. 6, 8 и приложенія № 8 на стр. 25).

Они долго препирались между собою по этому поводу и, не будучи въ состояніи придти къ какому либо соглашенію, положили, по предложенію Дидеро, разрѣшеніе этого вопроса предоставить усмотрѣнію Екатерины II. Каждый изъ нихъ представилъ императрицѣ записку (рукопись) свою по этому вопросу.

Объ одной изъ этихъ рукописей, именно составленной Фальконетомъ, говорится въ этомъ письмѣ г. Бецкаго; онъ ее получилъ отъ Фальконета и препровождаетъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая, какъ видно изъ 17 тома Сборника (стр. 10), письмомъ своимъ 1767 г. 7-го іюня, изъ угла Ави (изъ Симбирска) отвѣтила Фальконету на занимавшій его вопросъ не совсѣмъ прямо и положительно, но на столько ясно, что Фальконетъ понялъ, что Екатерина раздѣляетъ скорѣе взглядъ Дидеро на этотъ вопросъ и совѣтуетъ ему броситься въ объятія потомства т. е. работать не для однихъ современниковъ, но и для потомства. Весь этотъ споръ Фальконета съ Дидеро впрочемъ, какъ вѣрно замѣтила императрица, напоминаетъ споръ богословій: одинъ говоритъ прямо—я работаю для потомства; другой—я не презираю потомства, но хочу дѣлать хорошо и желаю одобренія современниковъ (стр. 11).

*

хавшихся отъ пыли, которыхъ толкала, сбивала съ ногъ и давила другая толпа, состоявшая изъ самой низкой черни и множества челяди; бѣдныя дамы въ особенности едва дышали. Это называлось удовольствіе прогулки. Прилагаю при семъ письмо князя Голицына изъ Парижа, сейчасъ только что полученное мною, а также напечатанный списокъ купленныхъ картинъ, которыя ваше величество отмиѣтили.

На оборотѣ письма имѣется слѣдующая приписка:

№ 530. Никитка Андреевъ рожденъ марта 28 день 1764 года въ приходѣ церкви Николая Чудотворца что въ Березневѣ, гдѣ и крещенъ; при немъ крестъ мѣдный и рубашка. Принесенъ ноября 26-го дня того же года. Вотъ что извѣстно про г. Никитеку (М. Niquitca).

4.

Сего 19-го мая 1767 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Прилагаю при семъ письмо Фальконета, а также списки благородныхъ дѣвицъ, принятыхъ въ монастырь и непринятыхъ, а также дѣвицъ изъ вольноотпущенныхъ. Убѣжденъ, что не ускользнуть отъ пронизательности вашего величества пять сверхъ комплектныхъ дѣвицъ въ послѣднемъ спискѣ. Ихъ, какъ мнѣ сказали, побудили принять настоятельныя просьбы ихъ родителей, предпочитающихъ воспитаніе, даваемое дѣтямъ разночинцевъ ихъ собственному: четыре дѣвицы—дочери офицеровъ, а пятая—дочь актера Дмитревскаго. Не знаю, разрѣшите-ли это ваше величество, такъ какъ этотъ первый примѣръ можетъ заставить опасаться большихъ злоупотребленій въ будущемъ.

Согласно съ соображеніями, выраженными въ письмѣ Фальконета, отданы были надлежащія приказанія и въ недавнемъ времени повторены; ваше величество по возвращеніи своемъ изволите рѣшить на счетъ мѣста. Не осмѣливаюсь присоединить къ письму подробныя описанія церемоній пріема въ Академію Художествъ шестидесяти мальчиковъ, такъ какъ описанія эти слишкомъ длинны.

Приписка, сдѣланная другою рукою. Дѣло сдѣлано ваше величество; мое сердце подчиняется вашимъ приказаніямъ. Оно перестало биться, но прыгаетъ отъ радости. Я не удивляюсь болѣе тому, если голова идетъ кругомъ у лицъ, которымъ ваше величество дѣлаете честь удостоивать своими письмами. Въ ту минуту, что говорю съ вами, я не ручаюсь за свою голову. Здѣсь удивляются легкости и непринужденности вашего слога и стыдятся, что сами не въ состояніи писать точно такъ же; между прочимъ вице-канцлеръ говоритъ

что былъ бы счастливъ имѣть секретаря, который писалъ хотя бы на половину хуже. Мы ходимъ всякое воскресенье къ обѣдни и стоимъ смиренно, спокойно какъ ваше величество насъ пріучили. Не правда-ли государыня, что я права; нашъ ребенокъ пятилѣтній для своихъ лѣтъ очень милый ребенокъ; все ли попрежнему овладѣваетъ онъ вашими вязальными иглами. Чтобы вполне походить на ворону извѣстной басни, моему карканью не достаетъ кусочка сыра. Единственно по ошибкѣ въ послѣдній разъ вашему величеству послали четыре тома, такъ какъ два—«Исторія Англіи» были излишними.

5.

Сего 25-го мая.

Всемиловѣйшая государыня! Изъ трехлѣтняго опыта надъ старшими воспитанниками въ Академіи Художествъ ваше величество усмотрите, что имѣются большія надежды на успѣхъ остальныхъ, изъ числа переведенныхъ изъ Кадетскаго корпуса. Меня до безконечности льститъ, что всѣ предпріятія моей самодержицы исполняются по ея желанію. Признаюсь откровенно, что сначала не было ни малѣйшей надежды въ отношеніи первыхъ. Вотъ однако что мнѣ пишетъ Кокориновъ и инспекторъ, такъ какъ только при выпускѣ все обнаруживается: «Не могу оставить донести, что Академія учтивствами и снисхожденіемъ его пр. И. Ѳ. Глѣбова и П. Д. Еропкина весьма довольна, которые по довольному примѣчанію, видя хорошіе поведенія и поступки выпускающихся учениковъ, поручали мнѣ изъ оныхъ рекомендовать каждому по одному для обученія дѣтей ихъ. Представя имъ столъ съ самими, квартиру, всѣ услуги и жалованья на какое согласны будутъ.»—(Этимъ уже очень много достигнуто Всемиловѣйшая государыня, большое поощреніе для остальныхъ).—Три пансіонера, которые удостоились прошлаго года получить золотыя медали, а именно: живописецъ Гриневъ, скульпторъ Шубинъ и архитекторъ Ивановъ на будущей недѣлѣ отправятся на легкомъ кораблѣ съ прочими пассажирами прямо въ Голландію.—Старшая дочь графа П. Гр. Чернышева, будучи въ Академіи, общала мнѣ прислать для посмотрѣнія сдѣланный ею проектъ дому со всѣми раздѣленіями, а изъ сего думаю, что сіе съ намѣреніемъ видѣть какъ отзовемся; можетъ быть что сообщество Академіи для такой знатной дѣвicy и лестно.

Гг. воспитанники 5-го класса дѣлаютъ мнѣ честь приходить ко мнѣ по отдѣленіямъ, по очереди, всякое воскресенье обѣдать и проводить часть дня на инспекціи. Смѣю завѣрить, что невозможно лучше вести

себя какъ они; я самъ въ восторгѣ. Три пансіонера, которые поѣдутъ, кромѣ рекомендабельныхъ писемъ отъ Академіи и вашего величества къ Дидеро и де-Лаливъ, имѣютъ еще и другія письма, которыя я имъ далъ къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, очень почтеннымъ, совѣты и указанія которыхъ будутъ имъ очень полезны, какъ въ отношеніи частной жизни вообще, такъ и для установленія разумной экономіи въ расходахъ, чтобы одинъ рубль въ карманѣ могъ замѣнить три; это самое существенное для иностранцевъ въ неизвѣстныхъ имъ странахъ.

Письмо мое вышло слишкомъ длинно; я не смѣю долѣе утруждать ваше величество.

6.

Сего 6-го іюня

Всемилолюбивѣйшая государыня! Приказаніе о татарскомъ языкѣ, присланное изъ Казани отъ 30-го числа, будетъ передано въ подлинникѣ въ совѣтъ корпуса для неуклоннаго исполненія.

Сѣмена овощей и другихъ садовыхъ растений, съ указаніями какъ ихъ воздѣлывать, пойдутъ въ дѣло въ свое время, т. е. осенью. По предположеннымъ правиламъ изъ дѣтей воспитательнаго дома должны современемъ выходить въ достаточномъ количествѣ отличные садовники; объ этомъ будутъ увѣдомлены дворянскія общества. Надо признаться, что ваше величество заботитесь о всемъ, и мы до сихъ поръ бы не знали воздѣлыванія зелени и овощей, безъ которыхъ нашъ обѣденный столъ былъ бы довольно плохъ; этому никто не повѣритъ.

Сынъ оренбургскаго губернатора будетъ принятъ въ корпусъ, если только онъ будетъ доставленъ какъ можно скорѣе, такъ какъ приказаніе о его приѣмѣ будетъ дано завтра же.

Ахъ, всемилолюбивѣйшая государыня, какъ я недоволенъ управленіемъ корпуснаго совѣта! По истинѣ ихъ образъ мыслей унижаетъ ихъ и дѣлаетъ имъ стыдъ. Только одинъ г. Эмме смотрять на дѣло правильно, понимаетъ и судить разумно о всѣхъ вашихъ правилахъ и постановленіяхъ, что ваше величество изволите, по возвращеніи своемъ, усмотрѣть и сами изъ особаго мнѣнія, поданнаго имъ по поводу доклада его членовъ-сослуживцевъ, который я только-что получилъ. Кромѣ того, я случайно прочелъ въ газетахъ позорное объявленіе, которое они сдѣлали относительно учителей иностранныхъ языковъ: (что имъ стоитъ только показаться въ корпусъ, чтобы быть принятыми). Возможно ли себѣ представить, чтобы послѣ всего сказаннаго и повтореннаго во всѣхъ уставахъ, инструкціяхъ и правилахъ, утвержденныхъ вашимъ

величествомъ, о томъ, какое важное значеніе должно придавать выбору подобныхъ лицъ, они могли бы смѣшать ихъ съ простыми мужиками, длиннобородыми плутами и тому подобными лицами, о чемъ я буду имѣть честь доложить вашему величеству. Я далъ имъ, по секрету, знать, чтобы они были осторожнѣе и не торопились.

Прилагаю при семъ одно письмо, полученное отъ г. Молина ¹⁾ и отъ дѣвицы, а также ящикъ съ двумя дынями и арбузомъ. Мнѣ сообщаютъ, (хотя пока это и не совсѣмъ достовѣрно), что въ монастырѣ все идетъ хорошо, хотя тамъ было болѣе 60-ти больныхъ, какъ въ благородномъ, такъ и въ мѣщанскомъ отдѣленіяхъ, изъ числа которыхъ умерло двое; онѣ были изъ числа послѣдніе принятыхъ.

7.

Сего 12-го іюня.

Всемиловѣйшая государыня! Тысячу разъ извиняюсь, ваше величество, если не въ состояніи выразить все, что мои мысли и размышленія представляли моему уму въ ту минуту, какъ я окончилъ читать ваше, чрезвычайно любопытное, письмо къ Вольтеру. Образъ мыслей и возвышенные философскіе взгляды, выражаемые вами, приводятъ въ восторгъ до удивленія и, конечно, дадутъ еще болѣе высшія понятія, чѣмъ доселѣ имѣлись о прекрасномъ геніи и еще болѣе о благородствѣ и скромности вашей прекрасной души. Чтобы убѣдиться въ правильности моего сужденія, позволю себѣ нескромность (что бы на это ни говорила моя повелительница) прочесть это письмо всѣмъ, (могущимъ) умѣющимъ слышать.

Хотя лицу себя счастьемъ послѣзавтра увидѣть ваше величество, по вашемъ возвращеніи сюда, тѣмъ не менѣе посылаю при семъ персики и вишни въ двухъ пачкахъ. Это только-что полученные фрукты изъ Москвы.

8.

С.-Петербургъ, сего 26-го мая, 1768 года.

Всемиловѣйшая государыня! Состояніе моего здоровья въ продолженіе почти трехъ недѣль не дозволяетъ мнѣ отправлять обязан-

¹⁾ Молина—вѣроятно баронъ Осипъ Ивановичъ де-Молина, почетный любитель вашей Академіи Художествъ (см. Адресъ-Календаръ на 1767 г. стр. 102).

ности, на меня возложенны. Во избѣжаніе отвѣтственности не передъ Богомъ, видящимъ глубину моей души и всѣ сокровенные пути моего сокрушеннаго сердца, но передъ вашимъ императорскимъ величествомъ и всѣмъ обществомъ—этимъ строгимъ судьей—осмѣливаюсь представить почтительнѣйше, всемилостивѣйшая государыня, о необходимости назначить кого-либо другого для завѣдыванія всѣми дѣлами, на меня возложенными. Это тѣмъ болѣе необходимо, чтобы ничто не пострадало и что дѣло идетъ о чести и славѣ вашего императорскаго величества. Дозвольте, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ съ глубочайшимъ уваженіемъ и полнѣйшею покорностью, до послѣднихъ минутъ моей печальной жизни, дерзать считаться вашего величества преданнѣйшимъ и ревностнѣйшимъ слугою.

Р. S. Господинъ Польманъ, сообщившій мнѣ указъ вашего величества, котораго я считаю честнымъ человѣкомъ, можетъ по совѣсти представить вашему императорскому величеству о положеніи, въ которомъ я нахожусь, а также графъ Минихъ и князь Голицынъ, вице-канцлеръ, видѣвшіе меня недавно. Запечатывая это письмо я получилъ еще изъ Парижа при семъ прилагаемыя письма.

9.

С.-Петербургъ, сего 19-го января 1776 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Первое мое раченіе—исполнить мою обязанность—написать вамъ. Поэтому сообщу вамъ, что если небу угодно услышать мои моленія о благополучномъ путешествіи и возможно скорѣйшемъ возвращеніи вашемъ, то моя всемилостивѣйшая государыня будетъ вполне удовлетворена и не будетъ ничего имѣть, чего бы пожелать для ея полного спокойствія, благополучія и славы. Приготовленія къ путешествію и самый отъѣздъ вашего величества воспрепятствовали вамъ дать мнѣ положительныя приказанія по моему докладу о постройкѣ для генерала Потемкина (это самое первое дѣло, съ котораго я долженъ начать, чтобы все просохло къ его приѣзду), а также по докладу объ основномъ капиталѣ банка для содержанія общества благородныхъ дѣвицъ, оставшемуся также неутвержденнымъ вами.

Предъ отъѣздомъ вашему величеству угодно было благосклонно мнѣ заявить, что вы будете ходатаемъ бѣдныхъ московскихъ дѣтей передъ императрицею; приѣмлю смѣлость вамъ напомнить эти утѣшительныя слова.

Но благополучіе этихъ несчастныхъ зависить отъ образа дѣйствія

поставленныхъ надъ ними лицъ. Какую любовь, какое рвеніе, какое мужество и какое безкорыстіе будутъ проявлять новые попечители въ этой важной отрасли управленія, если заслуги прежнихъ опекуновъ останутся безъ вознагражденія, несмотря на торжественныя обѣщанія, обнародованныя по всей имперіи. Всемилостивѣйшая государыня, я чрезвычайно опасаюсь, чтобъ отвращеніе дѣлать добро не истребило бы въ нихъ великодушное соревнованіе быть полезными отечеству, содѣйствуя благотворнымъ предположеніямъ вашего величества для ея народовъ. Это основательное замѣчаніе достойно сердца и души такой монархини, какъ ваше величество, и смѣю предполагать, что она удостоитъ оное своимъ вниманіемъ. Это, впрочемъ, милость, которую я ожидаю отъ ея материнской доброты.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ, вашего императорскаго величества покорнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ слугою и подданнымъ.

10.

С.-Петербургъ, сего 27-го января 1775 года.

Всемилостивѣйшая государыня! Всѣ ваши заведенія, благодаря Бога, пользуются добрымъ здравіемъ. Мы даемъ представленія и концерты какъ можно чаще. Но ничто насъ не утѣшаетъ отъ отсутствія нашей всемилостивѣйшей монархини. Я полагаю, ваше величество, что молодому человѣку ¹⁾, о которомъ идетъ рѣчь, не хорошо тамъ,

¹⁾ Словами молодой человѣкъ, господинъ, маленькій господинъ и т. д. несомнѣнно, означается, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, ребенокъ, послѣдствіи извѣстный подъ именемъ Алексѣя Григорьевича Бобринскаго. Онъ родился, какъ видно изъ записки Екатерины II, апрѣля 11-го числа 1762 года и отданъ на попеченіе гардеробмейстера императрицы Шкурна (См. Кобеко „Исторія Павла“, стр. 10), въ семействѣ котораго и росъ до 1775 года, не имѣя точно опредѣленнаго прозвища или фамиліи. Объ этомъ вопросъ возникъ уже послѣдствіи, когда младенецъ сдѣлался отрокомъ и перешелъ въ заведеніе Бецкаго. Изъ писемъ сего послѣдняго къ императрицѣ видно, что вопросъ этотъ обсуждался довольно долго. Что же касается матеріальнаго обезпеченія новорожденнаго, то объ этомъ Екатерина II подумала весьма скоро. Уже въ 1763 году, чрезъ посредство дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Сергѣя Васильева Гагарина, было куплено для императрицы у подпоручика Николая Ладыженскаго въ Тульской губерніи въ Епифановскомъ уѣздѣ село Спасское, Бобринки тожъ, съ селомъ и деревнями за сто тысячъ рублей, которые и уполнены изъ Кабинета Дворцовой Канцеларіи (см. дѣло „Госуд. Архива“, XIV, № 209). Эта Бобринковская волость, вмѣстѣ съ другою, Бого-

гдѣ онъ находится. Вслѣдствіе этого, онъ, въ скоромъ времени, переселится ко мнѣ, дней на десять, чтобы его помѣщеніе просохло и находилось бы въ благопріятныхъ условіяхъ, какъ относительно чистоты воздуха, такъ и остьального. Князь мнѣ повторилъ это еще вчера, возвращаясь отъ себя, и сверхъ того добавилъ, что онъ (молодой человекъ) слабого тѣлосложенія. Я замѣчаю также и самъ, заставляя его посѣщать театры и собранія, что онъ очень застѣчивъ и боязливъ; я его сожалею, но, впрочемъ, надѣюсь, что его здоровье укрѣпится и, соотвѣтственно съ этимъ, онъ сдѣлается развязнымъ. Но на это надо время, чтобы я могъ принять надлежащія мѣры. Мнѣ сообщенъ былъ прилагаемый при семъ инвентарь его имущества. Ваше величество усмотрите изъ онаго, что онъ, во всѣхъ отношеніяхъ, не богатъ. При семъ прилагаю также письмо герцога Браганскаго, только-что мною полученное.

Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ вашего величества покорнѣйшимъ и низжайшимъ изъ вашихъ подданныхъ.

11.

С.-Петербургъ, 2-го февраля 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Возможность принести и вамъ мои поздравленія по поводу быстрого путешествія вашего, является для меня утѣшительнымъ средствомъ къ облегченію сожалѣнія о вашемъ отсутствіи. Веселый и довольный тонъ вашего письма доказываетъ мнѣ ощущаемое вами удовольствіе. Говорятъ также, что на каждой станціи, отсюда до Москвы, остаются памятники вашей благотворительности; отъ всей души поздравляю васъ; я испытывалъ неописанное удовольствіе. Хотя Москва не что иное, какъ Испанья, вполне справедливо, однако, что ваше величество находите свой дворецъ удобнымъ, и что онъ вамъ нравится. Но я сомнѣваюсь, что присутствіе ваше преобразуетъ городъ. Сובлагодите, всемиловѣйшая государыня, принять мои почтительнѣйшія благодаренія за всѣ тѣ лестные отзывы, которыми

родицкою, поручены были тогда же въ завѣдываніе упомянутому выше князю Гагарину и въ то время заключали въ себѣ: первая волость — 3.578 душъ (1.694 тягла), а Богородицкая — 11.583 души (5.806 тяголъ), причемъ на тягло приходилось 15 десятинъ земли. Доходы съ этого имѣнія раздавались по закладнымъ на проценты равнымъ лицамъ (см. дѣло „Госуд. Архива“ X, № 316), которыя, конечно, не всегда исправно платили проценты и еще менѣе исправно возвращали капиталы.

вашему величеству угодно было меня удостоить относительно воспитательнаго дома Фениксъ, возникающій изъ пепла, является дѣломъ вашего состраданія. До чего домъ былъ бы доведенъ въ настоящее время! быть можетъ, вмѣсто того, чтобы быть доведеннымъ только до трети, онъ былъ бы совсѣмъ оконченъ, если бы не тормозили всячески, не тревожили и не дѣлали всякаго рода затрудненій, ежеминутно, всякими ухищреніями. Такъ какъ ваше величество предъ отъѣздомъ дозволили мнѣ писать всю правду и говорить вамъ все, то я слегка воспользуюсь этимъ въ слѣдующемъ письмѣ. Не стану домогаться видѣть затменіе, которое мнѣ предсказываетъ ваше величество, какое бы хорошее мнѣніе я ни имѣлъ о новомъ строеніи, потому что я почти убѣжденъ и по многимъ причинамъ, что оно въ состояніи выдержать блескъ, не будучи затменено. Совершенная правда, ваше величество, что я не получалъ никакого указа объ основномъ капиталѣ банка, такъ какъ г. Козьминъ, уѣзжая, завѣрилъ меня, что указъ еще не подписанъ.

Здоровье г-жи де-Лафонъ гораздо лучше; я очень этимъ доволенъ. Не замедлю съ большимъ стараніемъ исполнить любезное порученіе вашего величества. Припоминаю по этому поводу, что однажды г-жа дю-Барри послала четыре поцѣлуя Вольтеру, который сказалъ: «я умру при первомъ»; и, однако, онъ только десятью годами старше меня, и чтобы мнѣ помолодѣть, мнѣ придется дать двѣнадцать разъ пятьдесятъ поцѣлуевъ очаровательнымъ дѣвицамъ. Чего бы это ни стоило, я готовъ подвергнуться еще большей опасности, повинуюсь приказаніямъ моей государыни. Графъ Орловъ долженъ быть теперь въ Ригѣ; я письменно сообщилъ ему о милостивомъ вниманіи къ нему вашего величества. Графъ Минихъ принялъ съ почтительнѣйшею признательностью доказательство памяти о немъ его августѣйшей государыни. Что же касается дѣвицы N, я не могъ уловить смысла ея простонароднаго говора; она принимаетъ смѣлость сама объясниться. Присоединяю при семъ письмо князя Голицына, изъ Гааги, съ каталогомъ встамповъ, а также семь набросковъ рисунка герба для извѣстнаго лица, ¹⁾ которое переѣдетъ отъ меня въ корпусъ на слѣдующей недѣлѣ.

Получивъ ваши приказанія, я начну съ сегодняшняго дня строить аттикъ, а не мѣшанину надъ комнатами генерала Потемкина, какъ ваше величество усмотрите изъ прилагаемыхъ чертежей.

Остаюсь съ покорностью вашему величеству нижайшій и вѣрнѣйшій подданный.

1) А. Г. Бобринскаго.

12.

С.-Петербургъ, 10-го февраля 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Послѣднимъ письмомъ отъ 1-го числа сего мѣсяца ваше величество изволите подтверждать мнѣ, что вамъ лучше. Продолжайте, ваше величество, сообщать намъ всегда такія же удовлетворительныя извѣстія. Будьте увѣрены, всемиловѣйшая государыня, что, отдавая мнѣ справедливость, вы изволите найти, что никто на свѣтѣ съ бѣльшею горячностью не желаетъ вамъ здоровья и не интересуется имъ, какъ я. Нахожу, что извѣстный намъ молодой чело-вѣкъ по своему характеру кротокъ, а по своей послушности—достоинъ любви. Но по какому-то предопредѣленію ему не довелось ранѣе попасть въ хорошія руки. Его робость, его невѣжество, его простой образъ мыслей возбуждаютъ жалость; всѣ его познанія ограничиваются французскимъ и нѣмецкимъ языками, немногимъ изъ ариметики и очень малымъ изъ географіи. Нечувствительный ни къ чему, не обнаруживая ни къ чему привязанности, ничто его не трогаетъ; разсѣянный, почти ничего не говорящій, безъ малѣйшей живости, охотнѣе спать. Если намъ удастся когда-либо сдѣлать его развязнымъ,—что я и надѣюсь,—все будетъ достигнуто. Впрочемъ, онъ обладаетъ довольно красивою наружностью, имѣетъ нѣчто благородное въ себѣ. Весь день онъ со мною; я его вожу повсюду, стараясь, если возможно, привести его въ движеніе. Черезъ два дня я сдамъ его въ руки гувернера. Будьте увѣрены, ваше величество, что я ни на минуту не потеряю его изъ вида. Я называю его теперь Александръ Григорьевичъ, а по-французски м-г В. (Г. Б.) или просто В. Если вашему величеству угодно это одобрить—мы на этомъ и остановимся до дальнѣйшаго приказанія. Г. Шкуринъ передалъ мнѣ двѣ маленькія табакерки, золотой крестъ, кольцо и пару брильянтовыхъ запонокъ для рукавовъ.

Я все возвращаюсь къ прежнему; чрезъ шесть мѣсяцевъ станемъ говорить иначе. Надѣюсь, что ваше величество останетесь довольны. Прилагаю при семъ письмо г. Левшиной и два чертежа галлерей: одинъ—въ настоящемъ ея видѣ, а другой—въ томъ видѣ какъ предполагается ее отдѣлать. Если вашему величеству угодно одобрить, то эта передѣлка будетъ совершена между прочимъ и съ цѣлію сдѣлать нѣсколько тоньше самую стѣну, потому что если необходимо должно поставить колонны, то стѣна будетъ неизбѣжно вдвое толще, начиная съ основанія до карниза, который, будучи пересѣченъ исходящими углами надъ каждою колонною, будетъ представлять очень скверный видъ.

Я получилъ чрезъ г. Козьмина копию съ указа относительно воспи-

тательнаго дома въ Москвѣ, за который приношу мою искреннѣйшую благодарность. Последнюю субботу я передалъ герцогу Браганскому все что вамъ угодно было мнѣ приказать; я полагаю, что ничто на свѣтѣ не можетъ ему польстить болѣе.

Имѣю честь быть съ покорностію вашего императорскаго величества почтительнѣйшій изъ подданныхъ.

13.

С.-Петербургъ сего 17 февраля 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Глубоко тронуть любезнымъ приглашеніемъ вашего величества на маскарадъ, мысль эта очаровательна. Но хотя и невѣжливо, но разрѣшите мнѣ отказаться отъ этого удовольствія и притомъ по слѣдующей причинѣ. Наши ежедневныя представленія не заслуживаютъ презрѣнія; по крайней мѣрѣ мы не задохнемся въ нихъ. Ваше величество очень хорошо избрали 7-е число, пятое было бы слишкомъ замѣтно. Я долженъ теперь составить описаніе, чтобы помѣстить въ грамоту, которую буду имѣть честь прислать вашему величеству; въ двухъ полученныхъ мною проектахъ ея слишкомъ много болтовни, чтобы не сказать просто галиматѣи. Вашему величеству угодно знать, примѣтилъ ли я въ извѣстномъ господинѣ ¹⁾ здравый смыслъ; вотъ мой на это отвѣтъ. Чтобы вполнѣ узнать природный его характеръ, склонности и вкусъ, а также его расположеніе, возникающія въ немъ страсти, его умъ и сердце, — я держу его у себя дома вотъ уже три недѣли. Я могъ замѣтить, что онъ довольно учтивъ, и даже внимателенъ къ тѣмъ, кому надлежитъ; характеръ его не развитъ еще, но въ немъ кроется большая доля самолюбія и явное предрасположеніе къ дворянству, при чемъ онъ считаетъ ни во что все не принадлежащее къ сему послѣднему. Онъ обладаетъ большою проницательностію и очень живымъ понятіемъ; его умъ быстро и хорошо схватываетъ мысли. Онъ вѣтренъ и думаетъ совсѣмъ о другомъ, когда съ нимъ говорить, онъ имѣетъ видимую склонность къ военной службѣ. Что же касается его вкусовъ, его забавъ, его возникающихъ страстей и его привязанностей къ тѣмъ, къ которымъ онъ имѣетъ преимущественное расположеніе — то ко всему этому я замѣтилъ у него только полное равнодушіе, какъ и ко всему остальному. Онъ не дѣлаетъ никакихъ дѣтскихъ шалостей, онъ говоритъ не какъ ребенокъ, но скорѣе разсудительно; хочетъ всегда спорить и быть пра-

¹⁾ А. Г. Бобринскомъ.

вымъ, даже въ отношеніи лицъ умудренныхъ уже годами, опытомъ и ученіемъ. Онъ обладаетъ невѣроятнымъ расположеніемъ къ критицѣ и къ насмѣшкѣ, а также безчисленными предубѣжденіями противъ другихъ народовъ. Вотъ, всемилостивѣйшая государыня, вѣрное описаніе всего хорошаго и дурнаго въ немъ мною замѣченнаго, хорошее—у него отъ природы, все же худое является слѣдствіемъ дурнаго воспитанія, ему даннаго; въ немъ задушили хорошія побужденія его органовъ, чтобы сдѣлать машину обыденнаго послушанія. Но зло не безъ исправленія. Такъ какъ образъ его жизни въ настоящее время является совершенною противоположностію тому, который заставляли его вести ранѣе, то онъ становится внимательнѣе и болѣе разговорчивымъ и приобретаетъ повидному болѣе уваженія къ другимъ. Онъ теперь имѣетъ гораздо болѣе упражненій. Изъ опасенія, чтобы онъ не сдѣлался баловнемъ у меня въ домѣ (онъ постоянно играетъ и бѣгаетъ съ дѣвцею N по залѣ и въ саду). Я вручаю его послѣ завтра гувернеру, который, стараясь возбудить въ немъ любопытство ума и чувствительность сердца, сдѣлаетъ изъ него достойнаго человѣка; на эти два предмета, отъ которыхъ зависятъ познанія ума и качества сердца, не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Въ немъ заглушили природную живость, а потому при очень маломъ движеніи и очень большой ѣдѣ, кровь у него скопилась въ такой мѣрѣ, что онъ почти ежедневно, разъ десять, имѣетъ кровотеченія изъ носу. Графъ Миннихъ завтра же напишетъ по поводу двухъ экземпляровъ Энциклопедіи. Прилагаю при семъ описаніе, сдѣланное Мартинелли и нами рассмотрѣнное; безъ скорой помощи нельзя будетъ ничего потомъ сдѣлать. Ваше величество на столько владѣете итальянскимъ языкомъ, что мнѣ нѣтъ надобности переводить это описаніе. Остаюсь съ покорностію послушнѣйшій и нижайшій изъ слугъ вашего императорскаго величества.

14.

С.-Петербургъ, сего 20 февраля 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Послѣднимъ письмомъ моимъ отъ 17 числа сего мѣсяца я имѣлъ честь увѣдомить ваше величество, что извѣстный намъ маленькій господинъ будетъ переданъ въ руки гувернера—что и совершится немедленно по окончаніи сего письма. Онъ меня очень трогаетъ, онъ имѣетъ способности. Жду съ нетерпѣніемъ результата его опредѣленія въ корпусъ и на слѣдующей недѣлѣ буду имѣть честь прислать вамъ росписаніе его занятій для одобренія вашимъ

величествѣмъ. Вчера дѣвицы общества давали спектакль всей англійской компаніи и иностраннымъ негоціантамъ. Несмотря на то, что никто другой не допускался, было болѣе 400 человекъ — никогда спектакль вашего величества не былъ такъ многочисленъ; первую пьесю шла испанская комедія въ пяти актахъ: «Честолюбецъ и Нескромная», потомъ комическая опера: «Колдунъ», съ новымъ очаровательнымъ балетомъ; актрисы слѣдовательно были очень одушевлены. Дѣвица Пассекъ, игравшая роль «Нескромной», отличалась на славу; можно сказать, что она сыграла свою роль какъ прекрасная актриса. Во всѣ дни недѣли у насъ идутъ спектакли: кромѣ придворныхъ, въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, въ кадетскомъ корпусѣ и въ академіи. Здѣсь ходитъ весьма пріятный слухъ, будто вы изволили получить ратификацію отъ Высокой Порты въ надлежащемъ, законномъ видѣ. Имѣю честь принести по этому случаю мои искреннѣйшія поздравленія вашему величеству, тѣмъ болѣе что въ этомъ отношеніи было большое сомнѣніе. Прощайте всемилоствѣйшая государыня, будьте здоровы, всегда довольны, веселы; это единственное желаніе, которое я имѣю на этомъ свѣтѣ, вмѣстѣ съ другимъ — быть очевидцемъ вашего пріѣзда, потому что томлюсь отъ нетерпѣнія броситься къ стопамъ вашимъ, не какъ монархини, но какъ дамы во всѣхъ отношеніяхъ очень любимой. Какъ жаль что не могу скинуть съ костей моихъ лѣтъ 20 или 30; вы бы надѣлали дѣлъ съ вашимъ весьма преданнымъ и весьма вѣрнымъ поклонникомъ!

При семъ прилагается небольшая записочка отъ дѣвицы ¹⁾).

15.

С.-Петербургъ, 23 февраля 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Милостивое, остроумное и очаровательное письмо ваше отъ 16 числа сего мѣсяца, наполненное шутокъ и по истинѣ блестящихъ мыслей, заставляетъ меня все болѣе и болѣе удивляться быстротѣ вашего разума. Отчего нѣтъ у меня таланта отвѣчать на нихъ? Ваше величество увидѣли бы, что вашъ покорнѣйшій слуга преисполненъ рвенія проявить всѣ свои способности въ такой мѣрѣ, чтобы доказать, что я не люблю отставать отъ другихъ. Да, всемилоствѣйшая моя государыня, я начинаю догадываться, что вашему величеству угодно, чтобы я праздновалъ также 10 іюля во всѣхъ нашихъ заведеніяхъ. Если это вѣрно — исполнимъ это какъ сможемъ. Не думайте, ваше вели-

¹⁾ Этого приложенія нѣтъ въ дѣлѣ, но очевидно это записка Соколовой.

чество, мы большіе пріятели съ господиномъ, онъ находится теперь въ своей средѣ, въ корпусѣ; я все устроилъ, все сказалъ и все сдѣлалъ, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, соотвѣтствующій желаніямъ вашимъ. Повторяю еще разъ: черезъ шесть мѣсяцевъ мы поговоримъ объ этомъ положительнымъ образомъ. Я сдѣлаю новую стѣну въ галлерей во всемъ по приказанію вашему; но какъ мнѣ поручиться, что стѣна просохнетъ къ вашему пріѣзду, сдѣлавшись вдвое толще, чѣмъ ей надлежало быть. Масляница въ корпусѣ закончилась маскарадомъ, на которомъ былъ также маленькій господинъ, среди болѣе двухсотъ кадетъ, замаскированныхъ различнымъ и смѣшнымъ образомъ, не считая корпусныхъ гувернеровъ и гувернантокъ изъ общества дѣвицъ. Дозволенные вольности, разрѣшаемыя передѣвваніемъ, шалости дѣтства и юношества, веселость и живость—спутники этихъ возрастовъ,—живописное положеніе каждой маски, постоянно мѣняющіяся декораціи, изображавшія послѣдовательныя превращенія, одно необычайнѣе другаго, но всѣ состоявшія однако изъ соотвѣтствующихъ картинъ, по истинѣ смѣшныхъ, по ихъ противопоставленіямъ,—производили волшебное впечатлѣніе, которое невозможно описать. Чтобы получить обо всемъ этомъ понятіе, необходимо было лично присутствовать и видѣть. Впрочемъ я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что среди шумнаго праздника дѣти не забывали оказывать вниманіе и уваженіе должныя полу, раздѣлявшему съ ними невинныя забавы. Я самъ два раза переряжался, чтобы все видѣть вполнѣ.

Имѣю честь быть какъ всегда покорнѣйшій слуга вашего императорскаго величества.

16.

марта 1775 (?).

Всемилоствѣйшая государыня! Вчера я получилъ отъ васъ два благосклонныхъ письма одно отъ 5-го марта по почтѣ, другое отъ 9-го числа съ посланнымъ отъ меня нарочнымъ. На первое письмо скажу, что не буду на него отвѣчать, такъ какъ я мало смыслю въ священномъ писаніи и еще менѣе въ еврейскомъ языкѣ, тогда какъ ваше величество знаетъ ихъ отлично. Вы мнѣ возразите на это, что я глупецъ; согласенъ съ этимъ, но отъ этого я не сдѣлаю болѣе свѣдущъ. Въ отношеніи втораго письма дозвольте мнѣ, всемилоствѣйшая государыня, высказаться откровенно, принявъ сторону, молодаго человѣка, мнѣ очень близкаго къ сердцу, изъ котораго мнѣ бы хотѣлось сдѣлать нѣчто хорошее, сколько по долгу, такъ какъ онъ порученъ мнѣ, столько же и по моей личной къ нему наклонности. Доставленные ему княземъ Гагаринымъ три отчета по имѣнію

возбуждаютъ сожалѣніе. Не стану входить ни въ какія подробности по сему дѣлу; это завело бы меня слишкомъ далеко; достаточно сказать, что въ продолженіе одиннадцатилѣтняго управленія, капиталы на основаніи разсчета должны были бы удвоиться, тогда какъ теперь на дѣлѣ—они убавились на половину. Какая потеря! Мнѣ, быть можетъ, скажутъ, что эти капиталы употреблены на постройки и прочія работы. Тѣмъ хуже. Значительные расходы, сдѣланные на постройкахъ въ настоящее время, повлекутъ въ будущемъ бесполезныя издержки на ихъ содержаніе, безъ всякой пользы для владѣльца. Ваше величество мнѣ скажете, что все это не мое дѣло. Согласенъ; но по вышеизложеннымъ основаніямъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, разрѣшено будетъ желать ему (т. е. Бобринскому) болѣе значительныхъ доходовъ, которые теперь очень скромны, а при дальнѣйшемъ существованіи подобнаго управленія, если вы не изволите принять мѣръ, сдѣлаются еще худшими, несмотря на то, что помѣстья находятся въ такомъ состояніи довольства, какое встрѣчается рѣдко въ имперіи. Все это громкія слова, которыя его нисколько не обогатятъ, въ теченіе семилѣтняго пребыванія его въ корпусѣ.

Мнѣ кажется, что ослицы, посланныя Кашкинѣмъ, должны быть теперь въ Москвѣ. Очень сожалѣю о болѣзни великой княгини; я увѣренъ, что все, что ваше величество изволите по этому поводу говорить, вполнѣ согласно съ брошюрою, которую я имѣлъ честь послать вашему величеству.

Сусанна и я очень сожалѣемъ, что въ этомъ году нѣтъ весенняго времени въ Царскомъ Селѣ для вашего величества. Посылаю при семъ книгу подъ заглавіемъ: «Опыты о садоводствѣ», полученную отъ князя Голицына изъ Гааги.

Имѣю честь быть съ покорностію и уваженіемъ И. Бецкій.

Прилагаю при семъ еще, всемилостивѣйшая государыня, распisanіе занятій для молодаго господина.

17.

Сего 22-го марта 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Бѣдный Бушъ очень достоинъ сожалѣнія, какъ ваше величество изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ его прошенія; въ ожиданіи вашихъ приказаній, всемилостивѣйшая государыня, я распорядился задержать унтеръ-офицера. Онъ (т. е. Бушъ) неутѣшенъ и лежитъ съ горя въ постели, несмотря на сдѣланныя ему кровопусканія. На другой день послѣ моей послѣдней отправки

письма я получилъ рапортъ г. Кашкина, что онъ собирается послать ослицъ: но это отмѣнено. Уже дней пятнадцать какъ я не получалъ никакихъ отъ васъ извѣстій, всемилостивѣйшая государыня. Маленькій господинъ совершенно здоровъ; онъ доволенъ и веселъ. Онъ вольтижируетъ, учится танцовать и дѣлаетъ упражненія съ ружьемъ, все это очень укрѣпить его тѣло и мускулы. Онъ имѣетъ чрезмѣрную охоту отправиться на это лѣто въ лагерь съ кадетами.

Прилагаю при семъ письмо г. Левшиной. Имѣю честь быть съ почетомъ и покорностію вашему величеству.

18.

Сего 23-го марта 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Только что отправивъ вчерашнее мое письмо, я получилъ благосклонное письмо вашего величества отъ 17-го марта, на которое имѣю честь отвѣчать съ величайшимъ удовольствіемъ, такъ какъ вижу по письму вашему, что ваше величество здоровы, довольны и веселы. Одна мысль о наготѣ спутниковъ Мартини неоцѣненна; что бы подумали объ этомъ въ Константинополѣ! Я какъ нельзя болѣе въ восторгѣ, что взгляды мои совпадаютъ со взглядами вашего величества, находя также бѣлыхъ дѣвицъ любезными; еще вчера онъ проявили чудеса любезнымъ вниманіемъ и учтивостію въ отношеніи общества нѣмецкихъ гражданъ, приглашенныхъ къ нимъ на балъ. Хочу предполагать, что молодой господинъ будетъ настолько уменъ, что только свяжется съ добрымъ намѣреніемъ (т. е., вѣроятно, вступить въ бракъ законный) развѣ съ одною изъ числа ихъ; но заговоривъ о немъ я снова возвращаюсь къ старому. Неудобно ли будетъ вашему величеству окончательно рѣшить какъ его именовать, такъ какъ до сего времени его зовутъ по-русски Алексѣй Григорьевичъ а по-французски—m-g Alexis; необходимо, впрочемъ, ему имѣть прозвище, я полагаю, что коль скоро ваше величество рѣшитесь дать ему грамоту, одобренную вами, то не представится болѣе нужною еще какая-либо другая формальность, чтобы звать его просто А. Г. Бобриковъ.

Дѣвицы общества и госпожа Лафонъ съ покорностію повергаютъ себя къ стопамъ вашего величества. Что же касается урагана, который могъ бы похитить и меня, какъ вамъ угодно было выразиться, то я лучшаго ничего не желаю.

Сегодня уѣхали отсюда въ Москву графъ Лаваль-Монморанси и Фуке, два молодыхъ путешественника изъ французовъ, которые цѣлый день ничего другаго не дѣлали какъ таскались по улицамъ, то пѣшкомъ, то

въ саняхъ, разумѣется съ тѣмъ чтобы обогатить свой умъ свѣдѣніями, благодаря руководству ихъ кормчихъ, которыми были князь Долгорукій и нѣкто Бибиковъ. Я вполне приготовился и распорядился, чтобы показать имъ ввѣренныя мнѣ заведенія, академію, картинныя галлерей и т. д., но они не могли удостоить меня своимъ посѣщеніемъ въ продолженіе восьми или десяти дней пребыванія ихъ здѣсь въ городѣ, изъ чего я заключаю, что они вѣтреники, тѣмъ болѣе, что они даже не удостоили навѣстить тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые могли бы имъ дать полезныя свѣдѣнія. Сію минуточку меня извѣстили о смерти Моделя; это большая потеря, которую не скоро можно исправить. Сусанна преисполнена признательности вашему величеству за полученную отъ васъ записку. Зимній путь еще продолжается, мы ѣдимъ по рѣкѣ вдоль и поперекъ.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ вашего императорскаго величества.

P. S. Прилагаю при семъ забавное письмо, полученное изъ Дрездена отъ одной изъ дѣвицъ.

 19.

С.-Петербургъ, сего 9-го апрѣля 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Не подлежитъ сомнѣнію, что, отвѣчая на ваше послѣднее письмо отъ 31 марта, я часто отъ души радовался всѣмъ прекраснымъ и умнымъ мыслямъ, которыми изобилуетъ голова императрицы; но только вы однѣ умѣете распространять ихъ столь различнымъ образомъ. Очень радъ узнать о драгоцѣнномъ здравіи вашемъ, столь для насъ дорогое. Хотя здоровье великой княгини и беспокоитъ ваше величество, но надо припомнить, что есть и другія болѣзни, причиняющія кровохарканье, которыя и не опасны. Но у семи нянекъ дитя безъ глаза (*viele Köche verderben oft die Breu*); болѣе спокойствія организму и менѣе докторовъ принесутъ гораздо болѣе пользы здоровью молодой княгини, несмотря на всѣ разглагольствованія докторовъ. Не за тѣмъ, всемиловѣйшая государыня, извиняться за сравненіе меня съ Тома; напротивъ того, я польщенъ тѣмъ, что меня считаютъ лѣтъ 20 или 30 моложе; но къ несчастью обязанность давать вамъ отчеты о всемъ происходящемъ здѣсь заставляетъ меня такимъ образомъ говорить.

Очень радъ узнать, что маленькій господинъ будетъ впредь именоваться господиномъ Бобринскій (по-французски *monsieur Bobrinsky*) и Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій—по-русски; это рѣшено и кончено. Я

полагаю, что г. Черкасовъ долженъ еще болѣе важничать чѣмъ обыкновенно, потому что онъ выигрываетъ у вашего величества пари всякій годъ. Я очень тронутъ намѣреніемъ вашего величества посѣтить воспитательный домъ, но очень сомнѣваюсь, чтобы вы могли остаться довольными: есть множество причинъ, не допускающихъ это; повтому остается только желать этого, но не надѣяться.

Наша рѣка начинаетъ быть не надежною; вотъ почему я не былъ сегодня въ корпусѣ. Г.г. кадеты выдержали очень строгіе экзамены, продолжавшіеся болѣе трехъ недѣль. Заключаю изъ этого, что ваше величество при своемъ возвращеніи будете довольны, несмотря на всѣ препятствія, встрѣчающіяся на моемъ пути, а когда я покончу съ дѣвчанами, я буду говорить съ вами только о кадетахъ, т. е. когда будетъ наведенъ мостъ.

Такъ какъ 11-ое іюля становится днемъ знаменательнымъ, то я могу, если вы изволите признать это, кстати, въ этотъ же день приступимъ къ отливкѣ статуи Петра Великаго. Мы съ графомъ Минахомъ исполнили важное порученіе, данное намъ Сусанною; она, повидимому, очень этимъ возгордилась и даже нѣчто болѣе.

Впрочемъ, остаюсь съ уваженіемъ вашего императорскаго величества И. Бецкій.

20.

Сего 3-го мая 1775 года.

Всемилолюбивѣйшая государыня! Позавчера я получалъ отъ васъ два письма отъ 24-го и 25-го апрѣля, которыми ваше величество благосклонно меня почтили, послѣ того какъ удостоили своимъ посѣщеніемъ московскій воспитательный домъ. Я читалъ и перечитывалъ эти драгоценныя строки съ умиленіемъ. Первый мой долгъ—повергнуть къ стопамъ вашимъ (которыя я за отдаленностью не могу облобызать) выраженія моей признательности и высказать съ умиленіемъ удивленіе благотворительности вашей души, которая превышаетъ всякихъ выраженій.

Замѣчанія и мысли вашего величества о положеніи и ходѣ этого заведенія совершенно вѣрны.—Толщина мальчиковъ и дѣвочекъ въ домѣ, ихъ неловкость, непонятливость, ихъ угрюмый видъ, молчаливость доказываютъ очевидно, что до настоящей минуты не признали нужнымъ обращать вниманіе на правила физическаго и нравственнаго ихъ развитія, такъ какъ даже и въ здѣшнихъ заведеніяхъ это съ трудомъ можно ввести, заботятся только объ ученіи. Эти упущенія мнѣ извѣстны; я давно скорблю объ этомъ и употребляю все для исправленія этого; едва

ли не каждую недѣлю пишу я по этому поводу цѣлую книгу совѣту опекуновъ и главному инспектору.

Болѣзнь глазъ, блѣдный цвѣтъ лица, чахлый видъ дѣтей происходятъ отъ сырости новаго зданія; то же самое было и здѣсь въ отдѣленіи мѣщанскихъ дѣвицъ.

Такъ какъ въ Москвѣ нѣтъ живописцевъ, то воспитанника, проявляющіе очевидную способность къ живописи, будутъ присланы сюда въ Академію. Учитель танцевъ—итальянецъ, этимъ все сказано: они будутъ только скакать. Г. Есига служитъ въ домѣ только 18-ть мѣсяцевъ; должно по правдѣ сказать, ему въ похвалу, что его неусыпными трудами все перемѣнилось въ домѣ. Если ваше величество остались чѣмъ-либо довольны при посѣщеніи, то этому причиною онъ одинъ. Также и по словамъ всѣхъ постороннихъ лицъ, посѣщавшихъ домъ, надлежащій порядокъ существуетъ во всякое время. Я буду въ восторгѣ, если вашему величеству удастся застать ихъ врасплохъ, какъ вы это благосклонно изволите обѣщать.

Несмотря на сказанное мною выше, господа опекуны стараются выжить г. Есига. Я знаю источникъ зла; не легко его искоренить, но я обязанъ доложить всю правду моей государынѣ. Мнѣ остается только одно средство—привести въ движеніе такое учрежденіе, одинаково славное для царствованія вашего величества и полезное всему государству вообще и каждому изъ насъ въ особенности. Вотъ уже болѣе одиннадцати лѣтъ какъ мы имѣли иностранныхъ воспитателей, которыхъ замѣнили потомъ другими же. Настоящіе воспитатели назначены были по жребію; изъ числа болѣе 40 лицъ, желавшихъ поступить на эти мѣста, едва можно было выбрать четырехъ, признанныхъ способными къ отправленію этой уважаемой должности. И увѣ, ваше величество, съ тѣхъ поръ какъ они опредѣлены, ни одинъ изъ нихъ не проявилъ надлежащаго умѣнія; ни одинъ не постигаетъ настоящей цѣли учрежденія; ни одинъ не понимаетъ его духа; они только заботятся о личныхъ своихъ выгодахъ, ссорятся между собою и сплетничаютъ другъ на друга по привычкѣ и худому ихъ воспитанію. Мы принуждены будемъ, ваше величество, снова ихъ замѣстить другими, вводя по немногу честныхъ иностранцевъ или по крайней мѣрѣ смѣшная ихъ вмѣстѣ. Это очень печально и причиняетъ мнѣ жестокое страданіе. Чтобы дать вамъ возможность ихъ ближе узнать и доказать все, что я имѣлъ честь вамъ высказать, убѣдительно прошу ваше величество принять на себя трудъ прочесть двѣ прилагаемыя при семъ копіи съ моихъ двухъ предписаній, посланныхъ съ этою же почтою, изъ коихъ одно—совѣту, а другое—непосредственно наставникамъ. Вы будете знать, какимъ недостойнымъ образомъ они поступаютъ и какое мнѣ съ ними постоянное мученіе. Они довели меня до крайности. Отвѣтъ, данный вамъ г. Есигомъ отно-

сительно 5.000 младенцевъ, ошибоченъ, какъ я полагаю, съ его стороны; онъ быть можетъ хотѣлъ сказать, что болѣе 5.000 младенцевъ были отданы на вскормленіе по деревнямъ и изъ числа ихъ получили обратно около двухъ тысячъ въ домъ.

Возвращаюсь къ моимъ соображеніямъ. Вашему величеству извѣстно, что я менѣе всего царедворецъ. Вы мнѣ разрѣшите откровенно высказаться по поводу посѣщенія вами дома. Возможно ли, всемилостивѣйшая государыня, чтобы, въ продолженіе двухъ-часоваго вашего пребывания въ домъ, вы могли такъ вѣрно усмотрѣть надлежащія нравственныя и физическія соотношенія между правильнымъ воспитаніемъ и гимнастикой; разобрать заразъ основныя начала, протекающія изъ столькихъ побужденій и основаній; постичь ходъ всего учрежденія, его цѣль, средства, соотношенія, встрѣчаемыя противодѣйствія; сдѣлать замѣчанія, указать средства къ исправленію одного, не уничтожая другаго и т. д. Ваше величество должны необходимо обладать большимъ навыкомъ для отличія всѣхъ этихъ непримѣтныхъ сразу пружианъ. Отъ вниманія вашего не ускользнуло ни одно изъ нихъ, отъ высшей до самой простой — небрежности. Могу откровенно сказать вашему величеству, что ни отъ кого не имѣлъ подобнаго утѣшенія, т. е. никто, съ самаго основанія дома, не взглянулъ на него такъ ясно. Принимаю тысячи благодареній вашему величеству за милость, оказанную Демидову; я считаю это благодареніе имѣющимъ важное значеніе для успѣха заведеній и блага общества, хотя Демидовъ до катастрофы былъ преисполненъ рвенія къ дому. Кабинетъ естественной исторіи очень хорошъ, но Демидовъ обѣщалъ намъ еще многое другое. Домъ былъ бы счастливъ, если бы онъ возымѣлъ къ нему снова расположеніе.

Прошедшее воскресенье дѣвицы общества давали дворянству прелестный и оживленный балъ для общаго удовольствія, потому что даже оберъ-егермейстеръ уѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ. Князь и княгиня Голицына содѣйствовали общей веселости, такъ что всѣ были очень веселы. Все происходило съ величайшимъ приличіемъ и съ уваженіемъ должнымъ къ подобному учрежденію. Я былъ совершенно въ восторгѣ, что случается рѣдко.

Г. Бобринскій на балу не былъ, несмотря на то, что желалъ быть. Онъ совершенно здоровъ. Со слѣдующею почтою я пришлю вашему величеству первыя замѣчанія о немъ за время трехъ-мѣсячнаго пребыванія его въ корпусъ; надѣюсь вы останетесь довольны всѣми этими подробностями и его успѣхами. Остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ вашего величества.

Р. S. Только что получилъ еще письмо вашего величества отъ 25-го апрѣля, которымъ вы благосклонно спрашиваете, въ выраженіяхъ преисполненныхъ милости, не причинила ли вы мнѣ непріятности и т. д.

Не могу ничего прибавить къ сказанному мною выше, развѣ что вы разрѣшите мнѣ прямо сказать вамъ на ухо, что вы очаровательны, любезны, и что я тронуть до глубины души. Не могу сказать, чтобы Сусанна на бывшихъ празднествахъ была пышно разодѣта; напротивъ того. Она, по ея словамъ, берегаетъ лучшія свои одежды къ прїѣзду вашего величества, а пока носить все, что имѣетъ самаго стараго. Она скорѣе грустна, нежели весела, и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ вашего возвращенія. Ахъ, какъ хорошъ садъ Лефорта ¹⁾, какъ, должно быть, прїятно въ немъ гулять. Правда, ваше величество, что полиція очень хорошо организована въ Москвѣ, какъ это всѣ и признають.

21.

Сего 7-го мая 1775 года.

Всемилооставѣйшая государыня! Въ предшедшемъ письмѣ я общалъ вашему величеству сообщить замѣчанія о г. Бобринскомъ, сдѣланныя въ первые три мѣсяца пребыванія его въ корпусѣ. Прїемлю смѣлость представить ихъ при семъ вашему величеству. Правъ ли я или нѣтъ, всемилооставѣйшая государыня, — не мнѣ объ этомъ судить; но знаю одно, что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше разрѣшу участь нашего юнаго питомца, потому что пройдетъ много времени, прежде чѣмъ все будетъ окончено. А что сдѣлано, то сдѣлано. Вслѣдствіе этого дѣло столь важное, однажды оконченное, не беспокоить болѣе въ будущемъ.

Очень радъ узнать, что ваше величество изволили покинуть худой воздухъ Москвы, чтобы укрыться въ Коломенскомъ и пользоваться прогулками среди хрѣна, взаимѣнъ всего огорода; дѣйствительно, извѣстія, получаемыя нами изъ сего города, наводятъ страхъ; только и слышно, что о больныхъ или умершихъ. Вчера еще графиня Чернышева узнала о смерти своей сестры, она неутѣшна и, несмотря на свое интересное положеніе, уѣзжаетъ сегодня въ Москву.

Дѣвицы общества тронуты, превыше всякихъ словъ, постоянными милостями вашего величества; я одинъ только огорченъ. Онѣ дѣлаются

¹⁾ Въ подлинникѣ трудно съ точностью опредѣлить написано ли Lefort или Refort, то-есть Лефортъ или хрѣнъ. Въ слѣдующемъ письмѣ № 21, въ которомъ встрѣчается опять то же слово, необходимо принять, что должно читать refort — хрѣнъ, потому что, находясь въ Коломенскомъ въ 10 верстахъ отъ Москвы, нельзя гулять въ саду Лефорта подъ самую Московю. Но нѣтъ препятствій никакихъ принять въ одномъ письмѣ не четко написанное слово — за Lefort (Лефортовъ садъ), а въ другомъ за Refort — хрѣнъ.

жестокосердыми и не хотятъ, чтобы я поцѣловалъ ихъ отъ вашего имени. несмотря на приказаніе ваше. Вотъ что значить, всемилостивѣйшая государыня, быть старикомъ! Я полагалъ, что воля ваша должна заставитьъ меня помолодѣть, по крайней мѣрѣ, на время исполненія приказаній вашихъ; однако совсѣмъ нѣтъ. Я сказалъ имъ, что буду жадоваться вашему величеству и что онѣ, навѣрное, получать выговоръ. Должно признаться, что слова эти произвели премилую сцену, вызванную затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ онѣ очутились; онѣ желали исправить первое побужденіе, но не знали какимъ образомъ; я же, въ свою очередь, также отказался отъ исполненія возложеннаго на меня порученія и оставилъ ихъ въ безпокойствѣ и сомнѣніи, принесу ли я вамъ на нихъ жалобу или нѣтъ.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

P. S. Прилагаю при семъ также письмо герцога Браганскаго, которое я только что получилъ ¹⁾.

22.

Сего 21-го мая 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! По письму вашего величества отъ 20-го мая, я вижу, что Демидовъ на меня жаловался; онъ можетъ говорить, что ему угодно и даже бранить, если это доставляетъ ему удовольствіе, лишь бы онъ насъ оставилъ дѣлать дѣло. Этотъ бѣдный человекъ по-истинѣ достоинъ сожалѣнія; чѣмъ онъ богаче, тѣмъ хуже онъ окруженъ и тѣмъ болѣе досаждаютъ ему со всѣхъ сторонъ; неустанно стараются возстановить его противъ меня способами всякаго рода.

Могу по-правдѣ сказать вашему величеству, что никогда ни родители, ни публика не наслаждались съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ эти два дня, когда раздавались награды (прилагаю при семъ описаніе этого) и когда кормили бѣдныхъ несчастныхъ въ кадетскомъ корпусѣ. Это было одно изъ самыхъ прекрасныхъ зрѣлищъ, въ своемъ родѣ трогательныхъ; надо это видѣть, чтобы составить себѣ точное объ этомъ понятіе. Нравственная цѣль всего достигнутаго въ этой недѣлѣ удивительна; нѣтъ болѣе свойственнаго для внушенія чувствительности, состраданія и любви къ ближнему; это единственное средство—приобрѣсти сердце и душу преисполненными добромъ, а не педантизмомъ, лицемеріемъ и бесполезными, бездѣльными знаніями.

¹⁾ Этого письма также не имѣется въ дѣлѣ.

Какъ я доволенъ, ваше величество, что достигъ того, что могъ поставить на одну ногу всѣ три заведенія, а именно, г-жа Лафонъ—въ обществѣ двѣицъ, г. Рибасъ—въ кадетскомъ корпусѣ и Закревскій—въ Академіи Художествъ и что они другъ предъ другомъ стараются объ общемъ дѣлѣ съ рвеніемъ и неутомимымъ усердіемъ. Дай Богъ, чтобы это продолжалось; я буду вполне счастливъ и вашему величеству нечего будетъ болѣе желать. Вотъ что написалъ г. Бобринскій въ моемъ присутствіи въ продолженіе 4-хъ или 5-ти минутъ, безъ черновой.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Я позабылъ сообщить, что генераль Пурпуръ въ высшей степени доволенъ, видя, что у него все идетъ хорошо. Не благоугодно ли будетъ вашему величеству разрѣшить выдавать ему изъ суммы корпуса жалованье, присвоенное генераль-лейтенантамъ, какъ это прежде получалъ его предшественникъ, г. Брантъ.

23.

Сего 31-го мая 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Мы здѣсь находимся въ точно такомъ же положеніи, какъ и ваше величество, судя по послѣднему письму вашему изъ Братовщины отъ 22-го числа сего мѣсяца. Послѣ двухъ жаркихъ дней послѣдовали другіе десять или двѣнадцать, въ продолженіе которыхъ дулъ сѣверный вѣтеръ, при холодѣ, не позволявшемъ намъ покинуть каминъ; еще менѣе было возможно открыть окно. Только два или три дня, что мы начинаемъ дышать весеннимъ воздухомъ. Никогда не встрѣчалъ я такъ поздно весны; только завтра выставлю растенія изъ моей оранжереи послѣ девяти съ половиною мѣсяцевъ ихъ тюремнаго заключенія, болѣе продолжительнаго, нежели пребываніе младенца въ утробѣ матери.

Г-жа Сусанна будетъ имѣть смѣлость отвѣчать сама о маленькомъ садикѣ съ бесѣдкою въ концѣ. По приказанію вашего величества я куплю для г. Бобринскаго необходимыя книги и инструменты.

Да, всемилоствѣйшая государыня, мнѣ хорошо извѣстна Черная Грязь, какъ часть имущества, принадлежавшаго принцессѣ Гессенской; я тамъ часто бывалъ; это одно изъ самыхъ красивыхъ подмосковныхъ имѣній, въ верстахъ семи отъ Москвы. Князь Кантеміръ (я говорю о старикѣ) жилъ тутъ; всякое утро онъ ѣздилъ въ Сенатъ и возвращался домой къ обѣду. Такъ какъ Сусанна любитъ подобныя мѣста, то она будетъ въ восторгѣ.

Кончаю письмо, чтобы ѣхать въ общество дѣвиць и вести воспитанницъ старшаго класса (бѣлыхъ) гулять въ Лѣтній садъ.

Имѣю честь быть преисполненнымъ уваженія къ вашему императорскому величеству И. Бецкій.

24.

Сего іюня 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Такъ какъ все относящееся до г. Бобринскаго очень занимаетъ ваше величество, то присоединяю при семъ письмо, написанное имъ ко мнѣ вчера. Онъ также находился въ тотъ же день, послѣ обѣда, на маленькомъ праздникѣ, который мнѣ давали воспитанники Академіи и сами устраивали. Сегодня онъ ѣдетъ въ общество дѣвиць, чтобы присутствовать на общей репетиціи праздника, который дѣвицы устраиваютъ для публики въ честь заключеннаго мира. Графъ Левенгауптъ сдѣлалъ мнѣ вчера визитъ, и какъ онъ желалъ видѣть здѣсь все, то я устроилъ это слѣдующимъ образомъ: сегодня утромъ онъ осмотритъ картинную галерею; послѣ обѣда—поѣдетъ въ общество дѣвиць, гдѣ увидитъ повтореніе вышесказаннаго праздника; завтра утромъ—въ Академію Художествъ, а послѣ обѣда—въ кадетскій корпусъ, гдѣ кадеты покажутъ ему военныя упражненія, вольтижировку и другія гимнастическія игры, послѣ завтра, въ субботу, рано утромъ, онъ поѣдетъ въ Царское Село, а оттуда въ Петергофъ и Ораниенбаумъ, чтобы отправиться въ Кронштадтъ, откуда онъ отплыветъ въ Стокгольмъ на караблѣ, который, какъ онъ мнѣ говорилъ, уже нанятъ имъ.

Присоединяю при семъ письмо, которое Сусанна приметъ смѣлость вамъ послать; мнѣ же не на что вамъ отвѣчать. Я только что получилъ письмо отъ его превосходительства генерала Потемкина, въ отвѣтъ на мое относительно воспитательнаго дома; письмо это дѣйствительно привело меня въ восторгъ его выраженіями; ничто не можетъ быть болѣе учтиво, вѣжливо и красиво.

Имѣю честь быть съ глубочайшимъ уваженіемъ вашего императорскаго величества И. Бецкій.

25.

Сего 4-го іюня 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня. Благоклонныя пожеланія вашего величества отъ 28-го мая, преисполненыя ко мнѣ доброжелательства, по истинѣ, растрогали мою душу. «Но счастье оныхъ дѣтей состоитъ въ томъ, чтобы ваше величество внучать ихъ видѣли уже взрослыхъ, о чемъ денно и ночью оне совершенно малютца (малиться) должны, что и

дѣлають. Еще же требовать изволите о Бутурлинѣ, для чего нигдѣ не упомянуть»¹⁾). Но возможно ли на это отвѣчать вамъ. Послѣ шутивого и веселаго описанія, сдѣланнаго вашимъ величествомъ, какъ его самого, такъ и всего его потомства, ничего не остается сказать о немъ. Вы совершенно разгадали его; мы съ Сусанной очень смѣялись и восхищались высказанными вами мыслями. Не только что баллотированіе товарищей было не въ его пользу, но еще были также жалобы наставниковъ и начальниковъ на его лѣньность и медленность. Онъ невыносимъ по своему презрительному и натянутому обращенію, которое проявляетъ, давая этимъ чувствовать каждому, насколько онъ считаетъ себя выше другихъ умомъ и талантами, насколько не обращая вниманія даже на претерпѣваемыя имъ униженія въ обществѣ.

Третьяго дня дѣвицы совершили прогулку въ Лѣтній садъ съ торжествомъ и одобреніемъ весьма значительнымъ; весь Петербургъ находился при этомъ. Князь Голицынъ, майоръ Измайловскаго полка, по примѣру князя Григорія Орлова, устроилъ имъ серенаду изъ полковыхъ музыкантовъ, игравшихъ въ двухъ мѣстахъ. Будьте увѣрены, всемиловѣйшая государыня, что имя вашего величества было несчетное число разъ благословляемо непритворнымъ образомъ.

Завтра мы совершимъ большую прогулку въ Петергофъ съ дѣвцами общества, что не маловажное предпріятіе. Послѣ завтра, именно въ воскресенье, кадеты въ присутствіи публики будутъ производить военныя упражненія и продѣлають всѣ свои гимнастическія игры. Всѣ учрежденія еще до сихъ поръ чрезвычайно хлопчуть съ приготовлениями празднествъ по случаю заключенія мира.

Г. Бобринскій совершенно здоровъ, онъ былъ вчера у меня со своимъ наставникомъ въ первый разъ послѣ помѣщенія его въ корпусъ. Онъ не отправится этотъ годъ въ лагерь, онъ видитъ самъ, что еще слишкомъ слабъ, чтобы владѣть ружьемъ.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

26.

Сего 10-го іюля 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Пропшедшую субботу, 5-го числа сего мѣсяца, мы совершили съ дѣвцами поѣздку въ Петергофъ, которая была довольно продолжительна, потому что около десяти дѣвицъ,

¹⁾ Слова, отмѣченныя ковычками, были въ самомъ французскомъ оригиналѣ на русскомъ языкѣ. Мы сохранили и орфографію ихъ.

не привышихъ къ качкѣ каретъ, дорогою немного занемогли. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя вернулись съ тѣмъ же, съ чѣмъ пріѣхали, т. е. ничего не увидѣвъ, какъ напр. Шереметьева, Еропкина и играющая на флейтѣ. Чтобъ подобнаго въ будущемъ не случилось съ дѣвцами сѣраго класса, слѣдующими за бѣлыми, я прикажу устроить круглыя качели и горизонтальныя, а также роспуски, чтобъ заставлятъ ихъ двигаться во всѣхъ направленіяхъ. Вѣкъ живи — вѣкъ учись; опытъ намъ доказываетъ, что очень беспокоино дѣлать подобныя поѣздки. Последнее воскресенье кадеты дѣлали военныя упражненія въ присутствіи своихъ родителей, но изъ гимнастики, они, по случаю худой погоды, только вольтижировали. Надо надѣяться, что завтра, въ четвергъ, погода будетъ благоприятствовать дѣвцамъ, и онѣ увидятъ кадетъ во всемъ ихъ блескѣ. Я буду имѣть честь послать вашему величеству съ первымъ курьеромъ описаніе наиболѣ замѣчательнаго изъ всего, что будетъ происходить. Присутствовать будутъ единственно только дѣти всѣхъ трехъ общинъ, фельдмаршалъ и его супруга, Сусанна и графъ Минихъ. Слѣдующее воскресенье для полнаго удовольствія и окончанія нашихъ поѣздокъ, до большихъ лѣтнихъ жаровъ, мы поѣдемъ въ Царское Село, послѣ этого мы примемся ретиво во всѣхъ общинахъ за приготовленія къ 10-му іюля торжественныхъ празднованій по случаю заключенія мира, не считая еще праздника въ день св. Іоанна, являющагося до полднемъ, которое мы не можемъ избѣгнуть, не причинивъ много горя; я обязанъ подчиниться этому.

Въ предшедшемъ письмѣ я забылъ сообщить вашему величеству, что докторъ Клеркъ три дня какъ уѣхалъ къ своимъ родителямъ, въ одну изъ провинцій Франціи; я теперь въ затрудненіи, изъ какой страны мнѣ удастся получить хорошаго доктора для нашихъ заведеній.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ нашего императорскаго величества.

27.

Сего 21-го іюля 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Въ какой бы мы очутились тревогѣ, если бы о положеніи, въ которомъ вы изволили находиться, узнали какимъ-либо инымъ путемъ, а не изъ письма графа Потемкина къ фельдмаршалу и въ особенности если бы ваше величество не удостоили меня письмомъ отъ 11-го числа сего мѣсяца, написаннымъ собственною вашею рукою. Нѣтъ, всемиловѣйшая государыня, я не въ силахъ выразить овладѣвшее нами удручающее беспокойство. Признаюсь вамъ я былъ даже готовъ самъ ѣхать въ Москву; первое извѣстіе было не на-

столько удовлетворительно, чтобы меня успокоить. Слава Богу теперь мы вздохнули. Я очень воздержался, чтобы не сказать что-либо въ обществѣ дѣвицъ, во избѣжаніе воплей и рыданій, которыя неизбежно послѣдовали бы; достаточно было бы, чтобы одна изъ нихъ начала плакать, всѣ остальные послѣдовали бы ея примѣру. А я самъ куда бы дѣвался? Я дрожу еще и теперь при одной мысли. Наконецъ, всемилостивѣйшая государыня, не будемъ болѣе говорить объ этомъ, тысячу и тысячу разъ слава Богу, что вы изволили отдѣлаться однимъ только страхомъ. Впрочемъ, несмотря на все мое горе, я до того занятъ празднествами, что и не знаю какъ справиться со всѣми дѣлами. Къ счастью теперь празднества окончились къ общему удовольствію, въ субботу 19-го числа у дѣвицъ, а на другой день у кадетъ, что и было вчера.

Не посылаю вашему величеству описанія того, что представлено было изъ опасенія васъ затруднить. Извините мнѣ мое мараенье, я еще слишкомъ утомленъ и взволнованъ. Прилагаю при семъ письмо Сушанной.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Г. Бобринскій для начинающаго сыгралъ свою роль удовлетворительно, онъ вполне здоровъ.

28.

Сего 16-го августа 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Пословица говорить: какъ въ лѣсу кликнется, такъ и аукнется. Пріемлю смѣлость отвѣчать вамъ въ томъ же духѣ. Да, всемилостивѣйшая моя государыня, императрица Екатерина Алексѣевна, я имѣлъ честь получить вчера ваше благосклонное, любезное и очаровательное письмо, отъ 7 числа сего мѣсяца, въ которомъ сказано: я назначила свой отъѣздъ первымъ зимнимъ путемъ. Слава Богу! какое счастливое извѣстіе, столь пламенно желаемое! Эти слова писаны золотыми буквами; наше терпѣніе не будетъ столь томительно въ продолженіе остающихся четырехъ мѣсяцевъ. Могу засвидѣтельствовать вамъ по истинѣ, что ваше величество обрадовали этимъ весь Петербургъ, не считая обитателей учебныхъ заведеній, которые прыгаютъ отъ радости. Но позвольте, всемилостивѣйшая государыня, не будучи нескромнымъ, васъ спросить могутъ-ли обыватели города и въ особенности общество дѣвицъ льстить себя надеждой, что имъ будетъ разрѣшено выразить, столько по влеченію, сколько и по долгу, свою радость по поводу пріѣзда вашего величества, какимъ нибудь общественнымъ развлеченіемъ или празднествомъ? Я вполне

увѣренъ, что москвичи не сдѣлали бы этого съ бѣльшимъ рвеніемъ, чѣмъ здѣшніе обыватели. Имѣемъ честь принести вашему величеству наши почтительнѣйшія поздравленія по поводу беременности великой княгини; я сообщилъ это по секрету Сусанинѣ, которая обрадовалась по своему.—(Addio cara Anima mia). Прощайте милая душа моя, преклоняюсь еще ниже предъ вашимъ величествомъ, всемилостивѣйшая государыня, со всѣмъ уваженіемъ, должнымъ ея достоинствамъ и ея благосклонностямъ, побудившимъ меня писать подобнымъ образомъ; если это можетъ разсердить ваше величество, то пеняйте на себя; по истинѣ вы вскружите голову многимъ другимъ.

Сегодня и вчера я видѣлъ г. Бобринскаго; онъ совершенно здоровъ.

29.

Сего 20-го августа 1775 года.

Всемилоствивѣйшая государыня! Мнѣ кажется, что дѣлаютъ слишкомъ много чести Фальконету, опровергая его сочиненія въ послѣднемъ энциклопедическомъ журналѣ, гдѣ съ нимъ обошлись по заслугамъ, съ презрѣніемъ. Обѣщаютъ даже продолженіе статьи. Такъ какъ листки журнала не были разрѣзаны, то заключаю изъ этого, что ваше величество не прочли ихъ; приѣмлю смѣлость переслать ихъ обратно вашему величеству; быть можетъ, вы пожелаете взглянуть на нихъ. Какъ въ прилагаемомъ при семъ письмѣ, хотя и никѣмъ не подписанномъ, говорится объ особѣ вашего величества, то я не захотѣлъ упустить случая переслать его вамъ. Корабль изъ Голландіи съ ящикомъ съ тремя картинами благополучно прибылъ уже; какъ скоро получу означенную посылку, немедленно отправлю ее къ вамъ по почтѣ. Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Р. S. Г. Бобринскій совершенно здоровъ и завтра начнетъ заниматься русскимъ правописаніемъ.

30.

Сего 23-го августа 1775 года.

Всемилоствивѣйшая государыня! это письмо посылается единственно съ цѣлью почтительнѣйше увѣдомить ваше величество, что отливка конной статуи Петра Перваго будетъ происходить завтра, во вторникъ 25 числа. Горны зажгутъ завтра утромъ.

Г. графъ Алексѣй Орловъ пріѣхалъ сюда третьяго дня; сегодня онъ увидитъ собраніе дѣвицъ, а послѣзавтра кадеты произведутъ при немъ военныя ученія.

Имѣю честь быть съ почтеніемъ вашего императорскаго величества.

31.

Сего 26-го августа 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Послѣднимъ моимъ письмомъ я имѣлъ честь увѣдомить ваше величество объ ожидаемой отливкѣ статуи, которая и была произведена третьяго дня, но не вполне по моему желанію, такъ какъ металлъ прорвалъ форму во многихъ мѣстахъ, несмотря на то, что нашъ литейщикъ неоднократно предварялъ Фальконета, что стѣнка около хвоста слишкомъ тонка, (чтобъ выдержать давленіе металла и что необходимо поставить подпоры и т. д. Но онъ, Фальконетъ, никогда ничего не хотѣлъ слушать, хотя при случившемся несчастіи онъ первый потерялъ голову и, начавъ кричать: «все пропало», бросился какъ сумасшедшій, вмѣстѣ со своей Колло, бѣжать съ подмостковъ внизъ. Всѣ прочіе присутствовавшіе, а также рабочіе послѣдовали этому примѣру; всѣ пустились бѣжать, кидались другъ на друга, и подмости снизу стали качаться (выпирать). Къ счастью (потому что несчастіе могло принять большіе размѣры) всѣ они отдѣлались ушибами и ранами на рукахъ, ногахъ и головахъ; изъ числа ихъ нѣкоторые и посейчасъ въ постели. Дозволивъ открыть горнъ, я далъ совѣтъ фельдмаршалу уйти, который послѣдовалъ ему, а за нимъ и я вышелъ въ то же время; пожарные насосы, направленные въ надлежащія мѣста воспрепятствовали распространенію пожара.

Никто пока не можетъ сказать что нибудь опредѣленнаго о статуѣ ранѣе 5 или 6 дней, когда мы приступимъ къ ея раскрытію. Мнѣ хотѣлось бы ошибиться, всемиловѣйшая государыня, но мало надежды или даже вовсе ея нѣтъ на то, что статуя удалась, потому что еще вчера сынъ Фальконета хотѣлъ сверху осмотрѣть статую, но вмѣсто головы Преобразователя онъ нашелъ только одну массу металла. Бѣда эта еще поправима, но обыкновенно судятъ о цѣломъ кускѣ по образчику. Что дѣлать, надо имѣть терпѣніе. Сообшу вашему величеству о дальнѣйшемъ какъ можно скорѣе. Г. Бобринскій здоровъ; графъ Алексѣй видѣлъ его вчера въ кадетскомъ корпусѣ. Мнѣ кажется, что онъ остался доволенъ всѣмъ, что видѣлъ.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

32.

Сего 27-го августа 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Я только что получилъ письмо ваше отъ 18 августа со включеніемъ письма Сусаннѣ подметальщицѣ

(la balayouse), на которыя мы имѣемъ честь отвѣчать. Ваше величество вѣроятно уже получили ящикъ съ тремя картинами, который я долженъ былъ вамъ отправить.

Я принялъ смѣлость писать вчера вашему величеству о печальныхъ послѣдствіяхъ отливки, которая меня приводитъ въ отчаяніе. Не повѣрите, ваше величество, насколько я этимъ опечаленъ. Но что же дѣлать? Хотя терпѣніе и плохое средство, но надо къ этому прибѣгнуть и начать всю работу снова, съ тѣмъ однако, чтобы Фальконетъ не вмѣшивался въ чужое дѣло, а занимался только своимъ. Мерзкій, скаредный расчетъ и скупость побудили его взяться за дѣло, о которомъ онъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго понятія; по этому поводу можно было бы сказать многое, но я умалчиваю. Я никогда не откажу въ дружбѣ моей молодому господину; она извѣстна вашему величеству. Онъ слишкомъ сильно меня интересуеъ, чтобы усумниться въ этомъ; изъ этого, что онъ желаетъ уже моей дружбы — необходимо однако заключить о томъ, на сколько мы съ нимъ преуспѣли.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

33.

Сего 30-го августа 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Имѣю честь отвѣчать на письмо ваше отъ 24-го числа сего мѣсяца, только что мною полученное. Прошу извиненія вашего величества, быть можетъ я худо выразился; я вовсе не испрашиваю указа относительно празднованій въ заведеніяхъ; мы знаемъ сами, что должны дѣлать; я писалъ только относительно того, не имѣется ли какихъ-либо запрещеній, чтобы городъ и его жители сдѣлали торжественный пріемъ, такъ какъ, по словамъ Сусанны, вы вправѣ это воспретить.

По описанію Царицынскаго села, сдѣланному вашимъ величествомъ, можно составить картину, которую, быть можетъ, рѣшится нарисовать одна изъ дѣвицъ; очень радъ узнать, что это мѣсто можетъ разогнать скуку вашего величества, а письма Сусанны заставить ее смѣяться по временамъ; это тоже иногда выгодно. Но зато, всемиловѣйшая государыня, ваши письма, написанныя въ томъ же духѣ, доставляютъ ей тоже самое, поучая ее тому же.

Сегодня отливка была совершенно открыта; нижняя часть статуи вышла очень хорошо, безъ всякаго изъяна; осталая же часть, а именно внутренняя сторона руки, грудь, плечи, шея и голова всадника, а также шея, голова и грудь лошади и лѣвая рука всадника совершенно не вышли.

Вашему величеству это будетъ видно нагляднѣе изъ прилагаемаго при семъ рисунка, который я приказалъ сдѣлать наскоро. Все это можно передѣлать, это правда. Фальконетъ полагаетъ, что прибавка сплава, можетъ быть сдѣлана въ шесть мѣсяцевъ; я ему даю на это годъ, лишь бы только отливка удалась навѣрное. Теперь необходимо знать, что вашему величеству угодно будетъ приказать по этому предмету.

Имѣю честь быть вашего императорскаго величества.

Рекомендація—великое дѣло, всемилостивѣйшая государыня; но не взирая на то, мы съ господиномъ хорошіе пріятели. Только ваше величество одни ничего для него не дѣлаютъ.

34.

Сего 10-го сентября 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Имѣю честь увѣдомить васъ о полученіи благосклоннаго вашего письма отъ 4-го сего сентября, написаннаго на четырехъ различныхъ языкахъ, именно: итальянскомъ, русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Чтобы сдѣлать подобную шутку еще занимательнѣе, недостаетъ языка турецкаго и испанскаго. Я заставаю усиленно работать при статуѣ, чтобы всѣ спайки и проводы могли бы быть, по возможности, скорѣе опилены и сточены. Такъ какъ ихъ нѣсколько тысячъ, то на это потребуется по меньшей мѣрѣ 5 или 6 мѣсяцевъ; мнѣ очень хочется, чтобы это наконецъ кончилось, потому что, по правдѣ сказать, Фальконетъ несносный человѣкъ. Дѣвица Колло и его сынъ уѣхали во Францію три или четыре дня, послѣ того какъ были тайно обвинены отцомъ, который говоритъ, что бракъ, заключенный имъ въ Англіи, былъ недѣйствителенъ во Франціи, потому что она (его супруга, конечно), протестантка, несмотря на то, что онъ имѣетъ отъ нея двухъ дѣтей. Прилагаю при семъ письмо герцога Браганскаго, только что мною полученное ¹⁾. Ваше величество будетъ имѣть милость сообщить мнѣ, какой отвѣтъ долженъ я ему дать.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Р. S. Сусанна очень тронута милостивыми наставленіями, сообщенными ей вами относительно крупна лошади; она приметъ на себя смѣлость отвѣчать вамъ съ первымъ курьеромъ. Г-нъ Вобринскій совершенно здоровъ, упражняется очень хорошо; вотъ и все.

¹⁾ Этого письма не имѣется въ дѣлѣ.

35.

Сего 8-го октября 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Я получилъ сегодня въ полдень письмо, которымъ почтили меня ваше величество отъ 4-го сего мѣсяца; имѣю честь отвѣтить на оное съ обычною откровенностью. Да будетъ воля ваша въ отношеніи управленія имѣніями княземъ Гагаринымъ, какъ и во всемъ остальномъ. Сказанное мною, всемиловѣйшая государыня, вовсе не клонилось къ тому, чтобы имѣніями управляли опекуны, но чтобы въ случаѣ чего-либо, было бы извѣстно какъ поступать, такъ какъ при моей жизни только я одинъ долженъ ими управлять. Но какъ вашему величеству угодно было мнѣ сообщить, что крестьяне находятся въ довольствѣ, то я вполне спокоенъ и былъ бы еще болѣе, если онъ (Гагаринъ) пожелалъ бы принять на себя управленіе попрежнему; я самъ буду его объ этомъ просить письменно и устно, лишь бы только это не имѣло вида, что я въ моихъ годахъ нахожусь подъ опекой. Я въ былыя времена управлялъ самъ гораздо значительнѣйшими имѣніями. Отчасти осуществляя приблизительно то, что говаривалъ и Генрихъ IV, именно, что онъ желаетъ, чтобы каждый крестьянинъ могъ имѣть по воскресеньямъ курицу въ супѣ, я, какъ ваше величество изъ этого изволите сами усмотрѣть, отнюдь не буду отдавать крестьянъ на оброкъ, что составляетъ разореніе для владѣльца и еще большее для государства. Но не подлежить никакому сомнѣнію, что для возвращенія истраченныхъ капиталовъ,—что мнѣ необходимо сдѣлать для лучшаго ихъ помѣщенія,—представится большое затрудненіе, потому что кромѣ потребнаго времени будутъ и потери не маловажныя. Желаю очень, чтобы я ошибся во всемъ этомъ; я знаю, что на бумагѣ все прекрасно; но слово и дѣло совсѣмъ различныя вещи.

Мнѣ кажется еще за лучшее, всемиловѣйшая государыня, чтобы къ пріѣзду вашего величества въ Петербургъ находился бы также здѣсь и князь Гагаринъ, чтобы я могъ совмѣстно съ нимъ сдѣлать надлежащія распоряженія.

Впрочемъ имѣю честь быть съ совершеннымъ уваженіемъ, вашего императорскаго величества

При семъ записка отъ Сусанны.

36.

Сего 15-го октября 1775 года.

Всемиловѣйшая государыня! Вчера утромъ до свѣта явился ко мнѣ въ переднюю г. Шкуринъ. Человѣкъ говоритъ ему, что я еще не

вставалъ, на что онъ отвѣтилъ, «я и подождать могу». Дѣйствительно, онъ сѣлъ въ залѣ. Отворивъ дверь, чтобъ дать ему возможность войти ко мнѣ, я былъ очень удивленъ, замѣтивъ, что онъ едва въ состояніи подойти ко мнѣ. Блѣдный, исхудалый, съ всклокоченными волосами, небритый, невнятно и худо говорящій онъ дѣлалъ поклоны чуть не до земли. Я ему сказалъ: Василій Григорьевичъ никакъ не можется? Чуть живъ,—отвѣчалъ онъ, отвѣсивъ глубокій поклонъ,—а теперь уже меня и совсѣмъ переломила печаль. — Что такое? — Я пропалъ, я обруганъ; обо мнѣ во всемъ свѣтѣ въ курантахъ пишутъ и въ нашихъ русскихъ хотя и не написано, но я столько разумѣю, что Колтуши разорилъ, а я доказать могу, что я ихъ черезъ 12 лѣтъ владѣнія въ состояніе привелъ. Къ тому же, въ воспитательный домъ дѣвочку отослалъ будто въ тряпочкѣ, а я послѣ и деньги отослалъ. Все сіе мнѣ въ ругательство напечатала; я же еще другую дочь такую дома имѣю, которая воспитывается какъ надобно; я вѣдь человѣкъ и грѣшу не больше другихъ, хотя меня допрашивать будутъ, я то же скажу и т. д. Изъ этой чепухи, продолжавшейся довольно долго, я заключилъ, что рассудокъ его разстроены, и какъ въ подобныхъ случаяхъ отнюдь не надо противорѣчить, я его сталъ утѣшать, просилъ его прислать мнѣ газету, о которой онъ упомянулъ, и сказалъ, что намою голову въ академіи за то, что осмѣливаются печатать подобныя вещи противъ него. Это его немного успокоило. Я послалъ за его камердинеромъ, который мнѣ принесъ прилагаемую газету; то мѣсто, которое его съ ума сводитъ, отчеркнуто краснымъ карандашомъ. Онъ мнѣ подтвердилъ то же самое, прибавивъ, что послѣ болѣзни, продолжавшейся недѣль шесть, Шкурина началъ рыдать и плакалъ день и ночь болѣе двухъ недѣль; все это становится хуже: онъ ничего не ѣстъ и спитъ очень мало. Сегодня я послалъ къ нему доктора изъ общества дѣвицъ, котораго онъ принялъ охотно, такъ какъ онъ былъ посланъ отъ меня, и заявилъ, что готовъ исполнять всѣ его предписанія, только бы поправиться. Докторъ утверждаетъ, что если у Шкурина сердце не повреждено какимъ-нибудь полипомъ, онъ можетъ поправиться послѣ частыхъ кровопусканій. Его душитъ количество крови; онъ прописалъ ему лѣкарство, а завтра сдѣлаетъ кровопусканіе.

Я счелъ обязанностью увѣдомить объ этомъ ваше величество, хотя это не мое дѣло. Я поговорю съ фельдмаршаломъ, не найдетъ ли онъ какого-нибудь честнаго человѣка, чтобы помѣстить его къ Шкуруину и тѣмъ составить ему компанію, такъ какъ онъ совершенно одинъ. Также полагаю, что необходимо опечатать гардеробъ вашего величества до приведенія всего дѣла въ ясность.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ къ вашему императорскому величеству.

37.

Сего 25-го октября 1775 года.

Всемилоствѣйшая государыня! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ отъ 5-го числа сего мѣсяца я имѣлъ честь сообщить вашему величеству о худомъ состояніи здоровья г. Шкурина; съ того времени усиліями докторовъ онъ начинаетъ немного поправляться, въ особенности послѣ того, какъ вытравили изъ него солитера не малаго размѣра. Это чрезвычайно его облегчило, до того, что онъ гораздо менѣе заговаривается. Больной очень доволенъ своимъ положеніемъ, онъ мнѣ всякій день посылаетъ самыя чувствительныя благодарности; докторъ имѣетъ большую надежду совершенно привести его въ прежнее состояніе.

Я также почтительнѣйше представлялъ вашему величеству, что г. Бобринскій начнетъ свои занятія. Приемлю смѣлость препроводить при семъ росписаніе его занятій, онъ продолжаетъ ихъ съ успѣхомъ уже около трехъ недѣль и заслуживаетъ одобреніе своихъ учителей. Онъ имѣетъ соображеніе и необычайно легко схватываетъ все, что желаетъ; но прежніе недостатки (*aber die fohrige Untüchte sind so stark eingewurzelt*) такъ сильно въ немъ укоренились, что только одно время и терпѣніе могутъ это исправить, а также и новый распорядокъ занятій, который я недавно сдѣлалъ. Я имѣю гораздо болѣе доволенъ потому, что онъ самъ начинаетъ чувствовать пользу, а это уже большое дѣло. Будьте увѣрены, всемилоствѣйшая государыня, что я не пренебрегу ничѣмъ на свѣтѣ, чтобы его такимъ сдѣлать, какимъ ваше величество желаетъ его видѣть, а быть можетъ еще и лучшимъ. Терпѣніе и раченіе все преодолеваетъ.

Имѣю честь быть съ уваженіемъ вашего императорскаго величества.

Сообщилъ П. М. Майковъ.

Замѣтка о семействѣ Шкуриныхъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мнѣ пришлось быть на берегахъ Волхова, близъ Гостинопольской пристани. Въ 2-3 верстахъ отъ этого мѣста я пользовался очень короткое время радушнымъ гостепрѣимствомъ въ усадьбѣ вице-адмирала Павла Антоновича фонъ-Моллера. Самъ вице-адмиралъ, давно уже покинувъ морскую службу, жилъ почти безвыѣздно въ своей деревнѣ, былъ въ самомъ началѣ шестидесятихъ годовъ мировымъ посредникомъ, потомъ гласнымъ земскаго собранія и оставилъ по себѣ прекрасную память справедливаго, безукоризненно честнаго человѣка и ревностнаго общественнаго дѣятеля. Онъ нѣсколько лѣтъ какъ умеръ, а помѣстье досталось его дочери, съ которою я имѣлъ удовольствіе провести два вечера, при чемъ выяснилось, что гостепрѣимная хозяйка приходится дальнею родственницею Василью Григорьевичу Шкурину, извѣстному гардеробмейстеру императрицы Екатерины II, имѣвшему сына Сергѣя Васильевича, которому нѣкогда и принадлежало то имѣніе близъ р. Волхова, въ которомъ я приводилъ вечеръ. Мать моей собесѣдницы была внучкою Сергѣя Васильева Шкурина и сохранила, какъ оказалось, нѣсколько старыхъ бумагъ и документовъ, которые мнѣ удалось просмотрѣть.

Изъ патента, даннаго Императорскимъ вольно-экономическимъ обществомъ 18 іюня 1774 г., за подписью фонъ-Штелина и Андрея Нартова его превосходительству Василью Григорьевичу Шкурину, видно, что онъ былъ избранъ въ 1774 году членомъ сего общества.

Изъ грамоты за подписью самой императрицы, отъ 20 декабря 1763 года видно, что Василій Григорьевичъ Шкуринъ съ 1740 года служилъ при дворѣ императрицы Елисаветы и взятъ ко двору въ 1751 году въ камердинеры, въ 1762 году пожалованъ въ оберъ камердинера, а 1 іюля 1762 года произведенъ въ бригадиры и сдѣланъ гардеробмейстеромъ; въ 1763 г. 28 іюня—дѣйствительнымъ камергеромъ, а въ 1763 году 29 декабря «за вѣрность, усердіе и отличныя услуги, оказанныя особливо при вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ купно съ прочими вѣрными сынами россійскими, которыми сію имперію отъ страшнаго ига и православную церковь отъ разоренія и приближавшагося ей всеконечнаго паденія—освободили»,—Шкуринъ возведенъ въ потомственное россійское дворянство.

Шкуринъ кромѣ сына имѣлъ двухъ дочерей, которыя были обѣ фрейлинами при дворѣ Екатерины II, (см. «Русскую Старину» 1871 т. 4—

«Фрейлины русскаго двора»). Старшая изъ нихъ *Марія* (род. 1755) пожалована фрейлиною въ 1769 году и потомъ, за вмѣшательство въ сношенія извѣстнаго Александра Матвѣевича Дмитріева-Мамонова съ фрейлиною княгинею Щербатовою, была удалена изъ дворца, исключена изъ списка и получила 12 тысячъ руб. какъ приданное (см. записки Храповицкаго стр. 306, 308). Шкурина уѣхала въ Москву 12 сентября 1789 году съ Мамоновыми, не ужилась тамъ и поступила въ монастырь, въ постриженіи названа Павлія и послѣ пребыванія во многихъ монастыряхъ уволена на покой въ Алексѣевскій монастырь въ Москвѣ, гдѣ и умерла въ 1824 году и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Другая дочь Шкурина—Наталья была также фрейлиною императрицы Екатерины II и удостоилась получить отъ императора Павла двѣсти душъ, въ 1797 году февраля 26 дня, какъ видно изъ выданной ей на то грамоты. Но грамоту писали и рисовали довольно долго, конечно не предвидя скорой кончины императора, такъ что когда грамота была готова и могла быть уже имъ подписана, державный даритель не оказался уже въ живыхъ. Но въ то время не стали заботиться о передѣлкѣ грамоты и новомъ ея переписываніи, а изготовленную отъ имени императора Павла для Шкуриной грамоту представили къ подписи царствовавшему тогда императору Александру I, который и написалъ внизу собственноручно «утверждаю Александръ». Рукою вице-канцлера графа Кочубея, скрѣпившаго грамоту, выставлено число мая 5 дня 1803 года.

Такимъ образомъ получилась довольно своеобразная грамота въ которой говорится, что Божіею поспѣшествующею милостію мы, Павелъ первый, Императоръ и самодержецъ и т. д. (весь титулъ) государь еверскій и великій магистръ державнаго ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго и пр. пр., пожаловали фрейлинѣ Шкуриной двѣсти душъ и жалованную грамоту собственною рукою подписали и государственною нашею печатью укрѣпить повелѣли,—а между тѣмъ на дѣлѣ, грамоту не подписали, а державный сынъ его внизу оной написалъ «утверждаю», предоставивъ этимъ широкое поле толкованіямъ и догадкамъ,¹⁾ къ чему собственно относится и можетъ относиться это слово «утверждаю».

П. Майковъ.

¹⁾ Можемъ добавить, что такая подпись грамоты не воспрепятствовала нисколько Шкуриной получить назначенныя ей двѣсти крестьянъ. Изъ сдѣланной на грамотѣ отмѣтки видно, что Шкуриной отведены были въ Тамбовской и С.-Петербургской губерніи двѣсти тринадцать душъ, и по силѣ именнаго высочайшаго указа 1794 года іюня 23, пошлинные деньги по пятидесяти копѣекъ съ души, а всего сто шесть руб. пятьдесятъ коп., въ казначейство приняты и записаны на приходъ іюня 12 дня 1803 года.

Походы Екатерины II по Волгѣ и Днѣпру.

(1767 и 1787 гг.).

Аu mois de mai—писала Екатерина 20-го января 1767 года — j'irai me promener à Cazan, c'est comme qui dirait à une maison de campagne ¹⁾. Для этой «прогулки на дачу» работали, однако, еще съ прошлаго 1766 года и въ адмиралтейской коллегіи, и на тверской верфи, такъ какъ для «похода по Волгѣ» потребовалось 25 судовъ. «Въ свитѣ моей близко двухъ тысячъ человѣкъ всякаго званія» ²⁾, писала императрица, и никто изъ этихъ спутниковъ Екатерины не оставилъ намъ описанія этого путешествія, официальные свѣдѣнія о которомъ помѣщались въ Московскихъ и С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ ³⁾. Если-бъ не письма самой Екатерины, писанныя «съ пути», наши свѣдѣнія о походѣ по Волгѣ ограничились-бы исключительно камеръ-фурьерскимъ журналомъ ⁴⁾ и помѣщаемыми ниже документами изъ архива Морскаго министерства.

Послѣ Петра Великаго, Екатерина II была первая государыня, предпринимавшая путешествіе по Россіи: въ 1763 году она ѣздила въ Ростовъ и Ярославль; въ 1764 г.—въ прибалтійскія окраины, до Рогервика; въ 1765 г.—плавала по Ладожскому каналу; въ 1767 г.—«путешествовала по Азіи», т. е. проѣхала по Волгѣ отъ Твери до Казани и

¹⁾ „Сборникъ“, X, 165.

²⁾ „Чтенія“, 1863, II, 17; „Сборникъ“, X, 188; „Русск. Архивъ“, 1886, III, 59. По счету помѣщаемой ниже „Вѣдомости судовъ“—1.171 человѣкъ.

³⁾ „Русск. Архивъ“, 1867, 347.

⁴⁾ Путешествіе по Волгѣ занимаетъ въ журналѣ болѣе 100 стр. (99—205), и издатели свидѣтельствуютъ, что съ переходомъ императрицы на галеру „Тверь“ журналъ становится „подробнѣе и любопытнѣе“ (147).

изъ Симбирска возвратилась сухимъ путемъ. Во время этихъ путешествій, императрица знакомилась съ живою Россією, сама видѣла и наблюдала жизнь русскаго человѣка. Конечно, ей какъ императрицѣ нельзя было все видѣть и не все было ей показано—иное представлено въ прикрашенномъ свѣтѣ, иное вовсе скрыто; тѣмъ не менѣе, и то немногое, что она наблюдала и видѣла, было значительно полезнѣе и вѣрнѣе всякихъ канцелярскихъ докладовъ и губернаторскихъ отчетовъ. Возвратясь изъ «похода по Волгѣ», Екатерина доказала сенату, въ первомъ же засѣданіи, что она многое видѣла.

Походъ по Волгѣ, въ 1767 году, продолжался полтора мѣсяца, со 2-го мая по 16-е іюня, съ «суточными остановками по городамъ» ¹⁾. Въ день отъѣзда изъ Москвы, 28-го апрѣля, Екатерина писала генераль-рекетмейстеру Козлову: «Иванъ Ивановичъ! Во время моего отсюда отсутствія продолжайте по-часту ходить по коллегіямъ, дабы тѣ порядки паки не пришли въ упадокъ, которые мы, слава Богу, хоть съ трудомъ завели» ²⁾. Вся Москва вышла провожать императрицу: «отъ дворца до Всесвятскаго рядовъ въ десять мѣстами людей и каретъ стояло» ³⁾. Благодаря «посредственной дорогѣ и очень хорошей погодѣ» ⁴⁾, императрица прибыла въ Тверь 29-го апрѣля, въ 9-мъ часу вечера. Тверь нельзя было узнать—пожаръ способствовалъ ей много къ украшенью. Въ маѣ 1763 г. деревянный городъ совсѣмъ выгорѣлъ. «Съ крайнимъ сожалѣніемъ—писала Екатерина генераль-прокурору—усмотрѣла я разореніе по волѣ Божіей города Твери. Старайтесь о вспоможеніи симъ несчастнымъ людямъ. Я думаю многимъ не печально, что дѣла всѣ почти сгорѣли» ⁵⁾. Вспоможение погорѣльцамъ было оказано въ самыхъ широкихъ размѣрахъ ⁶⁾, и «Екатерина осматривала теперь въ Твери новыя постройки, осталась ими очень довольна и благодарила гр. Фермора, подъ руководствомъ котораго производилось возсозданіе Твери въ продолженіе четырехъ лѣтъ. 1-го мая, послѣ обѣденнаго стола, императрица «посѣтила преосвященнаго въ его подгородномъ домѣ» и пробыла у него «довольно долго» ⁷⁾.

Петръ Петровъ, учитель риторики въ Троицко-Сергіевской семинаріи, принялъ монашество по настоянію ректора Гедеона Кричевскаго и на-

¹⁾ „Чтенія“, 1863, II, 16.

²⁾ „Сборникъ“, X, 179.

³⁾ „Чтенія“, 1863, II, 16; „Сборникъ“, X, 186.

⁴⁾ „Чтенія“, *ibid.*, 15; „Сборникъ“, X, 183.

⁵⁾ „Сборникъ“, VII, 285.

⁶⁾ „Архивъ Севата“, т. 106, л. 448: „Полн. Собр. Зак.“, № 11847; „Арх. кн. Воронцова“, VII, 645; XXVIII, 39.

⁷⁾ „С.-П.-Б. Вѣдомости“, 1767; по „Камеръ-Фур. Журналу“—„съ часъ времени“ (98).

речень былъ Гаврииломъ. Монахъ по неволѣ быстро сдѣлалъ карьеру: постриженный въ 1758 году, онъ былъ уже епископомъ въ 1763 году и вскорѣ сталъ митрополитомъ санктъ-петербургскимъ и новгородскимъ. Екатерина уважала его, какъ «мужа остраго и резонабельнаго»¹⁾; ему, между прочимъ, поручила рассмотреть свой знаменитый «Наказъ», и ему же посвятила свой единственный литературный трудъ, исполненный во время похода по Волгѣ.

2-го мая, въ 2 часа по-полудни, Екатерина сѣла на суда, и началось плаваніе. Императрица впервые увидѣла матушку-Волгу и была очарована ею. Уже 5-го мая, изъ Калязина, она писала: «Часъ-отъ-часу берега Волги становятся лучше. Вчера мы Кимру проѣхали, которая издала не уступаетъ Петергофу, а вблизи уже все не то»²⁾. Очевидно, Екатерина была въ полномъ восхищеніи, если ей Кимры показались за Петергофъ!

7-го мая поднялась буря. «Въ 6 часу утра, за крѣпкимъ вѣтромъ³⁾, легли на якорь и всѣ сутки лежали на якорѣ». Во время бури Екатерина написала свое знаменитое письмо Мармонтелю:

«Милостивый государь! Я получила ваше письмо, сопровождавшее присланную вами мнѣ книгу, въ ту минуту, когда отправлялась въ путешествіе по разнымъ провинціямъ. Чтеніе ея я оставила себѣ на дорогу; оно окончено; примите же мои благодаренія—я въ восхищеніи отъ книги и не я одна; эта книга заслуживаетъ быть переведенною на всѣ языки. Велисарій укрѣпилъ меня въ убѣжденіи, что истинная слава заключается единственно въ началахъ, проповѣдуемыхъ Велисаріемъ столь же пріятно, какъ и основательно. Будьте увѣрены, милостивый государь, въ отличномъ уваженіи, которое я издавна питаю къ его автору. Не знаю, какъ помѣтить свое письмо: я на кораблѣ, среди Волги, при столь крѣпкой погодѣ, что многія дамы назвала бы ее ужаснѣйшею бурей. 7-го мая 1767 года»⁴⁾.

Что же такое «*Bélisaire*» roman par M. Marмонтel? Это менѣе всего романъ и, во всякомъ случаѣ, въ этомъ романѣ нѣтъ ни драматическаго интереса, ни сценическаго движенія, никакого художественнаго замысла. Это—популярное изложеніе вопросовъ государственнаго права въ формѣ бесѣды престарѣлаго мужа, Велисарія, съ юнымъ царедворцемъ Тибериємъ, любимцемъ Юстиньяна, который, пользуясь слѣпотою Велисарія,

¹⁾ Макаріи, архим., „Сказаніе о жизни и трудахъ преосв. Гавриила“, 17.

²⁾ „Чтеніе“, 1863, II, 17; „Сборникъ“, X, 126. Графу М. И. Воронцову Екатерина писала изъ-подъ Ярославля: „Волга не въ примѣръ лучше Невы“ (Ibid., 190). Ср. XXII, 353.

³⁾ „Камеръ-Фур. Журналъ“: „за неспособнымъ вѣтромъ“ (III).

⁴⁾ Oeuvres de Marмонтel, ed. 1818, Corresp., 142; „Сборникъ“, X, 187.

самъ присутствуетъ при бесѣдѣ и выслушиваетъ политическія, соціальныя и религіозныя понятія французскихъ философовъ прошлаго вѣка.

Велисарій—сторонникъ монархическаго правленія. «Не думаешь-ли ты, что совѣтъ или народъ собранный можетъ быть болѣе справедливъ и меньше ошибокъ подверженъ? Въ царствованіе-ли одного Камиллы, Оемистоклы, Аристиды гонимы были?.. Чего намъ опасаться, долженъ былъ говорить народъ, чего опасаться намъ, дѣлая царя надъ нами? Добро его дѣлаемъ изъ добра общаго ¹⁾, сила его составляется изъ силъ всего государства; слава его зависѣтъ будетъ отъ благосостояній нашихъ, царствованіе его будетъ въ насъ и чрезъ насъ только. Итакъ, чтобы любить народы свои, ему остается лишь любить самого себя; быть къ намъ справедливу и милосердну собственныя его пользы принудятъ... Тиранство казалось имъ родомъ самоубійства, которое не можетъ иначе быть, какъ дѣйствіе бѣшенства и сумасшествія». По словамъ Велисарія, монархъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ народъ, ему подвластный: велики заботы отца, имѣющаго пять, шесть дѣтей, каково же положеніе монарха, считающаго своихъ миліонами! «Обязуюсь — долженъ былъ говорить царь—жить лишь для народа моего; посвящаю покой мой спокойствію его; обещаюсь давать ему законы полезные и справедливыя, не имѣть иной воли, какъ согласной съ законами сими. Чѣмъ могущественнѣй онъ меня надѣляетъ, тѣмъ менѣе останусь свободенъ во мнѣ ²⁾, чѣмъ болѣе онъ вдастся мнѣ, тѣмъ болѣе себѣ обяжетъ меня. Я долженъ ему отчетомъ въ моихъ слабостяхъ, въ страстяхъ моихъ и заблужденіяхъ». Велисарій противопоставляетъ заботливаго о благѣ подданныхъ государя суровому деспоту, окружающему себя клеветами и временщиками: «Тигры, коихъ человекъ воспитываетъ для ловли, съѣдаютъ своего господина, если онъ забудетъ раздѣлять съ ними добычу: таково есть обязательство тирановъ; напротивъ того, въ странѣ управляемой отечески, каждый гражданинъ во врагѣ государевомъ видитъ своего собственнаго... Его власть, вовнутри утвержденная, будетъ тѣмъ повелительнѣе и почтенинѣе извнѣ; и какъ ни тордость, ни славолубіе, ниже своеправіе никогда рукъ его къ принятію оружія не простираютъ, то силы его, кои онъ бережетъ, имѣютъ всю свою бодрость, когда защищаетъ его народъ противъ домашняго разорителя или чужаго похитителя... Невольникъ неохотно на брань идетъ за свою темницу и узы; свободный и довольный гражданинъ, который любитъ своего государя и отъ него любимъ, обороняетъ скипетръ, какъ свою защиту, престоль—какъ свое прибѣжище, и, воюя за свое отечество, видитъ вездѣ свою отчизну».

¹⁾ Въ оригиналѣ: du bien de tous nous faisons le sien.

²⁾ Въ оригиналѣ: plus il me rend puissant, moins il me laisse libre.

Велисарій убѣжденъ, что по существу монархическаго правленія интересы государя и государства тождественны; но онъ не скрываетъ, что въ дѣйствительности эти интересы нерѣдко становятся противоположными, «когда государь удостоиваетъ своимъ довѣріемъ недостойныхъ людей, которые увѣряютъ его, чтобы онъ всегда былъ остороженъ противъ многочисленныхъ непокорныхъ людей, безпокойныхъ и возмутительныхъ, заставляютъ его вѣрить, что ему должно имѣть силы для сопротивленія имъ. И такъ вооружается государь противъ собственнаго народа... Если государь имѣлъ несчастіе поддаться такимъ внушеніямъ, въ понятіи его отдѣляется свое отъ народнаго и государственнаго, онъ становится скупымъ и выигрываетъ то, что у подданныхъ похищаетъ, изъ чего проистекають жалобы и роптанія; отсюда та внутренняя и скрытная война, которая, какъ сокровенный огонь, тлится въ вѣдрахъ государства. Тогда и государь чувствуетъ надобность той помощи, которую имѣлъ въ готовности, чаеть, что поступилъ благо разумно, приготовивъ вооруженную силу противъ своего народа, но не видитъ, что не было бы ему нужды въ сихъ робкихъ предосторожностяхъ, если бы онъ былъ правосуденъ, и что тѣ подлыя и суровыя страсти, коимъ онъ жалованье даетъ, были бы для него бесполезны, если бы онъ былъ добродѣтеленъ... Трудно государю среди своекорыстныхъ совѣтовъ, подавать которые всегда много охотниковъ, трудно остаться вѣрнымъ идеалу добра и правды, трудно, но возможно. Для этого ему нужно знаніе всѣхъ соображеній, касающихся до человѣческаго блага... въ семъ то долженъ государь упражняться и упражняться всю жизнь. Познавать самого себя, познавать людей, стараться разбирать въ нихъ основаніе природныхъ ихъ способностей, побужденіе, привычки, свойство сложения, дѣйствіе принятыхъ мнѣній, силу и слабость ума и духа, не съ бесполезнымъ и преходящимъ любопытствомъ, но съ твердымъ желаніемъ, влагающимъ почтеніе въ льстецовъ, вникать въ нравы, въ способности, въ имущество своихъ народовъ и въ поведеніе опредѣленныхъ надъ ними правителей, а для лучшаго познанія давать со всѣхъ сторонъ свободный ходъ просвѣщенію, имѣя въ омерзеніи темные доносы, ободрять и защищать тѣхъ, кои открываютъ явно злоупотребленія, именемъ государя учиненныя» ¹⁾).

Вотъ какой «романъ» читала Екатерина на галерѣ «Тверь». Русскій посланникъ въ Парижѣ князь Д. А. Голицынъ писалъ Мармонтелю: «Велисарій имѣлъ рѣшительный успѣхъ у императрицы. Во время путешествія по Волгѣ ея императорское величество переводила вашъ романъ на русскій языкъ; лица, сопровождавшія ее, получили каждый по главѣ; девятая досталась самой государынѣ. Когда переводъ былъ го-

¹⁾ „Заря“, 1869, май, 33—35.

товъ, императрица потрудилась просмотрѣть весь переводъ и приказала его напечатать». Нѣсколько недѣль спустя: «Велисарій печатается въ Москвѣ, и императрица предполагаетъ возможно болѣе распространить его въ Россіи, съ тѣмъ, говорить ея величество, чтобы мои подданные знали, какіе узы соединяютъ меня съ ними».

Ничего подобнаго никогда даже не грезилось автору, и онъ искренно дивился, что русская самодержица переводила именно девятую главу. Мармонтель писалъ по этому поводу Екатеринѣ: «Ваше величество положили печать безсмертія на мое сочиненіе, переведа изъ него цѣлую главу. Не говорю о томъ, что въ этой милости заключается лестнаго для меня лично, но съ восторгомъ воображаю, сколько пользы принесетъ это народамъ вашего величества. Въ девятой именно главѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: «только сила закона имѣетъ власть неограниченную; а человекъ, который хочетъ царствовать самовластно, становится невольникомъ; государь долженъ заботиться болѣе всего объ одномъ только союзѣ—о союзѣ съ народомъ своимъ: государь и народъ—нераздѣльны; связь эта составляетъ силу государя; на ней основаны его величіе, его спокойствіе, его слава». И эту-то главу ваше величество какъ бы усвоиваете и освящаете собственноручнымъ переводомъ, чтобы, по вашимъ словамъ, подданные ваши знали, какіе узы соединяютъ васъ съ ними. Эти слова слѣдовало бы изсѣчь на мѣди и запечатлѣть во всѣхъ сердцахъ. Сколько величій въ этомъ геройскомъ чистосердечіи!»

Въ письмѣ къ Вольтеру, изъ Казани, отъ 29-го мая, Екатерина говоритъ, что «переводъ Велисарія уже готовъ и немедленно будетъ печататься» ¹⁾. Печатаніе шло довольно медленно, и переводъ впервые ²⁾ появился въ печати лишь въ 1768 году. Отправляя экземпляръ русскаго перевода Мармонтелю, Екатерина, въ письмѣ, составленномъ ею отъ имени всѣхъ переводчиковъ ³⁾ передавала слѣдующія подробности: «Когда «Велисарій» прибылъ въ Россію, случилось, что двѣнадцать лицъ предположили отправиться внизъ по Волгѣ, отъ Твери до Симбирска. Они были такъ восхищены чтеніемъ этой книги, что согласились употребить свои часы досуга на переводъ «Велисарія» на

¹⁾ „Сборникъ“, X, 205.

²⁾ „Велицерь, романъ г. Мармонтеля, перев. съ французскаго. Москва, 1768 года“. Этотъ же переводъ былъ перепечатанъ нѣсколько разъ: въ 1773 году въ Петербургѣ, въ 1777 году въ Вѣнѣ, въ 1785 году два раза—въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Такимъ образомъ, при жизни Екатерины II этотъ русскій переводъ выдержалъ пять изданій. Существуетъ еще другой переводъ этого романа, сдѣланный г. Курбатовымъ и вышедшій въ Петербургѣ въ 1769 году. Сверхъ того, эти переводы были изданы въ 1802, 1803, 1818 гг.

³⁾ „Сборникъ“, X, 268.

родной языкъ. Одиннадцать изъ этихъ лицъ раздѣлили между собою главы по жребію, а на двѣнадцатаго, прибывшаго позже, было возложено сочиненіе посвященія отъ переводчиковъ епископу тверскому, котораго всѣ нашли достойнымъ того, чтобы его имя стояло во главѣ изданія. Кромѣ хорошихъ качествъ его ума и сердца, онъ только что отличился проповѣдью ¹⁾, мораль которой столь же безупречна, какъ и въ этой превосходной книгѣ».

Въ отвѣтъ на эту любезность Мармонтель писалъ Екатеринѣ:

«Государыня! Если-бъ «Велисарій» былъ написанъ только съ цѣлю внушать народамъ непоколебимую вѣрность и безусловную преданность, было бы неудивительно, что самодержица обширнаго государства пожелала распространить такую книгу въ своихъ владѣніяхъ; но эта книга имѣетъ цѣлю также доказать царямъ, что ихъ могущество, ихъ величіе, ихъ слава требуютъ, чтобы они были справедливы, и что они становятся самыми зависимыми, самыми несчастными изъ невольниковъ, какъ только допущено страстямъ занять мѣсто законовъ. Вотъ что ваше величество не только дозволили перевести на языкъ своего народа, но что вы имѣли мужество и великодушіе перевести сами. Таковы-то развлеченія законодательницы Сѣвера! Мало того: дабы утвердить правила, прямо противоположныя фанатизму и преслѣдованіямъ, вы пожелали посвятить переводъ «Велисарія» одному изъ самыхъ добродѣтельныхъ людей своей имперіи — пастырю, жизнь котораго дѣлаетъ честь духовенству и который воскрешаетъ тѣ счастливыя времена, когда святныя дѣла были въ святыхъ рукахъ.

«О, какъ далеки правила вашего величества отъ тѣхъ, которыя предписываютъ открывать народу лишь концы его цѣпей и безпрестанно напоминать ему объ его обязанностяхъ, но никогда не говорить о его правахъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, объяснять взаимныя обязательства и взаимныя узы, установленныя самою природою между государемъ и народомъ, значитъ оказывать неуваженіе государямъ.

«Переводъ «Велисарія» на русскій языкъ есть, безъ сомнѣнія, прекрасный памятникъ, воздвигнутый человѣческому слову и философіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ это, смѣю сказать, и памятникъ царской власти. Ни при одномъ дворѣ въ мірѣ истиннѣ не было оказано подобнаго почета. Я не могъ, государыня, вполне насладиться честію, оказанною

¹⁾ Пресовъ Гавріиль сказалъ двѣ проповѣди: 29-го апрѣля, при встрѣчѣ императрицы въ Твери, и 2-го мая, при отплытіи ея („Камеръ-Фур. Журн.“, 93 и 104). Первая рѣчь напечатана въ „С.-П.-Бургскихъ Вѣдомостяхъ“ — она ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ привѣтственныхъ словъ; вторая — не напечатана, но въ газетахъ отмѣчено, что „какъ содержаніе, такъ и пріятное краснорѣчіе достойну похвалу приобрѣло, въ началѣ отъ ея величества, а потомъ общюю отъ всѣхъ слушателей“.

моей книгѣ: я не знаю русскаго языка. Но какъ истинно вѣрующіе чтутъ библію, не понимая ее, такъ и я съ благоговѣйнымъ уваженіемъ поцѣловалъ буквы IX главы, съ мыслью о рукѣ, которая ихъ начертала. Я заставилъ перевести себѣ буквально этотъ новый для меня текстъ и убѣдился, что моимъ мыслямъ достался такой же счастливый удѣлъ, какъ тѣмъ ручьямъ, которые просачиваются сквозь золотоносную жилу».

Литературныя занятія Екатерины не мѣшали дѣламъ государственнымъ даже и во время путешествій. Изъ Ярославля, отъ 10-го мая, Екатерина писала Н. И. Панину: «Изволь-ка мнѣ прислать дѣла, я весьма праядно живу» ¹⁾. Въ Ярославлѣ императрицу встрѣтили пять иностранныхъ министровъ—прусскій, датскій, саксонскій, испанскій и цесарскій ²⁾, «которые всѣ въ полномъ удовольствіи» и сопровождали Екатерину до Костромы. Въ Ярославлѣ, занятая улаженіемъ раздоровъ между купечествомъ и осмотромъ фабрикъ Холшевникова, Колосова и др. ³⁾, императрица замѣтила, однако, что «ярославки лицомъ хороши, а тальею и одѣяніемъ на *tarretonde* похожи» ⁴⁾.

Ярославль «весьма всѣмъ понравился», но болѣе всего произвелъ впечатлѣніе, даже и на иностранныхъ министровъ, пріемъ, устроенный дворянствомъ въ Костромѣ: «я ихъ всѣхъ не одинажды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а И. Гр. Чернышевъ весь объѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обхожденія» ⁵⁾.

Нижній - Новгородъ произвелъ на Екатерину самое дурное впечатлѣніе. «Сей городъ ситуациею прекрасенъ, а строеніемъ мерзокъ; Чебоксары для меня во всемъ лучше Нижняго - Новгорода», писала императрица ⁶⁾. Едва прибывъ въ Нижній, она получила неприятное извѣстіе о банкротствѣ придворнаго банкира Гомма, и по этому поводу писала Панину: «Я васъ спрашиваю, что Веймарнъ и всѣ надъ Гоммомъ приставленные смотрѣли, и доколѣ мнѣ отъ проклятаго выписыванья серебра скуку нести?» ⁷⁾. Въ особомъ и «секретномъ» рескрип-

¹⁾ „Сборникъ“, X, 189.

²⁾ „Камеръ-Фур. Журн.“, 119. Депеша саксонскаго резидента, отъ 30-го апрѣля 1767 г., обозначена такъ: *Voyage de l'Impératrice à Casan. Invitation de ministres étrangers de venir à Jaroslaw.* („Сборникъ“, XXXVII, 80).

³⁾ *Ibid.*, 128. См. письмо Н. И. Панину отъ 10-го мая („Сборникъ“, X, 189).

⁴⁾ „Сборникъ“; *ibid.*, 190.

⁵⁾ „Чтенія“, 1863, II, 20; „Русск. Архивъ“, 1867, 350; „Сборникъ“, X, 191.

⁶⁾ *Ibid.*, 201, 202.

⁷⁾ „Чтенія“, 1863, II, 21. Въ „Архивѣ Сената“, дѣло № 1511: „О несостоятельности придворнаго банкира англійскаго купца Гомма и выписываемомъ чрезъ его контору изъ-за границы для монетнаго двора золотѣ и се-

тѣ къ новгородскому архіепископу Дмитрію (Сѣченову) Екатерина очень рельефно изобразила бѣдственное состояніе духовенства нижегородской епархіи: «Во всемъ здѣшнемъ духовествѣ примѣчается духъ гоненія. Сія же епархія, кажется, весьма достойна особливаго примѣчанія, ибо число правовѣрныхъ, думаю, меньше, нежели число иновѣрныхъ и раскольниковъ; и такъ, кажется, нужнѣе всего здѣсь имѣть священство, просвѣщенное ученіемъ, нрава кроткаго и добраго житія, кои-бы тихостью, проповѣдью и безпорочностію добронравнаго ученія подрѣпляли во всякомъ случаѣ евангельское слово. Противное сему поведеніе было примѣтно, которое здѣсь для примѣра опишу: въ дворцовомъ селѣ Городцѣ, гдѣ мнѣ случилось быть на освященіи церкви, въ находящемся близъ того села Федоровскомъ монастырѣ, умалчиваю о томъ, что игумень такъ старъ, что насилу служить можетъ, и что монахи такъ мало его почитаютъ, что громко съ бранію наставляли, какъ ему служить, что и дѣйствительно онъ худо звалъ, еще приходскіе городецкіе священники подали мнѣ челобитную, всѣми подписанную, въ коей просили, чтобы сдѣлано было разсмотрѣніе о ихъ пропитаніи, прописывая, будто лишлись они всѣхъ прихожанъ, за запискою оныхъ въ расколь; раскольники же говорили, что священники съ ними обходятся какъ съ басурманами, не хотятъ ни молитвы давать, ни крестить младенца» ¹⁾. Нижегородское купечество оказалось столь же несостоятельно, какъ и духовенство: «всѣ почти купцы малые имѣютъ капиталы, и по той причинѣ не могутъ расторгаться»; чтобы помочь горю, Екатерина учредила первую въ Россіи акціонерную «нижегородскую компанію» ²⁾.

Нижній произвелъ дурное впечатлѣніе, Казань обворожила. «Городъ всячески можетъ слѣдить столицею большаго царства. Пріемъ мнѣ отъиной; намъ отъиной онъ кажется, кои четвертую недѣлю видимъ вездѣ равную радость, а здѣсь еще отличнѣе. Если бы дозволили, они бы себя вмѣсто ковра постлали, а въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ мужики свѣчи давали, чтобы предо мною поставить, съ чѣмъ ихъ прогнали. Кутухтой здѣсь быть не долго, однако, выключая сего эксцесса, вездѣ весьма чинно все происходитъ. Здѣсь триумфальныя ворота такія, какъ я еще лучше не видала. Я живу здѣсь въ купеческомъ каменномъ домѣ, девять покоевъ анфиладою, всѣ шелкомъ обитые; креслы и канапеи вызолоченныя; вездѣ трюмо и мраморныя столы подъ ними» ³⁾. Черезъ четыре

ребрѣ». Это любопытное дѣло окончилось лишь въ 1774 году. См. „Сборникъ“, X, 192, гдѣ помѣщено анонимное письмо относительно первыхъ извѣстій о несостоятельности Гомма.

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1866, 55.

²⁾ „Архивъ Севата“, т. 122, л. 225; „Сборникъ“, X, 198.

³⁾ „Чтенія“, 1863, II, 24.

дня: «Отселѣ выѣхать нельзя: столько разныхъ объектовъ, достойныхъ взгляду, идея же на десять лѣтъ здѣсь собрать можно» ¹⁾). Изъ Казани же Екатерина писала И. И. Бецкому: «Нашихъ кадетъ должно учить по-татарски, ибо случится кому здѣсь быть употреблену, великое то будетъ для службы польза, а для нихъ облегченіе» ²⁾). Очевидно, императрица желаетъ помочь инородцамъ, облегчить положеніе татаръ, «изводимыхъ» русскими чиновниками подъ предлогомъ непониманія ихъ языка.

Казанское впечатлѣніе было испорчено мѣстнымъ духовенствомъ. Два монаха Печерскаго монастыря подали императрицѣ жалобу на архимандрита, который не даетъ имъ сполна положеннаго по штатамъ. Екатерина велѣла препроводить жалобу ихъ къ архіерею, чтобы разобралъ дѣло и подтвердилъ по всей епархіи не удерживать жалованья, при чемъ написала: «а симъ монахамъ въ вину того ставить не велите, что они прибѣгли ко мнѣ съ прошеніемъ, поставя то имъ въ простоту, какъ и я оный поступокъ ихъ почитаю» ³⁾). Нѣсколько дней спустя, императрица убѣдилась въ вандализмъ казанскаго духовенства. Вотъ что она сообщала изъ села Вознесенскаго, имѣнія графа И. Г. Орлова: «Мы ѣздили смотрѣть развалины стариннаго Тамерланомъ построеннаго города Болгары и нашли дѣйствительно остатки большихъ, но не весьма хорошихъ строеній, два турецкіе минарета весьма высокіе, и все, что тутъ ни осталось, построено изъ плиты весьма хорошей; теперь же великое почтеніе имѣютъ къ сему мѣсту и ѣздятъ Богу молиться въ сіи развалины. Сему одинъ гонитель, казанскій архіерей Лука позавидовалъ, при покойной императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, и много разломалъ, а изъ оныхъ построилъ церковь, погреба и подъ монастырь занялъ, хотя Петра I указъ есть, чтобы не вредить и не ломать сію древность» ⁴⁾).

Это было писано 3-го іюня, а 5-го, въ 10-мъ часу утра, прибыли въ Симбирскъ, конечный пунктъ «похода по Волгѣ». Екатерина вынесла за послѣдніе дни плаванія по Волгѣ самыя отрадныя впечатлѣнія: «Здѣсь народъ по всей Волгѣ богатъ и весьма сытъ, и хотя цѣны вездѣ высокія, но всѣ хлѣбъ ѣдятъ, и никто не жалуется я нужду не терпятъ... Хлѣбъ всякаго рода такъ здѣсь хорошъ, какъ еще не видали; по лѣсамъ же вездѣ вишни и розыны дикіе, а лѣса инаго нѣтъ, какъ дубъ и липа;

¹⁾ „Сборникъ“, X, 206.

²⁾ Савельевъ, очеркъ инженернаго управленія, 253.

³⁾ Соловьевъ, XXVII, 62. Извѣстіе это заимствовано изъ госуд. архива; Русское Историческое Общество, издавая екатерининскія бумаги этого архива, указанное извѣстіе, однако, не напечатало.

⁴⁾ „Чтенія“, 1863, II, 27; „Сборникъ“, X, 207; XIII, 284. Девять лѣтъ позже, императрица вспомнила о Болгарахъ, разрѣшая постройку близъ нихъ селитрянаго завода („Архивъ Сената“, т. 139, л. 358; „Полн. Собр. Зак.“, № 14517).

земля такая черная, какъ въ другихъ мѣстахъ въ садахъ на грядкахъ не видятъ. Однимъ словомъ, сіи люди Богомъ избалованы; я отъ роду такихъ рыбъ вкусомъ не ѣдала, какъ здѣсь, и все въ изобиліи, и я не знаю, въ чемъ бы они имѣли нужду; все есть и все дешево» ¹⁾).

Плаваніе по Волгѣ окончено. Изъ Симбирска императрица возвратилась въ Москву сухимъ путемъ. Екатерина съ грустью рассталась съ маленькою волжскою флотиліею. «Ничего пріятнѣе быть не можетъ, какъ вояжировать безъ усталы цѣлымъ домомъ. Истинно, что съ галеры сойти не хочется, и надобно Ивану Григорьевичу (Чернышеву) честь отдать, что ничего не позабыто, что можетъ служить къ облегченію толь дальняго пути» ²⁾).

Екатерина, особымъ указомъ, помѣщаемымъ ниже (№ 6), позаботилась о судахъ волжской флотиліи и тѣмъ, быть можетъ, сохранила до нашего времени, по крайней мѣрѣ, главную галеру «Тверь»: она хранится въ Казани, въ Адмиралтейской слободѣ, въ большомъ деревянномъ сараѣ. На правомъ борту «Твери», близъ параднаго трапа, прибита дощечка съ слѣдующею надписью: «Галера «Тверь», на которой прибыла императрица Екатерина II изъ Твери въ г. Казань въ 1767 году. Сохраняется по повелѣнію императора Александра I». Не сказано, однако, по чьему повелѣнію уничтоженъ сарай, въ которомъ хранился яликъ императора Павла I, и самый яликъ поставленъ на палубу галеры.

16-го іюня императрица Екатерина II возвратилась въ Москву и 22-го, присутствуя въ сенатѣ, заявила слѣдующій результатъ своей поездки: «Во всей дорогѣ хотя болѣе шестисотъ челобитенъ подано, но, кромѣ одной, и то по партикулярной обидѣ, а не по дѣламъ и по должности, не нашлось на правительствѣ и на воеводѣ; еще меньше о взяткахъ, а по большей части всѣ, выключая нѣсколько недѣльныхъ отъ помѣщичьихъ крестьянъ въ большихъ съ нихъ сборахъ тѣхъ хозяевъ, кои возвращены съ подтвержденіемъ о неподаваніи впредь таковыхъ, всѣ прочія отъ пахатныхъ солдатъ и отъ новокрещенныхъ въ завладѣніи землями и въ недостатокѣ оныхъ; изъ чего видно, что въ тамошнихъ мѣстахъ большая нужда въ межеваньи, а именно въ уѣздахъ, о коихъ особый реестръ прилагается. Чтобы же въ земляхъ недостатокъ заподлинно былъ, того по партикулярнымъ извѣстіямъ не видно; ибо почти вездѣ втрое противъ того, что разрабатывать могутъ» ³⁾). Въмѣстѣ съ тѣмъ императрица предложила сенату рядъ вопросовъ, по которымъ гу-

¹⁾ „Чтенія“, 1863, II, 26, 28.

²⁾ Ibid., 22.

³⁾ „Сборникъ“, X, 216.

бернаторы и воеводы должны были сообщить свѣдѣнія объ увеличивающейся дороговизнѣ хлѣба ¹⁾).

Помѣщаемые ниже документы изъ архива морскаго министерства касаются двухъ походовъ: по Волгѣ, въ 1767 г., и по Двѣпру, въ 1787 г. Знаменитое таврическое путешествіе весьма обстоятельно обработано Г. В. Есиповымъ въ «Кіевской Старинѣ». Въ оба похода командиромъ императорской галеры былъ Петръ Ивановичъ Пущинъ (1728—1812), боевой адмиралъ, въ послѣдніе годы жизни Екатерины занимавшій постъ командира кронштадтскаго порта. Въ семейномъ архивѣ Пущиныхъ хранится, между прочимъ, слѣдующая собственноручная записка къ нему императрицы:

«Петръ Ивановичъ. Буде итальянской пощъ, присланный къ вамъ для высылкой отъ селѣ на корабля еще не высланъ, то пришлите его какъ возможно секретнѣе подъ присмотромъ добрымъ суда къ генералу фелдцейхмейстеру графу Зубову въ таврической дворецъ»

«Екатерина».

«апрѣля 28 ч. 1794».

I.

Плаваніе по Волгѣ.

1.

Журналъ Адмиралтействъ-коллегии 1766 г.

6-го августа. Адмиралтействъ-коллегія имѣла разсужденіе: понеже во исполненіе высочайшаго ея императорскаго величества именнаго указа, по которому высочайше повелѣтъ соизволила по представленной ея величеству отъ адмиралтейской коллегіи примѣрной модели и чертежу судна для плаванія по рѣкѣ Волгѣ построить таковыхъ въ Твери три, которыя бы въ началѣ 1767 г. были готовы; по опредѣленію коллегіи велѣно для того построить три галеры, чего ради посланъ былъ галернаго флота капитанъ Пущинъ и галерный мастеръ Озеровъ съ командою, и велѣно на строеніе предписанныхъ галеръ лѣса заготовлять на всѣ, и строить прошедшею зимою одну галеру меньшей пропорціи, которая и построена, и капитанъ Пущинъ присланнымъ въ коллегію ра-

¹⁾ Въ Архивѣ Сената хранится подъ 1767 годомъ, безъ №, огромный томъ съ отвѣтами.

портомъ объявилъ, что на другія двѣ галеры по контракту подрядчиками лѣса имѣють быть поставлены августа къ 1-му числу, приказали: для начатія строеніемъ вышеупомянутыхъ достальныхъ двухъ галеръ, дабы оныя неотмѣнно, по силѣ вышеобъявленнаго именнаго повелѣнія, къ началу 1767 года совсѣмъ построены и приготовлены были, за болѣзнію галернаго мастера Озерова, подмастера Щепина съ подлежащимъ числомъ прочихъ служителей и съ удовольствіемъ потребныхъ матеріаловъ и припасовъ отправить немедленно, которому по прибытіи въ Тверь велѣть показанныя галеры нямало мѣшкавъ строеніемъ начать, одну таковой же пропорціи какаѣ построена, а другую 12-ти баночную, а когда галерный мастеръ Озеровъ отъ болѣзни получить свободу, тогда онаго, для наилучшаго ему, Щепину, въ томъ строеніи показанія, отправить же, а дабы не отмѣнно означенныя въ Твери двѣ галеры въ свое время построены быть могли, въ томъ капитану Пущину имѣть всекрайнее стараніе.

2.

Высочайшій указъ Адмиралтействъ-коллегіи ¹⁾.

2 мая 1767 году. Тверь.

Всемилоствѣйшее пожаловали мы капитана 2-го ранга Пущина, за приложенное его ревностное стараніе въ построеніи для походу нашего по Волгѣ судовъ, во флотскіе капитаны 1-го ранга. А бывшимъ при немъ Адмиралтействъ-коллегіи въ награжденіе выдать повелѣваемъ: лейтенанту Ѳедоту Мистрову годовое по его чину жалованье; галерному мастеру Щепину и ластовыхъ судовъ Каребникову: первому за каждую галеру по положенію, а другому за построенныя имъ суда, за каждое по 30 рублей. Всѣмъ же адмиралтейскимъ мастеровымъ и нижнимъ чинамъ, которые при ономъ построеніи здѣсь были, 1.600 руб., которые имъ раздѣлить должно по пропорціи получаемаго ими жалованья.

3.

Предложеніе Адмиралтействъ коллегіи ея президента графа И. Г. Чернышева.

16 іюня 1767 году. Москва.

Сколь поведеніе и содержаніе всей морской команды, бывшей на рѣкѣ Волгѣ, было исправно, о томъ государственная адмиралтейская

¹⁾ № 705, л. 51. Веселаго, Описаніе дѣлъ архива морскаго министерства, III, 567.

коллегія удостовѣриться могла изъ присланнаго при рапортѣ отъ капитана Пущина даннаго аттестата по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, за рукою держурнаго генераль-адъютанта, къ чему при томъ еще присовокупить имѣю, что сверхъ щедраго отъ ея императорскаго величества награжденія каждаго оберъ-офицера особо драгоцѣнными золотыми часами или табакерками, и того что вкупѣ на всю команду 6.200 р. пожаловать изволила и ко мнѣ изъ Симбирска отъ 6-го числа сего мѣсяца своеручно всевысочайше писать, между прочимъ, сими точно словами: «поведеніемъ моряговъ всей команды я весьма довольна» ¹⁾).

Таковые знаки щедрости ея императорскаго величества, простирающіе до всей команды, и высочайшее доказательство своего монаршаго благоволенія и апробаціи поведенія цѣлой почти части галернаго флота заслуживаютъ отъ государственной адмиралтейской коллегіи уваженія и благодаренія, которому они достойны сдѣлались, слѣдуя ея повелѣнію и даннымъ хорошимъ наставленіемъ.

Столь же лестный аттестатъ для морской команды въ оригиналѣ въ адмиралтействъ-коллегію посылаю, который, будучи сохраненъ съ прочими именными повелѣніями, на вѣки будетъ служить доказательствомъ высочайшей ея императорскаго величества милости ко флоту.

4.

Экстрактъ изъ журнала плаванія ея императорскаго величества на галерахъ по рѣкѣ Волгѣ, отъ Твери до Симбирска, въ 1767 году.

2-го мая. Съ полудня въ 2 часа снялись съ якоря отъ города Твери и пошли греблю. Въ 8 часу, прошедъ отъ мѣста 36 верстѣ, для вечерняго стола и ночнаго времени противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Городни легли на якорь.

3-го мая. По полуночи въ половинѣ 4 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ половинѣ 11 часа, прошедъ 37 верстѣ, противъ лежащаго на луговой сторонѣ села Сухорно для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ половинѣ 8 часа для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ 20 верстѣ, противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Новоселье легли на якорь.

4-го мая. Съ полуночи въ четверть 4 часа снялись съ якоря, пошли греблю. Въ началѣ 11 часа, прошедъ 26 верстѣ, для обѣденнаго стола, не дошедъ лежащей на луговой сторонѣ деревни Топорки, легли

¹⁾ № 705, л. 69. Веселаго, 1. с.

на якорь. Во второмъ часу пополудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ исходѣ 8 часа для вечерняго стола и ночнаго времени, проплывъ 27 версть, прошедь немного лежащее на нагорной сторонѣ село Бѣлгородокъ, легли на якорь.

5 - го мая. По полуночи въ исходѣ 3 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ исходѣ 10 часа, прошедь 45 версть, для обѣденнаго стола у лежащаго на луговой сторонѣ Калязина монастыря легли на якорь. Въ началѣ 11 часа ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ съѣхать съ галеры въ оный монастырь. Въ 12 часовъ ея величество соизволила возвратиться изъ монастыря. Въ половинѣ 4 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ исходѣ 8 часа, прошедь 31 версту, у лежащаго на луговой сторонѣ села Городища, какъ для вечерняго стола, такъ и ночнаго времени легли на якорь.

6 - го мая. По полуночи въ началѣ 5 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 7 часу, проплывъ 13 версть, пришедь противъ города Углича, легли на якорь. Въ 9 часу ея императорское величество соизволила съ галеры шествовать на шлюпкѣ въ Угличъ. Въ 10 часу ея величество соизволила возвратиться изъ города. Въ исходѣ 2 часа пополудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ началѣ 8 часа, прошедь 48 версть, какъ для вечерняго стола, такъ и ночнаго времени противъ лежащей на луговой сторонѣ деревни Островки легли на якорь.

7 - го мая. По полуночи въ половинѣ 4 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 6 часу, прошедь 6 версть, за крѣпкимъ вѣтромъ противъ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Килина легли на якорь и всѣ сутки лежали на якорѣ.

8 - го мая. Въ 2 часа по полуночи снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 6 часу шли бичевою. Въ 1 часу по полудни, прошедь 37 версть, противъ устья рѣки Мологи, для обѣденнаго стола легли на якорь и ожидали кухоннаго судна. Въ половинѣ 6 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 7 часу пошли подъ парусами. Въ 10 часу, прошедь 28 версть, у Рыбной слободы легли на якорь.

9 - го мая. По полуночи въ половинѣ 8 часа ея императорское величество соизволила шествіе имѣть въ Рыбную слободу въ соборную церковь. Въ 9 часу ея величество соизволила возвратиться и, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ половинѣ 11 часа, прошедь 13 версть, для обѣденнаго стола противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Малшино легли на якорь, и ея величество обѣденный столъ изволила имѣть въ ономъ селѣ Малшино. Въ началѣ 2-го часа пополудни ея величество соизволила изъ села Малшино возвратиться, и снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ началѣ 8 часа, проплывъ 68 версть, для вечерняго стола и ночнаго времени, пришедь къ городу Ярославлю,

легли въ якорь. Съ онаго часа по 13 число мая ея императорское величество изволила присутствіе свое имѣть въ Ярославѣ.

13-го мая. По полудни въ началѣ 6 часа ея величество соизволила возвратиться на галеру. Въ началѣ 8 часа, снявшись съ якоря, пошли греблю. Въ началѣ 10 часа, прошедъ по рѣкѣ отъ Ярославля 10 версты, не дошедъ до лежащей на нагорной сторонѣ деревни Орловой 2 версты, стали на якорь.

14-го мая. По полудни въ 2 часа снялись съ якоря и пошли греблю. Въ половинѣ 10 часа, проплывъ по рѣкѣ 36 версты и прошедъ немного лежащаго на нагорной сторонѣ села Городича, для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа по полудни снялись съ якоря и пошли подъ парусами. Въ половинѣ 9 часа, проплывъ по рѣкѣ 37 версты и пришедъ противъ Ипатскаго монастыря, для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

15-го мая. По полуночи въ исходѣ 9 часа ея императорское величество соизволила поѣхать въ Ипатской монастырь. Въ 4 часа по полудни ея величество соизволила изъ монастыря ѣхать на шлюпкѣ въ городъ Кострому. Въ 5 часу ея величество соизволила изъ города Костромы проѣхать въ тотъ же монастырь. Въ 12 часу ея величество изволила возвратиться на галеру.

16-го мая. По полуночи въ 7 часу снялись съ якоря и пошли въ путь греблю изъ рѣки Костромы въ рѣку Волгу. Въ началѣ 12 часа, прошедъ по рѣкѣ 28 версты, у деревни Орлецъ, лежащей на нагорной сторонѣ, для обѣденнаго стола легли на якорь. Въ 3 часа по полудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 9 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 43 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени противъ лѣса Петропавловскаго легли на якорь.

17-го мая. По полуночи въ половинѣ 9 часа ея императорское величество соизволила съ галеры на шлюпкѣ отбыть въ село Петропавловское. Въ часъ по полудни ея величество соизволила изъ села Петропавловскаго обратно прибыть на галеру. Въ началѣ 2 часа снялись съ якоря и пошли греблю, въ ономъ же часу распустили паруса. Въ 9 часу, прошедъ по рѣкѣ 63 версты, близъ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Иванихи для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

18-го мая. По полуночи въ половинѣ 3 часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблю. Въ 12 часовъ, прошедъ 78 версты, для обѣденнаго стола прстивъ лежащей на нагорной сторонѣ слободы Катунки, легли на якорь. Въ началѣ 4 часа по полудни снялись съ якоря и пошли въ путь греблю. Въ началѣ 8 часа, прошедъ по рѣкѣ 24 версты, противъ лежащей на луговой сторонѣ нижней слободы Городца для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

19-го мая. По полуночи въ 10 часу ея императорское величество изволила на шлюпкѣ отбыть въ верхній Городецъ. Въ 1 часу по полудни ея величество изволила возвратиться обратно на галеру. Въ 3 часу, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 9 часу, прошедь 43 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, не дошедь Нижняго-Новгорода, въ 10 верстахъ легли на якорь.

20-го мая. По полуночи въ началѣ 6 часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблю. Въ 9 часу, пришедь къ Нижнему-Новгороду, противъ пристани легли на якорь; въ исходѣ часа ея величество соизволила на шлюпкѣ отбыть въ Нижній-Новгородъ, и всѣ оныя сутки стояли на якорѣ.

21-го мая. По полудни въ началѣ 9 часа ея императорское величество соизволила изъ города ъздить на шлюпкѣ вверхъ по Окѣ рѣкѣ и возвратиться паки въ городъ.

22-го мая. По полудни въ началѣ 5 часа ея императорское величество соизволила возвратиться на галеру. Въ началѣ 6 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 9 часовъ, прошедь 24 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, пришедь противъ лежащаго на нагорной сторонѣ села Великаго-Врага, легли на якорь.

23-го мая. По полуночи въ началѣ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 10 часовъ, прошедь по рѣкѣ 60 версть, для обѣденнаго стола противъ монастыря св. Макарія Желтовницкаго, лежащаго на луговой сторонѣ, легли на якорь. Въ 11 часовъ ея императорское величество изволила на шлюпкѣ отбыть на берегъ въ Макарьевскій монастырь. Въ 12 часовъ ея величество соизволила изъ монастыря возвратиться обратно на галеру. Въ 2 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 9 часовъ, прошедь по рѣкѣ 45 версть, для вечерняго стола и ночнаго времени по близости лежащаго на нагорной сторонѣ села Самовки легли на якорь.

24-го мая. По полуночи въ половинѣ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь на греблѣ. Въ исходѣ 12 часа, прошедь по рѣкѣ 60 версть, для обѣденнаго стола, не дошедь до города Козмодемьянска 2 версть, легли на якорь. Въ 4 часа по полудни снялись съ якоря и пошли греблю. Въ 9 часовъ, прошедь по рѣкѣ 45 версть, для вечерняго стола и ночнаго времени, миновавъ немного лежащій на нагорной сторонѣ приходъ Ильинской, легли на якорь.

25-го мая. По полуночи въ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 7 часовъ, прошедь по рѣкѣ 24 версты, подойдя къ городу Чебоксарь легли на якорь. Въ 8 часовъ ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ отбыть въ городъ Чебоксарь. Въ 11 часовъ ея величество соизволила изъ Чебоксара возвратиться на галеру, гдѣ имѣла обѣденный столъ. Въ половинѣ 2 часа по полудни, снявшись

съ якоря пошли въ путь греблю. Въ 9 часовъ, прошедъ по рѣкѣ 46 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ село Кушниково, легли на якорь.

26-го мая. По полуночи въ началѣ 3 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ половинѣ 12 часа, прошедъ по рѣкѣ 70 верстъ, для обѣденнаго стола, пришедъ къ лежащей на нагорной сторонѣ деревни Маркваша, легли на якорь. Въ 4 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ началѣ 7 часа, прошедъ по рѣкѣ 15 верстъ, пришедъ къ городу Казани, легли на якорь, а въ половинѣ того же часа ея императорское величество соизволила отбыть съ галеры на шлюпкѣ въ городъ Казань.

27—31-го мая. Ея императорское величество соизволила имѣть свое присутствіе въ городѣ Казани.

1-го іюня. По полуночи въ половинѣ 11 часа ея императорское величество изъ города Казани соизволила возвратиться на галеру. Въ 1 часу по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ исходѣ 9 часа, прошедъ по рѣкѣ 23 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени, противъ лежащаго по нагорной сторонѣ села Шеланга легли на якорь.

2-го іюня. По полуночи въ половинѣ 4 часа, снялись съ якоря и пошли въ путь подъ парусами. Въ половинѣ 10 часа, прошедъ по рѣкѣ 50 верстъ, для обѣденнаго стола, не дошедъ немного села Корельскаго, легли на якорь. Въ половинѣ 2 часа по полудни, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ началѣ 5 часа, прошедъ по рѣкѣ 22 версты до пристани Бѣлгородской, гдѣ легли на якорь, а ея императорское величество изволила сѣсть на шлюпку и отбыть на Бѣлгородскую пристань, откуда шествіе имѣла въ городъ Бѣлгородъ. Въ 8 часовъ ея величество соизволила изъ города Бѣлгорода возвратиться на галеру, а въ исходѣ того же часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ исходѣ 10 часа, прошедъ по рѣкѣ 42 версты, для вечерняго стола и ночнаго времени легли на якорь.

3-го іюня. По полуночи въ исходѣ 4 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ исходѣ 8 часа, прошедъ по рѣкѣ 44 версты, а пройдя островъ Щучій 4 версты, противъ сдѣланной пристани легли на якорь. Въ началѣ 10 часа ея императорское величество соизволила на шлюпкѣ сѣхъ на берегъ къ графу Ивану Григорьевичу Орлову въ село Вознесенское, которое состоитъ отъ берега въ 10 верстахъ.

4-го іюня. По полудни въ началѣ 3 часа ея императорское величество соизволила возвратиться на галеру, а въ исходѣ онаго часа снялись съ якоря и пошли въ путь греблю. Въ исходѣ 8 часа, прошедъ по рѣкѣ 46 верстъ, для вечерняго стола и ночнаго времени, прошедъ мимо монастыря Соловецкаго, легли на якорь.

5-го іюня. По полуночи въ исходѣ 7 часа, снявшись съ якоря, пошли въ путь греблю. Въ 10 часу, прошедъ по рѣкѣ 15 верстъ, придя къ городу Симбирску, противъ пристани легли на якорь. Ея императорское величество соизволила съ галеры отбыть на шлюпкѣ въ городъ Симбирскъ.

Всего плаванія по рѣкѣ Волгѣ отъ Твери до Симбирска 1410 верстъ.

5.

Вѣдомость судамъ, имѣвшимъ плаваніе по рѣкѣ Волгѣ во время путешествія ея императорскаго величества въ 1767 году.

Галеры: 12-ти банокъ. „Тверь“. Командиръ, капитанъ Петръ Пущинъ; лейтенанты: Егоръ Лавринъ, Назаръ Логвиновъ; мичманъ Михайло Воейковъ; штурманъ прапорщичьяго ранга Савва Сахаровъ, артиллеріи унтеръ-лейтенантъ Иванъ Ивановъ.

На галерѣ находились: ея императорское величество; графы: Григорій Григорьевичъ и Владиміръ Григорьевичъ Орловы и двѣ фрейлины.

10-ти банокъ. „Волга“. Командиръ, капитанъ Лаврентій Лупандинъ; мичманъ Ѳеодоръ Калугинъ; констапель Ильи Бизяевъ.

На галерѣ находились: графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Александръ Ильичъ Бибииковъ, Дмитрій Васильевичъ Волковъ.

10-ти банокъ. „Ярославъ“. Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Иванъ Наткинъ; мичманъ Ѳеодоръ Путятинъ; констапель Михайлъ Прохвнинъ.

На галерѣ находились: графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, Михайлъ Васильевичъ Дублянский, Николай Ивановичъ Чечеринъ, Сергій Алексѣевичъ Всеволодскій, полковникъ князь Долгоруковъ, лейбъ-хирургъ Рейслейнъ и лекарь.

„Казань“. Командиръ, капитанъ-лейтенантъ Никифоръ Палибинъ; мичманъ Петръ Шпшкинъ; лекарь Яганъ Гагенъ; констапель Василій Анчеринъ.

На галерѣ находились: гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ.

Кухонныя: „Угличъ“. Командиръ, лейтенантъ Ѳеодотъ Мистровъ.

„Кострома“. Командиръ, лейтенантъ Иванъ Дуровъ.

„Нижній-Новгородъ“. Командиръ, лейтенантъ Иванъ Баллей. Находился подъ Придворной провинціей. Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

„Симбирскъ“. Командиръ, мичманъ Иванъ Шаховъ.

На немъ находился Василій Михайловичъ Ребиндеръ.

Госпитальное: „Ржевъ Владиміровъ“. Командиръ, лейтенантъ Сергій Лопухинъ.

На немъ находились: комиссаръ Иванъ Бреховъ, лекарь Сибрантъ фегенъ Бауманъ.

„Лама“, графа Захара Григорьевича Чернышева, собственное. Командиръ, Ѳеодоръ Минихъ.

На немъ находился гр. З. Г. Чернышевъ.

„Севастьяновка“, собственное графа Григорія Григорьевича Орлова. Командиръ, подштурманъ Григорій Леоновъ.

Сверхъ того было полубарокъ: съ командою лейбъ - гвардіи полковъ 2, съ придворн. запасомъ 8, большихъ лодокъ 4.

Кромѣ того были иностранные министры: испанскій виконтъ Дегерерскій, цесарскій князь Лобковичъ, прусскій графъ Сольмсъ, датскій баронъ Ассенбургъ. Саксонскій графъ Сакчень на галерѣ „Вомѣ“.

Да на всѣхъ судахъ прочихъ чиновъ флотскихъ, артиллерійскихъ, солдатскихъ и адмиралтейскихъ 777.

Армейскихъ при одномъ маіорѣ съ нихъ оберъ-офицерами 345, а всего 1122 человекъ.

6.

Высочайшій указъ Адмиралтействъ-коллегіи ¹⁾.

Января 16 дня 1768 году.

Буде не можно безвредно до Петербурга довести построенныя для нашего плаванія по Волгѣ суда, то повелѣваемъ адмиралтейской коллегіи оныя перевести до Казани, и тамо по своему разсужденію, или передѣлавъ употреблять для своихъ перевозокъ по Волгѣ рѣкѣ, или вытща въ удобномъ мѣстѣ на берегъ подъ сараемъ хранить.

II.

Плаваніе по Днѣпру.

1.

Высочайшій рескриптъ вице-адмиралу Пушину ²⁾.

Марта 14 1784 году.

Г. Вице-адмиралъ и генералъ-интендантъ Пушину. Препоруча вамъ известное строеніе судовъ на Днѣпрѣ, въ Смоленскѣ или близъ онаго города, мы возлагаемъ на попеченіе ваше къ тому относящаяся распоряженія. На проѣздъ вашъ и возвращеніе указали мы выдать вамъ изъ казначейства для остаточныхъ суммъ учрежденнаго 1.000 рублей, да на нужные расходы для того строенія 10.000 рублей. Адмиралтейская коллегія и наши генералы-губернаторы или губернаторы должны будутъ подать вамъ всякое нужное пособіе, коего вы отъ нихъ силою сего указа

¹⁾ № 706, л. л. 15—20. Веселаго, I, с. 569.

²⁾ № 728, л. 39.

нашего требовать имѣете. По всему сему поручаемому вамъ дѣлу должны будете доносить намъ и отъ насъ испрашивать рѣшеніе.

2.

Письмо вице-адмирала Пушина графу И. Г. Чернышеву.

Продолжилъ я донесеніемъ объ успѣхахъ дѣлъ моихъ, тому причина: смоленскихъ жителей нашелъ людей совершенно незнающихъ и неимѣющихъ понятія о заготовкѣ лѣсовъ для построенія судовъ, а къ тому уже наступила работная пора для хлѣбопашества, то и начали поставлять цѣны неумѣренныя и чрезвычайно дорогія, да не только къ поставкѣ, даже и тѣ, которые на корню кому изъ владѣльцевъ принадлежать, а въ казенныхъ дачахъ строеваго лѣса совсѣмъ нѣтъ; рабочие-жъ люди по всѣмъ моимъ стараніямъ никто не являются, и такъ три недѣли изыскивалъ способы, но ничего рѣшительнаго не предвидѣлъ и находился въ сумнѣніи, не зная чѣмъ начать и какъ конца достигнуть. Но напоследокъ 16 числа сего мѣсяца отставной надворный совѣтникъ Рыдванскій, усердствуя оказать ея величеству услугу, хотя за дорогую цѣну, но съ скидкой, противу всѣхъ дешевле договорился всѣ лѣса, кромѣ досокъ, начавъ въ маѣ, окончить поставку въ августѣ мѣсяцѣ: на галеры 12-ти баночныя на двѣ, а 10-ти баночныя на 5, кухонныхъ судовъ на 2, конюшенныхъ на 2, для разныхъ провизій на 3, всего на 14 судовъ, цѣною на 22.723 руб. 42 коп. А досокъ разныхъ сортовъ потребно 11841, за которыя просили прежде 26, а потомъ 16 и 13 тысячъ руб., меньше никто не бралъ, напоследокъ добрый человекъ купецъ Хлѣбниковъ взялся лоставить за 10.000 руб. Теперь нужные всего гвозди и желѣзо съ прочими вещами, за онымъ на сихъ дняхъ пошлю въ Москву. Да не въ слыханной мною цѣнѣ стоитъ уголье, 4 недѣли держали цѣну по 50 коп. четверть, которая въ Петербургѣ не дороже 14 коп. покупается.

Вотъ, милостивый государь, попался я въ смоленскія руки! ни мое усердіе къ соблюденію интереса, ни всѣ пріемлимыя способы и увѣщеванія здѣшнихъ жителей склонить не въ силахъ, невоображаемую мною цѣну платить долженъ. И по симъ обстоятельствамъ непремѣнно іюнь мѣсяцъ въ Смоленскѣ прожить мнѣ надобно будетъ. О гребныхъ судахъ, рѣшился здѣсь только построить для 7 судовъ къ каждому по два; а къ галерамъ шлюпки 12-ти весельныя 3, да 10-ти весельныя 4, и катеровъ 7 лучше доставить изъ Петербурга зимою, а также всѣ якоря, пушки или фальконеты и мелочныя вещи, которыхъ здѣсь и въ Москвѣ не отыщу. Всего больше еще затрудняетъ пенька шапаная, или на ци-

паніе оной канать, ни здѣсь, ни въ Москвѣ отыскать не можно, надобно будетъ оную доставить изъ Петербурга.

Въ рѣкѣ Днѣпрѣ вода еще и поныяѣ прибываетъ, поверхъ ординарной прибыло 27 футъ 11 дюймъ.

23 апрѣля 1784 года.

3.

Высочайшій указъ вице-адмиралу Пушину ¹⁾.

2 апрѣля 1787 году.

Назначенною для плаванія нашего по Днѣпру отъ Кіева до Екатеринослава флотиліею вы имѣете командовать, пользуясь флагомъ вице-адмиральскимъ, со всѣми его преимуществами; кому на какой галерѣ или другаго названія суднѣ быть—получите вы роспись; во время сего плаванія производить лоцманамъ по одному рублю на день. Суда же по прибытіи къ порогамъ какимъ образомъ чрезъ оныя провестъ и кому ихъ, такожъ и команду на нихъ сухопутную и морскую сдать, вы получите наши приказанія чрезъ генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина, по его главному начальству надъ сухопутными и морскими нашими въ томъ краю ополченіями.

4.

Вѣдомость состоящимъ въ Кіевѣ судамъ, 1787 года апрѣля 7 дня.

12 баночныя: № 1 „Днѣпръ“. Командиръ капитанъ-лейтенантъ Иванъ Пушинъ.

На немъ находилась ея императорское величество.

№ 2²⁾ Капитанъ-лейтенантъ Адольфъ фонъ-Сакоцъ.

На немъ находились: князь Г. А. Потемкинъ, графини: Браницкая и Скавронская.

10 баночныя: № 1 „Ипутъ“. Лейтенантъ Иванъ Паскочинъ.

На немъ находились: оберъ-шталмейстеръ графъ Шуваловъ и сынъ его, тайные совѣтники: Чертковъ и Нелединской.

№ 2 „Сеймъ“. Кап.-лейт. Алексѣй Нелединской.

На немъ находились: Посоль, министры и принцъ де-Линь.

¹⁾ № 731, л. 30.

²⁾ Въ оригиналѣ пропускъ. Въ *Dyaryusz podróży Stanisława Augusta Króla na Ukrainę, w Roku 1787, przez Adama Naruszewicza*. Warszawa, 1805, галера эта названа „Бугъ“ (стр. 289). Ср. *Dziennik podróży króla Stanisława Augusta na Ukrainę*. Warszawa, 1788, стр. 301.

№ 3 „Десна“. Лейт. Павелъ Кропотовъ.

На немъ находилась столовая.

№ 4 „Сожъ“. Лейт. Александръ Глинка.

На немъ находились: гофмаршалъ тайный совѣтникъ Стрекаловъ, лейбъ-медикъ Рожерсонъ, дѣйств. тайн. сов. Храповицкій.

№ 5 „Сновъ“. Лейт. Агей Нелидовъ.

На немъ находились: графъ Ангальтъ, графъ Безбородко, генералъ-маіоръ Левашевъ, шталмейстеръ Ребиндеръ.

Трешходтъ „Орель“. Лейт. Карлъ Литке.

На немъ находился графъ И. Г. Чернышевъ съ дочерью.

Водовики: № 1 „Остеръ“. Мичм. Ѳедоръ Леслій.

На немъ находились: камергеры: Валуевъ, Салтыковъ; камеръ-юнкеры: Бибиковъ, Кочубей, два или три капитана.

№ 2 „Трубежъ“. Мичм. Павелъ Шостакъ.

На немъ находились: Кохъ, Келхенъ, Вейкартъ. Мессингъ, Гревсъ и два коллегія иностранныхъ дѣлъ чина.

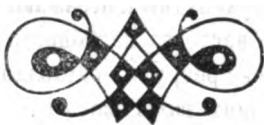
№ 3 „Лебедь“. Мичм. Иванъ Шостакъ.

На немъ находились камеръ пажи.

Штурманы унтеръ-офицерскаго чина: № 4 „Ильма“. Василій Полтаринъ; № 5 „Тавель“ Филипъ Башлыковъ. Шталмейстерскія; № 1 „Тясмина“, лейт. Николай Данзовичъ; № 2 „Стугна“, лейт. Василій Шостаковъ Гофмаршальскія: № 1 „Донъ“. Василій Лихаревъ. № 2 „Ингуль“. Андрей Башуцкій.

Бухни: № 1 „Самара“. Александръ Забелло. № 2 „Кубань“. Григорій Тимченко. Госпитальное „Салгиръ“. Павелъ Маринъ.

Сообщилъ проф. В. Вильбасовъ.

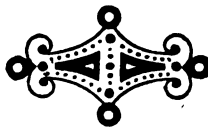

Патріотическое предложеніе псковскаго дворянства поставить рекрутъ внѣ очереди.

Высочайшій указъ псковскому губернатору Пиллю.

20 іюля 1788 г. С.-Петербургъ.

Господинъ генералъ поручикъ и псковскій губернаторъ Пилль. Увѣдомившись изъ донесенія вашего отъ 13-го іюля о похвальномъ подвигѣ дворянства Псковской губерніи предложеніемъ по случаю войны, несправедно противу насъ королемъ шведскимъ подъятой, поставить на службу рекрутъ изъ собственныхъ ихъ имѣній, поручаемъ вамъ объявить наше признаніе къ усердію ихъ. Мы никогда въ таковыхъ добрыхъ распоряженіяхъ не сомнѣвались, знавъ ревность къ оборонѣ цѣлости и славы отечества, свойственную россійскому благородному дворянству. Богу благодареніе, успѣли мы положить уже начало сея обороны, и силы наши военныя, морскія и сухопутныя, отражаютъ покушенія непріятельскія, почему теперь и не настоятъ надобности беспокоить помѣщиковъ преждевременно поставкою рекрутъ, оставляя сіе до обыкновеннаго набора. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Къ исторіи царствованія императрицы Екатерины II

(Письма, замѣтки и прочее).

Рескриптъ князю Трубецкому о коронаціи.—Сенатскій указъ, составленный Екатериною II.—Число явившихся депутатовъ въ комиссію для составленія Уложения.—Графъ Андрей Шуваловъ.—А. А. Самборскій и великій князь Александръ Павловичъ.—Княгиня Е. Р. Дашкова и А. А. Нарышкинъ.—Поэтъ В. Петровъ и князь Потемкинъ-Таврическій.—Цезарь Лагарпъ.—Великій князь Павелъ Петровичъ.—Георгій Конисскій.

1.

Собственноручный рескриптъ императрицы Екатерины II князю Н. Ю. Трубецкому ¹⁾!

27 августа 1762 г.

Господинъ генераль-фельтъ-маршалъ. Письмо ваше отъ 22-го августа я тѣмъ съ болшимъ удовольствіемъ получила, чѣмъ болѣ вижу я изъ онаго рачительное ваше попеченіе къ приуготовленію къ моей коронаціи всѣго потребнаго и пріемля оное съ особливимъ благоволеніемъ чрезъ сіе подтверждаю, чтобъ, конечно, всѣ готово было для вездъ ²⁾ 9-го числа сентября, а для коронаціи 22-го. А церемоніялъ съ своеручною апробацію квамъ присемъ возвращаю пребывая вамъ доброжелательною Екатерина.

¹⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

²⁾ Въѣзда.

2.

Сенатскій указъ, составленный императрицею Екатериною II ¹⁾.

1765 г.

Указъ этотъ, какъ частный, данный одной только провинціи, не вошелъ въ полное собраніе законовъ; между тѣмъ онъ важенъ по существу, какъ касающійся вопроса о народномъ продовольствіи, и особенно интересенъ для характеристики Екатерины, являющейся въ роли сенатскаго секретаря.

Въ мартѣ 1765 года, новгородскій губернаторъ Я. Е. Сиверсъ прислалъ императрицѣ представленіе о вздорожаніи хлѣба всякаго рода, особенно же въ Великолуцкой провинціи. Екатерина удивилась: какой-нибудь мѣсяцъ назадъ, въ январѣ, хлѣба было такъ много, что согласно депешѣ русскаго посланника въ Стокгольмѣ, графа И. А. Остермана, разрѣшено было выслать хлѣбъ въ голодавшую тогда Швецію, «въ счетъ недоимочныхъ субсидій» ²⁾; въ мартѣ же чувствуется уже недостатокъ хлѣба въ Новгородѣ и Псковѣ. Екатерина отправила бумагу Сиверса генераль-прокурору князю А. А. Вяземскому при слѣдующей запискѣ: «Какъ можно скорѣе предложите сенату представленіе новгородскаго губернатора о недостаткѣ хлѣба въ Великолуцкой провинціи» ³⁾. Императрица этимъ, однако, не удовольствовалась.

Что можетъ сдѣлать сенатъ? Какъ помочь насущной нуждѣ? Какъ предотвратить подобное явленіе въ будущемъ? Если въ январѣ былъ свободный хлѣбъ, его слѣдовало отправить въ Псковъ и Великія-Луки, а не въ Швецію; хлѣбъ рѣшили послать въ Швецію, вслѣдствіе недостаточныхъ извѣстій о положеніи хлѣбнаго рынка у себя дома. Въ распредѣленіи запасовъ хлѣба есть очевидная несообразность. Сенатъ не въ силахъ исправить ее—необходимо участіе самого общества, не только торговцевъ, но и производителей хлѣба. Руководствуясь этими соображеніями, Екатерина сама пишетъ отъ имени сената слѣдующій указъ:

«Правительствующему сенату извѣстно, что въ Псковской и Великолуцкой провинціяхъ на всякой хлѣбъ цѣны весьма возвысились; и какъ отъ туда отвозятъ родившійся у нихъ хлѣбъ на продажу въ Лифляндію и Эстляндію; гдѣ нынѣ цѣны весьма высоки, то изъ осторожности, дабы иногда вывозомъ хлѣба изъ Псковской и Великолуцкой провинцій въ

¹⁾ Сообщилъ профес. В. А. Вильбасовъ.

²⁾ «Сборникъ Имп. истор. общества», LVII, 423. Отъ императрицы скрыли о бывшемъ въ это время голодѣ въ Олонецкомъ уѣздѣ («Архивъ Сената», 1765, дѣла № 1271).

³⁾ «Смирдинъ», III, 489.

Остзейскія не сдѣлались у самихъ недостаткомъ, по указу ея императорскаго величества правительствующей сенатъ приказали: въ означенныхъ Псковской и Великолуцкой провинціяхъ обнародовать печатными указами въ городахъ и въ селахъ для увѣщенія жителей, чтобъ продающіе хлѣбъ въ томъ поступали осторожно, и оставляли бы во всякомъ мѣстѣ столько, чтобъ до будущей жатвы, которую дай Боже благозобилю, не только стало, но чтобъ и въ случаѣ недорода, которой Всевышній да отвратить, нужду претерпѣть не могли; на казенную же помощь не надѣялись бы таковыя, кои собственною своею неосторожностью иногда недостатокъ претерпѣть могутъ. О чемъ чрезъ сіе и объявляется».

Ни слогъ, ни правописаніе этого указа ни мало не обличаютъ руки Екатерины, и нужно было ея собственноручное свидѣтельство, чтобъ удостовѣрить принадлежность указа императрицѣ. Отправляя этотъ сенатскій указъ князю Вяземскому, Екатерина приписала на полѣ: «Сіе переписано на чисто съ моей безграмотной руки. Ваше сіятельство уже велитъ переписать по вашему» ¹⁾).

Екатерина, конечно, не остановилась на этомъ. Представленіемъ Я. Е. Сивера былъ поднятъ важный вопросъ о продовольствіи населенія, и Екатерина никогда уже не упускала его изъ вида. 2-го февраля 1766 года былъ изданъ извѣстный указъ коллегіи экономіи о «заимообразной выдачѣ крестьянамъ хлѣба во время неурожая на прокормленіе и посѣвъ» ²⁾; 8-го апрѣля того же года новая просьба шведовъ объ уплатѣ недоимки хлѣбомъ была отклонена: «у насъ у самихъ недостатокъ» ³⁾, и затѣмъ, до самой своей смерти, Екатерина внимательно слѣдила за этимъ вопросомъ, допуская возможность неурожая, но отвергая голодъ, какъ явленіе въ Россіи невысказанное при разумной организаціи продовольственнаго дѣла.

3.

Изъ исторіи законодательной комиссіи ⁴⁾.

1767 г.

Ведомость явившимся депутатамъ:

Отъ присутственныхъ местъ.	27
» дворянства великороссійскихъ уездовъ и изъ остзейскихъ провинцій	151

¹⁾ Изъ нашего архива.

²⁾ «П. С. З.», № 12562.

³⁾ «Сборникъ» LVII, 505.

⁴⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

отъ дворянства малороссійскихъ полковъ	15
» дворянства гусарскихъ полковъ.	6
» городскихъ жителей.	203
» казацкихъ гусарскихъ и запорожскихъ войскъ и отъ малороссійскихъ полковъ	96
» пахотныхъ солдатъ однодворцовъ черносопныхъ крестьянъ і иноверцовъ	47
Итого	545

Жалованья положено депутатамъ:

Отъ дворянъ каждому по 400 р., а всемъ	68.800 р.
Городовымъ, каждому по 122, а всемъ.	24.766 »
Казакамъ и всемъ прочимъ по 37, а всемъ	3.552 »
всего.	97.118 р.

Присутственныхъ же мѣсть депутаты получаютъ жалованье по своимъ мѣстамъ.

4.

Письмо графа Андрея Шувалова—Я. А. Авдѣеву.

25-го іюля 1778 г. Парижъ.

Государь мой Яковъ Андреевичъ!

Я слава Богу здоровъ, а что долго не писалъ, въ томъ виноватъ, хотя при томъ нѣсколько времени былъ боленъ подагрой. Всѣми вашими распоряженіями крайне доволенъ и полагаюсь совершенно на вашу ко мнѣ дружбу, на усердіе, искусство и честность. Увѣренъ, что дѣла мои не могутъ инаково какъ процвѣтать въ рукахъ вашихъ. Сейчасъ ѣду изъ Парижа въ Спа къ цѣлительнымъ водамъ, гдѣ мѣсяцъ пробуду, а тамъ паки сюда возвращусь; дорога же отсюда до Спа пять дней. И сколь скоро въ Спа приѣду, то подробно на всѣ ваши представленія отвѣчать буду, а между тѣмъ увѣренъ, что вы ничего не пропускаете къ моей пользѣ. Итакъ я подробное и долгое письмо буду къ вамъ изъ Спа писать.

Сынъ вашъ здоровъ и вчерась былъ у меня въ гостяхъ. Я за нимъ смотрю истинно какъ за своимъ ближнимъ и ровнымъ; хочу вамъ сказать, что онъ учится такъ хорошо, что лучше желать нельзя. да и поведенія весьма хорошаго, такъ что одну похвалу заслуживаетъ; и такъ сердце ваше отчею радоваться должно. Письмо отъ сына къ вамъ здѣсь прилагаю.

Прощай, мой другъ сердечный, будь увѣренъ о моей къ тебѣ и твоимъ преданности столько, сколько я увѣренъ въ твоей полной любви; остаюсь навсегда съ моимъ почтеніемъ и проч.

5.

Письмо графа Андрея Шувалова—Я. А. Авдѣеву.

14-го (25) іюня 1779 г. Парижъ.

Другъ мой Яковъ Андреевичъ!

Послѣднее мое письмо показалось тебѣ бредомъ, я хлопоталъ о деньгахъ и хотѣлъ занимать, а у меня, по старанію твоему, прошлогодскаго еще дохода должно быть наличныхъ денегъ въ Петербургѣ слишкомъ тридцать двѣ тысячи рублей. Ошибка сія съ моей стороны, или лучше сказать странный отчетъ, отъ того происходитъ, что я перешелъ изъ одного флигиля здѣсь нанятаго мною дома въ другой, и бумаги мои въ переносѣ въ крайнюю конфузю приведены были. А тотчасъ послѣ того что перешелъ, получилъ сильный подагрической припадокъ, отъ котораго слишкомъ двѣ недѣли страдалъ, и вчерась только я могъ бумаги мои сообразить и разобрать. Итакъ, не мысля болѣе о займахъ, я велѣлъ Евсею перевести сюда двадцать пять тысячъ рублей, а остальные беречь и никуда не употреблять, развѣ по моему приказу, или если ты, мой другъ, въ случаѣ несчастія, на заводы востребуешь. Ему-жъ, Евсею, я далъ сто рублей въ награжденіе. Онъ во время потопа въ С.-Петербургѣ, когда вино мое разнесло, много трудился и самъ въ опасности былъ, а я ему ничего не далъ. Я надѣюсь, что ты имъ доволенъ и это тебѣ пріятно покажется.

Впрочемъ съ почтеніемъ моимъ и съ искренною преданностію пре-
бываю.

6.

Письмо А. А. Самборскаго—гр. Н. И. Салтыкову ¹⁾.

Сіятельнѣйшій графъ Николай Ивановичъ!

Милостивѣйшій государь!

и дражайшій отецъ!

Что я симъ именовъ васъ нарекаю не по единымъ словамъ, но по самоличнѣйшему благоговѣнію къ вашимъ христіанскимъ добродѣтелямъ

¹⁾ Андрей Афонасьевичъ Самборскій родился 1-го августа 1732 года и съ отличіемъ окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи. Рукоположенный 8-го сентября 1768 года во священники, онъ былъ отправленъ въ Лондонъ, гдѣ и оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ 1782 г. протоіерей Самборскій, въ званіи духовника, сопровождалъ цесаревича Павла Петровича и его супругу Марію Феодоровну въ путешествіи ихъ по Европѣ, а въ 1784 г.—былъ назначенъ законоучителемъ и преподавателемъ англійскаго языка великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ. Въ собственноручномъ черномомъ подлинникѣ печатаемаго письма не обозначены ни годъ, ни число, когда оно писано, но по своему содержанію должно быть отнесено въ 1788 году.

и по горячайшей къ вамъ любви,—въ томъ да удостовѣритъ васъ Самъ Богъ, испытуй сердца и утробы человѣческія. Во все время моего служенія подъ начальствомъ вашимъ наубѣдительнѣйшіе имѣлъ я опыты, что и вы соотвѣтствуете мнѣ прямою отеческою любовію, которая исторгнула меня изъ бѣдности, доставила мнѣ покойное жилище и которая подкрѣпляетъ меня во многотрудномъ званіи.

На семъ священнѣйшемъ жертвенникѣ любви дерзаю принести въ жертву вамъ, дражайшій отецъ, откровенность моею души, которою вы совершенно обладаете.—Но дабы вы были въ семъ случаѣ спокойны, то я долженъ васъ жизнию моею увѣритъ, что не отъ какихъ либо совѣщателей взаимодействовалъ я нижеслѣдующія начертанія, поелику я обращаюсь съ людьми изъ единой точію благопристойности и провождаю сельскую и уединенную жизнь, и по настоящимъ темнымъ обстоятельствамъ довольно осторожную; не вхожу ни въ какой союзъ довѣренности, но взаимодействую начертанія сіи отъ народнаго гласа, которою можно слышать на стогнахъ, на распутіяхъ, и на торжищахъ!

Вольноглаголаніе о власти самодержавной почти всеобщее и чувство, устремляющееся къ необузданной вольности, воспалившееся при мѣромъ Франціи, предвѣщаетъ нашему любезнѣйшему отечеству наизвѣстнѣйшее кровопролитіе. Къ сему гибельному происшествію акибы насильно влечетъ народъ угнетеніе и грабительство алчныхъ судей и властей, которые на единой токмо мздѣ продаютъ свое правосудіе. Беззаконную-жъ мзду употребляютъ они на вѣщшее зло, яко то: на избрѣтеніе разнообразнаго сладострастія и роскоши, увольвающей непорочныя нравы, расторгающей духовныя обѣты непорочнаго ложа и искореняющей всякое благонравіе и благочестіе. Главныя сіи потрясенія добродѣтели хотя и могли бы предохраниться евангельскимъ закономъ, но и сей съ одной стороны стѣсненъ невѣріемъ, а съ другой суевѣріемъ и животолками возникшихъ вновь преопасныхъ лжеучителей; а притомъ совсѣмъ есть поглощенъ оный важный законъ, въ корыстолюбіи первосвященниковъ и священнослужителей, которые Божіи храмы превратили въ торжища и которые пастьрствуютъ болѣе своего ради чрева и фарисейскихъ почестей, нежели для человѣческаго спасенія. Прочія же дѣянія, совершающіяся воочію вашею, переходу молчаніемъ. Прозорливость ваша и наиважнѣйшая довѣренность въ правленія болѣе и подробнѣе могутъ постигнуть оныя, нежели я объяснить.

Отъ толикаго ослабленія и небреженія закона Божія, всякіе развраты, неправды и неисчетныя злоупотребленія въ общежитіи усилилися до крайности. И любовь къ ближнему только изсякла, что рѣдкіе только сыны церкви и отечества, между которыми по истинѣ вы, дражайшій отецъ, первое мѣсто занимаете, служатъ общему благу изъ

прямаго подвига. Рѣдкіе внемлютъ гласу обидимыхъ и сиротъ, вопіющихъ къ небесамъ, весьма рѣдкіе отираютъ льющіяся слезы вдовицы.

Сообразивъ все купно должно заключить со ужасомъ, что исполнилась уже мѣра Божія милосердія, мѣсто же его заступило правосудіе, котораго послѣдствія суть весьма явны въ продолжающейся войнѣ. Всякая война есть, конечно, Божіе наказаніе. Сему наказанію даже престольный градъ сей былъ недавно подверженъ, претерпѣвая страхъ и трепеть отъ непріятели, отъ коего, по мнѣнію моему, твердая ваша вѣра къ Богу, горячая молитва и ваше неусыпное бдѣніе избавили.

Сверхъ сего довольно извѣстно вашему сіятельству, коль многимъ множествомъ юныхъ россіянъ, разлученныхъ отъ ихъ женъ, чадъ и домовства пожертвовано ненасытной Тавридѣ, и которыми жертвовать потребно всякой годъ. Внемлите, человѣколюбивѣйшій мужъ! Не сильно ли сіе опустошаетъ наше любезнѣйшее отечество, и не скоротечно-ли влечется оное въ крайнюю нищету, разстройку и безсиліе? Правда, что побѣды на нашей сторонѣ; но и сіи единую токмо возбуждаютъ зависть многихъ сильнѣйшихъ державъ. Зависть, сіе адское и непримиримое порожденіе, если воздвигнетъ противу Россіи брань, то неизбежно будетъ она (Россія) низвергнута въ глубочайшую пропасть бѣдствій. Кто же насъ избавитъ отъ толикихъ бѣдъ, висящихъ надъ главами нашими? Всемогущій, премудрый и преблагій Богъ, и помазанникъ его, которому однако-жъ подобаеть быти зѣло благочестиву, миролюбиву и во всемъ цѣломудрену. По долговременному испытанію всегда я находилъ сіи высочайшія добродѣтели, блистающія въ душѣ дражайшаго нашего воспитанника его императорскаго высочества великаго князя Александра Павловича. Сей воспитанникъ есть главнымъ предметомъ моего толико откровеннаго съ вами, дражайшій отецъ, собесѣдованія, и сей долженъ быть спасеніемъ нашего отечества.

Предвѣщая тако о семъ юношѣ ни мало не уничижаю я великія добродѣтели, высокія душевныя свойства и благотворительныя подвиги его предковъ. Сямъ я вѣрую и правдою служу и всегда готовъ служить до послѣдней капли крови. Начало же сихъ несчастныхъ обстоятельствъ, превосходящее постиженіе моего слабаго ума, предоставляю неиспытаннымъ Божіимъ судьбамъ. Да и на сіи непорочныя и законно нужныя объясненія я никакъ-жъ бы рѣшился, если бы не имѣлъ участія въ воспитаніи его высочества Александра Павловича, надъ которымъ вы, сіятельнѣйшій графъ, имѣете начальство, и за которое воспитаніе вы, дражайшій отецъ, и я должны будемъ воздать настрожайшій отчетъ предъ отечествомъ и предъ страшнымъ Судіею въ вѣчной жизни.

Восхищаясь доселѣ блистающими его добродѣтелями, принужденъ я теперь съ горестнѣйшимъ прискорбіемъ и возмущеніемъ моей души сказать, что оныя добродѣтели начинаютъ помрачаться пороками пре-

вредными для государя и государства. Съ нѣкотораго времени примѣчалъ я, что онъ, въ своихъ мнѣніяхъ, дѣяніяхъ и даже прихотяхъ, дѣлается самовластнымъ, въ проступкахъ своихъ хотя и винится, но по долговременномъ и упорномъ словопреніи, и тогда только, когда въ помощь призывается ваше имя и власть, къ которымъ его высокочество имѣетъ повидимому великое уваженіе, любовь и страхъ. Увѣщаніе жъ и совѣты господъ кавалеровъ пріемлетъ онъ съ насмѣшкою и негодованіемъ. Отчего самымъ нечувствительнымъ образомъ тихій и пріятный его нравъ превращается въ сварливый и грубый!

Горькія грубости плоды, болѣе всѣхъ по своей чувствительности, внушаетъ его превосходительство Александръ Яковлевичъ Протасовъ; отъ сея грубости Богъ меня сохранилъ по сіе время. Великій князь по должности моеѣ всегда оказывалъ мнѣ послушаніе, охоту, почтеніе и любовь, и такое чистосердечіе, что при первыхъ моихъ увѣщаніяхъ всегда, безъ словопренія, обнажалъ мнѣ свою душу и преступленія, въ коихъ раскаивался нерѣдко со слезами, и увѣрялъ меня самымъ Богомъ, что тѣ преступленія и оскорбленія своимъ начальникамъ онъ содѣлалъ не по предразмысленію или жестокосердію, но по легкомыслію и скоропостижности. Извѣстно вашему сіятельству, что я ни ласкательствомъ ниже подымъ какимъ снисходительствомъ пріобрѣлъ таковое его высочества благорасположеніе, но единообразнымъ моимъ поведеніемъ, твердыми правилами, кроткими и проистекающими отъ глубины душевныхъ совѣтами.

Основываясь на семъ очевидномъ опытѣ и другихъ примѣрахъ, равно и на томъ всесовершенномъ подобострастіи, которое Александръ Павловичъ оказываетъ къ вашему началству — на той истинной любви, которую онъ имѣетъ собственно къ особѣ вашей, и на уваженіи ко всѣмъ вашимъ глаголамъ, которые онъ неизменно пріемлетъ какъ священный законъ, долженъ я сказать, что его высокочество отъ природы одаренъ добрымъ сердцемъ, кроткимъ и пріятнымъ нравомъ и склонностями къ общему благу. Что же онъ къ величайшему несчастію началъ преобразаться въ противный характеръ, сему неоспоримо суть причиною окружающіе его. — Но и насъ окружающихъ винить совсѣмъ нельзя, ибо мы не такъ воспитаны, чтобы воспитывать великихъ князей; винить же насъ надобно въ томъ, что мы не часто и невнятно читаемъ инструкцію, данную премудрою Екатериною, и что мы не слѣдуемъ вашему, дражайшій отецъ, твердому, благоразумному и долготерпѣливому примѣру. Все сіе не за новостъ или оглаголаніе я возвѣщаю вашему сіятельству, ибо почти ежедневно вы о семъ слышите. — Винить тѣхъ изъ насъ надобно, которые, препираясь о первоначальствѣ и личныхъ достоинствахъ, чаятельно влагали во ушеса младыхъ воспитанниковъ предосудительныя внушенія о неспособности дру-

гвѣхъ и которые, надѣясь на остроуміе и мнимую политику, шли своимъ путемъ до тѣхъ поръ, покуда разрушили взаимное согласіе и довѣренность своихъ воспитанниковъ, отъ чего точно родилось непослушаніе, распри и грубое обращеніе Александра Павловича.

Сверхъ сего, его высочество, не по лѣтамъ возрастая тѣломъ, начинаетъ уже сильно ощущать любопытство къ любовной страсти; и если вы теперь, дражайшій отецъ, не примете всевозможныхъ мѣръ къ его спасенію, то я весьма опасаюсь, что его состояніе причинитъ вамъ несносное оскорбленіе.

Сложивъ теперь зѣло угнетавшее мою душу бремя, предаю вамъ совсѣмъ мою жизнь. Располагайте оною, яко же благоизволите. Я и прежде сего всегда былъ вамъ преданъ. Однако по нынѣшнимъ критическимъ обстоятельствамъ болѣе чувствую себя приверженнымъ къ особѣ вашей. Усугубляйте мнѣ яще ваши благоразумные совѣты, а же съ сего времени усугубляю по должности моей всевозможнѣйшія усилія. Александру Яковлевичу Протасову такъ-же весьма нужно подкрѣпленіе вашихъ совѣтовъ, которые, увѣряю я, онъ всегда съ уваженіемъ принималъ, да и впредь будетъ принимать; но признаюсь, что потерянная до вѣрность великаго князя и его нравъ, который по временамъ бываетъ весьма чувствителенъ и ревностенъ, а по временамъ мягкій и снисходительный, не совсѣмъ общаетъ желаемые успѣхи, то какъ ему, такъ и всѣмъ намъ необходимо нужно есть постороннее подкрѣпленіе, поелику и гг. кавалеры, потерявъ довѣренность, никакъ не могутъ удержать свою властію Александра Павловича въ добромъ порядкѣ. Г. Протасовъ, оплакивая предо мною неоднократно состояніе его высочества и свое, не обинуясь сказывалъ, что онъ на гг. кавалеровъ по разнымъ причинамъ не надѣется, и что единое токмо средство можетъ споспѣшествовать исправленію великаго князя, то есть: обращеніе и собесѣдованіе въ свободные часы благовоспитанныхъ юношъ, каковы суть ваши любезнѣйшіе сыновья. Въ семъ предложеніи г. Протасова я согласенъ потому, что сіе простое и никому, даже самому Александру Павловичу не могущее подать подозрѣнія средство, можетъ его и учителей, поелику нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ внушенія, противныя нашей церкви, нечувствительно исправить.

Сіе-ли или другое средство почтете ваше сіятельство полезнымъ, предоставляется вашей полной власти и благоразумію; мнѣ же по долгу и ревности осталось сказать, что время и нужда настоятъ, дабы вы спасали великаго князя Александра Павловича. Я давно уже той вѣры, что Божіе провидѣніе предъизбрало васъ, дражайшій отецъ, въ семъ случаѣ спасти наше гибнущее отечество. По душевнымъ его высочества свойствамъ вы можете сдѣлать его весьма добрымъ государемъ и добрымъ отцомъ народа. Потому завременно надлежитъ ему

внушать сладчайшіе плоды миролюбія, и первый источникъ благоденствія народнаго, на которомъ основывается истинная слава государей и государствъ. Благоденствіе же народное основывается на внутреннемъ благоустройствѣ и изобиліи во семъ нужномъ для житія, которое изобиліе непосредственно возрождается отъ земледѣлія. Если бы на сей часъ всѣ умершіе премудрые политики возстали, и если бы всѣ благомыслящіе живые соединились съ ними, то всѣ бы единогласно подтвердили, что благословенное земледѣліе есть первымъ и непоколебимымъ основаніемъ благоденствія народовъ и государей. Если бы и всѣ государства, нѣкогда процвѣтавшія, предстали теперь нашимъ глазамъ, то и тѣ бы провозгласили, что оныя до тѣхъ поръ пребывали въ полной славѣ и могуществѣ, пока процвѣтало земледѣліе, всегда нераздѣльное съ трудолюбіемъ и благонравіемъ.

Присемъ пришло мнѣ теперь на память пожеланіе вашей благочестивой души, которое вы, дражайшій отецъ, соизволили нѣкогда изъяснить мнѣ въ томъ, дабы вы могли принести Богу жертву особымъ какиммъ нибудь постановленіемъ. Я уже и прежде осмѣлился вамъ подать мнѣніе, что никакая жертва не можетъ быть Богу пріятнѣе какъ призрѣніе сиротъ, ищущихъ всякія помощи; что нѣтъ способнѣе случая и мѣста для удовлетворенія вашего христіанскаго желанія какъ дача его высочества Александра Павловича. Въ оной нѣсколько сиротъ могутъ научиться трудолюбію и благонравію. Пусть мы начнемъ сіе богоугодное установленіе малымъ теперь числомъ, слѣдственно и малымъ иждивеніемъ, которое число, современемъ умножаясь, можетъ разсытаться по Россіи и содѣять общее благо. Не отлагайте, благочестивѣйшій христіанинъ, сего душеспасительнаго установленія, ибо человѣческая жизнь весьма кратка и неизвѣстна. Обратите-жъ, прозорливый мужъ, особое свое вниманіе и на сей спасительный предметъ, питайте сію пресчастливую склонность въ своихъ государственныхъ воспитанникахъ. Я же дѣломъ уже доказалъ вамъ, что я во всякихъ случаяхъ также и въ семъ не жалѣю моей жизни, которая человѣку столько же и мнѣ драгоцѣнна, сколько и самому государю. Деньгамъ ее купить нельзя, такъ когда я жизнь мою готовъ жертвовать общему благу, то сему же соблаговолите пожертвовать нужною казною. Употребленные на сей важный предметъ издержки произвели уже въ краткое время пріятныя забавы и пользу дражайшему вашему здравію. Впредь же, отвѣчаю моею жизнью, произведутъ пользу общественную. Но послѣшая къ своему служенію, перестаю писать и въ полномъ удостовѣреніи остаюсь, что вы, дражайшій мой отецъ, за всю мою откровенность болѣе теперь меня возлюбите. Я же пребуду, пока жить буду, вашего сіятельства вѣрно преданнѣйшій слуга и всеусерднѣйшій богомолецъ А. Самборскій.

7.

Донесеніе изъ Софійскаго нижняго земскаго суда въ Управу Благочинія столичнаго и губернскаго города Святаго Петра ¹⁾.

17-го ноября 1788 г.

Сего ноября 3-го въ ономъ судѣ, по предложенію г. земскаго исправника и кавалера Панаева, производилось слѣдственное дѣло о зарубленіи минувшаго октября 28-го на дачѣ ея сіятельства двора ея императорскаго величества штатсъ-дамы Академіи Наукъ директора императорской россійской Академіи президента и кавалера княгини Екатерины Романовны Дашковой принадлежащихъ его высокопревосходительству ея императорскаго величества оберъ-шенку, сенатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру Александру Александровичу Нарышкину, голландскихъ борова и свиньи, о чемъ всемъ судомъ на мѣстѣ изслѣдовано и 16-го числа по прочему опредѣлено: какъ изъ онаго дѣла явствуетъ, что ея сіятельство княгиня Екатерина Романовна Дашкова зашедшихъ на дачу ея, принадлежащихъ его высокопревосходительству Александру Александровичу Нарышкину, двухъ голландскихъ свиней, усмотрѣнныхъ яко бы въ потравѣ, не давъ знать о томъ суду и не засвидѣтельствовавъ посторонними людьми потравы, приказала людямъ своимъ, загнавъ въ конюшню, убить, которые тогда жъ и убиты топорами. То на основаніи высочайшихъ ея императорскаго величества объ управленіи губерній учрежденій 243 ст. во удовлетвореніе обиженнаго, по силѣ уложенія 10-й главы 208, 209 и 210-го пунктовъ, за тѣхъ убитыхъ свиней взыскать съ ея сіятельства княгини Екатерины Романовны Дашковой противъ узаконенной оцѣнки сорока рублей—вдвое, т. е. восемьдесятъ рублей и по взысканіи отдать его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина повѣренному служителю Кирилѣ Сидорову съ распискою. Причемъ ему, Сидорову, подтвердить, чтобъ впредь на дачахъ ихъ пастухи за пасомымъ скотомъ имѣли лучшее смотрѣніе и онаго по дорогамъ и сосѣднимъ дачамъ ходить не допускали. И о томъ удовлетвореніи обиженнаго, въ силу той же статьи высочайшаго учрежденія, дать знать Софійскому уѣздному суду рапортомъ. А что принадлежитъ до показанія садовниковъ, яко бы означенными свиньями на дачѣ ея сіятельства потравлены посаженныя въ шести горшкахъ разные цвѣты, стоящіе шесть рублей, но сія потрава не только въ то время черезъ постороннихъ людей не засвидѣтельствована, но и когда былъ для слѣдствія на мѣстѣ г. земскій исправникъ Панаевъ, и по свидѣтельству его

¹⁾ Печатается безъ сохраненія орографіи подлинника.

въ саду и оранжереяхъ никакой потравы и поврежденія деревьямъ не оказалось. Да буде бы и заподлинно потрава была, то и за силою манифеста, состоявшагося 787 г. апрѣля въ 21 день, 24-го пункта ея сіятельству учинить не можно, о чемъ отъ суда ей объявить. По отзыву жъ ея сіятельства, учиненному г. земскому исправнику о боѣ свиней незнаіемъ закона и что впредь зашедшихъ коровъ или свиней также убить прикажетъ и отошлетъ въ гошпиталь ¹⁾),—то въ предупрежденіе и отвращеніе такого предпріятого намѣренія по силѣ высочайшихъ учреждений 224 статьи, выписавъ приличныя узаконенія, благопристойнымъ образомъ объявить ея сіятельству, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ управленія собою изволила воздержаться и незнаіемъ законовъ не отзывалась, въ чемъ ее сіятельство обязать подпискою. По жительству жъ нинѣ въ Санктъ-Петербургѣ такъ и истребованіи отъ ея сіятельства означенныхъ денегъ 80 р. объ отдачѣ объявленія и о взятїи по оному подписки сообщить въ Управу Благочинія столичнаго и губернскаго города Святаго Петра, съ тѣмъ дабы благоволила, по истребованіи, показанныя деньги для отдачи повѣренному его высокопревосходительства Александра Александровича Нарышкина и подписку доставить въ сей судъ въ непродолжительномъ времени, о чемъ отъ того суда Управѣ Благочинія симъ сообщается, а ея сіятельству объявленіе, запечатанное въ конвертѣ, приложено при семъ. Подписаль: Иванъ Нефьевъ.

8.

Собственноручное письмо поэта В. Петрова по поводу кончины князя Потемкина-Таврическаго ²⁾).

31-го мая 1792 г. Москва.

Милостивый государь! Извините, что я на письмо ваше толь поздно отвѣтствую. Я теперъ только имѣлъ счастье его прочитать, возвратясь изъ степной моей деревнишки, куда я удалился зимою одинъ, разгулять грусть мою и горе. Вамъ, чаю, не безызвѣстно, сколько покойный князь Григорій Александровичъ меня жаловалъ. Смерть сего мецената нанесла моей музѣ смертельный ударъ. Скорбя о немъ и плача, я вовсе забылъ, что я сочинитель, помнилъ только, что я пренесчастный человекъ въ свѣтѣ, лишившійся нѣжнѣйшаго друга, который былъ мое богатство въ

¹⁾ Т. е. на порціи больнымъ.

²⁾ Къ кому адресовано это письмо—намъ неизвѣстно; но надо полагать, что или къ В. С. Полову или Степ. Фед. Стрекалову. Р е д.

моихъ недостаткахъ, мое утѣшеніе въ печаляхъ, мое здравіе въ болѣзняхъ. Я тужилъ о моемъ несчастьѣ и плакалъ, какъ вдругъ развернулъ ваше письмо и нашель въ немъ живое для меня утѣшеніе. Не сочиненія мои и переводы нужны всемилостивѣйшей государынѣ, но сія великая сострадательная душа, вѣря, что я дѣйствительно пораженъ симъ злоключеніемъ, какъ и есть, снисходить утѣшать меня, дая мнѣ знать, что хотя я лишился отца, я не вовсе сирота. Есть у меня великая мать, которая сильна и готова помочь мнѣ, сильна покрыть и защитить, ободрить и возставить меня. Я бы сочель за знаменитое отъ васъ благодѣяніе, ежели бы вы, милостивый государь, при случаѣ ея императорскому величеству объяснили, съ какимъ чувствіемъ благодарности пріемлю я милостивое ея величества обо мнѣ воспоминаніе. Сочиненія мои и переводы я вамъ со временемъ представлю печатныя и рукописныя, сколько ихъ собрать могу. Я сердечно радъ такому представителю, какъ вы, испытавъ многократно души вашей добродѣтель, вашу къ наукамъ любовь, и бо мнѣ отъивное благоволеніе, которому поручая меня (себя), имѣю честь быть навсегда вашъ, милостивый государь, всепокорный слуга В. Петровъ.

9.

Письмо Лагарпа неизвѣстному лицу ¹⁾.

Царское Село. 24-го іюня 1793 г.

Я долженъ начать съ заявленія вашему превосходительству, насколько былъ тронутъ обязательнымъ и вѣжливымъ способомъ, при помощи котораго вы исполнили возложенное на васъ ея императорскимъ величествомъ порученіе, которое, если я васъ хорошо понялъ, сводится

¹⁾ До вступленія на престолъ императрицы Екатерины II вопросъ о престолонаслѣдіи не былъ обусловленъ никакими законоположеніями, и царствующій государь имѣлъ право назначить своимъ наслѣдникомъ кого угодно, по своему выбору. Руководствуясь этимъ Екатерина рѣшила передать престолъ своему внуку великому князю Александру Павловичу. Зная любовь и довѣріе Александра къ своему воспитателю Лагарпу, императрица рѣшилась посвятить его въ свои виды. Но честный и неподкупный республиканецъ не раздѣляя взгляда императрицы и не согласился быть ея орудіемъ въ разрѣшеніи этого вопроса. Тогда Екатерина рѣшила уволить Лагарпа отъ занятій съ внукомъ и отпустить его за границу подъ благовиднымъ предлогомъ. Этотъ предлогъ изложенъ въ помѣщаемомъ ниже письмѣ, переведенномъ съ французскаго.

Р е д.

къ тремъ слѣдующимъ пунктамъ: 1) предложеніе быть включеннымъ въ число лицъ, имѣющихъ сопровождать ея императорское высочество принцессу Баденскую; 2) прошеніе о моемъ отпускѣ и отставкѣ; 3) представленіе объясненій о томъ, какія желанія могу я высказать.

Во избѣжаніе неясностей и недоразумѣній, я возьму на себя смѣлость отвѣчать письменно.

Первый пунктъ относительно путешествія. Я очень польщенъ честью, которую ея императорскому величеству угодно оказать мнѣ, обративъ свои взоры на мою особу. Къ сожалѣнію, однако, положеніе моихъ дѣлъ является непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы я могъ воспользоваться предложеніемъ. Такъ какъ я женатъ и долженъ буду ликвидировать хозяйство и многія дѣла при незначительныхъ моихъ средствахъ, то ваше превосходительство поймете, что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, невозможно окончить мои приготовленія къ назначенному сроку, имѣя, въ особенности, въ виду, что тутъ идетъ дѣло не объ отлучкѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, но объ оставленіи Россіи навсегда и переселеніи въ другую страну. Поэтому ваше превосходительство меня весьма обяжете, если, со свойственною вамъ предусмотрительностью, укажете на приводимыя мною основанія, дабы государыня не могла подумать, что я противлюсь ея ко мнѣ благоволенію и отказываюсь отъ почетной отставки, какую ея величество мнѣ опредѣляетъ.

Второй пунктъ. Когда 10-го мая всѣмъ кавалерамъ его императорскаго высочества государя великаго князя Александра были оказаны милости, за исключеніемъ меня, бывшаго кавалеромъ и наставникомъ его высочества, я долженъ былъ, конечно, заподозрить, что меня очернили въ глазахъ ея императорскаго величества. Такъ какъ, однако, ничего на мой счетъ не высказывалось, я рѣшилъ дожидаться времени бракосочетанія его высочества, дабы попросить тогда объясненія. Нѣкоторыя занятія еще, которыя я долженъ былъ закончить съ его высочествомъ, окончательно побудили меня къ такому рѣшенію; но какъ ваше превосходительство дали мнѣ понять въ прошлый понедѣльникъ, что ея величеству угодно, дабы я подалъ прошеніе объ отпускѣ, то я немедленно и исполнилъ это.

На основаніи этого приказанія, я 24-го іюня написалъ графу Салтыкову, прося его, въ качествѣ моего непосредственнаго начальника, какъ по гражданскому, такъ и по военному вѣдомству, представить мое прошеніе на усмотрѣніе ея императорскаго величества, отъ коего я и ожидаю повелѣній.

Третій пунктъ. Прибывъ въ Россію по приглашенію ея императорскаго величества, именемъ которой мнѣ было обѣщано приличное положеніе, я никогда не сомнѣвался, что августѣйшая монархиня устроитъ подобное положеніе человѣку, бывшему десять лѣтъ на-

ставникомъ ея августѣйшихъ внуковъ, и которому она столь долго благоволила оказывать свое довѣріе.

Небольшая бібліотека и мебель, вотъ все, милостивый государь, чѣмъ я владѣю; ибо я никогда ни о чемъ не просилъ. Если ея императорское величество соблаговолило даровать мнѣ какую-либо милость, я приму ее съ почтеніемъ и признательностью; но я слишкомъ убѣжденъ въ томъ, что выполнилъ всѣ свои обязанности, мое сердце слишкомъ уязвлено, дабы предъявлять какія-либо требованія или настаивать на исполненіи прежнихъ обѣщаній при нынѣшнихъ обстоятельствахъ.

Никто лучше меня не знаетъ, сколь ея императорское величество великодушна и, въ особенности, сколь справедлива: я, съ своей стороны, никогда не выказывалъ чувствъ корыстолюбца; можетъ ли поэтому существовать во мнѣ тревога за будущее?

Таковы, милостивый государь, размышленія, вызванныя во мнѣ разговоромъ, происходившимъ у меня съ вашимъ превосходительствомъ въ прошлый понедѣльникъ; примѣненіе же ихъ къ дѣлу я предоставляю на ваше благоусмотрѣніе съ полнѣйшимъ довѣріемъ.

Съ почтеніемъ остаюсь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою.

Наставникъ ихъ императорскихъ высочествъ Ф. Цезарь де-Лагарпъ.

10.

Собственноручное письмо Екатерины II графу В. П. Мусину-Пушкину ¹⁾

14 сентября 1793 г.

Графъ Валентинъ Платоновичъ! При семъ прилагаю копія съ письма Григорья Куселева къ здѣшнему губернатору, въ которомъ онъ говоритъ, что цесаревичъ указомъ изволилъ отдать болѣе половина Александровской площади, какъ по присланному отъ него же къ губернатору плану явствуетъ, какимъ-то купцамъ. Приказаніе само по себя сумазбродное и приказаніе само по себя послѣдней дерзости. Пововите Куселева къ себя и скажите ему моимъ именемъ, что есть-ли еще разъ онъ дерзнетъ подобное писаніе куда ни есть послать, то я его сошлю, гдѣ воронъ костей его не сыщеть, а великому князю скажите, чтобъ онъ впредь мимо васъ никакихъ приказаній по прошеніямъ ничьихъ не посылалъ.

Освѣдомитесь напередъ заподлинно ли писанно по приказанью великого князя.

¹⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

11.

Собственноручный рескриптъ Екатерины II графу Н. И. Салтыкову ¹⁾.

5 мая 1795 г.

Графъ Николай Ивановичъ! Любезныхъ внуковъ нашихъ великаго князя Александръ Павловича и великаго князя Константина Павловича заблагорасудили мы наименовать шефами: перваго—Екатеринославскаго гренадерскаго, а втораго—Санктъ-Петербургскаго гренадерскаго полковъ.

12.

Эпитафія, сочиненная Георгіемъ Конисскимъ предъ кончиною ²⁾.

Градъ Нѣжинъ ³⁾ колыбель, градъ Кіевъ мой учитель,
Я въ 38 лѣтъ содѣлался святитель ⁴⁾.

Семнадцать лѣтъ потомъ боролся я съ волками ;

И двадцать два провелъ въ покоѣ со овцами.

За претерпѣнные труды и непогоду

Архіепископомъ и членомъ сталъ Синоду ⁵⁾.

Георгій имя мнѣ, я изъ Конисскихъ дому

И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому.

Сія-то падали зарыты грѣшны кости

Семьсотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый ⁶⁾.

¹⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

²⁾ Сообщилъ профес. В. А. Бильбасовъ.

³⁾ Род. 20-го ноября 1717 г.

⁴⁾ Посвященъ 20-го августа 1755 г.

⁵⁾ 22-го сентабря 1783 г.

⁶⁾ Умеръ 13-го февраля 1795 г.

ПОСЛѢДНІЕ „ГОЛШТИНЦЫ“.

(1763-й годъ).

Судьба «голштинскаго отряда» Петра III извѣстна: съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II отрядъ былъ уничтоженъ. Уже 29-го іюня 1762 года адмиралъ Талызинъ доносилъ изъ Кронштадта сенату: «на купеческихъ корабляхъ прибыло голштинскихъ офицеровъ, а именно: бригадиръ, полковникъ, маіоръ, капитанъ, штыкъ-юнкеръ, аудиторъ, полковой квартирмейстеръ и полковой лекаръ да рядовыхъ 88 человекъ» («Архивъ сената», секр. дѣла, № 709, л. 3). Это были «голштинцы», случайно перехваченные въ Петергофѣ. Въ тотъ же день раскассированіе всего отряда, не особенно многочисленнаго и находившагося въ Ораниенбаумѣ, было поручено генераль-поручику В. И. Суворову, который въ три недѣли исполнилъ возложенное на него порученіе и, отъ 22-го іюля, доносилъ сенату, что природныхъ голштинцевъ «вѣрно изъ Кронштадта отпустить въ Голстинію съ генераломъ Шильдомъ водою», лифляндцы и малороссы были высланы на родину, русскіе же и «прочіе здѣшніе» получили новые паспорта и приняты были, по желанію, на службу тѣми же чинами. Суворовъ, извѣщая сенатъ «о пришедшемъ къ ревелскому порту любскомъ торговомъ галліотѣ, на которомъ привезено голштинскаго войска до ста пятидесяти человекъ, и что еще везется на судахъ въ Ревель изъ Голстиніи войска до пятисотъ человекъ, которыми командуетъ генераль-лейтенантъ Кетенбургъ», прибавлялъ, что «ея императорское величество всевысочайше указать соизволила объ ономъ прибывшемъ и впредь прибывающими въ Ревель голштинской службы генералитетомъ, штабъ, оберъ и унтеръ-офицерами и рядовыми учинить противъ вышеписаннаго-жъ», т. е. отправить «въ Голстинію водою».

Такимъ образомъ, въ Россіи, если вѣрить донесенію Суворова, не осталось ни одного «голстинца».

Годъ спустя, въ іюнѣ 1763 г., Екатерина II посѣтила Ораніенбаумъ, въ которомъ оказалось еще пятнадцать «голстинцевъ» изъ раскассированнаго годъ назадъ отряда. Очевидно: эти «голстинцы» не пожелали возвратиться на родину, что, впрочемъ, вполне ясно изъ приводимыхъ ниже документовъ, находящихся въ нашемъ архивѣ.

1.

«Его сіятельству господину генераль-аншефу, ея императорскаго величества оберъ-гофмаршалу, дѣйствительному камергеру и разныхъ орденовъ кавалеру графу Карлу Ефимовичу фонъ-Сиверсу
отъ генераль-маіора и кавалера Ферстера ¹⁾).

Доношеніе.

«Ея императорское величество всемилостивѣйшая государыня всевысочайше во время въ ораніенбаумскомъ домѣ присутствія въ 25-й день минувшаго іюня, всемилостивѣйше указать мнѣ соизволила о всѣхъ нынѣ находящихся въ Ораніенбаумѣ бывшихъ въ голштинской военной службѣ и оставшихся безъ опредѣленія въ службу штабъ и оберъ-офицерахъ для всевысочайшаго разсмотрѣнія поднести ея императорскому величеству списокъ чрезъ ваше сіятельство съ показаніемъ въ томъ списокѣ кто при которомъ полку или въ какой статской службѣ быть желаетъ.

«Во исполненіе одного ея императорскаго величества всевысочайшаго именнаго указу о вышеписанныхъ штабъ и оберъ-офицерахъ списокъ съ желаніями ихъ учиненъ и для поднесенія ея императорскому величеству на всевысочайшее разсмотрѣніе вашему сіятельству въ покорности моей и съ чувствительною моею и всѣхъ тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ преданностію въ надеждѣ вашего сіятельства изъ великодушія во исходатайствѣ высочайшей резолюціи неоставленія при семъ подносятся.
Иванъ Ферстеръ.

« » дня
1763 году.

2.

«Списокъ нынѣ находящимся въ Ораніенбаумѣ штабъ и оберъ-офицерамъ съ показаніемъ ихъ объявленія кто при какой службѣ быть желаетъ,

а именно:

1) Бригадиръ баронъ фонъ-Дельвигъ, предъ симъ состоялъ въ военной службѣ бригадиромъ и порученъ былъ ему полкъ—всепопданнѣйше

¹⁾ Начальника ораніенбаумскаго арсенала («Сборникъ», VII, 127; VI, 1) 135

просить о опредѣленіи къ нѣкоторой здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ или въ Лифъ-Эстляндіи стоящей дивизіи и о высочайшей ея императорскаго величества милости, ибо онъ, во время бывшей въ Петергофѣ въ высокомъ правленіи перемѣны будучи съ полкомъ, всего своего имѣнія лишился.

2) Полковникъ фонъ-Бергъ всеподданнѣйше просить въ находящійся у Ладожскаго канала баталіонъ тѣмъ же чиномъ.

3) Подполковникъ Моисей Лангъ всеподданнѣйше просить въ состоящій въ Лифляндіи конный полкъ.

4) Маіоръ Стефани подвергаетъ себя на всевысочайшую ея императорскаго величества милость, прося по рангу его въ статскую службу и высочайшаго ея императорскаго величества милосерднаго вспоможенія.

5) Маіоръ Николай фонъ-Бейеръ, который по приключенному глазамъ несчастію къ полевой службѣ неспособенъ, подвергая себя всевысочайшей ея императорскаго величества дрожайшей и матерней милости, желаніе имѣть въ статскую службу ассессоромъ.

6) Гренадерской роты капитанъ Ферстеръ, будучи сначала кадетомъ, и съ молодыхъ своихъ лѣтъ дослуживался и произведенъ былъ по всѣмъ классамъ и при производствахъ никогда ни однимъ чиномъ не обошелъ, но отъ градуса до градуса дослужился въ капитаны—всеподданнѣйше просить въ состоящіе въ Лифляндіи конные полки и о неоставленіи его, по заслуженномъ характерѣ и по лишеніи при перемѣнѣ всего своего имѣнія, о милосердномъ вспоможеніи.

7) Ротмистръ Витихъ, который подверженъ былъ таковой же судьбѣ яко и капитанъ Ферстеръ, всеподданнѣйше просить въ состоящій въ Лифляндіи третій гренадерскій полкъ съ всевысочайшимъ ея императорскаго величества милостивымъ вспоможеніемъ.

8) Капитанъ Карлъ Фридрихъ Бекельманъ, пада къ стопамъ ея императорскаго величества всеподданнѣйше просить о опредѣленіи его въ состоящій въ Лифляндіи въ дивизіи генераль-аншефа и кавалера графа Румянцева пѣхотный полкъ, ибо онъ чрезъ восемь лѣтъ служилъ безъ жалованья на своемъ содержаніи, на что не мало имѣніи своего употребилъ, чѣмъ и пришелъ въ несостояніе доставить себя потребнымъ экипажемъ.

9) Капитанъ Фридрихъ Лангъ всеподданнѣйше просить о опредѣленіи при санктъ-петербургской полиціимейстерской канцеляріи тѣмъ же чиномъ.

10) Капитанъ Гринъ всеподданнѣйше просить и желаетъ службу продолжать при арсеналѣ ораніенбаумскомъ, который содержать будетъ въ порядочномъ состояніи, и повинѣ принялъ не малый трудъ въ рас-

поряженіи арсеналовъ, чего ради оное его прошеніе предается въ высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе.

11) Поручикъ Гофманъ, который, по старости лѣтъ и по бѣдности его, при полкахъ служить въ не состояніи, просить о опредѣленіи къ строеніямъ во Ораніенбаумѣ.

12) Поручикъ Голценбергъ просить по бѣдности его и по многоимѣнью дѣтей о опредѣленіи при полиціи въ Санктъ-Петербургѣ.

13) Поручикъ Ламбертусъ всеподданнѣйше просить въ шлюссельбургскій полкъ и о всевысочайшей ея императорскаго величества милости и о вспоможеніи на исправленіе потребнымъ экипажемъ, ибо какъ отецъ его, такъ и онъ безъ таковой милости поправиться не въ состояніи.

«Вышеозначенные офицеры, находясь цѣлый годъ ни у какихъ дѣлъ и не имѣя ни откуда пропитанія, содержали себя съ великою нуждою и бѣдностію, напротивъ же того прочіе офицеры, возвратясь въ Голштинію, награждены пенсією.

«Да сверхъ вышеписанныхъ обрѣтаются въ Ораніенбаумѣ, которые нынѣ жительство имѣютъ у подполковницы Килевой:

«Маіоръ Антонъ Штанге, который находился въ шлезвигъ-голштинской службѣ при артиллеріи шесть лѣтъ, просить всемилостивѣйшей ея императорскаго величества всевысочайшей милости и желаніе имѣть опредѣлиться при Санктъ-петербургской главной артиллеріи.

«Поручикъ Фридрихъ Кохъ, который находился при таковой же голштинской пѣхотной военной службѣ девять лѣтъ, просить всеподданнѣйше ея императорскаго величества всемилостивѣйшаго пожалованія въ дивизію его сіятельства графа Румянцева во второй гренадерскій полкъ, а въ прочемъ подвергаетъ онъ себя во всемилостивѣйшую ея императорскаго величества высочайшую милость.

Иванъ Ферстеръ»

Это—последніе «голштинцы»; дальнѣйшая судьба ихъ неизвѣстна и ни для кого не интересна. Но имя злополучнаго голштинскаго отряда грустно прозвучало еще разъ, спустя одиннадцать лѣтъ, въ тяжелую пору пугачевщины, когда въ рядахъ возставшихъ появилось «голштинское знамя 1762 года» («Сборникъ», VI, 135). Это было украденное изъ Ораніенбаума «голштинское знамя Дельвигова драгунскаго полка», по поводу котораго былъ назначенъ розыскъ «какимъ образомъ сіе знамя до Пугачева дошло» («Зритель», 1863, XVIII, 561; Смирдинъ, III, 289; «Осмнадц. вѣкъ», I, 124).

Сообщилъ проф. В. Бильбасовъ.

ПИСЬМА АРХІЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО

Георгія Конисекаго къ В. Г. Рубану.

(1778—1780 г.г.).

Предлагаемыя письма принадлежатъ знаменитому проповѣднику и одному изъ образованнѣйшихъ іерарховъ своего времени—архіепископу могилевскому Георгію Конисскому (род. въ Нѣжинѣ 20-го ноября 1717 г. † въ Могилевѣ 13-го февраля 1795 г.) и хранятся въ Императорской Публичной библіотекѣ. Всѣ они писаны къ Василю Григорьевичу Рубану (род. въ Бѣлгородѣ 14-го марта 1742 г. † въ С.-Петербургѣ 24-го сентября 1795 г.), плодовитому писателю, который воспитывался въ Киевской духовной академіи, когда ректоромъ въ ней былъ Георгій (съ 1751 по 20-е августа 1755 г.). Такимъ образомъ Конисскій узналъ Рубана еще въ годы ученія послѣдняго и поддерживалъ знакомство съ нимъ и въ послѣдующее время, сотрудничая въ его изданіяхъ. Такъ, въ изданіи В. Г. Рубана «Старина и Новизна» 1773 года помѣщена извѣстная рѣчь Конисскаго, обращенная къ Екатеринѣ II при ея коронованіи въ Москвѣ и тутъ же рядомъ—не менѣе извѣстная «Рѣчь къ пресвѣтлѣйшему польскому королю Станиславу-Августу, говоренная на латинскомъ языкѣ въ Варшавѣ іюля 27-го (16) дня 1765 года». Затѣмъ, въ «Любопытный мѣсяцесловъ» Рубана на 1775 годъ Конисскій далъ свою статью «Историческое извѣстіе о епархіи могилевской и о епархіяхъ въ Польшѣ бывшихъ благочестивыхъ, кои римлянами обращены въ унию», и наконецъ, когда Рубанъ, вмѣстѣ съ А. А. Безбородкомъ (впослѣдствіи княземъ и канцлеромъ), составлялъ исторію Малороссіи, Георгій сообщилъ ему «Записки 270 лѣтъ, которыя ведены были генеральными малороссійскими писарями», бывшими при гетманахъ. «Записки» эти были помѣщены въ «Краткой лѣтописи Малыя Россіи съ 1506 года по 1776 г., изданной Василюемъ Григорьевичемъ Рубаномъ» въ 1777 году.

Письма Георгія Конисскаго къ Рубану представляютъ интересъ какъ со стороны языка и формы, такъ и въ томъ отношеніи, что сообщаютъ

*

свѣдѣнія о предполагавшемся, по мысли Рубана, изданіи проповѣдей Конисскаго, которымъ, вслѣдствіе неумѣлости «тупографчиковъ», такъ и не пришлось увидѣть свѣтъ. Отдѣльныя «прѣдики» тоже не были напечатаны, по крайней мѣрѣ онѣ не указаны ни въ одномъ библиографическомъ трудѣ.

Б. Модзалевскій.

1.

19 августа 1778 г. Могилевъ.

Высокоблагородный господинъ совѣтникъ надворный
Милостивый мнѣ государь и благодѣтель ¹⁾).

Еще въ іюнѣ имѣлъ счастье получить вашего высокоблагородія писаніе съ приложенными нововзданными вашихъ трудовъ тетрадками ²⁾, за которыя я благодарю покорнѣйше. Но доселѣ не допустили мнѣ отвѣту учинить мои непрерывные недосуги. Проповѣдь мою, говоренную Іюля 10, естли напечатаете ³⁾, то и мнѣ десятковъ пять прислать прошу, я подлежащее уплачу. Теперь прилагаю проповѣдь одну, говоренную въ начатіи торжества бывшего здѣшняго для открытія намѣстничества, другую наготовленную мною въ день самаго открытія, но неговоренную, понеже такъ быть тому намѣстникъ государевъ ⁴⁾ судиль. Не знаю, можетъ быть и первая ему не понравилась. Вы судите, да для того вамъ посылаю, понеже присилки оныхъ вы требовали отъ мене. Предаю себе далшей любвѣ вашей и милости, пребывая зъ совершеннымъ и истиннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ

Высокоблагородія вашего милости-
ваго моего государя и благодѣтеля
покорнѣйшій слуга и богомолецъ
Епископъ Могилевскій Георгій.

¹⁾ Въ слѣдующихъ письмахъ начало я конецъ опускаемъ. Письма печатаются съ сохраненіемъ орфографіи подлинника.

²⁾ Въ это время Рубанъ издалъ „Начертаніе, подающее понятіе о достославномъ царствованіи Петра Великаго, съ приобщеніемъ хронологической росписи главнѣйшихъ дѣлъ и приключеній сего великаго государя“. Спб. 1778 г.

³⁾ Этой рѣчи нѣтъ въ Собраніи сочиненій Конисскаго, изданномъ священникомъ І. Григоровичемъ въ 2 т. Спб. 1835 г., изд. 2-е. Спб. 1861 г. Она не была напечатана.

⁴⁾ Бѣлоруссія была присоединена къ Россіи въ 1772 году и тогда же намѣстникомъ ея былъ назначенъ графъ Зах. Гр. Чернышевъ (род. 1722 г. † 1784 г.), пробывшій въ этой должности до 1782 г. Правителемъ намѣстничества (губернаторомъ) въ это время (1778—1780 г.) былъ Мих. Вас. Каховскій, генераль-поручикъ (Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1778 годъ, стр. 382).

2.

22 апрѣля 1779 г. Могилевъ.

Какъ за поздравленіе новымъ мене годомъ, такъ и за мѣсяцесловъ любопытный ¹⁾, плодъ пріятѣйшій трудовъ вашихъ, покорѣйшее вамъ приношу благодареніе, желая вамъ за то плодovitой въ отечествѣ маслящъ, многихъ и всякимъ щастіемъ благорастворенныхъ лѣтъ. Предики ²⁾ мои двѣ извѣстныя, если соблаговолите дать въ печать, то потребное число денегъ сей писма вручитель Ігумень Леонидъ ³⁾ видать имѣеть. О пожалованіи мене однимъ экземпляромъ путника покойнаго Григоровича Плаки ⁴⁾ упомянулъ я прошеніе мое къ его свѣтлости въ писмѣ моемъ, которое надобно было писать о семъ Ігуменѣ, безъ котораго случая я бы не принялъ дерзновенія его свѣтлость трудить. Думалъ я двоихъ просить, для мене и для семинаріи моеи ⁵⁾, но сіе препоручаю вашему благоразсмотрѣнію. Если многое число экземпляровъ имѣете и другое что не препятствуетъ, такъ о другомъ можете вы внести ваше ходатайство ⁶⁾: а дай Богъ и одинъ получить. Пребываю съ истиннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ.

¹⁾ „Любопытный Мѣсяцесловъ на 1778 годъ съ показаніемъ россійскихъ, грегорианскихъ, жидовскихъ, турецкихъ числъ и съ приобщеніемъ пространнаго лѣтоисчисленія россійскихъ достопамятностей и проч. Изданъ Василемъ Григорьевичемъ Рубаномъ, господиномъ надворнымъ совѣтникомъ, правящимъ должность директора надъ Новороссійскими Училищами“. Спб. 1778 г., 12^о, 60 стр.

²⁾ Проповѣди.

³⁾ Леонидъ Красовскій, съ 1767—1775 г. — игумень Седмиозерской пустыни, а съ 1775 по 1784 г. — игумень Охорскаго Преображенскаго монастыря Могилевской епархіи (Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на 1778 г., стр. 69).

⁴⁾ Книга „Пѣшеходца Василя Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, уроженца кievскаго, монаха антиохійскаго, путешествіе ко святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азій и Африкѣ находящимся“. Спб. 1778 г., 4^о, XII+796 стр., была издана на счетъ князя Потемкина-Таврическаго, подъ смотрѣніемъ (редакціею) В. Г. Рубана. Путешествіе это, пользовавшееся большою извѣстностью и до того времени ходившее во множествѣ рукописей, было впервые издано въ этомъ году, причемъ В. Г. Рубану пришлось, для возможно лучшаго исполненія возложеннаго на него порученія, просмотрѣть и слѣчить большое количество списковъ.

⁵⁾ Могилевская семинарія, основанная Георгіемъ въ 1759 году, служила предметомъ особенныхъ заботъ его. Такъ, въ 1780 году онъ построилъ для нея новое обширное зданіе съ помѣщеніями для учителей и воспитанниковъ, вывезалъ изъ Кіевской Духовной академіи нѣсколько студентовъ для занятія каеодръ еврейскаго, греческаго и польскаго языковъ. По его же ходатайству на содержаніе семинаріи окладъ повышень до 2.500 руб.

⁶⁾ Въ это время В. Г. Рубанъ былъ секретаремъ князя Г. А. Потемкина (съ 1774 по 1791 г.).

3.

22 января 1780 г. Могилевъ.

Не пропустили вы начатыя новому нынѣшнему году безъ обновленія любви вашей ко мнѣ присылкою вождѣннаго писма и книжицы въ даръ о безсмертіи души ¹⁾, за которую любовь вашу, принося мое вамъ благодареніе, желаю искреннѣйше такъ провести годъ сей и другіе по немъ многіе, какъ извѣстное безсмертіе души по насъ требуетъ. Если бо благополучнаго провозженія другъ другу желаемъ, то благополучнѣйшаго не найдемъ, какъ соответствующее безсмертію души.

Проповѣди мои когда бы были напечатаны—безъ ошибокъ, о чемъ и прошу покорнѣйше, предостереженъ будучи въ всемъ отъ преосвященнаго Смоленскаго ²⁾, которій опечатки, въ его проповѣдяхъ послѣдовавшія съ чувствительностію принялъ.—Переслать оныя можете чрезъ племянника моего Константина Бошняка, недавно пожалованнаго аудиторомъ, коего удобно найдете въ квартирѣ его высокопревосходительства г. Коховскаго Михайлы Василювича ³⁾, кой имѣетъ сего Константина отправить въ Малороссію. Остаюсь съ непремѣннымъ моимъ почитаніемъ и усердіемъ.

4.

5 февраля 1780 г. Могилевъ.

Получилъ я и послѣднее писаніе ваше съ корректурными листами. И какъ вижу съ тѣхъ листовъ ваши не малые труды, то я жалѣю, что моя предика привела васъ къ онымъ, еще жъ и болше жалѣлъ бы, естлибъ вы сами не были къ тому поводомъ, вызвавъ мене къ печата-

¹⁾ „Безсмертіе души, основательно противъ безбожниковъ и скептиковъ доказанное Іоанномъ Швелингемъ; перев. съ лат. Александръ Фрязиновскій“. Спб. 1779 г., 8°. Фрязиновскій, авторъ многихъ стихотвореній на разные случаи. Своимъ писательствомъ возбуждалъ насмѣшки В. В. Капниста, который вывелъ его въ своей „Сатирѣ I“ подъ именемъ „Флезинновскаго“.

²⁾ Паревній Сопковскій, членъ Св. Синода, бывшій съ 7-го марта 1761 г. по день смерти — епископъ смоленскій; род. въ Кіевѣ 6-го декабря 1717 г. † 7-го марта 1795 года. (Памятная книжка Смоленской губ., на 1863 годъ, стр. 33—35). Въ письмѣ разумѣется изданное въ 1778 году „Слово о новомъ учрежденіи правленія, его важности, силѣ и порядкѣ, говоренное при открытіи Полотскаго намѣстничества“. Спб., 4°.

³⁾ Каховскій, Мих. Вас., род. 1734 г. † 1800 г.; съ 5-го апрѣля 1797 г. графъ Россійской имперіи; генераль-отъ-инфантеріи и новороссійскій военный генераль-губернаторъ. Въ 1772 году присоединилъ Бѣлороссію и былъ назначенъ ея губернаторомъ. Съ 1778 по 1783 г.—присутствовалъ въ Военной коллегіи. Конисскій познакомился съ Каховскимъ, когда послѣдній былъ губернаторомъ въ Могилевѣ, гдѣ Конисскій былъ епископомъ.

нію онѣхъ предикъ. Нѣмцы неискусные въ російскомъ языкѣ должны были отрѣцаться отъ такого печатанія. И естлибъ они здѣлали было туу должность, то бы я легко могъ или обойтиса безъ печатанія, или здѣ напечатать въ типографіи новозаведенной у бискупа Римско-Католицкаго ¹⁾, которой служители сами просятъ чего-нибудь къ печатанію, требуя отъ Аркуша по два рубли. Итакъ, естли еще за чѣмъ тіа скаски досель не напечатаны, или хотя едина отъ нихъ, прошу и не велѣтъ печатать, а здѣсь еѣ отпечатаю.

5.

22 апрѣля 1780 г. Могилевъ.

Вчерашнего числа получилъ іа два пакеты съ писмами вашими и напечатанными проповѣдми моими; какъ вчиталъ напечатанное, весьма былъ тронуть опечатками, не тѣми, которыя легки чтушемъ узнать и и типографчикамъ причитать, но которыя на сочинителя падаютъ, состоящія въ пропусченіи не толко словъ, но и цѣлыхъ реченій.—Прошу жъ покорно не прислать онѣхъ большое число, велѣтъ принести остатокъ въ жертву хромому богу ²⁾, какъ и іа съ присланными здѣлалъ. И понеже нѣкоторые уже экземпляры и пошли въ народъ, какъ и преосвященному смоленскому ³⁾ одинъ достался, потому принужденнымъ нахожуся, для очищенія моего отъ порока напраснаго, напечатать оныя по моему расположенію при университетѣ Московскомъ, гдѣ печать весьма исправная, или здѣ подъ моимъ смотрѣніемъ. Жаль мнѣ и вашего труда, но нѣтъ чѣмъ пережвнать. Наука: *Ictus piscator sapiet*. Другимъ разомъ не положимся на такихъ типографчиковъ. Въ прочемъ съ достойнымъ почитаніемъ и усердіемъ остаюсь.

Р. S. Росписаніе путі предприемлемаго въ Бѣлоруссію ⁴⁾ давно уже сюди прислано и мнѣ сообщено отъ г. губернатора, однакъ за сообщеніе ваше, такъ, какъ-бы первое было, съ должнымъ благодареніемъ почитаю.

¹⁾ Станиславъ Богушъ-Сестренцевичъ (род. 3-го сентабря 1731-г. † 1827 г.), митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи; изъ литовскихъ дворянъ, реформатскаго вѣроисповѣданія. Въ 1761 году перешелъ въ католичество, въ 1763 г.—посвященъ въ есендзы. По присоединеніи Бѣлоруссіи, назначенъ въ 1773 году епископомъ (бискупомъ) бѣлорусскимъ, а въ 1782 г.—архіепископомъ.

²⁾ Вулкану—богу огня; аллегорическая фигура.

³⁾ Пароенію Сопковскому.

⁴⁾ Здѣсь говорится о путешествіи Екатерины II въ Бѣлоруссію въ 1780 г. Ей хотѣлось удостовѣриться, насколько привилось учрежденіе намѣстничества, а также — обревизовать мѣстное управленіе. Въ Могилевъ Екатерина прибыла 24-го мая 1780 года и прослѣдовала прямо въ соборъ Св. Спаса, гдѣ Георгій встрѣтилъ ее прилично случаю рѣчью (Записки Добрынина, „Русская Старина“, т. IV, стр. 114)

КОНЧИНА ЕКАТЕРИНЫ II

и

воцареніе Павла I.

(По неизданнымъ современнымъ воспоминаніямъ ¹⁾).

Въ жизни бываютъ предчувствія, болѣе сильныя, чѣмъ разсудокъ. Говоря, что нужно прогнать ихъ изъ своихъ мыслей, мы, однако, не чувствуемъ себя отъ этого ни менѣе встревоженными, ни достаточно сильными, чтобы побороть ихъ. Подобное предчувствіе, какъ тѣнь, преслѣдовало меня съ тѣхъ поръ, какъ императрица, послѣ бала у великаго князя Александра, простаясь со мною, положила мнѣ на плечо свою прекрасную руку.

¹⁾ Вотъ уже второй разъ на страницахъ французскихъ журналовъ появляются отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній о Россіи, относящихся къ царствованіямъ императрицы Екатерины II и императора Павла Петровича. Оба раза лица, печатавшія ихъ, графъ Фицтумъ и маркизъ Коста-де-Борегаръ, не называли автора ихъ, ссылаясь на данное обѣщаніе не обнаруживать его имени. Однако, они дѣлали столько прозрачныхъ намековъ, говоря, что эти воспоминанія принадлежатъ перу свѣтской дамы, указывая на общественное положеніе ея мужа и на родственныя связи, что угадать, кто таинственный авторъ приводимыхъ имъ воспоминаній, не могло бы составить труда для лицъ, близко знакомыхъ съ русской исторіей конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій.

Авторъ ихъ—графиня Варвара Николаевна Головина, урожденная княжна Голицына, племянница графа И. И. Шувалова и жена графа Николая Николаевича Головина, состоявшаго гофмаршаломъ двора Александра Павловича въ бытность его великимъ княземъ, и умершаго въ 1820 году въ званіи обер-шенка и члена Государственнаго Совѣта.

Графиня В. Н. Головина принадлежала къ числу выдающихся лицъ русскаго общества того времени. Она выдѣлялась среди него не только красотою, происхожденіемъ и положеніемъ при дворѣ, но и умомъ, образованіемъ и дарованіями въ области изящныхъ искусствъ. При всемъ томъ она была не чужда восторженности и порывовъ сентиментализма. „Восторженность графини,—пишетъ о ней одна ея современница, графиня Эдлингъ,—иногда бывала трогательна, а иногда смѣшна. Меня занимало слѣдить за игрой ея эксцентричнаго воображенія, которую она принимала за проявленіе чувствительности“. Всѣ эти качества обезпечили ей извѣстное вліяніе на высшее русское общество, которымъ, къ сожалѣнію, она воспользовалась не къ пользѣ

5 ноября, въ 10 часовъ, когда мы завтракали съ матушкой, явился придворный лакей и сказалъ намъ:

«Около часу тому назадъ съ императрицей случился апоплексическій ударъ».

Я испустила ужасный крикъ и побѣжала къ мужу. Мнѣ стоило величайшихъ усилій, чтобы найти въ себѣ силы сказать ему: императрица умираетъ... Мой мужъ былъ подавленъ этимъ извѣстіемъ и побѣжалъ во дворецъ. Торсуковъ, племянникъ старшей камеръ-юнгфрау ея величества, подтвердилъ намъ зловѣщую новость.

«Все кончено, сказалъ онъ намъ, и она, и наше счастье».

До трехъ часовъ утра мы провели самыя ужасныя минуты въ моей жизни. Каждые два часа мой мужъ присылалъ мнѣ краткія извѣстія. Одно мгновеніе блеснула надежда, слабый лучъ среди мрака, сдѣлавшій для насъ лишь болѣе тягостной увѣренность въ нашемъ несчастіи. Императрица оставалась пораженною параличемъ въ теченіе тридцати шести часовъ; ея тѣло еще жило, но голова была уже мертва. Въ мозгу лопнула вена. Она перестала жить 6-го ноября.

Огорченіе, причиненное императрицѣ неудачей, достигнуей ея планы относительно шведскаго короля, повліяло на нее вполне замѣтно для всѣхъ тѣхъ, которые непосредственно соприкасались съ нею. Она

Россіи: она поддерживала въ немъ симпатіи къ Бурбонамъ и, принявши католичество, ревностно пропагандировала его.

Своимъ запискамъ о прошломъ и видѣнномъ графиня В. Н. Головина не хотѣла дать громкаго названія „мемуаровъ“, „Она—писала она,—содержать лишь скромныя воспоминанія о царствованіи Екатерины II, Павла I и его сына Александра“.

„Эти воспоминанія, быть можетъ, скромны—замѣчаетъ по этому поводу Коста-де-Борегаръ, изъ статьи котораго, помѣщенной въ послѣднемъ номерѣ „Revue d'histoire diplomatique“, мы заимствуемъ приводимые нами ниже отрывки изъ воспоминаній графини Головиной о смерти императрицы Екатерины II и воцареніи императора Павла Петровича.—Но развѣ госпожа де-Севинье,—продолжаетъ Коста-де-Борегаръ,—не говорила, что ничто въ мірѣ не было бы такъ красиво, какъ имѣть кабинетъ, весь обитый оборотной стороною картъ? (rien au monde ne serait joli comme d'avoir un cabinet tout tapissé de dessous de cartes). И вотъ мнѣ кажется, что госпожа де-Севинье была бы удовлетворена тѣми оборотными сторонами картъ, которыми вшитъ этотъ разсказъ, и тѣмъ изыществомъ, легкостью и остроуміемъ, съ которыми все это передано.“

Не подлежитъ сомнѣнію, что когда воспоминанія графини В. Н. Головиной появятся въ печати полностью, они при ихъ удостоверенной правдивости, и несмотря на то, что по словамъ Коста-де-Борегаръ, авторъ ихъ „чрезмѣренъ какъ въ своей ненависти, такъ и въ своихъ восторгахъ,“—займутъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди извѣстныхъ доселѣ записокъ о Екатерининскомъ и Павловскомъ царствованіяхъ.

Отрывки изъ воспоминаній графини В. Н. Головиной, напечатанные Коста-де-Борегаръ и приводимые нами въ русскомъ переводѣ, рисуютъ обстановку, среди которой совершилось воцареніе Павла Петровича. При всей ихъ безыскусственности и простотѣ, они какъ то особенно живо заставляютъ насъ чувствовать всю противоположность царствованій отходившаго и нарождавшагося, когда, по выраженію Шишкова, настала иная вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе. Въсѣтъ съ тѣмъ горечью, испытанная графиней Головиной, при видѣ пренебреженія къ памяти Великой Самодержицы, невольно сообщается и читателю.

Н. III.

измѣнила свои привычки, только по воскресеньямъ появлялась у обѣдни и къ обѣду, лишь изрѣдка допускала близкихъ себѣ лицъ въ Брильянтовую комнату или въ Эрмитажъ.

Почти всѣ вечера она проводила въ своей спальнѣ съ нѣсколькими лицами, которымъ оказывала совершенно особое благоволеніе.

Великій князь Александръ и его супруга, обыкновенно всѣ свои вечера проводившіе у императрицы, видѣли ее теперь не болѣе одного или двухъ разъ въ недѣлю, не считая воскресенья. Часто они получали приказаніе оставаться дома или отправляться въ театръ ¹⁾.

Въ первое воскресенье 2 ноября 1796 года императрица Екатерина въ послѣдній разъ появилась публично. Казалось, она вышла, чтобы проститься со своими подданными. Когда она умерла, всѣ были поражены страннымъ впечатлѣніемъ, которое она произвела въ тотъ день.

Послѣ обѣдни императрица довольно долго оставалась въ Тронной залѣ, гдѣ Ле-Брэнъ выставила только-что оконченный ею портретъ великой княгини Елисаветы во весь ростъ.

Ея величество долго разсматривала этотъ портретъ и говорила о немъ съ лицами, приглашенными къ обѣду. Затѣмъ состоялся большой обѣдъ, какъ это было принято по воскресеньямъ. Среди приглашенныхъ находились великіе князья Александръ и Константинъ, а также и ихъ супруги. Тогда они въ послѣдній разъ увидѣли свою бабушку, такъ-какъ вечеромъ получили приказаніе не являться къ ней.

Въ понедѣльникъ 3-го числа и во вторникъ 4-го великій князь Александръ и великая княгиня Елисавета были по вечерамъ въ оперѣ.

Въ среду 5-го числа, въ 11 часовъ утра, когда великій князь отправился гулять, за нимъ съ величайшей поспѣшностью прислали отъ графа Салтыкова. Великая княгиня отвѣтила, что не знаетъ, ни гдѣ находится ея супругъ, ни когда вернется домой. Вскорѣ, однако, великій князь прибылъ, крайне взволнованный полученнымъ отъ графа Салтыкова извѣстіемъ, что императрица почувствовала себя дурно, и что графъ Николай Зубовъ посланъ въ Гатчину, чтобы привезти оттуда великаго князя Павла, будущаго императора.

Александръ былъ подавленъ этимъ извѣстіемъ. Однако, только около пяти часовъ онъ получилъ отъ графа Салтыкова позволеніе войти въ комнату умирающей императрицы. Въ этомъ утѣшеніи ему отказывалось по причинамъ, легко понятнымъ каждому, кто зналъ характеръ графа Салтыкова. Дѣйствительно, много говорили о намѣреніи императрицы передать свою корону, минуя голову сына Павла, своему внуку великому князю Александру.

Никогда, я увѣрена въ этомъ, она и не думала объ этомъ ²⁾. Но до-

¹⁾ Приведенный выше отрывокъ изъ воспоминаній графини Головиной взятъ нами, для полноты разсказа, изъ статьи графа Фицтума. Н. Ш.

²⁾ Графиня ошибается.

Р е д.

статочно было слуховъ объ этомъ, чтобы графъ Салтыковъ счелъ себя въ правѣ сдѣлать комнату императрицы недоступной для кого бы то ни было впредь до прибытія ея законнаго наслѣдника.

Но такъ какъ послѣдній не могъ замедлить пріѣхать, Салтыковъ отрѣшился отъ своей строгости, и великій князь получилъ возможность войти къ своей бабкѣ.

Императрица безъ чувствъ лежала на полу, на матрацѣ, огороженная ширмой. Комната была еле освѣщена. Екатерину окружали лишь Протасова, первая камеръ-флейлина, и Алексѣева, одна изъ первыхъ камеръ-юнгфрау. Ихъ рыданія смѣшивались съ страшнымъ хрипѣніемъ императрицы. Это были единственные звуки, нарушавшіе глубокое безмолвіе...

Великій князь Александръ и сопровождавшая его великая княгиня Елисавета не оставались долго передъ этимъ зрѣлищемъ, глубоко взволновавшимъ ихъ. Они отправились къ великому князю Константину, помѣщеніе котораго находилось по близости. Но и тамъ оставались лишь нѣсколько мгновений, такъ какъ въ это время прибылъ ихъ отецъ, великій князь Павелъ.

Павелъ, не заходя къ себѣ, такъ же какъ и его супруга водворились въ апартаментѣхъ императрицы. Будущій императоръ устроился въ кабинетъ, прилегавшемъ къ спальнѣ его матери, такъ что всѣ тѣ, кому онъ отдавалъ приказанія, проходили, направляясь въ кабинетъ и обратно, мимо императрицы Екатерины, еще продолжавшей дышать.

Великій князь Александръ, со времени прибытія своего отца, не показывался своей супругѣ. Вдругъ, около трехъ часовъ утра, великая княгиня увидѣла его входящимъ къ ней въ сопровожденіи великаго князя Константина. Оба они были въ формѣ гатчинскихъ полковъ, состоявшихъ подъ командою Павла. Видъ этихъ мундировъ, запрещенныхъ въ Петербургѣ, потому что императрица не желала, чтобы ея внуки брали уроки—говоря ея собственнымъ выраженіемъ—«прусскаго капорализма», уничтожилъ въ сердцѣ великой княгини послѣднюю надежду на сохраненіе жизни императрицы. Она расплакалась: ей казалось, что она готовится перейти изъ пріятнаго мѣстопробыванія въ какой-то смиренный домъ.

Подъ утро всѣ получили приказаніе одѣться въ русскіе костюмы. Это значило, что кончина императрицы приближается. Однако, весь день прошелъ въ мучительной и долгой агоніи, и великая Екатерина ни на одно мгновеніе не приходила въ сознаніе. Агонія кончилась около 11 часовъ вечера.

Тогда великій князь Александръ пришелъ за женою и невѣсткой, чтобы свести ихъ къ новому императору. Онъ заставилъ ихъ стать на колѣни, чтобы поцѣловать его руку. Въ это время императрица Марія съ большою расторопностью наблюдала за одѣваніемъ усопшей и за

уборкой ея комнаты. Екатерина II была положена на постель и одѣта въ домашнее платье.

Воцареніе новаго императора вселило ужась во все сердца. Одаренный всѣмъ, что нужно для того, чтобы быть великимъ государемъ и однимъ изъ самыхъ обаятельныхъ людей своей имперіи, онъ достигъ лишь того, что возбуждалъ страхъ и отдалялъ отъ себя. У Павла была пылкая душа. Вслѣдствіе невозможности дѣйствовать, его характеръ, вспыльчивый отъ природы, ожесточился. Онъ сдѣлался подозрителенъ, суровъ и требователенъ до мелочей. Онъ уединился, проводилъ при дворѣ не болѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ въ зиму, а все остальное время разсѣвался отъ скуки, снѣдавшей его, въ Гатчинѣ, формированіемъ батальоновъ, которые онъ дисциплинировалъ по прусской системѣ. И эту невыносимую дисциплину онъ ввелъ не только среди своихъ солдатъ, но и среди сановниковъ своего малаго двора. Опозданіе на одну минуту наказывалось военнымъ арестомъ.

Слѣдствіемъ этихъ странностей было то, что его избѣгали на столько, на сколько могли. Но тогда были еще слишкомъ счастливы, такъ какъ отдѣлывались лишь вспышками и арестами, а теперь уже дѣло шло о состояніи, ссылкѣ и даже жизни.

Первые чины двора дѣйствительно были перемѣнены, точно по мановенію волшебнаго жезла. Все, что въ теченіе 34 лѣтъ дѣлало царствованіе Екатерины столь славнымъ, рухнуло, и, повидимому, Павелъ былъ проникнутъ лишь одною страстью—унизить свою мать, возвышая память своего отца...

Первымъ дѣйствіемъ императора было приказаніе совершить заупокойную службу въ Невской Лаврѣ, гдѣ находилась гробница Петра III. Онъ присутствовалъ на ней со всей семьей и всѣмъ дворомъ. Онъ пожелалъ, чтобы гробъ былъ открытъ въ его присутствіи. Въ немъ нашли лишь нѣсколько костей, тѣмъ не менѣе онъ потребовалъ, чтобы каждый поцѣловалъ ихъ. Затѣмъ онъ приказалъ приготовить для этого праха великолѣпныя похороны, и среди всевозможныхъ церемоній, религіозныхъ и военныхъ, которыя онъ могъ только придумать, онъ велѣлъ перенести гробъ во дворецъ а самъ пѣшкомъ слѣдовалъ за нимъ.

За двѣ недѣли до этого я была назначена на дежурство къ тѣлу моей государыни. Его перенесли въ Тронную залу. Я пришла туда и сѣла у стѣны. Въ трехъ шагахъ отъ меня, облокотившись на каминъ, стоялъ камердинеръ Екатерины II, отчаяніе котораго нѣсколько облегчило меня.

Все было обтянуто чернымъ: потолокъ, стѣны, полъ. Блестящій огонь въ каминѣ одинъ лишь освѣщалъ эту комнату скорби. Кавалергарды, съ ихъ красными колетами и серебряными касками, разиѣстились группами, или облокотившись на свои карабины, или отдыхая на стульяхъ.

Тяжелое молчаніе царило повсюду; его нарушали лишь рыданія и вздохи.

Подобное зрѣлище гармонировало съ моимъ душевнымъ настроеніемъ. Въ горѣ контрасты ужасны: они раздражаютъ. — Его горечь смягчается лишь тогда, когда встрѣчаешь что-либо, похожее на муку, воторую самъ испытываешь.

Недѣлю спустя послѣ только-что упомянутаго дежурства у гроба въ Тронной залѣ, я была снова назначена на дежурство въ Большой залѣ, въ которой обыкновенно даются балы. Тамъ былъ воздвигнутъ катафалкъ. Онъ имѣлъ форму ротонды съ приподнятымъ куполомъ Екатерина лежала въ открытомъ гробѣ съ золотой короной на головѣ. Императорская мантия покрывала ее до шеи. Вокругъ горѣло шесть лампадъ; на ступеняхъ, опершись на свое оружіе, стояли кавалергарды.

Зрѣлище было прекрасно, религиозно, внушительно. Но гробъ Петра III неизмѣнно находился тамъ же!..

Я дежурила вмѣстѣ съ Толстой, и мы изъ одной и той же чаши испили всю горечь этой мрачной ночи. Темнота еще болѣе усиливала впечатлѣніе, производимое этимъ зрѣлищемъ, которое навсегда останется въ моей памяти. Крышка отъ гроба императрицы лежала на столѣ у стѣны, параллельно катафалку.

Толстая, такъ же, какъ и я, была въ самомъ глубокомъ траурѣ. Наши вуали ниспадали до земли. Мы облокотились на крышку этого послѣдняго жилища, къ которому я невольно прижималась. Я ощущала желаніе умереть, точно какую-то потребность любить. Слова Евангелія проникали мнѣ въ душу. Все вокругъ меня казалось ничтожествомъ. Въ душѣ моей былъ Богъ, а передъ глазами—смерть. Долгое время я оставалась какъ бы подавленной. Когда стало разсвѣтать, я была опечалена этимъ. Я съ горестью видѣла приближеніе конца моего дежурства. Съ трудомъ отрываешься отъ послѣднихъ воспоминаній о томъ, что было тебѣ дорого.

Тѣло императрицы и гробъ Петра III были перенесены въ крѣпость. Послѣ заупокойной обѣдни они были погребены въ склепѣ ихъ предшественниковъ.

Едва былъ оконченъ погребальный обрядъ, какъ было получено приказаніе явиться ко двору. Отправились въ Черную залу кавалергардовъ. Трепетавшіе и трепетавшія (*trembleurs et trembleuses*) рѣшили, что слѣдуетъ цѣловать руку императора, склоняясь до земли, что показалось мнѣ совершенно страннымъ.

Когда императоръ и императрица вышли, начались такіа присѣданія, что императоръ не успѣвалъ поднимать этотъ новый родъ карточныхъ капуциновъ. Я была возмущена этимъ, и когда пришла моя очередь, я поклонилась, какъ кланялась обыкновенно, и только сдѣлала видъ, что взяла руку императора. Старыя дамы выбрали меня за то, что я не подражала ихъ присѣданіямъ...

Вотъ, кстати, маленькій анекдотецъ на эту тему:

Одна изъ придворныхъ дамъ надѣялась путемъ лести добиться отъ Екатерины званія статсъ-дамы. Его она не получила, но получила жестокій урокъ.

У Екатерины II была ливретка, подаренная ей принцессой нассаусской. Эта маленькая собачка была очень красива, но черезчуръ надѣлива и ревнива по отношенію къ другимъ собакамъ. Ее звали «пани», что по-польски значитъ «госпожа». Просительница же была полька. И вотъ, однажды, когда она присѣла съ особенно рабскою угодливостью, императрица не выдержала. — «Послушайте, пани, — проговорила она, обращаясь къ своей собачкѣ, — вы знаете, что я не люблю ласокъ, и пока вы будете лѣзть ко мнѣ¹⁾, я буду отталкивать васъ»...

Быль ли понять урокъ?.. Я сомнѣваюсь въ этомъ. Сколько людей, читая басню, не видятъ въ ней морали!..

Новый императоръ далеко не раздѣлялъ отвращенія своей матери къ рабѣнству. Напротивъ того, онъ до такой степени требовалъ его, что вокругъ него всѣ постоянно находились на-сторожѣ.

Великій князь Александръ и его супруга не были болѣе счастливы при дворѣ, чѣмъ мы. Задолго до разсвѣта, великаго князя можно было уже видѣть въ пріемной императора. Часто онъ проводилъ передъ этимъ цѣлый часъ въ казармахъ своего полка. Парадъ, строевыя ученія поглощали все его утро. Онъ обѣдалъ наединѣ съ великой княгиней. Затѣмъ, время послѣ полудня уходило или на новыя поѣдки въ казармы, или на исполненіе приказаній, данныхъ ему императоромъ.

Въ семь часовъ слѣдовало быть въ гостиной его величества и ожидать его тамъ, хотя обыкновенно онъ появлялся лишь къ ужину, подававшемуся въ девять часовъ. Послѣ ужина великій князь докладывалъ отцу о своихъ военныхъ занятіяхъ, а великая княгиня присутствовала въ это время при ночномъ туалетѣ императрицы. Однимъ словомъ, это была жизнь самая стѣснительная, какую только можно представить себѣ.

Коронаваніе было совершено тотчасъ же, какъ только глубокой трауръ позволилъ это.

Въ субботу передъ Вербнымъ воскресеньемъ, т. е. 28-го марта 1797 г., дворъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Москву. Кorteжъ былъ громадный. Войска стояли шпалерами отъ Петровскаго до дворца Безбородки. Всѣ гвардейскіе полки, какъ это принято въ подобныхъ случаяхъ, были приведены изъ Петербурга. Императоръ и его сыновья ѣхали верхомъ, императрица и великія княгини слѣдовали за ними въ огромной каретѣ, приспособленной къ тому, чтобы вмѣстить ихъ всѣхъ. Кorteжъ остановился у Кремля, причѣмъ императорская фамилія обошла соборы и поклонилась мощамъ. Затѣмъ, corteжъ снова двинулся далѣе и прибылъ ко дворцу Безбородки къ семи часамъ вечера, отправившись изъ

¹⁾ Непереводимая игра словъ „*tant que vous ramperez*“.

Петровскаго въ полдень. Но это было лишь остановочнымъ пунктомъ, и, проведя нѣсколько дней во дворцѣ Безбородки, дворъ въ среду на Страстной недѣлѣ перешелъ въ Кремль, чтобы приготовиться къ церемоніямъ коронаціи.

Она была совершена въ день Пасхи, 5-го апрѣля, въ Успенскомъ соборѣ.

Среди собора было воздвигнуто возвышеніе, а на этомъ возвышеніи помѣщался тронъ императора. Тронъ императрицы стоялъ сбоку, на нѣкоторомъ разстояніи. Справа была устроена трибуна для членовъ императорской фамилии. По всей церкви были сдѣланы уступы, предоставленные публикѣ. Императоръ самъ короновалъ себя. Затѣмъ, онъ короновалъ императрицу, коснувшись своей короной головы своей супруги, которой, нѣсколько мгновеній спустя, надѣли корону поменьше. Когда обѣдня кончилась, происходило причащеніе. Послѣ этого былъ отслуженъ молебенъ.

Вслѣдъ затѣмъ императоръ приказалъ прочесть семейный актъ, приготовленный по его повелѣнію. Этотъ актъ устанавливалъ порядокъ наследованія престола. Женщины не допускались къ нему, за исключеніемъ случаевъ прекращенія мужскаго потомства по прямой линіи. Были предусмотрѣны и случаи несовершеннолѣтія. Равнымъ образомъ, было опредѣлено положеніе великихъ князей и великихъ княгинь. По прочтеніи акта онъ былъ положенъ на алтарь...

Послѣ торжественнаго коронаціоннаго обѣда, великія княгини удалились къ себѣ въ ожиданіи вечера. Но онѣ были такъ дурно размѣщены, что великая княгиня Елисавета провела нѣсколько часовъ, сидя въ придворномъ костюмѣ на какомъ-то сундукѣ.

Въ понедѣльникъ и вторникъ на Святой недѣлѣ дворъ слушалъ обѣдни въ различныхъ кремлевскихъ соборахъ. Затѣмъ, наконецъ, начиная со среды, ихъ величества, въ теченіе болѣе двухъ недѣль каждое утро въ большой залѣ дворца принимали отъ своихъ подданныхъ поздравленія. Императоръ постоянно находилъ, что было слишкомъ мало поздравлявшихъ. Императрица, съ своей стороны, повторяла, что она слышала, что послѣ коронованія императрицы Екатерины толпа цѣловавшихъ ей руку была такъ велика, что ея рука распухла. А между тѣмъ оберъ-церемоніймейстеръ Валуевъ ничѣмъ не пренебрегалъ, чтобы удовлетворить желанію ихъ величествъ. Онъ заставлялъ однихъ и тѣхъ же лицъ являться по нѣсколько разъ подъ различными предлогами, то какъ сенаторовъ, то какъ депутатовъ отъ дворянства, то, наконецъ, какъ членовъ того или другаго суда.

То же самое было продѣлано съ московскими дамами, которыхъ Валуевъ заставлялъ являться по нѣсколько разъ. Онѣ сосредоточенно приближались къ трону, кланялись, поднимались по ступенькамъ, цѣловали руки ихъ величествамъ и уходили, чтобы вскорѣ снова придти.

Потрясеніе, въ силу котораго самое кроткое царствованіе смѣнилось другимъ царствованіемъ страха, привело къ высшей степени страннымъ послѣдствіямъ: когда вблизи императора не трепетали, то становились безудержно веселыми. Никогда столько не смѣялись, никогда столько не шутили, и никогда еще не приходилось наблюдать, чтобы смѣхъ и шутка превращались столь быстро въ гримасы ужаса...

Однажды послѣ обѣда, который подавался въ часть по полудни, Павелъ гулялъ и слышалъ какой-то звонъ, но только не церковный. Навели справки, и доложили ему, что это звонили къ обѣду у баронессы Строгановой. Императоръ страшно разгнѣвался, узнавъ, что баронесса Строганова обѣдаетъ лишь въ три часа, и, не сдержавъ своего гнѣва, послалъ къ ней полицейскаго офицера съ приказаніемъ обѣдать впредь въ часть по полудни.

Замѣтивъ какъ-то въ свѣтъ своей невѣстки, великой княгини Елисаветы, очень красивое женское лицо, императоръ пожелалъ, чтобы, тотчасъ же послѣ парада въ Петергофъ, въ приказъ была внесена благодарность великому князю Александру за то, что у его супруги такая красивая фрейлина.

Извѣстно расположеніе императора Павла къ Аннѣ Лопухиной. Каждый день оно сопровождалось какой-нибудь новой сценической обстановкой, можно сказать, какимъ-нибудь новымъ маскарадомъ. Лопухина любила малиновый цвѣтъ и тотчасъ же малиновой цвѣтъ былъ усвоенъ императоромъ и всѣмъ дворомъ. Всѣ придворные чины явились одѣтыми въ малиновое.

Затѣмъ, какъ-то онъ приказалъ помѣстить на знамени гвардейскаго полка слово «Анна»: онъ открылъ, что Анна значитъ «божественная благодать»...

Повидимому, императоръ поддавался иногда мистическому настроенію. Ему рассказали, что во время его восшествія на престолъ, часовой, стоявшій у Лѣтняго дворца, видѣлъ видѣніе—св. Архангела Михаила, и Павелъ тотчасъ же рѣшилъ построить въ честь архангела дворецъ, который носилъ бы его имя. Закладка этого новаго дворца происходила въ присутствіи императора 26-го февраля въ 1797 года. Государь поселился въ немъ 1-го февраля 1801 года съ императрицей.

Императоръ было такъ доволенъ, что осуществилъ свою мечту, что воспользовался послѣдними днями масляницы, чтобы ознаменовать свое переселеніе въ замокъ великолѣпнымъ баломъ.

Этими выписками изъ записокъ графини Головиной приходится пока довольствоваться.

Н. Шильдеръ.

d'ici. Vous pouvez lui montrer ses lignes si vous voulez¹⁾.

Свое неодобрение жестокостям генерал-поручика Штофельна, действовавшего под Ибраиломъ, императрица, въ письмѣ къ графу Румянцеву, выражаетъ слѣдующими словами: „упражнения г-на Штофельна въ зажиганіи города за городомъ и деревень сотнями, признаюсь, что мнѣ весьма не-приятны“. Въ другомъ письмѣ она заботится „для пользы службы, чтобы ни единый крестникъ того ордена (св. Георгія) безъ причины не былъ данъ“.

Вице-канцлеру Ал. Мих. Голицину она сообщаетъ, что нѣтъ основаній слѣшать примиреніемъ съ Портою: „... естли пропозиціи, то знатно, что у страха глаза велики; но наша позиція такова, что слѣшать не для чего“.

Надежды на успѣхъ русскаго оружія при движеніи на Бендеры высказаны великою императрицею въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „... не спрашивали римляне, когда гдѣ было ихъ два или, много, три легіона, въ коикомъ числѣ противъ ихъ неприятель, но—гдѣ онъ? наступали на него и поражали.. а мы, русскіе, милости Вожескія за правость нашу въ сей войнѣ съ нами... и о благополучнѣйшихъ успѣхахъ моля Всевышняго, надѣюсь на Его покровительство“.

Получивъ извѣстіе о побѣдѣ при р. Кагулѣ надъ турецкими войсками, которыми командовалъ самъ визирь, она,—какъ говорится въ письмѣ отъ 2-го августа 1770 г.,—„пила здоровье г-на фельдмаршала графа Румянцева, съ которымъ вамъ новопожалованнымъ и весьма вами заслуженнымъ чиномъ васъ поздравляю“.

О побѣдѣ русскаго флота надъ турецкимъ подъ Чесмою (гр. Ал. Гр. Орловъ) императрица писала: „Ничего знаменитѣе съ той стороны, кажется, быть не можетъ... Дивенъ Богъ въ чудесахъ своихъ“. 17-го сентября, по поводу этой же побѣды и тому же графу Румянцеву она сообщала: „ми Богу приносили благодареніе, а на другой день была соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для Россіи славы. Мы плодомъ его трудовъ пользуемся“.

Интересна записка императрицы Екатерины на французскомъ языкѣ къ графу Н.

¹⁾ Скажите извѣстной Особѣ, что все будетъ буквально исполнено согласно ея желаніямъ, что я очень довольна ея идеею и что надѣюсь имѣть еще большее удовольствіе въ скоромъ времени. Вы можете показать ей эти строки, если хотите.

И. Панину, въ которой она проситъ графа сообщить конгръ-адмиралу Эльфингстону, который произвелъ офицера въ лейтенанты, чтобы онъ не нарушалъ своихъ полномочій: „mais si ses instructions ne partent point le pouvoit d'avancer, il faudrait conseilier à Elphingstou de ne pas outre-passer souvent“.

По поводу жалобъ на маіора Вокума, которому былъ порученъ надзоръ за молодыми русскими дворянами въ Лейпцигѣ, Екатерина II приказываетъ сказать, что „я съ крайнимъ неудовольствіемъ слышу, что онъ (Вокумъ) осмѣливается въ противность данной ему инструкціи бить палочемъ, шпалкою и розгами ему отъ меня довѣренныхъ дворянъ, и чрезъ то одно видно, что онъ неспособенъ къ тому мѣсту, къ которому приставленъ; ибо ести-бъ умѣлъ съ ними обходиться, то-бы ненужно было къ такимъ суровымъ приступать средствамъ“.

Письмомъ въ Мадрида къ вице-канцлеру А. М. Голицину отъ 21-го марта 1771 года, графъ Штакельбергъ¹⁾ просилъ о высылкѣ ему денегъ на экстраординарныя расходы, слѣдующихъ ему за два года. Канцлеръ сдѣлалъ помѣтку: „Мы въ коллегіи крайній недостатокъ въ деньгахъ претерпѣваемъ и теперь способа не имѣемъ всѣхъ министровъ удовольствовать“. Екатерина собственноручно положила слѣдующую резолюцію: „Естли не сдѣлаете штата, естли не покажете приходъ и расходъ то вѣкъ денегъ не достанете, ибо на васъ не напасешься“.

На донесеніи Сальдерна²⁾ о покушеніи на короля Станислава Августа, императрица дѣлаетъ такую замѣтку: „Je crois qu'il faut faire à ce Prince une réponse douce et honnête et lui marquer la peine que pareil accident fait sentir à tout honnête homme“³⁾.

Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы судить, до какой степени интересны документы, помѣщенные въ рассматриваемомъ нами томѣ „Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Въ концѣ книги приложенъ подробный алфавитный указатель личныхъ именъ.

Н. К-ш-ъ.

¹⁾ Посланникъ въ Мадридѣ.

²⁾ Каспаръ Сальдернъ, голштинскій дѣист. тайн. совѣт., былъ нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ.

³⁾ „Я думаю, что слѣдуетъ отвѣтить этому государю ласково и выразить ему прискорбіе, какое подобное событіе вызываетъ во всякомъ честномъ человѣкѣ“.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1896 г.

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ:

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портре-
тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИН-
НАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входяція въ составъ всеобщаго почтового
союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по
существующему тарифу.

Подписка принимается: для **ГОРОДСКИХЪ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
бургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ ма-
газинѣ А. Э. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп.,
д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ:
Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова
(Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн.
магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостинный
дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова
(Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ,
въ Редакцію журнала «Русская Старина», Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и
разказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, пре-
имущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ
біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ,
ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художни-
ковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка,
автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. От-
зывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разказы и пре-
данія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго обще-
ства прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г.,	второе изд. (35 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1877 г.,	12 книгъ (24 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1878 г.,	12 книгъ (20 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1879 г.,	второе изд. (1 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1880 г.,	12 книгъ (40 экз.),	съ портретами,	8 руб.
«Русская Старина» 1881 г.,	12 кн., изд. второе (13 экз.),	съ портр.,	9 руб.
«Русская Старина» 1884 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1885 г.,	12 книгъ (38 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1888 г.,	12 книгъ (45 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1889 г.,	12 книгъ (206 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1890 г.,	12 книгъ (144 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1891 г.,	12 книгъ (25 экз.),	съ портретами,	9 руб.
«Русская Старина» 1892 — 1895 гг.,	12 книгъ,	съ портретами,	9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXVII-й.

ДЕКАБРЬ.

1896 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. Сообщ. П. М. Майковъ. 481—518 II. Тяжелые дни Казанскаго университета. П. Д. Шестаковъ. 519—539 III. На службѣ. М. Песковскій В. 541—563 IV. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. (Материалы для біографіи, его разсказы и переписка). 565—583 V. Изъ бумагъ А. В. Никитенко 585—597 VI. Михаилъ Александровичъ Балуининъ. (Біографическій очеркъ). В. Ш. 599—616 VII. Письма Н. М. Языкова къ Н. В. Гоголю. Сообщ. В. Шенрокъ. 617—647 VIII. Историко-критическая замѣтка. Д. Иловайскаго. 649—651 IX. Записки Михаила Чайковского. Гл. XVI и XVII. Перев. В. В. Тимошукъ. 653—676 X. Архивъ графа П. Д. Киселева. I. Собственноруч. письма П. А. Вяземскаго—графу П. Д. Киселеву. 677—686 XI. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій. (Къ портрету). 687—692 XII. Записная книжка „Русской Старины“. Къ характеристикѣ графа Я. П. Ростовцева, Сообщ. ген.-	лейт. В. Онопrienko. (стр. 540).—Способы вызова подрядчиковъ, употребляемые въ половинѣ прошлаго столѣтія. Сообщ. акад. К. С. Веселовскій (564).— Письмо гр. Н. П. Румянцова О. Ф. Стрекалову отъ 26 февр. 1794 г. и Собственноруч. письмо гр. П. Завадовскаго гр. А. К. Разумовскому отъ 20 авг. 1808 г. Сообщ. акад. А. О. Бычковъ. (584).— Высочайш. указъ о принятіи мѣръ противъ медленнаго рѣшенія дѣлъ. (598).— Собственноручное письмо П. Лопухина къ Платону Зубову отъ 16 окт. 1798 г. и Секретное письмо кн. Кутузова гр. И. П. Маркову отъ 18 іюля 1812 г. Сообщ. акад. А. О. Бычковъ. (648).— Сенаторъ — не частный человѣкъ, и О наблюден. за формою одежды статскихъ чиновниковъ въ 1800 г. (652). XIII. Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи 693—708 XIV. Указатель личныхъ именъ въ 85, 86, 87 и 88 томахъ «Русской Старины», 1896 г. 1—45 XV. Библиографическ. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго. Гравир. К. Адтъ.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1897 г.

Можно получить журналъ за истекшіе года, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 по полудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Высочайшаго утвержд. Товарищ. «Общественная Польза»,
Большая Подъячская, 39.

1896.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1896 г.

Библиографическій листокъ.

Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VIII. С.-Петербургъ. 1896 г. 474 стр. Цѣна 2 руб.

Собраніе сочиненій Владимира Даниловича Спасовича, состоящее изъ восьми томовъ, самаго разнообразнаго содержанія, указываетъ намъ, что въ лицѣ его мы имѣемъ не только выдающагося юриста-криминалиста, давашаго литературѣ цѣлый рядъ юридическихъ монографій и блестящихъ судебныхъ рѣчей,—но и глубокомысленнаго критика и талантливаго публициста.

Разсматриваемый нами томъ сочиненій Спасовича заключается въ себѣ произведенія, написанныя имъ послѣ 1889 года. На первомъ планѣ стоитъ статья: „Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и его польскія отношенія и знакомства“; статья эта была напечатана въ январской книгѣ журнала „Русская Мысль“ за 1890 г. Въ началѣ этой статьи, написанной прекраснымъ языкомъ, разбирая литературную дѣятельность князя Вяземскаго ¹⁾, г. Спасовичъ, между прочимъ, заявляетъ, что до послѣдней минуты своей жизни кн. Вяземскій остался вѣренъ стихамъ, написаннымъ имъ въ 1854 году:

„Изъ колбелы я ужъ вышелъ рюмолетомъ...
Отъ рюмки къ рюмѣ я до старости бреду“.

О значеніи литературной дѣятельности князя Вяземскаго г. Спасовичъ отвѣчаетъ такъ: „какъ литераторъ, князь Петръ Андреевичъ долженъ бы быть причисленъ только къ третьестепеннымъ писателямъ, но онъ любилъ переписываться съ другими... Эта переписка и книжки составляютъ нынѣ весьма цѣнные историческіе документы, ярко освѣщающіе вѣкъ князя Вяземскаго и его современниковъ“. О стихотвореніяхъ князя Вяземскаго онъ говоритъ: „Удѣляютъ немногія удачныя вещи... Скоронне стихи на память убитому Пушкину свѣжи донныи, столь сильно они прочувствованы. Эти мелочи, Русскій Богъ ²⁾, десятковъ эпиграммъ—вотъ и все, что, по нашему мнѣ-

нію, спасеть Вяземскаго отъ совершеннаго забвенія, въ которомъ онъ, повидимому, очутился уже въ серединѣ пятидесятихъ годовъ“. Въ заключеніи этой статьи В. Д. Спасовичъ говоритъ: „Князь Вяземскій всю жизнь твердилъ, что надобно взять польскій вопросъ въ свои руки и рѣшить его по возможности снисходительно и наиболѣе льготно для поляковъ“.

Вторая статья „Пушкинъ въ польской повѣстной литературной критикѣ“, первоначально напечатанная въ октябрьской книгѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1891 г.,—написана также хорошимъ языкомъ и доказываетъ полное знаніе предмета авторомъ, но мы не можемъ не замѣтить, что какъ-то странно звучатъ слова почтеннаго публициста: „Я сравнивалъ Пушкина съ зибкою волною морскою (sic). Я призывалъ въ немъ не героическій темпераментъ, но человѣка неунывающего и восстанавливающаго средѣ тревоженной бури ревниво оберегаемую имъ свою независимость, вслѣдствіе необычайной уругости своей жинвой и веселой натурѣ“ (стр. 55). Далѣе: „Г. Здѣховскій отвергаетъ мою (т. е. г.-на Спасовича) характеристику Пушкина, какъ лашающую образъ Пушкина того обаянія и той прелести, какую имѣють его вѣсни“. Вообще мы не раздѣляемъ взгляда г. Спасовича, который ставитъ Пушкина ниже Мицкевича и даже считаетъ нашего великаго поэта подражателемъ польскаго поэта; напримѣръ, на стр. 94-й читаемъ: „Когда подъ вліяніемъ стиховъ Мицкевича Пушкинъ сталъ создавать свой горадо болѣе обширный эпосъ ³⁾, то безсознательно и безъ участія воли его складывался образъ чертами, соотвѣтствующими тѣмъ, какими выразилъ мысль свою Мицкевичъ“ ²⁾. Мы далеки отъ мысли заподозрить г. Спасовича въ данномъ случаѣ въ національномъ пристрастіи. Г.-нъ Спасовичъ—человѣкъ съ прочно установившимися убѣжденіями и высказываетъ ихъ открыто. Но всякому человѣку свойственно заблуждаться.

Вслѣдъ за статью о Пушкинѣ напечатана статья „Конрадъ Валенродъ“, которая была читана авторомъ публично въ Львовѣ 10-го сентября 1889 года. Въ критической статьѣ, подъ заглавіемъ „Лермонтовъ въ книгѣ Н. Котляревскаго“,—г. Спасовичъ дѣлаетъ подробный разборъ книги г. Котляревскаго о Лермонтовѣ ³⁾. Въ третьей главѣ этого

¹⁾ Родился 12 іюля 1792 года, ум. 10 ноября 1878 г. въ Баденъ-Баденѣ.

²⁾ Это очень остроумное и популярное стихотвореніе, написанное княземъ въ 1827 году и напечатанное въ III т. Собранія сочиненій князя Вяземскаго (стр. 452), пишется такъ:

„Богъ ухабовъ, Богъ мятелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ ночлеговъ безъ постелей,—
Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій Богъ...“

¹⁾ „Мѣдный Всадникъ“.

²⁾ „Памятникъ Петра Великаго“.

³⁾ М. Ю. Лермонтовъ. Личность поэта и его произведенія. Опытъ историческо-литературной оцѣнки“. Спб. 1891.

КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ БОРИСОВИЧЪ
ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

Записки графа Л. Л. Беннигсена

0

ВОЙНЪ СЪ НАПОЛЕОНОМЪ 1807 ГОДА.

Лрафъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ происходилъ изъ древней баронской фамиліи въ Ганноверѣ. Онъ родился въ 1745 году; на 14-мъ году отъ роду поступилъ въ ганноверскую пѣхоту и участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ. Въ 1773 году онъ перешелъ на службу въ Россію съ чиномъ премьеръ-маіора и былъ зачисленъ въ Вятскій мушкетерскій полкъ. Находясь въ арміи графа Румянцова, онъ, въ 1774 году, принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ съ турками, а въ 1787 году назначенъ командиромъ Изюмскаго легко-коннаго полка, съ которымъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1789 и 1790 г.г., причемъ отличился подъ Очаковымъ и при взятіи Бендеръ. Въ 1792 г., во время дѣйствій противъ польскихъ конфедератовъ, Леонтій Леонтьевичъ командовалъ особымъ летучимъ отрядомъ, вмѣстѣ съ генераломъ Фервеномъ взялъ замокъ Невсвижъ и 2-го іюля находился при пораженіи главныхъ силъ польскихъ конфедератовъ. Въ 1794 году Беннигсенъ разбилъ поляковъ при Соламі, за что и произведенъ былъ въ генераль-маіоры, а затѣмъ, переправившись впасть черезъ Нѣманъ, произвелъ нечаянное нападеніе на непріятеля у Олиты и нанесъ ему пораженіе. Въ дѣлахъ подъ Вильною онъ взялъ семь пушекъ, за что и награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени; въ 1796 году Леонтій Леонтьевичъ участвовалъ въ войнѣ съ Персією и отличился при взятіи Дербента. По возвращеніи изъ похода онъ, въ 1798 году, былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а

въ 1802 году — въ генералы-отъ-кавалеріи. Въ войну съ Наполеономъ 1805 года Беннигсенъ командовалъ одною изъ русскихъ армій, посланныхъ на помощь Австріи, но принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не успѣлъ. Въ слѣдующемъ 1806 году онъ нанесъ пораженіе французамъ подъ Пултускомъ и получилъ за эту побѣду орденъ св. Георгія 2-й степени. Назначенный въ 1807 году главнокомандующимъ, вмѣсто графа Каменскаго 1-го, Леонтій Леонтьевичъ въ кровопролитномъ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, 26-го января, остановилъ напоръ всей французской арміи, предводительствуемой самимъ Наполеономъ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго п 12 тыс. ежегодной пенсіи. Весною того же года Беннигсенъ нанесъ пораженіе маршалу Нею у Гутштадта, далъ отпоръ Наполеону у Гейльсберга, но самъ потерпѣлъ пораженіе, 14-го іюня 1807 года, подъ Фридрихландомъ.

Послѣ Тильзитскаго мира онъ былъ уволенъ отъ командованія арміею и жилъ до 1812 года въ Вильно, въ своемъ имѣніи «Закреть», находившемся близъ самаго города. Отечественная война вызвала Беннигсена опять на военное поприще. Онъ сперва состоялъ при императорѣ Александрѣ I, потомъ занялъ мѣсто начальника главнаго штаба арміи, участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, руководилъ извѣстнымъ сраженіемъ подъ Тарутинымъ, а затѣмъ вскорѣ удалился изъ арміи и поселился въ своемъ помѣстьи. За отличія въ Отечественную войну онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени, алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго и 200 тыс. руб.

Въ 1813 году Беннигсенъ командовалъ такъ называемой польскою арміею, разбилъ маршала Сенъ-Сира и принималъ участіе въ битвѣ гигантовъ подъ Лейпцигомъ, за что и былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи. Послѣ этого Леонтій Леонтьевичъ былъ при обложеніи крѣпостей Торгау, Магдебурга и Гамбурга. По заключенія Парижскаго мира, графъ Беннигсенъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 1-й степени, командовалъ второю арміею, но въ 1818 году, по своей просьбѣ, былъ уволенъ отъ должности, вышелъ въ отставку и вернулся на свою родину въ Ганноверъ, гдѣ и скончался въ 1826 году.

Во время кампаніи 1806—1807 г.г. Беннигсенъ близко сошелся съ лицомъ, обращавшимъ на себя вниманіе современниковъ по выдающимся способностямъ, и именно съ Александромъ Борисовичемъ Фокомъ, съ которымъ и сохранилъ дружественныя отношенія до конца жизни.

Въ числѣ многихъ голштинскихъ дворянъ, переселившихся въ наше отечество въ царствованіе императрицы Елисаветы, былъ и отецъ Александра Борисовича Фока, служившій подъ начальствомъ И. И. Бецкаго, по канцеляріи строенія и садовъ ея величества, и завѣдывавшій

исключительно придворными садами. Онъ опредѣлялъ сына своего Александра въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но врожденная склонность молодого юноши къ военному дѣлу заставила его, вопреки волѣ отца, поступить 14-ти лѣтъ отъ роду сержантомъ въ бомбардирскій полкъ. Служа въ артиллеріи, молодой Фокъ участвовалъ при осадѣ и взятіи приступомъ Очакова въ 1788 году, затѣмъ въ Шведской войнѣ 1789—90 годовъ, отличился особенно въ сраженіяхъ при Пардоски и Керникоски, гдѣ, будучи уже капитаномъ, «съ искусствомъ и неустрашимостью своею производя въ ближайшемъ разстояніи отъ непріятельской батареи сильный огонь, за заливомъ лежащую фланговую батарею сблизъ, такъ что посланный для прогнанія непріятели отрядъ могъ безпрепятственно снять съ оной пушки»¹⁾. За это Фокъ былъ представленъ къ ордену св. Георгія 4-го класса, причѣмъ императрица Екатерина II сама своею рукою надѣла его, повелѣвъ пригласить Фока къ своему обѣденному столу. Вскорѣ послѣ этого А. Б. былъ переведенъ въ Польшу и въ битвахъ съ конфедератами при Столбцахъ и Мирѣ командовалъ уже всею русскою артиллеріею. «Мужественные подвиги, оказанные вами при разбитіи скопившейся толпы отъ войскъ противной въ Польшѣ факціи, при мѣстечкѣ Мирѣ, — говоритъ императрица въ рескриптѣ 28-го іюня 1792 года, — гдѣ, командуя артиллеріею, расторопною и цѣльною стрѣльбою, принудили противниковъ обратиться въ бѣгство, обращаятъ на себя наше вниманіе и милость». Фоку пожалованъ былъ тогда орденъ св. Владиміра 4-й степени²⁾. Затѣмъ онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Вильно, во взятіи приступомъ укрѣпленій и занятіи самаго города, за что, по окончаніи войны, въ 1794 году, произведенъ въ майоры. Въ дѣлахъ подъ Вильно Фокъ состоялъ подъ начальствомъ Беннигсена, тогда уже генераль-майора; здѣсь было ихъ первое знакомство, обратившееся позднѣе въ искреннюю дружбу.

По возвращеніи изъ похода, Фокъ, по порученію генераль-фельдцейхмейстера князя Платона Зубова, занимался формированіемъ первыхъ въ Россіи конно-артиллерійскихъ ротъ и былъ командиромъ одной изъ нихъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Павла, послѣдовало переформированіе артиллеріи въ отдѣльные баталіоны, причѣмъ Фокъ поступилъ въ конно-артиллерійскій баталіонъ. Въ 1797 году онъ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1799 году—въ генералъ-майоры и назначенъ начальникомъ артиллеріи въ Финляндіи. Но вскорѣ Александръ Борисовичъ, какъ и многіе другіе, подвергся немилости; 21-го

¹⁾ Отношеніе къ Фоку Кавалерской думы военнаго ордена отъ 30-го ноября 1791 г., и указъ императрицы ноября 26-го дня 1791 года.

²⁾ Указъ императрицы отъ 28-го іюня 1792 года, за собственноручнымъ подписаніемъ.

января 1800 года онъ былъ отставленъ отъ службы и поселился въ Петербургъ. Императоръ Александръ I принялъ опять Фока на службу въ 1801 году и поручилъ ему сформировать 2-й конно-артиллерійскій баталіонъ. Исполнивъ очень успѣшно это порученіе, онъ, 21-го мая 1803 года, былъ назначенъ шефомъ сего баталіона, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по прошенію, былъ вторично уволенъ отъ службы. Въ войну 1806 года Беннигсенъ, назначенный главнокомандующимъ, выразилъ желаніе имѣть ближайшимъ своимъ помощникомъ Фока, который 10-го января 1807 года и былъ назначенъ состоять по арміи. Онъ немедленно отправился въ главную квартиру Беннигсена, куда и прибылъ наканунѣ сраженія при Прейсиспъ-Эйлау, а затѣмъ былъ назначенъ дежурнымъ генераломъ арміи. Фокъ принималъ живое участіе въ сраженіи 27-го января; онъ командовалъ артиллерію на нашемъ правомъ флангѣ и способствовалъ отраженію маршала Нея, появившагося позади нашей позиціи. За это сраженіе А. Б. награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 3-го класса. При возобновленіи 25-го мая 1807 года военныхъ дѣйствій Александръ Борисовичъ участвовалъ въ двухъ-дневныхъ дѣлахъ подъ Гутштадтомъ, а затѣмъ въ сраженіи при Гейльсбергѣ, гдѣ руководилъ дѣйствіемъ артиллеріи. Въ пылу Гейльсбергскаго сраженія Фокъ былъ раненъ въ грудь, за-мертво вынесенъ съ поля сраженія, а затѣмъ отвезенъ въ Петербургъ. Императоръ Александръ поручилъ его особенному попеченію знаменитыхъ лейбъ-медиковъ Вилліе и Буша. Самъ монархъ удостоивалъ его своими посѣщеніями. Поправившись Фокъ былъ въ 1810 году назначенъ, по ходатайству военнаго министра Барклая-де-Толли, дежурнымъ генераломъ при немъ и явился дѣятельнымъ сотрудникомъ его по приготовленіямъ къ предстоящей Отечественной войнѣ 1812 года. «За вашу всегда непоколебимую ревность и усердіе къ пользѣ службы, не смотря на здоровье ваше, поврежденное отъ ранъ, полученныхъ на полѣ брани»,—такъ говорилось въ рескриптѣ 30-го августа 1810 года,—Фокъ, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени брильянтами украшеннымъ.

Въ 1811 году А. Б. былъ назначенъ начальникомъ 18-й дивизіи, состоявшей въ обсервационной арміи на Волыни, но прежде отъѣзда своего получилъ другое, болѣе важное порученіе, именно—ѣхать въ Финляндію, и, принявъ начальство надъ корпусомъ, сдѣлать или высадку въ Помераніи, или идти въ Норвегію для дѣйствія совмѣстно со шведами. По этому случаю Фокъ вошелъ въ переписку съ Сухтеленемъ, находившимся тогда въ Стокгольмѣ, а затѣмъ и самъ ѣздилъ, подъ предлогомъ свиданія съ родственниками, въ Стокгольмъ и Эрёбро для личныхъ объясненій съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ. Но обстоятельства измѣнили эти предположенія. Русскій корпусъ, стоявшій въ Финляндіи подъ начальствомъ графа Штейнгеля, получилъ приказаніе дѣйствовать вмѣ-

стѣ съ войсками графа Витгенштейна, а Фокъ былъ назначенъ начальникомъ штаба этого корпуса, который 17-го августа 1812 года былъ перевезенъ изъ Свеаборга въ Ревель и направился къ Ригѣ. Послѣ незначительныхъ дѣлъ съ прусскими войсками, бывшими тогда въ составѣ великой арміи Наполеона I, Штейнгель около конца сентября соединился съ арміею Витгенштейна, стоявшею не вдалекѣ отъ Полоцка.

5-го октября Фокъ переправился у Дриссы на лѣвый берегъ Двины и имѣлъ удачное дѣло съ генераломъ Корбино, за которое произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Послѣ сраженія подъ Полоцкомъ графъ Витгенштейнъ перенесъ свои дѣйствія на лѣвый берегъ Двины. Фокъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Чашникахъ и Смолянахъ, а затѣмъ былъ посланъ къ Студянкѣ—мѣсту переправы Наполеона чрезъ Березину. Фланговымъ маршемъ А. Б. опередилъ шедшія впереди него войска наши и прибылъ на мѣсто сраженія при Студянкѣ въ то время, когда маршалъ Викторъ успѣлъ разорвать нашъ центръ.

Преслѣдуя послѣ Студянки французовъ, Фокъ прибылъ въ Юрбургъ а затѣмъ въ Кенигсбергъ. Здѣсь однако болѣзнь принудила его проситься въ отпускъ и, получивъ оный, онъ отправился въ Петербургъ, при чемъ графъ Витгенштейнъ выражалъ Фоку желаніе, «чтобы, получивъ облегченіе отъ болѣзни вашей, вы могли опять къ намъ возвратиться». Это желаніе однако не сбылось. Онъ не могъ принимать участія въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ, просилъ о назначеніи его куда либо комендантомъ, но вакансіи не было въ то время, и Фока увѣдомили, что его будутъ имѣть въ виду. Тогда онъ просилъ уволить его отъ службы, что и послѣдовало 29-го декабря 1819 года. Онъ продолжалъ жить въ Петербургѣ, но здоровье его видимо разрушалось. Память стала ему измѣняться, и 3-го апрѣля 1825 года онъ, 62 лѣтъ отъ роду, скончался отъ удара. А. Б. Фокъ похороненъ на кладбищѣ деревни Мартышкиной, близъ Ораніенбаума, въ семейномъ склепѣ ¹⁾.

¹⁾ Фокъ, женатый на дочери коллежскаго совѣтника Лидерса, Аннѣ Ивановнѣ, имѣлъ одного сына Бориса, служившаго въ уланскомъ полку и умершаго въ турецкую кампанію 1829 года отъ раны и лихорадки, и четырехъ дочерей, изъ которыхъ одна была замужемъ за своимъ двоюроднымъ братомъ также Фокомъ, гвардіи полковникомъ Александромъ Андреевичемъ. Внукомъ ея А. А. Фокъ (или иначе правнукомъ генерала А. Б. Фока), съ давнихъ поръ находясь въ самыхъ близкихъ со мною отношеніяхъ, въ разговорѣ о напечатаніяхъ старинны упомянулъ о томъ, что онъ имѣетъ нѣсколько разнаго рода семейныхъ бумагъ, относящихся къ давно прошедшему времени. Я, конечно, пожелалъ ихъ посмотреть и ознакомиться съ ними, на что со стороны ихъ настоящаго владѣльца Александра Александровича Фока, при его живомъ интересѣ къ русской исторіи, послѣдовало не только полнѣйшее согласіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разрѣшеніе напечатать, для ознакомленія съ ними читателей, то, что всего болѣе представится интереснымъ по моему

Изъ писемъ Беннигсена, съ 1807 по 1811 г.г., видно, что въ это время онъ жилъ въ Вильнѣ, въ своемъ имѣннн «Закретъ», и притомъ былъ боленъ, вѣроятно водяною ¹⁾. Онъ опухъ до такой степени, что не могъ надѣвать платья, которое носилъ во время войны, но благодаря какимъ-то травмамъ, присланнымъ ему изъ Петербурга сенаторомъ Тейльсомъ, почувствовалъ значительное облегченіе. Кромѣ физическихъ страданій Беннигсенъ испытывалъ и душевныя мученія. Его обвиняли въ неудачномъ исходѣ кампаніи 1807 года. Множество пасквилей (libelles) и всякихъ брошюръ, направленныхъ противъ него, было тогда въ ходу. Беннигсенъ утѣшалъ себя тѣмъ, что «всѣ эти сочиненія такъ же скоро потонуть въ грязи, какъ вышли изъ нея, въ особенности брошюра г-на Сакена, которая, однако, не должна бы пройти для него безнаказанно, потому что онъ задѣваетъ честь всей арміи, печатая ложныя извѣстія, простительныя газетчику, побуждаемому къ этому деньгами или подкупленному врагами, но совершенно неизвинительныя для русскаго генерала» ²⁾. Къ тому же и матеріальное положеніе Беннигсена было тоже не въ цвѣтущемъ положенн. Въ письмѣ къ другу своему онъ говоритъ, что подаренное ему императрицею Екатериною имѣнн въ 250 душъ (за войну съ Польшею 1792 г.), давно продано, а остальное заложено въ банкѣ на 8 лѣтъ, такъ что онъ съ трудомъ можетъ выдавать сыну, служившему тогда въ военной службѣ, около 200 рублей въ мѣсяцъ. Что же касается до имѣнн его въ Ганноверѣ, то онъ самъ съ него ничего не получалъ; всѣ доходы шли, большею частью, на уплату контрибуціи, взимаемой французами съ Ганновера, а затѣмъ на содержаніе жившихъ тамъ его дѣтей.

Въ одной изъ своихъ записочекъ къ А. Б. Фоку Беннигсенъ благодаритъ его за проявляемое имъ всегда къ нему участіе и говоритъ: «признаюсь вамъ отъ всей души, что я не имѣю много желанія какъ совершенно удалиться отъ дѣлъ; въ моемъ прежнемъ отечествѣ находится мое довольно многочисленное семейство, въ кругу котораго я желалъ бы провести остатки дней моихъ. Какъ только мнѣ представится возможнымъ устроить всѣ мои дѣла, я буду проситься въ отставку».

Но отставка (retraite) и полное удаленіе отъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ значительно способствовали восстановленію здоровья графа Леонтія Леонтьевича; онъ не ограничивался тѣмъ, что ѣлъ, пилъ и спалъ, но и занимался, во-первыхъ—садомъ въ «Закретѣ», имѣвшемъ очень красивое мѣстоположеніе, а во-вторыхъ—исторіею послѣдней войны ³⁾. По словамъ Беннигсена сочиненіе это принимаетъ большой объемъ, усмотрѣнню. Въ числѣ просмотрѣнныхъ мною бумагъ, несомнѣнно всего болѣе важными представляются помѣщаемыя ниже записки графа Беннигсена. П. М.

¹⁾ Письмо его Фоку отъ 25-го ноября 1807 года, изъ Вильно.

²⁾ Письмо Беннигсена Фоку отъ 25-го ноября 1807 года.

³⁾ Письмо Беннигсена Фоку отъ 11-го августа 1808 года.

чѣмъ онъ предполагалъ въ началѣ, и составить два тома. «Само собою разумѣется, говорить онъ, что оно не будетъ выпущено въ свѣтъ прежде, чѣмъ не испрошу на это одобренія. Можно полагать, что это сочиненіе будетъ вообще читаться съ интересомъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ будетъ изложена одна правда, безъ всякаго преувеличенія».

Во многихъ современныхъ газетахъ и журналахъ большей части Европы было объявлено, что Беннигсенъ пишетъ эту исторію для своего оправданія, и что она появится въ свѣтъ послѣ его смерти. «Это даетъ поводъ предполагать, — говоритъ Беннигсенъ, — что я излагаю такіе факты, которые не могъ бы объявить въ настоящую минуту. Напротивъ того, я пишу вовсе не для своего оправданія, въ которомъ не нуждаюсь, а для славы русскаго оружія. Имѣя въ своихъ рукахъ всѣ необходимыя матеріалы и данныя, я лучше всякаго другаго могу изложить весь ходъ войны, въ продолженіе которой не завоевалъ Франціи, это правда, но въ теченіе шести мѣсяцевъ удерживалъ всѣ военныя силы Франціи и ея союзниковъ отъ вторженія ихъ въ предѣлы Русской имперіи. Даже и теперь я даю читать всѣмъ желающимъ свои записки, по мѣрѣ ихъ составленія, и всѣ находятъ ихъ весьма любопытными и поучительными. Генераль Бергранъ, состоявшій при Наполеонѣ I, мнѣ сказалъ однажды, что война 1806—1807 годовъ была одна изъ самыхъ поучительныхъ; въ ней по-прежнему еще маневрировали арміи» ¹⁾.

Беннигсенъ, къ концу 1810 года, написалъ уже все относящееся до военной стороны кампаніи и, по желанію своего пріятели, генерала Фока, пересылалъ ему для прочтенія копія со своего сочиненія, причемъ иногда переписывалъ нѣкоторыя главы самъ изъ предосторожности, какъ онъ выражается. Онъ, повидимому, желалъ, чтобы сочиненіе это было доведено до свѣдѣнія государя императора. «Льшу себя надеждою, — прибавляетъ онъ, — что императоръ прочтетъ мое произведеніе съ интересомъ. Не упоминаю о его высочествѣ, великомъ князѣ; само собою разумѣется, что вы ему представите мой трудъ» ²⁾.

П. М. Майковъ.

¹⁾ См. письма Фоку 31-го декабря 1810 г. и 23-го апрѣля 1811 г.

²⁾ Письма 18-го февраля и 15-го марта 1811 года. Предоставляя читателямъ рѣшить вопросъ, насколько эти записки интересны и поучительны, намъ остается еще заявить, что графъ Беннигсенъ хотя и нѣмецъ по происхожденію, но писалъ свои записки и велъ свою переписку на французскомъ языкѣ. Вѣсть съ тѣмъ, считаемъ своею обязанностью еще разъ поблагодарить современнаго владѣльца этихъ записокъ, А. А. Фока, за обязательное разрѣшеніе познакомить съ ними нашихъ читателей. Нельзя не пожелать при этомъ, чтобы и другіе владѣльцы рукописей, болѣе или менѣе интересныхъ, слѣдовали этому, достойному подражанію, примѣру и содѣйствовали бы тѣмъ обогащенію нашей исторической литературы.

Ред.

I.

Спѣшу увѣдомить васъ о полученіи мною вашего послѣдняго письма. Вы упрекаете меня въ томъ, что съ заключеніемъ Тильзитскаго мира я очень неисправенъ въ моей перепискѣ. Признаюсь, что виновать, — но обстоятельства, въ которыхъ я нахожусь, могутъ значительно меня извинить. Въ продолженіе всего хода войны я сообщалъ вамъ послѣдовательно мои мнѣнія о всѣхъ бывшихъ выдающихся событіяхъ; это были только отдѣльные факты, которые я обѣщалъ вамъ, послѣ заключенія мира, изложить въ общей связи и послѣдовательности, присоединивъ къ нимъ всѣ подробности моихъ военныхъ дѣйствій. Стараюсь сдержать свое слово и занимаюсь теперь приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ бумагъ, имѣющихъ отношеніе къ этой войнѣ. Это занятіе содѣйствовало перерыву нашей переписки, которую возобновляю сегодня снова съ удовольствіемъ.

Не стану отвѣчать отдѣльно на бѣольшую часть дѣлаемыхъ вами вопросовъ, касающихся меня лично; дальнѣйшая моя переписка должна на нихъ служить отвѣтомъ; ограничусь теперь повтореніемъ еще разъ, что я не только не добивался командованія арміею, но неоднократно просилъ, чтобы меня отъ этого избавили. Если съ одной стороны мое самолюбіе было польщено тѣмъ, что я былъ главнокомандующимъ въ войнѣ, на которую обращены были взоры всей Европы, потому что эта война могла рѣшить ея судьбу, то съ другой стороны, я не терялъ изъ виду той отвѣтственности, которой подвергалъ себя по отношенію къ моему государю и всей великой націи. Сообразивъ хотя немного обстоятельства, въ которыхъ мы находились, и тѣ неожиданныя катастрофы, которыя однимъ ударомъ разрушили всѣ соображенія, измѣнили весь планъ военныхъ дѣйствій и ихъ театръ, а также всѣ распоряженія, — являлось рѣшительно невозможнымъ не представить себѣ тѣхъ великихъ затрудненій, которыя необходимо было преодолѣть на предстоявшемъ достославномъ поприщѣ. Всѣ соображенія, доставляемые опытомъ, а также аналогіею, приводили къ заключенію, что всякая малѣйшая ошибка имѣла бы непосредственнымъ и немедленнымъ слѣдствіемъ занятіе нашихъ пограничныхъ областей. Наступала минута, когда счастье и отважность, повидимому, одерживали верхъ и торжествовали надъ всѣми противопоставляемыми имъ мѣропріятіями, внутреннимъ мудростью и осторожностью, и каждое мгновеніе дѣлало все болѣе необходимыми эти самыя мѣры, которыя однѣ въ состояніи были восполнить слишкомъ значительное несоотвѣтствіе въ средствахъ воюющихъ сторонъ, несоотвѣтствіе, которое надлежитъ приписывать отнюдь не превосходству средствъ непріятеля, но новымъ комбинаціямъ, порожденнымъ предшествовавшими событіями, а также положенію и стремленіямъ обоихъ противниковъ.

Наполеонъ, низвергнувъ Пруссію, держалъ всѣ свои силы сосредото-

ченными и возбѣщаль наміреніе вступить въ Россію, которая приготовилась единственно только къ тому, чтобы подать руку помощи союзнику на отдаленномъ отъ нея театрѣ военныхъ дѣйствій. Миѣ не нужно говорить вамъ,—вы это усмотрите изъ послѣдующихъ моихъ замѣтокъ,—что нашъ дворъ могъ всего менѣе ожидать, что ему придется единственно со своими силами вести оборонительную войну. На этотъ случай ничего не было подготовлено, а потому одно проигранное сраженіе, одно событіе, подобное бывшему въ 1805 году въ послѣднюю войну съ Австріею подъ Ульмомъ и Аустерлицемъ, или случившемуся съ Пруссіею недавно подъ Ауерштэдомъ и Іеною и т. д.,—словомъ сказать, малѣйшая неудача повлекла бы неисчислимыя послѣдствія для Россіи, тѣмъ въ болѣе мѣрѣ, что немедленно возгорѣлась бы снова и дѣлалась неизбежною война съ Турціею,—война, участь которой должна была бы равнымъ образомъ рѣшиться на Вислѣ. Прибавьте къ этимъ соображеніямъ и то еще, что миѣ предстояло дѣйствовать противъ Наполеона, величайшаго полководца нашего времени, противъ всѣхъ маршаловъ Франціи, изъ коихъ большая часть съ отличіемъ и величайшими успѣхами уже предводительствовала цѣлыми арміями, и, наконецъ, противъ арміи, всегда побѣдоносной и привыкшей рѣшать войну однимъ сраженіемъ, арміи къ тому же значительно превосходившей нашу въ численномъ отношеніи, въ особенности же при началѣ второй кампаніи.

Въ разныхъ войнахъ съ Франціею, въ которыхъ Россія принимала дѣятельное участіе, она до настоящаго времени являлась только вспомогательною державою. Театръ военныхъ дѣйствій былъ всегда на столько удаленъ отъ Россіи, что понесенныя пораженія, какъ бы они значительны ни были, не могли имѣть какихъ-либо опасныхъ послѣдствій для ея владѣній. Поэтому вся ея обязанность ограничивалась тѣмъ, что она храбро и дѣятельно боролась съ общимъ врагомъ, для достиженія цѣли, желаемой соединенными державами,—обезпечить независимость и спокойствіе государствъ Европы; тогда какъ въ настоящее время она принуждена вести непосредственную войну въ собственныхъ предѣлахъ противъ всѣхъ соединенныхъ силъ Франціи, большинства княжествъ Германіи, а также Голландіи, Италіи и т. д. Къ тому же забота о собственномъ своемъ самосохраненіи налагала на нее совершенно иныя обязанности. Возможно-ли было предвидѣть, возможно-ли было даже подумать, что Россія, во всѣхъ предшествовавшихъ войнахъ столь вѣрно помогавшая своимъ союзникамъ значительными своими арміями, будетъ совершенно покинута тѣми же самыми державами, которымъ она столько помогала? Можно ли было предполагать, что Австрія останется нейтральною и упуститъ самый благоприятный для себя моментъ, чтобы, поставивъ французскую армію въ самое величайшее затрудненіе, возвратить себѣ вліяніе, повидимому, ею безвоз-

вратно утраченное! Можно ли было предполагать, что Россія нечего будет ожидать отъ тѣхъ диверсій, которыя могла бы сдѣлать Англія? что Швеція, слишкомъ слабая и находящаяся далеко отъ непосредственныхъ сношеній, чтобы дѣйствовать одной и притомъ дѣйствительнымъ образомъ,—будетъ пребывать въ положеніи не столько дѣятельномъ, сколько беспокойномъ и болѣе гибельномъ самой себѣ, нежели выгодномъ общему дѣлу. Словомъ, кто бы могъ думать, что всѣ силы Пруссіи, вся ея великая и прекрасная армія, казавшаяся быть долгое время крѣпкимъ оплотомъ противъ французскихъ войскъ, исчезнетъ въ восемь дней; что всѣ ея крѣпости, даже Магдебургъ, Штетинъ, Кюстринъ и пр., пр.,—долженствовавшія удержать наступленіе врага и, во всякомъ случаѣ, ослабить его армію при движеніи впередъ тѣми отрядами, которые онъ долженъ былъ бы назначить для ихъ обложенія, будутъ сдаваться безъ малѣйшаго сопротивленія? Завявъ эти крѣпости и помѣстивъ въ нихъ горнизоны разные отряды своихъ вспомогательныхъ войскъ, императоръ французовъ не долженъ будетъ опасаться за тылъ своей арміи, а напротивъ того, будетъ имѣть возможность немедленно двинуть противъ Россіи не только всѣ свои французскія войска, но и значительную часть союзныхъ, и притомъ прежде, нежели Россія успѣетъ извлечь пользу изъ всѣхъ огромныхъ своихъ средствъ и сосредоточить на границѣ соотвѣтствующую армію. Такое положеніе дѣлъ—полное одиночество Россіи,—должно было естественнымъ образомъ перемѣстить или скорѣе выдѣлить изъ сферы ея дѣятельности главную цѣль ея поступковъ и всего образа ея дѣйствій. Не могло уже быть рѣчи о томъ, чтобы одними средствами Россіи привести Францію въ такое положеніе, чтобы была возможность положить предѣлы приобрѣтенному уже ею господству надъ остальною Европою. Теперь шла рѣчь только о томъ, чтобы обезпечить неприкосновенность Русской имперіи и сохранить ея вліяніе въ Европѣ, чтобы сберечь себѣ чрезъ это средство быть полезнымъ своимъ союзникамъ и друзьямъ. Къ достиженію этой цѣли представлялось два пути: или мирные переговоры, или боевые громы. Императоръ Александръ, судя о Европѣ по чистотѣ собственныхъ своихъ побужденій, колебался еще вѣрить, что пассивное самоотреченіе и малодушіе овладѣли заинтересованными въ дѣлѣ державами, и предпочелъ рѣшить дѣло оружіемъ. Его войска, конечно, отличались въ сраженіяхъ, и этимъ быть можетъ воодушевили оскудѣвшую храбрость союзниковъ; но видя, наконецъ, что онъ обмануть во всѣхъ остальныхъ своихъ надеждахъ, и не имѣя возможности рассчитывать на какое-либо иностранное содѣйствіе, императоръ Александръ считалъ обязанностью, для пользы храбраго русскаго народа, пожертвовать своими безкорыстными стремленіями на пользу союзниковъ и рѣшился при первой къ тому возможности начать переговоры о мирѣ.

Таково было истинное положеніе дѣлъ, въ особенности при началѣ второй кампаніи. Я буду имѣть случай убѣдить васъ впоследствии, что ничего не можетъ быть менѣе основательнаго, какъ довольно распространенное мнѣніе, будто бы послѣ Фридландскаго сраженія Россія находилась въ столь затруднительномъ положеніи, что принуждена была заключить миръ. Преувеличенные рассказы французскихъ писателей,—о которыхъ я съ вами когда-нибудь поговорю пространнѣе,—и ложные слухи, распространенные въ этомъ же духѣ, могли только на самое короткое время извратить истину. Когда мои замѣтки дойдутъ до времени Фридландскаго сраженія, читатель въ состояніи будетъ судить о значеніи и важности, которыя могутъ быть приписаны этому сраженію, и убѣдиться, что Фридландское сраженіе, въ которомъ наша армія потеряла только 4.830 человекъ, являлось слишкомъ незначительнымъ, чтобы, ослабивъ силы Россіи, повліять на дальнѣйшія военныя дѣйствія и быть, какъ одно время говорили, причиною мира, состоявшагося въ скоромъ времени и причины котораго я подробно вамъ объяснилъ. Къ тому же, значительныя подкрѣпленія, готовившіяся внутри имперіи, находились уже въ пути, не вдалекѣ отъ границъ, и могли достигъ скоро театра военныхъ дѣйствій. Впоследствии въ моихъ замѣткахъ я въ подробности поговорю объ этихъ подкрѣпленіяхъ, и вы увидите, что громадныя средства и силы Россіи были еще сохранены для защиты своего отечества, и вы въ то же время увидите основанія, послужившія препятствіемъ къ своевременному прибытію этихъ подкрѣпленій къ арміи, до открытія второй кампаніи.

II.

Дворы петербургскій и шведскій находились въ довольно близкихъ отношеніяхъ, и сношенія ихъ сдѣлались довольно дружественными при посредствѣ самой войны, съ цѣлью дѣйствовать за-одно противъ Франціи. Мало обдуманнѣй поступокъ со стороны Швеціи, особенно въ то время, какъ Россія была занята двумя войнами, возбудилъ, впрочемъ на время, то естественное недовѣріе между двумя державами, изъ которыхъ одна—сожалѣть прекрасныя, утраченныя ею, провинціи, а другая—обязана всегда и, въ особенности въ тяжелыя для нея минуты, смотрѣть съ безпокойствомъ на ревниваго сосѣда, слишкомъ близкаго къ ея столицѣ. Вотъ самый фактъ: Англія, желая уплатить деньги, которыя давно должна была Россіи, приказала доставить ихъ въ шведскій портъ Готенбургъ, чтобы оттуда перевезти по назначенію. Шведскій король задержалъ эти деньги подъ тѣмъ предлогомъ, что ему, на основаніи заключенныхъ договоровъ, надлежитъ получить ихъ отъ Рос-

сіа. Первое извѣстіе о задержаніи денегъ получено было въ Петербургѣ въ то время, когда первая дивизія должна была быть отправлена на прусскую границу и присоединиться къ дѣйствующей арміи, при первой необходимости. Петербургскій дворъ не могъ считать подобный родъ насилія единичнымъ явленіемъ, а счелъ необходимымъ приписать его измѣненію всей политической системы стокгольмскаго кабинета. На этомъ основаніи была приостановлена отправка войскъ изъ Петербурга, что, въ свою очередь, имѣло весьма существенныя и очень плачевныя послѣдствія. Не будь этого случая, подкрѣпленіе въ 20.000 солдатъ прибыло бы къ дѣйствующей арміи, если не къ самому сраженію у Прейсшпъ-Эйлау, то немедленно послѣ него. Знающіе хорошо положеніе въ это время обѣихъ сражавшихся армій, а также обстоятельства, въ которыхъ онѣ обѣ находились, могутъ легко постичь все гибельное вліяніе этого, совершенно не кстати случившагося, происшествія, и то замедленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, которое произошло отъ столь непристойнаго поступка со стороны союзника, и въ такую минуту, когда необходимо было пожертвовать всѣми соображеніями для поддержанія взаимнаго довѣрія и согласія.

Въ такомъ именно духѣ дѣйствовалъ постоянно императоръ Александръ, даже и въ этомъ случаѣ мудро обуздавшій свое неудовольствіе и негодованіе по поводу несообразнаго образа дѣйствія шведскаго короля. Онъ воздержался отъ всякаго объясненія по этому поводу и не потребовалъ отъ Швеціи даже возвращенія по принадлежности задержанныхъ денегъ. Такимъ образомъ, дружественныя и исполненныя довѣрія сношенія по поводу предстоявшихъ военныхъ дѣйствій продолжались между Петербургомъ и Стокгольмомъ, по-прежнему, безъ замѣтнаго перерыва.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, во время осады Данцига, я предложилъ послать пользовавшееся довѣріемъ лицо въ Стокгольмъ съ тою цѣлью, чтобы устроить отправку нѣсколькихъ военныхъ шведскихъ судовъ на помощь осажденной крѣпости. Императоръ одобрилъ это предложеніе, и камергеръ Рибоьеръ, одинъ изъ числа состоявшихъ при мнѣ для иностранной переписки, былъ отправленъ съ этою цѣлью въ Стокгольмъ съ письмомъ его величества. Король шведскій очень благосклонно принялъ его, выразилъ большое сочувствіе сдѣланному предложенію и вручилъ Рибопьеру, при его отъѣздѣ, ноту, подписанную 23-го апрѣля 1807 года, въ Мальмѣ, его первымъ адъютантомъ по флоту Гюлленсвельдомъ. Нота эта была слѣдующаго содержанія:

«Его королевское величество, приказавъ нѣсколькимъ фрегатамъ и корветамъ отправиться къ берегамъ Пруссіи, къ Пиллау и Фришъ-Нерунгу, полагаетъ, что для достиженія всей желаемой пользы отъ этого мѣропріятія казалось бы необходимымъ дѣятельное взаимное

дѣйствіе со стороны совокупныхъ армій. Такъ какъ главная задача состоитъ въ томъ, чтобы очистить Фришъ-Нерунгъ отъ непріятеля, утвердившагося на этой косѣ, то, для достиженія этого, необходимо устроить перекрестный огонь. Незначительная глубина Фришъ-Гафа не позволяетъ ни одному судну его королевскаго величества войти въ эту заливъ; но представляются еще два другія средства, одинаково удобоисполнимыя для устройства атаки съ внутренней стороны. Первое состоитъ въ томъ, чтобы въ гаваняхъ Пиллау и Кенигсбергъ соорудить плоты, поставить на нихъ орудія большаго калибра, и этимъ путемъ устроить какъ-бы плавучія батареи. Другое же средство слѣдующее: въ вышеназванныхъ двухъ гаваняхъ вооружить нѣсколько судовъ, неглубоко сидящихъ въ водѣ, и приблизить ихъ, по возможности, къ твердой землѣ. Укрѣпивъ на якоряхъ, какъ плоты, такъ и суда (вооруженныя тоже орудіями), открыть сильный огонь по осаждающимъ, который и произведетъ желаемое дѣйствіе. Даже и при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, легко могутъ быть устранены всѣ затрудненія, которыя, повидимому, препятствуютъ осуществленію этого предположенія. Такъ какъ сообщеніе съ Данцигомъ водою свободно и не прервано, то въ этой крѣпости можно поискать орудій большаго калибра, которыя не представлялось бы возможнымъ отправить изъ арміи, и которыхъ не оказалось бы въ Пиллау и Кенигсбергъ. Безъ сомнѣнія, въ этихъ двухъ городахъ имѣются плотники на верфяхъ; дѣсь, балки и прочіе необходимыя матеріалы должны также находиться, а для ускоренія постройки простыхъ, но прочныхъ плотовъ, способныхъ выдержать орудія большаго калибра, могутъ быть посланы въ изобиліи офицеры королевскаго величества, которые, если къ нимъ обратятся, приложатъ свои знанія и старанія для руководства подобною работою.

«Такъ какъ военныя дѣйствія на сушѣ могутъ касаться меня только настолько они будутъ совмѣстны съ военными дѣйствіями на морѣ, то считаю необходимымъ замѣтить, что для достиженія всей пользы, ожидаемой отъ предположенныхъ мѣропріятій, является безусловною необходимостью сдѣлать высадку войскъ на Нерунгъ, подвигать ихъ впередъ, сообразно съ успѣхами артиллерійскаго огня съ плотовъ, и стараться вполнѣ овладѣть земляною косою Нерунгъ, чтобы попытаться открыть съ этой стороны сообщеніе съ Данцигомъ. Все это, конечно, удостоить его величество, король прусскій, одобрить, а настоятельность и важныя интересы давнаго времени и самаго дѣла побудятъ, безъ сомнѣнія, его величество осуществить ихъ».

Вотъ списокъ шведскихъ судовъ, посланныхъ королемъ къ берегамъ Пруссіи: одинъ фрегатъ 41-хъ-пушечный, одинъ—36-ти и одинъ—13-ти; два большихъ военныхъ брига, съ 18-ю пушками каждый, кутерь 12-ти-пушечный и маленькій бригъ въ 10 пушекъ.

Въ то же самое время шведскій король просилъ у прусскаго короля вспомогательный отрядъ войскъ въ шесть тысячъ человекъ. Хотя соединенной арміи было очень затруднительно отрядить такой отрядъ, тѣмъ не менѣе было рѣшено немедленно отправить вѣдомъ, въ Стральзундъ генераль-лейтенанта Блюхера съ отрядомъ въ четыре тысячи человекъ, взятыхъ частью изъ вновь сформированныхъ прусскихъ баталіоновъ, частью же изъ корпуса генерала Лестока, которыхъ я замѣнилъ ему русскими войсками. При этомъ обѣщали послать еще четыре тысячи человекъ, когда непріятель будетъ отдаленъ отъ Кольберга.

Шведы въ это время, недалеко отъ Стральзунда, имѣли успѣшное для нихъ дѣло съ войсками маршала Мортъе, но скоро въ послѣдовавшемъ вновь небольшомъ сраженіи потеряли всѣ свои успѣхи и заключили перемиріе, по которому, между прочимъ, было постановлено, что шведы не будутъ оказывать ни малѣйшей помощи ни Кольбергу, ни Данцигу, и что та изъ договаривающихся сторонъ, которая пожелаетъ возобновить военныя дѣйствія, обязана предупредить объ этомъ другую за четыре недѣли до начала военныхъ дѣйствій. Это перемиріе, освободивъ вполнѣ корпусъ Мортъе отъ враговъ, давало возможность отозвать его изъ Помераніи и направить противъ насъ; онъ подошелъ въ-время къ великой французской арміи и принялъ участіе въ послѣднихъ событіяхъ второй кампаніи.

Такимъ образомъ, Швеція, единственная держава, которая имѣла еще видъ какой-то дѣятельности, не только была очень далека отъ того, чтобы оказать какую-либо помощь Россіи, но еще, съ одной стороны, ослабила соединенную армію тѣмъ, что прусскій отрядъ былъ отдѣленъ и посланъ на помощь шведамъ въ Померанію, а съ другой—увеличила силы французовъ, противъ насъ выставленныхъ, заключивъ вышеупомянутое перемиріе, которое дало возможность присоединить къ великой арміи весь корпусъ маршала Мортъе.

Теперь перейду къ изложенію отношеній нашихъ съ прусскими дворомъ.

Личная дружба обоихъ государей являлась главною основою этихъ отношеній; дружба, подобной которой исторія даетъ мало примѣровъ; притомъ дружба—постоянная среди всѣхъ политическихъ пререканій и неизмѣняемая, несмотря на всѣ превратности судьбы и военного счастья.

Переговоры между Франціей и Пруссіей, совершенно чуждые Россіи, и о которыхъ ей не было даже сообщено официально, дошли уже до того, что берлинскій кабинетъ не счелъ болѣе возможнымъ выбирать между войною и миромъ. Наканунѣ разрыва этихъ переговоровъ, король просилъ у своего союзника, въ сентябрѣ 1806 года, вспомогательный отрядъ въ шестьдесятъ тысячъ человекъ. Забывая всякія

соображенія, императоръ Александръ не только не колебался ни минуты оказать королю просимую помощь, но сообщилъ ему твердое намѣреніе помогать своему другу и союзнику всѣми своими силами. Несмотря на всю быстроту, съ которою собрали и двинули впередъ просимый вспомогательный отрядъ, эта первая армія, въ шестьдесятъ тысячъ человекъ, ввѣренная моему командованію, едва достигла нашихъ границъ, какъ уже Пруссія потерпѣла полный разгромъ.

Въ ту минуту, какъ передовые отряды нашей арміи переходили Нѣманъ съ тѣмъ, чтобы черезъ Силезію двинуться въ Саксонію, Пруссія терпѣла пораженія подъ Ауерштѣдтомъ и Іеною, и пагубныя послѣдствія этого развились страшнымъ образомъ. Военныя ошибки составляютъ грустную картину уничтоженія Пруссіи, уже давно разрушенную въ основаніяхъ ошибками политическими. Всѣ ошибки, представляемыя намъ болѣе или менѣе въ отдѣльности исторіею войнъ, были нѣкоторымъ образомъ повторены Пруссіею. Трудно было бы перечислить ихъ, но главнѣйшая, и которая одна въ состояніи была повлечь полную гибель арміи, состояла въ томъ, что, вовсе не намѣреваясь напасть на французскую армію въ то время, когда она была еще не сосредоточена, дали Наполеону время сосредоточить свои войска и, не придавъ должнаго единства своимъ собственнымъ войскамъ, вручили судьбу всей своей монархіи корпусамъ, расположеннымъ отдѣльно другъ отъ друга и притомъ такъ, что наиболѣе выдвинутые впередъ не могли быть своевременно поддержаны другими корпусами, стоявшими или въ той же линіи, или позади ихъ, въ резервъ. Послѣдовательное и полное пораженіе всѣхъ отдѣльныхъ корпусовъ являлось неизбежно роковымъ послѣдствіемъ этого несчастнаго расположенія войскъ, которое считали подсказаннымъ благоразуміемъ, упуская изъ виду, что обыкновенныя мѣры предосторожности и мудрости, весьма недостаточныя при системѣ современной войны, являются еще болѣе недостаточными въ борьбѣ съ порывами генія. Военная исторія нашихъ дней справедливо и безпристрастно обсудить образъ дѣйствія военачальниковъ, которымъ ввѣрена была судьба Пруссіи; но всѣ усилія военнаго искусства въ состояніи ли они были предотвратить паденіе прусской монархіи? или могли ли бы они хотя нѣсколько отсрочить время этого паденія? Полагаю, что не можетъ быть сомнѣнія въ отвѣтъ, коль скоро Пруссія оставалась бы въ томъ же одиночествѣ, въ какомъ находилась даже наканунѣ своего разрыва съ Франціею. Предшествовавшее поведеніе Пруссіи лишило ее расположенія прочихъ кабинетовъ, не укѣпивъ, однако, ея отношеній съ императоромъ Наполеономъ. Разрывъ съ Англіею и Швеціею былъ почти что объявленъ; Австрія пыталась печальныя воспоминанія, и можно было едва вѣрить, что императоръ Александръ, въ личной

своей дружбѣ къ королю прусскому и въ участіи своемъ къ положенію Европы, найдеть достаточные доводы, чтобы позабыть пагубный образъ дѣйствія Пруссія въ минувшемъ году, наперекоръ его намѣреніямъ, порожденный нерѣшительностью Пруссія и ея уклончивой политикой, которая болѣе не дерзала быть откровенною. Къ тому же окончательные поводы къ разрыву съ Франціей — намѣреніе Франціи возвратитъ англійскому королю Ганноверъ, — и препятствія, поставляемыя ею къ образованію Сѣвернаго союза, не были въ состояніи снискать ей дружбы тѣхъ державъ, содѣйствіе которыхъ могло способствовать Пруссіи выйти побѣдительною изъ предпринимаемой ею борьбы. Однако, эта борьба не являлась добровольною; она являлась развязкою, послѣднимъ актомъ трагедіи, планъ которой былъ уже давно задуманъ и основная мысль которой ускользала только отъ короля. Его окружили всякими призраками, чтобы ввести въ заблужденіе относительно дѣйствительнаго его положенія. Онъ не замѣчалъ, что проникалъ въ лабиринтъ; онъ все полагалъ, что можетъ повелѣвать событіями и держать въ рукахъ своихъ ихъ нить, уже окончательно порванную промѣномъ его древнихъ наслѣдственныхъ областей на Ганноверъ. Паденіе Пруссіи ведетъ свое начало съ того времени, какъ она примкнула къ системѣ нейтралитета. Эта система не соотвѣтствовала болѣе ни обстоятельствамъ, ни общему духу времени. Среди различныхъ своевольныхъ распоряженій Наполеона все, повидимому, обезпечивало благоденствіе прусскимъ владѣніямъ, на дѣлѣ же подтачивалось могущество короля и подготавливалась его гибель. Сильное волненіе всей Европы, страшныя потрясенія, угрожавшія ей по-очереди то съ той, то съ другой стороны, доставляли Пруссіи по временамъ благопріятныя минуты, чтобы возвратитъ себѣ свое превосходство, которое, повидимому, обезпечивали ей ея силы и положеніе; но ея ослѣпленіе присоединялось къ ея бездѣйствію, чтобы упускать эти благопріятныя минуты.

Не касаясь образа дѣйствій прусскаго кабинета во времена, предшествовавшія войнѣ 1805 года, достаточно обзрѣть эту послѣднюю эпоху, чтобы имѣть ясное понятіе о той роли, какую еще могла играть Пруссія, и оцѣнить всѣ послѣдствія принятаго ею на себя поведенія.

Когда Россія, Англія и Австрія всѣ вмѣстѣ рѣшили вести войну противъ Франціи, то эти державы предложили и королю прусскому присоединиться къ ихъ коалиціи. Россія преимущественно взяла на себя вести надлежащія объ этомъ переговоры. Всѣ сдѣланныя попытки, всѣ усилія, направленные къ этой цѣли, разбились о непреклонное намѣреніе короля пребывать въ нейтральномъ положеніи, которымъ онъ надѣялся обезпечить благоденствіе своихъ подданныхъ, собственную свою корону и неприкосновенность своихъ владѣній. Въ это время четыре русскія арміи сосредоточивались вдоль границъ, одна, подъ

начальствомъ генерала Кутузова, направлялась прямо чрезъ Галицію, на помощь австрійцамъ; другая, подъ командою Л. Буксгевдена, должна была служить подкрѣпленіемъ первой. Третья армія, начальствованіе которою было ввѣрено мнѣ, подъ именемъ сѣверной арміи, подвигалась чрезъ Лифляндію къ границамъ Пруссіи и должна была быть подкрѣплена четвертою арміею, которая равнымъ образомъ подвигалась, подъ командою генералъ-лейтенанта Эссена, со стороны Бреста. Въ томъ предположеніи, что Пруссія пристанетъ къ коалиціи, послѣднія двѣ арміи должны были пройти по ея владѣніямъ, чтобы прибыть къ своему назначенію. Русскій министръ въ Берлинѣ получилъ приказаніе вступать въ надлежащіе о томъ переговоры. Вскорѣ имѣли случай убѣдиться, что отъ этихъ переговоровъ будетъ столько же успѣха, какъ отъ предшествовавшихъ, имѣвшихъ цѣлью склонить Пруссію къ дѣятельному участію въ коалиціи. Нашъ министръ долженъ былъ объявить берлинскому кабинету, что русской арміи безусловно необходимо пройти по владѣніямъ Пруссіи и что петербургскій кабинетъ, не имѣвшій даже возможности предвидѣть отказа въ этомъ со стороны берлинскаго кабинета, далъ уже своимъ войскамъ приказаніе вступить въ предѣлы Пруссіи къ назначенному времени, именно 16 (28) сентября, чтобы слѣдовать далѣе по предписанному имъ направленію. Это время приближалось уже, и король прусскій, собирая войска для сохраненія своего нейтралитета, писалъ императору Александру I непосредственно до послѣдняго заявленія г. Алопеуса, нашего министра въ Берлинѣ, письмо, въ которомъ выражалъ, что ожидалъ всего менѣе подобнаго нарушенія неприкосновенности его владѣній и что не только не подозрѣвалъ этого, но былъ увѣренъ, что можетъ быть совершенно спокоенъ въ этомъ отношеніи.

Всѣмъ извѣстно, сколь много труда стоило императору Александру, всегда руководившемуся личною дружбою къ королю, уступить настоятельной необходимости и получить отъ Пруссіи формальное заявленіе о томъ, на что же она окончательно желаетъ рѣшиться? Александръ I явилъ новое доказательство своихъ чувствъ къ королю и, по полученіи королевскаго письма, предписавъ своимъ войскамъ пріостановиться, возобновилъ переговоры. Съ этою цѣлью онъ послалъ въ Берлинъ своего генералъ-адъютанта князя Долгорукаго. Несмотря на собранныя большія арміи, которыя могли быть противопоставлены Франціи, существовало по-прежнему убѣжденіе, что только при дѣятельномъ и весьма рѣшительномъ содѣйствіи Пруссіи можно будетъ съ увѣренностью и въ полномъ объемѣ достигъ цѣли, предназначенной коалиціею, и обезпечить безопасность, неприкосновенность и независимость европейскихъ государствъ и преимущественно Пруссіи-же.

Возложенныя на князя Долгорукаго настоятельныя разясненія клонились къ тому, чтобы раскрыть прусскому кабинету общее поло-

женіе военных дѣлъ и собственное положеніе Пруссіи и увѣрить ее самымъ торжественнымъ образомъ о намѣреніяхъ державъ, составившихъ коалицію. Тѣмъ не менѣе Долгорукій при своемъ прїѣздѣ былъ очень холодно принять и ему оставалось очень мало надежды на успѣшное выполненіе возложеннаго на него порученія, какъ вдругъ новое покушеніе со стороны Франціи, одно изъ тѣхъ оскорбленій, мѣру которыхъ Наполеонъ преисполнилъ впоследствии, показало королю, что можетъ ожидать его самого впоследствии. Весь корпусъ маршала Бернадотта прошелъ вдоль прусскихъ владѣній въ Франконіи, такъ какъ это оказалось необходимымъ для осуществленія тѣхъ мудрыхъ военныхъ соображеній, которыя съ перваго удара должны были разгромить Австрію и привести французское побѣдоносное войско къ стѣнамъ Вѣны.

Насильственное вступленіе французовъ въ территорію Айншаха и Байрейта, вопреки протестамъ подлежащихъ властей, побудило наконецъ прусскаго короля склониться на предложеніе Россіи, разрѣшить вступленіе въ предѣлы Пруссіи русской арміи подъ своимъ начальствомъ и принять самому то положеніе, которое онъ долженъ былъ принять двумя мѣсяцами ранѣе.

Между тѣмъ мы потеряли много времени, всегда столь драгоценнаго въ подобныхъ предпріятіяхъ и въ особенности дѣйствуя противъ такого дѣятельнаго и бдительнаго соперника, какимъ былъ императоръ Наполеонъ. Пререканія наши съ Пруссіею приостановили наступательное движеніе нашихъ войскъ, и Пруссіи обязаны мы жалкимъ исходомъ войны 1805 года. Пораженія, которыя она сама потерпѣла въ войну 1806 года, были только послѣдствіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ ея собственнаго образа дѣйствія. При меньшей слабости или при нѣскольکو болѣе значительной проникательности и прозорливости, берлинскій кабинетъ, не ожидая нарушенія неприкосновенности своей территоріи, — являвшася совершенно постороннимъ событіемъ, могъ-бы, на основаніи предшествовавшихъ данныхъ, предвидѣть, какія можетъ онъ ожидать послѣдствія отъ своихъ расчетовъ, которые въ теченіе трехъ недѣль были совершенно разсѣяны на двухъ краяхъ его монархіи. Неужели надлежало еще ожидать какихъ-то предлоговъ, когда со всѣхъ сторонъ видѣлись только одни завоеванія и ниспроверженія государствъ? Размышленія увеличались-бы до безконечности, если-бы мы стали излагать въ подробности поведеніе берлинскаго кабинета. Непосредственнымъ послѣдствіемъ онаго было то, что совокупное дѣйствіе войскъ было нарушено и можно было съ тѣхъ поръ предвидѣть, независимо отъ печальнаго пораженія австрійскихъ войскъ, что кампанія 1805 года не будетъ имѣть того счастливаго исхода, который можно было-бы ожидать при содѣйствіи Пруссіи. Я долженъ еще при-

совокупить, что когда, наконецъ, былъ разрѣшенъ нашимъ войскамъ проходъ по прусскимъ владѣніямъ, то исключительно потребовали, чтобы они перешли границу только въ окрестностяхъ Гродно. Отрядъ въ 30.000 человекъ стоялъ у меня въ Юрбургѣ. Поэтому я принужденъ былъ приказать ему направиться сперва въ Гродно, гдѣ и долженъ былъ со всею остальною арміею ожидать его прибытія, тогда какъ вся армія могла бы въ это время уже прибыть въ Варшаву, если-бы войска, стоявшіе въ Юрбургѣ, могли перейти границу въ этомъ мѣстѣ. Это передвиженіе изъ Юрбурга въ Гродно заставило меня потерять двѣ недѣли. Безъ этого промедленія я могъ-бы въ Моравіи нагнать армію генерала Кутузова и подрѣзать его 50.000 человекъ, задолго до Аустерлицкаго сраженія.

Наконецъ, союзный трактатъ былъ заключенъ между Австріею, Россіею и Пруссіею, и два повелителя, императоръ Александръ и король Фридрихъ-Вильгельмъ, скрѣпили условія трактата своими торжественными обѣщаніями. Послѣдовавшее непосредственно за этимъ Аустерлицкое сраженіе, какъ оно несчастливо и ни было, не могло нисколько поколебать основныя начала этого трактата. Напротивъ того, Пруссія послѣ этого дня являлась въ состояніи дать перевѣсъ той сторонѣ, къ которой она только что примкнула, если-бы, соединивъ имѣвшіяся у нея на лицо войска съ русскими корпусами, которые, состоя изъ свѣжихъ полковъ, находились еще въ предѣлахъ Пруссіи, она рѣшилась напасть на тылъ французской арміи, истомленной усиленными переходами и разстроенной выдержанными битвами. Но злой геній Пруссіи насильно увлекалъ ее къ несчастной судьбѣ.

Скромное снисхожденіе, временно оказанное Франціею Пруссіи, хотя и могло дать сей послѣдней точное понятіе о ея положеніи въ эту минуту, но Пруссія усматривала только однѣ пропасти на вновь намѣченномъ для себя пути и не считала возможнымъ ихъ избѣгнуть иначе какъ возвратившись опять къ узкой тропѣ переговоровъ (негочіаціи). Результатомъ этого явился Вѣнскій трактатъ, заключенный, какъ это не замедлило обнаружиться, со стороны Франціи съ намѣреніемъ не выполнять тѣхъ условій этого трактата, которыя являлись по чему-либо благоприятными Пруссіи, и преимущественно наблюдать за выполненіемъ главнаго условія, именно занятія Ганновера прусскими войсками, потому что это видимое занятіе Пруссіею нѣмецкихъ владѣній англійскаго короля было предназначено для разрыва связей Пруссіи съ лондонскимъ кабинетомъ и для охлажденія его отношеній съ прочими союзными державами.

Не слѣдуя за политикою Пруссіи въ томъ новомъ лабиринтѣ, въ который она вступила, императоръ Александръ, видя опасность, которой подвергается король, объявилъ ему, въ тотъ самый моментъ какъ

*

Австрія заключила миръ съ Франціею, что онъ освобождаетъ прусскаго короля отъ даннаго имъ обѣщанія, но не беретъ обратно своего собственнаго и что онъ оставляетъ въ его распоряженіе, для подкрѣпленія могущихъ возникнуть переговоровъ или для явныхъ военныхъ дѣйствій, всѣ находящіяся въ Германіи русскія войска,—другими словами, армию въ сорокъ пять тысячъ человѣкъ, расположенную подъ моиѣмъ начальствомъ въ Силезіи, а также тотъ отрядъ войскъ, который находился еще въ Ганноверѣ. Кромѣ того, императоръ заявилъ, что приступить къ направленію всѣхъ силъ своего государства на помощь своего союзника и друга. Вотъ вторая эпоха, въ которой Пруссія, пользуясь значительными средствами, представлявшимися ей со всѣхъ сторонъ, и соединивъ прибывшія въ это время англійскія и шведскія войска, а также всѣ военныя силы Россіи со своими собственными силами, могла бы свергнуть съ себя ярмо, надѣваемое на нее искусною рукою и, предписавъ законъ Франціи, обезпечить независимость Пруссіи и явиться избавительницею всей Германіи.

Нерѣшительность и малодушіе берлинскаго кабинета не измѣнили себѣ и въ этомъ случаѣ. Различныя полумѣры опять одержали верхъ въ совѣтѣ короля. Графъ Гаугвицъ былъ посланъ въ Парижъ, чтобы возобновить переговоры, имъ же самимъ оконченные въ Вѣнѣ трактатомъ, который императоръ Наполеонъ не желалъ выполнять. Соглашались рѣшительно на все. Не только прусскія войска покинули угрожающее положеніе, которое они заняли, но и русскимъ войскамъ дано было предписаніе отступать къ ихъ границамъ, одновременно съ отступленіемъ войскъ англійскихъ и шведскихъ. Съ этого времени Пруссія была предоставлена единственно самой себѣ, и интересы ея стали въ разрѣзъ съ интересами Англ іи и Швеціи. Французскій кабинетъ пересталъ ее беречь и предписалъ ей свою волю. Великое измѣненіе въ Европѣ, значительно увеличившее силы Франціи, — преобразование Рейнскаго союза—совершилось безъ малѣйшаго участія Пруссіи; о ней при этомъ не было и помину. Находясь въ борьбѣ съ послѣдствіями собственныхъ ошибокъ Пруссія испытала тотъ рядъ оскорбленій, который, къ сожалѣнію, изложенъ слишкомъ правдиво въ ея манифестѣ противъ Франціи. Ни признаніе Рейнскаго союза, ни пожертвованія всѣми своими торговыми сношеніями не въ состояніи были доставить ей отъ французскаго правительства то снисхожденіе, отъ котораго она могла еще имѣть надежду получить если не спокойствіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую отсрочку, ей необходимую, чтобы познать пропасть, въ которой она находилась, и попытаться найти какой либо исходъ. Тотъ округъ, который Баварія обязана была уступить Пруссіи въ вознагражденіе за владѣніе Аншпахомъ, былъ значительно уменьшенъ. Земля Эссенъ и Верденъ были силою отняты у Пруссіи. Король, желая образовать

Сѣверный союзъ, который долженъ былъ явиться противомѣсомъ Рейнскому союзу, встрѣчалъ затрудненія на каждомъ шагу, дѣлаемомъ имъ въ этомъ отношеніи.

Наконецъ возникли переговоры между Франціею и Англіею. Они открылись предложеніемъ, сдѣланнымъ Франціею—возвратить Ганноверъ прежнему его властителю—англійскому королю. Подобное предложеніе съ точки зрѣнія прусскаго короля являлось настоящимъ нападеніемъ на его владѣнія. Онъ теперь не могъ разумно разсчитывать ни на какую помощь. Всѣ его прежнія соображенія о превосходствѣ французовъ разсѣялись немедленно. Онъ слушалъ только совѣты, внушаемые собственнымъ его отчаяніемъ. Онъ попросилъ у единственнаго своего друга, императора Александра, подкрѣпленіе въ 60.000 человекъ, которое и было ему послано. Я находился во главѣ этого отряда и въ продолженіе моихъ записокъ изложу очеркъ военныхъ дѣйствій въ эту кампанію. Будьте увѣрены, что мое изложеніе будетъ чуждо всякихъ преувеличеній.

III.

Непосредственныя сношенія Россіи съ Франціею были почти незамѣтны въ общей политической системѣ Европы. Раздѣленные другъ отъ друга владѣніями другихъ первоклассныхъ державъ, они не могли непосредственно касаться между собою, и всякій вопросъ, возбуждавшій пререканія, повидимому долженъ былъ теряться въ громадномъ пространствѣ, отдѣлявшемъ Францію отъ Россіи. Въ прямыхъ между ними сношеніяхъ могла быть рѣчь только о торговлѣ, и такъ какъ обмѣнъ взаимныхъ произведеній обѣихъ странъ былъ столь же выгоденъ какъ и необходимъ имъ обѣимъ, то повидимому существовавшее между ними согласіе никогда не должно было быть нарушено. Между тѣмъ такого согласія не существовало, и вотъ каково было взаимное положеніе этихъ державъ, принятое ими почти съ того момента, какъ Россія начала заявлять притязанія на положеніе, принадлежавшее ей среди европейскихъ державъ ¹⁾.

¹⁾ Беннигсенъ выступаетъ яркимъ противникомъ союза съ Франціею; въ его время и особенно въ тѣ годы, когда онъ писалъ свои записки—это было и вполнѣ правильно и весьма естественно. Но съ того времени политическія „конъюнктуры“ совершенно измѣнились; дѣлая государства и весьма важныя совершенно исчезли изъ состава европейскихъ державъ, такъ что можно предполагать, не безъ вѣроятности, что и взгляды г. Беннигсена въ настоящее время на союзъ съ современною Франціею былъ бы совершенно иной, нежели на союзъ съ Франціею во времена Наполеона I. Прим. переводчика.

Съ самаго начала Россія заявляетъ себя народомъ воинственнымъ и завоевательнымъ; она распространяетъ радѹсы изъ центра къ окружности и въ томъ числѣ по направленію къ Швеціи, Польшѣ и Турціи. Преимущественно эту послѣднюю Франція сочла нужнымъ защищать противъ Россіи. Главною побудительною къ тому причиною являлось господство на Средиземномъ морѣ. Не раздѣляя сильно распространенныхъ одно время мѣнѣи объ изгнаніи русскими турокъ, Франція тѣмъ не менѣе опасалась, что если даже русскіе успѣютъ сдѣлать значительныя завоеванія на Черномъ морѣ, ослабить значительно Турецкую имперію, устрашить и имѣть преобладающее вліяніе на диванъ, то господство Франціи на Средиземномъ морѣ, которое она считала ей принадлежащимъ и которое она должна ревниво охранять, можетъ легко подвергнуться опасности. Покровительство, оказываемое Турціи Франціею, и довѣріе, оказываемое Франціи турецкимъ кабинетомъ, могло бы имѣть весьма важныя послѣдствія и затруднить Россію гораздо болѣе, чѣмъ они это сдѣлали, если бы въ продолженіе длиннаго ряда годовъ, протекшихъ со смерти Людовика XIV до кончины Людовика XVI, правительство Франціи не проявило такъ мало энергіи въ своихъ мѣрахъ. Франція не только не высказалась какимъ либо образомъ противъ Россіи, но она ограничилась только подсматриваніемъ ея замысловъ и желаній и противодѣйствіемъ имъ, на сколько возможно, скрытнымъ образомъ, безъ всякаго шума и утомляя диванъ своими совѣтами и проектами относительно наступательной или оборонительной войны съ Россіею. Считалось уже какъ бы крайнимъ предѣломъ отважности и усилій Франціи, когда она посылала по временамъ нѣсколько военныхъ офицеровъ въ ряды турецкихъ войскъ, чтобы дѣйствовать противъ насъ. Подобное боязливое приближеніе къ цѣли столь существенной, конечно, не могло доставить большихъ результатовъ. Желая восполнить слабость и недостаточность своихъ средствъ, Франція умножала дипломатическія нападенія по всѣмъ пунктамъ и въ особенности тамъ, гдѣ преобладаніе Россіи было всего болѣе ощутительно. Варшава и Стокгольмъ были нѣкоторое время поприщемъ, на которомъ ловкость французскаго министерства упражнялась въ противодѣйствіи видамъ Россіи; и если Франція должна была быть всего болѣе заинтересованною въ сохраненіи независимости Польши, то можетъ ликовать своими пріобрѣтенными успѣхами не въ этомъ направленіи. Только черезъ Швецію, и то иногда, Франціи удавалось остановить движеніе Россіи и положить препятствія къ выполненію намѣреній петербургскаго кабинета.

Съ одной стороны—завистливость по поводу малѣйшаго успѣха, а слѣдовательно по поводу всякаго распространенія территоріи Рос-

сн¹), съ другой же, безпокойство по поводу всѣхъ поступковъ и недовѣріе ко всѣмъ объясненіямъ— все это, сопровождаемое самыми предупредительными формами и увѣреніями въ дружбѣ, которыя даже и не имѣли притязанія выдавать за искреннія,— вотъ отличительная черта сношеній Франціи съ Россією до тѣхъ минутъ, когда французская революція, пытаясь положить новыя основанія общественному строю, начала угрожать разрушеніемъ всей политической системы Европы. Слишкомъ скоро замѣтили вліяніе, оказанное на умы во всѣхъ странахъ этимъ

1) Чтобы составить себѣ ясное представленіе о томъ, какъ смотрѣлъ версальскій кабинетъ на успѣхи Россіи, достаточно прочесть инструкціи, данныя Людовикомъ XV маркизу Л'Опиталю, который въ 1757 году отправился въ Россію какъ представитель французскаго двора. Ему было предписано со вниманіемъ изучать дѣйствительныя намѣренія русскаго министерства въ отношеніи Турціи, Швеціи и Польши. Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же инструкцій говорится: «здравая политика не должна доволять русскому двору воспользоваться выгодами его современнаго положенія съ цѣлью увеличить свое могущество и распространить предѣлы своихъ владѣній. Страна столь же обширная почти какъ государства многихъ великихъ государей Европы, соединенныя вмѣстѣ, и имѣющая надобность только въ небольшомъ количествѣ людей для своей собственной безопасности, можетъ располагать за предѣлами своихъ границъ обширными арміями» и т. д.

Потомъ не много далѣе говорится: «Можно безъ преувеличенія утверждать, что могущество русскихъ почти вдвое увеличилось послѣ смерти Петра I, и по значенію, которое Россія имѣетъ въ настоящее время, можно судить о значеніи ея на міровомъ поприщѣ, если новыя пріобрѣтенія возвысить ее на еще болѣе высокую степень могущества и славы» и т. д.

Еще далѣе встрѣчается слѣдующее замѣчательное мѣсто.

«Малая вѣрность, обнаруживаемая ею (Россією) въ соблюденіи послѣдняго ея договора съ Турцією, которая жалуется, что Россія основала укрѣпленіе и колонію на принадлежащей туркамъ землѣ и удерживаетъ въ плѣну много подданныхъ турецкихъ, которымъ свобода должна была быть возвращена немедленно послѣ Бѣлградскаго мира; господство, котораго она домогалась имѣть надъ внутреннимъ правленіемъ Швеціи; образъ дѣйствій ея съ Поляками въ продолженіе трехъ лѣтъ; высказанные ею взгляды по отношенію опредѣленія границъ между Россією и Польшею; наконецъ, вся система и поведеніе Россіи, форма ея управленія и ея военное положеніе должны заставлять опасаться увеличенія этой державы всѣхъ государей, имѣющихъ участіе и любовь къ безопасности и общественному спокойствію. Этого было бы достаточно, чтобы побудить короля желать, чтобы императрица россійская отказалась бы отъ своихъ притязаній на Пруссію» и пр. (во время Семилѣтней войны послѣ занятія русскими старой Пруссіи, императрица Елисавета возымѣла мысль присоединить эту провинцію къ Россіи).

Намѣренія Франціи въ отношеніи Россіи проявились уже въ 1747 году, когда она тайно старалась соединить путемъ вѣчнаго союза Турцію, Польшу, Швецію и Пруссію, сперва подъ медиациею, а потомъ и съ присоединеніемъ къ этому союзу Франціи. Она потерпѣла полную неудачу въ осуществленіи этого замысла. (Примѣчаніе гр. Беннигсена).

новымъ ученіемъ, этими началами, провозглашенными во имя свободы и равенства—этихъ революціонерныхъ божествъ, которыя обливали кровью алтари и престолы, поражали проклятіями достояніе богача и добродѣтель бѣднаго и, опустошивъ Францію, собирались установить свой ужасный трибуналъ вездѣ, гдѣ еще имѣлось въ виду ниспровергнуть существовавшіе алтари и престолы и истребить богатства и добродѣтели.

Екатерина II, проникнутая сознаніемъ своего достоинства и необходимости охранить свою власть, не могла смотрѣть безъ ужаса на поганіе ногами принадлежностей (атрибутовъ) самодержавія, въ той именно странѣ, на которую въ Россіи привыкли смотрѣть, какъ на наиболѣе просвѣщенную. Это тяжелое чувство явилось подкрѣпленіемъ другихъ соображеній, опредѣлившихъ отношеніе Екатерины II къ французской революціи. Несмотря на увѣренность, которую она имѣла въ преданности къ ней всего народа и его привязанности къ престолу, она считала своею обязанностью принять наиболѣе соотвѣтствующія мѣры для предохраненія своего народа, на сколько возможно, отъ малѣйшаго зараженія новыми ученіями. Она хорошо понимала, что ученія распространяются съ быстротою мысли, что разстояніе, отдѣляющее Россію отъ Франціи и лишающее ихъ взаимнаго соприкосновенія, не представляетъ еще достаточнаго обезпеченія противъ распространенія заблужденій и фанатизма демократіи. Она хорошо понимала, что этотъ всепожирающій пламень, очагъ котораго крылся во враждебныхъ страстяхъ нѣкоторыхъ демагоговъ, найдетъ себѣ пищу вездѣ, въ тѣхъ же самыхъ страстяхъ, въ надеждѣ на добычу и въ томъ смѣшеніи разныхъ началъ, искусно составленномъ, чтобы ввести въ заблужденіе даже честнаго человѣка. Она считала обязанностью своего достоинства прекратить всякое сношеніе съ демократическою Франціею, и потому строго воспретила всякое сообщеніе съ нею. Громко высказываясь противъ французской республики, она не приняла никакого дѣятельнаго участія въ войнѣ, которую объявили Франціи другія, болѣе сосѣдственныя съ нею державы, какъ потому, что находила, что, въ силу географическаго положенія обоихъ государствъ, достигнутыя войною результаты никогда не могутъ соотвѣтствовать пожертвованіямъ, вызываемымъ подобною войною, такъ и потому, что, всегда руководимая любовью къ своему народу и гениемъ славы, она признавала возможнымъ проливать кровь своихъ подданныхъ только для благоденствія своего народа или для блага Европы. Правда, въ 1793 году она намѣревалась выставить одну армію въ 60.000 человѣкъ, которая должна была дѣйствовать на Рейнѣ, и другую—въ 15.000 человѣкъ, которая, подкрѣпленная по меньшей мѣрѣ такимъ же числомъ англійскихъ войскъ, должна была, подъ общимъ начальствомъ графа д'Артуа, высадиться на берегахъ Нормандіи и под-

держатъ въ Вандеѣ контръ-революцію, которая въ это время находилась въ полномъ своемъ разгарѣ и силѣ. Но Екатерина II при этомъ потребовала, чтобы державы, составившія коалицію, торжественно обязались манифестомъ вести войну только съ революціею, съ цѣлію возстановленія прежняго порядка, принявъ за основаніе при заключеніи мира условія Вестфальскаго мира. Въ другихъ державахъ она не встрѣтила такихъ же безкорыстныхъ стремленій. Австрія горячо держалась плана, который императрица громко не одобряла, именно—раздробить Францію и обогатиться ея обломками. Англійское министерство также не противилось этому мудрому плану и встрѣчало затрудненія къ приему графа д'Артуа въ Англии. Изъ этого было очевидно, что эта держава, вовсе не желая затушить революцію, имѣла въ виду продолжать ее съ тѣмъ, чтобы ослабить Францію въ Европѣ и выиграть время для завоеванія принадлежащихъ ей земель въ другихъ частяхъ свѣта.

Между тѣмъ возсталъ Польша, и императрица искусно воспользовалась смутами, беспокоившими Европу, чтобы войти въ соглашеніе съ заинтересованными державами въ переговоры, о раздѣлѣ Польскаго королевства и о способахъ осуществленія онаго.

Въ мою задачу не входитъ говорить о томъ вліяніи, какое оказало это удачное предпріятіе на положеніе Россіи въ отношеніи другихъ европейскихъ державъ. Мнѣнія по этому поводу, какъ извѣстно, весьма различны. Полагаютъ, что Россія, приходя чрезъ это въ непосредственное соприкосновеніе съ великими державами, можетъ, смотря по политическимъ сочетаніямъ, вызваннымъ или допущеннымъ ими самими, столько же потерять въ отношеніи собственной безопасности, сколько и выиграть въ отношеніи преобладанія надъ дѣлами европейскаго материка. Я бытъ можетъ поговорю еще объ этомъ, когда зайдетъ рѣчь о герцогствѣ Варшавскомъ; теперь же достаточно здѣсь упомянуть, что, при условіяхъ того времени, раздѣлъ Польши являлся мѣрою столь же полезною для Россіи, сколько неприятною для Франціи. Революціонное правительство бытъ можетъ сообразило послѣдствія этой мѣры только на сколько оно сожалѣло объ уtratѣ подобной же ей республики, которая, начавъ убійствами и скверными поступками, давала надежду, что достигнетъ высоты принциповъ ея образца и будетъ держать въ страхѣ сѣверную часть Европы, тогда какъ Франція будетъ распространять свое безуміе на остальную ея часть. Можно было предвидѣть, что съ водвореніемъ во Франціи законнаго правительства, уничтоженіе Польскаго государства явится предметомъ дѣйствительной и болѣе непосредственной завистливости, которая до революціи касалась только предметовъ неопредѣленныхъ и поддерживалась только весьма отдаленными соображеніями. Дѣятельное участіе, которое императоръ Павелъ рѣшился принять въ войнѣ противъ Франціи, должно

было окончательно открытъ глаза въ этомъ отношеніи; становилось яснѣе, что Россія, несмотря на собственныя значительныя средства, никогда не въ состояніи была бы, какъ до раздѣла Польши, такъ и послѣ онаго, проявить ихъ въ такой сильной степени, какъ она это сдѣлала и предполагала еще сдѣлать, если бы только разномысліе во взглядахъ союзныхъ государствъ на то же дѣло не разстроило коалицію послѣ того, какъ успѣхи оружія начали давать надежду на счастливый ея успѣхъ. Съ этого момента, — перваго, въ которомъ могущественная Россія играла большую и дѣятельную роль на западѣ, — начинается новая эпоха въ сношеніяхъ ея съ Франціею, правительство которой, почти въ то же самое время перешло въ руки того знаменитаго полководца, который не задолго вернулся въ Европу изъ Африки и геній котораго, усмиривъ немедленно междоусобную войну внутри страны, долженъ былъ возвести его на степень могущества, величія и славы, поражающихъ воображеніе и изумляющихъ несчастіями человѣчества. Съ этого момента, повторяю, начинается новая эпоха въ сношеніяхъ между Россіею и Франціею. Со стороны Россіи, неопредѣленное чувство неудовольствія, выразившееся во многихъ манифестахъ, было замѣнено тономъ достоинства и холодности, соотвѣтствующимъ чистотѣ ея намѣреній и сознанію собственной силы, — чему личныя качества ея представителей и агентовъ придавали иногда отъѣнокъ надменности. Со стороны же Франціи — благородное уваженіе, которое часто принимали за робость, застѣнчивость, казалось господствовало во всѣхъ сношеніяхъ ея съ Россіею.

Благоразуміе предписывало подобное притворное поведеніе первому консулу, державшему уже въ то время твердою рукою бразды правленія. Со свойственной ему проникательностію и прозорливостію сообразя всѣ вѣроятности удачи и не предполагая предоставлять чего-либо случайности, Бонапартъ долженъ былъ стараться успокоить Россію, чтобы отвратить отъ себя тѣ большія препятствія, которыя она въ состояніи была противопоставить его обширнымъ замысламъ, препятствія, которыя могли если не помѣшать прочному утверженію его правленія внутри страны, то по меньшей мѣрѣ замедлить устройство онаго и предотвратить развитіе его завоевательныхъ намѣреній.

Намѣренія французскаго правительства не могли быть въ это время, т. е. послѣ заключенія мира въ Люневиллѣ, тѣми же самыми, что и въ настоящіе дни. Они измѣнились въ той же прогрессіи, въ какой военныя и дипломатическіе успѣхи Франціи принудили прочія державы ограничить свои намѣренія и предположенія. На основанія мира Люневилльскаго и принужденнаго посредничества въ Ратисбоннѣ Франція успѣла не только гарантировать свою независимость, но и обезпечить за собою друзей и союзниковъ, которые, въ случаѣ новой коали-

ціи противъ нея, могли быть ей полезны. Пресбургскій миръ и Рейнскій союзъ обезпечили ей преобладаніе въ Европѣ; Тильзитскій миръ и паденіе Пруссіи положили основаніе системѣ, которую французскіе дипломаты теперь называютъ центральною,—выраженіе ясно означающее стремленіе Франціи, тогда какъ никто не заблуждается въ отношеніи мѣста, принимаемаго за цевтръ. Когда эта система получитъ все то надлежащее развитіе, которое предполагають ей предоставить, тогда можно будетъ судить объ искренности тѣхъ увѣреній въ дружбѣ, которыя Франція заявляла Россіи при всякомъ представлявшемся къ тому удобномъ случаѣ. Между тѣмъ главный интересъ Наполеона состоялъ въ томъ, чтобы держать Россію въ отдаленіи отъ порождаемыхъ Франціею событій.

Могущество и великія средства Россіи могли бы безспорно склонить равновѣсіе въ пользу коалицій, если бы планы военныхъ дѣйствій не были всегда такъ худо составлены и еще хуже приведены въ исполненіе и часто совершенно не кстати начаты въ самое неблагоприятное къ тому время. Послѣдствіе, которое мы теперь имѣемъ предъ глазами, доказываетъ, что Россія столько изъ участія къ союзникамъ, сколько изъ заботы о самой себѣ, должна была все время слѣдить зоркимъ окомъ за дѣйствіями Франціи, за ея побѣдами и за ея политикою.

Если бы сія послѣдняя успѣла подчинить себѣ державы, отдѣляющія ее отъ Россіи, или только пріобрѣсти на нихъ такое вліяніе, чтобы имѣть возможность располагать ихъ средствами, то противъ кого была бы направлена эта масса силъ? Вопросъ этотъ долженъ былъ бы разсѣять обаянія, которыми окружалась французская политика, и дать замѣтить Россіи, что всѣ оказываемыя ей уваженія не имѣли иной цѣли какъ только скорѣе и съ меньшими затрудненіями вызвать такой порядокъ дѣлъ, который бы дѣлалъ излишнимъ всякое уваженіе.

Въ числѣ средствъ, употребленныхъ французскимъ правительствомъ того времени къ тому, чтобы склонить Россію на свою сторону, есть одно, заслуживающее тщательнаго разсмотрѣнія потому, что оно было повторено при всѣхъ случаяхъ и что оно съ перваго взгляда представляется содержащимъ въ себѣ нѣчто возвышенное и великодушное. Въ сущности оно состоитъ въ томъ, что утверждаютъ, будто бы Россія и Франція—двѣ великія націи, не имѣющія между собою непосредственнаго повода къ раздору—дѣйствуя за-одно, легко могли бы сдѣлаться двумя великими народностями, которыя господствовали бы повелительно и непреодолимо надъ остальною Европою и являлись бы нѣкоторымъ образомъ посредниками и провидѣніемъ другихъ державъ.

Мудрость русскаго правительства никогда не позволяла ему соблазниться приманками, которыя старались придать этому проекту, дѣйствительнымъ стремленіемъ котораго было не что иное какъ отстраненіе

Россіи отъ всякаго вліянія на ходъ дѣлъ въ Европѣ. Франція извлекала бы всѣ выгоды этого, а послѣдствія оказались бы самыми устрашительными и могли бы сдѣлаться пагубными для Россіи. Этотъ проектъ, быть можетъ, подлежалъ бы менѣе возраженіямъ, чѣмъ онъ является по существу своему, если бы, по крайней мѣрѣ, сдѣлали обоюдное предложеніе или предложили, чтобы обѣ эти державы подѣлили между собою Европу, образовавъ двѣ системы федеративныхъ государствъ, силы и преимущества которыхъ были бы съ точностью уравнированы, или, чтобы Франція съ одной стороны, а Россія съ другой, совершенно уединились бы и торжественно отреклась отъ всякаго дальнѣйшаго увеличенія ихъ территоріи на счетъ владѣній ихъ сосѣдей и вступали бы между собою въ сношенія единственно съ цѣлью сохраненія спокойствія вселенной и низверженія того, кого захотѣлъ бы этотъ покой нарушить.

Подобное предложеніе, быть можетъ неосуществимое, но по истинѣ великодушное, такъ мало соответствовало завоевательнымъ стремленіямъ Франціи, что она никогда не могла его принять. Если бы и зашла объ этомъ рѣчь, Франція избѣгла бы этого подъ очень разумнымъ предлогомъ, что потребуется цѣлое столѣтіе непрерывныхъ войнъ для его осуществленія, предлогъ, который, по правдѣ сказать, могъ съ такою же точно основательностью служить и Россіи, чтобы отстранять коварныя предложенія Франціи. Что сказать, если она согласится принять за основаніе только современное положеніе владѣній, то положеніе, въ которомъ находится европейскій материкъ въ настоящее время? Франція, какъ полагаютъ, желала сохранить повелительное вліяніе надъ Испанією, Португалією, Италією, Голландією, Швейцарією и Германією, которое доставило ей рядъ военныхъ успѣховъ и шаткость ея противниковъ и жертвъ. Россія должна будетъ сдѣлаться порукою этихъ захватовъ правъ другихъ народовъ и принять безмездно участіе въ этомъ заговорѣ на ихъ независимость? Что отвѣтить она на запросы современнаго поколѣнія и на крики потомства, которое станетъ ее упрекать въ томъ, что она содѣйствовала истребленію послѣдняго проблеска надежды въ народахъ, хотя и потерпѣвшихъ пораженіе, но не лишенныхъ возможности свергнуть иноземное иго? Она будетъ даже лишена возможности указать, въ свое оправданіе, на свой какой-либо народный интересъ, на значительное увеличеніе своей территоріи или на предположеніе расширить свое господство, такъ какъ, что же въ самомъ дѣлѣ предложить ей Франція въ возмездіе за выгоды, обезпечиваемыя ей Россією? Быть можетъ вліяніе Россіи или даже ея владычество распространится до Вислы? но является ли это хотя сколько нибудь соответственнымъ ея услугамъ? Къ тому же Россія можетъ существовать и безъ этого. Наконецъ, мнѣ кажется, что самый поверхностный анализъ указываетъ, что въ этомъ проектѣ нѣтъ ничего такого, что хотя бы на минуту могло

обольстить или возбудить мечтание. Поэтому необходимо предположить, что результатомъ размышленій нашего кабинета всегда было и всегда будетъ, что спокойствіе обѣихъ великихъ державъ требуетъ прежде всего существованія независимыхъ между ними лежащихъ государствъ, которыя, отдѣляя ихъ одну отъ другой и поддерживая равновѣсіе, поглощаютъ всѣ пререканія, которыя были бы неизбежно порождены ихъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ. Отрѣщаясь отъ всякихъ другихъ соображеній, тѣмъ не менѣе представляется первостепенной важности одно, которое, далеко не предполагая полного единообразія взглядовъ обоихъ кабинетовъ петербургскаго и тюлерійскаго, дѣлаетъ весьма загадочнымъ существованіе какого бы ни было прочнаго союза между Франціею и Россіею. Это соображеніе заключается въ томъ, что Россія должна неизбежно имѣть большое участіе къ процвѣтанію Англіи, тогда какъ униженіе Англіи, напротивъ того, является основнымъ правиломъ французской политики, освященнымъ практикою цѣлаго ряда столѣтій.

Россія, конечно, со всѣми прочими державами материка раздѣляетъ необходимость противоборствовать всякому превосходству, настолько значительному, что оно, по допускаемымъ имъ злоупотребленіямъ, въ состояніи сдѣлаться опаснымъ для независимости и благоденствія Россіи или кого-либо изъ ея союзниковъ. То же начало, которое побудило ее бороться съ большими усилиями и малымъ успѣхомъ противъ континентальнаго преобладанія, должно, въ настоящіе дни, побудить ее выступить противъ деспотизма на моряхъ насколько онъ стѣсняетъ ее въ торговыхъ сношеніяхъ съ прочими народами. Но она не должна идти далѣе этого. Если она хотя мгновеніе слѣпо послѣдуетъ движенію Франціи, она скоро будетъ увлечена за предѣлы намѣченной цѣли и, преступивъ оныя, можетъ быть вовлечена въ такой лабиринтъ, въ которомъ, быть можетъ, окажется весьма труднымъ найти руководящую нить.

Франція имѣетъ превосходство на сушѣ. Россія должна тщательно стеречь, чтобы Англія сохранила свое превосходство надъ Франціею на морѣ, считая въ томъ числѣ и государства, входящія въ федеративную систему. Представимъ себѣ на мгновеніе положеніе дѣлъ, при которомъ фортуна, всегда благосклонная къ герою дня, доставила бы въ руки Франціи то преобладаніе, которое, въ настоящее время, имѣетъ на моряхъ Англія? Какія бы получились чрезъ это послѣдствія? Они неисчислимы.

Подобная катастрофа повлекла бы за собою или точнѣе закончила бы всеобщее потрясеніе, подготовляемое искусною рукою, и которое, если судить по тому, что имѣемъ предъ глазами, крется въ судьбахъ міра, но противъ осуществленія котораго, благоразуміе требуетъ наперечъ всѣ силы и вооружиться съ великою энергіею. Это разрушеніе безспорно не достигнетъ Россіи непосредственно, но она, конечно, почувствовала

бы его сотрясенія. Остановимся немного на самыхъ первоначальныхъ. Какое назначеніе можетъ дать Франція собраннымъ ею для этой цѣли флотамъ и тѣмъ богатствамъ, которыя она въ этомъ предположеніи присоединить къ преобладанію, доставляемому ей уже ея сухопутными арміями, ея союзниками и ея вліяніемъ. Не употребить ли она всѣ подобныя средства, которыя Англія расточала для отстраненія ига Франціи къ тому, чтобы распространить и еще болѣе укрѣпить это иго? Торговля всѣхъ народовъ въ настоящее время страдаетъ отъ системы, принятой англійскимъ министерствомъ; но французское правительство, не имѣя надобности дѣлать какія-либо снисхожденія, предпишетъ торговлѣ законы, еще болѣе произвольные и болѣе невыносимые. Не должно заблуждаться, не должно надѣяться, что одно государство будетъ великодушнѣе другаго; всякое государство имѣетъ въ виду единственно наибольшее національное благоденствіе, при данныхъ обстоятельствахъ. Оно можетъ ошибаться въ отношеніи средствъ, къ достиженію этого, чтѣ и порождаетъ тѣ случаи, при которыхъ познанія и искусство получаютъ нѣкоторое преимущество надъ невѣжествомъ и неумѣньемъ; но эти случаи въ наши дни рѣдки и не оказываютъ продолжительнаго вліянія, потому что въ каждой странѣ имѣется множество свѣтлыхъ понятій. скоро освѣщающихъ правительство въ его заблужденіяхъ. Поэтому будетъ ли это Вестминистеръ или Тюльери, не все ли равно гдѣ и откуда будутъ издаваться указы, коль скоро принципы, въ нихъ содержащіеся, будутъ тѣ же самые. Франція, при малѣйшемъ разладѣ, стѣснить нашу торговлю не въ меньшей мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ въ настоящее время Англія; она не въ меньшей мѣрѣ прерветъ сообщенія между нашими портами и эскадрами, которыя могли бы быть снаряжены. Россія снабжаетъ весь міръ матеріалами для флота. Владѣя портами и гаванями она должна быть морскою державою достаточно сильною, чтобы имѣть возможность защитить свою торговлю отъ оскорбленій и насилій. Но я полагаю, что географическое положеніе Россіи требуетъ, чтобы она и не стремилась быть первоклассною морскою державою, въ современномъ значеніи этого слова: ей должно быть господствующею на Балтійскомъ и, если возможно, на Черномъ морѣ. Наши гавани расположены на берегахъ разныхъ морей и на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ; наши эскадры, которыя бы могли выйти въ море, не будучи никогда настолько сильны, чтобы быть въ состояніи сразиться съ эскадрами первой морской державы міра, останутся, слѣдовательно, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, безъ взаимнаго одна съ другою сообщенія, что мы и видимъ въ настоящее время. Это соображеніе, хотя и относительное, тѣмъ не менѣе повліяло на рѣшенія нашего кабинета и побудило его обходиться очень осторожно съ Англією. Такое обращеніе сдѣлалось бы еще несравненно настоятельнѣе съ Францією и не оказалось бы вза-

имнымъ, какъ это должно было бы ожидать отъ державы, которая во всѣхъ отношеніяхъ должна равнымъ образомъ снискивать нашу дружбу.

Я упомянулъ, что Россія должна интересоваться благоденствіемъ Англіи, и полагаю, что доказалъ необходимость этого какъ въ отношеніи собственной ея независимости, такъ и ея сосѣдей. Присоединимъ къ этому еще размышленія, порождаемыя торговыми сношеніями; размышленія, рѣшительно всѣмъ доступныя и сильно вліяющія на общественное мнѣніе, потому что они касаются общественнаго и частнаго благоденствія и тѣсно связаны съ представленіемъ о богатствѣ государства и частныхъ лицъ. Посмотримъ на торговый балансъ Россіи. Если справедливо, что въ торговлѣ дѣйствительная выгода, извлекаемая такою страню какъ Россія, соотвѣтствуетъ избытку, получаемому страню въ видѣ звонкой монеты, то должно признать, что торговля съ Англіею настолько выгодна по огромному количеству ввозимой ею къ намъ монеты, на сколько не выгодна торговля съ Франціею, куда нами вывозятся ежегодно значительныя суммы денегъ звонкою монетою. Можно съ нѣкоторою, повидимому, основательностію возразить, что безразлично, въ какую страну или посредствомъ какой страны Россія вывозить свои произведенія, только бы звонкая монета, безъ которой она не можетъ обойтись, поступала къ ней, и предположивъ обратное положеніе, именно то, что Франція заняла бы мѣсто Англіи, потребность въ произведеніяхъ нашей страны тѣмъ не менѣе осталась бы та же. На это можно замѣтить, что Франція, имѣя превосходство на морѣ, въ то же время имѣла бы на сушѣ еще большее, нежели въ настоящее время; что свое могущество на морѣ она подкрѣпляла бы сильными сухопутными арміями; что она заставила бы весь торговый міръ подчиниться ея деспотическимъ произвольнымъ законамъ и пожелала бы, весьма вѣроятно, опредѣлить даже цѣны товарамъ на рынкахъ; что, не имѣя чего либо опасаться на материкѣ отъ коалиціи, самая мысль о которыхъ сдѣлалась бы нелѣпою и ничтожною, по недостатку денегъ, которые одна Англія только и въ состояніи доставлять, и по неспособности державъ составить коалиціи, — Франція перестала бы совершенно соблюдать тѣ обхожденія, отъ которыхъ не вполнѣ избавляется своимъ превосходствомъ на материкѣ. Англія, напротивъ того, будетъ все болѣе и болѣе принуждена обходиться осторожно съ Россіею, покровительствовать торговлѣ ея и искать ея союза, какъ она это дѣлала до настоящаго времени при всякомъ случаѣ, потому что, не имѣя въ своемъ распоряженіи сильныхъ сухопутныхъ армій, министерство англійское настолько просвѣщено, что легко убѣдится въ томъ, что единственно только путемъ этого полнаго и правильно понятаго согласія, Англія и Россія въ состояніи составить вмѣстѣ оплотъ противъ только что воз-

никшей федеративной массы и обезпечить английской торговлѣ доступъ къ различнымъ рынкамъ английскихъ судовъ и привозимыхъ на нихъ товаровъ.

Одно время полагали, что побѣдять Англiю на материкѣ и принудять ее купить миръ, цѣною разныхъ пожертвованiй, и сбавить нѣсколько въ отношенiи ея морскаго превосходства, если только успѣютъ закрыть для всѣхъ ея кораблей доступъ въ гавана имперiи и воспретить ей торговлю въ оныхъ. Императоръ французовъ, послѣ того какъ объявилъ всю Англiю въ блокадномъ положенiи, чтобы придать этой, самой по себѣ, призрачной мысли, нѣкоторую дѣйствительность, хочеть держать въ осадѣ весь материкъ Европы. Въ настоящее время Европа убѣдилась, что эта мѣра, какъ бы она ни была сообразна съ прочими видами французскаго правительства, не соответствуетъ нисколько тому, что служить ей предлогомъ. Англiя дѣлалась богаче и могущественнѣе по мѣрѣ того, какъ закрывались для нея разные порты, и государства, вовлеченныя въ эту систему, частiю уступая силѣ, частiю по предупредительной любезности, сдѣлались жертвами оной по разстройству своихъ финансовъ и крайней скудости, до которой доведены. Этотъ фактъ дѣлаеть очевиднымъ, что если Англiя извлекаеть выгоду изъ производимой ею торговли съ материкомъ Европы, продавая свои мануфактурныя издѣлiя, то эта выгода въ конечномъ своемъ результатѣ обращается на пользу Европы, и что другiя части свѣта уплачиваютъ издержки.

Положенiе, которое должна принять Россiя, въ случаѣ войны Англiи съ Францiею,—положенiе единственное, которое можетъ обезпечить ея благополучiе,—это пребывать нейтральною и заставлять уважать свой нейтралитетъ, свой флагъ и флагъ своихъ союзниковъ. Провидѣнiе снабдило Россiю средствами къ этому; ея мудрости предоставляется воспользоваться ими, избѣгая принимать дѣятельное участiе въ пререканiяхъ, продолжающихся уже около пятнадцати вѣковъ и которыя, судя по взаимному положенiю Францiи и Англiи, вѣроятно должны быть безъ конца.

Разсматривая въ подробности исторiю развитiя Россiи, мы замѣтимъ, что исторiя эта является почти исторiею ея торговли, въ которой Англiя играетъ большое значенiе. Только со временъ Петра Великаго ведеть свое начало первое прочное основанiе торговли Россiи, вслѣдствiе завоеванiя портовъ Балтiйскаго моря и устройства тѣхъ водныхъ сообщенiй, которыя онъ заставилъ соорудить въ государствѣ и которыя были еще болѣе усовершенствованы въ послѣдующiя царствованiя. Обитатели этой обширной имперiи вскорѣ ощутили благоприятныя послѣдствiя такихъ сооруженiй. Произведенiя страны, покупаемыя купцами туземными и иноземными, поднялись въ цѣнѣ и уплачивались звонкою моне-

тою. Промышленность получила поощреніе; страна сдѣлалась болѣе богатою, и государство, доходы котораго постепенно увеличились съ двадцати милліоновъ болѣе чѣмъ вдвое, а потомъ даже и вчетверо, приобрѣло возможность производить болѣе расходовъ на благо и пользу народа, устроить значительный флотъ и увеличить свои сухопутныя войска постепенно отъ ста тысячъ человѣкъ до пяти сотъ тысячъ. Россія въ то же время приобрѣла значеніе и вліяніе за границу; она сдѣлалась грозною своимъ сосѣдямъ. Посредствомъ сильныхъ армій, которыя она въ состояніи была содержать, она приобрѣла возможность сдѣлать важныя и прекрасныя завоеванія. Этимъ положеніемъ своего величія Россія обязана мудрости своего правительства, которое съумѣло, отъ времени до времени, распространять торговлю имперіи, покровительствуя и охраняя ее, и увеличить свои доходы, путемъ увеличенія народнаго благосостоянія.

Екатерина II, не желая увеличивать долги, уже заключенные за границую и въ особенности въ Голландіи, была принуждена въ продолженіе первой войны съ Турціею, истощившею ея казначейство, ввести ассигнаціи, обязавшись царственнымъ словомъ своимъ, что сумма этихъ ассигнацій не будетъ превосходить ста милліоновъ рублей,—что было очень умѣренно, сравнительно съ доходами ея государства. Эта сумма была выпущена въ обращеніе постепенно, понемногу. Первоначально выпустили всего на двадцать пять милліоновъ и только въ 1786 году въ обращеніи народномъ находилось сто милліоновъ. Въ 1794 году Екатерина была принуждена сумму ассигнацій, находившуюся въ обращеніи, увеличить еще двадцатью двумя милліонами; вторая война съ Турціею и ея военныя дѣйствія на Волыни причинили снова значительные расходы. Такъ какъ во всѣхъ отрасляхъ управленія и въ казенныхъ учрежденіяхъ всегда находились деньги, принадлежавшіе казнѣ, то сумму ассигнацій, бывшую въ это время въ дѣйствительномъ обращеніи въ публикѣ, можно принять только въ сто милліоновъ, поэтому ассигнаціи долгое время стояли въ равной цѣнѣ съ звонкою монетою, (т. е. at par) и даже иногда выше оной, когда при внутреннемъ обращеніи ясно выражались для торговли удобства бумажныхъ денегъ. Впослѣдствіи сумма ассигнацій была еще увеличена. Цвѣтущее положеніе торговли Россіи поддерживало стоимость бумажныхъ денегъ, даже во время различныхъ войнъ, которыя имперія принуждена была выдержать на материкѣ Европы. Но съ той минуты какъ война совсѣмъ иного рода положила препятствія торговлѣ страны, наши ассигнаціи столь значительно упали въ цѣнѣ, что торговля и частные люди понесли большія потери; избытокъ хлѣбныхъ произведеній остался у владѣльцевъ земли; обращеніе денегъ остановилось и недостатокъ ихъ сталъ ощутителенъ въ страшномъ размѣрѣ. Таковы были и всегда будутъ для

Россія послѣдствія союза съ Франціею, коль скоро Россія не можетъ сохранить свой нейтралитетъ съ Англіею. Едва-ли возможно предвидѣть, чтобы всѣ державы Европы, соединившись вмѣстѣ, достигли бы когда-нибудь какого-либо измѣненія нынѣ существующей системы. Не подлежитъ сомнѣнію, что только послѣ очень большихъ усилій возможно будетъ смирить Англію, и что невозможно, чтобы Россія могла долгое время обойтись безъ своей торговли, и потому точно такъ же невозможно, чтобы союзъ между Россіею и Франціею могъ быть искреннимъ, продолжительнымъ и свойственнымъ каждой изъ сихъ народностей. Этотъ союзъ всегда окончится тѣмъ, что повергнетъ въ бѣдность страну и лишитъ государство средствъ поддерживать свое могущество и достоинство.

Послѣ этого отступленія, не столь однако чуждаго занимаемому насъ предмету, какъ это можетъ на первый разъ казаться, возвратимся къ сношеніямъ этихъ двухъ державъ на материкѣ.

Мы видѣли, что, пока Франція будетъ стремиться къ расширенію вѣсь всякой мѣры своего вліянія, никогда союзъ съ нею, хотя бы и самый искренній, не можетъ быть прочнымъ. Безопасность нашихъ границъ требуетъ, чтобы сосѣди наши были болѣе или менѣе охранены и защищены нами или находились бы въ союзѣ съ нами, и чтобы чуждое вліяніе не могло нарушать общаго спокойствія. Исходя изъ этого начала, есть ли какая-либо возможность согласить миролюбивыя взгляды Франціи съ учрежденіемъ герцогства Варшавскаго? Это не Польша, это также не провинція Саксонія, король которой въ дѣйствительности является видимою главою, но лишенною всякой власти и свободнаго распоряженія въ отношеніи военной части, и притомъ ожидающей всякихъ милостей и награжденій отъ Франціи. Сія послѣдняя, послѣ Тильзитскаго мира, оставила даже весьма значительный отрядъ войска въ этомъ княжествѣ. Такимъ образомъ, это княжество представляетъ собою военную границу Франціи, подобно тѣмъ, какія устанавливались римлянами, когда они выжидали только благопріятнаго времени, чтобы двинуться далѣе впередъ. Нельзя не призвать и въ данномъ случаѣ подобной же цѣли. Не естественно-ли и что обыватели областей, оставшихся во владѣніи державъ, подѣлившихъ между собою Польшу, смотрятъ на вновь образованное государство, какъ на стержень, вокругъ котораго должны собраться всѣ обломки древняго Польскаго королевства. Всему міру извѣстно порожденное учрежденіемъ герцогства Варшавскаго волненіе, которое образовалось въ умахъ поляковъ, равно и то прилагаемое стараніе, чтобы поддерживать ихъ блестяція надежды. Изъ всѣхъ областей Польши, оставшихся во власти другихъ державъ, молодые люди, не испросивъ даже разрѣшенія подлежащихъ правительствъ, стремятся поступить въ ряды тѣхъ войскъ, которыя уже извѣстны подъ общимъ именемъ польской арміи. Припо-

мнимъ на какомъ протяженіи это новое государство составляетъ, съ одной стороны, границу Россіи, въ которой, что бы правительство ни дѣлало, всегда имѣются обыватели, готовые возстать и присоединиться къ своимъ соотечественникамъ. Поэтому никто не станетъ отрицать, что Россія должна не довѣрять подобному образу дѣйствій Франціи.

Если надлежало вознаградить Саксонію за сдѣланныя ею пожертвованія и сдѣлать ее болѣе могущественною на счетъ Пруссіи, то цѣль эта была бы лучше достигнута отдѣленіемъ къ ней другихъ какихъ-либо частей Прусскаго королевства, какъ напримѣръ Силезіи. Скажемъ откровенно, это даръ—(если онъ только таковъ дѣйствительно), сдѣланный временно Саксоніи, и который можно будетъ отъ нея отобрать такъ-же легко, какъ онъ былъ приобрѣтенъ ею. Онъ служитъ только завѣсомъ, чтобы скрыть истинную побудительную причину, не ускользнувшую однако отъ всеобщаго вниманія. Императоръ Наполеонъ это на столько хорошо понималъ, что, уступая обстоятельствамъ времени, издалъ торжественное заявленіе противъ всѣхъ предположеній, дѣлаемыхъ по этому поводу, возвѣстивъ, что онъ никогда не имѣлъ въ виду возстановлять Польшу. Но подобное заявленіе, сколь торжественно бы оно ни было, не внушаетъ довѣрія, и всѣмъ хорошо извѣстно, что встрѣчаются и другія подобныя заявленія, какъ напримѣръ договоры о вѣчномъ мирѣ, которые соблюдаются, пока это желаютъ, и которые обладаютъ истинною прочностью только по скольку имѣютъ основаніемъ своимъ взаимную выгоду и безопасность. Если справедливо, что при заключеніи Тильзитскаго мира было сдѣлано секретное условіе о томъ, что герцогство Варшавское никогда не будетъ увеличено, то подобное условіе было очень необходимо для успокоенія русскаго правительства. Но тѣмъ не менѣе остается справедливымъ, что къ основаніямъ, которыя имѣло французское правительство отодвинуть предѣлы Россіи, чтобы болѣе свободно располагать остальною Европою, присоединялась еще задняя мысль, очень хорошо выраженная въ словахъ, приписываемыхъ самому Наполеону. Послѣ одного разговора, содержаніе котораго не припомню и дѣйствительность котораго не могу завѣрить, Наполеонъ сказалъ: не желаю, чтобы увидали послѣ меня капитановъ Александра ¹⁾).

Дѣйствительно, послѣ того какъ онъ успѣлъ совершить великія измѣненія въ Европѣ и распредѣлить нѣкоторые престолы между членами своего семейства, онъ долженъ, какъ великій человекъ, подумать о всѣхъ средствахъ, чтобы придать стойкость государствамъ и правительствамъ, имъ самимъ созданнымъ. Россія безспорно является государствомъ, которое, не будучи опаснымъ Франціи, можетъ явиться таковымъ для ея внѣш-

¹⁾ Разумѣется капитановъ Александра Македонскаго; другими словами распаденіе его монархіи.

Прим. перев.

нихъ учреждений и ея федеративной системы, доколѣ она будетъ имѣть возможность безъ затрудненій присоединить свои войска къ арміямъ Австріи и Пруссіи, съ которыми она будетъ имѣть общій интересъ. Ослабить Россію и отодвинуть ея предѣлы, отдѣлить ее отъ вышеназванныхъ двухъ государствъ, съ которыми она могла бы дѣйствовать за-одно, воспрепятствовать вполнѣ или сдѣлать безконечно затруднительнѣе ея содѣйствіе къ ниспроверженію или измѣненію созданныхъ Наполеономъ государственныхъ установленій—вотъ выгоды будущаго, доставляемыя Наполеону возстановленіемъ Польши въ томъ видѣ, въ какомъ она находилась до перваго ея раздѣла, въ особенности давъ ей государя искуснаго, воинственнаго, способнаго устроить свои войска и поставить ихъ на внушающее уваженіе положеніе.

Польша обладала бы при этомъ населеніемъ въ пятнадцать милліоновъ; это давало бы ей возможность и средства довести свою армію, въ случаѣ необходимости, до трехъ сотъ тысячъ человекъ. Интересы этого государства и его спасеніе привязывали бы его всегда къ Франціи, непосредственная помощь и вліяніе которой на конфедерацію, которая поддерживалась бы въ этомъ предположеніи, могутъ очень хорошо поставить его въ положеніе держать въ безпокойствѣ Россію и отстранить ее отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Европы. Въ одной изъ своихъ декларацій Наполеонъ говоритъ, что раздѣлъ Польши никогда не былъ признанъ Франціею и что онъ противенъ ея интересамъ. Въ своемъ посланіи сенату отъ 29 января 1807 года онъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Необходимы были пятнадцать лѣтъ побѣдъ, чтобы доставить Франціи вознагражденія, соотвѣтствующія полученнымъ другими державами отъ раздѣла Польши, которому можно было бы воспрепятствовать однимъ походомъ, предпринятымъ въ 1778 году». Польская депутація, посланная въ Берлинъ просить покровительства у императора Наполеона, получила отъ него въ отвѣтъ: я посмотрю, окажетесь ли вы достойными быть націею. Съ тѣхъ поръ эти хорошіе люди проливали потоками свою кровь, чтобы доказать, что нація ихъ что нибудь да стоитъ. Не объ этомъ вовсе идетъ дѣло; но тѣмъ не менѣе доказательства ихъ преданности очень хорошо принимаются.

На сколько Франція заботится и будетъ заботиться о томъ, чтобы поддержать и укрѣпить государство, созданное ею какъ преграду на нашихъ границахъ, на столько Россія должна стремиться оное разрушать. Политическія причины могутъ побудить нашъ дворъ временно скрывать это, но спрашивается, можетъ ли быть полная искренность при обсужденіи вопроса столь важнаго и столь непосредственно касающагося чести, достоинства и безопасности Россіи, какъ только что

нами упомянутый? Спрашивается, можетъ ли быть при этомъ хотя бы нѣкоторая вѣроятность стойкости въ дружественныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ великихъ державъ? Въ настоящее время не настоятъ болѣе надобности придерживаться разнымъ предположеніямъ; краткое время, протекшее со времени заключенія Тильзитскаго мира, вполне достаточно, чтобы показать намъ, что должны мы ожидать отъ дружбы съ Франціею.

Россія должна уничтожить даже самую мысль о возрожденіи какой бы то ни было Польши; она даже не можетъ ограничиться и этимъ; она должна воспользоваться первымъ представившимся ей удобнымъ случаемъ, чтобы утвердить свою границу на Вислѣ, и никакія соображенія не должны отклонять ее отъ этого. Припомнимъ высказанное мною по поводу этой границы въ перепискѣ моей въ 1801 году. Я тогда указывалъ, что, послѣ того какъ Екатерина II сдѣлала уже два шага, одинъ—до Днѣпра, а другой—до Нѣмана, Россія остается позаботиться сдѣлать еще третій шагъ—до Вислы. Если Франціи удалось осуществить проектъ Людовика XIV, распространивъ свои владѣнія до береговъ Рейна,—что доставляетъ ей естественную и прочную границу,—то какамъ же образомъ Россія не будетъ въ состояніи достигъ того, чтобы утвердить свою границу на Вислѣ? Бросьте взглядъ на карту и замѣтите протяженіе нашей пограничной линіи въ настоящее время отъ Галиціи до Курляндіи. Невыгоды этой линіи бѣдаются въ глаза въ сравненіи съ представляемою намъ Вислою. Должно согласиться, что это естественная граница Россіи; она не только можетъ ее защищать съ большою энергіею, но и въ состояніи будетъ еще отвратить всякое иномое, и опасное вліяніе сосѣднихъ государствъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Вислы. Эти государства находились бы единственно подъ вліяніемъ Россіи. Она легко препятствовала бы нарушенію чѣмъ-либо спокойствія Германіи и тому, чтобы враждебныя силы не были бы направлены противъ ея собственной независимости. Вся Европа выиграла-бы отъ тишины и мира, которыми бы пользовалась, когда Россія, достигнувъ естественной своей границы, представила бы противовѣсъ могуществу Франціи.

Обширной Россійской имперіи, населеніе которой превышаетъ сотокъ милліоновъ жителей и ежегодно увеличивается нѣсколькими сотнями тысячъ, управляемыхъ началами мудрой и здравой политики, конечно не должно ничего опасаться отъ другой какой-либо державы. Безъ сомнѣнія, въ одинъ прекрасный день она должна воспользоваться во всей полнотѣ тѣмъ преобладаніемъ, къ которому она призвана. Она воспользуется этимъ, какъ и до настоящаго времени постоянно дѣлала, не съ цѣлію удовлетворить желанію непоумѣрнаго честолюбія, но для укрѣпленія на прочныхъ основаніяхъ своего народнаго благосостоянія и для того, чтобы

наслаждаться тѣмъ уваженіемъ, на которое она приобрѣла уже столько правъ и которое подобаетъ величію и энергіи ея народа.

Лица, не знающія обстоятельно Россіи, поражаются обширнымъ протяженіемъ ея границъ и полагають, что оборона ихъ всегда потребуетъ столько военныхъ силъ, что ихъ останется весьма мало для наступательной войны. Это полное заблужденіе. Большая часть границъ Россіи, начиная отъ Ледовитаго океана до береговъ Каспійскаго моря, не требуетъ для ихъ обороны ни одного солдата изъ регулярныхъ войскъ; эти границы заняты и охраняются кордонами обитающихъ вблизи жителей. Остается слѣдовательно европейская граница, которая, принявъ Вислу за военную границу и продолживъ ее до Чернаго моря, будетъ имѣть не болѣе 300 миль протяженія. Эта линія, на которой могутъ угрожать Россіи, довольно слабая со стороны Турціи и гораздо болѣе благоприятная намъ со стороны Польши или Германіи, не представляется несоотвѣтствующею численности ея войскъ. Останется всегда достаточное число войскъ, чтобы заставить какого бы врага ни было, осмѣлившася покуситься нарушить наши границы, раскаяться въ этомъ и даже чтобы дѣйствовать наступательно и воспрепятствовать тому, чтобы державы, находящіяся между нею и Франціею и пользующіяся пока независимымъ существованіемъ, не были бы покорены сею послѣднею,—единственный случай, который, какъ я уже выше замѣтилъ, можетъ сдѣлаться тревожнымъ для Россіи.

Франція въ отношеніи своихъ границъ не пользуется такимъ же преимуществомъ какъ мы. Военная ея линія начинается съ Далмаціи и идетъ до устьевъ Шельды и Рейна; отсюда она должна защищать еще около 300 льѣ морскаго побережья, на которомъ съ этою цѣлію она должна содержать сухопутныя войска и морскія силы. Присоедините къ этому, что Франція окружена народностями, которыя хотя въ это время и покорены, но должны быть зорко наблюдаемы сильными гарнизонами, тогда какъ Россія находится въ подобномъ положеніи только на одномъ пунктѣ, и этотъ пунктъ является именно тѣмъ же самымъ, гдѣ и безъ этого повода она должна собрать возможно большее количество войскъ, чтобы быть всегда готовою на всякія событія въ Европѣ.

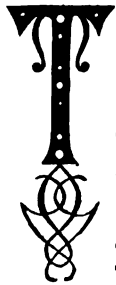
(Продолженіе слѣдуетъ).

Тяжелые дни Казанскаго Университета.

(Изъ посмертныхъ записокъ).

Тяжелые дни Казанскаго университета, какъ и другихъ русскихъ университетовъ, тѣсно связаны съ темными дѣяніями политической и революціонной крамолы, свившей гнѣздо въ нашемъ отечествѣ около 1860-хъ годовъ. Крамола посѣяла и доселѣ сѣять въ нашихъ университетахъ горькіе плевелы, которые портятъ нашу дорогую пшеницу. Революціонные подстрекатели избрали университетскую учащуюся молодежь, по натурѣ своей легко поддающуюся увлеченіямъ, матеріаломъ для своихъ губительныхъ экспериментовъ. Революціонные агенты были первыми подстрекателями и инициаторами студенческихъ волненій. Судя на опыту прошлаго, приходишь къ такому выводу: бѣзпорядки въ университетахъ обыкновенно предшествуютъ политическому злоумышленію. Тайные устроители революціонной смуты прежде всего стараются наэлектризовать университетскую молодежь предварительномъ усиленномъ разсылкою прокламацій и возмутительныхъ листовъ, а затѣмъ рѣчами революціонныхъ агентовъ возбудить среди нея волненія, чтобы тѣмъ занять вниманіе правительственныхъ лицъ и тѣмъ съ большею свободою производить свою революціонную стряпню. Воспоминанія о тяжелыхъ дняхъ университета естественно связаны будутъ съ прискорбною хроникою смуть и злодѣяній, произведенныхъ въ нашемъ отечествѣ шайкою подпольныхъ злоумышленниковъ, поставившихъ себѣ задачу поколебать и разрушить нашъ государственный и общественный строй

и на его дымящихся и облитыхъ кровью развалинахъ водрузить анархическое знамя терроризма:

И старый міръ среди огня и дыма
Въ потокахъ крови въ бездну упадетъ ¹⁾.

Вотъ страшная картина результатовъ революціонной дѣятельности, рисуемая самими революціонерами.

И Казани въ 1863 году готовился кровавый сюрпризъ. Въ ней таилась революціонная шайка, во главѣ которой стоялъ ловкій умѣвшій прятать концы полякъ Кеневичъ, делегатъ польской sprawy; съ нимъ заодно дѣйствовали офицеръ Иваницкій и другіе. Революціонеры, по рассказамъ, задумывали ни болѣе, ни менѣе, какъ оторвать отъ Россіи весь восточный край съ Сибирью включительно ²⁾. Иваницкій, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, взялъ на себя наглядно обучать солдатъ идеѣ равенства ³⁾. Онъ употреблялъ такой приемъ: бралъ чурки одинаковой величины, цвѣта и формы, разставлялъ ихъ, называя передняго царемъ, стоявшихъ нѣсколько сзади—генералами, слѣдовавшихъ далѣе — офицерами, затѣмъ шли ряды солдатъ. Вдругъ рукою онъ перемѣшивалъ всѣ чурки, сваливая ихъ въ одну кучу, и потомъ спрашивалъ солдатъ: гдѣ офицеры, гдѣ генералы, гдѣ царь? Этотъ преподаватель своеобразнаго нагляднаго обученія въ одно прекрасное утро могъ явиться полновластнымъ распорядителемъ судебъ казанскихъ жителей, облеченнымъ диктаторскою властію. Заговорщиками составленъ былъ списокъ тѣхъ, власть въ Казани имѣющихъ, которые подлежали разстрѣлію, повѣшенію, словомъ «устраненію»; а Иваницкій предназначался въ казанскіе воеводы, — Кеневичъ тоже, можетъ быть, мечталъ, по примѣру Калиновскаго ⁴⁾, о роли—диктатора или круля всего Восточнаго края Россіи.

¹⁾ „Русскій Вѣстникъ“ 1867 г. сентябрь 11 стр.

²⁾ Меня не было въ Казани, когда развивался грандіозный замыселъ Казанскаго отдѣла польскаго ржонда. Я засталъ уже кровавый конецъ неудавшагося замысла. Когда исполнялся приговоръ надъ присужденными къ смерти заговорщиками, я ѣдиль по округу. На обратномъ пути въ Казань на пароходѣ услышалъ я, что четыре или пять человекъ разстрѣляно. Съ этимъ происшествіемъ я знакомъ только въ общихъ чертахъ по слухамъ: все дѣло велось въ совершенной тайнѣ. По моему мнѣнію полезно было бы и желательно, чтобы сообщены были во всеобщее свѣдѣніе результаты, добытые Казанскою слѣдственной комиссіею по этому преступному предпріятію, столь же смѣлому, сколько и безумному.

³⁾ „Они (поляки) силились въ облагороженномъ взглядѣ на нравственное чувство собственнаго достоинства въ войскахъ найти возможность деморализировать русскую армію“. (Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо-Западной Россіи. Собралъ Василій Ратчъ. Вильна. 1867 г. стр. 247).

⁴⁾ Калиновскій самозванный диктаторъ Литвы и Бѣлоруссіи. (Ратчъ, стр. 233), „Круль Литвы“ (стр. 245).

Въ шайку, или въ тайное общество, какъ сами злоумышленники называли свою организацію, всячески старались заманить студентовъ Казанскаго университета и успѣли привлечь нѣкоторыхъ. Мнѣ довелось слышать разсказъ о томъ, какъ одинъ привлеченный въ это общество приглашалъ другого студента, своего пріятеля.

— Пойдемъ къ намъ, братъ, у насъ сила.

— А сколько у васъ денегъ,—спрашивалъ приглашаемый студентъ.

— Денегъ? Это—пустяки. У насъ силы много: солдаты наши, мы поднимемъ крестьянъ, захватимъ пароходы, вооружимъ ихъ пушками и пойдемъ хозяйничать по Волгѣ, проберемся и въ Сибирь,—все запляшетъ по нашей дудкѣ, увидишь. И деньги тогда лопатами загребать будемъ.

— Будете? А теперь-то сколько у васъ оныхъ. Откуда и на какія сокровища пушки-то приобрѣтете, чѣмъ солдатъ кормить будете? Сколько жъ у васъ теперь-то денегъ?

— Не такъ много.

— А сколько?

— Рублей этакъ сто впрочемъ наберется.

— Только-то,—со смѣхомъ восклицаетъ приглашаемый.—Ну, братъ, на это далеко не уѣдете. Все это вздоръ, ерунда, ничего путнаго не будетъ, брось ты ихъ.

Старались собирать и пожертвованія на «общее дѣло», но, какъ видно изъ предыдущаго разговора, пожертвованія едва-ли и поступали¹⁾.

Когда я прибылъ на службу въ Казань 1863 году, революціонная шайка чуть-ли не была арестована, и назначена была особая слѣдственная комиссія. Тогда же генераль-адъютантъ А. Е. Тимашевъ былъ назначенъ временнымъ казанскимъ генераль-губернаторомъ. Ему пришлось въ 1864 году подтвердить приговоръ военнаго суда надъ политическими преступниками, изъ которыхъ главные были приговорены къ разстрѣлянню. Въ низинѣ между русскою и нѣмецкою швейцаріями были разстрѣяны Кеневичъ и Иваницкій со своими сообщниками.

Пріѣхавъ къ генераль-губернатору, по возвращеніи изъ поѣздки по округу въ 1864 году, я нашелъ его какъ будто похудѣвшимъ и встревоженнымъ.

— Слышали? было первое его слово.—Слышали, что у насъ случилось?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ахъ, ужасно было тяжело, когда мнѣ принесли къ подписи смертный приговоръ. Цѣлую ночь не спалъ,—все ходилъ и волновался. Осо-

1) Бывшій студентъ Елпидинъ, принадлежавшій, говорятъ, къ революціонной организаціи, убѣжалъ за границу (въ Женеву) на студенческія денежки, взятые изъ такъ называемой студенческой кассы.

бежно участь одного изъ осужденныхъ на смертную казнь, Кеневича, меня сильно тревожила. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, по уликамъ. Другіе сознались, но этотъ ни разу не измѣнилъ себя: твердо, упорно и смѣло стоялъ на одномъ, что онъ не виноватъ. Прямыхъ уликъ на лицо не было, но внутренній голосъ сильно говорилъ во мнѣ, что Кеневичъ виновенъ, что онъ главный вождь въ этомъ дѣлѣ. И послѣ долгихъ колебаній я подписалъ смертный приговоръ всѣмъ осужденнымъ на смерть, и Кеневичу въ томъ числѣ. Но какъ тяжело, какъ невыразимо тяжело класть резолюцію на такую бумагу и подписывать ее, сознавая, что отъ твоей подписи зависитъ жизнь человѣка.

Нельзя было безъ глубокаго сердечнаго сочувствія слышать такіа гуманнаго слова изъ устъ лица, облеченнаго громадною властію. У меня сердце сжалось неволью при слушаніи этихъ словъ и при видѣ А. Е. Тимашева, всегда обыкновенно живаго и веселаго, сидѣвшимъ въ тяжеломъ, грустномъ раздумьѣ... Послѣдствія показали, что внутренній голосъ говорилъ А. Е. Тимашеву безошибочно. Кеневичъ, оказалось послѣ, былъ уполномоченнымъ польской справы: имъ ведена была нить казанскаго заговора, ему поручено было польскимъ ржондомъ дѣйствовать въ Казани и внести пугачевщину на лѣвый берегъ Волги, тогда какъ Звирждовскій, бывшій капитанъ русскаго генеральнаго штаба, долженъ былъ пройти чрезъ губерніи Смоленскую, Тверскую и Московскую и поднять къ мятежу весь правый берегъ Волги ¹⁾. За какое ничтожное стадо барановъ считалъ велеумный польскій ржондъ обитателей всѣхъ этихъ мѣстностей да и весь русскій народъ! Кеневичъ раскинулъ въ Казани свою сѣть,—онъ надѣялся отсюда захватить всѣ

¹⁾ „Звирждовскій предназначался для дѣйствія противъ Россіи. Горигорѣцкій институтъ давалъ, по польскимъ соображеніямъ, именно самыхъ пригодныхъ дѣятелей въ студентахъ, для поднятія крестьянъ къ мятежу въ великорусскихъ губерніяхъ. Поляки рассчитывали, что взятіе Гороекъ, близъ Смоленской губерніи, уважаетъ Европѣ, гдѣ границы Польши, и шайка, усиленная полевою батареею, явится въ Россію гроннымъ проводникомъ мятежа, молва понесетъ далеко по окрестности вѣсть, что польская рать съ пушками идетъ избавлять народъ отъ уставныхъ грамотъ. Звирждовскій долженъ былъ пройти чрезъ губерніи Смоленскую, Тверскую и Московскую, поднять къ мятежу весь правый берегъ Волги, а на Кеневича въ Казани было возложено возобновить пугачевщину на лѣвомъ берегу“. Понятно, что на Казанскій университетъ поляки смотрѣли такими же глазами, какъ и на Горигорѣцкій институтъ; въ студентахъ Казанскаго университета они чаяли встрѣтить самыхъ пригодныхъ дѣятелей для поднятія крестьянъ къ мятежу. Что поляки такъ думали, показывается приведенный выше разговоръ привлеченнаго къ тайной организаціи студента съ его товарищемъ. Этому вовлеченному въ заговоръ студенту, какъ видно, натоковали уже о необходимости поднять крестьянъ. Кеневичъ въ точности исполнялъ давнее ему порученіе—желалъ возобновить пугачевщину въ Поволжьѣ.

ходящіе по Волгѣ и Камѣ пароходы и пронести знамя бунта по всему Поволжью и по Сибири. Горько ошибся онъ въ своихъ расчетахъ на мятежный духъ казанскихъ студентовъ, на простодушіе и довѣрчивость народа русскаго. Кеневичу суждено было сложить свою голову въ Казани. Съ казнію его и его сообщниковъ покончилъ свое существованіе казанскій отдѣлъ польскаго ржонда ¹⁾).

Весьма тяжелые дни переживалъ въ это время Казанскій университетъ. Вниманіе къ нему польскаго ржонда, выразившееся въ отправленіи Кеневича именно въ Казань, и признавіе чрезъ то казанской университетской молодежи, какъ студентовъ Горигорѣцкаго института, за самыхъ пригодныхъ дѣятелей для поднятія крестьянъ къ мятежу, не могло конечно не повредить университету въ глазахъ правительства, которое и безъ того было недовольно Казанскимъ университетомъ и за студенческіе беспорядки 1861 года, слѣды которыхъ еще далеко не изгладились, и за явный разладъ между профессорами въ 1863 году. Какъ смотрѣли тогда на Казанскій университетъ руководящія сферы, видно изъ отзывовъ официальныхъ лицъ и государственныхъ дѣятелей ²⁾). Бывшій въ Казани, еще до моего назначенія туда, тогдашній попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, который былъ командированъ по Высочайшему повелѣнію для разбора распри казанскихъ профессоровъ между собою и съ тамошнимъ попечителемъ, сказалъ мнѣ въ Петербургѣ, передъ моимъ отправленіемъ въ Казань: «нелегко вамъ будетъ». Министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головининъ, прощаясь со мною, говорилъ: «Вамъ предстоитъ много труда». Директоръ департамента Б. П. Мансуровъ, когда я весело разговаривалъ съ нимъ, невольно воскликнулъ: «Я удивляюсь вамъ: вы ѣдете въ Казань и еще можете смѣяться». Одинъ государственный дѣятель, очень ко мнѣ расположенный (теперь уже успокоившійся отъ земныхъ трудовъ), замѣтилъ мнѣ: «Вы ѣдете въ неспокойную, пугачевскую сторону». Попечитель Казанскаго учебнаго округа Ф. Ф. Стендеръ, при первомъ свиданіи со мною въ Казани, рассказалъ мнѣ, что онъ «цѣлый годъ ходилъ съ револьверомъ въ карманѣ», боясь оскорбленія отъ студентовъ. Временной казанскій генералъ-губернаторъ А. Е. Тимашевъ, на котораго возложено было наблюденіе и за университетомъ, поручилъ мнѣ передать профессорамъ: «Казанскій университетъ — на волоскѣ. Если что-либо произойдетъ въ немъ, онъ будетъ закрытъ, а профессора потеряютъ службу и никуда

¹⁾ Звирждовскому тоже не повезло: онъ „успѣлъ лишь сжечь Горки (Ратчъ, стр. 204) и затѣмъ заботился только о личномъ спасеніи“. Далекое не дошелъ онъ до праваго берега Волги, не подавъ руки помощи имѣвшему дѣйствовать на лѣвѣмъ берегу Кеневичу.

²⁾ Привожу эти отзывы въ хронологическомъ порядкѣ.

не будутъ приняты». Профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ въ декабрь 1863 года писалъ мнѣ изъ Москвы «Мы думаемъ, что возвращеніе къ лучшему для Казани (т. е. для Казанскаго университета) труднѣе, чѣмъ для Москвы ¹⁾. Вспомните, изъ какихъ разнородныхъ, довольно необработанныхъ элементовъ набирался контингентъ слушателей Казанскаго университета. Тутъ были и казаки уральскіе и сибирскіе, и нѣ всегда тихіе сыны тихаго Дона, и цивилизованные политическими ссыльными сибиряки, и сыны степей башкиры и киргизы, и всюду кочующіе евреи, и другіе инородцы.

Ужъ если въ правительственной средѣ, если въ средоточіи Руси, въ Москвѣ, такимъ недовѣрчивымъ взглядомъ смотрѣли на Казанскій университетъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что польскій ржондъ могъ быть увѣренъ, что казанскіе студенты съ распростертыми объятіями примутъ ловкаго Кеневича, что они съ готовностію пойдутъ поднимать крестьянъ Поволжья на мятежъ, тѣхъ самыхъ крестьянъ и тѣхъ инородцевъ, предки которыхъ нестройными, буйными массами шли за Пугачевымъ. Ужъ если поляки были убѣждены, что въ Калужской губерніи, искони русской и православной, «вражда крестьянъ къ помѣщикамъ подготовлена достаточно» ²⁾, такъ какъ же было не думать имъ, что въ «пугачевской сторонѣ» крестьяне по первому кличу толпами побѣгутъ подъ знамя пугачевщины, развернутое Кеневичемъ. И что же? Дѣло показало, что ни въ студентахъ, ни въ народѣ пугачевщина не нашла никакого отклика. Изъ 300 человекъ студентовъ нашлось два-три отщепенца, которые пошли на революціонную приманку, остальные не только не увлеклись, но даже посмѣялись надъ фантастическими бреднями революціонеровъ.

Не говорить-ли этотъ фактъ въ пользу университета краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Такъ, недавно еще ³⁾ эти самые студенты бурлили на сходкахъ, и какъ бурлили! А идти подъ революціонное знамя охотниковъ не нашлось. Стало быть, есть въ университетской наукѣ нѣчто такое, что сдерживаетъ учащуюся молодежь отъ крайнихъ, губельныхъ ученій. Студенты пожалуй еще послушаютъ революціонныхъ агентовъ, не зная конечно о принадлежности ихъ къ революціонной организаціи, когда тѣ подбиваютъ ихъ на демонстраціи въ пользу общаго студенческаго дѣла, въ пользу отстаиванія корпоративныхъ правъ, на защиту студенчества, за свободу слова и печати; они на шумятъ, накричатъ,

¹⁾ См. статью мою „Студенческія волненія 1882 года въ Казани“. См. „Русскую Старину“ 1888 г. т. LX, № 12 стр. 649; 1889 г. т. LXI, № 1, стр. 113, т. LXIII, № 8 стр. 436; т. LXIV, № 10 стр. 248.

²⁾ Ратъ, стр. 203.

³⁾ Я говорю о студенческихъ беспорядкахъ 1861 года въ Казанскомъ университетѣ.

иногда набубняты. Но коснись дѣло до исто-революціонныхъ идей, раздайся призывъ къ топорамъ, къ пугачевщинѣ, они ¹⁾ съ омерзѣніемъ отвернутся отъ такихъ ораторовъ и пожалуй обратятся, хоть не прямо, избѣгая прослыть доносчиками, но безыменнымъ письмомъ къ лицу, имѣющему власть въ университетѣ, и будутъ просить оставить «гадкія выходки» нѣкоторыхъ. Съ такимъ письмомъ вы встрѣтитесь въ моемъ настоящемъ разсказѣ. Живы въ молодыхъ сердцахъ любовь къ родинѣ и прирожденная русскимъ преданность царственнымъ вождямъ нашимъ.

Съ 25 мая по 3 октября 1863 года я управлялъ учебнымъ округомъ, по случаю отъѣзда попечителя для осмотра учебныхъ заведеній, и въ это время на мою долю выпало введеніе только что Высочайше утвержденнаго новаго устава Россійскихъ университетовъ. Съ 12-го января 1864 года я вступилъ въ управленіе округомъ, за отъѣздомъ попечителя въ С.-Петербургъ, а потомъ за границу, а 5 февраля 1865 года я назначенъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.

Въ дѣйствіяхъ моихъ по университету я старался: а) объ установленіи мира между профессорами, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы происходящіе между ними неизбежно споры и недоразумѣнія не выходили внѣ стѣнъ совѣта и не доходили до студентовъ, такъ какъ только единодушная профессорская корпорація можетъ имѣть на учащуюся молодежь нравственное вліяніе; б) о побужденіи студентовъ къ постояннымъ занятіямъ, для чего правилами Казанскаго университета восстановлены репетиціи и переводные экзамены, производившіеся въ порядкѣ серьезно и строго, и о подчиненіи студентовъ правиламъ, внесеннымъ мало-по-малу, порядокъ въ университетскую жизнь; в) о поднятій Казанскаго университета въ глазахъ общества, начальства и государя.

Уже въ 1864 году я послалъ подробное донесеніе министру о состояніи университета ²⁾. Въ томъ-же году я просилъ и временнаго казанскаго генераль-губернатора А. Е. Тимашева, отправлявшася въ С.-Петербургъ, лично доложить государю императору, что въ Казанскомъ университетѣ постепенно устанавливается должный порядокъ, что студенты спокойны и занимаются дѣломъ. Въ 1865 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ, вызванный въ С.-Петербургъ съ высочайшаго соизволенія, я

¹⁾ Я говорю не только о значительномъ большинствѣ студентовъ, но положительно о цѣлой массѣ, — уроды, которые въ такой громадной семьѣ всегда найдутся, въ счетъ приниматься не могутъ и не должны.

²⁾ Свое донесеніе министру я лично прочиталъ въ совѣтѣ университета, желая показать ему свое полное довѣріе. Это произвело на профессоровъ такое хорошее впечатлѣніе, что они въ тотъ-же день въ полномъ составѣ приходили благодарить меня за сочувствіе и содѣйствіе университету.

представилъ министру отчетъ по Казанскому учебному округу. Отчетъ напечатанъ и представленъ государю императору 22 ноября. Я имѣлъ счастье представляться его императорскому величеству въ Царскомъ Селѣ и лично докладывалъ объ университетѣ. Покрытый прежде темными тучами горизонтъ Казанскаго университета сталъ проясняться. Государь императоръ съ благоговѣніемъ принялъ мою рекомендацію университета. Вдругъ разразилась гроза нежданная, негаданная...

II.

«Позволю себѣ сдѣлать выписку изъ отчета о дѣятельности и состояніи университета за 1865—66 академическій годъ.

Еще по случаю празднованія 16 апрѣля благополучно совершившагося двадцати-пятилѣтія бракосочетанія ихъ императорскихъ величествъ совѣтъ университета представилъ августѣйшему покровителю науки и просвѣщенія всеподданнѣйшій поздравительный адресъ. Но едва только онъ имѣлъ счастье выразить предъ лицомъ государя, что «его домашняя радость, его сердечное счастье» глубоко дороги его вѣрному народу; что «университетъ присоединяется къ общимъ искреннимъ и нелицемѣрнымъ пожеланіямъ этого вѣрнаго народа»; что съ брачнымъ союзомъ государя императора Александра II «соединены самыя дорогія упованія нашего отечества»—едва успѣло сойти съ устъ слово молитвы о счастіи царской семьи, какъ извѣстіе о роковомъ событіи 4 апрѣля и вмѣстѣ о чудесномъ спасеніи драгоцѣнной жизни государя императора облетѣло Россію...

По принесеніи вмѣстѣ съ другими въ соборной церкви благодарственнаго молебствія о спасеніи этой дорогой всѣмъ жизни, г. попечитель, его помощникъ и члены университета въ всеподданнѣйшемъ адресѣ просили его величество «принять выраженіе ихъ глубокой и сердечной радости при вѣсти о спасеніи, при этой милости провидѣнія къ нашей Россіи». На другой день было совершено молебствіе съ литургіей въ университетской и клинической церквяхъ. 16 апрѣля, въ день празднованія двадцати-пятилѣтія была совершена вновь литургія съ благодарственнымъ молебствіемъ. На этотъ разъ въ церкви университета собрались воспитанники обѣихъ казанскихъ гимназій, студенты университета, преподаватели гимназій и университета и начальство округа. Обѣдня имѣла высокаторжественный характеръ, и никогда прекрасная университетская церковь не соединяла въ себѣ такъ много учащейся молодежи, проникнутой однимъ живымъ

чувствомъ. По окончаніи молебствія о здравіи и благоденствіи высокой четы и всего августѣйшаго дома, студенты просили г. попечителя дать имъ возможность заявить какимъ либо образомъ объ одушевляющемъ ихъ патріотическомъ чувствѣ. Г. попечитель объявилъ студентамъ, что, искренно вѣря ихъ молодому неподдѣльному чувству, онъ не замедлитъ довести о немъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія до свѣдѣнія государя императора. Тогда студенты обратились къ настоятелю церкви съ просьбою отслужить свой отдѣльный студенческій молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ о спасеніи жизни государя императора. По окончаніи молебствія, глубоко тронутый священникъ заявилъ студентамъ, что ихъ благочестивое желаніе составляетъ наилучшее украшеніе праздника, что это желаніе краснорѣчиво говорить, что они клянутъ святотатственную руку, дерзнувшую посягнуть на жизнь помазанника Божія, что они чтутъ великія дѣла, начинанія и щедроты августѣйшаго императора. Слова эти прерывались общими слезами и поцѣлуями. На этотъ разъ, то была дѣйствительно родная семья, въ которой только что совершилось что-то великое, волнующее, расширяющее грудь безконечнымъ восторгомъ ¹⁾). По окончаніи молебна студенты вызвали изъ церкви хоры пѣвчихъ (ихъ было два) и подъ сводами параднаго входа университета пропѣтъ былъ народный гимнь. Г. попечитель, поблагодаривъ студентовъ за выраженныя ими чувства, заключилъ такъ: «Пусть этотъ день останется памятнымъ въ вашихъ сердцахъ, пусть воспоминаніе о немъ вдохновляетъ васъ на общій святой трудъ для славы и возвеличенія нашего обожаемаго государя и нашего дорогаго отечества».

Слова эти были покрыты единодушнымъ «ура». Въ тотъ же день университетская семья собралась на торжественный обѣдъ въ честь семейнаго праздника августѣйшей четы. На этомъ обѣдѣ произнесена была г. попечителемъ рѣчь; хотя она своевременно, вмѣстѣ съ описаніемъ всего торжества, и была напечатана, но не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи повторить здѣсь хотя нѣкоторыя слова достойнаго руководителя просвѣщенія нашего округа.

— Въ свѣтлыхъ одеждахъ,—говорилъ онъ между прочимъ въ своей рѣчи,—какъ прилично на брачномъ торжествѣ, мы сошлись на царскую свадьбу. Какой же даръ принести намъ новобрачнымъ? По древнему русскому обычаю, новобрачныхъ осыпали хмѣлемъ и деньгами. Хмѣль эмблема веселія, а веселье неразлучно съ здоровьемъ и душевнымъ спо-

¹⁾ Такія минуты доставляютъ освѣжающее, отрадное воспоминаніе навсегда. И теперь, когда я писалъ эти строки, картина прошлаго живо предстала предо мною, то же чувство охватило меня, и невольно, какъ и тогда, крупныя слезы покатались изъ глазъ.

койствіемъ. Деньги—знакъ богатства. Но не золотомъ лишь богатъ человѣкъ, онъ богатъ кредитомъ, довѣріемъ, любовью другихъ: вѣрный другъ—цѣннѣе золота. Осыпшемъ же и мы августѣйшихъ новобранныхъ хмѣлемъ и деньгами: пожелаемъ имъ здоровья и шира душевнаго, принесемъ имъ въ даръ нашу общую горячую любовь и полныя довѣрія преданныя безъ лести сердца.

За симъ, упомянувъ о событіи 4 апрѣля, его превосходительство продолжалъ:

— Кто-бы ни былъ преступникъ — исчадіе ли нигилизма, социалистическихъ ученій, или выкидышъ подземной революціонной шайки,—соединившись братскимъ союзомъ, дадимъ другъ другу торжественную клятву: всѣми силами дарованной намъ Богомъ науки бороться противъ невѣжественныхъ, зловредныхъ идей, стремящихся къ разрушенію божескаго и человѣческаго порядка. Твердо, какъ одинъ человѣкъ, станемъ на стражѣ истиннаго просвѣщенія, имѣющаго конечною цѣлію благо и возвеличеніе нашего государя и отечества.

Обѣдъ окончился предложеніемъ профессора богословія Владимірскаго о сооруженіи иконы св. Александра Невскаго, что единодушно было принято, и тутъ же на обѣдѣ подписано было болѣе 200 руб.

Вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи на священную для Россіи жизнь тревожно разнеслась повсюду. Тысячи народа въ различныхъ городахъ молились со слезами восторга и вмѣстѣ скорби,—восторга о томъ, что Провидѣніе спасло обожаемаго государя, скорби потому, что нашелся злодѣй, дерзнувшій поднять руку на того, изъ десницы котораго щедро льются свобода, свѣтъ, правосудіе, къ кому благодарно несутся сердечныя думы и пожеланія истинныхъ сыновъ Россіи. Вопросъ, кто посягалъ на цареубійство, сильно занималъ умы. Какъ встрепетулись всѣ въ Казани, какая тревога поднялась въ Казанскомъ университетѣ, когда получено было извѣстіе, что имя посягавшаго на жизнь царя—Дмитрій Коракозовъ, имя, которое стояло въ спискѣ студентовъ Казанскаго университета на 1863—64 академической годъ.

Я лично помнилъ этого студента съ блѣднымъ, истомленнымъ лицомъ, съ длинными по плечи волосами. По наведенной справкѣ оказалось, что онъ изъ дворянъ Сердобскаго уѣзда Саратовской губерніи, окончилъ курсъ въ Пензенской гимназіи въ 1860 году, поведенія, по аттестату, подписанному директоромъ Лубкинымъ, отличнаго, поступилъ въ Казанскій университетъ въ 1861 году 20-ти лѣтъ. Директоръ Пензенской гимназіи, у котораго я спрашивалъ о Коракозовѣ, доставилъ мнѣ такія свѣдѣнія. «Во время пребыванія въ гимназіи, онъ, какъ помнятъ, велъ себя тихо, былъ очень молчаливъ, потому что былъ глуховатъ, вообще онъ былъ вялымъ, неразвязнымъ и недаровитымъ ученикомъ. По наружности, онъ будто бы отличался небрежностью и

неопрятностью въ одеждѣ. Онъ никогда не участвовалъ ни въ какихъ происшествіяхъ и прошелъ гимназію, бывъ мало замѣченнымъ. Отецъ и мать его уже умерли. Имъ принадлежало маленькое помѣстье въ Сердобскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 70-ти отъ Пензы. Осталось теперь четыре брата и нѣсколько сестеръ. Старшій братъ находится въ домѣ сумасшедшихъ въ Саратовѣ за то, что сжегъ всю деревню и отцовскій домъ. Преступникъ кончилъ здѣсь курсъ въ 1860 году, но безъ права на поступленіе въ университетъ, такъ какъ онъ не учился латинскому языку. Первый годъ по выходѣ онъ, вѣроятно, употребилъ на приготовленіе себя изъ латинскаго, и потому онъ поступилъ въ университетъ только въ 1861 году. Все это происшествіе,—заключаетъ свое письмо директоръ Шарбе, привело наше общество въ какое то судорожное состояніе; всѣ какъ будто находятся подъ какимъ-то гнетомъ, и поражены этимъ несчастіемъ».

Въ октябрѣ 1861 года, слѣдовательно чрезъ мѣсяць по вступленіи въ университетъ, Кораковъ былъ исключенъ за участіе въ скопѣ противъ исправлявшаго должность попечителя округа князя П. П. Вяземскаго, причисленъ къ 3-ей категоріи виновныхъ, на основаніи чего согласно высочайшему повелѣнію могъ быть принятъ въ университетъ черезъ годъ. По исключеніи изъ университета, жилъ большею частію въ деревнѣ. 27-го сентября 1863 года, по засвидѣтельствованію сердобскаго исправника объ отличномъ поведеніи Коракова, онъ былъ снова принятъ въ университетъ на 1-й курсъ юридическаго факультета, перешелъ на 2-й курсъ, и 8 октября 1864 года, по прошенію, уволенъ для перечисленія, какъ сказано въ его прошеніи, въ Московскій университетъ, куда онъ и перешелъ дѣйствительно. Между товарищами-студентами пріятелей у него не было; онъ держался какъ то въ сторонѣ, особнякомъ, хотя и жилъ съ двумя студентами изъ пензенцевъ на одной квартирѣ; но, по ихъ словамъ, былъ неразговорчивъ, любимымъ его времяпрепровожденіемъ было лежать на постели, устремивъ глаза кверху въ одну точку. Въ университетѣ, въ промежуткахъ между лекціями, онъ ходилъ по корридору одинъ, кусая ногти. По всѣмъ свѣдѣніямъ видно, что это была заурядная личность, что не здѣсь, не въ университетѣ, готовилъ онъ себя для своего кроваваго страшнаго замысла. По словамъ Н. В. Щербаня («Русск. Вѣстникъ» сентябрь 1887 г. стр. 58), Худяковъ вложилъ пистолетъ въ руку Каракова; слѣдовательно ни Казанскій университетъ, ни Московскій, въ которыхъ онъ числился студентомъ, не имѣютъ ничего общаго съ его злодѣйскимъ покушеніемъ. Казанскій университетъ, стало быть, имѣлъ полное право сказать въ своемъ адресѣ: «преступникъ не могъ имѣть и не имѣлъ ничего общаго ни съ университетомъ, ни съ наукою, въ немъ преподаваемою».

Студенты Казанскаго университета были потрясены, узнавъ, что царубійца находился прежде среди нихъ. Совѣтъ Казанскаго университета представилъ государю императору слѣдующій адресъ:

«Ваше Императорское Величество,

Всеимлостивѣйшій Государь!

Тяжелое чувство овладѣло нами при томъ страшномъ извѣстїи, что преступникъ, поднявшій святотатственную руку свою на священную особу вашего императорскаго величества, былъ прежде студентомъ Казанскаго университета. Мысль, что онъ когда-то находился подъ сѣнїю университета, что онъ позорилъ его своимъ присутствїемъ—глубоко печалить сердца наши, и мы дерзаемъ выразить предъ лицомъ вашего императорскаго величества эти невыносимо тяжелыя чувства, дерзаемъ повергнуть къ престолу вашему нашу скорбь.

Всеимлостивѣйшій государь! По слову апостола, «отъ насъ изведоша, но не бѣша отъ насъ» (Іоан. посл. 1, 2, 19), преступникъ не могъ имѣть и не имѣлъ ничего общаго ни съ университетомъ, ни съ наукою, въ немъ преподаваемою. Его мрачное дѣло созрѣло для насъ неизвѣстнымъ, намъ непонятнымъ образомъ. Его кратковременное пребыванїе у насъ не оставило ни памяти, ни слѣдовъ въ университетѣ. Онъ не хотѣлъ учиться у насъ. Спрошенные нами бывшіе товарищи его, не имѣвшіе съ нимъ, по выходѣ его изъ Казанскаго университета, никакихъ связей, едва помнятъ темную личность злодѣя и съ единодушнымъ отвращенїемъ думаютъ о томъ, что онъ когда-то сидѣлъ рядомъ съ ними. Недавно заявили они восторженную радость при вѣсти о чудесномъ спасенїи вашего императорскаго величества, въ искренней молитвѣ выказалось чувство, ихъ одушевляющее, ихъ глубокая преданность монарху и нераздѣльной съ нимъ Россїи.

Казанскїй университетъ, пользующїйся высочайшимъ вашимъ покровительствомъ, осмѣливается предъ лицомъ вашимъ и предъ лицомъ всей Россїи торжественно заявить, что съ царемъ, дарующимъ странѣ своей милость и правду, ведущимъ ее по пути счастья и успѣха, съ царемъ-Освободителемъ своего народа глубокою неразрывною связью любви соединенъ вѣрный ему университетъ. Безъ этого союза любви немислимо для насъ воспитанїе молодаго поколѣнїя; этотъ союзъ любви одушевляетъ трудъ нашъ».

Министръ народнаго просвѣщенїя увѣдомилъ меня, что онъ имѣлъ счастье прочесть этотъ адресъ государю императору, и что его императорское величество, «вполнѣ вѣря выраженнымъ въ адресѣ вѣрно-подданническимъ чувствамъ, высочайше повелѣтъ соизвоилъ благодарить членовъ университета».

Гроза миновала Казанскїй университетъ, но все же оставила тяжелый слѣдъ.

27 января 1870 года я имѣлъ счастье представляться государю императору въ С.-Петербургѣ въ Зимнемъ дворцѣ и докладывать, что студенты до послѣдняго времени держали себя хорошо, спокойно, несмотря на то, что въ другихъ университетахъ были беспорядки.

Хорошо бы, замѣтилъ государь, если бы это и всегда такъ было, но вообще видна солидарность между университетами, которые дѣйствуютъ подъ внѣшнимъ вліяніемъ.

Неопровержимая правда этихъ словъ государя императора подтверждается исторіею послѣднихъ двухъ десятилѣтій нашихъ университетовъ: студенческія волненія, отъ времени до времени въ нихъ повторяющіяся,—дѣло внѣшняго вліянія, чужой враждебной воли.

Пріемъ государя былъ, какъ и въ 1865 году, привѣтливый и милостивый; но, признаюсь откровенно, я вышелъ изъ государева кабинета не съ восторгомъ, какъ выходилъ я изъ кабинета Царскаго Села въ 1865 году, но съ тяжестью на сердцѣ. Тяжело и грустно было видѣть дышавшаго такъ недавно здоровьемъ и красотою государя со ввалившимися щеками, съ потухшимъ, исполненнымъ грусти взоромъ. Видно, послѣдніе годы съ тяжелыми событіями 4 апрѣля и 25 мая (парижское покушеніе) подѣйствовали на него разрушительно; видно, тяжкія думы и, можетъ быть, безсонныя ночи тревожатъ покой благодушнаго государя.

14 января 1873 года въ университетской церкви собрались, по моему распоряженію, преподаватели и студенты университета, учителя и ученики обѣихъ гимназій и прогимназій помолиться по случаю выздоровленія государя наследника цесаревича Александра Александровича, тяжкая болѣзнь котораго повергла въ уныніе всѣхъ. Послѣ обѣдни я пригласилъ собравшихся въ церкви въ актовъ залъ прослушать народный гимнъ. Одинъ изъ студентовъ обратился ко мнѣ съ прочувствованною рѣчью, въ которой просилъ передать государю императору вѣрноподданическія сыновнія чувства студентовъ о восстановленіи драгоценнаго здоровья наследника цесаревича. — Отраднo, что жесткая кора, облежавшая сердце нашей учащейся молодежи, начинаетъ пробиваться, и доброе чувство, которое свойственно юности, выступаетъ наружу. Много вреда принесли нашей учащейся молодежи лже-прогрессисты, старавшіеся окаменить молодыя сердца и отуманить умы юношей, чтобы вѣрнѣе овладѣть ими и держать ихъ въ своихъ рукахъ. Дай Богъ, чтобы этотъ туманъ разсѣялся окончательно и чтобы сердца молодыхъ людей растворялись подъ теплымъ дыханіемъ любви къ родинѣ и сердечной преданности къ нашимъ прирожденнымъ царямъ.

Не по душѣ было заводчикамъ смуты спокойное состояніе Казанскаго университета и проявленіе въ Казанской университетской моло-

дежи патріотическихъ чувствъ. И вотъ она подумала: «Дай-ка мы поднимемъ кровавый призракъ минувшихъ дней. Авось это подѣйствуетъ, и стрясется бѣда надъ немилымъ намъ учрежденіемъ, надъ ненавистными намъ лицами. Вызовемъ-ка тѣнь Коракозова». И появляется въ нѣкоторыхъ органахъ прессы слухъ, что будто между студентами Казанскаго университета ходитъ по рукамъ принадлежавшій Коракозову и носящій его ¹⁾ собственноручную подпись анатомическій атласъ, и что этотъ атласъ изъять изъ употребленія.

25 февраля, послѣ литургій и молебствія, бывшихъ по случаю празднованія дня восшествія на престолъ государя императора Александра II (вмѣсто 19 февраля, такъ какъ 19 февраля было въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ Великаго поста), я объявлялъ въ университетскомъ залѣ собравшимся во множествѣ студентамъ искреннюю благодарность отъ имени государя наследника цесаревича за выраженные ими 14 января вѣрнопреданническія чувства. И 25 февраля, какъ и 14 января студенты въ лицѣ одного заявили мнѣ, какъ возмутилъ ихъ распущенный нѣкоторыми газетами слухъ о томъ, что между ними, какъ святыня, сохраняется и ходитъ по рукамъ анатомическій атласъ Коракозова, что они считаютъ подобный слухъ для себя позоромъ, что они не хранили и не могли хранить атласа, принадлежавшаго безумцу, поднявшему руку на государя, что они просятъ привлечь къ отвѣтственности газету «Русскія Вѣдомости», распустившую этотъ «въ высшей степени возмутительный и крайне для нихъ прискорбный слухъ», и тѣмъ «смыть» то «грязное пятно», которое было на нихъ положено. Я отвѣчалъ, что вполне увѣренъ, что между студентами Казанскаго университета не найдется ни одного, у кого было бы что нибудь общее съ подобнымъ Коракозову извергомъ, и обѣщалъ довести до свѣдѣнія правительства о тѣхъ истинно-сыновнихъ и вѣрноподданническихъ чувствахъ, какія питають къ государю императору студенты Казанскаго университета.

На другой же день я написалъ министру народнаго просвѣщенія письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: «всякимъ печатнымъ слухамъ есть и должны быть предѣлы. Слухи, кладущіе пятно незаслуженнаго позора и преступленія на цѣлое учрежденіе, по моему крайнему

¹⁾ Въ газетныхъ статьяхъ именно говорилось объ анатомическомъ атласѣ. Безъ сомнѣнія, сочинители слуха были увѣрены, что Коракозовъ былъ студентомъ медицинскаго факультета, тогда какъ онъ былъ на юридическомъ. На это противорѣчіе тогда никто не обратилъ вниманія, до того всѣ были возмущены этимъ «извѣтомъ», по сущности своей и по гнусности дѣла, представляющимъ самую омерзительную инсинуацію», какъ выразился объ этомъ слухѣ тогдашній редакторъ «Казанскаго Биржеваго листка» профессоръ А. К. Чугуновъ. («Казанскій Биржев. Листокъ» 4 марта 1873 г. № 18).

убѣжденію, теряютъ цвѣтъ обыкновенныхъ слуховъ и принимаютъ значеніе диффамаци, преслѣдуемой закономъ. А что можетъ быть оскорбительнѣе и позорнѣе для университета, какъ обвиненіе студентовъ онаго въ томъ, будто они хранятъ, какъ святыню, или даже просто какъ историческій памятникъ, атласъ, принадлежавшій цареубійцѣ, лишь потому, что на этомъ атласѣ почеркъ той руки, которая дерзнула святотатственно посягнуть на безцѣнную для каждаго русскаго жизнь нашего обожаемаго государя. Что сохраненіе подобнаго предмета, даже какъ историческаго памятника, позорно для учащейся молодежи, это ясно: хранить подобный предметъ можетъ лишь тотъ, кто хоть сколько нибудь сочувствуетъ цареубійцѣ. Но я твердо убѣжденъ, что между студентами университета не найдется ни одного, который бы сочувствовалъ этому исчадію революціонныхъ идей, этому безумному орудію столь же безумной подпольной шайки. Тяжело, крайне тяжело, что наша пресса, долженствующая быть просвѣтительницею народа, готова бросить комкомъ самой дурной грязи въ цѣлое учрежденіе. Для такого рода дѣйствій прессы я не нахожу достаточно энергическаго слова порицанія.

«Какъ профессоровъ, такъ и студентовъ Казанскаго университета не могъ не взволновать такой печатный слухъ, когда онъ дошелъ до нихъ. Обвиненіе въ нѣкотораго рода сочувствіи къ цареубійцѣ, въ сохраненіи его атласа, не говорю уже какъ святни, но какъ историческаго памятника,—такое жгучее, страшное оскорбленіе, которое невозможно вынести хладнокровно. Понятно, что студѣнты, возмущенные до самыхъ тайниковъ души, не могли молчать». Описавъ за тѣмъ, какъ студѣнты неоднократно заявляли объ этомъ проректору и наконецъ 25 февраля публично въ актовомъ залѣ заявили мнѣ, я заключилъ свое письмо такъ: «по званію попечителя, я имѣю и юридическую, и нравственную обязанность пещись о добромъ имени университета, ввѣреннаго моему попеченію; и потому я печитаю долгомъ съ полною откровенностію донести вашему сіятельству, какъ о впечатлѣніи, произведенномъ распущенными объ атласѣ Коракозова слухами на профессоровъ и студентовъ Казанскаго университета, такъ и о томъ, что никакого атласа, принадлежавшаго Коракозову, не оказалось, и слѣдовательно никакого атласа не могло быть и изъято изъ употребленія. Я осмѣливаюсь почти тельнѣйше просить ваше сіятельство возстановить честь Казанскаго университета, поруганную этимъ слухомъ. И университетъ, и я почталь бы себя безпредѣльно счастливыми, если бы нашъ все милостивѣйшій государь императоръ узналъ истинныя чувства и господствующее въ настоящее время направленіе студѣнтовъ Казанскаго университета, которые, я могу смѣло сказать, никогда не имѣли и нынѣ не имѣютъ ничего общаго съ презрѣннымъ цареубійцей».

Мнѣ неизвѣстно было, что станется съ этимъ письмомъ, но я отъ души желалъ, для пользы университета, чтобы содержаніе письма сдѣлалось извѣстнымъ государю императору: его величеству вѣроятно уже донесено о распространенномъ насчетъ Коракозовскаго атласа слухъ, и, думаю, этотъ слухъ былъ неприятенъ государю и выставилъ въ его глазахъ Казанскій университетъ не въ радужномъ цвѣтѣ.

16 марта я получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія такую бумагу: «Представленіе вашего превосходительства отъ 26 минувшаго февраля за № 101, о появившемся въ нѣкоторыхъ газетахъ ложномъ слухѣ, что будто бы между студентами Казанскаго университета ходитъ по рукамъ атласъ Коракозова, съ собственноручною подписью его фамилии, я имѣлъ счастье повергнуть въ подлинникъ на всемилостивѣйшее возвращеніе его императорскаго величества. Государю императору на всеподданнѣйшемъ докладѣ моемъ по сему предмету благоугодно было въ 5 день сего марта собственноручно начертать: «Желаю вѣрить благороднымъ чувствамъ Казанской молодежи». О таковой высочайшей резолюціи имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство въ отвѣтъ на представленіе ваше за № 101».

18-го марта мною объявлена студентамъ какъ благодарность государя императора за чувства, выраженныя 14-го января, такъ и высочайшая резолюція на мое представленіе отъ 26-го февраля. Студенты въ почтительномъ молчаніи и съ напряженнымъ вниманіемъ выслушали какъ мое представленіе, такъ и предложеніе министра. Въ заключеніе былъ пропѣтъ русскій народный гимнъ, сопровождавшійся восторженнымъ «ура».

Все окончилось благополучно, всякая тревога спала съ сердца, все повидимому улеглось, успокоилось. На долго-ли?

III.

Лѣтомъ 1874 года проявились и у насъ слѣды политической пропаганды. У студента третьяго курса медицинскаго факультета, бывшаго воспитанника Вятской духовной семинаріи, стипендіата вятскаго земства О—ва сдѣланъ былъ обыскъ, найденъ складъ прокламацій возмутительнаго содержанія и захвачены счета и документы запрещенной студенческой кассы, кассиромъ которой состоялъ О—въ. Студентъ О—въ арестованъ и исключенъ изъ университета. Обыски не остановились на одномъ О—вѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ произведенъ обыскъ у ординарнаго профессора П—ва, затѣмъ обыскъ въ университетѣ музея и кабинета

патологической анатоміи, находящихся въ завѣдываніи профессора П—ва. Обыски эти возбудили много толковъ. Послѣ обыска у профессора П—ва въ народѣ говорили: профессора бунтуютъ, у П—ва нашли въ секретномъ мѣстѣ цѣлый сундукъ какихъ-то бумагъ, П—ва уже вывели. Говорили, что въ университетѣ найдено два сундука съ прокламаціями, стража приставлена; что и ректоръ-то замѣшанъ, и у него былъ обыскъ; не диво, что студенты забунтуютъ, когда ректоръ бунтовщикъ и т. п. Эти слухи и толки были бы комичны—и только, если бы имъ не давали вѣры. Но, къ сожалѣнію, даже въ дворянскомъ клубѣ, играющемъ у насъ роль московскаго англійскаго клуба, не только вѣрятъ всѣмъ бреднямъ, но и украшаютъ онѣя остроумными вариантами. Рассказываютъ, напримѣръ, что у профессора П—ва найдены карточки коммунистовъ на чердакѣ въ самомъ потайномъ мѣстѣ, что когда эти карточки были предъявлены П—ву и его женѣ, то первый сказалъ, что это не его карточки, а вторая «съ азартомъ» прибавила: «можетъ быть, вы сами (т. е. обыскивавшіе) подкинули». Въ дѣйствительности ни у профессора П—ва, ни въ музей и кабинетъ патологической анатоміи ничего не нашли, что бы могло возбудить противъ него подозрѣніе.

Обыскъ у профессора П—ва потому надѣлалъ столько шума, что произведенъ былъ въ 12 часовъ дня, на глазахъ у многочисленной толпы праздныхъ зрителей, которые такъ жадны до всякаго скандала. Къ профессору П—ву явились товарищъ прокурора, адъютантъ жандармскаго генерала, помощникъ полиціймейстера, частный приставъ, понятые. Домъ былъ окруженъ полицейскими, такъ что никого не впускали и не выпускали. Перерыто и перешарено все, осмотрѣны и обысканы всѣ уголки въ домѣ, на дворѣ, въ надворныхъ строеніяхъ, въ саду. Обыскъ продолжался 12 часовъ, а съ составленіемъ протокола 13½ часовъ. Понятно, что все это время было нравственною пыткой какъ для самого П—ва, такъ и для его семейства. Рассказываютъ, что его мать, простая, добрая старушка, напустилась на его жену:

— Ты мужа не бережешь совсѣмъ—говорила она.—Зачѣмъ ты ихъ пустила къ нему?

— Да какъ же мнѣ ихъ не пустить?

— Зачѣмъ ты мнѣ не сказала?

— Что же бы вы сдѣлали?

— Я бы всякому въ ноги поклонилась и просила бы со слезами, чтобы они оставили сына въ покоѣ.

Эти слова простой, необразованной, но любящей матери краснорѣчиво говорятъ, каково было семьѣ профессора П—ва.

Я, признаюсь, не понимаю, почему былъ избранъ такой чуть не публичный способъ обыска. Обыкновенно обыски дѣлаются такъ тихо,

что развѣ только живущіе въ томъ же домѣ узнають, что обыскъ былъ. А этотъ обыскъ произведенъ въ такое время и съ такой помпой, что обратилъ вниманіе всѣхъ, живущихъ не только на этой улицѣ, гдѣ былъ домъ профессора, но и на сосѣднихъ собралъ толпу народа.

21 августа я получилъ офиціальное донесеніе ректора университета объ обыскахъ, произведенныхъ 12 августа у профессора П—ва, а 13 августа въ музеѣ и кабинетѣ патологической анатоміи. При донесеніи ректора приложено письмо къ нему профессора П—ва, въ которомъ подробно описывается, какъ происходилъ обыскъ. «Я, писалъ между прочимъ профессоръ П—въ, съ трудомъ могъ сдерживать негодованіе нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ, послѣ разсказа о результатахъ моего обыска. Стоило большаго труда увѣрить многихъ въ искренности этого разсказа: до такой степени у всѣхъ укоренилось убѣжденіе, что подобная форма дознанія примѣняется только въ случаяхъ явнаго, несомнѣннаго подозрѣнія въ тяжкомъ государственномъ преступленіи. Такъ думаетъ наша публика.

«И дѣйствительно, профессоръ университета, и, замѣчу мимоходомъ, уже 15 лѣтъ безпорочно прослужившій отечеству, есть лицо, которому ввѣряется самое трудное дѣло, дѣло высшаго образованія, дѣло развитія молодежи въ самую цвѣтущую, а слѣдовательно и въ самую опасную пору жизни. Эти должности всѣми считаются самыми почетными, на нихъ всегда привыкли видѣть людей высокообразованныхъ, добросовѣстныхъ въ высшей степени и испытанныхъ своею безграничною преданностію дѣлу. Университетскій уставъ усвоилъ имъ самыя высокія чины, а милосердіе государя императора сыплетъ на нихъ самыя лестныя награды и отличія. Понятно, что глубокое довѣріе отовсюду несетя къ этимъ людямъ; всякій понимаетъ, что было бы почти невысказаннымъ невозможнымъ уродствомъ съ ихъ стороны злоупотреблять своимъ дѣломъ, и изъ служителей истины и свѣта сдѣлаться проповѣдниками мрака и лжи, увлекая за собою лучшія силы государства. И мы дѣйствительно видимъ цѣлыми столѣтіями совершенное отсутствіе обвиненій кого-либо изъ профессоровъ въ вышеозначенныхъ преступленіяхъ, если исключить грустныя ошибки слѣдователей, къ сожалѣнію, открываемыя иногда только позднѣйшею исторіею.

«Понятно послѣ этого, что всякое подозрѣніе такихъ людей со стороны начальства уже убѣждаетъ почти всѣхъ въ ихъ несомнѣнной преступности, и это убѣжденіе конечно должно еще болѣе усилиться, какъ скоро подозрѣніе падаетъ на лицо, уже довольно послужившее и извѣстное даже внѣ стѣнъ университета.

«Я уже не говорю, что я убить физически и нравственно, я сомнѣваюсь, чтобы мое здоровье, и безъ того, какъ всѣмъ извѣстно, крайне слабое, не было доведено этимъ до неизлѣчимаго состоянія; я не говорю

также о нравственномъ униженіи... всего этого уже поправить ничѣмъ нельзя. Но не нахожу въ себѣ силы и духа снова приняться за преподаваніе, за науку. Какимъ образомъ явлюсь я передъ студентами? Съ какими глазами я сяду на предсѣдательское мѣсто въ медицинскомъ обществѣ? Не вправѣ ли будутъ многіе подумать, что я самъ былъ причиною такого явно выраженного подозрѣнія? Мало того, не вправѣ ли будутъ заподозрить и самую университетскую коллегію, какъ способную вмѣшательство въ себѣ такихъ подозрительныхъ членовъ? А этимъ, конечно, роняется значеніе высокои университетской коллегіи и теряется должное къ ней уваженіе».

Ректоръ университета заключилъ свое донесеніе такъ: «Поэтому, побуждаемый долгомъ службы донести о вышеизложенномъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ считаю своею священною обязанностию просить ваше превосходительство о принятіи всѣхъ зависящихъ отъ васъ мѣръ къ поддержанію достоинства университета, ходатайствовать о возможно скорѣйшемъ обнаруженіи поводовъ, вызвавшихъ обыскъ и доселѣ тщательно скрываемыхъ отъ университета лицами, производившими дознаніе, и объ избавленіи такимъ образомъ университета отъ нравственной пытки, которую онъ теперь выдерживаетъ, будучи при этомъ поставленъ въ совершенную неизвѣстность относительно значенія совершившагося факта.

«Совѣтъ университета, имѣя въ виду, что допущенный способъ производства обыска оскорбляетъ университетъ, роняетъ его авторитетъ, унижаетъ достоинство профессора, имѣя при этомъ потрясающее нравственное значеніе, единогласно опредѣлили: просить ваше превосходительство довести объ этомъ до свѣдѣнія господина министра народнаго просвѣщенія и ходатайствовать передъ его сіятельствомъ какъ о возстановленіи чести университета и г. профессора П—ва, такъ и объ огражденіи университета и его членовъ на будущее время отъ возможности повторенія такого образа дѣйствій слѣдователей».

Впослѣдствіи мнѣ стало извѣстнымъ, что произведенъ былъ обыскъ у профессора П—ва не безъ основанія. Когда у студента О—ва найденъ былъ складъ прокламацій возмутительнаго содержанія, казанскій полиціймейстеръ предъявилъ прокурору и жандарскому генералу письмо профессора П—ва къ нему, полиціймейстеру, въ которомъ профессоръ, за мѣсяць до ареста студента О—ва, рекомендовалъ этого студента, какъ самаго благонадежнаго человѣка. Это рекомендательное письмо, по дѣлу совершенно частнаго характера, не имѣющему ничего политическаго, показывало явно нѣкотораго рода, какъ бы особенно-интимныя отношенія между профессоромъ П—мъ и студентомъ О—мъ. Когда О—въ былъ арестованъ, возбудилось подозрѣніе и противъ профессора П—ва. Всему виною излишняя гуманность и излишняя поблажка студентамъ, излишнее фамильярничанье съ ними профессоромъ, вошедшее

въ 1860. годахъ, съ того времени, когда студенты стали дѣйствовать скопомъ, сходками, и когда (къ чему скрывать истину?) профессора стали лобаяваться студентовъ и заискивать ихъ расположенія.

Подозрѣнія претивъ профессора П—ва не оправдались; даже такой тщательный во всѣ подробности выкавшивъ обыскъ ни съ чему не привелъ, и ничего предосудительнаго найдено не было.

Мое донесеніе объ обыскѣ, произведенномъ у профессора П—ва, было принято къ сердцу министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Д. А. Толстымъ,—и все, что можно было сдѣлать, было сдѣлано. Честь Казанскаго университета и профессора П—ва осталась незапятнанною. Но обыски и аресты въ губерніяхъ казанскаго учебнаго округа продолжались, и лѣто 1874 г. не представляло удобствъ для ученыхъ изысканій. Приватъ-доцентъ Казанскаго университета И. Н. Смирновъ ѣздилъ для производства магнитныхъ наблюденій; и его самого, и его инструменты неоднократно обыскивали, думая найти прокламаціи. Въ Московской губерніи одинъ полицейскій чиновникъ безцеремненно спросилъ его:

— Кто ты такой?

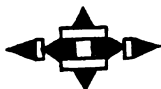
Тяжелое было время! А кто виною такого крайне натянутого положенія? Низкіе агитаторы, желающіе въ мутной водѣ рыбу ловить. Крамола старалась проникнуть даже въ среду воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ученикъ симбирской гимназіи А—въ получилъ по почтѣ письмо и при немъ прокламаціи. Все присланное онъ немедленно представилъ начальству. Въ письмѣ неизвѣстный корреспондентъ, восхваляя умъ и способности А—ва, приглашалъ его принять участіе въ низверженіи правительства. Крамола проникала даже въ семейства лицъ, которые, по долгу службы, должны преслѣдовать неблагонадежныхъ. Въ Оренбургѣ гимназистъ О—въ былъ втянутъ въ подпольную шайку женою тамошняго жандармскаго полковника Г—ва. Въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, лѣтомъ 1874 года нерѣдко на поляхъ и лугахъ появлялись одѣтые въ крестьянское платье незнакомые люди, говорившіе простонароднымъ языкомъ несвойственными крестьянину рѣчи. Эти люди то смѣшивались съ косцами и рабочими и за работой вели съ крестьянами бесѣду, то зажигали по близости работающихъ поселянъ костеръ, усаживались вокругъ него, пѣли революціонныя пѣсни, рассказывали возбуждающія исторіи, раздавали даромъ книги противуправительственнаго содержанія. Крестьяне обыкновенно тотчасъ смекали, что это не ихъ братья крестьянинъ, что это подозрительные люди, и частью сами хватали ихъ, частью передавали полученное и слышанное отъ нихъ священнику и спрашивали у него совѣта, какъ имъ поступить. Эти расхаживающіе по селамъ и весямъ нашего обширнаго края проповѣдники мнимой свободы и неосуществимаго равенства, провозглашая безначаліе, полное равенство лицъ и

имущества, не забываютъ себя. Они внушали, между прочимъ, народу, что ему придется устраивать свой бытъ на новыхъ началахъ и, конечно, сперва будетъ трудно, но найдутся-де люди, которые могутъ ему помочь въ дѣлѣ переустройства быта и показать ему путь; эти люди, хотя и молодые, но опытные, умные, любящіе народъ, желающіе ему блага и т. п.—словомъ, еще ничего не видя, русскіе Раули Риго рекомендовали себя въ пѣстуны и руководители обманываемаго имъ народа. А если, отъ чего Боже сохрани, хоть на нѣсколько дней, хоть на одномъ маленькомъ клочкѣ Русской земли, они забрали бы власть въ свои руки, то изъ пѣстунѣвъ и благодѣтелей они, навѣрно, превратились бы въ тиранѣвъ, деспѣтѣвъ и палачей и, вмѣсто обѣщанныхъ свободы и равенства, сковали бы народу самыя тяжкія оковы и властвовали бы надъ порабощенными. Я твердо вѣрю, что милосердный Богъ не допуститъ нашей свято-Русской земли до такихъ ужасѣвъ, что Онъ сохранитъ намъ нашихъ прирожденныхъ Божіею милостію государей, которые ведутъ Россію шагъ за шагомъ къ дѣйствительной разумной свободѣ, путемъ распространенія солиднаго просвѣщенія и путемъ другихъ благотворныхъ реформъ.

Замѣчательно, что крамола свила свое гнѣздо въ самое мирное, благодушное царствованіе, изготовляла взрывчатые снаряды во время самыхъ великихъ, благодѣтельныхъ реформъ, покрывшихъ славою имя Александра II не только въ Россіи, но и въ иностранныхъ земляхъ. Въ то самое время, когда въ славящейся своимъ политическимъ устройствомъ Англіи съ восторженными оваціями принимаютъ нашего государя, не какъ отца великой княжны, вышедшей замужъ за англійскаго принца, но какъ Царя-Освободителя и просвѣтителя своего народа, въ то самое время въ нѣдрахъ Россіи мятежные крамольники мечтаютъ поднять народъ противъ такого государя революціонными пѣснями, прокламаціями и тенденціозными сказками. Что это, какъ не безуміе?

П. Д. Шестаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ характеристикѣ графа Я. И. Ростовцева.

Въ 1857 году, во время представленія ординарцевъ на одномъ изъ разводовъ, кадетамъ было скомандовано составить ружья. Исполнивъ эту команду, кадеты заговорили, поднявъ замѣтный шумъ, что не ускользнуло отъ вниманія императора Александра II, сдѣлавшаго по этому поводу замѣчаніе генераль-адъютанту Ростовцеву. Послѣдній, крайне раздосадованный оплошностью кадетъ, объявилъ тутъ же строгій выговоръ случившемуся ближе другихъ директору Павловскаго кадетскаго корпуса генераль-лейтенанту Мейнандеру, хотя на мѣстѣ находились другіе начальники, старше его и болѣе отвѣтственные за происшедшій безпорядокъ. Но затѣмъ, успокоившись и сознавъ допущенную сгоряча несправедливость, генераль-адъютантъ Ростовцевъ не замедлилъ открыто заявить объ этомъ, въ приказѣ, которымъ снялъ незаслуженное порицаніе съ генерала Мейнандера, принявъ на себя всю отвѣтственность за случившееся.

«Вчера, писалъ онъ ¹⁾, у развода объявилъ я г. директору Павловскаго кадетскаго корпуса, генераль-лейтенанту Мейнандеру, строгій выговоръ.—Послѣдствія показали, что выговоръ этотъ совершенно незаслуженный.—Виноватъ не генераль-лейтенантъ Мейнандеръ, а я.

«Отъ всего сердца прошу прощенія у сего достойнаго и всегда глубоко уважаемаго моего сотрудника».

Сообщилъ генер.-лейтен. В. Онопрѣнко.

¹⁾ Въ приказѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ отъ 28 января 1857 г. за № 2339.

НА СЛУЖБѢ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

I.

Въ первомъ очеркѣ моихъ воспоминаній («На рубежѣ двухъ эпохъ»¹⁾) были довольно подробно разъяснены тѣ обстоятельства и условія школьной моей поры, благодаря которымъ мнѣ пришлось практически ознакомиться съ положеніемъ крестьянъ вскорѣ послѣ освобожденія, ихъ потребностями и нуждами, а также—и составить себѣ довольно опредѣленное понятіе о подготовлявшемся польскомъ возстаніи. Это именно и побудило меня оставить школьную скамью иѣсколько даже ранѣе окончанія курса и поступить на службу по вызову генераль-губернатора сѣверо-западнаго края, графа М. Н. Муравьева. Съ согласія и по предписанію генераль-губернатора, я былъ обезпеченъ официальнымъ обѣщаніемъ, что мнѣ будетъ предоставлено—какъ я и просилъ—такое мѣсто, гдѣ должность народнаго учителя соединена съ должностью волостяго писаря, съ признаніемъ притомъ права моего на церковную проповѣдь. По началу крестьянскаго управленія, такое соединеніе названныхъ должностей не только не представляло затрудненій, но было даже весьма полезно, упрощая и облегчая процедуру открытія народныхъ школъ. Но, пока я успѣлъ проѣхать отъ Витебска до Вильны, участь моя кореннымъ образомъ измѣнилась: меня ждало въ Вильнѣ назначеніе старшимъ учителемъ Дисненскаго приходскаго училища. Такимъ образомъ, вмѣсто того скромнаго, совершенно оригинальнаго положенія въ сельской глуши, о которомъ я мечталъ,—оказалась казенная служба

¹⁾ См. №№ 3 и 4 «Русской Старины», 1896 г.

по министерству народнаго просвѣщенія, о чемъ я вовсе даже и не помышлялъ.

Дисненское двухклассное приходское училище было основано на средства, пожертвованныя мѣстнымъ магнатомъ Домейко, а потому и называлось всѣми на мѣстѣ не иначе, какъ «дворянскимъ училищемъ». Дѣйствительно, черезъ него, въ теченіе длиннаго ряда поколѣній прошло не мало мѣстныхъ дворянскихъ дѣтей, изъ которыхъ часть переходила потомъ въ другія учебныя заведенія, значительное же большинство, ставши впоследствии землевладѣльцами и мѣстными чиновниками, довольствовались лишь тою школьною подготовкою, какую давала имъ названная школа. Какъ бы ни было, эта школа имѣла свою исторію, а главное—большой кругъ людей отъ отроческаго возраста до полной возмужалости, самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, званій и состояній, которые съ гордостью говорили: «наша дворянская школа», и кровно обижались названіемъ школы «приходскою». Такое названіе, дѣйствительно, не подходило къ ней. Какъ назвать школу «приходскою», если она работала на весь уѣздъ, имѣя не менѣе половины дѣтей католическаго исповѣданія, преимущественно изъ дворянской среды, хотя были, конечно, учащіеся и изъ разныхъ другихъ сословій.

Число учащихся въ обонхъ классахъ доходило до 100 человекъ. Кромѣ старшаго учителя, былъ еще младшій и два законоучителя: священникъ и ксендзъ, такъ что фактически существовалъ даже небольшой педагогическій совѣтъ. За отсутствіемъ въ городѣ особаго школьнаго начальства, старшему-же учителю подвѣдомственны были: казенное двухклассное еврейское училище, начальная одноклассная школа и всѣ частныя школы, мужскія и женскія. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло еще около года, когда, наконецъ, вмѣсто прежнихъ «дирекцій училищъ» (т. е. завѣдыванія всѣмъ школьнымъ дѣломъ мѣстными директорами гимназій), были учреждены особыя «дирекціи народныхъ училищъ», со спеціальными инспекторами.

Такимъ образомъ старшій учитель двухкласснаго училища находился въ положеніи начальника школьнаго дѣла въ мѣстномъ уѣздномъ городѣ и имѣлъ замѣтное общественное положеніе. Это обстоятельство, въ прежнее время, давало возможность стариннымъ «служакамъ» извлекать значительныя матеріальныя выгоды изъ этого скромнаго общественнаго положенія. Получая, напримѣръ, лишь около 200 руб. жалованья въ годъ, нѣкоторые изъ нихъ умудрялись наживать дома и даже помѣстья. Это объясняется, во-первыхъ, «добровольными приношеніями» родителей учащихся,—что считалось всѣми обязательнымъ, несмотря на бесплатность обученія; во-вторыхъ, необычайною щедростію родителей на всевозможныя подачки за дѣтей, отдаваемыхъ на житье учителю. Но едва-ли не самую доходную статью была вы-

дача свидѣтельствъ разнымъ молодымъ людямъ о знаніи ими курса училища. Эти молодые люди, получившіе такъ называемое «домашнее образованіе» (т. е.—никакого школьнаго), обыкновенно, по приближеніи къ 20-ти-лѣтнему возрасту, обращались въ училище,—и оно выдавало имъ свидѣтельства, какъ выдержавшимъ, будто бы, окончательный экзаменъ въ немъ, которому однако, въ дѣйствительности, они даже и вовсе не подвергались. За это взималась различная плата, въ зависимости отъ матеріальнаго положенія желающаго получить свидѣтельство, но во всякомъ случаѣ ни какъ не менѣе 25-ти рублей.

Я вступилъ въ училище въ маѣ 1864 года, т. е. въ исходѣ учебнаго года. Ко мнѣ адресовалось десятка полтора лицъ, желавшихъ получить свидѣтельства, но между ними не было буквально ни одного, который желалъ бы подвергнуться дѣйствительному экзамену. «Помилуйте, да какой-же экзаменъ? съ какой стати экзаменъ, если я могу уплатить, сколько требуется?»—отвѣчали обыкновенно добывавшіеся свидѣтельствъ. Это были писаря разныхъ уѣздныхъ управленій, писмоводители частныхъ конторъ, лицъ и «экономій» (хозяйственныхъ управленій); особенно-же много было между ними ищущихъ мѣстъ волостныхъ писарей.

Первое, что особенно рѣзко бросилось мнѣ въ глаза, когда я переступилъ порогъ своего училища, это—необыкновенное обиліе повсемѣстно расклеенныхъ печатныхъ объявленій чуть не аршинными буквами, гласившихъ: «Говорить по-польски строго воспрещается». Справедливость, однако, требуетъ сказать, что въ Диснѣ и Дисненскомъ уѣздѣ «отбой» относительно польской рѣчи былъ сдѣланъ значительно даже ранѣе появленія указанныхъ объявленій. Произошло это, можно сказать, само собою. Такъ какъ весь сѣверо-западный край былъ на военномъ положеніи, то въ Диснѣ и его окрестностяхъ былъ расквартированъ одинъ изъ армейскихъ полковъ, причѣмъ полковой его командиръ, полковникъ Даниловъ, былъ воинскимъ начальникомъ, т. е. главою и правителемъ уѣзда. Это былъ человекъ строгихъ правилъ, твердой воли, но высокогуманный и справедливый. Зорко и энергически руководимое имъ военное управленіе въ уѣздѣ, явно направленное къ огражденію порядка и безопасности каждаго и всѣхъ безъ исключенія, быстро сняли ему общую любовь и уваженіе всего населенія въ уѣздѣ, безъ различія національностей.

Хорошо направленная военная среда, скромная, серьезная, не кутившая, не бушевавшая сыграла весьма почтенную роль въ жизни мѣстнаго населенія. Военные люди быстро стали любимыми членами мѣстнаго общества, или иначе—послужили началомъ и основою для образованія здѣсь впервые характерно-русскаго обще-

ства. Буквально самъ собою, безъ всякой пропаганды, произошелъ замѣчательный поворотъ. Польская рѣчь быстро ступшавалась, а затѣмъ — и окончательно затихла. Люди, упорно уклонявшіеся прежде отъ употребленія русскаго языка, добровольно старались теперь сдѣлать его своимъ языкомъ, чтобы не отстать отъ общаго потока мѣстной жизни, имѣвшаго опредѣленно-русское направленіе, совершенно чуждое, конечно, какого-бы то ни было насилія, нетерпимости, замкнутости, изолированности и проч. Напротивъ, здѣсь происходило даже и полное сліяніе. Офицерство охотно женилось на хорошенькихъ мѣстныхъ полякахъ и литвинкахъ, обладавшихъ недурнымъ состояніемъ. Это не только сближало между собою національности, долго сторонившіяся прежде другъ друга, но способствовало даже и установленію кровно-родственныхъ и искренно-дружественныхъ отношеній, основанныхъ на взаимномъ уваженіи.

Вообще-же, въ районѣ уѣзда царило замѣчательно мирное настроеніе. Рѣшительно никому не приходило даже и въ голову «тащить и не пущать», «улавливать» и «искоренять польскую крамолу», которой нигдѣ и не проявлялось. Вѣсти о возстаніи и сопровождавшихъ его передвиженіяхъ въ другихъ мѣстахъ, словно эхо прокатывались по уѣзду и, такъ-сказать, расплывались въ мѣстномъ общественномъ мнѣніи, безъ всякаго слѣда. Напротивъ, какъ бы именно подъ вліяніемъ этихъ «вѣстей», въ мѣстномъ обществѣ явственно росло стремленіе ко всему русскому. Вотъ факты.

Въ томъ самомъ училищѣ, гдѣ господствующимъ языкомъ всегда былъ только польскій, гдѣ почти даже всѣ книги, журналы и списки учащихся велись по-польски, въ первый-же годъ моего пребыванія въ училищѣ проявился такой значительный наплывъ желающихъ учиться «непремѣнно по-русски», что я не могъ принять въ оба класса даже и половины ихъ, — о чемъ немедленно-же сообщилъ по начальству. Мнѣ вскорѣ-же официально отвѣтили, что, въ виду наплыва учащихся, училище зачислено въ ближайшую очередь для преобразованія въ уѣздное, и поручили послѣдовательно готовить его къ этому. Вѣсть эта съ восторгомъ была встрѣчена какъ въ городѣ, такъ и въ уѣздѣ всѣмъ русскимъ и польскимъ населеніемъ, осаждавшимъ меня цѣлыми толпами.

Но училище предназначалось только для мальчиковъ; между тѣмъ и женская половина дѣтей такъ-же проявляла стремленіе учиться, такъ что на меня положительно со всѣхъ сторонъ сыпались предложенія частныхъ уроковъ дѣвочкамъ. Въ виду этого, въ сентябрѣ 1864 года, менѣ чѣмъ черезъ полгода послѣ пріѣзда въ Дисну, я вынужденъ былъ открыть при училищѣ такъ называемую «женскую смѣну», т. е. правильное, ежедневное, систематическое школьное занятіе съ

дѣвочками, послѣ ухода мальчиковъ, совершенно бесплатно. Сдѣлано это было по соглашенію съ младшимъ учителемъ и законоучителями; но такъ какъ это былъ только опытъ, проба, то о немъ и не доводилось пока до свѣдѣнія учебной администраціи, въ ожиданіи, чѣмъ именно и какъ заявить себя это новое дѣло. Результатъ оказался вполне благопріятнымъ. Мѣстное общество такъ сочувственно отнеслось къ этому скромному начинанію, что у возникающей школы на первыхъ-же порахъ оказалось достаточно матеріальныхъ средствъ, чтобы пригласить особую классную даму и завести обученіе дѣвочекъ руководѣльнымъ работамъ. Отъ ученицъ положительно отбою не было, причеиъ значительно преобладали именно католички, которымъ негдѣ было учиться русскому языку.

Словомъ, эта маленькая школа, не имѣвшая еще ни устава, ни опредѣленнаго бюджета, ни достаточно разработанной программы преподаванія, вызвала къ себѣ такое вниманіе и сочувствіе со стороны мѣстнаго общества и администраціи, что не успѣлъ я еще представить по начальству достаточно полныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности этого юнаго учрежденія, какъ въ мартѣ 1865 года была уже официально объявлена мнѣ благодарность за него отъ имени главнаго начальника сѣверо-западнаго края графа М. Н. Муравьева, и попечителя виленскаго учебнаго округа, И. П. Корнилова.

Почти одновременно съ открытіемъ «женской смѣны», именно въ виду рѣзко бившаго въ глаза запроса на все русское, я, опять-таки въ видѣ опыта, открылъ, за свой личный страхъ и рискъ, при училищѣ продажу книгъ. Учебная администрація округа не замедлила одобрить и энергически поддержать этотъ починъ, такъ что при училищѣ образовался складъ для продажи книгъ, картинъ изъ св. писанія, образовъ, крестиковъ и проч., словомъ—тѣхъ именно предметовъ, которые такъ необходимы простому люду, съ такими затрудненіями проникаютъ въ его среду и притомъ по возмутительно высокой цѣнѣ.

И не однимъ только этимъ скромная двухклассная школа небольшого уѣзднаго городка оказывала сильное вліяніе на гуманное насажденіе русскаго начала, русской гражданственности: школа эта не лишена была также вліянія на поддержаніе и развитіе общественной въ мѣстной средѣ. Такъ, напримѣръ, именно при школѣ образовался кружокъ любителей пѣнія, въ составъ котораго входили люди военные, судебного вѣдомства и проч. Изъ этого кружка, подъ руководствомъ мѣстнаго уѣзднаго судьи, Браиловскаго, какъ знатока пѣнія, и при участіи учащихся и учащихъ въ школѣ, образовался хоръ. Любители, несмотря на обиліе прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей, отдавали, однако, этому дѣлу не мало времени, незамѣтно сближаясь между собою, и еще больше не жалѣли труда для регулярнаго участія въ бо-

гослуженіи, ставъ такимъ образомъ доступными мѣстному обществу и способствуя до нѣкоторой степени объединенію его. Именно, напимѣръ, подъ вліяніемъ хора, довольно значительный слой православнаго населенія, издавна усвоившій обыкновеніе ходить въ богатый мѣстный костель, ради превосходнаго его органа, рѣшительно отхлынулъ отъ костела и переполнялъ собою православный храмъ.

II.

Этотъ бѣглый перечень фактовъ самъ собою доказываетъ, какъ просто и легко дѣлалось дѣло. Достаточно, если у кого-либо являлась дѣльная, практическая мысль, несомнѣнно представлявшая жизненный интересъ, — осуществленіе-же ея можно было считать обезпеченнымъ: для всякаго новаго почина, сами собою какъ-то являлись и безкорыстные пособники, и средства. Это свидѣтельствуетъ о высокой степени возбужденія общественнаго вниманія къ мѣстной дѣятельности и о сознательномъ направленіи общества, въ смыслѣ естественнаго насажденія русской гражданственности и національности въ указанной мѣстности.

Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этой порѣ, какъ знаменательнѣйшемъ просвѣтѣ въ русской жизни, когда такъ ясенъ и мощенъ былъ призывъ къ національной нашей самодѣятельности, — когда такъ много было общественнаго дѣла и такъ спорилась работа...

Возвращаясь къ своему маленькому дисненскому дѣлу, долженъ сказать, что участники его были буквально завалены прямыми своими обязанностями, до такой степени заполнявшими все ихъ время, что положительно не оставалось мѣста картамъ, попойкамъ, пирушкамъ и проч. Мы хотя и радушно встрѣчались другъ съ другомъ, но, въ общемъ, видѣлись рѣдко, почти исключительно по дѣлу. Это однако не мѣшало дѣятельному обмѣну нашихъ мнѣній, пониманію нами другъ друга, взаимной поддержкѣ и помощи въ новыхъ начинаніяхъ. Маленькія-же начинанія эти, не лишеныя однако серьезнаго общественнаго значенія, слѣдовали другъ за другомъ непрерывною чередою именно потому, что причастныя къ этимъ начинаніямъ лица находились между собою въ оживленныхъ сношеніяхъ.

Какъ только, напимѣръ, успѣла оформиться немного дѣятельность «женской смѣны» и «книжнаго склада», — возникла мысль о необходимости воскресной школы, долженствовавшей работать въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, обучать грамотѣ взрослое населеніе; во-вторыхъ,

распространять въ рабочей средѣ полезныя знанія, посредствомъ популярныхъ чтеній и устныхъ бесѣдъ. Съ другой-же стороны, явный успѣхъ сбыта русскихъ книгъ, а въ связи съ этимъ и очевидно проявлявшійся въ мѣстномъ обществѣ запросъ на чтеніе—сами собою указывали на необходимость общественной библіотеки. Наконецъ, видимо развивавшееся и упрочивавшееся сближеніе русскаго населенія съ польскимъ прямо-таки требовало устройства общественнаго собранія, для совмѣстнаго времяпрепровожденія въ бесѣдахъ, чтеніяхъ и развлеченіяхъ. Нѣсколько увеселительныхъ вечеровъ, устроенныхъ, въ видѣ опыта, офицерами въ помѣщеніи училища, были приняты съ восторгомъ всѣми слоями общества, и имѣли прямо-таки поразительный успѣхъ. Это окончательно укрѣпило мѣстное общество въ сознаніи необходимости общественнаго собранія.

Обо всѣхъ только-что перечисленныхъ мѣропріятіяхъ было освѣдомлено мѣстное начальство, серьезно сочувствовавшее имъ и торопившее практическое ихъ осуществленіе. И дѣло постепенно подвигалось впередъ. Въ отношеніи воскресной школы, на примѣръ, было открыто обученіе грамотѣ взрослыхъ и шли подготовленія къ устройству чтеній и бесѣдъ. Въ полковой библіотекѣ, очень обширной, довольно древняго происхожденія, шла энергическая переборка и сортировка книгъ, чтобы приспособить эту богатѣйшую сокровищницу къ удовлетворенію мѣстной общественной потребности въ чтеніи, съ предоставленіемъ притомъ за это и нѣкоторой матеріальной выгоды библіотекѣ, при безусловной, конечно, гарантіи въ отношеніи цѣлости и сохранности казенныхъ полковыхъ книгъ. Наконецъ, былъ выработанъ и проектъ устава общественнаго собранія, для котораго подыскивалось уже помѣщеніе, такъ какъ предполагалось, что, во избѣжаніе ошибокъ въ уставѣ, лучше сначала на практикѣ испробовать примѣніе выработаннаго проекта. Мѣстныя-же условія—какъ мы знаемъ уже—вполнѣ благопріятствовали такого рода предварительнымъ опытамъ въ разныхъ другихъ начинаніяхъ.

И вотъ, въ самый разгаръ такой энергической и симпатичной общественной дѣятельности, надъ городомъ страслась жесточайшая бѣда: въ концѣ апрѣля 1865 года онъ выгорѣлъ почти до-тла. Нужно замѣтить, что городъ Дисна въ ту пору имѣлъ большія особенности. Его положеніе на полуостровѣ, при впаденіи рѣки Дисны въ Западную Двину, можно назвать прямо-таки идеальнымъ въ торгово-промышленномъ отношеніи, особенно-же въ виду близости и рельсоваго пути. Въ дѣйствительности-же, трудно даже представить себѣ что-нибудь ничтожнѣе и неподвижнѣе Дисны въ указанномъ отношеніи въ ту пору, о которой я говорю, т. е. 30-ть лѣтъ тому назадъ. Правильному развитію торгово-промышленной дѣятельности препятствовала необычайная скученность

*

въ городѣ еврейскаго населенія, захватившаго всю торговлю въ свои руки и творившаго въ ней всевозможныя несправедливости, насиліе и безобразіе возмутительнѣйшаго свойства. вмѣсто нормальнаго развитія торговли, евреи занимались только перекупомъ и перепродажею продуктовъ. Этотъ уродливый видъ торговли совершенно извратилъ даже самое значеніе городскихъ рынковъ. Евреи обманомъ, чуть не насильно, перехватывали по деревнямъ продукты, предназначенныя для городскихъ рынковъ, куда попадали уже только оборыши, да и то лишь за тѣмъ, чтобы быть купленными евреями-же буквально за безцѣнокъ. Чтобы избавиться отъ еврейскаго посредничества, хозяйственнымъ горожанамъ, въ отношеніи всѣхъ продуктовъ потребленія, до дровъ и корма для скота включительно, приходилось входить въ непосредственныя сношенія съ сельскими производителями, преимущественно помѣщикамъ, какъ болѣе независимыми отъ евреевъ.

Впрочемъ, во время военнаго положенія, евреи нѣсколько присмирѣли: они хоть и продолжали грабить сельскій людъ, но все-же съ нѣкоторою опаскою, безъ той уже разбойничьей наглости, которую они позволяли себѣ прежде въ отношеніи крестьянъ. Суровость военнаго положенія въ отношеніи провинившихся по части общественнаго порядка и безопасности видимо смущала евреевъ. Съ теченіемъ времени, стало невольно бросаться въ глаза, что они проявляютъ особенную какую-то нервность... Невольно также обращала на себя вниманіе и та систематичность, съ которою евреи вдругъ начали страховать свои дома и другое имущество, доступное страхованію. Это продолжалось оболупугода и тѣмъ рѣзче бросалось въ глаза, что остальное населеніе Дисны почти вовсе не прибѣгало къ страхованію. Наблюдая за евреями, дисненскіе «стародумы» глубокомысленно говаривали, покачивая головами: «Не къ добру это!.. Они непременно затѣвають что-то недоброе!» И тутъ-же передавались слухи и толки о вывозѣ евреями своихъ товаровъ, причемъ вывозившихъ называли полными именами, съ перечисленіемъ даже и сортовъ, будто бы, вывезенныхъ товаровъ.

Но это были толки улицы и мелкихъ торговыхъ людей, а потому никто не обратилъ на нихъ должнаго вниманія, хотя обстоятельства, однако, вскорѣ же заставили горько пожалѣть объ этомъ.

Въ 1865 году Пасха была поздняя, въ исходѣ апрѣля. При наступленіи праздниковъ, городъ какъ-то разомъ опустѣлъ, потому что значительно преобладавшее еврейское населеніе куда-то исчезло. Обыкновенно евреи по праздникамъ, когда христіане вовсе не открывали своихъ торговыхъ помѣщеній, бойко торговали и вообще проявляли особенное оживленіе. На этотъ-же разъ, по случаю праздника Пасхи, еврейскія торговыя помѣщенія тоже были закрыты. На улицахъ не видно было только взрослыхъ евреевъ, но даже и ихъ дѣтей, которыми обыкно-

венно кишмя-кишѣли городскія улицы, особенно-же по праздникамъ. По этому поводу диснипы, поздравляя другъ друга съ праздникомъ, между прочимъ прибавляли и привѣтствіе съ «освобожденіемъ города отъ евреевъ». Нѣкоторые-же серьезно предлагали пари, что, если осмотрѣть торговыя помѣщенія евреевъ,—они совсѣмъ пусты.

Въ ночь съ перваго на второй день Пасхи, какъ только въ городѣ все затихло послѣ столь шумнаго и суетливаго дня, надъ городомъ разомъ выбросило громадный столбъ пламени. Загорѣлось въ центрѣ города, въ торговыхъ рядахъ, занятыхъ исключительно евреями. Загорѣлось внутри торговыхъ помѣщеній, остававшихся въ этотъ день закрытыми. Не успѣло населеніе опомниться отъ начавшагося пожара, какъ пламя вспыхнуло еще въ двухъ мѣстахъ, черезъ нѣсколько улицъ, куда, однако, въ виду совершенно тихой погоды, не могъ быть переброшенъ огонь, такъ какъ даже и въ мѣстностяхъ, болѣе близкихъ къ пожарищу, огонь не перебрасывался. Необходимо еще замѣтить, что какъ въ первомъ, такъ и въ послѣдующихъ случаяхъ, огонь вспыхивалъ сразу, такъ что, очевидно, дѣло начиналось съ горючаго матеріала. Вообще же, начало и дальнѣйшее развитіе пожара производили впечатлѣніе самаго наглаго поджога.

Городское населеніе, пораженное чуть не одновременнымъ появленіемъ пожара въ трехъ различныхъ мѣстахъ, пришло, наконецъ, въ неописанный ужасъ, когда сильно разгорѣвшееся пламя начало быстро перебѣгать съ дома на домъ, такъ что разомъ запылали цѣлые кварталы. То немногое, что удалось было спасти, дѣлалось достояніемъ пламени на городскихъ улицахъ и площадяхъ, на набережныхъ рѣкъ. Къ утру выгорѣлъ весь городъ, кромѣ зарѣчныхъ его частей, а также и той части, гдѣ были: двѣ православныя церкви, двухклассная школа, костель и нѣсколько жилыхъ помѣщеній, и гдѣ почти вовсе не было евреевъ. Остальная-же часть городского населенія осталась подъ открытымъ небомъ, безъ всякаго убѣжища, безъ пищи и одежды. Во время пожара, не мало людей лишились разсудка отъ испуга и безвозвратныхъ потерь...

Даже теперъ становится жутко, когда вспомнишь это бушующее море огня, безпрепятственно выбирающее себѣ новыя и новыя жертвы для уничтоженія, и эти тысячи людей всевозможныхъ возрастовъ, половъ, званій и состояній, беспомощно простирающихъ руки къ небу и не находящихъ даже словъ для выраженія своего ужаса и отчаянія. Молитвы, слезы, стоны и крики отчаянія, а также хохотъ и дикія выкрикиванія людей, обезумѣвшихъ на пожарищѣ — все это слилось въ одно и, въ свою очередь, покрывалось, заглушалось трескомъ и гуломъ пожара, разливашагося болѣе чѣмъ на версту въ длину и не менѣе версты въ ширину.

III.

Невозможно передать, какое ужасное впечатлѣніе произвела на меня почти мгновенная гибель города, въ которомъ я съ такимъ удовольствіемъ работалъ... По временамъ, въ теченіе пожара, мною овладѣвало такое отчаяніе за другихъ, что случалось даже ловить себя на желаніи броситься въ огонь, мгновенно погибнуть въ этомъ общемъ, подавляюще-большомъ людскомъ горѣ, поборствъ которое не было возможности...

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что во время пожара я былъ уже, такъ сказать, «отрѣзаннымъ ломтемъ» отъ Дисны, совершенно неожиданно притомъ для самого себя. Рано утромъ, въ день Свѣтлага праздника, я получилъ «эстафету» изъ Вильны, съ извѣщеніемъ о назначеніи меня письмоводителемъ и бухгалтеромъ виленской дирекціи народныхъ училищъ, причемъ мнѣ категорически предписывалось: «немедленно отправиться къ мѣсту новаго назначенія, сдать училище младшему учителю» (т. е. своему помощнику). Это было значительное во всѣхъ отношенія повышеніе. Виленская дирекція народныхъ училищъ была первою дирекціею этого рода въ имперіи, и, по началу, дѣятельность ея распространялась на весь мѣстный учебный округъ, т. е. на слѣдующія шесть губерній: Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую. При готовой квартирѣ, жалованья полагалось 600 руб. въ годъ, т. е. втрое болѣе противъ того, что я получалъ въ Диснѣ. Въ числѣ мотивовъ столь экстреннаго перевода, безъ всякаго даже вѣдома съ моей стороны, указывалось между прочимъ на желаніе начальства учебнаго округа дать возможно большее распространеніе книжнымъ складамъ и женскимъ смѣнамъ во всѣхъ шести губерніяхъ, составляющихъ виленскій учебный округъ.

Словомъ, несомнѣнно было серьезное вниманіе начальства къ моимъ скромнымъ начинаніямъ; тѣмъ не менѣе этотъ быстрый, неожиданный переводъ, въ формѣ «предписанія», къ «немедленному» притомъ исполненію, т. е. безъ всякой надежды на отміну его, крайне изумилъ и взволновалъ меня. Я не имѣлъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться, что меня никто не хотѣлъ обидѣть; тѣмъ не менѣе мнѣ до боли было жаль моего скромнаго учительства, въ отношеніи котораго у меня были свои кое-какіе планы и цѣли, чтобы, напримѣръ, по преобразованіи двух-класснаго училища въ уѣздное, обратить женскую смѣну въ самостоятельное учебное заведеніе, распространить дѣятельность книжнаго склада на весь уѣздъ и проч. Я тѣмъ смѣлѣе былъ въ своихъ расчетахъ на будущее, что мнѣ дано было право рассчитывать на занятіе мѣста смотрителя, когда послѣдуетъ преобразование училища въ уѣздное.

Въ виду-же перевода, меня страшила новизна дѣла и довольно значительная сложность его. Тѣмъ не менѣе, именно на слѣдующій-же день послѣ пожара, я вынужденъ былъ покинуть Дисну и отправиться въ Вильну, совершенно разбитый физически и нравственно.

Въ ту пору виленскій учебный округъ можно было назвать безусловно передовымъ въ просвѣтительномъ отношеніи вообще и народно-образовательномъ въ особенности. И не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что именно этимъ и были положены самыя лучшія основы обрусѣнія этого края, въ смыслѣ естественнаго ввѣдренія въ населеніи русскихъ понятій и воззрѣній, вкусовъ и потребностей, на условіяхъ добровольнаго, сознательнаго усвоенія ихъ населеніемъ. Учебный округъ выдвигалъ одну за другою новыя и новыя мѣры, съ цѣлію распространенія и углубленія просвѣтительнаго дѣла въ краѣ; высшая-же администрація края, съ своей стороны, относилась къ этому почину съ вниманіемъ и сочувствіемъ; вслѣдствіе именно этого, въ названномъ учебномъ округѣ одно за другимъ слѣдовали нововведенія капитальнѣйшаго свойства. Какъ было сказано уже, тамъ открыта первая въ имперіи дирекція народныхъ училищъ, а также—и первая учительская семинарія. Тамъ получила начало довольно широкая организація на мѣстахъ книжныхъ складовъ при школахъ, и довольно быстро стали открываться женскія смѣны, вмѣщая въ себѣ нерѣдко довольно крупныя десятки учащихся дѣвочекъ въ возрастѣ до 16-ти лѣтъ. Поднять былъ вопросъ объ организаціи ежегодныхъ съѣздовъ народныхъ учителей, о чемъ въ ту пору вовсе даже не было и мысли во всей остальной Россіи, такъ какъ въ возникшихъ земскихъ учрежденіяхъ только еще зарождалась мысль о народномъ образованіи, всѣ-же другія школы существовали, вообще говоря, только номинально. Но такъ какъ, въ виду общаго положенія сѣверо-западнаго края, организація обширныхъ съѣздовъ оказывалась неудобною,—пришлось ограничиться частными объединеніями учителей, съ цѣлію совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія ими разнаго рода вопросовъ по народно-образовательному дѣлу, тогда впервые нарождавшемуся у насъ и развивавшемуся въ указанномъ краѣ, при замѣчательно благопріятныхъ условіяхъ въ томъ отношеніи, что учебному начальству была предоставлена большая самостоятельность, которою оно умѣло разумно дѣлиться со своими подчиненными. Дѣло успѣшно развивалось именно потому, что всякій разумный починъ находилъ немедленную санкцію на мѣстѣ, безъ всякой проволочки. Въ видѣ примѣра, можно указать на то, что именно въ виленскомъ учебномъ округѣ впервые возникли реально гимназіи, сразу получившія хорошую постановку и завоевавшія большую симпатію у мѣстнаго общества. Съ другой стороны, дирекціи народныхъ училищъ была предоставлена полная свобода какъ въ отношеніи выбора

всего, необходимаго ей, служебнаго персонала, включительно до народных инспекторовъ и громаднѣйшаго штата учителей, такъ и въ отношеніи выбора и пріобрѣтенія всего того учебнаго матеріала, который былъ необходимъ для начальныхъ школъ учебнаго округа (шести губерній) и учреждавшихся тамъ книжныхъ складовъ, а также—и для вновь открывавшихся тамъ женскихъ смѣнъ, безъ всякаго спеціального узаконенія по этому предмету.

Отрадно вспомнить о той горячей порѣ искренно-увлеченной дѣятельности по народному образованію въ сѣверо-западномъ краѣ. Это былъ единственный случай въ моей жизни, когда мнѣ довелось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ и даже до нѣкоторой степени участникомъ въ такой школьной работѣ, въ которой главнымъ двигателемъ и факторомъ являлось изумительно дружное единеніе и солидарность между всѣми участниками этой работы, полной значительной доли даже творчества, начиная съ бывшаго тогда попечителемъ учебнаго округа, Ив. Петр. Корнилова и кончая послѣднимъ народнымъ учителемъ. Это былъ едва-ли не единственный моментъ во всей исторіи русскаго школьнаго дѣла, когда не только форменная одежда министерства народнаго просвѣщенія считалась лучшимъ украшеніемъ и пользовалась большою любовью и уваженіемъ общества, но даже и такіе скромные труженники, какъ сельскіе учителя, въ виленскомъ по крайней мѣрѣ округѣ, удостоивались общаго вниманія. Это обусловливалось исключительно тѣмъ, что всѣмъ народнымъ учителямъ былъ открытъ свободный доступъ лично и письменно не только къ директору народныхъ училищъ, но и къ попечителю учебнаго округа, такъ что всякое заявленіе ихъ немедленно разсматривалось, всякая законная просьба удовлетворялась. Рука директора народныхъ училищъ и рука попечителя округа радушно протягивалась народному учителю не только въ четырехъ стѣнахъ школы и кабинета, но и публично, не исключая даже самыхъ торжественныхъ случаевъ,—и сельскій учитель не чувствовалъ себя затеряннымъ, изолированнымъ отъ остальнаго общества, а тѣмъ болѣе—отверженнымъ: всѣ относились къ нему, не какъ къ парію, а какъ къ общественному дѣятелю и признавали его именно таковымъ.

IV.

Какъ только я окунулся въ атмосферу виленскаго учебнаго округа, разомъ отрезвѣлъ отъ того ужаснаго нравственнаго гнета, въ которомъ находился все время въ пути, подъ влияніемъ жестокихъ пожарныхъ

впечатлѣній. Во всю дорогу, было-ли то на почтовой телегѣ, или въ желѣзно-дорожномъ вагонѣ, днемъ или ночью, — у меня неотступно стояло передъ глазами—все равно, были-ли они открыты, или закрыты—цѣлое море огня, а въ ухахъ—несмолкающій адскій шумъ отъ пожара, съ примѣсю воплей отчаянія, стоновъ, мольбы, проклятій и проч. Я былъ нравственно поработанъ этимъ страшнымъ впечатлѣнiемъ, находился въ какомъ-то оцѣпенѣнiи и никакъ не могъ отрѣшиться отъ него, такъ что у меня закрадывалась страшная мысль, что я теряю рассудокъ. Но первый-же мой визитъ по начальству, по прїѣздѣ въ Вильну, достаточно уже отрезвилъ меня, вдохнулъ въ меня бодрость и силу.

Все мое начальство, начиная съ добрѣйшаго директора народныхъ училищъ Алексѣя Ивановича Садокова и кончая попечителемъ виленскаго учебнаго округа Иваномъ Петровичемъ Корниловымъ, оказалось прїятливымъ и обходительнымъ, а главное—проникнутымъ любовью къ дѣлу народнаго образованiя и искреннимъ желанiемъ работать и работать въ этомъ направлѣнiи во что бы то ни стало. Первая-же бесѣда съ этими простыми, умными, искренними людьми была уже для меня своего рода школою жизни.

Между тѣмъ скромнымъ служебнымъ мѣстомъ, которое выпало на мою долю въ Вильнѣ, и позиціею попечителя учебнаго округа—«дистанція громаднаго размѣра». Естественно поэтому, что я вовсе не предполагалъ идти къ попечителю учебнаго округа, считалъ это даже прямо таки неудобнымъ; но мое ближайшее начальство дало мнѣ понять, что это—«безусловно обязательно» для меня. И я былъ несказанно изумленъ и восхищенъ почти часовою бесѣдою съ попечителемъ. Это былъ превосходный администраторъ по учебной части, до мелочей сѣвдѣящій за своимъ дѣломъ и съ любовью вникающій въ каждую частность. Въ немъ такъ рельефно выступалъ великій русскій патриотъ, прекрасно знающій исторiю сѣверо-западнаго края, до страсти интересовавшійся его древностями и остроумно истолковывавшій ихъ значенiе въ мѣстной жизни, въ исторiи края.

Эта высокопоучительная для меня въ ту пору бесѣда съ И. П. Корниловымъ и до сихъ поръ еще не утратила въ моей памяти своей яркости и душевной теплоты, которою была проникнута.

Особенно-же я былъ обрадованъ неожиданнымъ открытiемъ въ Вильнѣ существованiя прекраснаго кружка педагоговъ, т. е. кружка людей, разумно направленныхъ, дѣльныхъ и просвѣщенныхъ, преданныхъ учебно-воспитательному дѣлу и знающихъ его. Меня ввели въ этотъ частный кружокъ вскорѣ-же послѣ прїѣзда,—и я сразу почувствовалъ его идейность и достоинство, съ которымъ онъ поддерживалъ русское начало въ краѣ. Центромъ, душою этого кружка былъ

Василій Петрович Кулинь, состоявшій тогда окружнымъ инспекторомъ; ему много помогала въ этомъ и жена его, Юлія Александровна. Этихъ людей знали почти всѣ служившіе въ виленскомъ учебномъ округѣ, такъ какъ почти всѣмъ имъ пришлось побывать въ домѣ Кулиныхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, и обязательно вынести оттуда теплое, бодрящее, а то—и прямо-таки вдохновляющее впечатлѣніе.

Довольно усерднымъ посѣтителемъ этого кружка, запросто собиравшагося у Кулиныхъ вечеромъ по субботамъ, былъ и И. П. Корниловъ. Здѣсь онъ съ величайшимъ тактомъ держалъ себя первымъ между равными, внося большое оживленіе своимъ всегда искреннимъ увлеченнымъ собесѣдованіемъ; своимъ же личнымъ вліяніемъ, высокимъ благородствомъ и достоинствомъ онъ, черезъ посредство кружка, особенно много способствовалъ довольно дружному и солидарному объединенію между собою разнообразныхъ элементовъ разношерстной педагогической семьи, которая иначе несомнѣнно оставалась бы разобщенною, а слѣдовательно—и неспособною къ дружной, совмѣстной работѣ, какую проявляла тогда.

Вообще, И. П. Корнилова справедливо назвать совершенно исключительнымъ попечителемъ—по его горячему, искреннему участію ко всѣмъ вообще работавшимъ на учебно-воспитательномъ поприщѣ, по тому вниманію и уваженію, съ которыми онъ открыто относился къ нимъ, обязывая этимъ самымъ къ такому-же отношенію и всѣхъ другихъ. Вообще, чуждый формализма и педантизма, онъ, будучи человекомъ живымъ и подвижнымъ, очень часто во избѣжаніе переписки, не церемонился, не лѣнился даже и самъ зайти въ то или другое изъ подвѣдомственныхъ ему многочисленныхъ учреждений. Виленская дирекція народныхъ училищъ, въ виду новизны ея учрежденія, обширности раіона дѣятельности и сложности самого дѣла, удостоивалась большого вниманія со стороны И. П. Корнилова. Онъ, какъ попечитель, неоднократно лично обращался въ дирекцію за справками, дополненіями и разъясненіями, чтобы не задерживать хода сдѣланныхъ уже дирекціею представленій, заявленій, донесеній, ходатайствъ и проч. Лично я удостоился нѣсколькихъ посѣщеній попечителя учебнаго округа на своей квартирѣ, бывшей при дирекціи-же. И долженъ сказать по совѣсти, что ничто такъ не возбуждало меня къ работѣ, какъ это именно высокое вниманіе попечителя, которое вмѣстѣ съ тѣмъ прямо-таки обязывало меня къ особенной слѣшности и отчетливости въ работѣ.

Вообще-же необходимо замѣтить, что это простое, естественное, высоко-гуманное отношеніе попечителя ко всѣмъ служащимъ, какъ-бы даже граничившее съ товариществомъ, но совершенно чуждое, конечно, всего, могущаго напоминать фамиллярность, было самымъ лучшимъ дисциплинирующимъ средствомъ въ отношеніи всѣхъ служившихъ въ

учебномъ вѣдомствѣ, возбуждая ихъ къ дѣятельности и поддерживая въ ихъ средѣ дружественныя, честныя отношенія. Въ каждой отрасли учебной дѣятельности чувствовался живой интересъ и былъ замѣтенъ болѣе или менѣе прогрессъ, благодаря тому простору въ починѣ и самостоятельности, который предоставленъ былъ въ эту пору работавшимъ въ виленскомъ учебномъ округѣ, подъ истинно-просвѣщеннымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ попечителя.

Вспомнить-же обо всемъ этомъ теперь представляется тѣмъ болѣе необходимымъ потому, что, во время самой дѣятельности, она казалась всѣмъ дѣломъ самымъ обычнымъ, прямо-таки обязательнымъ, такъ что исключительность и важность указаннаго порядка вещей оцѣнили лишь впоследствии, когда, въ виду рѣзкой перемѣны общихъ обстоятельствъ и условій въ управленіи сѣверо-западнымъ краемъ, И. П. Корниловъ оставилъ свой постъ, сопровождаемый искренними сожалѣніями служившихъ въ виленскомъ учебномъ округѣ, гдѣ и до сихъ поръ еще живетъ признательная память объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ, хотя теперь въ общемъ характерѣ и направленіи прежней дѣятельности произошла уже очень глубокая перемѣна.

Справедливо говорится: «въ семьѣ—не безъ уroda». И потому, несмотря на дружное единеніе между собою учебной среды и высокую солидарность ея, находились, однако, отщепенцы, которые, неизвѣстно почему и для чего, старались держаться въ сторонѣ отъ учебнаго «кружка». Этими они ставили себя въ совершенно ложное, искусственное положеніе въ отношеніи всѣхъ другихъ сослуживцевъ и сотоварищей. Живя болѣе или менѣе обособленно отъ общаго теченія мѣстной жизни, оставаясь въ изолированномъ положеніи въ отношеніи общаго хода педагогическихъ дѣлъ, эти люди лишали самихъ себя устойчивой почвы подъ ногами, почему и принуждены были поминутно метаться изъ стороны въ сторону. Не примкнувъ къ общему движенію, они старались обвинить въ этомъ не себя, а другихъ; стоя въ сторонѣ отъ общаго движенія дѣлъ, они не могли установить въ отношеніи ихъ правильной точки зрѣнія и сплошь и рядомъ судили-рядили обо всемъ, какъ говорится, «сплеча да сторяча», «вкривь да вкось». Вотъ эти-то именно неудачники по собственной волѣ вносили, къ сожалѣнію, извѣстную долю дисгармоніи въ мѣстную педагогическую среду главнымъ образомъ тѣмъ, что распространяли путемъ печати если и ненамѣренно ложныя, то во всякомъ случаѣ грубо-ошибочныя, или даже и прямо-превратныя свѣдѣнія о виленскомъ учебномъ округѣ, особенно же—объ извѣстномъ уже намъ педагогическомъ его кружкѣ, его внутренней жизни и значеніи, обо всѣхъ наиболѣе выдающихся и уважаемыхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ.

Дѣло нерѣдко доходило и прямо-таки до инсинуацій и клеветы. Ав-

торы этихъ недостойныхъ писаній были всё наперечетъ и служили въ виленскомъ учебномъ округѣ. Они все представляли въ ложномъ, обратномъ видѣ, съ цѣлю вышучиванія серьезныхъ дѣлъ, съ цѣлю насмѣшки надъ тѣмъ, что заслуживало глубокаго уваженія...

V.

Въ Вильнѣ, въ совершенно новой для меня должности писмоводителя и бухгалтера дирекціи народныхъ училищъ, работавшей, какъ сказано уже, на весь учебный округъ, оказалось непомерно много дѣла. Прежде всего, приходилось вести громадную и довольно сложную переписку со всевозможными учрежденіями и вѣдомствами, не исключая казначействъ, контрольных палатъ, духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, полицейскихъ управленій и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ. Нужно было сообщать о вновь возникающемъ народно-образовательномъ дѣлѣ въ краѣ, просить вниманія къ нему и поддержки, а нерѣдко—и прямо-таки вступаться за интересы школы или скромныхъ работниковъ. Словомъ,—безконечно разнообразная переписка, да притомъ еще чрезвычайно спѣшная, такъ какъ, вообще говоря, мѣстная жизнь вовсе даже не терпѣть никакихъ проволочекъ. Всѣ тѣ маленькіе вопросы, интересы и дѣла, которые возникаютъ тамъ, суть и а с у щ н ы, въ полномъ смыслѣ безотложны. Всякая задержка, проволочка—несомнѣнный ущербъ для положительнаго дѣла.

Въ то время не было еще введено «единства кассы», а потому всѣмъ школамъ, не имѣвшимъ собственныхъ («фундушевыхъ») капиталовъ въ мѣстныхъ казначействахъ, необходимо было ежемѣсячно разсылать деньги изъ дирекціи. Вся отправка дѣлилась на нѣсколько партій, и тѣмъ не менѣе получалась такая масса денежныхъ пакетовъ, которую едва можно было вмѣстить въ самый большомъ канцелярскомъ портфель. Не снятая заготовленія денежныхъ пакетовъ съ препроводительными къ нимъ бумагами, на одно только раскладываніе денегъ по пакетамъ у трехъ лицъ (у директора, писца и у меня) уходилъ весь вечеръ, примѣрно часовъ съ 8-ми и за полночь. Для того, чтобы успѣть сдать партію денежныхъ пакетовъ въ одинъ пріемъ,—необходимо было входить въ особое соглашеніе съ почтамтомъ, чтобы проникнуть туда раньше открытія его для публики. И только при этомъ условіи, начавши сдачу пакетовъ (т. е. общеизвѣстную запись каждаго изъ нихъ въ почтовую книгу) часовъ около 6-ти утра, можно

было окончить эту египетскую работу ко времени закрытія почтамта въ полдень.

Особенно-же осложнилось бухгалтерское дѣло въ концѣ 1865 года, когда наступилъ переходъ къ «единству кассы»,—когда, помимо громоздкой и хлопотливой разсылки денегъ почтою, потребовались еще экстренное составленіе и разсылка по школамъ циркуляровъ, инструкцій, разнаго рода формъ и проч., съ цѣлю разъясненія значенія «единства кассы», правилъ и условій пользованія этимъ новымъ учрежденіемъ, формъ отчетности и проч.

Наконецъ, очень много труда и времени требовалъ и книжный складъ при дирекціи. О колоссальныхъ размѣрахъ его можно судить потому, что онъ именно и питалъ собою въ книжномъ отношеніи, а равно по части крестиковъ, иконъ и образовъ—буквально всѣ народныя школы учебнаго округа. Со времени же открытія книжныхъ складовъ сначала при школахъ городскихъ, а потомъ и при нѣкоторыхъ селеніяхъ, въ книжномъ складѣ потребовалась ежедневная, непрерывная работа то по приему и сортировкѣ новыхъ партій прибывающихъ книгъ, то по запаковкѣ и отправкѣ все новыхъ десятковъ тюковъ для провинціальныхъ складовъ.

Столь сложныя, многостороннія обязанности дирекціи народныхъ училищъ требовали, конечно, очень большой отчетности и собственно по управленію, и по денежной части, и по книжному дѣлу. Въ виду оборота значительныхъ суммъ какъ въ формѣ денегъ, такъ и въ книжномъ матеріалѣ,—рискъ ответственности былъ чрезвычайно великъ. Наконецъ, все это трудное дѣло до послѣдней степени осложнялось еще начавшимся тогда постепеннымъ выдѣленіемъ изъ виленской дирекціи народныхъ училищъ дирекціи другихъ губерній. Это громоздкое дѣло требовало дробленія (дѣлопроизводства, капиталовъ, книгъ и проч.), неизбежно сопровождаемая притомъ по истинѣ гомерическою перепискою, въ виду необходимости оформлять все это «официально, документально».

Оглядываясь на это далекое уже прошлое, даже понять не могу, какъ я справлялся со столь обширнымъ, сложнымъ и ответственнымъ дѣломъ. Серьезно говоря, теперь я буквально ни за какія деньги не взялся бы за такое безконечно-кропотливое и хлопотливое дѣло, одно воспоминаніе о которомъ прямо-таки подавляетъ своею колоссальностью. Въ то же время, о которомъ я говорю, работалось положительно съ ненасытнымъ увлеченіемъ, съ жаждою новаго и новаго дѣла. Никому даже и въ голову не приходило задумываться надъ такимъ неслыханнымъ дѣломъ, какъ работа одной дирекціи на цѣлый округъ. Но, по новизнѣ дѣла и въ виду совершенно исключительнаго положенія края, требовавшаго экстра-ординарной централизаціи, признана была

необходимую именно указанная организація, для начала насажденія народнаго образованія въ краѣ,—и всѣ работали на пользу новаго дѣла, съ сознаниемъ важности и необходимости его, съ искреннимъ желаніемъ быть полезнымъ для общаго дѣла, общавшаго такъ много благодарній всему мѣстному населенію. Прикосновенность же къ этой великой работѣ, хоть и въ самой незамѣтной роли, неудержимо толкала меня впередъ во все время, какъ только я поступилъ на службу въ виленскій учебный округъ. Такъ, наприимѣръ, несмотря на сложность занятій въ Диснѣ, лѣтомъ 1864 года я ѣздилъ въ Витебскъ, гдѣ сдалъ выпускной экзаменъ и получилъ аттестатъ объ окончаніи полнаго курса духовной семинаріи. Лѣтомъ же 1865 года выдержалъ въ Вильнѣ экзаменъ на званіе учителя уѣзднаго училища.

Принятый въ виленскомъ учебномъ «кружкѣ», какъ равный, я высоко дорожилъ этимъ и старался оправдать это вниманіе. Вообще, этотъ «кружокъ» былъ для меня превосходнѣйшею школою жизни. Благодаря ему, я постоянно вращался въ средѣ людей съ высшимъ образованіемъ; а потому, несмотря даже на значительную удачу по службѣ, ставилъ университетъ обязательною и безусловною цѣлью своей жизни. Въ виду этого, служба не могла уже всецѣло насытить меня. Хотя я и очень любилъ свою службу, но тѣмъ не менѣе смотрѣлъ на нее, какъ на дѣло временное, переходное. Душа-же моя рвалась въ университетъ,—и я не переставалъ работать, по мѣрѣ возможности, надъ своимъ самообразованіемъ, самоусовершенствованіемъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря даже на учительскій дипломъ, въ университетъ все-таки можно было поступить только по повѣрочному экзамену.

Это была лучшая пора въ виленскомъ учебномъ округѣ. Общее прогрессивное направленіе въ немъ было такъ характерно выражено, что значительный процентъ служившей тамъ молодежи, не имѣвшей высшаго образованія, устремился на поиски его. Значить, мое стремленіе въ этомъ отношеніи не было исключеніемъ, хотя почивъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ мнѣ. Та же часть молодежи, служившей по учебному вѣдомству, которой не по силамъ было высшее образованіе, все-таки не оставалась безъ движенія въ смыслѣ образованія: выдержавъ экзаменъ на уѣзднаго учителя, большинство ихъ стало во главѣ уѣздныхъ училищъ, въ роли смотрителей.

VI.

Характеризуя просвѣтительную дѣятельность въ виленскомъ учебномъ округѣ въ указанное время, необходимо еще добавить, что, именно

по почину И. П. Корнилова, подъ личнымъ его наблюденіемъ и руководствомъ, тамъ впервые было положено начало изслѣдованію мѣстныхъ древностей. Къ этому дѣлу былъ привлеченъ мѣстный учебный составъ, но, конечно-же, на основаніяхъ вполнѣ добровольнаго участія, безъ малѣйшаго понужденія. Производились также и командировки на мѣста, съ цѣлю снимка развалинъ старинныхъ зданій, собранія и осмотра на мѣстахъ древнихъ документовъ и проч.

Въ общемъ, такимъ образомъ, мы имѣемъ внушительный примѣръ какъ много можетъ быть сдѣлано разумнаго и полезнаго на мѣстѣ, по почину даже одного лица. Къ сожалѣнію, правильному пониманію всей этой гуманной, просвѣтительной дѣятельности, а тѣмъ болѣе—благотворному воздѣйствію ея въ новой силѣ на мѣстную жизнь, очень сильно мѣшало то обстоятельство, что рядомъ съ этою гуманною системою обрусѣнія велась другая система, діаметрально противоположнаго свойства, значительно ослаблявшая или даже вовсе парализовавшая нормальное воздѣйствіе на жизнь просвѣтительныхъ мѣръ. Эта «другая система» обрусѣнія производила такое рѣшительное и рѣзкое угнетающее вліяніе, что изъ-за нея совершенно ступевывалась вся просвѣтительная дѣятельность, проявлявшаяся такъ ново, оригинально, разносторонне, спускалась до самыхъ корней народной жизни—сельскаго населенія. Вообще-же говоря, въ читающемъ русскомъ обществѣ преобладало мнѣніе, будто бы даже и эта прекрасная дѣятельность являлась не болѣе, какъ частью общей системы угнетающаго свойства, а потому и не имѣетъ права на уваженіе и сочувствіе. Дѣло доходило даже до того, что, именно подъ вліяніемъ указаннаго взгляда, общая печать или совершенно игнорировала все то, что дѣлалось по народному образованію въ виленскомъ учебномъ округѣ, или относилась скептически, съ ироніей. Вслѣдствіе этого, многое изъ того, что было сдѣлано еще до введенія земскихъ учрежденій, впоследствии было встрѣчено печатью съ горячимъ сочувствіемъ, будто-бы какъ новость въ земскомъ начинѣ, тогда какъ въ дѣйствительности оно было уже лишь продолженіемъ

Подъ вліяніемъ неправильнаго пониманія дѣйствительности, самое слово «обрусѣніе», къ чему бы его ни примѣняли, употреблялось въ ироническомъ смыслѣ. Это особенно тяжело ложилось на всѣхъ, служившихъ въ сѣверо-западномъ краѣ по вызову. Ихъ обыкновенно называли «насилъниками», «угнетателями», нисколько не вникая въ то, какой у кого былъ родъ дѣятельности. Совершенно напрасно было-бы пытаться въ то время провести черту въ обрусительной дѣятельности между хорошимъ и дурнымъ. Даже люди серьезные приходили прямо-таки въ раздраженіе, когда заходила рѣчь о хорошихъ сторонахъ обрусѣнія. «Знаемъ, знаемъ!»—саркастически обыкновенно отвѣчали они.—Контрибуція съ польскихъ помѣщиковъ, т. е. иначе—разореніе ихъ; подарокъ

50-ти процентной прибавки къ жалованью ни на что не способнымъ чиновникамъ, вовсе не могшимъ, безъ вызова, найти себѣ мѣста на родинѣ; надѣленіе этихъ-же чиновниковъ въ видѣ подарка землею, конфискованною у польскихъ-же помѣщиковъ, и притомъ именно для того, чтобы земля эта тутъ-же, на глазахъ у всѣхъ, перешла въ другія руки, завѣдомо негодныя».

Намъ очень долго пришлось бы продолжать перечень того, къ чему именно русское общественное раздраженіе сводило «обрусѣніе». Здѣсь не мѣсто вдаваться въ обсужденіе того, насколько нужны были указанная крайнія мѣры; но несомнѣнно, что общество, спокойно относившееся къ строгостямъ осаднаго положенія и другимъ суровымъ мѣрамъ, рѣшительно не могло примириться съ имущественнымъ насліемъ, да притомъ еще въ массовомъ размѣрѣ. И нельзя не признать, что эта мѣра дискредитировала обрусительное дѣло въ глазахъ общества, отнявъ у послѣдняго настолько хладнокровія, что оно не въ состояніи было даже вникать въ благоразуміе, высокую полезность и мѣръ, истинно полезныхъ, въ смыслъ непринудительнаго обрусѣнія.

Несомнѣнно, что истинное воздѣйствіе гуманитарныхъ обрусительныхъ мѣръ на всѣ слои мѣстнаго населенія началось лишь послѣ того уже, какъ улеглась нравственная тяжесть и горечь экстраординарно-крутыхъ мѣръ, пустившихъ такіе глубокіе корни, что они въ большей или меньшей мѣрѣ сохраняютъ свою жизненность даже и до настоящаго времени, т. е. въ теченіе 30-ти лѣтъ уже. Между тѣмъ въ тотъ именно моментъ, когда въ сѣверо-западномъ краѣ начала, наконецъ, проявляться, такъ сказать, правоспособность къ воспринятію и усвоенію русской гражданственности, въ управленіи виленскимъ учебнымъ округомъ произошла рядъ перемѣнъ, которыя въ концѣ концовъ, неизвѣстно почему, привели не къ усиленію, а къ ослабленію тѣхъ просвѣтительныхъ мѣропріятій, которыя были введены и усвоены въ бытность попечителемъ И. П. Корнилова. Впрочемъ, мнѣ не пришлось дослужить въ Вильнѣ до этого прискорбнаго событія. Лѣтомъ 1866 года я уволился отъ службы и въ томъ-же году поступилъ въ университетъ.

Это мнѣ пришлось сдѣлать не безъ борьбы съ самимъ собою, а частію—и съ тѣми добрыми, задушевными людьми, съ которыми я работалъ въ Вильнѣ. Въ то время служебное мое положеніе было особенно благопріятно. Установленіе самостоятельныхъ дирекцій народныхъ училищъ во всѣхъ губернскихъ городахъ, или паче—выдѣленіе новыхъ дирекцій изъ виленской шло вполне успѣшно, безъ всякихъ задержекъ, споровъ и недоразумѣній. Это дѣло подходило уже къ концу, такъ что я помышлялъ объ отпускѣ мѣсяца на два, на три, въ которомъ дѣйствительно весьма нуждался. Помимо общаго утомленія, обиліе письменной и счетной работы, особенно же въ связи съ постоянными за-

нятіями въ книжномъ складѣ, съ неизбежной при этомъ пылью, такъ сильно разстроило мое зрѣніе, что я не только принужденъ былъ облечься въ очки разныхъ цвѣтовъ, но около полугода уже не въ состояніи былъ заниматься подготовленіемъ въ университетъ. Въ виду этого я рѣшилъ было отложить до 1867 года поступленіе въ университетъ. Но обстоятельства совершенно неожиданно измѣнились вовсе даже независимо отъ меня.

Въ ту пору шла довольно горячая работа по преобразованію такъ называемыхъ «дворянскихъ» двуклассныхъ городскихъ училищъ въ уѣздныя, и около половины іюля 1866 года я получилъ категорическое предложеніе занять должность смотрителя одного изъ уѣздныхъ училищъ Виленской губерніи. Предложеніе было чрезвычайно заманчиво. Не хватало уже терпѣнія корпѣть письмоводителемъ и бухгалтеромъ дирекціи, когда предо мною открылся путь къ должности смотрителя уѣзднаго училища. вмѣстѣ же съ тѣмъ я такъ ясно сознавалъ, что, ставъ смотрителемъ, долженъ навсегда уже проститься съ мыслью объ университетѣ. Въ виду этого, я подалъ заявленіе о немедленномъ оставленіи службы, съ цѣлю поступленія въ университетъ.

Много толковъ вызвало это мое заявленіе. Хотя о моемъ намѣреніи поступить въ университетъ было раньше извѣстно, тѣмъ не менѣе исполненіе этого намѣренія, послѣ предложенія занять должность смотрителя, признавалось неблагоразумнымъ. Мнѣ съ разныхъ сторонъ указывали, меня предостерегали, что, по окончаніи университета, придется начинать, быть можетъ, даже съ меньшаго сравнительно съ тѣмъ, что я оставляю, такъ какъ въ занимаемой мною должности я получалъ въ годъ, вмѣстѣ съ наградными, до 900 руб., при готовой квартирѣ, въ должности же смотрителя пришлось бы получить еще болѣе. Но именно матеріальная-то сторона нисколько и не привлекала меня. Напротивъ чѣмъ болѣе улучшалось мое служебное положеніе, тѣмъ настойчивѣе сознательнѣе становилась потребность въ высшемъ образованіи.

Отправляясь въ университетъ, я располагалъ небольшимъ сбереженіемъ, котораго не могло хватить даже и на одинъ годъ самаго скромнаго студенческаго существованія, рублей по 25-ти въ мѣсяцъ. Въ перспективѣ, при условіи поступленія въ университетъ, я могъ рассчитывать на нищенскую стипендію виленскаго учебнаго округа, въ 11 руб. 99 коп. въ мѣсяцъ, учрежденную еще въ ту далекую пору, когда считали на ассигнаціи, а не на серебро. Вотъ и всѣ мои ресурсы на четыре года университетскаго существованія. Но это нисколько не безпокоило меня. Главное же, я смотрѣлъ на свое поступленіе въ университетъ—только какъ на временную отлучку изъ виленскаго учебнаго округа, которому считалъ себя много обязаннымъ, былъ всею душою пре-

данъ, на службу въ который я обѣщаль непремѣнно возвратиться и искренно желалъ этого.

Между тѣмъ, ко времени окончанія мною университетскаго курса, обстоятельства такъ рѣзко измѣнились, что я, человекъ безъ всякихъ денежныхъ запасовъ, предпочелъ однако выплату стипендіи виленскому учебному округу обязательной службѣ въ этомъ округѣ. Отъ прежняго учебнаго «кружка» не осталось и слѣда: всѣ видные участники его покинули виленскій округъ и перевелись на службу въ другіе учебные районы. Въмѣсто прежней горячки въ учебно-воспитательной дѣятельности царил апатія, сонливость. Прежнюю жажду всевозможныхъ нововведеній и улучшеній смѣнила рутина, враждебное отношеніе даже и къ самой мысли о какихъ бы то ни было «новшествахъ», усовершенствованіяхъ. Въмѣсто прежнихъ и искреннихъ отношеній, между служащими водворился бездушный формализмъ и педантизмъ, какая-то удушливая нравственная атмосфера, совершенно даже неумѣстная въ такомъ живомъ и жизненномъ дѣлѣ, какъ учебно-воспитательное. Короче говоря, отъ всей той горячей и плодотворной работы, отмѣченной во всѣхъ своихъ проявленіяхъ не только живымъ починомъ и самодѣятельностью, но въ извѣстной мѣрѣ даже и печатью творчества, которая была всѣмъ въ глаза въ пору поступленія моего въ университетъ и невольно привлекала къ себѣ,—отъ всего этого, ко времени окончанія мною университета, осталось только воспоминавіе, которое притомъ въ послѣдствіи тщательно уничтожалось...

Вотъ это-то именно прискорбное обстоятельство и заставило меня набросать здѣсь бѣглый очеркъ своей кратковременной службы до поступленія въ университетъ, чтобы напомнить о поучительнѣйшемъ примѣрѣ того, какъ много и быстро можетъ быть сдѣлано на мѣстѣ существенно-полезнаго, при условіи предоставленія должнаго почина и самодѣятельности, и съ другой стороны—какъ силенъ и великъ можетъ быть произволъ, доходящій даже до полнаго уничтоженія самыхъ воспоминаній о дѣлахъ такого рода, которыя достойны вѣчной памяти, всеобщаго уваженія и обязательнаго подражанія.

Несомнѣнно однако, что если даже теперь, въ виду указанныхъ столь неблагоприятныхъ обстоятельствъ, обрусѣніе западнаго края все-таки представляетъ совершившійся уже фактъ, то естественно, что, при условіи продолженія просвѣтительной дѣятельности въ томъ же направленіи, съ тою же любовью, вниманіемъ, уваженіемъ къ дѣлу и энергіею, какъ это велось здѣсь въ половинѣ 60-хъ годовъ,—край этотъ ни въ чемъ не уступалъ бы уже кореннымъ русскимъ губерніямъ—по глубинѣ, сознательности и искренности своего руссизма, въ смыслѣ гражданственности, національности, любви и преданности всему истинно народному, русскому, патрістическому.

Во всякомъ же случаѣ, просвѣтительная дѣятельность виленскаго учебнаго округа около половины 60-хъ годовъ представляетъ собою въ высшей степени назидательный примѣръ, какимъ образомъ слѣдуетъ, при нашей разноплеменности, бороться со столь сложной пестротой народностей, населяющихъ нашу имперію, при помощи народнаго образованія, этого могучаго а с с и м и л я т о р а всевозможныхъ племенъ и націй, этого благодѣтельнаго зиждителя неразрывнаго, органическаго единенія всѣхъ племенъ, населяющихъ государство, какъ бы ни былъ разнообразенъ ихъ составъ. Безспорно, достигнутые уже результаты образованія въ сѣверо-западномъ краѣ есть одно изъ лучшихъ и почетнѣйшихъ передъ судомъ исторіи приобрѣтеній Россіи въ послѣднее 30-тилѣтіе. Не трудно представить себѣ, во сколько разъ возросли бы сила и почетъ Россіи, при условіи гражданской и національной ассимиляціи съ русскимъ народомъ всѣхъ племенъ, населяющихъ нашу колоссальнѣйшую имперію!..

М. Песковскій.

Способы вызова подрядчиков, употребляемые въ половинѣ прошлаго столѣтія.

Намъ, свыкшимся со всѣми удобствами, какія доставляетъ для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей жизни періодическая печать въ ея теперешнемъ у насъ развитіи, трудно вообразить, какъ удовлетворялись эти потребности въ то время, когда лѣтъ за сто предъ симъ въ Петербургѣ существовала всего одна газета — «С.-Петербургскія Вѣдомости», издававшаяся Академіей Наукъ, да и то выходившая въ свѣтъ только по два раза въ недѣлю, листками въ малую in 4°, и расходилась не болѣе какъ въ 1.200 экземплярахъ ¹⁾. Понятно, что при такомъ ограниченномъ размѣрѣ органовъ публичности, становилось затруднительнымъ удовлетвореніе многихъ потребностей, для которыхъ теперь существуютъ столь разнообразныя способы публикаціи. И вотъ какой способъ практиковался въ доброе старое время:

Въ журналѣ Канцеляріи Академіи 1748 г. апрѣля 27, читаемъ:

«Хотя въ минувшемъ Мартѣ черезъ Полицейстерскую Канцелярію третично отъ Канцеляріи Академіи Наукъ билѣтами съ барабаннымъ боемъ въ С.-Петербургѣ въ пристойныхъ мѣстахъ опубликовано, чтобы желающіе люди явились въ Академію и поставили на нынѣшній 1748 и будущій 1749 годъ разнаго сорта бумаги и пр... а какъ таковыя не явились, опредѣлено: черезъ Главную Полицейстерскую Канцелярію еще публиковать троекратно билѣтами».

Сообщ. академ. К. С. Веселовскій.

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости» было печатано въ 1778 г. 104 номера въ числѣ 1.162 экземпляровъ; каждый годовой экземпляръ состоялъ изъ 290 листовъ; казенныя извѣстія составляли бѣльшую ихъ половину.—Въ слѣдующемъ за тѣмъ году, 1779, печатано 105 номеровъ въ числѣ 1.200 экз., каждый годовой экземпляръ состоялъ изъ 313^{1/4} листовъ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ ЕРМОЛОВЪ ¹⁾.

(Матеріалы для біографіи, его рассказы и переписка).

Собственноручное письмо Толя къ А. П. Ермолову.

1812 г.

Кслѣдствіе письма вашего ко мнѣ и рапорта къ Свѣтлѣйшему, дѣ-
лаетъ армія нынѣ движеніе свое по дорогѣ отъ Кременскаго къ
Вязьмѣ. Конечно-бы сдѣлано было сіе движеніе ранѣе, если-бы
имѣли мы извѣстіе о непріятелѣ; но къ несчастью получаемъ мы
оныя въ сутки только одинъ разъ и то съ лѣнливымъ казакомъ.
А какъ движеніе арміи зависитъ отъ движеній непріятельскихъ,
то сдѣлайте такъ любезный Алексѣй Петровичъ, чтобы устроить почту
отъ авангарда къ главной квартирѣ. Впрочемъ скажу вамъ, что 21-го
армія будетъ близъ Вязьмы, и Свѣтлѣйшій желаетъ, чтобы вы недалеко
отъ насъ бы находились.

Гдѣ находитесь вы нынѣ? Государю хотятъ рапортъ писать, но не
знаютъ, гдѣ вы находитесь.

Карту Смоленской губерніи долженъ я поискать въ главной квар-
тирѣ, ибо никто о ней не знаетъ, и тогда пришлю оную къ вамъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданности остаюсь навсегда вашъ Толь.

Письмо Н. Н. Новосильцова къ А. П. Ермолову.

19-го апрѣля (1-го мая) 1829 г. Варшава.

Сынъ стараго моего друга покойнаго Александра Михайловича Ка-
ховскаго, а вашъ племянникъ полковникъ Каховскій, прибывъ на сихъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1896 г.

дняхъ въ Варшаву, вручилъ мнѣ ваше письмо. Пріятно мнѣ было видѣть, что вы вспомнили обо мнѣ, но еще пріятнѣе, что не усумнились въ постоянной непоколебимости моихъ чувствованій. Такъ, Алексѣй Петровичъ (минуя церемоніальный титулъ), вы не ошиблись: ни время, ни случай, ни обстоятельства, ничто не можетъ охолодить въ сердцѣ моемъ ни той дружбы, ни того уваженія къ достоинствамъ и заслугамъ, которыя когда либо въ немъ впечатлѣлись. Изъ сего одного вы можете уже легко заключить о готовности моей употребить всевозможное стараніе къ опредѣленію, при случаѣ, на просимое мѣсто сына покойнаго Александра Михайловича, вашего племянника, и о томъ, сколь утѣшительно было бы для меня удовлетворить въ одно время двумъ чувствованіямъ и двумъ обязанностямъ, равно мнѣ милымъ.

Письма А. А. Вельяминова къ Ермолову ¹⁾.

1.

22-го іюня 1835 г. Ставрополь.

Почтѣннѣйшій начальникъ, Алексѣй Петровичъ!

Будучи на водахъ по дѣламъ службы, получилъ я письмо ваше отъ 9-го мая, въ которомъ вы увѣдомляете меня, что государь, говоря съ вами о прошлогодней экспедиціи моей за Кубань, замѣтилъ, что я повдно принялся за работы для устроенія крѣпости, употребивъ много времени на переписку о недостаткахъ войскъ и средствъ; и что первыхъ я желаю излишнее преумноженіе, тогда какъ нельзя удовлетворить моихъ требованій по той причинѣ, что въ теперешнемъ состояніи Кавказскій корпусъ составляетъ $\frac{1}{3}$ всей арміи, не считая даже поселенныхъ на линіи казаковъ.

Изъ этого замѣчанія вижу, во-первыхъ, что государь забылъ порядокъ дѣйствій моихъ за Кубанью, что очень естественно, ибо слишкомъ много у него гораздо важнѣйшихъ заботъ, чтобы можно было помнить подобныя мелочи; во-вторыхъ, что относительно прибавленія

¹⁾ Алексѣй Александровичъ Вельяминовъ извѣстный дѣятель на Кавказѣ родился въ 1785 году, участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ въ царствованіе императора Александра I и въ турецкой войнѣ 1828—1829 г.г. Въ 1831 году онъ былъ назначенъ командующимъ войсками на Кавказской линіи и начальникомъ Кавказской области. Предпринимая цѣлый рядъ экспедицій противъ горцевъ, онъ велъ ихъ всегда успѣшно. Мысли его о способахъ покоренія Кавказа, изложенныя въ многочисленныхъ донесеніяхъ, вполнѣ оправдались, когда были приведены на практикѣ княземъ Барятинскимъ и графомъ Евдокимовымъ.

войскъ вѣроятно объяснилъ я мысли свои не хорошо, либо переданы онѣ государю не въ настоящемъ видѣ, а ошибочно. Объясню вамъ въ короткихъ словахъ предположеніе относительно прошлогодней экспедиціи и дѣйствія мои.

По представленію фельдмаршала ¹⁾, государю угодно было построить укрѣпленіе при Геленджикской бухтѣ, обратить туда торговлю и проложить прямое сообщеніе между Геленджикомъ и Кубанью, чтобы произведенія прилегающей части Кавказа, Черноморія и Кавказской области могли съ удобностію доставляемы быть въ Геленджикъ; а оттуда можно было бы получить то, въ чемъ Кавказскій край нуждается. Нѣтъ сомнѣнія, что это общааетъ большую пользу.

Въ 1831 году занята Геленджикская бухта; въ прошедшемъ году предполагалось осмотрѣть дорогу отъ Ольгинскаго укрѣпленія чрезъ Кавказскій хребетъ къ Геленджику, построить на этой дорогѣ одно или два укрѣпленія, и въ то же время дѣйствовать противъ народовъ, живущихъ между означенною дорогою и берегомъ Чернаго моря, чтобы принудить ихъ къ безусловной покорности.

Не мудрено мнѣ было предвидѣть, что при нашихъ весьма ограниченныхъ средствахъ нельзя исполнить этого въ одинъ годъ. Я сказалъ это Вольховскому при проѣздѣ его изъ Петербурга чрезъ Ставрополь; но какъ онъ объявилъ мнѣ, что это есть воля государя, то мнѣ оставалось употребить зависящія отъ меня усилія, чтобы выполнить какъ возможно больше.

Въ прошедшемъ году происходило переформированіе корпуса; сверхъ того для дѣйствій за Кубанью нѣкоторыя войска должно было провести къ Ольгинскому укрѣпленію съ нижней части Терека; другія, хотя и изъ ближайшихъ мѣстъ, могли двинуться тогда только, когда на смѣну ихъ придутъ войска изъ Грузіи. По этимъ причинамъ предположено сосредоточить войска въ Ольгинскомъ укрѣпленіи въ теченіе августа или даже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, если обстоятельства воспрепятствуютъ сдѣлать это ранѣе. Я успѣлъ однако же изворотиться такъ, что 4-го августа началъ рѣшительное движеніе отъ Ольгинскаго укрѣпленія, то есть по крайней мѣрѣ двѣ недѣли ранѣе, нежели ожидать можно было.

Я зналъ, что на первой половинѣ разстоянія отъ Ольгинскаго укрѣпленія къ Абику есть болота чрезвычайно затруднительныя. Необыкновенная засуха 1833 года облегчила мнѣ переходъ черезъ эти болота; я видѣлъ однако-же, что дороги эти потребуютъ очень большихъ работъ, если не найдемъ удобнѣйшей. Какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что возможность перейти черезъ Кавказъ не была под-

¹⁾ Князя Варшавскаго, графа Паскевича-Эриванскаго.

вержена для меня никакому сомнѣнію, я почелъ за лучшее осмотрѣть прежде всего не найдется-ли между Абиномъ и Кубанью сообщенія болѣе удобнаго, нежели дорога отъ Ольгинскаго укрѣпленія къ означенной рѣкѣ. Для этого, устроивъ на Абинѣ вагенбургъ, отправился налегкѣ къ Великолагерному мѣновому двору, находящемуся на Кубани, версть около шестидесяти выше Ольгинскаго укрѣпленія. Дорога эта оказалась въ самомъ дѣлѣ несравненно удобнѣе первой; но при обзорѣннн этомъ встрѣтилъ я такое сопротивленіе на каждомъ шагу, что невозможность отдѣлать что-либо изъ отряда для дѣйствій между Геленджикскою дорогою и берегомъ Чернаго моря сдѣлалась совершенно для меня очевидною. Я донесъ объ этомъ барону Розену ¹⁾ изъ лагеря при Великолагерномъ мѣновомъ дворѣ отъ 17-го августа. Я возвратился на Абинѣ 21-го августа. Сообразивъ, что для построенія здѣсь укрѣпленія нужно привезти съ Кубани строевые матеріалы и средства продовольствія какъ для всего отряда на все время дѣйствій, такъ для войскъ, которыя оставлены будутъ въ новомъ укрѣпленіи; сообразивъ, что въ осеннее время нельзя ожидать сухой погоды и хорошихъ дорогъ, особливо черезъ болота; сообразивъ наконецъ, что движеніе къ Геленджику и обратно требуетъ около трехъ недѣль,—я нашелъ необходимымъ свезти прежде на Абинѣ продовольствіе и матеріалы, для чего нужно было около полутора мѣсяца, и потомъ уже идти въ Геленджикъ. Я началъ приводить это въ исполненіе немедленно по прибытіи на Абинѣ; а 2-го сентября донесъ объ этомъ барону Розену. Прежде всего нужно было сдѣлать съемку мѣстоположенія, на которомъ строить укрѣпленіе; составить планы какъ укрѣпленія, такъ и жилымъ строеніямъ; назначить линіи укрѣпленій; сдѣлать въѣздъ отъ рѣки къ мѣсту укрѣпленія и приготовить сыраго кирпича для внутреннихъ крутостей бруствера, ибо дерну нѣтъ. Къ этимъ предварительнымъ работамъ приступилъ я немедленно по возвращеніи на Абинѣ отъ Великолагернаго мѣноваго двора: тогда-же началъ перевозку отъ Ольгинскаго укрѣпленія строевыхъ матеріаловъ и продовольствія. Для препровожденія транспортовъ нужно было отдѣлать значительную часть войскъ; одинъ разбитый транспортъ остановилъ бы всѣ дѣйствія. Въ лагерѣ оставалось такъ мало войскъ, что для обороны его я принужденъ былъ дѣлать засѣки. Несмотря на это, приуготовительныя работы шли безостановочно. Медленнѣе всего шла выдѣлка сыраго кирпича. На Абинѣ грунтъ земли глинистый; но глина чрезвычайно жирна и хорошаго песку, необходимаго для подмѣси, не могли мы найти. Вы знаете, что для сыраго кирпича необходима также солома. Ее должно было добывать въ неприятельскихъ аулахъ, а Шапсуги при появленіи нашемъ все зажи-

¹⁾ Главнокомандующему на Кавказѣ.

гали. Наконецъ холодные вѣтры и нѣсколько морозовъ въ сентябрь испортили нѣсколько тысячъ кирпича. Несмотря на всѣ затрудненія, 17-го сентября начали дѣлать укрѣпленія; и если не приступилъ я къ этой работѣ прежде, то не оттого, чтобы полагалъ число войскъ недостаточнымъ, а единственно оттого, что приготовительныя работы не могли быть окончены прежде. Я представлялъ, что невозможно отдѣлать что-либо изъ отряда для дѣйствій между дорогою къ Геленджикъ и берегомъ Чернаго моря; но ни въ одной моей бумагѣ не найдется ни слова о томъ, чтобы нельзя было исполнить остальныхъ предположеній, хотя излишества въ средствахъ и не было. Если же, какъ предполагаетъ государь, замедлилъ я по какой-нибудь причинѣ приступить къ работамъ, то укрѣпленіе не могло бы построено быть въ прошедшемъ году. Это произошло-бы и въ томъ случаѣ, если бы пошелъ я въ Геленджикъ, не доставивъ прежде на Абинъ какъ провіантъ, такъ и строевые матеріалы. Разсчеты мои оправдались на самомъ дѣлѣ.

Здѣсь мимоходомъ скажу вамъ, что принятой мною образъ дѣйствій подалъ поводъ къ разнымъ толкамъ, которые родились въ Черноморіи, откуда распространились кажется и далѣе. Черноморскіе паны, не понимая почему я дѣйствую такъ, а не иначе, начали приписывать тому причины. Одни выдумали, что я не хочу, чтобы была дорога отъ Геленджика къ Кубани; другіе, что я боюсь идти черезъ горы, которыя привыкли они почитать неприступными. Весьма быть можетъ, что эти разглашенія были причиною предписаній, которыя получилъ я по этому предмету отъ барона Розена.

Относительно приумноженія войскъ въ Кавказскомъ корпусѣ вотъ сущность моего мнѣнія.

Вамъ извѣстно, что государю угодно покорить горцевъ какъ возможно скорѣе; это очень понятно и никогда не было тайною. Многіе, кажется, были спрошены о средствахъ достигнуть этого; въ числѣ прочихъ и я. По моимъ разсчетамъ есть возможность обезоружить сѣверныя покатости Кавказа въ теченіе пяти лѣтъ; но для этого, конечно, необходимо корпусъ усилить значительно. Кто думаетъ достигнуть этого теперешними средствами, тотъ очень ошибается. Мы совсѣмъ не въ томъ положеніи на Кавказѣ, въ какомъ испанцы были въ Америкѣ. Если-бы кто успѣлъ покорить Кавказъ въ короткое время, безъ значительнаго усиленія корпуса, передъ тѣмъ Наполеонъ былъ бы карликъ. Представляя мнѣніе мое о покореніи Кавказа, я объяснялъ, какой должно принять образъ дѣйствій и какія нужны для этого средства. Они конечно, значительны; но и предпріятіе покорить Кавказъ въ короткое время—весьма значительно. Польстить правительству достигнуть этой цѣли малыми силами и малыми издержками—значило бы об-

манывать государя. Могло бы случиться, что, основываясь на моемъ мнѣніи, предприняли бы дѣйствія противъ горцевъ, въ полной надеждѣ на скорый успѣхъ. Что вышло бы изъ этого? Издержали бы все-таки значительныя суммы, потеряли бы много времени и не достигли бы со-той доли того, чего ожидали. Какой совѣтственный человѣкъ возьметъ на себя вовлечь правительство въ подобныя предпріятія? Отъ государя зависить рѣшить—позволяютъ ли обстоятельства и, вообще, средства имперіи отдѣлить на Кавказъ столько войскъ и денегъ, сколько нужно для скорого покоренія горцевъ.

Изъ приказаній прошедшаго и нынѣшняго года видно, что госу-дарю угодно ограничиться, можетъ быть до времени, медленнымъ обра-зомъ дѣйствій противъ горцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ не нужны такія большія средства, какъ для скорого покоренія. Необходи-мо однако же, чтобы и при медленномъ завоеваніи средства были соразмѣрны съ предпріятіями. Въ прошедшемъ году мевѣ пяти тысячъ пѣхоты было въ отрядѣ. Какихъ успѣховъ можно было бы ожидать, если бы силы эти раздѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна дѣй-ствовала бы между Геленджикскою дорогою и берегомъ Чернаго моря, а другая собственно по Геленджикской дорогѣ? Чрезвычайно было бы счастливо, если бы мы потеряли изъ этого не болѣе тысячи человѣкъ и достигли бы своей цѣли, то-есть прошли бы къ Геленджику и по-строили бы укрѣпленіе на Абинѣ. Но этого, безъ особеннаго счастья, невозможно было ожидать. Я уже замѣтилъ, что одинъ разбитый транс-портъ остановилъ бы всѣ наши дѣйствія; а что значить разбить транспортъ, не имѣющій достаточнаго прикрытія? Здѣсь вся выгода на сторонѣ горцевъ, имѣющихъ отиѣвную конницу. Отъ нихъ всегда зави-сять напасть на слабую часть, а слабыхъ частей въ транспортѣ, худо прикрытомъ, множество.

Итакъ, вы видите, что сущность мнѣнія моего состоитъ въ томъ, что силы должны быть соразмѣрны съ предпріятіями. Въ этомъ, ка-жется, ничего нѣтъ новаго: если силъ не такъ много, чтобы можно было дѣйствовать въ одно время въ разныхъ мѣстахъ, то въ предпрі-ятіяхъ необходимо наблюдать постепенность, то-есть окончить сперва одно, а потомъ приниматься за другое. Въ этомъ также ничего нѣтъ новаго. Но принимая все это, многіе думаютъ, что превосходство наше передъ горцами такъ велико, что съ горстью войскъ мы можемъ разго-нять большія массы. Вотъ заблужденіе, изъ котораго всегда происте-кали ошибочныя распоряженія. Повторяю, мы здѣсь совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ какомъ испанцы были въ Америкѣ. Мы имѣемъ превосходство надъ горцами, но оно совсѣмъ не такъ велико, какъ мно-гіе думаютъ. Главное превосходство наше состоитъ въ пѣхотѣ, но и это превосходство исчезаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства вы-

нуждаютъ вести продолжительную перестрѣлку; тогда выгода на сторонѣ горцевъ, которые гораздо лучше стрѣляютъ и лучше умѣютъ пользоваться мѣстоположеніемъ, нежели наши солдаты. Мы имѣемъ артиллерію. Она полезна тѣмъ, что держать горцевъ разсѣянными; но въ лѣсистыхъ мѣстахъ выгода эта теряется; въ большихъ горахъ и тѣснинахъ также; подъ Гимрами съ трудомъ могли мы поставить два горныя орудія, противъ каменной стѣны; крутизны горъ и тѣснота мѣстъ вообще препятствуютъ пользоваться артиллерію. О конницѣ и говорить нечего: тутъ превосходство рѣшительно на сторонѣ горцевъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что надо осторожно рассчитывать на превосходство наше передъ горцами; должно принимать въ соображеніе, въ какихъ дѣйствіяхъ превосходство можетъ быть на нашей сторонѣ и въ какихъ на сторонѣ горцевъ. Ожидаю, что покажется очень страннымъ, когда получать отъ меня донесенія, изъ которыхъ увидать, что весь отрядъ будетъ въ нынѣшнемъ году прикрывать движенія транспортовъ. Въ европейскихъ войнахъ, которыя были въ наше время, никогда не видѣли этого. Въ отвѣтъ на это замѣчаніе могу указать на потери, которыя потерпѣла отъ нашихъ партизановъ французская армія, во время пребыванія ея въ Москвѣ, хотя значительныхъ транспортовъ не имѣла. У меня, напротивъ того, транспорты будутъ растягиваться, по крайней мѣрѣ, на пятнадцать верстъ. Сколько нужно войскъ, чтобы оборонять такое разстояніе противъ отличной конницы, которая съ большою быстротою можетъ переноситься съ одного мѣста на другое и по произволу нападать тамъ, гдѣ слабо или гдѣ случится какая-нибудь оплошность, либо неумѣніе офицера? Въ этомъ отношеніи экспедиція нынѣшняго года будетъ чрезвычайно затруднительна. Очень счастливо будетъ, если я избѣгну большихъ потерь. Несмотря на это, едва-ли она обратитъ на себя вниманіе, потому что въ ней не будетъ ничего блестящаго.

Я снова прошусь въ отпускъ, который для меня необходимъ. Кажется, теперь нѣтъ причины отказать, и потому надѣюсь видѣться съ вами зимою.

Р. S. Завтра отправляюсь на Кубань.

2.

10-го января 1838 г., Ставрополь

Почтеннѣйшій начальникъ,

Алексѣй Петровичъ!

Письмо ваше, отъ 17-го декабря прошедшаго года, получилъ я 3-го января, какъ подарокъ на Новый годъ. Въ немъ много для меня любопытнаго.

Вы почти угадали мои намѣренія. Въ предположеніяхъ вашихъ есть нѣкоторыя съ нѣми несходства, но небольшія. Если-бы теперь назначили меня въ Грузію, на мѣсто барона Розена, то нельзя было бы не ѣхать; но я ни мало не желалъ и не желаю этого назначенія. Здоровье мое слишкомъ слабо, чтобы взять на себя эту должность. По приказаніямъ, которыя получилъ я отъ государя, я очень видѣлъ, что ему необходимо нужно оставить меня на ливніи. Конечно, лучше было бы, если бы въ этомъ случаѣ отдѣлили ее отъ Грузіи, но тогда необходимо прибавить сюда войскъ, о чемъ слышать не хотятъ. По всему этому назначеніе Головина не имѣетъ для меня большихъ неудобствъ; всякій другой изъ названныхъ вами былъ бы гораздо для меня непріятнѣе. Вы мало знаете Головина; и государь, который говорилъ вамъ о немъ, знаетъ его также весьма не коротко. Головинъ имѣетъ хорошую нравственность, но не всегда основательный образъ мыслей. Этотъ недостатокъ, соединенный съ нѣкоторою неловкостью въ обращеніи съ подчиненными и, можетъ быть, съ излишнею иногда строгостью, вѣроятно былъ причиною ненависти къ нему подчиненныхъ, какъ упомянулъ государь въ своемъ разказѣ. Какъ бы то ни было, кажется, я могъ бы поладить съ Головинымъ; но я не намѣренъ убивать послѣдніе годы жизни на Кавказѣ за одни комплименты. Если я получу что нибудь существенное, то самыя приличія требуютъ, чтобы я остался еще здѣсь; обстоятельства рѣшать впоследствии, долго-ли продолжится пребываніе мое здѣсь. Но если думаютъ удержать меня въ этой должности одними комплиментами, то я уѣду отсюда, кажется, скорѣе, нежели вы предполагаете. По моему расчету, это должно рѣшиться въ апрѣлѣ или въ началѣ мая.

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о взводимой на меня лѣвнѣ. Это происходитъ оттого, что непремѣнно хочется во всякомъ найти что-нибудь дурное. Въ Грузіи желаніе это относительно ко мнѣ очень явно. Не находя возможности опорочить того, что я сдѣлалъ, остается утверждать, что я могъ бы сдѣлать больше, если бы не былъ лѣнивъ. Сильное разстройство въ здоровьѣ, недопускающее прежней дѣятельности, безъ сомнѣнія, даетъ этому обвиненію видъ правдоподобія. Видя меня почти безпрестанно въ дѣлахъ, въ самага Кракова, вы можете судить, принадлежитъ ли лѣвнѣ къ отличительнымъ моимъ свойствамъ. Можетъ быть, вы не знаете, что принадлежите къ числу людей, чрезвычайно много требующихъ отъ служащихъ при нихъ. Какимъ же образомъ могъ бы я удовлетворять требованіямъ вашимъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ, если бы я былъ такъ лѣнивъ, какъ хотятъ меня выказать? Теперь разстройство здоровья, конечно, не допускаетъ той дѣятельности, какъ прежде; но этому причиною не лѣвнѣ, а недостатокъ силъ. Вы знаете, что я любилъ верховую ѣзду, и весь Кав-

казъ изъѣздить верхомъ. Теперь для меня трудно проѣхать шагомъ десять верстъ, проскакать не могу ста шаговъ, не упавши съ лошади. Неужели это отъ лѣни? Вы знаете, что я по пяти часовъ сживалъ за дѣлами, не вставая со стула. Теперь не могу я высидѣть часа, не почувствовавъ лому въ поясницѣ, въ спинѣ и въ затылкѣ. Поневоля долженъ я лечь. Но оставляю ли я для этого дѣло? Лежа выслушиваю я доклады и даю рѣшенія; лежа диктую я бумаги, которыя не могутъ написаны быть удовлетворительно служащими при мнѣ чиновниками. Похоже ли это на лѣнь? Я желалъ бы знать, кто изъ министровъ болѣе меня лично самъ пишетъ и обрабатываетъ дѣла

Государю сказано, что я не люблю гражданской части, не занимаюсь ею, и что она въ большомъ безпорядкѣ. Въ этомъ справедливо только то, что я дѣйствительно не люблю этой части. Находясь по гражданскому управленію въ безпрестанной борьбѣ противъ незаконій и разнаго рода мерзостей, продѣлываемыхъ чиновниками, я не вижу въ этомъ ничего пріятнаго. Но это самое заставляетъ меня еще болѣе заниматься дѣлами гражданскими, чтобы прекращать, по мѣрѣ возможности, незаконныя покушенія чиновниковъ. Что я занимаюсь этою частью, можетъ свидѣтельствовать, между прочимъ, переписка моя съ министромъ. Могутъ также свидѣтельствовать и послѣдствія распоряженій моихъ. Вступивъ въ должность, я нашелъ совершенный хаосъ въ гражданскомъ управленіи; это всѣмъ извѣстно. Я далъ дѣламъ приличный ходъ и постепенно привелъ въ порядокъ канцелярское отправленіе дѣлъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ. Я остановилъ неправильныя рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Запущенныя дѣла прежнихъ лѣтъ, въ числѣ многихъ тысячъ, приведены къ окончанію почти всѣ; изъ нихъ немного уже остается окончить. Дѣла настоящаго времени оканчиваются безъ замедленія. Недоимки по области большею частью собраны безъ экзекуцій и насильственныхъ мѣръ; и если бы дѣла казенной палаты не были въ величайшемъ безпорядкѣ, противъ котораго не имѣю я никакихъ средствъ, то по области давно уже не было бы ни одного рубля въ недоимкѣ. Неужели все это сдѣлалось само собою, такъ что съ моей стороны не нужно было никакихъ трудовъ по гражданскому управленію. Я очень желалъ бы, чтобы это было такъ; но кости мои чувствуютъ совсѣмъ противное. И замѣйте, что я достигъ всего этого безо всякаго пособія отъ правительства. Сколько ни писалъ я къ министру внутреннихъ дѣлъ и къ барону Розену, ни отъ кого не добился ни одного чиновника.

Спрошу теперь, на какіе безпорядки по гражданскому управленію указываютъ. Были ли во все время какія-нибудь затрудненія оттого, что распоряженія по какому-нибудь предмету сдѣланы поздно? Нѣтъ. Безпорядочно ли канцелярское отправленіе дѣлъ? Я нашелъ его въ

совершенномъ беспорядкѣ; но несмотря на тысячи затрудненій, я привелъ его постепенно въ порядокъ по всей области—въ одномъ только Кизлярѣ я не совсѣмъ еще увѣренъ. Если подь беспорядками разумѣютъ злоупотребленія чиновниковъ, то и въ этомъ отношеніи давно уже сотой доли не дѣлается того зла, какое прежде. Несмотря на это, можно было бы винить меня, если бы я не взыскивалъ за такія дѣйствія, за которыя законы даютъ возможность подвергать виновныхъ взысканію, или самъ подавалъ бы поводъ къ злоупотребленіямъ. Но ни одного подобнаго случая не укажутъ. Очень желалъ бы я совершенно искоренить злоупотребленія; но для этого необходимо измѣнить и законодательство, и нравственность людей. Можетъ ли это отъ меня зависѣть?

Судите изъ этого, основательно ли хотѣть представить меня лѣнивымъ. — Хорошее здоровье дало бы мѣсто болѣе дѣятельности; но скажу вамъ откровенно, что едва-ли удѣлялъ бы я на дѣла болѣе времени, нежели при разстроенномъ здоровьѣ. Такъ ли поступаютъ со мною, чтобы возбуждать особенное рвеніе къ службѣ? Семь уже лѣтъ нахожусь я здѣсь. Взгляните, много ли въ это время подвинулся я по службѣ; сравните полученныя мною награды съ тѣми, которыя даны другимъ. Панкратьеву за Дагестанскую экспедицію, гдѣ кромѣ вздору и грабежа покорныхъ селеній ничего онъ не сдѣлалъ, дана Александровская лента, мнѣ за дѣйствія въ то же время, во всѣхъ отношеніяхъ успѣшныя, исключая набѣга на Кизляръ, котораго безъ конницы не могъ я отворотить, дали Бѣлаго Орла: отчего это? Оттого, что Панкратьевъ наглымъ образомъ лгалъ въ своихъ донесеніяхъ, а я описывалъ дѣла точно такъ, какъ они происходили, не допуская ни малѣйшихъ прикрасъ. За истребленіе Кази-муллы въ Гимрахъ мнѣ дали Александровскую ленту. Эта награда за нѣсколько передъ тѣмъ мѣсяцевъ была бы значительна и могла бы польстить; но послѣ Бѣлаго Орла, что можно было дать мнѣ меньше?—Въ 1834 году поручено мнѣ было перейти черезъ хребетъ Кавказа отъ Кубани къ Геленджику. Въ успѣхъ этого предпріятія чрезвычайно сомнѣвались. Я не только исполнилъ его, но еще исполнилъ съ потерей очень умѣренною. А какъ въ донесеніяхъ моихъ по обыкновенію не было ни лжи, ни малѣйшаго хвастовства, то меня и отблагодарили Александровскими брилліантами. Изъ всего этого позволительно кажется настоящею наградою почитать одну Александровскую ленту. Въ Петербургѣ дали мнѣ 20.000 рублей на путевыя издержки. Вы знаете, что стоятъ эти повѣздки и жизнь въ Петербургѣ, и потому не удивитесь, что я издержалъ далеко болѣе. Ѣздилъ же я въ Петербургъ не для забавы, а по дѣламъ службы. Теперь взгляните, что получилъ нашъ Долгорукій и не въ такое продолжительное время. Въ 1826 году, пріѣхалъ онъ въ Тифлисъ полковни-

комъ, тогда какъ я уже былъ генераль-маіоромъ восемь лѣтъ и имѣлъ всѣ ордена, которые въ этомъ чинѣ даются. Съ тѣхъ поръ онъ достигъ въ генераль-лейтенанты и за исключеніемъ Александровскихъ брильянтовъ имѣетъ всѣ тѣ же ордена, какіе я. Желаю ему и еще болѣе; онъ хорошій человекъ и противъ меня хорошъ. Но можетъ ли служба его сравнена быть съ моею? Если перебирать всѣхъ награждаемыхъ такимъ образомъ, то подобныхъ Долгорукову найдется не такъ мало. Посмотрите, что даютъ графу Витту, который совершенно ни на что не надобенъ. Здѣсь есть польскій герой генераль-маіоръ Фези. Онъ едва генераль-маіоръ и пріѣхалъ сюда уже въ Анненской лентѣ, украшенной маіоратомъ, который если не вдвое, то въ полтора раза больше моей аренды, которую получилъ я уже въ генераль-лейтенантскомъ чинѣ. Фези принадлежитъ къ числу людей, про которыхъ говорятъ, что на однихъ подметкахъ семи царямъ отслужить. Въ прошедшемъ году онъ посланъ былъ въ Дагестанъ, гдѣ потерялъ отъ изнуренія всѣхъ лошадей отряда, гдѣ отъ нелѣпныхъ распоряженій имѣлъ весьма значительную потерю въ людяхъ; но какъ въ донесеніяхъ своихъ лгалъ онъ безстыдно, то ему дали Владимірскую звѣзду. Назначеннаго теперь сюда Крюкова, который покаместъ извѣстенъ тѣмъ только, что удержалъ Шавли противъ поляковъ, находятъ нужнымъ поталкивать впередъ; я двадцать лѣтъ дѣйствую на Кавказѣ постоянно съ успѣхомъ; меня ведутъ наравнѣ съ тѣми, которые только что вышли изъ числа плохихъ и которые на моемъ мѣстѣ не умѣли бы ступить шагу. И хотятъ, чтобы я работалъ свѣше силъ! Но если признаютъ во мнѣ какія-нибудь способности, то какъ же не предполагаютъ столько разсчетливости, чтобы видѣть, что игра не стоитъ свѣчъ. Можетъ быть считаютъ очень важнымъ, что я получаю здѣсь значительное содержаніе, которое дѣйствительно гораздо больше, нежели что обыкновенно даютъ служащимъ въ равныхъ со мною чинахъ. Но это необходимо по здѣшнему мѣсту и не мало прибавляетъ моего имущества. Безъ этого содержанія не остался бы я здѣсь ни минуты. Черезчуръ глупо было бы проживать здѣсь послѣднее имѣніе, чтобы подъ конецъ жизни остаться безъ пропитанія.

Много написалъ я вамъ о себѣ: должно наконецъ сказать кой-что и о сказанномъ вамъ комплиментѣ.— Кажется вы обязаны этимъ барону Розену, который для оправданія дражайшаго зятя въ жидовскихъ его по полку злоупотребленіяхъ, давно разглашаетъ, что подобныя въ полкахъ заведенія разрѣшены во время вашего управленія. Напрасно было бы распространяться, какъ допущенныя вами хозяйственныя въ полкахъ заведенія мало похожи на тѣ злоупотребленія, которыя найдены у князя Дадіана, вы лучше меня это знаете. И едва-ли подобныя найдутся въ другихъ полкахъ. Въ дивизіи Фролова, какъ говорятъ, значительныхъ

безпорядковъ въ полкахъ нѣтъ, хотя у него совершенно связаны были руки. Онъ кажется удаленъ отъ дивизіи безвинно. Васильчиковъ, писавшій о ней, основался на однихъ слухахъ. Это говорилъ проѣзжавшій здѣсь флигель-адъютантъ Орловъ-Денисовъ и полковникъ баронъ Врангель. Говорятъ, что Катенинъ писалъ уже объ этомъ. Вамъ не мѣшаетъ при случаѣ объяснить, что напрасно приписываютъ вамъ допущеніе въ полкахъ злоупотребленій.

Насилу дописалъ, и съ большимъ трудомъ.—Болѣзнь моя не прекращается. Не знаю, что изъ этого выйдетъ.

Письма Н. Н. Муравьева къ А. П. Ермолову.

1.

19 іюня 1847 г. с. Сквозняково.

На дняхъ былъ я обрадованъ полученіемъ вашего письма. Если-бъ мнѣ была возможность отвѣчать въ то же время, какъ я читалъ строки ваши, то въ письмѣ моемъ выразилось бы все удовольствіе, которое вы мнѣ доставили. Я бы мысленно перенесся въ уединенный кабинетъ вашъ, гдѣ вы удостоивали меня бесѣды вашей, и слова мои вполнѣ бы изобразили чувства. Но, проходитъ день, другой—примешься писать тогда, какъ мысли развлечены другими предметами, и тѣ, которыя въ голову придуть нѣсколько разъ, измѣняются прежде, чѣмъ повѣришь ихъ бумагѣ.

Вы знаете, сколько мнѣ лестно расположеніе ваше; вы увѣрены, что я не опасаясь быть съ вами откровеннымъ, вы замѣтили, можетъ быть, что я со вниманіемъ вслушиваюсь даже въ выразительныя шутки ваши насчетъ странностей, коихъ я не чуждъ, стараюсь въ рѣчахъ вашихъ угадать о себѣ то, чего не услышу отъ другихъ. При семъ изложеніи чувствъ моихъ и признательности я приношу вамъ еще выраженіе того безпредѣльнаго уваженія, которое привыкъ имѣть къ вамъ, какъ къ бывшему начальнику моему и наставнику въ службѣ, какъ лицу, приобрѣтшему подобное же уваженіе отъ всѣхъ нашихъ соотчичей.

Простите за предисловіе или посмѣйтесь ему—я то и другое готовъ отъ васъ принять, но для меня была необходимость предъ вами выразиться. За снѣмъ желалъ бы я дать письму сему какую-либо степень занимательности для васъ; но у насъ чтѣ, кромѣ урожаевъ, до коихъ вамъ дѣла нѣтъ? Объ этомъ предметѣ скажу только, что у меня они хороши и обѣщаютъ обильную жатву, если не сгубятъ ихъ ежедневныя ливни, сопровождаемые жестокими бурями, а иногда и градомъ.

Предстоящая зима не представляет для меня ничего приятнаго; пребываніе въ Москвѣ будетъ для меня горькое, и я располагаю провести тамъ только нѣсколько дней, именно потому, что васъ тамъ не будетъ. Въ бесѣдѣ вашей забывалъ я всѣ хлопоты и неудовольствія, осаждавшія меня въ теченіе дня. Теперь этой отрады у меня не будетъ. Повѣжайте за границу; не скажу съ вами, что сею поѣздкою совершите послѣднюю прогулку въ жизни вашей, и теперь же припомню вамъ сказанныя вами слова, передъ выѣдомъ моимъ изъ Москвы: «Не умру, не побывавъ у тебя въ деревнѣ». Вполнѣ одобряю предположеніе ваше побывать за границею; это придастъ вамъ силы и здоровья—вамъ слѣдуетъ еще долго жить.

Что скажу о Грузіи? Братъ Андрей, недавно выѣхавшій оттуда, ми новалъ меня, пробравшись въ Москву черезъ Керчь и Кіевъ. Вы вѣроятно увидите его въ Москвѣ и, конечно, извлечете какія-либо занимательныя свѣдѣнія о происходящемъ тамъ—если не на поприщѣ военномъ, то по крайней мѣрѣ на поприщѣ духовномъ, часто неразлучномъ съ гражданскимъ. Я уже давно слышалъ о предполагаемой въ Дагестанѣ большой экспедиціи, но не зналъ направленія оной. Пока тамъ тихо, если не принимать въ счетъ стычекъ съ горцами въ Чечнѣ, куда они кажется спускаются съ пушками. По газетамъ видно, что между тѣмъ въ Грузіи занимаются истребленіемъ саранчи, коей уронъ значителенъ. Я въ семь дѣлъ не опытенъ и не желаю приобрѣсть этой опытности при мирныхъ занатіяхъ моихъ; и думается, что сила человѣческая немощна подавить бѣдствія такого рода, причѣмъ появленія онаго, какъ и исчезаніе—почти тайна. Биться же съ саранчею, по мнѣнію моему, все то же, какъ лечитъ наружныя припадки болѣзни, не касаясь ея основанія. Это удастся только съ одною лихорадкою.

Какъ я отъ войны съ горцами попалъ на расправу съ саранчею, того не знаю, но перенесся опять къ первому предмету, скажу мнѣніе свое, что экспедиція въ Тилитъ и нѣсколько еще подобныхъ—если бѣ онѣ всѣ имѣли такой же несчастный исходъ, какъ экспедиція въ Дарго—потрясутъ наконецъ не только Шамиля, но и самый духъ повинующихся ему народовъ. Сказываютъ, что между горцами много калѣкъ, лишившихся членовъ своихъ въ дѣлахъ противъ насъ. Бѣдность, стѣсненіе, лишеніе пастбищныхъ мѣстъ, слѣдственно и скота, неотступная настойчивость, съ которою мы усиливаемся ихъ покорить, и неистощимое терпѣніе всѣхъ и каждого изъ подвизающихся къ тому отъ старшаго до младшаго—все это неминуемо доведетъ ихъ до крайности, и они же выдаютъ намъ Шамиля. Конечно, въ сторону дороговизна такого приобрѣтенія; но въ дѣлахъ подобнаго объема не такъ, какъ въ частныхъ, не каждая трата капитала вскорѣ возвращается.

О предполагаемомъ назначеніи графа Киселева, вмѣсто князя Воронцова, я слышалъ прошедшею зимою, еще до отъѣзда моего въ Петербургъ, и, кажется, говорилъ вамъ о томъ. Въ пользу графа Киселева то, что онъ не опасается на ряду съ иными окружать себя умными людьми. Впрочемъ, въ избраніи сослуживцевъ или подчиненныхъ своихъ каждый руководствуется своими собственными видами, отъ другихъ скрытыми.

Жена поручила мнѣ благодарить васъ за воспоминаніе о ней и свидѣтельствуеть вамъ свое глубочайшее почтеніе. Съ моей стороны, при пожеланіи вамъ здоровья, повторяя начальныя выраженія письма моего, имѣю честь пребывать и проч.

2.

30 сентября 1855 г. л. при Чифтлигаѣ.

Порадуйтесь, Клавдій ¹⁾ — кавалеръ Георгія по представленію генерала Базина и утвержденію думы. Говорилъ я и представляющимъ, и утверждающимъ, что никому, кто бы онъ ни былъ, не покровительствую въ семь дѣлъ, и потому крестъ сей рѣшенъ безъ моего покровительства, а по заслугѣ, сыномъ вашимъ оказанной, что васъ тѣмъ болѣе должно утѣшать. Сегодня онъ дежурный и съ крестомъ въ петлицѣ.

Теперь о Карсѣ. Карсѣ не взять, но, сколько намъ извѣстно, агонируетъ. Я знаю, что вы были того мнѣнія, чтобы не штурмовать, это былъ и мой первый планъ дѣйствій, но обстоятельства перемѣнились, а потому и планъ мой измѣнился. Турки высадились въ Батумъ и Трапезунтъ и приступили къ разработыванію дорогъ черезъ Аджару. Мнѣ надобно было поскорѣе кончить съ Карсомъ, чтобы имѣть силы свои свободными для дѣйствія, куда бы надобность потребовала. Тутъ подошло извѣстіе о занятіи союзниками Севастополя; надобно было хотя сколько нибудь покрыть сію утрату. Войска давно уже горѣли нетерпѣніемъ атаковать крѣпость. Съ мнѣніемъ этимъ согласовались и начальники ихъ. Штурмъ по ходу дѣла былъ необходимъ, въ чемъ я и теперь убѣжденъ. Условія къ успѣху, строго взвѣшенные, гласили въ нашу пользу. Дѣло началось блистательнымъ образомъ: съ самаго начала захватили въ передовыхъ укрѣпленіяхъ 23 орудія, но по несчастію, въ одно почти время поражены были начальники трехъ штурмовыхъ колоннъ (ихъ было четыре), и части ихъ, лишившіяся единства и распо-

¹⁾ Сынъ А. П. Ермолова.

ряженія, разстроились. На двухъ пунктахъ приступы были отражены, на двухъ войска удержались, метались впередъ, но теряя много людей, не могли среди перекрестныхъ огней одолѣть предстоявшихъ препятствій. Видя потерю людей и малый успѣхъ отъ посылаемыхъ мною подкрѣпленій, которыя не удерживали болѣе строя, я приказалъ отступить. Мы вывезли оттуда 4 орудія, прочія заклепали или сбросили съ кручи, и 14 знаменъ и значковъ. Пришедши въ лагерь, обложили по-прежнему крѣпость, коей гарнизонъ ожидалъ на другой день ухода нашего. Я остался въ томъ же лагерьѣ, началъ строить землянки и припасать фуражъ, что осаждаетъ турокъ. Теперь дѣло на терпѣнье идетъ. Карскіе жители поистинѣ бѣдствуютъ отъ голода, но гарнизонъ еще продовольствуется половиною долей хлѣба. Побѣги стали снова показываться; боятся новаго приступа, голода и холеры, которая въ Карскѣ свирѣпствуетъ. Многочисленная конница Анатолійской арміи въ теченіе лѣта вся истреблена, орудія безъ лошадей, люди нуждаются въ одеждѣ и обуви, не говоря о продовольствіи. Омаръ-паша изъ Батума еще не трогался.

Вотъ и всѣ извѣстія наши. Извините дурное писаніе мое, переписать письма не имѣю времени. Я получилъ письмо ваше, посланное съ флигель-адъютантомъ Чертковымъ. Трогательно для меня постоянное расположеніе ваше, когда я его заслужилъ и когда заслужу!

Больно мнѣ было узнать, что вы опять захворали, но съ удовольствіемъ замѣтилъ опять твердость почерка вашего, который сталъ было слабѣть въ послѣднюю болѣзнь вашу.

Мы, съ Божьей помощью, надѣемся здѣсь управиться, но болѣе озабочиваютъ меня крымскія дѣла. Достигъ я отвлеченія сихъ оттуда, чего домогался, но видно мало дали эти отвлеченія помощи нашимъ. Былъ бы планъ дѣйствій военныхъ и административныхъ, тогда бы дѣло могло еще поправиться, если не вдругъ, то со временемъ.

Желаю вамъ здравія и утѣшенія. Прямите увѣреніе глубочайшаго уваженія и преданности, съ коими въ вѣкъ останусь вашего высокопревосходительства покорнымъ слугою Николай Муравьевъ.

3.

19 ноября 1859 г. сел. Скобяково.

Постараюсь, хотя не надѣюсь, чтобы почеркъ мой могъ быть разобранъ слабыми глазами вашими. Туда же клонится и мое зрѣніе, ежедневно слабѣющее. Вы пишете, что ноги ваши въ явномъ возмущеніи,

со своими я также въ непрерывной борьбѣ, какъ почтарь, понуждающій выслуживающую срокъ лошадь, чтобы она его до станціи довезла. Бѣда, какъ станетъ гаснуть сила воли, тогда и разрушатся и тѣлесныя силы.

По участію вашему ко мнѣ, вы разспрашивали Бибикова о моемъ житіи, бытіи. Мнѣ здѣсь хорошо и лучшаго не желаю. При дурномъ урожаѣ сего года, безъ нужды обхожусь оставленнымъ мнѣ казеннымъ содержаніемъ. О *questions palpitantes*, какъ вы это дѣло называете, я ничего не знаю. Братъ мой Михайло вовсе пересталъ писать ко мнѣ, ему и недосугъ; а затѣмъ кромѣ пустыхъ толковъ, ничего не услышишь. Народъ не ожидаетъ лучшаго, но желаетъ при всемъ этомъ перемѣны. Впрочемъ, все у насъ спокойно, повиновеніе попрежнему, стали больше заниматься своими работами, строятся.

Дѣйствія на Кавказѣ имѣли точно успѣхъ блистательный, но чего же и стоитъ успѣхъ сей людьми и деньгами! Больно отзовутся траты сіи въ Россіи, а можетъ быть останутся и не безъ вліянія въ политическихъ сношеніяхъ нашихъ съ Европейскими державами. Я такъ далеко сталъ нынѣ отъ высшаго круга дѣйствій, что деревенскій взглядъ мой на вещи можетъ быть неоснователенъ; но сужденіе мое созвучно съ изложеннымъ въ письмѣ вашемъ мнѣніемъ, что не безъ выгодно было бы уменьшить количество войскъ на Кавказѣ. Съ этимъ мнѣніемъ сопряжено, конечно, много и другихъ мыслей.

Буду ли нынѣшнею зимою въ Москвѣ—не знаю положительно; но кажется мнѣ, что пріѣду на короткое время. Нельзя мнѣ оставить имѣніе въ настоящихъ обстоятельствахъ; надобно возстановить все разрушившееся отъ десятилѣтняго отсутствія моего и, пока еще силы есть, сколько возможно упрочить дѣла свои для предстоящаго будущаго.

По дѣлу Генеральнаго суда, коего мнѣ не удалось избѣгнуть, знаю, что одинъ отзывъ уже полученъ, въ скоромъ времени ожидаютъ другаго, а тамъ и рѣшатъ дѣло, отъ котораго считаю себя совсѣмъ отрѣзаннымъ. Хотѣлъ бы вовсе забыть о немъ.

Въ политическомъ мірѣ, одно изъ занимательнѣйшихъ событій должно, кажется мнѣ, совершиться около Тангера. Оттуда можетъ возродиться и общая война. Если не ошибаюсь, то императоръ французовъ оцупалъ чувствительный нервъ Англіи, и едва ли не чувствительнѣе Египта, къ коему обратился дядя его. Такъ—оно, если, какъ пишутъ, Тангеръ заграждаетъ входъ въ Средиземное море. Обладать ему Средиземнымъ моремъ будетъ выгоднѣе для него, чѣмъ носить титулъ *Duc de Solferino*, котораго онъ кажется домогается. Все пишутъ реляціи и картины о сей побѣдѣ. Итальянское дѣло—чистая загадка, и я думаю, что онъ прошибся, самъ не знаетъ какъ кончить. Полагаю, что и насъ удостоятъ

приглашеніемъ на конгрессъ для рѣшенія этого дѣла, которое еще хуже Затлеровскаго.

Жена и дѣти благодарятъ васъ за воспоминанія о нихъ и поручаютъ вамъ свидѣтельствовать глубочайшее почтеніе. Письмо ваше читали мы въ семейномъ кругу и радовались твердому почерку руки вашей. Жену вы польстили лестнымъ отзывомъ о дѣтяхъ. Мы къ вамъ всё съ искреннимъ участіемъ.

Примите увѣреніе въ чувствахъ неизмѣнной преданности и душевнаго почтенія, съ коими имѣю честь быть, и проч.

4.

23 декабря 1859 г. сел. Скозняково.

Пропустилъ я три почты послѣ полученія письма вашего отъ 11-го декабря, въ надеждѣ узнать что нибудь новаго для сообщенія вамъ, но нѣтъ ничего, и потому принимаюсь нынѣ писать.

Вы меня увѣдомляете объ отправленіи фельдмаршалскаго жезла къ кн. Барятинскому. Не знаю вспомните-ли вы, что обстоятельство это въ разговорахъ нашихъ я предсказывалъ. Такое явленіе не принадлежитъ къ разряду необыкновенныхъ, и если взглянуть на времена прошедшія, то сколько подобныхъ встрѣчается.

Что касается до присяги, данной Мегмедь-Эминомъ, то въ сущности не знаю, кто кого надулъ. Мегмедь-Эминъ давно уже утратилъ вліяніе свое въ народѣ и онъ вѣрно надѣялся, что ему, на подобіе Шамиля, отведутъ губернской городъ въ Россіи на жительство, съ богатымъ содержаніемъ и почестями, но вышло, что его . . . ') обратно въ горы; поэтому должно ожидать, что онъ послѣ данной присяги будетъ по крайней мѣрѣ вѣрно-мирный Россіи.

Теперь какъ край этотъ уже покорился, желательно было бы знать, начнутъ ли въ немъ проводить дороги и займутъ-ли слова берега Чернаго моря. Результатъ тогда былъ бы истинно великій и сколько войскъ возвратилось бы въ Россію!

Неисповѣдима будущность лица, подвизающагося нынѣ на поприщѣ щедротъ.

Съ тѣхъ поръ какъ переведенъ съ Воронежа бывший трактъ Кавказа на Харьковъ, гдѣ ходятъ нынѣ и экстра-почты, меня вовсе не посѣщаютъ болѣе проѣзжіе изъ того края, и потому не имѣю ничего новаго передать вамъ о происходящемъ въ той странѣ

Жена моя и все семейство благодарятъ васъ за доброе расположе-

') Одного слова нельзя разобрать.

ніе и привѣтливое воспоминаніе. Очень бы желалъ повидаться съ Вами, но буду-ли нынѣшнею зимою въ Москвѣ, не знаю. По средствамъ могъ-бы сдѣлать сіе, хотя и съ ущербомъ для будущаго; но меня задерживаютъ здѣсь занятія всякаго рода, которыхъ оставить не могу. Надѣюсь, что вы преуспѣете въ предпринятой вами борьбѣ съ предстоящимъ намъ. Я же чувствую постигшую меня уже старость. Слабѣетъ зрѣніе, временемъ измѣняются ноги и одолѣваетъ одышка. Желая вамъ здоровья и прошу принять увѣреніе въ чувствахъ глубокаго почтенія и истинной преданности.

Письма Н. Вольфа къ А. П. Ермолову.

1.

31 декабря 1858 г. С.-Петербургъ.

Пользуюсь послѣдними минутами истекающаго года, чтобы принести вамъ, высокочтимый Алексѣй Петровичъ, мое искреннѣйшее и почтительнѣйшее поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ и пожелать вамъ сердечно всѣхъ благъ земныхъ и продолженія добраго здоровья, о которомъ Николай Алексѣевичъ ¹⁾ привезъ мнѣ наилучшія извѣстія. Онъ же доставилъ мнѣ и письмо, которымъ вамъ угодно было удостоить меня отъ 10-го декабря, и которымъ возгордился я предъ всѣми моими кавказскими товарищами, какъ будто бы я заслужилъ такой высокій знакъ нашего вниманія. Могу развѣ только обѣщать вамъ, твердо обѣщать, что постараюсь заслужить вашу ко мнѣ довѣренность и доказать Николаю Алексѣевичу, какъ всѣ мы, кавказцы, свято хранимъ память нашего отца-командира; тѣмъ пріятнѣе мнѣ будетъ исполнить этотъ долгъ, что сынъ вашъ, своими прекрасными качествами, заслужилъ уже общую любовь и уваженіе своихъ начальниковъ и сверстниковъ.

Для меня собственно прошлый годъ привнесъ не много радостей и поразилъ меня жестокииъ ударомъ, смертью единственнаго моего друга, барона И. А. Вревскаго, котораго, надѣюсь, будетъ оплакивать не одинъ я, но и весь Кавказъ, ибо онъ былъ изъ тѣхъ генераловъ, которые воспитывались въ преданіяхъ вашей школы и сохранили духъ, внушенный вами Кавказскому корпусу. Онъ былъ храбрый и правдивый воинъ, берегъ своихъ солдатъ, билъ горцевъ не на бумагѣ, а въ бою, и Шамиль три дня праздновалъ смерть этого рыцаря безъ страха и упрека. Одержанные имъ успѣхи были не изъ числа такихъ, которые влекутъ за собою лишь разстройство всѣхъ войскъ тамошней арміи и новыя требованія огромныхъ суммъ и подкрѣпленій изъ нѣсколькихъ десятковъ ты-

¹⁾ Сынъ А. П. Ермолова.

сѣчь свѣжихъ войскъ, т. е. такихъ побѣдъ, которыя напоминаютъ старую французскую поговорку: *encore une victoire rareille et nous sommes perdus.*

Припоминая однакожь, что нельзя встрѣчать новый годъ такими грустными мыслями, я заключаю письмо повтореніемъ душевнаго моего желанія, чтобы вы провели этотъ годъ въ полномъ благополучіи.

2.

13 февраля 1861 г. С.-Петербургъ.

Высокочтимый Алексѣй Петровичъ!

Письмо, которымъ вы почтили меня отъ 23-го января, неслыханно меня обрадовало извѣщеніемъ, что здоровье ваше начинаетъ поправляться, что подтвердилъ и Николай Алексѣевичъ; скоро наступающая весна несомнѣнно подкрѣпитъ ваши силы и прекратитъ ваши страданія, такъ думаютъ и надѣются многочисленные ваши почитатели, т. е. всѣ занимающіеся русскою исторіею.

За лестное обѣщаніе подарить мнѣ портретъ вашъ мнѣ остается только низко поклониться и увѣрить васъ, что въ воспоминаніяхъ не только моихъ, но и всѣхъ посѣщающихъ меня кавказцевъ, онъ возобновитъ славное прошедшее. Въ ожиданіи его я не утерпѣлъ и приобрѣлъ старый портретъ вашъ, хотя не вполнѣ удачный, но довольно вѣрно воспроизводящій черты ваши. Онъ стоитъ рядомъ съ портретомъ князя Цицианова въ моей кавказской галереѣ, и оба они какъ будто глядятъ на наши горы и упрекаютъ новѣйшее поколѣніе придворныхъ полководцевъ, изнуряющихъ всѣ силы Россіи, чтобы покорять эти горы, но напрасно. Покореніе только на бумагѣ, а дѣйствительно дерутся больше прежняго, убилъ людей въ десять разъ болѣе, нежели 10 лѣтъ назадъ, а денежный расходъ утроился противъ 1852 года. Правда, что не все идетъ на военныя дѣйствія; напримѣръ 800.000 руб. ассигновано на возведеніе монументальной гостиницы на Казбекѣ, съ бильярдами, дилижансами и проч., но безъ дровъ, которыхъ тамъ нѣтъ.

Послѣдняя экспедиція противъ шалсуговъ не удалась; у насъ много поморожено людей, а закубанцы, народъ дикій и необразованный, не постигли достоинства стратегическаго концентрическаго движенія, которое должно было отбросить ихъ въ море. Они попросту утекли въ свои лѣса и ущелья; вотъ какъ умнѣйшія распоряженія не достигаютъ цѣли единственно по глупости непріятели, неуважающаго стратегію.

Покорнѣйше прошу, высокочтимый Алексѣй Петровичъ, простить мою излишнюю болтливость и вѣрить чувствамъ глубочайшаго почтенія и преданности.

Письмо графа Н. П. Румянцева С. Ф. Стрекалову.

26 февраля (9 марта) 1794 г. Гамъ.

Милостивый государь мой Степанъ Федоровичъ!

Я крайнѣ сожалѣю, что вы покинули здѣшний край преждѣ нежели я имѣлъ случай съ вами повидаться и воспользоваться пребываніемъ вашимъ во Франкфуртѣ. Позвольте, милостивый государь мой, вамъ напомнить, что вы обѣщать мнѣ изволили по возвращеніи своемъ въ Россію выплатить изъ кабинета цѣну проданной мною брилліантовой цѣпочки. Вы крайне меня одолжить изволите, если сіи деньги перешлетѣ ко мнѣ во Франкфуртѣ, адресуя или на имя г-дѣ Бѣггановъ или г-на Генриха Гонтара, какъ вамъ будетъ способнѣе. Мнѣ въ деньгахъ по разнымъ обстоятельствамъ миссіи моей довольноя нужда.

Собственноручное письмо графа П. Завадовскаго графу А. К. Разумовскому.

20 августа 1808 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь мой, графъ Алексѣй Кирилловичъ. Просилъ и еще прошу вашего сіятельства возстановить порядокъ ученія и очистить отъ негодяевъ Ярославскую гимназію. Каково же основателю оной, Демидову, видѣть таковыя плоды отъ своихъ благотвореній! Я надѣюсь, что ваши распоряженія и посланный экзекуторомъ, о чемъ меня увѣдомляете, подымутъ въ Ярославлѣ падшее ученіе. Дай Богъ вамъ также перевести партію Бахуса и своею попечительностію превратить въ свѣтило хаосъ Московскаго университета. Присовокуплю къ симъ желаніямъ истинное мое почтеніе и нелицемѣрную преданность, съ коими пребываю вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. Г. Петръ Завадовскій.

Сообщ. академикъ А. Ф. Вычковъ.

Изъ бумагъ А. В. Никитенко.

(Письма къ нему гр. Хвостова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, графини Е. Ростовичиной, Ив. Лажечникова и Крамскаго ¹⁾).

Письма графа Хвостова—А. В. Никитенко.

1.

5-го августа 1835 г.

Свидѣтельствуя дружескій поклонъ и искреннее уваженіе почтенному Александру Васильевичу просить его покорно приложенные у сего три пакета раздать по надписи въ первую, вторую и третью гимназій, состоящія здѣсь въ городѣ при университетѣ; въ сихъ пакетахъ мои стихи, которые я къ вамъ уже давно сообщилъ, да и теперь два экземпляра прилагаю собственнo для васъ. Съ истиннымъ почтеніемъ вашъ, милостивый государь мой, покорный слуга графъ Хвостовъ.

2.

11-го сентября 1835 г.

Старое, и весьма старое знакомство, лѣтъ за 15-ть отсель, еще на Литейной улицѣ у г. Таукмана, побуждаетъ меня прибѣгнуть къ вамъ подъ покровительство и покорно просить одобрить казеннымъ порядкомъ сочиненіе моей неумолаемой музы, большею частію въ стихахъ,

¹⁾ На страницахъ „Русской Старины“ 1888--1890 г. были напечатаны записки и дневникъ Александра Васильевича Никитенко.—Здѣсь же помѣщаются письма къ нему разныхъ лицъ.

Р е д.

иногда и въ прозѣ. Теперь я посылаю къ вамъ 1-й томъ лирическихъ моихъ твореній полнаго собранія т. е. по старинному одъ, духовныхъ, нравственныхъ и всякаго рода. Случилася бѣдушка—первый томъ пропалъ, то чтобы не потерять изданіе, надобно его перепечатать. Прошу удостоить сей 1-й томъ цензурокъ вашею и вѣрять всегда вручителю сего г. Власову, который отъ меня будетъ къ вамъ ходить съ покорными просьбами и порученіями. Радъ очень буду васъ видѣть у себя въ домѣ по вечеркамъ: я болѣе полугодъ боленъ и все нахожусь въ постели. Повторяю вамъ мою покорную просьбу и ожидаю благосклоннаго отвѣта. Есмь и буду съ почтеніемъ вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорный слуга графъ Хвостовъ.

P. S. Мой «Биографическій Словарь» при концѣ, и очень нужна ваша біографія. Прошу немедля доставить ее, я теперь уже обрабатываю литературу III.

3.

Октябрь 1835 г.

Въ полной надеждѣ на знакомство ваше, на знанія и любовь къ словесности, посылаю вамъ, со страхомъ и трепетомъ, первую часть моего «Биографическаго Словаря» отъ лит. А до Л. Посылаю какъ цензору на одобреніе;—а главная моя цѣль есть та, чтобы сіе, можетъ быть, полезное твореніе, какъ знаменитымъ нашимъ литераторомъ, то есть вами, было прочитано, осмотрѣно въ полной мѣрѣ и исправлено бы было въ недостаткахъ:

1) въ недостаткахъ хронологическихъ о мѣстѣ, годѣ рожденія—словомъ все то, что вы заблуждаетесь относительно неполноты или забвенія именъ авторскихъ и сочиненій ихъ. Только прошу, продержавъ у себя словарь хотя мѣсяцъ и болѣе, замѣчанія ваши писать хотя чернилами, но на особой бумажкѣ, а не въ самой книгѣ словаря. Вы меня симъ много и много изволите облагодѣтельствовать. Мое дѣло было собрать имена, дѣлать выписки изъ прежнихъ пособій, которыхъ, кромѣ Новикова и Духовнаго Словаря, Словесности Греча IV части почти у насъ нѣтъ. Мой словарь не иное что, какъ собственныя мои записки о знаменитыхъ происшествіяхъ каждаго автора, то есть, что я о каждомъ современникѣ чувствовалъ и думалъ, и отнюдь не постоянное для потомства сужденіе. Словарь мой историческій, а не сатирический; онъ, кажется, безпристрастенъ. Скажутъ мнѣ, что въ немъ есть пропуски;—согласенъ.—Я васъ прошу ихъ дополнить, а если нѣкоторые и останутся, то какой же словарь можно выдать полнымъ съ перваго изданія?

2) Еще скажутъ, что есть невѣрности;—надобно оныхъ избѣгнуть, сколько возможно, о чемъ васъ опять прошу и буду читать (?) мой словарь другимъ.

3) Относительно недостатковъ слога, я вамъ повѣряю исправленіе онаго, какъ знаменитому профессору и филологу—только какъ выше сказано, на особой бумажкѣ.—Облагодѣтельствуйте меня и потрудитесь для пользы отечества. Впрочемъ, когда мой словарь напечатается, то есть черезъ годъ, ибо я тороплюсь,—каждый воленъ будетъ мнѣ сообщить замѣчанія о недостаткахъ, невѣрностяхъ и ошибкахъ; я оныя всѣ критики приму съ благодарностью, и васъ обременяю поправками для того, что это дѣло не мое, а дѣло русской словесности. Притомъ же скажу вамъ, что многіе живые литераторы, какъ то: г. Андросовъ, Аксаковъ и многіе другіе, не взирая на мои убѣдительныя просьбы, біографій своихъ не присылаютъ; иныхъ, особливо медиковъ и профессоровъ по точнымъ наукамъ, я мало на память знаю, могу пропускать многія сочиненія и только руководствуюсь, и то случайно, «Сѣверною Пчелою». Словарь у меня собственный конченъ по литеру III; но вотъ дѣло, что мертвыя буквы (?), ваша собственная біографія, подъ лит. Н—Никитенко, давно написана и вписана во вторую часть словаря, котораго я еще не посылаю. Біографіи вашей ожидаю и снова прошу поставить голову на плечи, то есть обязать меня въ первой части исправленіемъ недостатковъ. Желаю на досугъ очень и очень съ вами повидаться и самъ буду, когда стану выѣзжать. Прошу полюбить, вѣрить Ильѣ Дмитріевичу Власову по моимъ порученіямъ, и еще вѣрить, что я есмь и буду съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью вамъ, милостивый государь мой, покорный слуга графъ Хвостовъ.

P. S. Разумѣется, что я обременяю васъ, моего благодѣтеля, поправкою недостатковъ моего словаря, не съ тѣмъ, чтобъ вы снова изволили собирать справки и переименовывать мой словарь; но увѣренъ будучи въ вашихъ большихъ знаніяхъ и хорошей памяти, прошу покорно исправлять только то, что у васъ случится подъ руками, по-верховство.

Еще слово: говорятъ и скажутъ мнѣ, что я помѣщаль иностранцевъ, писавшихъ на чужеземныхъ языкахъ,—точно такъ;—у меня есть инженеръ Базенъ, генераль-аѣютантъ Жюмини, митрополитъ Сестренцевичъ и многіе другіе. Вотъ мое оправданіе: они русскіе, потому что долго жили въ отечествѣ нашемъ, что въ нашей службѣ, и писали болѣе для Россіи, чѣмъ для Европы.

Скажутъ мнѣ, что у меня, кромѣ авторовъ въ стихахъ и прозѣ, находятся художники—не спорю;—Бартнянскій, Алексѣй Ѳеодоровичъ Львовъ и, можетъ быть, другіе. Развѣ они не сочинители? и для чего

во всѣхъ родахъ не похвастать тѣмъ, что изящно и что намъ собственно (т. е. составляетъ нашу собственность).

Письма Ив. Сер. Тургенева — А. В. Никитенко.

1.

26-го марта 1837 года.

Препровождая вамъ мои первые, слабые опыты на поприщѣ русской поэзіи, я прошу васъ не думать, чтобы я имѣлъ малѣйшее желаніе ихъ печатать—и если я прошу у васъ совѣта, то это единственно для того, чтобы узнать мнѣніе ваше о моихъ произведеніяхъ, мнѣніе, которое я цѣню очень высоко. Я колебался, долженъ ли я былъ послать драму, писанную мною 16-ти лѣтъ, мое первое произведеніе—я столько вижу въ ней недостатковъ и вообще весь планъ ея мнѣ теперь такъ не нравится, что если-бъ я не надѣялся на вашу снисходительность, а главное если-бъ я не думалъ, что по первому шагу можно по крайней мѣрѣ предугадать будущее, я никогда не рѣшился бы вамъ ее послать. Съ годъ тому назадъ я ее давалъ П. А. Шлетневу. Онъ мнѣ повторилъ то, что я давно ужъ думалъ—что все преувеличено, невѣрно, незрѣло... ¹⁾ и если есть что-нибудь порядочное, то развѣ нѣкоторыя частности очень немногочисленныя. Считаю долгомъ замѣтить, что (вы конечно это тотчасъ замѣтите) размѣръ стиховъ очень неправиленъ. Передѣлывать ихъ теперь не стояло труда, и я было хотѣлъ ее предать совершенному забвенію, когда ближайшее знакомство съ вами побудило меня показать ее вамъ. — «Повѣсть Старика»—недоконченная и врядъ-ли когда окончаемая поэма—писана въ 1835 году. И наконецъ: «Нашъ вѣкъ»—произведеніе, начатое въ нынѣшнемъ году въ половинѣ февраля, въ припадкѣ злобой досады на деспотизмъ и монополію нѣкоторыхъ людей въ нашей словесности. Прошлый годъ былъ посвященъ переводу Шекспирова «Отелло» (который я не кончилъ—только до половины 2-го акта) «Короля Лира» (съ большими пропусками) и «Манфреда». Первые два перевода мною истреблены: мнѣ они казались слишкомъ дурны послѣ переводовъ Вронченки, Панаева.. ¹⁾ Притомъ это было ложное направленіе—я совершенно не гожусь въ переводчики. «Манфредъ» у меня не списанъ, оттого я и не посылаю его къ вамъ. Если то, что я вамъ послалъ, покажется вамъ не совершенно дурнымъ, то если вамъ бу-

¹⁾ Точки въ подлинникѣ.

деть угодно мнѣ сказать, я вамъ доставлю еще три маленькія конченныя поэмы: «Штиль на морѣ», «Фантазмагорія въ лунную ночь» и «Сонъ». Сверхъ того, у меня около 100 мелкихъ стихотвореній, но все не переписано—разбросано..¹⁾ «Нашъ вѣкъ»—не конченъ; я работаю теперь надъ нимъ. Впрочемъ отъ вашего рѣшенія будетъ зависѣть, долженъ-ли я продолжать. Еще одна просьба: не говорите объ этомъ Петру Александровичу: я общалъ и ему, передъ знакомствомъ съ вами, доставить мои произведенія, и до сихъ поръ не исполнилъ обѣщанія. Мнѣнія его, которыя я, впрочемъ, очень уважаю, не сходятся съ моими, притомъ—я вамъ скажу откровенно—при первомъ знакомствѣ съ вами я къ вамъ почувствовалъ неограниченную довѣренность...¹⁾ И еще забылъ вамъ сказать, что мною въ концѣ прошлаго года начата драма, которой первый актъ и весь планъ совершенно конченъ; я надѣюсь, по прїѣздѣ моемъ изъ деревни—привезти ее уже конченую (въ сентябрѣ). Затѣмъ прошу у васъ снисходительности за смѣлость, которую я принялъ васъ обезпокоить, и прошу васъ вѣрить въ тѣ чувства уваженія и совершеннаго почтенія, съ которыми я остаюсь, вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Тургеневъ.

2.

18-го сентября 1837 г. Мценскій уѣздъ.

Позвольте мнѣ прибѣгнуть къ вашему посредничеству. Вамъ извѣстно, что я нынѣшней весной подвергался испытанію для полученія кандидатской степени и, какъ я могъ судить изъ списковъ, довольно удачно. Оставался одинъ экзамень изъ русской исторіи, отложенный до конца вакацій, по причинѣ болѣзни жены профессора Устрялова. Я намѣревался прибыть къ 5-му сентября въ Петербургъ, и наканунѣ отъѣзда, упавъ съ дрожекъ, сломалъ себѣ руку. Это неожиданное происшествіе заставило меня отложить отъѣздъ мой на шесть недѣль; а потому покорнѣйше прошу васъ, если это будетъ имѣть неблагоприятное вліяніе на полученіе диплома или вообще на экзамень, которому я еще не подвергался, замолвить обо мнѣ слово въ совѣтѣ. Съ сей же почтою отправляю донесеніе къ г. ректору. Надѣясь на благоволеніе, которое вы мнѣ всегда оказывали, смѣю думать, что вы не оставите моей просьбы безъ вниманія. За симъ, съ истиннымъ чувствомъ уваженія и преданности, остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга Иванъ Тургеневъ.

Письма Н. В. Гоголя—А. В. Никитенко.

1.

10-го апрѣля 1842 г. Москва ¹⁾.

Благодарю васъ за ваше письмо. Въ немъ видно много участія, много искренности и много того, что прекрасно и благородно волнуетъ человека. Да, я не могу пожаловаться на цензуру: она была снисходительна ко мнѣ, и я умѣю быть признательнымъ. Но, признаюсь, уничтоженіе „Копейкина“ меня много смутило. Это одно изъ лучшихъ мѣстъ. И я не въ силахъ ничѣмъ теперь заплатитъ ту прорѣху, которая видна въ моей поэмѣ. Вы сами, одаренные эстетическимъ вкусомъ, который такъ отразился въ письмѣ вашемъ, вы сами можете видѣть, что кусокъ этотъ необходимъ, не для связи событій, но для того, чтобы на мигъ отвлечь читателя, чтобы одно впечатлѣніе смѣнить другимъ, и кто въ душѣ художникъ, тотъ пойметъ, что безъ него остается сильная прорѣха. Мнѣ пришло на мысль: можетъ быть цензура утратилась генералитета. Я передѣлалъ „Копейкина“, я выбросилъ все, даже министра, даже слово: „превосходительство“. Въ Петербургѣ, за отсутствіемъ всѣхъ остается только одна временная коммиссія. Характеръ Копейкина я выначилъ сильнѣе, такъ что теперь ясно, что онъ самъ причиной своихъ поступковъ, а не недостатокъ состраданія въ другихъ. Начальникъ коммиссіи даже поступаетъ съ нимъ хорошо. Словомъ, все теперь въ такомъ видѣ, что никакая строгая цензура, по моему мнѣнію, не можетъ найти предосудительнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи. Молю васъ возвратитъ мнѣ это мѣсто и скорѣе сколько возможно, чтобы не задержать печатанья. У Плетнева вы возьмите рукопись и передайте ее потомъ ему же для пересылки ко мнѣ. Ничего вамъ не скажу болѣе, ибо вы сами въ письмѣ вашемъ сказали, что понимаете меня, стало быть поймете и благодарность мою.

Истинно преданный вамъ Н. Гоголь.

¹⁾ Письмо это служитъ отвѣтомъ на письмо А. В. Никитенко отъ 1-го апрѣля, уже напечатанное на страницахъ „Русской Старины“ (1889 года № 8 стр. 384). Ред.

2.

21-го іюля (1 августа) 1842 (?) г. Эмсъ.

Я къ вамъ съ просьбою, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ. Отъ Плетнева вы получите, если уже не получили на процензироваіе нѣкоторыя изъ моихъ писемъ, которыя имѣютъ быть напечатаны отдѣльной книгой въ весьма непродолжительномъ времени. Отъ Плетнева вы будете все получать по частямъ. По разнымъ причинамъ я не хочу, чтобы до времени выхода о книгѣ знали. А потому прошу васъ, чтобы осталось только между вами и Плетневымъ, и никто бы кромѣ васъ двухъ не былъ введенъ третій. Что касается до самаго существа книги въ отношеніи цензуры, то я совершенно спокоенъ, увѣренъ будучи, съ одной стороны, въ вашей благосклонности, а съ другой стороны, въ безвинности самой книги, при составленіи которой я самъ былъ строгимъ своимъ цензоромъ, что вы, я думаю, увидите сами. Если же какое и встрѣтится выраженіе, которое бы даже съ перваго раза остановило васъ, то я увѣренъ, что къ концу книги смыслъ его объяснится предъ вами полный, и вы его признаете только нужнымъ и ничего болѣе. Если же сдѣлаете какую поправку или указаніе относительно слога, неточности выраженія и т. п., то симъ меня крайне обяжете. О письмѣ, равно какъ и о полученіи отъ Плетнева начала рукописи уведомите меня, адресуя во Франкфуртъ на Майнѣ на имя Жюковскаго, прибавивъ къ Франкфурту s/M Sachsenhausen Salzwedels-garten vor dem Schanmeinthor. Засимъ обнимаю васъ отъ всей души. Весь вашъ Гоголь.

Письма графини Е. Ростопчиной—А. В. Никитенко.

1.

Декабрь 1854 г.

Вы повторили анекдотъ царя персовъ, не пріѣхали за моимъ оружіемъ, Александръ Васильевичъ... А я въ это время была вдругъ огорчена внезапною смертію добраго и хорошаго дяди, и всѣ эти неудачи вмѣстѣ огорчили и отуманили меня на долго. Вотъ и сегодня официальный вечеръ разстраиваетъ наши крошечныя и уютныя планы: неужто я ужъ васъ больше не увижу? Нѣтъ, право, это несправедливо и вы должны вознаградить меня, пріѣхать пить чай со мною завтра вечеромъ, на прощанье. Я даже имѣю честолюбивую смѣлость просить

самого Абрама Сергѣевича (Норова ¹⁾) и вамъ поручаю адвокатствовать за меня и подкрѣпить мою просьбу вашимъ краснорѣчивымъ ходатайствомъ. — Также я прошу васъ о другой милости. Вотъ вамъ два экземпляра намеднишнихъ стиховъ: одинъ—для васъ, по общанію; другой назначается для отсылки къ неутомимому цензору, и мнѣ, по многимъ причинамъ желается, чтобы министръ подписалъ его своею всемогущею и милостивою рукою. Можете-ли вы помочь мнѣ въ этомъ женскомъ предпріятіи и выпросить мнѣ волшебную подпись?—Въ этомъ много и премного меня обяжете.

Если вы свободны завтра посѣтить мою калю, будьте добры исполнѣ, передайте мои приглашенія г-ну Уманцу и Алексѣю Трофимовичу; мнѣ хочется видѣть около себя всѣхъ трѣхгодушнихъ собесѣдниковъ.

Съ сердечною радостью пользуюсь случаемъ сказать вамъ, Александръ Васильевичъ, какъ давно васъ уважаетъ и чтитъ всею душою преданная вамъ граф. Е. Ростопчина.

На Спиридоновкѣ, въ домѣ Рахманова.

На Освященіе Единотѣрческой Церкви въ Преображенской богадѣльнѣ.

Великій день, значевья полный,
И многимъ памятный сердцамъ!
Текутъ въ возобновленный храмъ
Народа радостныя волны.
Соборомъ служатъ; клиръ гласитъ
Напѣвомъ древнимъ антифоны
И византійскія иконы
Окладъ старинный золотить.

Сегодня въ церкви православной
Любви и мира торжество:
Она зоветъ на празднество
Своей побѣды достославной;
Ея отпадшіе сыны
Пришли опять въ ея объятія;
Давно желаемыя братья
Сегодня намъ возвращены.

Хвала тебѣ, о Мать Святая!
Ты приняла своихъ дѣтей
Съ благой терпимостью своей,
Всемиосердно имъ прощая!..
Хвала, духовный нашъ Отецъ,
Нашъ архипастырь вдохновенный!
Ты словомъ истины священной
Проникъ имъ въ глубину сердецъ!

¹⁾ Министра народнаго просвѣщенія.

Ты снялъ повязку заблужденья
 Съ глазъ добровольныхъ сихъ слѣпцовъ;
 Внутри колеблемыхъ умовъ
 Разъсѣялъ тайный мракъ сомнѣнья;
 Гремя на ересь и расколъ,
 Шадить умѣлъ ты увлеченныхъ
 И, убѣдивши обращенныхъ,
 Ихъ въ православіе привелъ.

И насъ, свидѣтелей, здѣсь много:
 Всѣ Бога мы благодаримъ,
 Всѣ искренно обнять спѣшимъ
 Пришедшихъ къ вамъ во имя Бога.
 Пусть съ нами ангелы съ небесъ
 Ликуютъ радостію вельей;
 На православномъ новосельи
 Единой вѣры храмъ воскресъ!

Москва, 19 декабря 1854 г.

Графъ. Е. Ростопчина.

2.

27 сентября 1855 г. Москва.

Простите мнѣ, почтенный Александръ Васильевичъ, что я такъ скоро употребляю во зло ваше радушіе ко мнѣ и тревожу васъ даже издали, когда 600 верстъ чугуны между нами должны бы защищать васъ надежнѣе всякаго Севастополя отъ моихъ нападеній и вооруженій.—Вторгаюсь я настоящимъ англо-французомъ въ ваше мирное и дѣльное уединеніе съ двойнымъ азартомъ автора и женщины, въ который онѣ приходятъ, когда самолюбіе и тщеславіе ихъ затронуты, когда дѣло идетъ о ихъ эгонстической личности, и когда оба, очертя голову, бросаются во всѣ огни, черезъ всѣ преграды, чтобы отстоять и спасти это самолюбіе, столь чувствительно-щекотливое. И авторъ, и женщина во мнѣ страдаютъ, и какъ ни смѣюсь я надъ слабостями того и другого, однако повинуюсь имъ и прибѣгаю къ вамъ, какъ къ исцѣлителю обоихъ. Благодаря вамъ и вашему краснорѣчивому ходатайству, милый, добрый, удивительный Авраамъ Сергѣевичъ благоволилъ принять участіе въ моей просьбѣ о стихахъ и самъ отвѣчалъ мнѣ съ желѣзной дороги, чтобы посоветовать мнѣ одну небольшую поправку и вторично разрѣшить печатать ту піесу, которую я имѣла удовольствіе показать вамъ обоимъ.

Тотчасъ послѣ вашего отъѣзда у насъ случилось домашнее горе: занемогла опасно престарѣлая свекровь, и я была совершенно отвлечена отъ всего другого; но когда она оправилась я переправила

стихи и послала ихъ съ письмомъ къ цензору Похвисневу, увѣдомляя его, что митрополитъ одобрилъ, а министръ разрѣшилъ ихъ къ печати, слѣдственно, просила его не быть неумолимымъ. Отвѣтъ получила я очень вѣжливый, но отрицательный. Онъ говоритъ, что не можетъ пропустить стиховъ, потому, что боится духовной цензуры и потому, что уже больше не цензоръ. Однако, до сихъ поръ, всѣ московскія газеты и журналы подписываются имъ: кто-же цензоромъ?.. Видя такое рѣшительное гоненіе— я рѣшаюсь просить васъ, Александръ Васильевичъ, чтобы вы вторично были моимъ благодѣтелемъ и выхлопотали мнѣ подпись всемогущую и всемилостивую общаго нашего отца и командира и, получивши ее, послали стихи въ „Челу“, гдѣ недавно было прекрасное описаніе подобнаго-же освященія единовѣрческаго храма въ одномъ губернскомъ городкѣ— и откуда они разойдутся по Руси, чего желаютъ наши новые, присоединенные братья и что одобряетъ нашъ умный Филаретъ.—Если бы это дѣло не было общее и любезное всякому русскому, православному сердцу, если-бъ каждый голосъ, возвышающійся въ пользу великаго событія присоединенія, не становился важнымъ, какъ эхо общаго чувства, если-бъ всякое слово, сказанное отъ души, не приносило плода, достигая и долетая до другихъ душъ, разсѣянныхъ по пространствамъ Руси и заблужденныхъ, можетъ быть, потому только, что никто не старался ихъ обратить,—я никогда не подумала бы тревожить почтенныхъ людей моимъ слабымъ произведеніемъ и не придавала бы столько важности, извѣстности или безизвѣстности моихъ стиховъ. Но мнѣ сказали и я сама полагаю, что при теперешнихъ обстоятельствахъ все взвѣшивается и считается, даже и женскіе стишки, если они способствуютъ къ возвеличенію и прославленію нашей святой церкви и ея ревнителей. Позвольте-же мнѣ выбрать васъ въ душеприказчики и наложить на васъ трудъ способствовать моей душѣ высказаться въ этомъ случаѣ! Прошу васъ передать министру всю мою теплую искреннюю благодарность за его расположеніе ко мнѣ, за его ласковое письмо; не смѣю отвѣчать ему, чтобы не отнять у него минуты его занятаго времени, но въ сердцѣ моемъ уже сто разъ отвѣчала ему и радовалась благотворнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ его присутствіемъ и его личностью на вѣренное ему юношество. Это своего рода паства, и нашъ паломникъ чувствуетъ и понимаетъ это вполне. Дай Богъ ему успѣха!.. Какъ хороши слова Шевырева въ привѣтствіи бородинскому войску, и какъ я понимаю энтузіазмъ, произведенный между присутствующими на обѣдѣ 14-го января.

А все-таки намъ съ вами не удалось видѣться еще разъ, и всѣ наши предположенія рушились! Жалѣть буду, пока Богъ не приведетъ вновь встрѣтить васъ и выразить вамъ лично, Александръ Васильевичъ, всѣ

чувства глубочайшаго уваженія и искреннѣйшей благопріязни, съ которыми имѣю честь и удовольствіе остаться навсегда преданная вамъ душою граф. Е. Ростопчина.

На Спиридоновѣ въ домѣ Рахманова.

Письмо Ив. Лажечникова.—А. В. Никитенко.

10-го мая 1858 года.

Пятый и шестой томы моихъ сочиненій не доставлены вамъ потому, что еще печатаются. Сейчасъ по выходѣ ихъ изъ типографіи долгомъ почту ихъ къ вамъ препроводить.

Я всегда уважалъ вашъ судъ и потому съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ ваши отзывы о моихъ произведеніяхъ. Конечно, они оцѣнены вами за характеръ ихъ—любовь къ правдѣ, добру, всему прекрасному и гуманному. Въ нихъ затронуты многіе соціальные интересы, о которыхъ нынѣ такъ много пишутъ.

Совершенно соглашаюсь съ вами насчетъ односторонности нашей современной литературы. Кто будетъ спорить, что нынѣшняя обличительная школа не полезна, что война съ злоупотребленіями и со всѣми гадостями, царствующими въ административныхъ и судебныхъ мѣстахъ, не есть война благородная? Но досадно, что ряды этой воинственной рати ежедневно умножаются рекрутками, которые едва умѣютъ держать оружіе свое—перо въ рукахъ; что въ возгласахъ ихъ слышатся удалые, циническіе крики, которые не только помогаютъ доброму дѣлу, но еще портятъ его; досадно, что помимо этой обличительной литературы нѣтъ уже мѣста другой, художественной—нѣтъ писателямъ спасенія. Что за манія непремѣнно хотѣть, чтобы всѣ шли по одному указанному пути! Литература—свободная область; дорожку въ ней много—иди себѣ по любой и не брани своего собрата, если потребности его души зовутъ его на другой, болѣе сродный ему путь. Нѣтъ, у насъ не смѣй, закидаемъ грязью, печатно опозоримъ!.. И все это оттого, что мы молодой народъ, не остепенились еще мыслью... Во Франціи, въ Германіи, въ Англіи не слышать подобныхъ нашимъ возгласовъ: зачѣмъ вы пишете это, почему вы посвящали себя этому роду, а не тому, который указалъ вамъ такой-то вождь. Тамъ каждый обрабатываетъ долю, которую Богъ ему указалъ. И всякій талантъ, по какому бы пути ни шелъ, лишь бы былъ талантъ—не встрѣтитъ укорины за то, что не шелъ по указанному пути. Ни въ одной странѣ, какъ въ Россіи, не найдете столько критики, столько критическихъ школъ, нынѣ родившихся, а

*

завтра умирающихъ, столько неопредѣленныхъ, туманныхъ (?) теорій: такъ много уставщиковъ, и такъ мало истинныхъ дѣателей. Не скажу, чтобы у насъ не было дѣльныхъ критиковъ, оказавшихъ важныя услуги литературѣ, но много было и непризванныхъ школьничковъ, сбившихъ съ пути молодыхъ писателей. Впрочемъ и то сказать къ утѣшенію нашему, что мы живемъ во время переходное къ лучшему. Перебьются, остепенится мыслью нынѣшнее поколѣніе, и тогда мы будемъ уже не дѣти, не юноши, а — мужи! и тогда, можетъ быть, скажутъ о нашемъ времени: все то было благо, все добро!..

Извините меня за многоглаголаніе и за небрежность письма. Поручаю себя вашей памяти и прошу вѣрить въ искренность уваженія и преданности вашего покорнѣйшаго слуги И. Лажечникова.

P.S. Завтра сбрасываю съ себя цензорское бремя. Вспоминать, и не разъ, лезвіе бритвы, которое вы сравниваете съ этой должностью. Лучше готовъ хлѣбъ съ водой ѣсть, чѣмъ ходить безпрестанно между двухъ огней.

Письма И. Крамскаго—А. В. Никитенко.

1.

16-го іюля 1875 г.

Глубокоуважаемый Александръ Васильевичъ! Я обѣщался вамъ дать знать, когда портретъ цесаревича можно видѣть; вы же, съ своей стороны, выразили желаніе, чтобы это случилось въ такой день, когда вы бываете въ городѣ, именно: во вторникъ или въ пятницу; между тѣмъ, по вторникамъ и пятницамъ именно я ѣздилъ въ Ораніенбаумъ, къ великой княгинѣ. Вотъ почему до сихъ поръ я васъ не извѣщалъ. Но въ настоящее время я освобожденъ совсѣмъ, и если вы только будете въ городѣ въ эту пятницу, то я просилъ бы васъ заѣхать, только не на квартиру ко мнѣ, а въ Аничковъ дворецъ, куда портретъ поставленъ въ понедѣльникъ. Пройти туда надо черезъ садъ, отъ памятника Екатерины, такъ какъ подъѣздъ сломанъ и передѣлывается. У дежурныхъ служителей спросите провести васъ въ рабочую комнату, гдѣ я занимаюсь. Я тамъ буду цѣлый день.

2.

7-го іюня 1876 г., Парижъ.

Глубокоуважаемый Александръ Васильевичъ! Очень жаль, что обстоятельства такъ сложились, что мы не увидались за-границей, когда казалось это возможнымъ, для меня по крайней мѣрѣ. Путешествующій съ пользою для искусства художникъ, какъ вы обо мнѣ выразились, чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Его «высокій» талантъ новыми идеями не особенно воодушевляется, а до «реализаціи» ихъ такъ далеко, что подумать страшно. Путешествующій художникъ чувствуетъ себя довольно изолированнымъ, чтобы не сказать одинокимъ, передъ тѣмъ будущимъ, къ которому онъ самъ добровольно пошелъ навстрѣчу. А «во славу высшихъ идеаловъ человечества» искусство не работаетъ теперь; оно, знаете, по времени какъ-то не то неприлично, не то совѣстно,—никто этими пустяками не занимается.

Что будетъ изъ всего того, что дѣлается, и куда мы придемъ—я не знаю.

Сердечно радъ буду узнать, что путешествіе принесло вамъ пользу, въ чемъ не сомнѣваюсь. До такой степени я вѣрю въ цѣлебную силу путешествій, что готовъ рекомендовать ихъ отъ всѣхъ недуговъ, и тѣлесныхъ, и душевныхъ. Я въ настоящее время въ Парижѣ, гдѣ временно, то-есть мѣсяца на полтора, пристроился въ Rue de Rome № 95, въ мастерской Боголюбова; онъ уѣзжаетъ на лѣто къ морю для этюдовъ, а я къ тому времени начну картину и работать совсѣмъ переберусь за городъ, въ окрестности.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

О принятіи мѣръ противъ медленнаго рѣшенія дѣлъ.

Высочайшій указъ исковскаго намѣстничества правителю Пилу.

8 января 1784 г. С.-Петербургъ.

Изъ представленныхъ Намъ вѣдомостей о числѣ рѣшенныхъ дѣлъ и о присутствіи членовъ въ разныхъ мѣстахъ по губерніямъ въ теченіе прошедшаго года, съ одной стороны видѣли Мы съ удовольствіемъ, что радѣтельнымъ наблюденіемъ нашихъ генераль-губернаторовъ, правящихъ ту должность и губернаторовъ и прилежаніемъ большей части людей, къ должностямъ опредѣленныхъ, великое множество дѣлъ приведено къ окончанію; но съ другой не могло отъ насъ сокрыться, что въ иныхъ губерніяхъ превосходное число нерѣшенныхъ дѣлъ осталось, и что изъ присутствующихъ многіе большую половину года не были въ засѣданіи,—Мы желаемъ, чтобы наши генераль-губернаторы и правящіе ту должность, въ отсутствіи же ихъ губернаторы, объявили кому надлежитъ въ губерніяхъ имъ ввѣренныхъ, что какъ Мы обыкли вниманіе наше обращать на труды и подвиги, подъемлемые каждымъ въ прехожденіи служенія на него возложеннаго, такъ и не оставимъ отмѣнные въ томъ успѣхи отличать нашимъ благоволеніемъ, а равнымъ образомъ напротивъ того не можемъ Мы оставить безъ взысканія, если кто найдется причиною упущенія по службѣ государственной и медленіемъ въ доставленіи правосудія; почему и надѣмся, что отнынѣ впредь всякъ изъ служащихъ усугубитъ труды в старанія свои къ ревностному исправленію должностей ихъ по благоугодности нашей и на общую пользу. Пребываемъ впрочемъ вамъ императорскою нашею милостію благосклонны.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

(Биографическій очеркъ).

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился въ 1814 г. и былъ роднымъ внукомъ вице-президента коммерцъ-коллегіи, и двоюроднымъ племянникомъ директора Императорской Академіи наукъ. Будучи старшимъ сыномъ ст. сов. Александра Михайловича Бакунина отъ брака его на Варварѣ Александровнѣ Муравьевой, «Мишель» — какъ его звали домашніе и друзья, принадлежалъ къ богатой и старинной дворянской семьѣ, владѣвшей обширными вотчинами въ Тверской губерніи (главнымъ образомъ въ Ново-Торжскомъ уѣздѣ).

Романистъ Лажечниковъ, имѣвшій тамъ же по сосѣдству деревушку, на рѣкѣ Волгѣ, и близко знавшій въ 30-хъ годахъ семейство Бакуниныхъ, описываетъ его, какъ «...награжденное всѣми душевными дарами. Душою дома былъ глава его (Александръ Михайловичъ Бакунинъ), — патриархъ округа... величавый семидесятилѣтній старецъ». А. М. Бакунинъ «учился въ одномъ изъ знаменитыхъ въ свое время италіанскихъ университетовъ, служилъ не долго, не гонялся за почестями, доступными ему по рожденію и связямъ... съ молодыхъ лѣтъ поселился въ своей деревнѣ. Только два раза вызывали его изъ сельскаго убѣжища обязанности по званію губернскаго предводителя дворянства (въ 1807—1808 г.) и почетнаго попечителя гимназій»¹⁾. Отцомъ, однако-же, А. М. Бакунинъ оказался слабымъ, а между тѣмъ сынъ его, Мишель, съ дѣтства уже проявлялъ странныя причуды: въ немъ сказывались задатки сильнаго

¹⁾ См. также переписку Востокова, Спб., 1873 г., сер. VI («Сб. Рус. От. Ак. Н.», т. V,2) и Воспоминанія графа Соллогуба «Русскій Архивъ» за 1872 г.

характера и твердой воли на ряду съ безпредметною болѣзненною мечтательностью. Ребенкомъ въ родительскомъ домѣ онъ представлялъ себя героемъ, совершающимъ высокіе подвиги, а въ юнѣствѣ часто исчезалъ изъ-подъ отчаго крова и обставлялъ свои побѣги романтическими подробностями.

По окончаніи курса въ Артиллерійскомъ училищѣ, М. А. Бакунинъ былъ выпущенъ въ 1832 г. прапорщикомъ сначала въ гвардейскую, а затѣмъ переведенъ въ полевую артиллерію, но военная служба мало удовлетворяла прирожденнымъ склонностямъ, манившимъ Бакунина къ свободѣ и несбыточнымъ подвигамъ. Два года, проведенные въ провинціальномъ захолустьи, и ознакомленіе съ сочиненіями Ж. Ж. Руссо, Морелла, Мабли, Бриссо, Гельвеція и Кондильяка, которыя юнымъ прапорщикомъ перечитывались на досугѣ по интересу къ отвлеченному чтенію, лишь разожгли въ немъ смутныя стремленія чуждыя всякой дѣйствительности ¹⁾.

Въ 1834 г. Бакунинъ вышелъ въ отставку. Неопытный, безъ опредѣленныхъ цѣлей пріѣхалъ онъ въ Москву и поступилъ вольнымъ слушателемъ въ университетъ, гдѣ тогда вокругъ Станкевича группировался кружокъ мечтателей. До пріѣзда въ Москву Бакунинъ съ нѣмецкою философіею знакомъ не былъ, но Станкевичъ, сблизившійся съ нимъ, по отношеніямъ къ его семейству, натолкнулъ его на изученіе Гегеля. «Молодой офицеръ оказался человѣкомъ необычайнаго логическаго ума, рассказываетъ Анненковъ въ своей біографіи Станкевича;—съ врожденными къ философскимъ занятіямъ способностями, которыя помогали ему легко открывать живой смыслъ въ самыхъ сухихъ отвлеченностяхъ» ²⁾.

По отъѣздѣ Станкевича за границу, М. А. Бакунинъ занялъ видное положеніе въ кружкѣ, сблизился съ В. П. Вотькинѣмъ, Сатинѣмъ и В. Г. Бѣлинскимъ (этотъ послѣдній въ 1836 и 1838 гг. гостилъ въ имѣніи Бакуниныхъ и пріятельски сошелся съ сестрами Бакунина, Татьяною, Александрою и Софіею; съ ноября 1837 до половины 1838 г. въ Москвѣ даже жилъ вмѣстѣ съ М. А.). «Диллетантъ философъ», обратившійся въ ревнистаго изслѣдователя «нѣмецкаго любомудрія», Бакунинъ вполне обладалъ даромъ блестящаго изложенія, «который сообщалъ ему нѣчто похожее на роль провозвѣстника философскихъ истинъ» ³⁾.

Для Бѣлинскаго, не владѣвшаго нѣмецкимъ языкомъ, Бакунинъ по-

¹⁾ Em. de Laveleye. Le socialisme contemporain. P. 1883. p. 281.

²⁾ Стр. 42 и 101; въ своей перепискѣ Станкевичъ о Бакунинѣ упоминаетъ верѣдко, напр., на стр. 140, 149, 150, 152, 164, 165, 168, 171.

³⁾ Біографія Станкевича, Анненкова, стр. 134.

лучилъ первостепенное значеніе, а потому подъ именемъ «философскаго друга» онъ нерѣдко упоминается А. Н. Пыпинымъ въ описаніи московскаго періода жизни Бѣлинскаго ¹⁾).

По отношенію къ знаменитому русскому критику Бакунинъ, впрочемъ, настолько злоупотреблялъ авторитетомъ, что вызвалъ, наконецъ, Бѣлинскаго на отпоръ, а отсюда между прежними друзьями послѣдовало охлажденіе ²⁾). «Дикая мощь, безпокойное, тревожное и глубокое движеніе духа, безпрестанное стремленіе въ даль, безъ удовлетворенія настоящимъ... порываніе къ общему отъ частныхъ явленій» — такъ характеризуетъ Бѣлинскій Бакунина въ письмѣ отъ 12-го октября 1838 г. ³⁾).

Дѣйствительно, подъ напоромъ западно-европейской публицистики и наскоро нахватавшихся въ университетѣ историко-политическихъ свѣдѣній, Бакунинъ вовсе не пришелъ къ прочнымъ и сознательнымъ устоямъ, но обосновывалъ то одну, то другую политическую мечту по капризу болѣзненно-пылкаго воображенія; идеализмъ его, однако-же, питался далеко не невинными отвлеченностями, но привелъ его постепенно отъ ультра-консервативныхъ воззрѣній ⁴⁾ къ такой свободѣ представленія жизни, къ такому радикально свободному пониманію ея условій, требованій и распорядковъ, къ такому отрицанію основъ и положеній, считающихся обязательными для самаго существованія общества и поддержанія цивилизаціи, какія не только не укладывались въ рамки тогдашней русской жизни, но шли въ разрѣзъ со всею европейскою вообще. Принятый въ кружкѣ славянофиловъ, Бакунинъ бывалъ частымъ участникомъ въ оживленныхъ бесѣдахъ, происходившихъ у Хомякова, но идеалы, рисовавшіеся тому и другому, были совершенно несомѣстимы: Хомяковъ, при высокой нравственности и глубокой любви къ народу и родинѣ, вырабатывалъ себѣ выводы и заключенія путемъ тяжелыхъ испытаній и вдумчивости; Бакунинъ наоборотъ, изощрившись въ словопренияхъ, мало заботился о добросовѣстномъ взвѣшиваніи pro и contra и тяготился долгимъ изученіемъ. Восторженный, склонный къ отвлеченнымъ построеніямъ, онъ сначала теоретически увлекался литературнымъ и философскимъ европейскимъ броженіемъ, а вскорѣ сталъ мечтать объ ознакомленіи съ нимъ путемъ собственнаго опыта.

По вступленіи Бѣлинскаго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» къ соотрудничеству въ журналѣ былъ привлеченъ и Бакунинъ, но кабинет-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ, Бѣлинскій, его жизнь и переписка, Спб., 1876, т. I, стр. 130—131, 135, 162, 167—169, 189—190, 224, 225, 284, 286, 289, 300 и т. д.

²⁾ См. у Пыпина характерное письмо Бѣлинскаго къ Боткину, томъ II, стр. 27.

³⁾ Пыпинъ, т. I, стр. 169.

⁴⁾ «Литературныя воспоминанія» Панаева, Спб., 1876, стр. 308.

ная дѣятельность мало его удовлетворяла, такъ какъ, сангвиникъ по темпераменту, онъ рвался къ дѣятельной жизни. Какъ долго продолжалось сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» не извѣстно, но достоверно, что въ IV книжкѣ журнала за 1840 г. имъ помѣщена присланная изъ Москвы статья о философіи ¹⁾. Вскорѣ за Бѣлинскимъ и Бакунинъ послѣдовалъ въ Петербургъ, гдѣ въ 1840 г. собрался цѣлый кружокъ пріятелей Бѣлинскаго и Бакунина, въ лицѣ Кудрявцева, Каткова, Панаева и Боткина. Тутъ между Бакунинымъ и Катковымъ произошло столкновение, приведшее ихъ къ вызову на поединокъ, который впрочемъ не состоялся ²⁾.

Въ Петербургѣ Бакунинъ долго не зажилъ и уѣхалъ въ Берлинъ, который со временъ Гегеля являлся столицею нѣмецкаго «любомуудрія». Здѣсь въ 30-хъ и 40-хъ годахъ перебували Станкевичъ, Невѣровъ, Грановскій, Фроловъ, Бакунинъ, Ключниковъ, Катковъ, Сатинъ, Тургеневъ и многіе изъ готовившихся занять должности профессоровъ въ русскихъ университетахъ.

Берлинъ именно тогда представлялъ тѣмъ бблшій интересъ, что тамошніе профессора и ученые кружки могли удовлетворить любому вкусу. Многочисленные послѣдователи Гегеля раздѣлились на два лагера, и въ то время какъ одинъ (alt-Hegelianer) видѣлъ въ системѣ «великаго софиста XIX в.» чуть ли не вѣнецъ челоуѣческой мудрости и упорно отстаивалъ неопредѣленные и примирительные практическіе его выводы, ново-гегельянцы, почерпая отъ Гегеля общія основанія и методъ, подвергали философское и общественное содержаніе гегельянства смѣлой и рѣшительной критикѣ; въ концѣ того же 1840 г. въ берлинскій университетъ приглашенъ былъ еще и Шеллингъ, который въ своей «философіи откровенія» выступилъ рѣшительнымъ противникомъ гегельянскаго радикализма.

Въ то время какъ Катковъ увлекался философіею Шеллинга, Бакунинъ сближался съ ново-гегельянами. «... До меня дошли хорошіе слухи о Мишель (Бакунинѣ), писалъ Бѣлинскій В. П. Боткину 7 ноября 1842 г.; я давно уже отрушился отъ романтизма, мистицизма и всѣхъ «измовъ», но это было только отрицаніе; я и Мишель искали Бога по

¹⁾ Пынинъ, — Бѣлинскій и т. д., т. II, стр. 20. Указаніе на другую статью находимъ мы въ отрывкѣ изъ письма А. А. Краевскаго (отъ 10-го октября 1739 г.), въ которомъ онъ проситъ И. И. Панаева, гостившаго тогда въ Москвѣ: «Поблагодарите Б—на за его премилую статью о музыкѣ Латера на серъезную (?) пѣсню Пушкина». «Литературныя воспоминанія», стр. 255.

²⁾ Панаевъ, «Литературныя воспоминанія», ч. II, гл. VI (стр. 312—313). Пынинъ, т. II, стр. 54—55. Поводомъ для столкновения, какъ утверждаетъ А. Н. Пынинъ, были не «сужденія о разныхъ философскихъ вопросахъ» (отзывъ Панаева), но чисто-личныя отношенія.

разнымъ путямъ и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ (представителемъ стараго гегельянства); знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ гегелианства и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. Мишель во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки — это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа» ¹⁾).

Подтверженіемъ этой новой ступени въ умственномъ развитіи Бакунина можетъ служить напечатанная имъ, подъ псевдонимомъ «Jules Elysard», статья «Die Reaction in Deutschland—ein Fragment von einem Franzosen». Здѣсь Бакунинъ искусно строитъ обвиненія противъ нѣмецкаго генія, поставляя ему въ вину бесплодную способность переводить всѣ требованія времени и развитія на почву схоластики и, украшая «злобы дня» всѣми пышными орнаментами философской теории, успокаиваться и приниматься за новыя упражненія въ томъ же родѣ ²⁾. Вслѣдъ за этимъ въ концѣ 1842 или въ началѣ 1843 г. за сношенія съ нѣмецкими радикалами Бакунинъ получилъ приказаніе отъ саксонскаго правительства покинуть Дрезденъ и переселился въ Базель ³⁾.

Толчкомъ къ послѣдующему шагу въ развитіи Бакунина было надѣлавшее въ свое время большого шуму сочиненіе Мах'a Stirner'a «Der Einzige und sein Eigentum (1845 г.), въ которомъ гегельянство приводитъ автора къ обоготворенію эгоизма.

Съ точки зрѣнія любознательности и осуществленія крайнихъ попытокъ къ общественнымъ преобразованіямъ, Франція въ ту пору особенно привлекала всѣхъ мечтателей; перебравшись сюда изъ Швейцаріи Бакунинъ сразу заявилъ себя самымъ крайнимъ изъ «коммуналовъ», которые проповѣдывали ненависть къ правительству Людовика Филиппа, испроверженіе существующаго строя и необходимость революціи во всей полнотѣ этого слова. Изъ Парижа Бакунинъ предпринялъ поѣздку въ Цюрихъ, гдѣ вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ социалистическими кружками, и тогда же получилъ приказаніе отъ русскаго правительства вернуться въ Россію. Бакунинъ однако-же и въ мысляхъ не имѣлъ возвращаться въ отечество, а въ 1847 г. перѣхалъ опять въ Парижъ; нѣкоторое время поддерживалъ онъ здѣсь оживлен-

¹⁾ Пыпинъ. „Вѣстникъ“ и т. д. Т. II. Стр. 162.

²⁾ Помѣщена была эта статья въ Deutsche Jahrbücher für Wissenschaft und Kunst за октябрь 1842 г. (на стр. 985—1002). При ней же сочувственный отзывъ Руге, гдѣ восхваляется теоретическая сила и смѣлая послѣдовательность въ мышленіи автора. См. тоже Авненкова, «Замѣчательное десятилѣтіе» „Вѣстникъ Европы“ за 1880 г. № 1—5.

³⁾ Пыпинъ. Указаніе на это въ письмѣ Бѣлинскаго. Т. II. Стр. 177.

ныя сношенія съ Прудонъ и Ж. Зандъ, а еще ближе сталъ къ радикаламъ Флокону, Араго, Лагранжу и пр. ¹⁾.

Уже и тогда, рассказываетъ П. В. Анненковъ, приходили къ Бакунину за совѣтомъ и разъясненіями по вопросамъ философскаго отвлеченнаго мышленія и притомъ такіе люди, какъ напр. Прудонъ.

Присматриваясь и прислушиваясь къ социализму Бакунинъ вращался въ редакціяхъ журналовъ, мастерскихъ работниковъ и въ демократическихъ кофейняхъ; въ польской же пропагандѣ онъ обрѣлъ нѣчто, похожее на специальность и призваніе.

Въ Парижѣ засѣдалъ тогда центральный революціонный комитетъ, объявившій себя уполномоченнымъ отъ польскаго народа, для возстановленія «королевства» въ старыхъ границахъ, и вызывшій къ слѣпому повиненію каждого, кто только говоритъ польскимъ нарѣчіемъ. Комитетъ вовсе не думалъ о примиреніи и объединеніи славянъ, но предписывалъ имъ войну противъ правительствъ, подъ которыми они жили. Съ помощью агентовъ, прокламацій, администраторовъ и генераловъ, рассылавшихся на опасные пункты въ славянскихъ земляхъ, комитетъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити обширнаго республиканскаго заговора и незадолго предъ тѣмъ произвелъ галиційское движеніе 1846 г., окончившееся рѣзней землевладѣльцевъ и паденіемъ Кракова. Такъ какъ рѣшительность дѣйствій была единственнымъ правомъ центрального комитета на существованіе, то всѣ члены его старались отличиться отвагою, которая легко могла обезпечить и въ самомъ комитетѣ мѣсто для честолюбца.

Послѣ нѣкотораго колебанія, обусловленнаго односторонностью польской пропаганды, Бакунинъ отдался ей безъ оглядки. Едва-ли кто изъ русскихъ людей такъ рѣшительно отрывался отъ всего національнаго строя мыслей; но обаяніе польскаго дѣла для Бакунина заключалось въ революціонномъ характерѣ пропаганды.

Тутъ возникла у него мысль привить «польскую оппозиціонную энергію» къ русскому народу, къ которому предъявлялся запросъ поступиться своею самобытностью. Развитие этого ученія Бакунинъ принялъ на себя и немало способствовалъ тому, что чрезъ посредство газетъ, брошюръ, рѣчей и трактатовъ, это ученіе на нѣкоторое время вошло въ сознаніе Европы. Бакунинъ вообразилъ себѣ, будто дѣло дѣлаетъ и при томъ двойное—возбуждаетъ сочувствіе къ одному славянскому народу, оскорбленному историческою яко бы несправедливостію, а въ дру-

¹⁾ Здѣсь же Бакунинъ сблизился съ эмигрантомъ знаменитымъ натуралистомъ Карломъ Фохтомъ.— Одно время они жили вмѣстѣ, но безцеремонное отношеніе Бакунина къ деньгамъ Фохта и хозяйничанство его имуществомъ заставили послѣдняго покинуть неудобнаго сожителя. (См. Ch. Vogt par W. Vogt 1896).

гомъ воспитываетъ основы независимаго сужденія. Такъ какъ отъ количества единомышленниковъ въ русскомъ обществѣ зависѣла бѣльшая или меньшая важность личнаго положенія Бакунина въ эмиграціонномъ комитетѣ, то нашъ агитаторъ принялся вербовать въ приверженцы и сочувственниковъ, и праздныхъ любопытствующихъ, далеко неразборчиво, но устроить открытыя сношенія между русскою колоніею въ Парижѣ и польскою эмиграціею однако же не удавалось, и какъ искусно и часто Бакунинъ ихъ ни сводилъ вмѣстѣ и ни направлялъ ихъ бесѣды, между обѣими сторонами сказывалась фальшь. Самъ Бакунинъ, однако-же, явно исповѣдывалъ полонофильскія убѣжденія и искалъ лишь случая огласить ихъ во всеобщее свѣдѣніе, хотя бы цѣною уличной манифестаціи или политическаго скандала

Случай къ этому представился при празднованіи польскими эмигрантами 29-го ноября 1847 г., годовщины польскаго возстанія 1830 г. Бакунинъ произнесъ предъ многочисленнымъ собраніемъ рѣчь, въ которой убѣждалъ поляковъ дружески соединить свои усилія съ «русскими патриотами», съ цѣлю произвести совмѣстное революціонное дѣйствіе. Онъ тутъ же предостерегалъ поляковъ отъ всякаго примиренія съ врагами, и съ немалымъ краснорѣчіемъ вдался въ мрачную характеристику противниковъ польской освободительной идеи.

Рѣчь эта въ Парижѣ надѣлала не мало шума, и министерство Гизо, вообще боявшееся предлоговъ къ смутамъ, 1-го декабря 1847 г. распорядилось выслать Бакунина за предѣлы Франціи. Отвѣчая на запросъ по этому поводу въ палатѣ депутатовъ, Гизо заявилъ, что нельзя же дозволить всякой неукротимой личности (*une personnalité violente*), въ родѣ Бакунина, нарушать общественный порядокъ и международныя приличія ¹⁾.

Характернѣе всего то, что Бакунинъ, заигрывая съ польскою эмиграціею, на самомъ дѣлѣ далеко не питалъ влеченія къ польской пропагандѣ. Предъ Анненковымъ лично онъ отзывался о ней весьма неодобрительно, но интересовался ею потому, что получилъ возможность помѣстить куда-нибудь свои жизненные цѣли и пристроиться къ дѣятельности.

«Пріемъ, сдѣланный мнѣ поляками, писалъ онъ Анненкову, наложилъ на меня огромную обязанность, но вмѣстѣ показалъ и даль мнѣ возможность дѣйствовать» ²⁾.

Не желая далеко удаляться отъ страны, гдѣ въ скорости можно было провѣдѣть осуществленіе переворота, Бакунинъ надумалъ заняться революціонною агитаціею въ Бельгіи, куда съ тою же цѣлю изъ Парижа

¹⁾ Анненковъ. «Замѣчательное десятилѣтіе», стр. 5—9, *passim*.

²⁾ «Замѣчательное десятилѣтіе», 11, 12.

пріѣхалъ Карлъ Марксъ, съ которымъ онъ сблизился черезъ Руге. «Можетъ статья, что меня отсюда тоже прогонять, писалъ Бакунинъ П. В. Анненкову 28-го декабря 1847 г. изъ Брюсселя, пусть себѣ гоняють, а я буду тѣмъ смѣлѣе, чутче и мѣтче говорить. Вся жизнь моя опредѣлялась до сихъ поръ почти невольными изгибами, независимо отъ моихъ собственныхъ предположеній; куда она меня поведетъ, Богъ знаетъ! Чувствую только, что возвратиться назадъ я не могу и что никогда не измѣню своимъ убѣжденіямъ. Въ этомъ вся моя сила и все мое достоинство; въ этомъ также вся дѣйствительность и вся истина моей жизни; въ этомъ моя вѣра и мой долгъ, а до остальнаго мнѣ дѣла нѣтъ—будетъ какъ будетъ. Вотъ вамъ моя исповѣдь, Анненковъ. Во всемъ этомъ много мистицизма, скажете вы,—да кто же не мистикъ? Можетъ ли быть капля жизни безъ мистицизма? Жизнь только тамъ, гдѣ есть строгій, безграничный, а потому и нѣсколько неопредѣленный мистическій горизонтъ»¹⁾.

Письмо это характерно, потому что обличаетъ въ Бакунинѣ вѣру въ провиденціальную миссію (позднѣе онъ любилъ себя сравнивать съ Прометеемъ, только!)²⁾ и въ мистическія силы жизни, вызываемыя помимо нашего вѣдома и независимо отъ нашей воли (черта, родственная съ его сестрою, которая, подъ влияніемъ мистическаго экстаза, доходила до видѣній)³⁾. Во всемъ этомъ проглядываютъ довольно странныя для поборника философіи возрѣнія, но на самомъ дѣлѣ и философскія теоріи и таинственная мистика служили Бакунину лишь удобнымъ орудіемъ для того, чтобы ни надъ собою, ни внѣ себя, ни внутри себя не признавать регулятора и нравственнаго закона, обуздывающаго произволь личныя хотѣнія.

Тѣмъ временемъ во Франціи агитація оппозиціи разгоралась все сильнѣе, и Бакунинъ подъ шумокъ не замедлилъ вернуться изъ Бельгіи въ Парижъ и поселился въ казармѣ съ рабочими, составлявшими охрану и свиту революціоннаго префекта Коссидьера. Онъ отдался фантастическому социализму съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ и странному въ русскомъ человѣкѣ половизму, прежде его обуявшему. Со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и рѣзкостью пустился теперь Бакунинъ въ безцѣльное проповѣдываніе коммунизма, уравнинія заработной платы и всеобщаго нивелированія во имя равенства, при чемъ безъ конца разсуждалъ объ упраздненіи Австріи и освобожденіи славянства, о провозглашеніи революціи «en permanence» и о соціальной войнѣ, впредь до искорененія послѣдняго врага. Непрошеннымъ вмѣшательствомъ во

¹⁾ «Анненковъ и его друзья». Спб. 1872 г., стр. 621—622.

²⁾ Em. de Laveleye. Le socialisme moderne. Paris. 1883, p. 228.

³⁾ «Литературныя воспоминанія Панаева», стр. 197.

французскія внутреннія дѣла и зажигательными рѣчами Бакунинъ — когда власть перешла къ временному правительству—возстановилъ противъ себя даже политическихъ единомышленниковъ и, въ томъ числѣ, революціоннаго префекта Коссиѣдера, заигрывавшаго съ монтаньярами. По отзыву Коссиѣдера, Бакунинъ и Флоконъ способны были нарушать порядокъ, кѣмъ бы онъ ни заводился. «Бакунинъ,—съострилъ какъ-то префектъ,—въ первый день революціи просто кладъ, но на слѣдующій же день его слѣдовало бы повѣсить». Французское революціонное правительство ловкимъ маневромъ спровадило и Флокона, и Бакунина изъ Франціи подальше; Бакунина, въ частности, снарядили въ славянскія земли съ революціонною миссією.

Въ маѣ 1848 г. Бакунинъ очутился въ Богеміи, гдѣ опять уже вѣтствовалъ, окруженный старовѣрческими монахами, чехами, хорватами и демократами всякихъ оттѣнковъ. Въ Богеміи либералы въ ту пору задались возстановленіемъ «короны короля Венцеслава» и добивались самостоятельной конституціи для чешскаго народа. Бакунинъ, передѣлывая на свой ладъ славянофильскія стремленія, не преминулъ передъ собравшейся на Пражской площади толпою заявить радикальнѣйшую программу объединенія славянства всѣхъ государствъ на федеративномъ началѣ, съ ниспроверженіемъ существующаго строя. Удаленіе императора изъ Вѣны въ Инсбрукъ, назначеніе въ Богеміи временнаго правительства съ графомъ Лео Туномъ во главѣ и созывъ славянскаго парламента открывала, повидному, широкій путь къ дальнѣйшимъ революціоннымъ попыткамъ. На Пражскомъ конгрессѣ 31-го мая 1848 г., собравшемся подъ предсѣдательствомъ Палацкаго, Бакунинъ выступилъ однимъ изъ первыхъ ораторовъ: онъ потребовалъ всего только упраздненія Австріи и образованія единой федераціи изъ всѣхъ славянъ и заявилъ, будто уполномоченъ Россією дѣйствовать въ духѣ панславистскаго движенія. На вопросъ Палацкаго, чьи же собственно интересы представляетъ Бакунинъ, этотъ послѣдній отдѣлался общими фразами и сослался на полномочія, яко бы имъ полученныя отъ русскаго народа, и на неизмѣнное сочувствіе послѣдняго къ славянству.

Когда Вийдишгрецъ 15-го іюня 1848 г. приступилъ къ бомбардированію Праги, Бакунинъ оказался во главѣ оборонявшихся инсургентовъ, но, по подавленіи мятежа, ускользнулъ отъ австрійскихъ властей и перенесъ свою дѣятельность въ Саксонію—на защиту все той же облюбованной имъ революціи.

Въ Саксоніи, какъ извѣстно, попытка короля Фридриха II Августа обновить министерство въ консервативномъ духѣ возымѣла послѣдствіемъ инсуррекцію; король виѣстѣ съ министрами Бейстомъ и Рабенгорстомъ принужденъ былъ удалиться въ Кѣнигштейнъ, а въ Дрезденѣ послѣ трехдневной борьбы на баррикадахъ побѣда оказалась на сторонѣ

либераловъ, которые и учредили временное правительство въ лицѣ членовъ палаты депутатовъ Чирнера, Гейбнера, радикала Подта.

Когда для подавленія мятежа Пруссія отрядила въ Саксонію свои войска, Бакунинъ, въ качествѣ бывшаго артиллериста, проявилъ горячую дѣятельность по организаціи народной обороны въ Дрезденѣ; онъ спѣшно обучилъ военному дѣлу беспорядочную толпу студентовъ, музыкантовъ и фармацевтовъ. Не надѣясь, впрочемъ, на эти плохо дисциплинированныя и слабыя силы, онъ съ авторитетною повелительностью настаивалъ на томъ, чтобы забрать изъ музея Рафаэлеву Мадонну и Муриллевскія картины и водрузить ихъ на городскія стѣны въ отвращеніе прусской канонады, такъ какъ нѣмцы-де не рѣшатся уничтожить выстрѣлами саксонскія правительственныя художественныя сокровища.

По занятіи Дрездена регулярными войсками, Бакунинъ вмѣстѣ съ Гейбнеромъ и Рохелемъ бѣжалъ въ Хемницъ и былъ здѣсь, наконецъ, 10-го мая 1849 г. арестованъ. Саксонская военно-судная коммиссія приговорила Бакунина къ эшафоту, но, по случаю вступленія на престолъ короля Іоанна I, смертная казнь ему замѣнена была вѣчною тюрьмою. Начавшееся вскорѣ слѣдствіе о пражскомъ мятежѣ дало саксонскому правительству удобный поводъ развязаться съ плѣнникомъ: 13-го іюня 1850 г. Бакунинъ былъ выданъ Австріи. Водворенный сначала въ Градчинѣ, а затѣмъ въ Ольмюцѣ, русскій агитаторъ оставался скупъ на разоблаченія панславистскихъ замысловъ, и австрійское правительство, ничего отъ него не добившись, выдало Бакунина, какъ эмигранта и опаснаго заговорщика, русскому правительству. На русской границѣ съ Бакунина сняли дѣши и привезли въ Петербургъ. Императоръ Николай, думая встрѣтить въ немъ раскаяніе, неоднократно посылалъ къ нему—пока онъ содержался въ крѣпости—князя Орлова для увѣщанія и вразумленія. Это, однакоже, ни къ чему не привело, и въ 1855 г. Бакунинъ оказался на поселеніи въ Восточной Сибири ¹⁾. Государю императору Александру II благоугодно было предоставить Бакунину способы искупить заблужденія молодости, чрезъ дарованіе ему права поступить на службу. Хотя Бакунину и открывался теперь широкій путь полезной для отечества дѣятельности какъ разъ въ ту эпоху, когда ожидались многочисленныя преобразованія, но неисправимый мечтатель предпочелъ распорядиться собою иначе.

Съ разрѣшенія мѣстнаго генералъ-губернатора графа Н. Н. Муравьева (дальняго ему родственника по матери), Бакунинъ, подъ предлогомъ дѣла, отправился внизъ по Амуру, добрался до Николаевска и уговорилъ

¹⁾ Въ энциклопедическомъ словарѣ Ларусса сообщается, будто Бакунинъ былъ разжалованъ въ солдаты и отправленъ на Кавказъ, но это извѣстіе кажется расходится съ истиною.

американскаго шкипера перевести его въ Японію. Въ Хако-Дате, другое американское судно взялось доставить его до С.- Франциско. Приѣхавъ въ Хако-Дате на корабль, Бакунинъ попалъ къ капитану на званый обѣдъ въ честь русскаго консула. Бѣглець, однако-же, не смутился и тутъ; какъ ни въ чемъ не бывало, онъ вступилъ съ консуломъ въ оживленную бесѣду и далъ ему понять, будто испросилъ у генераль-губернатора разрѣшеніе совершить небольшое путешествіе по морскому побережью съ научною цѣлью. Въ это время въ портѣ находилась эскадра адмирала Попова, готовившаяся къ отплытію въ Николаевскъ.—«Вы не съ нашими ли возвращаетесь?»—освѣдомился консулъ.—«Нѣтъ, я только что приѣхалъ,—отвѣчалъ Бакунинъ невозмутимо,—и хочу еще здѣсь кое-что осмотрѣть». Чрезъ день Бакунинъ на американскомъ пароходѣ проплылъ мимо русскаго эскадры и благополучно добрался до Сѣверо-Американскихъ Штатовъ ¹⁾.

Всѣ страны болѣе или менѣе выдѣляютъ политическихъ эмигрантовъ, но изгнанники иноземныхъ національностей устраиваются на чужбинѣ безъ шума, незамѣтно входятъ въ кругъ опредѣленныхъ и нормальныхъ общественныхъ отношеній и преслѣдуютъ личныя и социальныя положительныя цѣли, устроившись тамъ именно, гдѣ наличныя условія жизни наиболѣе имъ приходятся по сердцу. Въ иное положеніе поставилъ себя Бакунинъ: вмѣсто того, чтобъ остаться въ Америкѣ, гдѣ въ наличности имѣются и федерація, и просторъ для личной свободы, или же вмѣсто того, чтобы забраться еще дальше, въ дѣвственный край и на какихъ нибудь Маркизскихъ островахъ невозбранно сочинить радикальный социалистическій опытъ въ духѣ «Икаріи» Каба (какъ это позднѣе затѣялъ симбирскій помѣщикъ Бахметьевъ), Бакунина неотразимо влекло перекраивать на свой ладъ Европу въ привычной ему обстановкѣ, и онъ вернулся изъ Сибири такимъ же неисправимымъ «мечтателемъ--заговорщикомъ», какимъ былъ въ разгаръ революціи 1848 г. Мало того, Бакунинъ теперь выработался въ полнѣйшій типъ космополита настолько полный, что рисуется чѣмъ то отвлеченнымъ и непонятнымъ съ точки зрѣнія реальныхъ условій человѣческаго существованія—сумбурнымъ практическимъ дѣятелемъ, не признававшимъ силы за историческими, географическими, бытовыми условіями для опредѣленія судьбы и дѣятельности народовъ; упраздняя по одному своему произволію расы, племена, весь сложившійся строй государствъ и общества, онъ мнилъ возвести на ихъ обломкахъ однообразный новый строй рабочей жизни.

¹⁾ Мейеръ сообщаетъ въ своемъ «Conversations-Lexikon», будто Бакунинъ оставилъ въ Сибири жену и ребенка, но въ «Родословномъ Сборникѣ» Голубцова и Руммеля, гдѣ приведена весьма полная генеалогія рода Бакуниныхъ, М. А. Бакунинъ показанъ неженатымъ.

«Личность Бакунина странна и замѣчательна, вспоминаетъ о немъ Т. П. Пассекъ ¹⁾). Умный, начитанный, обладающій даромъ слова, проникнутый нѣмецкою философіею, онъ иногда былъ малодушенъ какъ ребенокъ, которому хочется какого нибудь дѣла: если печатать, то прокламаціи; если дѣйствовать, то все вездѣ поставить вверхъ дномъ; ничего не падить, никогда не задаваться мыслью, что изъ этого можетъ выйти—идти на проломъ».

Возвращеніе Бакунина въ Европу едва-ли кому оказалось желаннымъ—даже дѣятельности Герцена и Огарева повредилъ онъ не мало безтолковымъ заигрываніемъ съ польскими эмигрантами. Герценъ это предвидѣлъ, какъ только получалъ письмо изъ Америки отъ Бакунина—давнишняго своего знакольца по Москвѣ,—въ которомъ тотъ извѣщалъ его о скоромъ своемъ прибытіи въ Лондонъ. Впослѣдствіи-же Герценъ писалъ: «Бакунинъ пріѣхалъ 1 января 1862 года, а черезъ годъ «Колоколъ» сталъ падать, какъ кирпичъ, брошенный въ воду,—у него глазъ дуревъ». Тѣмъ не менѣе Герценъ, а особенно Огаревъ по свойственной имъ терпимости, приняли Бакунина радушно, и статьи его нерѣдко стали появляться въ издававшихся тогда при «Колоколѣ» «Голосахъ изъ Россіи» ²⁾). «Былое и Думы» Герцена изобилуютъ любопытными подробностями о тогдашней дѣятельности Бакунина. Нѣсколько поглядѣвшись и устроившись въ Лондонѣ, Бакунинъ сгруппировалъ вокругъ себя цѣлый штабъ славянъ изъ социалистовъ, анархистовъ, федералистовъ и, по-просту, искателей приключеній. Время было бойкое: поляки, руководимые Мѣрсовскимъ и Чарторыйскимъ, подготовляли повстаніе 1863 г., и Бакунинъ почувствовалъ себя тутъ, какъ рыба въ водѣ. Слово политическій младенецъ дѣлалъ онъ себѣ забаву изъ революціи. Нисколько не заботясь о взвѣшиваніи наличныхъ условій дѣйствительности и «влекомый мистическими силами жизни», выдумывалъ онъ себѣ несбыточныя цѣли. Бакунина привлекла сама по себѣ взятая «возбужденная и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанная жизнь конспираціи, консультацій, бессонныхъ ночей, переговоровъ, соглашеній, ректификацій, химическихъ чернилъ, условныхъ знаковъ и пр. пр.» ³⁾).

Нисколько не умудренный опытомъ 1848 г. въ отношеніи безуспѣшности навязывать русскому обществу полонифильство, Бакунинъ теперь носился съ мыслью о военно-крестьянскомъ возстаніи въ Россіи. Онъ хотѣлъ вѣрить и вѣрилъ, будто Жмудь и Волга, Донъ и Украина, какъ одинъ человекъ, возстанутъ, прослышавъ о повстаніи въ Варшавѣ; ему

¹⁾ Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. III, стр. 135.

²⁾ Пассекъ. Изъ дальнихъ лѣтъ. Т. III, стр. 136; 133.

³⁾ Некрологъ Бакунина въ газетѣ „Русскій Міръ“ за 1876 г. № 207 (въ фельетонѣ на стр. 1 и 2.

мерещилось, что католическо-шляхетское движеніе отразится на старо-вѣрахъ, а тѣ добьются признанія правъ гражданства за расколомъ; вслѣдъ же за «повстаніемъ» въ Варшавѣ осуществится и все-славянская федерація. Бакунинъ шелъ такъ далеко, что въ минуты увлеченія утверждалъ, будто никакой даже пропаганды не потребуется, ибо русскій народъ, вызванный на смуту, и самъ-де совершитъ социальную революцію.

Живя въ чадѣ дикихъ бредней, менѣе дальновидный чѣмъ Герценъ и вполне оторванный отъ національной почвы, Бакунинъ не прамѣчалъ, какъ даже поляки отрещивались отъ нелѣпныхъ его затѣй.

Къ разгару польскаго мятежа Бакунинъ лично очутился совсѣмъ въ смѣшномъ положеніи. Его осянула блестящая мысль убѣдить шведовъ, чтобы тѣ подняли оружіе противъ Россіи и кстатѣ вернули себѣ Финляндію. Ни мало не задумываясь, Бакунинъ отправился въ Стокгольмъ, добился у брата короля и шведскихъ министровъ аудіенціи и всячески старался ихъ увѣрять въ неминувости возстанія крестьянъ и въ сильномъ броженіи умовъ, происходящемъ яко-бы въ Россіи. Съ неменьшею поспѣшностью отправился «философскій мечтатель» изъ Стокгольма въ Мальме, гдѣ его долженъ былъ забрать пароходъ, зафрахтованный польскимъ ржондомъ въ Лондонѣ, и везти дальше—подымать Литву на поголовное возстаніе. По просьбѣ русскаго правительства шведское начальство задержало однако-же Бакунина въ Мальме, и онъ вплоть до окончанія польскаго возмущенія такъ и просидѣлъ на шведскомъ побережьи «не у дѣлъ революціи».

Освободившись изъ шведскаго плѣненія, Бакунинъ продолжалъ проповѣдывать основаніе великой и свободной обще-славянской федераціи; онъ взывалъ къ освобожденію Польши, Литвы и Украйны съ тѣмъ, чтобы соединенными затѣмъ силами вывести южныхъ славянъ изъ-подъ ига турокъ и тевтоновъ, такъ какъ борьба съ нѣмцами и подавленіе тевтонскаго элемента является дѣломъ благимъ и необходимымъ для процвѣтанія славянства; впоследствии освобожденному славянству, по программѣ Бакунина, предстояло вступить въ союзъ съ Италіею, Венгріею, Румыніею и Греціею и побѣдоносно сломить «ненавистныя западныя учрежденія» Пруссіи и Австріи ¹⁾. За осуществленіе этого плана Бакунинъ самолично принялся не съ начала, а съ конца: въ 1865 и послѣдующихъ годахъ онъ дѣятельно занялся насажденіемъ социализма въ Испаніи ²⁾; въ то-же время онъ съ неменьшею энергіею и краснорѣ-

¹⁾ Laveleye. Le socialisme. стр. 241.

²⁾ О подробностяхъ агитаціонной дѣятельности Бакунина, стоявшей въ связи съ развитіемъ созданнаго имъ „Союза социалистической демократіи, и особенно преуспѣвавшего въ Итали и Испаніи“, см. въ названномъ сочиненіи Лавелъ всю главу, посвященную описанію Alliance Universelle de la démocratie socialiste“

чиѣмъ отдавался служенію «Интернаціоналки». Это учрежденіе однакоже, на взглядъ Бакунина, оказалось слишкомъ теоретичнымъ и умѣреннымъ, а онъ и мысли не допускалъ, чтобы будущее позволительно было строить на постепенномъ преобразованіи существующаго строя.

На конгрессѣ «Лиги мира и свободы», собравшемся въ Бернѣ въ 1869 г., подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, Бакунинъ вмѣстѣ съ единомышленниками попытался провести коммунистическую программу, а когда его предложенія были отвергнуты 80 голосами противъ 30 утвердительныхъ, Бакунинъ окончательно разочаровался въ «демократахъ-буржуа».

Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ анти-государственныхъ измышлений Бакунинъ додумался до крайняго предѣла социалистической туманности, перешеголая Сен-Симона, Фуррье, Каба, Луи Блана и Прудона, и выставлялъ теорію «аморфизма» т. е. самоуправляющихся федеральныхъ общинъ, проводникомъ которой въ жизни и долженъ былъ явиться созданный имъ въ 1869 г. «Союзъ социалистической демократіи».

Согласно манифесту союзъ этотъ, исповѣдуя атеизмъ, поставлялъ себѣ задачей, съ одной стороны, всеконечное и совершенное упраздненіе общественныхъ классовъ, а съ другой, долженъ былъ уравнивать оба пола въ правахъ политическихъ, экономическихъ и социальныхъ. Союзъ долженъ былъ добиться перехода земли, орудій производства и всѣхъ прочихъ капиталовъ въ коллективную собственность общества, дабы всѣ условія производительности труда всецѣло оказались въ распоряженіи сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ ассоціацій; вмѣстѣ съ тѣмъ существующія политическія государства подлежали уничтоженію и претворенію во всемірный союзъ вольныхъ ассоціацій.

Какъ должно было сложиться производство цѣнностей по наступленіи аморфизма? Какъ бы слѣдовало упорядочить распредѣленіе богатствъ? Какія общественныя установленія могли замѣнить существующій строй?— подобными вопросами Бакунинъ не интересовался вовсе и находилъ, что всякія разсужденія въ этомъ направленіи вредны, ибо служатъ лишь помѣхою и затрудняютъ поступательное движеніе анархій.

Для достиженія радикальнаго общественнаго переворота предпосылалось пускать въ ходъ неумолимые насилія и доказывалось, что анархія свою миссію совершаетъ, дабы доставить и народу возможность располагать своею судьбою, а съ другой проповѣдывалось, что такъ какъ коренная социальная революція не можетъ быть сдѣлана народною массою и чернь въ переворотѣ не ощущаетъ даже сознательной потребности, то анархическая миссія возлагается на (самозванную) делегацию, высылаемую изъ нѣдръ народа ¹⁾.

¹⁾ Em. de Laveleye. Le socialisme стр. 229—230. 233, 235.

Въ эту пору дѣятельности Бакунинъ несомнѣнно является теоретическимъ насадителемъ тѣхъ ужасовъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, которые вѣчно останутся памятны Россіи, словно дикій недѣльный кошмаръ.

Дѣйствительно, въ пресловутомъ «Революціонномъ Катехизисѣ», сочиненномъ Бакунинымъ и оглашенномъ прокурорскимъ надзоромъ 8 іюля 1871 года при разбирательствѣ Нечаевского процесса, уже изложена въ законченномъ видѣ программа дальнѣйшихъ подпольныхъ дѣятелей соціальной реформы. Что Бакунинъ былъ близко прикосновененъ Нечаеву, о томъ свидѣтельствуетъ Т. П. Пассекъ, рассказывая, какъ изъ 20.000 фр., переданныхъ Герцену и Огареву симбирскимъ помѣщикомъ Бахметьевымъ (предъ отъѣздомъ на Маркизскіе острова для устройства коммунъ на соціальныхъ началахъ) 10.000 фр. Огаревымъ были вручены Бакунину, а отъ него деньги эти попали къ Нечаеву ¹⁾.

Въ «Воззваніи къ студентамъ» Бакунинъ доходитъ до того, что восхваляетъ святое и спасительное невѣжество и превозноситъ разбойничество, какъ протестъ противъ государственности, а въ «Принципахъ Революціи» ради болѣе успѣшнаго ниспроверженія существующаго общественнаго строя и скорѣйшаго торжества «аморфизма» (см. выше) Бакунинъ призываетъ къ употребленію яда, кинжала, петли, динамита, ибо революціи-де освящаетъ любую дѣятельность, направленную къ всеистребленію (*pan-destruction*) ²⁾.

Дальше идти было некуда, и Бакунинъ въ средѣ болѣе разсудительныхъ кружковъ европейскихъ демагоговъ прослылъ за нетерпимаго болтуна, какимъ еще въ 1848 г. рисовался Коссидьеру.

Поселившись въ 1868 г. въ Женевѣ, Бакунинъ издавалъ нѣкоторое время соціалистическій листокъ «Egalité» крайняго направленія, а зажигательными статьями въ «Progrès» (газетѣ, издававшейся въ Локлѣ) вызвалъ юрскихъ соціалистовъ на разрывъ съ радикалами романской Швейцаріи и способствовалъ образованію въ «Интернаціоналкѣ» группы «автономистовъ», отщепившихся отъ Маркса и его «авторитаріевъ» (иначе называемыхъ *étatistes*). Участникъ Лионской инсurreкціонной вспышки 28 сентября 1870 г., сопровождавшейся кровопролитіемъ, Бакунинъ оправдывалъ потомъ свои дѣйствія и программу въ особой брошюрѣ «Lettres à un français».

По подавленіи этого мятежа двумя ротами національныхъ гвардейцевъ, Бакунинъ вернулся въ Швейцарію и всецѣло отдался борьбѣ съ Марксомъ и съ совѣтомъ Международнаго общества рабочихъ въ Лондонѣ.

¹⁾ То-же подтверждаетъ П. В. Анненковъ въ „Запискѣ объ Огаревѣ“— въ книгѣ: „Анненковъ и его друзья—Литературныя воспоминанія и переписка“, стр. 120.

²⁾ Em. de Laveleye. Le socialisme. Стр. 235, 236.

«Передъ движеніемъ рабочихъ союзовъ, требовавшихъ созванія новаго конгресса, положеніе совѣта «Интернаціоналки» въ Лондонѣ оказалось затруднительнымъ, читаемъ мы въ одномъ изъ мемуаровъ «юрскихъ федералистовъ». Съ этими осложненіями Марксъ, стоявшій во главѣ совѣта, рѣшилъ покончить, созвавъ конгрессъ, но въ то же время принялъ мѣры къ тому, чтобы обезпечить собственной партіи перевѣсъ и раздавить федералистовъ на самомъ конгрессѣ окончательно. Бакунинъ, будучи изгнанникомъ, не могъ явиться въ Голландію, такъ какъ путь чрезъ Германію и Францію, гдѣ онъ заочно неоднократно уже былъ приговоренъ къ смертной казни, былъ ему возбраненъ. Марксъ, такимъ образомъ, былъ увѣренъ, что, созывомъ конгресса въ Гагъ, приготовить себѣ побѣду».

Дѣйствительно, на Гагскомъ конгрессѣ рабочихъ, состоявшемся 2—7 сентября 1872 г., Марксъ добился своей цѣли. Юрская федерація, ему враждебная по стремленіямъ, была упразднена, какъ вредная для соціальнаго дѣла, но Бакунинъ и его сторонники въ свою очередь созвали въ Женевѣ 2 сентября 1873 г. «Анти-авторитарный конгрессъ», который отмѣнилъ постановленія Гагскаго конгресса.

Успѣхъ этотъ объяснялся тѣмъ, что Бакунинъ и его «аморфическое ученіе» нашли себѣ многочисленныхъ сторонниковъ на Аппенинскомъ и Пиринейскомъ полуостровахъ по преимуществу.

5 апрѣля 1872 г. Бакунинъ уже могъ писать Франческо Моро: «Вы знаете конечно, что въ Италіи за послѣднее время «Международное общество» и нашъ дорогой союзъ (соціалистической демократіи) получили широкое распространеніе. До сихъ поръ здѣсь отсутствовали не то чтобы соціалистическіе инстинкты, но организація и идея. И то, и другое теперь налажено, такъ что Италія, послѣ Испаніи, является наиболѣе революціонною страной. Въ Италіи имѣется то, чего нѣтъ въ другихъ мѣстахъ: пылкая, энергичная молодежь, для которой не предвидится ни будущности, ни выхода. Несмотря на буржуазное происхожденіе, эта молодежь и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ не столь истощена, какъ въ другихъ странахъ. Молодежь эта и бросается очертя голову въ революціонный соціализмъ, руководствуясь нашею программой—программой «Союза»¹⁾).

Здѣсь кстати замѣтить, что, несмотря на рядъ безобразныхъ единичныхъ проявленій терроризма въ Италіи и въ Испаніи, преобразованная въ 1873 г. въ Бакунинскомъ духѣ «Интернаціоналка» начала быстро приходитъ въ упадокъ, такъ какъ, съ одной стороны, федералисты-рабочіе отказывались подчиняться внушеніямъ радикаловъ-буржуа на томъ основаніи, что политическія и республиканскія вольности, до

¹⁾ Laveleye Le socialisme, стр. 264.

всеобщей подачи голосовъ влючительно, не устранять вовсе розни и соперничества между трудомъ и капиталомъ, а съ другой, сами рабочіе неизмѣнно проявляли неспособность справляться съ соціальною революціею, на которую возлагалось разрѣшеніе безчисленныхъ трудностей, сопряженныхъ съ кореннымъ переворотомъ въ области экономическихъ интересовъ.

Что касается М. А. Бакунина лично, то, добившись на Женевскомъ конгрессѣ 1873 г. полной побѣды, онъ почти сразу покинулъ воннствующую роль агитатора и пророка анархизма. Здоровіе его окончательно разстроилось и въ силу болѣзни, а, можетъ быть, усталости онъ наконецъ обратился къ покойному и уединенному образу жизни поселившись въ Лукарно на виллѣ, которую ему предоставилъ въ полное распоряженіе одинъ изъ его единомышленниковъ Каффьеро.

Пріѣхавъ въ Бернъ, чтобы посоветоваться съ врачомъ Фохтомъ, М. А. Бакунинъ расхворался, и помѣщенный въ городской госпиталь, скончался, 62 лѣтъ отъ роду 19 іюня (3-го іюля) 1876 года, добровольно уморивъ себя голодомъ, во избѣжаніе исключительныхъ физическихъ страданій.

Писанія Бакунина за агитаторскую пору его дѣятельности—хотя и многочисленны, но сводятся къ манифестамъ, воззваніямъ и летучимъ листкамъ и далеко не обличаютъ серьезности, какой можно бы ожидать отъ прежняго знатока нѣмецкихъ философскихъ ученій и европейскихъ литературъ вообще; даже наиболѣе значительныя изъ этихъ писаній по объему, а слѣдовательно и болѣе серьезныя, на повѣрку оказываются принадлежащими къ категоріи одностороннихъ и пристрастныхъ политическихъ памфлетовъ «подпольнаго» издѣлія.

Никому, разумѣется, не заказаны пути ломать собственное существованіе и, имѣя всѣ задатки для принесенія обществу пользы, убивать свои таланты на беспочвенныя бредни. Будь цѣли, какія преслѣдовалъ Бакунинъ въ своей богатой тревоженіями жизни, болѣе невинны, онъ, пожалуй, могъ бы рисоваться наивно-симпатичнымъ и забавнымъ чудачкомъ по увлеченіямъ, тѣмъ болѣе, что по рассказамъ современниковъ, онъ былъ очень довѣрчивъ, добродушенъ и услужливъ. Но такъ, какъ сложилась его дѣятельность, Бакунинъ едва ли можетъ вызвать чье либо сочувствіе. Отдаваясь неосуществимымъ соціальнымъ теоріямъ и подпадая подъ власть увлеченій, именно благодаря незауряднымъ сторонамъ своей личности, онъ пагубно вліялъ на многочисленныхъ послѣдователей своихъ,—тѣхъ невѣрныхъ недоумковъ, которымъ надо же носиться, хотя бы съ дикимъ идеаломъ, разъ упразднены болѣе осмысленныя и свѣтлыя.

То же глубокое поученіе, какимъ тревожная дѣятельность М. А. Бакунина собственно и назидательна для потомства, мѣтко закрѣплено

Герценомъ. Извѣрившись подѣ конецъ жизни въ успѣхѣ и плодотворности публицистической своей дѣятельности, убитой на обличеніе существующаго социальнаго строя и на неспроверженіе его, Герценъ въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ къ Бакунину незадолго передъ своею смертью, безпощадно отвергаетъ философскую формулу, которой оба они слѣдовали: «Die zerstörende Lust ist eine schaffende Lust» (стремленіе къ разрушенію есть стремленіе къ созиданію). «Мы пустились вслѣдъ за невѣдомымъ божествомъ разрушенія, писалъ Герценъ Бакунину, и, споткнувшись о низверженныя сокровища, сами грохнулись на землю въ пыль, среди всевозможныхъ развалинъ. Да если бы даже буржуазный міръ и былъ взорванъ порохомъ на воздухъ, то когда разсѣялся бы дымъ и расчищенъ былъ бы мусоръ, изъ праха возсталъ бы снова все тотъ-же міръ буржуазіи, хотя, быть можетъ, и нѣсколько видоизмѣненный. А почему? Да потому, что ни составъ самихъ преобразователей, ни преобразование общества на новый ладъ—далеко еще не приспѣли».

В. Ш.

Письма Н. М. Языкова къ Н. В. Гоголю. ¹⁾

1.

27-го февраля 1844 г. Москва ²⁾.

Только-что я собрался было писать къ тебѣ и утѣлся съ перомъ въ рукахъ, какъ вотъ принесли мнѣ твое письмо. Спасибо, трикратно спасибо тебѣ за неоставленіе меня твоими воспоминаніями обо мнѣ и совѣтами: совѣты твои бодрятъ меня ³⁾, даютъ мнѣ какую-то надежду на будущее, на лучшее, котораго я такъ давно ожидаю, но котораго ожидаю терпѣливѣе съ тѣхъ поръ, какъ ты мнѣ его общаешь. Распоряженіе моими

¹⁾ Въ виду вступающаго пятидесятилѣтія со дня смерти поэта Н. М. Языкова считаемъ своевременнымъ подѣлиться съ публикой интересной перепиской его въ серединѣ сороковыхъ годовъ съ величайшимъ представителемъ тогдашней литературы Гоголемъ. Объ отношеніяхъ Языкова къ Гоголю давно уже извѣстно изъ книги г. Кулиша «Записки о жизни Гоголя»; въ свою очередь, мы сообщили въ январьской книгѣ «Русской Старины» за 1839 годъ нѣкоторые отрывки изъ неизданной ихъ переписки; тамъ же были сообщены данныя о началѣ ихъ личнаго знакомства. Переписка между обоими писателями началась нѣсколько раньше тѣхъ писемъ, которыя мы теперь печатаемъ; но этихъ писемъ было немного. Здѣсь же читатели найдутъ письма Языкова къ Гоголю отъ 1844 г. до смерти его, послѣдовавшей въ декабрѣ 1846 г. Печатаемыя письма располагаются въ хронологическомъ порядкѣ.

В. Шенрокъ.

²⁾ Это письмо представляетъ собою отвѣтъ на письмо Гоголя отъ 15-го февраля 1844 (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 46—51) и, въ свою очередь, вызвало отвѣтъ Гоголя изъ Дармштадта отъ 2-го апрѣля 1844 г. (см. VI, 58—59).

³⁾ Гоголь въ цѣломъ рядѣ писемъ старался утѣшить страждущаго, пригвожденнаго къ одру Н. М. Языкова.

утрами, какое ты велишь, сдѣлаю и даже начну съ завтрашняго дня; вижу, предчувствую, т. е. чувствую пользу его!!

Я уже писалъ тебѣ, что Б. ¹⁾—сей англійскій милордъ—не оправдалъ моихъ на него надеждъ, по части доставленія тебѣ книгъ: онъ не взялъ ихъ отъ меня, отозвавшись тѣмъ, что ѣдетъ въ дилижансѣ, а прежде вѣдь самъ вызвался: знай нашихъ! Весною, вѣроятно, найдутся ѣздоки надежнѣйшіе: я постараюсь исполнить твое желаніе еще болѣе, чѣмъ тогда было можно; твореній святыхъ отцовъ перев. въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ—теперь выходитъ третье изданіе за прошлый годъ—и «Москвитянинъ» за 1843 пришло; тамъ есть отлично-прекрасная проповѣдь Филарета на освященіе храма въ оной Лаврѣ,—такъ какъ въ прибавленіяхъ къ переводамъ св. отцовъ—его же бесѣда на Благовѣщеніе и слово въ 1-й день св. Пасхи! Ты ихъ прочтешь съ большимъ удовольствіемъ.

Если ты видишься съ Коппомъ ²⁾, то поклонись ему отъ меня и поблагодари за все, что онъ для меня сдѣлалъ; онъ старикъ предпочтеннѣйшій! Скажи ему, что нынѣшнюю зиму всѣ припадки моей болѣзни гораздо слабѣе прежнихъ, несмотря на то, что я сижу взаперти! Весна и некомнатный воздухъ, конечно, подѣйствуетъ на меня благотвительно—и я, авось либо... мнѣ хочется тутъ сказать, начну писать стихи, да боюсь обмануть себя... У насъ, братъ, теперь стиховъ пишется вообще несравненно меньше, нежели въ прошлые, даже еще недавніе годы; вообще литературою занимаются очень немногіе, и тѣ крайне вяло и недѣйствительно: или не видя на нее требованія, или, можетъ быть, чувствуютъ, что сами они не могутъ пробудить его по своей слабости! Замѣтно и то еще, что новое поколѣніе пишетъ по-русски хуже, нежели прежнее или даже предшествующее; не умѣетъ выражаться ясно (знакъ, что оно не имѣетъ въ головѣ мысли ясной), пишетъ варварскимъ слогомъ и вѣмецкимъ складомъ: ему до того чуждъ духъ языка русскаго,

¹⁾ Боборыкинъ, неисправный исполнитель порученій, данныхъ Языковымъ и Н. Н. Шереметевой Н. В. Гоголю: Шереметева просила его передать Гоголю образъ, а Языковъ нѣсколько книгъ. Ни того, ни другаго Гоголь не получилъ отъ него: книги онъ забылъ взять, а образъ возилъ съ собой во время всего заграничнаго путешествія, потомъ, пріѣхавъ обратно въ Москву, возвратилъ Шереметевой, которая послала его потомъ вторично съ болѣе вѣрной оказіей. О Боборыкинѣ см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 30, 46, 53, 59 и 84, гдѣ онъ обозначенъ инициалами.

²⁾ Коппъ докторъ во Франкфуртѣ, съ которымъ неоднократно совѣтовался и Гоголь и Языковъ. Въ письмѣ къ Языкову отъ 15-го февраля 1844 г. Гоголь въ припискѣ спрашивалъ его: «Не прикажешь ли передать чего Коппу, съ которымъ я буду, вѣроятно, теперь часто видѣться» (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 51).

что оно не знаетъ или не хочетъ знать даже словъ его! Плохая надежда на будущее!

На дняхъ увижусь съ Шевыревымъ и попрошу отъ него книгу, которую ты поручаешь ему вручить мнѣ, и воспользуюсь ею, точно какъ ты предписываешь ¹⁾.

Сердечно жалѣю, что тебѣ не пожилось въ Ниццѣ такъ, какъ ты предполагалъ ²⁾, но вѣдь ты не просидѣлъ же всей зимы въ бездѣйствіи, т. е. дѣлалъ свое дѣло—т. е. писалъ много!

Надежда Николаевна Шереметева — все еще больна: часто простужается; вѣдь она не щадитъ себя для другихъ и забываетъ, что у насъ не Италия: теперь же и очень пошли вдругъ сильные морозы, перемежающіеся сильными же оттепелями. Нѣтъ ничего легче, какъ простудиться даже человѣку привычному къ суровому холоду ³⁾.

Получилъ ли ты деньги и письмо мое, посланныя въ Ниццу въ январѣ по русскому стилю? весь твой Н. Языковъ.

Мой поклонъ Василию Андреевичу. Что Одиссея? Благодарю за «Навъ и Дамаянты». «Ундины» лучше, ей-ей!

Получилъ ли ты собраніе словъ отъ П. М. ⁴⁾?

2.

2-го іюня 1844 г. Москва.

Ты что-то давно не писалъ ко мнѣ, мой любезнѣйшій Николай Васильевичъ ¹⁾! Я даже не знаю, гдѣ ты теперь, куда поведешь на лѣто и что ты дѣлаешь, т. е. дѣлаешь ли свое дѣло?

Я продолжаю сидѣть въ Москвѣ по-прежнему. Иноземцевъ не пустилъ меня съѣздить въ Симбирскъ хотя бы на мѣсяцъ:—сиджу и жду чего-то лучшаго, собираюсь переѣхать на дачу, потому что у насъ жаръ

¹⁾ Это была известная книга Томы Кемпейскаго: «О подражаніи Христу», четыре экземпляра которой Гоголь поручалъ купить Шевыреву: одинъ для самого Шевырева, другіе—для Погодина, С. Т. Аксакова и Языкова (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 44; ср. также т. VI, стр. 50).

²⁾ Гоголь писалъ: «Въ Ниццѣ не пожилось мнѣ такъ, какъ предполагалъ» (тамъ же, стр. 50).

³⁾ См. о Н. Н. Шереметевой нашу статью въ «Русской Старинѣ» (1892 г., X).

⁴⁾ Петра Михайловича. Гоголь собиралъ черезъ него областныя слова и вносилъ ихъ въ свои карманныя записныя книжки. Но на этотъ разъ выписки пропали (см. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 59 и 85).

⁵⁾ Последнее письмо отъ Гоголя къ Языкову было изъ Дармштадта отъ 2-го апрѣля 1844 г. (т. VI, стр. 58—59).

несноснѣйшій и у меня въ комнатѣ тѣмъ паче, потому что въ мои окна съ утра до ночи Фебъ смотритъ! Не знаю, когда пошлю я тебѣ еще нѣсколько книгъ, тобою требуемыхъ: теперь какъ-то мало ѣдутъ за границу, и къ тому два мои благопріятеля, съ коими я надѣялся отправитъ къ тебѣ съ каждымъ посылкѣ, задержалъ судь Божій въ Москвѣ: Погодинъ упалъ съ дрожжекъ и такъ повредилъ себѣ ногу, что долженъ пролежать въ постели мѣсяца съ два; еще не знаютъ, переломилъ ли онъ ногу или только ушибъ, или вывихнулъ? ¹⁾ Такимъ-то образомъ и вся поѣздка его въ чужіе края не совершилась. М—новъ за-немогъ; онъ вѣдь женихъ; сосваталъ себѣ какую-то нѣмочку въ Берлинѣ и стремился было къ ней и въ этомъ-то состояніи сталъ форсить, молоденичать, не взиравъ на сѣверный вѣтеръ и холодъ и простудился на гуляньи! Впрочемъ, ему опять лучше—и онъ, конечно, скоро поспѣшитъ въ путь... Напиши мнѣ, какъ на тебя подѣйствовалъ указъ 15-го апрѣля 1844 г.? Не сдѣлалъ ли онъ перемѣны въ твоемъ пребываніи въ чужихъ краяхъ и даже не принудятъ ли тебя возвратиться во-свояси и пребывать въ Россіи? Посылаю тебѣ «Тригорское» ²⁾ по твоему желанію. Дѣлай со мной, что угодно; въ твоей статьѣ о современныхъ русскихъ стихотворцахъ—все, что ты скажешь обо мнѣ, будетъ мнѣ сладко и лестно, и праведно ³⁾. Гдѣ же будетъ напечатана эта статья? Смѣю спросить, что твои «Мертвыя души» и вообще писалъ ли что-нибудь съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались въ Гаштейнѣ? ⁴⁾ Я написалъ нѣсколько посланій и мелочей нынѣшнюю весною; съ меня довольно и этого, по слабости моего здоровья и на первый случай послѣ долгаго молчанія.

Всѣ мои родные и знакомые разѣзжаются изъ Москвы по дачамъ или по деревнямъ: я буду лѣтомъ гораздо уединеннѣе, чѣмъ зимою, когда собственно говоря у меня уединенія не было вовсе; если буду чувствовать себя бодрымъ, то и за стихи примусь; меня станутъ бунать въ соленой водѣ. Пиши ко мнѣ о себѣ самомъ; какъ ты, куда и гдѣ?

Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ См. Барсукова «Жизнь и труды Погодина» и «Русск. Стар.», 1889, VIII, 383.

²⁾ См. т. VI, стр. 58.

³⁾ См. соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 545.

⁴⁾ Въ маѣ 1843 года. На вопросъ о «Мертвыхъ Душахъ» Гоголь отвѣтилъ не тотчасъ (см. т. VI, стр. 88).

3.

6-го іюля 1844 г. Москва ¹⁾.

Неудивительно, что ты о сѣ пору не получилъ мною къ тебѣ посланныхъ; съ частію этихъ книгъ, несмотря на то, что и взялась тебѣ доставить дама, да еще и нѣмка, случилась исторія: оная дама потеряла адресъ этимъ книгамъ, котораго онѣ теперь и дожидаются въ Любекѣ, адресъ посланъ уже, слѣдственно можешь ты по этой части успокоиться, а другая посылка книгъ давно уже за границей: ее взяла г-жа А., которая давно уже сидитъ въ Дрезденѣ; взяла и обѣщалась переслать къ тебѣ во Франкфуртъ. Чортъ же ее знаетъ, почему она это не дѣлаетъ! Вотъ тебѣ и дамы ²⁾!

Я уже переѣхалъ на дачу. Погода сильно не благоприятствуетъ сельскимъ наслажденіямъ; вѣтры, дожди, сырость и проч., но все-таки я чувствую себя бодрѣе внѣ копченаго воздуха столицы, хожу все-таки болѣе, чѣмъ прежде, и хожу все-таки на чистомъ и свѣжемъ воздухѣ, который почитаютъ лучшимъ лѣкарствомъ особенно тѣхъ болѣзней, коимъ врачебная пачкотня и аптечные взвары, настойки и кашки мало помогаютъ. Я поселился возлѣ Зыкова,—ты, вѣроятно, не знаешь это мѣсто: оно за Петровскимъ паркомъ, довольно уединенно, а между тѣмъ не вовсе пустынно или отшельнично; съ моего балкона вижу гуляющую публику; московскія розы и лиліи мелькаютъ передо мною и, такъ сказать, улыбаются мнѣ. На дачѣ пробуду до сентября.

Нынѣшнею весною я написалъ нѣсколько стихотвореній, большею частью посланія и приплю тебѣ образчики ихъ въ книжкѣ, которая теперь печатается; это выборъ изъ моихъ стихотворныхъ дѣлъ—прежнихъ, новыхъ и новѣйшихъ: изданіе, какъ говорится, скопленье.

Погодинъ поправляется; говоритъ даже, что онъ скоро и въ путь отправится, т. е. въ Маріенбадъ; хорошо, если онъ отвезетъ тебѣ «Москвитянина» ³⁾ за 1843 и текущей годы. Книжку «Обзоръ нѣ бо-

¹⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 15-го іюня (см. соч. и письма Гоголя. т. VI, стр. 84).

²⁾ Разсерженный неаккуратностью Боборыкина и другихъ, Гоголь писалъ: «Вообще я уже замѣтилъ, что мужской полъ не такъ у насъ аккуратенъ и годенъ на порученія. Они не только бабы, но даже гораздо бабьеватѣе. Дамамъ мнѣ были доставлены всѣ посылки въ исправности».

³⁾ Погодинъ опасался послать Гоголю „Москвитянина“, сознавая свою вину передъ нимъ, такъ какъ онъ помѣстилъ тамъ, противъ воли Гоголя, портретъ его, предназначившійся для падавія въ пользу Иванова. Гоголь пишетъ о неполученіи „Москвитянина“ въ письмѣ отъ 12-го ноября (см. т. VI, стр. 111). См. пропущенныя строки изъ этого письма въ „Русской Старинѣ“, 1889, I, стр. 155 и 1890 г., II, стр. 417.

гослужебныхъ книгъ грекороссійской церкви»¹⁾, я насилу отыскалъ въ Москвѣ; вотъ почему и не послалъ ее съ Мельгуновымъ: ты получишь ее вмѣстѣ съ моими стихами. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

4.

20-го августа 1844 г. Москва. 2).

Только-что теперь я отвѣчаю тебѣ на твое письмо отъ іюня 14-го дня, но «да не смущается сердце твое»: это продолгое молчаніе мое причинено единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что я въ это время искалъ себѣ другой квартиры, и потому ждалъ, пока найду ее, чтобы написать тебѣ, куда тебѣ писать ко мнѣ; и такъ пиши ко мнѣ Арбатъ, къ Спасу на Пескахъ, въ домъ Безмѣнова.—Теперь ты уже, конечно, получилъ хоть сколько-нибудь книгъ, изъ числа мною посланныхъ,—странна судьба этихъ посылокъ: одна особа, взявшаяся тебѣ доставить книги, довезла ихъ до Любека да тамъ и оставила, потому что потеряла адресъ: чортъ бы ее побралъ! а другая давно уже сидитъ въ Дрезденѣ и адресъ твой имѣетъ и общалась оттуда тотчасъ же по ея пріѣздѣ переслать тебѣ мою посылку, да чортъ ее знаетъ зачѣмъ у ней дѣло стало!

Я не послалъ книгъ съ Новосильцевымъ³⁾, потому что не имѣю чести знать его, а съ Мельгуновымъ⁴⁾, потому что той книги, которую тебѣ надобно, тогда въ Москвѣ не нашлось, а теперь она у меня. Собранія же моихъ стихотвореній о сю пору еще нѣтъ въ выходѣ; оно давно уже напечатано, да... причина: какая-то остановка въ цензурѣ по тому случаю, что перемѣнился цензоръ. Какъ-только получу оное, тотчасъ пришлю тебѣ, хотя новаго тутъ для тебя почти что ничего, но все-таки.

Погодинъ о сю пору не справится съ ногою: сначала врачи думали, что нога его не переломилась, и только на всякій случай перевязали они ее въ лубки и держали его шесть недѣль на постели, а теперь онъ уже и вставать можетъ, т. е. ему позволяется вставать, а нога никуда не годится, и ходить онъ, если это значить ходить, на двухъ костыляхъ съ двумя вожатыми!!

¹⁾ Гоголь просилъ о присылкѣ ея въ письмѣ отъ 2-го апрѣля (см. т. VI, стр. 59).

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 14 іюля 1844 г.

³⁾ Новосильцевъ (Петръ Петровичъ)—тогдашній московскій вице-губернаторъ, позднѣе рязанскій губернаторъ.

⁴⁾ Пріятель Языкова.

У насъ въ литературѣ новаго ничего: все тихо, плохо и худо по старому и лучшаго не предвидится!

Прощай покуда. На дняхъ напишу тебѣ больше; теперь ей ей некогда: перебираюсь на новую квартиру. Твой Н. Языковъ.

5.

14-го октября 1844 г. Москва. ¹⁾.

Отвѣчаю тебѣ на два письма однимъ: такъ пришлось, такъ и быть! Спасибо тебѣ за знакомство, которое ты мнѣ доставилъ. Гр. И. П. Толстаго хвалятъ всѣ благородные и добромыслящіе люди: я постараюсь сойтись съ нимъ. Книжки посылать буду и черезъ него; впрочемъ не знаю еще, что придется послать тебѣ изъ нашей бѣдной литературы и изъ нашей Москвы бѣдной литераторами. Я просилъ тебѣ у Погодина «Московскій Вѣстникъ» за нынѣшній годъ; онъ обѣщалъ послать самъ; прошлый 1843 г. онъ-де доставилъ Жуковскому, слѣдственно ты его видѣлъ. Твое письмо то, въ коемъ ты сердился на Бецкаго, самовольно выдавашаго въ публику твой портретъ, я для сильнѣйшаго по-дѣйствования показывалъ Погодину и покажу Шевыреву ²⁾.

Я никакъ не понимаю о сю пору, куда же дѣвались книги, посланныя мною къ тебѣ еще весною истекающаго года? посланныя съ Григоріемъ Аксаковымъ тѣ, кои ты получилъ, везла г-жа Е*.

Въ Москву пріѣхалъ и Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій... Дѣятельность И. К. разбудила бы дѣятельность многихъ молодыхъ и даже немолодыхъ людей, дремлющихъ и зѣвающихъ теперь, потому только, что имъ не къ кому пристать и не съ кѣмъ идти.

Я посылаю тебѣ книжку моихъ стиховъ (кн. Вяземскій переслалъ ее куда слѣдуетъ) — это, братъ, изданьице маленькое, тутъ кое-что не знаю какъ и не знаю зачѣмъ собрано; составлялъ его мой племянникъ Валувъ ³⁾. Я, между тѣмъ, собираю во едино все, что написалъ я въ десять лѣтъ (1833—1843) и этою же осенью выдамъ я тебѣ пришло.

¹⁾ Отвѣтъ на письма Гоголя отъ 1-го октября (Соч. Гоголя т. VI, стр. 98) и 3-го сентября („Русская Старина“, 1875 г.).

²⁾ Портретъ былъ доставленъ Бецкому, издателю „Молодика“, Погодинымъ; см. соч. Гоголя, изд. X, т. IV, стр. 481, примѣч.

³⁾ На это Гоголь отвѣтилъ въ письмѣ отъ 26-го октября слѣдующими словами: „Мнѣніе твое о новомъ журналѣ, имѣющемъ издаваться въ Москвѣ, какъ мнѣ кажется, довольно основательно, хотя журнала еще нѣтъ“ (соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 105).

Мельгуновъ лечится водою, и водное леченіе сильно ему помогаетъ: бодритъ, освѣжаетъ, восстанавливаетъ его всего; зоветъ и меня на себѣ отвѣдать Приснацевой системы, уже смягченной и не требующей діеты столь спартанской, какъ у самого родителя водолеченія! Не забудь написать мнѣ, полезно ли оно А. О. Россети ¹⁾? Я вѣдь могу рѣшиться еще разъ съѣздить въ нѣмецкую землю, если будетъ надежда выздоровѣть порядкомъ. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

Отъ тебя сильно ждуть писемъ С. Т. Аксаковъ и Н. Н. Шереметева.

Письма ко мнѣ надписывай: въ приходъ Николая Явленнаго, въ Серебряный переулочъ, въ домъ Шадловской.

6.

..... ²⁾ пытавшійся взять на себя редакцію «Москвитянина»; было много съѣздовъ и переговоровъ, но все кончилось пшикомъ: «Москвитянинъ» будетъ издаваться и въ 1845 г. на прежнемъ основаніи. Жаль мнѣ этого. И. В. поднялъ бы его и далъ бы ему... и духу — и дѣло вышло дѣльное и пошло бы ходко.

7.

5 ноября 1844 г. Москва ³⁾.

Отвѣчаю на твое письмо отъ 25-го октября. Радуюсь, что ты получилъ таки книги, посланныя мною съ г-жею А*. Продолженіе переводовъ св. отцовъ пришло тебѣ скоро черезъ кн. Вяземскаго или черезъ гр. Толстаго, — это продолженіе идетъ, т. е. выходитъ очень медленно: въ 1844 году явилось только 2 книжки вмѣсто обѣщанныхъ 4-хъ, а 1844 г. уже на исходѣ! Жаль! и даже странно и непонятно, почему почтенные издатели такихъ общепользныхъ книгъ дѣйствуютъ такъ вяло: онѣ расходятся у насъ нельзя лучше ⁴⁾!

¹⁾ Гоголь спросилъ объ этомъ А. О. Россети и, получивъ отъ него отвѣтъ, передалъ Языкову въ письмѣ отъ 12-го ноября (т. VI, стр. 112).

²⁾ Отрывокъ изъ недостающаго письма.

³⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 26-го октября 1844 г. (См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 105—106).

⁴⁾ Гоголь говоритъ объ этихъ книгахъ то же самое: „Переводъ очень хорошъ; жаль, что мало“ (т. VI, стр. 105).

Съ мѣсяцъ тому назадъ послалъ я къ тебѣ черезъ кн. Вяземскаго книжку моихъ стихотвореній; тутъ собрано кое-что изъ старинныхъ и кое-что изъ новыхъ и новѣйшихъ: книжка вышла не въ диво и плохая, ни то, ни се—но «да не смущается сердце твое»: я уже собралъ и приготовилъ къ подаванію въ цензуру всѣ мои стихи, сочиненные съ 1834 по 1845 г. г.—выйдетъ книжка толстенъкая, и явится въ началѣ будущаго 1845 г. и къ тебѣ во Франкфуртъ на Майнѣ. Я совершенно согласенъ съ тобою, что въ моихъ стихахъ о сю пору повторяется прежняя мысль: пора приняться за дѣло, а самого дѣла все нѣтъ¹⁾! Я вижу это и самъ! Но это, братъ, значить только то, что у меня есть только охота и сильная охота приняться за дѣло, а возможности приняться за дѣло еще нѣтъ. И теперь самое небольшое умственное напряженіе производить, или, лучше сказать, усиливаетъ припадки моей болѣзни, такъ что мнѣ, ей Богу, нельзя порядочно и задуматься. Я же, съ тѣхъ поръ какъ живу въ Москвѣ, пью сарсапарильную настойку, которая усиливаетъ раздраженіе нервовъ и такъ далѣе и проч.

Мельгуновъ крайне доволенъ воднымъ леченіемъ, пишетъ о немъ восторженно и сильно, и меня зоветъ на свѣжую воду. Мнѣ бы хотѣлось снестись съ нимъ по этой части—почему же и не испробовать! Отъ Москвы до Рейна болѣе, чѣмъ отъ Москвы же до Гаштейна! Но жаль, что я не знаю, куда писать къ нему, онъ уѣхалъ уже оттуда гдѣ лечился, а куда—не сказалъ ясно.

Шевыреву я сообщилъ твой вопросъ о твоемъ письмѣ къ нему: онъ писать къ тебѣ будетъ на дняхъ²⁾. Погодинъ въ страшномъ горѣ: у него жена больна безнадежно, и онъ разстроенъ невыразимо-отчаянно! И. Кирѣевскій готовится къ изданію «Москвитянина» на 1845 г.,—не откажись же ты исполнить мою просьбу, уважь ее, не порази, не бей меня, не бей меня.

Даю тебѣ обѣщаніе писать къ тебѣ часто.

У насъ зима начинается грозно: сегодня 16 градусовъ морозу 5-го ноября!

Это много и рано! Зато слякоти нынѣшнею осенью было мало. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ См. тамъ же.

²⁾ Гоголь писалъ передъ эгнѣмъ Языкову: „Спроси у Шевырева, получилъ ли онъ письмо мое отъ 3-го октября, и спроси также у Аксакова, зачѣмъ изъ нихъ ни одинъ не пишетъ ко мнѣ“.

8.

Посылаю тебѣ письмо отъ Надежды Николаевны Шереметевой ¹⁾: она на дняхъ была въ Москвѣ и у меня; говоритъ, что давно не имѣетъ о тебѣ никакого извѣстія и не знала даже, гдѣ ты теперь пребываешь: я полагаю, что ты опять во Франкфуртѣ на М. ²⁾.

Я переѣхалъ въ Москву; всѣ наши сюда собираются на зиму, которая этотъ разъ будетъ шумнѣе и говорливѣе прошлой, которой не доставало И. В. Кирѣвскаго. «Москвитянинъ» остается и на будущій годъ попрежнему: перемѣна въ его редакціи не состоялась, между тѣмъ въ Москвѣ заводится новый журналъ и уже, какъ слышно, и позволеніе на него уже выхлопотано—издателемъ коего будетъ профессоръ Рѣдкинъ и Грановскій. Это будетъ подобіе «Отечественныхъ Записокъ» по духу, складу и ладу...

Про тебя ходятъ здѣсь слухи распрекрасные, именно говорятъ, что у тебя уже готовы еще двѣ части «Мертвыхъ Душъ» и что сверхъ того ты написалъ: «Записки Р. ген. въ Римѣ». ³⁾

На дняхъ получилъ я чрезвычайно радостное письмо отъ Ал. Андр. Иванова. Слава Богу! Слава русскому Богу! Глаза Ал. Андр. вовсе исправились, и онъ ревностно принялся оканчивать свою картину. Здѣсь его братъ Сергѣй—при Тонѣ, какъ двѣ капли воды похожъ на Ал. Андр. (онъ лечился у Иноземцева, который помогъ ему сильно); такъ-же застѣнчивъ и робокъ, тѣ же ухватки и приемы, голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ, какъ говорится. Я очень радъ такому сходству: не можеть-же оно обманывать!

Неужели ты и эту зиму проведешь въ Франкфуртѣ? Ты, видно, полюбилъ нѣмцевъ: прежде, братъ, за тобою не бывало такой страсти. Чѣмъ это они тебя очаровали или разочаровали? Вспомни козла!

Прощай покуда. Твой Н. Языковъ.

Василію Андреевичу мое почтеніе. Чтò «Одиссея?»

¹⁾ Письмо безъ даты; Гоголь отвѣчалъ на него 26 октября 1844 г. (См. соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 105).

²⁾ Предположеніе Языкова было справедливо.

³⁾ Гоголь на это отвѣчалъ: „Прекрасные слухи, которые носятя о моемъ написаніи множества произведеній, кажется, сродни тѣмъ самымъ, которые носились и въ прошломъ году о чтеніяхъ моихъ изъ втораго тома, гдѣ находится остроумное сравненіе Петербурга съ Москвою, о которомъ мнѣ и въ мысль не приходило. Я бы душевно желалъ, чтобы нынѣшніе слухи были справедливы хотя въ половину. О «Запискахъ генерала въ Римѣ» я и не грезилъ даже, хотя нахожу, что мысль не дурна“ (соч. и письма Гоголя, т. VI стр. 106).

9.

Водное леченіе меня соблазняетъ: вчера я видѣлъ ¹⁾ разительный примѣръ Приснецева чудодѣйствія! Человѣкъ, повхавшій къ нему едва движущимся, еле живымъ, испорченный долготѣнимъ аптечнымъ и даже воднымъ леченіемъ въ Питерѣ, былъ у меня молодецъ молодцомъ, крѣпкій, краснощекій. Чтò ня говори, а этакой очевидный, такъ сказать, осязательный фактъ очень краснорѣчиво говоритъ больному противъ того способа леченія, въ которомъ онъ, несчастный, имѣетъ честь находиться 10 лѣтъ! Правда, что я теперь пишу стихи, и пишу стихи, какъ мнѣ кажется, не болѣзненные, что я во время этого писанія вовсе забывалъ мои болѣзненные припадки, но зато во время отдыха я очень, очень чувствую и вижу, какъ сокрушительно дѣйствуетъ на меня эта дѣятельность!! Не грѣхъ мнѣ и призадуматься и подумать, что, можетъ быть, есть на свѣтѣ возможность возстановить меня покрѣпче и понадежнѣе теперешняго!!

Мельгуновъ писалъ въ Москву, что водное леченіе переродило его съизнова: онъ вѣдь и женился возрожденный только имъ—онъ, котораго тоже много лѣтъ пользовали знаменитѣйшіе врачи и самыя раціональнѣйшія системы врачеванія... Такъ-то!

Хомяковы и Свербеевы тебѣ кланяются, братъ мой Петръ Мих. тоже, Елагины и Кирѣевскіе тоже.

10.

2 декабря 1844 г. Москва. ²⁾

Моя новая квартира мнѣ вовсе не нравится: я въ (ней) не усадусь какъ бы мнѣ надобно и какъ бы мнѣ хотѣлось; предполагаю купить себѣ домъ въ Москвѣ: тутъ я могу расположиться, разобраться, распространиться и раскинуться, какъ мнѣ будетъ любо и угодно, и это вѣдь важное дѣло для нашего брата-стихотворца и для писателя вообще: приволье, просторъ, вольготность, и изъ этихъ трехъ обстоятельствъ илиявающаяся жизнь тихая и безмолвная—вотъ главное!

О «Москвитянинѣ» на будущій 1845 г. я распоряжусь вѣрнѣе, нежели Погодинъ на 1844.—Погодинъ теперь находится въ горѣ и отчаяніи: у него жена умерла, и эта потеря сильно оцѣпеняетъ и убиваетъ его.

¹⁾ Письмо безъ даты.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 12 ноября 1844 г.; Гоголь отвѣчалъ на него 2 января 1845 г. (см. т. VI, стр. 158).

Жаль его! Мы, холостые словесники и люди, не можемъ и оцѣнить, какъ велико его несчастье: на женѣ его лежала у него вся домашняя жизнь и весь его бытъ ученый охранялся ея удивительною дѣятельностью и добротой: теперь Погодинъ одинъ—подъ небесами, и на рукахъ у него маленькія дѣти!!¹⁾

На двякъ былъ у меня М. С. Щепкинъ; о книгахъ, которыхъ ты отъ него требуешь, пишетъ онъ къ тебѣ самъ, я же съ моей стороны сдѣлалъ въ этомъ дѣлѣ все, что могъ: я показалъ ему строки твоего письма, до него касающіяся²⁾! Благодарю тебя за это знакомство; я буду стараться сдержатъ его въ должной силѣ и живости! вообрази себѣ, что не видывалъ Щепкина въ «Ревизорѣ»—я вѣроятно, не увижу его уже нигдѣ, кромѣ моей квартиры.

Я пишу стихи, расписываюсь—пишу стихи и духовные и мірскіе; прилагаю здѣсь образчикъ перваго рода. Тебѣ кланяются Свербеевы: они тебя помнятъ и любятъ, какъ подобаешь, и чтуть воспоминаніе о твоёмъ бываніи на ихъ вечерахъ. Елагины тоже. У Ив. Кирѣевского идетъ работа и всѣ наши московскіе собратья ему содѣйствуютъ. П. В. уѣхалъ или заѣхалъ къ себѣ въ деревню и тамъ усѣлся и засѣлъ, и продолжаетъ не издавать свое драгоценное и единственное собраніе русскихъ пѣсенъ, т. е. пребываетъ съ ними, глядитъ на нихъ, ласкаетъ ихъ и ровно ничего съ ними не дѣлаетъ. Перевода святыхъ отцовъ вышла и третья часть за 1844, всѣ три части посылаю сегодня къ графу Толстому. Какъ идетъ «Одиссея»? Твой Н. Языковъ.

11.

14 декабря 1844 г. Москва.

Твое письмо отъ 2-го декабря обрадовало и утѣшило меня: ты знаешь чѣмъ обрадовало и какъ утѣшило! оно сдѣлало больше: оно укрѣпило духъ мой и подняло его и дало мнѣ самому, такъ сказать, другой взглядъ на мои собственныя стихотворенія—и этотъ взглядъ почитаю вѣрнымъ и сердечно благодарю за него Василія Андреевича и тебя, мой судія и богомолецъ!!

¹⁾ Гоголь, очень любившій и уважавшій первую жену Погодина Елизавету Васильевну, получивъ извѣстіе о ея смерти, послѣшилъ написать огорченному вдовцу сочувственное письмо, несмотря на ссору съ нимъ (см. „Русскую Жизнь“, 1892, № 64). Отвѣтъ Погодина см. въ „Русской Старинѣ“, 1889, VIII, стр. 384.

²⁾ См. т. VI, стр. 111—112.

Здѣсь ходитъ слухъ, что у В. А. ¹⁾ уже готово 10 пѣсней «Одиссея» и что онъ написалъ еще сказку? Наша «Одиссея» перешибетъ всѣ возможные переводы: это будетъ памятникъ, про который можно сказать что «металловъ крѣпче онъ и лучше (sic) пирамидъ!»

Я уже писалъ къ тебѣ о переходѣ «Москвитянина» И. Кирѣвскаго; это обстоятельство пробудило много спавшихъ дѣятельностей и открыло много перьевъ, вовсе было помертвѣвшихъ! Мы пишемъ, я пишу и проч.

Погодинъ о сію пору еще не оправился послѣ удара, его поразившаго: онъ все еще пребываетъ въ какомъ-то душевномъ оцѣпенѣніи! На дняхъ былъ у него М. А. Дмитріевъ, Погодинъ встрѣтилъ его словами: «какъ я радъ, что вы меня навѣстили! Я теперь думалъ, что я скоро умру, дайте мнѣ слово, что вы будете заботиться о моихъ дѣтяхъ!» Дмитріевъ отвѣчалъ ему удовлетворительно: «обнимите меня и поцѣлуйте меня». Все это говорилъ онъ плача какъ ребенокъ!

Памятникъ, воздвигаемый въ Симбирскѣ Карамзину, уже привезенъ на мѣсто. Народъ смотритъ на статую Клии и толкуетъ, кто это: дочь ли Карамзина или жена его? Несчастный вовсе не понимаетъ, что это богиня исторія!! Не нахожу словъ выразить тебѣ мою досаду, что въ честь такого человѣка воздвигаютъ эту вѣковѣчную бессмыслицу!!

Не прислать ли тебѣ книгу «Царскіе выходы»? ²⁾ Хоть она и довольно тяжела, но графъ Толстой говорилъ мнѣ, что это обстоятельство не должно смущать меня.

Я послалъ къ тебѣ и стихотворенія Хомякова и гимны Полонскаго. Полонскій малый съ талантомъ; жаль только, что у него направленіе новомодное, отчаянное;—но это, вѣроятно, пройдетъ съ лѣтами.

Собраніе моихъ стихотвореній, то есть все, что я до сихъ поръ написалъ послѣ перваго, уже пропущено цензурой и скоро поступитъ въ печать. Прилагаю тебѣ одно изъ новѣйшихъ моихъ альбомныхъ, мірскихъ стихотвореній. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

12.

17 января 1845 г. Москва.

Твои два письма, писанныя тобою, какъ ты самъ говоришь, подъ вліяніемъ моего стихотворенія «Землетрясеніе», доставили мнѣ много удо-

¹⁾ В. А. Жуковскій.

²⁾ Поводомъ къ этому предложенію со стороны Языкова послужили похвалы Гоголя, вызванныя выписками изъ этой книги въ статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“ (см. т. VI, стр. 118).

вольствія, услажденія и пользы ¹⁾). Жаль, что ихъ нельзя напечатать: я бы сдѣлалъ это непременно, не спросившись тебя и взявъ отвѣтственность на свою совѣсть и на свой страхъ! ²⁾) Посылаю тебѣ еще одно изъ моихъ стихотвореній, п и с а н н ы хъ п о к а к о м у н и б у д ь п о в о д у: одно такое же я отправилъ къ тебѣ на прошлой недѣлѣ. Странно мнѣ, что ты о сю пору не получаешь книгъ, давнымъ давно доставленныхъ мною графу И. П. Толстому. Теперь я въ недоумѣніи, что мнѣ дѣлать съ другими книгами, мною для тебя приготовленными и ожидающимися только выхода 4-й части переводовъ святыхъ отцовъ на 1844 г.? (она уже давно объявлена въ газетахъ вышедшею, а подписавшимся еще не выдается). Куда пересылать ихъ, когда ты ѣдешь въ Италію? Италия велика: въ ней есть и Ницца, и Римъ, и Неаполь. Разрѣши мое недоумѣніе. Воздухъ благословеннаго юга, конечно, возстановитъ твое здоровье: очень естественно, что нѣмецкій воздухъ дѣйствуетъ на тебя разрушительно: ты русскій человекъ!

Ив. Кирѣевскій все еще не успѣлъ выдать 1-й № «Москвитянина»: несчастіе, поразившее Елагинныхъ, помѣшало журнальнымъ работамъ ³⁾). Какъ быть? Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ!

Всѣ наши тебѣ кланяются: я сегодня же пишу въ Римъ къ Чижову, съ которымъ у меня переписка идетъ довольно живо. Весною поѣдетъ въ Римъ братъ А. Андреевича Сергѣй Андреевичъ Ивановъ—архитекторъ, юноша талантливый и надежный и самостоятельный и ничуть не нѣмецъ! онъ въ началѣ лѣта будетъ пользоваться водами, вѣроятно въ Крейцнахѣ, а потомъ уже...

Собраніе моихъ стихотвореній выйдетъ къ марту: оно уже печатается. Если ты увидишь Мельгунова, скажи ему, что всѣ мы просимъ и жаждемъ отъ него повѣстей и статей для «Москвитянина». Не забудь же—для «Москвитянина»!

Если я рѣшусь ѣхать на водное леченіе, то извѣщу тебя объ этомъ заблаговременно; мы съѣдемся, посидимъ вмѣстѣ и поговоримъ о томъ, о сѣмъ, о многомъ. Прощай покуда. Будь здоровъ. Кланяйся отъ меня А. И. Тургеневу и Н. Д. Киселеву. Твой Н. Языковъ.

13.

27 января 1845 г. Москва.

Отвѣчаю на твое письмо отъ 2 января. Стиховъ И. Аксакова я не посылалъ къ тебѣ и не посылаю, потому что у меня ихъ не было и

¹⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 2 и 26 декабря (т. VI, стр. 117—118 и 149—153).

²⁾ Это письмо и особенно послѣднія строки навели Гоголя на мысль написать и издать „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

³⁾ Гоголь уже просилъ выслать ему 1 томъ „Москвитянина“ подъ ожидавшейся новой редакціей Кирѣевскаго (т. VI, стр. 153).

нѣтъ; я только слышалъ ихъ, и достать ихъ себѣ въ рукописи никакъ не могъ и не могу. К. Аксаковъ сказывалъ мнѣ вчера, что оныя стихи давно уже къ тебѣ посланы со многими книгами и, конечно, находятся и теперь еще у Жуковского. Справься! О нѣмецкомъ переводѣ «Мертвыхъ Душъ» напишу тебѣ мое мнѣніе; на дняхъ куплю его и мѣстами свѣрю съ подлинникомъ. Объ ознобѣ, на который ты жалуешься и который тебѣ не даетъ покоя, вотъ что оказалось по справкамъ, собраннымъ мною отъ Мельгунова и Бодянского: они оба лечились и вычленились холодною водою; этотъ ознобъ есть обычное послѣдствіе водолеченія и пройдетъ самъ собою; а польза, тебѣ сдѣланная самимъ водолеченіемъ, останется съ тобою непремѣнно.

Русскихъ книгъ пришлю тебѣ на дняхъ что соберу: хорошаго будетъ немного или вовсе не будетъ; пришлю кое-что и для Александра Андреевича Иванова.

Н. Н. Шереметева была отчаянно больна, теперь поправляется; письмо твое послалъ я къ ней въ Рузу.

Нынѣшняя зима для меня самая скучная, безписьменная, грустная: хотѣлось бы мнѣ уединиться, да грѣхи не пускаютъ.

Прощай покуда. Будь же здоровъ. Твой Н. Языковъ.

Мой адресъ: на Пречистенкѣ, у Троицы въ Зубовѣ, въ домѣ Наумова.

14.

17 февраля 1845 г. Москва ¹⁾.

Спасибо тебѣ за похвалы, которыми ты награждаешь меня за мое стихотвореніе: «Къ не нашимъ» ²⁾. Получилъ-ли ты другое въ этомъ же родѣ—посланіе къ К. С. Аксакову? Оба эти мои дѣтища надѣлали много разныхъ сплетней и разъединеній въ обществѣ, къ которому и ты принадлежалъ бы, если бъ ты былъ теперь въ Москвѣ, т. е. въ томъ кругу, гдѣ я живу и движусь. Нѣкіе мужи важные и ученые, старые и молодые, до того на меня разсердились, что дѣло дошло бы, дескать, до дуэли, если бы сочинитель этихъ стиховъ не былъ боленъ. Вотъ каково!! Страсти еще волнуются и кипятъ, а мои грозные соперники удовлетворяются тѣмъ, что пересылаютъ мои стихи въ Питеръ, въ

¹⁾ Отвѣтъ на маленькое письмо къ Языкову безъ даты (см. соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 166—167).

²⁾ Извѣстное стихотвореніе Языкова, выванное обострившимися спорами славянофиловъ западниковъ по поводу публичныхъ лекцій Грановскаго и Шеншрева.

«Отечественныя Записки», гдѣ меня ругаютъ, какъ можно чаще, стихи мои пародируются и печатаются эти пародіи.

Само собою разумѣется, что эти на меня устремленія и этотъ беззубый лай ни мало не смущаютъ меня и что я продолжаю свое. А. Ив. Тургеневъ бранилъ меня за стихотвореніе «Къ не нашимъ», полагая, что оно писано противъ петербургскихъ журналистовъ. Совѣмъ нѣтъ! Въ немъ идетъ рѣчь о здѣшнихъ московскихъ особахъ, которымъ не нравятся лекціи Шевырева, и потому они и лгутъ и клеветуютъ на него во всю мочь,—они, которыхъ вся ученость ограничивается берлинскими ихъ тетрадками и все личное достоинство ихъ поддерживается въ глазахъ такъ называемаго большаго свѣта только ихъ презрѣніемъ ко всему отечественному, чего они вовсе не знаютъ и знать не хотятъ!

Вышелъ первый № «Москвитянина», № отличнѣйшій, полный дѣла, добра и славный! Ты, ежели будешь во Франкфуртъ, увидишь его, и напиши мнѣ, что о немъ подумаешь. Куда же ты ѣдешь изъ Парижа? Я не знаю, какъ быть мнѣ теперь съ книгами для тебя у меня готовыми. Графъ И. П. Толстой уѣхалъ въ Петербургъ и тамъ пребудетъ! Погодинъ собирается въ Іерусалимъ: на второй недѣлѣ Великаго поста онъ пустится отсюда, а на послѣдней будетъ говѣть у гроба Господня ¹⁾.

Посылаю тебѣ еще одно мое стихотвореніе подъ статью къ двумъ первымъ; ты догадаешься, къ кому оно относится, не давай его списывать: на меня и за него есть гоненіе и еще какое? самое неотразимое—дамское!

Я еще не знаю моей судьбы на наступающую весну: можетъ быть, что меня опять пошлютъ на воды, хотя нынѣшняя зима такъ, какъ и прошлогодняя, мнѣ гораздо сноснѣе всѣхъ прежнихъ заграничныхъ. Но мнѣ все-таки хочется больше.

Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

15.

10-го марта 1845 г. ²⁾.

Вотъ тебѣ еще стихотвореніе подъ статью тѣмъ, которыя я посылаю къ тебѣ въ Парижъ. А. П. Т. выписываетъ изъ Москвы объясненіе на мое посланіе «Къ не нашимъ», и Х. и Д. Н. С. послали ему свои

¹⁾ Несмотря на ссору съ Погодинымъ Гоголь думалъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но поѣздъ а Погодина не состоялась.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 12 февраля (соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 167—168).

комментаріи: первый за меня, а другой, вѣроятно, противъ того духа, который подвигнулъ меня на этотъ подвигъ. За стихи къ Ш. осердился на меня и англійскій клубъ; а о московскихъ представителяхъ на правленія «Отечественныхъ Записокъ» и говорить нечего!

Во Франкфуртѣ ты, конечно, видѣлъ уже первый № «Москвитянина». Какоеъ И. В. К.? Есть надежда, что нашъ журналъ пойдетъ хорошо: съ перваго № число подписчиковъ умножилось отъ 400 до 700. Онъ еще выростеть значительно. Второй № еще лучше, сильнѣе, важнѣе и дѣльнѣе, нежели первый. Даже самъ П. В. Кирѣевскій выступаетъ на сцену міра сего: пишетъ опроверженіе на статью Погодина, напечатанную въ первомъ №. Это возстаніе московскихъ писателей и всей нашей братіи отъ сна—дѣло вовсе русское! У насъ все такъ: или всё притаится, или, если одинъ примется работать, то и другіе, на него глядя, встанутъ и расходятся. Много можетъ сдѣлать русскій человекъ, когда пошло на задоръ. Это не зависть, не желаніе перебить другаго—это одно благородное чувство, которое, какъ электричество, разомъ потрясаетъ всѣхъ державшихъ другъ друга за руку!

У насъ о сию пору продолжается зима, то-и-дѣло бываетъ по 15 градусовъ холоду, а весна уже на дворѣ по календарю. Едва-ли пошлетъ меня Иноземцевъ за границу; на дняхъ я переговорю съ нимъ объ этомъ подробнѣе; онъ, кажется, хочетъ пользоваться меня холодною водою, и я буду проситься у него съѣздить лѣтомъ въ Симбирскъ, въ деревню: мнѣ, братъ, крайне наскучила столичная жизнь, въ уединеніи мнѣ было бы лучше и какъ больному и какъ писателю, если-бы я могъ только находиться тамъ подъ надзоромъ хорошаго медика. Куда устремиться ты будущимъ лѣтомъ? Не во Франкфуртѣ же сидѣть тебѣ? Или на воды? Напиши мнѣ; я буду попрежнему посылать тебѣ обычныя порціи моихъ карагуль. Прочти въ «Москвитянинѣ» всѣ статьи подъ коими напечатано К.; во второмъ № прочти и «С п о р т ъ»—это Хомяковская штука. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

16.

29 марта 1845 г. ¹⁾.

Я что-то долго уже не писалъ къ тебѣ; какъ-то все откладывалъ день за день и такъ-таки дней накопилось у меня довольно много. Ты, братъ, кажется мнѣ—я слышалъ отъ Надежды Николаевны—предаешься и под-

¹⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 15 марта (соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 172).

даешься хандрѣ и впадаешь въ уныніе и слѣдственно въ бездѣйствіе! Я приписывалъ это вовсе не нездоровью твоему, а только худой погодѣ: я, братъ, по собственному опыту, по собственному сердцу знаю, какъ сокрушительно дѣйствуетъ слякоть, непроходимый дождикъ, несвоевременный снѣгъ и туманный воздухъ на нашего брата, какъ говорится. нервическаго человѣка. Теперь, конечно, уже и во Франкфуртѣ весна установилась, и я думаю, надѣюсь, что ты сталъ бодрѣе и ходче. Воображаю тебя поднимающимся раннимъ рано поутру и уединенно бродящимъ подъ густыми каштанами того мѣста, гдѣ поставленъ памятникъ Гете!! Здѣсь про тебя ходятъ слухи вотъ какіе: что ты учишься по-гречески, что собираешься въ Италію и оттуда уже въ Іерусалимъ, и только! Я сердечно буду радъ, когда узнаю, что все это правда. Въ Италіи ты, конечно, будешь, такъ сказать, въ своей тарелкѣ, а поѣздка (въ) Іерусалимъ увѣнчаетъ одно изъ лучшихъ и заветнѣйшихъ твоихъ желаній. Погодинъ ѣдетъ въ Маріенбадъ, а его путешествіе въ Святую землю, кажется, отложено въ длинный ящикъ.

Всѣ-ли мои письма дошли до тебя? Я вижу, что ты уѣхалъ изъ Парижа, не получивъ двухъ изъ нихъ?

У насъ все идетъ своимъ порядкомъ, т. е. новымъ порядкомъ, хлопочемъ о «Москвитянинѣ», и есть успѣхъ: отовсюду получаютъ похвалы ему, и ты, конечно, похвалишь его.

Иноземцевъ оставляетъ меня и на дѣто текущаго года все-таки въ Москвѣ, подъ его близкимъ надзоромъ: это-де необходимо! Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

17.

25 апрѣля 1845 г.

Отвѣчаю тебѣ на твое письмо отъ 24 марта ¹⁾. Погодинъ, вопрошаемый мною о поѣздкѣ его за границу нынѣшнимъ годомъ и о путешествіи его въ Іерусалимъ, сказалъ мнѣ, что то и другое еще не рѣшено, но что онъ сплшется обо всемъ объ этомъ съ тобою заблаговременно. Шевыревъ самъ будетъ писать къ тебѣ и разрѣшить твое сомнѣніе о его прошлогоднемъ письмѣ. Аксаковы писали, дескать, недавно ²⁾.

¹⁾ Отвѣтъ на письмо, напечатанное въ соч. и письмахъ Гоголя въ VI т. стр. 244—245 (но тамъ, вѣроятно по ошибкѣ, выставленъ 1846 г.) и на письмо отъ 5 апрѣля (см. т. VI, стр. 178—182).

²⁾ См. т. VI, стр. 182.

Странно и досадно, что Жуковский о сю пору не получаетъ «Москвитяина». Винавать не Кирѣевскій.

Путешествіе въ Іерусалимъ Норова пришло тебѣ черезъ князя Виземскаго ¹⁾. Да сдѣлай милость, не забудь написать мнѣ, какъ пересылать къ тебѣ книги, напр. въ Римъ? И куда до пріѣзда твоего въ Римъ посылать мнѣ къ тебѣ обыкновенную порцію моихъ каракуль? ²⁾

Нынѣшнимъ лѣтомъ я было надѣялся побывать на родинѣ въ Симбирской губерніи, да не пускаютъ: сиди въ Москвѣ и купайся въ соленой водѣ! Слушаюсь—и слушаюсь!

Всѣмъ сердцемъ и всею душою благодарю достопочтеннаго Коппа за память его обо мнѣ и за участіе, принимаемое имъ въ моемъ здоровьѣ. Иноземцевъ говорить, что въ Гаштейнѣ ѣхать мнѣ не надобно, что и самая эта поѣздка столь дальняя разстроила бы меня крайне.

Въ бытность мою въ Гану я ходилъ ровно по 30 м. по комнатѣ сразу: теперь не могу проходить и 4 минутъ—таковы то не бойки стали мои ноги! Не оттого ли это, что съ тѣхъ поръ я пересталъ точить? Иноземцевъ запретилъ мнѣ это тѣлодвиженіе, предписанное Коппомъ, оно-де вредно мнѣ! а Коппъ называлъ токарный станокъ моимъ спасеніемъ! Какъ тутъ быть? Не разберешь! Твой Н. Языковъ.

18.

10 мая 1845 г.

Грустно мнѣ было читать твое письмо отъ 1 мая. Чтò это съ тобою дѣлается! болѣзнь и хандра, хандра и болѣзнь, и ни та и эта о сю пору тебя не покидаетъ. Я было надѣялся, что весна отгонитъ ихъ прочь отъ тебя, теперь вижу, что не воздухъ, не слякоть ³⁾ погоды, а что-то постояннѣйшее и дѣйствительнѣйшее разстраиваетъ твое тѣло и томитъ и сокрушаетъ духъ твой.

Приписываю это—знаешь ли чему? Долговременному пребыванію твоему между нѣмцами, среди чужаго языка! Выдь на минуту изъ себя, взгляни на себя, какъ на всякаго истинно русскаго человѣка, живущаго и движущагося, положимъ, уже хоть полгода между шмерцами, и войди безпристрастно и сострадательно въ его положеніе: ты согласишься со мною! Бѣги скорѣе отъ нихъ, бѣги неоглядкой—хоть куда глаза гля-

¹⁾ О просьбѣ Гоголя прислать эту книгу см. т. VI, стр. 182.

²⁾ Дѣйствительно, почеркъ Ямкова былъ самый убійственный.

³⁾ Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

дять:—я увѣренъ, что ты скоро поправишься, поощришь и что болѣзнь и хандра убѣгутъ отъ тебя обѣ вмѣстѣ, видя себѣ бѣду неминуемую ¹⁾).

Погодинъ на дняхъ дѣлаетъ консилиумъ, гдѣ рѣшится судьба его на наступающее лѣто, т. е. ѣхать ли ему на воды или нѣтъ, и если ѣхать, то куда? Ногѣ его стало хуже.

Сердечно радъ, что «Москвитянинъ» таки дошелъ до тебя. Благодарю за похвалу моимъ стихотвореніямъ! Ты напрасно думаешь, что Хрипковъ ²⁾ живописецъ въ родѣ Мокрицкаго ³⁾; мое посланіе къ Хрипкову я почитаю однимъ изъ удачнѣйшихъ дѣлъ моихъ сего рода: стало быть, меня обманули чувства, что я восхитился имъ. Нѣтъ! Я съ тобою не согласенъ во мнѣніи о моемъ кавказскомъ пейзажистѣ. Спроси о немъ Жуковского—онъ, конечно, помнитъ его и не назоветъ дрянью. Прискорбно мнѣ еще и то, что ты вовсе ничего не сказалъ мнѣ о моей элегіи, напечатанной во второмъ № «Москвитянина»; я думаю, что это одна изъ лучшихъ картинъ, нарисованныхъ моими стихами; не всякій можетъ оцѣнить ея достоинство, тутъ нуженъ взглядъ знатока, но ты, мой любезнѣйшій, долженъ отдать ей должную похвалу, ты, который умѣешь крѣпко ограждать себя отъ надоедниковъ и который истинно-геройски защитился отъ предмета этой элегіи! Помнишь? ⁴⁾.

С. Т. Аксаковъ будетъ на дняхъ писать къ тебѣ, Шевыревъ тоже; Хомяковъ и Свербеевъ тебѣ кланяются—всѣ мы зовемъ тебя въ Москву; полно тебѣ кочевать въ странахъ не русскихъ и не православныхъ. Пора тебѣ домой, и если ты боишься Борея, то вѣдь русская земля не глиномъ сошлась: отъ Чернаго моря до Бѣлаго много климатовъ, выбрай любой и живи со своими...

Прощай покуда. Поправляйся же... я буду писать къ тебѣ еще чаще. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ Въ 1845 г. здоровье и состояніе духа Гоголя сильно испортились, и онъ, прежде всегда ободравшій Языкова, сталъ самъ писать ему письма, проникнутыя скорбнымъ чувствомъ.

²⁾ Посланіе къ Хрипкову (Александрѣ Дмитріевичу) см. въ сочиненіяхъ Языкова (изд. Перевѣскаго, т. II, стр. 250).

³⁾ Мокрицкій—художникъ, лицейскій товарищъ Гоголя; сравненіе Хрипкова съ Мокрицкимъ см. въ соч. и письмахъ Гоголя, т. VI, стр. 184—185.

⁴⁾ Гоголь на это отвѣчалъ: „Самое посвященіе Авдотѣ Петровнѣ Елагинной элегіи о надоедателѣ весьма замѣтилъ и даже сказалъ о ней Копцу (т. VI, ст. 192)

19.

12-го іюня 1845 г. Москва.

Отвѣчаю на твое письмо отъ іюня 5 дня. Если бы я записывалъ все, что я передумалъ о самомъ себѣ и о моей болѣзни, положимъ хоть въ одно полугодіе многолѣтняго и непрестаннаго житія моего съ нею, у меня не достало бы денегъ на бумагу. Мнительность—растеніе, растущее неимовѣрно быстро: оно разомъ развивается въ огромное мачтовое дерево; наше воображеніе пользуется имъ такъ же быстро: тотчасъ стромитъ изъ него и оснащаетъ корабль, сажаетъ насъ въ этотъ корабль, спускаетъ его на бурное море, и мы несемъ чортъ знаетъ куда. Кромѣ всего этого, ты, мой любезнѣйшій, повторяю тебѣ, дышешь нѣмецкимъ воздухомъ, живешь между нѣмцами, движешься на нѣмецкой землѣ, среди чужаго языка!

Жду пріѣзда Смирновой ¹⁾ въ Москву, познакомлюсь съ нею непременно и обѣщаюсь тебѣ воспѣть ее: я давно уже жажду узнать ее лично, я о ней много слышалъ разныхъ воспѣтій, но я держусь словъ, сказанныхъ, не помню, какимъ лѣтописцемъ: «не всякому слуху вѣруй-те, но испытайте духи: есть-бо духъ Божій и духъ льстечъ!» ²⁾ Что ты дѣлаешь въ Гамбургѣ? Гаштейнъ, по моему соображенію, поможетъ тебѣ, только не забудь тамъ устроить себѣ здоровую и сытную пищу: Гаштейнскія воды, правда, укрѣпляютъ, но гаштейнская пища—самая слабительная: помниши! Вспомни штраубингеровскую говядину, телятину и особенно его супы и особенно субботній!!

Вспомни и гр. А.* какъ, бывало, вылеталъ онъ послѣ обѣда за общимъ столомъ на площадку передъ моимъ окномъ, распаленный, грозный, браня встрѣчному и поперечному обѣдъ, его не удовлетворяющій, и въ самомъ дѣлѣ обѣдъ подлѣйшій!

Путешествіе А. Норова въ Іерусалимъ я уже отдалъ Аксаковымъ, которые имѣютъ съ кѣмъ переслать его къ тебѣ: оно мнѣ очень понравилось.... книга дѣльная, учевая и необходимая всякому паломнику. Слышно, что Погодинъ не перемѣнилъ своего намѣренія побывать въ Святой землѣ, но я еще не говорилъ съ нимъ объ этомъ; увѣдомлю тебя, когда и какъ онъ рѣшился. Будь-же здоровъ Твой Н. Языковъ.

¹⁾ Знаменитой Александры Осиповны Смирновой.

²⁾ Эта осторожность Языкова объясняется дошедшими до него слухами объ увлеченіи ею Гоголя. Около того же времени Языковъ писалъ брату, которому отдалъ на храненіе это письмо Гоголя: «Ты, вѣрно, замѣтилъ въ письмѣ Гоголя похвалы, восписуемыя имъ г-жѣ Смирновой; эти похвалы всѣхъ здѣшнихъ удивляютъ. По всѣмъ слухамъ, до меня доходящимъ, она просто сирена, плавающая въ прозрачныхъ водахъ соблазна». (См. „Вѣстн. Евр.“ 1879 г. т. X, стр. 452, примѣч.).

20.

13-го іюня 1845 г. Москва.

Я отвѣчалъ уже на твое письмо отъ 5 іюня и снова пишу тебѣ о немъ же, и потому, что пересылаю къ тебѣ письмо Надежды Николаевны и потому, что твое нездоровье не выходитъ у меня изъ головы. По твоему собственному описанію припадковъ твоей болѣзни, видно ясно и несомнѣнно медику и не медику, всѣмъ и каждому, что у тебя сильно разстроены и возмущены нервы: это холоднѣе рукъ и ногъ, эта безнадѣжность на выздоровленіе и вмѣстѣ съ нею всѣ болѣзни, которыя ты самъ себѣ приписываешь и въ себѣ находишь и чувствуешь, все это и въ купѣ и по одиночкѣ ничто иное, какъ прихоти, капризы или, лучше сказать, буйство нервовъ—мятежныхъ и бунтующихъ! Ты приписываешь твое теперешнее болѣзненное состояніе умственному напряженію, въ которомъ ты держалъ себя до сихъ поръ. Такъ прогони всего прежде, прогони-же прочь эту причину такого¹⁾.

Повторяю тебѣ, что Гаштейнъ тебѣ поможетъ, а потомъ бы морскія купанья и пребываніе не между нѣмцами!

Надежда Николаевна послала тебѣ молитву Ефрема Сирина—книжку, сочиненную пр. Иннокентіемъ. По моему это одно изъ лучшихъ, если не самое лучшее сочиненіе нашего великаго іерарха. Не забудь прочесть въ четвертомъ № «Москвитянина» жизнеописаніе Пансіа. Статья вовсе не журнальная, вовсе не европейская, и немногіе прочтутъ ее, но мнѣ она очень понравилась, хотя и слѣдовало описать житіе этого доблестнаго праведника еще подробнѣе. «Москвитянинъ», какъ кажется, дойдетъ до конца 1845 г. и до своего собственного кое-какъ, нога за ногу, ковыляя и падая. Звать не судьба И. Кирѣвскому быть редакторомъ журнала: его дѣятельности хватаетъ только на три №№.

У насъ прошелъ слухъ, что Смирнова въ Москву не будетъ: она-де на нынѣшнее лѣто наняла себѣ дачу въ Питерѣ и перешла уже на дачу. Хомяковы и Свербеевы тебѣ кланяются.

Прощай покуда, будь же здоровъ! Не робѣй и держись крѣпче. Твой Н. Языковъ.

21.

21-го ноября 1845 г. ²⁾.

Изъ твоего письма вижу я, что ты, мой любезнѣйшій, не получилъ двухъ писемъ, пущенныхъ мною къ тебѣ въ Римъ. Слава, громкая слава

¹⁾ Точки на мѣстѣ непрочитаннаго слова.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 30 октября (т. VI, стр. 220—221).

Присницу, что онъ возстановилъ, освѣжилъ, прибодрилъ и освѣжилъ брѣнное тѣло твое. Вѣрь ты послѣ этого нашимъ знаменитостямъ медицины, не только нашимъ, но и всякимъ, сколько ихъ ни есть.—Боль-вера также холодная вода выправила.

Смирнова была въ Москвѣ нѣсколько дней, видѣлась съ Аксаковыми, которые, конечно, уже писали тебѣ объ этомъ достопамятномъ ихъ свиданіи. А. О., какъ слышно, хотѣла уговорить Константина Акс. перестать носить русскую рубашку и зипунъ (костюмъ, въ коемъ съ нѣкотораго времени этотъ добрый юноша является вездѣ и всюду), но не тутъ-то было—не на такого напала.

Въ Калугѣ служить въ губернскомъ правленіи Иванъ Аксаковъ—юноша съ большимъ талантомъ: ¹⁾ вытребуй отъ С. Т. стиховъ его. Теперь въ Римѣ, какъ и во всей Италіи, русскихъ, я думаю, биткомъ набито. Пребываніе императрицы въ Палермо просто эпоха въ новѣйшей исторіи всей Италіи. Государя ждутъ сюда въ январѣ; но это вѣдь слухи неофициальные.

Кн. Волконскій, сынъ Зананды, издалъ въ Москвѣ книгу: «Римъ и Италія»; я началъ читать ее: что-то въ родѣ смѣси, всякой всячины, того сего. Шевыревъ готовится къ печати свои лекціи и объ исторіи русской литературы. ²⁾ Погодинъ печатаетъ свое похвальное слово Карамзину—то, которое сказалъ онъ въ Симбирскѣ при объявленіи памятника, при громѣ рукоплесканій всего симбирскаго дворянства! «Москвитянинъ» на будущій 1845 пойдетъ попрежнему: новаго журнала не предвидится. Хомяковы еще въ деревнѣ. Свербеевы тебѣ кланяются. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

22.

1845 г.

Жду отъ тебя письма изъ Рима, ³⁾ какъ ты доѣхалъ и уѣлся-ли опять у своего Челли? У насъ уже есть хорошія о тебѣ вѣсти. Смирнова писала къ С. Т. Аксакову, что тебѣ гораздо лучше, что ты сталъ свѣ-

¹⁾ Одновременно съ этимъ о талантѣ И. С. Аксакова писалъ Гоголю также Шевыревъ (см. т. VI, стр. 222).

²⁾ Гоголь отвѣчалъ на это письмо уже 2 января 1846 г. (см. соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 229).

³⁾ Отвѣтомъ на это письмо было тоже письмо отъ 2 января, начинающееся словами: „Два письма твои въ Римъ—одно безъ числа, другое отъ ноября 2 получилъ“ (т. VI, стр. 229).

жѣ, бодрѣе, здоровѣе и крѣпче. Слава Богу, и честь Присницу! Знаешь ли ты, что твои «Мертвыя души» переведены на нѣмецкій и что твое имя передѣлано переводчикомъ изъ Гоголя въ Гогеля; ужъ не думаетъ ли нѣмецъ, что ты тоже нѣмецъ!

У насъ все идетъ по-прежнему: Погодинъ продолжаетъ «Москвитянина» самъ собою, выставляя по два №№ на одной книжкѣ; Пановъ собираетъ Альманахъ къ новому году; К. Карл. ¹⁾ Павлова написала множество стиховъ прекраснѣйшихъ. Хомяковы въ деревнѣ, Елагины тоже и просидятъ тамъ долго: и наступающая осень, и будущая зима будутъ у насъ тихія. Жду извѣстій отъ Чицова, который уже сидитъ у Галагановъ въ Полтавской губерніи: онъ намѣревается водрузить новый журналъ въ Москвѣ. Это было бы дѣло важное, славное, утѣшительное.

Говорятъ, что къ веснѣ 1846 года будетъ въ Москву Жуковский!!

Прощай покуда. Я не въ духъ—какъ-то не пишется. Твой Н. Языковъ.

23.

18-го февраля 1846 г. ²⁾.

Я послалъ тебѣ нѣсколько книгъ: тутъ все, что вышло у насъ новаго, хотя сколько-нибудь любопытнаго; ждутъ появленія новаго романа Загоскина и новаго же романа Кулиша — и ихъ пришло, когда выйдутъ они въ свѣтъ. Нашъ Московскій литературный сборникъ еще не готовъ—имѣетъ явиться на Святой недѣлѣ.

Нынѣшняя зима у насъ крайне тиха, черезчуръ тиха. Елагины въ деревнѣ, Вас. Елагинъ женился. И. В. Кирѣевскій поздоровѣлъ, бодрится, и собирается писать. П. В. продолжаетъ сидѣть надъ собраніемъ русскихъ пѣсенъ (которому уже 16-й годъ!), и онъ тоже въ деревнѣ. Хомяковы въ Москвѣ. Ал. Ст. написалъ еще прекрасную статью,—подъ стать своимъ прежнимъ, которыя ты знаешь,—она будетъ въ нашемъ сборникѣ. Въ Питерѣ, по мнѣнію «Отечеств. Записокъ», явился новый геній—какой-то Достоевскій; повѣсть его найдешь ты въ сборникѣ Некрасова ³⁾. Прочти ее и скажи мнѣ твое о ней мнѣніе: я самъ не успѣлъ

¹⁾ Каролина Карловна, жена Николая Филипповича Павлова, урожденная Янинъ.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 2-го января.

³⁾ Заинтересованные этимъ романомъ Вильгорскіе вызвались доставить ему романъ Достоевскаго; они спрашивали мнѣнія о немъ Гоголя, которое онъ вскорѣ и высказалъ (см. «Вѣстн. Европы» 1839 г., XI, стр. 106). О повѣсти Кулиша и драмѣ Гедеонова онъ говорилъ потомъ въ большомъ письмѣ къ Плетневу о «Современникѣ» (см. VI, стр. 301).

прочеть ее, потому что мои здѣшніе благопріятели, читавшіе ее, не похваляютъ ея! На сценѣ явилась новая драма: «Смерть Ляпунова», соч. Гедеонова, сына известнаго директора театровъ. Говорятъ, что она, несмотря на свою безхарактерность и неестественность, все-таки сильно дѣйствуетъ на публику, пробуждая чувство народности. Я пришлю тебѣ эту драму, когда она будетъ напечатана. Пановъ написалъ біографію покойнаго Валуева, которую онъ уже послалъ тебѣ. К. Аксаковъ сочинилъ водевилъ, и петербургская цензура пропустила его на сцену, къ нежданной радости автора. И. Аксаковъ всю зиму былъ боленъ, теперь выздоравливаетъ. Получилъ ли ты его стихи отъ Жуковскаго? Мнѣ кажется, что не всѣ мои письма доходятъ къ тебѣ. И отъ А. Анд. Иванова я о сю пору не получаю отвѣта на мой вопросъ, получилъ ли онъ отъ кн. З. В. книгу «Памятники московской древности». Будь здоровъ и не тоскуй. Твой Н. Языковъ.

24.

19-го марта 1846 г. Москва.

Твои письма отъ 25-го декабря 1845 г. и къ Швыреву и къ Аксаковымъ дошли въ свое время, и отвѣты на нихъ посланы къ тебѣ тогда же. Пускайся въ путешествіе, если ты увѣренъ, что дѣйствуетъ благотворно на твое брѣнное тѣло, и пиши какъ можно больше: наша литература давно уже ждетъ твоего дѣланія, а между тѣмъ на ея попрощѣ правда никнетъ, а злочестіе высится!

Посылаю тебѣ переводъ предисловія къ нѣмецкому переводу «Мертвыхъ Душъ»¹⁾. Нѣмецъ переводчикъ Löbstein (ты, конечно, желалъ бы не stein, а hausen), называетъ ихъ на родною русскою книгою, сдѣлавшей столько же шуму въ Россіи, какъ «Mystères de Paris» во Франціи,—говоритъ, что ты получилъ за нее 3.000 руб. сер., и что профессоръ Погодинъ, ее у тебя купившій, имѣлъ 4.000 р. сер. барыша. Далѣе слѣдуетъ приложеніе.

У насъ составляется литературный сборникъ: онъ будетъ лучше того, который ты получилъ уже, и будетъ гораздо толще: въ него войдетъ цѣлая санскритская драма, переведенная съ подлинника Коссовичемъ²⁾, войдетъ повѣсть Дв. . . ., много стиховъ И. Аксакова и проч., и проч.

¹⁾ Гоголь остался весьма доволенъ этимъ предисловіемъ и отозвался о немъ такъ: «нѣмецъ судить довольно здраво» (см. Сочин. и письма Гоголя, т. VI, 248).

²⁾ Коссовичъ Кастанъ Андреевичъ—знаменитый санскритологъ.

Путешествіе А. Норова, которое до сихъ поръ не давалось тебѣ, какъ кладъ, ты, конечно, уже получилъ, слѣдственно можешь успокоиться по этой части ¹⁾. Вышелъ романъ Загоскина: «Брынскій лѣсъ», прекрасно! Онъ, мнѣ кажется, гораздо лучше «Юрія Милославскаго». Я пришлю его тебѣ.

У Надежды Николаевны Шереметевой большое горе: умерла Якушкина ²⁾ и сама почтенная наша старушка то-и-дѣло прихварываетъ; теперь она въ деревнѣ, въ Рузскомъ уѣздѣ.

У насъ носится слухъ, что Жуковскому отпускъ отсроченъ только до мая 1846 г., стало быть къ июлю должно ждать его въ Москву. Едва-ли онъ здѣсь поселится: онъ привыкъ къ жизни тихой, такъ сказать, патриархальной, а здѣсь все-таки онъ будетъ въ шуму градскомъ и на бою.

Свербеевы и Хомяковы тебѣ кланяются. Елагины всѣ въ деревнѣ. Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

25.

30-го апрѣля 1846 года.

Больно жаль мнѣ, что ты о сю пору не получалъ книгъ, посланных мною еще въ январѣ къ князю Вяземскому для передачи гр. Віельгорскому, который и отправилъ бы ихъ въ Римъ. На-дняхъ послалъ я еще и тѣмъ же путемъ для тебя книги: третью часть «Новоселья» и «Брынскій лѣсъ». Напишу Вяземскому, чтобы эти отправить уже во Франкфуртъ. Недавно былъ въ Москвѣ Чижовъ: нашъ журналъ, кажется, состоится и пойдетъ въ ходъ. Но начало ему не прежде 1848 года. Чижову необходимо заготовить по крайней мѣрѣ на годъ статей для журнала, своихъ собственныхъ: на московскихъ писателей и сотрудниковъ онъ мало надѣется, — и справедливо! Съ ними того и жди, что на мель сядешь, а наобъщаютъ съ три короба.

Вышли лекціи Шевырева; я скажу ему, чтобы онъ послалъ ихъ тебѣ: эти лекціи—подвигъ важный и безсмертный: теперь перестанутъ думать, что наша словесность началась съ Кантемира. Также придетъ время, когда увидать, что и исторія наша началась не съ Лефорта!!

¹⁾ Въ письмѣ отъ 26-го февраля Гоголь говорилъ: «Странная судьба книги «Путешествіе въ Іерусалимъ» Норова, которая никакъ не можетъ до меня доѣхать, показываетъ мнѣ, что въ этомъ году не судьба еще и мнѣ ѣхать въ Іерусалимъ» (т. VI, стр. 238).

²⁾ Настасья Васильевна, жена декабриста Ивана Дмитріевича.

Ив. Аксаковъ уѣхалъ въ Калугу, гдѣ онъ служить въ палатѣ. На прошлой недѣлѣ давали водевилъ К. Аксакова «Почтовая карета». Я пришлю тебѣ куплетъ о Питерѣ ¹⁾ и о Москвѣ; авторъ былъ вызванъ и осыпанъ рукоплесканіями.

Прощай покуда. Будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

26.

17-го мая 1846 г. ²⁾.

Я недавно писалъ тебѣ съ Мельгуновымъ, стремящимся за границу и во Франкфуртъ къ Коппу. Я ничуть не виноватъ въ неополученіи тобою книгъ: виноватъ или кн. Вяземскій, или Віельгорскій! Не посланы ли эти книги во Франкфуртъ: это бы хорошо, иначе онѣ вовсе не дойдутъ по адресу ³⁾. Аксаковы хотѣли писать къ тебѣ тоже съ Мельгуновымъ. С. Т. говорятъ получше: онъ теперь въ Москвѣ—лечится, и скоро опять въ деревню.

Вотъ тебѣ новость и до тебя касающаяся: Погодинъ ѣдетъ въ Швецію, въ Данію, въ Голландію, осенью въ Римъ—и оттуда въ Іерусалимъ: конечно, онъ такъ и распредѣлитъ свое путешествіе, чтобы захватить тебя съ собою. Я увижусь съ нимъ надняхъ и напишу тебѣ подробнѣе объ его новой поѣздкѣ за границу и паломничествѣ. Тебѣ вѣдь было бы подручно и удобнѣе пуститься на Востокъ съ добрымъ товарищемъ: одному въ такую даль и въ такое чужеземіе и чуженародіе, ей-ей, мнѣ кажется, какъ-то боязно!

У насъ весны еще не было, и на дачу переѣзжать было бы рано и неблагонадежно отъ опасности то-и-дѣло простужаться. Мельгунову сильно помогло водолеченіе, и я на него сильно надѣюсь.

Будь здоровъ. Пиши ко мнѣ въ Москву, въ домъ Хомякова, на Кузнецкомъ мосту. Твой Н. Языковъ.

¹⁾ Известные стихи, въ которыхъ Петербургъ названъ: „городъ съ именемъ чужимъ“.

²⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 5-го мая (Соч. и письма Гоголя т. VI, стр. 248).

³⁾ Гоголь передъ этимъ писалъ Языкову: „Письмо твое отъ 19-го марта получилъ, но книгъ не получалъ; онѣ какъ вѣсть Богъ вѣсть гдѣ! Какъ нарочно, въ этомъ году такъ было легко получать книги: курьеры приѣзжали всякую недѣлю въ Римъ, всѣмъ что-нибудь привозили, одному мнѣ ничего“ (т. VI, стр. 248).

27.

24-го іюля 1846 г. ¹⁾.

Требуемое тобою письмо получишь ты скоро ²⁾ Я уже хлопочу о немъ. Твои письма берегу я въ достодожной сохранности. Дѣло въ томъ, что мнѣ надобно съѣздить самому въ Москву для вынутія того письма, и ъзда въ теперешнія палящія жары для меня не шутка. Но будь спокоенъ, все сдѣлается какъ тебѣ надобно. Сердечно радуюсь, что книги, мною къ тебѣ посланныя, таки-дошли, и такимъ образомъ мое къ тебѣ преусердіе по сей части оправдалось очевидно! Скажи мнѣ твое мнѣніе о повѣсти Достоевскаго: питерскіе критики, щелкоперы прокричали ему большую похвалу; повѣсть эта довольно длинная—и мнѣ не хотѣлось читать на-удалую, ты же теперь томимый жаждою русскаго чтенія, прочтешь и ее, какая бы ни была ³⁾. Шлетневъ говоритъ, что Достоевскій изъ числа твоихъ подражателей и что разница между тобою и имъ та же, что Карамзинымъ и кн. Шаликовымъ!! Чертовская разница!

Твою прекрасную статью объ «Одиссее, переводимой Жуковскимъ», я уже послалъ Коршу, издателю М. В., и посылаю въ Москвитянинъ», хотя, признаюсь тебѣ, мой любезнѣйшій, меня сильно соблазняло желаніе оставить ее для «Московского сборника.» И. Аксаковъ написалъ еще много прекрасныхъ стихотвореній, я бы прислалъ ихъ тебѣ, если бы добиться списковъ: съ Аксаковымъ вѣчно такъ!

Мое водолеченіе идетъ хорошо: бодритъ и укрѣпляетъ мои ноги, но вѣдь это еще только начало, я пользуюсь только что обливаніями и полуваннами! Важнѣйшее еще впередъ будетъ, а покуда благодарю Бога и за то, что уже со мною дѣлается. Попробуй ты заняться точеніемъ: купи себѣ токарный станокъ, можешь найти въ Ганау тотъ самый, которымъ я потѣшался, спроси Коппа! Я думаю, что тѣлодвиженіе замѣнять тебѣ ъзду и проч.

Прощай покуда, будь здоровъ. Твой Н. Языковъ.

Пиши ко мнѣ: на Кузнецкій мостъ, въ домъ Хомякова.

28.

23-го августа 1846 г. Москва.

Шевыревъ печатаетъ вторымъ изданіемъ первую часть «Мертвыхъ Душъ», но къ сентябрю или даже въ сентябрѣ она едва ли явится въ

¹⁾ Отвѣтъ на письмо отъ 5-го мая (VI, 248).

²⁾ Гоголь просилъ нѣкоторыя изъ прежнихъ писемъ Языкова обратно для помѣщенія ихъ въ книгѣ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ (см. т. VI, стр. 255).

³⁾ Языковъ ошибся: Гоголь едва перелистывалъ „Бѣдныхъ людей“ („Вѣсти Европы“, 1889, XI, стр. 106).

публику. Назадъ тому мѣсяца четыре было напечатано въ Москвѣ письмо изъ Питера, и въ томъ письмѣ сказано, что 1-я часть «Мертвыхъ Душъ» издается съ полиטיפажами! Стало быть, это дудки!

Вотъ тебѣ наши новости: вышелъ второй выпускъ лекцій Шевырева, прекрасное продолженіе великаго его труда и патриотическаго подвига на радость всей Руси православной; читалъ ихъ всласть. Въ Москвѣ будетъ издаваться поллицейская газета въ родѣ той, какая въ Питерѣ; издателемъ ея Драшусовъ, писатель, какъ кажется, ничѣмъ не проявившійся на полѣ словесности, чиновникъ при здѣшнемъ генералъ-губернаторѣ. Очень вѣроятно, что этой газетой овладѣетъ духъ И. К. и прочихъ такихъ же. Видѣлъ-ли ты, какъ ополчились на тебя въ С.-П. за твою статью объ «Одиссеѣ»?

Я на дняхъ переберусь въ Москву, на Тверскую, въ домъ Оболянинова, гдѣ буду ревностно продолжать мое водолеченіе, объ успѣхахъ котораго писалъ уже тебѣ подробно. Надѣюсь отъ него мильонъ благъ! Прощай покуда, будь здоровъ! Твой Н. Языковъ.

29.

27-го октября 1846 г. ¹⁾

Ты, конечно, уже въ Римѣ: поздравляю тебя съ возвращеніемъ на любимое твое сидѣніе!—Мельгуновъ недавно возвратился изъ чужихъ краевъ, привезъ мнѣ мало о тебѣ извѣстій и новаго только то, что ты, мой любезнѣйшій, все-таки поѣдешь въ Іерусалимъ. Да укрѣпить Богъ твои тѣлесныя силы на это многотрудное странствованіе и да возвратишься ты съ Востока свѣжъ духомъ и бодръ тѣломъ на совершеніе многоаго и многоаго—всего, чего отъ тебя достойно и справедливо ожидаемъ мы, люди русскіе, народъ православный!

Вотъ тебѣ животрепещущія новости нашего литературнаго міра: «Современникъ» купили Никитенко, Бѣлинскій, И. Тургеневъ и прочіе такіе же, слѣдственно съ будущаго 1847 г. сей журналъ, основанный Пушкинымъ, будетъ орудіемъ щелкоперовъ, «С. О.» оживляется подъ редакціей Масальскаго. «Петербургскія Вѣдомости» преобразуются и будутъ издаваться частными лицами. Въ Москвѣ Драшусовъ издавать будетъ «Московскій городской листокъ»—ежедневную полицейскую газету! Погодина ждемъ на дняхъ въ Москву. «Москвитянинъ» остается по-прежнему.

¹⁾ Гоголь отвѣчалъ на это письмо 16 декабря 1846 года (см. т. VI, стр. 312—313).

Аксаковы переѣхали на зиму въ Москву; бѣдный Сергѣй Тимоеевичъ опять сильно страдаетъ глазами: говорятъ, что онъ лишится зрѣнія; жаль почтеннаго и доблестнаго старца. Этакихъ людей мало в очень мало въ наше время пошлости и подлости! Будь здоровъ.

Твой Н. Языковъ.

30.

Гдѣ ты, милый? Что съ тобою! ¹⁾

Я давно уже не получалъ отъ тебя ни строчки: полагаю, что это время твоего ко мнѣ неписанія — время переѣзда твоего изъ Франкфурта въ Гаштейнъ. Я надѣюсь, что Гаштейнъ поправитъ твои нервы и освѣжить все твое брѣнное тѣло, и ты снова приобдришься духомъ и пойдешь твердо и весело по той дорогѣ, на которой всѣ мы и всѣ наши сердечно желаемъ тебя видѣть! У насъ теперь о тебѣ слуховъ мало, и тѣ слабы. А. И. видѣлъ тебя мелькомъ. Арживитиновъ не засталъ тебя во Франкфуртѣ, Залкинъ видѣлъ тебя еще въ Парижѣ, а Мельгунова я еще не видалъ. Онъ возвратился въ Москву и, какъ слышно, молодець-молодцомъ, пропѣлъ тѣломъ отъ воднаго леченія и разцвѣлъ душою, женившись на красавицѣ. Моя свояченица Ел. П. Языкова, ²⁾ которую ты знаешь, ѣдетъ въ Гаштейнъ еще въ августѣ; итакъ она едвали найдеть тебя тамъ, но я все-таки пошлю тебѣ съ нею что-нибудь.

Я прочелъ романъ Кулиша: «М и х а й л о Ч а р н ы ш е н к о».... Не знаю, о какихъ отрывкахъ его говоришь ты; гдѣ ты читалъ ихъ?

Мельгуновъ сказываетъ, что у Василя Андреевича уже готовы 12 пѣсень «Одиссея». Каково дѣйствуетъ нашъ парнасскій старѣйшина? А мы что дѣлаемъ? О если-бы во всѣхъ въ насъ была хоть десятая часть его славной доблести!

Вышли одною книжкою пятый и шестой №№ «Москвитянина». Напрасно восклицалъ Погодинъ, что журналъ его воскресъ: книжка топая, слабая, еле дышетъ и говорить много вздору! Погодинскому редакторству сильно вредить нелюбовь къ нему молодаго поколѣнія московскихъ книжниковъ и литераторовъ; не знаю, праведна ли эта нелюбовь, но она ясна, какъ свѣтъ Божій: всѣ наши юноши рѣшительно отступились отъ «Москвитянина» съ тѣхъ поръ, какъ И. Кирѣевскій его оставилъ, а подъ редакцію Кирѣевского шли они ходко и весело, какъ женихъ на бракъ. Пановъ —

¹⁾ Письмо безъ даты.

²⁾ Жена старшаго брата Языкова, Петра Михайловича

юноша тебѣ знакомый ¹⁾ и дѣльный и благонадежный, собираетъ Альманахъ; не знаю, удастся-ли и эта попытка дать сборное мѣсто жажущимъ движеніямъ.... Посылаю тебѣ письмо Н. Н. Шереметевой. Хомяковы, Свербеевы, Елагины и всѣ мы желаемъ тебѣ здоровья и бодрости духа. Прощай покуда. Твой Н. Языковъ.

Аксаковы перѣехали въ деревню, близъ Троицкой Лавры и занимаются уженіемъ рыбы; у нихъ цвѣтетъ благоденствіе и сладчайшая деревенская жизнь ²⁾.

Сообщилъ В. Шенрокъ.

¹⁾ Гоголь жилъ съ нимъ въ Римѣ въ началѣ 1841 г.

²⁾ Этимъ письмомъ окончилась переписка Гоголя съ Языковымъ, если не считать отвѣтнаго письма Гоголя, писаннаго уже послѣ смерти Языкова. (Соч. и письма Гоголя, т. VI, стр. 326—327).

Собственноручное письмо П. Лопухина кн. Платону Зубову.

16 октября 1798 г. Санктъ-Петербургъ.

Милостивый государь, князь Платонъ Александровичъ. Письмо вашей свѣтлости изъ Вильны отъ 9 октября имѣлъ честь получить и о прїѣздѣ вашемъ въ предѣлы Россійской Имперіи Его Величеству всеподданнѣйше донесъ. Касательно жъ до мѣста пребыванія, коего ваша свѣтлость по незнанію еще не назначили, то думаю, что гораздо выгоднѣе будетъ для васъ избрать деревни, въ Володимерской губерніи состоящія, какъ меньше отдаленныя отъ Москвы и отъ всѣхъ вашихъ ближнихъ. Я-жъ, извѣстѣ васъ о сей Высокомонаршей волѣ, съ совершеннымъ почитаніемъ навсегда пребыть честь имѣю, милостивый государь, вашей свѣтлости покорнѣйшій слуга, Петръ Лопухинъ.

Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

Секретное письмо князя Кутузова—графу И. И. Маркову.

18 іюля 1812 г. № 36. Гжатскъ.

Милостивый государь мой, графъ Ираклій Ивановичъ. Арміи напелъ я между Гжатска и Царево-Займища. Мародерство, вкравшееся въ арміи, усилилось такъ, что, думая о сохраненіи сколько спокойствія въ столицѣ и окрестностяхъ, я нахожу нужнымъ обратиться къ вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы находящимся нынѣ въ Можайскѣ, Вереѣ и другихъ мѣстахъ войскамъ ополченія вашего дали повелѣнія ваши, что если бы мародеры отъ арміи показались гдѣ либо въ окрестностяхъ Москвы, то, перелавливая ихъ, собирать при полкахъ вашихъ и по собраніи нѣкотораго ихъ числа мнѣ доносить. По мѣрѣ изготовленія войскъ ополченія Московскаго, направляйте ихъ впредь, ваше сіятельство, всѣхъ къ Можайску и чрезъ каждые два дня о числѣ собранныхъ и готовыхъ уже войскъ доставляйте мнѣ свѣдѣніе. Пребываю съ совершеннымъ почтеніемъ вашего сіятельства всепокорный слуга, князь Михаилъ Г. Кутузовъ.

Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

По поводу Смутаго времени и брака съ Софьею Палеологъ.

Компетентная, дѣльная критика историческихъ трудовъ встрѣчается у насъ рѣдко, такъ какъ спеціалисты большею частію отъ нея уклоняются; а мнѣніе серьезныхъ спеціалистовъ именно и дорого для каждаго автора. Въ изданіяхъ Историко-филологическаго Общества при Нѣжнскомъ институтѣ князя Безбородко недавно появилась статья профессора русской исторіи въ этомъ институтѣ, М. Н. Бережкова, посвященная моему «Смутному времени Московскаго государства». Эта небольшая рецензія (всего пять страницъ), отличающаяся любезнымъ, вполне академическимъ тономъ, выдвигаетъ нѣкоторые вопросы и высказываетъ нѣкоторыя «пожеланія», по поводу которыхъ нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ, въ виду ихъ общаго интереса и несомнѣнной важности.

Во-первыхъ, уважаемый рецензентъ желалъ бы «видѣть болѣе обстоятельное изображеніе дѣятельности русскаго земства въ Смутное время. Наши историки, говорятъ онъ, оставляютъ нѣсколько въ тѣни жизнь общинъ, — городовъ, волостей и всѣхъ вообще міровъ тяглаго сословія». Эти общины «отъ царя Іоанна Грознаго получили широкое самоуправленіе, льготы и вообще средства къ дальнѣйшему своему устройству: Грозный видѣлъ ихъ значеніе, подготовилъ еще большее ихъ значеніе въ будущемъ». «Въ смуту (онъ) проявилъ энергичную дѣятельность и возстановилъ государственныи порядокъ». Признаю вполне законнымъ высказанное сейчасъ пожеланіе. Въ своей книгѣ я старался ему удовлетворить по возможности, т. е. насколько это позволяли мнѣ источники, при явномъ недостаткѣ относящихся сюда предварительныхъ изслѣдованій въ нашей исторической литературѣ. Но, съ другой стороны, полагаю нелишнимъ предостеречь отъ преувеличеннаго взгляда на само-

стоятельную роль городскихъ и сельскихъ общинъ въ эпоху смуты и указать на ихъ непрерывавшуюся связь съ органами центрального правительства. Сущность моего воззрѣнія на этотъ предметъ выражена на стр. 263 «Смутнаго времени». Кромѣ того проф. Бережковъ очевидно преувеличиваетъ размѣры того самоуправленія, которое дано было Грознымъ. Данное въ его малолѣтство и въ эпоху Сильвестра и Адашева, это самоуправленіе потомъ, въ тиранническую эпоху, не только не развивалось далѣе, а напротивъ подверглось разнымъ стѣсненіямъ отъ того же Грознаго. По сему вопросу прошу обратять вниманіе на 439—442 стр. третьяго тома моей Исторіи Россіи.

Далѣе М. Н. Бережковъ обращается къ вопросу объ ограничительной записи, взятой съ новоизбраннаго царя Михаила Феодоровича, и считаетъ извѣстія о ней сомнительными, а я будто бы «не успѣлъ придти къ рѣшительному выводу». Но у меня прямо сказано: «Относительно ограничительныхъ условий, предъявленныхъ боярами, надобно полагать, что онѣ дѣйствительно существовали» (266—267). Мнѣ кажется, не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ боярской думѣ противопоставлять земскій соборъ. Въ предъидущихъ случаяхъ, при воцареніи Шуйскаго и избраніи королевича Владислава ограниченія условлены были не земствомъ, а боярами. Не слѣдуетъ и вообще преувеличивать значеніе собственно земства на соборѣ 1613 года—руководителями его были все тѣ же бояре. А возраженія, приведенныя противъ достовѣрности извѣстій о записи, на мой взглядъ недостаточно обоснованы. Напомню, что для вѣрной оцѣнки лицъ и событій историкъ по возможности долженъ отрѣшаться отъ современныхъ ему отношеній, симпатій и антипатій (хотя-бы и сложившихся историческимъ путемъ) и трезво смотрѣть въ прошедшее, чтобы не заслужить упрека въ излишне сантиментальной его окраскѣ. Вотъ почему и относительно кандидатуры князя Пожарскаго, вопреки рецензенту, я продолжаю думать, что извѣстіе о ней «не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго». Но скромность и здравый смыслъ князя въ томъ и выразились, что онъ скоро отказался отъ своей кандидатуры и принялъ сторону Романовыхъ.

Въ заключеніе позволю себѣ одно маленькое замѣчаніе. По словамъ рецензін, относительно перваго самозванца всѣ мои «соображенія были и прежде высказаны въ наукѣ болѣе или менѣе опредѣленно». Но отсюда надобно исключить начало интриги, которая, по моему объясненію, зародилась именно въ средѣ трехъ фамилій, Мнишковыхъ, Сапѣговыхъ и Вишневицкихъ, съ указаніемъ роли каждой изъ нихъ. Это объясненіе принадлежитъ лично моимъ изысканіямъ и наблюденіямъ и до моей книги никѣмъ не было высказано. Точно также моимъ изысканіямъ принадлежатъ нѣкоторыя разясненія личности втораго самозванца и указаніе на то, что онъ былъ выставленъ и поддержанъ тѣми же тремя фамиліями,

слѣдовательно составляетъ прямое продолженіе перваго самозванца, продолженіе той же интриги.

Вотъ то немногое, что могу отвѣтить на вопросы, затронутые въ рецензій М. Н. Березкова.

Кстати, скажу два слова о небольшомъ разногласіи, возникшемъ у меня съ достоуважаемымъ отцомъ Павломъ Пирлингомъ, авторомъ цѣлаго ряда изысканій, произведенныхъ въ Ватиканскомъ и другихъ западно-европейскихъ архивахъ и составившихъ цѣнныя вклады въ науку русской исторіи. Въ недавно появившемся второмъ изданіи втораго тома моей Исторіи Россіи я воспользовался его прекраснымъ изслѣдованіемъ *Le mariage d'un Tsar au Vatican*, т. е. вновь открытыми имъ матеріалами по вопросу о бракѣ Ивана III съ Софьей Палеологъ. Разногласіе наше относится къ началу самого дѣла. Въ примѣчаніи 94-мъ я говорю слѣдующее: «По русскимъ источникамъ, починъ въ этомъ вопросѣ о бракѣ Ивана съ Софьей принадлежалъ Римскому двору, именно кардиналу Виссарьону, который прислалъ для того въ Москву грека Юрія (Прод. Др. Рос. Вивл. III. 49). О. Пирлингъ въ помянутомъ выше сочиненіи утверждаетъ, что, наоборотъ, грекъ Юрій былъ присланъ изъ Москвы въ Римъ. Я счелъ болѣе вѣрнымъ указаніе русскихъ источниковъ; но о. Пирлингъ настаиваетъ на своемъ мнѣніи, о чемъ сообщилъ мнѣ въ частномъ письмѣ. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ, чтобы удовлетворительно выяснить начало переговоровъ. Но, принимая въ соображеніе общій ходъ дѣла, отношенія и характеръ обѣихъ сторонъ, я полагаю, что именно кардиналъ Виссарьонъ, выходецъ изъ Византіи, разыскававшій достойную партію для опекаемой имъ византійской царевны, не могъ упустить изъ виду великаго князя Московскаго; въ особенности онъ руководился, конечно, опытомъ и указаніями другаго грека и своего друга, кардинала Исидора, бывшаго Московскимъ митрополитомъ, но изгнаннаго изъ Москвы за свою приверженность къ Флорентійской уніи (въ данный моментъ уже умершаго). Что не удалось Римской куріи сдѣлать посредствомъ Исидора, - т. е. введеніе уніи въ Россію — того задумала она достигнуть посредствомъ брака Ивана съ царевною, воспитанною въ идеяхъ этой уніи и притомъ на иждивеніи папскаго двора. Хотя Римская курія обманулась въ своихъ разчетахъ, тѣмъ не менѣе она всегда была настойчива въ своихъ попыткахъ. Очевидно, грекъ Юрій (Траханьотъ) въ качествѣ Виссарьонова агента пріѣзжалъ въ Москву именно для того, чтобы завязать переговоры о бракѣ Ивана съ Софьей или Зоей Палеологъ, что ему и удалось исполнить, при посредствѣ извѣстнаго Ивана Фрязина (Джанъ-Батиста Вольпе), находившагося въ московской службѣ. Вообще я не вижу никакого основанія отвергнуть русское извѣстіе о римскомъ починѣ въ этомъ дѣлѣ.

Д. Иловайскій.

О наблюдении за формою одежды статских чиновниковъ.

Ордеръ генераль-прокурора Оболянина въ ярославскому губернскому прокурору.

28 февраля 1800 г. № 779.

По Высочайшему Повеленію подтверждается: о строгомъ и не упустительномъ наблюдении, дабы статскіе чины и приказные служители и всѣ отставные отнюдь не носили жилетовъ, куртокъ, панталонновъ и толстыхъ галстукновъ и ни какихъ фраковъ и другихъ платьевъ, кромѣ мундировъ по Высочайше апробованнымъ образцамъ, гдѣ кто служить, а буде по мѣсту оныхъ не положено, то тѣхъ губерній мундиры, гдѣ пребываніе или жительство и вотчины кто имѣетъ, а кафтаны немѣцкіе не запрещаются. За непременнымъ исполненіемъ чего поручается господамъ прокурорамъ, каждому по своему вѣдомству, смотрѣть, и гдѣ паче чаянія противное усмотритъ, для взыскаія доносить подь собственнымъ своимъ отвѣтомъ.

Сенаторъ—не частный человекъ.

Предписаніе министра юстиціи кн. Лобанова-Ростовскаго ярославскому губернскому прокурору.

12 сентября 1824 г. № 7191.

Партикулярно извещень я, что Г. Сенаторъ Тайный Совѣтникъ Политковскій, Ярославской губерніи Мышкинскаго уѣзда въ селѣ Сменцовѣ Помѣщика Михайлова, 31 минувшаго Августа скончался. Но какъ Сенаторъ не есть частный человекъ, то я рекомендую вамъ, по надлежащемъ удостовѣреніи о кончинѣ Г. Политковскаго, довести мнѣ о томъ формально.

Записки Михаила Чайковского¹⁾.

(Мехметъ-Садыкъ наши).

XVI.

Стычка подъ Ильжей.—Шидловецкій лѣсъ.—Движеніе къ Пилицѣ.—Бой подъ Забржевомъ.—Соединеніе отрядовъ въ одинъ корпусъ.—Штабъ генерала Самуила Ружицкаго.—Новый планъ дѣйствій.—Нападеніе на Конскъ.—Игнатій Куржель (Kurzel).

Кавалерія, занимавшая аванпосты, за нерадивое отношеніе къ службѣ была послана въ Свентокржижскія горы; это было истиннымъ наказаніемъ для храброй молодежи; офицеръ, командовавшій переднимъ аванпостомъ, былъ отданъ подъ судъ; двое жидовъ, уличенныхъ въ томъ, что они проносили часовымъ водку, которые и были заподозрѣны въ шпіонствѣ и сношеніяхъ съ русскими, были повѣшены у колодца. Такія энергическія мѣры со стороны новаго начальника изумили поляковъ и вызвали ихъ восторгъ. Когда же генералъ сѣлъ на буланую лошадь съ чернымъ хвостомъ и гривой, которую я подвелъ ему, то мы увидѣли предъ собою истого краковянина, напомнившаго намъ обликъ самого отважнаго Косцюшки, а когда онъ проѣхалъ передъ фронтомъ и звучнымъ голосомъ произнесъ: «Плохи ваши дѣла, я поведу васъ на непріятеля, чтобы вы могли ихъ поправить», то мы подумали: не привезъ ли намъ комиссаръ Бржозовскій самого великаго Наполеона.

Мы двинулись къ Ильжѣ. Нашъ отрядъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ Литовско-Волынскаго полка, численностью въ 1.800 чел., одного батальона егерей Сандомірскаго полка, въ 700 чел., трехъ эскадроновъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г. октябрь.

нашей собственной кавалеріи и одного взвода легкой Надвислянской кавалеріи.

На соединеніе съ нами шелъ отрядъ, коимъ командовалъ на Литвѣ генералъ Самуилъ Ружицкій и въ составъ котораго входило два батальона подлѣскихъ егерей, подъ командою Михаила Куржела, одинъ эскадронъ калишскихъ егерей и эскадронъ унтеръ-офицеровъ-инструкторовъ литовскихъ войскъ и шесть орудій. Начальство надъ этимъ отрядомъ было ввѣрено полковнику Обуховичу, который долженъ былъ присоединиться къ намъ въ Радомѣ, куда направлялись еще два эскадрона кавалеріи изъ Подлѣсья, семь эскадроновъ такъ называемой старой кавалеріи корпуса Дверницкаго и около трехъ батальоновъ 6-го егерскаго полка изъ Кракова.

Такимъ образомъ у насъ составился отрядъ изъ 9 батальоновъ пѣхоты, численностью въ 8 тысячъ человѣкъ, 15 эскадроновъ кавалеріи и 6 орудій. Надобно было спѣшить въ Радомъ, гдѣ всѣ отряды должны были соединиться въ одинъ корпусъ, чтобы задержать наступательное движеніе Ридигера; присоединивъ къ этому корпусу всѣ резервные отряды кавалеріи и пѣхоты, можно было довести его численность до 20.000 и даже до 25.000 человѣкъ.

Мы шли къ Ильжѣ форсированнымъ маршемъ, нигдѣ не встрѣтивъ по пути непріятеля; въ деревняхъ, чрезъ которыя мы проходили, никто не видѣлъ русскаго отряда, напавшаго на насъ ночью, и даже нигдѣ не слышали о немъ. Надобно сказать, что населеніе Сандомирскаго округа относилось къ возстанію довольно равнодушно и смотрѣло на наши военныя дѣйствія, какъ на простыя маневры или ученья; правда, каждая семья выставила рекрутъ или такъ называемыхъ охотниковъ, но они не спѣшили зачисляться въ полки, несмотря на то, что среди нихъ было не мало молодежи во цвѣтѣ лѣтъ и силъ. «Пусть Богъ поможетъ тому, кто хочетъ намъ добра»—говорили они намъ и русскимъ. Это не было поголовное или народное возстаніе, какъ во времена Косцюшки; молодежь поступала въ войска единственно изъ желанія повоювать и смотрѣла на эту войну какъ на поединокъ между двумя арміями; весь вопросъ сводился къ тому, которая изъ нихъ останется побѣдительницею.

Мы пришли въ Ильжу ночью и провели ее на улицѣ. Еще до разсвѣта Михаилъ Будзинскій былъ посланъ со взводомъ на рекогносцировку большой дороги, которая вела изъ Ивановца въ Радомъ и проходила въ 5-ти верстахъ отъ Ильжи. Отъ нея къ этому мѣстечку сворачивала другая дорога, которая, описавъ дугу, выходила снова на большой трактъ, составлявшій такимъ образомъ какъ бы хорду этой дуги.

На разсвѣтѣ мы выступили изъ мѣстечка по Радомскому тракту; пройдя не болѣе какъ съ полуверсты, мы увидѣли нѣсколько всадни-

ковъ, несшихся къ намъ, размахивая руками; наши казаки тотчасъ подскочили къ нимъ и возвратились съ восьмью драгунами Новороссійскаго полка; это были перебѣжчики, уроженцы Херсонской губерніи, которые сообщили намъ, что отрядъ генерала Квицинскаго, въ составъ котораго входилъ Новороссійскій драгунскій полкъ, идетъ на Ильжу, гдѣ генераль надѣется застать нашъ отрядъ, что принцъ Адамъ Виртембергскій также выступилъ со своей колонной, чтобы пересѣчь намъ путь въ Шидловецкіе лѣса, что самъ Ридигеръ находится вѣроятно уже въ Радомѣ, а за нимъ идетъ резервная колонна генерала Слотвинскаго. Итакъ оказывалось, что мы были окружены со всѣхъ сторонъ, такъ какъ комиссаръ Бржозовскій сообщилъ генералу, что на разстояніи однодневнаго перехода за нами шель еще Флоріанъ Ржевускій. Въ этотъ моментъ показался вдали разъѣздъ Михаила Будзинскаго, возвращавшійся съ рекогноспировки; онъ былъ окруженъ порядочной кучкой донцовъ, которые гикая и стрѣлая, вились вокругъ него какъ чайки.

Мѣстечко Ильжа расположено, сколько мнѣ помнится, на пригоркѣ, омываемомъ съ юга рѣчкой или лучше сказать ручейкомъ, въ то время совершенно пересохшимъ; ручей этотъ течетъ съ запада въ довольно глубокомъ оврагѣ, по обѣ стороны котораго находился небольшой сѣнокосъ; берега ручья были высоки и обрывисты; далѣе отъ протекаетъ по довольно большому низменному лугу, на юго-западной сторонѣ котораго теряется въ землѣ.

Отъ горъ, возвышавшихся съ южной стороны, на западъ отъ которыхъ видѣлись Шидловецкіе лѣса, пролегало двѣ дороги: одна изъ нихъ шла съ юга, чрезъ широкую греблю, пересѣкавшую болотистую мѣстность, въ 5 верстахъ отъ Ильжи; эта дорога начиналась отъ деревушки, названіе которой я позабылъ, но отъ которой до Ильжи было не болѣе 3 версты; другая дорога пролегла въ томъ же направленіи влѣво отъ Ильжи, къ ручью; это была единственная проѣзжая дорога чрезъ оврагъ—въ четверти версты отъ мѣстечка.

Генераль Самуилъ Ружицкій распредѣлилъ свое войско слѣдующимъ образомъ. Одинъ батальонъ пѣшихъ егерей Сандомирскаго полка занялъ Ильжу и кладбище, два батальона легкой Литовско-Волинской кавалеріи опирались правымъ флангомъ въ мѣстечко и составили какъ бы резервъ отряда, предназначеннаго для обороны Ильжи; одинъ батальонъ 22-го полка занялъ позицію по правую сторону дороги, шедшей черезъ оврагъ, по самому краю его; наша кавалерія, скрытая неровностью почвы, перешла на другую сторону дороги, готовясь къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, смотря по надобности и по приказанію начальства. Задачей кавалеріи было не дать русскимъ обойти нашу пѣхоту и не допустить ихъ въ Шидловецкіе лѣса, куда они весьма вѣроятно постарались бы отступить.

Русскіе, не зная въ точности численности нашихъ силъ, начали бомбардировать мѣстечко и вытѣснили оттуда егерей Сандомірскаго полка, но легкая кавалерія, предводимая полковникомъ Квятковскимъ и Ипполитомъ Блотницкимъ, пошла въ пытки и снова овладѣла Ильжей; тогда русскіе возобновили бомбардировку. Въ это время Карлъ Ружицкій рысью перешелъ съ нашей кавалеріей черезъ оврагъ, построилъ на ровномъ мѣстѣ эскадроны въ колонну по-взводно и двинулъ ихъ на непріятеля. Драгуны стали развернутымъ фронтомъ; затѣмъ, пройдя шаговъ 300, быстро повернули по-взводно налѣво и стали отступать къ оврагу. Русскіе, не понявъ значенія этого маневра, слѣдовали за нами развернутымъ же фронтомъ, то рысью то замедляя шагъ. Наша кавалерія продолжала двигаться влѣво, маневрируя какъ нельзя лучше; когда мы подошли къ оврагу, оказалось, что мы успѣли опередить русскую кавалерію по крайней мѣрѣ на двѣ тысячи шаговъ, и наши эскадроны, безъ малѣйшаго замѣшательства и боязни по-взводно перешли чрезъ оврагъ на нашу прежнюю позицію.

Ружицкій хотѣлъ завести драгунъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ 22-й пѣхотный полкъ, которому послано было съ Адольфомъ Пильховскимъ приказаніе быть на готовѣ и, завидѣвъ колонну драгунъ, стрѣлять по ней, что послужило бы намъ сигналомъ къ атакѣ.

Всѣ наши эскадроны стали къ непріятелю развернутымъ фронтомъ, а затѣмъ исполнили равненіе налѣво такъ, что третій эскадронъ, опираясь лѣвымъ флангомъ въ оврагъ, оказался впереди другихъ; за нимъ сталъ развернутымъ фронтомъ 2-ой эскадронъ, а первый былъ скрытъ отъ непріятеля. Покуда мы переходили чрезъ оврагъ, русскіе строились по-эскадронно и успѣли уже выстроить въ боевомъ порядкѣ шесть эскадроновъ. Нашего пѣхотнаго батальона не было видно, о немъ не было ни слуха, ни духа.

Послѣ горячей стычки, стоявшей обѣимъ сторонамъ большихъ потерь, мы догнали арьергардъ нашего корпуса у самой опушки Шидловецкихъ лѣсовъ, верстахъ въ 25 отъ Ильжи. Только что мы его завидѣли, какъ вдали показались отряды казаковъ и драгунъ Московскаго полка, но они тотчасъ повернули обратно, не выказавъ ни малѣйшаго желанія вступить съ нами въ бой; видимо они хотѣли только прослѣдить, въ какомъ направленіи мы пойдѣмъ. Колонна генерала Слотвинскаго шла слѣдомъ за нами, а колонна генерала Квицикскаго осталась вѣроятно въ Ильжѣ или двинулась въ Радомъ.

Спокойно и безопасно вступили мы въ Шидловецкіе лѣса. Прибывъ въ Шидловець къ ночи, мы нашли тамъ превосходный обѣдъ, приготовленный моимъ поваромъ Конономъ, съ дичью и грибами, такъ что Карлъ Ружицкій пригласилъ на обѣдъ нашего генерала, который былъ этимъ весьма доволенъ. Мы пили за обѣдомъ старое столѣтнее венгер-

ское за здоровье Волынской кавалеріи и Бердичевскихъ казаковъ, такъ какъ стычка подъ Ильжей была дѣйствительно подвигомъ нашего полка и доставила намъ въ корпусъ Ридигера названіе «бѣльцовъ» — отъ бѣлыхъ фуражекъ и бѣлыхъ обшлаговъ на мундирахъ. Кононъ отличился этотъ разъ въ поварскомъ искусствѣ, съ радости что нашелъ себѣ товарища, оказавшагося еще большимъ трусомъ, нежели онъ самъ. Дѣло было такъ. Кононъ, казакъ родомъ изъ Галчинаца, былъ рослый дѣтина; научившись страпать отъ повара француза, онъ сталъ самоувѣренъ и заносчивъ, но при этомъ былъ замѣчательный трусъ: каждый выстрѣлъ нагонялъ на него ужасъ, а во время сраженія у него дѣлались отъ страха судорги, и онъ тотчасъ обращался въ бѣгство. Не знаю, какимъ образомъ онъ устроивался, чтобы очутиться всегда на привалѣ или ночлетѣ и изготовить ужинъ какъ у себя дома. Какъ всѣ трусливые люди онъ часто пѣтушился и любилъ придать себѣ воинственный видъ. Въ лохматой буркѣ, заткнувъ за поясъ кухонный ножъ онъ ѣхалъ обыкновенно на горячемъ ворономъ конѣ. Все это придавало ему видъ страшнаго озорника и забіяки.

Какъ ни была блестяща для польской кавалеріи и для военной славы Карла Ружицкаго стычка подъ Ильжей, все же ее нельзя назвать иначе какъ стратегической ошибкой генерала Самуила Ружицкаго. Ему было извѣстно отъ плѣнныхъ, взятыхъ нами подъ Опатовымъ, отъ пиіоновъ, даже отъ мѣстныхъ жителей о переправѣ корпуса Ридигера черезъ Вислу и о его дальнѣйшихъ движеніяхъ, поэтому ему вовсе не слѣдовало идти на Ильжу, а надобно было двинуться окольными путями на Радомъ, куда онъ могъ поспѣть раньше, нежели русскія войска. Если бы ему не удалось тамъ удержаться, то онъ могъ бы отступить къ Пилицѣ и соединиться тутъ съ прочими отрядами, которые уже подходили къ Радому, но отступать слѣдовало не прежде, какъ получивъ извѣстіе о вступленіи русскихъ въ этотъ главный городъ Сандомирскаго округа. Совершенно напрасно шли мы форсированнымъ маршемъ къ Ильжѣ, напрасно ночевали тамъ и ожидали сраженія; мы могли бы отступить отъ Ильжи и послѣ того какъ къ намъ явились первые перебѣжчики-драгуны, избѣгнувъ такимъ образомъ битвы, которая заставила насъ свернуть съ своего пути и окончательно прервала намъ сообщеніе съ прочими отрядами, которые могли отступить Богъ вѣсть куда, видя, что вся окрестность занята русскими войсками, и ничего не зная объ участи, которая насъ постигла. Избѣжавъ стычки мы могли бы соединиться съ прочими отрядами, и въ распоряженіи генерала Самуила Ружицкаго оказался бы тогда цѣлый корпусъ изъ нѣсколькихъ тысячъ прекраснѣйшаго войска, съ которымъ онъ могъ бы выступить противъ генерала Ридигера, у котораго было хотя равное по численности, но не столь образцовое какъ у насъ войско.

Всѣ эти обстоятельства могли имѣть рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ военныхъ дѣйствій. Ридигеръ могъ быть отброшенъ со своимъ корпусомъ на правый берегъ Вислы. По освобожденіи Сандомирскаго и Краковскаго округовъ отъ непріятельскихъ войскъ, явилась бы полная возможность составить резервный отрядъ кавалеріи и пѣхоты, численностью по крайней мѣрѣ въ 25.000 человекъ. Мнѣ кажется что при сорока тысячномъ войскѣ это было вполне возможно. Къ сожалѣнію, генераль Самуиль Ружицкій этого не понялъ; онъ былъ пламенный патриотъ, человекъ высоко честный и вполне достойный уваженія, но онъ былъ краковянинъ—горячъ и вспыльчивъ какъ пѣтухъ и счелъ бы величайшимъ для себя позоромъ уклониться отъ предстоявшаго ему сраженія. Карль Ружицкій, одинъ изъ немногихъ поляковъ, одаренный рѣдкими военными способностями, совѣтывалъ не начинать битвы до тѣхъ поръ, пока всѣ отряды не соединятся; изъ штабныхъ одинъ только Евстафій Янушкевичъ раздѣлялъ его мнѣніе, но онъ не былъ военнымъ по профессіи. Еще разъ Карль Ружицкій высказался за необходимость избѣжать столкновенія въ тотъ день, когда онъ представлялъ генералу перебѣжчиковъ-драгунъ, но генераль отвѣчалъ вспыльчивъ:

— Что бы сказали эти люди, если бы мы уклонились отъ сраженія; пускай идутъ, помѣряемся силами.

И помѣрялись, но потомъ рѣшительно не знали что дѣлать. Генераль ломалъ себѣ голову и ничего не могъ придумать.—Карлу Ружицкому стало жаль бѣднаго краковянина и онъ изъявилъ готовность проскочить недалеко отъ Пилицъ съ нашей конницей между русскими войсками, соединиться съ остальнымъ отрядомъ и вывести такимъ образомъ генерала Самуила Ружицкаго изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ себя поставилъ и изъ котораго ему не оставалось иного выхода какъ уйти въ Свентокржижскія горы по стопамъ генерала Шепецкаго.

Подъ вечеръ, 11 взводовъ нашего полка сѣли на коней; двѣнадцатый взводъ, подъ командою Яна Омецинскаго остался конвоировать генерала. При каждомъ эскадронѣ было по два проводника, прекрасно знавшихъ мѣстность. Мы двинулись къ Радому, гдѣ русскія войска стояли лагеремъ. Ночь предвѣщала быть темной, такъ какъ луна не показывалась, а сѣрыя тучи, какъ отряды конницы, неслись одна за другой по сумрачному небосклону; мы были уже близко къ лагерю, когда Ружицкій отдалъ приказаніе, чтобы колонна, шедшая по полувзводно, занимая всю ширину дороги, сомкнула ряды. Впередъ каждаго эскадрона, между двумя казаками, ѣхали связанные проводники. Давъ выстрѣлъ по часовымъ, мы пустились рысью, натянувъ поводья; лошади шли такъ ровно, что ни одна изъ нихъ не свернула съ дороги. Какъ потокъ пронеслись мы черезъ русскій лагерь крича и стрѣляя;

никто не преградилъ намъ путь; потокъ неся и неся, земля дрожала отъ топота лошадей, изъ-подъ копытъ сыпались искры, но все это было ничто въ сравненіи съ обунвшимъ всѣхъ и cadaго страхомъ. Мы все еще продолжали ѣхать рысью, когда выстрѣлы и крики уже не доносились болѣе до насъ, и сдержали своихъ лошадей только тогда, когда на краю неба выплылъ изъ за-облаковъ серебряный ликъ мѣсяца ¹⁾). Обернувшись, мы увидѣли, что за нами никто не гонится, и остановились. Грузинскій пошелъ со вторымъ и третьимъ эскадронами направо къ Пилицѣ, я двинулся съ полускадрономъ къ Притыку, а Ружицкій съ четвертымъ взводомъ перваго эскадрона пошелъ въ Млынки, отстоявшія въ 5 верстахъ отъ Притыкъ.

Начинало свѣтать, когда предъ нами засверкала, серебряной лентой, Пилица и на противоположномъ берегу, на пригоркѣ, показалось мѣстечко Притыкъ, а между мѣстечкомъ и рѣкою мы увидѣли кучку донцовъ—человѣкъ до ста, которые мчались въ полномъ безпорядкѣ. Построивъ свои взводы въ боевой порядокъ, я бросился тотчасъ съ первымъ взводомъ черезъ рѣку вплавь и ударилъ на донцовъ врасыпную. Второй взводъ слѣдовалъ за нами въ стройномъ порядкѣ, рысью, составляя какъ бы резервъ. Нападеніе было произведено нами такъ быстро и неожиданно, что донцы стали отступать вправо по берегу рѣки. Четверо донцовъ пали подъ ударами нашихъ пикъ, а 11 человѣкъ и одинъ офицеръ были взяты нами въ плѣнъ. Въ Притыгахъ мы нашли въ одной конюшнѣ нѣсколько офицеровъ-поляковъ, скрученныхъ веревками и привязанныхъ къ стойкамъ; оказалось, что это были офицеры изъ эскадрона инструкторовъ, который ночью былъ взятъ въ плѣнъ донцами. Я узналъ отъ нихъ, что полковникъ Обуховичъ расположился лагеремъ возлѣ лѣса, въ 6 верстахъ отъ Варшавской дороги, куда онъ отступилъ, получивъ извѣстіе о вступленіи русскихъ въ Радомъ. Взятые нами въ плѣнъ донцы сообщили, что ихъ сотня была послана на рекогносцировку въ Притыкъ, куда должно было идти вслѣдъ за ними все войско, но что оно выступить не прежде какъ по ихъ возвращеніи. Я поручилъ тогда Адаму Барановскому занять это мѣстечко съ однимъ взводомъ и разставить часовыхъ со стороны Радомы, послалъ троихъ казаковъ въ Млынки, куда, по моему расчету, Ружицкій долженъ былъ уже прибыть съ извѣстіемъ о случившемся, а самъ, съ остальной частью взвода и вахмистромъ Моргульцемъ, пустился галопомъ къ лѣсочку. Поднявшись на пригорокъ, мы увидѣли, что отрядъ Обуховича отступаетъ въ величайшемъ безпорядкѣ по Варшавской дорогѣ; оставивъ

¹⁾ Достоверность подобныхъ рассказовъ автора остается на его совѣсти, но необходимо замѣтить, что во всѣхъ происходившихъ дѣлахъ отрядъ, въ которомъ находился М. Чайковскій всегда оставался побѣдителемъ. Ред.

Моргульца со взводомъ, я помчался съ однимъ казакомъ къ этому отряду. Моя лошадь почти совсѣмъ выбилась изъ силъ, пока я его догонялъ. Назвавъ себя и сообщивъ полковнику о дѣйствіяхъ нашего отряда, я предложилъ ему пойти съ его войскомъ въ Притыкъ.

Полковникъ Обуховичъ отвѣчалъ на это, что онъ меня не знаетъ, и не знаетъ также польскаго войска, которое имѣло бы мундиръ подобный моему, что онъ не можетъ довѣрять моимъ словамъ, такъ какъ я не имѣю никакого письменнаго приказанія и не могу представить никакихъ доказательствъ справедливости своихъ словъ. Я возразилъ, что ежели таково его убѣжденіе, то онъ обязанъ обезоружить меня, арестовать или взять въ плѣнъ, такъ какъ я можетъ быть офицеръ русскаго войска, явившійся съ цѣлью завести его въ какую нибудь западню. Полковникъ не зналъ чѣмъ отвѣчать и пробормоталъ: «я этого не говорилъ; можетъ быть все это и правда, но я старый солдатъ, мнѣ нуженъ приказъ, да не словесный, а письменный».

Я замѣтилъ на это, что пока мы будемъ спорить, непріятель можетъ напасть на генерала Ружицкаго, а затѣмъ и на его собственный отрядъ. Наконѣцъ изъ Притыкъ начали подъѣзжать офицеры, которые подтвердили Обуховичу, что они были освобождены нами и чрезвычайно преувеличили въ своихъ разсказахъ нашу храбрость, чтобы этимъ прикрыть свою собственную неосмотрительность.

Тогда выѣхалъ впередъ Карлъ Рочановскій, сказавъ: «я поѣду воевать съ товарищемъ» и командовалъ своимъ двумъ коннымъ орудіямъ идти за нимъ; его примѣру послѣдовалъ поручикъ Трижъ, командовавшій двумя орудіями пѣшей артиллеріи, капитанъ Псарскій съ эскадрономъ калишанъ и Осмяловскій съ подольскими егерями, такъ что съ Обуховичемъ остались только штабъ-офицеры, полковники: Бергъ, Мих. Куржелъ, подполковникъ Мирославскій и нѣкоторые другіе. Не удивительно, что между ними возникли вскорѣ всевозможныя несогласія и недоразумѣнія: было слишкомъ много начальствующихъ лицъ.

Не вступая въ дальнѣйшій разговоръ, я повернулъ лошадь и поѣхалъ обратно; войско послѣдовало за мною. Не доѣзжая Притыкъ, меня догналъ какой-то офицеръ, передавшій мнѣ отъ имени полковника Обуховича, что вся отвѣтственность за это падетъ на меня. Я отвѣчалъ ему самымъ вѣжливымъ образомъ:

— Охотно принимаю ее на себя—я вѣхалъ въ Притыкъ.

Вскорѣ, по близости отъ Закржева раздалась залпы изъ орудій: не ожидая прибытія Карла Ружицкаго и какихъ бы то ни было приказаній, я тотчасъ послѣшилъ, какъ и первый разъ въ ту сторону, откуда доносились выстрѣлы, принявъ на себя командованіе отрядомъ.

Мѣстность была неровная, что называется волнистая; пригорки смѣня-

лись рошицами, кустарникомъ, попеременно съ пахатными полями. Подъ-эскадрона было назначено мною въ застрѣльщики; подольскихъ егерей я построилъ въ двѣ боевыя колонны, которыя должны были атаковать непріятеля; на флангахъ было поставлено по два орудія и по полуэскадрону калишской конницы на подмогу. Построившись такимъ образомъ, мы двинулись въ томъ направленіи, откуда доносились выстрѣлы. Наши застрѣльщики встрѣтились вскорѣ съ донцами, составлявшими авангардъ отряда, которому было поручено обойти отрядъ генерала Ружицкаго съ тыла. Между нашими казаками и драгунами завязалась перестрѣлка, а наша колонна стала отступать по направленію къ Закржеву, къ пригорку, гдѣ стояли главныя силы принца Адама Виртембергскаго; въ этомъ пунктѣ бой шель довольно вяло, такъ какъ наши отступали, и отступление ихъ начинало уже походить на бѣгство. Янъ Омецинскій и Тадеушъ Гораинъ, несмотря на свои раны несходившій съ коня, совершали чудеса храбрости съ горстью нашихъ казаковъ, отражая нападеніе донцовъ и драгунъ, тѣснившихъ наши колонны съ тыла и съ фланга. Я поставилъ капитана Каченовскаго съ орудіями на пригоркѣ, съ котораго было прекрасно видно все войско. Онъ открылъ огонь такъ удачно, что первымъ же выстрѣломъ была убита бѣлая верховая запасная лошадь князя Адама Виртембергскаго, его адъютантъ и два конвойныхъ донца. Конная и пѣшая артиллерія продолжали стрѣлять; поручикъ Фризе, занявъ позицію на правомъ флангѣ, поражаъ своими мѣткими выстрѣлами русскую пѣхоту; артиллерія непріятеля также открыла огонь, но дѣйствовала весьма неудачно и не причинила намъ никакого урона. Огонь нашей артиллеріи задержалъ преслѣдованіе русскаго войска такъ, что наши измученныя колонны могли нѣсколько собраться съ силами. Между тѣмъ, на правомъ флангѣ русскаго войска показались наши эскадроны, подъ командою Грудзинскаго; вскорѣ прибылъ и Карлъ Ружицкій. Русскіе начали отступать, а мы успѣшно перешли въ наступленіе; впрочемъ, ночь не дозволила намъ въ полной мѣрѣ воспользоваться побѣдою.

Русскіе оставили намъ поле битвы, на коемъ мы и ночевали. Легкая литовско-волинская кавалерія и 22-й пѣхотный полкъ повесли значительный уронъ ранеными и убитыми.

Послѣ того, какъ намъ удалось проскочить черезъ русскій лагерь ночью, Ружицкій послалъ Грудзинскаго въ Пилицы, чтобы заставить русскихъ отступить отъ дороги, которая вела изъ Скрыдлова въ Прытыкъ, и сдѣлать ее, по мѣрѣ возможности, безопасной для генерала Самуила Ружицкаго, а самъ отправился въ Млынки на Кѣлецкій трактъ, съ цѣлью послать мѣстныхъ обывателей съ нашими казаками для розыска отряда Игнація Куржела, Хмѣлевскаго и Ютченка. Появленіе Грудзинскаго близъ Пилиць было замѣчено русскими; принцъ Адамъ Виртемберг-

скій приказалъ своимъ войскамъ стянуться къ Пилицѣ; если бы генералъ Самуиль Ружицкій былъ нѣсколько терпѣливѣе и имѣлъ болѣе точныя свѣдѣнія о ближайшихъ движеніяхъ непріятеля, то выждавъ нѣкоторое время въ лѣсу, онъ не наткнулся бы подъ Закржевомъ на арьергардъ принца Виртембергскаго, который, вступивъ съ нимъ въ сраженіе, далъ своему корпусу возможность подойти и также принять участіе въ этомъ сраженіи, а оно навѣрно окончилось бы полнымъ пораженіемъ нашего генерала, если бы я не оказалъ ему помощи совершенно неожиданно и, можно сказать, болѣе по вдохновенію, нежели въ силу какихъ бы то ни было военныхъ соображеній.

Карлъ Ружицкій былъ далекъ отъ мысли, чтобы могло произойти столкновеніе и чтобы генералъ не могъ усидѣть въ Шидловецкихъ лѣсахъ до ночи; но генералъ былъ краковянинъ и не могъ выждать, когда дѣло шло о томъ, чтобы войска помѣрились силами; впрочемъ, намъ онъ самъ признавался, что послѣ стычки подъ Ильжей онъ чувствовалъ себя безъ насъ безсильнымъ и уже не спѣшилъ впередъ, чтобы не быть окончательно разбитымъ.

Во время боя подъ Закржевомъ, произошелъ одинъ изъ тѣхъ прискорбныхъ эпизодовъ, которые возможны только въ войнахъ подобнаго рода. Ко мнѣ явился нѣкто молодой Рогавскій, студентъ варшавскаго университета, служившій впослѣдствіи унтеръ-офицеромъ въ эскадронѣ инструкторовъ и вступилъ въ мой полусэскадронъ по собственному желанію. Отецъ этого Рогавскаго, маіоръ русской службы, кажется, командовалъ отрядомъ, посланнымъ русскими на рекогносцировку, и встрѣтился со своимъ сыномъ во время стычки этого отряда съ нашими застрѣльщиками. Молодой Рогавскій, столкнувшись съ нимъ во время битвы ударилъ его пикой съ такою силою, что тотъ свалился съ лошади, но оправившись выстрѣлилъ и промахнулся; только тогда они узнали другъ друга. Разсказывая намъ объ этомъ Рогавскій выразилъ сожалѣніе, что не убилъ отца. На слѣдующій день маіоръ прислалъ узнать о здоровьи сына, велѣлъ спросить не нуждается ли онъ въ чемъ нибудь и прислалъ ему довольно значительную сумму денегъ, которую сынъ принялъ. Всѣ офицеры нашего полка были возмущены этимъ поступкомъ; по этой же причинѣ Карлъ Ружицкій не принялъ его въ волынскую кавалерію, но онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ Игнація Куржела, который произвелъ его въ подпоручики.

Въ ту же ночь къ намъ пріѣхалъ Раймондъ Гурковскій, бывшій офицеромъ 2-го уланскаго полка, украинецъ, женатый на красавицѣ паннѣ Грабовской изъ Волини. Жена заставила его вступить въ наше войско слѣдующимъ способомъ: она подбила всю его одежду заячьимъ мѣхомъ, давала ему ѣсть одно только заячье мясо и, наконецъ, возложила ему, однажды, во снѣ на голову корону сдѣланную изъ заячьихъ шкуроекъ.

Супруги очень любили друг друга; она была чрезвычайно хороша собою, и онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ, но какъ истинная патриотка, она еще болѣе любила Польшу. Въ отсутствіе мужа она постоянно грустила о немъ, и онъ самъ только и думалъ о ней. Гурковскій былъ зачисленъ въ 1-й эскадронъ.

Штабъ генерала Самуила Ружицкаго былъ сформированъ, по старинному обычаю, на широкую ногу: цѣлый эскадронъ офицеровъ состоялъ у него на ординарцахъ и эскадронъ унтеръ-офицеровъ на посылкахъ. Несмотря на такое обиліе людей въ штабѣ, смѣло можно сказать, что за исключеніемъ Евстафія Янушкевича и Тадеуша Горайна, это была все совершенная бездарность, въ особенности въ вопросахъ чисто военныхъ. Штабъ выработалъ дальнѣйшій планъ дѣйствій, по которому главнымъ оплотомъ и послѣднимъ убѣжищемъ рѣшено было считать Свентокржижскія горы; ключемъ къ этой позиціи должна была служить рѣчка Каменная, какъ стратегическая линія, опиравшаяся на Новую-Слупю; Опатовъ, Вержбица, Шидловець, Конскъ, Присуха и Куновъ были избраны главными стратегическими пунктами, около которыхъ войско должно было кружиться, то скрываясь въ Шидловецкіе и Островецкіе лѣса, то выходя изъ нихъ, съ цѣлью ввести этимъ непріятеля въ заблужденіе и заманить его. На вышеозначенномъ пространствѣ рѣшено было двигаться взадъ и впередъ по круговымъ и эллиптическимъ линіямъ, на подобіе того, какъ земля движется вокругъ солнца, соблюдая при этомъ величайшую осторожность, чтобы не задѣтъ самаго солнца, такъ какъ это повлекло бы за собою страшное столкновеніе, хаосъ и конечную нашу гибель; этимъ солнцемъ былъ для насъ конечно русскій корпусъ Ридигера, вокругъ котораго намъ было приказано кружиться, избѣгая столкновенія съ нимъ. Этотъ планъ, несомнѣнно, разумный и строго обдуманый во всѣхъ своихъ подробностяхъ — положилъ конецъ подвигамъ краковскаго пѣтушка; мы переходили отъ одной крайности къ другой.

Итакъ, мы начали бродить и кружиться по нашему стратегическому небосклону. Всѣ отряды соединились въ одинъ корпусъ; у насъ оказалось до 12.000 самаго отборнаго войска, но какъ старательно ни избѣгали мы встрѣчи съ непріателемъ, казалося, какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ бѣдною Польшею. Изъ Варшавы доходили до насъ самыя тревожныя вѣсти о перемѣнѣ начальствующихъ лицъ, о почестяхъ, воздаваемыхъ демократамъ и интриганамъ, о сценахъ вѣшанья и убійствъ, покрывшихъ позоромъ польское имя, объ исчезновеніи съ политической арены именъ князя Адама Чарторыйскаго, генерала Скржинецкаго и другихъ военныхъ и гражданскихъ дѣятелей, коихъ мѣсто заняли Круковецкій, Кремповецкій, князь Пулавскій — выкресты и извѣстные негодяи. Въ это время главныя силы нашей арміи не воевали, не сража-

лись, а только кружились около Варшавы. Генераль Прондзинскій вычерчивалъ со своимъ войскомъ треугольники и трапеціи и доказывалъ, что совершенно одинаково идти по прямой или по ломаной линіи. Хржановскій наговялялъ на всѣхъ и каждого тоску своими разговорами и зловѣщими предсказаніями; предвѣщая неудачу польскому дѣлу, онъ лишалъ этимъ смѣлости и энергіи доблестное войско, бывшее нѣкогда гордостью и отрадою цесаревича, а полковникъ, графъ Владиславъ Замойскій, подавшій цесаревичу злополучный совѣтъ уѣхать изъ Польши, принялъ подъ свою неумѣлую команду нѣсколько тысячъ отборнаго войска—самыхъ смѣлыхъ и самоотверженныхъ защитниковъ польскаго дѣла, и вмѣстѣ съ итальянцемъ Ромарино, которому болѣе пристало водить напоказъ обезьянъ, нежели командовать поляками, повелъ это войско Богъ вѣсть куда и погубилъ его добрую славу.

У насъ было превосходное войско, несравненно болѣе храброе, нежели войско нашихъ противниковъ (?), но наши генералы и даже полковники стояли гораздо ниже соответственныхъ чиновъ русскаго войска. Командиры русскихъ отрядовъ ясно понимали, къ чему они стремятся, и сознательно шли къ намѣченной цѣли, тогда какъ наше начальство играло въ жмурки въ своихъ треугольникахъ и трапеціяхъ, создавая себѣ стратегическіе пути, въ которыхъ оно само не могло разобраться, и поэтому бродило безцѣльно, пока не добрело до границы, по примѣру генерала Дверницкаго.

Горько и обидно вспомнить объ этомъ времени, когда въ нашемъ распоряженіи были такія превосходныя силы, когда у насъ было такъ много доброй воли, такой огромный запасъ физической силы, и все это пошло прахомъ, благодаря неспособности нашего военнаго начальства. Я вполне увѣренъ, что главною причиною нашихъ неудачъ, нашего паденія были не дипломатическія ошибки, не стремленіе къ анархіи, но полнѣйшая неспособность нашихъ генераловъ. Удивительна эта черта польскаго характера: тотъ же Флоріанъ Ржевускій, тотъ же Козловскій и многіе другіе поляки, служа въ русскомъ или нѣмецкомъ войскѣ, дѣйствуютъ энергично, практично, съ умомъ и твердостью; когда же имъ приходится командовать своимъ, польскимъ войскомъ, они оказываются людьми безъ воли, безъ энергіи, неувѣренные въ своихъ силахъ, умѣющіе только исполнять свою обязанность, но бояться малѣйшаго риска, малѣйшей отвѣтственности, несмотря на сознаніе своей собственной правоты,—словомъ, полнѣйшіе неудачники. Они предпочитали переждать трудное время въ бездѣйствіи, а когда между ними появлялся человекъ энергичный, умный, то они съ крикомъ накидывались на него, какъ вѣроны на орла, и старались его заклевать за то только, что онъ не похожъ на нихъ и лучше ихъ. Увидавъ, что его не удастся водить за носъ, они тотчасъ начинали подкапываться подъ него, были готовы

затравить его и отказывались подчиняться его приказаниямъ. Это печальное явленіе было плодомъ всего государственнаго строя поляковъ, оно не зависѣло отъ ихъ характера точно такъ же, какъ оно не было въ натурѣ остальныхъ славянъ. Это служить лучшимъ доказательствомъ того, что полякамъ нуженъ король, которому бы они повиновались и повелѣнія котораго они бы исполняли. У насъ не вышло толка изъ Рѣчи Посполитой потому, что мы не имѣли гражданскаго мужества, но за то у насъ была бездна претензій и черезчуръ много мелочной зависти.

Мы начали разгуливать по Сандомірскому округу, то кружась на одномъ мѣстѣ, то подвигаясь немного впередъ; такъ пробродили мы нѣсколько недѣль, но я сомнѣваюсь, зналъ ли генераль или его штабъ, чего собственно они хотѣли и къ какой цѣли стремились. Между нашими и русскими войсками происходили болѣе или менѣе неожиданныя стычки, которыя случались, по увѣренію штаба, всегда въ то время, когда ихъ никто не ожидалъ и даже не желалъ.

Всѣ эти круговыя и поступательныя движенія нашего войска окончились, наконецъ, слѣдующимъ образомъ. Мы подошли къ Конскому ночью, не имѣя никакихъ извѣстій о неприятелѣ, не произведя рекогносцировки мѣстности и не избравъ заранѣе мѣста для лагерной стоянки или бивуака. Мѣстныя власти выѣхали генералу навстрѣчу съ какимъ-то подполковникомъ или полковникомъ, фамилію котораго я не упомяну,— да это и хорошо, иначе я назвалъ бы его, по своему обыкновенію, полностію, что было бы неприятно его роднымъ или близкимъ, ежели таквые находятся еще въ живыхъ. Привѣтствовавъ генерала, они доложили ему, что насъ ожидаетъ ужинъ, и всякая потерянная минута можетъ нанести непоправимый ущербъ его кулинарнымъ достоинствамъ. Самуилъ Ружицкій не былъ лакомкою, но въ его штабѣ было немало сластенъ и обжоръ; всѣ они воскликнули въ одинъ голосъ: «идемъ, идемъ скорѣе». Генераль, совершенно сбитый съ толку, долженъ былъ прервать свои странствованія по стратегическому небосклону, развѣсивъ уши и не противорѣчилъ своей свитѣ. Нашимъ отрядамъ было приказано остановиться, расположившись тамъ, гдѣ каждому изъ нихъ покажется удобнѣе.

Начальство возложило исполненіе этого приказанія на младшихъ фидеровъ, а само принялось за ужинъ, который, благодаря доброму венгерскому, обѣщалъ быть весьма шумнымъ. Только Карлъ Ружицкій отказался отъ ужина и пошелъ съ нами. При свѣтѣ мѣсяца, сіявшца на небѣ, каждый изъ насъ разставлялъ батальоны, эскадроны и батареи, гдѣ ему вздумалось, но никто не позаботился разставить караульныхъ, разослать патрули. Только отъ нашего полка былъ посланъ полуэскадронъ для занятія аванпостовъ, да одинъ взводъ отправился въ объѣздъ. Часу

во второмъ по полуночи прискакалъ Иосифъ Дморадскій, ѣздившій на развѣдка, и сообщалъ намъ, что встрѣтилъ на Радомской дорогѣ донцовъ, которые, завидя его, поспѣшили скрыться. Послѣдовавъ за ними, онъ какъ-будто видѣлъ при свѣтѣ мѣсяца войско, которое стройными колоннами двигалось къ нашему лагерю. Карлъ Ружицкій приказалъ намъ быть наготовѣ и донесъ объ этомъ рапортомъ генералу. Его нашли спящаго въ томъ домѣ, гдѣ происходило пиршество. Проснувшись, генералъ сталъ сзывать свой штабъ; никого нельзя было добудиться; кончилось тѣмъ, что Евстафій Янушкевичъ и Тадеушъ Горайнъ повѣхали разыскивать и собирать наши отряды въ окрестностяхъ Конскаго. Тѣмъ временемъ донцы, коимъ было приказано, вѣроятно, напасть на нашъ лагерь, чтобы произвести въ немъ переполохъ и смятеніе, наткнулись на нашихъ часовыхъ, которые начали стрѣлять въ нихъ; на аванпостахъ также послышались выстрѣлы, и они стали отступать къ полку. Донцы, заподозривъ засаду, умчались, а начальникъ, командовавшій русскимъ войскомъ, подобно генералу Слотвинскому, приказалъ стрѣлять по лагерю изъ орудій для того, чтобы этимъ нагнать на насъ еще болѣе страха; самъ же, стоя во главѣ своего войска, готовился идти въ атаку, ожидая только разсвѣта, въ полной увѣренности, что донцы уже хозяйничаютъ въ нашемъ лагерѣ и что ему останется лишь взять въ плѣнъ тѣхъ, кто не успѣетъ бѣжать, и забрать снаряды, которые мы не будемъ въ состояніи увести. Но нашъ полкъ былъ уже на коняхъ; вмѣстѣ съ калышанами у насъ оказалось четыре эскадрона; кромѣ того, у насъ были орудія конной артиллеріи Карла Каченовскаго. Карлъ Ружицкій уговорилъ майора Радзимірскаго, командовавшаго Люблинско-Августовскимъ эскадрономъ, занять позицію, оставленную калышанами, а самъ двинулся съ полкомъ рысью прямо на выстрѣлы. Когда начало свѣтать, орудія Каченовскаго были уже на указанномъ мѣстѣ и открыли огонь; нашъ полкъ, стоя развернутымъ фронтомъ, готовился къ нападенію, но русскіе начали отступать къ лѣсу, мы преслѣдовали ихъ нѣкоторое время, а генералъ Самуилъ Ружицкій старался между тѣмъ, при содѣйствіи помощника начальника штаба Янушкевича и своего адъютанта Горайна, построить войско въ боевой порядокъ или, лучше сказать, старался собрать его. Огромнаго штаба генерала и многочисленнаго войска какъ не бывало; они разлетѣлись, каждый въ свою сторону, въ лѣсъ; потребовалось нѣсколько часовъ на то, чтобы собрать ихъ и свести вмѣстѣ.

Когда корпусъ, наконецъ, былъ собранъ, мы пошли впередъ, но не слѣдомъ за русскими, а по другой параллельной съ нею дорогѣ. Штабъ разсудилъ такъ: ежели эта дорога свернетъ влѣво, подъ острымъ угломъ къ той дорогѣ, по которой пошло русское войско, то намъ представится возможность пресѣчь ему путь и напасть на него съ фланга, а въ

случаѣ ежели дорога повернетъ направо, то мы разойдемся съ русскими въ разныя стороны и можемъ тогда совершенно спокойно продолжать свои странствованія по стратегическому небосклону Сандомірскаго округа. «Таковы были шансы войны», какъ выразился полковникъ Жадера. Начальнику штаба и полковнику Куржелу было извѣстно, куда сворачивала избранная нами дорога, поэтому онъ пожелалъ принять командованіе авангардомъ. Карлу Ружицкому приказано было командовать арьергардомъ; однако, для вѣншей безопасности, на тотъ случай, ежели бы въ какой-нибудь деревнѣ напали на авангардъ злыя собаки, во главѣ его пошелъ полуэскадронъ нашей кавалеріи; эта честь выпала на долю мнѣ и Яну Омединскому.

Полковникъ Куржелъ, бывшій гусарь, имѣлъ своеобразную наружность: длиннѣйшіе усы, лицо одутловатое и красное какъ печеный бурякъ, что впрочемъ неудивительно, такъ какъ ежедневно буквально плавалъ въ винѣ и водкѣ; съ подобной фізіономіей, верхомъ на росломъ конѣ, онъ былъ страшенъ какъ чортъ; подлѣ него ѣхало нѣсколько трубачей: казалось, самъ Стефанъ Чернецкій возсталъ изъ мертвыхъ. Итакъ, нашъ полуэскадронъ выступилъ впереди всѣхъ; за нами ѣхало два эскадрона конныхъ егерей подлѣвскихъ и прочая кавалерія; Куржелъ былъ окруженъ такою массою штабныхъ, что страшно было взглянуть. Такимъ образомъ мы добрались до пригорка, у подошвы котораго была расположена деревушка, а за нею виднѣлся лугъ и большая дорога, шедшая вправо къ Опатову; по этой дорогѣ ѣхало болѣе десяти возовъ, конвоируемыхъ солдатами, коихъ оружіе сверкало на солнцѣ. Подскакавъ къ нашему полуэскадрону, Куржелъ скомандовалъ:

— Пройти деревню, напасть, разбить и взять въ плѣнъ.

Спустившись съ пригорка я скомандовалъ: «впередъ, рысью» и помчался къ деревнѣ, гдѣ засѣла, какъ оказалось, русская пѣхота, начавшая стрѣлять въ насъ изъ-за заборовъ; мы промчались чрезъ деревню безъ остановки самымъ благополучнымъ образомъ. Одинъ взводъ, подъ прикрытіемъ казаковъ, пошелъ далѣе, а второй взводъ остановился за деревенькой; догнавъ возы, наши казаки забрали 4-хъ конныхъ егерей и одного казака въ плѣнъ и вернулись съ ними. Такъ какъ на пригоркѣ уже не видно было нашего войска, то я намѣревался обойти деревню и пойти ему на встрѣчу, когда вахмистръ Выговскій указалъ намъ на отрядъ пѣхоты, шедшій къ деревнѣ съ бѣлымъ знаменемъ. Омединскій съ нѣсколькими солдатами поскакалъ ему навстрѣчу; небольшая рота въ 60 человекъ солдатъ сложила оружіе и сдалась ему въ плѣнъ; оказалось, что это были евреи, преимущественно изъ Бердичева; они привѣтствовали насъ, крича, что стрѣляли на воздухъ; это былъ отрядъ, конвоировавшій 12 возовъ съ сухарями и всякими пожитками; заблудившись въ лѣсу онъ только что добрался до помянутой

деревни, какъ показалось наше войско; завидѣвъ его, отрядъ послалъ возы съ кавалеріей впередъ, а самъ засѣлъ съ пѣхотой въ деревнѣ, рассчитывая, что ему удастся пробраться въ лѣсъ. На дѣлѣ вышло иначе. Мы не застали на пригоркѣ нашего войска, но пройдя добрыхъ двѣ версты, увидѣли цѣлый столбъ пыли, изъ-за которой показался Карлъ Ружицкій съ эскадрономъ нашей кавалеріи, шедшей намъ на подмогу. Оказалось, что Куржелъ, увидавъ, что мы идемъ къ деревнѣ и что въ насъ стрѣляютъ, приказалъ отступить, помчался въ галопъ со всей своей конницей и нагналъ на всѣхъ такой страхъ, что войско начало въ беспорядкѣ отступать къ Конскому и за Конскъ по дорогѣ въ Присуху. Тогда Карлъ Ружицкій поскакалъ съ однимъ эскадрономъ узнать, какая участь постигла насъ.

Мы уже не застали своего отряда въ Конскомъ, а догнали его въ 5 верстахъ оттуда, въ одной деревенькѣ по пути въ Присуху, гдѣ оно расположилось лагеремъ у самой опушки лѣса.

XVII.

Калишане.—Хожденіе по стратегическому небосклону Сандомирскаго округа.—Стычки съ непрітелемъ.—Волинская конница. Бѣльцы.—Янъ Ледоховскій.—Генераль Шембекъ.—Генераль Шептицкій.—Литовско-Волинская конница.—Александръ Панча.

Соблюдая свои параллельныя линіи да острые и тупыя углы, штабъ генерала Самуила Ружицкаго избѣгнувъ встрѣчи съ непрітелемъ и очутился наконецъ далеко отъ него, позади Конскаго, но утѣшался мыслию, что имѣетъ возможность еще покружиться около Конскаго, пока непріятель не надумается подойти къ нему поближе; а тогда — увидимъ!

Это былъ всегдашній припѣвъ Игнація Куржела, который чрезвычайно распустилъ солдатъ и потерялъ всякій авторитетъ въ ихъ глазахъ. Они называли его пустомелей и вороньимъ пугаломъ, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности, ибо хозяйничалъ на польскихъ дворахъ хуже всякаго пруссака. Куржелъ на столько злоупотреблялъ именемъ польскаго офицера, что его собственная подлѣсская конница стала наконецъ стыдиться своего начальника, между тѣмъ какъ онъ пользовался прежде славою храбраго, честнаго и лихаго гусарскаго офицера. Дѣло дошло до того, что генераль С. Ружицкій былъ вынужденъ лишить его командованія и отослать въ Кѣльцы. Куржелъ уѣхалъ со своимъ адъютантомъ и однимъ трубачомъ, упрекая офицеровъ въ неблагодарности

дѣйствительно они не мало поживились на его счетъ, такъ какъ онъ дѣлился съ ними, какъ добрый товарищъ, всѣмъ награбленнымъ. Большинство офицеровъ его дивизиона были испорчены нравственно и честь ихъ была запятнана; они сожалѣли въ душѣ Куржела, но не рѣшались открыто выказать ему своего сочувствія, молчали и даже не простились съ нимъ передъ его отъѣздомъ. Встрѣтивъ по пути нашего капитана Тадеуша Пржиборовскаго, Куржелъ излилъ свою злобу, сказавъ: «эти мерзавцы (подразумѣвая своихъ офицеровъ) прикидываются честными, но вы увидите, что они немногимъ лучше меня».

Нижніе чины подлѣсской конницы были дѣльные храбрые солдаты, но не слѣдуетъ забывать, что въ строю, въ особенности въ кавалеріи, все зависитъ отъ командира и офицеровъ.

Мы стояли бивуакомъ подъ Островцомъ; день былъ дождливый; мы промокли и прозябли и намъ было какъ то не по себѣ, какъ бываетъ въ ненастную погоду.

Въ Островцѣ насъ постигли всевозможныя бѣды. Въ первую ночь эскадронъ подлѣсской конницы, занимавшій главный карауль, поставивъ взнузданныхъ лошадей возлѣ забора, по всей вѣроятности уснулъ. Лошади, не чувствуя подлѣ себя всадниковъ, сами построились въ колонну по шести въ рядъ и помчались рысью къ лагерю. Ночь была дождливая и темная; пѣхота, спросивъ пароль и лозунгъ и не получивъ отвѣта вообразила, что это нападеніе непріятеля, и начала стрѣлять. Майоръ Бартмонскій приказалъ стрѣлять изъ орудій—и въ лагерѣ поднялась невообразимая сумятица; съ несчастьемъ, тамъ не скоро удостовѣрились въ томъ, что это были одиѣ лошади безъ всадниковъ, такъ какъ, услыхавъ выстрѣлы, онѣ бросились въ разныя стороны, но все же соблюдая извѣстный порядокъ; нѣсколько лошадей было убито и болѣе десяти ранено. Вслѣдствіе паническаго страха, охватившаго лагерь, въ немъ вспыхнула сильная, азіятская холера, и въ теченіе двухъ часовъ умерло до 200 человѣкъ.

Генералъ Самуилъ Ружицкій имѣлъ въ своемъ распоряженіи девять тысячъ отличнѣйшаго войска съ 6-ю орудіями, всего 15-ть прекрасныхъ эскадроновъ; хотя артиллеріи у него было немного, но ею командовали вполне достойные офицеры, вышедшіе изъ школы генерала Бема. Карлъ Ружицкій совѣтывалъ генералу идти къ Скарышову, дать сраженіе генералу Квицинскому, коего отрядъ былъ вдвое слабѣе нашего, а затѣмъ свернуть къ Ильжѣ и разбить принца Адама Виртембергскаго, до прибытія Ридигера изъ Радома. Но совѣтъ Карла Ружицкаго былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Штабъ не хотѣлъ, чтобы войско, кружившееся по Сандомірскому небосклону, превратилось въ огненную комету, которая понеслась бы по этому небосклону по пути невѣдомому и неопредѣленному; онъ хотѣлъ, чтобы его планеты двигались по извѣстной, строго

опредѣленной орбитѣ. Генераль Самуиль Ружицкій весьма цѣнилъ Карла Ружицкаго, но не могъ противиться желанію своего многочисленнаго штаба.

Маіоръ Станиславъ Дуниаъ, будучи въ Кѣльцахъ, произвелъ смотръ нашимъ резервамъ и насчиталъ 7 эскадроновъ конныхъ егерей, 12-ть такъ называемыхъ уланскихъ эскадроновъ, въ составъ которыхъ входила кавалерія: люблинская, августовская, сандомирская, надвислянская и мазуры и 4 эскадрона кракусовъ, всего 23 эскадрона, въ коихъ насчитывали въ ту пору до трехъ тысячъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ. То же можно было сказать и относительно пѣхоты, которой стояло по гарнизонамъ по меньшей мѣрѣ тысячъ восемь; кромѣ того, Дуниаъ сообщилъ, что въ Кѣльцахъ и Новомъ Мѣстѣ были орудія, изъ коихъ легко было образовать три батареи, что для нихъ нашлись бы и солдаты и офицеры, такъ какъ изъ военноплѣнныхъ, коихъ у насъ было нѣсколько десятковъ тысячъ, не только многіе солдаты, но и офицеры изъ уроженцевъ Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни и другихъ польскихъ земель изъявляли искреннее желаніе вступить въ ряды польскаго войска. По его словамъ, при желаніи и разумной распорядительности можно было въ нѣсколько недѣль сформировать изъ этихъ военноплѣнныхъ свыше десятитысячный корпусъ, который сражался бы такъ же храбро и служилъ бы намъ такъ же преданно, какъ 5-й линейный пѣхотный полкъ въ корпусѣ генерала Хржановскаго, сформированный по большей части также изъ военноплѣнныхъ. Наконецъ, мы узнали отъ Дуниаа, что въ Кѣльцахъ была масса генераловъ, ничѣмъ не занятыхъ, какъ напримѣръ, генералы Шембекъ, Шептицкій, Каменскій, Стриженскій, Стрижевскій и также много полковниковъ, ничѣмъ не командовавшихъ, и что генераль Вейсенгофъ рѣшительно не зналъ, что съ ними дѣлать.

Это донесеніе, обстоятельно изложенное, было представлено генералу Самуилу Ружицкому. Въ первый моментъ онъ рѣшилъ послать нашихъ кавалерійскихъ офицеровъ, назначивъ ихъ эскадронными командирами, за кавалерійскими резервами, съ порученіемъ привести ихъ на боевую линію; подобное же распоряженіе онъ думалъ сдѣлать и по отношенію пѣхоты, пославъ за нею офицеровъ легкой литовско-вслынской конницы, а капитану Фрезу и маіору Бортманскому было предложено организовать артиллерію. Уже писались конфиденціально назначенія и приказы; генераль С. Ружицкій высчитывалъ численность войска и какъ ребенокъ тѣшился мыслью, что Господь даетъ ему возможность спасти Польшу, но когда собрались штабные тузы и стали разбирать намѣреніе генерала со стратегической и тактической точекъ зрѣнія, то смущали его до такой степени, что все дѣло окончилось бурей въ стаканѣ воды. Генералу Вейсенгофу и прочимъ генераламъ были посланы письма, скорѣе съ приглашеніемъ, нежели съ приказаніемъ присоеди-

виться къ намъ, ежели они пожелаютъ; о войскахъ въ письмахъ не говорилось ни слова, точно въ Краковскомъ воеводствѣ не было никакихъ резервовъ, о военнопленныхъ также умалчивалось; возможно ли въ католической странѣ имѣть дѣло съ этими схизматиками, еретиками?

Изъ Варшавы приходили недобрый вѣстн. Крюковецкій рѣшилъ: «Если я не могу сдѣлаться ни королемъ, ни диктаторомъ, ни главнокомандующимъ, — чортъ побери Польшу!» и сообразно съ этимъ поступалъ, не обуздывая расходившагося своеволия и поблжая всякому сброду, который подражалъ всѣмъ безобразіямъ французской революціи, но не могъ усвоиться великихъ принципамъ. — Это не были паяцы, смѣшившіе людей, но жалкій сбродъ, возбуждавшій къ себѣ одно отвращеніе и презрѣніе.

Графъ Владиславъ Замойскій, прикрываясь именемъ маниака-итальянца Раморино, принявъ команду надъ отборнымъ войскомъ, не хотѣлъ вести его на оборону Варшавы, хотя прекрасно звалъ, что паденіе Варшавы было равносильно паденію Польши. — Онъ пошелъ на Брестъ-Литовскъ, возражая на всѣ дѣлаемые ему замѣчанія, что всѣ дороги ведутъ въ Римъ, что при желаніи онъ и этимъ путемъ дойдетъ до Варшавы, а пока не намѣренъ туда идти. Подобно Крюковецкому онъ также говорилъ про себя: «Чортъ побери Польшу, ежели власть не можетъ принадлежать намъ». И чортъ не дремалъ. Князь Адамъ Чарторыйскій также уѣхалъ изъ Варшавы: промѣнявъ корону Ягеллоновъ на интересы Габсбурговъ, ему было уже неловко председательствовать въ жондѣ народовомъ, который составлялъ одно съ польскимъ народомъ, такъ же какъ и народъ съ нимъ. Уѣхалъ изъ Варшавы и генералъ Скржинецкій, который, несмотря на кое-какіе недостатки и ошибки, стоилъ болѣе всѣхъ остальныхъ нашихъ генераловъ, такъ какъ у него было польское, шляхетское сердце; онъ понималъ поляковъ и умѣлъ тронуть ихъ сердце. Гроховъ, Иганье и Вельке-Дембе навсегда останутся памятниками военной славы поляковъ; если бы Скржинецкій остался при своемъ мѣстѣ, быть можетъ Варшава была бы четвертымъ памятникомъ этой славы. Онъ не особенно довѣрялъ способностямъ своихъ генераловъ и имѣлъ на то полное право послѣ экспедиціи Гелгуда въ Литву, экспедиціи Хржановскаго, не дошедшаго и до Замостья, и экспедиціи Янковскаго противъ Ридигера. Все это были пигмеи военного дѣла въ сравненіи съ нимъ, а онъ былъ истиннымъ исполиномъ среди нихъ.

Варшава лишилась тогда всего, что у нея было наиболѣе драгоцѣннаго: князя Адама Чарторыйскаго, генерала Скржинецкаго и 30-ти тысячъ превосходнѣйшаго войска, коимъ командовалъ графъ Владиславъ Замойскій. Прочіе генералы пошли съ остальнымъ войскомъ смотрѣть, какъ фельдмаршалъ Паскевичъ переправится черезъ Вислу, а Варшава

готовилась обороняться, устраивая демократическія сходки, допуская въ газетахъ рѣзкія выходки и брань, всеобщую неурядицу и игру въ революцію.

Что касается насъ, то мы продолжали кружиться по нашему стратегическому небосклону.—Правда конница нашего полка, пѣшіе сандомирскіе и подольскіе егеря чуть не ежедневно имѣли стычки и неожиданныя встрѣчи съ непріателемъ, оканчивавшіяся для насъ большею частью благополучно, такъ какъ они возвращались всякій разъ съ 10-ю и болѣе плѣнными; но это была уже заслуга начальниковъ отдѣльных частей, а отсюда не входило въ планы войскового штаба и не зависѣло отъ распоряженій генерала. Прочіе отряды расхаживали взадъ и впередъ, не встрѣчаясь съ непріателемъ, а когда имъ случалось завидѣть издали донца, они тотчасъ отступали и прятались подъ крылышко штаба. Эти постоянныя марши и контрмарши были пагубны для доблестной кавалеріи; она утрачивала прежнюю смѣлость, отвагу и вѣру въ свои силы. Причиною этого зла была существующая въ арміи военная іерархія. Кавалерійскими отрядами командовали офицеры старше чинами, нежели Карлъ Ружицкій, который только что былъ произведенъ въ подполковника. Генералъ Самуилъ Ружицкій не могъ обойти этихъ старшихъ чинами офицеровъ и ввѣрить начальство надъ кавалеріей Карлу Ружицкому, да хотя бы онъ на это и рѣшился, такъ какъ онъ дѣйствовалъ иногда въ высшей степени самостоятельно, въ особенности подъ вліяніемъ бесѣдъ съ Евстафіемъ Янушкевичемъ, человѣкомъ выдающихся способностей,—то Карлъ Ружицкій самъ не согласился бы на подобное нарушеніе служебной субординаціи. Скромность, отвращеніе къ блеску и пышности, отсутствіе честолюбія, гордости, а вслѣдствіе этого и самостоятельности, были огромнымъ недостаткомъ этого военнаго человѣка. Если бы въ войну 1831 года, во главѣ трехъ-тысячной конницы,—а она легко могла быть доведена до этой численности,—находился этотъ единственный, можно сказать достойный ея начальникъ, то при его неутомимой дѣятельности, строгой обдуманности дѣйствій и смѣлыхъ комбинаціяхъ, при его соколиномъ зрѣніи, хладнокровіи, проникательности и отвагѣ на полѣ брани—воскресли бы времена Петра Сагайдачнаго, Яна Выговскаго и Стефана Чарнецкаго. Какъ знать, какой оборотъ приняла бы тогда война. Но на дѣлѣ все вышло иначе; въ наши маленькія экспедиціи не посылали съ нами даже кавалеристовъ изъ другихъ полковъ, чтобы не возбуждать споровъ о старшинствѣ и начальствованіи. Мы были вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, дѣйствовали по своему собственному усмотрѣнію и были только обязаны не отдаляться отъ корпуса и оберегать его; остальная кавалерія томилась отъ бездѣйствія и отъ безтолковаго ея употребленія.

Михаилъ Грудзинскій, посланный съ эскадрономъ къ Конской-Волѣ,

напалъ на отрядъ донцовъ и разбилъ его. Донцы ушли на другой берегъ рѣки, разрушивъ за собою мостъ. Грузинскій, перестрѣливаясь съ ними съ противоположнаго берега, исправилъ мостъ, перешелъ черезъ рѣку, вступилъ въ битву съ непріятелемъ, который былъ въ восемь разъ сильнѣе его, и загналъ донцовъ въ лѣсъ. Между тѣмъ, подполковникъ Хмѣлевскій, подошедшій къ Волгѣ съ семью эскадронами старой кавалеріи, одновременно съ Грузинскимъ, не пришелъ ему на помощь, несмотря на то, что бой продолжался болѣе часа; когда же сражающіеся скрылись по ту сторону рѣки въ лѣсу, онъ приказалъ пустить лошадей пастись, не выславъ даже отряда къ рѣкѣ, чтобы узнать, какая участь постигла Грузинскаго, а когда два часа спустя пришелъ Ружицкій съ нашими эскадронами, то Хмѣлевскій отвѣчалъ на его вопросъ: «Пошли туда— въ лѣсъ; заварилъ кашу, такъ пускай самъ ее и расхлебываетъ; кто велѣлъ ему гнаться за убѣгавшими донцами; убѣгали слава Богу, ну и пусть бы ихъ убѣгали».

Въ Сандомірскихъ лѣсахъ сандомірскіе егеря устроили засаду; имъ было дано въ подмогу два эскадрона сводной кавалеріи, подъ командою полковника Берковича; само собою разумѣется, что ему были даны какія-либо инструкціи, но когда мы спросили его приказаній, то онъ отвѣчалъ: «дѣлайте что хотите, укажите мнѣ мѣсто, гдѣ мнѣ стоять и что дѣлать»? Егерскій капитанъ, фамилію котораго я не помню, но который слылъ дѣльнымъ офицеромъ, устроилъ засаду.

На краю лѣса шла довольно широкая дорога, терявшаяся въ темномъ основомъ бору, который такъ густо поросъ верескомъ, что трудно было пройти нѣсколько шаговъ. По обѣ стороны этой дороги, въ соснякѣ, засѣли 4 роты егерей: въ скрытомъ мѣстечкѣ, на разстояніи тысячи шаговъ отъ дорога была поставлена конница, которая, выскочивъ въ извѣстный моментъ на дорогу, могла бы атаковать убѣгающаго непріятеля съ фланга и преградить ему путь къ отступленію. Капитанъ объяснилъ полковнику, что ему слѣдуетъ дѣлать. По дорогѣ, на которой была устроена засада, прошелъ эскадронъ драгунъ Московскаго полка; егеря смѣло начали въ него стрѣлять, убили довольно много лошадей и людей, но кавалерія не тронулась съ мѣста, и драгуны, никѣмъ не преслѣдуемые, избѣжали пораженія.

Полковникъ Берковичъ говорилъ впоследствии въ свое оправданіе, что они убѣгали такъ быстро, что самъ чортъ не догналъ бы ихъ, поэтому онъ не видѣлъ надобности понапрасну мучить лошадей. Но вслѣдствіе этого нѣсколько дней спустя, когда тѣ же сандомірскіе егеря были посланы въ новую экспедицію съ 4-мя эскадронами другого полка, то стали просить генерала Ружицкаго послать съ ними волчницевъ, говоря: «одинъ взводъ волчницевъ сдѣлаетъ больше, чѣмъ вся эта кавалерія».

Съ тѣхъ поръ польскіе солдаты постоянно выражали самое страстное

желаніе дѣйствовать вмѣстѣ съ волынцами и, гдѣ бы мы ни появились, они встрѣчали насъ съ величайшимъ радушіемъ; куда бы мы пришли, пѣхота всегда заранѣе приготовляла намъ колья для нашихъ коновязей, дрова для варки пищи, очищала для насъ ледники, и мы находили въ нихъ мясо для поддержанія своихъ силъ и для облегченія нашихъ трудовъ, такъ какъ мы трудились, по ихъ словамъ, за всѣхъ; они сами караулили нашихъ лошадей и дѣлали все это съ такою готовностью и предупредительностью, что у нашихъ бердичевскихъ воякъ сердце радовалось.

Любовь къ намъ поляковъ и страхъ, который одно имя «бѣльцовъ» нагоняло на русскихъ (?), все это вмѣстѣ взятое такъ повліяло на нашихъ казаковъ, что, они до крайности возгордились, стали считать себя непобѣдимыми и думали, что для нихъ нѣтъ ничего невозможнаго; а это въ свою очередь способствовало выработкѣ такихъ качествъ нашей кавалеріи, что, рассказывая въ настоящее время о ея подвигахъ, невольно опасаясь, что этотъ рассказъ будетъ встрѣченъ съ недовѣріемъ, а между тѣмъ все происходило именно такъ, какъ мною выше изложено.

Ни одинъ изъ нашихъ казаковъ ни мало не сомнѣвался въ томъ, что какъ только они появятся на полѣ битвы въ своихъ бѣлыхъ шапкахъ, на своихъ рыжихъ коняхъ, то передъ ними все должно обратиться въ бѣгство и даже самыя пули не посмѣютъ ихъ тронуть.

Такое убѣжденіе было заслугою Карла Ружицкаго. Одаренный выдающимися военными способностями, вступивъ въ нашъ полкъ онъ вдохнулъ въ него, при самомъ его сформированіи, духъ казачества, духъ боевой удали, взаимной любви и ту увѣренность въ своихъ силахъ, безъ которой не можетъ быть хорошей кавалеріи; если же кавалерія обладаетъ этимъ духомъ, то для нея нѣтъ ничего невозможнаго; кавалерія въ войскѣ—то же, что поэзія въ литературѣ; чтобы написать стихи, надобно родиться поэтомъ. Карлъ Ружицкій былъ поэтомъ военнаго дѣла. Бѣда тѣмъ жалкимъ недоумкамъ, которые, командуя кавалеріей, хотятъ примѣнять къ ней извѣстныя, стереотипныя формулы; они не понимаютъ, что духъ кавалериста сообщается въ извѣстной степени его коню, и что поэтому кавалеристъ долженъ быть смѣлъ и отваженъ, чтобы быть въ состояніи передать свою отвагу коню и вмѣстѣ съ нимъ ринуться на врага.

Въ штабѣ замѣтно было оживленіе: назначались засѣданія, о чемъ-то совѣщались и при этомъ исписывали пѣлые вороха бумаги. Мы не знали, скоро-ли окончатся наши странствованія по стратегическому небосклону; нами овладѣвало любопытство, но штабъ не подпускалъ насъ близко къ главной квартирѣ, постоянно назначая насъ на аванпосты.

Говорили, будто корпусъ генерала Ромарино, или лучше сказать, графа Владислава Замойскаго идетъ къ Сандомиру, чтобы соединиться съ

нами, составить одну большую армию, провозгласить королемъ Адама I-го, идти съ нимъ въ столицу Сигизмунда и посадить его тамъ на престолъ Ягеллоновъ.

Наши предположенія начали понемногу оправдываться. Первымъ прибылъ къ намъ каштелянъ Янъ Ледоховскій — посоль и сенаторъ. Онъ ѣхалъ верхомъ на прекрасномъ бѣломъ аргамакѣ, въ казацкой буркѣ и папахѣ, его сопровождалъ эскадронъ кракусовъ, по всей вѣроятности, имени Ледоховскаго, подъ командою Валерія Велогловскаго. Онъ привезъ съ собою, по обыкновенію, свою красавицу жену и массу богослужебныхъ книгъ; градомъ посыпались изъ его рукъ на войско образки и благословенія Пресвятой Ченстоховской Божьей Матери; хорошо кто Бога не забываетъ, того и Богъ не оставитъ, но говорили, будто Янъ Ледоховскій, не желая видѣть Владислава Замойскаго ни канцлеромъ, ни гетманомъ, пріѣхалъ съ дѣлюю возвести на престолъ Адама I-го и для этого взялъ съ собою Валерія Велогловскаго, и книжки, и образки, чтобы повернуть дѣло по своему: Пресвятая Мать Божія Ченстоховская — коронованная королева польская, двухъ же королей въ царствѣ быть не можетъ, слѣдовательно, пускай все будетъ по старому: одна королева и Рѣчь Посполитова — и дѣло съ концомъ.

Ледоховскій своимъ видомъ и рѣчами внушилъ штабу, генералу, да и всѣмъ намъ большое къ себѣ уваженіе. Это былъ истинный краковянинъ, какимъ его описываетъ исторія во времена Зборовскаго сейма и Яна Замойскаго.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ въ коляскѣ генералъ Шембекъ; онъ былъ небольшого роста, худощавъ, но намъ казался богатыремъ. Онъ первый со своимъ полкомъ присоединился къ повстанію, подавъ примѣръ остальнымъ. Мы не входили въ разсужденіе причинъ, вслѣдствіе которыхъ онъ отдѣлился отъ прочаго войска, такъ какъ онъ были намъ неизвѣстны, но говорили смѣясь: «Ахиллъ пересталъ дуться и вернулся въ лагерь, хотя въ немъ нѣтъ Агамемнона». Все же это былъ человекъ вполне военный. Онъ встрѣтился съ К. Ружицкимъ сердечно, но при первомъ же разговорѣ сказалъ:

— Всего этого не случилось бы, ежели бы въ дѣло не вмѣшался нашъ Владиславъ Замойскій; къ чему было уговаривать цесаревича распустить свое и польское войско, къ чему было приневоливать его къ этому? Все кончилось бы хорошо, такъ какъ цесаревичъ безспорно прекрасный человекъ, онъ болѣе всего любилъ мой полкъ, это было его любимое дѣтище; признаюсь, и мы любили его какъ отца роднаго. Теперь Богъ знаетъ, чтó творится, мы какъ пчелы безъ матки, какъ корабль безъ кормчаго. Замойскій опять строить козни, вы увидите, до чего люди злы. Этотъ человекъ неудачникъ: за что онъ ни возьмется, ему все не удается, все у него не ладится. Что мнѣ до его ума, коли у него нѣтъ счастья,

и Наполеонъ I придавалъ значеніе удачѣ, счастью, поэтому онъ цѣнилъ недалекаго Мирата болѣе, чѣмъ Мормота, который во всемъ собаку съѣлъ. Увидите, что дѣло кончится худо. Дай Богъ, чтобы я не былъ польской Кассандрой, но намъ придется испить чашу до дна.

Честный генералъ былъ крайне встревоженъ и опечаленъ, такъ какъ онъ былъ искреннимъ патриотомъ.

За генераломъ Шембекомъ пріѣхалъ и генералъ Шептицкій, также въ коляскѣ; за нею вели бѣлаго коня и ее конвоировалъ цѣлый эскадронъ литовско-русскаго полка, подъ командою полковника Богдановича. Въ немъ находился и Александръ Панча. Въ этомъ эскадронѣ былъ цвѣтъ волынской молодежи, родовитой шляхты, все сыновья мѣстныхъ землевладѣльцевъ: поэты, писатели, законовѣды, ихъ было всего 160 человекъ, вооруженныхъ пиками, и при нихъ состояло человекъ 40 деньщиковъ, набранныхъ изъ бывшихъ солдатъ русскаго войска, обязанныхъ чистить лошадей и оружіе, а подчасъ и подсадить иного молодца на лошадь. Молодцы уланы были красавцы собою, въ мундирахъ съ иголочки; лошади у нихъ были сытыя, начищенные и хорошо выѣзжанныя, хоть сейчасъ на смотръ подъ окна самой пани генераловой; вотъ какое войско привелъ съ собою генералъ Шептицкій изъ Новаго Мяста.

У насъ собралось такъ много генераловъ, такъ много начальства, стало такъ шумно, что голова пошла кругомъ. Что то будетъ,—говорили мы,—а навѣрно, что-нибудь да готовится. Александръ Панча, еще ранѣе гостившій у насъ, качалъ головою, приговаривая: война будетъ смертоубійственная, кровопролитная.

Перев. В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Архивъ графа П. Д. Киселева.

о завѣщанію покойнаго графа Павла Дмитріевича Киселева весь обширный архивъ его и библіотека перешли въ полную собственность графа Дмитрія Алексѣевича Милютина, на котораго, вмѣстѣ съ душеприказчиками А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ и Г. Козицынымъ, было возложено, тѣмъ же завѣщаніемъ, и составленіе жизнеописанія покойнаго.

Составленіе біографіи графа Павла Дмитріевича принялъ на себя Андрей Пареевичъ Заблоцкій, стоявшій близко къ покойному государственному человѣку во все продолженіе дѣятельности его по управленію государственными имуществами и питавшій къ нему высокое уваженіе и преданность.

Книга его подъ заглавіемъ: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время» вышла въ 1882 году и была премірована Академіею наукъ, но несмотря на то, въ нея не вошли многіе весьма важныя и цѣнныя документы. Покойный графъ Павелъ Дмитріевичъ съ молодыхъ лѣтъ имѣлъ обычай сохранять всю переписку, которую онъ велъ со множествомъ лицъ и по частнымъ отношеніямъ и по дѣламъ служебнымъ. Эта переписка, помимо общаго историческаго значенія, служитъ весьма важнымъ матеріаломъ для біографіи многихъ лицъ, находившихся въ сношеніяхъ съ графомъ Киселевымъ, для живой обрисовки современныхъ ему дѣателей и характеристики общества того времени.

Благодаря просвѣщенному вниманію и постоянному содѣйствію графа Дмитрія Алексѣевича Милютина въ моихъ работахъ, я имѣлъ случай близко познакомиться съ весьма важнымъ значеніемъ переписки графа П. Д. Киселева и получилъ согласіе просвѣщеннаго наслѣдника на изданіе ея.

Н. Дубровинъ.

I.

Собственноручныя письма князя П. А. Вяземскаго графу П. Д. Киселеву.

1.

22-го марта 1809 года ¹⁾.

Вы видите хорошо, мой любезный Киселевъ, что я не заставляю себя напоминать о дѣлѣ, исполненіе котораго мнѣ пріятно. Я приложу еще болѣе стараній, если увижу, что мои письма доставляютъ вамъ столько же удовольствія, какъ мнѣ. И такъ, я тороплюсь заложить основу перепискѣ, которая мнѣне выразимо пріятна. Короткое время, проведенное съ вами вмѣстѣ, привязало меня къ вамъ необычайно и, заставляя меня сожалѣть о томъ, что я васъ не зналъ раньше, вызываетъ во мнѣ слезы о томъ времени, которое проведу не видя васъ.

Я не знаю, путемъ какого сдѣянія вы соединяетесь въ душѣ моей съ тою, кого я боготворю—вы знаете на кого я намекаю. Я не могу думать о ней не вспоминая о васъ; можете судить, какъ часто вы мнѣ мерещитесь... вѣдь она является во мнѣ единственной душой, единственнымъ чувствомъ! Не знаю, понравится-ли вамъ это, но я по крайней мѣрѣ этого бы желалъ; во всякомъ же случаѣ не подумайте, что, соединяя васъ съ нею въ моей душѣ, я васъ смѣшиваю; нѣтъ, я умѣю васъ отличать и разъединять. Какъ въ букетѣ душистыхъ цвѣтовъ всегда можно отличить нѣжный запахъ любимаго цвѣтка, такъ и я умѣю отличить божественный мой предметъ, балующійся съ лорнеткою, и, прилѣпляясь къ нему, улетаю въ смѣющіяся страны яллюзій. Тамъ парю я съ моею избранницею, воображаю, что ею обладаю, дерзаю рисовать себя счастливымъ любовникомъ и возвращаюсь къ дѣйствительности затѣмъ лишь, чтобы оплакать минуты счастья, которыя мнѣ далъ вкусить обольстительный сонъ. Не подумайте, читая эти строки, что письмо мое писано изъ дома умалишенныхъ, нѣтъ, я вамъ пишу изъ собственнаго моего дома спустя полъ-часа послѣ свиданія и бесѣды... не знаю право какъ ее назвать, словомъ съ той, которую нельзя иначе назвать qu'aves...

Ну, скажите же, любезнѣйшій другъ, какъ вы доѣхали, что вы подѣлываете со времени вашего возвращенія, опишите мнѣ пожалуйста все васъ касающееся. Что до меня касается, то у насъ все по старому, исключая непріятнаго происшествія, случившагося вчера: нѣкто Плещеевъ, очень близкій родственникъ м-те Карамзиной, человекъ довольно пожилой, прійдя къ намъ, упалъ сраженный апоплексическимъ ударомъ довольно сильнымъ, и до сихъ поръ нельзя его еще перенести домой, что насъ очень беспокоитъ. Нашъ домъ роковой для

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

этой болѣзни: прошлую зиму м-ше Нелединская подарила насъ тѣмъ же знакомъ дружбы и довѣрія. Въ видѣ новости могу вамъ сообщить, что наши спекулятивные планы полетѣли къ чорту, свадьба Гагариной съ Масловымъ разстроилась, а глядя на лобъ послѣдняго мы съ грустью молвимъ, вотъ жаль-то, тутъ бы имъ у мѣста было-бы вырости.

Шумное веселье покинуло на недѣлю Москву, началась страстная недѣля (*la semaine des reuys*) и большая часть общества готовится обжираться

Прощайте, милѣйшій мой Киселевъ, я кончаю потому, что не слѣдуетъ пугать больнаго, давая ему съ перваго-же раза большую дозу лекарства. Всѣ наши вамъ очень кланяются.

Весь вапъ П. Вяземскій.

Имѣли-ли вы любезность передать мое письмо, скажите-же мнѣ откровенно ваше мнѣніе о молодомъ человѣкѣ. По первому впечатлѣнію его застѣнчивость можетъ заставить заподозрить въ немъ простака, но онъ далеко не таковъ.

2.

29-го мая 1827 года, Остафьево.

Роясь въ деревенской библиотекѣ своей, нашелъ я книгу «Правила о употребленіи въ письмѣ буквы ѣ» и, вспомнивъ тебя и жалобы твои на своеправіе сей части правописанія нашего, посылаю тебѣ, любезный Павелъ Дмитриевичъ, этотъ гостинецъ и прошу вспоминать обо мнѣ, каждый разъ какъ буква ѣ заведетъ въ затрудненіе и будешь прибѣгать къ руководству.

Должно мнѣ сдѣлать маленькое прибавленіе. Въ книжкѣ есть пропускъ важный: подъ буквою ѣ, на послѣдней страницѣ забытъ глаголъ, который начинается ею и сбивается на нее въ произношеніи. Хотя производныя отъ этого глагола слова и между прочимъ русское слово *par excellence le nerf de la langue*, а именно и пишется съ е, но корень его пишется съ ѣ.—Эта несообразность вѣроятно происходитъ отъ того, что грамотей не славны были въ дѣйствительномъ глаголѣ, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь съ позволенія вашего превосходительства, и мало заботились о немъ; а сильные въ глаголѣ были не великіе грамотей, и такимъ образомъ это дѣло оставлено было на волю Божию, которому также съ своей стороны неловко было явить тутъ свой Промыслъ и свой указательный перстъ. Вотъ гипотеза моя въ сей задачѣ, еще не разрѣшенной.—Шипкову, особливо-же послѣ недавней женитьбы можно было бы подать свой голосъ въ семъ сомнительномъ случаѣ. Ты съ нимъ хорошо знакомъ, отнесись къ нему съ запросомъ. Впро-

чемъ жена его, говорятъ, жалуется, что онъ вовсе не спягаетъ и что, довольствуясь званіемъ только почетнымъ председателемъ академіи, онъ уже не годится въ представителя къ ней или представителя.

Что дѣлаешь, любезный другъ? Когда увидимся? Жена писала къ твоей съ Барятинскимъ, адъютантомъ Витгенштейна. Получила-ли она письмо до отъѣзда? Съ Мухановымъ, котораго прошу полюбить какъ истинно благороднаго молодого человѣка и желающаго дѣятельности и нужду имѣющаго въ оной, жена посылаетъ твоей подушку своей работы. Сдѣлай одолженіе, обрати вниманіе на Муханова, давай ему занятій и пиши для избытка его внутренней подвижности, таящейся подъ опухолью тѣлесною. Даю тебѣ честное слово, что пишу о немъ отъ себя и по совѣсти, безъ всякаго понужденія и даже безъ вѣдома его. Посылаетъ-ли тебѣ братъ Сергѣй наши московскіе журналы? Нѣтъ-ли у тебя въ бумагахъ (и какъ не быть?) какихъ-нибудь военныхъ, историческихъ или политическихъ записокъ, годныхъ для печати т. е. годныхъ для цензуры нашей, которая большая негодница. Одолжи меня ими для «Телеграфа» и въ такомъ случаѣ поручи Муханову, переписавъ ихъ, доставить мнѣ. Ты окажешь мнѣ большое журнальное пособіе.

О Москвѣ ничего не пишу: Мухановъ—живая грамота изъ мертваго кладбища. Съ лица Москвы стираются всѣ родимыя пятна, которыя служили ей характеристическими клеймами и давали значительность ея фізіономіи. Вотъ и Каншинъ, который долго пребывалъ у насъ родимымъ пятномъ бригадирства, измѣнившимся послѣ въ бородавку сенаторства, уже стерся съ лица Москвы. Скоро Москва будетъ круглая, плоская, хоть шаромъ покати по ней, такъ ни за что не дѣнешь...

Доволенъ-ли ты моимъ ученическимъ письмомъ? Не знаю, что за чортъ водилъ рукою моею.

Въ очищеніе обнимаю тебя отъ чистаго сердца, тебя уважающаго и неизмѣнно тебѣ преданнаго. Вяземскій.

3.

11 декабря 1827 г. Москва.

Благодарю тебя отъ всего сердца, любезный Павелъ Дмитріевичъ, за дружеское твое письмо и благосклонное подаваніе журналу, въ которомъ я участвую, или лучше сказать участвовалъ, потому что вѣроятно съ будущаго года откажусь отъ постоянного содѣйствія, а развѣ буду помогать слегка. Теперь предстоитъ мнѣ эпоха кочующей жизни, а не сидячей; сегодня въ ночь ѣду къ женѣ въ Пензу, въ концѣ ян-

варя думаю быть въ Петербургѣ, къ веснѣ опять къ женѣ; дѣломъ также хотѣлось бы куданибудь съѣздить... Тутъ не много напишется, а къ тому же цензура надоѣла. При выраженіи мысли своей мыслишь еще о томъ, какъ истолкуется это слово, эта запятая глупцами, которые не понимаютъ намѣреній правительства, а только что кричатъ: караулъ! и тащатъ на съѣзжую свою при каждомъ движеніи пера,—дѣло скучное, досадное и вредное для крови.

Намъ много обѣщаютъ благихъ переменъ для будущаго: авось перемѣнятъ также глупыхъ цензоровъ въ умѣлыхъ, и тогда я охотно примусь за работу съ большимъ усердіемъ. Надобно же чтонибудь дѣлать и прорѣзывать нѣсколько слѣдовъ бытія своего на родной почвѣ. Мой нравственный плугъ—перо. Ожидаемъ, чтобы ты своимъ плугомъ прорѣзалъ шрамъ по р... султана. Славно Кондрингтона взорала греческое море. Давно политика не была поэзіею. Вы—люди нынѣшняго вѣка, люди умные и хорошіе, но вы все вспахивали прозу и прозу съѣли. Наваринская пальба ревѣла поэзіею, и сердце отозвалось восторгомъ на голосъ этой политики. Поревите еще на сухомъ пути. Проза Меттерниха никуда не годится: она хуже прозы сенатора Сумарокова,—сушить и дереть сердце.

Но что вздумалось мнѣ проповѣдывать въ пустынѣ? Ты, знаю, по душѣ поэтъ, потому что въ тебѣ есть душа, а прозаическихъ душъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ, которыя записаны въ ревизіи; но ты умъ свой насильственно переложилъ на прозу, прозу нѣжную, возвышенную, благородную, но все прозу. Ты и въ поэзи будешь искать итога прозаическаго. Оно такъ и должно быть: возвышенная поэзія есть истина возвышенная, слѣдовательно проза, т. е. существенное отыщется въ своемъ мѣстѣ. *Les grandes idées partent du coeur*, сказалъ *Vauvenargue*, и оно можетъ примѣняться ко всему, а болѣе всего къ политикѣ, ибо политика должна быть наукою государственной нравственности, а не государственныхъ барышей. Что ты хочешь доказать этимъ романтическимъ бредомъ, спросишь ты у меня голосомъ прозы, вскучившейся (?) отъ моихъ словъ. То, что надобно побить турокъ и спасти грековъ, потому что греки отвѣчаютъ болѣе чѣмъ турки, которые вовсе не отвѣчаютъ, вдохновеніямъ той поэтической политики, которую называютъ государственною нравственностью. Согласенъ-ли ты? Между тѣмъ обнимаю тебя именемъ Кондрингтона и желаю тебѣ и вамъ доварить кашу, которую заварилъ онъ въ Наваринѣ. Мой сердечный *radom do nog* твоей любезнѣйшей супругѣ, которая, скажутъ, немилосердно похорошѣла... Не грѣхъ-ли ей?

Наша полу-боярская столица теперь просто полу-пустая. Никого и ничего нѣтъ. Бригадиры и осетры перевелись, народъ и рыба помѣли. Шутки въ сторону, Москва упадаетъ страшнымъ образомъ и все

отъ упадка финансовъ. Всё дома продаются или отдаются въ наемъ, недостатокъ только въ наемщикахъ, какъ и покупщикахъ.

Денисъ Давыдовъ занемогъ было не на шутку, но теперь онъ здоровъ. Прости любезный другъ, обнимаю тебя теперь уже не именемъ Греція, а именемъ искренней дружбы, которую къ тебѣ храню и сохраняю неизмѣнно. Вяземскій.

Р. С. Не зная, гдѣ Мухановъ, прошу тебя доставить ему мое письмо.

4.

25 іюля (6 августа) 1852 г. Карлсбадъ.

При отъѣздѣ нашемъ изъ Петербурга вы оказали мнѣ, почтеннѣйшій и любезный графъ, такое дружеское и дѣятельное участіе, что я смѣло и нынѣ обращаюсь къ вамъ въ обстоятельствахъ равно неприятныхъ и еще болѣе затруднительныхъ.

Срокъ отпуска моего кончается 14-го августа, но мнѣ и думать нельзя возвратиться въ Россію къ тому времени. Здоровье мое все еще очень худо. Недовольный своимъ леченіемъ въ Парижѣ и въ Киссингенѣ и потерявъ всякую довѣренность къ врачамъ, я было уже рѣшился пуститься въ обратный путь и доѣхалъ до Дрездена, тутъ принужденъ я былъ прожить нѣсколько дней. На меня — какъ бы объясниться благопристойнѣе, развѣ пословицею: «на бѣднаго Макара шилки садятся». И такъ засѣли онѣ, что мнѣ ни сидѣть, ни ходить не было возможности. Для очистки совѣсти, а между тѣмъ и тѣла, призвалъ я знаменитаго Геденіуса. Осмотрѣвъ меня, разспросивъ о ходѣ болѣзни моей, объявилъ онъ мнѣ рѣшительно, что одинъ Карлсбадъ можетъ принести мнѣ пользу, и настоятельно требовалъ, чтобы я туда немедленно отправился. И другіе доктора, съ которыми я прежде совѣтовался, были того же мнѣнія. Нечего дѣлать, надобно было повиноваться и хотя съ горемъ пополамъ покориться новому испытанію. Эта заграничная жизнь ужасно мнѣ надоѣла, но нельзя-же не принести послѣдней жертвы для достиженія желаемой цѣли. Теперь должно рѣшить: могли просить о продолженіи отпуска, или проситься мнѣ вовсе въ отставку, если порядокъ и польза службы требуютъ, чтобы мѣсто мое управляющаго государственнымъ заемнымъ банкомъ не осталось болѣе празднымъ. Покорнѣйшая просьба моя къ вамъ заключается въ томъ, чтобы вы потрудились переговорить по этому предмету съ господиномъ управляющимъ министерствомъ финансовъ и увѣдомили меня о томъ, что онъ скажетъ. Для сокращенія времени и переписки,

можно было бы приказать изготовить въ канцеляріи министра прошеніе отъ моего имени—въ томъ смыслѣ, въ какомъ будетъ рѣшенъ вопросъ: т. е. просить ли новаго отпуска, или увольненія отъ мѣста, и прислать мнѣ въ Карлсбадъ прошеніе для подписанія. Мнѣ право совѣстно, что я навязываю на васъ такую скуку, но надежда на ваше дружеское расположеніе придаетъ мнѣ особенную смѣлость. Графъ Нессельроде, съ которымъ провелъ я мѣсяцъ въ Киссингенѣ, и графъ Орловъ, котораго я видѣлъ въ проѣздъ мой черезъ Теплицъ, могутъ удостовѣрить, что остаюсь за границею не изъ прихоти, и обѣщали мнѣ подкрѣпить мою просьбу. Но неизвѣстно еще, когда возвратятся они въ Петербургъ, а время между тѣмъ уходитъ. Совершенно предаюсь въ руки ваши, устройте все какъ будетъ удобнѣе и какъ признаете за лучшее, а я впредь спорить и прекословить не буду и останусь во всякомъ случаѣ благодарнымъ и вамъ и тѣмъ, отъ которыхъ участь моя окончательно зависить, и очень желалъ бы, если можно, чтобы доведено было до свѣдѣнія государя императора о настоящемъ положеніи моемъ и о причинахъ, которыя вынуждаютъ меня оставаться еще за границею. О больномъ, когда онъ я на лицо, бывають разнорѣчивые толки, а въ отдаленіи толкамъ и слухамъ еще болѣе раздолья. Еще разъ простите великодушно мою докучливость. Какъ вы дружески и сердечно заботились обо мнѣ при отъѣздѣ моемъ, такъ позаботьтесь и нынѣ и примите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, за все прежнее, за настоящее и будущее увѣреніе въ моей живѣйшей и неизмѣнной благодарности и въ моей душевной преданности.

К. Вяземскій.

Quand l'occasion s'en présentera veuillez-bien, je vous prie, mettre aux pieds de Son Altèsse Imperiale Madame la Grande Duchesse Hélène les hommages de mon respectueux et de mon reconnaissant dévouement. J'ai su par la P-sse Lwoow et par la Bloudoff que son bienveillant intérêt ne m'avait pas fait défaut dans l'absence et qu'elle daignait toujours m'honorer de sa haute et précieuse protection.

5.

14 (26) сентября 1852 г. Карлсбадъ.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, мою живѣйшую и сердечную благодарность за обязательное ваше обо мнѣ ходатайство и за увѣдомленіе объ успѣхѣхъ моей просьбы. Я замедлилъ отвѣтомъ потому, что снова около двухъ недѣль пригвожденъ былъ къ постели и не могъ

ни ходить, ни сидѣть, а еще менѣе того писать. Доктора опять говорятъ, что это добрый знакъ, а я опять говорю: увидимъ! потому что я уже извѣрился, и пока не выздоровлю совершенно, на предсказаніе докторовъ мало надѣюсь. Не знаю еще, куда пошлютъ насъ на зиму, но во всякомъ случаѣ не поѣду въ Парижъ. Такъ уже былъ онъ мнѣ солонъ и горекъ, несмотря на всѣ пиры и сладости великаго Елисеѣва.

Съ князьшиною же почтою пишу къ г. управляющему министерствомъ финансовъ.

Если графъ Блудовъ возвратился, потрудитесь передать ему мое сердечное почтеніе и вѣсти обо мнѣ.

Примите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, увѣреніе въ моей душевной и неизмѣнной преданности.

К. Вяземскій.

Чтобы позабавить васъ Карлсбадскими вѣстями, расскажу вамъ, что однажды узнали мы изъ здѣшней Badeliste, что прибылъ Herr Franz Nady, Leibbargbier des Fürsten Demidoff, а вскорѣ за нимъ прибылъ и его свѣтлость съ многолюдною свитою особъ обоего пола. Впрочемъ, говорятъ, онъ въ самомъ дѣлѣ очень боленъ, подагра бросилась ему въ глаза.

Приписка княгини Вяземской. Je vous remercie chère Comte, pour votre bon souvenir et les bons et affectueux offices que vous avez encore une fois rendu à mon mari. Je tiens essentiellement à ce que vous soyez convaincu que je vous porte une sincère reconnaissance et une vive amitié

V. Wiasemsky.

6.

12 (24) января 1853 г. Дрезденъ.

Вотъ я опять, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, низайшимъ просителемъ стучусь въ двери ваши въ надеждѣ, что и на сей разъ скажете вы мнѣ: herein!

Нынѣ пишу къ г-ну Броку и представляю на его благоусмотрѣніе мое затруднительное положеніе. Возвратиться мнѣ въ Россію въ настоящее время года невозможно, а срокъ отпуска моего кончается въ февралѣ. Къ тому же доктора требуютъ непременно, чтобы лѣтомъ выдержалъ я вторично полный курсъ въ Карлсбадѣ, а можетъ быть и два, съ нѣкоторою разстановкою, иначе потеряю все, что съ трудомъ удалось мнѣ пріобрѣсть отъ перваго леченія. Я пишу министру, что въ другой болѣзни могъ-бы я пожертвовать надеждами на прочное возстановленіе здоровья и довольствоваться нѣкоторымъ облегченіемъ, но въ моей бо-

лѣзни, гдѣ духъ и нравъ еще болѣе страдаютъ, нежели тѣло, а ближние больного почти столько же (страждутъ), сколько и онъ самъ, выборъ не затруднителенъ. Волею или неволею должно повиноваться врачамъ. Разумеетсяъ, хлопотать о здоровьи своемъ въ шестьдесятъ лѣтъ — не очень лестно и прибыльно, если имѣть въ виду одного себя. Это напоминаетъ бѣлку Крылова: въ награжденіе выданъ ей былъ мѣшокъ орѣховъ, когда у нея ни одного зуба во рту уже не осталось. Но въ отношеніи къ другимъ нельзя пренебрегать здоровьемъ, чтобы не быть имъ въ тягость. Что бѣдная жена моя вынесла въ эти полтора года; это невыразимо и удивительно, какъ стало силъ ея на подобное страданіе. Я предаю участь мою на волю министра: можно дать мнѣ новый отпускъ до октября, тѣмъ лучше, нельзя — дѣлать нечего, пускай уволитъ меня. Между тѣмъ должно замѣтить, что управленіе банкомъ коллегіальное и слѣдовательно отсутствіе управляющаго не такъ чувствительно какъ въ другомъ мѣстѣ. Смѣю надѣяться, что вы не откажетесь помочь мнѣ въ этомъ случаѣ и подпишете добрымъ участіемъ своимъ письмо мое къ министру. Если паче чаянія, по какимъ нибудь обстоятельствамъ неудобно было-бы вамъ дѣйствовать прямо отъ себя, то передайте меня на руки графамъ Орлову и Блудову и Д. Г. Бибикову. Я надѣюсь, что они помогутъ вамъ выручить меня изъ бѣды. Не оправдываюсь и не извиняюсь предъ вами, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ. Я увѣренъ въ благосклонномъ вашемъ расположеніи ко мнѣ, и мнѣ пріятно быть вамъ обязаннымъ и признательнымъ.

Поздравляю васъ со вступленіемъ въ новый годъ и съ новою монаршею милостью. Желая вамъ добраго здравія, благополучія и покорнѣйше прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

Вяземскій.

Жена моя поручаетъ мнѣ увѣрить васъ также въ своей сердечной преданности.

7.

17 февраля (1 марта) 1853 г. Дрезденъ.

Еще разъ приношу вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, мою живѣйшую и глубочайшую благодарность за новое доказательство обязательнаго ко мнѣ вниманія и за постоянное ваше доброе участіе. Если Богъ приведетъ меня быть въ Карлсбадѣ, при каждомъ стаканѣ цѣлебной воды буду васъ вспоминать и желать вамъ добраго здравія и всѣхъ возможныхъ благъ. А не пожалуйте-ли къ намъ и вы? Какъ пріятно было бы встрѣтиться съ вами. Будущимъ лѣтомъ въ Карлсбадѣ

могъ-бы я имѣть надежду болѣе и лучше пользоваться сосѣдствомъ и обществомъ вашимъ, нежели въ Лѣсномъ институтѣ, когда былъ я въ тягость себѣ и другимъ и не умѣлъ отвѣчать на сострадательныя привѣтствія добрыхъ людей. Въ этой надеждѣ оставляю васъ и покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ моемъ отличномъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

К. Вяземскій.

Письменно передалъ я Шредеру дружескія ваши слова. Онъ въ Веймарѣ, но на дняхъ возвратится. Жена моя благодаритъ васъ за добрую память о ней, и тѣмъ же усердно вамъ отвѣчаетъ.

8.

9 (21) января 1854 г. Карлсруэ.

Не умѣю выразить вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ Павелъ Дмитриевичъ, какъ неожиданно былъ я порадованъ новымъ доказательствомъ вашего благосклоннаго и дружескаго обо мнѣ попеченія и какъ глубоко отозвалось въ душѣ моей благоволеніе государя императора къ старому, и нынѣ заочному и бесполезному слугѣ его. Но вы, надѣюсь, отдадите мнѣ справедливость и безъ словъ моихъ поймете, что въ душѣ моей умѣю цѣнить и всегда помнить оказанное мнѣ добро. Здоровье мое, благодаря Бога, мало-по-малу приходитъ въ надлежащій порядокъ. Можетъ быть, въ апрѣлѣ и въ маѣ придется мнѣ въ третій разъ обратиться къ Карлсбадскимъ водамъ, чтобы къ вамъ явиться въ іюнѣ совершенно очищенному отъ прежнихъ недуговъ и дури. Теперь послѣ нѣсколькихъ поэтическихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Венеціи, нахожусь въ скромномъ прозаическомъ Карлсруэ. Но здѣсь сынъ мой съ милымъ семействомъ, и слѣдовательно есть другаго рода наслажденіе въ этой тихой семейной жизни.

Знаю, что вы до стиховъ не охотникъ, и помню, что въ старину сѣялись надъ моими, но несмотря на то, позвольте мнѣ сообщить вамъ стихи ¹⁾, которые могутъ служить доказательствомъ, что если грѣшное мое тѣло скитается по разнымъ нѣмецкимъ мытарствамъ, то душа моя, болѣе нежели когда яибудь, въ Россіи.

Жена моя благодаритъ васъ за добрую о ней память и передаетъ вамъ сердечное свое привѣтствіе.

Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ отъ души и примите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, увѣреніе въ моей глубочайшей и неизмѣнной преданности.

К. Вяземскій.

¹⁾ Стиховъ при письмѣ не оказалось.

Князь Алексѣй Борисовичъ ЛОБАНОВЪ-РОСТОВСКІЙ.

(Къ портрету).

Прямой потомокъ Владимира Мономаха, князь Алексѣй Борисовичъ родился 18 декабря 1824 года и, получивъ отличное домашнее воспитаніе, поступилъ въ императорскій Александровскій лицей. Окончивъ въ немъ въ 1845 году курсъ съ золотою медалью, князь началъ службу въ департаментѣ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ министерства иностранныхъ дѣлъ, служилъ потомъ въ канцеляріи министра вторымъ и первымъ секретаремъ.

Въ 1849 году ему пожаловано было званіе камеръ-юнкера, а съ 1850 года началась дипломатическая его служба. Въ Берлинѣ, въ званіи секретаря миссіи, князь Алексѣй Борисовичъ прослужилъ весь періодъ Крымской войны. Выдающіяся способности обусловили переводъ его въ апрѣлѣ 1856 г. въ Константинополь, въ званіи совѣтника миссіи. Пребываніе князя въ турецкой столицѣ оказалось особенно для него полезнымъ, такъ какъ здѣсь, подъ руководствомъ опытнаго дипломата Бутенева, онъ вполне ознакомился съ дипломатическою дѣятельностью.

Въ 1857 г., князь Алексѣй Борисовичъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, а въ 1859 г., по увольненіи Бутенева, занялъ постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду.

Преслѣдуя русскіе интересы на Босфорѣ непосредственно послѣ Восточной войны, молодой дипломатъ, благодаря необычайному такту

и осторожности, сумѣлъ создать себѣ блестящее положеніе; постоянно отличаемый султаномъ Абдуль Меджидомъ, князь пользовался большимъ уваженіемъ со стороны Решида, Али и Фауда-пашей.

За трехлѣтнее пребываніе во главѣ цареградскаго посольства князю Алексѣю Борисовичу, благодаря установившимся съ Портою личнымъ отношеніямъ, удалось достигнуть крупныхъ успѣховъ, въ смыслѣ восстановленія вліянія Россіи на Востокъ. Такъ, въ лицѣ князя Лобанова-Ростовскаго Россія оказала значительное вліяніе на турецкія преобразованія въ Ливанѣ, а Черногорія была спасена отъ конечнаго погрома, нанесеннаго ей Омерь-пашою.

Возникшія однако-же между посланникомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ княземъ Горчаковымъ разногласія понудили князя Алексѣя Борисовича покинуть свой постъ. Въ 1863 г. онъ уѣхалъ изъ Константинополя въ отпускъ и, выйдя въ отставку, поселился на югѣ Франціи.

Вернувшись въ Россію лишь въ 1866 г. князь Лобановъ-Ростовскій въ іюлѣ того же года былъ назначенъ орловскимъ губернаторомъ, а 10 марта слѣдующаго года занялъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ принималъ дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ эпохи преобразованій.

За 12 лѣтъ чисто административной дѣятельности, князь Алексѣй Борисовичъ, съ 17 апрѣля 1867 г. присутствуя въ Сенатѣ, предсѣдательствовалъ въ комиссіяхъ по дѣламъ раскола (въ 1868 и 1875 г.), участвовалъ въ комитетѣ по преобразованію слѣдственной части, а равно въ комиссіяхъ о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, для составленія проекта новаго городского положенія и для обсужденія вопроса о замѣщеній должностей гражданскаго вѣдомства, занимаемыхъ военными чинами, исключительно гражданскими чиновниками.

22 апрѣля 1878 г., по окончаніи Русско-Турецкой войны, князь Алексѣй Борисовичъ былъ вновь назначенъ посломъ въ Константинополь. Назначеніе это было встрѣчено очень сочувственно Блестящею Портою, и князь Лобановъ - Ростовскій, по прибытіи на берега Босфора, съ присущимъ ему тактомъ повелъ переговоры объ очищеніи турками крѣпостей Шумлы, Варны и Батума, согласно условіямъ Санъ-Стефанскаго договора. Хотя открывшійся затѣмъ Берлинскій конгрессъ и помѣшалъ ему довести начатое дѣло до конца, тѣмъ не менѣе ему удалось провести въ Портѣ всѣ статьи дополнительнаго мирнаго договора, обнимавшаго тѣ изъ обязательствъ Турціи предъ Россіею, которыя не подлежали обсужденію Берлинскаго конгресса и заявлены были еще въ Санъ-Стефано. Силою своего авторитета князь добился конечной цѣли, и Порта признала себя обязанною выплатить Россіи вознагражденіе за военныя издержки въ суммѣ одного милліарда рублей.

Вслѣдъ затѣмъ князь Лобановъ-Ростовскій былъ перемѣщенъ на столь-же трудный и отвѣтственный постъ посла при дворѣ Великобританскомъ (съ 22 декабря 1879 г.); и здѣсь явился онъ столько же дѣятельнымъ и энергичнымъ, сколько осторожнымъ и осмотрительнымъ защитникомъ русскихъ интересовъ въ вопросахъ афганскомъ и египетскомъ. 13 июля 1882 г. князь былъ переведенъ посломъ въ Вѣну.

Заслуги князя Алексѣя Борисовича на чредѣ неусыпнаго и ревностнаго служенія интересамъ отечества удостоивались вниманія трехъ государей: въ 1870 г. князь былъ пожалованъ въ статсъ-секретаря его величества, въ 1879 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; въ 1883 г. награжденъ орденомъ св. Владимира 1 ст., а въ 1889 г. пожалованъ орденомъ св. апостола Андрея Первозваннаго.

6 января 1895 г., переведенный изъ Вѣны въ Берлинъ, князь Алексѣй Борисовичъ не успѣлъ еще приступить къ отправленію новыхъ обязанностей, какъ былъ призванъ замѣнить скончавшагося 14 января министра иностранныхъ дѣлъ статсъ-секретаря Н. К. Гирса.

За то короткое время, что князю пришлось играть первенствующую и направляющую роль въ русской дипломатіи, ему конечно не удалось осуществить полностью своей программы—но и то уже, что произошло на нашихъ глазахъ за послѣдніе два года, обезпечиваетъ за княземъ всеобщее признаніе талантливейшаго проводника исполненной достоинства и сознанія собственной силы политики мира, которая была личнымъ созданіемъ Царя - Миротворца. Изолированіе Японіи, привлеченіе Германіи къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ Россіи и Франціи на Востоку, примиреніе съ Болгарією, окончательное и торжественное закрѣпленіе дружбы съ Францією и пораженіе Англіи въ ея заигрываніи съ армянами и въ ея вождедвіяхъ къ наслѣдію «большаго человѣка»—таковы крупныя черты въ дѣятельности князя Лобанова-Ростовскаго, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, и явившіяся какъ бы отвѣтомъ покойнаго на знаменательныя слова все милостивѣйшаго рескрипта нынѣ царствующаго государя, намѣчавшаго себѣ въ лицѣ маститаго дипломата «просвѣщеннаго и преданнаго сотрудника, вполнѣ подготовленнаго продолжать миролюбивую и прямодушную политику нашу, направленную къ поддержанію дружественныхъ со всѣми державами отношеній, къ уваженію права и законнаго порядка и къ охраненію непоколебимаго достоинства имперіи».

Князь Алексѣй Борисовичъ оправдалъ довѣріе государя и умеръ на посту, самоотверженно до конца выполнивъ задачу, преподанную ему въ томъ же рескриптѣ 15 мая 1895 года, «неуклонно стоять на стражѣ русской чести, высказывая соответствующую обстоятельствамъ стойкость въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей».

Напряженная дѣятельность, выпавшая на долю князя Алексѣя

Борисовича, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ его жизни, привела къ катастрофѣ. Князь предполагалъ первоначально остаться въ Вѣнѣ и, дождавшись возвращенія государя изъ Кіева, сопровождать его въ Англію; но уже въ Вѣнѣ князь почувствовалъ себя дурно и во время визита, сдѣланнаго совмѣстно съ германскимъ посломъ гр. Эйленбургомъ, итальянскому послу гр. Нигра, почти лишился чувствъ. Во избѣжаніе многочисленныхъ посѣщеній, предстоявшихъ князю въ Вѣнѣ, гдѣ у него сохранились обширныя связи и родственныя отношенія чрезъ его племянницу (графиню Околичани), князь измѣнилъ первоначальныя свои предположенія и поѣхалъ въ Кіевъ. Слѣдуя въ императорскимъ поѣздѣ близъ станціи «Шепетовки», когда поѣздъ, по желанію государя, былъ остановленъ у красивой рощи для прогулки, князь Алексѣй Борисовичъ вышелъ вмѣстѣ съ другими, но почувствовалъ себя дурно, послѣ нѣсколькихъ же шаговъ присѣлъ на траву. Подняться самъ онъ уже не могъ—его должны были внести въ вагонъ и, несмотря на всѣ принятые мѣры, онъ, не доѣзжая до Кіева, скончался, 18-го августа, отъ разрыва сердца.

Русская пресса съ чувствомъ глубокой скорби отнеслась къ кончинѣ маститаго сановника; такое же сочувствіе сквозить и въ иностранной печати: такъ, напримѣръ, «Neue freie Presse» замѣтила, что «кончина князя, составляя тяжелую утрату для царя и Россіи, и вѣѣ ея предѣловъ будетъ встрѣчена общимъ соболѣзнованіемъ», а парижскій «Temps» свидѣтельствуетъ, что «смерть князя Лобанова - Ростовскаго возбуждаетъ глубокое сожалѣніе во Франціи и болѣзненно отзовется во всей Европѣ; но политика, которую преслѣдовалъ покойный, была политикою царя, и эта политика отнынѣ не исчезнетъ изъ преданій Россіи».

На ряду съ постоянными многотрудными дипломатическими и административными занятіями князь Алексѣй Борисовичъ проявлялъ неизмѣнный интересъ къ занятіямъ исторіею и былъ избранъ императорскою Академіею наукъ—въ почетныя ея члены (въ 1876 г.).

Князь приобрѣлъ склонность къ изученію русской исторіи еще въ лицѣѣ.

«Въ лицѣѣ, рассказываетъ по этому поводу г. Шумигорскій ¹⁾, были живы еще тогда преданія пушкинской эпохи, и въ глазахъ его воспитанниковъ имя ихъ знаменитаго однокашника, ставшее гордостью Россіи, неразрывно соединялось съ понятіемъ любви къ родной землѣ и ея старинѣ. По воспоминаніямъ покойнаго князя, еще юношей, онъ любилъ выслушивать и записывать рассказы о минувшихъ событіяхъ отъ вельможныхъ старцевъ, оставшихся отъ царствованій Екатерины,

¹⁾ Газ. „Новое Время“ отъ 21 августа 1896 г. № 7357.

Павла и Александра I; этихъ «птенцовъ отъ стаи славной» было довольно въ обществѣ, въ которомъ вращался князь Алексѣй Борисовичъ и къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ, чрезвычайно любопытные и важные для уясненія подробностей русской исторіи конца XVIII и начала XIX в., князь лично читалъ мнѣ въ Вѣнѣ въ 1893 г., дополняя ихъ ссылками на многіе собранные имъ историческіе документы, также доселѣ еще не напечатанные. Быть можетъ, подъ влияніемъ именно бесѣдъ съ вельможными старцами, покойный князь предался почти исключительно изученію русской исторіи XVIII вѣка и уясненію родовыхъ отношеній высшего русскаго дворянства, въ то время игравшаго первенствующую роль въ политической и культурной жизни Россіи. Чуждый сословныхъ предразсудковъ, стремясь къ воссозданію историческаго прошлаго въ его неприкрашенной правдѣ, князь Лобановъ-Ростовскій всю свою жизнь собиралъ матеріалы по избранному имъ предмету, и число всѣхъ рукописей и книгъ, находящихся въ его библіотекѣ, умножалось все болѣе и болѣе. Въ особенности любилъ онъ заниматься изученіемъ царствованія императора Павла: памятникомъ его занятій осталась въ рукописи два огромные тома «Дневника» этого царствованія, гдѣ, на основаніи камеръ-фурьерскихъ журналовъ, рукописнаго дневника Ростопчина и другихъ матеріаловъ, воспроизведена, день за днемъ, вѣрно и я исторія императора Павла. вмѣстѣ съ тѣмъ, часть книгъ и рукописей, принадлежавшихъ князю Лобанову-Ростовскому, въ значительной мѣрѣ испещрена его собственноручными, весьма цѣнными историческими и библіографическими замѣчаніями».

Въ княжеской коллекціи особенно цѣнятся специалистами подлинные письма князя Безбородко къ графу Н. П. Панину.

Отъ разработки этихъ обширныхъ матеріаловъ князя однако-же постоянно отвлекала сложная его государственная дѣятельность и только одинъ эпизодъ изъ исторіи Павла, а именно біографическая характеристика К. И. Нелидовой была напечатана авторомъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 г. Весьма цѣнный фактический матеріалъ собранъ былъ княземъ путемъ кропотливыхъ изысканій и составилъ обширную «Русскую родословную книгу», изданную въ 1873—76 г.г. сначала «Русскою Старинною», а затѣмъ вышедшую вторымъ изданіемъ.

«Въ послѣднее время, замѣчаетъ г. Шумигорскій въ цитированной уже выше статьѣ, князь Лобановъ-Ростовскій весьма сочувственно относился къ мысли объ изданіи «Русскаго Біографическаго Словаря», предпринятомъ по почину и на средства А. А. Половцева, ставшаго въ то же время главнымъ его редакторомъ, и выражалъ свою готовность предоставить въ распоряженіе редакціи «Словаря» часть своихъ матеріаловъ. Было бы весьма и весьма грустно, если бы эту драгоцен-

ную историческую коллекцію князя Алексѣя Борисовича постигла участь почти всѣхъ русскихъ коллекцій: раздробленіе и постепенное, часто безслѣдное исчезновеніе... Надо надѣяться, что родственники и друзья покойнаго, радѣвшаго о величіи и пользахъ родины, не дадутъ померкнуть его образу въ той части его наслѣдія, гдѣ, быть можетъ, всего ярче сказалась его душа, его міросозерцаніе... Министръ, употреблявшій свой досугъ на изученіе русской исторіи, не могъ не любить Россіи, не могъ не понимать ея историческихъ задачъ, не могъ не болѣть сердцемъ ея нуждами и страданіями...»

П О П Р А В К А.

Въ октябрьской книжкѣ, въ статьѣ „Нерчинскій заговоръ“ вкрались двѣ опечатки:

- 1) Нерчинскій воевода названъ Николаевымъ вмѣсто Николаева и
- 2) На стр. 127 строка 15 снизу напечатано: статскихъ князцовъ—слѣдуетъ братскихъ (т. е. бурятскихъ) князцовъ.

Издатель С. Зыковъ.

Редакторъ Н. Дубровинъ.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году.

Ирпичниковъ, А. И. Новые матеріалы о П. Я. Чаадаевѣ. — *Извѣстія Отд. русск. яз. и словесн. И. Ак. Н.* 1896, т. 1, кн. 2-я.

Письмо фельдмаршала М. Ѡ. Каменскаго къ одному изъ академиковъ. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 8.

Савелевъ, Л. М. Матеріалы для очерка служебной дѣятельности Шидловскихъ въ Слободской Украинѣ 1696—1727 гг. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 8.

О., А. Памяти А. К. Живневскаго. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 8.

По поводу воспоминаній В. Д. Ильинскаго (Письмо князя А. С. Меншикова). — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Воронцовская бібліотека. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Письмо митрополита Филарета къ архіеп. Херсонскому Иннокентію. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 8.

Трофолевъ, А. Н. Бенкендорфскіе „шалуны“ (Черты изъ Николаевскаго времени). — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Записка, поданная графу Бенкендорфу по поводу запрещенія „Европейца“ въ 1832 г. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Письмо И. В. Кпрѣвскаго къ А. С. Пушкину. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Воспоминанія Ѡ. А. Осма. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8 и № 9.

Москва въ 1812 году (Бѣдствія Москвичей). — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Изъ бумагъ и переписки графа Н. П. Шереметева. — *Русск. Архивъ*, 1896, № 8.

Изъ бумагъ А. Г. Тройницкаго (Письма А. И. Казначеева, и архіепископа Иннокентія). — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Хрущовъ, И. П. Цесаревичъ Николай Александровичъ въ Петрозаводскѣ. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Козубскій, Е. И. Къ исторіи Дагестана. Новые показанія о Шамигѣ и

его семействѣ. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Трофолевъ, Л. Н. Ярославская старина. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Супоневъ, А. Н. Конецъ геройской эпопеи. Изъ Крымскихъ воспоминаній. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Иннокентій Тавричскій. Его послѣдняя побѣда въ Крымѣ, предсмертные дни и кончина. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Юдинъ, П. Л. Сельские 1812 года въ Оренбургскомъ краѣ. — *Русскій Архивъ*, 1896, № 9.

Записки Рафаила Михайловича Зотова — (прод.) — *Историч. Вѣстн.*, 1896, июль августъ и сентябрь.

Эвальдъ, А. В. Разказы объ императорѣ Николаѣ I. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль и августъ.

Львовъ, А. Н. Неразъясненный эпизодъ изъ царствованія императора Петра III. — *Историч. Вѣстникъ* 1896, июль.

Свѣшниковъ, Н. И. Воспоминанія пропащаго чловѣка (прод.) — *Истор. Вѣстн.* 1896, июль и августъ.

Уманецъ, С. И. Эстонскіе полуѣрцы. Историко-этнограф. этюдъ. — *Истор. Вѣстн.* 1896, июль.

Военскій, К. А. Очерки Курляндской старины (прод.) — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль и августъ.

Оглоблинъ, Н. Н. Государево великое верхнее дѣло. (Очеркъ изъ жизни XVII в.) — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

Л—въ, В. Школьные годы Н. Г. Помяловскаго. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

Шереметевская, А. Н. Страница изъ исторіи высшаго женскаго образованія. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

Полевой, П. Н. Памяти Е. Е. Замысловскаго. — *Историч. Вѣстн.* 1896, июль.

Николаевъ, Р. Памяти В. П. Желиховской. — *Историч. Вѣстн.* 1896 июль.

Капитуляція Варшавы въ 1794 году. (Съ польской рукописи Збышевскаго). Перевелъ и сообщилъ Г. Ворообевъ.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, июль.

Р., Ф. Русскій Красный Крестъ. — „Историч. Вѣстн.“ 1896, июль.

Гвоздиновъ, Е. Г. Изъ прошлаго.— Царскій смотръ.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, июль.

Линиченко, И. А. Изъ времявъ императора Павла I.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ.

Львовъ, А. Н. Государственный преступникъ Н. Бобринцевъ — Пушкинъ въ монастыряхъ Западной Сибири.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ.

Дубасовъ, И. И. Шацкая провинція въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка. — „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ.

Кумель, Б. К. Изъ эпохи присоединенія Приамурскаго края.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ и сентябрь.

Сеславинъ, Д. Н. Партизанъ Сеславинъ (Биографич. очеркъ).— „Историч. Вѣстн.“ 1896, августъ.

Никольскій, В. В. Литературная дѣятельность К. П. Побѣдоносцева.— (По поводу 50-лѣтняго юбилея).— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Адриановъ, С. А. Петроваводская старина.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Лаврентьева, С. И. Знакомство съ И. С. Тургеневымъ. (Изъ воспоминаній).— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Мальшинскій, А. П. Головинъ и Татаринова. (По новому источнику).— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Сщродотовъ, М. И. Неудачный побѣгъ въ Новую Москву.— (Изъ документовъ Пензенскаго статистич. комитета).— „Истор. Вѣстн.“ 1896, сент.

Слезинскій, А. Г. Императоръ Александръ I на солеваренномъ заводѣ въ 1823 году.— „Историч. Вѣстн.“ 1896, сентябрь.

Любецкій Архивъ.— „Киев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья.— „Киев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Дневникъ Николая Хаенко.— „Киев. Старина“, 1896, июль и августъ.

В—ций, Н. Очерки дореформеннаго быта въ Полтавскомъ Побережьи.— „Киев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Лаливъ, В. Харьковское общество благотворенія въ 1812—1817 гг. Историческій очеркъ. (Оконч.) — „Киев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Письма прот. Арсенія Лебединцова, б. благочестиваго церкви южн. бе-

рега Крыма, къ преосвящен. Иннокентію, архіеп. херсонскому и таврическому, съ денесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 17-ти мѣсячной осады Севастополя.— „Киев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Миронъ. Южно-русская пасхальная драма. (Оконч.) — „Киев. Старина“, 1896, июль и августъ.

Козловскій, Иванъ Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія.— „Унив. Ивѣстія“, 1896, № 7 и № 8.

Домнаръ-Заломскій, М. В. Изъ исторіи литовско-польской борьбы за Волынь.— „Унив. Ивѣстія“, 1896, № 8.

Проф. Александринъ, В. Къ біографіи князя Кантемира.— „Варшав. Унив. Ивѣстія“, 1896, II.—Тоже.— Оконч.— III.

Проф. Багалій, Д. И. Опытъ исторіи Харьковскаго университета.— „Записки Имп. Харьк. Универс.“ 1896, кн. 2-я и кн. 3-я.

Проф. Зеленогорскій, Ф. А. Ив. Г. Шадръ, бывшій профессоръ философіи въ Харьковскомъ Университетѣ.— „Записки Имп. Харьк. Универс.“ 1856, кн. 2-я.

Проф. Лебедевъ, А. С. Каяедра богословія въ Харьковскомъ Университетѣ. Историч. Записка.— „Записки Имп. Харьк. Универс.“ 1896, кн. 2-я.

Проф. Д. И. Лагермаркъ. Публичные чтенія по техническимъ наукамъ въ Имп. Харьковскомъ Университетѣ 1838—1863.— „Записки Имп. Харьк. Унив.“ 1896, кн. 3-я.

Некрологъ проф. И. П. Сокальскаго.— „Записки Имп. Харьк. Универс.“ 1896, кн. 3-я.

Лаутенбахъ, Я. Очерки изъ исторіи литовско-латынскаго народнаго творчества.— „Ученія Зап. Имп. Юрьев. Унив.“ 1896, № 2.

Проф. В. Г. Щегловъ. Государственный Советъ въ Россіи. Т. 2, в. 1. (прод.)— „Временникъ Демид. Юрид. Лицея“. Кн. 68-я и 69-я.

Рудановъ, В. Левъ Николаевичъ Молзалевскій (некрологъ).— „Журн. М. Н. Просв.“ 1896, июль.

Леонтовичъ, Ф. И. Крестьянскій дворъ въ литовско-русскомъ государствѣ (прод.)— „Журн. М. Н. Пр.“ 1896, июль—октябрь.

Анучинъ, Д. Н. Къ вопросу о дикихъ лошадяхъ въ Россіи (Оконч.)— „Журн. М. Н. Пр.“ 1896, июль.

Рудановъ, В. Е. Н. И. Суворовъ.— Некрологъ.— „Журн. М. Н. Пр.“ 1896, сентябрь.

Чечулинъ, Н. Д. Политика Россіи въ Польшѣ предъ первымъ раздѣломъ.— Оконч. „Журн. М.—ства Н. Пр.“ 1896, августъ и сентябрь.

Майновъ, Л. Н. Е. Е. Замысловскій (некрологъ)—„Журн. М. Н. Пр.“ 1896, августъ.

Пятидесятилѣтіе Имп. Русск. Географич. Общества. (Оконч.)—„Журн. М. Н. Пр.“ 1896, августъ.

Веселовскій, А. Н. Мелкія замѣтки къ былинамъ.—„Журн. М. Н. Пр.“ 1896, августъ.

Проф. Войтовскій, В. М. Рѣчь на панихидѣ по профессору Ивану Степановичу Некрасову.—«Записки Императорск. Новоросс. Универс.» томъ 68-й.

Проф. Марковичъ, А. И. Григорій Карповичъ Котошкнинъ и его сочиненіе о Московскомъ государствѣ въ половинѣ XVII в.—«Записки Императорск. Новоросс. Универс.» томъ 68-й.

Материалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣателей: 1) П. Н. Араповъ и его труды. Д. Д. Языкова. 2) Неизданное стихотвореніе М. А. Хитрово. Сообщ. В. В. Леонтьевъ.—«Русское Обзор.» 1896, августъ.

Письма г. Бергольду XIII — XV. (Окончаніе) Баронессы Раденъ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Н. В.—«Русск. Обзор.» 1896, августъ.

Р., В. Очерки Привислинныя. Гл. XI—XII.—«Русск. Обзор.» 1896, августъ.

С.—ий, А. Б. Памяти В. П. Желитовской.—«Русск. Обзор.» 1896, августъ.

Spektor. Николаевскія времена.—«Русск. Обзор.» 1896, августъ.

Воронина, В. З. Островскій въ Самарѣ.—«Русск. Обзор.» 1896, августъ.

Автобіографія Н. С. Соханской (Кохановской). Тетрадь *III. — «Русск. Обзор.» 1896, августъ и сентябрь.

Князь А. В. Лобановъ-Ростовскій. Некрологъ.—„Русск. Обзор.“ 1896, сентябрь.

Резановъ, В. В. Вѣчная память (24 янв.—27 іюля 1896). — „Русск. Обзор.“ 1896, сентябрь.

Свацъ, Фудель, І. И. Юрій Николаевичъ Говоруха-Отрокъ.—„Русск. Обзорѣніе“, 1896, сентябрь.

Тихомировъ, А. А. Памяти Ю. Н. Говорухи-Отрока.—„Русск. Обзор.“ 1896, сентябрь.

Владиміровъ, А. П. Исторія распояченія западно-русскаго костеца (прод.)—„Русск. Обзор.“ 1896, сентябрь.

Письма Н. В. Гоголя. (Оконч.) «Вѣстн. Европы». 1896, іюль.

Кочубинскій, А. А. Графъ С. Г. Строгановъ. Изъ исторіи нашихъ университетовъ 30-хъ годовъ.—«Вѣстн. Европы», 1896, іюль и августъ.

Пыпинъ, А. Н. Лѣтописи и исторія въ старой русской письменности.—«Вѣстн. Европы», 1896, іюль.

Н. В. Водовозовъ. Некрологъ.—«Вѣстн. Европы», 1896, іюль.

Ефимовъ, В. Волостной судъ.—«Вѣстникъ Европы», 1896, августъ.

Пыпинъ, А. Н. Паломничество и путешествія въ старой письменности.—«Вѣстн. Европы», 1896, августъ.

С., В. Некрологъ М. А. Хитрово.—«Вѣстн. Европы», 1896, августъ.

Феттерлейнъ, К. О. Замѣтка.—По вопросу о происхожденіи императрицы Екатерины I.—«Вѣстн. Европы», 1896, сентябрь.

Пыпинъ, А. Н. Григорій Котошкнинъ.—«Вѣстн. Европы», 1896, сент.

Мазанскій, Н. О. Народное образованіе въ Саратовской губерніи.—Оконч.—«Русская Мысль», 1896, августъ.

Письма И. С. Тургенева къ его французскимъ друзьямъ. (Съ предисловіемъ и примѣчаніями И. Д. Гальперина-Каминскаго).—Продолж.—«Русская Мысль», 1896, августъ № 8.

Брижмеръ, А. Записки графа Ланжерона о русскомъ войскѣ.—«Русская Мысль», 1896, сентябрь.

Итоги государственной мудрости («Московский Сборникъ» К. П. Побѣдоносцева).—«Русск. Вѣстн.» 1896, августъ.

Кн. Мансуровъ, С. Землевладѣніе въ Лифляндіи.—«Русск. Вѣстн.» 1896, августъ.

Озеровъ, Д. А. На полѣ битвы. (Изъ воспоминаній офицера).—«Русскій Вѣстн.» 1896, августъ.

Олгинъ, Первоклассные европейскіе композиторы въ одѣвкѣ А. Н. Сѣрова.—«Русскій Вѣстн.» 1896, августъ.

Некрологъ В. К. Тхоржевскій.—«Русск. Вѣстн.» 1896, августъ.

Фаресовъ, А. И. Роль театра въ народной жизни.—«Наблюдатель», 1896, сентябрь.

Богдановскій, В. О. Русскіе вольнодумцы XIV—XV вѣковъ.—«Новое Слово», 1896, сентябрь.

П., Д. Воспоминанія о Николаѣ Ивановичѣ Ядринцевѣ.—«Сибирскій Сборникъ» 1896, Вып. II.—Иркутскъ.

Арефьевъ, Н. С. Петербургскій Комитетъ грамотности въ 1895 году.—«Сѣверн. Вѣстн.» 1896, № 8.

*

Проф. Милановъ, П. Н. Очерки по исторіи русской культуры (прод.) — «Міръ Божій», 1896, августъ и сентябрь.

Ивановъ, Ив. Писемскій (прод.) — «Міръ Божій», 1896, августъ и сентябрь.

Кашпровскій, Е. И. Учрежденіе Смоленской епископії. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Кадлубовскій, А. П. Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи. — «Сборникъ Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Бережновъ, М. Н. Георгій Конисскій какъ проповѣдникъ. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Птуховъ, Е. В. А. С. Грибоѣдовъ. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Сребинскій, И. А. Къ біографіи Георгія Конисскаго. — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Инст. князя Безбородко». Т. I, 1896.

Михайловскій, И. Н. Очеркъ жизни и службы Николая Спаарія въ Россіи — «Сборн. Ист.-Фил. Общ. при Институтѣ кн. Безбородко». Т. I, 1896.

Касьяновъ, Н. Н. Русская гребная флотилія на Аму-Дарьѣ въ маѣ мѣсяцѣ 1873 г. и другія воспоминанія о Хивинскомъ походѣ. — «Средне-азиатскій Вѣстникъ». 1896, июнь и августъ.

Лыкошинъ, Очеркъ археологическихъ изысканій въ Туркестанскомъ краѣ доучрежденія Туркестанскаго кружка любителей археології. — «Средне-азиатскій Вѣстн.» 1896, июль.

Шипакинъ, Ор. Положеніе женщины у кочевниковъ Средней Азії. — «Средне-азиатскій Вѣстникъ». 1896, июнь и июль.

Смирновъ, Е. Г. А. Колпаковскій. — Некрологъ. — «Средне-азиатск. Вѣстн.» 1896, май.

Андреевъ. Мѣстности Туркестана, интересныя въ археологическомъ отношеніи. — «Средне-азиатскій Вѣстн.» 1896, май.

Вальденбергъ, В. С. А. Бершадскій. — Вопросы философіи и психол. 1896, май—июнь.

Гинзбургъ, С. М. Забытая эпоха. Историко-культурные очерки. — «Востокъ», 1896, май, июнь.

Дубенскій, Д. Коневодство на Кавказѣ. — Оконч. «Военн. Сборн.» 1896, июль.

С., А. Очеркъ возстанія горцевъ Терской области въ 1877 г. (Оконч.) «Военн. Сборн.» 1896, июль.

Епачиницъ, Н. Дѣйствія передоваго отряда ген.-ад. Гурко въ войну 1877—1878 г. (прод.) — «Воен. Сборн.» 1896, № 8.

Гершельманъ, Сергѣй. Нравственный элементъподъ Севастополемъ (прод.) — «Военный Сборн.» 1896, № 8.

Р.-и., Ф. Изъ дневника Вонна Андреевича Римскаго-Корсакова. (Оконч.) — «Морск. Сборн.» 1896, сентябрь.

Коргуевъ, Н. Русскій флотъ въ царствованіе императора Николая I. — «Морск. Сборн.» 1896, № 7 и 8.

Харузинъ, Н. Челобитная объ исправленіи соборной колокольни въ г. Михайловѣ и черновая грамота михайловскому воеводѣ 1648 г. — «Труды Рязанской Учен. Архив. Комм.» Т. X. Вып. 3.

Свяцъ, Добролюбовъ, I. Вкладная книга Николо - Радвицкаго монастыря. — Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ вкладной книгѣ Николо - Радвицкаго монастыря. — «Труды Рязанск. Учен. Архив. Комм.» Т. X. Вып. 3.

Черепининъ, А. И. Мѣстная старина Борковской могильницъ. (Оконч.) — «Труды Рязанской Учен. Архив. Комм.» Т. X. Вып. 3.

Ко дню перваго годичнаго поминанія въ Бозѣ почившаго о. архимандрита Павла. — «Братское Слово», 1896, № 8, № 9 и № 10.

Янишевскій, Е. П. Изъ архивныхъ дѣлъ Уральскаго горнаго правленія и Перскаго контрольной палаты. — «Дѣятель», 1896, № 7.

Прот. Благоразумовъ, Н. В. Слово на пятисотлѣтіе блаженной кончины св. Стефана, перваго епископа пермскаго. — «Православ. Благов.» 1896, май, книжка 1-я.

Еп. Мелетій. Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Дауріи (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII ст. — «Правосл. Благов.» 1896, май, кн. 1-я, июнь кн. 1-я и кн. 2-я

К. Памяти Герасима Алексѣевича Колпаковскаго. — «Правосл. Благов.» 1896, май, кн. 1-я.

Шашковъ, А. Миссія на Югорскомъ Шарѣ въ послѣднее десятилѣтіе. — «Правосл. Благов.» 1896, июнь, кн. 1-я и 2-я.

Свяцъ, Березинъ, Т. Иркутская православная миссія въ царствованіе императора Александра II. — «Прав. Благов.» 1896, май, кн. 2-я, июль кн. 1-я.

Поповъ, К. М. Чинъ священнаго

коронаванія. Историч. очеркъ образованія чина. «Богослов. Вѣстн.» 1896, май.

Левитоній, С. Д. Предстоящія коронаціонныя торжества, ихъ внутренній смыслъ и общенародное значеніе. — «Богослов. Вѣстн.» 1896, май.

Заозерскій, Н. А. Государь, Церковь и народъ. — «Богослов. Вѣстн.» 1896 май.

Поповъ, С. Г. Ректоръ Московской Духовной Академіи прот. А. В. Горскій. — «Богослов. Вѣстн.» 1896, май. — Тоже (прод.) — июль.

Введенскій, А. И. Память Юрія Николаевича Говорухи-Отрока. — «Богослов. Вѣстн.» 1896, августъ.

Булашевъ, Г. Очеркъ дѣятельности по народному образованію Арсенія (Москвина) митрополита кievскаго и галицкаго. — «Народн. Образование», 1895, июль.

Лалаевъ, М. С. Императоръ Николай I, зиждатель русской школы. Историч. очеркъ (Оконч.) — «Педагог. Сборн.» 1896, июнь. Приложение.

Письма преосвящ. Феофана — Затворника 1) къ С. и 2) къ монаху К. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, июнь и июль.

Свящ. А. В. Анисимовъ. День въ Смоленскѣ. — «Душепол. Чтеніе», 1896, июнь и июль.

Избранныя мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отца Амвросія. Сообщено изъ Оптинской Пустыни Е. В. — «Душеполезн. Чтеніе», 1896, июнь и июль.

Письма и революціи Филарета митрополита московскаго. Сообщ. архим. Григор. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, июль.

Иодратовъ, А. По святымъ обителямъ и богоспасательнымъ градамъ. (Прод. см. май). — «Душепол. Чтеніе», 1896, июль и августъ.

Одно изъ неизданныхъ писемъ Филарета, митрополита московскаго. Сообщ. Н. Ф. Сергіевскій. — «Душепол. Чтеніе», 1896, июль.

Древняя Русь въ великіе дни. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, июль.

Трехсотлѣтіе со дня рожденія родоначальника благословеннаго царскаго дома Романовыхъ. — «Душепол. Чтеніе», 1896, июль.

Къ столѣтнему юбилею императора Николая I. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, августъ.

Письма преосвящ. Феофана-Затворника къ настоятелю Задонскаго Богородицкаго монастыря о. архимандриту Дмитрію. — «Душеполезное Чтеніе», 1896, августъ.

Письма преосвященнаго Феофана-Затворника къ одной изъ его ученицъ С... — «Душеполезное Чтеніе», 1896, августъ.

Письма преосвященнаго Феофана-Затворника къ о. Н. Сообщилъ Игуменъ Валаамскаго монастыря Гавриилъ. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, августъ.

Дмитріевъ, А. С. Геесманскій скитъ. — Памяти митрополита Филарета. — «Душеполез. Чтеніе», 1886, августъ.

Избранныя мѣста изъ писемъ іеросхимонаха отца Амвросія. — Сообщено Е. В. — «Душеполез. Чтеніе», 1896, августъ.

Письма и революціи Филарета митрополита Московскаго. — Сообщ. архимандритъ Григорій. — «Душеполезное Чтеніе», 1895, августъ.

Некрологъ: Алексѣй Яковлевичъ Фриде. — «Археол. Изв. и Замѣт.» 1896, № № 7—8

Древности Исснкъ-Кульской котловины. — «Археолог. Изв. и Замѣт.» 1896. № № 7—8.

Памяти Николая I. — «Археолог. Изв. и Замѣт.» 1896. № № 7—8.

Некрологи: 1) Ф. А. Вилеръ. 2) Н. И. Суворовъ. — «Археол. Изв. и Зам.» 1896. № № 5—6.

Гамбуцевъ, В. А. Замѣтки о ремонтѣ Старога Печатнаго Двора при Московской Синодальной Типографіи. — «Археол. Изв. и Замѣт.» 1896. № № 5—6.

Виттыгъ, В. Нѣсколько словъ къ исторіи г. Ленчицы. — «Археологич. Изв. и Замѣт.» 1896. № № 5—6.

Харузинъ, Н. Н. О нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ по исторіи Боккекхуэна на основаніи документовъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мян. Юстиціи. — «Археолог. Извѣстія и Замѣт.» 1896, № № 5—6.

Ивановичъ, Инфлуэнца въ Вологодской губерніи въ 1782 г. — «Вологжанинъ». Литер.-научн. сборн. 1895.

Пахоловъ, Х. И. Дѣятельность Вологодскаго Губернскаго земства по народному образованію. — «Вологжанинъ». Литер.-научн. сборн. 1895.

Ивановичъ, Эпизодъ изъ исторіи г. Кадникова — «Вологжанинъ». Литер. научн. сборн. — Вологда, 1895.

Суворовъ, И. Н. Обзоръніе событій, относящихся къ исторіи Вологодской губерніи. — «Вологжанинъ». Литер. научн. сборн. Вологда, 1895.

К. А. Четверухинъ. (Материалы для біографіи). — «Вологжанинъ». Литер.-научн. сборн. — Вологда, 1895.

Некрологъ Л. Н. Модзалевскаго. —

(Изъ «Нов. Врем.») — Воспитаніе и обученіе, 1896. № 7.

Некрологъ В. П. Желнховской. (Изъ «Нов. Вр.») — Воспитаніе и обученіе, 1896, № 6.

Булашевъ, Г. Очеркъ дѣятельности по народному образованію Арсевія (Москвина) митрополита кіевскаго и галицкаго. — «Народн. Образов». 1896, кн. 8.

Полетаевъ, Н. Нѣсколько словъ по поводу переписки барона Н. А. Корфа. — «Народн. Образов.» 1896, кн. 8.

Маларевскій, Очеркъ исторіи современнаго состоянія народнаго образованія въ Сибири. — «Народн. Образов.» 1896, кн. 8.

Некрологъ Предсѣдатель И. Р. Техн. Общ. М. И. Кави. — «Почтово-телеграфн. журн.» 1896, июнь.

Михаилъ Ильичъ Казн. — Некрологъ. — «Зап. И. Р. Т. Общ.» 1896, № 8—9.

Рыбинскій, В. С. Баронъ А. А. Дельвигъ. Его жизнь и литературная дѣятельность — «Филологич. Записки». Годъ 36-й. Вып. I.

Проф. Будде, Евг. О литературныхъ мѣнѣяхъ Пушкина — «Филолог. Записки». Годъ 36-й. Вып. I.

Американскій посланникъ при дворѣ Императора Николая I. — «Вѣсти. Инстр. Лит.» 1896, июль.

Еп. Никаноръ, Пресвященный Афанасій, архіепископъ астраханскій. — «Странникъ», 1896, июнь—июль.

Проф. Н. И. Ивановскій. Сочиненія расколоучителя Арс. Швецова; Исповѣданіе вѣры въ символическую церковь! — «Странникъ», 1896, июнь—июль.

Ешовъ, А. По какимъ книгамъ обучались у насъ Закону Божию въ XVIII ст. и чему обучались? — «Странникъ», 1896, июнь—июль.

В—ль, П. Ѳ. Латинско-уніатскій святой Иосифъ Кунцевичъ. (По поводу 300-лѣтія Брестской уніи). — «Странникъ», 1896, июнь—июль.

Георгиевскій, В. Св. Василий Великій какъ пастырь и учитель церкви (прод. см. февр.). «Странникъ», 1896, июнь—июль.

Кислинская, Эм. Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ и его пѣсни. Изданіе Пост. Комм. по устройству народа. чтеній. — Спб. 1896.

Историческія свѣдѣнія объ Имп. Женскомъ Патриотическомъ Обществѣ 1812—1896 — Спб. 1896.

Бѣлавенецъ, П. Двухсотлѣтіе русскаго флота. «Кронштатъ», 1896.

Подпоруч. Рейнбольтъ. Памяти Императора Николая I. — Спб. 1896.

Манецковъ, В. И. Къ исторіи г. Архангельска, какъ торговаго пункта въ царствованіе Бориса Θεодоровича и Миханла Θεодоровича. (Изъ № 54 «Арх. Губ Вѣд.») «Архангельскъ» 1896.

Олонецкій Вице-Губернаторъ М. Ф. Страховскій. Некрологъ. — «Петрозаводскъ», 1896.

Яхонтовъ, А. Н. Народная война 1812. Изданіе пятое Пост. Комм. по устройству народа. чтеній. — Спб. 1896.

Смирновъ, Н. Н. Русская торгово-промышленныя компаніи въ 1-ю половину XVIII ст. Казань 1896.

Поселеникъ, Е. Отецъ Серафимъ Саровскій. Москва 1896.

Житіе препод. Евсемя судальскаго. — Одесса 1896.

Свящ. Павловъ, А. Сказаніе о семипалатинской иконѣ Знаменія Божіей Матери, именуемой абалакскою. — Семипалатинскъ 1896.

Путешествіе на Валаамъ, во святую обитель и подробное обоарѣніе всѣхъ его достопримѣчательностей. 2-е изд. Спб. 1896.

Зарницкій, Я. И. Священное коронованіе и помазаніе православныхъ царей на царство. Изд. второе. — Спб. 1896.

Кіевъ и его святыни. Изд. второе. Москва 1896.

Овсянниковъ, Н. Краткія свѣдѣнія о Тверскомъ Каедральномъ соборѣ, какъ памятникъ церковной древности. Тверь 1896.

Игнатій, архіеп. олонецкій и петрозаводскій. (Изъ «Брат. Слова»). — Москва 1896.

Сказаніе о жизни и дѣвїяхъ предковъ нашего царя. Изданіе 4-е. — Спб. 1896.

Валаамскій скитъ и жизнеописаніе тамошняго подвижника схимонаха о. Іоанна. Второе изданіе. — Спб. 1896.

Къ столѣтнему юбилею Новоторжскаго Борисоглѣбскаго монастырскаго собора (Изъ № 7 «Твер. Еп. Вѣд.») — Тверь 1896.

Повѣсть о созданіи Крестомаровской общежительной пустыни. — Нижній Новгородъ 1896.

Маритовъ, М. В. А. Э. Блюменталь-Тамаринъ. Біографич. очеркъ. — Спб. 1896.

Густавъ, Сысертскіе горные заводы и дѣятельность ихъ съ 1886 по 1896 г. — Пермь, 1896.

С.-Петербургскій Металлическій Заводъ. Краткій очеркъ дѣятельности съ 1882 по 1896 г. Спб. 1896.

Историческій очеркъ дѣятельности Сиб. Дирекціи училищ.—Спб. 1896.

Селивановъ, А. Ф. Историческій очеркъ развитія пчеловодства въ Россіи.—Спб. 1896.

Очеркъ 50-ти лѣтней дѣятельности пароходнаго общества «По Волгѣ».—Спб. 1896.

Бѣловъ, В. Историческій очеркъ Уральскихъ горныхъ заводовъ.—Спб. 1896.

Дубеннин, Дм. Конскіе заводы Европейской Россіи, Кавказа и Тургайской области и историческій очеркъ ихъ развитія.—Спб. 1896.

Проф. Владиміровъ, П. В. Введение въ Исторію Русской Словесности.—Кіевъ 1896.

Высочайшій манифестъ 14 мая 1896 г. Изданіе книгопр. Т. Губанова. Кіевъ 1896.

Свящ. Тизинъ, К. Исторія Ревельскаго Преображенскаго Собора. — Ревель 1896.

Вѣнокъ на могилу эстляндскаго губернатора кн. С. В. Шаховскаго. Подъ редакц. Г. Янчевецкаго.—Ревель 1896.

Князь Щербатовъ, Генералъ-фельд-маршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность. Приложенія къ V-му тому. Спб. 1896.

Коронаціонный альбомъ въ память священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г. Изданіе С. Добродѣва. Спб. 1896.

Краузе, В. М. Путешествіе Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Александровича въ бытность Его Величества Наслѣдникомъ Престола 1891—92 гг. Изд. 2-е. Спб. 1896.

Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ. Изданіе Постоянной Комм. для устройства народ. чтеній.—Спб. 1896.

Священное коронованіе и муропомазаніе Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г. Изданіе книж. магазина «Народная польза». Спб. 1896.

Діаконъ Азминовъ, П. Священное въиачаніе на царство Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896.—Спб. 1896.

Что знаменуетъ священное коронованіе и муропомазаніе царя и царицы. (Изъ №№ 13—15 „Сел. Вѣст.“ 1895 г.)—Безплатное народ. изданіе Е. В. Богдановича.—Спб. 1896.

Проф. Лебедевъ, А. П. Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ. Т. I. (Изъ „Богосл. Вѣст.“ за 1894—1896). Сергіевъ Посадъ, 1896.

Свящ. Щукинъ, В. Троицкій мужес-

кій монастырь въ г. Торопцѣ Псковской епархіи Спб. 1896.

Балласъ, М. Винодѣліе въ Россіи. Историко-статистическій очеркъ. Ч. II. Спб. 1896.

Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Составлено ген.-лейт. Дубровинимъ, Муроматинымъ, Гудина-Левковичемъ, Сухотинимъ и Пузыревскимъ. Ч. IV, кн. 2-я.—Спб. 1896.

Описаніе священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Изд. общедоступное. Спб. 1896.

Слово въ память Императора Николая I. Изданіе Спб. Городской Думы.—Спб. 1896.

Карповъ, М. В. Гликерія Николаевна Феодотова и ея гастроли.—Спб. 1896.

Астраханскій Сборникъ, изданный Петровскимъ Обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Вып. I.—Астрахань 1896.

И., В. Изъ исторіи Москвы 1147—1703. Очерки. Москва 1896.

Штылько, А. Иллюстрированная Астрахань. Очерки прошлаго и настоящаго города.—Саратовъ, 1896.

Сооруженіе и открытіе памятника Императору Александру II въ Казани.—Краткій историческій очеркъ.—Казань 1896.

Царственные заботы Императора Николая Павловича о развитіи военно-учебныхъ заведеній. (Извлеченіе изъ историч. очерка: „Императоръ Николай I, вихдитель русской школы“ М. С. Далаева).—Спб. 1896.

Брянцовъ, П. Д. Русско-польскія отношенія.—Оттискъ изъ „Віст. Вѣст.“ 1896, №№ 125, 126, 129—130.—Вильна, 1896.

Матеріалы по исторіи и географіи Дисненскаго и Вилейскаго уѣздовъ Виленской губ. Изданіе А. Салунова и кн. В. Друцкаго-Любецкаго. Витебскъ, 1896.

Свящ. Филевскій. Церковь святаго и Нерукотвореннаго образа Христа Спасителя. Харьковскаго Коммерч. Училища. Историческая записка.—Харьковъ, 1896.

Соколовъ, М. Е. Былины, историческія, военныя, разбойничьи и воровскія пѣсни, записанныя въ Саратовской губерніи. Петровскъ, 1896.

Жеденовъ, Н. Дѣтскіе сельско-хозяйственно-кустарные пріюты самопомощи. Исторія ихъ, устройство и жизнь. Спб. 1896.

Гр. Толстой, М. Жизнь и чудеса св. Николы. Изд. 8 е. Москва, 1896

Житія св. св. благовѣрныхъ великихъ князей Александра Невского, Георгія, Андрея и Глѣба и мученика Аврамія, владимірскихъ чудотворцевъ. — Владимиръ, 1896.

Московский кафедральный Чудовъ монастырь. — Сергіевъ-Посадъ, 1896.

Описаніе Троице-Параскевѣвскаго Топловскаго жен. монастыря въ Крыму. — Феодосія, 1896.

Св. преподобномученикъ Аванасій игуменъ брестскій. — Вильна, 1896.

Петрушевскій, А. Разказы про старое время на Руси. Изд. 10-е. — Москва, 1896.

Николай Филипповичъ Одарченко. Съ портретомъ. Изданіе Харьк. Ист. — Фил. Общ. Харьковъ, 1896.

Иванъ Михайловичъ Собѣстіанскій. Съ портретомъ. Изданіе Харьк. Ист. — Фил. Общ. — Харьковъ, 1896.

Юбилей Л. Л. Гиршмана. — Харьковъ, 1896.

Оскаръ фонъ Леттовъ-Форбекъ. Исторія войны 1806 и 1807. Т. III. Перев. съ нѣмец. Съ картою и планами. — Варшава, 1896.

Свящ. Бухаревъ. Житія всѣхъ святыхъ. Изданіе второе, испр. и дополн. Москва, 1896.

Вавемскій Аркадѣвскій дѣвичій монастырь. Второе дополн. изданіе. Москва, 1896.

Празднованіе 25 ти-лѣтняго юбилея Москов. Общ. воспитательницъ и учительницъ. — Москва, 1896.

Забѣлинь, Иванъ. Минувш. и Пожарскій — прямыя и кривыя въ Смутное время. Третье изд. съ дополненіями. Москва, 1896.

Священное коронованіе Ихъ Имп. Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Одесса, 1896.

На память о священномъ коронованіи Ихъ Имп. Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. — Одесса, 1896.

Солуха, В. Краткая историческая записка о состояніи Кіево-Подольской жеп. гимназій съ 1861 по 1896 г. — Кіевъ, 1896.

Александровскій, Г. В. Краткая историческая записка о состояніи Кіевской Фундуклеевской жен. гимназій съ 1885 по 1896 г. Кіевъ, 1896.

С., А. Крыловъ, какъ человекъ. — Житомиръ, 1896.

Павловъ, Н. М. Русская исторія отъ

древнѣйшихъ временъ. Т. I. Москва, 1896.

Языковъ, П. А. Жизнь русскихъ дѣятелей. № 4. — Москва, 1896.

Кривцово-Лавровское училище Орловской губерніи Болховскаго уѣзда съ 1877 по 1895 г. — Москва, 1896.

Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. — Москва, 1896.

Савицкій, Н. и Евстратовъ, П. Краткій очеркъ возникновенія и дѣятельности благотворительныхъ учрежденій Харьковской губерніи. — Харьковъ, 1896.

Графъ Шереметевъ, Сергіи. Воспоминанія дѣтства. Сиб., 1896.

Краткій очеркъ Аеопа и его монастырей. — Москва, 1896.

С., Н. Б. Святая гора Аеоъ. Изд. второе. Москва, 1896.

Петръ, В. Отчетъ Кіевскаго Отдѣленія Общества классической филологіи и педагогикіи за 20 лѣтъ. — Кіевъ, 1896.

Пятидесятилѣтіе Уманскаго училища Земледѣлія и садоводства. — Кіевъ, 1896.

Проф. Багалъ, Д. И. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета. Т. I. вып. 2-й. Харьковъ, 1896.

Правда объ Юсафатѣ Кунцевичѣ. Изданіе Вилнскаго Свято-Духовскаго Братства. — Вильна, 1896.

Загорскій, В. Б. Императорское Вилнскаго Медицинское Общество 1805—1895. Вильна, 1896.

Акад. Бычковъ, А. Ф. Д. А. Ровинскій и Имп. Публичная Библіотека. Сиб. 1896.

Забѣлинь, И. Е. Воспоминаніе о Д. А. Ровинскомъ. Сиб. 1896.

Гр. Толстой, П. И. Д. А. Ровинскій, любитель и знатокъ гравировальнаго искусства. Сиб. 1896.

Стасовъ, В. В. Воспоминанія товарища о Д. А. Ровинскомъ. — Сиб. 1896.

Акад. Всеволюскій, К. С. Ровинскій и Рембрандтъ. — Сиб. 1896.

Кони, А. Ф. Общественная и государственная дѣятельность Д. А. Ровинскаго. Сиб. 1896.

Проф. Лебедевъ, В. А. Графъ Егоръ Францовичъ Качкунъ. — Сиб. 1896.

Бѣлозерская, Н. Царское вѣнчаніе въ Россіи. Оттиски изъ „Рус. Вѣст.“ — Сиб. 1896.

Корсановъ, Д. Константинопль Дмитріевичъ Кавелинь. — Сиб. 1896.

Памяти Константина Дмитріевича Ушинскаго. — Сиб. 1896.

Антонъ Яковлевичъ Крассовскій. Сиб. 1896.

Сорокинъ, В. М. Разказы о Петрѣ Великомъ. Изд. третье, исправл.—Сиб. 1896.

Полк. Пременцовъ, А. Б. Дни Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 1896.—Спб. 1896.

Соловьевъ, С. М. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Кн. III. Т. XI—XV. Второе изд.—Спб. 1896.

Поруч. Ломанъ, Д. Царь-Миротворецъ Александръ III. Чтеніе для народа. Изд. 7-е. Спб. 1896.

Соболю, Н. П. Подробный указатель ХVIII худ. отд. на Всеросс. Выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ съ биогр. свѣдѣніями о 250 художникахъ и краткимъ обзоромъ движенія русскаго искусства.—Спб. 1896.

1-е десятилѣтіе Общества дѣтскихъ врачей въ С.-Петербургѣ. Спб. 1896.

Штиглицъ, А. Н. Памяти И. С. Аксакова. — Рѣчь въ торжеств. собраніи Спб. Славян. Благотв. Общ.—Спб. 1896.

Яциовская, С. Костромской Ипатьевской монастырь—колыбель дома Романовыхъ.—Москва 1896.

Священное коронованіе русскихъ царей и царицъ. Краткія историческія очерки. Изданіе А. Силаева.—Москва 1896.

Милости и радости русскому народу. Высочайшій манифестъ, дарованный въ день священнаго коронованія 14 мая 1896.—Москва 1896.

Сказаніе о вѣнчаніи на царство русскихъ царей и императоровъ.—Москва 1896.

Шевелевъ, А. Св. Стефанъ, епископъ черниговскій. Москва 1896.

З., М. Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ. — Биографическая замѣтка.—Черниговъ 1896.

Завѣщательное письмо графа Николая Петровича Шереметева. Москва 1896.

Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Θεодоровны.—Москва 1896.

Преображенскій. Историческій очеркъ Ярославскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.—Москва 1896.

Полъновъ, А. А. Оживающій сѣверъ. Москва 1896.

Краткія очерки возникновенія, развитія и теперешняго состоянія нашихъ торговыхъ съ Китаемъ сношеній черезъ Кяхту.—Москва 1896.

Великія торжества священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора Николая Александровича и Государыни

Императрицы Александры Θεодоровны.—Москва 1896.

Апушкинъ, В. А. Историческій очеркъ службы батареи 23-й артиллерійской бригады 1851—1895 г.—Спб. 1896.

Ефимовъ, И. В. Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій предъ судомъ профессора П. Н. Буцинскаго.—Спб. 1896.

Минотинъ, В. А. Къ исторіи Нѣжинскаго полка въ XVII—XVIII в.в. (Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи“, т. II).—Спб. 1896.

Патмицкій, П. П. Сказаніе о вѣнчаніи на царство русскихъ Царей и Императоровъ.—Москва 1896.

Красношницевъ, И. Очерки города Одова.—Тула 1896.

Гером. Сергій. Дѣтописъ Старорусскаго Спасо-Преображенскаго мужскаго монастыря съ 1192 по 1896 г.—Новгородъ 1896.

Житіе преподобнаго Іоанна Рылскаго.—Одесса 1896.

Корольковъ, Н. Сказаніе о препод. Трифонѣ, печенгскомъ чудотворцѣ, просвѣтителѣ лопарей, и объ основанной имъ обители.—Спб. 1896.

Историко-статистическое описаніе Пертомыскаго монастыря (Изъ Архан. Еп. Вѣд. 1894 г.).—Изд. 2-е.—Спб. 1896.

Житіе и чудеса преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго.—Изд. 9-е.—Спб. 1896.

Аргументъ, А. Краткая историческая записка Кавянской Общественной Библиотеки.—Москва 1896.

Всемилоствѣннѣйшій манифестъ 14 Мая 1896 года по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.—Москва 1896.

Шевелевъ, А. Вѣнчаніе на царство великаго царя—Миротворца Александра III Александровича.—Москва 1896.

Проф. Алектеевъ, А. С. Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I.—Москва 1896.

Проф. Илючевскій, В. Добрыя люди древней Руси. Изд. второе.—Москва 1896.

Тонмановъ, И. О священномъ коронованіи русскихъ царей.—Москва 1896.

Высочайшій манифестъ, дарованный въ день Священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 года.—Москва 1896.

Тороповъ, С. А. Москва. Ея прошлое и настоящее.—Москва 1896.

Торжествующая Москва. Торжества и празднества Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 года.—Москва 1896.

Приготовленія г. Москвы ко дню Священнаго Коронованія 14 мая 1896 года.—Москва 1896.

Томмазовъ, И. Историческое описание всѣхъ коронацій російскихъ царей, императоровъ и императрицъ.—Москва 1896.

Страпичка изъ исторіи промышленности юго-восточной Россіи. Табачная фабрика А. К. Штафъ въ Саратовѣ.—Саратовъ 1896.

Врачъ Юревичъ, И. Очеркъ 12-тилѣтняго прошлаго Ольшанской больницы.—Кіевъ 1896.

Въ память освященія собора св. Владимира и открытія памятника императору Николаю I. Изданіе В. Булкина. Кіевъ 1896.

Кіевъ и университетъ св. Владимира при императорѣ Николаѣ I. Изданіе университета св. Владимира.—Кіевъ 1896.

Арпьевъ, Н. Ѡ. Илья Петровичъ Деркачевъ 1861—1896.—Москва 1896.

Георгиевскій, Г. П. Коронованіе русскихъ государей. Историческ. очеркъ (Изъ „Русскаго Обзор.“).—Москва 1896

Мошковъ, В. А. Скины и ихъ соплеменники еракійцы.—Варшава 1896.

Дружининъ, Андрей. Очеркъ развитія податныхъ реформъ въ Привислянскомъ краѣ. Ч. I.—Плоцкъ 1896.

Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ Музеѣ П. И. Щукина. Первая часть. Изданіе П. И. Щукина. Москва 1896.

Перелинъ московскихъ дворовъ XVII и XVIII ст.—Москва 1896.

Погромъ Баталь-паши на берегахъ Кубани 30 сент. 1790 г.—Журналъ кампаніи на Кавказской линіи покойнаго генерала отъ инфантеріи и кавалеріи Ив. Ив. Германа.—Екатеринодаръ 1896.

Абрамовичъ, В. Бакинское учебное заведеніе женскаго благотв. Общ. св. Нины. Очеркъ его развитія и современнаго состоянія.—Баку 1896.

Г., В. Къ 50-лѣтнему юбилею газеты „Кавказъ“. (Изъ № 4 газ. „Кавказъ“ за 1896 г.)—Тифлисъ 1896.

Калустянцъ, А. Краткій историческій очеркъ состоянія и дѣятельности Бакинскаго Человѣколюбиваго Общ. во имя св. Григорія, просвѣтителя Арменіи, съ 1864 по 1896 г.—Баку 1896.

Сабинъ-Гусъ, Д. Дѣтели русской исторіи въ стихотвореніяхъ русскихъ поэтовъ и въ народныхъ пѣсняхъ.—Сборникъ.—Тифлисъ 1896

Шангай, И. Н. Краткій историческій очеркъ коронованія царей.—Варшава 1896.

Аппелевъ, Н. Въ день Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ 14 мая 1896 г.—Варшава 1896.

Корниловъ, И. П. Князь Адамъ Чарторыйскій.—Изъ „Руск. Обзор.“.—Москва 1896

Цертелевъ, Д. Русско-польскія отношенія. По поводу книги графа Делли-ви.—Москва 1896.

Проф. Давновскій, В. По поводу предстоящей реформы нашего судоустройства.—Изъ журн. „Русс. Мысль“, кн. I—III.—Москва 1896.

Письмо митрополита Филарета о живописи.—Изъ „Русскаго Архива“ 1894 № 5.—Москва 1896.

Шевелевъ, А. Май 1883 года. (Изъ писемъ баронессы Эдиты Раденъ къ своей сестрѣ).—Москва 1896.

Попеченія о сельскомъ хозяйствѣ Императора Николая I.—„Правит. Вѣстн.“ 20 авг. 1896, № № 182 и 183.

Къ двухсотлѣтію Кубанскаго казачьяго войска.—„Прав. Вѣстн.“ 6 сент. 1896, № № 195, 196, 197.

Рѣдкій праздникъ православія 5—9-го сент. въ Черниговѣ.—„Правит. Вѣстн.“ 12 сент. 1896 № № 200 и 201.

Собственноручныя записки императора Николая I.—„Правит. Вѣстн.“ 13 сент. 1896, № 201.

Эпизодъ изъ жизни Гельсингфорскаго университета.—Приложеніе къ газ. „Нов. Время“ 14 сент. 1896, № 7381.

Некрологъ. Прот. Петръ Филипповичъ Щегловъ, бывшій ректоръ Олопецкой духов. семинаріи.—„Новое Время“, 12 сент. 1896, № 7379.

Некрологъ. Преосвѣд. Діонисій, епископъ уфимскій и мензелинскій.—„Нов. Время“, 12 сент. 1896 № 7379.

Некрологъ. Левъ Михайловичъ Карачунскій, бывшій редакторъ-издатель газ. „Минута“.—Новое время, 11 сент. 1896, № 7378.

Н. И. Хмельницкій (къ 50-лѣтію его смерти).—Приложеніе къ газ. „Нов. Время“ 7 сент. 1896, № 7374.

Некрологъ. Польскій писатель Сигизмундъ Качковскій.—„Новое Время“ 6 сент. 1896, № 7373.

П., М. И. Былые уличные оригиналы.—„Нов. Время“, 5 сент. 1896, № 7372.

Некрологъ. И. А. Неклюдовъ.—„Нов. Время“, 2 сент. 1896, № 7369.

Переворотъ 1741 года.—Приложение къ газ. „Нов. Вр.“ 31 авг. 1896. № 7367.

М—о. Соборъ св. Владимира въ Киевѣ.—„Нов. Время“ 30 авг. 1896, № 7366.

Штейнфельдъ, Н. П. Мнимый пугачевскій владѣ.—Приложение къ газ. „Нов. Время“ 24 авг. 1896, № 7360.

П., М. И. Къ столѣттю рожденія П. Н. Драпова.—Приложение къ газ. „Нов. Время“ 24 авг. 1896, № 7360.

Некрологъ. Д-ръ медицины Николай Александровичъ Воронихинъ.—„Нов. Время“, 22 авг. 1896, № 7358.

П., М. И. Киевъ—мать городовъ русскихъ.—„Нов. Время“, 21 авг. 1896, № 7357.

Шумигорскій, Евгений. Историческіе труды князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго.—„Новое Время“, 21 авг. 1896, № 7357.

П., М. И. Къ исторіи петербургскихъ увеселительныхъ садовъ.—„Новое Время“, 20 августа 1896, № 7356.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Некрологъ.—„Нов. Время“, 20 авг. 1896, № 7356.

Некрологъ. Профессоръ Варшавскаго унив. Адольфъ Ивановичъ Павняскій.—„Нов. Время“, 18 авг. 1896, № 7354.

Петръ Великій въ Парижѣ.—„Правит. Вѣстн.“, 10 окт. 1896, № 222.

Графъ М. Н. Муравьевъ.—„Правит. Вѣстн.“, 1896, № 216 и 220.

Вѣдомство дѣтскихъ приютовъ въ прошломъ и настоящемъ.—„Правит. Вѣстн.“, 21 сент. 1896, № 207.

Некрологъ. Членъ Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати Д. М. Повнякъ.—„Нов. Время“, 12 окт. 1896, № 7409.

Некрологъ. Бывшій предсѣдатель департамента Варшавской судебной палаты К. Д. Андиферовъ.—„Нов. Время“, 12 окт. 1896, № 7409.

Б., З. Памяти С. В. Ковалевской.—„Нов. Время“, 11 окт. 1896, № 7408.

Бессель, В. Изъ воспоминаній о П. Чайковскомъ.—„Нов. Время“, 7 окт. 1896, № 7404.

Къ исторіи внѣшней политики Россіи конца XVIII в. Первый раздѣлъ Польши.—Приложение къ газ. „Нов. Время“, 5 окт. 1896, № 7402.

Некрологъ. Контръ-адмиралъ Петръ

Ивановичъ Чайковскій.—„Нов. Время“, 5 окт. 1896, № 7402.

Носилевъ, К. Исторія одного металла.—Приложение къ газ. „Нов. Время“, 5 окт. 1896, № 7402.

Булгамевъ, Ѳ. Императоры Петръ I и Павелъ въ Парижѣ.—„Нов. Время“, 26 сент. 1896, № 7393.

Некрологъ. Бывшій посланникъ въ Сербіи Александръ Ивановичъ Персіани.—„Нов. Время“, 25 сент. 1896, № 7392.

Некрологъ. Профессоръ, горн. Инженеръ, Петръ Алексѣевичъ Олышевъ.—„Нов. Время“, 25 сент. 1896, № 7392.

Къ исторіи крушеній на Царско-сельской желѣзной дорогѣ.—Приложение къ газ. „Нов. Время“, 21 сент. 1896, № 7388.

Некрологъ. Членъ Александр. Комитета о раненныхъ, генералъ отъ инфантеріи, Гавриилъ Петровичъ Самсоновъ.—„Нов. Время“, 20 сент. 1896, № 7387.

Некрологъ. Бывшій редакторъ „Киевлянина“ Василій Ивановичъ Пихно.—„Нов. Время“, 20 сент. 1896, № 7387.

Некрологъ. Врачъ. д. с. с. Н. А. Воронихинъ.—„Новости“, 23 Авг. 1896, № 232.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій.—„Новости“, 20 авг. 1896, № 229.

Некрологъ. Ярославскій губернаторъ ген.-лейт. А. Я. Фриде.—„Новости“, 12 іюля 1896, № 190.

Арсьевъ, М. Наполеонъ и Императоръ Александръ I.—„Новости“, 9 іюля 1896, № 187.

Некрологъ. Н. А. Потѣкинъ.—„Новости“, 9 іюля 1896, № 187.

Некрологъ. М. А. Хитрово.—„Новости“, 2 іюля 1896, № 180.

Некрологъ. А. С. Фаминницъ.—„Новости“, 29 іюня 1896, № 177.

Некрологъ. М. И. Казн.—„Новости“, 26 іюня 1896, № 174.

Бар. Дризень, Н. В. Изъ воспоминаній о царствованіи императора Николая Павловича.—„Новости“, 26 іюня 1896, № 174.

Императоръ Николай I.—„Новости“, 24 іюня 1896, № 172.

Некрологъ. Бывшій директоръ Института Гражд. Инженеровъ, т. с. Д. Д. Соколовъ.—„Новости“, 18 іюня 1896, № 166.

Некрологъ. Г. П. Небольсинъ.—„Новости“, 17 іюня 1896, № 165.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ ВЪ ИЗД. 1896 Г.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМОЙ.

ОКТАБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	СТРАН.
I. Императрица Александра Феодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ. Переводъ съ франц. В. В. Тимошукъ.	5—60
II. Императоръ Николай I въ 1830—1831 гг. (Изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа) Н. К. Шильдера	65—96
III. Записки Михаила Чайковскаго. Переводъ съ польскаго В. В. Тимошукъ. Гл. XV—XVII, стр. 209—225; 653—676	
IV. Сто лѣтъ тому назадъ. (Изъ записокъ Д. П. Рунича)	281—319
V. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г. Сообщ. П. М. Майковъ	481—518
VI. Тяжелые дни Казанскаго университета. (Изъ посмертныхъ записокъ). Сообщ. П. Д. Шестаковъ.	519—539
VII. На службѣ. (Изъ личныхъ воспоминаній). М. Песковскій	541—563

Портреты.

- I. Портретъ императрицы Александры Ѳеодоровны на 39 году жизни. Грав. К. Адтъ.
(При 10-й книгѣ).
- II. Портретъ императрицы Екатерины II-й. Грав. К. Адтъ.
(При 11-й книгѣ).
- III. Портретъ князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго. Грав. К. Адтъ.
(При 12-й книгѣ).

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

	стр.
I. Всеподданнѣйшее письмо князя Николая Репнина о сложеніи недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ.	61
II. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. (Матеріалы для біографіи, егоразказы и переписка). стр. 97—120,	565—583
III. Нерчинскій заговоръ о побѣгѣ на Амуръ и на острова Восточнаго Океана. Н. Оглоблина.	121—129
IV. По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 году. Сообщ. Д. И. Студенкинъ.	130
V. Д. П. Руничъ и поэтъ Байронъ. Письмо Д. П. Рунича къ издателямъ «Русскаго Инвалида» 23 апрѣля 1820 года	135—138
VI. Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ 1811—1812 гг. Окончаніе.	139—157
Собственноручное письмо С. С. Уварова—М. М. Сперанскому отъ 1-го декабря 1819 г. Сообщ. акад. А. Ѳ. Вычковъ.	158
VIII. Лазарь Карно въ Варшавѣ въ 1816 г. Г. А. Воробьева	159—169
IX. Страничка изъ академической жизни 1750 г. Сообщ. академ. К. С. Веселовскій.	170

X.	Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ. (Ихъ взаимныя отношенія и переписка). В. Лачинова.	171—191
XI.	Театральныя впечатлѣнія В. И. Аскоченскаго, самимъ имъ описанныя.	192
XII.	Густавъ IV и вел. княжна Александра Павловна 1794—1796 гг. Окончаніе. Барона Н. В. Дризена	193—207
XIII.	Указъ Правительствующему Сенату о порядкѣ наслѣдованія имущества послѣ скончавшагося министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлева.	208
XIV.	Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г. Письмо кн. Василя Осиповича Бебутова Осипу Петровичу Дубецкому	226
XV.	Изъ бумагъ Виктора Григорьевича Теплякова. А. Ѳ. Шидловскаго	227—236
XVI.	Памяти императрицы Екатерины II 1796—6 ноября—1896 гг. Проф. В. А. Бильбасова.	241—280
XVII.	Рескриптъ Екатерины псковскому губернатору Пилю отъ 3 августа 1787 г.	320
XVIII.	Товарищи и птенцы Н. И. Новикова. (Ихъ взаимная переписка).	321—365
XIX.	Самозванецъ графъ Шидловскій (высочайшій указъ псковскому губернатору отъ 11 сентября 1787 г.).	366
XX.	Двѣ характеристики. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.	367—379
XXI.	Высочайшій указъ псковскому губернатору Пилю отъ 26 апрѣля 1788 г. О сборѣ податей всякою монетою и банковыми ассигнаціями.	380
XXII.	Письма И. И. Бецака къ императрицѣ Екатеринѣ II. П. М. Майкова	381—420
XXIII.	Замѣтка о семействѣ Шкуринныхъ. П. Майкова.	421
XXIV.	Походы Екатерины II по Волгѣ и Днѣпру. (1767—1787 гг.). Проф. В. А. Бильбасова	423—445
XXV.	Высочайшій указъ псковскому губернатору Пилю отъ 20 іюля 1788 г., по поводу патріотическаго предложенія псковскаго дворянства поставить рекрутъ внѣ очереди.	446
XXVI.	Къ исторіи царствованія императрицы Екатерины II. (Письма, замѣтки и проч.).	447—462
XXVII.	Послѣдніе «Голштинцы». Проф. В. А. Бильбасова	463—466

	страни.
XXVIII. Письма архіепископа моголевскаго Георгія Конисскаго къ В. Г. Рубану. Сообщ. В. Модзалевскій	467—471
XXIX. Кончина Екатерины II и воцареніе Павла I. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	472—480
XXX. Способы вызова подрядчиковъ, употребляемые въ половинѣ прошлаго столѣтія, Сообщ. академ. К. С. Веселовскій	564
XXXI. Письмо графа Н. П. Румянцева С. Ф. Стрекалову отъ 26-го февраля 1794 г. и собственноручное письмо графа П. Завадовскаго графу А. К. Разумовскому отъ 20-го августа 1808 г. Сообщ. академ. А. Ѳ. Вычковъ	584
XXXII. Изъ бумагъ А. В. Никитенко. (Письма къ нему графа Хвостова, И. С. Тургенева, Н. В. Гоголя, граф. Ростопчиной, Ив. Лажечникова и Крамскаго).	585—597
XXXIII. Высочайшій указъ псковскаго намѣстничества правителю Пилу. О принятіи мѣръ противъ медленнаго рѣшенія дѣлъ	598
XXXIV. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ. (Биографическій очеркъ). В. Ш.	599—616
XXXV. Письма Н. М. Языкова къ Н. В. Гоголю. Сообщ. В. Шенрокъ	617—647
XXXVI. Собственноручное письмо П. Лопухина князю Платону Zubову отъ 16-го октября 1798 г., и секретное письмо князя Кутузова графу И. И. Маркову отъ 18-го іюля 1812 г. Сообщ. академ. А. Ѳ. Вычковъ	648
XXXVII. Историко-критическія замѣтки. (По поводу Смутаго времени и брака съ Софьею Палеологъ). Д. Иловайскаго	649—651
XXXVIII. Сенаторъ—не частный человекъ. (Предписаніе министра юстиціи князя Лобанова-Ростовскаго ярославскому губ. прокурору отъ 12-го сентября 1812 г.), и о наблюденіи за формой одежды статскихъ чиновниковъ (ордеръ генераль-прокурора Обольянинова ярославскому губ. прокурору отъ 28-го февраля 1800 года	652
XXXIX. Архивъ графа П. Д. Киселева. Собственноручныя письма П. А. Вяземскаго—графу П. Д. Киселеву	677—686
XL. Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій (къ портрету)	687—692

*

Исторія русской литературы.

Павель Александрович Гвоздевъ и его стихотворенія . . . 131—134

Библиографическіе указатели.

Библиографическій указатель книгъ и статей по русской исторіи, вышедшихъ въ 1896 году 237—240 и 693—703

Библиографическій листокъ.

1. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Томъ девяносто пятый. Спб. 1895 г. Издавъ подъ редакціей Г. Ѳ. Карпова и Г. Ѳ. Штендмана. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ октябрьской книги).
 2. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“. Томъ девяносто седьмой. Спб. 1896 г. XXI+543. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ ноябрьской книги).
 3. Сочиненія В. Д. Спасовича. Томъ VIII. Спб. 1896 г., 474 стр. Цѣна 2 р. Н. И. Кашкадамова (на оберткѣ декабрьской книги).
 4. Достопримѣчательныя села Тульской губерніи. Выпускъ II. Село Гремячее, бывшій городъ-крѣпость государства Московскаго. Историческій очеркъ А. И. Миловинова. Тула. 1895 г., 82 стр. Цѣна 35 к. Н. И. Кашкадамова (тамъ же).
-

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ 85, 86, 87 и 88 томахъ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1896 года.

А.

Аблесимовъ, Александ. Онисимов., писат., род. 1742 г., † 1783 г., т. LXXXVIII, нояб., 304.

Аввакумъ, честный, членъ мисси въ Пекинъ 1834 г., т. LXXXV, мартъ, 594, 595.

Авдѣевъ, Яковъ Андреевъ, 1778 г., т. LXXXVIII, нояб., 450, 451.

Аверкиъ, Пав. Ив., Волынк. губерн. 1829 г., писат., род. 1775 г., † 1849 г., т. LXXXVI, апр., 172, 174.

Авжиновъ, лейтен. 1847 г., т. LXXXVI, июнь, 665, 667.

Аделунгъ, препод. имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 452.

Адлербергъ, гр., Влад. Фед., ген.-ад., имп. двора, род. 1790 г., † 1884 г., т. LXXXVI, апр., 172—176, июнь, 475, 612, 620—629, т. LXXXVII, авг., 238, т. LXXXVIII, окт., 8, 25, 79.

Адлербергъ, гр.—ня, Марія см. Нелдова.

Адлербергъ, Юлія Фед., въ зам. Бараква, гувернантка имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 450, 628.

Айвазовскій, Ив. Конст., худож.-маринистъ, т. LXXXV, мартъ, 663, т. LXXXVI, июнь, 662, 664, 667.

Акимова, артистка московск. театр. 1885 г., т. LXXXVII, июль, 218.

Аксаковъ, Ив. Серг., род. 1823 г., † 1886 г., т. LXXXVII, июль, 36, т. LXXXVIII, декаб., 630, 639—643.

Аксаковъ, Конст. Серг., писат. род. 1817 г., † 1860 г., т. LXXXVIII, декаб., 630—643.

Аксаковъ, Н. С., 1878 г., т. LXXXV, февр., 305, 308.

Аксаковъ, Серг. Тимоѣев., писат. род. 1791 г., † 1859 г., т. LXXXVI, апр., 40, т. LXXXVIII, декаб., 624, 636—646.

Акутинъ, подполковн., 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 529.

Алабинъ, П. В., Софійск. губернат. 1878 г., т. LXXXVI, май, 262, т. LXXXVII, июль, 63.

Александра Николаевна, вел. княг., въ супруж. принцесса Гессенъ-Кассельская, род. 1825 г., † 1844 г., т. LXXXVI, июнь, 474, 621—655.

Александра Павловна, вел. княг. въ зам. Палатина Венгерская, р. 1783 г., † 1801 г., т. LXXXV, февр., 343—365, мартъ, 567—584, т. LXXXVI, апр., 79—96, май, 369—390, июнь, 449, т. LXXXVII, июль, 153—162, авг., 349—366, сент., 627—645, т. LXXXVIII, окт., 193—207.

Александра Ѳеодоровна, императр., р. 1798 г., † 1860 г., т. LXXXV, мартъ 674, т. LXXXVI, апр., 177, май, 326, 328, 410, июнь, 454—626, т. LXXXVII, июль, 7—26, 83, авг., 255, 256, т. LXXXVIII, окт., 5—96, декаб., 639.

Александръ I, императ., т. LXXXV, янв. 41, 167, февр., 226—347, мартъ, 483—547, 607, т. LXXXVI, апр.,

- 3—18, 153, 160, 179, 194, май, 291—346, 363, 364, 410, 421, 422, июнь, 449, 454, 455, 467—474, 627, 646, т. LXXXVII, июль, 5, 6, 16, 18, 21, 127—152, 172—182, 199, авг., 257, 258, 274, 277, 278, 323—348, 405, 425—432, 448, сент., 578, 587—615, 621, 636, 646, т. LXXXVIII, окт., 14, 16, 26—104, 139—169, 203, нояб., 281, 284—289, 371, 379, 422, 433, 451—462, 472—480, декаб., 482—518.
- Александръ II**, императоръ, род., 1818 г., † 1881 г., т. LXXXV, мартъ, 465—470, т. LXXXVI, апр., 213, 215, май, 255—266, 280, 355—362, 410, 420, июнь, 508, 521—526, 543—545, 583—596, 611—631, т. LXXXVII, июль, 10—18, 36, 42, 47—79, 88—91, 212, авг., 240—253, т. LXXXVIII, окт., 39, 41, 43, 94, 109, 183, нояб., 280, декаб., 525—540, 608.
- Александръ III**, импер., т. LXXXVI, май, 229, 232, т. LXXXVIII, окт., 171, декаб., 531, 532, 596.
- Александръ**, герцог. Виртембергскій, генер. 1812 г., т. LXXXVII, сент., 606, 608.
- Александръ**, Невскій, вел. князь, т. LXXXVII, июль, 118—121.
- Алексѣй Михайловичъ**, царь, род., 1629 г., † 1676 г., т. LXXXVII, июль, 105, 106, 108.
- Алексѣй Петровичъ**, царевичъ, род., 1690 г., † 1718 г., томъ LXXXVI, апр., 28.
- Алопеусъ**, послан. въ Берлинъ, 1807 г., т. LXXXVIII, декаб., 497.
- Альбедилъ**, бар., Петръ Семеновичъ, об.-гофмейст., род. 1770 г., † 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 498, т. LXXXVIII, окт., 13.
- Альфонсій**, Аркадій Алексѣев., рект. Московск. универс. род. 1796 г., † 1868 г., т. LXXXV, янв., 197.
- Амвросій**, (Алексѣй Ив. Моревъ) еписк. нижегород. 1833 г., р. 1783 г., † 1854 г., т. LXXXVI, апр., 102.
- Амвросій**, іеромон. настоят. Городецк. Фодоровскаго монастыря, 1833 г., т. LXXXVI, апр., 99, 100, 101, 105.
- Амновъ**, бар., ген.-м. 1809 г., томъ LXXXVII, июль, 135—149, авг., 323, 324, 327.
- Андреевъ**, капит., адъют. главнокомандующаго 1877 г., т. LXXXVI, май 236, 241, 258.
- Андріановъ**, генер.-м. 1820 г., томъ LXXXVI, май, 407, 408.
- Андрониковъ**, князь.—1825 г., томъ LXXXV, февр., 230—233.
- Анищенко**, капит. 1878 г., т. LXXXV, февр., 296.
- Анко**, Никол. Богданов., деканъ медин.
- факульт. москов. унив., т. LXXXV, янв., 196, 197.
- Анна Павловна**, вел. княг., въ супр. королева Нидерландская, р. 1795 г., † 1865 г., т. LXXXVIII, окт., 44.
- Анненковъ**, Мих. Никол., генер. т. LXXXV, мартъ, 459.
- Анновъ**, Пав. Васил., критикъ, писатель, р. 1813 г., † 1877 г., томъ LXXXVII, сентябрь, 561, 562, т. LXXXVIII, декаб., 600—606.
- Антоій**, митроп. сиб. и новгород. съ 1843 по 1848 г., т. LXXXVII, сент., 557, 558, 567.
- Антоій** Платовскій, архим. Иркутскій 1720 г., т. LXXXV, февр., 321, 323, 327.
- Антоновичъ**, Ст., попечит. Бѣевск. учебн. окр., т. LXXXV, февр., 417.
- Антонъ-Ульрихъ**, герцогъ Брауншвейгскій, р. 1714 г., † 1774 г., т. LXXXV, янв., 137, 138.
- Анучинъ**, Дм. Гавр., ген. отъ инф., сообщ. князь В. А. Черкасскій и гражданское управленіе въ Болгаріи, 1877—1878 гг., т. LXXXV, янв., 55—78, февр. 285—313, мартъ, 449—470, т. LXXXVI, май, 225—226, т. LXXXVII, июль, 45—81, авг., 231—254.
- Апраксинъ**, адмир. 1792 г., томъ LXXXVII, июль, 111.
- Апраксинъ**, флиг.-ад. 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 79.
- Арабакинъ**, К. И., сообщ.: «А. И. Герцень», т. LXXXV, февр., 413—424.
- Арачевъ**, гр., Алексѣй Андреев., р. 1769 г., † 1834 г., т. LXXXV, янв., 226—233, февр., 261, мартъ, 480—504, т. LXXXVI, апр., 4—20, май, 291—346, 406—408, июнь, 558, т. LXXXVII, июль 22, 133, 177, 180, авг., 425—436, сент., 596, 601, т. LXXXVIII, окт., 36, 90, нояб., 254.
- Арбузовъ**, Алексѣй Фед., ген.-ад., ген. отъ инф. 1855 г., томъ LXXXVII, июль, 225.
- Арендтъ**, Никол. Фед., лейбъ-медикъ, † 1859 г., т. LXXXV, февр., 245, 432, 436, т. LXXXVI, июнь, 628, 645, 647, т. LXXXVIII, окт., 79, 87.
- Арекозъ**, интендантъ 1877 г., томъ LXXXV, янв., 61, 73, февр., 288.
- Арескичъ**, лейбъ-мед. Петра I, томъ LXXXVI, апр., 22.
- Армидій**, еписк. пермск., впослѣдст. архіеп. оловецк. 1819 г., т. LXXXV, мартъ, 607.
- Армфельдъ**, Александр. Юсиф., проф. р. 1806 г., т. LXXXV, янв., 192.
- Армфельдъ**, гр., Густавъ Морницъ, ген.-ад., ген. губ. финлянд. 1812 г., р. 1757 г., † 1814 г., т. LXXXVII.

- июль, 127—152, авг., 323—348, сент., 591—615, томъ LXXXVIII, окт., 139—157.
- Арцфельдъ**, Магвусъ, камергеръ, т. LXXXVII, сент., 610.
- Арцфельдъ**, графиня, т. LXXXVII, авг., 347.
- Арнольдъ**, ген. 1878 г., т. LXXXVI, май, 262.
- Арсеньева**, Елизавет. Алексѣев., рожд. Столпнина, бабка М. Ю. Лермонтова, т. LXXXVI, июнь, 645, 647, 648.
- Арсеньевъ**, полковн. 1802 г., воспит. вел. кн. Николая Павловича, томъ LXXXVI, июнь, 451.
- Архаровъ**, Никол. Петровичъ, спб. генер.-губернат. 1796 г., род. 1742 г., † 1814 г., томъ LXXXVII, сент., 541, 635.
- Асможенскій**, Викт. Ипат., писат., род. 1820 г., † 1879 г., т. LXXXVIII, окт., 192.
- Ахвердовъ**, ген.-м., преподават. вел. кн. Николая Павловича 1802 г., т. LXXXVI, июнь, 451, 452.
- В.**
- Вабинъ**, Петръ Ив., сообщ. письмо А. А. Кикина по поводу кончины М. Ю. Лермонтова, т. LXXXV, февр., 315.
- Вабстъ**, Ив. Кондратьев., проф. род. 1824 г. † 1881 г., т. LXXXV, янв., 204.
- Ваграновъ**, кн. Петръ Ив., ген. отъ инф., род. 1765 г., † 1812 г. томъ LXXXV, мартъ, 482, 483, 490, 502, т. LXXXVII, авг. 348, сент., 593, 599—605, т. LXXXVIII, окт., 102, 103, 233.
- Вагранскій**, Мих. Ив., докт., масонъ, † 1810 г., т. LXXXVIII, нояб., 326, 328.
- Вашановъ**, Васил. Борисов., протопр. † 1833 г. т. LXXXV, февр., 245, т. LXXXVI, июнь, 621—624.
- Вазель**, инженер.-генер. 1855 г., т. LXXXVIII, декаб., 578—587.
- Вазилевичъ**, Григ. Ив., докт., масонъ род. 1759 г., † 1802 г., т. LXXXVIII, нояб., 322.
- Вайронъ**, поэтъ, томъ LXXXVIII, окт., 135—138.
- Важмейстеръ**, инспект. академическ. гимназій 1776 г., томъ LXXXVII, сент., 462.
- Важукина**, Варвара Александр., см. Муравьева.
- Важукинъ**, Алекс. Мих., предводит. дворян. Тверской губер. 1807 г., т. LXXXIII, декаб., 599.
- Важукинъ**, Мих. Александр., р 1814 г., † 1876 г., т. LXXXV, февр., 418, г. LXXXVI, июнь, 458. т. LXXXVIII, декаб. 599—616.
- Важукинъ**, 1780 г., томъ LXXXVIII, нояб., 272.
- Валашовъ**, Алекс. Дмитр. мн-ръ полици. род. 1770 г., † 1837 г., томъ LXXXVI, апр., 5, 6, т. LXXXVII, авг., 339, 340.
- Валлей**, Ив., лейтен. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Важуляновскій**, Мих. Андреев., проф. р. 1769 г., † 1848 г., т. LXXXVI, июнь, 452, 453.
- Валацъ**, Ив. Георг. чиновн. Азиатск. деп. мин. ин. дѣлъ 1835 г., томъ LXXXVI, апр., 197.
- Вантышъ-Каменискій**, Дм. Николаев., писат., р. 1788 г., † 1850 г., томъ LXXXVI, май, 430, июнь, 569, 570.
- Важанова**, гофмейстерина 1829 г., т. LXXXVI, апр., 177.
- Варатинскій**, Евген. Абрам., поэтъ, † 1844 г., т. LXXXVIII, окт., 187.
- Варшай-де-Толли**, кн. Мих. Богдан., род. 1761 г., † 1818 г., томъ LXXXV, мартъ, 482—493, 502, 504, томъ LXXXVI, апр., 7—13, июнь, 563, т. LXXXVII, сент., 593—606, томъ LXXXVIII, окт., 102—105, декаб., 484.
- Вартеневъ**, Ю. Н. томъ LXXXVII, сент., 662.
- Вартеневъ**, чиновн. мн-ва ин. дѣлъ 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 602.
- Варляновскій**, Алексѣй Фед., композ. т. LXXXVIII, декаб., 587.
- Варшевъ**, Серг. Ив., профес. уголов. права, т. LXXXV, янв., 197.
- Варятинскій**, кн. Александр. Иван. фельдмарш., т. LXXXVIII, декаб., 566, 581.
- Варятинскій**, кн., об.-гофмарш. 1796 г., томъ LXXXVII, сент., 636, томъ LXXXVIII, нояб., 374.
- Васовъ**, Васил. Александр., профес. хирургъ, 1846 г., томъ LXXXV, янв., 199.
- Ватенковъ**, Гавриилъ Степ. декабр. † 1867 г., т. LXXXVI, июнь, 459.
- Вадуринъ**, капит., послѣдоват. секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Ватюшковъ**, Конст. Никол., писат. род. 1787 г., † 1855 г., т. LXXXV, янв., 82, 84, т. LXXXVII, июль, 84, сент., 574.
- Важельевъ**, помѣщикъ Симбирск. 1850 г., т. LXXXVIII, дек., 609, 613.
- Важневъ**, полковн. 1855 г., томъ LXXXVII, июль, 203.
- Вашилловъ**, Александр. Александр. сенат., 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 578.

- Вашутский.** Пав. Яковл., спб. коменд. 1825 г., ген.-ад., т. LXXXVI, май, 311, 312.
- Вебутовъ,** кн. Вас. Осип., ген. отъ инф., † 1858 г., т. LXXXVI, июнь, 610, т. LXXXVIII, окт., 226.
- Везбородко,** кн. Александр. Андреев., канд. род., 1747 г., † 1799 г., томъ LXXXV, янв., 151, 154, февр., 349, 377, 378, мартъ, 573, т. LXXXVII, июль, 28, сент., 634, 637, 641, 643, т. LXXXVIII, окт., 197, 198, нояб., 267, 272, 343, 358, 445, 467, декаб., 691.
- Везродный,** 1813 г., томъ LXXXVI, апр., 5, 6.
- фонъ-Вейеръ,** Николай, майоръ «Голштинскаго отряда» 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 465.
- Везельманъ,** Карлъ Фридрихъ, капит. «Голштинскаго отряда» 1763 г., т., LXXXVIII, нояб., 465.
- Векловичъ-Черкасскій,** кн. Александр., капитанъ гвардіи Преображ. полка, соверш. походъ въ Хиву 1716 г., т. LXXXVI, май, 423.
- Вектвель,** чиновн. 1827 г., т. LXXXV, янв., 11.
- Бемъ,** ген. 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 669.
- Бенедиктовъ,** Влад. Григ. писатель, р. 1807 г., † 1873 г., т. LXXXVII, сент., 662.
- Бенкендорфъ,** гр. Александр. Христоф., ген.-ад., шефъ жанд., род. 1783 г., † 1844 г., т. LXXXV, янв., 11—16, 32, 41—50, февр., 234—242, 431—436, мартъ, 610, т. LXXXVI, апр., 172, май, 314, июнь, 463, 471—510, 557—566, 602, т. LXXXVII, июль, 3—20, т. LXXXVIII, окт., 60—96.
- Бенкендорфъ,** Конст. Христофор., ген.-ад., род. 1785 г., † 1829 г., т. LXXXVI, июнь, 476.
- Бенкендорфъ,** Христофоръ, генер.-аншефъ, т. LXXXVI, июнь, 471.
- Беннигсенъ,** гр. Леонцій, Леонтіев. генер. род. 1745 г., † 1826 г., томъ LXXXV, мартъ, 478, 503, 504, томъ LXXXVI, май, 296, т. LXXXVII, сент., 594—608, т. LXXXVIII, окт., 102—104, 119, декаб., 481—518.
- фонъ-Вергъ,** полковн. «Голштинскаго отряда» 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 465.
- Верещковъ,** М. Н. профес. 1890 г., т. LXXXVIII, декаб., 649—651.
- Верингъ,** московск. об.-полиціймейст. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 225.
- Веротель,** подполковн. 1825 г., дек., т. LXXXVI, июнь, 460.
- Вестужевъ,** (Марлинскій), Александр. Александров., писат., декабристъ, р. 1797 г., † 1837 г., г. LXXXVI, июнь, 461.
- Вестужевъ-Рюминъ,** гр., Алексѣй Петров., каб.-министръ, потомъ гос. канцл., род., 1693 г. † 1766 г., томъ LXXXV, янв., 127, 131.
- Вестужевъ-Рюминъ,** Конст. Никол., проф., т. LXXXVII, сент., 617, 618.
- Вехтвель,** помѣщ. 1820 г., т. LXXXV, янв., 142—144.
- Велпій,** Ив. Ив. д. т. сов., р. 1704 г., † 1795 г., т. LXXXVIII, нояб., 247, 381—420, 432, декаб., 623.
- Вибиковъ,** Александр. Ильячъ, ген.-аншефъ, р. 1729 г., † 1774 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Вибиковъ,** Дм. Гавр., Киевск., ген.-губернат., вполсѣд. мин. вн. дѣлъ, р. 1792 г., † 1870 г., т. LXXXVI, май, 357, 358, т. LXXXVIII, декаб., 684.
- Вибиковъ,** камеръ-юнк. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Вижневъ,** об.-секрет. комиссаріат. коллег. 1880 г., т. LXXXV, мартъ, 477, 479, 484, 504, томъ LXXXVI, май, 300.
- Визяковъ,** Ѳ. Г. полковн. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 524, 527, 528, 529.
- Вильбасовъ,** Вас. Алексѣев., профес., сообщ.: «Автобіографическая записка государственнаго секретаря Василія Романовича Марченки», т. LXXXV, мартъ, 471—505, томъ LXXXVI, апр., 3—20, май, 291—317, «Сперанскій и два Никитина», т. LXXXVII, авг., 445—447. «Памяти императрицы Екатерины II, 1786—1896 г.» нояб., 241—280, «Походы Екатерины II по Волгѣ и Днѣпру 1767 и 1787 гг.», 423—445. «Собственноноручный рескриптъ императрицы Екатерины II князю Н. Ю. Трубецкому 1762 г.», 447. «Сенатскій указъ, составленный императрицею Екатериною II 1765 г.», 448—449, «Къ исторіи законодательной комиссіи 1767 г.» 449, 450, «Собственноноручное письмо Екатерины II, графу В. П. Мусяну-Пушкину», 461, «Ея же рескриптъ гр. Н. И. Салтыкову», 462, «Эпитафія, сочиненная Георгіемъ Конисскимъ предъ кончиною», 462, «Послѣдніе Голштинцы 1763 г.», 463—466.
- Вистромъ,** бар., Карлъ Ив., ген. отъ инф., р. 1770 г., † 1838 г., т. LXXXVI, июнь 501.
- Вистромъ,** бар., Никол. Романов., т. LXXXVII, сент., 567.
- Вларамбергъ,** Ив. Павлов., изслѣд. древностей Новорос. края, р. 1772 г., † 1831 г., т. LXXXV, янв., 186

- февр., 441—445, мартъ, 670, томъ LXXXVI, июнь, 537.
- Влотницкій**, Ипполитъ, офиц. польск. войскъ, 1830 г., т. LXXXVIII декаб., 656.
- Влудовъ**, гр. Дм. Никол., ст.-секр., предсѣд. Госуд. Сов., род. 1785 г., † 1864 г., томъ LXXXVI, май, 302, 303, 314, июнь, 555, 557, т. LXXXVII, июль, 84, 85, сентябрь, 577, т. LXXXVIII, декаб., 683.
- Влюхеръ**, генер. 1812 г., т. LXXXVI, апр., 12, т. LXXXVIII, 494.
- Воборыкинъ**, т. LXXXVIII, декаб., 618, 621.
- Вобриковъ**, Г. И. полковн. 1878 г. т. LXXXVII, июль, 52.
- Вобриновскій**, гр., Алексѣй Григорьев., р. 1762 г., † 1813 г., т. LXXXVIII, нояб., 393—420.
- Вобровъ**, Андр. Петров., экономъ 1-го кадет. корп., томъ LXXXV, мартъ, 506—510.
- Вобровъ**, Сем. Серг., писат., † 1810 г., т. LXXXVI, апр., 190.
- Вогановскій**, переводч. Академ. наукъ 1780 г., LXXXVII, сент. 488.
- Вогатый**, И. И. староста Городеца. Федоровскаго монаст. † 1841 г., т. LXXXVI, апр., 107.
- Вогдановичъ**, Ипполитъ Фед., писат., род. 1743 г., † 1803 г., т. LXXXVII, сент., 473—476.
- Вогдановичъ**, Модестъ Ив., генер.-лейт., воен. историкъ, † 1882 г. т. LXXXVIII, окт., 118, 120.
- Вогшичъ**, профес. Новорос унив. 1878 г., т. LXXXVII, июль, 66.
- Воголюбовъ**, А. А. полковн. генер. штаба 1878 г., т. LXXXVII, авг., 249, 250.
- Воголюбовъ**, Алексѣй Петров., профес. живопис. маринистъ, р. 1824 г., † 1896 г., т. LXXXVIII, декаб., 597.
- Вогушевскій**, Никол., сообщ.: «Назначеніе псковскаго станціоннаго смотрителя. Посланіе въ стихахъ гр. Сологуба къ гр. И. М. Толстому и отвѣтъ на него», томъ LXXXV, янв., 139—141.
- Водановскій**, Осипъ Максимов., проф. московск. унив., р. 1808 г., † 1877 г., т. LXXXV, янв., 201, т. LXXXVIII, окт., 184, 185, декаб., 631.
- Воргартъ**, Никол. Ив., профес., 1835 г., ч. LXXXVI, июнь, 649, 650, 651, 652.
- Ворисовъ**, декабр., томъ LXXXVI, июнь, 460.
- Ворисполецъ**, художн., т. LXXXVI, июнь, 665.
- Ворисъ-Годуновъ**, царь, р. 1552 г., † 1605 г., томъ LXXXVII, июль, 115, 117.
- Воровиновскій**, Влад. Лукичъ, худ., † 1825 г., т. LXXXV, февр., 229, 230, 231, 232, 234.
- Вородинъ**, Никол. Мих., 1817 г., т. LXXXVI, июнь, 516.
- Вотвинъ**, В. П., писат., т. LXXXIII, декаб., 600, 602.
- Враиловскій**, судья, 1863 г., т. т. LXXXVIII, декаб., 545.
- Враницкая**, гр.-ня, Александра Вас., рожд. Энгельгардъ, статсъ-дама Екатерины II, р. 1754 г., † 1838 г., т. LXXXVIII, окт., 71, нояб., 376, 444.
- Врашманъ**, Никол. Дм., профес., т. LXXXV, янв., 197.
- де-Вретейль**, франц. послан. въ Свѣ. 1763 г., т. LXXXV, янв., 127—131, февр., 397.
- фонъ-дербъ-Вригемъ**, декабр., томъ LXXXVI, июнь, 460.
- фонъ-Вринъ**, Францъ Абрамов., сен., т. LXXXV, мартъ, 487.
- Врискорнъ**, ген. 1812 г., т. LXXXVII, авг., 424.
- Врогъ**, ген.-м. 1878 г., т. LXXXV, февр., 296.
- Вромъ**, Федоръ Петров., минист. финансов., 1853—1856 г., т. LXXXVIII, декаб., 684.
- Бронниковъ**, Алексѣй Александр., т. LXXXVI, июнь, 547.
- Бруни**, Фед. Антонов., профес. ист. живописи, р. 1800 г., † 1875 г., т. LXXXVI, июнь, 653, 660.
- Бршловъ**, Карлъ Павл., художникъ. р. 1799 г., † 1852 г., т. LXXXVI, июль, 648—664.
- Брэммеръ**, генер. 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 80.
- Брюсъ**, гр., Яковъ Вильям., генер.-фельдцейхмейст., р. 1670 г., † 1735 г., т. LXXXVIII, нояб., 258, 263.
- Будбергъ**, Андрей Яковлев., генер., послан. въ Швецію 1794 г., р. 1760 г., † 1812 г., т. LXXXV, февр., 447, мартъ, 580, 581, т. LXXXVI, апр., 80—96, май, 369—390, т. LXXXVII, июль, 154—162, авг., 349—366, сент., 627, 628, 633, 635, 641, т. LXXXVIII, окт., 204.
- Будбергъ**, бар., Богданъ Васильев., дипломатъ, вполн. Эстляндск. губер., р. 1766 г., † 1833 г., т. LXXXVI, апр., 80—96, т. LXXXVII, июль, 154—162, сент., 627, 634, 635, томъ LXXXVIII, окт., 197, 198, 204.
- Будяновскій**, Мих. офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 217, 225, декаб., 654.
- Будневичъ**, капит. 1847 г., томъ LXXXVI, июнь, 664—667.
- Будонъ**, Александр. Павл., художникъ 1827 г., т. LXXXV, янв., 8—39.

- Вужингамъ**, лордъ, англ. посл. въ Спб. 1762 г., т. LXXXV, янв., 126—138, февр., 396, 397, 403.
- Вужогведенъ**, Петръ Филип., шт.-кап. 1537 г., послѣдов. секты Татаринской, т. LXXXV, февр., 239—260.
- Вужогведенъ**, гр. Оед. Оед., спб. воен. губ., ген. отъ инф., род. 1750 г., † 1811 г., т. LXXXV, мартъ, 489, т. LXXXVII, сент., 541, т. LXXXVIII, декаб., 497.
- Вужогведенъ**, гр. попечит. московск. учебн. окр. 1855 г., т. LXXXV, мартъ, 646.
- Вулгаринъ**, Оадей Венедикт., пис. род. 1789 г., † 1860 г., т. LXXXV, мартъ, 556. т. LXXXVI, июнь, 556, 564—570, т. LXXXVII, июль, 83.
- Вунге**, Никол. Христіанов., предсѣд. комит. мин-въ, р. 1823 г., † 1895 г., т. LXXXVI, апр., 214, 215.
- Вуслаевъ**, Оед. Ив., профес. моск. ун-въ. т. LXXXV, янв., 202, т. LXXXVIII, декаб., 524.
- Вутаковъ**, кап.-лейт. 1850 г., томъ LXXXV, мартъ, 657.
- Вутенева**, Марія Иринея, рожден. гр-ня Хрептовичъ, т. LXXXVIII, окт., 233.
- Вутеневъ**, Аноливарій Петров, дипломатъ, чл. Госуд. Сов., р. 1787 г., † 1866 г., т. LXXXVII, авг., 414, 417, 421, г. LXXXVIII, окт., 233—236.
- Вутурлинъ**, Ив. Ив., правит. Малороссіи, р. 1661 г., † 1738 г., томъ LXXXVIII, нояб., 292, декаб., 687.
- Вутыгскій**, Никита Иванов., профес. † 1848 г., т. LXXXVII, сент., 584.
- Вухмейеръ**, Оед. Евстафьев., ген.-м. 1809 г., т. LXXXV, мартъ, 484, 491, т. LXXXVI, май, 319—346.
- Вушъ**, лейбъ-мед., т. LXXXVIII, декаб., 484.
- Вычювъ**, Аванас. Оед., акад., сообщ.: «Письмо кн. А. Н. Голицына М. М. Сперанскому», т. LXXXVII, сент., 616, «Собственноручное письмо С. С. Уварова — М. М. Сперанскому 1819 г.», т. LXXXVIII, окт., 158, «Письмо гр. Н. П. Румянцева С. Ф. Стрелалову 1794 г.», т. LXXXVIII, декаб., 584, «Собственноручное письмо гр. П. Завадовскаго гр. А. К. Разумовскому» 1808 г., 584. «Собственноручное письмо П. Лопухина кн. Платону Zubову» 1798 г., 648. «Секретное письмо кн. Кутузова гр. И. И. Маркову», 648.
- Вычювъ**, О. А., т. LXXXV, янв., 177.
- Вѣлинскій**, Виссар. Григ., писатель, род. 1810 г., † 1848 г., т. LXXXV, февр., 385, 413, 418, мартъ, 563, т. LXXXVI, апр., 41, т. LXXXVII, июль, 217, 218, томъ LXXXVIII, декаб., 600—602, 645.
- Вѣлосельская-Вѣлвоверская**, кн-ня, 1817 г., т. LXXXVI, май, 295.
- Вѣлоцервовецъ**, над. сов. Тульчинск. ген.-губ. 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 62.
- Вѣлаевъ**. Ив. Дм., проф. т. LXXXV, янв., 200.

В.

- Вадковский**, Оед. Оед., команд. л.-гв. Павловск. п. 1797 г., т. LXXXVII сент., 541.
- Ваксель**, сообщ.: «Псаломъ Павла Сумарокова», т. LXXXV, февр., 265, 266.
- Вакуловскій**, Н. Н., сообщ.: «Карлъ Андреевичъ Мейеръ», т. LXXXV, мартъ, 678.
- Валевскій**, Иосифъ, помѣщ. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 181, май, 397.
- Валевскій**, Тадеушъ, офиц. польск. войск., 1830 г., т. LXXXVI, апр., 169, 171, май, 391—398, г. LXXXVII, авг., 368—376.
- Валуевъ**, камергеръ 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445, 479.
- Валуевъ**, инж.-полковн. 1824 г., т. LXXXV, февр., 239.
- Варамоискій**, А., сообщ.: «Смѣлый отвѣтъ русскаго офицера австрійскому главнокомандующему въ 1849 г.», томъ LXXXV, февр. 264, 265.
- Варвинскій**, Иос. Вас., профес., медикъ, род. 1811 г., † 1878 г., томъ LXXXV, янв., 199.
- Варнежъ**, Никол. Александр., профес. анатом. и физиол. 1855 г., т. LXXXV, янв., 194, 195.
- Васильева**, артистка московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 218.
- Васильевъ**, гр. Алексѣй Ив., госуд. казначей. 1798 г., внос. мнѣ. финанс., р. 1742 г., † 1807 г., томъ LXXXV, февр., 380, мартъ, 477.
- Васильевъ**, Серг. Васильев., арт. моск. театровъ р. 1827 г., † 1862 г., томъ LXXXVI, май, 359, 360, томъ LXXXVII, июль, 212—218.
- Васильчиковъ**, Александр. Семенов., камерг. Екатерины II, т. LXXXVI, апр., 119, 137.
- Васильчиковъ**, кн. Илар. Васильев., предсѣд. Госуд. Сов., род. 1777 г., † 1847 г., т. LXXXVI, май, 304—307, 313, июнь, 476, 490, 628, томъ LXXXVIII, окт., 119.

- Васильчиковъ, П. А.**, 1854 г., томъ LXXXVI, май, 352, 353, томъ LXXXVII, авг., 245, 254.
- Васильчиковъ, гр.**, команд. гвард. корп. 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 88.
- Васильчиковъ, кн.**, офиц. 1841 г., т. LXXXV, февр., 315.
- Ведешейеръ, чиновн.** мин-ва иностр. дѣлъ 1812 г., т. LXXXV, мартъ, 503.
- Вейсентофъ, генер.** польск. войскъ т. LXXXV, янв., 175, т. LXXXVIII, окт., 215, декаб., 670.
- Вельяминовъ, Алексѣй Александр.**, генер. 1839 г., т. LXXXVIII, окт., 112, декаб., 566.
- Вельяминовъ-Зерновъ, Влад. Владим.**, академикъ, т. LXXXVI, июнь, 537, 547.
- Веняминъ Морачевичъ, нач. русск.** мисси въ Пекинъ 1832 г. т. LXXXV, февр., 335—341, мартъ, 592—596.
- де-Веракъ, франц. послан.** въ Сиб. 1779 г., т. LXXXVI, апр., 151, 152.
- Веригинъ, Петръ, послѣд. секты ду-** хоборцевъ, т. LXXXVII, авг., 288—293, сент., 493—526.
- Вернадскій, Ив. Вас.**, профес. моск. унив., род. 1821 г., † 1884 г., т. LXXXV, янв., 202, 204.
- Верстовскій, Алексѣй Никол.**, композит., р. 1799 г., † 1866 г., томъ LXXXVIII, июль, 209.
- Веселого, Θεодосій Θεод.**, чл. совѣта главн. управл. по дѣламъ печати, † 1895 г., т. LXXXV, мартъ, 639—654, т. LXXXVII, июль, 100, 209, 211.
- Веселовскій, Конст. Степ.**, акад., сообщ.: «Борьба академиковъ съ директоромъ С. Г. Домашневымъ», 1775—1782 г.г., т. LXXXVII, сент., 457—492, «Запрещеніе историографу Миллеру занимать генеалогіею 1748 г.», 626, «Страницка изъ академической жизни 1750 г.», томъ LXXXVIII, окт., 170.
- Вигель, Филиппъ Филип.**, управл. деп. духовн. дѣлъ иностр. исповѣд., род. 1786 г., † 1856 г., т. LXXXV, мартъ, 611—617, т. LXXXVI, апр., 81.
- Визъ, шт.-кап.** 1830 г., т. LXXXV, янв., 112, 113.
- Видламовъ, Григ.**, управл. учрежд. им-цы Маріи 1837 г., т. LXXXV, февр. 248.
- Видліе, баронетъ, Яковъ Васильев.** лейбъ-медикъ, † 1854 г., т. LXXXVI, апр., 4, 18, т. LXXXVIII, окт., 25, декаб., 484.
- Видлерметъ, гувернантка импер-цы Александры Θεодоровны**, 1815 г., т. LXXXVIII, окт., 17, 21.
- Виндгеймъ, профес.** 1750 г., томъ LXXXVIII, окт., 170.
- Винтуловъ, Александр. Дм.**, директ. Михайлов. Воронеж. корп. 1847 г., т. LXXXV, февр., 369—376.
- Виндиггероде, бар.**, Фердин. Θεод., генер., р. 1770 г., † 1818 г., томъ LXXXV, мартъ, 503, т. LXXXVIII, окт., 104.
- Виртембергскій, кн.**, Адамъ, генер. 1829 г., т. LXXXV, янв., 170, 175, т. LXXXVIII, декаб., 654, 661, 662, 669.
- Витбергъ, Александр. Лавр.** художн., архитект., т. LXXXV, февр., 418.
- Витгенштейнъ, свѣтл. кн.**, Людовикъ-Петръ, фельдмарш., род. 1769 г., † 1843 г., т. LXXXVI, апр., 4, 8, июнь, 475, 489, т. LXXXVII, июль, 4, т. LXXXVIII, декаб., 485.
- Витгенштейнъ, кн.** Петръ, ген.-ад. 1878 г., т. LXXXV, февр., 299.
- Витихъ, ротмистръ** «Голштинскаго отряда» 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 465.
- Витъ, генер.**, началн. воен. поселеній на Украинѣ 1828 г., томъ LXXXVI, апр., 166, 167, 172, 173, май, 336, 337, июнь, 476, т. LXXXVIII, окт. 71, декаб., 575.
- Визьгоровскій, Юсиф. Мих.**, воен. мин. Ц. Польск. 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 164.
- Визьгорскій, Юрій Мих.**, камергеръ 1796 г., сенат. 1800 г., † 1807 г., т. LXXXVII, сент., 635.
- Владимировъ, шт.-кап.**, нач. Плевненск. окр. 1877 г., вполн. управл. Гатчинск. дворцомъ, т. LXXXV, мартъ, 451—454, томъ LXXXVI, май, 237.
- Владимиръ Александровичъ, вел. князь**, т. LXXXVI, май, 235.
- Владиславовичъ-Рагузинскій, гр.**, Савва, послан. въ Китаѣ 1725 г., т. LXXXV, февр., 322, 323
- Власовъ, М. Г.**, наказн. атаманъ войска Донскаго 1837 г., т. LXXXV, февр., 369.
- Воейковъ, Александр. Θεод.**, проф., писатель, род. 1773 г., † 1839 г., т. LXXXVI, июль, 555, 556.
- Воейковъ, В. П.**, коннозаводч., 1850 г., т. LXXXVI, май, 360, 361.
- Воейковъ, Мих.**, мичманъ 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Воейковъ, генер.** 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 466.
- Воежскій, К. А.**, сообщ.: «Матеріалы, относящіяся къ пребыванію въ Митавѣ франц. королевскаго семейства въ 1798 г.», т. LXXXV, февр., 377—380. «Изъ воспоминаній о послѣднемъ офицерѣ арміи Наполеона I», т. LXXXVI, апр., 109—114.
- Воежесекскій, Н. И.**, членъ русск.

- миссiн въ Пекинѣ 1827 г., томъ LXXXV, мартъ, 590.
- Войцеховскій, Н. В.**, инспект. Ви-тебск. духовн. семина. 1885 г., т. LXXXV, мартъ, 537.
- Войцеховскій, Осипъ Павлов.**, докт. при русск. миссiн въ Пекинѣ 1831 г., вполс. профес. Казанск. унив., т. LXXXV, февр., 335, мартъ, 598 - 608, т. LXXXVII, авг., 375.
- Волковъ, Александръ Александров.**, генер. жапд. корпуса 1830 г., т. LXXXVI, июнь, 561—564.
- Волковъ, Дм. Васильев.**, тайн. секретаря совѣта при Петрѣ III, вносл. Оренб. губернат. † 1785 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Волковъ, Лука Никиторов.**, ст. сов., 1750 г., т. LXXXVI, апр. 183.
- Волковъ, Петръ Лукичъ,** ген.-м., т. LXXXVI, апр., 183.
- Волжовъ, ген.-лейт.,** нач. 2-го окр. корп. жапд. 1829 г., т. LXXXV, янв., 16, 17.
- Волжонская, княг.** Марiя Никол., рожд. Раевская, супруга декабриста, т. LXXXVI, июнь, 464.
- Волжонская, княгиня** 1817 г., томъ LXXXVIII, окт., 13.
- Волжонскій, кн., Г. С.** Оренб. воен. губернат., т. LXXXVI май, 411, 412
- Волжонскій, кн., Дм. Петров.**, ген.-лейт., питенд. гофмейст. † 1853 г., т. LXXXV, мартъ, 477.
- Волжонскій, кн., Петр. Мих.**, мяр-ь двора, фельдмарш., род. 1776 года, † 1852 г., т. LXXXV, мартъ, 499, 500, т. LXXXVI, апр., 10—18, май, 294, 297, 408, июнь, 496, 628, 629, т. LXXXVIII, окт., 86, нояб., 304.
- Вольфъ, Н.**, 1838 г., т. LXXXVIII, декаб., 582, 583.
- Вольховскій,** 1835 г., т. LXXXVIII, декаб., 567.
- Вонсовичъ, генеральша,** рожд. Тышкеничъ, т. LXXXV, февр., 383, 384, 387, 390.
- Воробьевъ, Г. А.,** сообщ.: «Лазарь Карно въ Варшавѣ въ 1816 г.», т. LXXXVIII, окт., 159—169.
- Воробьевъ, художн.** 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 661.
- Воропцовъ, гр., Александръ Романов.** госуд. канцл., р. 1741 г., † 1805 г., т. LXXXVII, июль, 28, сент., 490, т. LXXXVIII, нояб., 267.
- Воропцовъ, кн., Андрей Семенов.** 1543 г., т. LXXXVII, июль, 123.
- Воропцовъ, кн., Мих. Сем.,** ген.-ад., Новорос. ген.-губ., намѣстн. кавказ., род. 1781 г., † 1856 г., т. LXXXV, янв., 186—188, февр., 434, 441—444, мартъ, 663—673, т. LXXXVI, апр., 195, 198, 199, июнь, 496, т. LXXXVII, авг., 406—422, сент., 670, томъ LXXXVIII, окт., 73, декаб., 578.
- Воропцовъ, гр., Семенъ Роман.**, по-солъ въ Лондонѣ, р. 1744 г., † 1832 г., т. LXXXVI, май, 369, т. LXXXVIII, нояб., 257, 267.
- Воропцовъ, гр., начальн. Варнскаго отряда** 1828 г. т. LXXXVI, июнь, 473, 494, 503—507.
- Ворпцель, гр., Станиславъ,** повстан. 1830 г., т. LXXXVII, сент., 647, 648, 650.
- Востоковъ, Александръ Христофор.,** акад., род. 1781 г., † 1868 г., т. LXXXVIII, окт., 187.
- Востоковъ, артистъ** москов. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 212, 213.
- Врангель, бар., полковн.** 1838 г., т. LXXXVIII, декаб., 576.
- Враховая, баронесса, Евпраксiя Никол.,** рожд. Вульфъ, т. LXXXVII, сент., 562.
- Вревскій, бар., И. А.,** † 1857 г., т. LXXXVIII, декаб., 582.
- Вреде, баронесса,** 1704 года, томъ LXXXVIII, нояб. 382.
- І севододскій, Серг. Алексѣевичъ,** 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Вульфъ, Алексѣй Николаев.,** офиц., † 1883 г., т. LXXXVII, сент., 562, 563, 564.
- Вульфъ, Анна Никол.,** т. LXXXVII, сент., 562.
- Вульфъ, Прасковья Александр.,** рожд. Вындомская, по втор. браку Осипова, т. LXXXVII, сент. 562.
- Выговскій, Антоновъ,** офиц. польскихъ войскъ 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 209.
- Высоцкій, Петръ,** офиц. польскихъ войскъ 1830 г., томъ LXXXVII, авг., 371.
- Вяземскій, кн., Александръ Алексѣев.,** ген.-прокур. 1781 г., р. 1727 года, † 1793 г., т. LXXXVII, сент., 465, 472, 490, т. LXXXVIII, нояб., 257—265, 448, 449
- Вяземскій, кн., Петръ Андреев.,** товар. ми-ра народа, проsv., писат., род. 1792 г., † 1878 г., т. LXXXV, янв., 79—104, мартъ, 557, 662, томъ LXXXVII, июль, 84, 85, 89, 90, авг., 417, сент., 562, 563, т. LXXXVIII, декаб., 624, 625, 635, 642, 643, 677—686.
- Вязмитиновъ, гр., Серг. Кузьмичъ,** воен. мпн. съ 1802—1808 гг., род. 1748 г., † 1819 г., томъ LXXXV, мартъ, 472—486, томъ LXXXVI, май, 411.

Г.

- Гаагъ**, гр.-ня, рожд. Таунценъ, 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 17.
- Гавриилъ**, (Петръ Петровъ) еписк. тверск. 1763 года, митроп. спб. и новгород. 1770 г., т. LXXXVIII, нояб., 424, 425, 429.
- Гавронскій**, подполковн. 1829 г., т. LXXXV, янв., 171.
- Гагаринъ**, кн., Григ., Григорьев., художн., вице-презид. акад. худож., т. LXXXVII, авг., 418.
- Гагаринъ**, кн., Григ. Ив., послан. въ Римъ и Мюнхенъ, † 1837 г., томъ LXXXVII, авг. 418.
- Гагаринъ**, кн., Евг. Григорьевичъ, 1837 г., т. LXXXVII, авг., 420, 421.
- Гагаринъ**, кн., Матвѣй Петров., сибирск. губернат. 1719 г., т. LXXXV, февр. 321.
- Гагаринъ**, кн., Серг. Васильев., д. тайн. сов. 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 262, 393, 394.
- Галемейстеръ**, тн. сов., директ. нац. мин. финанс. 1858 г., т. LXXXV, мартъ 561, 674.
- Галкинъ**, Л. М., 1824 г., т. LXXXV, янв., 225.
- Галенкампфъ**, полковн. 1877 г., т. LXXXV, янв., 59.
- Галаховъ**, Алексѣй Дм., писат.-педагогъ, род. 1807 г., т. LXXXV, февр., 270, 272.
- Галаховъ**, А. П., ген.-ад., спб. полиціймейст. 1855 г., томъ LXXXVII, июль, 224.
- Галль**, А. А., геп.-майоръ 1877 г., т. LXXXV, янв., 57, 58, т. LXXXVI, май, 264.
- Гальбергъ**, профес. скульпт. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Галецкий**, генер. 1878 г. т. LXXXV, мартъ, 467, 470.
- де-ла-Гардя**, гр.-ня, 1800 года, томъ LXXXVII, сент., 544.
- Гарнишъ**, преподаватель импер-цы Александры Ѳеодоровны, 1809 г., т. LXXXVIII, окт., 11, 12.
- Гарриксъ**, Джемсъ, англ. послан. въ Спб., т. LXXXV, февр., 397, 402, т. LXXXVI, апр., 138—153.
- Гаузе**, гр., воен. мин. Цар. Польскаго 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 80, 82.
- Гвоздевъ**, Александр. Александров., директ. деп. общихъ дѣлъ мин-ва вн. дѣлъ, т. LXXXVIII, окт., 133.
- Гвоздезь**, Пав. Александр., поэтъ, † 1851 г., т. LXXXVIII, окт., 131—134.
- Гедесонъ**, Алексан. Михайл., директ. имп. театровъ, 1853 г., томъ LXXXV, февр. 367, апр., 42—44.
- Гедесонъ** Криневскій, рект. Сергѣевск. семина. 1758 г., томъ LXXXVIII, нояб., 424.
- Гедройцъ**, кн., Игнатій, коадьюторъ Самогит. римско-католич. епархіи 1826 г., т. LXXXVII, сент., 586, т. LXXXVIII, окт., 164.
- Гедройцъ**, кн., генер. литовск. партизанъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 216—224.
- Гейденъ**, Логинъ Петров., адмир. ревельск. воен. губернат. р. 1772 г. + 1850 г., т. LXXXV, февр., 446, 447, т. LXXXVIII, окт., 72.
- Геймавъ**, профес. химіи, т. LXXXV, янв., 195.
- Гейсмаръ**, генер. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 176.
- Геже**, полковн. 1836 г., т. LXXXVI, май, 415.
- Гелгудъ**, генер. польск. арміи., р. 1790 г. + 1831 г., т. LXXXVIII, окт., 86, 87, декаб. 671.
- Генксъ**, Григ. Ѳед., директ. Неплюев. кадет. корп. съ 1824—1832 годовъ, томъ LXXXVI, июнь, 547.
- Георги**, профес. 1776 г., т. LXXXVII, сент., 462, 463, 464.
- Георгій Александровичъ**, вел. кн., цесаревичъ, т. LXXXVII, сент., 619.
- Георгій Конисскій**, архіеп. могилевскій, р. 1717 г., † 1796 года, томъ LXXXVIII, нояб., 462, 467—471.
- Гермесъ**, Богд. Андреев., Нижегород. губернат. 1810 г. + повзе сенат., т. LXXXV, мартъ, 495.
- Герценъ**, Алексан. Ив., писат. и публиц., род. 1812 г. + 1870 г., т. LXXXV, февр., 413—424, мартъ, 563, т. LXXXVI, апр., 39, май, 361, т. LXXXVIII, декаб., 610—618.
- Герштейнштейнъ**, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 394.
- Гивартовскій**, профес., т. LXXXV, янв., 195.
- Гильденштедтъ**, акад. 1776 г., томъ LXXXVII, сент., 462, 464.
- Гильд-брандтъ**, докт. 1835 г., томъ LXXXVI, июнь, 645, 647, 651.
- Гильфердингъ**, Алексд. Ѳеодор., славнофилъ, ученый и писат., род. 1831 г., † 1872 г., томъ LXXXV, мартъ, 641.
- Гирсъ**, А. сообщ.: «Два письма изъ эпохи Восточной войны 1853—1856 г.г.», томъ LXXXVII, авг., 313—322.
- Гирсъ**, Н. К., ст.-секрет., мин. вн. дѣлъ + 1895 г., т. LXXXVIII, декабрь, 689.
- Гладвій**, Иосифъ, атаманъ запорожцевъ 1829 г., томъ LXXXVI, апр., 167, июнь, 479.

- Гладій, Ив. В.**, спб. об.-полиційм. т. LXXXV, февр., 227, т. LXXXVII, июль, 179.
- Глазенацъ, генер.** 1829 года, томъ LXXXVI, апр., 157.
- Гленбоцкій, Юсифъ, помѣщ.** 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 632.
- Глинка, Александръ, лейт.** 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 445.
- Глинка, Серг. Никол., писатель,** т. LXXXVI, апр., 194.
- Глотвинскій, генер.** 1829 г., томъ LXXXVI, апр., 157.
- Глухова, рожд. Пилецкая, генеральша** 1846 г., т. LXXXV, февр., 253.
- Глѣбовъ, Ив. Тимоѣв., профес.,** томъ LXXXV, янв. 194.
- Глѣбовъ, И. Ѳ., генер.** 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 389.
- Глѣбовъ, правит. канц. оренб. воен. губернат.** 1837 г., томъ LXXXVI, май, 419.
- Глѣдичъ, Никол. Ив., писат.,** † 1833 г., томъ LXXXVII, июль, 84, томъ LXXXIII, окт., 187.
- Гоголь, Никол. Вас., писат.,** р. 1809 г., † 1852 г., т. LXXXV, февр., 276, мартъ, 563, т. LXXXVI, апр., 163, 194, май, 354—361, т. LXXXVII, авг., 254, томъ LXXXVIII, окт., 190, 191, дек., 585, 590, 591, 617—647.
- Голенищевъ-Кутузовъ, княг., Екат. Ильинична** 1790 г., т. LXXXV, нояб., 326, 329—331.
- Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, кн., Мих. Илар., фельдмарш.,** род. 1745 г., † 1813 г., томъ LXXXV, янв., 139, мартъ, 492—504, томъ LXXXVI, апр., 3—7, май, 238—290, 369, т. LXXXVII, авг., 417, сент., 606, 613, т. LXXXVIII, окт., 102—104, 142, нояб., 356, 358, декаб., 497, 499, 648.
- Голенищевъ-Кутузовъ, гр., Павелъ Васил., спб. ген.-губ.** 1826 г., ген.-ад., род. 1772 г. † 1843 г. т. LXXXVI, май, 313, 410.
- Голицына, княг., Анна Серг.,** послѣдовца сестры Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Голицынъ, кн., А. А., сообщц.: «Письмо крестьянина своему помѣщику о дозволеніи жениться»** 1807 г., т. LXXXV, мартъ, 618. «Письмо бурмистра къ своимъ помѣщикамъ» 1818 г., томъ LXXXVI, апр., 154, «Приказъ помѣщицы П. М. Черняковой о выборѣ рекрутъ», томъ LXXXVII, июль, 82.
- Голицынъ, кн., А. М.,** 1796 г., томъ LXXXVI, май, 370.
- Голицынъ, кн., Вас. Васильевичъ,** † 1713 г., т. LXXXVIII, нояб., 269.
- Голицынъ, кн., Александръ Михайл.,** вице-канцл. 1764 г., род. 1723 года, † 1807 г., т. LXXXV, февр., 397, 399, томъ LXXXVIII, нояб., 303, 392, 401.
- Голицынъ, кн., Александръ Никол.,** мн-ръ народн. просв., об.-прокур. сивода, р. 1773 г., † 1844 г., томъ LXXXV, янв., 41, 188, февр., 241, 330, 332, мартъ, 596, т. LXXXVI, май, 303—306, июнь, 461, 553, 554, 558—568, томъ LXXXVII, июль, 26, 164—199, авг., 406—428, 432, 439, 443, сент., 316, 663, т. LXXXVIII, окт., 35, 36, 57, 227—233.
- Голицынъ, кн., Григ. Григорьевъ,** поруч. Иркутск. гусарскаго полка 1834 г., т. LXXXVI, апр., 198.
- Голицынъ, кн., Д. А.,** послан. въ Парижъ 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 427.
- Голицынъ, кн., Дмит. Владим.,** ген.-отъ-кавал., москов. воен. губернат. 1632 г., р. 1771 г., † 1844 г., томъ LXXXV, янв., 16—46, т. LXXXVI, июнь, 563, т. LXXXVII, авг., 422, т. LXXXVIII, окт., 67.
- Голицынъ, кн., Ив. Ѳед.,** полковн. 1833 г., т. LXXXV, янв., 33, 34, 35, 36.
- Голицынъ, кн., Серг.,** фл.-ад., 1812 г., т. LXXXV, мартъ, 503.
- Голицынъ, кн., Серг. Михайл.,** 1856 г., т. LXXXVII, июль, 205.
- Голицынъ, кн., Ѳ. Н.,** 1796 г., томъ LXXXVIII, нояб., 278, 279.
- Голицынъ, кн., ген.-отъ инф.,** рижск. воен. губернат. 1802 г., т. LXXXVII, авг., 448.
- Голицынъ, кн., майоръ** Измайловск. пол. 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 406, 409.
- Головина, гр-ня** Варвара Николаев., рожден. княжна Голицына, томъ LXXXVIII, нояб., 472—480.
- Головина, Елис. Павл.,** послѣдовца сестры Татариновой, т. LXXXV, февр., 241—247.
- Головинъ, Евг. Александръ,** генер., мистикъ, главноком. на Кавказѣ, род. 1782 г., † 1858 г., т. LXXXV, янв., 187, февр., 227—263, 442—447, т. LXXXVI, июль, 4, т. LXXXVIII, окт., 107.
- Головинъ, гр., Никол. Николаевъ,** гофмаршалъ двора Александра I, т. LXXXVIII, ноябр., 472.
- Головинъ, Ѳед. Алексѣевъ,** воевода околицничій 1689 г., т. LXXXVIII, окт., 121—123.
- Головинъ, адъюнктъ** Академ. наукъ 1782 г., т. LXXXVII, сент., 481.
- Головинъ, гр., Ѳед. Гаврил.,** камер-

- геръ, послан. въ Неап., Кятаѣ род. 1768 г., † 1823 г., т. LXXXVIII, окт., 104, 206, 207, нояб., 367—379.
- Головинъ**, гр., попечит. харьковск. учебн. окр. 1838 г., т. LXXXVI, июль, 577, 578, 579.
- Головинъ**, Александръ Васильевичъ, мнн. народн. проsv., род. 1821 г., † 1886 г., т. LXXXVIII, декаб., 523.
- Голохвастовъ**, Дм. Павлов., помощн. попечит. московск. учебн. окр., т. LXXXV, мартъ, 640.
- Голубцовъ**, Фед. Александр., госуд. казначей, сенат., род. 1758 года, † 1829 г., т. LXXXV, мартъ, 488.
- Голценбергъ**, поруч. «Голштинскаго отряда» 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 466.
- Гольцъ-Миллеръ**, Н., сообщ.: «Воспоминаніе о Михаилѣ Васильевичѣ Милоновѣ», томъ LXXXV, янв. 142—144.
- Голяковскій**, Петръ, директ. кяхтинск. таможи 1819 г., т. LXXXV, февр., 326, 329, 330.
- Гомтъ**, придворн. банкиръ 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 430.
- Горайнъ**, Тадеушъ, офиц. польскихъ войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, дек., 661, 663, 666.
- Горбатая-Шуйская**, княжна Евдокія Александр., † 1576 года, томъ LXXXVII, июль, 115, 116, 117, 122.
- Горбатовъ-Шуйскій**, кн., Александр. Борисов., 1552 г., т. LXXXVII, июль, 115, 116.
- Горбатовы-Шуйскіе**, князья, замѣтка объ ихъ родѣ, т. LXXXVII, июль, 114—125.
- Гордонъ**, Петръ Ив. (Джонъ Патрикъ), генер., † 1636 г., т. LXXXVII, июль, 109.
- Горскій**, офиц. 1841 г., т. LXXXVIII, окт., 109.
- Горскій**, ст. сов. 1825 г., т. LXXXVI, май, 311, 314, 315.
- Горчаковъ**, кн., Александр. Мих., госуд. канцл., род. 1798 г., † 1883 г., томъ LXXXVII, июль, 36, 75, томъ LXXXVIII, декаб., 688.
- Горчаковъ**, кн., Мих. Дм., ген.-ад., главноком. крымск. арміи, 1855 г., намѣстн. Царства Польскаго, род. 1792 г., † 1861 г., т. LXXXVI, июль, 484, т. LXXXVII, сент., 561.
- Гофманъ**, поруч. «Голштинскаго отряда», 1763 года, томъ LXXXVIII, нояб., 466.
- Гофманъ**, ст.-секрет. 1849 года, томъ LXXXVI, июль, 600.
- Граббе**, гр., Пав. Христоф., наказн. атаманъ войска Донскаго, † 1875 г., томъ LXXXVII, сент., 566, томъ LXXXVIII, окт., 105—107.
- Граховскій**, Тимоѳ. Никол., профес., † 1855 г., т. LXXXV, янв., 202, февр., 413—419, мартъ, 679, томъ LXXXVI, май, 361, т. LXXXVIII, окт., 184, декаб., 602, 626, 631.
- Грейгъ**, С. А., мнн. финанс. 1880 г., томъ LXXXVI, апр., 215, июль, 489—494.
- Грейгъ**, Самуилъ-Карлъ, адм. † 1788 г., т. LXXXVIII, декаб., 564.
- Гречъ**, Николай Ив., писатель, род. 1787 г., † 1867 г., томъ LXXXV, мартъ, 564, томъ LXXXVI, июль, 556, 557, 565, 568.
- Грибодовъ**, Александр. Серг., писатель, р. 1795 г., † 1829 года, томъ LXXXVI, июль, 458, т. LXXXVII, июль, 5.
- Григорій** Постниковъ, еписк. ревельскій, 1825 г., митроп. sib., 1860 г., т. LXXXVII, авг., 440.
- Григорьевъ**, Васил. Васил., профес. восточн. яз., служилъ въ мнн. вн. дѣлъ съ 1844—1862 г., т. LXXXVI, июль, 537, 547, 548.
- Григорьевъ**, П., актеръ 1842 г., т., LXXXV, февр., 366.
- Григорьевъ**, Васил. Ив., конференцъ-секрет. акад. худож. 1837 г., т. LXXXVI, июль, 661.
- Гринъ**, Фридрихъ-Мельхиоръ, корреспонд. императрицы Екатерины II, род. 1723 г., † 1807 года, томъ LXXXV, янв., 146—161, севр., 344, 345, 361, мартъ, 583, т. LXXXVI, май, 370, т. LXXXVIII, нояб., 260.
- Гриневъ**, художн. 1757 года, томъ LXXXVIII, нояб., 389.
- Гринъ**, капит. «Голштинскаго отряда» 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
- Гротенгелъ**, ген.-лейт. 1849 г., т. LXXXVI, июль, 520.
- Гротусъ**, генер. польскихъ войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 216.
- Гротъ**, Конст. Карлов., ст.-секрет., 1895 г., т. LXXXVI апр., 213, 216.
- Гротъ**, Яковъ Карл., акад. р. 1812 г., † 1893 г., т. LXXXV, февр., 270, 271, 272, т. LXXXVIII, окт., 171—191.
- Груданковская**, Людвика, въ зам. Выжиковская, т. LXXXV, янв., 167.
- Груданковскій**, Мих., офиц. польскихъ войскъ 1830 г., т. LXXXVII, авг., 383, 384, 388, 389, 397, т. LXXXVIII, окт., 209, 210, декаб., 659—673.
- Груше**, инспект. клас. Воронежск. кадет. корп. 1853 г., т. LXXXV, февр., 374.
- Гудовичъ**, гр., Ив. Васильев., фельдм., попечит. учебн. окр., т. LXXXV,

мартъ, 621, т. LXXXVI, апр., 183, 186, т. LXXXVII, июль, 210.
Гужиковскій, майоръ 1828 года, томъ LXXXVI, май, 395, 396.
Гулазь-Артемевскій, профес. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 581.
Гунинингъ, англ. повѣрен. въ дѣлахъ въ Россіи 1772 г., томъ LXXXV, февр., 401, 407, т. LXXXVI, апр., 116—131.
Гурбандтъ, Георгъ, докт.-медпц., р. 1764 г., † 1832 г., томъ LXXXV, мартъ, 487.
Гурій Карповъ, архіеп. Таврич., т. LXXXV, февр., 318—328, мартъ, 586, 587.
Гурко, Иосифъ Влад., генер.-лейт. 1877 г., т. LXXXV, янв., 60, 61, февр., 294, 295, 297, т. LXXXVI, май, 246.
Гурьевъ, Васи. Никол., 1817 г., т. LXXXVI, май, 329.
Гурьевъ, Дм. Алексан., мн-ръ финанс. † 1825 г., т. LXXXV, февр., 350, т. LXXXVI, апр., 17, май, 292.
Густавъ IV, король шведскій, томъ LXXXV, февр., 343—365, мартъ, 567—584, т. LXXXVI, апр., 79—96, май 369—390, т. LXXXVII, июль, 153—162, сентябрь, 627—645, томъ LXXXVIII, окт., 193—207.

Д.

Давыдовъ, В. Н., артистъ, томъ LXXXVI, май, 359, 360.
Давыдовъ, Денисъ Васильев., ген.-лейт., партизанъ, писат., род. 1784 г., † 1839 г., т. LXXXVI июнь, 561—564, т. LXXXVIII, декаб., 681.
Давыдовъ, Ив. Ив., писат., педагогъ, чл. главн. правл. училищъ, сенат., т. LXXXVI, апр., 194.
Давыдовъ, Левъ Васильев., 1841 г., т. LXXXVIII, окт., 109.
Давыдовъ, ген.-м., 1878 г., томъ LXXXV, февр., 313.
Давыдовъ, полковн., московск. полиціймейст., 1855 г., т. LXXXVII, июль, 203.
Даль, Влад. Ив., писат., р. 1801 г., † 1872 г., т. LXXXVI, июнь, 547.
Дадіанъ, кн., генер., 1838 г., томъ LXXXVIII, декаб., 575.
Давидовъ, полковн., 1863 г., томъ LXXXVIII, декаб., 543.
Дантесъ-Гевенръ, Георгъ Карл., пор. кавалергард. пол. 1837 г., томъ LXXXVII, сент., 553—555.
Дашнова, княг., Екат. Роман., рожд.

Воронцова, род. 1743 г. † 1810 г., т. LXXXV, янв., 132—137, томъ LXXXVI, апр., 125, 187, 188, томъ LXXXVIII сент., 458, 466, 491, т. LXXXVIII, окт., 318, нояб., 457.
Дашковъ, Дм. Васи., мн-ръ юстиц. † 1839 г., т. LXXXVII, июль, 84, 85, 98, сент., 577.
Дашковъ, 1831 г., т. LXXXVI, май, 302, 303.
Дверницкій, Иосифъ, польск. генер., р. 1779 г., † 1867 г., т. LXXXV, янв., 165—175, февр., 394, томъ LXXXVI, апр., 157, май, 397, томъ LXXXVII, авг., 368—397, сент., 648, т. LXXXVIII, декаб., 654, 664.
Делгарди, гр., Яковъ, 1812 г., томъ LXXXVIII, окт., 157.
Деларю, Мих. Данилов., писат., † 1868 г., т. LXXXVIII, окт., 175.
Деллистаузенъ, генер. 1878 г., томъ LXXXVI, май, 255, июнь, 491, 492.
Делоне, Б. П. докт. 1878 г., томъ LXXXVII, авг., 249 252.
Дельвицъ, бар., Антонъ Антонов., писат., род. 1798 г., † 1831 г., томъ LXXXV, мартъ, 660, 662, томъ LXXXVII, сент., 564.
фонъ-Дельвицъ, бар., бригадиръ „Голштинская отряда“, 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 464.
Деляновъ, гр. Ив. Давидов., мнн. народн. просв., т. LXXXVI, июнь, 652.
Дембинскій, Генрихъ, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 383.
Депредратовичъ, полковн. 1878 г., т. LXXXV, февр., 304.
Державицъ, Гавриилъ Романов., род. 1743 г., † 1816 г., томъ LXXXV, мартъ, 543—544, 668, т. LXXXVI, апр., 183—190, т. LXXXVII, сент., 573—576, 637, т. LXXXVIII, окт., 179, ноябр., 300, 308, 310.
Десаже, гр.-ня, послѣд.-ца секты Татариновой, т. LXXXV, февр. 235.
Джанотти, полковн. 1802 г., препод. имп. Николай I, т. LXXXVI, июль, 452.
Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., род. 1785 г., † 1831 г., т. LXXXV, янв., 11, февр., 447, т. LXXXVI, апр., 172—178, май, 300, июнь, 457—489, 552—557, т. LXXXVII, июль, 4, 18, 23, т. LXXXVIII, окт., 83—86.
Дивовъ, декаб., т. LXXXVI, июнь, 461.
Длусскій, генералъ 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 211, 214, 215.
Дмитревскій, артистъ москв. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 213, т. LXXXVIII, нояб., 388.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Александръ

- Матвѣевъ, ген.-поруч., род. 1758 г., † 1803 г., т. LXXXVIII, нояб., 422.
- Дмитріевъ, Мих. Александр., об.-прокуроръ московск. сената, писат., † 1866 г., т. LXXXVIII, декаб., 629.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., писат., род. 1760 г., † 1837 г., т. LXXXVII, июль, 84, 85, сент., 574, т. LXXXVIII, нояб., 300, 309.
- Дмитрій Свѣченъ, архіеп. новгор. 1763 г., т. LXXXVIII, ноябр., 431.
- Дмитровскій, генер. 1878 г., томъ LXXXVI, май, 254.
- Дмитровъ, поруч. д.-в. казач. полка 1829 г., т. LXXXVI, апр., 157—159.
- Добровольскій, В. А.; сообщ., „Пѣсьнь въ проѣздъ чрезъ Москву 30-го ноября 1825 г., въ день народной присяги государю императору Константину Павловичу“, т. LXXXV, янв., 190.
- Добровольскій, художн., директоръ московск. рисов. школы 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 660.
- Довре, генер. 1828 г., т. LXXXV, февр., 436.
- Долгорукой, кн., ген.-ад., 1807 г., т. LXXXVIII, декаб., 497, 498.
- Долгорукой, кн., полковн., 1826 г., ген. 1838 г., т. LXXXVIII, декаб., 574, 575.
- Долгорукова, княг., Варвара, томъ LXXXVIII, окт., 16.
- Долгорукой, кн., Дм., его стихотв. „Урал“, написанное по поводу Восточной войны 1853—1856 г.г. т. LXXXVI, апр., 182.
- Долгоруковъ, кн., Василий, камергеръ 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 13.
- Долгоруковъ, кн., Дм. Ив., посолъ въ Тегеранъ 1854 г., т. LXXXVII, сент., 590.
- Долгоруковъ, кн., Василий Андреев., воен. мин., шефъ жан., р. 1804 г., † 1867 г., т. LXXXVI, июнь, 612, 624.
- Долгоруковъ, кн., полковн., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Долгоруковъ, кн., харьковск. ген.-губернат. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 578, 579.
- Доливо-Добровольскій, д. ст. сов., т. LXXXV, мартъ, 500.
- Домашнева, Анна Дм., камеръ-фрау им-цы Елисаветы Петровны, томъ LXXXVII, сент., 459.
- Домашневъ, Герасимъ Яковлевичъ, кол. сов., 1760 г., т. LXXXVII, сент., 459.
- Домашневъ, Серг. Герасимов. камергеръ, директ. Акад. наукъ, съ 1775 по 1782 г., род. 1746 г., † 1779 г., т. LXXXVII, сент., 457—492.
- Домбровскій, Васи. Ѳед., профес. рус. истор. род. 1819 г., † 1845 г., т. LXXXV, мартъ, 655.
- Домбровскій, Ив. Генрихъ, польск. генер., р. 1755 г., † 1818 г., томъ LXXXVIII, окт., 164.
- Домейло, польск. магнатъ, 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 542.
- Дометти, полковн. 1877 г., томъ LXXXV, янв., 74, 77.
- Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Алекс. Мих., ген.-губ. ю.-в. края импер. комис. въ Болгар. 1878 г., гл. нач. Кавказа съ 1882 г., † 1893 г., т. LXXXVII, июль, 50—77, авг., 236—246.
- Дондуковъ-Корсаковъ, кн., попечит. спб. учебн. окр. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 573.
- Достоевскій, Ѳед. Мих., писатель, † 1881 г., т. LXXXVIII, декаб., 640, 641.
- Драшусовъ, Александр. Никол., проф. астрономіи, т. LXXXV, янв., 192.
- Драшусовъ, издат. Моск. Полиц. Вѣд., 1846 г., т. LXXXVIII, декаб., 645.
- Дрянзинъ, ген.-м. 1836 г., томъ LXXXVI, май, 414.
- Дрявзень, бар., Н. В., сообщ.: „Современникъ о М. Ю. Лермонтовѣ“, т. LXXXV, февр., 315, 316, „Гуस्ताвъ IV и великая княжна Александра Павловна, 1794—1796 г.г.“, 343—365, мартъ, 567—584, томъ LXXXVI, апр., 79—96, май, 369—390, т. LXXXVII, июль, 153—162, авг., 349—366, сент., 627—645, т. LXXXVIII, окт., 193—207, „Рескрипты и указы императ. Павла I 1797 г.“, т. LXXXVII, сент., 541—543.
- Дубельтъ, Леонтій Васи., ген.-лейт., нач. штаба корп. жанд., т. LXXXV, янв., 50, февр., 242, 245.
- Дубацкий, Осипъ Петров., 1837 г., т. LXXXVIII, окт., 226.
- Дублянский, Мих. Васи., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Дубовицкій, Александр. Петров., помѣщ. т. LXXXV, янв., 5—51, февр., 225—263, т. LXXXVI, май, 361, 362.
- Дубовицкій, Петръ Александр., проф. М.-Х. акад. 1840 г., т. LXXXV, янв., 45—50, т. LXXXVI, май, 362.
- Дубровинъ, Никол. Ѳед., акад., писат., ген.-лейт., сообщ.: „Наши мистики-сектанты“. Екатер. Филин. Татарцова и Александръ Петров. Дубовицкій“, т. LXXXV, янв., 5—51, февр., 225—263. Кроме того, всѣ замѣтки, подписанныя „Ред.“, принадлежать Н. Ѳ. Дубровину.

Дубянский, Яковъ Федоров., масонъ 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 321.
 Дудровичъ, Ив. Иван., проф. Ришельевск. лицея, род. 1817 г., † 1839 г., т. LXXXV, мартъ, 668, 669.
 Дункиъ, Станисл. офицер. польск. войскъ, 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 214, 215, 224, 225, декаб., 670.
 Дуровъ, Ив., лейтен. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
 Духоминъ, ген.-м. 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 72.
 Дюранъ, повѣрен. въ дѣлахъ Франціи въ Слб. 1773 г., т. LXXXV, февр., 412, т. LXXXVI, апр., 115, 127.

Е.

Евгеній Болховитиновъ, митропол. кіевскій, р. 1767 г., † 1837 г., т. LXXXVII, июль, 181, 198, авг., 428.
 Евгений, герцогъ Виртембергскій, ген. отъ инф. русск. служб., р. 1783 г., † 1857 г., т. LXXXVI, июнь, 499, 500.
 Евгений, архіеп. тобольскій и сибирскій, 1826 г., т. LXXXV, февр., 314, 315.
 Евдокимовъ, гр. Никол. Ив., ген.-отъ-инф., р., 1804 г., † 1873 г., томъ LXXXVIII, декаб., 566.
 Егоровъ, Алексій Егоров., художн., профес. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 654, 660, 661.
 Евреюкій, депутат. польск. сейма 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 82, 83.
 Екатерина I, императрица, томъ LXXXV, февр., 322, т. LXXXVII, авг., 312.
 Екатерина II, императрица, род. 1729 г., † 1796 г., т. LXXXV, янв., 126 — 138, 145 — 161, февр., 343—365, 395—412, мартъ, 543, 567—584, т. LXXXVI, апр., 79—96, 115—153, 184—189, май, 369—390, июнь, 449, 470, 493, 494, 624, т. LXXXVII, июль, 5, 153, 162, 196, авг., 349—366, 410, 446, сент., 460—491, 578, 586, 627—645 т. LXXXVIII, окт., 31, 156, 193—207, нояб., 241—480, декаб., 483—598.
 Екатерина Михайловна, вел. княг., въ зам. принцесса Мекленбургъ-Стрелицкая, т. LXXXVI, июнь, 623.
 Екатерина Павловна, велик. княг., въ зам. королева Виртембергская, р. 1788 г., † 1819 г., т. LXXXV, мартъ, 496, 546, 547, т. LXXXVI, апр., 12, 16, т. LXXXVII, сент., 576, т. LXXXVIII, окт., 44, 49, 79.
 Елагина, Авдотья Петровна, рожд. Юшкова, въ перв. бракъ Кирѣевская, т. LXXXVI, апр., 194, май, 350.
 Елагинъ, Ив. Перфильев., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
 Елена Павловна, вел. княг. (принцесса Виртембергская), р. 1806 г.; † 1873 г., т. LXXXVI, июнь, 617, 623.
 Елена Павловна, вел. княжна, въ зам. герцогиня Мекленбургская р. 1784 г., † 1803 г., LXXXV, февр. 345,
 Елисавета Аделесовна, императрица, р. 1779 г., † 1826 г., т. LXXXV, февр., 347, т. LXXXVI, апр., 13 т. LXXXVII, авг., 329, 406, 406, сент., 596, 614, 636, т. LXXXVIII, окт., 14, 22 — 56, 91, 203, нояб., 474—480.
 Елисавета Петровна, императрица р. 1709 г., † 1761 г., т. LXXXVII, сент., 457, 459, т. LXXXVIII, нояб., 248, 252, 293, 369, 371, 422, 432, декаб., 482, 503.
 Енгальчевъ, кн., Ельндифоръ, поруч., послѣдов. секты Татаринной, 1837 г., т. LXXXV, февр., 227, 243, 247, 254.
 Енгальчевъ, кн., Петръ Никол., масонъ 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 331.
 Енохинъ, лейбъ-мед. 1854 г., томъ LXXXVI, июнь, 611, т. LXXXVIII, окт., 79
 Ермолаевъ, Гавриилъ, сообщ.: „Истина и благодарность“, голосъ современника въ защиту князя Кутузова, т. LXXXVI, май, 288—290.
 Ермолова, Екат. Петровна., камеръ-фрейлина, т. LXXXVIII, окт., 101.
 Ермоловъ, Алексій Петр., ген. отъ арт., род. 1777 г., † 1861 г., т. LXXXVI, стр. 16, июнь, 646, томъ LXXXVII, июль, 205, 206, авг., 427, сент., 605, 606, т. LXXXVIII, окт., 97—120, декаб., 565—583.
 Ермоловъ, Григ. Петров., ген.-лейт., т. LXXXVIII, окт., 101.
 Ермоловъ, Клавдій Алексѣев., офиц. 1855 г., т. LXXXVIII, декаб., 578.
 Ермоловъ, Мих. Алексѣев., офиц. 1860 г., LXXXVIII, окт., 117, 119.
 Ермоловъ, Никол. Алексѣев., офиц. 1860 г., т. LXXXVIII, окт., 117, декаб., 582.
 Еропкинъ, М. А. 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб., 304, 305.
 Еропкинъ, Петръ Дмит., московск. главно-коман. 1790 г., род 1724 г., † 1805 г., т. LXXXVIII, нояб., 389.
 Ершова, Евфросинья, крестьянка, кормилица имп. Николая I т. LXXXVI, июнь, 450.
 Ефремовъ, Александр. Степ., библиофиль, т. LXXXVII, сент., 491.

Шфремовъ, Петръ Александр., томъ LXXXVII, сент., 491.

Ж.

Жадера, полковн. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 216, 222, декаб., 667.

Жандръ, генер. † 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 80.

Жегулинъ, Семешъ Семенов., правит. Таврич. обл., съ 1789—1796 г. бѣлорус. губернат., тн. сов., т. LXXXV, маргъ, 475, 476, 477, 478, т. LXXXVI, май, 296.

Жемчужинъ, А. А., нач. отд. гражд. канц. въ Болгаріи 1877 г., т. LXXXV, янв., 56, маргъ, 464.

Жемчужниковъ, ген.-лейт. 1830 г., т. LXXXV, янв., 112, 113, т. LXXXVI, май, 411.

Жеребцовъ, Дм. Серг., спб. губернат. 1825 г., т. LXXXVI, май, 308, июнь, 633.

Жеромъ, Екатерина, гувернантка 1821 г., т. LXXXV, янв., 8—39.

Живовини, артистъ московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 212, 216.

Жировъ, Степ. Трифон., раскольникъ на Уралѣ 1849 г., т. LXXXV, янв., 116—121.

Жихаревъ, Степ. Петров., сенат., † 1860 г., т. LXXXVI, май, 293, т. LXXXVII, июль, 84.

Жомини, ген.-адъют. 1835 г., томъ LXXXVIII, декаб., 587.

Жукоская, рожд. Рейтернъ, т. LXXXVIII, окт., 188.

Жуковский, Васил. Андреев., писат., род. 1788 г., † 1852 г., т. LXXXV, янв., 81—92, 177, 188, февр., 418, маргъ, 500, 564, 674, 675, т. LXXXVI, апр., 194, 202—207, май, 362, 411, июнь, 526, 556, 655, т. LXXXVII, июль, 83—98, авг., 417, сент., 563, 574, 577, т. LXXXVIII, окт., 32, 50, 187, 188, декаб., 623—646.

З.

Заблоцкий-Десятовскій, Андр. Пареновичъ, ст.-секрет. род. 1808 г., † 1881 г., т. LXXXVI, апр. 216.

Завадовскій, гр., Петръ Васил., ст.-секрет. Екатерины II, мн-ръ народн. просв., 1804 г., р. 1738 г., † 1812 г., т. LXXXVI, апр., 131—137, 186, 188, т. LXXXVII, сент., 490, т. LXXXVIII, декаб., 584.

Завадовскій, ген.-гетманъ черномор. казаковъ, т. LXXXV, маргъ, 635.

Завадскій, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 447.

Загоскинъ, Мих. Никл., романистъ, род. 1789 г., † 1852 г., т. LXXXVIII, декаб., 640, 642.

Зайцевскій, Ефимъ Петров., морякъ, 1828 г., вполн. чиновн. мн. ин. дѣл., † 1860 г., т. LXXXV, маргъ, 662.

Зайончекъ, генер. 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 165.

Захревскій, гр., Арсеній Андреев., мн. вл. дѣл., род. 1783 г., † 1865 г., т. LXXXV, февр., 441, т. LXXXVI, апр., 16—18, 42, июнь 514, т. LXXXVII, июль, 204—210, т. LXXXVIII, окт., 76, 97, 101, 130, нояб., 409.

Залѣвскій, Іосифъ, началн. кievск. совѣта 1830 г., т. LXXXVI, май, 405, т. LXXXVII, авг., 376.

Залѣвскій, Северинъ, т. LXXXVI, май, 393.

Замойскій, гр., Андрей, предсѣд. госуд. сов. II. Польскаго 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 70.

Замойскій, гр., Владиславъ, офиц. польск. войска 1830 г., т. LXXXV, февр., 384, т. LXXXVI, май, 398, т. LXXXVIII, окт., 215, декаб., 664, 671, 674.

Замысловскій, Егоръ Егоров., профес., род. 1841 г., † 1896 г., т. LXXXVII, сент., 617—620.

Заряно, художн., т. LXXXVI, июнь, 655, т. LXXXVII, июль, 205.

Зассъ, генер., 1841 г., т. LXXXVIII окт., 109.

Захаржевская, Елена Александр., рожд. гр-ня Самойлова, † 1843 г., т. LXXXV, маргъ, 665—666.

Захаржевскій, Дм. Андреев., харьковск. вице-губернат., екатеринослав. губернат., т. LXXXV, маргъ, 665.

Захарьинъ, Петр. Мих., писат. † 1800 (или 1810 г.), т. LXXXVI, апр., 183—190.

Завражловскій, капит. 1863 г., томъ LXXXVIII, декаб., 522, 523.

Зерномъ, Никол. Ефимов., профес. математ., род. 1804 г., † 1862 г., т. LXXXV, янв., 201.

Зиновьевъ, въ зам. кнгл. Орлова, т. LXXXVI, апр. 135, 136.

Злотницкій, Эразмъ, полковн., 1829 г., т. LXXXVI, апр., 156.

Золотаревъ, ген.-м., Систовск. и Рущукск. губернат., 1877 г., т. LXXXVI май, 235, 236, т. LXXXVII, июль 62, 73.

Зонтагъ, Анна Петров., рожд. Юшкова, т. LXXXV, маргъ, 675.

*

Зонтагъ, Егоръ Васильев., капит. надъ Одесск. портомъ, 1834 г., т. LXXXV, мартъ, 675.
Зоричъ, Семень Гаврилов., ген., лейт., 1797 г., т. LXXXVI, апр., 137, т. LXXXVII, сент., 542, 543.
Зотовъ, гр., И. Н., т. LXXXVIII, нояб., 305.
Зотовъ, Пав. Дм., ген. отъ инф., род. 1824 г., † 1879 г., т. LXXXV, мартъ, 465, 467.
Зубовъ, гр., Валеріанъ Александр., ген.-м., род. 1771 г., † 1804 г., т. LXXXV, февр., 355, 356, т. LXXXVIII, нояб., 434.
Зубовъ, гр., Николай Александр., 1796 г., т. LXXXVIII, нояб., 474.
Зубовъ, кн., Платонъ Алексд., ген. отъ инф., шефъ 1-го кадет. корп., род. 1767 г., † 1822 г., т. LXXXV, февр., 346, 351—362, мартъ, 570—575, т. LXXXVI, апр., 94, май, 369, 374—378, т. LXXXVII, авг., 353, 357, 363—366, сент. 629—636, т. LXXXVIII, окт., 195—199, декаб., 483, 648.

И.

Иваницкій, офиц., † 1864 г., томъ LXXXVIII, декаб., 520, 521.
Иванишевъ, профес., 1846 г., т. LXXXVII, авг., 449.
Ивановъ, Андр. Ив., профес. историч. живописи, 1812 г., т. LXXXVI, июнь, 661, т. LXXXVIII, декаб., 626, 631, 641.
Ивановъ, Серг. Андр., архитект. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 389, декаб., 626, 630.
Ивановъ, послѣд. изъ секты Татаривовой, т. LXXXV, февр., 235.
Игельстремъ, бар., Осипъ Андреев., ген.-авшефъ, † 1817 г., т. LXXXVI, май, 411, т. LXXXVII, авг., 330.
Игнатьевъ, гр., Николай Павловичъ, русск. посолъ въ Турціи 1871 г., ми-ръ внутр. дѣлъ 1882 г., т. LXXXV, мартъ, 465, т. LXXXVI, май, 273, 274, 275, 276, 277, 280, 281, т. LXXXVII, июль, 37, 48, 76, авг., 233, 235, 240, 251.
Измайловъ, Арханг. губернат. 1726 г., т. LXXXVII, авг., 312.
Измайловъ, Лев., послан. въ Китаѣ 1719 г., т. LXXXV, февр., 321.
Ижонинъ, Ив. Васильев., купецъ, т. LXXXVII, авг., 294.
Иларіонъ Дежайскій, архим., нач. миссіи въ Пекинь 1714 г., † 1719 г., т. LXXXV, февр., 320, 321, 327.

Иларіонъ Трусовъ, нач. 3-й пекинск. миссіи, т. LXXXV, февр., 323.
Илиасая, гр-ня, рожд. Кракъ, т. LXXXV, мартъ, 631, 632.
Илинскій, сенат., 1829 г., т. LXXXVI, апр., 160.
Иловайскій, Алексѣй, ген.-м., 1800 г., т. LXXXVI, май, 408.
Иловайскій, Дм. Ив., сообщ.: „Историко-критическія замѣтки по поводу смутнаго времени и брака съ Софьею Палеологъ“, т. LXXXVIII, декаб., 649—651.
Ильминскій, Никол. Ив., т. LXXXVI, июнь, 547.
Ильяшевичъ, полковн. Сивенск. губернат. 1878 г., т. LXXXVII, июль, 53, 63.
Имеретинскій, кн., генер., 1877 г., т. LXXXV, февр., 287, 292, мартъ, 467, т. LXXXVI, май, 251.
Инокентій Кульчицкій, нач. миссіи въ Китаѣ 1721 г., т. LXXXV, февр., 322.
Иновемцевъ, Ѳед. Ив., профес. медикъ, † 1869 г., т. LXXXV, янв., 194—199, т. LXXXVIII, декаб., 619, 626, 633—635.
Ивоходцевъ, Петръ Борис., профес. астрономіи, р. 1741 г., † 1806 г., т. LXXXVII, сент., 462.
Исленевъ, генер., 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 635.
Ишимова, Александра Осипов., писательница, педагогъ, над-ца „Звѣздочки“, т. LXXXVIII, окт., 176.

І.

Іакинъ, Бичуринъ, нач. духовн. миссіи въ Пекинь съ 1807—21 г.г., т. LXXXV, февр., 325—342, мартъ, 585—609, т. LXXXVI, апр. 99.
Іаковъ Вечерковъ, архіеп. саратовскій 1839 г., т. LXXXV, февр., 318.
Іоаннь III, царь, р. 1462 г., † 1505 г., т. LXXXVIII, декаб., 651.
Іоаннь IV Грозный, царь, р. 1530 г., † 1584 г., т. LXXXVII, июль, 104—123, т. LXXXVIII, нояб., 271, 283, декаб., 649, 650.
Іоаннь V Алексѣевичъ, царь, т. LXXXVIII, нояб., 269.
Іоаннь Антоновичъ, императоръ, р. 1740 г., † 1764 г., т. LXXXV, янв., 135, 136.
Іогель, Конст. Петров., 1855 г., т. LXXXVII, июль, 202.
Іоней, подполковн. 1853 г., т. LXXXVI, июнь, 537.

Горданыъ, Фед. Ив., художн.—грав., проф., рект. Акад. худож., род. 1800 † 1883 г. т. LXXXVI, июнь, 661.
Госифъ, Сьмашко, митроп. литовскій и виленскій, † 1868 г. т. LXXXV, мартъ, 535.

Ж .

Жаверинъ, Алексѣй Павлов., подполковн. корп. лѣсничихъ, т. LXXXV, февр., 429.
Жаверинъ, Петръ Павлов., офицеръ, род. 1794 г., т. LXXXV, февр., 425—430.
Жаичевъ, Александр. Ив., таврич. губернат. 1829 г. одесск. градонач. съ 1848—1854 г., сенат., тн. сов., т. LXXXV, мартъ, 662—665.
Жайдаковъ, Ив. Кузьмичъ, профес., писатель, род. 1782 г. † 1845 г., т. LXXXVI, май, 303.
Жайсаровъ, ген. 1830 г., т. LXXXVI, апр., 174, 175, май, 403, 404 т. LXXXVII, сент., 649, 650, 652, 655, 656, 658.
Жалачовъ, В. В., 1896 г., т. LXXXVI, апр., 216.
Жалачовъ, Никол. Васильев., археологъ, основат. и перв. директ. Археолог. инст., сенат., акад., род. 1819 г., † 1885 г., т. LXXXV, мартъ, 540—542.
Жалновская, гр-ня, по втор. браку Челишева, рожд. Потоцкая, т. LXXXVI, апр., 156, май, 395, 397.
Жалновскій, самозван. диктаторъ Литвы 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 520.
Жалмыковы, приверженцы секты дубоборцевъ, т. LXXXVII, авг., 283—293, сент., 493, 494, 511, 522, 523.
Жалугинъ, Фед., мичманъ, 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
Жамецкій, докт., 1828 г., т. LXXXV, февр., 436.
Жаменскій, гр., Никол. Мих., ген-отъ-инф., главноком. арміею въ Турціи, род. 1776 г. † 1811 г., т. LXXXV, мартъ, 482.
Жаменскій, гр., Мих. Федотов., ген-аншефъ, род. 1738 г., † 1809 г. т. LXXXVIII, нояб., 262, т. LXXXVIII декаб., 482.
Жаменскій, Северинъ офиц. польск. войскъ 1829 г., т. LXXXV, февр., 393.
Жампенауъ, бар., Балтазаръ Балтазаровичъ, управл. мпн—мъ вв.

дѣль 1822 г., т. LXXXVI, май, 319—346.
Жаиринъ, гр., Егоръ Франц., мн-ръ финанс. съ 1823—1844 г., р. 1776 г., † 1845 г., т. LXXXVI, май, 299, 302, июнь, 593, 599, т. LXXXVII, сент., 593.
Жантеміръ, кн. Антиохъ Дм., писатель, р. 1663 † 1723 г., т. LXXXVIII, нояб., 263.
Жалодстрия гр., Ив. Антонов., ст-секрет., мнв. ин. дѣль, род. 1776 г., † 1831 г., т. LXXXVI, апр., 16, 17, т. LXXXVII, авг., 405, 406, сент., 670, т. LXXXVIII, окт., 103, 160, 161, 235.
Жапутинъ, Мих. Никол., профес. московск. унив. т. LXXXV, янв. 202, 203.
Жапцевичъ, П. М., ген-губ. зап. Сибири 1826 г., т. LXXXV, февр., 314, 315, т. LXXXVI, апр., 102.
Жаранинъ, Васил. Назаров., профес., писат., род. 1773 г., † 1842 г., т. LXXXVIII, нояб., 310, 315.
Жарамина, Екат. Андреев. рожд. Вяземская, супруга историографа, т. LXXXV, янв., 85, т. LXXXVII, июль, 84, 98, авг., 417.
Жараминъ, Никол. Мих., историографъ, р. 1766 г., † 1826 г., т. LXXXV, янв., 85, 92, т. LXXXVI, май, 411, июнь, 556, т. LXXXVII, июль, 84, 98, 120—124, авг., 334, 337, сент., 473, 476, 574—576, т. LXXXVIII, окт., 104, 158, нояб., 299—354, декаб., 619, 639.
Жарандевъ, штаб-кап. 1877 г., т. LXXXV, янв., 74.
Жаратыгинъ, Василій Андреев., артистъ, † 1853 г., т. LXXXVI, апр., 40, 42, 43, 48, 51, 53, 54.
Жарель, лейбъ-мед. 1854 г., томъ LXXXVI, июнь, 611, 617, 620.
Жарко, Садн, презид. франц. республ. † 1894 г., т. LXXXVIII, окт., 160.
Жарко, Лазарь, воен. министръ во Франц. при директоріи, † 1823 г., т. LXXXVIII, окт., 159—169.
Жарно, Лазарь. Исполнитъ, мнн. народн. просв. во Франц. 1848 г., т. LXXXVIII, окт., 160, 161.
Жаривевъ, Захаръ Яковл., сенат., гл. госуд. сов., т. LXXXV, мартъ, 546.
Жарповъ, Васил. Никол., профес. сиб. духовн. акад. 1850 г. т. LXXXV, мартъ, 535—539.
Жарповъ, ген.-л., 1820 г. т. LXXXVI, май, 406—408.
Жарцевъ, проф. воен. акад. т. LXXXV, мартъ, 643.
Жаталей, В. В., ген-лейт. 1878 г., т. LXXXV, февр. 294.

- Катенинъ, Александръ Андреевъ**, ген.-ад., Оренб. ген.-губерн. 1856 г., т. LXXXVI, июнь, 545, 516, томъ LXXXVIII, 576.
- Катериничъ Василъ Семеновъ**, кievск., вполс. волыиск губерни, т. LXXXVI, май, 292, 403, 404.
- Катвартъ, Лордъ**, послан. въ слб. 1769 г., т. LXXXV, февр., 396, 400, 401.
- Катовъ, Мих. Никиф.**, писатель. р. 1818 г., † 1887 г., т. LXXXVI, апр., 215, т. LXXXVII, июль, 222, томъ LXXXVIII, декаб., 602.
- Каховскій, Александръ Мих.**, офицеръ 1856 г., т. LXXXVIII, окт., 115, декаб., 565.
- Каховскій, гр. Мих. Вас.**, ген.-отъ инф., поворооссийск. воен. губернат., р. 1734 г., † 1800 г., т. LXXXVIII, нояб., 468, 470.
- Каченовскій, Карлъ**, офиц. польскихъ войскъ, 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 660, 661, 666.
- Каченовскій, Мих. Трофимовъ**, проф., род. 1775 г., † 1842 г., т. LXXXV, февр., 417.
- Каченовскій**, юрисконсулътъ при рус. миссiи въ Констант. 1878 г., т. LXXXVII, июль, 66.
- Хашадамовъ, Никл. Иванъ**, титуляр. сов., его библиографическiй листокъ на оберткѣ каждой книги.
- Квасницкiй, полковн. польск. войскъ** 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 213.
- Квицкискiй, генер. польск. войскъ** 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 225, декаб., 654, 656, 669.
- Квятковскiй, полковн. польск. войскъ** 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 213, 216., декаб., 656.
- Кейтъ, гр. Яковъ**, фельдмарш., † 1758 г., т. LXXXV, янв., 125, 126.
- Кеневичъ, В. Ѳ.**, † 1864 г., томъ LXXXV, февр., 269, т. LXXXVIII, декаб., 520—523.
- Кетенбургъ, ген.-лейт.** 1763 г. т. LXXXVIII, нояб., 463.
- Кехля, офицеръ** 1849 г., т. LXXXV, февр., 264, 265.
- Кидошенковъ, поч. опекунъ** 1896 г., т. LXXXV, янв., 73.
- Книгина, Марiя Алексѣевъ**, въ зам. Бабина, т. LXXXV, февр., 315, 316.
- Книгизъ, Алексѣй Андреевъ**, его письмо по поводу кончины М. Н. Лермонтова, 1841 г., т. LXXXV, февр. 315, 316.
- Книязъ, Петръ Андреевъ**, ст.-секр., сенат., род. 1775 г., † 1834 г. т. LXXXVI, апр., 19, 20, май, 292, 294.
- Кирпичановъ, А. И.**, проф. сообщ.:
- „Профессоръ М. Я. Мудровъ, П. Я. Чаадаевъ и Ф. Ф. Вигель“, т. LXXXV, мартъ, 611—617.
- Киртвевскiй, Я. В.**, 1892 г., т. LXXXVI, апр., 194, май, 350., т. LXXXVIII, декаб., 623—646.
- Киселевъ, гр. Никол. Дм.**, послан. во Франц. 1852 г., † 1869 г., т. LXXXVI, июнь, 602, 603., томъ LXXXVIII, декаб., 630.
- Киселевъ, гр. Пав. Дм.**, мнн. госуд. имуп., р. 1788 г., † 1872 г. т. LXXXVI, май, 239, 240, 306, июнь, 451, 484, т. LXXXVII, авг., 246, 318, т. LXXXVIII, декаб., 588, 677—686.
- Кисловскiй, вице-директ. деп-а мнн. народн. проsv.** 1858 г., т. LXXXV, мартъ, 557, 559.
- Кларкъ, Василiй**, сообщ. „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко въ Астрахани“, т. LXXXV, мартъ, 655—658, т. LXXXVII, авг., 449, 450.
- Клейнмихель, гр. Петръ Андреевъ**, ген.-ад., † 1839 г., т. LXXXV, янв., 50, т. LXXXVI, май, 314, 336, июнь, 616.
- Клименковъ, проф. мед.**, т. LXXXV, янв., 199.
- Климентъ, митроп. рущукск.** 1578 г., т. LXXXVII, авг., 240, 241.
- Клюорингъ, Богд. Фед.**, ген.-отъ инф. главноком. армiей въ Финлянд., род. 1746 г., † 1825 г., т. LXXXV, мартъ, 482, 491.
- Клюорингъ, генер.** 1829 г., т. LXXXV, февр., 394.
- Клажевничъ, Александръ Максимовъ**, мнн. финанс. 1858 г., род. 1792 г., † 1872 г., т. LXXXV, мартъ, 560—562.
- Клязминъ, Яковъ Борнс.**, писатель род. 1742 г., † 1791 г., т. LXXXVIII, нояб., 304.
- Клязминъ, слб. об.-полицiйм.** 1827 г., т. LXXXV, янв., 13, 14
- Кобыла, Андр. Ив.**, бояринъ, т. LXXXVII, июль, 114.
- Козалевскiй, Евгр. Петровъ**, мнн. народ. проsv., 1858 г., т. LXXXV, мартъ, 560—562, 643.
- Кованко, генер., началн. аргил. учил.** 1835 г., т. LXXXVI, июнь, 652.
- Козловскiй, Викент. Мих.**, ген.-отъ инф., † 1871 г., т. LXXXVI, май, 394, 405.
- Козловскiй, кн., П. Б.** т. LXXXVI, июнь, 456, 457.
- Козловъ, Ив. Ив.**, ген.-рекегмейст. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 424.
- Козодавлевъ, Осипъ Петровъ**, писат., тов. мн-ра вн. дѣл., род. 1752 г., † 1819 г., т. LXXXV, мартъ, 487, 490, т. LXXXVIII, окт., 208.

- Богошенинъ**, Серг. Александ., ген.-ад., спб. полиціймейст. 1830 г. т. LXXXV, февр., 242, т. LXXXVIII, окт., 79.
- Боловольниковъ**, Василий Яковл., масонъ, † 1792 г., т. LXXXVIII, нояб., 321—323, 336, 337, 360, 361.
- Боловольцова**, послѣд-да сестры Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Болосовъ**, Ив. Петров., ст. сов. род. 1775 г., † 1819 г., т. LXXXVI, май, 298.
- Болпатовскій**, Ив. Петров., его восп. о Шевченко, т. LXXXV, мартъ, 655—658.
- Болхиско**, ген. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVII, авг., 378, 392, 396, 397.
- Болубакинъ**, Н. В., актеръ 1835 г., т. LXXXVI, апр., 46.
- Бомовская**, А. А., сообщ. „Письмо крестьянъ графини Орловой—Чесменской“, т. LXXXVII, сент., 527—529.
- Бомовскій**, А. Д., чиновн. 1837 г., т. LXXXVIII, окт., 175.
- Бонисскій**, А., сообщ. „Поправка къ статьѣ: Т. Гр. Шевченко въ Астрахани“, т. LXXXVII, авг., 449, 450.
- Бониницкыиъ**, генер. 1813 г., т. LXXXV, мартъ, 500, т. LXXXVI, апр., 18, т. LXXXVIII, окт., 102.
- Бонстантииъ Николаевичъ**, великій князь, р. 1827 г., † 1892 г., томъ LXXXV, февр., 284, т. LXXXVI, май, 358, июнь, 452, 585—627, 664.
- Бонстантииъ Павловичъ**, вел. кн., цесаревичъ, р. 1779 г., † 1831 года, т. LXXXV, янв., 165—190, февр., 314, 381—393, мартъ, 489, томъ LXXXVI, апр., 163, 164, 181, май, 307, 308, 370, 398, 399, 400, 401, июнь, 510, т. LXXXVII, июль, 5—12, авг., 372, 445, сент., 604, 636, т. LXXXVIII, окт., 20, 44, 53, 68—94, 165—169, нояб., 451, 462, 474, 475, декаб., 664, 675.
- Боншинъ**, директ. тверск. гимназ. 1846 г., т. LXXXVIII, окт. 185.
- Боншинъ**, сенат., 1822 года, томъ LXXXVIII, декаб., 679.
- Бопъевъ**, писат., т. LXXXVIII, нояб., 304.
- Боранововъ**, Дм., † 1866 г., томъ LXXXVIII, декаб., 528—534.
- де-Борберонъ**, фр. послан. въ Спб. 1778 г., т. LXXXV, февр., 406, 409, 410, т. LXXXVI, апр., 143, 151.
- Борженевскій**, Мпх. Корнѣев. ген. 1829 г. т. LXXXVI, апр., 155, 172—179, май, 393, т. LXXXVII, авг., 381—391.
- Бормидицкыиъ**, А. М., конноводч. 1850 г., т. LXXXVI, май, 361.
- Борнидовичъ**, декабр., т. LXXXVI, июнь, 461.
- Борниловъ**, Влад. Алексѣев., адмир. † 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 674.
- Борниловъ**, Ив. Петров., попечит. Виленск. учебн. окр., 1863 г., т. LXXXVIII, 545—560.
- Борниловъ**, Ѳед. Петр., чл. Госуд. Сов. † 1895 г. т. LXXXVI, апр., 214.
- Борсаковъ**, Дм. Александ., профес. казанск. унив. 1895 г., т. LXXXVII, июль, 125.
- Борсаковъ**, генер. 1812 г., т. LXXXV, февр., 305—312, мартъ, 489, томъ LXXXVII, сент., 606.
- Борфъ**, бар., вполс. гр., Молесть Анд., чл. Госуд. Сов., т. LXXXVI, июнь, 452, 465, 472, т. LXXXVII, авг., 339.
- Борфъ**, генер. 1812 г., т. LXXXVII, сент., 605.
- Боршъ**, Вал. Ѳед., р. 1828 г., † 1883 г., т. LXXXVIII, декаб., 643.
- Борытовскій**, полковн. 1829 г., томъ LXXXV, янв., 175, 176.
- Боссовичъ**, Казт. Андреев., санскри-тологъ, библи. спб. публ. библиот., т. LXXXVIII, окт., 185, 186, декаб. 641.
- Боссовичъ**, Ѳед. Андреев., штабъ-лекаръ 1-гв. Егерск. пол. 1824 г., т. LXXXV, янв., 225—242.
- Бостомаровъ**, Никол. Ив., род. 1817 г., † 1885 г., т. LXXXV, мартъ, 656, т. LXXXVII, авг., 449, 450, сент., 617.
- Бостыишо**, Ѳадей, генер. польск. службъ, т. LXXXVIII, окт., 165—167, декаб., 664.
- Ботальииковъ**, Петръ Ив., академ. 1782 г., т. LXXXVII, сент., 470—490.
- Боховскій**, Екатеринославск. губерн. 1792 г., т. LXXXVII, авг., 259.
- Боховскій**, декабр., т. LXXXVI, июнь, 459.
- Бохъ**, Фридрихъ, поруч. „Голштинскаго отряда“, 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
- Боцебу**, гр., Пав. Евстафьев., ген.-губ. Ц. Польскаго, род. 1801 г., † 1884 г., т. LXXXVI, апр., 174, июнь, 529.
- Бочетовъ**, Іаени. Сем., протоіер., чл. Акад. наукъ, † 1854 г., т. LXXXVII, июль, 182, сент., 583.
- Бочубей**, кн., Викт. Павл., мин. вн. дѣлъ, вполс. канцл., род. 1768 г., † 1834 г. т. LXXXVI, апр., 199, 200, май, 228—306, т. LXXXVII, авг., 275, сент., 621, т. LXXXVIII, окт., 47, 174, нояб., 422.

- Кочубей**, гр-ня, Наталья Викторовна, т. LXXXVIII, окт., 47, 48.
- Копалскій**, преподават. парскос. лица 1823 г., т. LXXXVIII, окт., 174.
- Копелевъ**, Александр. Ив., земскій дѣят. р. 1807 г., † 1883 г., т. LXXXVI, май, 352, т. LXXXVIII, окт., 57.
- Копна**, Фед. Андреев., бодринъ, т. LXXXVII, июль, 114.
- Краевскій**, Андрей Александр., издат. „Голога“, род. 1810 г., † 1889 г., т. LXXXV, мартъ, 564.
- Крамской**, Ив. Никол., художн., т. LXXXVIII, декаб., 585, 596 - 597.
- Красавицкій**, Матв. Ив., педагогъ, миров. посредн. I-го призыва, томъ LXXXV мартъ, 518—539, томъ LXXXVI, апр., 62—78.
- Красинская**, гр-ня, рожд. княжна Радзивилль, † 1822 г., т. LXXXVIII, окт., 164, 168.
- Красинскій**, гр., Викентій, ген. отъ кав., ген.-ад., чл. Госуд. Сов., род. 1783 г., † 1858 г., т. LXXXV, февр., 394, т. LXXXVIII, окт., 164, 167, 168.
- Красинскій**, гр., Сигизмундъ, поэтъ, р. 1811 г., † 1859 г., т. LXXXVIII, окт., 164.
- Красовскій**, Александр. Ив., цензоръ, род. 1776 г., † 1857 г., т. LXXXV, февр., 279.
- Красовскій**, Аванас. Ив., ген.-лейт., 1831 г., т. LXXXVI, апр., 193.
- Красовскій**, поруч., польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 225.
- Крафтъ**, акад. 1782 г., т. LXXXVII, сент., 481.
- Крафтъ**, преподават. имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 452.
- Кращенинниковъ**, Степ., профес. 1750 г., т. LXXXVIII, окт., 170.
- Крейцъ**, генер. 1830 г., т. LXXXVII, сент., 652, 659.
- Крютинъ**, преподаватель воен. наукъ швед. кор. Густаву IV, т. LXXXVI, апр., 81—96, май, 369, 373.
- Кропотовъ**, Пав., лейт. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Крыжановскій**, ген.-ад., Варшавск. воен. ген.-губ., 1862 г., т. LXXXV, янв., 53.
- Брыловъ**, Ив. Андр., баснописецъ, род. 1768 г., † 1844 г., т. LXXXV, янв., 88, февр., 267—283, мартъ, 564, 565, т. LXXXVI, июль, 655, 663, т. LXXXVIII, нояб., 304, 309.
- Брыловъ**, Никита Ив., профес., томъ LXXXV, янв., 200.
- Брыловъ**, генер., 1877 г., т. LXXXV, янв., 71.
- Брымскій**, Кодрать Григ., членъ духовн. мисси въ Пекинѣ 1827 г., † 1863 г., т. LXXXV, февр., 336, мартъ, 590, 602, 608.
- Брысинскій**, генер. 1830 года, томъ LXXXVII, сент. 655, 659.
- Брюднеръ**, баронесса, Юліана, рожд. Фитингофъ, пиетистка, род. 1766 г., † 1824 г., т. LXXXV, февр., 235, т. LXXXVII, авг., 406, т. LXXXVIII, окт. 35, 51.
- Брюленеръ**, бар., генер. 1878 г., т. LXXXV, февр., 298, 308, мартъ, 465, 467.
- Брюльсъ**, адм. 1721 г., т. LXXXVII, июль, 111.
- Брюковецкій**, офиц. польск. войск., 1830 г., т. LXXXVIII, 671.
- Брюковской**, генер. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 215.
- Будрявцевъ**, М. П., сообщ.: „Кулакида“, поэма К. Ф. Рыльева, томъ LXXXV, мартъ, 506—510.
- Будрявцевъ**, Петръ Никол., профес. московск. унив., т. LXXXV, янв., 202.
- Бузнецовъ**, Е. В., сообщ.: „Два письма, вызванныя событіями 14 дек. 1825 г.: письмо Петра Капцевича Евгению арх. Тобольскому и Сибирскому и отвѣтъ арх. Евгения“, т. LXXXV, февр., 314, 315.
- Бузнаповъ**, подполковн. 1820 г., т. LXXXVI, май, 406.
- Буколевскій**, поруч. 1831 года, томъ LXXXVI, июнь, 462.
- Бужольникъ**, Нестор. Васил., писат., р. 1809 г., † 1868 г., т. LXXXV, мартъ, 564, т. LXXXVI, июнь, 655, т. LXXXVII, сент., 661, 662.
- Бужольникъ**, Пав. Вас., т. LXXXVI, июнь, 655.
- Бужольникъ**, преподават. имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 452, 453.
- Кулина**, Юлія Александров., томъ LXXXVIII, декаб., 554.
- Кулинъ**, Васил. Петров., окружн. инспект. школъ Виленск. губ. 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 554.
- Куломзинъ**, А. Н., томъ LXXXVI, апр., 213.
- Кульневъ**, Яковъ Петр., герой отеч. войны, род. 1763 г., † 1812 г., томъ LXXXV, мартъ, 482.
- Кумани**, контръ-адм., томъ LXXXV, февр., 445, т. LXXXVI, июнь, 673.
- Куприяновъ**, Пав. Яковлев., генер., род. 1789 г., † 1874 г., т. LXXXV, февр., 446, 447, т. LXXXVI, июнь, 520.
- Куракинъ**, кн., А. Б., послан. во Франц. 1716 г., т. LXXXVI, апр., 25.
- Куракинъ**, кн., предсѣд. деп. экономіи Госуд. Сов. 1821 г., т. LXXXVI, май, 298.

Буракинъ, кн., 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 304.
Буржель, Игнатій, офицер. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 661—669.
Буржель, Мих., офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 654, 660.
Бурилинъ, Меркурій Кузъм., генер. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 526.
Буропаткинъ, генер. 1878 года, томъ LXXXV, янв., 73, февр. 287, 294, 295, т. LXXXVI, май, 251.
Бурута, Владиміръ губернат., 1837 г., т. LXXXV, февр., 418.
Бурута, генер. 1829 г., т. LXXXV, янв., 165.
Бутейниковъ, Дм., ген.-м. 1820 г., т. LXXXVI, май, 408.
Бутневичъ, Васил. Ив., об.-свещ. арміи и флота 1830 г., т. LXXXV, янв., 29, 32.
Буторга, М. С., профес. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 573.
Бутузовъ, Алексій Мих., масонъ 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 321, 323—365.
Бутузовъ-Смоленскій, кн., см. Голенищевъ-Кутузовъ.
Бутелевъ, Григ., 1793 г., т. LXXXVIII, нояб., 461.
Бухельбекеръ, Мих. Карлов., декаб., † 1859 г., т. LXXXVI, июнь, 460.

Л.

Лавшинъ, Александр. Фед., вице-през. акад. худож., 1812 г., мартиность, т. LXXXVII, авг. 424, 425, 427, 433, т. LXXXVIII, нояб., 301.
Лаваль, гр.-ня, послѣд-ца секты Татариновой. т. LXXXV, февр., 235.
Лавринъ, Егоръ. лейтен. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
Лагартъ, Фредерикъ-Сезаръ, воспитат. имп. Александра I, р. 1754 г., † 1838 г., т. LXXXVIII, нояб. 459—461.
Ладженскій М. В., подполковн., 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 592, 595, 596, 602, 608.
Ладженскій кн., Никол., подпоруч. 1762 г., т. LXXXVIII, нояб., 393.
Лажечниковъ, Ив. Ив., писат., род. 1794 г., † 1869 г., т. LXXXVIII, декаб. 585, 594—599
Лазаревъ Мих., Петров. адмир., † 1852 г., т. LXXXVI, июнь, 664, 668, 673, 674
Лайонъ, Евгенія Васильевн., няня

имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 450—452.
Лажманъ, Эрнстъ, естествоиспытат., акад. 1791 г. т. LXXXVII, июль, 28—30, сент., 462, 463.
Ламбертусъ, поруч. «Голштинскаго отряда» 1763 г. т. LXXXVIII, нояб., 466.
Ламбертъ, гр., 1794 г. т. LXXXV, мартъ, 570.
Ламадорфъ, гр., Матв. Ив., ген. отъ кав., воспитат. имп. Николая I, р. 1745 г., † 1828 г. т. LXXXV, февр. 377, 380, т. LXXXVI, июнь, 450—452.
Лангаль, Никол. Андреев., ген.-лейт. Воронежск. воен. губернат., 1847 г., т. LXXXV, февр., 369.
Лангъ, Моисей, подполковн. «Голштинск. отряда» 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
Лангъ, Фридрихъ, капит. „Голштинскаго отряда“ 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
Ланжеронъ, гр., Александръ Фед., одес. ген.-губ., род. 1763, † 1831 г., т. LXXXVI, май, 316, 317, июнь, 476.
Ланская, Александра Мих., рожд., Ханькова, т. LXXXV, мартъ, 501.
Ланской, Дм. Серг., управл. департ. госуд. имущ., сенат. 1817 г., томъ LXXXVI, май, 292, 346.
Ланской, Пав. Серг., 1812 г., томъ LXXXV, мартъ, 501.
де-Лафонъ, Софія, статсъ-дама, начальница Смолен. инст., † 1797 г., т. LXXXVIII, нояб., 395, 402, 409.
Лачиновъ, В. сообщ.: „Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ. Ихъ отношенія и переписка“, т. LXXXVIII, окт., 171—191.
Лашкаревъ, генералъ 1830 г. томъ LXXXVII, сент., 648, 650, 651.
Лебедева, Прасковья Прохорова, танцовщица 1855 г., т. LXXXVII, июль, 207.
Лебедевъ, Петръ Семен., ген.-лейт., профес. воен. акад., т. LXXXV, мартъ, 643.
Левашевъ, гр., Василій Васильев., предсѣд. Госуд. Сов. и комит. мин., род. 1783 г., † 1843 г., т. LXXXVI, май, 313, 314
Левашовъ, гр., Влад. Васильев., одес. градонач. 1878 г., т. LXXXV, мартъ. 459, 460, 461.
Левашовъ, ген.-м., 1816 г., томъ LXXXVI, июнь, 632, т. LXXXVII, авг., 403.
Левинскій, Θεодосій, священ. города Балты, 1818 г., т. LXXXVII, авг., 431.

- Левинскій**, генер. 1877 г., т. LXXXV, янв., 56, мартъ, 465, 467, т. LXXXVI, май, 251, 254.
- Левкиевичъ**, Граціанъ, волынск. предвод. двор. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 172, 173, 174.
- Левкиѣва**, актриса, т. LXXXVI, апр., 51.
- Левшинъ**, Алексѣй Иракліев., одес., градонач. 1831—1837 гг., т. LXXXVI, апр., 191—192, 199.
- Легастовъ**, Антонъ Мнх., художн. 1834 г., т. LXXXV, мартъ, 596.
- Ледоховскій**, Висентій, маршалокъ 1829 г., LXXXVI, апр., 155.
- Ледоховскій**, Иванъ, каштелянъ, т., LXXXVIII, декаб., 675.
- Лексель**, астрономъ 1777 г., томъ LXXXVII, сент., 463, 467, 481.
- Лексъ**, Мнх. Ив., тов. мип. вн. дѣлъ, т. LXXXV, мартъ, 664, т. LXXXVI, апр., 193.
- Лелевель**, профес. Виленск. унвер., 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 81, 82.
- Лекротъ**, финск. писат., 1840 г., т. LXXXVIII, окт., 179—181.
- Леонскій**, Дм. Тимоф., артистъ моск. театр. р. 1805 г., † 1860 г., томъ LXXXVI, апр., 42, т. LXXXVII, июль, 213, 217.
- Леонидъ**, Леонидъ Львов., артистъ спб. театр. род. 1821 г., † 1889 г., т. LXXXVII, июль, 217.
- Леонидъ**, Красовскій, игуменъ Седмиозерск. пустыни съ 1767—1775 г. игум. Охорскаго Преображенскаго монасты. Могилев. губ. съ 1775—1784 г., т. LXXXVIII, нояб., 469.
- Леонтьевскій**, З. О., членъ русск. мисси въ Пекинѣ 1827 г., томъ LXXXV, мартъ, 590.
- Леонтьевъ**, Пав. Мнх., профес. московск. унвер., т. LXXXV, янв., 202, 203.
- Лепарскій**, Станиславъ Романов., ген. м., коменд. Нерчинск. рудникъ съ 1826 г., род. 1754 г., † 1838 г., т. LXXXV, мартъ, 610, т. LXXXVI, июнь, 462—464, 511—517, 632.
- Лепехинъ**, Ив. Ив., акад. 1776 г., † 1802 г., т. LXXXVII, сент., 462—482, т. LXXXVIII, окт., 158.
- Лермонтовъ**, Мнх. Юрьев., писат., р. 1814 г., † 1841 г., т. LXXXV, февр., 315, 316, т. LXXXVI, апр., 41, май, 357, июнь, 645—649, томъ LXXXVIII, окт., 131, 188.
- Лесліѣ**, Фел., мичманъ 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Лесовскій**, ген.-лейт., нач. 2-го окр. корп. жанд. 1833 г., т. LXXXV, янв., 41, 42, 45.
- Лестокъ**, генер. 1807 г., т. LXXXVIII, декаб., 494.
- Лешковъ**, Васил. Никол., профес., т. LXXXV, янв., 200, 201.
- Ливенъ**, княг., рожд. Бенкендорфъ, супруга послан. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 602, т. LXXXVIII, окт., 72.
- Ливенъ**, Шарлотта Карлов., статсъ-дама, воспитат. да в. княж. Александры Павловны, т. LXXXV, февр. 355, мартъ, 582, июнь, 450, томъ LXXXVII, сент., 641, т. LXXXVIII, окт., 15, 22, 199.
- Ливенъ**, кн., Христоф. Андр., послан. въ Лондонъ съ 1812—34 гг., род. 1777 г., † 1838 г., т. LXXXVIII, окт., 72, 74.
- Ливенъ**, кн., Карлъ Андреев., ген.-лейт., мин. нар. просв., род. 1767 г., † 1845 г., т. LXXXV, мартъ, 479, 480.
- Лидерсъ**, Анна Ив., въ зам. Фожъ, т. LXXXVIII, декаб., 485.
- Лидерсъ**, ген. отъ инф. 1849 г., томъ LXXXVI, июнь, 520, т. LXXXVIII, окт., 116.
- Лилле**, профес. Гельсингфор. унвер. 1841 г., т. LXXXVIII, окт., 176, 178.
- де-Линъ**, кн., Карлъ, фельдмаршалъ, род. 1735 г., † 1814 г., т. LXXXVIII, нояб., 279, 375, 376, 377, 444.
- Липаевъ**, Ив., сообщ.: „Петръ Ильичъ Чайковскій“, т. LXXXVII, сент., 545—552.
- Литке**, Карлъ, лейт. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Литта**, гр-ня, см. Энгельгардъ.
- Литта**, гр-ня, послѣд.-па секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.
- Лобановъ**, кн., Александр., фл.-ад. 1818 г., т. LXXXVIII, окт., 45.
- Лобановъ**, кн., Яковъ, об.-церемониймейст. 1818 г., т. LXXXVIII, окт., 45.
- Лобановъ**, кн., предсѣдат. гражданскаго деп. Госуд. Совѣта 1820 г., т. LXXXVI, май, 298.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Алексѣй Борисов., мин. вн. дѣлъ, р. 1824 г., † 1896 г., т. LXXXVIII, декаб., 677—692.
- Лобановъ-Ростовскій**, кн., Дм. Ив., ген. отъ инф., мин. юстиціи съ 1817—1827 г., род. 1752 г., † 1838 года, т. LXXXVI, май, 308, 312, т. LXXXVIII, декаб., 652.
- Ловичъ**, княгиня, Жанета Антонов. (Іоанна Грузинская), супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 г., † 1831 г., т. LXXXV, февр., 387, т. LXXXVII, июль, 6, 9, 11, т. LXXXVIII, окт., 87, 94.

М.

- Логановскій**, скульпт. 1837 г., томъ LXXXVI, июль, 661.
- Логвиновъ**, Назаръ, лейтен. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб. 441.
- Ломоносовъ**, Григ. Андреев., ген.-м., род. 1767 г., † 1810 г., т. LXXXV, мартъ, 477, 478.
- Ломоносовъ**, Мих. Вас., акад. писат. р. 1711 г., † 1765 г., т. LXXXVI, апр., 38, т. LXXXVIII, нояб., 309—311.
- Лопухина**, Анна, 1800 годъ, томъ LXXXVIII, нояб., 480.
- Лопухинъ**, Ив. Влад., ст. сек., сенат., масонъ, род. 1756 г., † 1816 г., т. LXXXVIII, нояб., 821—361.
- Лопухинъ**, кн., Петръ Васил., мин. юстици съ 1803—1810 г., предсѣд. Госуд. Сов. и комит. мин.-въ съ 1816 г., род. 1741 г., † 1827 г., т. LXXXVI, май, 297, 301, 312, томъ LXXXVII, авг., 258, 277, 279, т. LXXXVIII, декаб., 643.
- Лопухинъ**, Петръ Владим., томъ LXXXVIII, нояб., 328, 335.
- Лорерь**, Никол. Ив., декабристъ, т. LXXXVII, сент., 562, 564.
- Лохвицкій**, чиновн. 1842 г., томъ LXXXV, мартъ, 655, т. LXXXVII, авг., 450.
- Лощагаревъ**, генер. 1878 г., томъ LXXXVI, май, 264, 266.
- Лубкинъ**, директ. Пензенск. гимнази 1860 г., т. LXXXVIII, 528.
- Лубяновскій**, Фед. Петров., сенат. род. 1777 г., † 1869 г., т. LXXXV, мартъ, 546, 547, т. LXXXVI, май, 304.
- Лукиновъ**, сенаторъ 1879 г., томъ LXXXVII, июль, 66, 67.
- Луцандинъ**, Лаврентій, морск. офиц., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Любецкій**, кн., мин. финан. П. Польскаго 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 82, 83, 164.
- Любимовъ**, Никол. Алексѣев., проф. физикн московск. унив. 1862 г., т. LXXXV, мартъ, 680.
- Любовицкій**, презид. полиц. въ Варшавѣ 1830 г., т. т. LXXXVIII, окт., 80.
- Лядомъ**, И., сообщ.: „Экспромить актера П. Григорьева Е. С. Вахрину 1842 г., т. LXXXV, февр., 366.
- Ляпуновъ**, полковн. 1800 г., томъ LXXXV, мартъ, 477.
- Лясковскій**, профес. московск. унив., т. LXXXV, янв., 202.
- Лященко**, т. LXXX, февр., 272—280.
- Львовъ**, Алексѣй Фед., директ. пѣвческ. капел., композ., сенат., томъ LXXXVI, май, 318, июль, 454, т. LXXXVIII, декаб., 587.
- Магницкій**, Мих. Леонтьев., попечит. Казанск. учеб. окр., ст.-секрет., род. 1778 г., † 1844 г., т. LXXXVI, апр., 20, т. LXXXVII, июль, 180, авг., 338, 436, 438.
- Мадатовъ**, кн., генер. 1813 г., т. LXXXV, февр., 447, т. LXXXVI, апр., 16, июль, 480.
- Майковъ**, Апол. Александ., директ. театровъ 1825 г., писат., т. LXXXVI, май, 310, т. LXXXVIII, окт., 187.
- Майковъ**, Леонидъ Никол., акад., сообщ.: „Какъ понимать басню Крылова „Водолазы“, т. LXXXV, февр., 267—283.
- Майковъ**, П. М. сообщ.: „Сношенія Екатерины II съ Неккеромъ и съ Сенакъ де-Мельяномъ“, т. LXXXV, янв., 145—161. „Замѣтка о семействѣ Шкуриныхъ“, т. LXXXVIII, нояб., 421—422. „Записки графа Л. I. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 г.“, т. LXXXVIII, дек., 481—518.
- Макартней**, Дж., англ. послан. въ Спб. 1765 г., т. LXXXV, янв., 133, февр., 399, 403, 407, 410, 411.
- Макрицкій**, писат., художн., т. LXXXVI, июль, 655.
- Максимовичъ**, Ив. Корнильев. ген.-лейт., 1855 г., т. LXXXVII, июль, 225, 226.
- Мамонъ**, актеръ 1835 г., т. LXXXVI, апр., 45—49.
- Малаховскій**, Станисл., генер. польск. войскъ 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 165.
- Мальцева**, Софья Серг., см. Нечаева.
- Мамоновъ**, гр., 1770 г., т. LXXXVIII, нояб., 374, 376.
- Манганари**, Мих. Павлов., каунт. 1847 г., т. LXXXVI, июль, 665—673.
- Мандтъ**, лейбъ-мед. 1854 г., т. LXXXVI, июль, 611—628.
- Мансуровъ**, полковн. 1836 г., т. LXXXVI, май, 414, 415.
- Мансуровъ**, Б. П., директ. деп. мин. нар. проsv., 1861 г., т. LXXXVIII, декаб., 523.
- Марини**, Пав. Яковлев., чиновн. особ. поруч. при Новорос. ген.-губ. 1837 г., т. LXXXVI, апр., 200.
- Маринъ**, фл.-ад. 1809 г., т. LXXXV, мартъ, 485.
- Марія Александровна**, императрица, род. 1824 г., † 1880 г., т. LXXXV, мартъ, 558, т. LXXXVI, июль, 587, 591, 592, 593.

- Марія Николаевна**, вел. княг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 г., † 1876 г., т. LXXXV, янв., 93, т. LXXXVI, июнь, 494, 603, 620, 631, т. LXXXVIII, окт., 55.
- Марія Павловна**, вел. княгиня, въ зам. великая герцогиня Саксен-Веймарская, р. 1786 г., † 1859 г., т. LXXXVI, июнь, 629, т. LXXXVII, июль, 15, т. LXXXVIII, окт., 44.
- Марія Феодоровна**, императрица, род. 1759 г., † 1828 г., т. LXXXV, мартъ, 501, 504, т. LXXXVI, апр., 9, 130, 131, 146—152, май, 308, 309, 387, июнь, 450, 452, 472, 491, 508—510, 627, 632, т. LXXXVII, авг., 329, 334, сент., 576, 643, 645, т. LXXXVIII, окт., 14—60, 182, 203—207, нояб., 378, 451, 475—490.
- Маркѣвичъ**, полковн. 1802 г., преподават. имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 452.
- Марковъ**, гр., Аркадій Ив., полномочн. мин. въ Стокгольмѣ, р. 1747 г., † 1827 г., т. LXXXV, февр., 362—361, мартъ, 563—532, т. LXXXVI, май, 370—388, т. LXXXVII, июль, 154—161, авг., 351—366, сент., 627—642, т. LXXXVIII, окт., 195—205, нояб., 267.
- Марковъ**, Иракій Ив., ген. 1812 г., т. LXXXVIII, декаб., 648.
- Маршукъ**, лейбъ-мед. 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 628.
- Марпергеръ**, нѣмецк. писат., извлеченіе изъ его соч. „Московский бунецъ“ 1705 г., т. LXXXVI, май, 431—441.
- Мартыновъ**, Александр. Евстафьев., артистъ, род. 1816 г., † 1860 г., т. LXXXV, февр., 366, т. LXXXVI, апр., 51—54, май, 358, 360.
- Мартыновъ**, Никол., офиц. 1841 г., т. LXXXV, февр., 316.
- Марченко**, Васил. Романов., государств. секретарь, род. 1782 г., † 1838 г., т. LXXXV, мартъ, 471—505, т. LXXXVI, апр., 3—20, май, 291—317, т. LXXXVII, авг., 257, 445, 446.
- Марченко**, Марья Осипов., по перв. браку Шмйтъ, т. LXXXV, мартъ, 479, 481, т. LXXXVI, апр., 15, май, 303.
- Масальскій**, кн., редакт. „Современника“ 1846 г., т. LXXXVIII, дек., 645.
- Масловъ**, капит. 1878 г., т. LXXXV, февр., 309.
- Медвѣдова**, артистка московск. театр., 1855 г., т. LXXXVII, июль, 218.
- Мейеръ**, Карлъ Андреев., директ. спб. ботанич. сада 1751 г., род. 1796 г., † 1855 г., т. LXXXV, мартъ, 678.
- Мейндеръ**, ген.-л., директ. Павлов. кадет. корп. 1857 г., т. LXXXVIII, декаб., 540.
- Мелетій**, митроп. софійск. 1878 г., т. LXXXVII, авг., 240, 241.
- Меликовъ**, М. Е., сообщ.: „Замѣтки и воспоминанія художника живописца“, т. LXXXVI, июнь, 643—674.
- Меликовъ**, Пав. Моисеев., полковн., коменд. въ Баку, † 1848 г., т. LXXXVI, июль, 643—646.
- Меллеръ-Закомельскій**, т. LXXXVIII, окт., 101.
- Мельгуновъ**, писатель, 1844 г., томъ LXXXIII, декаб. 622—646.
- Мельниковъ**, художн. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Меншиковъ**, кн., Александр. Серг., морск. мин., род. 1787 г., † 1869 г., т. LXXXVI, июнь, 475, 489—499, 585, т. LXXXVII, июль, 27, авг., 314, т. LXXXVIII, окт., 76, 88, 133.
- Меншиковъ**, профес., т. LXXXV, янв., 201.
- Мердеръ**, Карлъ Карл., ген.-ад., воспитат. цесарев Александра Николаевича, р. 1787 г., † 1834 г., т. LXXXVIII, июль, 90., 91, 96.
- Мердьяковъ**, Алексій Фед., проф., писатель, † 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 187.
- Мердаловъ**, А. Е., сообщ.: „Къ характеристикѣ правовъ въ XVIII вѣкѣ“, т. LXXXVII, авг., 444.
- Мессершмйтъ**, полковн., преподават. артил. учил. 1835 г., т. LXXXVI, июнь, 652.
- Метельскій**, офиц. 1829 г., т. LXXXV, янв., 171.
- Мещерякова**, Елис. Петров., рожд. Собакина, т. LXXXVI, июнь, 647, 648.
- Мещерниковъ**, Петръ Аванасьев., подполковн. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 647.
- Мещерскій**, кн., Петръ Серг., об. прокур. Синода съ 1817—1833 г., т. т. LXXXVI, июнь, 554, т. LXXXVII, авг. 422.
- Мещерскій**, кн., Саратовск. губернат. 1894 г., т. LXXXVI, апр., 113.
- Меодій**, игумень Новгород. монаст. 1827 г., т. LXXXV, янв., 12.
- Миддендорфъ**, Ив. Ив., при посольствѣ въ Стокгольмѣ 1794 г., т. LXXXVI, апр., 84, 88, 89.
- Микульскій**, офиц. 1829 г., т. LXXXV, янв., 164.
- Миллеръ**, Герардъ Фридерикъ, исторіографъ, р. 1705 г., † 1783 г., т. LXXXVII, сент., 626.

- Милоновъ**, Мих. Васильевъ, поэтъ-сатирикъ † 1821 г., т. LXXXV, янв. 142—144.
- Милорадовичъ**, гр., Мих. Андреев., спб. ген.-губ. съ 1813 г., род. 1770 г., † 14 дек. 1825 г., т. LXXXVI, май, 308—315, т. LXXXVII, июль, 176, сент., 589, т. LXXXVIII, окт., 118, 119.
- Милорадовичъ**, капит. 1829 г., т. LXXXV, янв., 164.
- Милотинъ**, гр., Дм. Алексѣевъ, воен. мин. 1864 г., ген.-ад., т. LXXXV, мартъ, 467, 468, 643, т. LXXXVI, май, 225—261, т. LXXXVII, июль, 49, 50, 80, авг., 237—251, т. LXXXVIII, окт., 107.
- Милотинъ**, Никол. Алексѣевъ, ст.-секрет., род. 1818 г., † 1872 г., т. LXXXVI, май, 259, т. LXXXVII, июль, 48, сент., 560.
- Милотинъ**, Юрій Николаевъ., т. LXXXVI, апр., 216.
- Минихъ**, гр., Бурхардъ Христофъ, ген.-фельдм., р. 1683 г., † 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 2—2.
- Минихъ**, Фед., флотск. офиц. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Минихъ**, гр., 1768 г., т. LXXXVIII, нояб., 392—412.
- Минкина**, (Шумская), Настасья Фед., домоправит-ца гр. Аракчеева, т. LXXXVI, май, 299, 308, 309.
- Мировичъ**, В. Я., поручикъ, † 1764 г., т. LXXXV, янв., 136, 137.
- Мистровъ**, Федотъ, лейтен. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 435, 441.
- Митъковъ**, Платонъ Фотіевъ, декабр., т. LXXXV, мартъ, 610.
- Михаилъ Десницкій**, митроп., новгород. и спб. съ 1818 г., р. 1761 г., † 1821 г., т. LXXXV, февр., 335, т. LXXXVIII, нояб., 310.
- Михаилъ Николаевичъ**, вел. князь, т. LXXXV, янв., 81, т. LXXXVI, апр., 214, июнь, 623, 627, т. LXXXVII, авг., 292, т. LXXXVIII, окт., 183.
- Михаилъ Павловичъ**, вел. князь, род. 1798 г., † 1849 г., т. LXXXV, янв., 92, февр., 234, 239, 369, 374, мартъ, 564, 565, т. LXXXVI, апр., 18, 44, 157, 158, май, 303—313, июнь, 450—632, т. LXXXVII, июль, 18, 19, сент., 572, т. LXXXVIII, окт., 14, 25, 44, 50, 55, 82, 83, 109, 131.
- Михаилъ Θεодоровичъ**, царь, род., 1506 г., † 1645 г., т. LXXXVII, июль, 103—122, т. LXXXVIII, декаб., 650.
- Михайловскій-Данилевскій**, Александръ. Ив., ген.-лейт., воен. историкъ, † 1848 г., т. LXXXV, мартъ, 499, 500.
- Михайловъ**, художн., т. LXXXVI, июнь, 660.
- Мицкевичъ**, Адамъ, польск. писатель, род. 1798 г., † 1855 г., т. LXXXV, февр., 385, т. LXXXVI, апр., 163.
- Мицкевичъ**, профес. Виленск. унив., т. LXXXVI, июнь, 581.
- Модевъ**, гр., маршалъ двора в. кн. Николая Павловича, 1819 г., т. LXXXVIII, окт., 35, 46.
- Модзалевскій**, Б., сообщ.: «Письма архіепископа Могилевскаго Георгія Ковпискаго къ В. Г. Рубану 1778—1780 гг.», т. LXXXVIII, нояб., 467—471.
- Можаровскій**, Апол., сообщ.: «Архимандритъ Петръ Каменскій, начальникъ десятой Россійско-Императорской миссіи въ Пекинѣ», т. LXXXV, февр., 317—342, мартъ, 585—609, т. LXXXVI, апр., 97—108.
- Мозрицкій**, художн., т. LXXXVIII, дек., 636.
- Молдавскій**, Конст. Андреев., художн. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661, 662.
- Молякъ**, бар., Осипъ Ив., почетн. любитель Авад. художн. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 391.
- фонъ-Моллеръ**, Пав. Антоп., вице-адм. 1880 г., т. LXXXVI, июнь, 610, т. LXXXVIII, нояб., 421.
- Моллеръ**, Фед. Антонов., художн., † 1875 г., т. LXXXVI, июнь, 655, 656.
- Молчановъ**, Петръ Степ., ст.-секрет., род. 1760 г., † 1837 г., т. LXXXVI, апр., 19.
- Моравскій**, докт. 1857 г., т. LXXXV, мартъ, 656.
- Морошкинъ**, М. Я., священ. т. LXXXVII, июль, 178.
- Морошничъ**, Фед. Лукичъ, профес., т. LXXXV, янв., 201.
- Мосальскій**, кн., генер. 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 467.
- Мордвиновъ**, Александръ. Семенов., полномоч. мин. въ Генуѣ и Венеціи 1792 г., т. LXXXV, янв., 149.
- Мордвиновъ**, гр., Никол. Семенов., морск. мин., предсѣд. деп. экономіи, род. 1754 г., † 1845 г., т. LXXXVI, апр., 190, май, 298.
- Мочаловъ**, Пав. Степ., артистъ, † 1847 г., т. LXXXVI, апр., 40—48, май, 359.
- Мудровъ**, Матв. Яковлев., профес. московск. унив., медикъ, род. 1772 г., † 1831 г., т. LXXXV, мартъ, 611—617.
- Музовскій**, священ., духовникъ имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 623, т. LXXXVIII, окт., 18.
- Муравьева**, Барвара Александровна, въ замуж. Бакунина, т. LXXXVIII, декаб., 599.

Муравьева, полков-ца, послѣдоват-ца секты Татариновой т. LXXXV, февр., 235.
Муравьевъ, Андрей Никол., писат., † 1876 г., т. XXXXVIII, дек., 577.
Муравьевъ, гр., Мих. Никол., мн-ръ госуд. имущ., ген.-губ. Зап. края 1863 г., род. 1796 г., † 1866 г., т. LXXXVI, апр., 76, т. LXXXVIII, декаб., 541, 544.
Муравьевъ, Никол. Назарьев., пов-город. губернат. 1820 г., т. LXXXVI, май, 323, 325.
Муравьевъ, гр. Амурскій, Никол. Никол. р. 1809 г., † 1881 г., т. LXXXV, февр., 445, 446, т. LXXXVIII, декаб., 608.
Муравьевъ, Никол. Никол. Карскій, род. 1793 г., † 1867 г., т. LXXXVIII, декаб., 576—582.
Муравьевъ, Никита Мих., декабр., род. 1796 г., † 1843 г., т. LXXXVI, июль, 459, 460.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., Валентинъ Платонов., род. 1735 г., † 1804 г., т. LXXXVIII, нояб., 258, 461.
Муравьевъ-Апостолъ, Серг. Ив., декабр., р. 1796 г., † 13 июля 1826 г., т. LXXXVI, июль, 459.
Муравьевъ-Апостолъ, севат., 1817 г., т. LXXXVII, июль, 175.
Муратовъ, харьковск. губернат. 1817 г., т. LXXXVI, май, 295.
Мухановъ, т. LXXXVIII, декабрь, 679, 681.

Н.

Нагаткинъ, Ив., кап.-лейт. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
Нагель, Дифланд и Эстланд. губернат. 1800 г., т. LXXXVII, сент., 543, 544.
Нагель, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 447.
Назимовъ, Владм. Ив., ген.-ад., по-печ. московск. унив. 1855 г., ген.-губ. С.-З. края 1860 г., род. 1802 г., † 1874 г., т. LXXXV, мартъ, 639, 642, 643.
Наполеонъ I, импер., т. LXXXVIII, декаб., 481—518.
Нарановичъ, К. сообщ.: „Попытки къ заведенію торговли Россіи съ Японіей въ 1791 г.“, т. LXXXVII, июль, 28—30.
Нартовъ, Андрей, 1774 года, томъ LXXXVIII, нояб., 421.
Нарышкина, рожд. Балъ, 1750 г., т. LXXXVIII, нояб., 370.
Нарышкина, Марья Антонов., рожд. княжна Четвертинская, фрейлина Еккатерины II, т. LXXXVII, авг., 410.
Нарышкина, Марія Яков., томъ LXXXVIII, окт. 35.
Нарышкина, Наталья Фед., рожден. Ростопчина, томъ LXXXVI, апр., 195—197, т. LXXXVII, авг., 410, 411, 419.
Нарышкинъ, Александр. Александр., камергеръ 1788 г., т. LXXXVIII, нояб., 457, 458.
Нарышкинъ, А. А., чл. славянск. комит. 1877 г., т. LXXXV, янв., 75.
Нарышкинъ, Алексд. Львов., об-камерг., род. 1760 г., † 1823 г., т. LXXXV, мартъ, 494.
Нарышкинъ, Дм. Васильев., томъ LXXXVI, апр. 195.
Нарышкинъ, Дм. Львовичъ, томъ LXXXVII, авг. 410.
Нарышкинъ, Кирилъ А., маршалъ двора в. кн. Николоя Павловича 1817 г., томъ LXXXVI, июль, 553, 554, т. LXXXVIII, окт., 25, 34, 35, 46.
Нарышкинъ, об-егермейст. 1750 г., LXXXVIII, нояб., 370, 373.
Наталія Алексѣевна, вел. княг. первая супруга цесарев. Павла Петровича, род. 1755 г., † 1776 г., т. LXXXVI, апр., 120, 126, 127, 129, 130, 148, 152, томъ LXXXVIII, нояб., 378.
Нахимовъ, Пав. Степ., адмир., род. 1803 г., † 1853 г., томъ LXXXVI, июль, 603.
Нахимовъ, Платонъ Степ., инспект. студ. московск. унив., т. LXXXV, мартъ, 640.
Начевичъ, 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 64.
Незворсовъ, Максимъ Ив., директ. типогр. москв. унив., масонъ, род. 1762 г., † 1827 г., томъ LXXXVIII, нояб., 321—323, 336, 337, 360, 361.
Некверъ, мн-ръ финанс. во Франціи, род. 1732 г., † 1804 г., т. LXXXV, янв., 145—161.
Неклюдовъ, Петръ Васильев., секрет. князя В. А. Черкаскаго по дѣламъ Креста 1877 г., послѣд. Орловск. губернат., томъ LXXXV, янв., 56, томъ LXXXVI, май, 263, 264, т. LXXXVII, авг. 244—252.
Некрасовъ, Никл. Алексѣев., писател., род. 1821 г., † 1877 г., томъ LXXXV, мартъ, 558, т. LXXXVIII, декаб., 640.
Нелединскій, Алексѣй, кап.-лейт. 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 444.
Нелединскій - Мелепкій, севаторъ 1801 г., т. LXXXVII, авг., 258, 279, т. LXXXVIII, нояб., 262, 444.

- Недидова, Екат. Ив.**, фрейлина, т. LXXXVIII, окт. 16, декаб., 691.
- Недидова, Марія**, въ зам. гр-ня Адлербергъ, т. LXXXVIII, окт., 26.
- Недидовъ, Агей**, лейт. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Недидовъ, А. И.**, директ. диплома-тлч. канц. главноком-го 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 463, т. LXXXVI, май, 253—261, т. LXXXVII, авг. 239.
- Недлювъ, Ив. Ив.**, Оренб. ген. губ. съ 1742—1758 г. г., род. 1693 года, † 1773 г., т. LXXXVI, май, 411, июнь, 550.
- Непокойщій, Артуръ Адамовичъ**, генер., род. 1803 г. † 1881 г., т. LXXXV, янв., 61—70, февр. 288, 290, 304—309, мартъ, 455, 465—467, т. LXXXVI, май, 234—262, томъ LXXXVII, авг., 245, 247.
- Нероусъ, католикосъ всѣхъ армянъ** 1854 г., т. LXXXVII, сент., 590.
- Нессельроде, гр. Карлъ Васильев.**, канцл., род. 1780 г., † 1862 г., т. LXXXV, янв., 188, мартъ, 588, т. LXXXVI, апр., 16, 18, 199, май, 421, июнь, 476, 490, 604, т. LXXXVII, июль, 24—38, 84, авг., 314—316, 394, 408, 409, сентября, 674, томъ LXXXVIII, окт., 74, 230, декаб., 682.
- Нечаева, Софья Серг.**, рожд. Мальцева, т. LXXXVII, авг., 422.
- Нечаевъ, А. П.**, т. LXXXV, февр., 267—278.
- Нечаевъ, Степ. Дм.**, об.-прокур. синода 1833 г., сенат., т. LXXXV, янв., 32, 43—46, томъ LXXXVII, авг. 422.
- Нидекий, майоръ** 1830 года, томъ LXXXVIII, окт. 213.
- Никитенко, Александръ Вас.**, профес., акад., род. 1804 г., † 1878 г., томъ LXXXVI, май, 362, т. LXXXVIII, декаб., 585—597, 645.
- Никитинъ, Василій Поликарповичъ**, тн. сов. † 1876 г., т. LXXXVI, май, 308, т. LXXXVII, авг., 445—447.
- Никитинъ, Никол. Дм.**, профессоръ анат., т. LXXXV, янв. 193.
- Никитинъ, Пав. Ефимов.**, ст. сов., 1832 г., т. LXXXVII, авг., 445—447.
- Николаевъ, Ив. Самойлов.**, воевода стольникъ 1700 г., т. LXXXVIII, окт., 123, 124, 125, 129.
- Николаевъ, профес. меднелъ**, томъ LXXXV, янв., 199.
- Николай I, императоръ**, р. 1796 г., † 1855 г., т. LXXXV, янв., 16, 18, 163, 183, 233—255, мартъ, 564, 565, 676, т. LXXXVI, апр., 18, 39, 168, 171—181, 201, май, 286, 300—315, 400, 410, 411, 425, июнь, 449—642, т. LXXXVII, июль, 3—27, 42, 201—203, авг., 225, 256, 309, 314, 363, 395, 415, 417, 428, 443, 445, сент., 565, томъ LXXXVIII, окт., 5—236, декаб., 608, 639, 686.
- Николай II, императ.**, т. LXXXVII, сент., 619.
- Николай Николаевичъ**, вел. князь фельдмаршалъ, род. 1831 г., † 1891 г., т. LXXXV, янв., 55—78, мартъ 465—470, т. LXXXVI, май, 235—266 июнь, 623, 627, т. LXXXVII, июль 47—79, авг., 236—254, т. LXXXVIII окт., 92
- Николюевъ, Андрей**, сообщ.: «Козловскій однодворецъ П. М. Захаръ-инъ», т. LXXXVI, апр., 183—190.
- Никоновъ, архіеп. варшавск.** 1849 г., т. LXXXVII, сент., 558.
- Никонъ, патриархъ**, т. LXXXVIII, нояб., 243.
- Никулина-Косицкая, артистка моск.-ов. театр.** 1855 г., т. LXXXVII, июль, 218.
- Новикова, Александра Егоровна**, т. LXXXVIII, нояб., 356, 357.
- Новиковъ, Никол. Ив.**, писат., род. 1744 г., † 1818 г., томъ LXXXVII, сент., 459, т. LXXXVIII, нояб., 265, 308—365.
- Новиковъ, шт.-ротм.** 1855 г., томъ LXXXVII, июль, 210.
- Новицкій, Теофілъ Марковичъ**, протоіер. 1837 года, томъ LXXXVII, сент., 558.
- Новицкій, генер.** 1830 года, томъ LXXXVIII, окт., 80.
- Новосильскій, тн. сов.** 1878 г., томъ LXXXV, февр., 299.
- Новосильцовъ, гр. Никол. Николаев.** предсѣд. Госуд. Сов., род. 1761 г., † 1838 г., т. LXXXVI, май, 306 июнь, 558, т. LXXXVII, авг., 448 т. LXXXVIII, декаб., 565.
- Новосильцовъ, Петръ Петров.** моск. вице-губернат., 1844 г., вполн. рязан. губерн., т. LXXXVIII, декаб., 622.
- Новскій, священ.** 1833 г., т. LXXXV, янв., 44.
- Нольвенъ бар. шведск. послан.** въ Спб. 1780 г., т. LXXXVII, сент., 466—469.
- Нордстремъ, И. Л.** цензоръ 1849 г., т. LXXXVI, апр., 55.
- Норовъ, Авраамъ Серг.** мн-ръ народн. проsv., чл. Госуд. Сов., † 1869 г., т. LXXXV, мартъ, 541, 542, 557—560, 647, т. LXXXVII, июль, 211, 212, т. LXXXVIII, декаб., 592, 593, 635, 637, 642.
- Нумчиновъ, капит.** 1830 года, томъ LXXXV, янв., 112.

О.

- Обермиллеръ, лейбт-мед.** 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 452—454, томъ LXXXVI, май, 251, т. LXXXVII, авг., 243—246, 252, 253.
- Оболянинъ**, ген.-прокур., 1800 г., т. LXXXVIII, декаб., 652.
- Обручевъ, Влад. Аванасьев.,** оренб. ген.-губернат. съ 1842—1851 г., т. LXXXVI, май, 416, июнь, 523—536.
- Обуховичъ, полковн.** 1830 г., томъ LXXXVIII, декаб., 654, 659, 660.
- Оверъ, Александр. Ив.,** директ. клиники московск. унив. т. LXXXV, янв., 198, 199.
- Огаревъ, Никол. Плат.,** писат., р. 1815 г., † 1877 г., томъ LXXXV, февр., 416—419, т. LXXXVIII, декаб., 610, 613.
- Огаревъ, ген.-м.** 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 610.
- Огинскій, польск. патриотъ** 1812 г., т. LXXXVII, август, 344, томъ LXXXVIII, окт., 147, 166.
- Оглоблинъ, Н.,** сообщ., „Бунтъ и побѣгъ на Амуръ воровскаго полка Н. Сорокина“, т. LXXXV, янв., 205—224, «Нерчинскій заговоръ о побѣгъ на Амуръ и на острова Восточнаго океана. Очеркъ изъ жизни XVII в.» т. LXXXVIII, окт., 121—129.
- Одоевская, княг.,** Ольга Степ., рожд. гр. Ланская, † 1872 г., т. LXXXVI, апр., 207.
- Одоевскій, кн.,** Влад. Фед., писат., т. LXXXVI, апр., 201—212.
- Одоевскій, кн.,** 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 262.
- Ожаровскій, полковн.** 1829 г., томъ LXXXVI, апр., 161, 162.
- Оже-де-Ранкуръ, Н. Ф.,** сообщ. „Въ двухъ университетахъ“. Воспоминанія 1837—1843 гг., т. LXXXVI, июнь, 571—582.
- Озерцовскій, докт. медиц.** 1781 г., т. LXXXVII, сент., 464—470.
- Озеровъ, Владиславъ** Алексан., писат., т. LXXXV, мартъ, 544, 545, т. LXXXVI, апр., 40.
- Озеровъ, сенат.,** шталмейст. 1833 г., т. LXXXV, янв., 42, 48.
- Ожсъ, аял.** повѣрен. въ дѣлахъ въ Спб. 1776 г., т. LXXXVI, апр., 129—153.
- Окуневъ, Н. А.,** ген.-м. попечит. варшав. учебн. окр. 1838 г., томъ LXXXVII, сент., 567, 571.
- Оладъинъ, Богданъ, воевода шлимскій** 1655 г., томъ LXXXV, янв., 207—222.
- Оленинъ, Алексій** Никол., директ., публичн. библи., презид. акад. худ. род. 1763 г., † 1843 г., т. LXXXV, февр., 278—282, мартъ, 555, томъ LXXXVI, май, 299—301, июнь, 661.
- Олсуфьевъ, гр. ген.-лейт.** 1877 г., ген. отъ кав., почетн. опекунъ, 1894 г., т. LXXXVI, май, 254, 255, 256.
- Ольга Николаевна, вел. княгиня,** въ супруж. королев. Виртембергская, род. 1822 г., т. LXXXVI, июнь, 630, т. LXXXVIII, окт., 182, 183.
- Ольга Теодоровна, вел. княгиня** (принцесса Баденская), род. 1839 г., † 1891 г., т. LXXXV, янв., 81.
- Ольденбургскій, принцъ, Георгій,** новгор., тверск. и ярослав. ген.-губ. съ 1809—1812 г., т. LXXXV, мартъ, 546.
- Омелянскій, Викентій,** офиц. польск. войскъ 1829 г., т. LXXXV, мартъ, 622, 632.
- Омелянскій, Ив.,** офиц. польск. войскъ 1829 г., т. LXXXV, янв., 166, мартъ, 622—636, т. LXXXVI, апр., 171, т. LXXXVII, авг., 369, 383, 388, 401, т. LXXXVIII, окт., 211, 219, дек., 658, 661, 667.
- Онопrienko, В.,** ген.-лейт., сообщ.: „Къ характеристикѣ гр. Я. И. Ростовцева“, т. LXXXVIII, дек., 540.
- Опперманъ, инж. генер.** 1830 г., т. LXXXVI, июнь, 452, т. LXXXVIII, окт., 89.
- Ордынъ-Нащокинъ, бояринъ,** 1667 г., т. LXXXVII, июль, 105, 106, томъ LXXXVIII, нояб., 243.
- Орликосоній, началн. штаба польск. войскъ** 1829 г., т. LXXXV, февр., 393, т. LXXXVII, авг., 392.
- Орлова, княгиня, см. Зиновьева.**
- Орлова-Чесменская, графиня, Анна** Алексѣевна, † 1848 г., т. LXXXVII, июль, 179, 197, авг., 428, 429, сент., 527—540, т. LXXXVIII, окт., 16, 33.
- Орловъ-Чесменскій, гр., Алексій** Григ., ген.-аншефъ, р. 1737 г., † 1807 г., т. LXXXV, янв., 129, февр., 400, т. LXXXVI, апр., 146, май, 361, 362, т. LXXXVIII, нояб., 306, 414, 415.
- Орловъ, гр., вполн. кн., Алексій** Фед., шефъ жанд. род. 1787 г., † 1862 г., т. LXXXV, февр., 261, т. LXXXVI, май, 311, 312, июнь, 473, 474, 599, 602—612, 624, т. LXXXVII, июль, 13, 23, 27, т. LXXXVIII, окт., 85—91, декаб., 608, 682, 684.

Орловъ, гр., Влад. Григ., презид. акад. наукъ 1766 г. род., 1743 г., † 1831 г., т. LXXXV, янв. 129, т. LXXXVII, сент., 457, 458, 459, 463, 468, 485, т. LXXXVIII, нояб., 441.

Орловъ, кн., Григ. Григ., ген.-фельдцейхмейст. род. 1734 г., † 1783 г., т. LXXXV, янв., 129—135, февр., 396—407, т. LXXXVI, апр., 116—135, т. LXXXVII, сент.; 458, томъ LXXXVIII, нояб., 249, 441.

Орловъ, Григ. Никитичъ, гофмарш. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.

Орловъ, гр., Ив. Григ. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 432, 441.

Орловъ-Денизовъ-Никитинъ, графъ, Григ. полковн. 1-го в. казач. полка 1829 г., т. LXXXVI, апр., 157, т. LXXXVIII, декаб., 576.

Орловъ-Злотпольскій, офиц. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 157.

Орловскій-Плигеновъ, скульпт., т. LXXXVI, июнь, 661.

Орнатскій, Серг. Никол., профес. юристъ, род. 1806 г., † 1884 г., т. LXXXV, янв., 200.

Осиповъ, подполковн. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 529.

Осколковъ, Григ., купецъ 1713 г., т. LXXXV, февр., 320, 321.

Остенъ-Савенъ, см. Сакенъ.

Остервальдъ сенат., 1778 г., томъ LXXXVI, апр., 147.

Остерманъ, гр., И. А., послан. въ Стокгольмъ съ 1761—1774 г., томъ LXXXV, мартъ, 574—581, томъ LXXXVI, апр., 85, 126, май, 373—381, т. LXXXVII, авг., 350, 352, сент., 629, 634—641, т. LXXXVIII, окт., 195—199, нояб., 303, 448.

Остерманъ-Толстой, ген. 1812 г., т. LXXXVII, сент., 604.

Островскій, Алексд. Никол., писат., род. 1823 г., † 1886 г., т. LXXXVI, апр., 56, май, 358.

Островскій, предсѣд. сената Царс. Польскаго 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 164.

Остроградскій, Мих. Васил., математикъ, род. 1801 г., † 1861 г., т. LXXXV, янв., 195.

II.

Павелъ I, императоръ, р. 1754 г., † 1801 г., т. LXXXV, февр., 343, 356, 377—380, 403—406, мартъ, 481, 569, т. LXXXVI, апр., 117—152, май, 387, июнь, 453, 604, т. LXXXVII, сент., 591, 642, 645, т. LXXXVIII,

окт., 51, 156, 203—207, нояб., 284, 297, 308, 317, 319, 368, 375—379, 422, 433, 451, 472—480, декаб., 483, 505, 691.

Павличева, Ольга Серг., рожд. Пушкина, т. LXXXVII, сент., 553—561, 565, 567.

Павличевъ, Левъ Николаев., сообщ.; „Изъ семейной хроники“, томъ LXXXVII, сент., 553—572.

Павличевъ, Никол. Ив., писатель, об.-прокур. общ. собр. варшавск. деп. въ сената, 1849 г., т. LXXXVII, сент., 560—572.

Павлова, Каролина Карлов., рожд. Янишь, т. LXXXVIII, декаб., 640.

Павловъ, Алексѣй Александр., чин. особ. поруч. при мин-вѣ вн. дѣлъ 1822 г., т. LXXXVII, июль, 179, 180.

Павловъ, Никол. Филиппов., писат. 1854 г., т. LXXXV, мартъ, 562—564, т. LXXXVI, май, 352, 354, дек., 640.

Павскій, Герасимъ, свящ. 1824 г., т. LXXXVII, авг., 440.

Паглиновскій, Дм. Моисеев. директ. воен.-походн. канц. Е. И. В., 1803 г., LXXXV, мартъ, 480, 481.

Падуровъ, ген.-м., наказн. атаманъ оренб. войска 1853 г., т. LXXXVI, май, 415, 416, июнь, 537.

Палевъ, гр., Петръ Петров., генер. род. 1777 г., † 1864 г., т. LXXXVI, апр., 168, 172—176, т. LXXXVII, сент., 591, 604, 605, т. LXXXVIII, окт. 81.

Палевъ, гр., Ѳ. П., т. LXXXVII, июль, 23.

Палеологъ, Софія, супруга Иоанна III, т. LXXXVIII, декаб., 649—651.

Палибинъ, Никифоръ, канц.-лейт. 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.

Палицынъ, тамбовск. губернаторъ 1802 г., т. LXXXVII, авг., 275.

Палицынъ, декабр., г. LXXXVI, июнь, 461.

Палласъ, акад. 1776 г., т. LXXXVII, сент., 462, 463, 464, 468, 470, 472.

Панаева, Екатерина, гувернантка имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь 450.

Панаевъ, Владм. Ив., ст.-секрет. и управл., канц. деп. имп. двора, р. 1792 г., † 1859 г., т. LXXXV, февр., 367.

Панаевъ, Иванъ Ив., т. LXXXVIII, декаб., 602.

Панинъ, гр., Викторъ Никит., мин. юстиціи, род. 1801 г., † 1874 г., т. LXXXV, мартъ, 540, 542, томъ LXXXVI, июнь, 473.

Панинъ, гр., Никита Иван., канц., воспитатель вел. кн. Павла Петровича, род. 1718 г., † 1793 г., томъ

- LXXXV, янв., 127, 131—134, февр., 397, 398, 401—406, т. LXXXVI, апр., 120, 126, 132—153, т. LXXXVIII, нояб., 249, 272, 385, 287, 430.
- Панкратьевъ**, генералъ 1835 г., томъ LXXXVIII, декаб., 574.
- Пановъ**, дек., т. LXXXVI, май, 312.
- Пановъ**, писат., т. LXXXVIII, декаб., 640, 641.
- Панчулидзева**, А. Д., Саратовскій губернат. 1814 г., т. LXXXV, март., 490, апр., 113, т. LXXXVI, апр., 113.
- Пасевель**, Петръ Степ., спб. губерна. 1806 г., т. LXXXVII, сент., 621, 646.
- Пареній**, Сопковскій, еписк. смол., р. 1717 г., † 1795 г., т. LXXXVIII, нояб., 470.
- Паскевичъ**, кн. Елисаветъ Алексеевна, рожд. Грибоѣдова, т. LXXXVII, сент., 556, 557.
- Паскевичъ**, кн. Варшавскій, графъ Эриванскій, Ив. Фед., ген.-фельдм., род. 1781 г., † 1856 г., т. LXXXVI, май, 430, июнь, 506, 517—519, 629, т. LXXXVII, июль, 22, сент., 556, 561—572, т. LXXXVIII, окт., 86, 92, 93, декаб., 567, 671.
- Пасочичъ**, Ив., лейт. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 444.
- Пассекъ**, Вадимъ Васильев., этногр., † 1842 г., т. LXXXV, февр., 417.
- Пассекъ**, Петръ Богданов., ген.-губ. могилевск. намѣстничества, родился 1736 г. † 1804 г., LXXXV, мартъ, 472, 473.
- Пассекъ**, Татьяна Петров., рожден. Кучина, писат., р. 1810 г., † 1889 года, т. LXXXV, февр., 415, 416, т. LXXXVIII, декаб., 610, 613.
- Пастуховъ**, д. ст. сов. 1782 г., томъ LXXXVII, сент., 490.
- Патаніотъ**, капит. 2-го ранга 1828 г., т. LXXXVI, июнь, 485.
- Паулуччи**, маркизъ, генер.-маіоръ 1861 г., т. LXXXV, янв., 52, 53, т. LXXXVII, сент., 595.
- Пашковъ**, Василій Александр., 1832 года, т. LXXXVII, июль, 81.
- Перваго**, М. В., т. LXXXVI, май, 360, 361.
- Перевощиковъ**, В. М., профес. казан. унив. 1812 г., т. LXXXV, мартъ, 544, 551—553.
- Перовская**, Анна Мих., т. LXXXVI, май, 409.
- Перовскій**, Алексѣй, т. LXXXVII, июль, 83.
- Перовскій**, гр., Василій Алексѣев., оренб. ген.-губернат., † 1857 г., т. LXXXVI, май, 409—429 июнь, 521—551.
- Перовскій**, гр., Левъ Алексѣев., мин. вн. дѣлъ, † 1856 г., т. LXXXVI, май, 409, т. LXXXVIII, окт., 89.
- Персидовъ**, Алексѣй Ив., помощн. ст.-секрет. собствен. Е. И. В. кави. р. 1770 г., † 1842 г., т. LXXXV, мартъ, 487, т. LXXXVI, май, 291, 296.
- Песковскій**, М., сообщ.: „На рубежѣ двухъ эпохъ. Изъ личныхъ воспоминаній“, LXXXV, мартъ, 511—539, т. LXXXVI, апр., 57—78. „На службѣ“, т. LXXXVIII, дек., 541—563.
- Пестель**, Ив. Борисов., ген.-губерн. Восточн. Сибири, род. 1765 г., † 1844 г., т. LXXXV, февр., 331, мартъ, 486, 487, т. LXXXVIII, нояб. 321—358.
- Петерсъ**, подполковн. 1830 г., томъ LXXXVII, сент., 648.
- Петровъ**, В., поэтъ 1792 г., томъ LXXXVIII, нояб., 458.
- Петровъ**, П. Н., писат., т. LXXXVII, июль, 118.
- Петръ I**, императ., р. 1672 г., † 1725 г., т. LXXXV, февр., 321, 322, т. LXXXVI, апр., 21—29, май, 432, 433, июнь, 493, томъ LXXXVII, июль, 99—112, томъ LXXXVIII, нояб., 242—432.
- Петръ II**, императоръ, † 1730 г., т. LXXXVIII, нояб., 253.
- Петръ III**, императоръ, р. 1728 г., † 1762 г., т. LXXXV, февр., 403, т. LXXXVIII, нояб., 245, 463, 476, 477.
- Петръ Каменскій**, архимандр., началн. 10-й русск. миссін въ Пекинѣ р. 1765 г., † 1845 г., т. LXXXV, февр., 317—342, мартъ, 585—609, т. LXXXVI, апр., 97—108.
- Пилецкій**, М. С., 1825 г., т. LXXXV, февр., 234, 242, 244, 252, 253, 261, 262.
- Пилларъ-фонъ-Пиллау**, ген.-лейт. 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 616.
- Пилъ**, ген.-поруч., псковск. губернат. 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 320, 366, 380, 446, декаб., 564, 598.
- Пимо**, Ив. Алферьев., ген.-поручикъ Иркутск. ген.-губ. 1791 г. томъ LXXXVII, июль, 29.
- Пирлингъ**, о. Павелъ, т. LXXXVIII, декаб., 651.
- Пироговъ**, Никол. Ив., хирургъ, проф. род. 1800 г., † 1881 г., т. LXXXV, янв., 194, мартъ, 452, 454.
- Писемскій**, Алексѣй Теофилакт., писат., род. 1820 г., † 1881 г., томъ LXXXVI, апр., 56.
- Пютровскій**, Лудвигъ, поруч. 1828 г., т. LXXXV, янв., 171, т. LXXXVI, май 395.

- Плюшко, И. А.**, 1864 года, томъ LXXXVI, апр., 76.
Плавильщиковъ, актеръ 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 304.
Платовъ, гр., Матв. Ив., наказной атам. войска довск. 1799 г., томъ LXXXVI, апр., 12, 113, 167, томъ LXXXVIII, окт., 102, 103.
Платонъ, (Петръ Левшинъ), митроп. моск. 1787 — 1794 г., р. 1737 г., † 1812 г., т. LXXXV, февр., 448, т. LXXXVI, май, 410, т. LXXXVIII, нояб., 310, 377—379.
Платонъ, свящ. яросл. кафедр. собора 1822 г., управл. московск. Знамен. монаст. 1832 г., рект. нижегород. семина. 1833 г., арх. казанскій, † 1866 г., т. LXXXV, янв., 5—45.
Плетневъ, Петръ Александр. акад., рект. спб. унив. писатель. † 1864 г., т. LXXXV, янв., 195, февр., 269, т. LXXXVI, апр., 200—203, томъ LXXXVII, сент., 555, т. LXXXVIII, окт., 171—191, дек., 538—591, 644.
Плещеева, Настасья Ив., рожд. Протасова, т. LXXXVIII, нояб., 315, 328.
Плещеевъ, Алексѣй Александров. 1790 г., LXXXVIII, нояб., 315, 328, 333.
Плещеевъ, Алексѣй Никол. писат., р. 1825 г., † 1893 г., т. LXXXVI, июнь, 545, т. LXXXVIII, окт., 187.
Плещеевъ, † 1809 г., т. LXXXVIII, декаб., 678.
Плятеръ, гр., помѣщ. 1830 г., томъ LXXXVII, сент., 648.
Погодина, Елиз. Васил. † 1844 г., т. LXXXVIII, декаб., 627, 628.
Погодинъ, Мих. Петров., акад. проф., род. 1800 г., † 1875 г., т. LXXXVI, июнь, 556, 557, т. LXXXVII, июль, 207, 208, т. LXXXVIII, окт., 98, дек., 620—646.
Подвысоцкій, А., сообщ.: «Къ биографіи Феодосія архіепископа новгородскаго. Указы явъ канцеляріи тайн. розыскн. дѣлъ архангл. губернатору Измайлову», т. LXXXVII, авг., 312.
Подавѣвъ, подполковн. 1820 г., томъ LXXXVI, май, 407.
Покатиловъ, ген.-м., наказн. атам. уральскаго войска 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 524, 527, 528.
Покровскій, Никифоръ Фед., попеч. Рязельск. лицей 1829 г., попеч. одесск. учебн. окр. 1831 г., томъ LXXXVI, апр., 193, 194.
Покровскій, полковн., членъ коммисаріат. комис. 1800 г., т. LXXXV, марг., 477.
Полевой, Ксенофонтъ, писатель т. LXXXVI, апр., 202.
Полевой, Никол. Алексѣев., писат., р. 1796 г., † 1846 г., т. LXXXVI, апр., 40, 194, 202, июнь, 555, 556, 568, 569.
Полжаровъ Тугариновъ, архимандр. начальн. 12-й русск. миссіи въ Пекинѣ 1839 г., т. LXXXV, февр., 318.
Политковский, Александр. Гаврил., директ. канц. комит. инвалидов., † 1853 г., т. LXXXVI, июнь, 610.
Политковский, сенат., † 1824 г. т., LXXXVIII, декаб., 652.
Половцевъ, А. А., редакт. „Русск. Библиогр. Слов.“, томъ LXXXVIII, декаб., 591.
Полонскій, писат., т. LXXXVIII, декаб., 629.
Полушкинъ, профес. медикъ, томъ LXXXV, янв., 199.
Поль, Андрей Ив., профес. московск., унив. 1855 г., т. LXXXV, янв., 199, 200, т. LXXXVII, июль, 212.
Померанцевъ, актеръ 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб., 301.
Понатовскій, Станиславъ - Августъ, король польскій, † 1798 г., томъ LXXXVIII, нояб., 372.
Поповъ, Васил. М., тн. сов., директ. деп. мн-ва народн. просв., вполн. членъ сов. главноначальств. надъ почтов. вѣдомствомъ, мистикъ, † 1842 г., т. LXXXV, февр., 226—251, т. LXXXVII, авг., 424.
Поповъ, Васил. Степ., д. тн. сов. съ 1819 г., предсѣд. деп. гражд. и духовн. дѣлъ госуд. Сов., род. 1743 г. † 1822 г., т. LXXXV, марг., 480.
Поповъ, Г. С., т. LXXXV, янв., 188.
Поповъ, Мих. Максим., тайн. сов., старш. чиновн. III отд. собств. е. в. канц., † 1872 г., сообщенные имъ „Мелкіе рассказы“. т. LXXXV, марг., 543—565, т. LXXXVI, июнь, 597—614, упом. т. LXXXV, февр., 248.
Поповъ, адмир., 1890 г., т. LXXXVIII, декаб., 609.
Поповъ, профес., медикъ 1878 г., т. LXXXV, марг., 452.
Потаповъ, А. Н., ген.-ад. 1825 г., т. LXXXVI, май, 314, июнь, 555.
Потемкинъ-Тавричскій, кн., Григ. Александр., ген.-фельдм., р. 1738 г., † 1791 г., т. LXXXV, янв., 159, 161, т. LXXXVI, апр., 119—153, томъ LXXXVI, июнь, 479, 494, томъ LXXXVII, сент., 458, 632, томъ LXXXVIII, окт., 56, нояб., 254—274, 349, 365, 374—469.
Потоцкій, гр., Станиславъ, генераль 1830 г., т. LXXXVI, апр., 172, 177, июнь, 476, 490, т. LXXXVIII, окт., 80, 89, 165.

*

Потѣкинъ, Алексѣй Антипов., писат., т. LXXXVI, апр., 56.

Похвисневъ, девазоръ 1855 г., томъ LXXXVIII, декаб., 594.

Поляковъ, Василий, сибирскій служилый человекъ, соверш. походъ на Амуръ 1643 г., т. LXXXV, янв., 205.

Пражескій, офиц., послѣдов. секты Татариновой, т. LXXXV, февр., 235.

Приклонскій, зап.арм. полковникъ, 1827 г., т. LXXXV, янв., 15, 16.

Приклонскій, 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 304.

Приселковъ, главн. медиц. инспект. дѣйств. арміи 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 452—454, т. LXXXVII, авг., 245.

Прозоровскій, кн., Александръ Александр., фельдмарш., р. 1732 г. † 1809 г., т. LXXXVIII, окт., 104, нояб., 319, 321, 343, 357.

Прокоповичъ - Антоновскій, профес. моск. унив., т. LXXXVIII, нояб., 299.

Прондзинскій, генер. польск. войскъ, 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 664.

Протасова, камеръ-фрейл. 1796 г., т. LXXXVIII, нояб., 475.

Протасова, гр.-ня., камеръ-фрейлина 1826 г., т. LXXXVI, июнь, 553, 554.

Протасовъ, гр., Никол. Александр., об.-прокур. синода 1848 г., † 1855 г., т. LXXXV, февр., 242—258, томъ LXXXVII, авг., 422.

Протасовъ, Александръ Яковл., генер. 1778 г., т. LXXXVI, май, 369, т. LXXXVIII, нояб., 454, 455.

Протасовъ, академикъ 1780 г., томъ LXXXVII, сент., 488, 489.

Протасевъ, предсѣл. костром. граж. палаты 1842 г., т. LXXXV, февр., 253.

Протопоповъ, Д. С., чиновн. 1832 г., т. LXXXVIII, окт., 174.

Протопоповъ, Ив. Евдоким., студ. медикъ 1820 г., т. LXXXV, февр., 415, 416.

Правишниковъ, И. П., арт. пѣвецъ 1892 г., т. LXXXVII, сент., 546.

Пугачевъ, Емельянъ Ив., † 1774 г., т. LXXXVI, апр., 118, 124, 142, т. LXXXVIII, декаб., 524.

де-Пуле, М. О., препод. Воронежск. кадет. корп. 1847 г. т. LXXXV, февр., 369.

Путятинъ, кн., А. А., т. LXXXVI, май, 411.

Путятинъ, Оед., мичм. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.

Пушкина, Надежда Осиповна, томъ LXXXVII, сент., 566.

Пушкина, Наталья Николаев. рожд. Гончарова, во второмъ бракѣ Лан-

ская, р. 1812 г., † 1863 г., томъ LXXXVII, сент., 566.

Пушкинъ, Александръ Серг., поэтъ, род. 1798 г., † 1837 г., т. LXXXV, мартъ, 613—616, 660, т. LXXXVI, апр., 163, 201—207, май, 231, 355, 357, 411, июнь, 455, т. LXXXVII, июль, 83, 84, авг., 415—418, сент., 553—566, 661, т. LXXXVIII, окт., 131, 173—185, 236, декаб., 645.

Пушкинъ, Василий Львов., писатель, род. 1779 г., † 1830 г., т. LXXXVIII, нояб., 300, 309.

Пушкинъ, Левъ Серг., т. LXXXVII, сент., 561—566.

Пушкинъ, Серг. Львов., т. LXXXVII, сент., 564, 567.

Пушкинъ, Петръ Ив., вице-адм., ген.-интенд., 1784 г., р. 1728 г., † 1812 г., т. LXXXVIII, нояб., 434—444.

Пуфъ, генер. 1812 г., т. LXXXVII, сент., 592, 593.

Пыпинъ, Александръ Никол., проф., писат., т. LXXXVIII, декаб., 601.

дво-Пюже, преподават. имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 452.

Р.

Радецкий, генер., 1878 года, томъ LXXXV, февр., 304—310, томъ LXXXVI, май, 251, 254, 255.

Радевицъ, кн., Мих., диктаторъ польскихъ войскъ 1830 года, томъ LXXXVIII, окт., 83, 213.

Радецкий, Александръ Никол., писат., р. 1749 г., † 1802 г., т. LXXXVIII, нояб., 265—347.

Радъ, ген.-лейт. 1820 года, томъ LXXXVI, май, 299.

Радченск, московск. почт.-директоръ 1895 г., т. LXXXV, мартъ, 459, т. LXXXVI, май, 228, 229, 230.

Раевскій, Ник. Никол., генер. 1813 г., т. LXXXVI, апр., 16, т. LXXXVII, сент., 565, 566, т. LXXXVIII, окт., 108, 114.

Разумовскій, гр., Алексѣй Григ., ген.-фельдм., род. 1709 г., † 1771 г., т. LXXXVI, май, 409, т. LXXXVIII, нояб., 382.

Разумовскій, гр., Алексѣй Кирил., т. LXXXVIII, декаб., 584.

Разумовскій, графъ, Андрей, томъ LXXXVI, апр., 117, 148.

Разумовскій, гр., Кирилъ Григ., гетманъ, ген.-фельдм., презид. Акад. наукъ, род. 1728 г., † 1783 г., т. LXXXV, янв., 131, т. LXXXVII, сент., 457, 626, т. LXXXVIII, нояб., 303.

- Рамазановъ, скульпт. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 661.
- Растворовскій, гр., помѣщ. 1830 г., т. LXXXVII, авг., 399, 400.
- Рашель, актриса † 1858 года, томъ LXXXVI, июнь, 601.
- Радъ, фл.-ад. † 1828 г., т. LXXXVI, июнь, 487.
- Рабиндеръ, Васи. Мих., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Рабиндеръ, гр., Робертъ Ив., ст.-секрет. финляндіи 1811 г., чл. гос. сов., р. 1777 г., † 1841 года, томъ LXXXVII, июль, 123, 139—149, авг., 325, 331, т. LXXXVIII, окт., 154, 155.
- Рабиндеръ, бар. ст.-секрет., мнв. нар. проsv. 1820 г., т. LXXXVII, сент., 589.
- Рабиндеръ, шталмейст. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Рейнгольдъ, лейбъ-мед. 1854 г., томъ LXXXVI, июнь, 628.
- Рейсдейнъ, лейбъ-хир. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Рейтернъ, подполковн. 1833 г., томъ LXXXVII, июль, 88—96.
- Рейтернъ, художн. 1840 года, томъ LXXXVIII, окт., 188.
- Ренненкампфъ, полковн., 1829 г., т. LXXXVI, апр., 168.
- Репинъ, вн. Никол. Васи, фельд-марш., т. LXXXV, мартъ, 546, 573, т. LXXXVI, апр., 132, т. LXXXVIII, окт., 61—64, нояб., 258, 364, 365.
- Ржевскій, ген.-поруч. 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб., 263.
- Ржевусскій, Генрихъ, ремонтёръ польск. войска 1829 г., т. LXXXVI, апр., 164, 166, 170, 180.
- Ржевусскій, Флоріанъ, полковникъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 214—221, декаб., 654, 664.
- Ржевусскій, гр., ген.-ад. 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 609.
- де-Рибасъ, Настасья Ив., см. Соголова.
- де-Рибасъ, О. М., адмиралъ † 1800 г., томъ LXXXV, мартъ, 570, томъ LXXXVIII, нояб., 382, 384, 409.
- Рибопьеръ, гр., т. LXXXVIII, окт., 45, 46, декаб., 492.
- Ридигеръ, гр., Ѳед. Васильев., ген.-ад., род., 1783 г., † 1856 г., томъ LXXXV, февр., 264, 265, томъ LXXXVI, июнь, 480, 520, томъ LXXXVII, июль, 225, авг., 371—373, сент., 652, 659, т. LXXXVIII, окт., 106, 213—220, дек., 654—671.
- Римордъ, Петръ Ив., адм. р. 1779 г., † 1855 г., т. LXXXVI, июнь, 609, т. LXXXVIII, окт., 72, 158.
- Римскій-Корсаковъ, Н. А., композиторъ, т. LXXXVII, сент., 550.
- Римскій-Корсаковъ, П. П., томъ LXXXVII, июль, 219, 220.
- Рихтеръ, генер. 1878 г., т. LXXXV, февр., 308.
- Роговскій, полковн. 1828 года, томъ LXXXVI, июнь, 480.
- Родионовъ, послѣдоват. секты Татарпновой, т. LXXXV, февр., 241, 243, 247.
- Родофиникинъ, Конст. Конст., чл. сов. мнв.-ва инв. дѣль, вполн. дир. ариатск. деп., † 1838 г., томъ LXXXV, мартъ, 606, т. LXXXVI, апр., 199, т. LXXXVII, авг., 409, 419, 421, сент., 662.
- Рожерсонъ, лейбъ-мед. 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Рожницкій, генер. 1829 г., томъ LXXXV, янв., 165—175.
- Розбергъ, Мих. Петров., преподават. Рижельск. лицей 1830 года, томъ LXXXVI, апр., 192—195.
- Розенкампфъ, ст. сов., секретарь русск. законодат. комис. въ финляндіи 1811 г., т. LXXXVII, июль, 140, 148, авг., 333, 339.
- Розенъ, бар. команд. Литовск. корп. 1829 г., т. LXXXVII, июль, 8, томъ LXXXVIII, окт. 81, 103, декаб., 568 575.
- Романовъ, Никита Ив., бояринъ, т. LXXXVII, июль, 99, 105.
- Романовскій, субъ-инспект. студен. московск. унив., томъ LXXXV, мартъ, 651.
- Романусъ, московск. почтдиректоръ 1875 г., т. LXXXV, мартъ, 457, 459.
- Ромарино, гр. начал. польск. отряда 1831 г., т. LXXXVIII, декаб., 664, 671, 674.
- Россетъ, А. О., т. LXXXVIII, декаб., 624.
- Россицкій, интендантъ 1877 г., т. LXXXV, янв., 73, февр., 288, 290, т. LXXXVI, май, 234.
- Ростовцевъ, гр., Яковъ Ив., ген.-лейт., начальн. штаба военно-учебн. завед. † 1860 г., т. LXXXV, февр., 369—376, мартъ, 564, 565, 643, томъ LXXXVIII, декаб., 540.
- Ростопчина, гр.-ня, Евдокія Петровна, рожд. Сущкова, писательн., † 1858 г., т. LXXXVIII, окт., 99, 179, декаб., 585, 591—595.
- Ростопчина, гр., Ѳед. Вас., москв. главнокоманд. 1812 г., т. LXXXVI, апр., 195, т. LXXXVII, авг., 337, сент., 543, 642, т. LXXXVIII, дек. 691.
- Ротгиръ, Фелиціана Адамовна, т. LXXXVII, сент. 567.
- Ротъ, генер. 1830 г., томъ LXXXV, янв., 187, февр., 445, т. LXXXVI,

- апр., 176, 181, т. LXXXVII, авг., 372, 392, 398, сент., 649.
- Рубанъ, Васил. Григорьев.** писатель, род 1742 г., † 1795 г., т. LXXXVIII, нояб., 467—471.
- Рудвигъчъ, генер.** 1828 года, томъ LXXXVI, июнь, 480, 483, 484.
- Рушицкий, Карлъ,** полковн. 1830 г., т. LXXXV, янв., 164, 165, февр., 381, 383, мартъ, 630, т. LXXXVI, май, 394—402, т. LXXXVII, авг., 376—403, сент., 647—659, томъ LXXXVIII, окт., 209—224, декаб., 654—675.
- Рушицкий, Самуилъ,** генер. 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 224, декаб., 654—675.
- Рудье, Карлъ Франц.,** профес. зоологн, т. LXXXV, янв., 202, мартъ, 680.
- Румовскій, акад.** 1776 года, томъ LXXXVII, сент., 482, 484, 490.
- Румянцевъ, гр.,** Никол. Петр., послан. при разн. дворахъ, вносл. канцл., р. 1754 г., † 1826 г. т. LXXXV, февр., 358, 362, мартъ, 485, 496, 576—580, т. LXXXVII, июль, 133, авг., 336, 338, сент., 592, 595, 596, т. LXXXIII, декаб., 584.
- Румянцевъ-Задунайскій, гр.,** Петръ Александр., фельдм. род 1725 года, † 1796 г., т. LXXXVI, апр., 131, 132, томъ LXXXVIII, нояб., 273, 465, 466, декаб., 481.
- Руничъ, Дм. Павл.,** попечит. слб. учебн. окр., † 1860 г., т. LXXXVII, сент., 581, томъ LXXXVIII, окт., 135—138, нояб., 281—319.
- Рутъе, подполковн.** 1829 года, томъ LXXXV, янв., 176.
- Руцень, рожд. Потемкина,** помѣщица 1840 г., т. LXXXVI, май, 346.
- Рыдванскій, надов. сов.** 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 443.
- Рыдловскій, майоръ** 1829 года, томъ LXXXV, янв., 170.
- Рылъева, Наталья Мих.** 1825 г., во втор. бракѣ Кукелевская, томъ LXXXVI, июнь, 461, 462.
- Рылъевъ, Кондр. Оед.,** декабр., писатель, род. 1795 г., † 13 июля 1826 г., т. LXXXV, мартъ, 506—510, томъ LXXXVI, июнь, 459, 461, 462.
- Рѣдвинъ, Петръ Григ.,** профессоръ, род. 1808 г., † 1891 г., т. LXXXVIII, декаб., 626.
- Рѣпинскій, Григ. Ковьмичъ,** сенат., сообщ.: „Н. В. Калачовъ и его журналъ“, т. LXXXV, мартъ, 540—542.

С.

- Сабатье, французск. послан. въ Спб.** 1770 г., т. LXXXV, февр., 404—406, 412.
- Сабурова, артистка московск. театр.** 1855 г., т. LXXXVII, июль, 218.
- Савентъ, Евдокія Николаевна,** томъ LXXXVI, стр., 109.
- Савенъ, Никол. Андреев.,** офиц. арміи Наполеона I, род. 1768 г., † 1894 г., т. LXXXVI, стр., 109—114.
- Савина, Марья Гавриловна,** артист. 1895 г., т. LXXXVI, май, 360.
- Садогоскій, Провъ Мих.,** артистъ московск. театр., † 1873 года, томъ LXXXVI, апр., 40—45, май, 356—360, т. LXXXVII, июль, 212—218.
- Савичъ, Алексѣй Николаевичъ,** астрономъ, акад., род. 1810 г., † 1883 г., т. LXXXV, февр., 417.
- Садозовъ, Алексѣй Ив.,** директоръ народн. учил. Виленск. губ. 1863 г., т. LXXXVIII, декаб., 553.
- Савенъ, Адольфъ,** кап.-лейт. 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 444.
- Сакенъ, кн.,** Фабіанъ-Юотлибъ, фельд-марш., род. 1752 г., † 1837 г., томъ LXXXVI, апр., 6, 172—178, май, 293, 403, т. LXXXVII, июль, 19, авг., 368, т. LXXXVIII, окт., 225, дек., 486.
- Салтыковъ, гр.,** Ив. Петров., ген.-фельдмарш., р. † 1805 г., т. LXXXVII, сент., 542, т. LXXXVIII, нояб., 258.
- Салтыковъ, гр.,** Никол. Ив., фельд-марш., воспитат. имп. Александра I, р. 1736 г., † 1816 г., т. LXXXVII, сент., 641, т. LXXXVIII, ноябрь, 451—475.
- Салтыковъ, камергеръ** 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 445.
- Самаринъ, П. О.,** т. LXXXV, февр., 286, т. LXXXVI, май, 232.
- Самаринъ, Юрій Оед.,** писат. род. 1819 г., † 1876 г., т. LXXXV, мартъ, 595, т. LXXXVII, июль, 48, авг., 254.
- Самаринъ, артистъ** московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 212, 217.
- Самборскій, Андрей Авонасъевичъ,** протоіер., духовн. Павла I, род. 1732 г., т. LXXXVIII, нояб., 451—456.
- Самойлова, Вѣра Васил.,** артистка, въ зам. Мичурна, т. LXXXVI, апр., 51, 52, 54.
- Самойлова, Надежда Васил.,** артистка, т. LXXXVI, апр., 51, 55.
- Самойловъ, гр.,** Александр. Никол., ген.-прокур., † 1812 г., т. LXXXVII, сент., 637.

- Самойловъ, Вас. Васил.,** артистъ, р. 1813 г., † 1887 г., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Де-Сантхенъ, Яковъ Иван.,** правит. канц. мн.—ра полиціи 1802 г., род. 1776 г., † 1864 г., томъ LXXXVI, июнь, 561—564.
- Сангушшо, вн.,** Романъ, т. LXXXVI, май, 402.
- Сандунова, артистка** 1790 года, т. LXXXVIII, ноябрь, 304.
- Сандуновъ, актеръ,** 1790 года, томъ LXXXVIII, ноябрь, 304.
- Санжовская, танцовщица,** 1835 года, т. LXXXVI, апр., 42.
- Сапожниковъ, Александр. Алексѣев.,** рыбопромыслен. 1850 года, томъ LXXXV, мартъ, 656—658.
- Сатинъ, Никол. Мих.,** т. LXXXV, февр., 417, 418, т. LXXXVIII, декабрь, 600.
- Сафоновъ, В. И.,** директ. московск. консерваторіи, т. LXXXVII, сент. 552.
- Сахаровъ, Никол.,** священ. 1833 г., т. LXXXV, янв., 44.
- Свербеевъ, т. LXXXVIII, декаб.,** 636.
- Свѣжикъ, Пав. Петр.,** издат. «Отч. Зап.», т. LXXXV, февр., 262.
- Свѣжикъ, Петръ Петровъ,** помощн. статсъ-секрет. 1825 г., вполн. сенат., т. LXXXVI, май, 310, т. LXXXVII, сент., 580, 581.
- Свѣчина, Прасковья Аггеевна,** въ зам. Теплякова, т. LXXXV, февр., 441.
- Свѣчинъ, Аггей Логинов.,** р. 1733 г., † 1797 г., т. LXXXV, февр., 441.
- Свѣчинъ, полковн.** 1878 года, томъ LXXXV, февр., 297.
- Святотополь-Мірскій, генер.** 1878 г., т. LXXXVI, май, 251.
- Северинъ, Дм. Петров.,** чревыч. послан. и полномоч. министр при Баварск. дворѣ. род. 1792 года, † 1865 г., т. LXXXV, янв., 79—104, т. LXXXVII, июль, 83—98.
- Селюфатовъ. Н. Н.,** сообщ.: „Письмо Платона, митрополита московскаго, къ императору Павлу“, т. LXXXV, февр., 448, упом. томъ LXXXVII, июль, 113.
- Селявинъ, полков.** 1813 года, томъ LXXXV, мартъ, 500.
- Сенавъ-де-Мельнъ, † 1803 г.,** объ его сношеніяхъ съ Екатериною II, т. LXXXV, янв., 145—161.
- Семшовскій, Осипъ Ив.,** (бар-Брамбесъ), профес., писатель † 1858 г., т. LXXXVI, апр., 206, июнь 568.
- Серафимъ, (Степ. Глаголевскій),** съ 1814 г. архіеп. тверск., съ 1819 г. митроп. московск., съ 1821 г. митроп. спб. и повгород., р. 1759 г., † 1843 г., т. LXXXV, янв., 7, 12, 43, мартъ, 612, т. LXXXVI, май, 313, т. LXXXVII, июль, 173—199, авг., 428—441.
- Серафимъ, митроп. сливенск.** 1878 г., т. LXXXVII, авг., 240, 241.
- Сербимовичъ, Конст. Степ.,** директ. канц. оберъ-прокур. свят. синода, 1837 г., † 1847 г., т. LXXXV, янв., 162, т. LXXXVII, сент., 573—577.
- Сестренцевичъ-Вогущъ, Станислав.,** митроп. всѣхъ римско-католич. церквей въ Россіи, род. 1731 г., † 1827 г., т. LXXXVII, сент., 587, т. LXXXVIII, нояб., 471.
- Сибирскій, вн.,** ген.-крюгъ-комис. 1800 г., т. LXXXV, мартъ, 476.
- Сиверсъ, гр.,** Баръ Ефимов., ген.-аншефъ 1763 года, т. LXXXVIII, нояб., 464.
- Сиверсъ, гр., Яковъ Ефимов.,** тверск. и новгородск. ген.-губерн. съ 1776—81 гг., р. 1731 г., † 1808 года, томъ LXXXVIII, нояб., 257, 260, 448, 449.
- Сиверсъ, сенат.** 1814 г., т. LXXXVI, апр., 20.
- Сигнеусъ, спб. евангелич. еписк.** 1819 г., т. LXXXVII, сент., 588, 589.
- Симановъ, подполковн.** 1866 года, т. LXXXVI, май, 328.
- Смяцкина, Екатерина,** гувернантка имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 450.
- Синицынъ, адмир.** 1852 года, томъ LXXXVI, июнь, 673.
- Синявская, артистка** 1890 года, т. LXXXVIII, нояб., 304.
- Славронская, графиня, Еват. Вас.,** см. Энгельгардъ.
- Скалонъ, Д. А.,** адъют. главнокоман. 1878 г., т. LXXXVI, май, 254, т. LXXXVII, авг., 246, 247.
- Скобелевъ. Дм. Ив.,** генер. 1877 г., т. LXXXV, янв. 58, мартъ, 469, 470, т. LXXXVI, май, 235, 251, 253, 254.
- Скобелевъ, Мих. Дм.,** ген.-адм., р. 1843 г., † 1882 г., т. LXXXV, февр., 292, 294, т. LXXXVII, май, 251.
- Сержинскій, генер. польск. войскъ** 1830 г. т. LXXXV, февр., 394, томъ LXXXVII, сентябр. 656, 657, томъ LXXXVIII, окт., 215, декаб., 663, 671.
- Славинъ, актеръ** 1842 г., т. LXXXV, февр., 366.
- Слезкинскій, А.,** сообщ.: „Графиня Анна Орлова-Чесменская и архимандритъ Фотійъ къ графини Фотіа“, т. LXXXVII, сент., 529—540.

- Слотвинскій, генер., 1830 г. томъ LXXXVII, сент., 650, т. LXXXVIII, декаб., 654, 656, 666.
- Смирнова, Александра Осипов, рожд. Россетъ, т. LXXXVIII, дек., 637—639.
- Смирновъ, Н. П., приватъ-доц. Казанск. унив. 1874 г., т. LXXXVIII, декаб., 538.
- Соболевъ, Леонидъ Николаев, полковн. 1878 г., т. LXXXVI, май, 246.
- Сожолова, Настасья Ив., камеръ-юнгера Екатерины II. въ замуж. де-Рибастъ. т. LXXXVIII, нояб., 382, 384, 399.
- Соколовъ, Ив. Матв., профес., томъ LXXXV, янв., 193.
- Соколовъ, Никита Петров., докторъ акад. 1787 г., т. LXXXVII, сент., 463—466.
- Соколовъ, артистъ московск. театр. 1855 г., т. LXXXVII, июль, 212, 213.
- Соколовичій, воен. писат., археол. 1816 г., т. LXXXVIII, окт., 164.
- Сологубъ, гр., Влад. Александров., писатель, р. 1814 г., † 1882 г., т. LXXXV, янв., 139—141.
- Соллогубъ, камеръ-юнкеръ, 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 13.
- Соллогубъ, полк. 1878 года, томъ LXXXV, мартъ, 465, 468.
- Солицевъ, Ѳед. Григ., проф. археол. живописи, р. 1801 г., † 1892 г., т. LXXXVI, июнь, 661.
- Соловьевъ, Серг. Мих., академикъ, проф., историографъ, р. 1820 года, † 1879 г., т. LXXXV, янв., 202, томъ LXXXVII, июль, 118—124, сент., 584, т. LXXXVIII, нояб., 387.
- Солоницкій, Александръ Степан. учит. рисов. 1840 г., т. LXXXVI, июнь, 650.
- Солтыковъ, В. П., камергеръ, томъ LXXXVIII, нояб., 300.
- Солтыкъ, гр., фл.-ад., 1849 года, т. LXXXVIII, окт. 114.
- Солданыъ, генер. 1829 г., т. LXXXV, февр., 447.
- Сомовъ, Орестъ Мих., литераторъ, † 1833 г., т. LXXXV, мартъ, 659—662.
- Сорожинъ, М., предводитель шайки илискихъ служилыхъ людей, совершившей побѣгъ на Амуръ въ 1655 г., т. LXXXV, янв., 205—224, т. LXXXVIII, окт., 122.
- Сосницкій, А. И., членъ русск. миссiи въ Пекинъ 1830 г., впоследъ. лекторъ китайск. язык. въ казанск. унив., т. LXXXV, мартъ, 608.
- Сосницкій, Ив. Ив., артистъ, томъ LXXXVI, июнь, 661.
- Софія Алексѣевна, царевна-правительница, род. 1657 г. † 1704 г., т. LXXXVIII, нояб., 269.
- Софроній, Гривовскій архим., начал. миссiи въ Пекинъ 1809 года, томъ LXXXV, февр., 325, 338.
- Спада, Антоній Францискъ, цензоръ, 1812 г., бібліотекаръ Одесск. публичн. библ. 1827 г., т. LXXXV, мартъ, 670.
- Спарре, графиня, 1704 года, томъ LXXXVIII, нояб., 382.
- Спасекая, Марія, сообщ. поправку къ ст.: „Воспоминанія, мысли и признанія человека, доживающаго свой вѣкъ смоленскаго дворянина“, т. LXXXV, мартъ, 679, 680.
- Спаскій, Мих. Ѳед., докт. физики и химіи, † 1859 г., т. LXXXV, янв., 191, мартъ, 679, 680.
- Сперанскій, гр. Мих. Мих., родился 1772 г., † 1839 г., т. LXXXV, февр., 339, мартъ, 485, 495, 546, 591, томъ LXXXVI, апр., '20, 103, май, 259, 304, 325, 327, т. LXXXVII, июль, 136—447, сент., 611, 616, томъ LXXXVIII, окт., 158, нояб., 301, 308.
- Спокойскій-Франкевичъ, шт.-офиц. 1877 г., т. LXXXV, янв., 74.
- Спремпортенъ, бар., Георгъ-Магнусъ, ген.-отъ-инф., 1808 года, т. LXXXV, мартъ, 482, т. LXXXVIII, окт., 152.
- Ставицкій, Максимъ Ѳед., ген.-лейт., сенат., р. 1778 г., † 1841 года, томъ LXXXV, мартъ, 489.
- Станкевичъ, Никол. Владим., писат., р. 1813 года, † 1840 г., т. LXXXV, февр., 417—419, томъ LXXXVIII, декаб., 600.
- Стариковъ, купецъ 1817 года, томъ LXXXVI, май, 294, 295.
- Стаховичъ, А., сообщ.: „Ключки воспоминаній“, т. LXXXVI, апрѣль, 39—56, мая, 347—368.
- Стаховичъ, М. А., томъ LXXXVI, апр., 40, 45, 55.
- Стендеръ, Ф. Ф., попечит. казанск. учеб. окр. 1861 г., т. LXXXVIII, декаб., 523.
- Степановъ, артистъ москов. театра 1855 г., т. LXXXVII, июль, 213.
- Стефанъ, майоръ „Голштинскаго отряда“, 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.
- Стефанъ, митроп., томъ LXXXVIII, нояб., 244.
- Степній, Іосифъ, маршалокъ 1830 г., т. LXXXVII, авг., 401, 402.
- Столыпинъ, Аркад. Дм., генералъ 1849 г., т. LXXXV, янв., 121, мар., 462, 463, т. LXXXVII, июль, 52.
- Столыпинъ, комендантъ Севастоп. 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 73.
- Стодъловъ, Никол. Григ., ген.-лейт., род. 1833 г., т. LXXXV, февраль,

- 304—313, т. LXXXVI, май, 256, 257.
- Стояннъ**, В. Д., педагогъ, томъ LXXXV, февр., 269.
- Стояновскій**, Никол. Ив., чл. Госуд. Совѣта, т. LXXXVI, апр., 213—216.
- Стрежковъ**, Степ. Фед. тайн. совѣт., 1787 г., т. LXXXVIII, ноябр. 445, декаб., 584.
- Строганова**, баронеса, 1798 года, т. LXXXVIII, ноябрь, 480.
- Строганова**, графиня, рожд. Воронцова, т. LXXXV, февр., 398.
- Строгановъ**, гр., Серг. Григ., попеч. московск. унив., т. LXXXV, мартъ, 639, т. LXXXVIII, окт., 185.
- Строль**, профес. Казанск. универ. † 1814 г., т. LXXXV, мартъ, 547—549.
- Струмилло**, Игнатій, помѣщ. 1829 г. т. LXXXV, мартъ, 621, 632, томъ LXXXVI, апр., 169, 170.
- Струмилло**, Тадеушъ, 1830 года, т. LXXXVII, авг., 388, 389.
- Студенннъ**, Гавриилъ Ильичъ, сообщ. „Наставленія по поводу сбора милици въ 1806 году“ т. LXXXVII, сент., 621—625, „Рескриптъ импер. Александра I слѣб. гражд. губернат. Пасевьеву о свободныхъ хлѣбонашцахъ“, 646, „По поводу толковъ объ освобожденіи крестьянъ въ 1830 г.“, т. LXXXVIII, окт., 130.
- Стурдза**, Александр. Скарлат., писат. духов. нравств. сочин., 1849 г., т. LXXXV, февр. 261, т. LXXXVII, авг., 406, 413, 420.
- Стурдза**, Скарлатъ Дм., молдавскій господарь 1786 года, т. LXXXVII, авг., 405.
- Стурдза**, Султана, рожд. княжна Мурузи, † 1839 г. т. LXXXVII, авг., 405, 422.
- Суворовъ**, В. И., ген.-поруч. 1763 г., т. LXXXVIII, нояб. 463, 464.
- Суворовъ-Рымнинскій**, кн. Италійскій, Александр. Вас., фельдмарш., р. 1729 г., † 1800 г., т. LXXXVIII, окт., 102, нояб., 244.
- Суворовъ-Рымнинскій**, кн., инженеръ л.-гв. кон. пол. 1825 г., т. LXXXVI, июнь, 458.
- Суворовъ**, кн., фл.-ад. 1830 года, т. LXXXVIII, окт., 92.
- Сухинъ**, А. Я., ген.-ад., коменд. Петропавл. крѣпости 1825 года, томъ LXXXVI, июнь, 459.
- Султма**, генер. 1830 г., т. LXXXVII, августъ, 401.
- Сумароховъ**, Александр. Петровичъ, писат., директ. имп. театровъ, род. 1718 г., † 1777 г., т. LXXXV, мартъ, 545.
- Сумароховъ**, Пав., т. LXXXV, февр., 265, 266.
- Сумароховъ**, сенат. 1817 года, томъ LXXXVII, июль, 175.
- Сунгуровъ**, помѣщ. 1825 года, томъ LXXXV, февр., 417.
- Суровицковъ**, т. LXXXVI, май, 293.
- Сухоржевскій**, генераль 1829 года, т. LXXXV, янв., 175.
- Сухтеленъ**, гр., Пав. Петров., ген.-адм., Оренб. ген.-губернат., род. 1788 г., † 1833 г., т. LXXXV, янв., 111, т. LXXXVI, май, 410, томъ LXXXVIII, декаб., 484.
- Сѣверцовъ**, Н. А., художникъ, томъ LXXXV, янв., 203.
- Сѣраковский**, (Доленго) Сигизмундъ предвод. повст. въ Литвѣ, † 1863 г. т. LXXXV, янв., 166, 170.
- Сѣрова**, В., т. LXXXVII, сент., 546.
- де-Сюрмонте**, Карлъ. 1794 года, томъ LXXXVI, апр., 87, 89.

Т.

- Талызинъ**, адмир., 1762 года, томъ LXXXVIII, нояб., 463.
- Танъевъ**, Алекс. Серг., статск. секрет., род. 1785 г., † 1866 г., томъ LXXXV, мартъ, 497.
- Тарачковъ**, Н. С., ученый, натуралистъ, 1860 г., т. LXXXV, февр., 370.
- Татарина**, Екат. Филип., основ.-ца секты, † 1856 г., т. LXXXV, янв., 5—51, февр., 225—263, т. LXXXVII, авг., 424, 425.
- Татаринъ**, Мих. М., т. LXXXV, февр., 232—259.
- Татищевъ**, гр., А. И. воен. минист. 1820 г., т. LXXXVI, май, 300, 313, 346.
- Таубе**, докт. 1847 г., томъ LXXXVI, июнь, 665.
- Тебенъковъ**, М., сообщ. «Духоборцы, ихъ ученіе, организація и настоящее положеніе», т. LXXXVII, авг., 257—293, сент., 493—526.
- Тебенъковъ**, морск. офиц. 1840 г. томъ LXXXVI, июль, 577.
- Тейльсъ**, сенат., 1811 г., т. LXXXVIII, декаб., 485.
- Теохаровъ**, товар. прокур. Полтав. окр. суда 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 66.
- Теплякова**, Софья Алексѣев., томъ LXXXV, янв., 177.
- Теплякова**, Юлія Алекс., т. LXXXV, янв., 177.

- Тепляковъ**, Аггей Григ. р. 1808 г., офиц., т. LXXXV, февр., 440.
- Тепляковъ**, Алексѣй Григ., р. 1806 г., † 1872 г., т. LXXXV, февр., 440, мартъ, 659, 661, 662, 669.
- Тепляковъ**, Григорій Алексѣев., томъ LXXXV, февр., 441.
- Тепляковъ**, Викт. Григ., писат., род. 1804 г., † 1842 г., т. LXXXV, янв., 177 — 189, февр., 425 — 447, мартъ, 659 — 677, т. LXXXVI, апр., 191 — 212, т. LXXXVII, авг., 405 — 422, сент., 661 — 672, т. LXXXVIII, окт., 227 — 236.
- Теребеневъ**, Иванъ Ив., живопис. п. скульпт., р. 1780 г., † 1815 г., томъ LXXXVI, июнь, 652.
- Терлецкій**, Владим., докт. богослов. и медицины, бывш. греко-униатск. миссіонеръ, т. LXXXVII, авг., 385.
- Терновскій**, свящ., т. LXXXV, янв., 197.
- Тивенгаузенъ**, гр., Фед. Ив., † 1806 г., т. LXXXVII, авг., 417.
- Тивенгаузенъ**, полковн. 1825 г., декабр., т. LXXXVI, июнь, 461.
- Тилло**, преподават. Царскос. Лицея 1823 г., т. LXXXVIII, окт., 174.
- Тиманъ**, поруч. гвард. артил. 1813 г., т. LXXXVI, апр., 4.
- Тимошукъ**, Вѣра Вас., перев. съ польскаго записки Мих. Чайковскаго, т. LXXXV, мартъ, 619 — 636, томъ LXXXVI, апр., 155 — 181, май, 391 — 405, томъ LXXXVII, авг., 367 — 404, сент., 647 — 659, т. LXXXVIII, окт., 209 — 225, декаб., 653 — 676, съ франц.; «Императрица Александра Федоровна въ своихъ воспоминаніяхъ», томъ LXXXVIII, окт., 5 — 60: составила «авбучный указатель», т. LXXXVIII, вн. дек.
- Титовъ**, Пав. Петров., ориенталистъ 1830 г., т. LXXXV, мартъ, 660, 661.
- Титшнъ**, полковн. 1812 г., т. LXXXV, мартъ, 502.
- Толстой**, гр., Александр. Петров. ген.-м., воен. губернат. въ Одессѣ съ 1837 — 1840 г. г., т. LXXXVII, авг., 419, 421.
- Толстой**, гр., Дм. Андреев, министр. народн. просв., род. 1823 г., умеръ 1889 г., т. LXXXVIII, 538.
- Толстой**, гр., Ив., Матвѣев., главноначальств. надъ почтов. деп. 1863 г., род. 1806 г., † 1867 г., т. LXXXV, янв., 139 — 141.
- Толстой**, И. П. т. LXXXIII, дек., 623, 630, 632.
- Толстой**, гр., Левъ Николаев., томъ LXXXVI, май, 335, томъ LXXXVII, июль, 220.
- Толстой**, гр., Петръ Александр. Сиб. воен. губернат., предсѣдат. воен. деп. Государств. Сов., род. 1769 г., † 1844 г., т. LXXXVI, май, 301, томъ LXXXVII, июль, 26, 27, т. LXXXVIII, окт., 79, 87, нояб., 300.
- Толстой**, гр., Серг. Васильев., нижегород. вице-губернат. 1810 г., томъ LXXXV, мартъ, 495, 504.
- Толстой**, гр., Фед. Петров., художн. медальеръ, вице-презид. акад. худ. род. 1783 г., † 1873 г., т. LXXXV, мартъ, 554, 555, т. LXXXVI, июнь, 661.
- Толстой**, гр., фл. ад. 1878 г., томъ LXXXV, февр., 305.
- Толстой**, гр., об.-марш. 1825 г., томъ LXXXVI, май, 309.
- Толстой**, офиц. 1828 г., т. LXXXVI, июнь, 492.
- Толь**, гр., Карлъ Фед. ген.-лейт., р. 1777 г., † 1842 г., т. LXXXVI, апр., 16, июнь, 552, т. LXXXVIII, окт., 103, декаб., 565.
- Томашевскій**, Иосифъ, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVII, авг., 369, 373.
- Томинскій** полковн. 1829 года, томъ LXXXV, янв., 171.
- Томищевъ**, полк. 1829 г., т. LXXXV, янв., 175.
- Томковичъ**, Викентій, помѣщ. 1829 г., т. LXXXVI, апр., 169.
- Тонъ**, К. А. архитект. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 661, т. LXXXVIII, декабрь, 626.
- Топоровъ**, профес., мед., т. LXXXV, янв., 199.
- Торшаевъ**, Александр. Петров., ген.-отъ-кав., род. 1736 г., † 1819 г., т. LXXXV, май, 295, 296, т. LXXXVII, сент., 542.
- Томашевъ**, А. Е., мин. внутр. дѣлъ, т. LXXXVIII, декаб., 521 — 525.
- Тотлебенъ**, гр., Эдуаръ Ив., инженер., ген.-ад., р. 1818 г., † 1884 г., т. LXXXV, февр., 286, мартъ, 466 т. LXXXVIII, окт., 116.
- Траханьотъ**, грекъ, велшій переговоры о бракѣ Іоанна III съ Софією Палеологъ, т. LXXXVIII, дек., 651.
- Трембицкій**, генер. 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 80.
- Трескинъ**, Н. И., иркутск. губернат. 1817 г., т. LXXXV, февр., 326, 330.
- Тришатицкій**, генер., 1838 года, томъ LXXXVI, июнь, 580.
- Тройницкій**, Александр. Григ., тов. мин. вн. дѣлъ, 1857 г., † 1871 г., т. LXXXV, мартъ, 666 — 669.
- Тропининъ**, т. LXXXVI, май 362.
- Трошинскій**, Дм. Прокоф., мин. удѣловъ, † 1829 г., т. LXXXVI, май, 362.

Трубачевъ, Смоленск. почтдирект. 1877 г., т. LXXXV, мартъ, 459, т. LXXXVI, май, 228—232.

Трубенная, княг., Екат. Ив., рожд. гр-ня Лаваль, супруга декабриста, † 1863 г., т. LXXXV, мартъ, 610.

Трубецкая, княг., Екат. Петровна, 1791 г., т. LXXXVIII, нояб., 345, 347, 364.

Трубецкая, княг., Соф., т. LXXXVIII, окт., 16, 33, 39.

Трубецкой, кн., Д. Ю., 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб., 305.

Трубецкой, кн., Ив. Юрьев., фельдм. 1700 г., т. LXXXVIII, нояб., 382.

Трубецкой, кн., Никита Юрьевичъ фельдмарш. 1762 г., т. LXXXVIII, нояб., 447.

Трубецкой, кн., Николай Никитичъ, масовъ 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 321—365.

Трубецкой, кн., ген.-ад. 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 89.

Трухвель, гр-ня, об.-гофмейстерина им-цы Александры Θεодоровны, 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 17.

Тургеновъ, Александр. Ив., директ. деп-а духов. дѣлъ, писат., † 1845 г., т. LXXXVI, июнь, 566, 567, 568, т. LXXXVII, авг., 425, т. LXXXVIII, дек., 630, 632.

Тургеневъ, Ив. Петров., масовъ, род. 1752 г., † 1807 г., томъ LXXXVIII, нояб., 321, 357, 359.

Тургеневъ, Ив. Серг., писатель. род. 1818 года, † 1883 г., т. LXXXVIII, декаб., 585—589, 602, 645.

Туруновъ, Явовъ Никол., писатель, 1840 г., т. LXXXV, янв., 162.

Турцевичъ, перев. записки М. Чайковскаго, т. LXXXV, янв., 163—176, февр., 381—394.

Турчаниновъ, ген.-лейт. 1800 г., т. LXXXV, мартъ, 476.

Тутолминъ, Тимое. Ив., ген.-губерн. волыньск. и подольскій, р. 1740 г., † 1809 г., т. LXXXV, мартъ, 472.

Тухолка, ст. сов., Видлянск. губерн. 1878 г., т. LXXXVII, июль, 62, 66.

Тучковъ, ген. 1812 г., т. LXXXVII, сент., 602.

Тучковъ, Измаильскій комендантъ 1829 г., т. LXXXVI, июнь, 479.

Тышкевичъ, Викентій, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVI, май, 391—394, 405, т. LXXXVII, авг., 369.

Тышкевичъ, Генрихъ, ген., кievск. губерн. предвод. дворян. 1829 г., т. LXXXVI, май, 404, 405.

Тютчевъ, Фед. Ив., писатель, † 1873 г., т. LXXXV, янв., 90.

У.

Уваровъ, гр., Серг. Семен., министръ народн. просв., † 1855 года, томъ LXXXV, янв., 88, февр. 280, 282, мартъ, 648, т. LXXXVI, июнь, 571, LXXXVII, сентябрь, 569, 571, томъ LXXXVIII, окт., 153, 184, 230

Уваровъ, Ф. П., генер.-ад. 1824 г., т. LXXXV, янв., 226, т. LXXXVII, июль, 164, 179, авг. 424.

Урбановичъ - Пшлецкій, Мартынъ Степан., директ. инст. глухонѣм. въ Спб., 1825 г., послѣдов. секты Татарниновой, т. LXXXV, февр., 231, 232, 247.

Устинова, Прасковья Васил., 1825 г., т. LXXXVI, июнь, 461.

Устряловъ, Никол. Герасим., проф. акад., историкъ, р. 1805 г., † 1870 г., т. LXXXV, январь, 162, 196, томъ LXXXVI, июнь, 575, 576, томъ LXXXVII, июль, 118, т. LXXXVIII, окт., 184, декаб., 589.

Уткинъ, граверь, 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 661.

Ушаква, Варвара, фрейл., 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 13.

Ушаковъ, Андрей Ив., ген.-аншефъ, начальн. тайной канцел., † 1747 г., томъ LXXXVII, августъ, 312.

Ушаковъ, генер., шталмейст. двора в. кн. Николая Павловича, 1817 г., томъ LXXXVI, июнь, 451, 452, 480, т. LXXXVIII, окт., 25, 28.

Ушаковъ, Николай, его письмо къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому, 1840 г., т. LXXXVI, май, 430.

Ушаковъ, П. Н., т. LXXXVI, май, 361.

Ф.

Фабрзъ, Андр. Яковл., членъ Одесск. общ-ва Исторіи и Древностей, томъ LXXXVI, апр., 199, 200

Фальконетъ, скульпт., т. LXXXVIII, нояб. 388, 414—417.

Фалькъ, академ., † 1780 г., т. LXXXVII, сент., 463.

Фельвель, препод. нѣмецк. литер., т. LXXXV, янв., 192.

Фервентъ, ген. 1792 г., т. LXXXVIII, декаб. 481.

Ферморъ, гр., 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 424.

Ферстеръ, Ив., ген.-м., начальн. оруженбаумск. арсенала 1763 г., томъ LXXXVIII, нояб., 464—466.

Ферстеръ, капит. „Голштинскаго отряда“, 1763 г., т. LXXXVIII, нояб., 465.

Фигнеръ, Александр. Самойл., партизанъ, 1812 г., р. 1787 г., † 1813 г., т. LXXXVIII, окт., 103, 104.

Филаретъ (Василій Дроздовъ), митр. москов., р. 1782 г., † 1867 г., томъ LXXXV, янв., 6—47, 196, 197, томъ LXXXVI, апр., 103, июнь, 558—560, т. LXXXVII, июль, 113—118, 174, 181, 204—210, авг., 255, 256, 440, т. LXXXVIII, декаб., 594, 618.

Филаретъ, архіеп. Казанск. и Свиляжск., 1829 г., томъ LXXXV, янв., 27, 111.

Филипсонъ, генл., 1860 г., т. LXXXVIII, окт., 118.

Финтумъ, фонъ-Энштетъ, Александр. Ив., инспект. студ. Слб. унив. 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 574, 575, томъ LXXXVII, июль, 223, 224, томъ LXXXVIII, ноябр., 472, 474.

Фишеръ, Александр. Григ., профес. москов. унив. 1855 г., т. LXXXV, янв., 191, т. LXXXVII, июль, 212.

Флейшеръ, кап., 1878 г., т. LXXXVII, июль, 61.

Фовъ, Александр. Александр., 1890 г., т. LXXXVIII, декаб., 485, 487.

Фокъ, Александр. Андреев., полковн., т. LXXXVIII, декаб., 485.

Фокъ, Александр. Борисов., ген.-м., начальн артиллер. въ Финляндіи 1799 г., предводит. дворян. въ Выборгѣ, 1811 г., ген.-лейт. 1812 г., † 1825 г., томъ LXXXVII, июль, 147, т. LXXXVIII, декаб., 482—487.

Фокъ, Анна Ив., см. Лидеръ.

Фокъ, Борисъ, служ. въ канц. строенія и садовъ при Елисаветѣ Петровнѣ 1760 г., т. LXXXVIII, декаб., 482.

Фокъ, Борисъ, уланск. офиц. † 1829 г., т. LXXXVIII, декаб., 485.

фонъ-Фокъ, Мих. Максимов., директ. канц. шефа жанд., 1830 г., томъ LXXXV, янв., 13, мартъ, 489, томъ LXXXVI, июль, 562, т. LXXXVIII, окт., 89.

Фолленштейнъ, графъ, т. LXXXVI, май, 368.

Фонвизинъ, Денисъ Ив., писатель, т. LXXXVIII, нояб., 304, 307.

Фотій (Петръ Никитичъ Спасскій), архим., настоят. Новгород. Юрьев. монаст., р. 1792 г., † 1838 г., томъ LXXXV, февр., 230—247, 261, томъ LXXXVI, май, 309, т. LXXXVII,

июль, 163—199, авг., 423—443, сент., 527—540.

Франковский, полковн., 1837 г., томъ LXXXVII, сент., 554.

Фредериксъ, бар., адъют. в. кн. Никол. Павлов., 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 25.

Фрейгантъ, А. В., сообщ. Два письма князя Александра Ивановича Чернышева къ В. И. Фрейгангу. 1817 г., т. LXXXVII, сент. 673, 674.

Фрейгантъ, В. И., 1817 г., томъ LXXXVII, сент., 673, 674.

Фризе, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 661.

Фрихенъ, Г. М., 1817 г., т. LXXXVI, май, 322.

Фроловъ, генер., 1838 г., т. LXXXVIII, декаб., 575.

Фрявинъ, Ив., т. LXXXVIII, декаб., 651.

Фуссъ, акад., 1782 г., т. LXXXVII, сент. 470.

X.

Хабаровъ, Ерофей, 1649 г., томъ LXXXV, янв., 203, т. LXXXVIII, окт., 121, 122.

Халчинскій, генеральн. консулъ въ Бухарестѣ, 1853 г., т. LXXXVII, авг., 314, 315.

Ханыковъ, Яковъ Влад., Оренб. губерн. съ 1849—1855, т. LXXXVI, июль, 547.

Хвостова, А. П., писательница, т. LXXXVIII, нояб. 309.

Хвостова, генеральша, послѣд.—да секты Татариновой, томъ LXXXV, февр., 235, т. LXXXVII, августъ, 424, 425.

Хвостовъ, гр., Дмитрій Ив., об.-прок., синода, 1802 г., писатель, р. 1757 г., † 1835 г., т. LXXXVI, апр. 33—38, т. LXXXVIII, декаб., 585—588.

Херасковъ, Мих. Матв., писатель, т. LXXXVI апр., 187, т. LXXXVIII, нояб., 299—364.

Хилковъ, вл., М. Я., 1790 г., томъ LXXXVIII, нояб. 305.

Хитрово, Елис. Мих., рожд. Голенишева - Кутузова - Смоленская, въ перв. бракѣ гр-ня Тизенгаузень, 1836 г., т. LXXXVII, авг., 417.

Хитрово, Никол. Федор., послан. во Флоренцію, † 1819 г. т. LXXXVII, авг., 417.

Хлопадцкій, Иосифъ, польскій генералъ, диктаторъ 1830 г., р. 1771 г.,

- † 1854 г., т. LXXXV, февр. 384, 393, т. LXXXVI, май, 396—404, т. LXXXVII, августъ, 379, 404, томъ LXXXVIII, окт., 81—87.
- Хитлевицкій**, офиц. польск. войскъ 1830 г., т. LXXXVIII, дек., 661, 673.
- Хованскій**, кн., 1790 г., т. LXXXVIII, нояб., 262.
- Ховрина**, Варвара Ив. † 1552 г., т. LXXXVII, июль, 115.
- Хомяковъ**, Алексѣй Степ., профес. московск. унив., писат., † 1860 г., т. LXXXV, мартъ, 641, т. LXXXVI, май, 349—354, т. LXXXVII, авг., 254, томъ LXXXVIII, декаб., 601, 629, 636.
- Хорватъ**, Осипъ Ив., екатеринослав. губернат. 1796 г., томъ LXXXVII, авг., 353.
- Храповицкій**, Александр. Васильев., ст.-секрет., † 1801 г., т. LXXXVIII, нояб., 445.
- Храповицкій**, ген.-ад. 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 79.
- Храшовскій**, польск. генер. 1830 г., т. LXXXVII, сент., 652—659, томъ LXXXVIII, окт., 209—221, декаб., 664, 670, 671.
- Хриповъ**, Александр. Дм., художн., 1845 г., т. LXXXVIII, декаб., 636.
- Хрулевъ**, ген.-м. 1853 г. т. LXXXVI, июнь, 537, 611.
- Хрущевскій**, майоръ, 1830 г., т. LXXXVII, авг., 367, 368, 369.

Ц.

- Цвѣтаевъ**, Дм., профес., сообщ.: „Дѣло объ ограбленіи въ 1861 г. анатомическаго театра Варшавской Медико-Хирургической академіи“, т. LXXXV, янв., 52—54, „Основаніе русскаго флота“, т. LXXXVII, июль, 99—112.
- Цвѣтинскій**, ген.-м., 1878 г., томъ LXXXV, февр., 310.
- Цеймернъ**, Максимъ Карлов. сенат., съ 1853 г. почетный опекунъ, томъ LXXXVII, авг., 446.
- Цементовскій**, генер., 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 80.
- Церетелевъ**, кн., генер., 1878 г., т. LXXXV, февр., 304.
- Цинскій**, москов. об.-полиціймейст., 1835 г., т. LXXXVI, апр., 42.
- Цицановъ**, кн., генер. 1860 г., т. LXXXVIII, декаб., 583.
- Цюлковскій**, генер., 1839 г., томъ LXXXVI, июнь, 530.

- Цывырева**, Екатерина, 1825 г., томъ LXXXV, февр., 235, 261.
- Цыловъ**, Никол. Ив., капит. 1837 г., LXXXVI, июнь, 652.

Ч.

- Чаадаевъ**, генер. отъ инф. 1849 г., т. LXXXVI, июнь, 520.
- Чаадаевъ**, Петръ Яковлев., масонъ, 1862 г., т. LXXXV, мартъ, 611—617.
- Чайковскій**, Петръ Ильичъ, композиторъ, род. 1840 г., † 1893 г., томъ LXXXVII, сент., 545—552.
- Чайковскій**, Мих. (Мехмедъ-Садыевъ паша), † 1886 г., его записки, томъ LXXXV, янв., 163—176, февр., 381—494, мартъ, 619—636, томъ LXXXVI, апрѣль, 155—181, май, 391—405, т. LXXXVII, авг., 367—404, сент., 647—659, т. LXXXVIII, окт., 209—225, декаб., 653—676.
- Чайковскій**, Симфоріанъ, полковн., т. LXXXV, мартъ, 626—629.
- Чарторыйскій**, князь, Адамъ, томъ LXXXV, янв., 173, февр., 382, т. LXXXVI, апр., 165, май, 391, 399, т. LXXXVII, июль, 13, авг., 394, сент., 632, 656, т. LXXXVIII, окт., 69 81, 82, 167, 211, 214, 221, декаб., 610, 663, 671, 675.
- Чацкий**, Мих., офиц. польск. войскъ, 1830 г., т. LXXXVII, авг., 374.
- Чевкинъ**, Конст. Владим., ген.-ад., главноуправл. пут. сообщ., р. 1803 г., † 1875 г., т. LXXXV, мартъ, 550, 551.
- Челищевъ**, подполковн. 1828 г., томъ LXXXVI, май, 395.
- Черевновъ**, генер.-м., 1820 г., томъ LXXXVI, май, 407, 408.
- Чернассая**, кн., Е. А., рожд. **Васильчичева**, томъ LXXXVII, авг., 245, 254.
- Чернаскій**, кн., Влад. Александр., управл. гражд. частью въ Болгаріи, 1877 г., † 1878 г., т. LXXXV, янв., 55—78, февраль, 285—313, мартъ, 449—470, т. LXXXVI, май, 225—266, т. LXXXVII, июль, 45—81, августъ, 231—254, сент., 560.
- Черкашовъ**, Борисъ Ив., полевой ген.-контролеръ арміи, 1877 г., томъ LXXXV, янв., 61—73.
- Черлицкий**, Ив. Карлов., учнт. муз., 1827 г., т. LXXXV, янв., 8—39.
- Чернизова**, П. М. помѣщица 1817 г., т. LXXXVII, июль, 82.
- Чернышевъ**, гр., Александр. Ив., ген.-ад., воен. мнн., † 1852 г., т. LXXXV, мартъ, 499, т. LXXXVI, май, 314,

- 342, 406—408, июнь, 530, т. LXXXVII, сент. 673, 674, т. LXXXVIII, окт., 154.
- Чернышевъ, Алексѣй**, художн.-акад., 1856 г., т. LXXXVI, июнь, 551.
- Чернышевъ, гр. Захаръ Григ.**, ген.-пор., москов. ген.-губерн., р. 1722 г., † 1784 г., т. LXXXV, февр., 400, т. LXXXVI, апр., 120, 123, томъ LXXXVIII, нояб. 441, 468.
- Чернышевъ, графъ, Захаръ**, оберъ-мундпензъ, 1817 г., т. LXXXVIII, окт., 13.
- Чернышевъ, гр., Ив. Григ.**, презид. адмиралт.-кол., 1767 г., т. LXXXVI, 132, томъ LXXXVIII, ноябрь, 370, 430—445.
- Чернышевъ, гр., П. Григ.**, 1767 г., LXXXVIII, нояб. 389.
- Чернышевъ, любит.-актеръ**, 1855 г., т. LXXXVII, июль, 208, 209, 210.
- Чертковъ, Никол. Дм.**, ген.-м. 1847 г., т. LXXXV, февр., 369.
- Чертковъ, фл.-адъют.** 1855 г., томъ LXXXVIII, декаб., 579.
- Чертковъ, тайн. сов.**, 1787 г., томъ LXXXVIII, нояб., 444.
- Чечеринъ, Никол. Ив.**, 1767 г., томъ LXXXVIII, 441.
- Чечеринъ, генер.-ад.**, 1828 г., томъ LXXXVI, апр., 157, июнь, 497.
- Чешихинъ, Е. В.**, сообщ.: „Три рескрипта императора Павла, дѣйстви. тайн. сов. Нателю 1800 года“, томъ LXXXVII, сент., 543, 544.
- Чижовъ, писат.**, т. LXXXVIII, дек., 630, 640, 642.
- Чичаговъ, Сиб. полиціймейст.** 1810 г., т. LXXXV, мартъ, 482, 491, томъ LXXXVI, май, 309, 313.
- Чичаговъ, генералъ**, 1812 г., томъ LXXXV, мартъ, 503, 504.
- Чугуновъ, А. К.**, профес. Казанск., унив., 1873 г., т. LXXXVIII, дек., 532.
- Чулковъ, Васил. Васильевъ**, масонъ. 1775 г., т. LXXXVIII, нояб., 321.
- Шамшевъ, подполковн.** 1820 г., томъ LXXXVI, май, 407, 408.
- Шаповаленко, Д. Ф.**, прапорщикъ 1824 г., т. LXXXV, февр., 234.
- Шарбе, директ. Пензенск. гимназ.** 1867 г., т. LXXXVIII, дек., 529.
- Шаховская, княжна**, въ зам. Римская-Корсакова, томъ LXXXVII, июль, 219, 220.
- Шаховъ, Ив.**, мичм. 1767 г., томъ LXXXVIII, нояб., 441.
- Шварцъ, Н. Г.**, профес. московск. унив., т. LXXXVIII, нояб., 313.
- Шебуевъ, художн.** 1837 года, томъ LXXXVI, июль, 661.
- Шевченко, Тарасъ Григорьевъ**, поэтъ, род. 1814 г., † 1861 года, томъ LXXXV, мартъ, 655—658, томъ LXXXVI, июль, 655.
- Шевыревъ, Степ. Петровъ**, его стихотв.: „Строфы Владимиру Ивановичу Назимову, читанныя 6 февр. 1855 г.“, т. LXXXV, мартъ, 637, 638; упом.: янв., 197, мартъ, 641, 642, т. LXXXVII, июль, 208—210, т. LXXXVIII, окт. 184—186, дек., 594, 619,—645.
- Шембергъ, ген.** 1830 г., т. LXXXVIII, декаб., 670, 675, 676.
- Шембергъ, гр.** настоят. римско-католич. церкви въ Саратовѣ 1894 года, т. LXXXVI, апр., 114.
- Шенрогъ, В.**, сообщ.: „Письма Н. М. Язмова къ Н. В. Гоголю“, томъ LXXXVIII, декаб., 617—647.
- Шепелевъ, А. А.**, полковн., Филиппоп. губернат. 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 53, 63, авг., 241, 242.
- Шепелевъ, генер.** 1828 года, томъ LXXXV, февр., 436.
- Шептицкий, генер. польск. войскъ** 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 213, 217, 219, 224, декаб., 658, 670, 676.
- Шерудт-Виркль, Ив.**, прапорщ. 1-гв. Драгунск. пол. 1826 г., томъ LXXXVII, июль, 200.
- Шереметева, гр-ня**, въ зам. гр-ня Панина, т. LXXXV, февр., 398.
- Шереметева, Надежда Никол.**, т. LXXXVIII, декаб., 618, 624—647.
- Шереметьевъ, гр.**, об.-камерг. 1730 г., т. LXXXVIII, нояб., 303.
- Шерваль, Ф.**, ген.-губ. въ Нюландѣ 1812 г., т. LXXXVII, июль, 141—152, авг., 324—335, т. LXXXVIII, окт., 149.
- Шеръ, скульпт.** 1850 года, томъ LXXXVI, июль, 654.
- Шестаковъ, П. Д.**, попечит. казанск. учебн. окр., † 1890 г., сообщ.: „Тяжелые дни казанск. универс.“, т. LXXXVIII, декаб., 519—539.
- Шеферъ, гр.**, Ульрихъ, сенат. 1780 г., т. LXXXVII, сент., 466, 467, 468, 471.

III.

- Шабельскій, Ив. Петровъ**, ген. отъ кав., род. 1795 г., † 1874 г., томъ LXXXV, февр., 436—441.
- Шабельъ, профес.** 1840 года, томъ LXXXVI, июль, 573.
- Шаликовъ, кн., Петръ Ив.**, писат., род. 1767 г., † 1852 г., т. LXXXVI, июль, 554, 555.
- Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана**, т. LXXXVIII, декаб., 577, 581.

- Шидловскій, А. Ѳ.**, сообщ.: „Изъ бумагъ Викт. Григ. Теплякова“, т. LXXXV, янв., 177—189, февр., 425—447, мартъ, 659—677, т. LXXXVI, апр., 191—212, т. LXXXVII, сент., 661—672, т. LXXXVIII, окт., 227—236. «Богъванъ и кончина императора Николая Павловича», июнь, 615—631, „Графиня Р. С. Эдлингъ въ письмахъ къ В. Г. Теплякову“, т. LXXXVII, авг., 405—422.
- Шидлингъ-фонъ-Канштадтъ, баронесса**, въ зам. гр-ня Бенкендорфъ, т. LXXXVI, июнь, 471.
- Шильдеръ, Карлъ Андреевичъ, ген.-ад., инженер.**, р. 1785 г., † 1854 г., т. LXXXVI, июнь, 499.
- Шильдеръ, Никол. Карлов.**, ген.-лейт., начальн. ниж. акад. и учил., воен. писатель-историкъ, сообщ.: „Императоръ Николай I въ 1828—1831 г.г.; изъ записокъ графа А. Х. Бенкендорфа“, т. LXXXVI, июнь, 471—510, т. LXXXVII, июль, 3—27, т. LXXXVIII, окт., 65—96, «Собственноручныя письма императора Николая I», томъ LXXXVI, июнь, 511—520; „Двѣ характеристики. Изъ записокъ графъ Ѳ. Г. Головкина“, томъ LXXXVIII, нояб., 367—379; „Кончина Екатерины II и воцареніе Павла“, 472—480.
- Шильдъ, генералъ** 1763 года, томъ LXXXVIII, нояб., 463.
- Шиповъ, С. П.**, ген.-ад. 1838 г., т. LXXXV, янв., 9, томъ LXXXVII, сент., 567.
- Широкскій-Шихматовъ, вв.**, Платовъ Александр., директ. канц. мн-ра народн. просв. 1826 г., влоск. мн-ръ нар. просв., род. 1790 г., † 1853 г., т. LXXXVII, июль, 176—178, 211.
- Ширлей, послан.** въ Слб. 1768 г., т. LXXXV, февр., 404, 408.
- Ширлеъ.**, книгопродав. 1827 г., т. LXXXVI, июнь, 555.
- Шихшинъ, Петръ, мичм.** 1767 г., т. LXXXVIII, нояб., 441.
- Шихшовъ, Александр.** Ардаіонов., писат., т. LXXXVII, сент., 577.
- Шихмовъ, Александр.** Семенов., мн-ръ народн. просв., род. 1763 г., † 1841 г., т. LXXXV, февр., 226, 261, 280, 281, мартъ, 543, 545, т. LXXXVI, апр., 5—13, 33—38, т. LXXXVII, июль, 171—179, авг., 426, 428, сент., 573—589, т. LXXXVIII, нояб., 473.
- Шихшовъ, Н. П.**, помѣщ. 1860 г., т. LXXXVI, май, 354.
- Шжурина, Марія Васильев.**, фрейлина 1769 г., род. 1755 г., † 1824 г., т. LXXXVIII, нояб., 422.
- Шжурина, Наталія Васил.**, фрейлина 1770 г., т. LXXXVIII, нояб., 422.
- Шжуринъ, Васил.** Григ., гардеробмейст. Екатерины II, т. LXXXVIII, нояб., 393, 396, 418, 419, 420.
- Шжуринъ, Серг. Васильев.**, ст. сов. 1805 г., т. LXXXVII, сент., 646, т. LXXXVIII, нояб., 421.
- Шжигъ, Марья Осип.**, см. Марченко.
- Шостаковский, профес.** 1829 г., т. LXXXVI, апр., 170.
- Шостакъ, Пав.**, мичманъ 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 445.
- Шпейеръ, инспект. студ.** московск. унив., томъ LXXXV, мартъ, 639, 640, 643.
- Шпиръ, Александр.** Александр., докт. медик. 1832 г., т. LXXXVI, июнь, 597, 598.
- Шредеръ, бар.**, масовъ 1791 г., томъ LXXXVIII, нояб., 361—3638.
- Шталъ, инж.-ген.** 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 456, 457.
- Штаге, Антонъ, майоръ** „Голштинскаго отряда“, 1763 года, томъ LXXXVIII, нояб., 466.
- Штейнгель, бар.**, Влад. Ив., декабр., р. 1784 г., † 1862 г., т. LXXXVI, июнь, 460.
- Штейнгель, гр.** Фабіанъ, ген.-губер. Финляндіи 1811 г., т. LXXXVII, июль, 129, 130, авг., 323—327, сент., 611, 612, т. LXXXVIII, окт., 152, декаб., 484.
- фонъ-Штейнъ, бар.**, прусск. государств. дѣятель 1812 г., т. LXXXVII, авг., 343.
- Штейнъ, генер.** 1878 г., т. LXXXV, мартъ, 464.
- Штелинъ, акад.** 1782 г., т. LXXXVII, сент., 484, 488, 490, т. LXXXVIII, нояб., 421.
- Шторжъ, преподават.** имп. Николая I, т. LXXXVI, июнь, 452, 453.
- Шторжъ, почетн. осекунъ** 1840 г., т. LXXXVIII, окт., 182.
- Шубертъ, Ѳ. И.**, 1804 г., т. LXXXVII, авг., 448.
- Шубинъ, скульпт.** 1767 года, томъ LXXXVIII, нояб., 389.
- Шуваловъ, гр.** Андр. Петров., поэтъ, р. 1744 г., † 1789 г., т. LXXXVIII, нояб., 441, 450, 451.
- Шуваловъ, гр.** Ив. Ив., сенат., р. 1727 г., † 1793 г., т. LXXXV, янв., 146, т. LXXXVIII, нояб., 472.
- Шуваловъ, гр.**, об.-штабмейст., 1787 г., т. LXXXVIII, нояб., 444.
- Шульши, Василій Ивановичъ, царь**, † 1612 г., т. LXXXVII, июль, 119, 123, 124, т. LXXXVIII, декаб., 650.
- Шудские, князь,** замѣтка объ ихъ родѣ, т. LXXXVII, июль, 118—125.

- Шульгинъ, И. П.**, профес., ректоръ спб. унив. 1837 г., томъ LXXXVI, июнь, 573, т. LXXXVIII, окт., 174.
- Шульгинъ**, спб. об.-полицеймейст. 1817 г., т. LXXXV, янв., 18, томъ LXXXVI, май, 295, 315.
- Шумигорскій, Евгений Себастьянов**, историкъ, т. LXXXVIII, декаб., 690, 691.
- Шумляноскій, поруч. польск. войскъ** 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 213.
- Шумскій, Серг. Васильевъ**, артистъ т. LXXXVI, май, 356, 359, томъ LXXXVII, июль, 212—218.
- Шушаринъ**, актеръ 1790 года, томъ LXXXVIII, нояб., 304.
- Штакальбергъ**, гр., послан. въ Швецію 1792 г., т. LXXXV, февр., 347, 353, мартъ, 570, 577, т. LXXXVI, май, 371, 382, 390, т. LXXXVIII, окт., 205.

Щ.

- Щеголевъ, шт.-кап.** 1854 г., томъ LXXXVI, июнь, 610.
- Щепинъ-Ростовскій, кн.**, декабр., т. LXXXVI, май, 315, июнь, 461.
- Щеплявъ, Мих. Сем.**, артистъ, род. 1788 г., † 1863 г., томъ LXXXVI, апр., 39—43, 52, май, 355—368, т. LXXXVII, июль, 212—214, томъ LXXXVIII, декаб., 628.
- Щербатова, княж., фрейлина** 1770 г., т. LXXXVIII, нояб., 422.
- Щербатовъ, кн., В. Н.**, 1796 г., томъ LXXXVIII, нояб., 304.
- Щербатовъ, вл., Григ. Алексѣевъ**, попечит. спб. учебн. окр., 1858 г., т. LXXXV, мартъ, 559, 640.
- Щербининъ, Мих. Павловъ**, чиновн. при канцел. графа М. С. Воронцова 1835 г., т. LXXXVII, авг., 409.
- Щербинскій, кам.-юнк. Тырновскій** ген.-губ. 1878 г., томъ LXXXVII, июль, 63.
- Щуровскій, Григ. Ефимовъ**, профес., т. LXXXV, янв., 192.

Э.

- Эвальдъ, Вл. Э.**, преподават. исторіи 1856 г., т. LXXXVII, сент., 617.
- Эдлингъ, гр-ня, Роксандра Скарлатовна**, рожд. Стурдаа, род. 1786 г., † 1846 г., т. LXXXVII, авг., 405—422, т. LXXXVIII, нояб., 472.

- Эйлеръ, I. A.**, академикъ конференцъ-секрет. Акад. наукъ 1775 г., томъ LXXXVII, сент., 458, 460, 466, 467, 468, 470, 481, 482.
- Эйлеръ, Леонардъ, акад.** 1782 г., т. LXXXVII, акад. 470, 471, 478.
- Эйхенъ, Александръ Фед.**, художникъ 1837 г., т. LXXXVI, июнь, 662, 663.
- Эйхенъ, Фед.**, генер., Петергофскій комендантъ, т. LXXXVI, июнь, 662.
- Эвемпларскій, А. В.**, писатель, т. LXXXVII, июль, 118, 119, 120.
- Энгель, Федоръ**, управл. мин-тъ вн. дѣлъ 1830 г., т. LXXXVIII, окт., 130.
- Энгельгардтъ, Екат. Вас.**, въ замуж-гр-ня Савронская, во втор. бракѣ гр-ня Литта, т. LXXXVIII, октяб., 56, нояб., 444.
- Энгельгардтъ, Серг. Петровъ**, чиновн. особ. поруч. при новорос. и бессараб. ген.-губ. 1834 г., т. LXXXVI, апр., 193—200.
- Энзе, помѣщ.** 1860 г., томъ LXXXV, 515—518, т. LXXXVI, апр., 57.
- Эпинусъ, д. ст. сов.** 1782 г., томъ LXXXVII, сент., 490.
- Эртель, Фед. Фед.**, генер., р. 1768 г., † 1825 г., т. LXXXV, мартъ, 499.
- Эссенъ, П. К.**, ген.-ад., оревб. ген.-губ. 1824 г., спб. воен. ген.-губернат. 1830 г., т. LXXXVI, май, 422, июнь, 532, т. LXXXVIII, окт., 88, 89, 204, 205, декаб., 497.

Ю.

- Юдинъ, П. Л.**, сообщ.: „Въ Сыртовскихъ дѣбряхъ. Очеркъ изъ прошлаго уральскаго старообрядчества“, т. LXXXV, янв., 105—121, „Графъ В. А. Перовскій въ Оренбургскомъ краѣ“, т. LXXXVI, май, 409—429, июнь, 521—551.
- Юефовичъ, ген.-м.** 1820 года, томъ LXXXVI, май, 337.
- Юрковъ-Захарынъ, Никита Романовичъ**, бояринъ 1552 года, томъ LXXXVII, июль, 115—122.
- Ютченко, офиц. польск. войскъ** 1830 г., т. LXXXVIII, 661.
- Юшкова, Анна Петр.**, см. Зонтагъ.

Я.

- Ягановъ, штабъ-офиц.** 1877 г., томъ LXXXV, янв., 74.
- Языкова, Ел. П.**, т. LXXXVIII, дек., 646.

Языковъ, Никол. Мих., т. LXXXVIII, декаб., 617—647.
Языковъ, Петръ Мих., т. LXXXVIII, декаб., 646.
Язоби, В. С., акад. 1852 года, томъ LXXXV, мартъ, 553—557.
Язоби, И. В., т. LXXXVI, май, 411.
Яковлевъ, Ив. Алексѣев, помѣщ. 1812 г., т. LXXXV, февр., 414.
Якубовскій, Феликсъ, офиц. 1829 г., т. LXXXV, янв., 171.
Якушкина, Настасья Васильевна, жена декабр., т. LXXXVIII, дек., 642.
Якушинъ, Ив. Дм., декабр., томъ LXXXVIII, декаб., 642.
 декаб., 658, 663, 666, 672.
Янгуль, Ив., академикъ, сообщ.: „Московский купецъ конца 17 вѣка“ по отзывамъ иностранца-современника, т. LXXXVI, май, 431—441.
Янновскій, генер. 1830 года, томъ LXXXVII, сент., 652.
Янтальцовъ, декабр., т. LXXXVI, июль, 461.

Янушевичъ, Евстафій, офиц. польск. войскъ 1830 г., томъ LXXXVIII, окт., 224, декаб., 658, 663, 666, 672.

Ө.

Өедоровъ, Борисъ Мих., писатель 1847 г., т. LXXXVI, июль, 569.
Өедоровъ, Никита, тит. сов., послѣдоват. секты Татариновой, томъ LXXXV, февр., 241—251.
Өедотовъ, художн., томъ LXXXVI, июль, 655.
Өеодосій, архиманд. 1837 года, томъ LXXXVII, сент., 529, 530, 531, 536, 537.
Өоминъ, штабъ-офиц. 1877 г., томъ LXXXV, янв., 74.
Өоминъ, ген.-лейт. 1878 года, томъ LXXXV, февр., 293.

Указатель составила Вѣра Васильевна Тимошукъ.

XXVIII г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.
на иллюстрированный журналъ

НИВА

выходящій еженедѣльно, со многими бесплатными приложениями.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ теченіе 1897 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „Нива“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

12 ТОМОВЪ СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА.

избранныхъ авторомъ и „Нивомъ“ изъ числа лучшихъ его произведеній и представляющихъ все наиболѣе выдающееся и цѣнное, что было написано П. Д. Боборыкинымъ въ послѣднія 25 лѣтъ, начиная съ появленія его извѣстнаго романа „Китай-городъ“.

Собраніе романовъ, повѣстей и рассказовъ П. Д. Боборыкина будетъ отпечатано на хорошей глазированной бумагѣ, въ 12 томахъ, которые, подъ заглавіемъ „Сборникъ Нивы“, будутъ выходить въ началѣ каждого мѣсяца и заключать въ себѣ:

ТОМЪ I. Китай-городъ. Романъ въ 5-ти книгахъ. **ТОМЪ II.** Безъ мужей. Повѣсть царя. Рассказъ. Умереть—уснуть. Рассказъ. Пристроился. Повѣсть. Безвѣстная. Рассказъ. **ТОМЪ III.** По чужимъ людямъ. Рассказъ. За красную. Рассказъ. Последняя депеша. Рассказъ. Три афиши. Рассказъ. Голубой лифъ. Рассказъ. У плиты. Рассказъ. Изъ новыхъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть I. **ТОМЪ IV.** Изъ новыхъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части II и III. **ТОМЪ V.** На ущербѣ. Романъ въ трехъ частяхъ. **ТОМЪ VI.** Обречена. Повѣсть. Протѣдомъ. Повѣсть. Вторая отъ воды. Рассказъ. Въ отъѣздъ. Рассказъ. **ТОМЪ VII.** Переваль. Романъ въ трехъ частяхъ. Части I и II. **ТОМЪ VIII.** Переваль. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть III. Съ убійцей. Повѣсть. Горелки. Рассказъ. **ТОМЪ IX.** Ходомъ. Романъ въ трехъ частяхъ. **ТОМЪ X.** Поумитъ. Повѣсть. Измѣнникъ. Повѣсть. Морзь и Юзь. Рассказъ. **ТОМЪ XI.** Разнѣ выводки. Повѣсть. Трупу. Рассказъ. Василій Теркинъ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть I. **ТОМЪ XII.** Василій Теркинъ. Романъ въ трехъ частяхъ. Части II и III.

При первомъ томѣ будетъ приложенъ гравированный на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ портретъ съ автографомъ П. Д. Боборыкина.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, которыя будутъ выходить при „Нивѣ“ въ серединѣ каждого мѣсяца и содержать въ себѣ романы, повѣсти, рассказы и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ еженѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ еженѣсячно.

„СТЕННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1897 г., печатанный красками.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Нивы“ со всѣми вышеозначенными приложениями: Безъ доставки въ Спб. 5 руб. Съ доставкой въ Спб. 6 руб. 50 коп. Безъ доставки въ Москвѣ (въ конторѣ Н. Н. Печковской) 6 руб. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 7 руб. За границу 10 руб.

Требованія просятъ адресовать въ С.-Петербургъ, въ главную контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПРИРОДА И ЛЮДИ

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VIII.

Пробный № высылается за 7 коп. марку.

Подписной годъ начинается съ 1 ноября, № 1-й выйдетъ 7 ноября 1896 г.

Содержаніе: Фритіофъ Наксенъ и его путешествія (съ рис.). В. Семенова.—Русская колонія на Тихомъ океанѣ. Ром. Н. Соколова.—Въ стравѣ полулѣсяца. Очерки Турціи Юрія Казн-Бека (съ рис.).—Алхимія. Д. Сеславина.—Фотографія души (съ рис.). Очеркъ В. Витнера.—Исторія одного русскаго эмигранта въ Америкѣ. Рассказъ Г. Съверцева.—Со всѣхъ концовъ свѣта.—Изъ области естествознанія.—Изъ области техники.—Хроника путешествій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
5 руб. безъ доставки.
Съ доставкой
и пересылкою во всѣ
города Россіи. 6 руб.
за границу 8 рублей.

Журналъ Природа и Люди знакомитъ читателей, въ живомъ и занимательномъ изложеніи, съ чудесами природы и подвигами человѣческаго ума, въ различныхъ отрасляхъ науки и промышленности; сообщаетъ, въ общедоступной формѣ, точныя свѣдѣнія о всѣхъ замѣчательныхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ; раскрываетъ прошлое человѣчества и рисуетъ картины будущаго прогресса людей; наконецъ, служитъ общепонятнымъ истолкователемъ современной жизни.

Годовые подписчики въ теченіе 1897 года получаютъ:

52 еженедѣльныхъ №№, каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 страницъ плотной печати) заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не включая мелкихъ, и 8—12 художественныхъ рисунковъ.

12 ежемѣсячныхъ книгъ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убоистой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журналъ Природа и Люди—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность однихъ приложеній равняется подписной цѣнѣ на журналъ Природа и Люди, такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

„ПОЛЕЗНАЯ БИБЛИОТЕКА“

и въ наступающемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:

1. «На верблюдахъ». Очерки карт. изъ жизни въ Средней Азіи. Н. Уралова.
2. «Какъ узнать характеръ человѣка». Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физиогномія), по почерку (графологія), по рукамъ (хиромантія), по головамъ (брахиологія) и т. д. Очерки Гр. Ф.—та. 3 и 4. «Натуральность на Ла-Платѣ». У. Г. Хедсона. Съ рис. Перев. съ послѣдн. англійск. изд. 5. «Наши родичи». (Изъ воспомин. о славянск. земляхъ). Очерки и рассказы В. П. Желиховской. 6. «Естественная исторія въ разсказахъ». А. Мельса. 7. «Общедоступная пиротехника». Руководство къ приготвленію домашнихъ средствами фейерверковъ. Д. Озеркова. Со мног. рис. 8. «Современная Турція». Очерки и разказы о царствѣ османовъ. Ю. Казн-Бека. 9. «Исторія электричества». Д. Менро. Пер. съ англ. подъ ред. Ив. Святскаго. 10. «Во льдахъ и снѣгахъ». (Путешествіе на о-въ Колгуевъ). Перев. съ англійск. А. Филипова. 11. «Исторія воздухоплаванія». По Д. Фигье и др. источникамъ сост. Гр. Ф.—тъ. 12. «Въ дѣбряхъ Азіи». Очерки экспедиціи ген.-м. Пѣвцова. Обработ. Н. Соколовъ.

Контора и редакція журнала Природа и Люди: С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, соб. д.

Разсрочка допускается не иначе какъ: при подпискѣ 3 р. и къ 1 мая остальные.

Для гг. служащихъ какъ въ казенныхъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

За 1889—1890 и 1896 г. журналъ весь разошелся: за 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпля., цѣна которыхъ въ брошюр. видѣ, со всѣми приложеніями 4 руб. за каждый годъ, а въ роскош. переплетѣ 5 руб. Перев. за 10 фунт.

Издатель П. Соининъ.

по вѣсу и разстоянію.

Редакторъ С. Груздевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БИБЛИОТЕКУ НИВЫ“,

СОДЕРЖАЩУЮ ВЪ СЕБѢ на 1897-й годъ

ИСТОРИЮ ИСКУССТВЪ

(архитектуры, скульптуры, живописи и проч., и проч.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ,

ВЪ ПОПУЛЯРНОМЪ, ОБЩЕДОСТУПНОМЪ ИЗЛОЖЕНІИ П. П. ГИЃДИЧА.

„Исторія Искусствъ“ выйдетъ въ свѣтъ въ теченіе 1897 г., въ видѣ 12-ти ежемѣсячныхъ выпусковъ,—по одному выпуску въ началѣ каждаго мѣсяца,—которые составятъ три большихъ тома in quarto, заключающихъ въ себѣ около 2000 гравюръ и 30 хромофотографій.

Исторія искусствъ служитъ необходимымъ дополненіемъ къ общей исторіи человѣчества и нерѣдко пополняетъ намъ сухіе факты политической внѣшней жизни народа болѣе вѣскими и болѣе важными фактами его внутренней, духовной жизни, которая выразилась въ цѣломъ рядѣ величавыхъ памятниковъ водчества, въ живой гѣтониси произведеній скульптуры и живописи. Поэтому знаніе исторіи искусствъ является въ настоящее время одною изъ главныхъ основъ общаго образованія, а иллюстрированное изданіе «Исторіи Искусствъ»—настоящею книгою, необходимою въ библиотекѣ каждаго образованнаго человѣка.

Наданная нами въ свое время «Исторія Искусствъ съ древнѣйшихъ временъ» въ талантливомъ изложеніи П. П. Гиѣдича разошлась до послѣдняго экземпляра, сдѣлалась почти библиографическою рѣдкостью. Между тѣмъ потребность въ такой книгѣ возрастала болѣе и болѣе, соразмѣрно съ быстрымъ развитіемъ вкуса къ художествамъ, такъ осязательно проявившагося въ нашемъ обществѣ за послѣднее время. Притомъ и у насъ и за границею за это время явилось много новаго матеріала, въ высшей степени важнаго для изученія и пониманія различныхъ эпохъ развитія искусства. Поэтому мы нашли вполне своевременнымъ и отвѣчающимъ насущной потребности—выпустить новое изданіе «Исторіи Искусствъ», но въ совершенно переработанномъ и обновленномъ видѣ.—Матеріалъ оказался въ такой степени обильнымъ и богатымъ, что изъ одного тома (нѣкогда даннаго нами) образовалось цѣлыхъ три тома, а вмѣстѣ прежнихъ 430 рисунковъ въ новое изданіе вошло около 2000 снимковъ и, сверхъ того, около 30 художественно-исполненныхъ хромофотографій, печатанныхъ въ 18—25 красокъ.

Благодаря такому увеличенію въ объемѣ и по количеству рисунковъ, новое изданіе «Исторіи Искусствъ» въ живомъ и доступномъ для каждаго изложеніи даетъ ПОЛНУЮ И ШИРОКО НАПИСАННУЮ КАРТИНУ развитія различныхъ отраслей художества на всемъ пространствѣ историческаго міра: на дальнемъ Востокѣ—въ Египтѣ Нивеніи, Вавилоніи и Персіи; въ Греціи и Римѣ; древне-христіанское искусство; средне-вѣковое христіанское искусство съ византійскимъ, романскимъ и готическимъ періодами; древне-русскіе церковные памятники; эпох. Возрожденія; голландская и фламандская школы; искусство въ Испаніи, Германіи и Франціи; современное русское искусство; живопись декоративная, исторія костюма въ Европѣ и проч. Наряду съ характеристиками разныхъ эпохъ, «Исторія Искусствъ» даетъ подробныя біографіи наиболѣе выдающихся художниковъ и копию съ ихъ лучшихъ произведеній.

Такому богатому и разнообразному содержанию текста вполне соответствует роскошная и изящная внешность издания, которую мы постарались приравнять къ подобнымъ же художественнымъ изданиямъ европейскимъ. Въ то же время, назначивъ весьма умеренную цѣну и допустивъ разсрочку платежа, мы сдѣлали пріобрѣтеніе этого роскошнаго изданія доступнымъ каждому, желающему пополнить пробѣлы своего образованія такою важною областью знанія, какъ исторія искусства съ древѣйшихъ временъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСЕ ИЗДАНИЕ:

Безъ доставки въ С.-Петербургъ.....	12 руб.	Съ доставкою въ СПб. и съ перес. въ Москву и во всѣ города и мѣстности Россіи.....	14 руб.	
Безъ доставки въ Москву, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.....	13 руб.		Съ пересылкою за границу..	16 руб.

Допускается разсрочка платежа на 2, 3, 4 и 6 сроковъ

Первый выпускъ, который выйдетъ въ свѣтъ въ срединѣ декабря 1896 г., для ознакомленія съ изданіемъ продается отдѣльно въ конторѣ изданій А. Ф. МАРКСА и высылается иногороднимъ за 1 руб., который можно присылать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ на „Исторію Искусствъ“, украшенное многими гравюрами, высылается всѣмъ интересующимся изданіемъ бесплатно

Требованія и деньги адресовать ВЪ КОНТОРУ ИЗДАНИЙ А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

1—1

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(34-й годъ изданія).

Въ Москвѣ съ доставкой:		На города съ пересылкой:		За границу съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	р. — к.
6	5 50	6	6 —	6	9 —
3	3 —	3	3 50	3	4 80
1	1 —	1	1 20	1	1 90

„Русскія Вѣдомости“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Невитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Для гг. иногороднихъ подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжныя магазины: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подпискѣ 5 руб., къ 1-му марта 3 руб. и къ 1-му августа 3 р. Въ случаѣ невознаса денегъ въ срокъ, дальнѣйшая высылка газеты приостанавливается.

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ въ Москвѣ съ доставкой на 1 мѣсяць — 85 коп., съ пересылкой въ другіе города на 1 мѣсяць — 1 руб. 2—1

О ПОДПИСКѢ на 1897 г.

на еженедѣльный художественный и юмористическій журналъ каррикатуръ

Условія подписки
съ перес. и доставк.:
На годъ..... 7 руб.
На 6 мѣс..... 4 »
За границу..... 10 »
Разсрочка по соглаше-
нію съ конторою.

ШУТЪ

Условія подписки безъ
перес. и доставк.:
На годъ... 6 р. 50 к.
На 6 мѣс.. 3 „ 50 „
Адресъ редакціи:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СПАСНАЯ, 17.

Въ теченіе года журналъ „ШУТЪ“ помѣщаетъ:

Болѣе трехсотъ раскрашенныхъ рисунковъ (хромолитографіи). Болѣе тысячи каррикатуръ—перомъ и карандашомъ. Не менѣе семисотъ столбцовъ разнообразнаго юмористическаго текста. Тысячи стихотвореній, рассказовъ, анекдотовъ, курьезовъ, шарадъ, задачъ, ребусовъ и т. п. Каррикатуры-рецензіи на всѣ новыя пьесы, даваемыя на сценахъ столичныхъ театровъ. Каррикатуры на худож. выставки, скачки, маскарады. Гонки и т. п. Портреты выдающихся дѣятелей.

Въ каждомъ № журнала, въ теченіе года, будутъ помѣщаться:
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ГЕРОЕВЪ И ГЕРОИНЬ ДНЯ.

3—1

За редактора—издатель Р. ГОЛИКЕ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА на 1897 годъ

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученнымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и библиографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничней книгъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библиографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорѣнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учреждений при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, состоявшихъ близко къ Казанскому университету; обзорѣнныя преподаванія, распределенія лекцій, актовъ отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятникы историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные. Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ Ѡ. Мищенко.

3—1

1835

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

1897

на большой семейный иллюстрированный и литературный журнал
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ
 ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала Живописное Обозрѣніе, даетъ возможность въ 1897 г. сдѣлать важныя и существенныя улучшенія въ изданіи, не бывавшія до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ четыре раза болѣе противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, не возвышая прежней скромной подписной платы, что въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

I) ЕЖЕМЕДѢЛЬНЫЙ, СЕМЕЙНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

52 иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно известныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3 листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. **52**

При номерахъ журнала, между прочимъ, въ течение года выдается:

1. 52 номера.—Хроника событій за недѣлю.—
2. 12 номеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—
3. 12 расправленныхъ картинъ (модныя дамскія костюмы и рукодѣлія).—
4. рисунки для вышивки бѣлая, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—
5. 12 выроекъ въ натуральную величину.—
6. Рисунки для выпиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—
7. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пѣснь (романсы, танцы и проч.).—
8. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ
 ЕЖЕМѢСЯЧНО БУДЕТЪ ВЫДАНЪ ОДИНЪ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ
 ОТПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ НѢКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТН. КРАСКАМИ
 по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій

II) ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: Новые историческія, этнографическія и современные романы, повѣсти, рассказы русскихъ и иностранныхъ писателей, а также стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.

Ежемесячно выходитъ одинъ томъ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ форматѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Въ каждомъ томѣ помѣщаются только новыя литературныя произведенія, а не перепечатка старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно одинъ или два законченныхъ романа, изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ доставкой и по Имперіи: 8 р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода (съ доставкой по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р. За границу: на годъ—16 р. Разорочка выносомъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною Конторою.

Годовые подписчики журнала «Живописное Обозрѣніе», желающіе приобрести новое художественное изданіе—«Библия въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дорэ» (200 картинъ съ текстомъ и въ оберткѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкой, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, «Вурлаки на Волгѣ», «Аеонъ» и проч., уплачиваютъ за каждый экземпляръ картины (съ доставкой)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

Главная контора журнала: Спб. Невскій проспектъ, д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылаются бесплатно. 3—1

годъ изд. 85-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ изд. 85-й.

1812

Большая ежедневная политическая и литературная газета

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

1897

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

ПЕЧАТАЕТСЯ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ ДВУХЪ ИЗДАНИЯХЪ

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО ЛИСТАМИ БОЛЬШОГО ФОРМАТА

СЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорожными изданиями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЕТЪ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получаютъ:

1) 52 номера воскресныхъ приложеній, печатаемыхъ на велевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ. 2) 12 номеровъ «моды и рукодѣлія», замѣняющіе «модный журналъ». 3) стѣнной календарь раздается какъ прибавленіе при первомъ номерѣ газеты.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Въ числѣ 52-хъ бесплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 году, получаютъ:

ТРЕТІЙ ТОМЪ ИЗБРАННЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ИЗВѢСТНАГО ПИСАТЕЛЯ**А. МИХАЙЛОВА — «ГРѢХИ ПРОШЛАГО»**

Большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкой): На годъ 8 р. — На полгода 4 р. — На три мѣсяца 2 р. — На одинъ мѣс. 1 р. Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

выходитъ ежедневно. Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы

ОДНОВРЕМЕННО СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ДОРОЖНЫМИ ИЗДАНИЯМИ

Каждый воскресный номеръ въ 1897 году будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ художественно выполненными портретами Высочайшихъ особъ, современныхъ (русскихъ и иностранныхъ) государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкой и пересылкою по Россіи): На годъ 4 р. На полгода 2 р. На три мѣсяца 1 р.

Годовые подписчики газеты „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“, въ 1897 году могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно:

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ**„БИБЛІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ ЗНАМЕНИТАГО ХУДОЖНИКА Г. ДОРЭ“**

(200 картинъ съ пояснительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ).

Цѣна альбома для подписчиковъ (съ доставкой) 1 руб. 50 к.

Желающіе приобрести, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорск. Величествъ, «Авоиъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ съ доставкой—1 РУБЛЬ. Безъ доставки—75 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: СПБ., НЕВСКІЙ ПР., У АНИЧКИНА МОСТА, Д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются бесплатно.

Годъ изд. 3-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

Годъ изд. 3-й.

бешевое ежемѣсячное литературное издание выходитъ въ форматъ и объемъ большихъ дорожныхъ литературныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ подъ названіемъ:

ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА

ВЪ СОСТАВЪ КНИЖЕКЪ ВХОДЯТЪ:

НОВЫЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ (ИСТОРИЧЕСКІЕ И СОВРЕМЕННЫЕ)

РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Книги «Домашней библіотеки» выходятъ ежемѣсячно аккуратно между первымъ и десятимъ числами, въ форматъ большихъ журналовъ, какъ напримѣръ: «Вѣстникъ Европы», и др. въ размѣрѣ 20—25 листовъ (отъ 320—400 страницъ) убористой печати, что составляетъ въ годъ болѣе 5.000 страницъ интереснаго чтенія, въ вѣщномъ изданіи. «Домашняя библіотека» даетъ обильный и полезный матеріалъ для семейнаго чтенія, какъ для городскихъ и сельскихъ подписчиковъ, такъ и вообще для лицъ; не имѣющихъ возможности выписывать дорого стоящихъ журналы. Въ книгахъ «Домашней библіотеки» помѣщаются только новыя литературныя произведенія (русскихъ и иностранныхъ) писателей, а не перепечатки старыхъ сочиненій, какъ это практикуется въ нѣкоторыхъ изданіяхъ. Въ каждой книгѣ обязательно помѣщаются одинъ или два законченныхъ романа, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи и смѣсь. Встрѣтись со стороны читателей какъ матеріальную поддержку, такъ и выраженіе сочувствія въ многочисленныхъ письмахъ, мы не оставимся и въ дальнѣйшихъ расходахъ, чтобы поставить журналъ въ рядъ лучшихъ и полезныхъ изданій. Съ этою цѣлью мы пригласили къ участию въ нашемъ изданіи извѣстныхъ писателей и журналистовъ, новыя литературныя произведенія которыхъ начнутся печатаніемъ съ первыхъ же книжекъ журнала.

Для книгъ «ДОМАШНЕЙ БИБЛИОТЕКИ» приобретены слѣдующія новыя оригинальныя произведенія, извѣстныхъ и любимыхъ публикою русскихъ писателей:

Михайловъ, А. (А. К. Шеллеръ). «Лѣсъ дрекучій», большой романъ.—Соловьевъ, Вс. С. (авторъ романовъ «Сергій Горбатовъ» и др.) «Угасшая звѣзда», романъ.—Половой, П. Н. «Странный анекдотъ», большая повѣсть.—Ясинскій, І. І. («Максимъ Вѣлижскій»). «Ясное утро». Большой романъ.—Случевскій, Н. К. «Мой дядя», рассказъ.—Голицынъ, Д. П. князь («Муравли») «Ръзаняновы». Ром. изъ больш. свѣта.—Гибдичъ, П. П. «Чужовъ», повѣсть.—Волкомскій, М. И. князь (бывшій редакторъ «Нивы»). «Дуэль», повѣсть.—Станюковичъ, К. М. Рассказъ.—Баранцевичъ, К. С. Большой рассказъ.—Тихановъ, В. А. (бывшій редакторъ «Сѣвера»). «Нехорошее дѣло», романъ.—Щегловъ-Леонтьевъ, М. Л. «Неудача», повѣсть.—Станицкій (А. Е. Головачева). «Любимца», повѣсть.—Величю В. Л. «Принципы», рассказъ.—Башинъ, Н. Ф. «Часъ», повѣсть.—Мережковский Д. С. «Святой городъ». повѣсть.—Назарова, Н. В. «Болотные огоньки», большой романъ.—Рышковъ, В. А. «Старыя дѣвы», повѣсть.—Тамгіева, Е. А., книгичка. «Чужая тайна», большой романъ.—Лобедевъ, В. П. «Стрѣлецъ царя Алексѣя Михайловича», историческая повѣсть.—Леманъ, А. И. «Подвигъ», больш. ром.—Федоревъ, А. М. «Въ степи», больш. романъ.—Яковлева, З. Ю. «Кто виноватъ?», романъ.—Чумина, О. И. «Злая чары», пов.—Красновъ, П. Н. «Между двухъ огней», романъ.—Максимовъ, А. К. «Такъ суждено», большой ром.—Свѣтловъ, В. А. «Черный прираракъ», повѣсть.—Заринъ, А. Е. «Призваніе», больш. романъ.—Будищевъ, А. Н. «Рѣка Калхасъ», пов.—Емевъ, М. Н. «Случайные гости», повѣсть.—Меньшиковъ, Н. «Игра судьбы», ром.—Уманецъ, Е. О. «За что?», повѣсть.—Гербановскій, Т. М. «Солнышко пригрѣло», рассказъ.—Янукинъ-Захарыинъ, И. Н. «Сноха» рассказъ.—Леонтьевъ, Н. В. «Вродяжка» рассказъ.—Гиппиусъ, З. Н. «Науловинная», рассказъ.—Майковъ, М. «Друзья-соперники», рассказъ.—Измайловъ («Смоленскій»), А. А. «На зарѣ жизни».—Миловайскій, П. І. «Дочь ростовщика», романъ.—Сѣверцовъ, Г. Т. «Нравственнымъ калѣки», повѣсть.—Казименъ, Юрій. Рассказы изъ жизни черкесовъ до ихъ покоренія.—Авоиасъевъ, И. И. «Поворное наследство», романъ и проч.

Въ приложеніяхъ журнала «ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА» будетъ, между прочимъ, напечатанъ новый большой романъ ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Подписная цѣна на «Домашнюю библіотеку» (съ доставкою по Имперіи). На годъ (за 12 книгъ) 4 р. На полгода (за 6 книгъ) 2 р. 50 к. Загранично (на годъ) 8 р.

съ подпискою просятъ обращаться къ главной конторѣ:

С.-Петербургъ, Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

За редактора А. К. Шеллеръ (А. Михайловъ).

Издатель С. Добротворъ.

XIII г. изд. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ XIII г. изд.

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПРИКЛЮЧЕНІЙ НА СУШѢ И НА МОРѢ
ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

50 еженедѣльн. иллюстрирован. №№, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

Б Е З П Л А Т Н О

12 ТОМОВЪ, иллюстр. знамен. художн., Эмилемъ Байрдомъ, СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЖЮЛЯ ВЕРНА

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большаго формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т. II. Дѣти капитана Гранта 2 т. III. Таинственный островъ 3 т. IV. Воздушный корабль. V. Зеленый лучъ. VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней. VII. Вверхъ дномъ. VIII. Путешествіе къ центру земли.

Кромѣ того подписчики при доплатѣ одного рубля получаютъ

2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,

состоящая изъ двухъ художествен. картинъ (олеографій).

Картини, размѣромъ каждая 20¹/₄ вершковъ въ длину и 13¹/₂ вершковъ въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ.

Съ оригинала художника *Кондратенко*.

1. ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА

Съ видомъ Ялты.

2. Видъ Днѣпра у Кіева.

Оригиналы этихъ картинъ специально заказаны для преміи 1897 года.

Подписная цѣна на журналъ остается прежняя:

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюль Верна съ доставк. и перес. **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., въ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

Адресъ редакціи: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Кромѣ того подписка принимается: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержд. Т-мъ И. Д. СЫТИНА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему восстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: 1) оригинальныя статьи; 2) документы, извѣстія и замѣтки; 3) критика и библиографія. Сверхъ того, редакція постарается расширить отдѣлъ библиографическихъ справокъ и отдѣлъ приложеній, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ: Проф. В. В. Антоновича, А. А. Андріевского, Н. О. Бвляшевскаго, проф. Д. И. Багалъя, Н. П. Василенка, В. П. Горленка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Лашкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименко, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманнина, Е. А. Кивлицкаго, О. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебедянцова, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскаронскаго, проф. О. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Микотина, О. Д. Николаичика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, В. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. О. Сумпова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, Б. Н. Сторожева, Л. Д. Синицкаго, проф. О. Титова, М. К. Чалаго, Я. Н. Шульгина, Н. В. Шугурова, В. И. Щербини, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка „Малороссійскій Словарь“, который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, редакція „Кіевской Старины“ разсчитываетъ въ теченіе 1897 г. выпустить въ свѣтъ 2-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ бесплатное приложеніе для подписчиковъ журнала „Кіевская Старина“ въ 1897 году.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

	на годъ.
Съ пересылкой и доставкой.	10 р. — к.
Безъ доставки и пересылки.	8 » 50 »
За границу.	12 » — »

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 р. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи.

(Кіевъ, Кузнечная ул., 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. М. ГАМАЛЪЙ.

Редакторъ В. П. НАУМЕНКО.

Открыта подписка на 1897 годъ.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики и общественной жизни. 3. Обзорные газетъ и журналовъ. 4. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агентства». 5. Последнія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. Отголоски (маленькій фельетонъ). 10. Вѣсти съ юга, корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 11. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 12. Вѣшнія извѣстія, заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Баллетристика. 14. Судебная хроника. 15. Критика и библиографія. 16. Смѣсь. 17. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибывшихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія. 21. Стороннія сообщенія. 22. Объявленія. Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Съ конца текущаго 1896 года «Южный край» будетъ печататься новымъ, болѣе удобнымъ шрифтомъ, что дастъ возможность значительно увеличить объемъ содеманія газеты.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 Г.

съ пересылкой иногороднимъ:

На 12 мѣс. 11 р., на 11 мѣс. 10 р. 50 к., на 10 мѣс. 10 р., на 9 мѣс. 9 р. 20 к., на 8 мѣс. 8 р. 50 к., на 7 мѣс. 7 р. 80 к., на 6 мѣс. 7 р., на 5 мѣс. 6 р., на 4 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 4 р., на 2 мѣс. 3 р., на 1 мѣс. 1 р. 50 к

съ доставкой въ Харьковъ:

На 12 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 9 р. 50 к., на 10 мѣс. 9 р., на 9 мѣс. 8 р. 25 к., на 8 мѣс. 7 р. 50 к., на 7 мѣс. 6 р. 75 к., на 6 мѣс. 6 р., на 5 мѣс. 5 р. 25 к., на 4 мѣс. 4 р. 50 к., на 3 мѣс. 3 р. 40 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ Городекомъ домѣ.

Редакторъ-издатель А. А. ЮЗЕФОВИЧЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНИЯ 1897 Г.:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

издания годъ XV-й

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей

Подписная цѣна въ Москвѣ и на города: съ доставкой на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—6 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяць—1 руб.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

Подписная цѣна на годъ 3 р. Выходитъ съ ежемѣсячнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ» на годъ 4 рубля.

III.

Еженедѣльное иллюстрированное литературное изданіе

СЕМЬЯ

Выходитъ по слѣдующей программѣ, изящная литература (романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія, драматическ. произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обзорнія, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографія; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, сѣбѣ; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, вѣзетки и преміи.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНИЯ 13 РУБ.

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты «Новости Дня»; 2) ежемѣсячный журналъ «Новости Иностранной Литературы»; 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе «Семья».

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р. «Новости Дня» и «Семья»—10 р. Адресъ: Москва, «Новости Дня».

Еъ главной конторѣ газеты «НОВОСТИ ДНЯ» продается **АЛЬБОМЪ**

КОРОНАЦІОННЫЯ ТОРЖЕСТВА

(Изданіе «НОВОСТЕЙ ДНЯ» и «СЕМЬИ»).

Альбомъ отпечатанъ на хорошей бумагѣ и заключаетъ въ изящную обложку, украшенную акварельнымъ рисункомъ Л. О. Пастернака. Текстъ альбома заключаетъ въ себѣ историческую часть и подробное описаніе коронаціонныхъ торжествъ въ маѣ 1896 г. Въ альбомѣ помѣщено 90 рисунковъ и 100 портретовъ и группъ.

Цѣна альбому 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

1897.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1897.

Открыта подписка на 1897 годъ
на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Въ 1897 году „ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“ будетъ издаваться въ своемъ обычномъ объемѣ. Въ составъ журнала войдутъ: Классическія произведенія.— Романы, повѣсти и рассказы.— Маленькая юмористика.— По вопросамъ общественнымъ и нравственнымъ.— Критическіе этюды.— Новое о знаменитыхъ писателяхъ.— Россія за границей.— Научныя новости.— Историческіе очерки рассказы и анекдоты.— Изъ заграничной хроники.— Стихотворенія.— Мелочи.

Съ января 1897 года въ приложеніи будетъ печататься историко-литературная монографія

ГЕОРГА БРАНДЕСА ВИЛЛАМЪ ШЕКСПИРЪ.

Исторія его жизни и дѣятельности по его твореніямъ и на основаніи критическаго изслѣдованія наилучшихъ источниковъ Шекспирской литературы.

Въ трехъ частяхъ своего труда Георгъ Брандесъ прсслѣживаеъ жизнь и творчество Шекспира въ условіяхъ ею времени изъ года въ годъ, отъ сочиненія къ сочиненію, и возсоздаеъ яркій образъ этого величайшаго изъ мнѣвъ всемірной литературы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1897 ГОДЪ ПРЕЖНЯЯ.

съ доставкой и пересылкою 4 Р. || безъ доставки и пересылки 3 Р. 50 К.

Подписка на 1897 продолжается по той же цѣнѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ—въ Конторѣ Редакціи. ГОСТИННЫЙ ДВОРЪ, Зеркальная ливія, № 63, магазинъ ПАНТЕЛЕЕВА (противъ Пажескаго Корпуса); въ Москвѣ—въ Конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія ливія, а гг. иногородніе благоволятъ адресоваться въ Редакцію, С.-Петербургъ, Верейская ул., д. № 16, собств.

Редакторъ **Ө. И. Булгановъ.**

Издатель **Г. Ө. Пантелеевъ.**

„Вѣстникъ Иностранной Литературы“ за 1891, 1892, 1894 и 1895 гг.

продается по **4** р. годъ съ пересылкою

до всѣхъ станцій желѣзныхъ дорогъ товаромъ малой скорости, а съ пересылкою по почтѣ за каждый годъ 2 рубля дороже.

ТАМЪ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 144 ТОМА СОЧИНЕНІЙ СЛѢДУЮЩИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Э. Зола, Бальзана, Флобера. Ж. Занда, Диккенса, Вальтеръ Скотта, Бретъ-Гарта, М. Твэна, Эдгара Поэ, Шпильгагена, Гофмана и Эбера.

ВСѢ 144 ТОМА будутъ изданы въ теченіе трехъ лѣтъ, по 48 том. въ годъ, т. е. по 4 тома ежемѣсячно, по 320 стр. въ каждомъ томѣ въ 8 д. листа, четкимъ шрифтомъ. Форматъ и шрифтъ—собранія сочиненій Гюи де Мопасана.

По 15 Ноября 1896 г. вышло 48 томовъ.

ЦѢНА ТОЛЬКО ПО ПОДПИСКѢ:

за всѣ 144 тома безъ доставки **36** р., съ доставкою въ Петербургъ и **48** р. доставки съ пересылкою въ другіе города

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ НА СЛѢДУЮЩИХЪ ОСНОВАНИЯХЪ:

Подписчикамъ безъ доставки: при подпискѣ вносится 15 руб., къ 15 декабря 1896 г. 3 руб. а затѣмъ каждые 3 мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г. по 3 р. Подписчикамъ съ доставкою и пересылкой: при подпискѣ вносится 20 руб., къ 15 декабря 1896 г. 4 р., а затѣмъ каждые три мѣсяца, считая съ 15 декабря 1896 г., вносится по 4 р.

По этой цѣнѣ подписка принимается только на 5000 экземпляровъ а затѣмъ, ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ПОВЫСИТСЯ, о чемъ будетъ объявлено современно.

ТАМЪ ЖЕ можно получить СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ:

ГЮИ ДЕ МОПАСАНА. 2-е изданіе. 12 томовъ. Цѣна **6** р. съ перес. **7** р. **50** к.

АЛ. ДОДЭ. 12 томовъ Цѣна **6** р., съ пересылкой **7** р. **50** к.

В. ТЕККЕРЕЯ. 12 томовъ. Цѣна **6** р., съ пересылкой **7** р. **50** к.

ИЗЯЩНЫЕ КОЛЕНКОВЫЕ ПЕРЕПЛЕТЫ:

Цѣна 6 переплетовъ на 12 томовъ А. Додэ. 1 р. 80 к., на 12 том. В. Теккеря 1 р. 80 к. и на 12 том. Гюи де Мопасана 1 р. 80 к. Перес. 6 перепл. за 3 ф., по разстояніямъ.

Адресоваться: въ редакцію «Вѣстникъ Иностранной Литературы», Спб., Варейская, 16 или въ Контору, Гостинный дворъ, магазинъ Н. О. Пантелеева, № 63.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

Вольшой еженедѣльный художественно-литературный журналъ

1897 г.

занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы.

29 годъ
изданія.**НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ**

сравниться со „Всемирной Иллюстраціей“ ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897 году „ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живымъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ постоянному улучшенію въ всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художествен. силъ.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“ обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя описанія болѣе или менѣ выдающихся мѣстъ нашего отечества и постарается по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать страницы, посвященныя „Живописному Петербургу“, изъ которыхъ впоследствии составится цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отдавать болѣе мѣста воспроизведенію художественныхъ сокровищъ обнхъ столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ заключать въ себѣ, кромѣ пояснительнаго текста къ рисункамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, рассказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія наиболѣе выдающихся писателей русскихъ и иностранныхъ, статьи по этнографіи, исторіи, естествовѣдѣнію, археологіи, сельскому хозяйству, искусствамъ и проч., рядъ фельетоновъ, посвященныхъ обзорнымъ общественной жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Веллегривическія произведенія, даваемые въ прибавленіяхъ къ номерамъ журнала, попрежнему будутъ помѣщаться болѣею частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлу «Спортъ», богатому и разнообразному, будутъ отдаваться отдѣльныя страницы въ журналѣ.

„НАТАНЪ-МУДРЕЦЪ“ драматическая поэма Готгольда-Эфраима Лессинга въ нем., во мѣ переводѣ В. С. Лихачова, извѣстнаго переводчика произведеній Мольера и Корнеля, переводы котораго были неоднократно премарованы.

„ДЕКАМЕРОНЪ-БОККАЧІО“ избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей.

Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

„Натанъ-Мудрецъ“ представляетъ собою источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юноши, начинающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя повеллы изъ „Декамерона“ Боккаччіо блестятъ овѣжмъ, совершенно своеобразнымъ юморомъ, брызжутъ веселостью, способной расшевелитъ самаго серьезнаго человека. Кромѣ того будутъ даны **ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ** разнообразнаго содержанія.

Такимъ образомъ „Всемирная Иллюстрація“ за 1897 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполне современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

15Р. Подписная цѣна журнала «Всемирная Иллюстрація» **18Р.**
на 1897 г.: со вѣтми приложеніями и преміей. **18Р.**
безъ дост. СЪ ДОСТАВКОЙ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ 17 руб. съ перес.

При подпискѣ безъ доставки въ МОСКВѢ, въ отдѣльныхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Лавга, Кузнецкій Мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковой, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Ключкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ ОДЕССѢ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Тамрова, Канатная, 13.

Цѣна роскошному изданію (на велевеной бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „Всемирной Иллюстраціи“: СПб. Садовая, 22.

Открыта подписка на 1897 годъ на
ежемесячный литературно-научный и политическій журналъ

СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ XII).

Въ 1896 г. въ «Сѣв. Вѣсти.» было, между проч., напечатано: Карьера Струкова. Пов. А. Эртеля.—О развитіи русскаго народнаго хозяйства. Проф. А. Исаева.—Трильби. Ром. Ж.-дю-Морье.—Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго. Любовь и ревность у дѣтей. Дра В. Якубовича.—Въ дудкѣ. Пов. Вас. Немпровича-Дапченко. — О направленіяхъ современной эстетики. Э. Радова.—*Quo vadis*. Ром. Ген. Сенкевича.—Воспоминанія о А. И. Герценѣ. Н. Тучковой-Огаревой.—Любовь. Ром. О. Шапирь.—Наслѣдственность пола. Е. Чижова.—Въ напикѣ. Пов. П. Боборыкина.—Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго. М. Чайковскаго.—Дѣвъ повеллы: а) «Наука любви и б) Любовь сильнѣе смерти». Д. Мережковскаго.—Новѣйшая испанская литература. Проф. А. Шепелевича. Зернала. Пов. Э. Гишпюсъ.—Съверный полюсъ и путешествіе Нансена. М. Венюкова—Фридрихъ Ницше. От. Д. А. Саломе.—Жилищная нужда рабочихъ классовъ. Д. Герценшт-Яна.—Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—44 гг. В. Шенрока.—Новая французская школа въ музыкѣ и ново-германская музыка. А. Коптлева.—Александръ Дюма и Новая теченія во французскомъ романѣ. З. Венгеровой.—Новая побѣда науки. А. Гершуна.—Богъ театра. Гавск. Я. Кржковскаго.—Идея Иліады. Н. Минскаго—Таможненное разооруженіе. В. Вирьковича.—Исторія одного идейнаго преступленія. Проф. И. Оршавокаго.—Письма къ т-те Влардо и Г. Флоберу. И. С. Тургенева.—Искусство и дѣятельность. Изъ соч. Дж. Рескина.—Реорганизация С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности. Н. Арефьева.—Нѣ звѣздамъ. Раз. О. Сологуба.—Москва и Римъ. Проф. А. Брикнера.—Польскій публицистъ-художникъ. К. Льдова.—Тургеневъ и Толстой. Проф. Д. Овсянко-Куликовскаго.—Новая женщина и разводъ. П. Тверскаго.—Женоніе типы въ трагедіяхъ Расина. Проф. О. Ватюшкова.—Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы. В. Вирьковича.—Плоскогорье. Ром. Л. Гуревичъ.—Нѣмецкій студентъ конца вѣка. Проф. А. Трачевскаго.—Атомизмъ и энергетизмъ. Проф. А. Введенскаго.—На конурѣ. Раз. А. Стерня, и мн. друг.—Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, Э. Гишпюсъ, К. Льдова, К. Фофанова, К. Вальмонта, О. Сологуба, О. Чумной и др.

Постоянные отдѣлы въ журналѣ:

1) Вопросы самообразованія (статьи проф. Н. Воргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шияквича, проф. К. Поссе, проф. І. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Брикнера и друг.). 2) Областной отдѣл. 3) Земскій отдѣл. (Статьи: «Земское и городское самоуправленіе». М. Стивала, «Земскіе финансы». В. Вирьковича, «Взаимное земское страхованіе». П. Скаскаго. «Земское и городское самоуправленіе». П. Кузнецова и др.). 4) Провинціальная печать. Л. Горева. 5) Внутреннее обозрѣніе. 6) За предѣлами Европейской Россіи. (Статьи: «Въ Сибири», «Кому просвѣщать Сибирь?», «Земство въ Сибири», «Смысла въ отдаленныя мѣста въ Сибири», «Земская школа въ Сибири» и др. Н. Арефьева, «Кавказъ». М. П., «Прибалтійскій край». П. К., «Привольскій край». М. П., «Финляндскія дѣла». П. Кузнецова). 7) Корреспонденціи изъ-за границы. 8) Изъ жизни и литературы. 9) Критика. 10) Библиографія. 11) Литературныя замѣтки. А. Волынскаго. (Статьи: «Власть тьмы», «Современная русская баллетристика», «Философія теченія въ русской повѣи», «Книга Куно-Фипера о Шопенгауэрѣ», «Два послѣднихъ романа Золя», «Польскій романистъ, Сенкевичъ» и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава мнѣнья). Разсрочка для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

	Годъ	Полгода	Четверть	1 мѣс.
Для иногороднихъ . . .	12 р. — к. 6 р. — к. 3 р. — к.			1 р. — к.
» городск. (съ дост.).	11 » — » 5 » 50 » 2 » 75 » — » 90 »			
» заграницныхъ . . .	14 » — » 7 » — » 4 »			

Подписка принимается: въ главн. конторѣ, Слб., Троицкая, 9; въ Москвѣ, въ отдѣл. конт. книжн. маг. К. Тихомирова. Кузнецкій мостъ; въ книжн. магаз. Карбасникова, «Новаго Времени», Н. Печковской и др.

Редакторъ-издательница Л. Я. Гуревичъ. 3—1

1897 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897 г.

НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВЪ НА ДОНУ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

1. Дѣйствія правительства. 2. Телеграммы «Россійскаго Телеграфнаго Агентства» и собственныхъ корреспондентовъ. 3. Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя С.-Петербургской биржи. 4. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. 5. Политическое обозрѣніе. 6. Иностранныя извѣстія. 7. Заграничная жизнь. 8. О чемъ пишутъ. 9. Злобы дня. 10. Общая хроника. 11. Легучіе листы. 12. Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. 13. Арабскія (Таганрогъ). 14. Пестрыя замѣтки (Новочеркаскъ). 15. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). 16. Письма изъ Мариуполя. 17. Театръ и музыка. 18. Маленькій фельетонъ. 19. Изъ залы суда. 20. Наука, искусство и литература. 21. Библиографія. 22. Корреспонденціи. 23. По Россіи. 24. Смѣсь. 25. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. 26. Торговля извѣстія. Биржа. 27. Справочный отдѣлъ. 28. Объявленія и рекламы.

Въ «Приазовскомъ Краѣ» помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

Съ доставкой и пересылкой городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ: на годъ 9 р., на 11 м. 8 р. 50 к., на 10 м. 8 р., на 9 м. 7 р. 25 к., на 8 м. 6 р. 50 к., на 7 м. 5 р. 75 к., на 6 м. 5 р., на 5 м. 4 р. 25 к., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 2 р. 75 к.; на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Безъ доставки для городскихъ подписчиковъ: на годъ 8 р., на 11 м. 7 р. 50 к., на 10 м. 7 р., на 9 м. 6 р. 50 к., на 8 м. 6 р., на 7 м. 5 р. 25 к., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 3 р. 75 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 25 к., на 2 м. 1 р. 50 к. на 1 м. 80 к.

За пересылку газеты за границу взимается сверхъ подписной цѣны 60 коп. въ мѣсяць. За переѣзду адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ cadaго 1-го числа.

Подписка принимается въ Ростовѣ-на-Дону въ главной конторѣ газеты «Приазовскій Край»

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія, по Итальянскому пер., № 19; въ Новочеркаскѣ—у Н. В. Туркина, Комитетская улица; въ Екатеринодарѣ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладжанца; въ Мариуполѣ—у П. Н. Фалькевича; въ Ейскѣ—у О. С. Куцева; въ Новороссійскѣ—у Э. А. Маринаки; въ Азовѣ—у В. В. Золотарева; въ Луганскѣ—у П. Е. Кочетова; въ Александровскѣ-Грушевскомъ—у Б. М. Файвишевича, типографія; въ Пятигорскѣ—у А. М. Мануилова, типографія; въ Грозномъ—у Е. П. Садовникова; въ Бахмутѣ—у И. Р. Грилихесъ; въ Армавирѣ—у Р. Ф. Уманцевой; на ст. Каменской—у В. И. Волокитина, типографія; на ст. Константиновской—обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-издатель С. Х. АРУТЮНОВЪ.

3—1

Вольная ежедневная, политико-общественная и литературная газета

XXIII-й год
издания въ
Н.-Новгородѣ.

ВОЛГАРЬ

Полныхъ 360
выпусковъ
ежегодно.

и
Нижегородскій Биржевой Листокъ

Въ 1897-мъ году

газета «Волгарь» будетъ выходить въ свѣтъ въ томъ же объемѣ и по той же обширной программѣ, какъ въ 1896-мъ выставочномъ году.

«Волгарь» представляетъ собою одно изъ старшихъ периодическихъ изданій въ Поволжь; кромя общихъ вопросовъ и событій русской жизни и текущихъ событій заграничныхъ, «Волгарь» отмѣчаетъ на своихъ столбцахъ еще событія изъ жизни Поволжья.

Въ 1897 г. организуется обширное получение изъ Петербурга важнѣйшихъ извѣстій, интересующихъ Поволжскій край, по телеграфу, отъ специальныхъ корреспондентовъ. Редакция найдетъ такимъ образомъ установить быструю освѣдомленность поволжской публики о выдающихся событіяхъ данного момента.

Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, очерки и стихотворенія, оригинальныя и переводныя.

Подписная цѣна на газету „ВОЛГАРЬ“ на 1897 годъ.

	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Иногороднимъ.....	8 р.	7-50	7 р.	6-50	6 р.	5-50	5 р.	4-50	4 р.	3-50	2-50	1-50

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Нижнемъ Новгородѣ; въ Главной Конторѣ „Волгара“.

» С.-Петербургѣ, у Д. и Э. Метцль, въ магазинѣ „Новаго Времени“ и др.

» Мосвитъ: у Метцль, Шабертъ, Ремизова, Печковской, Сень-Мартеъ и Гиляровскаго
» городахъ Поволжья у комиссіонеровъ „Волгара“.

Новые подписчики на 1897 годъ, сдѣлавшіе подписку заблаговременно получаютъ **БЕЗПЛАТНО**: 1) „Волгара“ за ноябрь и декабрь мѣсяцы текущаго года.

Редакторъ-Издатель „Волгара“. СЕРГѢЙ МУКОВЪ.

Открыта подписка на 1897 г. (IV г. изданія) на ежемѣсячный обще-научный журналъ.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ 1887 году „Научное Обзоріе“ будетъ выходить по расширенной программѣ, включающей отдѣлы наукъ физико-химическихъ, естественныхъ, антропологій, географій и этнографій, исторій литературы, социологій, статистики, археологій и исторій культуры, а также отдѣлы библиографій, научной хроники, научныхъ новостей, изобрѣтеній и открытій, биографій научныхъ дѣятелей и статей, относящихся къ исторіи науки.

Въ 1897 году въ приложеніяхъ будутъ даны капитальныя научныя сочиненія, частью изъ новѣйшихъ, еще не переведенныхъ на русскій языкъ трудовъ, частью изъ имѣющихъ важное историческое значеніе.

Въ редакціи имѣются комплекты за 1895 г. (п. 5 р. съ пер.) и за 1896 г. (п. 6 р. съ пер.). Редакція высылаетъ также книги своего изданія (подписчики за пересылку не платятъ) въ томъ числѣ „Сочиненія Дарвина“ въ 4 томахъ, съ рисунками подлинника, ц. три рубля. (Т. I. Происх. видовъ, т. II. Происх. человека, т. III. Путешествіе на кор. Бигль и Автобіографія, т. IV. Выраженіе душевныхъ волненій, всего около 2000 стр.).

При редакціи принимается подписка на сочиненіе М. Филиппова, Философія дѣйствительности (Исторія и критика научно-философскихъ мировоззрѣній отъ древности до нашихъ дней). Вольшой томъ (800 стр. большого формата) съ табл. рис. Подписная цѣна съ перес. шесть рублей. Первая половина высылается немедленно. Изданіе это закончится въ 1897 году.

Подписная цѣна на „Научное Обзоріе“ 12 книгъ въ годъ:

На годъ семь рублей (съ пер.).

За границу десять рублей.

Полгода четыре рубля.

Четверть года два рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Екатерининская, д. 6, кв. 8.

Ред.-над. д-ръ философін М. Филипповъ. 3—

ПОДПИСКА, НА 1897 Г., НА ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ:

НАБЛЮДАТЕЛЬ и ГАЗЕТУ ГЛАСНОСТЬ

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, перваго числа, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, безъ предварительной цензуры (т. XVI).

Газета будетъ выходить съ 1 января ежедневно, по программѣ и въ форматѣ большихъ газетъ безъ предварительной цензуры, съ иллюстраціями.

Редакція газеты ГЛАСНОСТЬ—общая съ редакціей НАБЛЮДАТЕЛЯ. Это обстоятельство избавляетъ насъ отъ необходимости выяснять подробно направление газеты. Скажемъ только, что мы стоимъ за прогрессивное развитіе нашей государственной и общественной жизни, на національной почвѣ, въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и экономическаго благосостоянія.

Годовая цѣна газеты ГЛАСНОСТЬ: съ доставкой въ Петербургъ 12 р., съ пересылк. иногороднымъ 14 р., съ перес. за гран.—22 р. За полгода: съ дост. 7 р., съ перес. 9 р., за гран. 12 р. За три мѣсяца: съ дост. 4 р. съ перес. 5 р., за гран. 7 р. За 1 мѣсяцъ: съ дост. 2 р., съ перес. 3 р. 50 к. за гран. 3 р.

Годовая цѣна НАБЛЮДАТЕЛЯ: съ доставкой въ Петербургъ и пересылкою иногороднымъ 12 р., за границу 14 р. За полгода: 6 р. съ дост. и перес. въ Россіи, за гран. 7 р. За три мѣсяца: 3 р. съ перес. въ Россіи, за гран. 4 р. Гг. служащимъ расценка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка: 50 коп. съ годоваго экземп. При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.

Въ первомъ полугодіи НАБЛЮДАТЕЛЯ за 1897 г. будутъ напечатаны романы: «Смѣна поколѣній» А. Михайлова (А. К. Шеллера), «Отравленная совѣсть» А. В. Алфимтевцова и пр.

При совмѣстной подпискѣ на НАБЛЮДАТЕЛЬ и ГЛАСНОСТЬ, годовая цѣна: съ дост. 20 р., съ перес. и иногор. 22 р., за гран.—32 р. За полгода съ дост. 12 р. съ перес. 13 р., за гран. 17 р. За три мѣсяца: съ доставк. 7 р. съ перес. 9 р., за гран. 10 р. Книгопродавцамъ, за совмѣстную годовую подписку на журналъ и газету, уступка—1 р., за полугодовую—50 коп. Главная контора журнала и газеты: Сиб. Пушкинская, № 8 (близъ Невского).

2—1

Редакторъ-издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ

СЕМЕВСКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ. 1837—1892

Съ двумя портретами и письмами Благосвѣтлова, Модзалевскаго, Ушинскаго и другихъ.

Цѣна безъ пересылки 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» 2 р.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданія въ Спб. на Большой Подъяческой, д. 7, кв. 3, у издательницы. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Продается бібліотека М. И. Семевскаго, гравюры, портреты, изданія.

разбора мы, между прочимъ, читаемъ: „Михайлѣ Юрьевичѣ Лермонтовѣ былъ всю свою жизнь нелюдимъ, — это человекъ гордый, неуживчивый, вызывающій, колкій, задорный, который, повидимому, и не привязывался ни къ кому особенно крѣпко, даже въ женщиныамъ“. Заканчивается эту статью г. Спасовичъ такими словами: „Значеніе Лермонтова и вліяніе его поэзіи еще не дошли до своего апогея; они усиливаются, растутъ, и на нашихъ глазахъ этотъ могучій и непокорный титанъ сталъ заслонять собою Пушкина, котораго онъ. быть можетъ, выше по росту, хотя къ нему-то именно и не идетъ то, что Пушкинъ ставитъ себѣ въ заслугу въ „Памятникѣ“, — что онъ „чувства добрыя“ въ народѣ пробуждалъ. По даннымъ жизни и по поэзіи Лермонтова, воображеніе наше не можетъ его представить себѣ инымъ, какъ только непреклонно гордымъ, вѣчно мятежнымъ, презирающимъ людей и злословящимъ судьбу“.

Значительный интересъ представляетъ рѣчь В. Д. Спасовича, произнесенная имъ 3-го іюня 1890 года въ залѣ Дворянскаго собранія на IV международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ, по поводу исполнѣшагося столѣтія со дня смерти Джона Гарда.

Въ статьѣ „Новыя направленія въ наукѣ уголовного права“, которая была читана въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Музеѣ въ началѣ 1891 г., — г. Спасовичъ утверждаетъ: „несомнѣнно, что въ не очень продолжительномъ времени вся область уголовного права и процесса явится въ совсѣмъ отличномъ отъ настоящаго и до неузнаваемости новымъ видѣ“.

Далѣе въ 8-мъ томѣ напечатана рѣчь Владиміра Даниловича, произнесенная въ мартѣ 1894 года, на юбилей А. М. Скабичевскаго, извѣстнаго литератора и критика. „Я ему особенно признателенъ, — говорилъ ораторъ, — за его „Исторію новѣйшей русской литературы“ (1848—1890), безъ которой намъ пришлось бы блуждать по нашей современности и, какъ говорятъ, „изъ-за деревь не видѣть леса“.

За эту рѣчь слѣдуютъ: письмо къ редактору „Новостей“ отъ 22-го марта 1894 года, озаглавленное — „Памяти А. П. Платонова“, и рѣчь, сказанная г. Спасовичемъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря,

надъ могилою извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго Е. И. Утына.

Заканчивается этотъ послѣдній томъ большою, блестящимъ языкомъ написанною статью „Дружба Шиллера и Гёте“, состоящую изъ трехъ частей. Эта статья была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ (февраль—апрѣль 1894 г.).

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе 8-го тома сочиненій В. Д. Спасовича.

Н. Н-ш-ъ.

Достопримѣчательныя села Тульской губерніи. Выпускъ П. Село Гремячее-бывшій городъ-крѣпость государства Московскаго. Историческій очеркъ А. И. Миловидова. Тула. 1895 г., 82 стр. Цѣна 35 коп.

Въ небольшой брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали выше, А. И. Миловидовъ знакомитъ насъ съ исторіею одного изъ городовъ, которые, сыгравъ свою историческую роль, сошли со сцены и обратились въ простые села, сохранивъ свое старинное названіе.

По словамъ г. Миловидова, въ первый разъ городъ Гремячій упоминается въ разрядныхъ росписяхъ 1615 года, среди городовъ рязанскихъ. Созданный исключительно для военныхъ цѣлей, этотъ городъ съего деревяннымъ острогомъ и земляными валами, — первоначально былъ и по населенію, и по внутреннему устройству своему военнымъ, хотя данныя служилымъ людямъ помѣстья заставили ихъ заниматься земледѣліемъ и соединить военный свой бытъ съ земледѣльческимъ. По мѣрѣ того, какъ юго-восточная русская граница углублялась въ степь, уменьшалась опасность отъ набѣговъ, — терялось вмѣстѣ и значеніе Гремячаго какъ крѣпости, вслѣдствіе чего онъ первоначально обращается въ земледѣльческій, беззубый городъ, а затѣмъ — въ село съ нашими солдатами. Изучая его исторію, мы знакомимся съ цѣлою серіею подобныхъ городовъ-крѣпостей, которые, исполнивъ свое историческое назначеніе или обратились въ села, или совсѣмъ прекратили свое существованіе.

Н. Н-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1897 г.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ «Русской Старины», Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ А. Э. Цинзерлинга (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала «Русская Старина». Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія изданія журнала:

«Русская Старина» 1876 г., второе изд. (35 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1877 г., 12 книгъ (24 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1878 г., 12 книгъ (20 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1879 г., второе изд. (1 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1880 г., 12 книгъ (40 экз.), съ портретами, 8 руб.
«Русская Старина» 1881 г., 12 кн., изд. второе (13 экз.), съ портр., 9 руб.
«Русская Старина» 1884 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1885 г., 12 книгъ (38 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1888 г., 12 книгъ (45 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1889 г., 12 книгъ (206 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1890 г., 12 книгъ (144 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1891 г., 12 книгъ (25 экз.), съ портретами, 9 руб.
«Русская Старина» 1892 — 1896 гг., 12 книгъ, съ портретами, 9 руб.